

Капченко Николай Иванович
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ СТАЛИНА
Том III
(1939 — 1953)

ОТ АВТОРА

Капченко Николай Иванович (г.р. 1933)

В 1958 году окончил Московский государственный институт международных отношений. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук. На протяжении многих лет работал в области международной журналистики (длительное время заместителем главного редактора журнала «Международная жизнь»). Автор ряда монографий, брошюр и многих статей по проблемам истории внешней политики Советского Союза, России, Китая, а также истории и теории международных отношений. Можно сказать, что значительную часть своей творческой жизни посвятил изучению политической и государственной деятельности Сталина. В конце 2004 года выпустил первый том «Политической биографии Сталина». В конце 2006 года вышел в свет второй том трилогии «Политическая биография Сталина». Предлагаемый вниманию читателей третий, завершающий том является финалом большой и трудоемкой работы по освещению политической деятельности Сталина на протяжении всей его земной жизни. Автор не тешит себя надеждой, что история жизни Сталина изучена всесторонне и досконально. Многое еще осталось за кадром. Видимо, исчерпывающая биография вождя может быть создана не каким-либо одним автором. Она явится итогом исследовательской работы ряда специалистов различного профиля. Причем фигура такого деятеля, каким был Сталин, явно не втискивается в прокрустово ложе привычных понятий. Таков уж исторический формат этой личности и его место в отечественной и мировой истории.

Поставив финальную точку в третьем томе, я невольно задал себе сакраментальный вопрос: а удалось ли мне расшифровать так называемую загадку Сталина? И ответ мой однозначен – нет, не удалось. В каком-то ключе фигура Сталина стала для меня еще более загадочной и даже в чем-то мистической. Новые факты и подробности порой не проясняли историю его жизни, а делали еще более загадочной. Мне кажется, что только для

примитивно мыслящих людей Сталин не представляет собой своеобразную историческую загадку. В действительности же он весьма многосложен и многолик. Даже при интерпретации тех его действий и шагов, которые на первый взгляд выглядят предельно прозрачными и не допускающими различных мотиваций. Каждый может обнаружить в Сталине и его политике то, что ему или импонирует, или вызывает неприкрытое отторжение.

Впрочем, видимо, большинство фигур исторического масштаба прошлого в той или иной степени представляют для потомков загадку. И чем дальше идет время, тем загадочнее выглядят такие фигуры.

Читатель, возможно, удивится тому, что ряд аспектов политики Сталина подвергается в третьем томе, на первый взгляд, чрезмерно концентрированной критике. Но, во-первых, вся трехтомная политическая биография Сталина не мыслилась как некий свод дифирамбов в честь вождя. Во-вторых, критический анализ просчетов и грубейших ошибок Сталина отнюдь не преследует цель поставить под вопрос его поистине великие достижения и немеркнущие заслуги перед народами нашей страны, перед историей России. Интересы истины, правда истории диктуют необходимость и правомерность именно такого объективного подхода, где заслуги не заслоняли бы собой ошибок и грубейших просчетов, а последние, в свою очередь, не абсолютизировались и не затмевали то великое, что сделал для страны Сталин.

Заключительный том трилогии охватывает как самый звездный период всей жизни Сталина (немеркнущая в веках победа в Великой Отечественной войне), так и мрачные, заполненные репрессиями, страницы его политической биографии («ленинградское дело», «дело врачей» и т.д.). Здесь, как говорится, все смешалось в чрезвычайно пеструю и противоречивую картину.

Особое внимание уделено предвоенному этапу, когда разворачивалось политико-дипломатическое противоборство с Гитлером. На базе широкого круга документов автор доказывает, что заключение пакта Молотова – Риббентропа было выгодно Советской России и дало возможность выиграть время и пространство. Данное обстоятельство сыграло важную роль в достижении конечной победы над врагом. Широкими мазками раскрыта роль Сталина в обороне Москвы: то, что Верховный остался в осажденной столице, внушало людям уверенность в победе (вспоминаются строки поэта М. Исаковского «Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе!»). Сопоставляя различные точки зрения, я пытался хотя бы в главных чертах раскрыть роль Сталина как Верховного главнокомандующего. Особое внимание уделено тому, с какой, поистине бульдожьей, хваткой советский лидер отстаивал национально-государственные интересы нашей страны на международной арене. Здесь ему не было равных, и его партнеры по коалиции публично это признавали. Так что Сталин вошел в нашу историю и как великий дипломат.

В освещении послевоенного периода в эпицентре внимания автора находилась деятельность Сталина по возвышению национального могущества и мировой роли нашей страны. Достаточно подробно рассмотрены вопросы, связанные с противоборством двух систем в эпоху «холодной войны», концентрация усилий Сталина на превращении Советской России в ядерную державу, способную противостоять шантажу бывших союзников по коалиции.

Не остались вне поля внимания автора и масштабные идеологические кампании, проводившиеся Сталиным фактически на протяжении всего послевоенного периода. Они стали неотъемлемой чертой всей жизни советского общества, и жертвой этого молоха стали многие невинные люди.

В конце своей жизни Сталин фактически сам себя изолировал, отстранив наиболее верных ему сотрудников. В связи с вопросом о том, умер ли вождь естественной смертью или стал жертвой заговора, я излагаю обе версии, которые имеют право на существование. И все же ряд косвенных данных может служить основанием для вывода о том, что ему помогли умереть.

Мартиролог либерального идиотизма начинается не с той страницы истории, на которую приходится политическая деятельность Сталина. Он имеет гораздо более масштабную хронологию. Но в применении к общей оценке Сталина он проявляет себя каждый раз с особой силой. Силой не понимания, а силой отрицания. Едва ли есть резон в том, чтобы переубеждать тех, кто в чем-то убежден настолько, насколько это возможно. Ведь для многих перешагнуть через свои предубеждения гораздо труднее, чем изменить свои убеждения. Наше время в этом отношении являет собой нечто уникальное – убеждения меняются легче, чем перчатки. Больше того, поразительный пример являют собой те, кто, не придерживаясь вообще никаких убеждений, постоянно меняет даже их.

Завершая это слово от автора, хочу сказать следующее: в столь объемной работе неизбежны смысловые повторения, поскольку приходилось освещать ту или иную проблему под разными углами зрения. К сожалению, не удалось избежать и в некоторых случаях текстуальных повторений, что было обусловлено тем, что я выступал как бы в двух ипостасях – и автора, и редактора. Что, однако, не служит для меня оправданием, и я приношу извинения перед читателями.

В заключение хочу поделиться чисто личным чувством: труд был тяжелым и порой изнурительным, и я рад, что мне все-таки удалось его завершить. Какова ценность проделанной работы – судить уже не мне, а читателю.

Хочу также выразить сердечную благодарность моей жене Ван Шу и дочери Надежде Изотовой, которым я во многом обязан завершением моего труда.

ГЛАВА 1. СТРАТЕГИЯ СТАЛИНА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ: ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ

1. Несколько необходимых замечаний

В предшествующих двух томах мне представлялось не только уместным, но и крайне важным выделить тот или иной период в политической биографии Сталина, определив его роль и место в его деятельности. По мере того, как сама эта деятельность обретала все более масштабный характер и начала далеко выходить за рамки нашей страны, естественно, подобное выделение приобретало несколько условный характер. Поскольку все грани его разносторонней деятельности с каждым годом обретали, можно сказать, всеобщее значение. Делать акценты становилось занятием все более сложным, ибо выделять главное из событий, нараставших со стремительностью горного потока, порой казалось излишним, а попросту говоря, в каком-то смысле искусственным.

Но тем не менее годы, непосредственно предшествовавшие началу Великой Отечественной войны, и, разумеется, сама эта война, стали для Сталина временем самых серьезных и самых суровых испытаний. Испытаний, от которых в решающей мере зависели как судьба самого вождя, так и будущее страны. Этот период стал тяжелейшим и вместе с тем одним из самых блистательных и немеркнущих во веки веков во всей нашей истории. Особо следует подчеркнуть одну мысль – это был период испытаний, конечно, не только и не столько для Сталина как государственного деятеля и политика, но и для Советского государства в целом. Впрочем, последнее уточнение, возможно, и неуместно, ибо в это время Сталин и Советский Союз, Сталин и советский народ, вопреки всякого рода измышлениям, превратились в нечто неразрывно связанное, представляли собой единое целое, которое нельзя разъединить. Такая посылка, как свидетельствовал объективный ход событий, не выглядит искусственно сконструированной в угоду прославлению вождя. Она является обоснованной и подтверждается всей совокупностью фундаментальных фактов того времени, а не какими-либо отдельными примерами, которые можно подобрать для подтверждения чуть ли не любого утверждения. Ведь совершенно очевидно, что государственность представляет собой одну из самых главных и основных форм существования народов в истории всего человечества. Но сама государственность – не абстракция, обладающая определенными функциями и чертами. Качественной чертой ее выступает органическое единство как широких масс населения, так и той их части, которую представляет

руководство страны. Это, конечно, в идеале, поскольку на практике такого органического единства часто не наблюдаем. Но в критические моменты в истории каждой страны это единство становится едва ли не решающей предпосылкой преодоления обрушивающихся на страну бедствий и испытаний, будь то война или какой-нибудь серьезнейший кризис, ставящий под угрозу само государственное бытие народа. Как правило, военные испытания служат своего рода цементирующим элементом единства масс населения и руководителей. Поэтому, если говорить в самом обобщенном виде, сама идея противопоставления народа и руководства страны в военный период выглядит не очень серьезно. За этим скрывается или непонимание сущности самой проблемы – что случается часто, – или же сознательное, продиктованное определенными соображениями или политической конъюнктурой, искажение исторической картины.

Для любого мало-мальски мыслящего человека вполне ясно, что даже самый организованный народ – а таковым в тот период и был советский народ – без правильного и твердого, решительного, железного руководства, руководства (и не убоимся этого слова), доходящего до степени жесткости, а порой даже непримиримой жестокости, сам народ не способен одержать победу в годину тяжелейших испытаний. Только сочетание двух факторов – организованной поддержки народа и достойного руководства – и составляет непереносимое условие, можно сказать, служит фундаментом успеха.

Данные рассуждения могут кому-то показаться лукавым мудрствованием, не несущим в себе чего-либо определенного и позитивного. Однако в действительности за ними скрываются самые серьезные проблемы, непосредственно связанные с освещением политической биографии Сталина в рассматриваемый отрезок времени.

Если говорить конкретно, то по существу все противники Сталина базируются свои обвинения вождя на двух китах – на репрессиях и неподготовленности страны к войне, главным виновником которой якобы был именно Сталин. Сюда, разумеется, присовокупляются и многие другие факты и обстоятельства, которым дается превратное толкование. Но, повторяем, именно эти две ахиллесовы пяты в деятельности вождя фигурируют в арсенале критиков Сталина. Они составляют, так сказать, базисную основу любой антисталинской пропаганды.

Нет спора, в обеих этих сферах Сталиным были допущены серьезные ошибки, просчеты, граничащие порой с тем, что принято называть преступлениями. Однако объективная историческая оценка, конечный исторический вердикт должны строиться на скрупулезном учете всех фактов и обстоятельств. И здесь самое главное – не смотреть на прошлое и не судить о нем без учета реалий эпохи, конкретных обстоятельств, в которых приходилось действовать Сталину. Ретроспективный подход вполне правомерен для анализа той или иной ситуации, для рассмотрения вариантов различного рода действий в сложившихся тогда обстоятельствах. Но он

малопродуктивен для подлинной исторической оценки, поскольку в его основе как бы заложен элемент сослагательного наклонения. Но история – это не грамматика, и в ней сослагательное наклонение следует использовать крайне осторожно, отдавая отчет в том, что исторический ход событий был таким, каким он остался в жизни. Ведь нельзя же всерьез воспринимать довольно распространенный афоризм, что «история – это предвидение наоборот». История, хотя и не такая же точная наука, как, скажем, физика, химия и т.д., но тем не менее она все же наука, а не сумма выводов и оценок, которые даются отдельными представителями этой самой науки. Когда я писал последние слова, меня так и подмывало использовать выражение «этой якобы науки».

Но перейдем от абстрактных умствований к более конкретным вещам.

Если некоторые современные историки и публицисты либерально-демократического покроя склонны уничижительно писать о Сталине и его роли в войне, то главный противник вождя Гитлер придерживался прямо противоположной позиции. В дальнейшем я еще коснусь вопроса о том, как он оценивал Сталина, равно и вопроса о том, как сам Сталин оценивал Гитлера, поскольку это не только интересно с чисто психологической точки зрения, но и дает возможность глубже заглянуть в логику развивавшихся тогда событий. Так вот, начальник внешней разведки Главного управления безопасности Германии В. Шелленберг в своих мемуарах со ссылкой на своего непосредственного начальника Р. Гейдриха пишет, что Гитлер в середине июля 1941 года, когда он уже не сомневался в своей победе над Советской Россией, говоря о перспективах, «настаивал на скорейшем создании хорошо спланированной системы информации – такой системы, которой мог бы позавидовать даже НКВД: надежной, беспощадной и работающей круглосуточно, так, чтобы никто – никакой лидер, подобный Сталину, – не мог бы возвыситься, прикрываясь флагом подпольного движения, ни в какой части России. Такую личность, если она когда-либо появится, надлежит своевременно распознать и уничтожить. Он считает, что в своей массе русский народ не представляет никакой опасности. Он опасен только потому, что заключает в себе силу, позволяющую создать и развивать возможности, заложенные в характере таких личностей»¹.

Думается, что нет смысла комментировать данное высказывание. Из него явствует вполне определенно, что в сталинском руководстве фюрер усматривал самую серьезную опасность для себя не только во время войны, но и после ее гипотетического победного завершения. Конечно, хвалить Сталина устами Гитлера – не самая приятная вещь: она в чем-то кажется мне даже кощунственной. Однако суть не в эмоциональном подходе, а в подходе реалистическом, а то, как Гитлер оценивал своего смертельного врага, в

---

¹ В. Шелленберг. Лабиринт. М. 1991. С. 227.

определенной мере отражает какие-то стороны исторической панорамы тех лет.

Сошлюсь на свидетельство министра иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентропа, написавшего в тюрьме, в ожидании приговора Нюрнбергского трибунала, нечто вроде мемуаров. Разумеется, в них он стремился представить события и роль германских лидеров в ином свете, чем это было на самом деле. И все-таки его информация в какой-то степени может служить источником для определенных оценок и выводов. Самому министру иностранных дел, как и другим лицам из ближайшего окружения фюрера, Сталин казался своего рода мистической личностью². Но мистики в Сталине не было. Склонность фашистских лидеров всюду видеть что-либо мистическое проистекала из их сумасбродных теорий. Весьма примечательно, что Гитлер после поражения под Сталинградом счел возможным дать следующую характеристику Сталину. Как пишет Риббентроп, «в те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил – в присущей ему манере – о Сталине с большим восхищением. Он сказал: „на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941 – 1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин – это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии – грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, – историческая личность совершенно огромного масштаба“»³.

Возможно, я несколько переборщил по части цитирования фашистских заправил, особенно применительно к Сталину. Некоторые, прежде всего из либерального круга публицистов, могут из этих высказываний почерпнуть дополнительную аргументацию для шельмования советского лидера. Однако меня это не пугает, поскольку в данном случае даже такой закоренелый противник, каким был фюрер, вынужден был, хотя и в косвенной форме, признать в Сталине личность исторического масштаба, оказавшуюся способной организовать не только сопротивление германской агрессии, но и

---

² *Иоахим фон Риббентроп*. Мемуары нацистского дипломата. М. 1998. С. 186.

³ *Иоахим фон Риббентроп*. Мемуары нацистского дипломата. С. 265.

нанести хваленой немецкой армии ряд катастрофических поражений. Относительно замка, о котором говорил фюрер, то это уже можно с полным основанием отнести к разряду бредовых идей, по части которых с Гитлером мало кто мог соперничать. Что же касается его способности предвидеть, то достаточно вспомнить финал всей политической деятельности фюрера, чтобы по полной мерке оценить ее.

Было бы грубой примитивизацией всю проблему сводить к попыткам в тенденциозном свете представить деятельность Сталина в предвоенные и военные годы. Дело, конечно, не в одном Сталине, хотя и в нем тоже. Историки и политические пропагандисты горбачевского безвременья и постперестроечной поры, всячески разоблачая действительные и мнимые преступления и ошибки Сталина, преследовали и более масштабную цель. Она состояла и до сих пор состоит в том, чтобы заново переписать историю и по всем параметрам опорочить советский общественный строй – социализм. В нем они усматривают главную причину всех проблем, с которыми сталкивалась наша страна на протяжении многих десятилетий советской власти. Концентрируя удар против Сталина, они бьют одновременно по двум целям – по социализму как общественному строю и по Сталину как наиболее видному и авторитетному представителю и олицетворению этого строя. И это – отнюдь не какая-то историческая новация: любой победивший новый режим, как правило, всячески охаивает прежний, приписывая ему все, что только можно приписать, при этом переходя даже пределы элементарной логики и здравого смысла. Особенно тогда, когда новому режиму нечем похвастаться.

Так, историк В.М. Кулиш в одной из статей, полной противоречий и упрощений, пытаясь как-то свести концы с концами и совместить внутренне исключающие друг друга положения, писал: «В первый период войны потерпела поражение не только армия, но и вся административно-командная система. Она оказалась неспособной своевременно и гибко реагировать на развитие внутренней и международной обстановки, находить оптимальные решения и выбирать наиболее эффективные способы и средства ликвидации или нейтрализации возникающей для страны военной опасности. В ходе войны порочность этой системы была в значительной степени локализована, ее последствия устранены энтузиазмом и инициативой, доблестью и героизмом, потом и кровью советских людей, активизацией деятельности партийных организаций (областных, районных, низовых), органов Советской власти, общественных организаций.

Сталин и его преемники использовали свой метод освещения истории Великой Отечественной войны, победу в войне в целом для того, чтобы оправдать бюрократическую систему управления. Дело было представлено так, что жесткая централизация управления с присущими ей методами, включая и массовые репрессии, не подвела страну к грани катастрофы, а,

наоборот, якобы спасла ее от поражения и привела к победе»⁴.

Не будем полемизировать с покойным историком. Все было бы нормально, если бы подобная точка зрения ушла в небытие вместе с ее апологетом. Напротив, концепция, заложенная в приведенной выше цитате, не только не стала достоянием прошлого, но и обретает все более воинственную, а порой и просто маниакальную по своей напористости и тенденциозности направленность. Средства массовой информации, авторы исторических исследований, посвященных данной теме, не говоря уже о целых легионах разбойников пера и микрофона, денно и ночью вдалбливают в общественное сознание идею о том, что победа в Великой Отечественной войне была достигнута слишком высокой ценой и вовсе не благодаря существовавшему тогда общественному строю и его олицетворению – Сталину, а как раз вопреки всему этому.

Разумеется, эта фундаментальная мысль разными учеными и пропагандистами преподносится под различным соусом и с отнюдь не одинаковой научно-документальной аргументацией. Опубликовано немало работ, в которых солидные авторы, давая свою интерпретацию событиям тех лет, призывают взглянуть на события той эпохи с планетарных высот (а почему не с еще более масштабных – например, космических?). «Только при планетарном подходе можно восстановить поправленные сталинизмом профессионализм, честь и достоинство историка и гражданина, его ответственность перед обществом. Этот подход не означает равнодушия к добру и злу, отречения от принадлежности к той или иной социальной группе. Но он обязывает ученых всегда служить истине, даже если это и противоречит чьим-то сиюминутным интересам», – патетически пишут А. Мерцалов и Л. Мерцалова⁵.

В сущности, позицию, выраженную в данном высказывании, трудно оспорить. Однако одних клятв в приверженности истине и исторической правде, призывов внимать голосу совести и отличать добро от зла – всего этого недостаточно. По крайней мере, под мощной защитой провозглашенных этических норм цитировавшиеся выше авторы явно тенденциозно трактуют многие события тех лет и выносят беспелляционные вердикты. В приложении к историческому материалу их вердикты чем-то смахивают на приговоры суда инквизиции. Квинтэссенция их вердикта столь же проста, сколь и сурова: «Сталин оставил своим наследникам весьма слабую схему доводов, призванных скрыть ответственность за события 1941 г. и их последствия. Среди них – нарочитое подчеркивание „вероломства фашистов“; двусмысленное утверждение о внезапности

---

⁴ История и сталинизм. Сборник статей. М. 1991. С. 348.

⁵ А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М. 1998. С. 31.

нападения без указания его сути и виновников, ложные тезисы о военно-техническом превосходстве вермахта над Красной Армией в момент нападения, об использовании вермахтом уже 22 июня всего военно-экономического потенциала завоеванных стран; внешне правдоподобные положения об отмотилизованности вермахта и овладении им опытом современной войны, быстром поражении Франции и отсутствии второго фронта; фарисейские тезисы о „самоуспокоенности“, „благодущии“ народа и „недисциплинированных красноармейцах и командирах“, „перепуганных интеллигентиках“, „некомпетентности и измене генералов“; жалкие попытки создать некие конструкции о нациях „миролюбивых и агрессивных“, о контрнаступлении как панацее чуть ли не от всех военных бед и др.»⁶.

Не знаю, как у читателя, но у меня эта схема доводов, которую высмеивают авторы, почему-то не вызывает столь решительного отторжения. Возможно, в ней кое-что упрощено или преувеличено, но в своей основе она соответствует, на мой взгляд, тому, что мы имели в действительности. В дальнейшем, при конкретном рассмотрении затронутых проблем, мне представится возможность привести необходимые контраргументы. Сейчас я хотел бы привести мнение историка Ю. Полякова, которое, по моим, возможно, примитивным представлениям, кажется достаточно объективным, и его трудно опровергнуть, если не закрывать глаза на реальности той поры. «Без сталинского авторитета в то время, – писал он, – без жёсткой требовательности и дисциплины вряд ли удалось бы в условиях тяжелейших поражений, потерь, неудач удержать от развала государственную машину и всю страну. Это практическая сторона. Но есть и другая – психологическая. В военных условиях важен был Сталин как организатор, в руках которого сосредоточивались все бразды правления, а держал он их достаточно твёрдо»⁷.

Оставляя для дальнейшего более обстоятельного рассмотрения некоторые из принципиально важных моментов, касающихся прежде всего методологии подхода к оценке событий той поры, считаю необходимым хотя бы в самом конспективном виде затронуть еще одну важную проблему. От того, как интерпретировать ее, как применять при анализе того или иного события, в принципе зависит, по существу, все: и направленность выводов, и концепция самого автора. Иными словами, дух и характер всего исследования.

Речь идет о моральных аспектах, а говоря шире – о роли и месте морально-этических норм при подходе не столько к событиям, сколько к мотивам, которыми руководствовался Сталин в проведении своего

---

⁶ А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М. 1998. С. 238.

⁷ «Свободная мысль». 1994 г. №.11. С. 74.

внешнеполитического курса. Исследователи либерального толка на каждом шагу пытаются уличить Сталина в попрании элементарных норм морали, беззащитном цинизме, который стал будто бы определяющей чертой как его политического мышления, так и его конкретных внешнеполитических действий. Я специально выделяю сферу внешней политики, поскольку именно она в этот период находилась в эпицентре всей его деятельности. Что, однако, не равнозначно тому, будто внутренние проблемы отошли на задний план. Здесь нельзя допускать упрощения и искусственно отделять область его внешнеполитической деятельности от руководства всей советской политикой вообще.

Но неоспоримым фактом является то, что сфера международная обрела приоритетное значение в числе проблем, которыми ему пришлось в это время заниматься. Именно этот период стал тем периодом, когда он не только за кулисами, но и на открытой политической сцене начал проявлять себя в качестве государственного и политического деятеля первой величины. Именно тогда Сталин по-настоящему выявил и продемонстрировал свои качества деятеля мирового плана. В тогдашнем раскладе мировых политических фигур он выдвинулся на первый план. Его позиция по тому или иному международному вопросу начала играть одну из решающих ролей при решении крупных мировых проблем, прежде всего проблем войны и мира. Разумеется, его вес и роль в мировой политике определялись не его собственными личными качествами, а прежде всего возрастом экономического, политического, военного, научно-технического, культурного и иного потенциала страны. Хотя, следует добавить, личные черты и своеобразные особенности характера Сталина, бесспорно, наложили свою неизгладимую печать на то, как он выступал на мировой арене в роли одного из мировых лидеров. Не преувеличивая, можно с достаточным на то основанием утверждать, что именно в рассматриваемый период вождь фактически завершил формирование своей внешнеполитической концепции. Причем, следует уточнить, что в данном случае имеются в виду не какие-то теоретические формулировки или положения, а сам дух, реальное содержание этой концепции. К тому же сам термин – завершение формирования концепции – это скорее подведение какого-то промежуточного итога, а не финал всего процесса. Ибо внешнеполитические взгляды и установки вождя никогда не представляли собой свода законченных и неизменных формул. Они никогда не отличались статичностью, а находились в динамике развития вплоть до самой его смерти.

Во втором томе мне уже доводилось цитировать мысль Сталина о роли морали в политике, высказанную в марте 1939 года с трибуны XVIII съезда партии. По-моему, ее стоит напомнить, поскольку она выражает принципиальный подход советского лидера к данной проблеме. Итак, Сталин говорил: «Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об „измене, о предательстве“ и т.п. Наивно читать

мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые прожженные буржуазные дипломаты»⁸.

Современные критики Сталина, усматривающие во всей политике Сталина, как и в его целостной политической философии, небрежение к морали и нравственности, явно используют двойные стандарты, коль речь заходит о Сталине. В данном случае речь идет о соотношении морали и политики, а точнее, о том, всегда ли может политика реализма оставаться моральной. Это убедительно показал покойный ныне историк В. Кожин в своей хорошо аргументированной и отличающейся глубиной книге по истории Советской России. Позволю себе привести довольно обширный отрывок из его книги, который относится к рассматриваемому периоду.

«Мы не прочь, – сказал генсек в самом тесном кругу (Ворошилов, Молотов, генсек Исполкома Коминтерна Георгий Димитров), – чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран...». Ныне доктор исторических наук М.М. Наринский, цитируя эти суждения, комментирует: «Говоря о политике Советского Союза, Сталин **цинично** (выделено мною – В.К.) заметил: „Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались“».

Прежде всего следует внимательно вдуматься в эпитет «цинично», ибо по одной этой детали можно ясно понять существо нынешней «либеральной» историографии войны. В словах Сталина выражено типичнейшее и даже элементарнейшее отношение государственного деятеля какой-либо страны к войне, разразившейся между соперниками этой страны. Так, 23 июня 1941 года сенатор и будущий президент США Гарри Трумэн заявил не в узком кругу (как Сталин), а корреспонденту популярнейшей «Нью-Йорк Таймс»: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше!»⁹

Пусть читатель меня простит, но я не могу ограничиться приведенным выше пассажем. Для большей убедительности позволю сослаться также на мнение столь крупного и уважаемого не только на Западе политика, каким был У. Черчилль. Он в своих мемуарах посчитал необходимым также коснуться вопроса о месте и роли морали в политике. Его точку зрения современные российские либеральные исследователи едва ли рискнут поставить под сомнение, а тем более упрекать его в цинизме. (Ведь это же не Сталин!)

Итак, Черчилль писал: «Нагорная проповедь – последнее слово

---

⁸ *И.В. Сталин. Вопросы ленинизма. М. 1947. С. 572.*

⁹ *Вадим Кожин. Россия. Век XX. (1939 – 1964). М. 2002. С. 24 – 25.*

христианской этики. Все уважают квакеров. Однако министры принимают на себя ответственность за управление государствами на иных условиях.

Их первый долг – поддерживать такие отношения с другими государствами, чтобы избежать столкновений и войны и сторониться агрессии в какой бы то ни было форме, будь то в националистических или идеологических целях. Однако безопасность государства, жизнь и свобода сограждан, которым они обязаны своим положением, позволяют и требуют не отказываться от применения силы в качестве последнего средства или когда возникает окончательное и твердое убеждение в ее необходимости. Если обстоятельства этого требуют, нужно применить силу. А если это так, то силу нужно применить в наиболее благоприятных для этого условиях. Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть. Таковы мучительные дилеммы, с которыми человечество так часто сталкивалось на протяжении своей истории. Окончательный приговор в таких случаях может произнести только история в соответствии с фактами, которые были известны сторонам в момент события, а также с теми фактами, которые выяснились позже»¹⁰.

Если под углом зрения, высказанного Черчиллем, подойти к оценке предвоенной политики Сталина, то вряд ли здесь уместны такие громко звучащие эпитеты, как циничная, аморальная, преступная и т.п., которые всегда находятся в арсенале тенденциозных оценщиков Сталина, его внешнеполитических акций и его поведения в сфере международных отношений. В дальнейшем я специально остановлюсь на конкретных вопросах, стоявших в повестке дня мировой политики тех лет, по которым Сталин принимал те или иные решения.

Заранее хочу оговориться – было бы в корне неверно любые акции вождя в предвоенных условиях квалифицировать только в качестве единственно возможных, разумных и продиктованных реальной обстановкой той эпохи. В его действиях наличествуют не только продуманные на широкую историческую перспективу действия, но и серьезные ошибки как стратегического, так и тактического порядка. Впрочем, в политике, как и в жизни, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но в приложении к внешней политике ничегонеделание также относится к разряду ошибок самого серьезного плана. Особенно это касается ситуации предвоенной, когда требуется предпринимать действия самого широкого масштаба, от эффективности которых зачастую зависят судьбы не только самого политика, но и страны, руководимой им. С точки зрения этого критерия, Сталин, как показывают убедительные факты, не сидел сложа руки и не наблюдал пассивно, в какую сторону подует ветер истории. Он стремился вести государственный корабль таким курсом, чтобы ветер истории не только не

---

¹⁰ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1 – 2. М. 1991. С. 145 – 146.

мешал его продвижению к цели, но и всячески способствовал этому.

Кроме того, критикам Сталина нелишне будет не только помнить, но и справедливо оценивать некоторые самокритичные признания вождя. Правда, сделаны они уже после победы, но это не только не умаляет их значимости, но и придает им еще большую убедительность. Выступая 24 мая 1945 г. на приеме в честь командующих Красной Армии, он признал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 – 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом»¹¹.

Но и это самокритическое признание вождя подвергается всяческому осмеянию и извращениям. Рьяных критиков Сталина не устраивает не только сам временной момент признания им ошибок (как будто было допустимо и разумно развертывать кампанию самокритики во время войны, особенно в период наиболее серьезных поражений Красной Армии), но, по всей вероятности, то, что Верховный Главнокомандующий произнес здравицу в честь русского народа, выделив его среди всех остальных. Именно это приводит в состояние чуть ли не бешенства тех, кто в прославлении русского народа усматривает заискивание Сталина перед русским народом, а порой и даже попытку внести раскол в общенациональное единство народов, входивших в состав Советского Союза. Или, может быть, он выделил в качестве избранного совсем не тот народ, который следовало выделить?

Впрочем, оставим пока в покое разоблачителей так называемого тоталитаризма и его персонального воплощения – Сталина. В настоящем томе, как и в двух предыдущих, полемика с отдельными историками и публицистами, пишущими о Сталине и сталинском периоде правления, будет постоянным спутником авторского повествования. Эта полемика – не самоцель, она совершенно неизбежна, с моей точки зрения, для раскрытия подлинного облика вождя и событий тех лет. Следует добавить, что в своей полемике я во многом опираюсь на других авторов, которые с разной степенью обстоятельности и аргументированности уже подвергали критическому разбору соответствующие темы и эпизоды деятельности

---

¹¹ *И.В. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. 196 – 197.

Сталина. Так что я ни в коем случае не претендую здесь на роль какого-то первооткрывателя. Тем паче что литературу о Сталине можно уподобить могучей реке, которая буквально непрерывно и каждодневно пополняется все новыми и новыми источниками, питающими эту реку. И этот процесс едва ли в ближайшее время остановится, что убедительнее всяких слов свидетельствует о поистине глубоком интересе в обществе к данной исторической фигуре. Причем не только в нашей стране, но и за ее пределами, включая сюда прежде всего ведущие западные страны, в первую очередь США, Германию и Англию.

Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что отнюдь не полемика, как бы она ни была важна сама по себе, составляет стержень и содержание моей трилогии о Сталине. Она – всего лишь своего рода составной элемент общей литературной авторской конструкции, цель которой – дать, по возможности, максимально объективную и всестороннюю картину всей деятельности Сталина.

Но объем материала – и это видно, в частности, по всем главам третьего тома, – настолько огромен и разнообразен, что охватить (даже порой в схематической, конспективной форме) все стороны и нюансы политической биографии Сталина – задача, откровенно говоря, невыполнимая. В этом материале можно утонуть, как в бездонной проруби, или же оказаться в положении человека, который сам попадает в бурный поток событий, фактов и персонажей сталинской эпохи, и этот поток несет его. Обе эти опасности на каждом шагу подстерегали меня, и частенько я оказывался не в силах с ними совладать. Отсюда, видимо, и проистекают некоторые диспропорции в изложении материала, а порой и перебор по части цитирования источников или тех или иных авторов. Однако – не в качестве оправдания, а лишь как объяснение – скажу, что характер работы таков, что без обильного цитирования источников и литературы обойтись было невозможно. Любые авторские рассуждения, размышления и оценки не в состоянии заменить то, что можно назвать плотью самого исследования.

Считаю нелишним еще раз подчеркнуть, что, по существу, по каждому сколько-нибудь важному событию или эпизоду я высказываю свою точку зрения, приводя соответствующие аргументы. Конечно, и это абсолютно естественно, я не претендую на истинность и полную обоснованность своих оценок и выводов. Как говорится, дело читателя – делать собственные умозаключения. Но в целях большей объективности я стремился привести и сопоставить мнения разных авторов, поскольку такой метод приближает к поиску того, что условно можно назвать исторически достоверной картиной происходивших событий. Особенно это касается освещения международной проблематики.

Источников по международной проблематике гораздо больше, чем по внутренней. И это касается не только советской страны, но и других стран. Достоянием общественности стали самые обширные архивные и иные

документы, имеющие непосредственное отношение как к предпосылкам, так и к самому процессу вызревания военной опасности, закономерно вылившейся во всемирную бойню невиданных доселе масштабов. Здесь есть почти безграничное поле для сопоставления и оценок действий различных участников всей этой мировой игры, на кону которой стояли судьбы человечества. Это во многом облегчало задачу более полного и более объективного анализа событий, их оценки не с позиций сегодняшнего дня, а под углом зрения рассматриваемой эпохи.

Как ни пытались государства и правительства, лидеры стран и их высокопоставленные чиновники сохранить свои замыслы и даже действия в тайне, добиться этого было трудно, если, вообще говоря, возможно. Ведь ареной, на которой разворачивались все акты мировой драмы, был весь мир. Народы с самым пристальным вниманием, затаив дыхание, следили за развитием событий, от исхода которых зависели их настоящее и будущее. Часто они не были в состоянии оказать должного влияния на ход событий, участниками которых их сделала сама судьба. Но это касается лишь тех или иных процессов и событий. Общий же поток исторического процесса, в том числе и в ходе второй мировой войны, конечно же, определяли народы. Они сами творили свою историю, порой жестоко расплачиваясь за свои иллюзии и заблуждения.

На политической арене их представляли государственные и политические деятели. Вот почему иногда и формировалось превратное представление, что судьбы мира решаются руководителями тех или иных держав. Кстати говоря, никто иной, как Гитлер, постоянно разглагольствовал о том, что именно ему, лидеру «третьего рейха», выпала миссия коренного преобразования мира на началах «нового порядка». Это являлось основой всей его политической стратегии.

В противоположность ему Сталин исходил из диаметрально противоположной посылки: народы, в конечном счете, определяют свою судьбу, а роль их вождей состоит в том, чтобы верно уловить устремления народа, его дух и выстроить такую политическую стратегию, которая способствовала бы реализации народных устремлений. Если бы Сталин до войны и в ходе войны не уловил этот дух народа, он был бы обречен на полное фиаско. Это – факт фундаментального значения, который игнорируют те, кто противопоставляет Сталина народу и утверждает, что победил в войне народ, а не Сталин. Не будем здесь разводить воду на киселе. Сформулируем мысль предельно лаконично: победил народ, неоспоримым вождем которого был Верховный Главнокомандующий Сталин.

И, наконец, чтобы завершить данный раздел, хотелось бы со всей категоричностью выделить главную мысль, обоснованию и подтверждению которой посвящена первая глава тома. Цель и главный смысл внешнеполитической стратегии и тактики Сталина в два последних предвоенных года целиком и полностью определялись **стремлением**

выиграть время, чтобы лучше подготовить страну к неизбежному военному противостоянию с Германией и ее союзниками. Выигрыш времени выступал как залог будущей победы. Время же бежало неумолимо, уменьшаясь, как шагреновая кожа. Именно фактором борьбы за выигрыш времени определялись кажущиеся для прямолинейно мыслящих людей все повороты и зигзаги сталинской внешней политики, начиная с весны 1939 года до зловещего июня 1941 года.

Один из довольно компетентных биографов Сталина И. Дойчер верно уловил этот факт первостепенной важности, без учета которого трудно понять, а тем более достаточно убедительно объяснить поведение Сталина на внешнеполитической арене тех лет. В написанной им политической биографии Сталина мы читаем:

Сталин, подобно Александру I в период войны с Наполеоном, стремился к тому, чтобы сделать время своим главным союзником. «О том, что сам Сталин надеялся на передышку подобной продолжительности, свидетельствует почти каждый шаг, предпринятый им, до тех пор, пока Гитлер не рассеял все его иллюзии в июне 1941 года. То, что он мало верил в победу Гитлера, более чем определено. Теперь его цель состояла в том, чтобы сохранить состояние мира, и прежде всего выиграть время, и еще раз время, с тем, чтобы реализовать свои экономические планы, создать могущество России и потом бросить это могущество на весы, когда все другие воюющие страны будут находиться на последнем издыхании»¹².

И если в нарушение высказанного ранее скептицизма в отношении того, что «история – это предвидение наоборот», в качестве угла политического зрения взять метод ретроспективы, то мне представляется бесспорным, что Сталину, хотя и не в той мере, как ему хотелось, удалось выиграть время и оттянуть срок неотвратимой схватки с гитлеровской Германией. Это явилось главным достижением сталинской политики, достижением, явно перевешивающим многие издержки, сопряженные с борьбой за выигрыш времени. Ибо время в тот период играло большую роль, чем пространство. Впрочем, как мы скоро убедимся, Сталин боролся не только за выигрыш времени, но и за увеличение пространства. Последнее, в свою очередь, также могло быть – так и случилось на деле – трансформировано во время. Пространство и время были органически связаны друг с другом: расширяя пространство страны, Сталин тем самым выигрывал и время для укрепления способности страны выдержать натиск противника, мнившего себя не только покорителем Европы, но и будущим властителем мира.

2. Не оказаться между молотом и наковальней

---

¹² *Isaac Deutscher*. Stalin. L. 1966. p. 430.

Международная ситуация в конце 30-х годов напоминала собой проснувшийся вулкан, готовый исторгнуть из себя испепеляющую лаву невиданных размеров. Мир, фактически уже вступивший пока еще в локальные по своим масштабам конфликты, жил в ожидании чего-то более опасного, более катастрофического. Гнетущее ожидание неизвестности охватило народы многих стран. Естественно, что Советский Союз в такой ситуации также не мог чувствовать себя спокойно. Сталин, как политик, обладавший чрезвычайно развитым чувством предвидения, способностью заглянуть за горизонты текущих событий, прекрасно отдавал отчет во всей сложности и чрезвычайной опасности сложившегося положения в мире, и в особенности в Европе. В своем докладе на XVIII съезде партии он в достаточно реалистических, хотя и не в алармистских тонах, обрисовал мировую обстановку, расстановку сил и доминирующие устремления главных империалистических держав.

На мировой авансцене бал правила политика невмешательства, а точнее говоря, политика фактического поощрения агрессоров. Зловещая тень политического Мюнхена нависла над Европой. Если отбросить все экивоки и назвать вещи своими именами, то, в сущности, тогда вопрос стоял о том, чтобы канализировать агрессивные устремления Германии и ее союзников по Антикоминтерновскому пакту – Италии и Японии – против Советского Союза. Что касается так называемых западных демократий, то они, сами не помышляя о выступлении против Советского Союза, всячески давали понять, что Советская Россия с ее большевистским режимом приходится им не по душе и что, таким образом, СССР в определенном смысле должен оказаться в положении, называемом положением между молотом и наковальней. Французский исследователь Н. Верт, автор книги по советской истории, широко распространенной в нашей стране в ельцинский период в качестве учебника или учебного пособия для российских студентов, прямо писал: «К концу 1938 г. внешнеполитическое положение СССР казалось более хрупким, чем когда-либо, а вызывавшая опасения угроза создания единого „империалистического фронта“ была вполне реальной»¹³.

Для любого мало-мальски думающего политика никакого секрета не представляло то, что мюнхенское соглашение не было случайным, оно не могло восприниматься в качестве некоего доброго жеста Англии и Франции в сторону Германии, а тем более как попытка чуть-чуть сгладить роковые последствия Версальской системы. Это был своего рода аванс, даваемый Гитлеру в расчете на то, что он направит свои взоры в сторону Востока, т.е. против Советской России.

Это была не слишком тонкая политическая игра, чтобы ее нельзя было

---

¹³ Н. Верт . История Советского государства. М.1995. С. 288.

разгадать. Тем более, что наиболее прозорливые западноевропейские политики, как, например, У. Черчилль, с самого начала мюнхенского сговора открыто осудили сделку с Гитлером. При этом они указывали на неизбежные роковые последствия сделанного шага. Выступая в палате общин после подписания мюнхенских соглашений, У. Черчилль на всю страну заявил: «...Народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: „Тебя взвесили и нашли легковесным“. И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту свободы, вновь обретя могучим усилием девственное здоровье и воинственную энергию»¹⁴.

Трудно что-либо добавить к словам Черчилля. Это, действительно, было только начало расплаты – расплаты за близорукую политику, расплаты за стремление канализировать гитлеровскую агрессию против Советской России, за стремление оказаться в положении третьего радующегося. Ведь расчет был не просто наивным, но и коварным. Для Сталина вся эта мюнхенская стратегия попустительства агрессивным устремлениям Гитлера была ясна от начала до конца. Он следующим образом охарактеризовал ее: «...Некоторые политики и деятели прессы Европы и США... сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их „разочаровали“, так как вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше»¹⁵.

Стоя на почве фактов и реализма, нельзя не признать полную обоснованность и справедливость оценки, данной Сталиным. Особо следует подчеркнуть тот факт, что к тому времени вождь уже в значительной мере модифицировал, если не сказать сильнее, свой прежний преимущественно классовый подход к международным проблемам. Сама жизнь показала, что в столь сложном мире, каким он оказался в конце 30-х годов, однолинейные, исходящие в основном из классовых критериев, подходы к решению

---

¹⁴ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1 – 2. М. 1991. С. 149.

¹⁵ И.В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 572.

внешнеполитических задач, встававших перед страной, оказались явно ограниченными, а отнюдь не универсальными, как считалось прежде. В сферу мировой политики вторглись многие принципиально новые факторы, которые уже не укладывались в прокрустово ложе чисто классового подхода. Последнее, разумеется, отнюдь не означало, что классовый фактор вообще утратил свою роль и превратился в сугубо пропагандистскую фикцию.

Сталин преодолел узкоклассовые рамки анализа ключевых мировых проблем и совершил не то что переход на принципиально новые исходные позиции, но дополнил, а порой и полностью заменил классовые критерии геополитическими критериями. Последние оказались более емкими, больше отвечали реальностям международной жизни, давали возможность под широким углом зрения и с разных сторон подходить к решению стоявших задач. Разумеется, сталинская геополитика существенным образом отличалась от классической геополитики, у одного из разработчиков которой Хаусхофера германский фюрер позаимствовал многие идейки откровенно расистского толка. В сталинском понимании геополитика (хотя он сам и не применял этот термин, по крайней мере публично) предполагала объективный учет всех факторов международной жизни. Причем чисто классовые критерии не должны были заслонять, а тем более искажать реальное видение всей мировой панорамы, как она складывалась в тот или иной исторический отрезок времени. Признаком перехода от старых большевистских представлений может служить хотя бы тот факт, что Сталин фактически поставил под сомнение прежний постулат, согласно которому большая война может привести к революции в странах, вовлеченных в нее¹⁶.

Уже сама по себе эта ревизия большевистских постулатов о войне как локомотиве революционных взрывов может быть расценена как серьезный вклад вождя в творческую мысль нового большевизма, или сталинизма. Это говорит о том, что он в своей деятельности, будь то область теории или практики, не стоял на догматических позициях и, когда реалии жизни требовали отказа от устаревших или однолинейных положений, не колеблясь, шел на это. Излишне подчеркивать, что чем сложнее становилась мировая обстановка, тем больше требований она предъявляла к нему, тем больше она диктовала необходимость смелого пересмотра укоренившихся в среде большевиков взглядов. В дальнейшем, по ходу рассмотрения деятельности Сталина в области внешней политики и международных отношений, мы не раз будем иметь возможность убедиться в том, что он творчески применял геополитические подходы к решению самых сложных проблем. Это дает

---

¹⁶ Сталин выдвинул это положение в докладе на XVIII съезде партии, хотя и сформулировал его в чрезвычайно осторожной и деликатной форме, поскольку считал, что новые идеи и мысли следует внедрять в сформировавшееся годами общественное сознание постепенно. Ведь каждая новация, особенно та, о которой идет речь, некоторыми могла быть истолкована превратно и расценена как отход от революционных принципов.

основание в каком-то смысле считать его основоположником советской геополитики.

В свете сказанного совершенно неубедительны и тенденциозны упреки в адрес сталинской внешней политики того периода, исходящие от его критиков либерально-демократического покроя. Так, историк М. Семиряга в книге, специально посвященной исследованию сталинской внешней политики предвоенного периода, утверждал:

«Что же касается Советского государства, то к середине 30-х годов оно, хотя и не всегда последовательно, демонстрировало свое миролюбие и заинтересованность в мирном сосуществовании с капиталистическими странами. Однако набиравшие силу в эти годы террористические методы руководства во внутривнутриполитической жизни Советского Союза находили отражение и в его международной политике. Особый „сталинский“ почерк все более проявлялся во внешнеполитических шагах советского правительства. В принципиальном плане это выражалось прежде всего в том, что советское руководство давало одностороннюю оценку расстановки и соотношения политических сил в мире. Утверждалось, например, что в центре мировой политики стояла борьба двух систем – капиталистической и социалистической. Отсюда формулировался тезис о том, что СССР является крепостью, осажденной врагами, одиноким островком в бушующем океане империализма, который только и выжидает случая, чтобы смыть этот островок с лица земли. Из этого тезиса вытекал вывод, который настойчиво навязывался советскому народу Сталиным, чтобы оправдать его внутреннюю политику: необходимо усиливать эту крепость (т.е. сталинский режим) и всячески поддерживать закрытый характер советского общества»¹⁷.

М. Семиряга сознательно подменяет понятия, а точнее – пытается доказать, будто укрепление Советского государства, усиление его оборонной мощи, по существу, сводилось к усилению сталинского режима. Между тем, каждому должно быть ясно, что иного режима в нашей стране тогда не существовало и, как я уже показал во втором томе трилогии, смена Сталина на посту главного руководителя партии и страны в тех условиях, во-первых, практически была невероятной и невозможной, а во-вторых, из этого логически следует, что выступления против этого режима объективно означали и выступление против укрепления самого государства, его экономической и военной мощи, подрыв его позиций на мировой арене. Доведенная до своего логического конца мысль этого историка фактически сводилась к тому, что, мол, устранение вождя могло лишь укрепить мощь Советской России. На проблематике отношений народ – вождь я уже останавливался выше, и нет резона повторять сказанное. Добавлю лишь, что такая позиция М. Семиряги на деле лишь является повторением избитой

---

¹⁷ М. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. 1939 – 1941. М. 1992. С. 7.

троцкистской идеи о том, что мощь и авторитет нашей страны можно было усилить, лишь вступив на путь борьбы с существовавшим режимом. Троцкий тоже рисовал какие-то фантастические планы одновременной борьбы против фашизма и сталинского режима. Достаточно только сослаться на одну из его публикаций, относящихся к 1939 году, чтобы убедиться в полной абсурдности его анализа ситуации и вариантов возможного развития событий. «Нанося вооруженной рукой удары Гитлеру, большевики-ленинцы будут в то же время вести революционную пропаганду против Сталина, подготавливая его низвержение на следующем, возможно близком этапе... Такого рода „защита СССР“ будет, разумеется, как небо от земли, отличаться от официальной защиты, которая ведется ныне под лозунгом: „за родину, за Сталина!“ Наша защита СССР ведется под лозунгом: „за социализм, за международную революцию, против Сталина!“»¹⁸

Не остается ничего, кроме как подумать, что ненависть к Сталину лишила Троцкого элементарного здравого смысла, не говоря уже о присущей ему способности к блестящему по форме и нередко основательному политическому анализу.

Что за этим могло последовать – каждый поймет в силу своего разума. Лично для меня чем-то вроде аксиоматичной истины звучит следующее положение: нельзя укреплять государство, ведя борьбу против режима, который пользовался поддержкой абсолютно подавляющего большинства населения. А последний факт серьезный историк вряд ли способен поставить под сомнение. Во имя устранения Сталина пожертвовать судьбой страны – таков смысл подобного рода взглядов, если выразить их откровенно, а не под флером научной и псевдонаучной аргументации. Впрочем, когда речь идет об историках периода горбачевского безвременья и всего в целом периода, когда к власти пришли «демократы», апеллировать к их здравому смыслу и логике – вещь довольно наивная. В конце концов, не приговоры, вынесенные задним числом отдельными историками, а итоги и результаты реального развития Советской России в те годы – вот главный аргумент в защиту сталинской внешнеполитической стратегии. И если по вопросам внутренней политики, прежде всего по вопросу о репрессиях, критику Сталина во многом можно признать справедливой, хотя в чем-то и изрядно эмоционально окрашенной и зачастую тенденциозной, то по вопросам внешней политики такую заушательскую критику следует решительно отторгнуть. Ибо, выражаясь фигурально, с водой можно выплеснуть и ребенка. Сталин проводил свою стратегию в сфере международных отношений последовательно и целеустремленно. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, чего хотели в то время демократические державы Запада и чего хотел Гитлер, чего хотела японская военщина. Нашу

---

¹⁸ Л. Троцкий. «Германо-советский пакт и характер СССР». (Электронная версия.)

страну одни рассматривали в качестве куска добычи, другие – как пешку в большой политической игре, которую они вели. Однако, как говорится, вместо того, чтобы втравить Советскую Россию в войну, в которой Запад играл бы роль стороннего наблюдателя, а затем и вершителя судеб воюющих держав, он сам оказался вовлеченным в схватку, исход которой оказался счастливым для западных демократий главным образом благодаря Советской России. И не преувеличивая, можно сказать – благодаря тому режиму, который был в нашей стране и нашел в себе достаточно сил, чтобы выиграть войну, а не выступить в роли того, кто таскает каштаны из огня для других. Советской России под руководством Сталина удалось избежать участи державы, которую германский молот мог бы раздавить на демократической наковальне.

Конфликт в районе реки Халхин-Гол. Западное направление советской политики было, конечно, главным направлением. Однако отнюдь не второстепенное место занимало и восточное направление. Речь идет в данном случае о Японии и ее попытках прощупать крепость Советской России и, при возможности, отхватить от нее лакомые кусочки. На протяжении всего межвоенного периода сфера советско-японских отношений являла собой арену непрерывного противостояния, обретавшего самые различные формы. Я не стану здесь вдаваться в детали этих отношений, поскольку их рассмотрение выходит за рамки моей непосредственной задачи. Применительно к персонажу нашего повествования здесь важно отметить, что Сталин ни в коей мере не преуменьшал грозную опасность агрессии со стороны Японии. Он никогда не упускал случая, чтобы напомнить об этой опасности, и делал все возможное для укрепления восточных рубежей нашей страны. Надо ли говорить, что двойная угроза – с Запада и Востока – делала задачу обеспечения национальной безопасности страны, в первую очередь гарантию ее территориальной целостности, чрезвычайно сложной и весьма тяжелой для страны, которая только что покончила со своей вековой отсталостью и вступила на путь динамичного развития. Это была чрезвычайно сложная и самая важная задача.

Японская военщина на протяжении многих лет устраивала разного рода провокации как на суше, так и на море. Всякий раз эти провокации приводили к серьезному обострению двусторонних отношений. Во второй половине 30-х годов японские самураи активизировали свои агрессивные вылазки. В 1938 году имел место довольно серьезный вооруженный конфликт в районе озера Хасан. Тогда японцам был преподан чувствительный урок, хотя хасанский конфликт обнажил и ряд значительных недостатков нашей армии, серьезные изъяны в подготовке войск, организации их взаимодействия и т.д. Сталин внимательно следил за ходом конфликта и, как свидетельствуют источники, высказывал серьезные критические замечания в адрес военного руководства. Однако изжитие недостатков в таком огромном и сложном механизме, как армия, – дело не

нескольких дней и даже месяцев. На это уходит много времени в зависимости от сопутствующих причин. Широко известно, что вождь был недоволен действиями маршала В. Блюхера, осуществлявшего общее руководство боевыми операциями в районе озера Хасан. Может быть, это недовольство и послужило одной из причин последовавшей вскоре расправы над некогда легендарным героем Гражданской войны. Но устранение отдельных лиц командного состава отнюдь не могло быть панацеей и средством повышения боеготовности. Нужны были более масштабные и более глубокие коррективы в политике в военной сфере, чтобы в дальнейшем избежать серьезных просчетов в ведении боевых действий. А что таковые уже маячили на горизонте, сомневаться не приходилось, что и подтвердил военный конфликт с Японией в районе реки Халхин-Гол.

Общая картина развития халхингольского конфликта выглядела следующим образом. В районе реки Халхин-Гол на территории МНР в мае – сентябре 1939 г. происходили бои между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками во время вооруженного конфликта, развязанного японскими милитаристами с целью захватить часть территории МНР. 11 и 14 мая японское командование осуществило вооруженные провокации на границе с МНР небольшими группами японо-маньчжурских войск, а 28 мая силой около 2500 чел. при поддержке артиллерии и авиации. Однако каждый раз монгольские и советские войска, находившиеся в МНР в соответствии с договором о взаимной помощи, отбрасывали захватчиков на маньчжурскую территорию. К концу июня японское командование подтянуло к границам МНР крупную группировку войск, насчитывавшую 38 тыс. чел., 310 орудий, 135 танков, 225 самолётов, с целью окружить и уничтожить советско-монгольские войска на восточном берегу реки Халхин-Гол. Советско-монгольские войска, в командование которыми вступил комкор Г.К. Жуков¹⁹, занимавшие оборону на восточном берегу реки, значительно уступали в численности и вооружениях японским войскам. Используя численное превосходство, японские войска перешли в наступление, в ночь на 3 июля форсировали реку Халхин-Гол, создав угрозу окружения советско-монгольских войска. Оказывая упорное сопротивление, советско-монгольские войска ударами с трёх направлений контратаковали переправившегося

---

¹⁹ Назначение Г.К. Жукова произошло не по прямой инициативе Сталина, однако, как можно судить по воспоминаниям самого Жукова, а также по другим документам и материалам, вождь санкционировал этот акт. Сталин, безусловно, прежде чем дать свое согласие на такое назначение, навел справки о кандидате на пост командующего, справился о нем у наркома обороны и у других лиц, знавших Жукова как способного и решительного командира. Данное назначение сыграло поворотную роль в военной карьере будущего маршала и стало стартовой площадкой для его стремительного роста. В известном смысле можно сказать, что Сталин явился главным патроном Жукова, что свидетельствовало о его умении разбираться в людях и выдвигать наиболее достойных. Для руководителя государства данное качество имеет первостепенное значение.

противника и после ожесточённых боёв 4 – 5 июля отбросили врага на восточный берег и захватили на нём плацдармы.

В начале августа японское командование приступило к подготовке нового наступления. Сосредоточенные на захваченной части территории Монголии японо-маньчжурские войска были сведены в 6-ю армию, насчитывавшую около 57 тыс. чел., 498 танков, 385 бронемашин, 542 орудия и миномёта, 515 самолётов. Но были наращены и советские войска, подброшены новые соединения, авиация, танки, артиллерия и т.д. 20 августа 1939 г. советско-монгольские войска перешли в наступление и после упорных боёв окружили основные силы 6-й японской армии. 24 – 25 августа велись ожесточенные бои по расчленению и уничтожению советскими войсками окружённой и основательно потрепанной японской группировки. 31 августа 1939 г. территория МНР была полностью очищена от противника. В ходе воздушных боёв советская авиация нанесла тяжёлое поражение японской авиации. Всего с мая по сентябрь потери японских войск составили около 61 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными, потери советско-монгольских войск – свыше 18,5 тыс. чел. Япония обратилась к Советскому правительству с просьбой о перемирии, и 16 сентября боевые действия были прекращены²⁰.

Уроки событий на Халхин-Голе далеко вышли за рамки чисто локального конфликта. По мнению большинства исследователей, именно это серьёзное поражение заставило японские правящие круги, в том числе и военное руководство, радикально пересмотреть свои прежние представления о Красной Армии. В Токио сделали реалистические выводы, и эти выводы в значительной мере повлияли на то, что Япония не решилась присоединиться к Германии, когда та осуществила нападение на нашу страну. Конечно, в занятии такой выжидательной позиции сыграли роль и другие факторы и соображения, но бесспорно одно – урок Халхин-Гола сыграл весьма существенную роль в дальнейшем развитии ситуации в советско-японских отношениях.

Поражение Японии серьёзно повлияло на внешнеполитические позиции Токио, нанесло известный ущерб международному престижу Страны восходящего солнца. Нельзя также не принимать в расчет и еще одно обстоятельство – урок, преподнесенный летом 1939 года, стал большой морально-политической поддержкой борьбы китайского народа в его борьбе сопротивления японской агрессии.

Наконец, следует отметить, что победа на Халхин-Голе убедительно и на фактах показала, что расширению агрессии можно давать достойный отпор и агрессивные государства отнюдь не являются неуязвимыми. Более того, им можно наносить серьёзные поражения, что в глазах мировой общественности вызвало прилив уверенности. Авторитет Советской России

---

²⁰ БСЭ (издание третье). Т. 28. С. 176.

возрос.

Весьма поучительными и полезными были уроки халхингольских событий и с чисто военной точки зрения. Наши войска получили значительный опыт, особенно по использованию танков и авиации и взаимодействию пехотных соединений с другими военными соединениями. Были в критическом плане проанализированы и слабости, и недостатки наших действий в военном плане.

Г. Жуков в книге своих воспоминаний достаточно подробно описывает свою первую встречу со Сталиным и то, какой огромный интерес он проявлял ко всему тому, что было связано со сражениями с японской военщиной. Вождь в первую очередь поинтересовался оценкой Жуковым боевых возможностей японской армии, но особое внимание обратил на то, как действовали наши войска. В своих воспоминаниях маршал писал:

«Я пристально наблюдал за И.В. Сталиным, и мне казалось, что и он с интересом слушает меня. Я продолжал:

– Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта. Думаю, что и японская сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии»²¹.

Завершая рассказ о первых впечатлениях, произведенных на него Сталиным, Жуков дал следующую лаконичную, но тем не менее емкую оценку. «Внешность И.В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление»²².

В распоряжении историков имеется материал, показывающий, как лично Сталин оценивал события, связанные с конфликтом. Во время советско-германских переговоров в Москве в сентябре 1939 года он говорил: «...В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и попросил

---

²¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1974. С. 191.

²² Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1974. С. 192.

В примечании я хотел бы сказать пару слов о том, почему я использую первое, прижизненное издание воспоминаний Жукова. Изданные в перестроечные и постперестроечные времена воспоминания Жукова дополнены изъятими в первом издании пассажами, касающимися критических оценок Сталина и ряда эпизодов, связанных с этим. Я не хочу ставить под сомнение их достоверность, однако, полагаю, что эти дополнения были сознательно ориентированы в строго определенном – антисталинском – направлении. Ими, разумеется, можно пользоваться как источником, не забывая при этом, что в последующих изданиях воспоминаний маршала содержатся его якобы ссылки на публикации, появившиеся после его смерти. Последнее обстоятельство заставляет задумываться: а все ли новые пассажи принадлежат перу именно Жукова? Может быть, мы имеем дело со своего рода новым вариантом демократического Главлита. Естественно, со знаком наоборот.

перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию.

После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались»²³.

Английский биограф Сталина М. Хайд, ссылаясь на немецкие источники, правда, несколько путая даты, пишет, что Сталин во время переговоров с Риббентропом заявил: «Это единственный язык, который эти азиаты понимают. Ведь я тоже азиат, и я это знаю»²⁴.

Сталин явно бравировал, причисляя себя к азиатам. Видимо, он хотел тем самым показать, что обладает осторожностью и его, как азиата, трудно провести. Но это так, к слову, поскольку вопрос о том, считал ли он себя азиатом в действительности, едва ли получит удовлетворительный ответ, поскольку на него вождь уже ответить не сможет. Но что, на мой взгляд, заслуживает упоминания, так это определенное негативное последствие победы в далекой Монголии. Видимо, довольно успешные действия наших войск несколько вскружили голову вождю, и он на какое-то время утратил способность трезво и без преувеличений оценивать истинную боеготовность Красной Армии. Победы, как известно, кружат головы не только генералам, но и политикам, всегда стремящимся военный успех трансформировать также и в политические дивиденды. А генсек как раз и отличался в этой сфере особым умением и особыми талантами. Видимо, не лишено основания предположение, что халхингольская победа обратилась своего рода бумерангом против нашей армии и верховного лидера государства. Косвенным признаком может служить факт чрезвычайно многочисленных награждений военнослужащих, в том числе обильная раздача высших воинских наград и т.д. Конечно, такая мера преследовала цель повысить роль и авторитет армии, вселить в общество уверенность в силе и мощи армии и тем самым повысить боевой дух самой армии. Задним числом становится очевидным, что, несмотря на всю значимость и важность победы над самураями, эта победа кое-кому вскружила голову и способствовала еще большему шапкозакидательству. А этот порок наносил неоспоримый вред усилению обороноспособности государства.

---

²³ «Отечественные записки». Выпуск № 48. 2004 г. С. 5.

²⁴ *H. Montgomery Hyde*. Stalin. A History of a Dictator. L. 1971. p. 399.

3. Последняя попытка

Оправным пунктом для освещения вопроса об англо-франко-советских переговорах о принятии реальных мер для противодействия набравшей силу политике агрессии со стороны Германии я бы выбрал следующую принципиальную оценку, данную У. Черчиллем. Он писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: „Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею“, или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла. 4 мая я комментировал положение следующим образом: „Самое главное – нельзя терять времени. Прошло уже десять или двенадцать дней с тех пор, как было сделано русское предложение, английский народ, который, пожертвовав достойным, глубоко укоренившимся обычаем, принял теперь принцип воинской повинности, имеет право совместно с Французской Республикой призвать Польшу не ставить препятствий на пути к достижению общей цели. Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства – Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь. Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще может существовать возможность сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против нового преступления или вторжения“»²⁵.

Полагаю, что точка зрения такой авторитетной в данном случае фигуры, как У. Черчилль, заслуживает большего доверия, чем многочисленные писания историков и публицистов нашего времени. Действительно, без всяких оговорок он подчеркнул, что Сталин пошел бы на союз с западными демократическими державами, если бы они проявили сами такую же готовность. Начатые в апреле 1939 года по предложению Англии и Франции переговоры в Москве призваны были выработать условия такого союза для противодействия гитлеровской экспансии. Уже сам факт совместного предложения Англии и Франции о переговорах с Москвой достаточно явно свидетельствовал о том, что настроения общественного мнения в этих странах, а также в других государствах Европы, которые ощущали себя

---

²⁵ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1 – 2. С. 165.

будущими очередными жертвами гитлеровской агрессии, претерпели серьезные изменения. Об этих переменах докладывал в мае 1939 года в Москву полпред СССР во Франции Суриц. Вскрывая подоплеку перемен, которые стали проглядывать в позиции официальных властей западных демократий, он сообщал:

«Положение этих людей, это надо признать, не из легких. В течение ряда лет они лелеяли надежду, что очередными уступками то одному, то другому диктатору удастся отвести от себя угрозу и даже, больше того, освободиться раз навсегда от призрака красной опасности, а сейчас приходится расписаться в банкротстве всех этих расчетов и даже идти на поклон к источнику этой „красной опасности“. Организовать сопротивление без Москвы невозможно. Это сейчас понимает любой обыватель, а заключить союз с СССР боязно. Заключить такой союз – это значит нанести смертельный удар фашизму, с которым связывалось столько надежд, это значит открыто расписаться в могуществе страны, строящей социализм. Одна такая мысль заставляет морщиться Чемберлена и ему подобных господ»²⁶.

Конечно, подобные донесения шли со всех сторон, и Сталин счел необходимым использовать наметившиеся изменения в общественных настроениях, чтобы сдвинуть, наконец, с мертвой точки вопрос о реальном противодействии политике агрессивных государств, прежде всего Германии. Его точку зрения озвучил на сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов. Я позволю себе процитировать некоторые из наиболее значимых пассажей из его доклада, сделанного 31 мая 1939 г. Охарактеризовав в общих чертах суть политики как стран, входивших в фашистский блок, так и демократических государств Европы, он заявил: «Позиция Советского Союза в оценке текущих событий международной жизни отличается от позиции той и другой стороны. Она, как каждому понятно, ни в каком случае не может быть заподозрена в каком-либо сочувствии агрессорам. Она чужда также всякому замазыванию действительно ухудшившегося международного положения. Для нас ясно, что попыткам скрыть от общественного мнения действительные изменения, происшедшие в международном положении, необходимо противопоставить факты. Тогда станет очевидным, что „успокоительные“ речи и статьи нужны только тем, кто не хочет мешать дальнейшему развитию агрессии в надежде направить агрессию, так сказать, по более или менее „приемлемому“ направлению»²⁷. Тогдашний глава Советского правительства отметил ряд признаков того, что в демократических странах Европы все больше приходят к сознанию провала политики невмешательства, приходят к сознанию

---

²⁶ Министерство Иностранных дел СССР. Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. М. 1989. Т. 1. С. 507.

²⁷ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 523.

необходимости более серьезных поисков мер и путей для создания единого фронта миролюбивых держав против агрессии.

Молотов мотивировал согласие Москвы на ведение переговоров (которые уже шли в Москве) и подчеркнул, что одной из характерных черт последнего периода следует признать стремление неагрессивных европейских держав привлечь СССР к сотрудничеству в деле противодействия агрессии. Понятно, что это стремление заслуживает внимания. Исходя из этого, Советское правительство приняло предложение Англии и Франции о переговорах, имеющих целью укрепить политические отношения между СССР, Англией и Францией и наладить фронт мира против дальнейшего развития агрессии²⁸.

Вместе с тем – и это важно отметить – Молотов заявил, что, ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия²⁹. Это был явный намек на то, чтобы западные демократии не возомнили, будто Москва у них в руках и они могут делать все, что им заблагорассудится. Иначе говоря, это был призыв к тому, чтобы Лондон и Париж всерьез отнеслись к тройственным переговорам, поскольку в противном случае у Советской России не останется иного выбора, как улучшить отношения с Германией, чтобы не оказаться в полной изоляции.

Таким образом, видно, что подлинная позиция Сталина не была позицией пассивного участника переговоров, которые фактически топтались на месте. С целью придать импульс переговорам и направить их в русло практических дел, а не пустопорожних высокопарных разглагольствований о необходимости организовать отпор действиям агрессивных государств, под непосредственным руководством Сталина были сформулированы следующие предложения Москвы.

«Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы, по крайней мере, три условия:

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии.

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию.

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без него (без такого соглашения) пакты

---

²⁸ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 525 – 526.

²⁹ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 527.

взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией»³⁰.

Актуальность советских предложений была более чем очевидной. Над Европой все больше сгущались грозовые тучи войны. Тогда еще не было известно, что еще 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил план «Вайс» – директиву о подготовке нападения на Польшу. Этот план предусматривал «уничтожение военной мощи Польши и создание на Востоке обстановки, соответствующей потребностям обороны страны. Вольный город Данциг будет объявлен германской территорией сразу же после начала конфликта...

После начала войны изоляция Польши может быть осуществлена в еще большей степени, если удастся начать военные действия нанесением неожиданных сильных ударов и добиться быстрых успехов...

Задачей германских вооруженных сил является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого желательно и необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок, в день, предшествующий нападению»³¹.

Над Польшей фактически нависла угроза уничтожения ее как суверенного государства. Причем эта угроза носила не какой-то там мифический характер предполагаемого очередного раздела Польши, а была конкретным планом уничтожения польского государства и захвата ее Германией. Но польские правящие круги, ослепленные ненавистью к России и большевистскому режиму (в данном случае между этими двумя понятиями можно провести не просто параллель, но и прямое тождество), решительно и категорически противились принятию условий, в соответствии с которыми войска Советской России получали право вступать на территорию Польши для отражения германской агрессии. Не могли же они вступить в соприкосновение с войсками гитлеровской Германии, минуя польскую территорию, по мифическому воздушному мосту! Но тогдашних правителей Речи Посполитой организация реального противодействия германской угрозе, видимо, мало или почти совсем не беспокоила. Их тревожили совсем иные соображения, и это видно из следующего дипломатического документа, не вызывающего ни капли подозрения в смысле его достоверности.

Приведем текст этого документа, ибо он со всей обнаженностью раскрывает позицию польского правительства.

«Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта министерству иностранных дел Германии
18 апреля 1939 г.

---

³⁰ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 459.

³¹ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 376.

Советник польского посольства, которого я встретил сегодня на одном из общественных мероприятий, сказал, что как Польша, так и Румыния постоянно отказываются принять любое предложение Советской России об оказании помощи. Германия, сказал советник, может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России, будь то военнослужащие сухопутных войск или военно-воздушных сил. Тем самым положен конец всем домыслам, в которых утверждалось о предоставлении аэродромов в качестве базы для военно-воздушных операций Советской России против Германии. То же самое относится и к Румынии... Польша тем самым вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма»³².

Приведем еще один документ. Польский посол в Вашингтоне имел беседу с видным американским дипломатом и политическим деятелем У. Буллитом в ноябре 1938 года и доносил в Варшаву: Буллит полагает, что «для полного вооружения демократическим странам абсолютно необходимо еще два года. В этот промежуток времени Германия, как можно предположить, приступит к дальнейшему осуществлению своей экспансии в восточном направлении. Желанием демократических государств было бы, чтобы там, на Востоке, дело дошло до военного конфликта Германского рейха и России. Поскольку потенциал Советского Союза до сих пор еще неизвестен, может случиться так, что Германия слишком удалится от своей базы и окажется обреченной на затяжную и ослабляющую ее войну. Только тогда, по мнению Буллита, демократические государства атаковали бы Германию и заставили ее капитулировать»³³.

В свете приведенных выше документов какими-то бледными и весьма сомнительными выглядят рассуждения некоторых российских публицистов наших дней о том, что Польша якобы неизменно стремилась к проведению политики «равновесия» между двумя своими могущественными соседями. Заявляют при этом, что самым лаконичным выражением такого курса был девиз «Ни на шаг ближе к Берлину, чем к Москве». Мол, этот девиз стал своего рода непреложным принципом польской внешней политики, действовавшим вплоть до 1939 года. Утверждается далее, будто Сталин исходил из посылки, что Польша поддается нажиму Гитлера и раньше или позже будет вынуждена пойти на сотрудничество против СССР³⁴.

В свете дальнейшего развития событий подобная аргументация не выдерживает серьезной критики. Польские правители не могли не видеть

---

³² Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 389 – 390.

³³ *Иоахим фон Риббентроп*. Мемуары нацистского дипломата. С. 310.

³⁴ «Независимая газета». 24 января 2005 г.

(даже закрывая глаза на все), что гитлеровская Германия стремится отнюдь не к тому, чтобы привлечь Польшу на свою сторону в качестве возможного союзника в противостоянии с СССР. Ее целью было одно – завоевание Польши, а отнюдь не превращение ее в своего союзника. Стародавняя неприязнь по отношению к России выступала в качестве движущей силы польской внешней политики. Другой ее важной составляющей была ставка на западные демократии, которые, мол, обеспечат своими гарантиями безопасность страны от угроз как с Запада (Германия), так и с Востока (Советская Россия). Но польские высокопоставленные паны обманулись в своих надеждах, а скорее сказать, в наивных иллюзиях. Если Москва видела в существовании независимой Польши, которая проводила бы, если не дружественную, то, по крайней мере, не враждебную линию в отношении СССР, серьезную преграду для нападения гитлеровской Германии непосредственно на Советский Союз (Польша была как бы защитным буфером), то фашистская Германия рассматривала Польшу и как объект добычи, и как удобный плацдарм для агрессии против Советской России.

Ко всему этому надо добавить, что Сталин не видел и не мог не видеть в Польше потенциального, а тем более ценного союзника на случай войны с Гитлером. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения Я. Грея, который в своей книге о Сталине писал: «...Первая забота Сталина в это время состояла в обеспечении безопасности границ России. Направление германского наступления было ясным – через северную Балтику и с учетом польской податливости в отношении Германии – центральный путь в Россию был открыт... Сталин отдавал себе отчет в том, что накопившаяся за столетия враждебность поляков по отношению к России делает их наиболее опасными соседями»³⁵.

Элементарный анализ, основанный на имевшихся тогда в распоряжении польских руководителей объективных фактах, казалось, мог бы подтолкнуть Варшаву к принятию верного решения. Однако ненависть к России застилала им глаза. Надежды же на союзников также были довольно проблематичными, чему должен был послужить урок с Чехословакией. Но, как говорится, они получили то, к чему сами подталкивали свою страну. И задним числом с помощью любых аргументов невозможно оправдать политический курс польского руководства, которое в какой-то степени само обрекло страну на ее печальную участь.

Что же касается западных демократий, то они, ведя переговоры с Советским Союзом, фактически вели лишь большую игру. Здесь мне хочется привести точку зрения российского историка А.С. Якушевского, которая вполне мне импонирует, поскольку отражает реальные факты, а не новейшие фальсификации и тенденциозные интерпретации событий тех лет.

---

³⁵ Ian Grey . Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982. p. 298.

Вот что он писал: «В противоположность Советскому Союзу правительства Англии и Франции на переговорах в Москве действовали неискренне, вели двойную игру. Ни Лондон, ни Париж не хотели установления равноправных союзнических отношений с СССР, так как полагали, что это приведет к усилению социалистического государства. Их враждебность к нему осталась прежней. Согласие на переговоры было лишь тактическим шагом, но не отвечало сути политики западных держав. От увещевания и поощрения фашистской Германии уступками они перешли к ее запугиванию, стремясь заставить Германию пойти на соглашение с западными державами. Поэтому на переговорах с СССР Англия и Франция предлагали такие варианты соглашений, которые бы лишь поставили Советский Союз под удар, а их обязательствами по отношению к СССР не связывали. В то же время они старались обеспечить себе его поддержку на тот случай, если Германия вопреки их желаниям двинется сначала не на восток, а на запад. Все это свидетельствовало о стремлении Англии и Франции поставить Советский Союз в неравное, унижительное положение, об их нежелании заключить с СССР договор, который бы отвечал принципам взаимности и равенства обязательств. Провал переговоров был предопределен позицией, занятой правительствами западных стран. „Британское правительство, – говорилось в утвержденной на заседании комитета имперской обороны Англии 2 августа 1939 г. инструкции для делегации на переговорах, – не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками“, „вести переговоры весьма медленно“, „соблюдать осторожность“, „не вести переговоры по вопросу обороны Прибалтийских государств...“. Фактически это была рекомендация не на заключение военного соглашения с Советским Союзом, а на его срыв, к чему она и привела. Министр иностранных дел Англии Э. Галифакс, зная об отсутствии полномочий на заключение каких-либо важных соглашений у главы британской делегации адмирала Р. Дракса, со скрытым удовлетворением говорил своим коллегам по кабинету: „Военные переговоры будут тянуться бесконечно, тем самым мы выиграем время и наилучшим образом выйдем из трудного положения, в которое мы попали“»³⁶.

В конечном счете, абсолютно прав английский историк Р.Дж. Оври, когда в своем исследовании о происхождении второй мировой войны писал: «глубокая неприязнь и недоверие к коммунизму определяли действия

---

³⁶ Страницы истории советского общества. Люди, факты, проблемы. Сборник статей. М. 1989. С. 259.

западных держав»³⁷.

Не вдаваясь в излишние детали, следует подчеркнуть, что как состав представителей Англии и Франции (главами обеих делегаций были фигуры второстепенного плана, к тому же не облеченные необходимыми для подписания столь важного соглашения полномочиями), так и ход самих переговоров со всей очевидностью обнажили их бесплодность и, даже можно сказать, бесполезность. Полезными они оказались лишь в том плане, что еще раз убедили Сталина в полном отсутствии желания западных демократий принять реальные меры для обуздания усиливавшихся агрессивных appetитов германского фюрера. Их позиция, если ее определять лапидарно, состояла в том, что все реальные обязательства должен был брать на себя Советский Союз, в то время как Англия и Франция, по существу, не только оставляли себе свободу действий, но и хотели находиться в положении, когда они могли бы диктовать Советской России линию ее поведения в случае возникновения военного конфликта.

По поручению Сталина советская делегация была сформирована на уровне, вполне соответствовавшем важности обсуждавшихся проблем. Ее возглавлял нарком обороны К. Ворошилов, в нее входили высшие компетентные военные деятели Красной Армии. Москва выдвинула конкретные предложения, в которых были прописаны все детали возможных действий с ее стороны в случае начала гитлеровской агрессии. СССР предложил ряд вариантов развертывания советских вооруженных сил на западных границах в случае угрозы нападения на Польшу. Численно: 70% от выделенных союзниками сил, в частности, 56 пехотных дивизий, 6 кавалерийских дивизий, 85.000 – 90.000 средних и тяжелых орудий, 3.300 танков, 3.000 самолетов, а всего более 2 млн. человек³⁸.

Однако, как уже должно быть ясно из приведенного выше материала, каких-либо реальных шансов на успех переговоров вообще не было, ибо они, еще не начавшись, были запрограммированы Лондоном и Парижем на неизбежный провал. Такова была ситуация, в которой оказалась Москва в то время. И это видно не только с высоты дистанции сегодняшнего дня. Сталину реальное положение дел в полной мере было ясно уже тогда.

По его инициативе советская сторона предприняла ряд публичных шагов, чтобы ознакомить мировую общественность с обозначившимся тупиком в переговорах. Таким способом преследовались две взаимосвязанные цели: с одной стороны, предупредить общественность западных демократий и побудить ее к каким-либо действиям, способным повлиять на позицию правительств Англии и Франции; с другой стороны,

---

³⁷ *Overy R.J.* The Origin of the Second World War. London – New-York. 1987. p. 71.

³⁸ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 170.

показать перед всем миром, кто действительно ведет серьезные переговоры, а кто всего лишь ведет игру в переговоры.

Выступивший по поручению генсека в печати 29 июня 1939 г. влиятельный в то время член Политбюро А.А. Жданов заявил: «Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии – зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все усилия Советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта взаимопомощи, в ходе переговоров незаметно сколько-нибудь существенного прогресса. В современной международной обстановке этот факт не может не иметь серьезного значения. Он окрыляет надежды агрессоров и всех врагов мира на возможность срыва соглашения демократических государств против агрессии, он толкает агрессоров на дальнейшее развязывание агрессии...»

Мне кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь **разговоров** о договоре, для того чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами»³⁹.

Российский историк В.А. Анфилов в одной из своих статей, касаясь рассматриваемого здесь аспекта проблемы, привел следующие интересные факты и аргументы. Когда английский посол в Москве Сидс «вручил Молотову памятную записку своего правительства, в которой предлагалось, чтобы „советское правительство обязалось в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств оказать немедленное содействие, если оно будет желательным“. Выслушав от Молотова требование Англии об односторонних обязательствах СССР, Сталин рекомендовал ему запросить советы полпредов, которые лучше могут оценить суть этих предложений на месте. Телеграммы наркома Майскому и Сурицу гласят: „Как вы видите, англичане и французы требуют от нас односторонней и деловой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь... Прошу Вас срочно дать оценку предложения англичан и телеграфировать совет, какой ответ должен быть дан нашим правительством“. (Кстати, этот пример показывает, что в крайне острых ситуациях Сталин все же прибегал к советам опытных специалистов.) Из ответа Майского: „Мне уже не раз приходилось указывать на то, что „душа души“ Чемберлена в области внешней политики сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран“. Аналогичный по смыслу ответ дал Суриц, заключив, что „они автоматически втягивают нас в войну с Германией“»⁴⁰.

---

³⁹ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 71 – 73.

⁴⁰ «Независимая газета». 24 декабря 1999 г.

Непредубежденный человек после всех приведенных фактов (а они составляют лишь малую толику из существующих) вправе сделать вывод о том, что именно западные демократии, фактически продолжая мюнхенский курс, сорвали великое дело создания блока государств, способных остановить гитлеровскую агрессию и развязывание широкомасштабной войны. Но вопреки всему, российские исследователи вполне определенной ориентации всю ответственность за провал трехсторонних переговоров целиком и полностью возлагают на Сталина и на проводившийся им внешнеполитический курс.

Вот, например, мнение на этот счет В.И. Дашичева: «Сталин поставил Англию, Францию и другие страны Европы на одну доску с фашистской Германией, не делая разницы между террористической агрессивной диктатурой Гитлера и западными буржуазными демократиями, между агрессором и его возможными жертвами. Это был уже знаменательный разворот в его политике. Во-вторых, он поставил крест на принципах коллективной безопасности, дав понять, что его политике не по пути с политикой Англии и Франции. Тем самым он ставил Советский Союз в положение изоляции от международных сил, которые были способны совместно с ним оказать сопротивление фашизму»⁴¹.

Примерно в той же плоскости умозрительных гипотез, за которыми стоят не факты, а благие, но совершенно нереализуемые в условиях того времени варианты действий Советской России, выдержаны и утверждения таких ярых антисталинистов, как Мерцаловы, на книгу которых я уже выше ссылался. Они, став в позу защитников исторической правды и упрекая других, кто расходится с ними в игнорировании многих фактов или в их одностороннем истолковании, заявляют: «Никем не доказано, что возможности переговоров СССР с Англией, Францией были исчерпаны, что без согласия польского правительства пропустить войска РККА через территорию Польши военная конвенция СССР с этими государствами была исключена. Иными словами: мог ли СССР заключить военную конвенцию, пренебрегая этим отказом. Именно это и предлагала западная сторона на московских переговорах. Полностью ли использовали советские представители возможность опираться на явное расхождение позиций Англии и Франции?»⁴²

Если следовать логике этих историков, то нужно было продолжать бесплодные переговоры с Англией и Францией и соглашаться на их условия привлечения Советского Союза к отпору нависавшей агрессии. В конце концов, о гипотетических возможностях той или иной линии поведения в

---

⁴¹ История и сталинизм. Сборник статей. С. 232.

⁴² А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. С. 224.

сложившихся условиях можно рассуждать сколько угодно. Однако эти авторы, как говорится, почему-то в упор не видят и не хотят видеть то, что было тогда реальностью, а не игрой воображения Сталина. Вся их аргументация не стоит серьезной критики, если вспомнить приведенную мною в начале раздела оценку позиции западных демократий, данную, пожалуй, самым авторитетным в этом вопросе экспертом – и государственным деятелем, и исследователем той эпохи У. Черчиллем.

Что же касается того, будто Сталин ставил на одну доску демократические государства Запада и фашистскую Германию, то это – явная подтасовка. Именно в докладе в марте 1939 года, а также многократно ранее он подчеркивал существование двух лагерей, двух международных реальностей – блока фашистских государств и неагрессивных демократических стран. Беда здесь не в близорукости Сталина – он не страдал такой опасной для политика болезнью, – а в том, что эти самые демократические страны своими уступками Гитлеру, а также своим стремлением направить острие его агрессивных устремлений на Восток, не говоря уже о почти зоологической ненависти к большевистскому режиму, – всем этим они фактически не оставили Сталину реального выбора. А он не мог допустить, чтобы страна оказалась между молотом и наковальней и, таким образом, подвергла себя смертельной опасности. В этих условиях Сталин был вынужден внести определенные коррективы во внешнеполитический курс страны.

Некоторые связывают внесение таких коррективов с отставкой М. Литвинова с поста наркома иностранных дел с возложением его обязанностей на В.М. Молотова. В исторической литературе с давних пор бытует мнение, что эта отставка знаменовала собой коренной поворот Сталина в сторону сближения с Германией. Мол, Литвинов являл собой образец последовательного сторонника создания системы коллективной безопасности и яркого англофила и противника Германии. Многими исследователями уже вполне убедительно развеян этот гуляющий до сих пор миф. Коснусь лишь некоторых его аспектов. Во-первых, отнюдь не Литвинов определял содержание и направления советской внешней политики, не говоря уже о всей внешнеполитической стратегии Москвы. Это относилось к исключительным прерогативам самого Сталина, и никого иного. В том числе и Молотова, занимавшего пост главы правительства. К тому же, смена фигур в советском руководстве при единовластии Сталина ни в коей мере не может быть каким-либо образом привязана к смене политического курса.

Как писал по этому поводу В. Анфилов, «Некоторые склонны считать отставку Литвинова следствием якобы изменения внешнеполитического курса с ориентацией на Германию. Полагаю, что более достоверна версия, исходящая от Майского: Сталин был недоволен мягкотелостью Литвинова в ведении переговоров. „Лондон и Париж стремятся поставить нас в положение внешнеполитической изоляции, а Литвинов этого не хочет замечать. Они его

водят за нос, а он не замечает их коварных замыслов“, – таков был вывод вождя. Он считал, что большой авторитет и напористость Молотова ускорят этот процесс. „Проволочка, – заметил Черчилль, – оказалась для Литвинова роковой“. Что же касается курса внешней политики СССР, то он оставался неизменным – борьба за мир и коллективную безопасность. Как при Литвинове, так и при Молотове его определял Сталин, в стратегии изменений он не претерпевал, тактика же менялась в зависимости от обстановки»⁴³.

Чтобы завершить этот многомерный и достаточно сложный раздел, хочу еще под одним углом зрения коснуться наличия так называемых альтернатив, которыми якобы располагал Сталин перед внесением определенных коррективов во внешнеполитический курс Советской России в преддверии второй мировой войны. Позволю себе привести полный перечень таких, с позволения сказать, альтернатив, которые сформулировал цитирувавшийся выше Семиряга. Вот его рассуждения:

«В каком же направлении могло пойти развитие событий, если бы советское руководство отказалось подписать договор с Германией?

Первый путь. Советский Союз отвергает предложение Германии как неприемлемое или затягивает переговоры с ней. Одновременно терпеливо, но упорно, с готовностью к компромиссу он добивается заключения военного соглашения с Англией и Францией.

Второй путь. Если будет отсутствовать готовность Англии и Франции, а также Польши пойти на необходимый компромисс, Советскому Союзу можно было бы заключить договор с Германией, но включить в него статью, которая давала бы право его аннулировать, если Германия начнет агрессивную войну против третьих стран. Одновременно Советскому Союзу необходимо было продолжать осуществлять давление на западных партнеров по переговорам с тем, чтобы добиться от них более гибкой линии поведения.

Третий путь. Не заключать договор ни с Германией (по политическим и моральным соображениям), но при этом поддерживая с ней нормальные экономические отношения, ни с Англией и Францией, если они будут настаивать на совершенно неприемлемых для Советского Союза условиях. Это означало, что Советский Союз сохранял бы подлинный нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне. Время работало на Советский Союз, а не на Германию.

Конечно, рассчитывать на подобные альтернативные решения можно было только в случае уверенности в том, что Германия при отсутствии договора с СССР не нападет на Польшу.

Таким образом, по нашему убеждению, альтернатива договору была»⁴⁴.

---

⁴³ «Независимая газета». 24 декабря 1999 г.

⁴⁴ *М.И. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. С. 57.*

Как видим, целый пасьянс альтернатив – выбирай что душе угодно!

Однако, если анализировать все эти мнимые альтернативы, то первое, что о них можно сказать, – они являются плодом умозрительных построений, далеких от жестоких реальностей тогдашней мировой обстановки. Согласно рекомендациям их автора, Москва имела целый набор эффективных средств укрепления мира и противодействия агрессии, но в силу злосчастной близорукости или в корне ошибочной линии, продиктованной пресловутым тоталитарным мышлением, Сталин предпочел пойти на заключение пакта с Гитлером вместо того, чтобы с упорством маньяка уламывать западные демократии, добиваясь от них заведомо нереального согласия на противодействие германской агрессии. Но политика – это не карточный пасьянс, где произвольно можно раскладывать и выбирать нужные карты. Она имеет дело с суровыми реальностями. А реальности были таковы, какими я попытался их обрисовать в настоящем разделе. Возможно, моя аргументация кому-то покажется однобокой и прямолинейной, но – это уже дело вкуса.

Вполне лаконично и вместе с тем исчерпывающе ясно мировую ситуацию в этот период охарактеризовал российский историк М. Мельтюхов. Нельзя не согласиться с ним, когда он пишет, что в 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне. Понятно, что каждая великая держава рассчитывала на благоприятное для себя развитие событий. Англия и Франция стремились направить германскую экспансию на Восток, что должно было привести к неизбежному столкновению Германии с СССР, их взаимному ослаблению и упрочило бы положение Лондона и Парижа на мировой арене. Естественно, Москве вовсе не улыбалась роль «жертвенного агнца», и советское руководство сделало все, чтобы отвести угрозу втягивания в возможную европейскую войну, которая должна была ослабить Германию, Англию и Францию, что, в свою очередь, позволило бы СССР занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны, и максимально расширить свое влияние на континенте. Со своей стороны, Германия, прекрасно понимая невозможность одновременного столкновения с коалицией великих держав, рассчитывала на локальную операцию против Польши, что улучшило бы ее стратегическое положение для дальнейшей борьбы за гегемонию в Европе с Англией, Францией и СССР. Италия стремилась получить новые уступки от Англии и Франции в результате их конфликта с Германией, но сама не торопилась воевать. США была нужна война в Европе, чтобы исключить возможность англо-германского союза, окончательно занять место Англии в мире и ослабить СССР, что позволило бы стать основной мировой силой. Япония, пользуясь занятостью остальных великих держав в Европе, намеревалась закончить на своих условиях войну в

Китае, добиться от США согласия на усиление японского влияния на Дальнем Востоке и при благоприятных условиях поучаствовать в войне против СССР. Так, в результате действий всех основных участников предвоенный политический кризис перерос в войну, развязанную Германией⁴⁵.

Разумеется, не со всеми положениями, высказанными М. Мельтюховым, можно безоговорочно согласиться. Но картина сложной, чрезвычайно противоречивой ситуации, сложившейся в 1939 году, нарисована достаточно объективно. В столь противоречивом взаимодействии и взаимовлиянии сил, имевших сталкивающиеся интересы, для Сталина, безусловно, оставалось поле для политических маневров и всякого рода комбинаций. Однако выбор носил весьма ограниченный характер, поскольку две другие основные силы относились к Советской России явно недружелюбно, а точнее, враждебно. Те, кто бросает упреки в адрес Сталина и его внешнеполитической стратегии, видимо, страдают однобоким политическим зрением, упрощают реальное положение дел и явно недооценивают как коварство сил агрессии, так и двуличие линии западных демократий, говоривших одно, а делавших другое. В конечном счете, коренные изъяны их расчетов на умиротворение Гитлера и на то, что он обрушит свой первый удар на Советскую Россию, оказались рассеянными суровыми ветрами предвоенной бури.

В качестве своеобразного заключительного аккорда сошлюсь на точку зрения биографа Сталина А. Улама в отношении политики Сталина в эти критические месяцы. Конечно, главный, политический акцент в этой оценке, на мой взгляд, тенденциозен и отражает господствующие в западной историографии концепции относительно пакта между Германией и Советской Россией. Однако все остальное, и прежде всего дань, которую он отдает Сталину как стратегу и тактику, заслуживает внимания. А. Улам пишет: «Шаги Сталина в промежутке между Мюнхеном и советско-германским пактом являют собой классический образец того, как искусная (и, конечно, беспринципная) дипломатия может изменить ход мировой истории. Некоторые из предпосылок, на которых базировалась эта политика, оказались ошибочными. Но что касается самой техники обведения вокруг пальцев противостоящих сторон, умения создавать и использовать возможности, то она должна быть оценена как мастерская». И далее: «Сталин играл умно. В большой игре, касавшейся судьбы мира, невероятно, чтобы кто-нибудь другой мог бы заслужить столь высоких оценок со стороны Талейрана или Бисмарка»⁴⁶.

---

⁴⁵ См. *М.И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939 – 1941 гг.* М. 2002. С. 75.

⁴⁶ *Adam B. Ulam . Stalin. The man and his era.* N.Y. 1973. p. 499, 505.

Таковы в самых общих чертах некоторые существенные моменты, проливающие свет на практическое осуществление Сталиным своей внешнеполитической концепции. В этой концепции в тот период на первый план выдвинулась задача выиграть время. Все остальное было производным от выполнения этой жизненно важной для Советской России цели. В истории многих стран встречались такие моменты, когда фактор времени определял будущее страны. Для Советской России таким моментом и явились 1939 – 1941 годы. Именно этот фактор явился решающим аргументом, который толкнул Сталина на заключение пакта с гитлеровской Германией. Разумеется, имелись и другие сопутствующие соображения, в силу которых состоялось это соглашение. Но главное – фактор времени. Если мы хоть на минуту выпустим из поля зрения указанное обстоятельство, то неизбежно будем обречены на однобокую трактовку данного исторического события, на повторение тривиальных оценок, которые на протяжении многих лет вдалбливаются в общественное сознание.

Подчеркивая решающее значение выигрыша времени в геополитической стратегии Сталина, я тем самым не пытаюсь преуменьшить значение и место других факторов, формировавших позицию Москвы по актуальным проблемам того исторического периода. Единственно верный подход – это комплексный подход, в котором в должной мере учитываются как долгосрочные, так и краткосрочные цели сталинского курса.

4. «Пакт Риббентропа – Молотова»: успех или просчет Сталина?

Прежде всего следует выделить заключение пакта с Германией как одно из самых важных событий в политической биографии Сталина. Предпосылки к заключению пакта, жесткий и порой принимавший драматические формы процесс двусторонних советско-германских переговоров, цели, преследовавшиеся обеими сторонами при принятии решения о подписании пакта, наконец, роль самого Сталина в окончательном вердикте по вопросу – заключать с Гитлером такой пакт или нет – и многое другое заслуживают самого серьезного анализа. С самого начала хочу оговориться, что не претендую на какие-то новые открытия при освещении этой темы. По ней имеется целый Монблан публикаций самого разного направления и профиля, и сказать здесь что-либо оригинальное практически невозможно. Однако, сославшись на это, нельзя уклониться от довольно детального рассмотрения наиболее важных аспектов, связанных с этим, наверное, самым знаменитым в истории пактом о ненападении. Нельзя потому, что без этого многое останется неясным в политической биографии вождя. Нельзя еще и по той причине, что вокруг этого вопроса нагромождено

столько фальсификаций, прямых вымыслов, тенденциозных интерпретаций, не говоря уже о прямых извращениях фактов. Все это, в конечном счете, преследовало и преследует цель опорочить не только фигуру Сталина как руководителя Советского Союза, но и нашу страну.

Думается, что требуется одна существенная оговорка, без которой моя позиция как автора может быть неверно истолкована. При освещении вопроса о пакте я не становлюсь на точку зрения, будто все действия и мотивы Сталина были правильны и полностью обоснованы. Что им не было допущено сколько-нибудь серьезных ошибок в сфере взаимоотношений с гитлеровской Германией. Утверждать это – значило бы закрывать глаза на многие факты довольно серьезных просчетов и стратегических промахов вождя, связанных с развитием советско-германских отношений в 1939 – 1941 годы. Тем более, что они сказались самым драматическим образом в начальный период Великой Отечественной войны. Главный вопрос здесь заключается в том, чтобы правильно, в соответствии с реально существовавшей тогда ситуацией, выносить оценки и делать выводы, соблюдая при этом чувство исторической меры и ответственности.

Что касается трактовки пакта в исторической литературе и в средствах массовой информации в нашей стране, то в разное время, в зависимости от политической конъюнктуры, он трактовался по-разному. Причем диапазон вариаций самой трактовки был более чем велик. В сталинские времена он, естественно, преподносился крайне односторонне – только как единственно правильный, «мудрый» внешнеполитический шаг Советского правительства в сложившейся тогда обстановке. Затем, после XX съезда КПСС и с началом хрущевской оттепели, советские авторы стали высказывать и другие, порой диаметрально противоположные мнения о договоре. Его уже перестали считать «мудрым» и «единственно правильным». В годы перестройки и последовавшего за ней всеобщего разгула вседозволенности во всех сферах, в том числе и в научной, стали издаваться исследования, лавиной хлынул поток публикаций в исторических, популярных литературных и иных журналах, в газетах, в электронных средствах массовой информации на тему о пакте Риббентропа – Молотова. Причем характер и направленность всех этих материалов приобрели однозначно критический, негативный характер. Договор изображался только как зловещий акт, причинивший нашей стране и всему миру непоправимый вред. При этом Сталин представлялся не только как пособник гитлеровской агрессии, но и чуть ли не в роли невольного организатора мировой войны. Ясно, что авторы подобных публикаций исходили из политических конъюнктурных соображений, а не из той реальности, которая была при его заключении. Надо ли говорить о том, что они руководствовались соображениями, вырванными из контекста времени.

Что касается западных исследований, то здесь четко обнаруживаются два главных направления. Одни пытались и пытаются объективно разобраться во всей совокупности чрезвычайно сложных событий того

времени и, не упрощая картину, дать такую оценку пакту, которая бы отражала не заранее заданные параметры выводов и обобщений, а давала честный и объективный ответ на вопрос, что побудило Сталина пойти на этот шаг и насколько он был продиктован беспристрастным анализом сложившейся ситуации, а не только стремлением Сталина найти себе союзника в лице Гитлера для продвижения в жизнь своих внешнеполитических целей.

Другие, следуя проторенными путями пресловутой советологии, безоговорочно осуждают данный шаг Сталина, относят его к откровенным попыткам нанести удар в спину западным демократиям. Иными словами, они всеми способами стремятся доказать, что Сталин и его политика играли роль локомотива, двигавшего Европу ко второй мировой войне. При этом вне поля их внимания остаются предвоенные шаги западной дипломатии, своими близорукими действиями фактически открывшими зеленый свет для гитлеровской агрессии. Конечно, предвоенная политика западных демократий не берется ими под безоговорочную защиту, ибо это было бы прямым беспределом в историческом исследовании прошлого. Высказываются поэтому отдельные критические замечания и в адрес западной политики того времени. Однако все это делается как бы мимоходом, без должной и крайне важной для уяснения смысла происходившего тогда критической оценки.

Образчиком, скажем так, противоречивой и вместе с тем достаточно тенденциозной оценки причин, приведших мир к войне, могут служить суждения такого крупного дипломата и политика, а также исследователя советской истории, каким был Дж. Кеннан. В своей книге, посвященной истории Советской России при Ленине и Сталине, он писал: «Мы имели возможность наблюдать за большими ошибками, которые были сделаны со стороны Запада в годы, приведшие к 1937 году: союзническая политика требования безоговорочной капитуляции (имеется в виду Германии – Н.К.) в первой мировой войне, пренебрежительное обращение с Веймарской республикой и отсутствие в Лондоне и Париже воли и желания противостоять Гитлеру позволили последнему безнаказанно занять Рейнскую область. Мы видели воздействие всего этого на возможность создания антигитлеровской коалиции, разочарование, которое эта слабость породила в тех людях в Москве, кто, подобно Литвинову, искренне желал того, чтобы такая коалиция воплотилась в жизнь. Но мы видели также, что немногие в сталинской России были способны стать партнером в такой коалиции и насколько больным человеком был Сталин, как он боялся воздействия на его собственный режим такого сотрудничества с Западом... и как все это в совокупности, воздействовало самым противоречивым образом на его (Сталина – Н.К.) качества как союзника и способность России противостоять гитлеровской мощи. Если не упускать из виду все эти факторы, можно убедиться в том, что к 1937 году все компоненты столь огромной трагедии,

все осложнения грядущей драмы были налицо. Западные демократические государства умудрились противопоставить себя в одно и то же время двум мощным противникам – один находился в Берлине, другой в Москве»⁴⁷.

Я уже не раз отмечал сложность и противоречивость международной обстановки той поры. В ней хорошо разобраться и выбрать верные ориентиры было не так-то просто. Даже Троцкий, претендовавший на то, что является блестящим прогнозистом развития мировых событий в широкой исторической перспективе, в статье «Загадка СССР», написанной в 1939 году, публично признал, что характерная черта нынешней мировой обстановки состоит в том, что никто не верит слову другого и даже своему собственному слову. Любой договор предполагает минимум взаимного доверия, тем более – военный союз. Между тем условия англо-советских переговоров слишком ясно показывают, что такого доверия нет. Это вовсе не вопрос абстрактной морали; просто нынешнее объективное положение мировых держав, которым стало слишком тесно рядом друг с другом на земном шаре, исключает возможность последовательной политики, которую можно предвидеть заранее и на которую можно опираться. Каждое правительство пытается застраховать себя, по крайней мере, на два случая. Отсюда ужасающая двойственность мировой политики, фальшь и конвульсивность. Чем неотвратимее и трагичнее вырисовывается общий прогноз – человечество идет с закрытыми глазами к новой катастрофе, – тем труднее становятся частные прогнозы: что сделает Англия или Германия завтра? На чьей стороне будет Польша? Какую позицию займет Москва?⁴⁸

В обстановке взаимного недоверия, которая пронизывала отношения Советской России с западными демократиями, делать ставку на них Москва не только не могла, но и не имела на это никакого права, поскольку таким путем она, вне всякого сомнения, ставила под угрозу коренные национально-государственные интересы страны. А Сталин как раз и ставил во главу угла именно эти интересы и искал наиболее оптимальные пути их обеспечения. О доверии к заверениям западных держав речи уже не могло идти, поскольку своей практической политикой они воочию доказали, что интересы других стран, в том числе и тех, с кем они намеревались заключить союз для борьбы против Гитлера, для них безразличны. А Сталин хорошо умел усваивать уроки, в том числе и уроки недавнего прошлого. И тянуть дальше волюнку с тройственными переговорами означало загонять себя в тупик, лишая всякой возможности проводить самостоятельную, продиктованную собственными заботами и интересами политику. Так что, коротко говоря, не Москва

---

⁴⁷ *George f. Kennan* . *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston – Toronto. 1961. p. 314.

⁴⁸ См. «Бюллетень оппозиции». 1939 г. № 79 – 80. (Электронная версия.)

отвернулась от западных демократий, а они сами заставили Сталина сделать надлежащие выводы из их линии поведения и всей их стратегии по отношению к Советской России. В этом контексте весьма откровенным для тех времен явилось заявление главы советской делегации на тройственных переговорах К. Ворошилова: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»⁴⁹.

Гитлер самым внимательным образом следил за ходом трехсторонних переговоров. Его, конечно, серьезно беспокоила перспектива достижения договоренности между СССР, Англией и Францией, которая могла стать непреодолимым препятствием на пути реализации его агрессивных планов. Кстати, эти планы нашли емкое отражение в песенке, которую вскоре распевали во всем третьем рейхе: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир». Однако, хорошо усвоив уроки Мюнхена, фашистский фюрер полагал, что вся затея организовать единый фронт борьбы против него с участием в нем, наряду с Англией и Францией, Советской России – не более чем большая игра, обреченная на неотвратимое банкротство. Червячки сомнений, конечно, у него все же оставались, поэтому он решил совершить крутой поворот в своих отношениях с Советским Союзом. Он отдавал себе отчет в том, что ситуация в связи с бесплодностью англо-франко-советских переговоров открывает перед ним уникальную возможность сделать Москве такие предложения, которые она согласится принять, учитывая реально сложившуюся ситуацию. Идя на такой шаг, фюрер, конечно, исходил из того, что своего рода примирение с большевистским режимом – всего лишь тактический шаг, не отменяющий главных целей и постулатов его политики, о которых он заявлял как в своей книге «Майн кампф», так и в многочисленных выступлениях перед германскими генералами и промышленными заправилками. Когда летом 1939 года начались активные с немецкой стороны зондажи возможной советской реакции на заключение пакта между двумя странами, поверенный в делах СССР в Берлине напомнил беседовавшему с ним высокопоставленному германскому чиновнику о захватнических намерениях в отношении Советской России, содержащихся в указанной книге Гитлера. Тот ответил ему: «Фюрер не отличается упрямством, но прекрасно учитывает все изменения в мировой обстановке. Книга была написана 16 лет тому назад в совершенно других условиях. Сейчас фюрер думает иначе. Главный враг сейчас – Англия. В частности, совершенно новая ситуация в Восточной Европе создалась в результате краха германо-польской дружбы. Эта „дружба“, и ранее бывшая крайне

---

⁴⁹ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 332.

непопулярной в народе, рассыпалась в течение буквально суток. От Данцига мы не откажемся – это можно усмотреть хотя бы из „Майн кампф“»⁵⁰.

Однако в Москве едва ли принимали за чистую монету такого рода уверения, ибо Сталин прекрасно понимал сущность фашизма вообще и гитлеровского нацизма в первую очередь. Как пишет английский биограф параллельной биографии Сталина и Гитлера А. Буллок, «Чтобы иметь представление о ситуации, Сталин приказал Двинскому, помощнику Поскребышева, найти для него материал о Гитлере и нацистском движении. Кроме книг „История германского фашизма“ Конрада Гейдена, переведенной на русский язык в 1935 году, и „Германия вооружается“ Дороти Вудман, а также донесений разведки о численности вооруженных сил Германии, Сталин просмотрел „Майн кампф“ и подчеркнул те места, в которых Гитлер говорит о его давнишней цели обеспечить будущее Германии путем завоевания „жизненного пространства“ на востоке на территории России. Не ясно было только, что имел в виду Гитлер под выражением „давнишняя“»⁵¹.

Мнение Сталина о фашизме вообще и о Гитлере и его долгосрочных целях, в частности, не могло измениться в результате каких бы то ни было заверений с германской стороны, которые они делали в ходе сначала зондажа позиции Сталина, а затем и в ходе предварительного согласования проектов документов, которые предстояло подписать. Причем надо отметить, что Сталин выступал в данном случае не в роли моралиста или большевика, одержимого идеей мировой революции. На повестке дня стоял вопрос не о продвижении вперед справедливого дела мирового пролетариата, а об обеспечении безопасности страны. И, естественно, в данном случае не стоял и не мог стоять вопрос о том, чему отдать приоритет. Особенно важно подчеркнуть, что все это происходило как раз на фоне развертывавшегося в степях Монголии военного конфликта с Японией. Халхин-Гол, видимо, не выходил из головы вождя, и он понимал, что перспектива войны на два фронта – с Германией на Западе и с Японией на Востоке – это фактор, который нужно было учитывать во всех возможных вариантах развития событий. Видимо, данное обстоятельство явилось не последним аргументом, перевесившим сомнения Сталина в пользу того, чтобы пойти на улучшение отношений с Германией. Да и с точки зрения международных норм заключение пакта с Берлином не представляло собой чего-то сверхординарного. Между двумя странами действовал договор о ненападении и нейтралитете от 1926 года, и ничего удивительного в том, чтобы он был подкреплён новыми соглашениями. Правда, прежний договор был заключен с правительством Веймарской республики, но был признан также и новым

---

⁵⁰ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 137.

⁵¹ Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. М. 1994. Т. 2. С.234.

режимом.

Между тем события приобретали новую динамику – Гитлер не желал отказываться от утвержденного им плана нападения на Польшу, а сроки уже приближались: вторжение планировалось на конец августа. При этом фюрер полагал, что по примеру Мюнхена он не встретит серьезного отпора со стороны западных демократий. Главная его забота состояла в том, чтобы Советская Россия не встала на пути реализации гитлеровских планов, ибо в Москве прекрасно понимали, что приближение границ агрессора к советской территории создает для страны большую угрозу. Чем дальше находились исходные позиции для начала войны против Советского Союза, тем было лучше и по военно-стратегическим, и по иным соображениям.

Так что озабоченность у Сталина нарастала, поскольку через различные каналы он в это время получал информацию, согласно которой Гитлер не откажется от своих планов вторжения в Польшу вне зависимости от хода переговоров в Москве между Англией, Францией и Советским Союзом. Еще 17 мая 1939 г. начальник Разведупра РККА комдив И.И. Проскуров направил ему полученное по агентурным каналам спецсообщение о ближайших планах Гитлера в отношении Польши⁵².

В начале июля в советское полпредство в Берлине поступило анонимное письмо, в котором предлагалось, чтобы правительства Германии и СССР заключили соглашение о судьбе Польши и Литвы. Германская сторона, говорилось в письме, исходила при этом из предпосылки, что оба правительства питают естественное желание восстановить свои границы 1914 года. Сталин был немедленно проинформирован об этом, ибо было совершенно очевидно, что письмо такого характера могло исходить только от министерства иностранных дел Германии. Мнимая тонкость этого шага объяснялась тем, что зондаж со стороны Германии, будучи анонимным, давал немцам определенные гарантии на случай, если Сталин отклонит германское предложение. Вместе с тем таким путем германское министерство иностранных дел могло рассчитывать на реакцию со стороны Москвы. Существенным стимулом, на который рассчитывал Берлин, склоняя Сталина к принятию предложения о коренном повороте в двусторонних отношениях, была серьезная заинтересованность Советской России в развитии торгово-экономических связей с Германией. Сталин постоянно держал в поле своего внимания данную проблему, поскольку придавал поставкам промышленного оборудования и военных материалов из Германии первостепенное значение. Уже во время зондажей, проводимых немцами, им было недвусмысленно дано понять, что все возможные советско-германские договоренности находятся в прямой зависимости от согласия Германии на советские требования о поставках. Германская сторона вняла этим пожеланиям

---

⁵² См. «Известия ЦК КПСС». 1990 г. № 3. С. 216 – 219.

Москвы. В беседе 15 мая 1939 г. с советским поверенным в делах Г. Астаховым ответственный сотрудник МИД Германии Ю. Шнурре уверял в отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР и спрашивал, что нужно для того, чтобы рассеять наше недоверие. «Я отвечаю, – докладывал Астахов, – что от германского правительства зависит создание другой атмосферы в отношениях, мы же никогда не уклоняемся от возможности улучшения, если другая сторона обнаруживает подобную готовность... Шнурре снова настойчиво повторяет, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении СССР и хочет их отношения улучшить»⁵³.

Для ведения торга об условиях достижения соглашения, в том числе и по экономическим вопросам, Сталин задействовал «тяжелую артиллерию»: германского посла графа фон Шуленбурга принял Молотов. Вот отчет о беседе, которую он провел с послом Германии. «Экономические переговоры с Германией за последнее время начинались не раз, но ни к чему не приводили. Я сказал дальше, что у нас создается впечатление, что германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; что для такой игры следовало поискать в качестве партнера другую страну, а не правительство СССР. СССР в игре такого рода участвовать не собирается.

Посол заверял меня, что речь не идет об игре, что у германского правительства определенные желания урегулировать экономические отношения с СССР...

На это я ответил, что мы пришли к выводу, что для такого успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономических вопросов. На это посол снова и снова отвечал повторением того, что Германия серьезно относится к этим переговорам, что политическая атмосфера между Германией и СССР значительно улучшилась за последний год, что у Германии нет желания нападать на СССР, что советско-германский договор действует и в Германии нет желающих его денонсировать. На вопрос Шуленбурга о том, что следует понимать под политической базой, я ответил, что об этом надо подумать и нам, и германскому правительству. Опыт показал, что сами по себе экономические переговоры между СССР и Германией ни к чему не привели, что указанное послом улучшение политической атмосферы между Германией и СССР, видимо, недостаточно». В заключение Молотов отметил, что «во время всей этой беседы видно было, что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью»⁵⁴.

---

⁵³ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 465.

⁵⁴ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 482 – 483.

Еще ранее Астахов имел беседу со статс-секретарем МИД Германии Вайцзеккером, который приводил все новые и новые аргументы в пользу улучшения отношений с Советской Россией. При этом он специально подчеркнул, что «в нашей лавке (Вайцзеккер пустил в ход сравнение, ранее высказанное Гитлером) много товаров. Одного товара мы не можем Вам предложить – мы не можем обещать, что будем симпатизировать коммунизму. Но и от Вас не ждем никаких симпатий национал-социализму, таким образом, по этой линии мы имеем полную взаимность. Но, помимо этого товара, имеется ряд других – развитие торговли, дальнейшая нормализация отношений и т.п., – и от СССР зависит сделать выбор»⁵⁵.

Как видим, не только Германия, но и Советский Союз проявляли стремление улучшить свои отношения, что вполне пока еще укладывалось в рамки общепринятой международной практики. Пока еще не ясно было всем, в том числе и самому Сталину, до каких пределов пойдет это улучшение и какую цену за него придется платить обеим сторонам. Важно оттенить одно обстоятельство, касающееся переговоров: советская сторона не торопилась и всячески затягивала окончательный ответ на приглашение министра иностранных дел Риббентропа в Москву.

В историографии вопроса о заключении пакта превалирует точка зрения, что обе стороны стремились к достижению соглашения. В принципе, отрицать это было бы смешно, поскольку факты, в том числе и приведенные выше, однозначно свидетельствуют в пользу такого вывода. Однако надо со всей определенностью подчеркнуть, что инициатором сближения с Советской Россией была Германия по причинам, о которых уже говорилось выше. Сталин, конечно, не шел на поводу у Гитлера и не выступал в роли своего рода овечки для заклания. Он проводил свою определенную линию, рассчитывая в максимальной степени использовать заинтересованность Германии в скорейшем достижении соглашения. Именно этим диктовалась его тактика затягивания, призванная как можно лучше выявить позицию Германии, а заодно и продемонстрировать немцам, что Москва может выжидать, что ее ничего не вынуждает торопиться. Как говорится, поспешишь – людей насмешишь. Кроме того, такой тактикой Сталин хотел добиться от немецкой стороны максимально возможных уступок, в том числе и по вопросам, которые подлежали решению в секретном дополнительном протоколе. Не говоря уже об экономических условиях, в которых Москва была особенно заинтересована.

А Гитлер торопил своих дипломатов с тем, чтобы успеть ко времени начала польской кампании урегулировать все основные проблемы с Москвой. События развивались стремительно и динамично. 15 августа 1939 г. Шуленбург представил Молотову памятную записку, формулирующую

---

⁵⁵ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 520.

основные положения, на базе которых мыслилось достичь договоренности со Сталиным. Вот главные пункты этой записки:

1. Противоречия между мировоззрением национал-социалистской Германии и мировоззрением СССР были в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и СССР стояли на противоположных и враждующих друг с другом позициях. Из развития последнего времени, по-видимому, явствует, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений между этими двумя государствами и возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества. Таким образом, периоду внешнеполитических противоречий мог бы быть навсегда положен конец и могла бы освободиться дорога к новому будущему обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен, к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-востока и т.п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным. То же самое относится к германскому и советскому народным хозяйствам, во всех направлениях друг друга дополняющих.

3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-советская политика стоит в данный момент на историческом поворотном пункте. Политические решения, которые должны быть приняты в ближайшее время в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для развития отношений между германским народом и народами СССР в течение поколений. От этих решений будет зависеть, придется ли однажды обоим народам без принудительной на то причины опять скрестить свое оружие, или же они вновь достигнут дружественных отношений. В прошлом обе страны всегда жили хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами...

5. На основании своего опыта германское правительство и правительство СССР должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза. В настоящее время они вновь пытаются, путем заключения военного союза, втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям⁵⁶.

---

⁵⁶ См. Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 232 – 233.

Как говорится, с германской стороны ход был сделан, и Сталин должен был сделать ответный ход. То, что он в целом должен был быть положительным, вовсе не означало, что все вопросы решены и остается только подписать соответствующие документы и ошеломить весь мир этим, приведшим всех в изумление шагом. Предстоял еще серьезный торг, и говорить о вступлении контактов в финальную стадию было еще рано. Гитлер видел и чувствовал, что у Сталина остаются какие-то сомнения и колебания. Об этом свидетельствует следующий любопытный момент: один из доверенных чиновников МИД Германии показал на Нюрнбергском процессе, что, когда он прибыл в Берхгоф (резиденция Гитлера – Н.К.), он застал фюрера и Риббентропа у телетайпа, разбирающих выскользящую из него ленту с посланием Шуленбурга. Этот чиновник вспоминал, что, прочитав донесение, Гитлер радостно воздел руки к небу и начал хохотать. Остаток ночи он провел без сна, слоняясь по дому в ожидании полного отчета посла. На рассвете выяснилось, что глава советской торговой миссии, выполняя указания Москвы, поздним субботним вечером позвонил Шнурре и поставил вопрос о немедленном подписании торгового договора в два часа ночи 20 августа. Но назначенная ранее дата приезда в Москву Риббентропа и подписания договора осталась неизменной (27 августа). Эта дата (о чем Сталин, судя по всему, был осведомлен) абсолютно не укладывалась в гитлеровские планы: 26 августа немецкие войска должны были начать оккупацию Польши. Лишь в семь часов утра, когда фюрер в изнеможении рухнул в постель, пришел подробный отчет Шуленбурга. Единственно, чем мог Шуленбург объяснить столь внезапную перемену настроения русских, так это предположением, что в игру вмешался лично Сталин: причины же последнего послу остались неведомы⁵⁷.

Тогда Гитлер решается лично обратиться к Сталину с посланием, чтобы ускорить процесс, который мог затянуться, и, таким образом, нарушить четко спланированную по срокам операцию против Польши. Конечно, он шел на определенный риск, не будучи уверенным полностью в положительном ответе Сталина. Но в данном случае он поставил на карту весь свой вес и авторитет, чтобы таким путем «уломать» слишком упрямого и неуступчивого советского лидера.

Вот текст его послания. Я приведу его целиком, чтобы у читателя осталось цельное впечатление о всех тонкостях дипломатической партии, разыгрывавшейся между Берлином и Москвой.

«21 августа 1939 г.

Господину И.В. Сталину

Москва

1. Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового

---

⁵⁷ См. Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 236.

соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.

3. Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и народным комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.

4. Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.

5. Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.

6. Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один день или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер»⁵⁸.

Гитлер с нетерпением ждал в своей резиденции в Альпах сообщений от немецкого посла. В ожидании письма Сталина Гитлер ни о чем не поставил в известность своих приближенных. Присутствовавший при этом руководитель германской военной промышленности Шпеер вспоминал, что когда Гитлер прочитал текст, «он на мгновение застыл, вперившись в пространство, побагровел и грохнул кулаком по столу так, что задребезжали стаканы, и воскликнул прерывающимся голосом: „Они у меня в руках! Они у меня в

---

⁵⁸ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2 С. 302.

руках!»⁵⁹

Ответ, с нетерпением ожидавшийся фюрером, последовал в тот же самый день. Сталин направил рейхсканцлеру Германии следующее лаконичное, но вполне исчерпывающее послание:

«Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру

Благодарю за письмо (имеется в виду приведенное выше письмо Гитлера – Н.К.)

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин»⁶⁰.

Итак, крупная политическая игра подошла к своему кульминационному пункту. Оставалось лишь договориться по конкретным вопросам и подписать соответствующие документы. Риббентроп на личном самолете фюрера прибыл в Москву, где его на аэродроме встречала группа чиновников наркомата иностранных дел во главе с заместителем наркома Потемкиным. Вскоре он направился на переговоры в Кремль, которые с советской стороны вел Сталин с участием Молотова. Разумеется – и об этом свидетельствуют соответствующие документы в виде воспоминаний принимавших в переговорах с немецкой стороны лиц, – тон всему содержанию и направлению переговорного процесса определял Сталин.

Здесь мимоходом стоит упомянуть об одной детали, несомненно, представляющей интерес. После возвращения Риббентропа в Берлин Гитлера заинтересовали фотографии, запечатлевшие это историческое событие. Он настоял, чтобы сопровождал Риббентропа его личный фотограф Хоффман, и перед их отъездом напутствовал, чтобы Хоффман снял крупным планом мочки ушей Сталина. Он считал, что по ним может определить, есть ли в советском лидере еврейская кровь («если они прижаты к черепу – тогда точно еврей, а если нет – то ариец»). Гитлер облегченно вздохнул, обнаружив, что Сталин успешно прошел тест и не является евреем⁶¹.

---

⁵⁹ Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 237.

⁶⁰ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 303.

⁶¹ См. Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 241.

Может быть, оценки деятелями фашистского рейха фигуры Сталина и покажутся кому-то неуместными и даже кощунственными, поскольку в них превалирует положительная тональность. Но в интересах истины, а также всестороннего и объективного подхода, мне думается, что этих оценок не стоит избегать. Ведь, в конце концов, отнюдь немаловажно, как оценивали вождя его политические и идеологические противники, а то и смертельные враги – такие, как Гитлер, Риббентроп и другие. Риббентроп писал: «Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, – человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде»⁶².

Довольно любопытное свидетельство оставил Молотов. Во время своего визита в Берлин в ноябре 1940 года (о чем будет идти речь в дальнейшем) он услышал из уст Гитлера следующие слова: «Когда мы прощались, он меня провожал до самой передней, к вешалке, вышел из своей комнаты. Говорит мне, когда я одевался: „Я уверен, что история навеки запомнит Сталина!“ – „Я в этом не сомневаюсь“, – ответил я ему. „Но я надеюсь, что она запомнит и меня“, – сказал Гитлер. „Я и в этом не сомневаюсь“.

Чувствовалось, что он не только побаивается нашей державы, но и испытывает страх перед личностью Сталина»⁶³.

Но вернемся к самим переговорам. Учитывая исключительную заинтересованность Гитлера в заключении пакта о ненападении, каких-либо значительных трудностей и непреодолимых препятствий в переговорном процессе не обнаружилось. Быстро был решен вопрос о подписании пакта о ненападении, проект которого был представлен советской стороной. Гитлер уже согласился на проект договора, составленный в Москве. Но по инициативе Сталина был добавлен постскрипtum, согласно которому он имеет силу только при условии, что одновременно будет подписан специальный протокол, охватывающий все интересующие вопросы.

Сам договор состоял из 7 статей и подлежал ратификации обеими сторонами. Учитывая важность самой темы, представляется целесообразным привести здесь полный текст договора, а также секретного дополнения к

---

⁶² *Иоахим фон Риббентроп*. Мемуары нацистского дипломата. С. 190.

⁶³ *Феликс Чуев*. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991. С. 24.

нему. Впоследствии секретное дополнение было в части, касающейся Литвы, пересмотрено по просьбе Москвы.

Текст договора гласил:

«Правительство СССР и

Правительство Германии,

руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве 23 августа 1939 года.

По уполномочию

Правительства СССР
В. Молотов
За Правительство
Германии И. Риббентроп»⁶⁴.

Особых дискуссий по содержанию во время переговоров не было, поскольку на предварительной стадии уже были согласованы формулировки статей. Единственное, что вызвало решительное возражение генсека, это была преамбула договора, предложенная немецкой стороной, – цветистая преамбула о советско-германской дружбе. Здесь, как говорится, все пределы здравого смысла оказались нарушенными. Сталин возразил, что шесть лет взаимных оскорблений не могут пройти бесследно, и смешно ожидать, что их народы поверят, что все сразу прощено и забыто. Нужно не спеша готовиться к тому, чтобы общественное мнение в России – и, без сомнения, в Германии тоже – приспособилось к этим переменам⁶⁵.

Но самое главное заключалось не в пакте о ненападении, о чем я уже выше писал. Если бы все и ограничилось этим пактом, то современникам тех дней и будущим историкам, как в нашей стране, так и в других странах, не пришлось бы ломать столько копий вокруг данной проблемы. Ведь, повторяясь, скажу, что сам договор о ненападении не представляет собой какого-либо деликта с точки зрения норм международного права. Легитимность заключения такого договора была бесспорной, хотя многие либерал-демократы в нашей стране ставят это под вопрос. Но замечу, что и Верховный Совет СССР, в годы горбачевской перестройки рассматривавший правомерность заключения договора, пришел к выводу, что по своему содержанию он «не расходился с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований»⁶⁶.

Вся изюминка заключалась в дополнительном протоколе, текст которого я воспроизвожу:

«Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом [23 августа 1939 г.]

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это

---

⁶⁴ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 319 – 320.

⁶⁵ См. Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 239.

⁶⁶ О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. см. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «Правда». 28 декабря 1989 г.

обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию

Правительства СССР

В. Молотов

За Правительство Германии

И. Риббентроп»⁶⁷.

Примерно через месяц с небольшим был подписан еще один секретный дополнительный протокол – специально по вопросу о разграничении сфер влияния в Литве. Текст этого протокола гласил:

«Нижеподписавшиеся полномочные представители заявили о соглашении правительства германского Рейха и правительства СССР по следующим вопросам:

В Секретный Дополнительный Протокол, подписанный 23 августа 1939 года, следует внести поправку в статью 1, согласно которой территория Литовского государства попадает в сферу влияния СССР, тогда как, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства попадают в сферу влияния Германии. Как только правительство СССР для защиты своих интересов примет особые меры на территории Литвы, существующая германо-литовская граница в целях ее естественного и простого пограничного описания должна быть исправлена таким образом, чтобы

---

⁶⁷ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 321.

территория Литвы, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на карте, отошла к Германии.

Далее объявляется, что ныне действующие соглашения между Германией и Литвой не будут затронуты вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 года»⁶⁸.

Такова в своих главных чертах фундаментальная фаза поворота в советско-германских отношениях после прихода Гитлера к власти. То, что Сталин в значительной мере ревизовал свои прежние подходы и оценки в отношении Германии, заключив пакт о ненападении, свидетельствуют многие факты. Вот один из них. Беседуя 25 марта 1935 г. с видным деятелем английских правящих кругов А. Иденом, он говорил буквально следующее: «В Европе большое беспокойство вызывает Германия. Она тоже вышла из Лиги наций и, как Вы сообщили т. Литвинову, не обнаруживает желаний в нее вернуться. Она тоже открыто, на глазах у всех, разрывает международные договоры. Это опасно. Как мы можем при таких условиях верить подписи Германии под теми или иными международными документами? Вот Вы говорили т. Литвинову, что Германское правительство возражает против Восточного пакта взаимной помощи. Оно соглашается лишь на пакт о ненападении. Но какая гарантия, что Германское правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи. Ведь, в самом деле, в чем заключается существо такого пакта? Вот нас здесь в комнате шесть человек, представьте, что между нами существует пакт взаимной помощи, и представьте, например, что т. Майский захотел бы на кого-нибудь из нас напасть, что получилось бы? Мы все общими силами побили бы т. Майского»⁶⁹.

Конечно, мысль Сталина относилась совершенно к иной международно-политической ситуации, чем сложившаяся к концу 30-х годов. И подобного рода пересмотр прежней точки зрения, соответствовавшей иным реалиям, не может рассматриваться как явление недопустимое, а тем более – политически чуть ли не предательское. Изменилась коренным образом ситуация, и она требовала коренного пересмотра тех или иных политических позиций. Тем более, что Сталин, возможно, лучше других государственных и политических деятелей мира видел не только краткосрочные, но и долговременные

---

⁶⁸ Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941. Документы. Париж – Нью-Йорк. 1983. С. 112.

⁶⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. М. 1998. С. 520.

последствия мюнхенской политики. Здесь нельзя стоять на почве формализма и упрекать его в том, что изменил свои взгляды. Гораздо хуже и опаснее было бы то, если бы он с упорством маньяка продолжал талдычить о создании блока против гитлеровской агрессии, когда лидеры западных демократий вырыли глубокую могилу для такого блока, тем самым заложив действительные предпосылки для развязывания рук Гитлеру.

Но вернемся, однако, к советско-германским переговорам августа 1939 года. Согласно воспоминаниям лиц, причастных к переговорам с немецкой стороны, одобрение Сталина встретили высказывания Риббентропа о том, что немецкий народ приветствует взаимопонимание с Советским Союзом. Сталин сказал, что охотно верит этому: «Немцы хотят мира и поэтому приветствуют установление дружественных отношений между рейхом и Советским Союзом». Затем Сталин, как явствует из записи разговора, сделанной А. Хенке, «спонтанно» провозгласил тост в честь Гитлера, сказав при этом: «Зная, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, я хотел бы выпить за его здоровье». «Эта здравица, произведшая сильнейшее впечатление на немецких гостей, – пишет наиболее компетентный в ФРГ специалист по советско-германскому пакту И. Фляйшхауэр, – в действительности, если соразмерить ее с обычным русским и особенно кавказским церемониалом, представляла собой скромный и скупой на слова жест признания по адресу противной стороны. Он не содержал даже видимости выражения личного уважения»⁷⁰.

Наконец, в конце этой встречи Сталин в виде напутствия со всей отчетливостью изложил Риббентропу свою действительную оценку пакта и всего связанного с ним, заявив при прощании, что «Советский Союз воспринимает пакт очень серьезно» и что он, Сталин, «может под честное слово заверить, что Советский Союз не обманет своего партнера». Не было случайным и, видимо, не осталось незамеченным то, что гость не ответил хозяину сопоставимым заверением⁷¹. Тонкие ноты, звучавшие в высказываниях Сталина, не ускользнули от германского министра иностранных дел. Он увидел в Сталине «человека необычного формата. Его трезвая, почти сухая и тем не менее столь меткая манера выражения, его жесткость и в то же время широта мышления при ведении переговоров показывали, что он не зря носил свое имя»⁷².

Коротко говоря, посланцы фюрера смогли воочию убедиться в том, что

---

⁷⁰ Ингеборг Фляйшхауэр. Пакт. Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии. 1938 – 1939. М. 1991. С. 315 – 316.

⁷¹ Ингеборг Фляйшхауэр. Пакт. Гитлер, Сталин... С. 316.

⁷² Там же. С. 316.

имеют дело с серьезным политическим противником, которого чрезвычайно трудно обвести вокруг пальца. В этом контексте следует сказать, что тост Сталина в честь фюрера не стоит возводить в некую афористически выраженную оду германскому фюреру. На этом эпизоде многие акцентируют особое внимание, придавая ему непомерную значимость. Мол, Сталин восхвалял германского фюрера – не только врага Советской России, но и непатентованного мирового злодея. Однако, как мне представляется, это была всего лишь дань этикету, поскольку и немецкая, и советская стороны провозглашали тосты как в честь подписания пакта, так и в честь участников переговоров и лидеров обеих стран. Не стоит путать дипломатический этикет с реальной политикой.

Ведь и Гитлер со своей стороны высказывал похвалы в адрес советского лидера, хотя аксиомой, не подлежащей сомнению, выступала его патологическая ненависть к Советской России и к коммунистам вообще. Не случайно в письме к Муссолини, отправленном фюрером 21 июня 1941 года, он признавался своему верному союзнику и единомышленнику: «С тех пор, как я пришел к этому решению (имеется в виду нападение на СССР – Н.К.), я чувствую себя духовно освобожденным. Союз с СССР, несмотря на абсолютную искренность усилий, направленных на окончательное примирение, часто все же раздражал меня, так как казался противоестественным, идущим вразрез с моим происхождением, моими идеями, и моими прежними обязательствами. Я счастлив сейчас оттого, что освободился от этих душевных терзаний»⁷³.

Едва ли подлежит даже малейшему сомнению, что заключение пакта с Москвой диктовалось политико-стратегическими расчетами Гитлера. Поэтому здесь уместно хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать мотивацию действий обеих сторон при подписании пакта.

Для Гитлера пакт был необходим, чтобы обезопасить себя от всяких случайностей ввиду намеченной им польской кампании. Он стремился гарантировать себе свободу действий, не опасаясь, что Москва может в силу причин, не поддающихся точному учету, выступить против его агрессии. Потенциального соперника и будущего главного врага фюрер таким способом хотел сделать если не союзником, то, по крайней мере, нейтральной силой, от которой не могла исходить угроза его непосредственным планам. Хотя Гитлер и не особенно верил, что западные демократии во имя защиты Польши способны вступить с ним в войну (он слишком понадеялся на повторение мюнхенского варианта), такой возможности он отнюдь не исключал. И в данной военно-политической конфигурации нейтрализация Советской России представлялась ему в качестве абсолютно необходимой предпосылки для реализации его геополитических расчетов, не только

---

⁷³ Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941. Документы. С. 340.

непосредственно связанных с польской кампанией, но и с более перспективными планами завоевания «жизненного пространства». А эти планы, как отлично знал Сталин, с предельной откровенностью излагались как в «Майн кампф», так и в ряде публичных выступлений. В «Майн кампф» фюрер писал: «Когда мы говорим о новых территориях в Европе, мы имеем в виду главным образом Россию и зависимые от нее приграничные государства. Сама судьба указывает нам этот путь». В 1936 году он повторил это публично: «Если бы мы имели в нашем распоряжении Урал с его неисчислимыми запасами сырья, леса Сибири, и если бы бескрайние поля Украины лежали в пределах Германии, наша страна утонула бы в изобилии»⁷⁴.

Так что, заключая пакт с Гитлером, Сталин знал, с кем в действительности он имеет дело. Западные державы Гитлер не рассматривал в качестве своих смертельных врагов, хотя и ставил своей задачей непременно сокрушить Францию и тем самым возратить долг за капитуляцию в Компьене⁷⁵. С Англией Гитлер стремился найти общий язык, нейтрализовав ее посредством дачи гарантий о неприкосновенности Британской империи. Первое ему удалось, второе нет. И простой анализ отвечает на вопрос: почему не удалось? В Лондоне неплохо знали о грандиозных завоевательных планах германского фюрера, но рассчитывали, что здравый смысл и элементарные расчеты убедят его в том, что война против Англии будет сопряжена с непредсказуемыми последствиями, поскольку последняя имела в лице Соединенных Штатов Америки не только потенциального, но и реального союзника. А бросить вызов всему миру – на такое не мог решиться даже такой авантюрный политик, как Гитлер.

Помимо военно-стратегических и политических преимуществ, пакт нужен был Гитлеру и по соображениям экономического плана, ибо он рассчитывал получать от Советской России так необходимое ему сырье, продовольствие и другие товары, необходимые рейху для проведения своей стратегии завоевания «жизненного пространства». В этом контексте есть определенный резон в точке зрения Р. Хингли, писавшего в своей книге о

---

⁷⁴ Цит. по Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 325.

⁷⁵ В этой связи не только недоумение, но и чувство презрения вызывают высказывания тех, кто довел Францию до катастрофы. Об этом свидетельствует такой факт: посол Майский доносил в НКВД, что узнал, что бывший премьер Франции Лаваль сказал следующее: Американский журналист с горячностью ответил: если Франция еще будет продолжать борьбу, то в конечном счете с помощью Англии и США она восстановит свое положение в мире. Но если Франция сдастся сейчас на милость Германии, она навсегда погибла как великая страна. На это Лаваль возразил: «Вы плохо понимаете, что в настоящее время происходит. Гитлер ничего не имеет против Франции. Гитлер ненавидит большевиков, и он ждет лишь благоприятной обстановки для того, чтобы нанести им смертельный удар. А мы ему в этом поможем». См. 1941 год. Документы. Книга первая. С. 83.

Сталине, что Советский Союз скрупулезно выполнял свои обязательства по экономическим соглашениям с Германией, снабжая ее столь необходимыми ей в военное время ресурсами, в том числе энергетическими, сырьевыми, продовольственными и рядом дефицитных. Тогда как Германия взятые обязательства исполняла значительно слабее. Главным козырем, который дал Сталин в руки Германии, было то, что она смогла перебросить значительную часть своих вооруженных сил на Запад. Вывод автора таков: «Гитлер получил гораздо больше материальных преимуществ от заключения пакта, чем Сталин, и Сталин, видимо, был вполне удовлетворен таким ходом дел»⁷⁶.

В том, что Гитлер получил от пакта больше, чем Сталин, можно еще серьезно усомниться, поскольку автор в качестве критерия берет не всю совокупность фактов, а лишь некоторые из них. Но что определенные дивиденды фюрер имел от этого – вещь неоспоримая, иначе он не пошел бы на заключение договора и приложенных к нему секретных дополнений. Если говорить фигурально, то Гитлер выиграл в тактическом плане, а Сталин в стратегическом – и это было гораздо весомее.

В определенной мере такому выводу созвучна и общая оценка пакту, которую дает И. Фляйшхауэр, которая пишет в своей книге о пакте следующее: «Гитлер совершил ошибку, решив мерить Сталина своим собственным аршином. Он соблазнял его новыми территориями и подвижками границ, тогда как Сталин жаждал экономического развития собственной страны и стабильности существующих границ. Сталин добивался политической безопасности, Гитлер же предлагал ему идти на безрассудный риск. В какой мере Сталин осознавал в каждый отдельный момент это фундаментальное несовпадение предпосылок, остается неизвестным. Но в том, что предложения Гитлера имели целью создать опасное предполье, он, несомненно, отдавал себе отчет. Отсюда его сверхосторожность и сдержанность, его настойчивые намеки на злокозненность германских намерений и его неременное условие, чтобы предложения немецкой стороны давались ему для изучения. И это в разнообразных формах запечатлено в документах обеих сторон»⁷⁷.

В качестве своего рода концовки раздела необходимо отметить, что он держался в строгой тайне. После разгрома Германии в руки западных союзников попал архив германского МИДа, где, в частности, сохранились указанный пакт и секретные дополнения к нему. В 1948 году эти и ряд других документов были преданы огласке в виде специального сборника. Советская сторона категорически отрицала подлинность приведенных документов. В связи с этим по указанию Сталина и, по всей видимости, при прямом его

---

⁷⁶ *Ronald Hingley*. Joseph Stalin: Man and Legend. N.Y. 1974. p. 299.

⁷⁷ *Ингеборг Фляйшхауэр*. Пакт. Гитлер, Сталин... С. 352 – 353.

участии, советская сторона выпустила брошюру под названием «Фальсификаторы истории», где излагалась советская версия развития предвоенных событий, причем акцент был сделан на разоблачении мюнхенской политики западных держав.

На протяжении многих десятилетий в нашей стране отрицалось даже само существование в советских архивах этих документов. Прямой же участник всех событий тех лет даже в неофициальных беседах также отрицал сам факт того, что все это имело место в действительности. Писатель и журналист Ф. Чуев приводит в своей книге следующий примечательный диалог с Молотовым:

«– На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

– Никакого.

– Не было?

– Не было. Нет, абсурдно.

– Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка»⁷⁸.

Вот и верь после такого словам всякого рода мемуаристов! К их свидетельствам следует относиться весьма взвешенно и не принимать слепо на веру, чуть ли не в качестве исторического факта, любое их, даже правдоподобное на первый взгляд, признание.

Определенную загадку представляет не то, что советские лидеры, и прежде всего Сталин, всячески старались скрыть существование секретных дополнений к пакту. Здесь, как говорится, было что скрывать. Любопытен другой аспект проблемы: в своих мемуарах бывший британский министр иностранных дел А. Иден пишет, что во время беседы со Сталиным в декабре 1941 года последний защищал необходимость заключения пакта с Германией, однако выражал осуждение в адрес Молотова в связи с заключением этого же самого пакта⁷⁹. Ситуация здесь действительно запутанная, и разобраться не так просто. Мне думается, что Сталин высказывал какие-то критические замечания по поводу того, как Молотов вел переговоры, мол, иногда шел на неоправданные уступки и что-либо другое в этом духе. Но он не ставил и не мог ставить под вопрос правильность заключения самого пакта.

---

⁷⁸ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991. С. 20.

⁷⁹ См. Avon Earl of the Eden Memoirs. Vol. I – III. L. 1960 – 1965. vol. III. p. 302.

5. Пакт 1939 года в исторической ретроспективе

Как оценить заключение пакта с точки зрения внешнеполитической концепции Сталина? Какие конкретные результаты были получены Советской Россией, решившейся на столь радикальный шаг?

Перечислим ряд наиболее фундаментальных выгод, которые не только объясняют необходимость, но, я бы сказал, историческую неизбежность пакта с Германией.

Во-первых, Сталину удалось выиграть время и фактически отсрочить гитлеровскую агрессию почти на два года. Кто рассуждает о том, будто в тот период фюрер и не собирался нападать на Советский Союз, в сущности говоря, исходят из гипотетических предположений, а не из фактов. Никто в тот период не знал, какой разворот могли принять события, если бы Сталин отклонил предложение Германии. Вслед за молниеносным разгромом Польши он (и этого нельзя исключать как якобы фантастическую возможность) мог непосредственно приступить к разработке стратегического плана агрессии против СССР. Потребность в сырьевых ресурсах, нефти, продовольствии, определенных дефицитных товарах и т.д., которые он надеялся получить от России, могла, несомненно, ускорить реализацию агрессивных замыслов в отношении СССР. Тем более, что какое-либо противодействие в данном случае от западных демократий он едва ли встретил бы. Так что выигрыш времени является, на мой взгляд, самым существенным в перечне выгод, на которые рассчитывал советский вождь.

Во-вторых, если бы (представим себе такую возможность) Советской России удалось добиться хотя бы минимума взаимопонимания с западными демократиями и подписать соответствующее соглашение о противодействии гитлеровской агрессии, то Советский Союз после нападения Гитлера на Польшу вынужден был вступить в войну с Германией. А степень готовности Советской России в военном отношении в тот периода была, несомненно, ниже, чем два года спустя. При этом надо взять в расчет то обстоятельство, что Япония могла открыть второй фронт против Советского Союза. Вспомним, что именно в это время как раз и развертывались события в районе Халхин-Гола. Поэтому нельзя исключить как нечто невероятное реальную в тех условиях войну на два фронта, чего так опасался Сталин, и предотвращению превращения такой возможности в действительность он посвящал свое внимание. В свете этого не вызывает удивление и определенное недовольство договором со стороны Токио, поскольку Гитлер заключил его без согласования с Японией. Таким образом, был вбит, хотя и небольшой, но весьма ощутимый клин в Антикоминтерновский пакт. Мне представляется, что данный исторический эпизод в целом негативно сказался на германо-японских отношениях и в силу этого не благоприятствовал консолидации сил агрессии.

Что же касается возможного поведения западных демократий в лице прежде всего Англии и Франции, то на этот счет можно строить только всякого рода гипотезы. По крайней мере, в их интересах было военное противостояние Германии и Советской России, которые, ослабляя друг друга, открывали для западных демократий новые перспективы не только в Европе, но и в мире в целом. Некоторые достаточно объективные западные историки признают, что, заключив 23 августа 1939 г. советско-нацистский пакт о ненападении, Сталин избежал втягивания в войну против Германии. Военная неподготовленность сделала бы войну в 1939 г. более катастрофической для России, чем в 1941 г. У Сталина в 1939 г., конечно, не было желания спасти западные демократии. Он стремился защитить Россию⁸⁰. Подобная мысль прямо или косвенно проглядывает в статьях и книгах тех западных исследователей, которые стараются в своих оценках исходить из реальных фактов, а не идеологических предубеждений. Суммируя, можно сказать: сложность и запутанность всей международной ситуации в то время не позволяют с достаточной долей уверенности предсказать вероятный ход развития мировых событий в случае отказа Сталина от подписания пакта.

В-третьих, подписание пакта способствовало усилению безопасности Советского Союза, поскольку сам пакт и секретные дополнения к нему давали известные гарантии безопасности. Германия обязалась в соответствии с договором воздерживаться в отношении СССР «от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения... как отдельно, так и совместно с другими державами», а также консультироваться с ним при решении вопросов, которые могли затронуть его интересы. Кроме того, рейх соглашался не распространять свою военно-политическую активность на польские территории восточнее оговоренных в протоколе границ и на прибалтийские государства севернее литовско-латвийской границы. А эти районы на западных границах СССР являлись в силу географических и геополитических соображений естественной зоной безопасности Советской России. Если мыслить широкими геополитическими категориями, то одной из важных целей Сталина являлись не столько ликвидация и аннексия ряда восточноевропейских стран, а установление предела распространению германской экспансии на восток. Беда и историческая вина этих восточноевропейских стран (Польши, Латвии и Литвы) состояла в том, что они фактически поддерживали антисоветскую гитлеровскую политику, а это коренным образом нарушало интересы Советской России. Их правители оказались недалекими, полагая, что антисоветизм послужит им своего рода гарантийным полисом от поглощения их Германией. Поэтому, если отбросить эмоции и исходить из голых фактов и руководствоваться исключительно холодным здравым смыслом (как и поступал Сталин), то

---

⁸⁰ См. Страницы истории советского общества. Люди, проблемы, факты. С. 269.

неотвратимой перспективой для этих стран была аннексия их гитлеровской Германией и продвижение благодаря этому плацдарма для нападения на СССР далеко на Восток. В этом смысле разграничение сфер влияния между Германией и СССР определенно отвечало долгосрочным интересам нашей страны и являло собой, пусть и вызывающий явные осуждения с морально-этической точки зрения, но объективно неизбежный шаг. Было бы политической наивностью, граничащей с идиотизмом, блюдя верность нормам международного права, допустить захват этих стран фашистским рейхом. В таком случае, конечно, мы должны были бы торжествовать не столько победу справедливости, сколько победу фашистской экспансии. На эту тему можно много рассуждать, клеймя Сталина за сделку с Гитлером и включение части Польши и прибалтийские страны в сферу влияния СССР, но это, в сущности, позиция скорее моралистов, нежели реалистов. Это – позиция, начисто игнорирующая сложившееся тогда реальное положение дел.

В-четвертых, заключение пакта о ненападении стало весьма ощутимым ударом по идее создания единого антисоветского фронта. Фактически были похоронены надежды апологетов мюнхенской политики объединить Германию, Англию и Францию в реализации проектов, нацеленных своим острием против Советской России. А то, что поборников дальнейшего проведения в жизнь мюнхенского курса было не так уж мало в правящих кругах западных демократий, сомневаться не приходится. Понадобились суровые, даже трагические, исторические уроки, чтобы в западных демократиях осознали всю гибельность политики поощрения гитлеровской агрессии и всю бесперспективность попыток канализировать ее на Восток. И одна из важных исторических заслуг Сталина как раз и состоит в том, что он сумел в столь сложной международной обстановке выбрать пути наиболее эффективной защиты национальных интересов страны.

В-пятых, Сталин исходил из того, что заключение пакта о ненападении внесет серьезный разлад в странах – поборниках создания единого фронта борьбы против СССР. То обстоятельство, что империалистические державы вступили в схватку друг с другом, – это, по убеждению генсека, вполне лежало в русле советских интересов. И в данном случае Сталин не вносил ничего нового в свою общую внешнеполитическую концепцию, поскольку он постоянно подчеркивал, что межимпериалистические противоречия (по его терминологии; кому не по душе такая якобы устаревшая терминология, может воспользоваться понятиями иного рода – великие мировые державы и т.п.) играют на руку делу социалистического строительства, ввиду чего, мол, СССР заинтересован в обострении этих противоречий до любой степени накала, вплоть до войны.

Здесь следует сделать критическое замечание по адресу Сталина. Он не учел, что сам характер противоречий между великими державами во многом изменил свою природу и свои имманентные качества. Речь шла уже не столько о межимпериалистических противоречиях (полностью отрицать

таковые также было бы ошибочно), а о противоречиях более широкого геополитического масштаба. Старые клише в новых условиях уже безнадежно устарели, и их использование в практической политике могло только привести к серьезным политическим просчетам. Сталину понадобилось некоторое время, чтобы он понял: вопрос поставлен самой историей очень круто – или победа агрессивного фашизма со всеми вытекающими из этого последствиями, или же объединение антифашистских сил, вне зависимости от их классовой ориентации. Классовые мерки в условиях приближавшейся мировой войны не могли служить хорошим ориентиром для выбора стратегического курса международной политики Советской России. И генсек, разумеется, не отказываясь полностью от этих критериев, отодвинул их не то чтобы на задний план, а просто на то место, которое они играли тогда в реальной жизни. Здесь нет смысла ставить это в особую заслугу вождя. Просто сама жизнь раздвинула горизонты его политической философии, приноровив ее к реальностям эпохи. В чем действительно можно усмотреть его личную заслугу, так это в том, что неотвратимый и закономерный процесс пересмотра и переосмысления прежних воззрений не растянулся на долгое время. Сталин, бесспорно, обладал уникальной способностью быстро усваивать уроки истории и делать из них необходимые не только и не столько теоретические, сколько практические выводы. Если генсек и не был знаком с мыслью, высказанной римским поэтом Публием Сиром: «плохо то решение, которое нельзя изменить»⁸¹, то, по меньшей мере на практике, он действовал в согласии с данным девизом. Внешняя политика Сталина в этот период, да и взятая в целом, не страдала догматизмом и непробиваемой косностью. Этот факт признают не только те, кто относится к его почитателям, но и многие из тех, кто рьяно разоблачает Сталина за действительные и приписываемые ему ошибки и просчеты. Годы, о которых идет в данном случае речь, а именно два предвоенных года, стали для генсека уникальной школой большой политики. До того времени на мировой сцене он фигурировал эпизодично и не причислялся к политическим деятелям самого высокого уровня.

И, наконец, чтобы поставить точку в освещении значения пакта в международном плане и в плане личной политической карьеры Сталина, необходимо подчеркнуть, что в итоге значительно повысились удельный вес и влияние Советской России в международных делах. Если раньше еще наличествовали определенные основания считать, что Советская Россия находилась в состоянии полуизоляции на мировой политической сцене, то после августа 1939 года об этом уже не могло быть и речи. Советская Россия стала полноправным участником, причем порой с правом решающего голоса, всего международного процесса. Естественно, что это поднимало и престиж

---

⁸¹ Великие мысли великих людей. Т. I. М. 1998. С. 392.

Сталина не только в нашей стране, но и за рубежом. Хотя само собой напрашивается необходимое уточнение: его престиж вырос в глазах определенной части общества. Другая его часть, особенно за границей, клеймила Сталина как пособника фашизма и ставила его на одну доску с Гитлером. Но, на мой взгляд, последние глубоко ошибались: они плыли в потоке событий и оказались не в состоянии дать глубокий и объективный анализ происходивших в ту пору событий.

Но легко сделать подобный упрек в адрес этих людей и не вникнуть в мысли и чувства, которые их обуревали тогда. Речь шла не только о чисто политических подходах (хотя и это имело важное значение), но и о факторах морально-этического порядка. В их сознании никак не укладывалась даже сама мысль о возможности заключения такой договоренности между фашистской Германией и коммунистическим Советским Союзом. Многие зарубежные друзья СССР, и в первую очередь коммунисты, оказались в состоянии, близком к шоку. Особенно это состояние усугубилось после того, как 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это уже выходило за пределы разумного восприятия, поскольку трудно себе было представить, какая «дружба» могла связывать социалистический Советский Союз с фашистской Германией. Многие отвернулись от Советского Союза. Наблюдался массовый выход из коммунистических партий. Коминтерн пытался по своим каналам разъяснить суть соглашения и его вынужденный характер. Однако особого успеха в этом не добился. Кризис мирового коммунистического движения был налицо. Хотя Сталин уже перестал серьезно считаться с Коминтерном, по крайней мере, не допускал и мысли, что какие-то высокие цели мировой революции могут быть поставлены выше интересов Советской России. Пакт 1939 года со всей определенностью продемонстрировал, что генсек интересы нашей страны рассматривал как высший приоритет во всей внешнеполитической стратегии. В этом убеждении он был тверд и непоколебим, поэтому шел на определенные политические и моральные потери, считая, что конечные результаты и будут главным судьей его судьбоносных решений, к которым, бесспорно, относился и пакт с Германией.

Реакцию зарубежных друзей можно было предвидеть, даже не обладая специальной информацией или хорошо развитым политическим чутьем. Видимо, генсек заранее просчитал эту реакцию, но решил, что принимать ее в расчет в качестве важного аргумента при принятии решения не стоит. Что же касается населения собственной страны, то вождь был уверен, что его шаг будет воспринят с пониманием и одобрением. Конечно, мол, будут отдельные недоумения и сомнения, но все это в его глазах играло второстепенную роль. И в своем основном прогнозе он не ошибался. Как сообщал из Москвы 25 августа 1939 г. корреспондент английской газеты «Манчестер гардиан»: «Нет никаких доказательств возможного недовольства среди советского населения поворотом советской внешней политики, несмотря на то что в течение

многих лет велась пропаганда против фашистских агрессоров»⁸². Думаю, что английский журналист не ошибался в своей оценке. В целом население Советской России, хотя и оказалось в состоянии изумления, но восприняло договор с Германией не только спокойно, но и с верой, что данный шаг Сталина отодвинет угрозу войны. А войны не то что боялись, но страшно не хотели, ибо жило еще поколение людей, испытавших все тяготы первой мировой и Гражданской войн. Хотя по стране чуть ли не в качестве главного девиза звучали слова о готовности к войне. Вскоре появилась и песня, где лейтмотивом были слова: «Если завтра война, если завтра в поход – мы сегодня к походу готовы!»

Конечно, не все советские люди с таким бездумным доверием относились к любым шагам правительства. Были и те, кто в связи подписанием пакта, а затем и договора о дружбе и границе с Германией испытывали сомнения, недоумения и даже растерянность. В какой-то степени о таких настроениях можно судить по словам писателя К. Симонова. Он писал в своих мемуарах, посвященных, в сущности, осмыслению личности Сталина и его эпохи, следующее: «Что-то тут невозможно было понять чувствами, – отмечал в своих воспоминаниях свидетель событий Константин Симонов. – Может быть, умом – да, а чувствами – нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта»⁸³.

Действительно, осуществить столь крутой поворот в сознании советского общества мог только такой решительный и опытный политик, как Сталин. Правда, и ему приходилось считаться с тем, что даже после всех прежних крутых поворотов и зигзагов во внутренней политике, страна впервые столкнулась с радикальной переориентацией в сфере внешней политики. Впрочем, как мне представляется, особых затруднений вождь не испытывал, поскольку советская пропаганда на протяжении многих и многих лет воспитывала в народе сознание того, что страна находится на положении осажденной крепости, поэтому можно в любой момент ожидать нападения с любой стороны. В известном смысле после мюнхенского сговора в общественном сознании отнюдь не глубокий водораздел между фашистской Германией и западными демократиями утратил прежнее значение. В конце концов в изображении советской пропаганды и те и другие принадлежали к лагерю империализма и уже в силу данного факта не могли не быть врагами Советской России и большевистского строя. Однако решающим аргументом служило четкое понимание, что заключение пакта отодвигает опасность

---

⁸² Цит. по Страницы истории советского общества. С. 265.

⁸³ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. «Знамя». 1988 г. № 3. С. 35.

страны, позволяет продлить мирное состояние и, воспользовавшись этим, упрочить обороноспособность войны. И, разумеется, весьма важным фактором была вера советских людей в Сталина, в то, что он проводит мудрый курс в международных делах. Эта вера, конечно, способствовала более спокойному восприятию подавляющим большинством советского народа крутого зигзага в политике Сталина. И все-таки нельзя не согласиться с Н. Хрущевым, когда он писал: «Если рассматривать войну как некую политическую игру и появлялась возможность в такой игре не подставлять своего лба под вражеские пули, то этот договор с Германией имел оправдание. Я и сейчас так считаю. И все же было очень тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоявшим на совершенно противоположных политических позициях, – и вдруг объединить свои усилия с фашистской Германией? Так чувствовали и все наши рядовые граждане... Да и самим нам, руководителям, было трудно понять и переварить это событие, найти оправдание случившемуся для того, чтобы, опираясь на него, разьяснять дело другим людям. Чрезвычайно трудно было, даже при всем понимании ситуации, доказывать другим, что договор выгоден для нас, что мы вынуждены были так поступить, причем с пользой для себя»⁸⁴.

После заключения пакта тон советской пропаганды в отношении Германии был круто изменен: со страниц газет и из передач радио исчезли привычные осуждения гитлеровского фашизма, как и в целом политики Германии. Из заклятых врагов немцы, как по мановению волшебной палочки, превратились, как тогда шутили, в заклятых друзей. Был прекращен показ фильмов антифашистского содержания, постановка пьес, в которых разоблачался фашизм. Надо сказать, что после участия советских добровольцев в войне в Испании, где им приходилось порой напрямую воевать против немцев (авиация), сталинский поворот и в политике, и в пропаганде воспринимался нелегко теми, кому довелось участвовать в испанской кампании. Но общим глубинным сознанием, так сказать своим внутренним духом, народ в целом прекрасно сознавал чисто тактический характер сталинского поворота, не верил в реальную возможность сколь-нибудь длительного сотрудничества между Москвой и Берлином. В глубине сознания укоренилась мысль о неизбежной – рано или поздно – войне с фашистской Германией. Так что в морально-психологическом плане издержки, я бы сказал, были относительно скромными, поскольку всей предшествующей политикой и пропагандой основная масса населения была воспитана в духе ненависти к фашизму и не верила всерьез в столь чудесную метаморфозу, способную изменить сущность фашизма. В среде людей, более или менее разбиравшихся во всех дипломатических хитросплетениях той поры, бытовала фраза, что пакт – это своего рода брак по расчету, а не по

---

⁸⁴ *Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 228.*

любви.

Едва ли есть необходимость в том, чтобы приводить многочисленные оценки пакта и политики Сталина в этот период западными биографами вождя. Но два диаметрально противоположных высказывания все-таки приведу. Так, Р. Пэйн писал, что «Подобно слепцу Сталин шел от одной беды к другой. Он был так уверен в себе, в своей власти, что говорил и делал не имеющее ничего общего с реальностью... И никто не задавал ему вопросов или предостерегал его или – насколько известно – строил какие-либо серьезные планы его убийства». И далее: «Он стал цепным псом фашизма. Он боялся и был готов умиротворять их в пределах своей власти»⁸⁵.

Полагаю, что в этой оценке нет и крупинцы истины, поэтому с ней нет резона и полемицировать, приводя какие-либо доводы.

Но вот оценка сравнительно объективного биографа Сталина А. Улама. Он писал о Сталине, что его «дипломатический талант безусловен», но «достаточно парадоксально, что этому величайшему дару Сталина выпало меньше всего признания, даже в его собственной стране и даже в период „культы личности“». Его величие как дипломата намного превосходило его дипломатический опыт; оно основывалось на тщательном взвешивании сильных и слабых сторон (как психологических, так и материальных) партнеров и врагов России, их национальных характеров и идиосинкразии, человеческих страстей и страхов»⁸⁶.

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что генсек был главным инициатором и проводником скорректированного в соответствии с изменившимися условиями международного курса Советской России. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в целом этот курс сохранял свою преемственность, если ее рассматривать под углом зрения обеспечения коренных национальных интересов страны. Если же к вопросу подходить чисто формально, базируясь на моментах, которые не определяли глубинную преемственность внешней политики Советского Союза, то можно придти к выводам, вызывающим серьезные возражения. На мой взгляд, неадекватную и по многим параметрам упрощенную оценку общему внешнеполитическому курсу генсека в этот период давал академик А.Н. Сахаров. Фактически он противопоставлял внешнюю политику Сталина в предвоенный период его политике в военный период, возводя между ними непреодолимую пропасть. В середине прошлого десятилетия А.Н. Сахаров писал: «Как правило, в исследовательских трудах прошлого и во многих современных изданиях советская дипломатия 1939 – 1941 гг. непосредственно увязывалась с последующими событиями Отечественной и второй мировой войны в целом,

---

⁸⁵ *Robert Payne* . The Rise and Fall of Stalin. L. 1968. p. 541, 563.

⁸⁶ *Adam B. Ulam* . Stalin. The man and his era. p. 559.

хотя, думается, что такой непосредственной связи не существует. Дипломатия периода действительно народной войны, когда под вопрос было поставлено само существование России как государства, выживания входивших в состав СССР славянских народов, имеет мало общего с теми дипломатическими усилиями, которые предпринимало сталинское руководство в 1939 – 1941 годах. Между тем патриотическое очарование Отечественной войны, гордость за одержанную в ней Победу, святость жертв зачастую переносятся на предшествующие этой войне дипломатические шаги этого руководства, что вряд ли правомерно. До сих пор считается зазорным заниматься обличениями советского руководства в тон с его западными критиками, поскольку это якобы бросает тень на подвиг народа в войне, выигравшего ее в тяжелейшей борьбе во главе именно с этим руководством. Хотя к науке подобный подход не имеет никакого отношения, как, кстати, и попытки многих западных историков и отечественных публицистов и историков возложить вину за развитие событий лишь на СССР»⁸⁷.

Как говорится, нельзя смешивать грешное с праведным. При чем здесь «патриотическое очарование» Великой Отечественной войной? В политике любого государства объективно присутствует историческая преемственность не только в широком контексте, но и применительно к определенным периодам ее осуществления. Она базируется не на личных качествах того или иного лидера, а непосредственно вытекает из наличия коренных национально-государственных интересов страны. Именно они составляют фундамент преемственности. И коренные национально-государственные интересы Советской России как раз и были движущей силой, определявшей курс Сталина на международной арене в два предвоенных года. Здесь можно спорить по поводу правильности или неправильности самого курса, по поводу позитивных и негативных его моментов, но отрывать его от своего фундамента – коренных национально-государственных интересов – ни в коем случае нельзя. Поскольку тогда мы как раз и приходим к противопоставлению, которое выразил почтенный академик. Правда, это было в разгар кампании по развенчанию Сталина, когда считалось чуть ли не признаком истинно научного и объективного подхода навесить на Сталина как можно больше ярлыков, вроде того, который мы встретили в оценке Р. Пэйна.

Едва ли у кого-нибудь вызовет возражение мысль о том, что именно Сталин был основным мотором, приведшем в движение весь процесс пересмотра внешнеполитической тактики Советской России в 1939 году. Этот пересмотр, как, мне кажется, уяснил читатель, был продиктован самим ходом событий и был своего рода ответной реакцией Сталина на изменившиеся коренным образом международные реальности. Здесь встает

---

⁸⁷ «Вопросы истории». 1995 г. № 7. С. 27.

другой вопрос – сделал ли этот шаг генсек самолично, не считаясь с мнениями своих коллег, или же это был плод коллективного решения? В некотором смысле такая постановка вопроса страдает академизмом, если не формализмом. К тому времени положение Сталина как верховного и неоспоримого вождя было абсолютно незыблемым: не существовало никаких оппозиций его политике, как не существовало больше оппозиции вообще. В партии и стране царило единовластие Сталина, и, безусловно, любое важное решение, а тем более затрагивающее судьбы государства, не могло быть принято без его участия, а тем более вопреки его мнению. Вместе тем, это отнюдь не означало, на мой взгляд, что он ни в чем и ни с кем не советовался и не считался. Включая, разумеется, прежде всего членов Политбюро. Как уже отмечалось во втором томе, к тому времени функции Политбюро как высшего партийного конклава, принимавшего все важнейшие решения, претерпели значительную трансформацию. Этот орган стал тем форумом, который в действительности только одобрял принятые генсеком принципиальные решения.

Применительно к пакту с Германией дело обстояло не столь просто, как с рутинными, хотя и важными, решениями. Один Сталин едва ли мог принять единоличное решение по данному вопросу. Хотя после публикации воспоминаний Н. Хрущева в исторической литературе сложилось доминирующее мнение, что и члены ПБ были фактически отстранены от участия в принятии решения. Вот как это выглядит в описании Н. Хрущева: «...У Сталина мы собрались 23 августа к вечеру. Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом договора о ненападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: „Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет“.

Самого договора с Германией я не видел. Думаю, кроме Молотова, Сталина и некоторых причастных к нему чиновников Наркомата иностранных дел, его у нас никто не видел. Нами в Политбюро происшедшие

события рассматривались так: начнется война, в которую Запад втравливал Гитлера против нас один на один. В связи с заключенным договором получалось, что войну начал Гитлер, что было нам выгодно с точки зрения и военной, и политической, и моральной. Такими действиями он вызывал на войну против себя Францию и Англию, выступив против их союзника Польши. Мы же остаемся нейтральными. Считаю, что это положение было тогда для нас наилучшим, раз Англия и Франция хотели направить против нас Германию для столкновения один на один, чтобы им самим потирать руки от удовольствия и откупиться от Гитлера за счет нашей крови, нашей территории и наших богатств. Польша же, проводившая вовсе неразумную политику, и слышать не хотела об объединении наших усилий против Германии, хотя бы и в собственных интересах, и у нас просто не было другого выхода»⁸⁸.

Этот рассказ Н. Хрущева не вызывает сомнений в достоверности изложения событий. Единственное, с чем трудно согласиться, что никто, кроме Сталина, Молотова и причастных к разработке проекта договора чиновников Наркоминдела, был не знаком с условиями пакта. Лично для меня, наиболее вероятной является такая версия: Сталин должен был обсудить условия договора если не со всеми членами ПБ, то по крайней мере с его ведущими членами. В тот период сложилась такая практика, что Политбюро из своего состава формировало комиссии, в частности, по вопросам внешней политики, оборонным проблемам и некоторые другие. Но в отличие от ленинской практики, когда также создавались всякого рода комиссии ПБ, включавшие в себя также и членов ЦК и функционировавшие до окончательного решения вопроса, при Сталине была введена новая практика. Комиссии создавались на постоянной основе и в некотором смысле подменяли собой Политбюро. Кроме того, сложилась система, при которой Сталин выделял наиболее близких в то время к себе членов ПБ и вместе с ними решал наиболее важные вопросы. Так в историю партии при Сталине вошли «пятерки» и «шестерки» – в зависимости от числа включенных в них членов ПБ. В описываемый период в число посвященных в детали переговоров с Германией входили даже не все члены Политбюро, а только его руководящая «пятерка»: И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян⁸⁹. Позднее, на XX съезде партии, Хрущев подверг резкой критике такую практику, когда Политбюро фактически подменялось различными комиссиями, решавшими относящиеся к ее компетенции вопросы. «Что за терминология картежника? Ясно, что создание

---

⁸⁸ *Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 227 – 228.*

⁸⁹ *О.В. Хлевнюк. Политбюро. Механизм политической власти в 1930-е годы. М. 1996. С. 239.*

подобных комиссий – „пятерок“, „шестерок“, „семерок“ и „девяток“ внутри Политбюро подрывало принцип коллективного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов»⁹⁰.

Конечно, оспорить это утверждение Хрущева нет оснований. Такова была практика, установленная генсеком, кстати сказать, с одобрения тех же самых членов Политбюро, которые голосовали за создание подобных комиссий. Но следует заметить, что при такой практике, когда все решал фактически один человек, формирование подобных комиссий можно расценить и как положительный момент, поскольку решения в узком составе принимались быстрее и оперативнее, они не повисали в воздухе и не становились предметом многочасовых дискуссий и обсуждений. Думается, что и в случае с пактом о ненападении дело обстояло подобным образом. Хотя здравый смысл и элементарная логика подсказывают мне, что, по всей вероятности, о пакте и его условиях были поставлены в известность и все члены Политбюро, находившиеся в Москве. Хрущев же, как известно, работал в Киеве и консультироваться с ним по такому спешному и чрезвычайно секретному вопросу заранее Сталин посчитал излишним. Тем более, трудно даже на минуту вообразить, что Хрущев мог тогда высказать какие-то свои сомнения относительно целесообразности договора с Германией. Иными словами, серьезного предмета для дискуссии по данному аспекту проблемы просто нет. Можно с полной убежденностью говорить о том, что не только лично Сталин, но и все высшее руководство страны высказались за подписание пакта о ненападении. Да и, откровенно говоря, только близорукие, лишенные элементарного стратегического и тактического чутья политики могли выступить против подписания. Тем более, что альтернативы, отвечавшей сложившейся в то время ситуации, никто тогда не мог и предложить. Только задним числом, по истечении многих десятилетий, можно морализировать по поводу данного шага Сталина. Но историческая оценка, хотя и включает в себя моральную сторону вопроса, отнюдь не сводится к ней.

И, наконец, завершая этот затянувшийся раздел, следует остановиться на одной фальшивке, ставшей своего рода фактологической базой многих клеветнических измышлений как в адрес самого Сталина, так и в отношении целей советской внешней политики в год начала второй мировой войны. Речь идет о так называемом выступлении генсека на заседании Политбюро 19 августа 1939 г. Полагаю, что для читателя будет интересным ознакомиться с текстом этого якобы имевшего место выступления, чтобы понять, какого рода доводы и аргументы были в распоряжении фальсификаторов. Вернее, как они фабриковали свои «доводы и аргументы». Это важно не только в

---

⁹⁰ Культура и власть. От Сталина до Горбачева. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002. С. 113 – 114.

разреze освещения данного эпизода в политической биографии генсека в целом. Важно и по той причине, что мышиная возня вокруг этого сюжета продолжается до сих пор. Важно еще и потому, что многие выводы и оценки рьяных антисталинистов до сегодняшнего дня обосновываются именно этим выступлением⁹¹.

Итак, якобы на состоявшемся 19 августа заседании Политбюро Сталин выступил со следующей речью.

«Вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз. Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать „модус вивенди“ с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР.

Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну. Именно это отвечает нашим интересам.

Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Нетрудно распознать выгоду, которую мы извлечем, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция в состоянии будут прийти ей на помощь. **Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию.**

Германия предоставляет нам полную свободу действий в трех Прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Остается открытым вопрос, связанный с Югославией.

В то же время мы должны предвидеть последствия, которые будут вытекать как из поражения, так и из победы Германии. В случае ее

---

⁹¹ Замечу, что весь комплекс вопросов, относящихся к истории появления и интерпретации данной речи Сталина, во всех деталях, на базе обширного исторического материала освещен в статье историка С. Случа, опубликованной в журнале «Отечественная история». 2004 г. № 1. С. 113 – 139. Я не стану в деталях останавливаться на всех нюансах данной проблемы; те, кто ею заинтересуется специально, могут обратиться к указанной статье.

поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство. **Мы не должны забывать, что советизированная Германия окажется перед большой опасностью, если эта советизация явится последствием поражения Германии в скоротечной войне.** Англия и Франция будут еще достаточно сильны, чтобы захватить Берлин и уничтожить советскую Германию. А мы не будем в состоянии прийти на помощь нашим большевистским товарищам в Германии.

Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы уставшие и до такой степени изнуренные Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами. Но, само собой разумеется, наша помощь не должна превышать определенных размеров для того, чтобы не подрывать нашу экономику и не ослаблять мощь нашей армии.

В то же самое время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в англо-французском блоке и преимущественно во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране в военное время наша партия будет вынуждена отказаться от легальной деятельности и уйти в подполье. Мы знаем, что эта работа потребует многих жертв, но мы должны без колебаний принять на себя эти жертвы. Наши французские товарищи не будут сомневаться. Их задачами в первую очередь будут разложение и деморализация армии и полиции. Если эта подготовительная работа будет выполнена в надлежащей форме, безопасность советской Германии будет обеспечена, а это будет способствовать советизации Франции. Для реализации этих планов необходимо, чтобы война продлилась как можно дольше, и именно в эту сторону должны быть направлены все силы, которыми мы располагаем **в Западной Европе и на Балканах.**

Рассмотрим теперь второе предположение, т.е. победу Германии. Некоторые придерживаются мнения, что эта возможность представляет для нас серьезную опасность. Доля правды в этом утверждении есть, но было бы ошибкой думать, что эта опасность будет так близка и так велика, как некоторые ее представляют. Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР по крайней мере в течение десяти лет. Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией с целью помешать их восстановлению. С другой стороны, победоносная Германия будет располагать огромными территориями, и в течение многих десятилетий она будет занята „их эксплуатацией“ и установлением там германских порядков. Очевидно, что Германия будет очень занята в другом месте, чтобы повернуться против нас. Есть и еще одна вещь, которая послужит нашей

безопасности. В побежденной Франции ФКП всегда будет очень сильной. Коммунистическая революция неизбежно произойдет, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции и сделать ее нашим союзником. Позже все народы, попавшие под „защиту“ победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для **развития мировой революции**.

Товарищи! В интересах СССР – родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени. Надо будет усилить **пропагандистскую** работу в воюющих странах для того, чтобы быть готовыми к тому времени, когда война закончится...»⁹²

С осени 1939 года эта мнимая речь стала с легкой руки солидного французского агентства «Гавас» гулять по страницам газет и журналов чуть ли не всего мира. Цель такой публикации была более чем очевидной – скомпрометировать советскую внешнюю политику и возложить на Советскую Россию и лично Сталина ответственность за развязывание второй мировой войны. Сталин, как известно, откликался довольно редко на всякого рода публикации, касавшиеся его личности и его политики. Однако в данном случае он счел насущно необходимым опровергнуть измышления, содержащиеся в информации о его речи. 30 ноября в «Правде» появилось его заявление следующего содержания:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни ввали господ из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) После открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) Правящие круги Франции и Англии грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешантанные политики из

---

⁹² Текст речи приведен в указанной выше статье в журнале «Отечественные записки». 2005 г. № 1.

агентства Гавас?

И. Сталин»⁹³.

Таковы факты в их обнаженном виде. Если о «речи Сталина» можно сказать, что ее просто не было, поскольку даже такой яркий критик генсека, как Д. Волкогонов, в свое время писал: «В. Суворов настойчиво подчеркивает особое значение даты 19 августа 1939 г., когда, по его мнению, было принято решение о нападении на Германию. Разочарую автора: действительно, 19 августа заседание Политбюро состоялось, но военный вопрос стоял лишь такой: „Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск – Карталы (по телеграмме Скворцова)“. И все. Никакого упоминания о плане „Гроза“ и т.д.».

Из статьи Волкогонова видно, что он «держал в руках» не протокол заседания Политбюро от 19 августа 1939 г., а решение Политбюро от 19 августа 1939 г. В конце 1930-х гг. количество вопросов, по которым Политбюро принимало решения, постоянно возрастало, но при этом число зафиксированных в протоколах заседаний Политбюро неизменно сокращалось (в 1937 г. – 7 заседаний, в 1938 г. – 5). В 1939 г. Политбюро приняло решения по 2855 вопросам, тогда как в течение года было проведено только 2 заседания Политбюро, оформленные именно как его заседания соответствующими протоколами – 29 января и 17 декабря⁹⁴.

Помимо того, что такого заседания Политбюро вообще не было, сомнителен (представим на минуту, что оно было) факт стенографической записи такого выступления, поскольку, согласно постановлению самого Политбюро, в протоколы Политбюро ничего, кроме решений Политбюро, записываться не должно. Стенографирование обсуждения отдельных вопросов на заседаниях Политбюро осуществлялось только по специальному решению, о чем в протоколе делалась особая отметка. Подобный порядок оформления протоколов сохранялся практически все дальнейшие годы пребывания Сталина у власти⁹⁵.

Видимо, вопрос о фальшивке с так называемой речью Сталина достаточно ясен – это была фальшивка, судя по всему, сфабрикованная в недрах разведывательного бюро французского генштаба. И точить лясы вокруг этой фальшивки нет смысла. Хотя на одну ахиллесову пяту всей сфальсифицированной речи следует указать. Здесь Сталин выглядит как поборник мировой революции, причем источником революционного взрыва

---

⁹³ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 14. Ответ редактору «Правды». (Электронная версия).

⁹⁴ См. «Отечественные записки». 2005 г. № 1.

⁹⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 – 1952. Каталог. Т. I. 1919 – 1929. М. 2000. С. 22, 24.

он рассматривает большую войну. Между тем выше было показано, что вождь давно уже освободился от химеры мировой революции, поскольку реально оценивал общий ход мирового развития. Хилые перспективы мировой революции так или иначе признавал даже ее рьяный поборник Троцкий, тем более странным слышать из уст Сталина отдававшие запахом нафталина рассуждения о мировой революции, советизации Германии и т.п. чисто пропагандистские изыски. Реальные факты действительности того периода с абсолютной неопровержимостью свидетельствуют об одном: вождь советского народа в то время был самым серьезным образом озабочен судьбами безопасности собственной страны, а не фантастическими замыслами превратить чуть ли не всю Европу в составную часть советской империи, как выражаются многие западные политологи и историки. Короче говоря, и по своему происхождению, и по своему реальному содержанию данная речь никак не могла быть произнесена Сталиным, ибо ее исходные посылки, фундаментальные выводы, к которым он приходил, находились в явном противоречии со всей его политической философией.

Другое дело – текст опровержения Сталина, из которого однозначно явствует, что он снимает с фашистской Германии ответственность за развязывание второй мировой войны и возлагает эту ответственность на Англию и Францию, упрекая их вдобавок в том, что они отвергли якобы миролюбивые предложения Германии. Совершенно очевидно, что Сталин здесь идет наперекор реальным историческим фактам. И это никак не делает ему чести, поскольку во имя сохранения установившихся с Германией отношений он сильно перебарщивает. Здесь ему определенно изменило чувство осторожности и меры, он оказался не в состоянии заглянуть за горизонт событий и предвидеть крутой зигзаг в развитии мировых изменений, происшедших за период немногим более года. Здесь Сталин-тактик явно довлеет над Сталиным-стратегом.

Подводя краткий итог, следует оттенить следующие положения:

Внешнеполитическая стратегия Сталина накануне второй мировой войны целиком и полностью была сфокусирована на том, чтобы выиграть время и не дать вовлечь Советскую Россию в войну. Причем не последнюю роль играло то соображение, на какой стороне Советскому Союзу придется воевать, если он будет вовлечен в войну. Недоверие – и заметим, вполне обоснованное – он питал как к западным демократиям, так и к гитлеровской Германии. Именно стремление избежать войны, как можно дальше отодвинуть сроки ее наступления – таков был один из главных императивов, толкнувших Сталина на противоестественный с наиболее распространенной точки зрения пакт с Германией.

Если попытаться выявить генезис появления идеи самого пакта, то нужно со всей определенностью сказать, что он был фактически порождением, своего рода выкидышем политики Мюнхена. Не было бы мюнхенского сговора, не было бы и советско-германского пакта со всеми

сопутствующими международно-политическими последствиями. Политика попустительства гитлеровской экспансии, проводившаяся правительствами Англии и Франции, при почти полном равнодушии к этому со стороны США с неотвратимой закономерностью привела к тому, что у Советской России не оставалось иного выбора, как пойти на сделку с Гитлером. В противном случае события могли бы принять для нашей страны особенно опасный оборот, когда он оказался бы перед реальной перспективой войны на два фронта – на западе против Германии, на востоке против Японии.

Реализм и прагматизм Сталина помогли ему сделать единственно верный оставшийся ему выбор – пойти на соглашение с дьяволом, чтобы не быть раздавленным объединенным фронтом антисоветских сил. Ведь, в конечном счете, неизвестно, как бы стали разворачиваться события на европейском, да и не только на европейском, континенте, если бы Сталин отклонил предложение Берлина и тем самым оказался бы в состоянии глубочайшей военно-политической и стратегической изоляции. Надежд на то, чтобы какими-то иными дипломатическими средствами выбраться из тупика, в который его хотели загнать, по существу не было. Беспристрастный ретроспективный исторический взгляд на действия Сталина в те грозные и тревожные годы дает основание признать вынужденную сделку с Германией правильным и оправданным шагом.

В качестве своего рода аргумента научно-исторического плана позволю себе сослаться на мнение видного английского историка Б. Лиддел Гарта, который в своей получившей широкую известность книге о второй мировой войне дал следующую, на мой взгляд, вполне взвешенную и объективную оценку данному пакту. Он писал следующее: «Сталин прекрасно сознавал, что западные державы давно склонны позволить Гитлеру двигаться на восток, на Россию. Возможно, он считал советско-германский пакт удобным средством, с помощью которого агрессивную деятельность Гитлера возможно повернуть в обратном направлении. Другими словами, Сталин сталкивал лбами своих непосредственных и потенциальных противников. А это, по меньшей мере, означало ослабление угрозы Советской России и, вполне возможно, общее ослабление ее противников, что обеспечило бы России доминирующее влияние в послевоенном мире.

В 1941 году, после того как Гитлер вторгся в Россию, шаг, предпринятый Сталиным в 1939 году, выглядел фатально близоруким актом. Возможно, Сталин переоценил способность западных стран к сопротивлению и тем самым преуменьшил мощь Германии. Возможно также, что он переоценил свои собственные силы к сопротивлению. Тем не менее при рассмотрении положения в Европе в последующие годы нельзя сказать с такой уверенностью, как в 1941 году, что меры, предпринятые Сталиным, нанесли ущерб России. Западу же все это нанесло неизмеримый урон. И главными виновниками этого являются те, кто был ответствен за проведение

политики колебаний и спешки в обстановке, явно чреватой взрывом»⁹⁶.

Общая положительная оценка внешнеполитической стратегии Сталина никак не равнозначна безоговорочному одобрению всех его конкретных шагов, предпринятых в тот период. Бросается в глаза его излишняя, порой ничем не мотивированная поддержка политики Гитлера в самый первый период после заключения пакта. Хотя, конечно, Сталин не мог считать фюрера миролюбивой овечкой, озабоченной лишь восстановлением справедливости, попранной Версальским договором. Он знал подлинную природу фашизма и истинное лицо политики экспансии, проводившейся Гитлером. Однако, поставив во главу угла цель – сохранить с Германией нормальные отношения, Сталин упустил из виду многие другие обстоятельства, требовавшие проявления большего недоверия к политике фюрера. Он, в сущности, переоценил его способности как политического деятеля и как политического стратега, поскольку Гитлер, опьяненный своими успехами, явно утратил чувство реальности и вступил на путь авантюры. Сталин, видимо, полагал, что Гитлер гораздо умнее и не будет идти по пути, который не раз в истории приводил Германию к неотвратимому поражению. Наконец, о моральной стороне заключения пакта о ненападении. Конечно, с точки зрения моральных критериев пакт с Гитлером, если брать его во всей совокупности, трудно оправдать. Но в данном случае мы столкнулись с реальным противоречием самой жизненной реальности – чему отдать приоритет: сугубо моральным принципам и нормам или же коренным интересам многомиллионной страны? Что поставить выше – нормы морали или жизненно важные интересы народов, входивших в состав Союза и вручивших в его руки свои судьбы? Не нужно быть особо прозорливым, чтобы понять, что Сталин сделал выбор в пользу национально-государственных интересов Советской России. Здесь еще раз подтвердилась аксиома, выраженная нашим национальным гением А.С. Пушкиным, – власть верховная не терпит слабых рук. И Сталин продемонстрировал не только силу своей власти, но и историческую прозорливость. И сама история его оправдала, ибо в конечном счете победителем оказался Советский Союз во главе со Сталиным.

ГЛАВА 2. ПРЕДВОЕННАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА

---

⁹⁶ Б. Лиддел Гарт. Вторая мировая война. М. – Ст.-П. 2002. С. 33.

1. Расширение территории СССР как фактор усиления обороноспособности

Начало осени 1939 года знаменовало наступление коренного сдвига во всем ходе развития международных отношений – мир вступил в полосу тяжелейших за всю историю испытаний: началась вторая мировая война. Это со временем стало ясно, что началась не просто серия конфликтов локального характера, а подлинно всемирная война, сказавшаяся на судьбах всех стран и народов, вне зависимости от того, принимали ли они прямое участие в войне или нет. Сталин уже на протяжении многих лет в своих докладах и выступлениях предрекал вступление народов в полосу потрясений и империалистических войн. Он создавал также, что даже при самом благоприятном для Советской России течении событий ей не удастся оказаться в стороне – сама объективная логика исторического процесса непременно должна была вовлечь ее в самую гущу развертывавшихся одно за другим исторических потрясений и драм. Пользуясь словами римского поэта времен античности Вергилия, судьбы сами прокладывали свой путь. Течение и ход исторического развития не было дано предвидеть никому. Не смог предвидеть его и вождь, поскольку оно оказалось таким сложным и противоречивым, наполненным крутыми поворотами и самыми невероятными зигзагами. Это только сейчас, с временной дистанции, измеряемой многими десятилетиями, течение исторического процесса в тот период воспринимается как вполне закономерное и объективно обусловленное.

Желанной, но имевшей ничтожно мало шансов на свою реализацию целью Сталина было максимально долго оставаться вне войны, оттянуть срок ее неизбежного наступления, использовать выигранное время для укрепления обороноспособности страны, усиления и совершенствования ее оборонного потенциала, и прежде всего оснащения армии и флота современными средствами ведения войны. Довольно скромный опыт нашего косвенного участия в испанской войне, весьма полезные уроки, полученные в ходе халхингольской операции, – всего этого было мало, чтобы на такой базе сделать вполне объективные и трезвые оценки реальной готовности страны к большой войне.

Сталин не мог не отдавать себе отчета в том, что предстоящая война коренным образом будет отличаться от всех предшествующих, в которых доводилось принимать участие Советской России. Однако синдром прошлых побед, можно сказать чрезвычайно раздутый синдром побед времен Гражданской войны, довлел над всеми. Довлел он в определенной мере и над Сталиным, хотя он, очевидно, глубже и лучше, чем другие советские политические и военные руководители, сознавал, что в карете прошлого далеко не уедешь.

В первой главе я попытался показать, что в основе всей

геополитической и военно-стратегической линии Сталина в тот период было стремление выиграть время. Этой же, в сущности, цели была подчинена и политика, нацеленная на расширение границ Советской России, чтобы таким путем в случае начала войны также обеспечить выигрыш времени и достижение других военных преимуществ. По крайней мере, бесспорным представляется тезис, согласно которому, чем дальше на запад будут отодвинуты границы Советской России, тем большими возможностями она будет располагать в случае агрессии со стороны Германии. А что касается того, что Сталин как до подписания, так и после подписания пакта с Берлином, исходил из того, что нашей стране рано или поздно придется схватиться в смертельном поединке с германским фашизмом, – это представляется бесспорным для такого широко мыслящего и прозорливого политика, каким показал себя Сталин. Он не был наивным государственным деятелем, вся его жизнь, богатый политический опыт развили в нем генетически заложенное чувство недоверия к своим политическим противникам, будь они из внутреннего лагеря, будь они из внешнего. Полагаю, что эту черту вождя как государственного и политического деятеля хорошо знал его ближайший соратник В. Молотов. Касаясь этого сюжета, он говорил:

«– Наивный такой Сталин, – говорит Молотов. – Нет. Сталин очень хорошо и правильно понимал это дело. Сталин поверил Гитлеру? Он своим-то далеко не всем доверял! И были на то основания. Гитлер обманул Сталина? Но в результате этого обмана он вынужден был отравиться, а Сталин стал во главе половины земного шара!

Нам нужно было оттянуть нападение Германии, поэтому мы старались иметь с ними дела хозяйственные: экспорт – импорт.

Никто не верил, а Сталин был такой доверчивый!.. Велико было желание оттянуть войну хотя бы на полгода еще и еще. Такое желание, конечно, было у каждого и не могло не быть ни у кого, кто был близок к вопросам того времени. Не могло не быть просчетов ни у кого, кто бы ни стоял в таком положении, как Сталин»⁹⁷.

После заключения советско-германского пакта, и особенно дополнительного протокола, касающегося размежевания границ после неизбежного поражения Польши, события приняли стремительный оборот. Как уже отмечалось в первой главе, план нападения на Польшу был утвержден Гитлером задолго до подписания пакта Риббентроп – Молотов. Вне зависимости от того, был бы подписан этот пакт или нет, Польша в любом случае стала бы объектом нападения со стороны гитлеровской Германии. В какой-то степени можно говорить лишь о том, что не сам пакт стал причиной военной акции Гитлера против своего восточного соседа, но

---

⁹⁷ *Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 33.*

что он вселил в Гитлера еще большую уверенность в том, что операция против поляков будет быстрой и эффективной и что он не встретит противодействия, прежде всего военного, со стороны Советской России.

Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии.

Польские правящие круги своей безответственной и близорукой политикой подготовили то, что в историографии условно называют четвертым разделом Польши. Ведь именно польское правительство отказалось пропустить советские войска через свою территорию в случае нападения на нее Германии, что стало одним из самых существенных препятствий для достижения согласия во время тройственных англо-франко-советских переговоров летом 1939 года. Антисоветские настроения возобладали над всеми разумными и трезвыми доводами и соображениями. Некоторые влиятельные круги в Варшаве продолжали бредить планами создания «великой Польши от Балтийского до Черного морей».

Между прочим, несколько отвлекаясь от главной нити нашего изложения, хотя бы на короткое время перенесемся в современную нам действительность. 5 мая 2006 г. польский сейм обратился к тогдашнему российскому руководству с требованием осудить Сталина за то, что в 1939 году он поддерживал главу фашистской Германии Адольфа Гитлера в войне против Польши. Газета «Советская Россия» поместила в связи с этим комментарий, в котором приводились убедительные и давно ставшие достоянием известности факты о подлинной политике Польши в отношении Советской России накануне второй мировой войны. Хотя эти факты и известны, в нынешней ситуации, а не только в сугубо историческом аспекте, их полезно было бы напомнить современным польским деятелям, одержимым почти патологическим желанием предать анафеме Россию за ее прежнюю политику по отношению к Польше. Вот некоторые из этих фактов.

Воспользовавшись мюнхенским сговором, тогдашнее польское правительство ввело войска в Тешинскую область Чехословакии и захватило ее. А между тем это был весьма лакомый кусок, чуть ли не вполовину увеличивший производственные мощности польской тяжелой промышленности. Что касается планов сотрудничества с гитлеровской Германией в случае ее войны против СССР, то на этот счет также имеется немало документов. Польский посол в Париже Лукасевич в беседе с американским послом Буллитом заявил: «Начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом, и, в случае оказания Советским Союзом помощи Чехословакии, Польша готова к войне с СССР плечом к плечу с Германией. Польское правительство уверено в том, что в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены и Россия не будет более представлять собой даже подобия государства». В декабре 1938 г. в докладе 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска польского подчеркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей

формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России». И еще один факт из числа тех, которые рисуют подлинную картину польской политики в отношении Советской России, причем буквально за несколько месяцев до гитлеровского нападения. В декабре 1938 г. заместитель польского министра иностранных дел писал польскому послу в Москве Гржибовскому: «Нам чрезвычайно трудно сохранять равновесие между Россией и Германией. Наши отношения с последней полностью основываются на концепции наиболее ответственных лиц Третьего рейха, которые утверждают, что в будущем конфликте между Германией и Россией Польша явится естественным союзником Германии»⁹⁸.

Сами немецкие руководители, в том числе и лично Гитлер, целенаправленно и усиленно стимулировали антисоветские тенденции. «При всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши совершенно независимо от положения дел в России, – заявлял он 5 января 1939 г. в беседе с польским министром иностранных дел Ю. Бекком. – Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной России, Германия всегда будет относиться к этой стране с предельной осторожностью, и потому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций. С чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя; дивизии, которые Польша вынуждена держать на русской границе, избавляют Германию от соответствующих дополнительных военных расходов»⁹⁹.

Мало-мальски мыслящий человек должен понимать, что такая внешнеполитическая ориентация и столь круто замешанная антисоветская линия правящих кругов Варшавы во многом и предопределили столь печальные последствия для польского государства. Вместо великой Польши получился пшик.

Гитлер вторгся в страну, организовав перед этим приграничную провокацию, и повел стремительное наступление на Варшаву. Польские войска оказались не в состоянии проявить сколько-нибудь серьезного сопротивления германской военной машине. В течение двух-трех недель Польша оказалась фактически разгромленной, правительство бежало за границу, само сопротивление поляков носило крайне неорганизованный характер. В этих условиях Сталин и приступил к реализации той части секретных договоренностей, которые касались Польши. Не сделав этого, он оказался бы перед фактом того, что полчища вермахта оказались бы у границ

---

⁹⁸ «Советская Россия». 10 мая 2006 г.

⁹⁹ Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 168.

Советской России.

К тому же – и это следует особо подчеркнуть, – у Советской России были свои давние счеты к Польше. Когда после первой мировой войны возникло независимое Польское государство, Верховный Союзнический совет Антанты установил восточную границу Польши, вошедшую в историю под названием «линия Керзона» (по имени тогдашнего министра иностранных дел Великобритании). Эта линия основывалась на этническом принципе и была даже в чем-то обоснованной: районы, заселённые преимущественно украинцами и белорусами, отходили к соответствующим советским республикам в 1921 году. Но польские правители, вдохновляемые и подстрекаемые странами Антанты, развязали против еще неокрепшей Советской России войну. Сталин, как было уже описано в первом томе, принимал активнейшее участие в руководстве операциями в этой войне. Но в конечном счете успеха добились поляки, опиравшиеся на всемерную западную помощь и поддержку. В итоге Советская Россия вынуждена была подписать Рижский мирный договор. В нём советским республикам была навязана новая граница, проходившая намного восточнее «линии Керзона» и включавшая в себя обширнейшие территории Украины и Белоруссии. Так что, помимо всего прочего, Сталин, как говорится, имел все основания добиваться восстановления исторической справедливости. Речь, правда, шла теперь уже не только о воссоединении захваченных в итоге Рижского договора территорий Украины и Белоруссии, но о более жирном куске польских земель.

Но дилемма была проста: если бы Сталин отказался от выполнения условий заключенного секретного дополнения к пакту, то эти территории захватили бы немецкие войска и вплотную вышли бы к советским границам. Поэтому можно говорить, что никакой дилеммы, собственно, и не было. Однако Сталин продолжал выжидать и медлить со вступлением советских войск, поскольку опасался непредвиденных неожиданностей с германской стороны. Протокол протоколом, а бдительность и осторожность проявлять было в любом случае необходимо.

Наконец, 17 сентября, когда положение более-менее прояснилось и стало ясно, что дальнейшее промедление чревато возможными осложнениями и потерями, было принято решение о вступлении советских войск на территорию Польши. Утром 17 сентября 1939 г. польскому послу в Москве была вручена нота, содержание которой отличалось предельной лаконичностью и вместе с тем чрезвычайной жесткостью. В ноте говорилось, что польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили

свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

В тот же день по радио с речью выступил председатель Совнаркома В. Молотов, мотивировавший действия советской стороны. Основные положения, содержащиеся в ноте, были повторены в выступлении главы советского правительства. Особо он подчеркнул, что советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению.

Помимо чисто внешнеполитических моментов, в речи содержался и один момент, достаточно ярко рисующий общее настроение, господствовавшее тогда в стране. Началась повсеместная закупка продовольствия, что служило прямым признаком серьезной озабоченности населения надвигающимися событиями. Молотов призвал воздерживаться от закупок, которые ставили под угрозу функционирование системы снабжения. Он специально подчеркнул, что правительство не намерено вводить карточную систему и располагает необходимыми запасами как продовольствия, так и товаров¹⁰⁰.

Приведенные выше факты говорят сами за себя – страна замерла в тревожном ожидании: что же произойдет дальше. Думаю, что читатель легко сделает собственный вывод, а мне лишь хочется добавить следующее. Несмотря на всю бодрую и шапкозакидательскую пропаганду, на то, что от «тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее», в народе широко были распространены настроения тревоги и откровенная боязнь войны. Войны не только не хотели, но и ее боялись.

Закончил свою речь, встревожившую всю страну уже буквально от Кронштадта и до Владивостока, Молотов стандартной здравицей: «Народы Советского Союза, все граждане и гражданки нашей страны, бойцы Красной Армии и Военно-Морского Флота сплочены, как никогда, вокруг советского

---

¹⁰⁰ Оглашению подлежит: СССР – Германия 1939 – 1941. (Документы и материалы). Составитель-переводчик: Ю.Г. Фельштинский. (Электронная версия).

правительства, вокруг нашей большевистской партии, вокруг своего великого вождя, вокруг мудрого тов. Сталина для новых и еще невиданных успехов труда в промышленности и в колхозах, для новых славных побед Красной Армии на боевых фронтах»¹⁰¹.

А Красную Армию, конечно, ждал триумф, поскольку местное украинское и белорусское население встречало ее с большим и неподдельным энтузиазмом. Польские войска практически не оказывали сопротивления, а зачастую целыми подразделениями предпочитали сдаваться в плен советским войскам, нежели немецким. Эти контингента военнопленных в дальнейшем послужили костяком армии Андерса, сформированной на территории СССР после событий 1941 года.

В этот период Сталин внес существенные коррективы в свою линию в польском вопросе: он не желал, как это было предусмотрено протоколом, остановить свое продвижение не на Висле у Варшавы, а на Западном Буге у Бреста. Он не желал, чтобы наши войска оказались во враждебном со стороны местного польского населения окружении. Кроме того, его беспокоило и то, не нарушит ли Германия достигнутых договоренностей относительно разграничительной линии. Он выразил на этот счет послу Берлина свои опасения. Шуленбург заверял Сталина в том, что все будет, как оговорено в протоколе. В ответ на это Сталин заметил:

– В лояльности немецкого правительства я не сомневаюсь, однако известно, что военные очень неохотно уходят с завоеванных территорий...

Присутствовавший военный атташе генерал Кёстринг парировал:

– Немецкие генералы делают, что им прикажет фюрер!¹⁰²

Однако подобные заверения могли усыпить кого-то другого, но не Сталина. Он вынашивал идею предложить обмен: Германия получает большую часть Варшавского воеводства и все Люблинское, России же передается Литва, первоначально включенная в немецкую сферу. Посол Шуленбург послал срочное донесение в Берлин:

«19 сентября 1939 г.

Совершенно секретно! Молотов заявил мне сегодня, что советское правительство считает, что теперь для него, как и для правительства Германии, созрел момент для окончательного определения структуры польских территорий. В связи с этим Молотов дал понять, что первоначальное намерение, которое вынашивалось советским правительством и лично Сталиным, – допустить существование остатка Польши – теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии

---

¹⁰¹ Оглашению подлежит: СССР – Германия 1939 – 1941. (Документы и материалы). Составитель-переводчик: Ю.Г. Фельштинский. (Электронная версия).

¹⁰² См. *Лев Безыменский*. Гитлер и Сталин перед схваткой. М. 2000. С. 307.

Писса – Нарев – Висла – Сан. Советское правительство желает немедленно начать переговоры по этому вопросу и провести их в Москве, поскольку такие переговоры с советской стороны обязаны вести лица, наделенные высшей властью, не могущие покинуть Советский Союз»¹⁰³.

Во исполнение этого пожелания в Москву срочно прилетел Риббентроп, который провел соответствующие переговоры. Их итогом явилось подписание 28 сентября 1939 г. «Германо-советского договора о дружбе и границе». По существу, ни о какой дружбе в договоре речи не было; предметом рассмотрения был вопрос о границах. В статье 1 договора говорилось, что правительства СССР и Германии устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе. В статье 2 договора фиксировалось, что обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение. И, наконец, о пресловутой «дружбе»: Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами¹⁰⁴. Секретные дополнительные протоколы касались деталей территориального разграничения, перемещения населения, а также запрета враждебной друг другу пропаганды.

Как видим, Сталин проявил в подходе к польской проблеме заметную осторожность, что явно свидетельствовало о его внутреннем недоверии к заверениям Гитлера, а также о том, что он держал в уме вопрос – где лучше провести линию разграничения с Германией с точки зрения перспектив возможной будущей схватки между Советской Россией и фашистской Германией. Сейчас, конечно, легко упрекать Сталина в разделе Польши. Но зададимся вопросом: а что, лучше было бы, чтобы всю Польшу, а также Западную Украину и Западную Белоруссию захватили германские войска? Сталин играл с фюрером в большую политическую игру, вынужденный к тому силой исторических обстоятельств. Причем он вел эту игру умно, расчетливо и с прицелом на дальнейшее развитие событий, чреватых неизбежным столкновением с фашистской Германией. Те, кто обрушивает на Сталина целые ниагарские водопады обвинений и приклеивает ему различные политические клички, вроде «пособника Гитлера», соучастника развязывания второй мировой войны и т.п., мягко выражаясь,

---

¹⁰³ Оглашению подлежит... Германо-советский договор о дружбе и границе. (Электронная версия).

¹⁰⁴ Оглашению подлежит: СССР – Германия 1939 – 1941. (Документы и материалы). Составитель-переводчик: Ю.Г. Фельштинский. (Электронная версия).

целенаправленно искажают и упрощают действительную историческую ситуацию предвоенной поры, мыслят категориями чисто формальной логики.

Однако высказанная мною оценка не снимает целого ряда вопросов, связанных с четвертым разделом Польши. Они вплоть до наших дней остаются предметом самых острых исторических и политических дискуссий. Едва ли какими-либо аргументами можно оправдать оскорбительные по отношению к Польше высказывания, имевшиеся в докладе Молотова на заседании Верховного Совета СССР, в котором содержался такой пассаж: «Правящие круги Польши немало кичились „прочностью“ своего государства и „мощью“ своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. „Традиционная политика“ беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась»¹⁰⁵. Если еще в порыве упоения легкой победой над Польшей можно как-то объяснить весь пыл высказывания Молотова, то с сугубо объективной исторической точки зрения было не просто ошибкой, а несуразной глупостью давать целой стране нечто вроде клички – уродливое детище Версальского договора. Видимо, в то время Сталину и его ближайшим соратникам серьезно изменяло чувство меры и исторической соразмерности. Иначе вещи, подобные процитированному выше, не могли иметь места. Надо признать, что эта оценка послужила мощным оружием в антисоветской пропаганде и в конечном счете обернулась бумерангом против интересов самой Советской России.

В плане долгосрочной стратегии Сталина, несомненно, обыграл Гитлера. Как пишет американский журналист У. Ширер, «Гитлер развязал войну против Польши и выиграл ее, но куда в большем выигрыше оказался Сталин, войска которого вряд ли произвели хоть один выстрел. Советский Союз получил почти половину Польши и взялся за Прибалтийские государства. Это, как никогда ранее, отдалило Германию от ее основных долгосрочных целей: от украинской пшеницы и румынской нефти, остро ей необходимых, чтобы выжить в условиях английской блокады. Даже польские нефтеносные районы Борислав, Дрогобыч, на которые претендовал Гитлер, Сталин выторговал у него, великодушно пообещав продавать немцам эквивалент годовой добычи нефти в этих районах»¹⁰⁶.

В историографии, особенно западной, весьма распространенной

---

¹⁰⁵ Оглашению подлежит... Доклад председателя СНК Молотова 31 октября 1939 г. (Электронная версия).

¹⁰⁶ Уильям Ширер. Взлет и падение третьего рейха. М. 1991. Т. 2. С. 10.

является точка зрения, что советский лидер в предвоенный период, осуществляя расширение восточных рубежей нашей страны с целью максимально отодвинуть на запад исходные плацдармы для осуществления нападения на СССР, по существу возвратился к старой имперской политике русских царей. В качестве примеров приводятся Польша, Прибалтика и т.д. Такую точку зрения проводит, например, И. Дойчер, в своей политической биографии Сталина. Он, в частности, утверждает, что в итоге заключения пакта и секретных протоколов Сталин отказался от знаменитой формулы своей внешней политики – мы не хотим ни пяди чужой земли. «Эра российской территориальной экспансии началась. Непосредственным мотивом Сталина было стремление к обеспечению безопасности; то же самое стремление, между прочим (*mutatis mutandis*), лежало в основе действий русских царей в девятнадцатом веке, которые, опасаясь прусского милитаристского государства, приняли участие в трех разделах Польши»¹⁰⁷.

Как видим из этого пассажа, историки, не лишённые духа реалистического анализа, вполне понимали, что в основе такой политики лежали не мотивы агрессивных завоеваний, а стремление обеспечить безопасность государства. Что же до имперских амбиций Сталина, то в какой-то мере можно признать, что таковые имели место быть. Однако суть этих имперских амбиций носила принципиально иной характер, нежели то, что под этим понятием разумеют вообще. Включённые в состав СССР народы располагали все одинаковыми правами и не находились на положении, скажем, индусов или пакистанцев, не говоря уже об африканцах. Ведь если пользоваться термином империя, то нужно четко проводить границу между, так сказать, классической империей, какой была Британская империя, и империей советской. Последняя лишь в силу чисто внешних признаков сходства могла быть причислена к разряду мировых империй. На самом же деле это было содружество равноправных и свободных народов, обладавших всеми атрибутами национальной самобытности и всеми возможностями вместе с другими советскими народами развивать свою культуру, свой язык, свои национальные традиции и т.д. К созданию совершенно иной империи стремился Гитлер: она должна была быть империей, где господствовал только избранный народ – германская арийская нация. Все остальные рассматривались в качестве рабочей силы, призванной обслуживать истинных арийцев.

Это авторское пояснение позволяет с объективных позиций подходить и к исторической оценке сталинских территориальных приобретений. Особо важно подчеркнуть – и данное обстоятельство не должно ускользать от внимания, – что Советская Россия в лице Сталина фактически восстанавливала историческую справедливость, поскольку территории, о

---

¹⁰⁷ *Isaac Deutscher . Stalin. p. 429.*

которых шла речь, были составной частью прежней Российской империи. И были тем или иным способом отторгнуты от нее в результате войн, интервенций и открытого вмешательства стран Антанты в период Гражданской войны, когда страна не имела еще достаточно сил и необходимой военной мощи, чтобы противостоять этому. Причем «растаскивание» Российской империи диктовалось, с одной стороны, исконной враждебностью со стороны Запада к нашей стране, а с другой стороны, ненавистью к новому режиму, установленному в стране.

Касаясь того, как складывались империи в новое и новейшее время, достаточно вспомнить о знаменитой формуле канцлера Германии О. Бисмарка – объединение с помощью железа и крови. Правда, речь шла пока только об установлении государственного единства самой Германии, а не о захвате чужих земель. В этом контексте невольно вспоминаются строки великого русского поэта Ф.И. Тютчева:

«„Единство, – возвестил оракул наших дней, –
 Быть может спаяно железом лишь и кровью...“
 Но мы попробуем спаять его любовью, –
 А там увидим, что прочней...»¹⁰⁸.

Советская империя, конечно, не обошлась без крови и железа, но строилась она отнюдь не на этих двух китах. Поэтому и подходы к ее исторической оценке должны быть иными. В предвоенное лихолетье коренные национально-государственные интересы Советской России стали движущим мотивом территориального расширения Советского Союза.

Советско-финская война. Отношения между Советским Союзом и Финляндией складывались на протяжении многих послереволюционных лет по-разному, но в целом они отличались известной противоречивостью в силу различных причин. Одной из главных было то, что во второй половине 30-х годов эти отношения все в большей мере зависели от общей международной обстановки, от того, что Германия, а также западные демократии стремились усилить в Финляндии свое влияние и направить политику этой страны в сугубо антисоветское русло. Между СССР и Финляндией действовал пакт о ненападении, однако его реальное значение было символическим, поскольку в Хельсинки все большее влияние приобретали силы явно враждебные Советской России. Конечно, там существовали и другие силы, заинтересованные в сохранении нормальных и даже дружественных отношений между двумя странами, тем более, что позитивную роль играли и исторические реминисценции, порожденные тем, что на протяжении длительного исторического периода Финляндия входила в состав России,

---

¹⁰⁸ Ф.И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Л. 1987. С. 255.

хотя и пользовалась довольно широкой автономией. Словом, взаимоотношения двух стран сочетали в себе известную стабильность и периодически возникавшую напряженность.

Положение коренным образом изменилось после заключения пакта о ненападении с Германией. Как известно, в соответствии с секретными протоколами Финляндия включалась в советскую сферу влияния. Имея у себя в руках этот козырь, Сталин решил действовать более энергично. Суть проблемы состояла в том, что его серьезно беспокоило растущее влияние Берлина и то, что она с максимальной долей вероятности станет северным союзником Германии в случае нападения последней на Советский Союз. К тому же, нельзя было просто игнорировать набравшие все больший масштаб антисоветские поползновения правящих кругов этой страны. Там на полном серьезе говорили о возможности создания Великой Финляндии, разумеется, за счет приращения сопредельных территорий Советской России – Карелии. Учитывая тот факт, что граница с финнами проходила всего в 32 километрах от Ленинграда, что в случае любого военного конфликта порождало серьезную угрозу второй столице страны, Сталин и его дипломатия предпринимали самые активные усилия для того, чтобы путем переговоров договориться об обмене территориями с тем, чтобы граница на Карельском перешейке была отодвинута на север, а финны получали территориальную компенсацию за счет территорий в Карелии. Конкретно речь шла о том, чтобы Финляндия произвела демилитаризацию приграничной зоны и перенесла границу на 70 км от Ленинграда, а также ликвидировала военно-морские базы на Ханко и на Аландских островах в обмен на очень значительные территориальные уступки на севере Финляндии.

Советское правительство предлагало разрешить мирным путем вопросы взаимоотношений между СССР и Финляндией. В переговорах с финнами Сталин говорил: «Мы не требуем и берем, а предлагаем... Поскольку Ленинград нельзя переместить, мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 километров от Ленинграда... Мы просим 2700 кв. км. и предлагаем взамен более 5500 кв. км». Защищая прорубленное Петром Великим «окно в Европу», он заявлял: «Мы ничего не можем поделать с географией, так же как и вы ее не можете изменить»¹⁰⁹.

С финской стороны велись по этим вопросам переговоры, которые в создавшейся тогда тревожной международной обстановке были наилучшим способом решения проблемы. Однако она категорически и безоговорочно отвергала советские предложения, которые Сталин считал минимальными для обеспечения безопасности страны и особенно для безопасности Ленинграда. Примечательно, что в этот период Сталин дал команду, чтобы средства массовой информации в максимальной степени постарались

---

¹⁰⁹ Зимняя война 1939 – 1940. Кн.1. Политическая история. М. 1998. С.125, 371.

представить предложения Москвы как весьма разумные и довольно умеренные. Надо отметить, что и некоторые авторитетные люди на Западе публично высказались в поддержку советской позиции. Так, Б. Шоу на вопрос корреспондента газеты «Дейли мейл» ответил: «Финляндию ввело в заблуждение её глупое правительство. Финляндия должна была принять предложения России об обмене территориями. Ей следовало бы быть достаточно разумным соседом. Она, по всей вероятности, не отказалась бы от советского предложения, если бы действовала самостоятельно или в своих собственных интересах. Ни одна держава не может терпеть границу, с которой можно обстреливать такой город, как Ленинград. Особенно, когда эта держава знает, что государство, расположенное по ту сторону границы, как бы оно мало и слабо ни было, угрожает её безопасности из-за глупого правительства, действующего в интересах других, более мощных государств»¹¹⁰.

Уже в послевоенное время один из крупнейших специалистов по второй мировой войне английский историк Б. Лиддел Гарт писал: «...объективное изучение этих требований (советских предложений Финляндии накануне советско-финской войны – Н.К.) показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь серьезного ущерба безопасности Финляндии. Безусловно, все это помешало бы Германии использовать Финляндию в качестве трамплина для нападения на Россию. Вместе с тем Россия не получала какого-либо преимущества для нападения на Финляндию... однако финны отвергли и это предложение... после катастрофического поражения финских войск 12 февраля в районе Суммы на линии Маннергейма, новые советские требования были исключительно умеренными, выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил государственную мудрость...»¹¹¹.

В конце ноября 1939 года с финской стороны (а Финляндия уверяла, что с советской стороны) была организована военная провокация (обстрел территории из орудий). Москва реагировала весьма энергично: она заявила, что не намерена осложнять обстановку и предложила финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке – на 20 – 25 километров, и тем предотвратить возможность повторных провокаций. Для финнов это, естественно, было неприемлемо, поскольку, приняв эти условия, она тем самым отошла бы за сильно укрепленную и эшелонированную полосу, получившую в истории название «линии Маннергейма».

---

¹¹⁰ «Правда». 4 декабря 1939 г.

¹¹¹ Б. Лиддел Гарт. Вторая мировая война. М. – С.-П. 2002. С. 33.

Сталин перешел к активным действиям. С речью по радио 29 ноября 1939 г. выступил В. Молотов, обосновавший советскую позицию. Кроме того, он подчеркнул, что вопросы взаимоотношений между Финляндией и другими государствами являются делом исключительно самой Финляндии, и Советский Союз не считает себя вправе вмешиваться в это дело. «Единственной целью наших мероприятий является – обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трёх с половиной миллионным населением. В современной накалённой войною международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придётся решить усилиями самого Советского Союза в дружественном сотрудничестве с финляндским народом»¹¹².

Что скрывалось за последней фразой, можно было только гадать. Впоследствии стало ясно, что имелось в виду создание марионеточного правительства во главе с деятелем финского и международного коммунистического движения О. Куусиненом (впоследствии некоторое время входил в состав Президиума ЦК КПСС – в хрущевские времена).

Сталин отдал заранее распоряжение разработать план ведения операций против Финляндии. Начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников разработал стратегический план, ориентированный на то, что мы имеем дело с серьезным противником. С учетом этого фактора предлагалось использование значительных сил и средств, а также проведение тщательной подготовки. Однако Сталин без всяких на то оснований отверг предложенный вариант и поручил составление нового, так сказать, облегченного варианта командованию Ленинградского военного округа. Это злополучное решение Сталина являлось грубейшей военно-стратегической ошибкой, имевшей своими последствиями серьезные потери Красной Армии и жестокий удар по международному авторитету страны и престижу ее вооруженных сил. Именно тогда СССР был исключен из Лиги Наций, в отместку за что советская пропаганда начала изображать Лигу в качестве инструмента агрессивных сил мира. Лига Наций, разумеется, не сыграла надлежащую роль в обеспечении мира, не была подлинным инструментом мира и международного сотрудничества. Но это не давало никаких оснований изображать ее инструментом войны. Советская пропаганда в те годы, с явного одобрения, а скорее, по личному указанию вождя, становилась все более разнузданной в смысле попрания элементарных требований объективности и доказательности.

Но самое главное заключалось в другом. Окидывая мысленным взором события тех лет, я прихожу к твердому убеждению, что провал финской

---

¹¹² «Правда». 30 ноября 1939 г.

кампании как раз и подтолкнул Гитлера к принятию решения о нападении на Советский Союз. Если бы не было этого провала, то события могли пойти по иному руслу. Трудно оспорить мнение, высказанное Я. Греем по военно-политическим итогам финской кампании: «Сталин был потрясен неудачей финской кампании. Это являлось равносильно оскорблению, и он чрезвычайно чувствительно воспринимал пренебрежительную кампанию критики и вообще широко развернувшуюся антисоветскую пропаганду за рубежом. Немцы втайне, а Британия и Франция открыто выражали свое удовлетворение унижением советской военной мощи. Факт состоял в том, что по сравнению с германской военной машиной Красная Армия представлялась громыхающей и неэффективной. Сталин кипел от злости...»¹¹³.

Я не стану останавливаться на военной стороне зимней войны (такое название она получила в исследованиях историков), поскольку это выходит за непосредственные рамки моей работы. Отмечу лишь, что Красная Армия в течение нескольких недель безуспешно пыталась преодолеть линию Маннергейма, неся при этом тяжелые потери. Срочно были приняты необходимые, хотя и явно запоздавшие меры по усилению войск и пополнению боевой техники, а также смены командования. В конечном итоге в конце февраля советским войскам удалось прорвать финляндскую оборону и овладеть Выборгом. Правительству Финляндии не оставалось ничего другого, как запросить мир. В соответствии с договором от 12 марта 1940 г. Финляндия уступила Советскому Союзу весь Карельский перешеек с Выборгом, а также предоставила ему на 30 лет свою военно-морскую базу на острове Ханко. Характерен один эпизод из истории советско-финских переговоров, когда Москва пыталась без войны добиться выполнения своих требований. Представитель Финляндии – в будущем ее президент – во время переговоров со Сталиным накануне начала военного конфликта в октябре 1939 года спросил его: «Как Ваши предложения (речь шла об уступке финнами Карельского перешейка и некоторых других территориальных изменениях – Н.К.) согласуются с Вашим знаменитым лозунгом – „Мы не хотим ни клочка чужой земли, но никогда не отдадим ни пяди своей“». Сталин ответил: „В Польше мы не взяли чужой земли, а с вами – это обмен“»¹¹⁴.

Казалось, была одержана победа, но ее с полным на то правом можно назвать пирровой победой: с советской стороны около 50 тыс. убитых, более 150 тыс. раненых и пропавших без вести. Потери финнов выглядели значительно скромнее. Особенно эта война запомнилась тем, что было огромное число замерзших и обмороженных красноармейцев, поскольку в ту зиму стояли суровые морозы, а наши войска не были экипированы

---

¹¹³ *Ian Grey* . Stalin. Man of History. p. 312.

¹¹⁴ *Tanner Vaino* . The Winter War. Stanford. 1957. p. 30.

соответствующим образом. Словом, по всем параметрам зимняя война оказалась одной из самых мрачных страниц в политической биографии Сталина.

Естественно, что вождь обязан был сделать самые суровые выводы из уроков финской кампании. Думается, что он действительно кипел от злости, но публично признать столь серьезные и столь масштабные провалы в армейском строительстве, в разработке военно-тактических планов, в подготовке кадров – словом, во всем комплексе военных проблем, он, разумеется, не мог. Пропаганда была наполнена материалами о подвигах рядовых и командиров, сочинялись стихи и даже создавались фильмы (в том числе художественные), призванные как-то сгладить в сознании народа разочарование и сомнения в непобедимости Красной Армии. А об этом денно и ночью трубили все средства массовой информации. Но наступил момент истины, когда нужно было взглянуть фактам прямо в лицо и принять радикальные меры по повышению боеспособности всех видов и родов войск. Конечно, финская кампания имела немало серьезных отрицательных последствий, но она стала вместе с тем очень серьезным и, можно сказать, неопределимым положительным уроком как для страны в целом, так и для ее вождя в первую очередь. Говорят, что на ошибках учатся, но цена за такую учебу была непомерно огромной. И Сталин это понял довольно быстро.

Я не стану перечислять весь огромный комплекс мер, принятых для исправления ситуации в оборонной сфере. Отмечу лишь, что Ворошилов был смещен с поста наркома обороны и заменен С. Тимошенко, который осуществлял руководство на второй – победной – фазе военной кампании против Финляндии. Произведены были и другие кадровые перестановки и назначения. Итоги войны с финнами рассмотрел мартовский (1940 года) пленум ЦК ВКП(б). А уже в середине апреля состоялось расширенное заседание Главного военного совета. Участники войны были единодушны в том, что войска не обучены современному бою, а командиры не умеют ими хорошо управлять, отсюда чрезмерные потери¹¹⁵.

Полагаю, что с точки зрения освещения политической биографии Сталина целесообразно довольно детально остановиться на его выступлении на совещании при ЦК ВКП(б) 14 – 17 апреля 1940 г., которое было созвано с целью подведения итогов и учета опыта войны с Финляндией. Материалы этого совещания опубликованы, но едва ли есть смысл вдаваться во все нюансы столь отдаленного прошлого. Главное, что нас в данном случае интересует, – это выступление на нем Сталина.

Сталин выступал в конце совещания и его речь как бы подводила итоги весьма критическому обсуждению вопросов. Прежде всего вождь аргументировал необходимость самой войны, «коль скоро переговоры

---

¹¹⁵ Вождь. Хозяин. Диктатор. Сборник. С. 348.

мирные с Финляндией не привели к результатам, надо было объявить войну, чтобы при помощи военной силы организовать, утвердить и закрепить безопасность Ленинграда и, стало быть, безопасность нашей страны»¹¹⁶. Обосновал он и сроки начала войны, так как широко распространено было убеждение, что в преддверии суровой зимы не следовало было начинать кампанию. Главным доводом вождя было соображение о том, что внешние условия диктовали необходимость не откладывать операцию на более поздний срок. «Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела и, зная, что мы не вполне еще готовы к войне в финских условиях, начали активные военные действия именно в конце ноября, в начале декабря. Все это зависело не только от нас, а скорее всего от международной обстановки. Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить»¹¹⁷.

Из дальнейших высказываний вождя вытекало, что он вполне допускал возможность примирения между воюющими на Западе сторонами, что создавало совершенно иную ситуацию. Поэтому, образно говоря, он следовал принципу – куй железо, пока горячо. Весьма скептически охарактеризовал он и ход войны на Западе – то ли воюют, то ли в карты играют. Тональность речи Сталина, когда он касался темы войны Германии против Франции и Англии, позволяет предположить, что его всерьез беспокоила эвентуальная возможность примирения между воюющими противниками. Тогда как один из важных козырей, на который он, безусловно, ставил, заключался в том, чтобы противоборствующие силы в максимально возможной степени истощили себя, что было к явной выгоде Советского Союза. Но самое страшное, что могло случиться, – это сговор воюющих сторон на антисоветской основе. Видимо, эта неуверенность Сталина в перспективах дальнейшего развития ситуации и подтолкнула его к принятию скоропалительного решения о начале финской кампании и побудила его склониться в то время к «облегченному» варианту, разработанному штабом Ленинградского военного округа. Хотя, трудно предположить, что столь осторожный человек и политик, как он, мог решиться почти на авантюру. Впрочем, нельзя исключить, что и его захватила всеобщая эйфория насчет грозной мощи Красной Армии, тем более что успех в районе Халхин-Гола как бы практически подтверждал это.

Определенный интерес представляли и военно-тактические

---

¹¹⁶ Зимняя война 1939 – 1940. И.В. Сталин и финская кампания. Стенограмма Совещания при ЦК ВКП(б). М. 1999. Т. 2. С. 272.

¹¹⁷ Зимняя война 1939 – 1940. И.В. Сталин и финская кампания. Стенограмма Совещания при ЦК ВКП(б). М. 1999. Т. 2. С. 272.

рассуждения вождя, оправдывавшего произведенную тогда расстановку и распределение основных сил и направлений ударов. Из его слов можно сделать вывод, что он вовсе не исключал возможности вмешательства в военные действия неназванных третьих сил. В числе тех, кто поддерживает финнов, он назвал Францию, Англию; исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы; поддерживает Америка, поддерживает Канада. Но это был отнюдь не полный перечень тех, кто поддерживал Финляндию. Гитлер, несмотря на договор с Москвой, также оказывал финнам поддержку, но делал это в крайне осторожной форме, чтобы не нарушить сложившихся отношений с Кремлем. Кроме того, он был в высшей степени заинтересован в том, чтобы Россия завязла в финской кампании, понесла как можно больше потерь, чтобы в дальнейшем с ней можно было говорить языком чуть ли не диктата.

В эпицентре выступления вождя, конечно, стояли коренные причины и истоки жестоких поражений, понесенных нашими войсками в этой зимней войне. Одну из фундаментальных составляющих всего комплекса причин Сталин определил так: «Мне кажется, что им (т.е. нашим войскам – Н.К.) особенно помешала созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе – шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедимая, что нет ей равной, что у нее все есть, нет никаких нехваток, не было и не существует, что наша армия непобедима. Вообще в истории не бывало непобедимых армий. Самые лучшие армии, которые били и там, и сям, они терпели поражения»¹¹⁸.

Эти слова Сталина вскрывают одну из самых важных причин наших неудач в финской кампании. Поэтому вождь особый упор сделал на том, что с психологией, будто наша армия непобедима, с хвастовством, которые страшно развиты у нас – это самые невежественные люди, т.е. большие хвастуны – надо покончить. С этим хвастовством надо раз и навсегда покончить. Надо вдолбить нашим людям правила о том, что непобедимой армии не бывает. Надо вдолбить слова Ленина о том, что разбитые армии или потерпевшие поражения армии, очень хорошо дерутся потом. Надо вдолбить нашим людям, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война – это игра с некоторыми неизвестными, что там в войне могут быть и поражения. И поэтому надо учиться не только как наступать, но и отступать¹¹⁹.

Мне думается, что столь жесткие и совершенно справедливые оценки и выводы однозначно говорят за то, что Сталин сам извлек необходимые уроки.

---

¹¹⁸ Зимняя война 1939 – 1940. Т. 2. С. 275.

¹¹⁹ Зимняя война 1939 – 1940. Т. 2. С. 276.

Важно было теперь, чтобы это сделали и другие. Когда я говорю другие, то имею в виду не только военных, но и фактически все население страны, которому вскружили голову бесчисленные славословия в адрес непобедимой Красной Армии. В свете того, что в дальнейшем многие критики ставили в качестве одного из главных упреков Сталину – будто он чуть ли не предал анафеме оборонительную стратегию и тактику и что, мол, это губительным образом сказало на первых этапах войны с Германией, из сказанного с очевидностью следует: вождь призывал учиться не только наступлению, но и отступлению. При оценке причин наших поражений в первый период большой войны с фашистскими захватчиками нечего возводить напраслину на Сталина и ставить ему в вину то, в чем его нет оснований упрекать. Ведь и прошлый опыт Сталина в руководстве военными действиями в годы Гражданской войны показывал, что на войне одних побед не бывает, а поражения часто выступают как предвестники победы, если, конечно, из поражений извлекаются нужные выводы.

Нет также объективных оснований приписывать Сталину приверженность только к наступательной стратегии. Он не был настолько прост и наивен, чтобы не понимать одну простую вещь – наступательная стратегия даст свои плоды только тогда, когда она умело сочетается со стратегией отступления. При этом, конечно, доминирует первое, ибо весь смысл любой войны – одержать победу, а ее одержать невозможно, опираясь на стратегию отступления. Словом, финский опыт значительно обогатил Сталина как военного деятеля, поскольку, хотя ему и не приходилось в тот период быть Верховным главнокомандующим, все принципиально важные решения принимались при его непосредственном участии или по его инициативе.

Подверг вождь критике и так называемый культ Гражданской войны, который выражался в том, что многие командиры и военачальники мыслили категориями прошлого, руководствовались опытом, приобретенным в давно минувшей войне. И Сталин, не преуменьшая исторической ценности опыта, полученного в Гражданской войне, подчеркнул, что этого опыта совершенно недостаточно. Он открыто призвал покончить с культом традиций и опыта гражданской войны, в противном случае командному составу Красной Армии не перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны¹²⁰.

Принципиальное значение имели также указания Сталина о безотлагательном и форсированном производстве и внедрении в войска средств ведения современной войны – артиллерии, авиации, танков, минометов, средств связи и т.д. Именно в этом выступлении он назвал артиллерию богом войны. Для тех, кто твердит, будто советские победы были во время Отечественной войны добыты главным образом за счет

---

¹²⁰ Зимняя война 1939 – 1940. Т. 2. С. 277.

человеческих жизней, и в этом якобы повинен Сталин, стоит привести его высказывание на данном совещании: «Замечательная штука миномет. Не жалеть мин! Вот лозунг. Жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды – не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин»¹²¹. Немало внимания вождь уделил и вопросам боевой подготовки войск, обучению и воспитанию солдат, развитию у них духа инициативы и т.д. Все это в совокупности, по мысли Сталина, и должно послужить залогом успехов Красной Армии в будущем.

Надо сказать, что Сталин закончил свое выступление в слишком мажорном тоне. Он явно преувеличил характер и масштабы столь скромной и стоившей так много жертв победы. «К чему свелась наша победа, кого мы победили, собственно говоря? – задал он ключевой вопрос и ответил на него так. – Вот мы 3 месяца и 12 дней воевали, потом финны встали на колени, мы уступили, война кончилась. Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить – не бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей – немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию. Вся оборона Финляндии и война велась по указке, по наущению, по совету Англии и Франции, а еще раньше немцы здорово им помогали, и наполовину оборонительная линия в Финляндии по их совету построена»¹²².

Оставим на совести вождя явные преувеличения, к которым он, вообще-то говоря, не особенно склонен. Видимо, здесь сыграли свою роль другие соображения: надо было как-то подбодрить людей, вселить в них уверенность в свои силы. В противном случае такого рода победы лишь рождают сомнения и даже служат источником, из которого проистекают пораженческие настроения. Не совсем ясно, почему в этом выступлении Сталин обошел фактически стороной крупные просчеты и роковые ошибки со стороны высшего военного руководства страны. И, разумеется, ни одного критического слова не было сказано в адрес высшего политического руководства. То есть Сталин не стал концентрировать свое внимание на данных вопросах, поскольку это было хотя и закрытое, но весьма представительное совещание. В действительности же итоги финской кампании многократно рассматривались на Политбюро, где, очевидно,

---

¹²¹ Зимняя война 1939 – 1940. Т. 2. С. 278.

¹²² Зимняя война 1939 – 1940. Т. 2. С. 278.

каждому (исключая, конечно, самого вождя) воздавалось должное в соответствии с тем «вкладом», который он внес в общий котел победы.

60-летие Сталина, словно по злой иронии судьбы, пришлось как раз на самый разгар самой непопулярной войны. Это, несомненно, наложило незримую, но неизгладимую печать на все празднование этого круглого юбилея. К 60 годам Сталин был полновластным и, можно смело сказать, единовластным правителем великой державы, в разряд которой она вступила не только благодаря своим размерам и своим историческим заслугам, но и во многом благодаря целенаправленной и целеустремленной деятельности вождя, разработавшего и осуществившего крутой, но абсолютно необходимый перелом во всех сферах жизни Советской России. Достижения Советского Союза неизменно связывались с именем Сталина, и в этом была своя правда. Хотя, конечно, бесконечные славословия в адрес вождя, порой нелепые проявления его культа личности – он сам жаловался на это в беседе с немецким писателем Л. Фейхтвангером – все это придавало какой-то оттенок казенности и заданности восхвалениям бесспорного лидера Советской державы.

К своему юбилею Сталин достиг немыслимых вершин, и многими уже воспринимался не как человек, а в качестве своего рода большевистского бога, стоящего над всем и надо всеми. За его спиной тянулась почти бесконечная череда самых суровых испытаний, ожесточенных битв с политическими противниками, временные компромиссы с ними и, наконец, полная и безоговорочная победа над ними. Теперь ничто не угрожало его власти изнутри: о какой-либо явной или тайной оппозиции его курсу не могло быть и речи. Он мог испытывать внутреннее удовлетворение от того, что намеченный им стратегический курс развития Советской России в целом был воплощен в жизнь, хотя впереди стояли еще более грандиозные задачи. А на международном горизонте все более сгущались грозные тучи, предвещавшие новые, еще неизведанные испытания для страны и для него самого. Бремя его ответственности было ничуть не меньшим, чем бремя его власти. Видимо, в глубине души, встречая свое 60-летие, он не мог не задумываться над вопросом – что ожидает его и страну в целом впереди. И наверняка, тревожные мысли заставляли вождя проявлять чувство обеспокоенности, а может быть, и тревоги. Ведь это была пора, атмосферу которой лучше всего передать словами Д. Байрона:

«Гудит земля, безумствуют стихии,
И сотрясают мир раскаты громовые»¹²³.

В такой тревожной обстановке, полной неизвестности, встретил вождь

---

¹²³ Джордж Гордон Байрон. Библиотека Всемирной литературы. М. 1972. С. 125.

свой юбилей. Газеты, журналы и радио были заполнены статьями, стихами и даже романами и пьесами в его честь (например, «Хлеб» А. Толстого, «Крепость на Волге» и т.д.). На все лады повторялись перефразированные строки В. Маяковского: «Мы говорим Сталин – мы подразумеваем партию. Мы говорим партия – мы подразумеваем Сталина!» Но все эти панегирики не могли рассеять чувства неизвестности и неопределенности, господствовавшие в народе. На официальном уровне празднование юбилея выглядело довольно скромно. Никакого торжественного собрания в его честь проведено не было (Сталин хорошо запомнил, как негодовал Ленин, когда по случаю его 50-летия на заседании в Московском горкоме партии произносились речи, восхвалявшие его, и как он в знак протеста покидал это заседание). Сталин здесь четко действовал в русле ленинского примера.

Но тем не менее, в газете «Правда» были опубликованы статьи всех членов высшего конклава партии, безудержно превозносившие гениальность и мудрость великого вождя советского народа. Печатались и другие хвалебные статьи и материалы, в том числе и мемуарного характера, легшие в основу специального сборника, выпущенного в свет в 1940 году¹²⁴. 20 декабря Указом Президиума Верховного Совета СССР Сталину в связи с его 60-летием присвоено звание Героя Социалистического Труда «за исключительные заслуги в деле организации большевистской партии, создания Советского государства, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза». 21 декабря в «Правде» опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина». 22 декабря Сталин избирается почётным членом Академии Наук СССР¹²⁵.

Центральный Комитет партии направил вождю приветствие, в котором все достижения страны фактически олицетворялись с именем Сталина. В приветствии особо подчеркивалось: «Под твоим руководством партия большевиков осуществила социалистическую индустриализацию страны, создала новые индустриальные очаги и районы, первоклассные заводы тяжелой и легкой индустрии, мощные заводы машиностроения, что обеспечило техническую реконструкцию всего народного хозяйства и вооружение новейшими средствами обороны СССР. Под твоим руководством партия совершила такой глубочайший революционный переворот в деревне, как сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса, обеспечив на основе победы колхозного строя культурную и зажиточную жизнь многомиллионного крестьянства. Наша страна стала могучей индустриальной державой, страной крупного коллективного земледелия,

---

¹²⁴ Сталин. Сборник статей к шестидесятилетию со дня рождения. М. 1940.

¹²⁵ Там же. С. 6 – 11.

страной победившего социализма...

Партия и Советская власть под твоим руководством создали вооруженную первоклассной техникой могучую и непобедимую Красную Армию, являющуюся надежной защитой нашей родины от всех внешних врагов»¹²⁶.

Поток поздравлений шел не только от советских и партийных организаций и граждан, но и из-за рубежа. Из приветствий, полученных Сталиным, любопытно отметить два – Гитлера и Риббентропа. Вот текст телеграммы фюрера:

«Ко дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые искренние поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания, желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза.

Адольф Гитлер»¹²⁷.

Сталин через несколько дней ответил на телеграмму Гитлера и телеграмму Риббентропа. Текст ответной телеграммы Гитлеру был достаточно вежлив, но ничем не примечателен. Он гласил:

«Главе германского государства господину Адольфу Гитлеру.

Прошу Вас принять мою признательность за поздравления и благодарность за Ваши добрые пожелания в отношении народов Советского Союза.

И. Сталин»¹²⁸.

Зато телеграмма Риббентропа была, что называется, из ряда вон выходящей. Ею были тогда поражены многие. Да и сейчас, по прошествии почти семи десятилетий, она вызывает много вопросов, а прежде всего недоумение. И было чему удивляться, ибо ответ Сталина был, хотя тоже лаконичным, но отнюдь не банальным, а скорее даже шокирующим. Приведу его полный текст:

«Министру иностранных дел Германии господину Иоахим фон Риббентроп.

Благодарю Вас, господин министр, за поздравления. Дружба народов Германии и Советского Союза, скреплённая кровью, имеет все основания быть длительной и прочной.

И. Сталин»¹²⁹.

---

¹²⁶ Там же. С. 4.

¹²⁷ «Правда». 23 декабря 1939 г.

¹²⁸ «Правда». 25 декабря 1939 г.

¹²⁹ «Правда». 25 декабря 1939 г.

У всех сразу возник вопрос: чьей кровью была скреплена эта дружба? И этот вопрос задавали себе не только за рубежами нашей страны, но и в самой Советской России. И тщетно искали ответа на сей вопрос, поскольку такого вообще в природе не существовало. Вне всякого сомнения, фраза, включенная в эту телеграмму, дорого стоила Сталину. Ее не раз – и на этот раз вполне справедливо – напоминали ему. И не будет фантастическим измышлением утверждать, что Сталин, вне всяких сомнений, горько и не раз вспоминал об этой своей крупной оплошности. Ведь одно дело сказать нечто подобное во время закрытых переговоров, а совсем другое дело заявить об этом во всеуслышание на весь мир. Особенно принимая во внимание тогдашнюю международно-политическую ситуацию. Не исключено, что таким способом вождь пытался убедить германское руководство в безусловной заинтересованности Сталина в поддержании хороших отношений с Германией и в будущем. Это выглядело как аванс. Но аванс за что? Вот в чем корень вопроса. Ответ на него последовал через довольно короткий по историческим меркам отрезок времени.

Так что в целом юбилей вождя с точки зрения всей его политической биографии выглядит как-то, по меньшей мере, странновато. Как сухой и казенной выглядит его благодарность за поздравления, опубликованная лишь в начале февраля следующего года. Она была не просто лаконичной и стандартной, но от нее даже веяло каким-то духом казенщины и вынужденной обязательности. Текст был таков:

«БЛАГОДАРНОСТЬ

Приношу сердечную благодарность всем организациям, обществам, группам, учреждениям, лицам, приславшим приветствия и добрые пожелания в связи с моим шестидесятилетием.

И. Сталин»¹³⁰.

Особенно формальной и бездушной она предстает в сравнении с благодарностью того же Сталина, которую он опубликовал в ответ на поздравления в связи с его 50-летием. Там содержалась фраза, запавшая в душу очень многим: «Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей»¹³¹.

Включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. Прежде чем дать самый общий обзор событий, связанных с решением так называемого прибалтийского вопроса, необходимо сделать несколько замечаний принципиального плана. Поскольку без этого оценка как самого факта

---

¹³⁰ Сталин. Сборник статей к шестидесятилетию со дня рождения. С. 384.

¹³¹ И.В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 140.

включения указанных республик в состав Советского Союза, так и методов, которыми оно осуществлялось, будет схематическим, оторванным от реалий той эпохи, а потому и заведомо тенденциозным и односторонним. Именно по этой причине с самого начала 40-х годов и вплоть до наших дней так называемая «оккупация» данных республик Советским Союзом была и остается одной из злободневных проблем, вызывающих ожесточенную полемику и споры не только историков и публицистов, но и так или иначе вовлекают в свою орбиту государственных деятелей современности.

Что лежало в основе устремлений Сталина включить Литву, Латвию и Эстонию в состав СССР? В странах Прибалтики и на Западе вообще доминирует точка зрения, что это было продиктовано экспансионистскими устремлениями Москвы, по существу, стремлением воссоздать новую Россию в границах прежней царской империи. Однако в действительности в основе политики Сталина в прибалтийском вопросе доминировали вполне обоснованные и логичные соображения широкого военно-стратегического и, скажем прямо, геополитического характера. Несмотря на заключение пакта, вождь постоянно держал в уме, что рано или поздно схватка с фашистской Германией будет неотвратимой. Прибалтика представляла собой чрезвычайно важный и удобный плацдарм для Гитлера при начале военных действий против Советской России. Достаточно сказать, что уже через несколько недель после подписания пакта, а именно 20 сентября, Гитлер принял решение в ближайшее же время превратить Литву в протекторат Германии, а 25 сентября он подписал директиву о сосредоточении войск в Восточной Пруссии. Им предписывалось быть в готовности к вторжению в Литву¹³². Необходимо отметить, что еще ранее, а именно 11 апреля 1939 г., Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939 – 1940 гг.», в которой предусматривалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву. Как было сказано в приложении к директиве: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»¹³³. Конечно, об апрельской директиве фюрера советскому руководству тогда не было достоверно известно, однако общий настрой Гитлера на аннексию прибалтийских стран и включение их в той или иной форме в состав рейха Сталину был вполне понятен. И не только на базе разведывательных данных, но прежде всего на основе анализа поведения

---

¹³² Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. М. 1998. С. 31.

¹³³ Год кризиса. 1938 – 1939. Т. 1. С. 376.

немецких руководителей и исходя из логики поведения Гитлера и понимания характера его замыслов.

Сталин забил тревогу и вызвал немецкого посла, который по его просьбе информировал правительство Германии о готовности СССР уступить отходившие в сферу его влияния территории за счет включения Литвы в сферу влияния СССР.

Иначе говоря, дальние военно-стратегические расчеты побудили хозяина Кремля добиться пересмотра положений секретного протокола в отношении Литвы. Сталин отдавал себе отчет в том, что в прибалтийских республиках существуют и активно действуют мощные прогерманские силы и что в случае войны они станут прямыми соучастниками агрессии Гитлера против Советского Союза. Заключенный пакт расширял возможности Сталина для решения прибалтийского вопроса в интересах упрочения безопасности Советской России. Причем не только в чисто территориальном аспекте, но и в более широком геополитическом. Немалую роль в его соображениях играло и стремление нейтрализовать прогерманские силы, действовавшие в странах Прибалтики. Словом, не экспансионистские мотивы как таковые были движущей пружиной его политики в данном вопросе. Опять-таки на первом плане стояли вопросы обеспечения национально-государственных интересов страны. Кроме того, при оценке данной проблемы нельзя вообще сбрасывать со счета, что эти республики прежде входили в качестве неотъемлемой части в состав России. Здесь исторический аспект также не был настолько незначительным, чтобы его можно было вообще исключить из всей совокупности соображений, принимавшихся в расчет Сталиным. Нельзя обойти молчанием и тот факт, что в соответствии с Рижским договором 1921 года Латвия, пользуясь мощной поддержкой западных держав, добилась включения в свой состав значительных территорий, принадлежавших всегда собственно России. Она просто воспользовалась выгодной для нее ситуацией, чтобы, как говорится, поживиться за счет России, находившейся в трудном положении международной изоляции.

И, наконец, последнее по счету, но не по важности. Если бы Советская Россия в 1939 – 1940 годах поступила бы иначе, то Прибалтика в целом стала бы мощным военно-стратегическим плацдармом для Гитлера, и начинать свой восточный поход ему пришлось бы с гораздо более выгодных позиций, чем в июне 1941 года.

Позиция Сталина была достаточно откровенно и объективно изложена им в переговорах с представителями стран Прибалтики. Так, в записи беседы со Сталиным, сделанной латвийской делегацией 2 октября 1939 г. приводятся следующие аргументы, выдвинутые Сталиным: «...война ныне разгорается, и нам следует позаботиться о собственной безопасности. Уже исчезли такие государства, как Австрия, Чехословакия, Польша. Могут пропасть и другие. Мы полагаем, что в отношении вас у нас подлинных гарантий нет. Это и для

вас небезопасно, но мы в первую очередь думаем о себе. То, что было решено в 1920 году, не может оставаться на вечные времена. Еще Петр Великий заботился о выходе к морю. В настоящее время мы не имеем выхода и находимся в том нынешнем положении, в каком больше оставаться нельзя. Поэтому хотим гарантировать себе использование портов, путей к этим портам и их защиту (разговор шел спокойно, без угроз)»¹³⁴. Последний комментарий принадлежит представителям Латвии.

Как может убедиться читатель, доводы хозяина Кремля были разумными и вполне отвечали реальностям того времени. Не понимать этого не хотят только те, кто денно и ночью твердит об «оккупации» стран Прибалтики Советским Союзом и выдвигает даже баснословные претензии по компенсации «ущерба», якобы нанесенного этой, с позволения сказать, оккупацией. При этом предают забвению все существенные факты, в том числе исторического, правового и иного характера, в частности то, что за годы пребывания в составе СССР эти республики добились больших успехов во всех областях экономики, науки, культуры, образования и т.д. во многом благодаря именно помощи со стороны других союзных республик СССР, прежде всего Российской Федерации.

Стоит выделить еще один момент, на котором Сталин акцентировал внимание своих собеседников. Он сказал, что «если не мы, то немцы могут вас оккупировать»¹³⁵.

А теперь коротко о том, как развивался процесс присоединения прибалтийских республик к СССР на практике. Вскоре после подписания пакта Риббентроп – Молотов Москва обратилась сперва к Эстонии (27 сентября), затем к Латвии (2 октября) и Литве (3 октября) с предложением о заключении договоров о взаимной помощи. Соответствующие пакты были подписаны с Эстонией 28 сентября, Латвией 5 октября и Литвой 10 октября 1939 года. Пакты предусматривали оказание взаимной помощи в случае «прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы», оказание помощи вооружением и военными материалами, а также создание военных, военно-морских и военно-воздушных баз СССР с введением «строго ограниченного количества» советских вооруженных сил: в Эстонию – до 25.000, в Литву – до 20.000, в Латвию – до 25.000 человек. Стороны обязывались «не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон». Советско-литовский пакт предусматривал передачу Литве города Вильно (Вильнюс) и Виленской области. Одновременно в этот период были подписаны торговые соглашения,

---

¹³⁴ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 594.

¹³⁵ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 595.

выгодные для трех прибалтийских республик.

О процессе формирования границ Литвы в этот период для прояснения истинной картины следует сказать особо. Во время второго визита Риббентропа в Москву (сентябрь 1939 года) был подписан еще один секретный протокол, в котором устанавливались новые границы. В нем немецкая сторона оговаривала, что в сферу ее интересов отойдет район Мариамполя (Мемель). Осуществление этого намерения затянулось по ряду причин: оговоренный район ранее принадлежал Польше и лишь по советско-литовскому договору от 10 октября 1939 года был в составе Виленской (Вильнюсской) области включен в Литву. Затем, после вхождения Литвы в июле 1940 года в СССР, советская сторона начала переговоры о том, чтобы район Мариамполя оставить за СССР (учитывая, что в нем проходили важные коммуникации). Споры закончились лишь в начале 1941 года, когда СССР предложил заплатить Германии за пересмотр прежнего решения 7,5 млн. долларов. «Выкуп» был подтвержден советско-германским соглашением от 10 января 1941 года¹³⁶.

Кстати сказать, обо всех этих перипетиях, связанных с включением в состав Литвы новых территорий благодаря Советской России, намеренно предпочитают умалчивать нынешние литовские политики. Они больше разглагольствуют об «оккупации» и всех бедах, принесенных им этой «оккупацией», сознательно замалчивая огромную помощь во всех областях экономики, науки, сфере образования и просвещения, в области медицины и т.д., которая была оказана Литве и другим прибалтийским республикам всеми советскими народами. Хорошее почему-то быстро стирается из памяти нынешних правителей государств Прибалтики. Да и не только у них. Но это, как говорится, к слову, хотя и по существу указанные моменты не могут быть вычеркнуты из истории и исторической памяти народов.

Но возвратимся в ту эпоху. В правящих кругах прибалтийских республик не было никаких иллюзий о значимости заключенных пактов. Они понимали, что Германия не окажет никакой поддержки прогерманским политикам прибалтийских государств, в том числе и тем, кто прямо предлагал вмешательство Германии (например, переход Литвы под немецкий протекторат). Для Советского Союза пакты были формой включения Прибалтики в советскую сферу влияния. Первоначально с советской стороны соблюдались внешние атрибуты независимости партнеров по пактам; дипломатические представители поддерживали лишь минимум контактов со ставшими легальными коммунистическими партиями и пр.¹³⁷

Однако это был своеобразный промежуточный этап, и Сталин на нем не

---

¹³⁶ 1941 год. Документы. Книга первая. М. 1998. С. 145.

¹³⁷ 1941 год. Документы. Книга первая. М. 1998. С. 70.

собирался останавливаться. Кремль обвинил правительства прибалтийских республик в том, что заключенные пакты не привели, как на это рассчитывала Москва, к сближению Литвы, Латвии и Эстонии с Советским Союзом, так как этому воспротивились правящие группы этих стран. Они не только не пошли по пути сближения с Советским Союзом, чего как будто можно было ждать после заключения пактов взаимопомощи, но пошли по пути усиления враждебных Советскому Союзу действий, проводившихся ими втайне и за спиной СССР. Для этого была использована так называемая Балтийская Антанта, в которой раньше военным союзом, направленным против СССР, были связаны только Латвия и Эстония, но которая с конца 1939 года превратилась в военный союз, включающий, кроме Латвии и Эстонии, также и Литву.

Сталин сделал жесткий и однозначный вывод: правящие круги Литвы, Латвии и Эстонии оказались неспособными к честному проведению в жизнь заключенных с Советским Союзом пактов взаимопомощи, что они, напротив, еще усилили враждебную Советскому Союзу деятельность. Он решил, что дальше терпеть такое положение, особенно в условиях сложившейся международной обстановки, стало невозможным. Вслед за этим последовали требования Москвы об изменении состава правительств Литвы, Латвии, Эстонии и о вводе на территорию этих государств дополнительных частей Красной Армии.

После создания 14 – 16 июня 1940 г. новых правительств в Литве, Латвии и Эстонии, состоявших из дружественно настроенных к СССР политических деятелей и представителей коммунистических партий, эти правительства провели энергичные меры по созданию новых органов власти. Вышедшие из подполья коммунистические партии заняли ведущее положение в политической жизни. На массовых митингах выдвигались требования не только соблюдать договоры о взаимопомощи с СССР, но и провозгласить в трех республиках советскую власть с последующим вхождением в СССР.

Сталин, по крайней мере на первоначальном этапе, понимал, что процесс советизации прибалтийских республик форсировать не следует, ибо это приведет к нежелательной реакции как со стороны Запада, так и среди определенных слоев населения в самих республиках. Он в беседе с Г. Димитровым говорил: «Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия и Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. **Но для этого нам надо выдержать, строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают!**»¹³⁸

---

¹³⁸ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 596.

То ли стремительный ход развития событий, таивших в себе угрозу близкой войны, то ли более глубокие размышления, а может, все вместе взятое, фактически заставили Сталина пересмотреть свои первоначальные планы и прогнозы относительно темпов и сроков советизации. В итоге советизация началась без каких-то особых промедлений, хотя и проводилась достаточно осмотрительно.

Для контроля над выполнением правительствами Литвы, Латвии и Эстонии новых обязательств, принятых ими 14 – 16 июня 1940 года, Советское правительство направило в Литву заместителя наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозова, в Эстонию – секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, в Латвию – заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского. В тесном контакте с руководством местных компартий они контролировали весь процесс политических преобразований, прошедших в июне и приведших к созданию советских республик и их вступлению в СССР¹³⁹. Сталин устами Молотова выразил уверенность в том, что нет никакого сомнения в том, что вхождение этих республик в Советский Союз обеспечит им быстрый хозяйственный подъем и всесторонний расцвет национальной культуры, что вхождением в Советский Союз их силы будут во много раз умножены, их безопасность будет укреплена и вместе с тем еще больше вырастет мощь великого Советского Союза¹⁴⁰.

Так это выглядело с официальной точки зрения. Более точную и более правдивую картину обрисовал впоследствии Молотов, когда ему не оставалось ничего другого, как предаваться воспоминаниям и весьма осторожно отвечать на вопросы даже тех лиц, которым он доверял. Приведу соответствующий пассаж, касающийся решения прибалтийского вопроса.

«Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу, – говорил он. – Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: „Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам“.

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, по-моему, неплохо.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

– Но ведь первый приехавший мог предупредить других, – говорю я.

---

¹³⁹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 70.

¹⁴⁰ Там же. С. 151.

– А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была такова, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами – фашистской Германией и Советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...»¹⁴¹

Действительно, была нужна, ибо прибалтийский регион с его равнинной местностью являлся воротами, через которые западные завоеватели вторгались в пределы России. По указанию Сталина в этом регионе создавалась мощная группировка Красной Армии. Незамерзающие порты круглый год обеспечивали действия Балтийского флота. В случае войны он получал возможность проводить крейсерские операции, организовывать рейды подводных лодок, осуществлять минирование акватории у берегов Восточной Пруссии и Померании, блокировать доставку в Германию железной руды из Швеции. С аэродромов, расположенных в Прибалтике, советские самолеты могли достигать территории Германии.

Видимо, нет необходимости останавливаться на том, какова была международная реакция на эту акцию Кремля. Тем, кто хотя бы частично видел вероятность германской агрессии против Советской России, мотивы действий Сталина в общем были понятны и в чем-то даже оправданы. Так, министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс заявил, что «концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера»¹⁴². А лондонская «Таймс» 26 июля 1940 г. отмечала: «Единодушное решение о присоединении к Советской России отражает... не давление со стороны Москвы, а искреннее признание того, что такой выход является лучшей альтернативой, чем включение в новую нацистскую Европу»¹⁴³.

Германия вынуждена была считаться с новой реальностью, хотя, конечно, Гитлер не мог не испытывать глубокого недовольства действиями Сталина. Однако сделать что-либо, чтобы воспрепятствовать этому, он в то время не мог по различным причинам. Во-первых, действовал пакт, а, во-вторых, он полагал, что скоро не только Прибалтика, но и вся Россия вплоть до Урала окажется под германским сапогом.

Решение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине. После того,

---

¹⁴¹ *Феликс Чуев.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 15.

¹⁴² Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 35.

¹⁴³ «The Times». July 26, 1940.

как сформировались новые границы Советской России на западе, Сталин приступил к укреплению геополитических и военно-стратегических позиций страны на юго-западе. Здесь с давних пор (с 1918 года) открытым был вопрос о Бессарабии, захваченной Румынией. Советская Россия никогда не признавала законность этого территориального приобретения королевской Румынии и всегда оставляла за собой право на восстановление исторической справедливости. В июне 1940 года германскому послу Шуленбургу было заявлено, что Москва считает решение бессарабского вопроса делом срочным и неотложным. Кремль заявил, что предпочитает мирный путь решения вопроса, но не откажется и от военного пути, если не найдет понимания румынской стороны. Актуальность постановки данного вопроса диктовалась следующим соображением. С весны 1940 года Румыния, ранее ориентировавшаяся на Англию и Францию, все теснее начала связывать себя с рейхом. Румынское правительство обратилось в Берлин за помощью в строительстве укреплений на советско-румынской границе, проходившей по Днепру. Оно демонстративно провело мобилизацию более 1 млн. резервистов, увеличило военные расходы, усилило группировку своих войск в Бессарабии. Поспешность, с которой происходило подчинение Румынии третьему рейху, давала веские основания полагать, что немцы постараются превратить румынскую территорию, а вместе с ней Бессарабию и Северную Буковину в плацдарм для нападения на СССР¹⁴⁴. Все это не могло не настораживать Сталина.

26 июня 1940 г. Москва передала румынскому представителю ноту, в которой предлагалось приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Но правительство Румынии заняло уклончивую позицию, 27 июня последовала очередная нота с требованием вывести румынские войска с территории Бессарабии и Северной Буковины в течение четырех дней, начиная с 14 часов по московскому времени 28 июня. Вопрос о Северной Буковине вызвал настороженность в Берлине. Эта территория никогда не входила в состав России и не была оговорена в протоколе от 23 августа 1939 г. Попытка румынского правительства обратиться за заступничеством в Берлин успеха не имела.

28 июня Красная Армия вступила в Бессарабию и Северную Буковину. Румынские политические партии и организации на этих территориях немедленно были распущены, повсеместно создавались органы советской власти. 2 августа 1940 г. была образована Молдавская ССР, куда вошли большая часть Бессарабии и Молдавская автономная республика, еще с 1924 г. существовавшая по левому берегу Днестра. Северная Буковина и южные районы Бессарабии вошли в состав Украины.

---

¹⁴⁴ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 36.

Таковы в общих чертах кардинальные меры, предпринятые по инициативе Сталина для того, чтобы посредством территориальных приобретений (причем каждое из них имело свою специфику и их все нельзя подводить под одну общую крышу) создать более выгодные условия для отражения надвигавшейся военной угрозы со стороны Германии. И история подтвердила в целом правильный путь, который избрал Сталин. В этом контексте в качестве голословных и трафаретных выглядят утверждения типа того, которое содержалось в статье А. Сахарова, на которую я уже однажды ссылался. А. Сахаров безапелляционно пишет: «Советские аппетиты точно укладывались в геополитические российские приобретения XVIII – XIX веков. Конечно, ни о каких военно-стратегических мотивах, в условиях мировой войны, обороне западных границ от будущего агрессора в действительности не могло быть и речи. Рассуждения по этому поводу являлись дымовой завесой, которая прикрывала геополитический реванш в наиболее выгодных внешнеполитических условиях»¹⁴⁵.

Мне представляется излишним еще раз приводить доводы и аргументы с целью опровержения подобного рода оценок. В сущности, весь приведенный выше фактический и аналитический материал как раз и служит развенчанию этих концепций. Здесь дело не в качестве и количестве аргументов, а в идеологической позиции, занятой автором. Это одинаково относится как к тем, чьи взгляды и выводы я подвергаю критике, так и ко мне как автору, кстати, тоже имеющему право иметь собственную позицию.

2. Сталин – Гитлер: кто кого переиграл?

Центральным направлением, можно сказать, осью советской внешней политики в период с 1940 г. по начало войны выступали отношения с Германией. Если давать общую оценку того, в каком направлении они развивались, то уместно воспользоваться таким определением – от нарочито подчеркнутой, а на деле чисто демонстративной дружбы к постепенному накоплению все новых и новых разногласий и противоречий. Такая эволюция, в сущности, была заложена в самой природе заключенного пакта, где стороны зафиксировали лишь приемлемые на том этапе позиции и интересы. Коренные же цели советской и германской внешней политики лежали в совершенно разных плоскостях и не могли не прийти в глубокий и неискоренимый антагонизм. Этот факт нельзя было скрыть или замаскировать ни взаимными поздравлениями, ни достижением компромисса по отдельным вопросам, будь то территориальные, экономические или общеполитические проблемы. Думается, что даже при наличии желания с обеих сторон (а такового не было и в помине) судьба

---

¹⁴⁵ «Вопросы истории». 1995 г. № 7. С. 32 – 33.

подписанного пакта была предрешена с самого начала.

Сталин перед внешней политикой страны ставил целью создание наиболее благоприятных международно-политических условий для наверстывания времени и максимально быстрого увеличения оборонного потенциала Советской России. Вообще к вопросам внешней политики он относился вполне серьезно, но иногда рассматривал ее и в чисто утилитарном разрезе – сколько дивизий или армий она стоит. Хотя совершенно очевидно, что измерять эффективность и важность внешней политики чисто военными категориями – отнюдь не лучший метод. Но он к нему нередко прибегал, зная наперед, что в иных ситуациях правильный курс в международной сфере даже не поддается точному взвешиванию. В целом можно сказать, что весь 1940 и первая половина 41 года прошли под знаком резкой и весьма эффективной активизации внешнеполитического курса Сталина. Само предчувствие неотвратимости войны диктовало необходимость не терять ни одного дня понапрасну и постараться выжать все возможное из сложившейся ситуации. В дальнейшем я на базе конкретных примеров проиллюстрирую это пока что декларативное утверждение. Сталин, таким образом, в основном руководствовался при решении конкретных вопросов взаимоотношений с Берлином соображениями широкого политико-стратегического плана.

Со своей стороны, Гитлер, который пошел на заключение пакта ввиду предстоявшей военной кампании против Польши, руководствовался главным образом тактическими выгодами. Да и не мог человек с его фельдфебельским горизонтом мышления смотреть далеко вперед и трезво, с учетом долгосрочной или хотя бы среднесрочной перспективы, оценивать вероятный ход развития событий. В этот период развернулась политико-дипломатическая дуэль между Сталиным и Гитлером. В силу многих причин последний считал, что Сталин, как говорится, находится у него в кармане и ему можно диктовать условия, которые тот не отважится отвергнуть. Но это было большое заблуждение фюрера, возомнившего себя великим политиком, способным переплюнуть Бисмарка.

Сталин к тому времени, я полагаю, уже в полной мере разобрался в том, что за фигуру представляет собой германский рейхсканцлер и какую линию поведения следует занять по отношению к его инициативам. И выбрал, как показала история, правильный путь: внешне не отвергая полуфантастические химеры фюрера относительно перспектив международного развития в направлении усиления влияния агрессивных держав в мире, на деле все с большим скептицизмом и порой даже с иронией отвечал на немецкие предложения. У Сталина в этот период времени на передний план выдвинулась задача укрепления позиций Советской России на Балканах, пересмотр договора о черноморских проливах (договор Монре́ 1936 года) с тем, чтобы на правах аренды получить у Турции военно-морскую базу в районе Босфора или Дарданелл. Это позволило бы Советскому Союзу контролировать в случае начала военных действий проход через проливы

вражеских судов. Сталин также стремился заключить договор о взаимопомощи с Болгарией, что давало возможность вытеснить оттуда Германию, которая опиралась на круги, делавшие ставку в своей политике на Берлин. Важным составным элементом его тогдашней внешнеполитической программы было противодействие усилиям третьего рейха подчинить своему полному контролю Румынию (как главный источник поступления нефти). Словом, пакт о ненападении, как и договор о дружбе и границах, постепенно утрачивали свое реальное содержание. За фасадом внешнего дружелюбия все больше зрели гроздя отчуждения и почти повсеместного соперничества. Сталин с каждым днем все активнее проводил свой железный курс, что вызывало плохо скрываемое раздражение в столице рейха.

У Гитлера зародилась идея пригласить Сталина в Берлин с тем, чтобы в личных беседах прощупать позиции и планы Сталина и попытаться целым набором внешне привлекательных предложений пристегнуть последнего к своей колеснице, которая, как тогда казалось, безостановочно движется к цели – установлению германской гегемонии в Европе, а потом и в мире в целом. Но Сталин был не тем человеком, которого можно было обвести вокруг пальца. Тем более какими бы то ни было глобального характера обещаниями.

Но большая политическая игра набирала обороты. Министр иностранных дел рейха Риббентроп писал послу германии в Москве в марте 1940 года:

«Я уже, как вы знаете, устно передал в Москве приглашение господину Сталину и господину Молотову и оно было, в принципе, принято обоими. Каким образом теперь повторить это приглашение и добиться его окончательного принятия и осуществления, Вам лучше судить самому. После беседы, которая у Вас будет, Вам следует более определенно сделать приглашение господину Молотову и в то же время передать приглашение господину Сталину от имени Фюрера в менее определенных выражениях. Мы должны, конечно, постараться избежать четкого отказа от Сталина»¹⁴⁶.

Шуленбург в ответ сообщил:

«Известно, что Молотов никогда не был за границей и у него сильная предубежденность к появлению перед иностранцами. Это относится, может быть, даже в большей степени к Сталину.

Следовательно, только очень благоприятные обстоятельства или исключительные преимущества, которые дала бы СССР такая поездка, могли бы побудить Молотова или Сталина отправиться в Берлин, вопреки всей их предубежденности к этому, более того, Молотову, который никогда не летает, потребуется по меньшей мере неделя на поездку, а для замены его

---

¹⁴⁶ Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941. С. 138.

здесь и в самом деле нет подходящей фигуры»¹⁴⁷.

Но господин Шуленбург явно упрощал: Сталин никогда не собирался ехать на встречу с германским фюрером, поскольку реальной почвы для каких-либо серьезных договоренностей между двумя странами уже не существовало. Именно это являлось основной причиной постоянной оттяжки с советской стороны встречи на высшем уровне или даже на уровне министров иностранных дел. Приманки, которыми стремился обольстить Москву фюрер, на Сталина не действовали, ибо он был глубоким реалистом в политике и не мог поддаваться на такие примитивные уловки. Но заправила третьего рейха не оставляли надежды на то, чтобы путем непосредственного контакта с высшими советскими руководителями прояснить для себя ситуацию. Уже обозначилась и набирала все большую силу объективная тенденция к ухудшению советско-германских отношений. Основными причинами появления и динамичного развития этой тенденции являлись следующие: Москва все больше убеждалась в том, что третий рейх везде, где это возможно, ставил палки в колеса Советской России и шаг за шагом стремился поставить ее в положение международной изоляции. Но главное, все более отчетливо выявлялась тенденция создать вблизи границ с СССР военно-стратегический плацдарм для агрессии против него. Сталин видел как раз именно эту тенденцию и понимал, что она отражает не какие-то меры демонстративного шантажа, а реальные планы Гитлера. В августе – сентябре 1940 г. мир стал свидетелем первой публичной демонстрации ухудшения советско-германских отношений, вызванного предоставлением Германией после присоединения к СССР Бессарабии и Северной Буковины внешнеполитических гарантий Румынии. Опасаясь, что Сталин может захватить румынские нефтеносные источники, фюрер фактически превратил Румынию в протекторат Германии. Эти гарантии Сталин расценил как открытый и угрожающий выпад против интересов Советского Союза. Гитлер же, со своей стороны, был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы Румыния и Балканы в целом находились в орбите его влияния. Германия также выступила арбитром в урегулировании спора между Румынией и Венгрией по поводу Трансильвании. Она подписала ряд экономических соглашений с Румынией и направила туда очень значительную военную миссию для подготовки румынской армии. Цель просчитывалась без излишних усилий – к войне против СССР. С Финляндией Гитлер заключил соглашение, позволявшее транзит германских войск в Норвегию. Наконец, 27 сентября 1940 г. был подписан Тройственный пакт между Германией, Италией и Японией, представлявший собой военный альянс, который легко можно было повернуть против Советского Союза. В сентябре Германия направила свои войска в Финляндию.

---

¹⁴⁷ Там же. С. 139.

Особенно усилились настороженность и вместе с тем тревога Сталина после того, как буквально за считанные недели летом 1940 года была разгромлена Франция и захвачен ряд стран Западной Европы (Бельгия, Голландия и др.). Вождь был явно обескуражен столь неожиданным и столь стремительным оборотом событий. И если раньше в его политическом мышлении доминировала здравая мысль о том, что Гитлер – не такой идиот, чтобы одновременно вести войну на два фронта: и против западных демократий, и против Советской России, то после поражения Франции и активизации мер, нацеленных на ослабление позиций СССР там, где это было только возможно, Сталин, по всей вероятности, все больше склонялся к мысли о том, что Гитлер способен развязать войну против СССР, не завершив военной кампании против Англии. И все-таки в глубине души вождя теплилась надежда на то, что фюрер третьего рейха не пойдет по пути, ведущему к неминуемому поражению Германии. Но хозяин Кремля и всей России явно переоценил как интеллектуальные, так и геополитические и стратегические способности германского фюрера. Тот был на седьмом небе от побед германского оружия и по этой причине оказался неспособным трезво и реалистически оценить возможный разворот мировых событий.

Мне думается, что легкие победы Гитлера в Европе как-то вытеснили из его сознания предостережения Бисмарка и крупнейших немецких военных специалистов о губительности для Германии вести войну на два фронта. Хотя на словах он и заявлял совершенно обратное: «Я всегда говорил, что нужно любыми средствами избежать войны на два фронта, и никто не подвергнет сомнению то, что я более чем кто бы то ни было размышлял о неудачном опыте Наполеона в России. Почему я тогда решил на это?» И сам отвечал на свой вопрос: «У нас не было другого выхода, и мы были вынуждены убрать русскую фигуру с европейской шахматной доски»¹⁴⁸.

Таким образом, мне думается, что в это время в политической стратегии Сталина намечался определенный поворот в сторону признания возможности ведения Гитлером войны на два фронта. В политической же стратегии Гитлера эта идея уже принимала вполне очерченные практические контуры. Однако Гитлер пока еще не принял окончательного решения и надеялся, что переговоры с высшими советскими руководителями позволят ему провести соответствующий зондаж. Он воочию убеждался, как Сталин шаг за шагом, неуклонно и последовательно укрепляет геополитические и военно-стратегические позиции Советской России и не намерен отказываться от этого курса. Шло жесткое, но скрытое от глаз общественности соревнование за создание наиболее благоприятных условий на случай военного столкновения между двумя странами.

Поэтому голословными и противоречащими фактам выглядят такие,

---

¹⁴⁸ Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Т. 2. С. 327.

например, безапелляционные утверждения, что преступлением было «заключение Сталиным фактического союза с Германией в 1939 году. Это ложь, что Германия без заключения пакта Риббентропа – Молотова напала бы на СССР, не имея с ним границы и имея в тылу Францию и Англию. Фактом является то, что пакт этот позволил Гитлеру устранить Францию из борьбы, лишить Англию плацдарма в Европе, выдвинуться на границу с СССР и – самое главное – нарастить боевой опыт и, что еще важнее, победный дух в немецкой армии и разжечь шовинистический психоз в народе.

Сталин же никак не смог использовать в свою пользу отсрочку, полученную благодаря пакту с Гитлером. Наоборот, ухудшил положение: передвинув границу на Запад, увел войска с укреплений, созданных на старой границе, а на новой создать их не успели; начал модернизацию вооружений и не успел ее закончить и, самое главное, уступил инициативу Гитлеру, что в любой борьбе очень много значит»¹⁴⁹.

Во всем, выходит, виноват Сталин! И в том, что Франция позорно потерпела катастрофическое поражение в считанные недели, и в том, что Англия лишилась своих плацдармов в Европе и т.п. Чушь! Что же касается тезиса, что заключение пакта отодвинуло сроки нападения Гитлера на СССР, то он вызывает возражения лишь у тех, кто не понимает логики агрессора, особенно такого, каким был Гитлер. Если бы все было так предельно просто и предсказуемо, как утверждает цитировавшийся выше автор, то совсем непонятна та поистине лихорадочная деятельность лидеров третьего рейха по обхаживанию Москвы и их попытки склонить Сталина на свою сторону путем присоединения к Тройственному пакту. Гитлер явно переоценивал свои дипломатические успехи, а тем более способности. В 1942 году он безапелляционно утверждал, что «он рад, что удалось вплоть до самого начала войны водить Советы за нос и постоянно договариваться с ними о разделе сфер интересов»¹⁵⁰. Однако германский фюрер глубоко заблуждался – на самом деле не он водил Сталина за нос, а тот его. Сталин прикидывался, что верит в реальность планируемых фюрером геополитических комбинаций. На самом же деле он знал, что от грандиозных гитлеровских планов на целую версту разит хлестаковщиной. Разумеется, дать понять это Гитлеру не входило в сталинские планы, и он усердно делал вид, что всерьез рассматривает геополитические фантазии фюрера. Что же касается Гитлера, то у него в связи с этими хитроумными расчетами были свои резоны.

В этом варианте был заложен глубокий смысл: если бы удалось обвести Сталина вокруг пальца и соблазнить посулами легких и почти бескровных

---

¹⁴⁹ Глава из книги мемуаров и публицистики В. Белоцерковского «Путешествие в будущее и обратно». (Электронная версия.)

¹⁵⁰ *Генри Пикер*. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993. С. 303.

территориальных и иных приобретений совместно со странами Тройственного пакта – в этом случае мировые события могли принять совершенно иной оборот. Но Сталин своевременно разгадал замыслы фюрера и сам начал водить его за нос.

31 июля 1940 г. Гитлер на совещании военных говорил: «Из прослушивания разговоров видно, что Россия неприятно поражена быстрым ходом развития событий в Западной Европе.

России достаточно только сказать Англии, что она не желает усиления Германии, и тогда англичане станут, словно утопающие, надеяться на то, что через 6 – 8 месяцев дело повернется совсем по-другому.

Но если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан станет Германия.

Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го...

Цель: уничтожение жизненной силы России»¹⁵¹.

Это были реальные дела. Дела, а не слова. На словах германский фюрер настойчиво внушал Сталину идею присоединения к пакту трех агрессивных держав. И чем быстрее шло время, тем более настойчивыми становились усилия германской стороны. В письме Риббентропа Сталину от 13 октября 1940 г. говорилось:

«Резюмируя вышеизложенное, я хотел бы сказать, что также и по мнению фюрера историческая задача четырех держав в лице Советского Союза, Италии, Японии и Германии, по-видимому, состоит в том, чтобы устроить свою политику на долгий срок и путем разграничения своих интересов в масштабе столетий направить будущее развитие своих народов на правильные пути.

Для того, чтобы глубже выяснить такие решающие для будущности наших народов вопросы и чтобы подвергнуть их обсуждению в более конкретной форме, мы приветствовали бы, если бы господин Молотов соизволил в ближайшее время навестить нас в Берлине. От имени Германского правительства я имею честь сердечно его пригласить»¹⁵².

Затем в беседе с Молотовым в ноябре 1940 года Риббентроп так конкретизировал данное предложение: «Германия, Италия, СССР, Япония обязуются уважать сферы взаимных интересов. Постольку, поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам»¹⁵³.

---

¹⁵¹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 138.

¹⁵² Там же. С. 309.

¹⁵³ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 386.

Некоторые российские историки и дипломаты на основе изучения документов, в том числе и архивных, связанных с этим этапом развития советско-германских отношений, с полным основанием приходят к следующему заключению. Задуманная и тщательно разработанная система связанных между собой дипломатических шагов была нацелена на то, чтобы:

а) заинтересовать Сталина переговорами о дальнейшем развитии сотрудничества, внести его в заблуждение и сохранить в тайне планируемое внезапное нападение на Советский Союз;

б) переговоры с СССР провести в резко антибританском духе, добиться от советской стороны документа, враждебного по своему содержанию Великобритании. Он должен был бы послужить вещественным доказательством враждебных Великобритании намерений советского правительства;

в) направить своего высокого представителя в Англию (т.е. Риббентропа – Н.К.) и, используя указанный выше антибританский документ, попытаться вызвать раздражение Лондона поведением советского правительства и договориться с британским правительством если уж не о мире, то, по крайней мере, о том, что правительство Великобритании не откроет второго фронта в Европе в период германо-советской войны.

Для придания авторитетности и убедительности своим шагам предусматривалось участие в их реализации высших руководителей Германии¹⁵⁴.

Таким образом, руководство фашистской Германии попыталось вовлечь советского лидера в опасную игру, чтобы одурачить его и извлечь необходимые политические и военно-стратегические выгоды.

Начав большую игру, Сталин должен был ее продолжать. Но вести ее так, чтобы контрагенты по переговорам не могли заранее распознать его стратегию участия в переговорах как опять-таки метод выигрыша времени. Вождь не брал на себя никаких обязательств, и тем более согласия на присоединение к Трехстороннему пакту. Нужно было также каким-то позитивным образом отреагировать на просьбы германской стороны о проведении переговоров между двумя странами. От Сталина последовал следующий ответ:

«ПОСЛАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК ВКП(б) И.В. СТАЛИНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ И. РИББЕНТРОПУ

21 октября 1940 г.

Особая папка

Многоуважаемый господин Риббентроп!

Ваше письмо получил. Искренне благодарю Вас за доверие, так же как

---

¹⁵⁴ «Новая и новейшая история». 2005 г. № 1. С. 18 – 19.

за поучительный анализ последних событий, данный в Вашем письме.

Я согласен с Вами, что вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих интересов на длительный срок.

В.М. Молотов считает, что он у Вас в долгу и обязан дать Вам ответный визит в Берлине. Стало быть, В.М. Молотов принимает Ваше приглашение. Остается договориться о дне приезда в Берлин. В.М. Молотов считает наиболее удобным для него сроком 10 – 12 ноября. Если он устраивает также Германское правительство, вопрос можно считать исчерпанным.

Я приветствую выраженное Вами желание вновь посетить Москву, чтобы продолжить начатый в прошлом году обмен мнениями по вопросам, интересующим наши страны, и надеюсь, что это будет осуществлено после поездки Молотова в Берлин.

Что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии, то, не возражая в принципе против такой идеи, мне кажется, что этот вопрос следовало бы подвергнуть предварительному обсуждению.

С глубоким уважением,
готовый к услугам И. Сталин

Москва, 21 октября 1940 г.»¹⁵⁵.

Коль было решено послать Молотова на встречу с Гитлером, то необходимо было самым скрупулезным образом подготовиться к этому визиту и к предстоящим переговорам. Сталин непосредственно разработал основные пункты, на обсуждении которых должна была настаивать советская сторона. Кроме того, была выработана предварительная, но вполне четкая позиция по вопросам, которые, как ожидалось, будут подняты германской стороной. Неизвестно, в каком кругу обсуждалась вся эта программа, но безусловно, что в этом принимали участие не одни Сталин и Молотов. По всей вероятности, были привлечены и некоторые другие наиболее доверенные лица из состава Политбюро. Эта программа приняла форму директив, подлежащих исполнению всеми участниками переговоров с советской стороны, прежде всего Молотовым.

Я позволю себе привести полный текст этой программы, записанный рукой Молотова, очевидно, под диктовку Сталина. Об этом свидетельствуют характерный стиль, сокращения и даже сам перечень проблем. Читатель сможет судить о дипломатических подходах Сталина и его методах, ознакомившись с текстом записи.

«НЕКОТОРЫЕ] ДИРЕКТИВЫ К БЕРЛ[ИНСКОЙ] ПОЕЗДКЕ

9 ноября 1940 г.

1. Цель ПОЕЗДКИ

---

¹⁵⁵ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 317 – 318.

а) Разузнать действительные намерения Г[ермании] и всех участников Пакта 3-х (Г[ермании], Я[понии]) в осуществлении плана создания „Новой Европы“, а также „Великого Восточно-Азиатского Пространства“; границы „Новой Европы“ и „Восточно-Азиатского Пространства“; характер государственной структуры и отношения отдельных европейских государств в „Новой Европе“ и в „Восточной Азии“; этапы и сроки осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Германией (а также с Италией), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и Италией на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время.

2. Исходя из того, что советско-германское соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Германии событиями исчерпано (за исключением Финляндии), в переговорах добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены:

а) Финляндия – на основе советско-германского соглашения 1939 г., в выполнении которого Германия должна устранить всякие трудности и неясности (вывод германских войск, прекращение всяких политических демонстраций в Финляндии) и в Германии, направленных во вред интересам СССР).

б) Дунай, в части Морского Дуная, в соответствии с директивами т. Соболеву.

Сказать также о нашем недовольстве тем, что Германия не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию.

в) Болгария – главный вопрос переговоров – должна быть, по договоренности с Германией и Италией отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию.

г) Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, т.к. у нас есть серьезные интересы в Турции.

д) Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует, и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились.

е) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, т.к. там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить].

ж) В отношении Греции и Югославии мы хотели бы знать, что думает Ось предпринять?

з) В вопросе о Швеции СССР остается на той позиции, что сохранение

нейтралитета этого государства в интересах СССР и Германии. Остается ли Г[ермания] на той же позиции?

и) СССР как балтийское государство интересуется вопросом о свободном проходе судов из Балтики в мирное и военное время через М[алый] и Б[ольшой] – Бельты, Эрезунд, Категат и Скагерак. Хорошо было бы по примеру совещания о Дунае, устроить совещание по этому вопросу из представителей заинтересованных стран.

к) На Шпицбергене должна быть обеспечена работа нашей угольной концессии.

3. Транзит Германия – Япония – наша могучая позиция, что надо иметь в виду.

4. Если спросят о наших отношениях с Турцией – сказать о нашем ответе туркам, а именно: мы им сказали, что отсутствие пакта взаимопомощи с СССР не дает им права требовать помощи от СССР.

5. Если спросят о наших отношениях с Англией, то сказать в духе обмена мнений на даче Ст[алина].

6. Сказать, что нам сообщили о сделанных через Рузвельта мирных предложениях Англии со стороны Германии. Соответствует ли это действительности и каков ответ?

7. На возможный вопрос о наших отношениях с США ответить, что США также спрашивают нас: не можем ли мы оказать поддержку Турции и Ирану в случае возникновения опасности для них. Мы пока не ответили на эти вопросы.

8. Спросить, где границы „Восточно-Азиатского Пространства“ по Пакту 3-х.

9. Относительно Китая в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола, сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан Кайши), в чем СССР, м[ожет] б[ыть], с участием Г[ермании] и И[талии] готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Маньчжоу-Го остается за Я[понией]).

10. Предложить сделать мирную акцию в виде открытой декларации 4-х держав (если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болг[ария], Тур[ция]? и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний и немедленного предоставления Индии прав доминиона.

11. О сов[етско-японских отношениях – держаться вначале в рамках моего ответа Татекаве.

12. Спросить о судьбах Польши – на основе соглашения] 1939 г.

13. О компенсации собственности в Прибалтах: 25 % в один год, 50 % –

в три года (равн[ыми] долями).

14. Об экономических] делах: в случае удовлетворительного] хода переговоров] – о хлебе»¹⁵⁶.

Как видим, в директивах затрагивался чрезвычайно широкий круг не только европейских, но и общемировых проблем. Но главное в них – это вопросы, которые больше всего затрагивали интересы Советской России, – проблемы Восточной Европы и получение достаточных гарантий, необходимых для обеспечения ее безопасности. Не случайно, в директивах прямо выражено недовольство некоторыми действиями Германии, явно ущемлявшими наши интересы. Обращает на себя внимание довольно сдержанное отношение к широкообещательным обещаниям, сопряженным с эвентуальным присоединением к Тройственному пакту. Лично у меня сложилось твердое убеждение, что Сталин всерьез и не рассматривал перспективу такого присоединения к Тройственному пакту. Но на всякий случай оговаривал минимальные условия, касавшиеся неевропейских проблем, которые должны были рассматриваться с учетом советской позиции. Это был типичный пример довольно тонкой сталинской дипломатии, которая в качестве важного составного элемента включала в себя зондаж даже по вопросам, о которых и не мыслилось договариваться.

Со стороны Гитлера предложение Советской России присоединиться к Тройственному пакту также являло собой типичный образчик зондажа, за которым больше ничего не скрывалось. Это станет более чем очевидным, если мы вспомним приведенное в данном разделе высказывание Гитлера о намерении разделаться с СССР в самом ближайшем будущем. Ясно, что реальные и серьезные предложения не делаются стране, которую чуть ли не завтра планировалось разгромить военным путем. Так что выводы и оценки тех исследователей, кто всерьез рассуждает о готовности Сталина принять участие в своего рода переделе мира, на мой взгляд, довольно легковесны и базируются на чисто формальных моментах. Сталин в это время был занят проблемой укрепления оборонной мощи Советской России и подготовкой к надвигавшейся схватке с Гитлером, чтобы всерьез помышлять о планах перекройки карты мира в союзе со своим неотвратимым, как рок судьбы, противником. Необходимо проводить четкую грань между дипломатической игрой, своего рода дипломатическим зондажом и реальным внешнеполитическим курсом, который проводил в жизнь Сталин. В свете сказанного выше вполне понятными предстают и та осмотрительность и осторожность, которые предписывались советской делегации при возможной постановке вопроса об отношениях между СССР и Англией. Ибо Сталин уже прекрасно понял, что хвастливые заявления Гитлера о мнимой победе над Англией – всего-навсего демагогия и политическое хвастовство,

---

¹⁵⁶ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 349 – 351.

рассчитанное лишь на легковерных олухов царя небесного. Он знал, что Германия испытывает серьезные трудности во многих отношениях – с материальными и иными ресурсами, отставанием в морской сфере, чтобы вести речь о скорой победе над Англией. Вот почему Сталин сохранял все доступные каналы связи и контактов с Англией. Кроме того, он прекрасно понимал, что с увеличением объема помощи Англии со стороны США, а также возможным их вступлением в войну ситуация в Европе может принять совершенно иной оборот.

Короче говоря, все разговоры о превращении Тройственного пакта в Четвертной блок выглядели как мистическая фантастика, а не как маловероятная, но все же реальная перспектива. Объективный ход событий только подтвердил данную констатацию. Во внешней политике Сталин стоял на почве фактов и принимал сколько-нибудь серьезные решения только на базе глубокого и всестороннего анализа общей мировой обстановки и возможных направлений ее развития как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе. И его – это можно утверждать со всей категоричностью – не могло ввести в заблуждение то направление подхода к оценке перспектив развития событий, которое наш великий сатирик Щедрин назвал «центробежно-центростремительно-неисповедимо-завиральным».

Практический ход переговоров Молотова в Берлине с фюрером и Риббентропом, и прежде всего его нулевые результаты, служат подтверждением сказанного.

Остановимся на некоторых наиболее существенных моментах переговоров Молотова с Гитлером. Это важно под углом зрения понимания сущности внешнеполитической стратегии Сталина.

Фюрер заявил, что тенденцию развития на будущее время очень трудно установить. Вопросы будущих конфликтов зависят от личных факторов, которые являются решающими в политической жизни. Несмотря на это, он хочет попробовать, поскольку это возможно и доступно человеческому разумению, определить на длительный срок будущее наций, чтобы были устранены трения и исключены конфликты. Он думает, что это особенно возможно, когда во главе двух основных наций стоят люди, которые пользуются абсолютным авторитетом и могут решить на долгие сроки вперед. Это имеет место в настоящее время в России и в Германии. Речь идет о двух больших нациях, которые от природы не должны иметь противоречий, если одна нация поймет, что другой требуется обеспечение определенных жизненных интересов, без которых невозможно ее существование. Он уверен, что в обеих странах сегодня такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства. Поэтому возможно при учете обоюдных интересов – в особенности экономических – найти такое решение, которое оставалось бы в силе на период жизни настоящих

руководителей и обеспечивало бы будущую мирную совместную работу¹⁵⁷.

Эти общие рассуждения не сбивают эмиссара Сталина с намеченного заранее пути. Молотов говорит, что хотел бы знать, что этот пакт собой представляет, что он означает для Советского Союза: он хотел бы, чтобы во время его пребывания в Берлине и пребывания Риббентропа в Москве было бы внесено больше ясности в этот вопрос. В этой связи можно будет также поставить вопрос о Черном море и о Балканах, что явится актуальной темой, и непосредственно вопрос о Румынии, Болгарии и также о Турции. Далее хотелось бы знать, что понимается под новым порядком в Европе и Азии и где границы восточно-азиатского пространства...¹⁵⁸

Гитлер уходит от ответа на конкретные вопросы, прежде всего интересующие СССР, объясняя это тем, что те вопросы, которые Советский Союз имеет по отношению к Румынии, Болгарии и Турции, нельзя решить здесь за 10 минут, и это должно быть предметом дипломатических переговоров. Молотов благодарит за разъяснения, но добавляет, что хотел бы получить некоторую дополнительную информацию. На следующий день, 13 ноября 1940 г., состоялась вторая беседа Молотова с Гитлером, которая протекала, в общем, в том же русле, что и первая, т.е. ничего конкретного не дала. Лишь одна деталь заслуживает того, чтобы о ней упомянуть. В конце беседы фюрер сказал, что «он полагает, что Сталин едва ли покинет Москву для приезда в Германию, ему же, Гитлеру, во время войны уехать никак невозможно. Молотов присоединяется к словам Гитлера о желательности такой встречи и выражает надежду, что такая встреча состоится»¹⁵⁹.

Во время переговоров с Риббентропом, которые протекали в том же ключе, что и с Гитлером, Молотов явно с подтекстом заявил: «Гитлер говорил вчера и сегодня, так же, как и Риббентроп, что нечего заниматься частными вопросами, поскольку Германия ведет войну не на жизнь, а на смерть. Молотов не хочет умалять значения того состояния, в котором находится Германия, но из заявлений Гитлера и Риббентропа у него сложилось впечатление, что война уже выиграна Германией и вопрос об Англии по существу уже решен. Следовательно, можно бы выразиться, что если Германия борется за жизнь, то Англия – „за свою смерть“»¹⁶⁰. Многие историки обязательно приводят такую деталь переговоров Молотова с Риббентропом. Когда последний в который уже раз стал говорить о победе

---

¹⁵⁷ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 361 – 362.

¹⁵⁸ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 365 – 366.

¹⁵⁹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 383.

¹⁶⁰ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 391.

над Англией, что она уже сломлена, то Молотов с ехидством спросил: «Если это так, то почему мы ведем переговоры в бомбоубежище?» А они действительно ввиду налета английской авиации на Берлин вынуждены были для продолжения переговоров пойти в бомбоубежище.

О ходе переговоров Молотов ежедневно докладывал по каналам спецсвязи Сталину и получал от него соответствующие указания, а иногда и коррективы формулировки Молотовым того или иного вопроса. Итоги переговоров Молотов изложил в телеграмме Сталину так: «Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выявил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»¹⁶¹.

Уже будучи пенсионером, в 70-е годы, Молотов так охарактеризовал эти переговоры с Гитлером:

«Обед был у Гитлера со всей кают-компанией. Держались просто.

Он мне снова: „Вот есть хорошие страны...“. А я: „А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году, что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению“. – „Это мелочь. Давайте о большом вопросе договариваться“.

Мы с ним так и не договорились, потому что я ему свое говорю: „Это не ответ. Я вам поставил вопрос, а вы не даете никакого ясного ответа, а я прошу дать ясный ответ“. На этом мы должны были их испытать, хотят ли они, действительно, с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать. Толкать толкали, но все-таки они имели дело не просто с чудаками – это он (Гитлер) тоже понимал. Мы, со своей стороны, должны были прощупать его более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять – не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали вывод»¹⁶². На вопрос:

«– Был ли смысл для немцев встречаться с вами в 1940 году? – Молотов ответил:

– Они нас хотели втянуть и одурачить насчет того, чтобы мы выступили вместе с Германией против Англии. Гитлеру желательно было узнать, можно ли нас втянуть в авантюру. Они остаются гитлеровцами, фашистами, а мы им помогаем. Вот удастся ли нас в это втянуть?

Я ему: „А как вы насчет того, что нас непосредственно касается, вы

---

¹⁶¹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 394.

¹⁶² *Феликс Чуев*. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 26 – 27.

согласны выполнить то, что вы обязаны выполнить?»¹⁶³

И выяснилось, конечно, что он хотел втянуть нас в авантюру, но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии»¹⁶³.

Подводя краткий итог ноябрьским переговорам в Берлине, а также оценивая общую стратегическую линию Сталина в тот период, можно сказать, что он проявил себя дальновидным политиком и искусным переговорщиком. Гитлер рассчитывал заманить его в свои сети, но оказался сам в дураках. Не случайно в приступе озлобления он так охарактеризовал Сталина перед своими генералами: «Сталин умен и коварен. Он требует все больше и больше. Он – хладнокровный шантажист»¹⁶⁴. Поношения в устах заклятого врага можно считать своего рода похвалой. Но в данном случае фюрер глубоко ошибался, он не раскусил главной черты сталинской внешнеполитической стратегии – выдвигая те или иные требования, Кремль отнюдь не рассчитывал, что они будут удовлетворены Берлином. Возникает вопрос: зачем тогда нужно было их выдвигать? Ответ прост – это была серьезная дипломатическая игра, в которой Сталин оказался на высоте положения. Он не только раскусил подлинные планы Гитлера и на некоторое время внушил последнему, что тот может не опасаться угрозы со стороны Советской России. В этой сложной дипломатической партии генсек явно переиграл фюрера третьего рейха.

Кому-то мои оценки и выводы покажутся откровенно просталинскими, а потому и однобокими и необъективными. Замечу лишь, что я не ставил своей целью обелить вождя и не замечать промахов и ошибок в его внешнеполитической практике. На некоторые из них я уже указывал. Однако, на мой взгляд, не ошибки и промахи определяли сущность и главные направления внешнеполитического курса в этот чрезвычайно сложный период мирового развития. Нужно было пройти между политическими Сциллой и Харибдой и отодвинуть хотя бы на короткое время неизбежность войны.

Такая стратегия диктовала необходимость делать вид, что Москва вполне серьезно рассматривает предложение о присоединении к Тройственному пакту. Однако при этом выдвигались заранее неприемлемые для Гитлера условия с тем, чтобы, с одной стороны, не выставлять себя в качестве явного противника Германии, а с другой, – чтобы тянуть время и наращивать свою мощь. В этом контексте характерен ответ Кремля, переданный через посла Шуленбурга 25 ноября 1940 г. Он сводился фактически к формулированию условий, которые могли только взбесить

---

¹⁶³ Там же. С. 27.

¹⁶⁴ Robert Payne . The Rise and Fall of Stalin. p. 565.

фюрера. В частности, Кремль настаивал на немедленном выводе германских войск из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, на обеспечении в ближайшие месяцы безопасности СССР в черноморских проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды. В условиях фигурировал и пункт об отказе Японии от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине¹⁶⁵.

Если характеризовать подобную тактику Сталина в переговорах, то ее можно было бы выразить так: он припирает Гитлера к стене, ставит его в положение обороняющейся стороны, которая сама нарушает условия пакта о ненападении. Стратегия и тактика Сталина носили явно наступательный характер. И отнюдь не случайным было то, что Гитлер так и не дал ответа на советские условия, видимо, в душе посчитав, что перехитрить Сталина ему не удастся. Со времени фактического провала берлинских переговоров Берлин не проявлял особой активности в стремлении как-то нормализовать отношения с Советской Россией. Да это и объяснимо, поскольку фюрер принял принципиальное решение о крестовом походе против большевизма. Дипломатия здесь уже была не нужна, разве только для одной цели – способствовать дезинформации Сталина, усыплять его бдительность, сеять иллюзии относительно возможности дальнейшего германо-советского сотрудничества как на двусторонней, так и многосторонней основе.

Если делать выводы и умозаключения не на базе того, что лежит на поверхности и потому кажется очевидным и бесспорным, а на основе серьезного анализа стратегии Сталина и Гитлера после заключения пакта, то складывается твердое впечатление, что не Сталин боялся Гитлера (этой точки зрения придерживаются очень многие как специалисты, так и простые читатели), совсем наоборот – Гитлер боялся Сталина. Он, видимо, понимал, что время работает не на Германию, а на Советскую Россию. Такое заключение в определенной мере подтверждается начальником штаба Верховного командования вермахта В. Кейтелем: «Исходя из военного положения рейха, стремлений западных держав – Англии и Америки, он обосновал свою точку зрения: война против Советского Союза стала неизбежной, и любое выжидание лишь еще более ухудшило бы наше положение. Он откровенно говорил: промедление только изменит потенциал сил не в нашу пользу; в распоряжении наших противников – неограниченные средства, которые к данному времени даже приблизительно еще не исчерпаны, между тем как наши кадровые и материальные силы мы больше значительно увеличить не сможем. Поэтому решение его неизменно и твердо:

---

¹⁶⁵ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 416.

как можно раньше упредить Россию и ликвидировать исходящую от нее опасность.

Затем последовали его очень весомые высказывания о столкновении двух крайне противоположных мировоззрений. Он знает: столкновение это так или иначе произойдет, и лучше, если он возьмет его на себя теперь, чем закрывать глаза на грозящую Европе опасность и оставить решение данной проблемы на более позднее время или же предоставить своему преемнику. Ведь никто после него не будет обладать в Германии таким авторитетом, чтобы принять на себя ответственность за превентивную войну; не найдется и другого такого человека, который один еще сможет сломить мощь большевизма, прежде чем Европа падет его жертвой! Он, как никто в Германии, знает коммунизм с его разрушительными силами по той борьбе, которую лично вел за спасение рейха»¹⁶⁶.

Между тем, о нарастании разногласий между Берлином и Москвой свидетельствуют участвовавшие советские представления германскому посольству с протестом против конкретных акций третьего рейха. Особое беспокойство и, можно сказать, тревогу у Сталина вызывали такие факты, как широкое развертывание немецких сил в Румынии, а также явные признаки того, что Гитлер, по оценкам Москвы, решил вступить в Болгарию. Затем планировалось вступление в Грецию и обеспечение контроля над черноморскими проливами. Эти планы явно имели под собой антисоветскую подоплеку и фактически были направлены против интересов Советской России. Москва прямо указывала Берлину, что все эти действия Германии угрожают интересам безопасности СССР¹⁶⁷. Буквально пять дней спустя по получении довольно холодного и невнятного ответа со стороны Берлина Кремль вновь подчеркнул, что основной вопрос, который стоит, – это вопрос о вводе германских войск в Болгарию и в район проливов... Советское правительство говорит о Болгарии и проливах потому, что они связаны с Черным морем, а СССР является главной черноморской державой¹⁶⁸.

В историографии широко распространено мнение, что Сталин чуть ли не на протяжении оставшихся до начала войны месяцев проводил пассивную линию, полагаясь на то, что Гитлер не решится в условиях продолжавшейся войны с Англией на военную акцию против СССР. Одним из приверженцев этой точки зрения является английский автор А. Буллок. В своей сравнительной биографии Сталина и Гитлера он уверенно утверждал: «В отличие от Гитлера, которого воодушевляла перспектива покончить с

---

¹⁶⁶ Вильгельм Кейтель. Размышления перед казнью. М. 1998. С. 235.

¹⁶⁷ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 543.

¹⁶⁸ Там же. С. 563.

нацистско-советским пактом, Сталин делал все возможное, чтобы сохранить его, упрямо закрывая глаза на свидетельства того, что немцы готовились начать наступление на Россию. В то время, как Гитлер совершенно преисполнился уверенностью в себе в 1941 г., Сталин казался колеблющимся и рисковал более, чем когда бы то ни было раньше за всю карьеру, потерять хватку лидера. В течение первых шести месяцев 1941 г. он проводил по отношению к Гитлеру политику умиротворения и вплоть до фактического немецкого нападения 22 июня запрещал советским военачальникам предпринимать какие-либо шаги, которые могли бы спровоцировать немцев...»¹⁶⁹. Несколькоими страницами позже тот же автор пишет, что очевидно, Сталин осознавал возможность войны с Германией, но не сумел понять идеологическое, можно смело писать – мифологическое, значение ее для Гитлера, для которого эта война выходила за рамки разумного расчета. Сталин убедил себя в том, что раз уж он подписал нацистско-советский пакт, то Гитлер так будет занят остальной Европой, что для него станут очевидны обоюдные выгоды сохранения этого пакта¹⁷⁰.

Уважаемый А. Буллок не только противоречит сам себе, но и до примитивности упрощает реальную картину. Как мы видели выше, Сталин отнюдь не исключал возможности гитлеровского нападения на Советскую Россию, особенно после столь неудачной финской кампании, но, напротив, считал ее неотвратимой. Грань здесь проходит между сроками: Сталин не без реальных на то оснований полагал, что Гитлер серьезно завяз в кампании против Англии и в обстановке все более ухудшавшихся отношений с Советской Россией едва ли рискнет на столь авантюрный шаг. И, что особенно важно подчеркнуть, Сталин как раз оказывал на Гитлера давление, требуя принятия советских условий, и каждый раз, когда немцы явно нарушали интересы нашей страны, решительно протестовал против этого. Так что ни одна враждебная Советской России акция лидера третьего рейха не оставалась незамеченной и получала соответствующую оценку со стороны Кремля. Поэтому нет оснований говорить о какой-то чрезмерной уступчивости Сталина – это явно противоречит фактам, в том числе и приведенным выше высказываниям Гитлера о политике Сталина в этот период. Об этом же, собственно, говорил, вернее, жаловался Риббентроп в марте 1941 года во время встречи с министром иностранных дел Японии Мацуокой. По его словам, он может конфиденциально сообщить, что нынешние отношения с Россией, конечно, корректны, но не очень дружественны. После визита Молотова, во время которого России было предложено присоединиться к пакту трех держав, советское правительство

---

¹⁶⁹ Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Т. 2. С. 329.

¹⁷⁰ Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Т. 2. С. 339.

выдвинуло неприемлемые условия. Оно требовало от Германии пожертвовать интересами Финляндии, предоставить СССР базы в районе Дарданелл и позволить Советскому Союзу контролировать Балканы, в особенности Болгарию. Фюрер не согласился на это, так как, по его мнению, Германия не может постоянно поддерживать подобную политику русских. Германии нужен Балканский полуостров, прежде всего, для ее собственной экономики, и она не склонна позволить ему попасть под русское господство. По этой причине она дала Румынии гарантию ее целостности. В частности, эту последнюю акцию Советский Союз воспринял враждебно. Германия была вынуждена затем войти в более тесные отношения с Болгарией, чтобы получить тактически важный пункт для дальнейших действий, цель которых – изгнание англичан из Греции. Это тоже не понравилось русским.

В этой обстановке, – продолжал подручный фюрера, – отношения с Советским Союзом внешне остаются нормальными и корректными. Однако вот уже некоторое время советские демонстрируют свое недружелюбие к Германии всюду, где могут... После того, как английским послом в Москве стал сэр Стаффорд Криппс... связи между Советским Союзом и Англией начали развиваться, сначала тайно, а затем даже относительно открыто¹⁷¹.

Отсюда следует вполне правомерный вывод: Сталин не лез, как говорится, на рожон и не пытался своими действиями спровоцировать Гитлера на ответные действия военного плана. В дальнейшем мы более подробно осветим эти моменты, но здесь, полагаю, целесообразно сделать это замечание принципиального порядка. Представляется очевидным, что внешнеполитический курс Сталина в 1940 – 1941 гг. был направлен на то, чтобы избежать войны с фашистами, но это не было равнозначно тому, что Сталин боялся Гитлера. Напротив, он исходил из трезвого расчета, что СССР пока еще не готов к войне, причем войне современной. И то, с какой последовательностью и решительностью он проводил внешнеполитическую линию по отстаиванию законных интересов СССР, говорит об этом достаточно красноречиво, несмотря на то что в ряде случаев это приводило к росту напряженности в советско-германских отношениях.

Биограф Сталина Р. Макнил, косвенно затрагивая данный сюжет, писал, что предпринятая в марте 1940 года попытка пригласить Сталина в Берлин была фактически отклонена. Поскольку Сталин рассматривал такое приглашение как почетное, но политически неуместное действие. Хотя формально он и не выражал своего отказа от поездки в Берлин, но на самом деле старался держать немцев на довольно большом расстоянии. Любопытная деталь: он во время одной из встреч с Риббентропом согласился подарить последнему свой портрет с автографом. Однако длительное время это обещание не выполнялось Сталиным, несмотря на неоднократные

---

¹⁷¹ Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941. С. 275.

напоминания со стороны Берлина. И только в декабре 1940 года – через 15 месяцев – новый советский посол доставил обещанный портрет. Это, разумеется, лишь небольшой штрих, характеризующий подлинное, а не формально показное отношение Сталина к гитлеровской шайке.

Далее Макнил считает нужным подчеркнуть, что Сталин никогда после февраля 1940 года не находил времени, чтобы принять германского посла, но вел переговоры с новым британским послом¹⁷². Уже сам этот факт говорит больше, чем любой комментарий к нему.

Действительно, Сталин, поддерживая внешне корректные отношения с Германией, в то же время стремился сохранить на достаточно хорошем уровне и отношения с воюющей Англией. С точки зрения Берлина, это расценивалось чуть ли не как предательство. Но Сталин никогда не ставил карту на какую-либо одну державу, будь то Германия или Англия. Он старался поддерживать тонкий баланс, чтобы не оказаться в проигрыше. Если его безусловно тревожили военные и иные акции Гитлера, явно враждебные интересам Советской России, то вместе с тем он испытывал опасения по поводу стремления определенных сил в Англии как можно быстрее сравнять Советскую Россию с Германией. Такой вариант развития событий был отнюдь не параноидальным воображением вождя, а вариантом, который нельзя было исключить из арсенала политических прогнозов. Правда, делал он все это весьма осторожно, соблюдая чувство меры.

В беседе с новым послом Англии в СССР С. Криппсом Сталин дал понять, что реальный анализ обстановки говорит за то, что Гитлеру не удастся осуществить свои планы установления господства в Европе, а затем и в мире в целом. В записи беседы по этому поводу зафиксировано следующее: «Тов. Сталин говорит, что он считает еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию – это еще не значит господствовать в Европе. Для того, чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет. Европа без водных путей сообщения, без колоний, без руд и сырья.

Тов. Сталин замечает, что это объективные данные, свидетельствующие, что об опасности господства в Европе еще рано говорить»¹⁷³.

Далее Сталин особо оттенил мысль о том, что он, мол, не хочет поддаваться на удочку англичан, пытающихся сравнить его с Гитлером¹⁷⁴. Касаясь разговоров об установлении господства Германии в мире, генсек

---

¹⁷² Robert H. Mc Neal . Stalin. p. 225.

¹⁷³ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 77.

¹⁷⁴ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 77 – 78.

сказал: «...Знаю, что у них нет сил для господства во всем мире»¹⁷⁵.

Сталин дал указание Молотову, чтобы тот принял посла Германии и в суммарном виде изложил ему основные положения, высказанные в беседе с С. Криппсом. Это делалось по сугубо дипломатическим соображениям: продемонстрировать Берлину, что Москва не ведет закулисной игры и, во-вторых, дать понять Гитлеру, что возможности для развития отношений между Москвой и Лондоном существуют и чтобы фюрер не упускал это в своих политических расчетах. Специально было подчеркнуто, что прежнее так называемое равновесие давило не только на Германию, но и на Советский Союз. Поэтому Советский Союз примет все меры, чтобы в Европе не было восстановлено прежнее равновесие¹⁷⁶. Иными словами, Сталин давал понять, что как Германия, так и западные державы должны принять новые реальности и рассматривать Советскую Россию не в качестве объекта своих политических игр, а как равноправного участника при решении всех важных вопросов прежде всего европейской, а также и мировой политики. Расширение поля дипломатической деятельности СССР говорило о том, что прошли времена, когда нашу страну пытались превратить из субъекта международных отношений в объект этих отношений, с которым можно было разговаривать языком угроз, силы, бойкота и т.п. методов. Изменение роли Советской России на мировой политической сцене с полным правом можно рассматривать как одно из крупнейших достижений внешнеполитической стратегии Сталина.

Конечно, в данном разделе нет возможности даже пунктиром обозначить другие важные направления внешнеполитического курса Сталина – иначе раздел мог бы превратиться в книгу в книге. Естественно, что в эпицентре внимания стоят проблемы взаимоотношений третьего рейха и Советского Союза. Но к этим отношениям косвенно примыкали и некоторые другие важные аспекты тогдашней международной проблематики. Я имею в виду прежде всего вопросы взаимоотношений с Японией. В начале 40-х годов они выплывали на один из первых планов, хотя, истины ради, надо сказать, что они со времени возникновения Советской России на политической карте мира неизменно привлекали самое пристальное внимание советских лидеров, в том числе и Сталина.

Новое качество и новое измерение проблеме советско-японских отношений придал фактор усиления угрозы войны со стороны Германии. Над политическим мышлением вождя, словно страшный рок, довлела тревожная мысль о возможности войны на два фронта – против Германии и против Японии. И такая тревога имела под собой реальную основу, учитывая

---

¹⁷⁵ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 78.

¹⁷⁶ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 113.

довольно богатый опыт периодических военных локальных конфликтов с японской военщиной. И хотя в каждом случае японские самураи встречали достойный отпор, их агрессивные устремления от этого не уменьшались. Правда, заставляли японских генералов более серьезно оценивать своего потенциального противника. В этом контексте свою позитивную для нас роль сыграли итоги халхингольской кампании. Однако учет японской стороной этих уроков отнюдь не означал, что в Токио окончательно расстались с планами нападения на Советскую Россию с целью отторжения от нее приморских районов и Сибири. В высших военных сферах Страны восходящего солнца на протяжении многих лет шла невидимая для посторонних борьба двух группировок – тех, кто выступал за развертывание японской экспансии на юг и юго-восток, включая захват южных провинций Китая и дальнейшее продвижение в сторону Бирмы, Индии и Индонезии. Естественно, при этом подразумевалось, что Соединенные Штаты Америки ни в коем случае не останутся равнодушными наблюдателями расширения японской экспансии в Азии, и поэтому с ними придется вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть. Вторая, тоже весьма влиятельная группировка в японских военно-политических кругах, исходила из того, что Токио выгоднее развернуть фронт своей экспансии против Советского Союза. В конечном итоге первая группировка одержала верх. Но все это заняло определенный отрезок времени.

Сталин, конечно, не мог в точности знать, каковы планы японской военщины. Здесь могут возразить, что он имел соответствующую информацию по разведывательным каналам (Р. Зорге). Однако, во-первых, сама эта информация была противоречивой, как противоречивой и неоднозначной была расстановка сил в правящих кругах Японии. К тому же окончательного решения тогда еще не было принято. Во-вторых, серьезная дипломатическая активность в это время японской дипломатии давала и повод, и основание предположить, что намечается дальнейшее укрепление связей держав оси – Берлин – Рим – Токио, причем в плоскости расширения взаимодействия в военной сфере. Как уже рассказывалось выше, именно к этой оси в качестве своего рода шестеренки Гитлер намеревался привлечь Советский Союз.

Как пишет А. Буллок, предложение Гитлера имело целью отвлечь Россию от Европы. Как только стало ясно, что Сталин все еще настаивает на том, что Финляндия и Балканы относятся к его сфере влияния, Гитлер утратил всякий интерес к дальнейшим переговорам, которые вполне могли бы закончиться компромиссом. Находясь под впечатлением от упрямых вопросов Молотова и его настойчивого отстаивания советских прав, Гитлер, когда русские еще находились в Берлине, сказал Герингу, что он решил начать нападение на Советский Союз весной 1941 года. Геринг пытался разубедить его, приводя тот же довод, что и Редер, что, прежде чем приниматься за Россию, сначала нужно выгнать англичан из

Средиземноморья; что русскую кампанию лучше отложить до 1943 или 1944 года. Гитлер не поддавался уговорам, он был убежден, что Англия обескровлена и не может нанести Германии урон, а посему с ней можно покончить после победы над Россией¹⁷⁷.

И хотя в фокусе внимания Сталина находилась Германия и ее возможные дальнейшие шаги в отношении Советского Союза, он предпринял ряд эффективных шагов для нейтрализации угрозы с Востока. Гитлер же, в свою очередь, делал, прямо скажем, отчаянные попытки убедить Японию сконцентрировать свои интересы в смысле расширения территориального пространства на Советской России. Об этом красноречиво повествует следующий пассаж из его беседы с министром иностранных дел Японии Мацуокой, когда тот совершал визит в Берлин с намерением прозондировать позиции Германии по ряду вопросов. Фюрер уверял своего собеседника, что никогда еще не было лучших условий для совместных действий стран Тройственного союза, чем сегодня. Тот, кто делает историю, всегда рискует. Однако редко в истории риск был настолько мал, как сейчас. Пока идет война в Европе и Англия завязла в этой войне, пока Америка находится лишь на первом этапе своего перевооружения, Япония является самой сильной державой в восточно-азиатском регионе, тем более, что Советский Союз не может выступить, поскольку на его западной границе находится 150 германских дивизий. Такой случай никогда не повторится. Он – первый и последний в истории. Фюрер допускает, что тут есть доля риска, но она ничтожно мала, ибо Советский Союз и Англия в данный момент не опасны, а Америка еще не готова. Если этот благоприятный момент будет упущен и европейский конфликт каким-то образом закончится компромиссом, Франция и Англия через несколько лет оправятся, Америка присоединится к ним как третий враг Японии, и рано или поздно Япония окажется перед необходимостью защищать свое жизненное пространство в борьбе против этих трех держав¹⁷⁸.

Однако красноречивыми рассуждениями достичь цели Гитлеру не удалось. Японцы не хуже немцев оценивали боевые возможности Красной Армии и перспективу развития мировых событий. К тому же, как уже упоминалось выше, военно-политические круги страны склонялись к варианту экспансии на юг и юго-запад. Токио решил пойти на заключение пакта о нейтралитете с Советским Союзом, о чем Мацуока и проинформировал главу германского рейха.

На обратном пути в Токио Мацуока остановился в Москве для подписания договора и имел со Сталиным две весьма содержательные

---

¹⁷⁷ Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Т. 2. С. 322.

¹⁷⁸ Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941. С. 282.

беседы. Хозяин заявил гостю, что, по его мнению, вопрос о заключении пакта о нейтралитете уже назрел. «30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе»¹⁷⁹. Но вождь умел и шутить, даже говоря о самых серьезных вопросах, причем его шутки имели вполне определенный смысловой подтекст. Это видно из записи беседы с Мацуокой. «Тов. Сталин подходит к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, говорит: Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан – пролив Курильский у южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит т. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?»¹⁸⁰ Это, конечно, была шутка, но в каждой шутке есть намек. Это, видимо, понимал и Мацуока, хотя между русским и японским юмором – огромная разница. Сталин подчеркнул, что «действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения исчезли, и теперь действительно мы имеем настоящие стремления к улучшению отношений, а не игру».

Чтобы еще более умиловить своего гостя, Сталин весьма одобрительно высказался о манере вести переговоры японского министра. Далее в записи беседы зафиксировано: «т. Сталин говорит, что он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, нечасто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными»¹⁸¹.

Оставим на совести вождя его заверения, что большевики в сфере дипломатии всегда проявляли искренность и честность. И хотя афоризм Талейрана и претерпел со временем определенную трансформацию, все же нет достаточных оснований полностью и целиком ставить его под сомнение и считать неким историческим анахронизмом. Дипломатия всегда, в то время в особенности и сегодня в том числе, выступает как средство борьбы за

---

¹⁷⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. М. 1998. С. 72.

¹⁸⁰ Там же. С. 72 – 73.

¹⁸¹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 72.

достижение определенных целей, преследуемых государством. Поэтому о безграничной честности и искренности в этой области можно говорить разве что в чисто пожелательном ключе.

В целом переговоры с Японией завершились подписанием в апреле 1941 года договора о нейтралитете. Это явилось одним из серьезных достижений сталинской внешней политики в предвоенный период. Конечно, заключение договора не воспринималось Сталиным как твердая и нерушимая гарантия того, что Япония неизменно будет придерживаться условий, закрепленных в договоре. Ведь совсем не случайно, что во время войны с Германией на Дальнем Востоке были сосредоточены довольно значительные силы нашей армии и флота, готовые к отражению японского нападения. Доверие доверием, а иметь необходимые силы для обороны Дальнего Востока нужно было в любом случае. И, конечно, Токио соблюдал (и только лишь в целом) нейтралитет в отношении Советской России, но душой и телом он был на стороне Германии. И лишь ход войны против немецко-фашистской агрессии явился главной гарантией соблюдения Японией пакта о нейтралитете.

Рассмотрев в данном разделе целый комплекс проблем, связанных с поставленным в заголовке вопросом, полагаю, что мне в той или иной степени удалось убедить читателя в обоснованности своих оценок и выводов. Прекрасно отдаю себе отчет в том, что значительная, если не большая часть исследователей придерживается диаметрально противоположной точки зрения. Ее выразил, в частности, Р. Такер, обобщающий вывод которого я и воспроизвожу: «Сталин похвалялся, что он, дескать, „обвел“ Гитлера. На самом же деле все было наоборот. Своей быстрой победой над Францией Гитлер не только свел к нулю твердую уверенность Сталина, что война на Западе окажется затяжной, а поэтому выгодной для него. Теперь Гитлер перехитрил Сталина, заставив его поверить в свою готовность вступить в сделку, согласно которой они в тандеме станут в той или иной степени господствовать над миром. Сталин, по-видимому, никогда полностью не осознавал силу фанатизма Гитлера и невозможность вести с ним подобные дела. Как вспоминает дочь Сталина, он никогда не переставал сожалеть, что сценарий кондоминиума не осуществился. Уже после войны Сталин продолжал повторять: „Эх, с немцами мы были бы непобедимы!“»¹⁸².

Р. Такер здесь ссылается на свидетельство дочери Сталина С. Аллилуевой. Сами по себе эти высказывания Аллилуевой, возможно, и имеют под собой какую-то почву. Однако они не отражают ни в малейшей степени подлинного отношения Сталина к гитлеровской Германии, и тем более каких-либо иллюзий на предмет сколько-нибудь прочной и длительной договоренности между Советским Союзом и Германией. Все факты достаточно однозначно говорят о том, что советское руководство, и в первую

---

¹⁸² Роберт Такер. Сталин у власти. История и личность 1928 – 1941. Т. 2. М. 1997. С. 563.

очередь сам Сталин, отдавали отчет в том, что пресловутый пакт с Гитлером – явление временное и недолговечное, что смертельная схватка с нацизмом неотвратима, как смена времен года. И рисовать Сталина таким простачком в политике, по меньшей мере, неверно.

А именно это вытекает из многочисленных категорических вердиктов, которые выносит С. Аллилуева своему отцу. Она пишет: «Он не угадал и не предвидел, что пакт 1939 года, который он считал своей большой хитростью, будет нарушен еще более хитрым противником. Именно поэтому он был в такой депрессии в самом начале войны. Это был его огромный политический просчет: – „Эх, с немцами мы были бы непобедимы!“ – повторял он, уже когда война была окончена...

Но он никогда не признавал своих ошибок. Это было ему абсолютно несвойственно. Он считал себя непогрешимым и не сомневался в собственной правоте, что бы там ни было. Он считал свое политическое чутье непревзойденным. „Сталина вздумали перехитрить! Смотри-ка, Сталина захотели обмануть!“ – говорил он о самом себе в третьем лице, как бы со стороны наблюдая каких-то жалких людей, которые пытаются провести его. Он не предполагал, что может сам обмануться, и до конца своих дней следил, как бы кто другой не вздумал его коварно обмануть. Это стало его манией...»¹⁸³.

В дальнейшем мне еще не раз придется касаться данной проблематики. Здесь же хочу отметить, что у Сталина, конечно, были серьезные просчеты и ошибки в предвоенный период, в том числе и в сфере отношений с Германией. Однако изображать его столь примитивным и доверчивым политиком нет оснований. Еще меньше существует оснований считать, будто он верил в какой-то чуть ли не волшебный союз с нацистами, который по всем реальным историческим параметрам и с учетом реальной мировой обстановки того времени был чисто маниловщиной.

Не стану снова начинать с начала и повторять свои аргументы. Отмечу лишь, что Сталин в изображении Такера выглядит таким простаком, чуть ли не поверившим в искренность фашистского фюрера. Все поведение Сталина в это время как раз и свидетельствовало о том, что Гитлеру он не доверял, но делал вид, что верит в дружбу с Германией. А под вуалью заверений о дружбе таилось стремление выиграть время для подготовки к большой войне. И что бы ни говорили, часть необходимого времени была выиграна. В этом и состоит ответ на вопрос – кто кого переиграл...

3. Убийство Троцкого: личная месть или политическое

---

¹⁸³ Светлана Аллилуева. Только один год. М. 1990. С. 339 – 340.

возмездие?

Читателя, возможно, шокирует то обстоятельство, что я поместил пассаж об убийстве Троцкого в данную главу: вроде сам этот эпизод не имеет непосредственного отношения к внешней политике Сталина. На первый взгляд, это действительно так. Но если смотреть более широко, то опасения Сталина относительно активизации международной деятельности Троцкого и созданного им Четвертого Интернационала лежали в русле рассуждений о том, что эта деятельность может представлять для страны серьезную опасность в случае войны. И в данном контексте она косвенным образом вписывается в настоящую главу. Далее, я счел необходимым хотя бы самым конспективным образом осветить эту проблему, поскольку оставление вне поля зрения данного события как бы вычеркивает из политической биографии вождя важную страницу – финал его многолетнего противоборства с Троцким.

Ненависть Троцкого к Сталину едва ли уступала тому же чувству последнего. Их взаимная испепеляющая вражда друг к другу вполне сопоставимы и, может быть, даже в чем-то адекватны. Но есть существенное отличие, которое, правда, не сильно бросается в глаза. Особенно для тех, кто поверхностно знаком с одиссеей их противоборства и противостояния. У Троцкого, особенно после его высылки из страны, и тем более в последние годы его жизни, личный аспект, личная ненависть к Сталину выступали на передний план, порой заслоняя политические моменты. Хотя, конечно, и политические моменты тоже в значительной степени были мотивированы личной ненавистью. У Сталина на переднем плане всегда оставались политические мотивы, что, однако, не означает, будто в его отношении к Троцкому и троцкизму не проявлялись и личные неприязнь и ненависть. Мне кажется, что объяснением этому служит глубокая и непоколебимая убежденность вождя в том, что путь троцкизма для нашей страны означал путь в пропасть, когда во имя химеры мировой революции готовы пожертвовать всем, в том числе и судьбой страны и ее народов. То же самое, но уже с противоположным знаком, можно сказать и о Троцком, который в победе сталинского курса усматривал измену идеалам революции, идеалам социализма.

В последние годы жизни Троцкий всю свою политическую деятельность свел к борьбе против Сталина и разоблачению его внутренней и внешней политики. Именно в эти годы он издал свою книгу о Сталине, целую серию других произведений, целиком и полностью посвященных развенчанию Сталина. И в одном надо отдать должное Троцкому – он иногда возвышался до постижения простой истины: не все можно объяснить личными недостатками, коварством и мстительностью генсека, что есть и другие, более глубокие причины, поставившие обе эти фигуры по разные стороны политических баррикад. В 1940 году Троцкий писал: «И Сталин, и я

не случайно находимся на нынешних наших постах. Но эти посты созданы не нами. Каждый из нас вовлечен в эту драму, как представитель известных идей и принципов. В свою очередь, идеи и принципы не висят в воздухе, а имеют глубокие социальные корни. Нужно брать, поэтому, не психологическую абстракцию Сталина, как „человека“, а его конкретную историческую фигуру, как вождя советской бюрократии. Действия Сталина можно понять только, исходя из условий существования нового привилегированного слоя, жадного к власти, жадного к благам жизни, боящегося за свои позиции, боящегося масс и смертельно ненавидящего всякую оппозицию»¹⁸⁴.

Здесь, как, в сущности, во всех своих книгах, статьях и выступлениях, Троцкий доказывает, что Советская власть превратилась во власть привилегированного слоя общества, выразителем и воплощением интересов которого выступал Сталин. С этих позиций велась вся критика политики Сталина. Эта критика приняла почти истерический (а не исторический!) оттенок после заключения пакта о ненападении с Германией и ряда других внешнеполитических акций вождя, которые с той или иной степенью основательности были проанализированы в настоящей главе. И чем тревожнее и сложнее становилось международное положение, тем большую активность проявлял Троцкий в своих нападках на Сталина. Вот один из самых последних его выпадов против курса Сталина. «Несмотря на территориальные захваты Кремля, международное положение СССР чрезвычайно ухудшилось, – писал он. – Исчез польский буфер. Завтра исчезнет румынский. Могущественная Германия, ставшая хозяином Европы, получила общую границу с СССР. В Скандинавии место слабых, почти безоружных стран заняла та же Германия. Ее победы на Западе – только подготовка грандиозного движения на Восток. В нападении на Финляндию Красная Армия, обезглавленная и деморализованная тем же Сталиным, обнаружила свою слабость перед всем миром. В будущем походе против СССР Гитлер найдет помощь Японии»¹⁸⁵.

Естественно, Сталин всегда знакомился с материалами, публиковавшимися Троцким. Трудно предположить, что они его очень серьезно беспокоили, поскольку с нападками на себя он сталкивался буквально постоянно, коль речь шла о зарубежной общественности. Внутри страны, само собой понятно, не было никаких следов оппозиции, хотя по каналам донесений сексотов вождю доводилось читать и нелестные отзывы о себе лично и своей политике вообще. Но это были мелочи, и их без всякого

---

¹⁸⁴ «Бюллетень оппозиции». № 84. 1940 г. *Л. Троцкий* – «Почему и зачем эти процессы?» (Электронная версия).

¹⁸⁵ «Бюллетень оппозиции». № 84. 1940 г. *Л. Троцкий* – Роль Кремля в европейской катастрофе. (Электронная версия).

вреда можно было просто игнорировать. Но постоянно терпеть выпады Троцкого вождь, очевидно, не намеревался, как я уже отмечал выше, исходя из соображений высшей политики. Троцкий, конечно, не мог не чувствовать, что он постоянно находится, как говорится, на минном поле, где каждый шаг может стать последним. Он анализировал возможности своего физического устранения Сталиным, вспоминал о предостережениях, исходивших от Зиновьева и других. Как пишет автор солидной монографии о Троцком Н.А. Васецкий, «Обобщая эти факты, Троцкий писал: „В репрессивную политику Сталина мотивы личной мести входили серьезной величиной“. Применяя эту формулу к себе, Троцкий расчленил ее на следующие компоненты. Первый – „его (Сталина – Н.В.) чувство мести в отношении меня совершенно не удовлетворено“. Второй – эта неудовлетворенность усугублялась тем, что Троцкий не прекратил борьбу против Сталина. „Этот дикарь боится идей, зная их взрывную силу и зная свою слабость перед ними“, – отмечал Троцкий. Третий – Сталин не остановился бы ни на минуту перед организацией покушения, но вынужден был сдерживаться, потому что боялся политических последствий: обвинение неизбежно пало бы на него»¹⁸⁶.

И. Дойчер, тот самый, что написал политическую биографию Сталина, создал и дилогию о жизни и деятельности своего кумира Л. Троцкого. По поводу опасений Сталина в отношении Троцкого он писал следующее: «К этому времени Сталин решил, что он больше не может позволить Троцкому жить. Это кажется странным. Позволительно спросить, чего он мог еще бояться? Разве не уничтожил он всех сторонников Троцкого и даже их семьи, для того чтобы не сумел подняться какой-нибудь мститель? И что мог сделать ему Троцкий с другого конца мира? Несколькими годами раньше Сталин мог опасаться, что Троцкий возглавит новое коммунистическое движение за рубежом. Но разве теперь он не понимал, что из IV Интернационала ничего не получилось?»

И далее: «При каждом важном повороте событий, когда пришла к концу бесславная финская кампания, когда Гитлер оккупировал Норвегию и Данию, когда рухнула Франция, его голос гремел из-за океана, чтобы все знали о последствиях этих катастроф, о промахах Сталина, которые способствовали им, и о смертельной угрозе Советскому Союзу. Конечно, его обвинения, осуждения и предостережения не достигали советского народа, но они появлялись в американских, английских и других газетах, а по мере расширения войны на восток они могли в смятении военных поражений и отступлений проникнуть и туда»¹⁸⁷.

Словом, по утверждениям ряда историков, Сталин в новых

---

¹⁸⁶ Н.А. Васецкий. Троцкий. Опыт политической биографии. М. 1992. С. 291.

¹⁸⁷ Исаак Дойчер. Троцкий в изгнании. М. 1991. С. 507.

международно-политических условиях не мог дальше терпеливо сносить обличения своего смертельного врага, ставшего и врагом Советской России. Более того, некоторые исследователи, ссылаясь на новые архивные документы германского МИДа, считают, что западные державы на рубеже 1939 – 1940 годов пришли к мысли использовать Троцкого лично и троцкизм как течение для того, чтобы свергнуть Сталина и втянуть Советскую Россию в войну с Германией. Кто заинтересуется этой версией, может обратиться к книге О.В. Вишлёва¹⁸⁸. Автор, в частности, утверждает: «Цели троцкистов и руководителей англо-французской коалиции – добиться вовлечения СССР в войну – в этот период совпали. Именно это, по-видимому, и подтолкнуло политиков в Лондоне и Париже к мысли о необходимости и возможности использования Троцкого и его сторонников в своих интересах. С помощью троцкистов рассчитывали организовать в СССР политический переворот и отстранить от власти Сталина. Рассматривалась возможность переброски в СССР и самого Троцкого, который должен был возглавить „революционное движение“. У тех, кто строил такого рода планы, перед глазами, очевидно, был пример действий германского правительства в 1917 г., когда оно поспособствовало возвращению в Россию В.И. Ленина и его сподвижников». Далее он пишет, что Троцкий и троцкисты исходили из посылки, что «правящая советская верхушка» не пользуется поддержкой со стороны народа, что тот при первой же возможности постарается стряхнуть с себя «иго ненавистной бюрократии», что в СССР сложилась революционная ситуация и достаточно малейшей искры, чтобы там запылало пламя новой гражданской войны. Большие надежды троцкисты возлагали не только на действия внешних сил, но и на националистические настроения населения отдельных республик СССР. Еще в июле 1939 года Троцкий призывал к созданию «единой, свободной и независимой Украины» и предрекал в случае войны «национальные восстания в рамках политической революции». Не оставляет вне поля своего внимания О. Вишлёв и существование в СССР зимой 1939 – весной 1940 годов организованной «левой» оппозиции, которая могла существовать только как глубоко законспирированная. Хотя захват власти был ей не по плечу, она располагала силами, достаточными для того, чтобы организовать отдельные террористические акты и акты саботажа, которые были способны дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку и иметь серьезные внешнеполитические последствия. В связи с этим стоит привести мнение Н. Васецкого, который со знанием дела писал, что «не забудем, что речь-то шла о нескольких сотнях людей, которым было совершенно не по силам „подорвать“ какой-либо строй»¹⁸⁹. И вполне

---

¹⁸⁸ О.В. Вишлёв Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М. 2001. С. 123 – 140.

¹⁸⁹ Н.А. Васецкий. Троцкий. Опыт политической биографии. С. 293.

справедливо тот же автор замечает: «Создавалась явно парадоксальная ситуация, во многом повторявшая ситуацию конца 30-х годов: чем активнее Троцкий выступал против Сталина и его приближенных, тем с большей неприязнью воспринималась его деятельность общественностью в СССР и за рубежом... Мировая общественность фактически потеряла интерес к Троцкому. В этих условиях его физическая ликвидация становилась лишь делом „техники“, которая к тому времени была отработана в совершенстве»¹⁹⁰.

Я привел две, если не диаметрально противоположные, то все-таки отличные друг от друга оценки. На мой взгляд, аргументация О. Вишлёва, хотя она и подкрепляется некоторыми фактами, в целом недостаточно убедительна. Это всего лишь предположения, основанные на слухах и разного рода допущениях. Если кто-либо в англо-французских кругах и питал иллюзии о возможности повторения опыта 1917 года с возвращением Ленина в Россию и подготовкой социалистической революции, причем роль нового Ленина должен был исполнить Троцкий, то такие расчеты, мягко выражаясь, были абсолютно беспочвенными, а потому и химерическими. Вспомним слова К. Маркса, что некоторые события повторяются, но в первый раз как трагедия, а затем уже как фарс. Именно к такому разряду явлений, на мой взгляд, следует отнести указанные расчеты. Гораздо ближе к истине выводы и оценки Н. Васецкого, поскольку они базируются на реалистической основе и не страдают преувеличением опасности, которую представлял Троцкий для Сталина и его политики. Нельзя не согласиться с ним, когда он пишет, что к концу 30-х годов Троцкий уже не представлял сколько-нибудь заметной политической величины. Замкнувшись в своей вилле-крепости в Койоакане, он, по сути, вел жизнь отшельника, который никому не мог уже угрожать. Тем не менее Сталин не смог забыть прошлых обид и оскорблений. Убедившись в том, что Троцкий больше не понадобится ему как идейно-политическая ширма, Сталин, видимо, либо сам принял решение, либо дал о нем понять окружению – тому же Берии, – что с Троцким «пора кончать»¹⁹¹.

Обстоятельства, при которых Сталиным было принято решение о ликвидации Троцкого, описаны в мемуарах П. Судоплатова – одного из видных в то время руководителей подразделения НКВД, а затем репрессированного в 1953 году в связи с делом Берии. Прежде чем привести подробное описание того, как все это происходило, хочу высказать одно важное замечание. Внешне все, что и как пишет П. Судоплатов, не вызывает каких-либо серьезных сомнений. Настораживает лишь единственная, но

---

¹⁹⁰ Там же. С. 293.

¹⁹¹ Там же. С. 294.

чрезвычайно существенная деталь. Заключается она в следующем: в числе посетителей кремлевского кабинета Сталина П. Судоплатов не числится, хотя буквально все входившие в кабинет заносились в этот журнал, причем каждый раз (даже если это был один и тот же человек) фиксировалось время входа и время выхода. Характерно, что даже фиксировался вход в кабинет начальника личной охраны вождя Н. Власика. Поэтому ссылками на особую секретность и деликатность миссии, для исполнения которой П. Судоплатова якобы вместе с Л. Берия вызвали в кабинет Сталина, едва ли можно объяснить отсутствие его фамилии в списке посетителей сталинского кабинета. Во втором томе я уже указывал на такой же деликт с посещением кабинета Сталина А. Коллонтай в ноябре 1939 года. Иными словами, даже если свидетельство П. Судоплатова и предстает вполне правдоподобным, к нему необходимо подходить с учетом сказанного мною выше. Ведь мемуаристов частенько подводит не только память, но и собственная фантазия. И тем не менее будем считать написанное П. Судоплатовым в качестве одного из возможных вариантов разворота описываемого нами сюжета.

Итак, предоставим слово П. Судоплатову, который вместе с Берия докладывает Сталину:

«...По мнению Берии, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил тогда Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин.

– В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельглазу, однако тот провалил это важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

– Троцкий, или как вы его именуете в ваших делах, „Старик“, должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без

устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, – продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике. Сталин явно предпочитал обтекаемые слова вроде „акция“ (вместо „ликвидация“), заметив при этом, что в случае успеха акции „партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей“.

Когда я попытался возразить, что не вполне подхожу для выполнения этого задания в Мексике, поскольку совершенно не владею испанским языком, Сталин никак не прореагировал.

Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в гражданской войне в Испании.

– Это ваша обязанность и партийный долг находить и отбирать подходящих и надежных людей, чтобы справиться с поручением партии. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните, вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде»¹⁹².

Дальнейшее развитие событий хорошо известно по многочисленным источникам и литературе, и я не стану здесь вдаваться в детали. Замечу лишь, что в ночь на 24 мая 1940 г. на дом Троцкого в Койоакане был совершен налет первой группы боевиков, которой руководил известный мексиканский художник Сикейрос. Нападавшие буквально прошли пулями спальню, где находился в это время Троцкий со своей женой. Но Лев Давидович остался жив и даже не получил ранений. Примерно через три месяца после этого была начата реализация запасного варианта операции. В нем ключевая роль принадлежала испанцу Меркадеру, сумевшему войти в доверие к Троцкому (под видом ярого троцкиста). 20 августа 1940 г. во время посещения Троцкого, когда тот читал принесенный Меркадером материал, последний нанес Троцкому удар альпенштоком по голове. Троцкого отвезли в госпиталь,

---

¹⁹² Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. М. 1996. С. 75 – 78.

где врачи пытались спасти его жизнь. Но рана была смертельной: на следующий день Троцкий скончался. Похоронен он был на своей превращенной в крепость вилле-фазенде. Там его сторонники создали мемориальный музей. Когда мне довелось быть в Мехико в 1974 году, нашей специализированной туристической группе показали издали эту крепость-фазенду. Но никто из членов советской группы не выразил пожелания посетить этот мемориальный музей. Хотя лично мне это было крайне интересно. Однако времена были не те, и такое посещение было бы расценено чуть ли не как политическое преступление. До сих пор сожалею, что мне не довелось посетить этот мемориал. И не потому, что я хоть в чем-нибудь симпатизирую Троцкому и его взглядам, а из простого человеческого интереса. Но это всего лишь личное отступление от темы.

Возвращаясь непосредственно к предмету нашего повествования, можно сказать, что физической смерти Троцкого, по существу, предшествовала его политическая смерть. Ведь основополагающие идеи, которые он пытался претворить в жизнь, сначала будучи одним из ведущих деятелей большевистской партии, а затем в качестве изгнанного лидера оппозиции, оказались всего-навсего политическими химерами, за которыми не скрывалось ничего похожего на реальный анализ реальной ситуации в Советской России. Хотя некоторые его конкретные прогнозы и оказались верными, но они касались не главного – магистрального пути развития страны. Троцкий проявил себя как блестящий полемист и публицист, но как серый и посредственный политический мыслитель, не способный заглянуть за горизонт событий и увидеть то, что удалось увидеть Сталину. Троцкий и Сталин как бы символизируют и олицетворяют собой два принципиально различных и взаимно исключаящих пути развития нашей страны. Для первого на первом месте стояла мировая революция, понимаемая скорее как отпечаток с теоретического шаблона, следование которому привело бы нашу страну к неминуемой катастрофе. Для второго на первом плане стояли интересы национально-государственного строительства и укрепления социализма как системы путем наращивания мощи Советской России. Иными словами, они исходили из прямо противоположных посылок, и потому смертельная борьба между этими двумя фигурами нашей истории не могла не закончиться поражением Троцкого и троцкизма.

В данном контексте нельзя разделить позицию, выраженную Н.А. Васецким, ввиду того, что она, по существу, игнорирует отправные, главные отличия троцкизма от того, что принято называть сталинизмом. Н.А. Васецкий пишет: «Наконец, убийство Троцкого скорее было – да простится, если можно, мне такое – самоубийством Сталина. Он надеялся, что с физической смертью Троцкого исчезнет носитель тех идей и принципов, которые непоследовательно, но все-таки проводились им в СССР. Поэтому трагедия Троцкого, если отвлечься от реальной личности и взглянуть на проблему масштабнее, под тем углом зрения на нее, какой и пытался задать

сам Троцкий, оказывается трагедией не только его, но и его убийцы. Нет, не исполнителя, а именно убийцы – Сталина. А трагедия троцкизма – это и трагедия сталинизма. Только настигла она каждый „изм“ в разное время. С троцкизмом многое стало ясно уже тогда, в 30-е годы. Со сталинизмом проясняется лишь сегодня. Но очевидно, что ни троцкизм, ни сталинизм не имеют будущего. Эти оба „изма“ – вчерашний день человечества»¹⁹³.

Не стану вступать в полемику с автором книги о Троцком, поскольку вся моя трилогия, собственно, и посвящена раскрытию истинного, реального содержания политической деятельности Сталина и, если угодно, сталинизма. Но не в его пренебрежительно-ругательном смысле, а в реальном историческом. Ибо серьезные выводы можно сделать только на базе не заведомо заданного подхода, а на основе объективного учета всей совокупности фактов. А главное – учитывая сам дух и характер описываемой эпохи. Ибо смотреть на прошлое через призму настоящего – еще не значит следовать исторической правде, которая, взятая сама по себе, гораздо сложнее и противоречивее, чем однозначные – будь то положительные, будь то отрицательные – выводы.

И еще несколько слов о теме нашего повествования. Троцкисты сразу же после убийства своего лидера заявили, что это дело рук Москвы. Их печатный орган помещал речи и статьи сторонников Троцкого, в которых красной нитью проходила следующая мысль: «Весь мир знает, кто убил Троцкого. Мир знает, что на своем смертном одре Троцкий заклеил Сталина и его ГПУ в убийстве. Заявление убийцы, заранее заготовленное, окончательное доказательство, если в нем еще есть нужда, что убийство – дело ГПУ... Тов. Троцкий был обречен и осужден на смерть много лет тому назад. Предатели революции знали, что в нем жила революция, ее традиции, надежды. Все ресурсы могущественного государства, приведенные в движение ненавистью и мстительностью Сталина, были направлены на уничтожение одного человека, без средств, окруженного только небольшой группой приверженцев»¹⁹⁴.

И, пожалуй, самое удивительное то, что Троцкий был объявлен его сторонниками чуть ли не надеждой русского народа, который он, в действительности, не то что презирал, но относился к нему с явной антипатией, рассматривая его лишь как горючий материал для своих революционных экспериментов. «Русский народ потерпел самый тяжелый удар, – говорилось в троцкистском „Бюллетене“. – Но тот самый факт, что после одиннадцати лет сталинская камарилья вынуждена была убить Троцкого, что она вынуждена была протянуть руку из Москвы,

---

¹⁹³ *Н.А. Васецкий*. Троцкий. Опыт политической биографии. С. 333.

¹⁹⁴ «Бюллетень оппозиции». 1940 г. № 84. (Электронная версия).

сосредоточить все свои усилия, чтоб покончить с Троцким, – это самое лучшее доказательство того, что Троцкий живет в сердце русского народа»¹⁹⁵.

Я не стану комментировать этот патетический пассаж, поскольку читатель сам в состоянии оценить его во всей полноте и по всем параметрам. Ведь историю можно сколько угодно переписывать, но ее невозможно обмануть. Такова ее природа.

И, наконец, ответ на поставленный в заголовке вопрос. Не растекаясь мыслью по древу, обозначу свою позицию так. Убийство Троцкого было с исторической точки зрения политическим возмездием, хотя отрицать мотивы личной мести со стороны Сталина значило бы идти наперекор фактам и самой логике поведения и всей политической философии вождя: противник не опасен, когда он мертв. Обращает на себя внимание тот факт, что Сталин лично отредактировал статью, опубликованную в «Правде» 24 августа 1940 г. под характерным заголовком, данным самим вождем, – «Смерть международного шпиона». То, как тщательно генсек просматривал статью, обращая внимание на малейшие нюансы, свидетельствует о том, что он придавал немалое значение тому, как наиболее точно сформулировать отношение Москвы к факту убийства Троцкого. Здесь он стремился до конца выдержать линию, проводившуюся им в отношении своего заклятого недруга на протяжении последних лет. Важно было увязать все это и с прошедшими процессами, на которых отсутствовавший Троцкий фактически фигурировал в качестве главного обвиняемого. Концовку статьи Сталин сформулировал также лично сам. Она звучала так: «Троцкий стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен. Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона на челе»¹⁹⁶.

Убийство Троцкого, конечно, имело достаточно широкий резонанс в мире, хотя, конечно, на фоне разыгрывавшихся в то время очередных актов мировых катаклизмов оно оказалось как бы на втором плане. Сталин не мог не учитывать, а тем более вообще игнорировать негативные моменты для его личного престижа, связанные с этим убийством. Однако, видимо, он полагал, что кампания против него в определенных кругах и средствах информации за рубежом не сможет оказать сколько-нибудь серьезного влияния на его положение. Более того, он считал, что в преддверии большой войны устранение такого заклятого противника и разоблачителя его политики, каким являлся Троцкий, вполне оправдывает негативные моменты,

---

¹⁹⁵ «Бюллетень оппозиции». 1940 г. № 84. (Электронная версия).

¹⁹⁶ Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов 1917 – 1956. Документы. М. 2005.

сопряженные с этим устранением. Едва ли можно считать, что Сталин серьезно переоценивал реальные и потенциальные силы Троцкого и остатков его сторонников и их возможности существенным образом повлиять на развитие ситуации в Советском Союзе в предстоявшей войне. В действительности эти силы были разгромлены, как говорится, до основания. Но категорически отрицать вероятность того, что вождь все же опасался подрывных действий со стороны троцкистов и иных бывших оппозиционеров в период войны, на мой взгляд, также нельзя. Его политическому мышлению, как не раз было уже отмечено, была присуща чрезмерная подозрительность и мнительность, что не могло не сказываться на реальных практических действиях.

ГЛАВА 3. КАНУН ВОЙНЫ

1. Неотвратимость войны обретает реальные контуры

В многовековой истории нашей страны нет события, равного по своей исторической значимости драматизму и героизму Великой Отечественной войны. Эта война – со всеми ее поражениями и победами, со всеми ее невзгодами и радостями, со всеми ее жертвами и лишениями – стала самой блестящей страницей отечественной истории, она как бы венчает мировую славу России и служит для граждан страны источником гордости и вечной, никогда не меркнувшей славы. Война явилась одновременно порой самых суровых испытаний и одновременно звездным часом во всей государственной и политической деятельности Сталина. История уже давно вынесла свой вердикт, органически связав победу в Великой Отечественной войне с именем того, кто возглавлял государство и его вооруженные силы в годину величайших испытаний. Можно по-разному оценивать фигуру Сталина как Верховного Главнокомандующего, но нельзя отрицать простого, как сама жизнь, факта – именно он нес главное бремя ответственности за все, что происходило в годы войны: и за жестокие неудачи, и за блестящие победы. Это сейчас в некоторых кругах принято отделять победу в войне от имени Сталина. И больше того, возлагать всю вину за наши неудачи и временные поражения только на него. Но приверженцев таких воззрений становится с каждым годом не больше, а меньше, ибо само время срывает покровы тенденциозных измышлений, упрощений и откровенной лжи, в какие бы псевдонаучные одежды они ни облакались.

По ходу изложения материала мне не раз придется касаться этой стороны вопроса. Здесь же я лишь крупным планом обозначу границы своей принципиальной оценки. Они таковы: у Сталина как высшего руководителя

страны были и серьезные ошибки, и крупные промахи, замазывать или вообще замалчивать которые значило бы пытаться обмануть историческую память народа. Но подобные попытки обречены на заведомый крах, ибо можно обмануть отдельного человека или большую массу людей, но невозможно обмануть саму историческую память. Она, как бы на генетическом уровне, сохраняет в себе историческую правду и передает ее из поколения в поколение. Вот почему наряду с ошибками и провалами, особенно на первых этапах войны, люди всегда помнят, что самую жестокую и самую блистательную страницу в нашей истории вписал народ, во главе которого стоял Сталин. Бремя его ответственности было гораздо выше той славы и того почета, которые воздавались ему при жизни и некоторое время после смерти. Пусть почтенные разоблачители Сталина не забывают об этой элементарной истине.

В дальнейшем мне доведется сравнительно детально освещать те исторические перепаутья, которые привели нашу страну к войне. Но здесь мне хотелось бы привести слова античного историка Плутарха, на мой взгляд, хорошо передавшего мысль о неизбежности того, что неотвратимо. Плутарх писал: «...По-видимому, то, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым»¹⁹⁷.

Но перейдем непосредственно к освещению событий, предшествовавших гитлеровскому вторжению в Советскую Россию. С начала 1941 года призрак приближающейся войны, которая ожидала Россию, становился все более реальным. Ключевым фактором здесь выступало неуклонное ухудшение советско-германских отношений, отражавшее главную тенденцию развития европейской ситуации в то время. Выше я уже касался вопроса о первопричинах, лежавших в основе ухудшения и без того отнюдь не дружественных отношений между двумя странами. Третий рейх все более открыто демонстрировал свое небрежение к взятым на себя обязательствам по соблюдению законных интересов Советского Союза. И те, кто громогласно трубят о мнимом сговоре Сталина с Гитлером, почему-то оставляют в тени непрерывно и закономерно развивавшийся процесс ухудшения отношений между Москвой и Берлином.

Сталин в это время последовательно проводил линию на противодействие расширению гегемонии Германии в Европе, особенно в районе Балкан и в Финляндии. Он, видимо, полностью отдавал себе отчет в том, что провал планов быстрой кампании с целью разгрома Англии заставит Гитлера искать иные пути осуществления своих широкомасштабных экспансионистских замыслов. А что фюрер не добился своей главной цели в Западной Европе, было очевидно даже невооруженным взглядом. В беседе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым вождь

---

¹⁹⁷ Плутарх. Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 2. С. 488.

подчеркивал:

«– Неправильно считать Англию разбитой. Она имеет большие силы в Средиземном море. Она непосредственно стоит у Проливов. После захвата греческих островов Англия усилила свои позиции в этой области.

– Наши отношения с немцами внешне вежливые, но между нами есть серьезные трения»¹⁹⁸.

Вообще-то говоря, Сталин использовал слишком мягкое выражение: речь уже шла не о серьезных трениях, а о перспективе неизбежного военного столкновения. Но к такому выводу вождь, по всей видимости, к началу 1941 года еще не пришел окончательно. Он по-прежнему исходил из правильной в стратегическом, но ошибочной в тактическом плане посылки, что Гитлер, если он способен реально оценивать мировую ситуацию, не рискнет напасть на Советский Союз, одновременно ведя войну против Англии. И здесь Сталин ошибся, приняв германского фюрера за реалиста, а не за авантюриста. Он в данном случае мерил его своими мерками, поскольку объективный непредвзятый анализ общей международной ситуации того периода явно противоречил идее войны на два фронта. Правда, Сталин тогда не знал, что фюрер всерьез надеялся разгромить Советскую Россию в считанные недели и месяцы. Здесь уже, как говорится, трудно было строить правильные расчеты, коль имеешь дело с политическим авантюристом, каким в конце концов и показал себя Гитлер. Ибо только такой сорт людей мог строить политику сильнейшей тогда в Европе державы на сомнительных предпосылках. И здесь не вина Сталина, что Гитлер оказался никудышным стратегом. Его вина – и немалая вина – заключалась в том, что он своевременно не распознал природу германского фюрера. Если бы он с самого начала до конца увидел его авантюристическую сущность, его склонность к действиям, явно не укладывавшимся в рамки разумного стратегического расчета и политического прогнозирования, то, конечно, логика жизни диктовала бы Сталину более продуманную линию по отношению к возможности внезапного нападения. Впрочем, о внезапности здесь говорить не приходится, поскольку сам Сталин – об этом уже шла речь во втором томе – говорил, что в наше время войны не объявляются, а их просто начинают. Зная эту истину, вождь, тем не менее, практически проявил недопустимое легковерие. Конечно, доверял не германскому фюреру, а своему дальновидному военно-стратегическому и политико-дипломатическому анализу. Ибо шаг, на который решился Гитлер, если его рассматривать не только в рамках исторической ретроспективы, но и с позиций тогдашней ситуации, был за гранью продуманного военного и политического анализа реального положения в Европе и в мире.

Между тем каждый день и каждый месяц давали все новые и новые

---

¹⁹⁸ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 430.

факты пока еще политико-дипломатического противостояния Москвы и Берлина. 17 января 1941 г. по поручению Сталина германскому послу Шуленбургу было заявлено, что по всем данным германские войска в большом количестве сосредоточились в Румынии и уже изготовились вступить в Болгарию, имея своею целью занять Болгарию, Грецию и Проливы... Советское правительство несколько раз заявляло Германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР¹⁹⁹. При этом с советской стороны было подчеркнуто, что СССР не является сторонником расширения войны.

Берлин через несколько дней ответил на демарш Сталина, выдвинув тот довод, что целью Германии является то, чтобы ни под каким видом не допустить закрепления английских вооруженных сил на греческой территории, которое представило бы угрозу жизненным интересам Германии на Балканах. Ввиду этого Германское правительство проводит в настоящее время на Балканах некоторую концентрацию войск, имеющих только одну задачу, а именно: воспрепятствовать всякому английскому закреплению на греческой территории²⁰⁰. Явно желая хоть как-нибудь снизить накал напряженности и подсластить горькую пилюлю Сталину, Берлин заявил, что германское правительство понимает заинтересованность Союза ССР в вопросе о проливах и готово в надлежащее время выступить в пользу ревизии устава, созданного в Монтре. Германия, со своей стороны, политически не заинтересована в вопросе о проливах и по окончании своих операций на Балканах выведет оттуда свои войска²⁰¹.

Еще одним очередным холодным душем для Сталина явилось присоединение Болгарии к Тройственному пакту, что окончательно ставило эту страну в положение фактического протектората рейха. Буквально за день до предполагаемого подписания акта о присоединении Болгарии к Оси посол Шуленбург сообщил Молотову: в результате переговоров, которые велись между Болгарией, с одной стороны, и Италией и Германией, с другой, 1 марта состоится подписание соглашения о присоединении Болгарии к тройственному пакту. Молотов ответил, что Германии известна позиция Советского правительства по данному вопросу и что действия Берлина показывают, что события развиваются в несколько другом направлении. По поручению Сталина нарком иностранных дел напомнил выраженную еще в

---

¹⁹⁹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 543.

²⁰⁰ Там же. С. 565.

²⁰¹ Там же. С. 565.

меморандуме от 25 ноября 1940 г. позицию СССР, что германскому правительству известно, что Болгария считается Москвой районом, который относится к зоне безопасности СССР и что Советский Союз намеревался обеспечить свои законные интересы в этом районе посредством заключения с Болгарией пакта о взаимопомощи²⁰².

Все эти дипломатические коллизии таили в себе наличие не просто глубоких противоречий между двумя странами, а служили явным предвестником того, что между ними назревает открытое противостояние. Отдельные дипломатические шаги, а также фарисейские заявления Берлина, будто его действия на Балканах преследуют лишь цель противодействия планам Англии, безусловно, Сталиным уже всерьез не воспринимались. Как глубокий реалист и прагматик, он понимал, что за всем этим скрывается радикальный пересмотр Берлином своего курса по отношению к Советской России. Соответственно, он делал и практические выводы из новой ситуации, хотя – и это я подчеркиваю специально – его цель на том этапе состояла в том, чтобы по возможности дольше оставаться вне войны. Но Сталин не был бы самим собой, чтобы из-за этой своей линии он встал на путь капитуляции перед все более наглыми и открытыми акциями Берлина против Советской России. Как ни стремился Сталин сохранить мирные отношения с Германией, это не связывало его рук в действиях по отстаиванию советских интересов. Более того, он перед всем миром продемонстрировал не только истинное состояние советско-германских отношений, но и конкретное противодействие акциям Берлина в связи с событиями в Югославии.

Вкратце о том, как развертывался один из последних актов предвоенного дипломатического противостояния между Сталиным и Гитлером. В марте 1941 года под давлением Германии правительство регента Югославии Павла пошло на присоединение к Тройственному пакту, что давало фюреру видимость законности для фактической оккупации этой страны. Однако в Белграде произошел военный переворот во главе с генералом Симовичем. Сталин и советское правительство, прекрасно отдавали себе отчет в том, что этот шаг означает открытый вызов Гитлеру. Более того, СССР предложил Югославии заключить договор о дружбе и ненападении, который и был подписан 5 апреля 1941 г. в Москве. Можно только представить себе негодование Гитлера. Он издал директиву № 25 о немедленном вторжении в Югославию. Накануне нападения он заявил своим генералам: «Военный путч в Югославии изменил политическую обстановку на Балканах. Югославию, даже если она на первых порах сделает заявление о своей лояльности, следует рассматривать как врага, а потому разгромить как можно скорее... Я намерен вторгнуться в Югославию... и нанести

---

²⁰² 1941 год. Документы. Книга первая. С. 687 – 688.

уничтожающий удар югославским вооруженным силам...»²⁰³.

О реакции главаря третьего рейха на действия Сталина буквально через пару дней после демонстративного подписания договора с Югославией можно судить по следующему свидетельству посла Шуленбурга. 8 апреля 1941 г. он принял последнего. «Фюрер спросил меня, какой черт дернул русских заключить пакт о дружбе с Югославией? Я выразил мнение, что это было только вопросом декларации русских интересов на Балканах. Всякий раз, когда Германия предпринимала что-либо на Балканах, Россия реагировала на это болезненно. Очевидно, мы тоже должны были проконсультроваться с русскими, прежде чем предпринимать что-либо в этом регионе. У Советского Союза, наверное, нет никаких особых интересов в самой Югославии, но они определенно есть на Балканах. Фюрер сказал, что после заключения советско-югославского пакта о дружбе у него было ощущение, что русские хотели нас напугать. Я отрицал это и повторил, что русские хотели только декларировать свои тамошние интересы. Но, как бы то ни было, они вели себя корректно, информируя нас о своих намерениях»²⁰⁴.

В поведении Сталина в период конфликта в связи с Югославией вполне отчетливо просматривается его стремление продемонстрировать Гитлеру открытое недовольство тем, что с интересами Советской России не считаются. Более глубокая цель заключалась в том, чтобы показать лидерам фашистской Германии, что Советский Союз не боится германской мощи и в состоянии принять ее вызов, коль таковой будет. А то, что роковой час приближался, говорили многие факты. Примечателен в свете этого вывод, сделанный одним из западных биографов Сталина: «Если бы не было балканской авантюры в апреле 1941 года (когда Гитлер вторгся в Югославию – Н.К.) – пожалуй, самой катастрофической единичной ошибки в принятии решения Гитлером на протяжении всей его карьеры, – немцы могли бы взять Москву перед тем, как завязнуть в трясинах болот русской осени»²⁰⁵. Другой биограф Сталина Р. Такер так оценивает поведение Сталина в период кризиса вокруг Югославии. Он без достаточных на то оснований пишет, что фарисейские доводы фюрера о причинах его вторжения в Югославию якобы подействовали на Сталина. Но одновременно Р. Такер замечает: «Хотя эта

---

²⁰³ Цит. по *Уильям Ширер*. Взлет и падение третьего рейха. Т. 2. М. 1991. С. 212.

²⁰⁴ Советско-нацистские отношения. Документы. Париж – Нью-Йорк. 1983. С. 318.

²⁰⁵ *Ronald Hingley*. Joseph Stalin. p. 308. Коль скоро я привел эту оценку Хингли, стоит, пожалуй, воспроизвести и то, как Гитлер оценивал Сталина и перспективы Советской России. Как пишет Хингли, Гитлер говорил, что Россия рухнет, если со Сталиным что-либо случится. В 1942 году, когда Сталину предстояло еще стоять у государственного руля более десятилетия, Гитлер высказывался в том духе, что Россия станет наиболее могущественной державой в мире, если советскому лидеру будет отпущено от 10 до 15 лет правления. p. 300.

призванная успокоить ложь и подействовала на Сталина, мы не можем допустить, что он не осознавал того, сколь велика опасность, нависшая над страной. Подтверждением такой озабоченности лучше всего может, по-видимому, служить быстрота, с которой он 5 апреля 1941 г. признал новое, пришедшее к власти в результате переворота югославское правительство. Германия же на следующий день вторглась в Югославию. Сталин надеялся, что гористый ландшафт Югославии и стремление ее народа оказать сопротивление немцам задержит их приготовления к войне против Советского Союза, и в результате Германия не сможет выступить против него весной 1941 г. Однако немецкая армия быстро завоевала Югославию»²⁰⁶.

То, что нацистский фюрер был одержим идеей уничтожения Советского государства и большевизма, а также порабощения славянских и иных неарийских народов, ни для кого, в том числе и для Сталина, не было секретом. Пакт о ненападении лишь откладывал сроки реализации этих бредовых планов. Война на Западе приняла затяжной характер, и Германии, остро нуждавшейся в продовольствии, сырье и других товарах, приходилось всерьез задумываться о будущем. И Гитлер, опьяненный быстрым разгромом Франции и ряда других западноевропейских стран, все больше склонялся к мысли о необходимости покончить со своим самым опасным противником – Советской Россией. По существу, он пришел к выводу, что условия позволяют ему нарушить заветы Бисмарка и ведущих представителей немецкой военной теории, согласно которой Германия ни в коем случае не должна вести войну на два фронта. Вообще эта аксиома широко была распространена в правящих кругах фашистской Германии. Однако легкие победы Гитлера опьянили не только его самого, но и его соратников. Хотя, если верить Риббентропу, он настойчиво отговаривал фюрера от идеи войны против России в обстановке, когда не завершена война против Англии. Аналогичного мнения придерживался и посол Шуленбург, которому не затмили разум неудачи Красной Армии в финскую кампанию.

Риббентроп, в частности, писал, что весной 1941 года он «опять имел беседу по русскому вопросу с Адольфом Гитлером, она состоялась в новом, специально построенном для фюрера корпусе [Коричневого дома] в Мюнхене. Он был очень возбужден. Поступили новые сведения о передвижениях войск на русской стороне. Фюрер упомянул также сообщения о русских намерениях на Балканах. Одновременно у него имелись и донесения об усилившейся деятельности коммунистических агентов на германских предприятиях. Он впервые очень резко высказался насчет предполагаемого им намерения Советского Союза. Он взвешивал и такую возможность, что Сталин вообще заключил пакт с нами исходя из предположения о длительной войне на Западе, чтобы продиктовать нам

---

²⁰⁶ Роберт Такер . Сталин у власти. С. 565.

сначала экономические, а затем и политические условия...

Я со всей серьезностью заявлял тогда фюреру, что, по моему убеждению, ожидать нападения со стороны Сталина нельзя. Я предостерегал фюрера от каких-либо превентивных действий против России. Я вспоминал слова Бисмарка о превентивной войне, при которой „Господь Бог не дает заглядывать в чужие карты“, фюрер вновь высказал подозрение насчет возможности еврейского влияния на Сталина в Москве и, несмотря на все мои возражения, выражал решимость принять хотя бы военные меры предосторожности. Он был явно озабочен и очень взвинчен. В ответ на его категорическое желание мне пришлось пообещать ему ничего никому не говорить об этом»²⁰⁷.

Далее я процитирую для полноты картины аргументы против войны с СССР, высказанные Шуленбургом Гитлеру после заключения пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Шуленбург свидетельствовал: «...я напомнил фюреру, что Сталин сказал Мацуоке, что он готов сотрудничать с державами Оси и не может сотрудничать с Англией и Францией. Это было продемонстрировано в сцене на железнодорожном вокзале, когда Сталин публично высказал свои намерения сотрудничать с державами Оси. В 1939 году Англия и Франция пустились на все возможные подлости, чтобы убедить Россию перейти на их сторону. Если Сталин не решился на этот шаг в то время, когда Англия и Франция были сильны, то он тем более не пойдет на это сейчас, когда Франция бессильна, а Англия разбита. Напротив, я убежден, что Сталин готов и в дальнейшем идти нам на уступки. Я уже намекнул нашим представителям на переговорах, что (если поднять этот вопрос вовремя) Россия может поставить нам в следующем году пять миллионов тонн зерна. Ссылаясь на цифры, фюрер сказал, что, по его мнению, русские поставки ограничены трудностями транспортировки. Я указал, что более рациональное использование русских портов устранил трудности в транспортировке»²⁰⁸.

Наконец, заслуживает внимания и позиция, занятая статс-секретарем германского МИДа Вейцекером, который представил руководству специальный меморандум, в котором в довольно деликатной форме и с массой оговорок также советовал не ввязываться в войну с Советской Россией. В частности, он писал: «Если мы не верим в скорое крушение Англии, разумно было бы, продолжая войну с ней, использовать Советский Союз в качестве сырьевой базы. Я считаю само собой разумеющимся, что мы способны на победоносное наступление на Москву и находящиеся за ней обширные территории. Однако я очень сомневаюсь, сумеем ли мы

---

²⁰⁷ *Иоахим фон Риббентроп*. Мемуары нацистского дипломата. С. 232 – 233.

²⁰⁸ Советско-нацистские отношения... С. 319.

воспользоваться плодами своей победы в свете хорошо известного славянского пассивного сопротивления. Я не вижу в русском государстве эффективной оппозиции, которая может способствовать низвержению коммунистической системы, оппозиции, желающей объединиться с нами и служить нашему делу. Поэтому нужно быть готовым к тому, что сталинская система в Восточной России и Сибири сохранится. Окно в Тихий океан останется для нас закрытым.

Нападение Германии на Россию будет только способствовать укреплению моральной стойкости британцев. Мне кажется, что мы должны признать сами для себя, что война может продлиться долго и что мы должны продолжать ее вместо того, чтобы сворачивать ее»²⁰⁹.

Едва ли есть особая необходимость в комментировании двух приведенных пассажей. Но одно обстоятельство оттенить весьма важно: и Риббентроп, и Шуленбург были уверены, что Советский Союз не собирается нападать на Германию. Эти свидетельства следует помнить, когда мы будем рассматривать бредовую версию о якобы готовившемся Сталиным превентивном ударе против Германии.

В данном контексте весьма важно оттенить одну важную мысль: фашистское руководство отнюдь не горело желанием сокрушить своего противника в Европе – Англию – даже после молниеносной победы над Францией. На этот счет существует весьма авторитетное мнение такого маститого западного историка, как Б. Лиддел Гарт. Вот что он писал по данному поводу:

«Если бы немцы высадились в Англии в течение месяца после падения Франции, то англичане вряд ли могли бы серьезно воспрепятствовать им в этом.

Однако Гитлер и командующие видами вооруженных сил не вели никакой подготовки к вторжению в Англию и не разработали даже планов развития успеха действий во Франции. Гитлер надеялся, что Англия согласится заключить мир. Даже когда стала очевидной беспочвенность этих надежд, немецкие приготовления в этом направлении развивались очень слабо. Когда же немецкой авиации не удалось одержать верх над английскими ВВС в битве за Лондон, командование сухопутных войск и командование ВМС Германии были даже рады поводу отложить вторжение. Особенно примечательно, что Гитлер с готовностью выслушивал и принимал аргументы в пользу отсрочки вторжения.

Записи личных бесед фюрера свидетельствуют, что это частично объяснялось нежеланием Гитлера довести дело до уничтожения Англии и Британской империи, которую он считал стабилизирующей силой в мире и надеялся заполучить ее в качестве партнера. Однако важнее другое

---

²⁰⁹ Советско-нацистские отношения... С. 321.

обстоятельство. В своих мыслях Гитлер вновь и вновь обращался на Восток, и это сыграло решающую роль в сохранении Англии»²¹⁰.

Между тем вопрос о нападении на Советский Союз был решен Гитлером не только в принципиальном ключе, но и в стратегическом плане. Речь идет о разработке конкретного плана осуществления акта агрессии против Советской России. На совещании с военными 31 июля 1940 года фюрер заявил: «Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. Одного лишь захвата определенного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. Это необходимо также и ввиду положения в Балтийском море. Два крупных государства на Балтике не нужны. Итак, май 1941-го, на проведение операции – 5 месяцев. Лучше всего еще в этом году. Но не выходит, так как надо подготовить единую операцию»²¹¹.

Директива № 21 была составлена в штабе оперативного руководства ОКВ – Верховного командования вермахта – (генерал Йодль) на основе ряда предварительных разработок и затем парафирована генералами Кейтелем, Йодлем и Варлимонт. Впоследствии в ОКВ к ней были добавлены «Инструкция по особым областям» (13 марта 1941 г.) и дополнение о переговорах с союзными государствами (1 мая 1941 г.). Авторство кодового наименования «Барбаросса» принадлежало Гитлеру, который заменил прежние обозначения «Отто» и «Фриц». После подписания директивы все дальнейшие подготовительные мероприятия были поручены ОКХ (генерал-фельдмаршал Браухич) и генштабу сухопутных войск (генерал-полковник Гальдер). Эти мероприятия обсуждались с участием Гитлера 16 января, 3 февраля и 17 марта 1941 г. 30 марта 1941 г. Гитлер провел большое совещание с генералитетом, подчеркнув идеологическое значение борьбы с большевизмом, которое «...требует отказа от рыцарских правил войны». Первоначально срок операции «Барбаросса» был назначен на 15 мая 1941 г., однако 30 апреля 1941 г. (после начала операций в Югославии и Греции) был перенесен на 22 июня 1941 г.²¹²

Основные положения плана «Барбаросса» в директиве Гитлера были сформулированы следующим образом:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет

---

²¹⁰ Б. Лиддел Гарт . Вторая мировая война. М. – С.-П. 2002. С. 735.

²¹¹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 138.

²¹² 1941 год. Документы. Книга первая. С. 498.

закончена война против Англии. (Операция „Барбаросса“).

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей... Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций... Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, неспособным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции»²¹³.

Специальное решение было принято для того, чтобы скрыть от русских подготовку проведения операции. Это имело исключительно важное значение, поскольку в определенной мере обеспечивало внезапность и расширяло возможности для всяческого маневрирования, в том числе и по линии дипломатии, с тем чтобы Москва до самого последнего дня продолжала верить, что Германия не собирается вести против Советской России войну.

Приведу основные меры дезинформационного характера, предусматривавшиеся специальной директивой. Это поможет глубже подойти к оценке действий Сталина, который должен был принимать главные решения по военным вопросам. Итак, эти меры сводились к следующему:

---

²¹³ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 452 – 453.

15 февраля 1941 г. штаб оперативного руководства Верховного командования вермахта отдал распоряжение о мероприятиях по дезинформации. Цель маскировки – скрыть от противника подготовку к операции «Барбаросса». Это – главная цель, которая предопределяла все меры, направленные на введение противника в заблуждение.

Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо на первом этапе, то есть приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время. На последующем, втором, этапе, когда скрыть подготовку к операции «Барбаросса» уже не удастся, нужно будет объяснять соответствующие действия как дезинформационные, направленные на отвлечение внимания от подготовки вторжения в Англию.

2. Во всей информационной и прочей деятельности, связанной с введением противника в заблуждение, руководствоваться следующими указаниями.

а) На первом этапе:

усилить уже и ныне повсеместно сложившееся впечатление о предстоящем вторжении в Англию. Использовать для этой цели данные о новых средствах нападения и транспортных средствах;

преувеличивать значение второстепенных операций «Марита» и «Зонненблюме», действий 10-го авиационного корпуса, а также завышать данные о количестве привлекаемых для их проведения сил;

сосредоточение сил для операции «Барбаросса» объяснять как перемещения войск, связанные с взаимной заменой гарнизонов запада, центра Германии и востока, как подтягивание тыловых эшелонов для проведения операции «Марита» и, наконец, как оборонительные меры по прикрытию тыла от возможного нападения со стороны России.

б) На втором этапе:

распространять мнение о сосредоточении войск для операции «Барбаросса» как о крупнейшем в истории войн отвлекающем маневре, который якобы служит для маскировки последних приготовлений к вторжению в Англию...²¹⁴

Возможно, я и злоупотребляю подробным цитированием наиболее важных документов, касающихся планов подготовки и осуществления нашествия на Советскую Россию гитлеровских полчищ. Но, по моему разумению, эти документы позволяют передать всю сложность задач, которые возникали перед Сталиным при решении вопроса о том, когда Гитлер осуществит неизбежное нападение на страну.

Итак, страна стояла на пороге войны. Но какая эта будет война? Чем она будет отличаться от прошлых войн? На этот вопрос не столь уж и трудно

---

²¹⁴ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 661 – 662.

было дать ответ, зная звериную сущность немецкого фашизма. Сталин, конечно, понимал, что это будет не обычная война, а схватка не на жизнь, а на смерть. Война, в которой элементарные нормы, регулирующие в международном плане обычаи и права воюющих сторон, будут преданы забвению. Сталин прекрасно понимал, что в войне с Германией как бы сольются в единое органическое целое национально-государственные интересы Советской России и защита существовавшего в ней нового общественного строя. Вождь, конечно, не знал об одном весьма примечательном программном заявлении нацистского фюрера. В записи начальника штаба сухопутных войск Гальдера они предстают в следующем виде:

«Борьба двух мировоззрений. Фюрер дает уничтожающую оценку большевизма: равнозначен социальному преступлению. Коммунизм – чудовищная угроза будущему. Мы должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества с ним. Коммунист не был нашим камарадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем считать ее таковой, то, хотя и победим коммунистического врага, через 30 лет он снова будет стоять перед нами. Мы ведем войну не для того, чтобы консервировать врага.

Будущая картина государств: Северная Россия принадлежит Финляндии, протектораты: Прибалтийские страны, Украина, Белоруссия.

Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть государствами социалистическими (т.е. национал-социалистическими – Н.К.), но без собственной интеллигенции. Надо не допустить образования новой интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Это – не вопрос военных судов. Командиры частей должны знать, за что идет борьба. Они должны быть в этой борьбе ведущими. Войска должны защищаться теми же средствами, какими на них нападают. Комиссары и гепеушники – преступники, и с ними надо поступать, как с таковыми. Поэтому командиры должны держать свой личный состав в руках. Командир должен отдавать приказы и распоряжения, считаясь с мироощущением своих солдат.

Борьба эта будет очень отличаться от той, которая ведется на Западе. На Востоке суровость – это милосердие ради будущего. Командиры обязаны требовать жертв от самих себя, преодолевать все сомнения»²¹⁵.

Каждому ясно, что провозглашенная Гитлером программа означала физическое уничтожение миллионов и миллионов людей, в том числе и мирных жителей. Она предусматривала ликвидацию России как государства и ее раздел на протектораты и всякого рода генерал-губернаторства. Речь, таким образом, шла не только о дальнейшем существовании народов нашей

---

²¹⁵ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 807.

страны, но и о судьбе самого государства, сложившегося на протяжении более тысячелетия. Задачи, поставленные фюрером, поражали не только своим безграничным безумием, но и тем, что в мировой истории трудно найти что-либо сопоставимое с ними. И, таким образом, судьбы всего мира были незримыми нитями соединены с судьбами Советской России, ибо от ее способности противостоять агрессии зависело не только будущее нашей страны, но, без преувеличения, всего человечества. Высокая и непомерно ответственная миссия выпала на долю Советской России.

2. Кто виноват: разведка или Сталин?

Название раздела может вызвать недоумение у вдумчивого читателя, поскольку вопрос поставлен слишком прямолинейно и даже, можно сказать, упрощенно-примитивно. Но мне хотелось сразу привлечь внимание к данной проблеме, проблеме, которая вот уже более полувека не снимается с повестки дня исторических исследований. Наоборот, каждый вновь появляющийся документ или новая трактовка проблемы будоражат сознание общественности и служат горячим материалом для еще большего разжигания жарких споров и горячих дискуссий среди историков, занимающихся поставленным в заголовке вопросом. Заранее хочу оговориться, что я далек от мысли внести полную ясность в идущие споры и поставить, как говорится, последнюю точку. Уверен, что еще длительное время вокруг данной проблемы будут продолжаться интеллектуальные схватки. И до окончательного ответа на нее еще очень далеко.

И дело здесь не столько в обилии, сколько в противоречивости имеющихся документов и материалов по данной теме. Не менее существенную роль играет то обстоятельство, что подходы, оценки и выводы разных авторов большей частью, к сожалению, базируются на определенных идеологических позициях. Поэтому зачастую одни и те же факты трактуются диаметрально противоположно в зависимости от идеологической ориентации автора. При таком подходе ожидать вполне достоверных и соответствующих критериям научной объективности выводов не приходится.

Моим кредо при подходе к данной проблеме, как и к другим проблемам, связанным с освещением деятельности Сталина, является принцип объективности. Это отнюдь не означает, что мне всегда удается неукоснительно следовать ему на практике. Как говорится, одно дело проповедь, а другое дело – проповедник. Но тем не менее в трактовке поставленной в разделе проблемы я старался проявить максимум взвешенности, учитывая и сопоставляя факты, которые укладываются в мою трактовку или же не укладываются.

Прежде всего следует отметить, что я нисколько не претендую на открытие каких-то принципиально новых моментов в данной теме. Свою

задачу усматриваю в том, чтобы вписать эту страницу биографии Сталина в общую картину его политической жизни и деятельности. Разумеется, вписать не искусственно, а органически вплести в единую ткань его действий. Конечно, я полностью сознаю, что исследуемый вопрос принадлежит к разряду тех, по которым ведется особенно ожесточенная атака против Сталина. Это, в свою очередь, как раз и диктует необходимость дать освещение этой стороны его деятельности, не затушевывая его действительные ошибки и промахи и не истолковывая в заведомо тенденциозном плане его поведение в последние предвоенные год-полтора. Думается, что здесь есть место и для серьезной критики линии поведения Сталина, равно как и для критики тех, кто целенаправленно искажает реальную картину того периода времени и приписывает вождю грехи и прегрешения, которых у него не было. Добавлю, что в силу понятных причин освещение поставленной темы будет носить обобщенный характер, поскольку в ней содержится столько нюансов и аспектов, что их даже просто перечислить трудно.

Начну с того, что в советский период впервые вопрос о просчетах Сталина в предвоенный период, а также о том, что он якобы не доверял достоверным данным разведки и поэтому оказался не готовым к нападению Германии, был весьма остро, но слишком примитивно и однобоко поднят Хрущевым в его докладе на XX съезде партии. На фоне того, что в сталинские времена все действия вождя превозносились как высшее проявление мудрости и стратегической гениальности, с учетом того обстоятельства, что сама советская пропаганда неустанно повторяла тезис о внезапности нападения Гитлера, откровения Хрущева прозвучали чуть ли не как взрыв бомбы. Хотя, конечно, в широких кругах общественности и в народе в целом твердо господствовало убеждение, что Советский Союз и Сталин были застигнуты врасплох вероломством Германии.

Одним из убойных аргументов в докладе Хрущева была ссылка на то, что Сталина об опасности нападения заблаговременно предупреждал даже Черчилль. Вот соответствующий пассаж из закрытого доклада Хрущева: «Из опубликованных теперь документов видно, что еще 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. Само собой разумеется, что Черчилль делал это отнюдь не из-за добрых чувств к советскому народу. Он преследовал здесь свои империалистические интересы – сравнить Германию и СССР в кровопролитной войне и укрепить позиции Британской империи. Тем не менее Черчилль указывал в своем послании, что он просит „предостеречь Сталина, с тем чтобы обратить его внимание на угрожающую ему опасность“. Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля, и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от

Сталина шли указания не доверять информации подобного рода, с тем чтобы-де не спровоцировать начало военных действий.

Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками»²¹⁶.

Действительно, такого рода предупреждения были. Вот текст ставшего знаменитым предупреждения Черчилля о возможности германского нападения²¹⁷.

Премьер-министр – Стаффорду Криппсу. 3 апреля 1941 года

«Передайте от меня Сталину следующее письмо при условии, что оно может быть вручено лично вами.

Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов»²¹⁸.

Министр иностранных дел Англии А. Иден сделал к письму следующую приписку, адресованную послу: «Вы, конечно, не станете намекать, что мы сами просим у Советского правительства какой-то помощи или что оно будет действовать в чьих-либо интересах, кроме своих собственных. Но мы хотим, чтобы оно поняло, что Гитлер намерен рано или поздно напасть на Советский Союз, если сможет; что одного его конфликта с нами еще недостаточно, чтобы помешать ему это сделать, если он не окажется одновременно перед особыми трудностями вроде тех, с которыми он сталкивается сейчас на Балканах, и что поэтому в интересах Советского Союза предпринять все возможные шаги, дабы помешать ему разрешить балканскую проблему так, как ему этого хочется»²¹⁹.

---

²¹⁶ Культура и власть. От Сталина до Горбачева. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002. С. 84 – 85. (В дальнейших ссылках – Доклад Н.С. Хрущева о культе личности).

²¹⁷ Кстати, впервые это послание Сталину было опубликовано в мемуарах Черчилля о второй мировой войне, широко известных с начала 50-х годов во всем мире, но только не в Советском Союзе. Поэтому для партийных чиновников, равно как и для широких кругов населения, был на закрытых собраниях зачитан специально подготовленный для этих целей вариант доклада Хрущева.

²¹⁸ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 3 – 4. М. 1991. С. 160.

²¹⁹ Там же.

На первый взгляд, кажется, что столь серьезные сигналы не должны были пройти мимо внимания Сталина. Однако картина предстает такой простой и до удивления ясной лишь с позиций сегодняшнего дня. Вождь не доверял английской информации, полагая, что путем разжигания советско-германского конфликта поставкой такого рода информации Лондон стремится облегчить свое положение, поскольку война между Германией и Советской Россией целиком и полностью лежала в плоскости английских интересов. Тем более, что по разведывательным каналам Москва получала информацию о провокаторской роли Лондона в обострении советско-германских отношений. В Москву поступали сведения о шагах английской разведки, направленных на провоцирование столкновения Германии с СССР. Стремясь отвести от Британии угрозу вторжения, английская разведка распространяла слухи о том, что «Советский Союз намерен немедленно предпринять дальнейшие агрессивные военные действия, как только Германия будет втянута в крупные операции». По сообщениям крупного советского агента К. Филби, английское руководство всеми средствами стремилось нагнетать среди германского руководства страх перед советскими военными приготовлениями, чтобы стимулировать напряженность и конфликты в советско-германских отношениях²²⁰.

В аналогичном направлении действовала и английская дипломатия. 19 апреля 1941 г. С. Криппс передал советскому правительству заявление, в котором намекал на вероятность соглашения Англии и Германии в случае затяжной войны и получения Германией свободы рук на Востоке в обмен на уход из Западной Европы. Этот документ, переданный официальным представителем Англии, был расценен Сталиным как серьезное предупреждение о возможном англо-германском сговоре. И более того, как выяснилось впоследствии в результате более глубокого и обстоятельного исследования вопроса о «предупреждении» Черчилля, само это предупреждение слишком попахивало крупной дипломатической игрой. Дело в том, что вплоть до начала июня 1941 года сама английская разведка отрицала возможность нападения Германии на СССР. Таким образом, «предупреждения» Черчилля в апреле – мае 1941 года были всего лишь еще одной попыткой втянуть СССР в войну с Германией для облегчения положения Англии²²¹.

А в опубликованной книге английского автора К. Эндрю и советского разведчика-перебежчика О. Гордиевского показано, что советские агенты в

---

²²⁰ См. *М.И. Мельтюхов*. Советская разведка и проблема внезапного нападения. «Отечественная история». 1995 г. № 3. (Электронный вариант).

²²¹ См. *М.И. Мельтюхов*. Советская разведка и проблема внезапного нападения. (Электронный вариант).

Англии докладывали, что английское правительство иначе оценивает военную ситуацию в Европе, нежели Черчилль в своих посланиях в Москву. 23 мая 1941 г., менее чем за месяц до нападения на Советский Союз, британский Объединенный разведывательный комитет считал, что «преимущества Германии от заключения соглашения с Советским Союзом очевидны и возобладают над выгодами от начала войны с ним». Даже когда в начале июня 1941 г. английское правительство пришло к выводу, что Германия готовится к войне с СССР, оно вплоть до 22 июня считало, что Берлин предъявит Москве ультиматум, подкрепленный угрозой применения силы, а не начнет внезапное вторжение²²².

Как видим, нет ничего удивительного в том, что Сталин не внял предостережениям Черчилля. При обилии столь разноречивых сведений принять за чистую монету только информацию британского премьера было бы довольно проблематично, если не сказать, простодушно и наивно. Впоследствии, уже в 1942 году, сам Сталин коснулся данного вопроса в беседе с Черчиллем. Он, в частности, заметил: «Некоторое время назад, – сказал Сталин, – Молотова обвиняли в том, что он настроен слишком прогермански. Теперь все говорят, что он настроен слишком проанглийски. Но никто из нас никогда не доверял немцам. Для нас с ними всегда был связан вопрос жизни или смерти»²²³.

Кажется, лаконичнее и яснее и не скажешь! В свете данной констатации Сталина совершенно нелепыми, даже абсурдными выглядят утверждения, что вождь, мол, слишком доверял Гитлеру, а потому и попал в его ловушку. Как мог уже убедиться читатель, Сталин отнюдь не страдал простодушием, а тем более излишней доверчивостью. Особенно по отношению к таким деятелям, как Гитлер. Да и в определенной мере это касалось и Черчилля. Ведь в сознании генсека навсегда запечатлелись исторические факты, когда Черчилль фактически возглавил те силы на Западе, которые стремились «задушить большевизм в колыбели». Такие вещи не проходят бесследно, и даже ход времени порой на них не сказывается. Единственное, в чем есть основания упрекнуть Сталина, так это в том, что чисто классовое мышление в данном случае взяло верх над трезвыми геополитическими расчетами. Радикальная перемена всей мировой политической картины диктовала необходимость перешагнуть через узкоклассовые подходы и рамки. И, как уже отмечалось выше, у Сталина процесс освобождения от классических догматов ортодоксального большевизма в пользу более реалистического геополитического подхода проходил весьма успешно и эффективно. Но все-

---

²²² К. Эндрю, О. Гордиевский. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М. 1992. С. 283.

²²³ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1 – 2. С. 558.

таки груз прошлого давал о себе знать, сужая горизонты политического мышления и мешая более глубокому и более реалистическому анализу бурно развивавшейся мировой ситуации.

Но все-таки Сталин перешагнул – и, конечно, не мог поступить иначе – через узкоклассовый подход как главный критерий при оценке мировых событий. Об этом свидетельствует фрагмент из его беседы с Черчиллем во время войны. Вот этот эпизод в описании Британского премьера: «Во время обеда Сталин оживленно говорил со мной через переводчика Павлова. „Несколько лет назад, – сказал он, – нас посетили Джордж Бернанд Шоу и леди Астор“. Леди Астор предложила пригласить Ллойд Джорджа посетить Москву, на что Сталин ответил: „Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию“. На это леди Астор сказала: „Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль“. „Во всяком случае, – сказал Сталин, – Ллойд Джордж был главой правительства и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям“. „Ну что же, с Черчиллем теперь покончено“, – заметила леди Астор. „Я не уверен, – ответил Сталин. – В критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню“. Здесь я прервал его замечанием: „В том, что она сказала, много правды. Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе“. Он дружелюбно улыбнулся, и тогда я спросил: „Вы простили меня?“ „Премьер Сталин говорит, – перевел Павлов, – что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу“»²²⁴.

Но вернемся к основной нити нашего изложения.

Если мы вспомним, что примерно в то же самое время, когда Черчилль посылал Сталину предупреждения о грозящем нападении, в Англию неожиданно прилетел заместитель Гитлера по партии Гесс. Фюрер приказал объявить своего заместителя сумасшедшим, и тем самым положить конец всяким слухам о том, что Гесс приземлился на парашюте в Англии, чтобы попытаться договориться с англичанами об условиях мира. В историографии до недавнего времени преобладающей была версия, что Гесс сам, по собственной инициативе, предпринял этот рискованный вояж, обуреваемый стремлением найти точки соприкосновения с Лондоном для заключения мира. Однако вновь открывшиеся данные свидетельствуют о том, что на самом деле Гитлер был в курсе его планов и, видимо, благословил его на этот отнюдь не чисто дипломатический полет. Как писал А. Сосновский, собкор «Московских новостей» в Берлине, он беседовал с рядом лиц, в том числе и с сыном Гесса, ознакомился с рядом документов и выяснил следующее.

7 мая 1941 г., за три дня до полета, в своей канцелярии Гитлер встречается со своим заместителем по НСДАП Гессом. Встреча проходила в

---

²²⁴ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 3 – 4. С. 551 – 552.

обстановке абсолютной секретности. В аудиенции отказано даже Герингу, который обычно входил без доклада. Разговор фюрера со своим заместителем продолжался 4 часа. Гесс-младший свидетельствовал: «О том, что происходило в тот день в канцелярии, мне рассказала секретарь Гитлера, мы с ней много лет переписывались. Отец и Гитлер вышли из кабинета вдвоем, причем Гитлер шел впереди и говорил: „Давай, давай – лети. Но учти, если дело пойдет вкось, ты пропал“. Гитлер был полностью посвящен в план»²²⁵.

Информация о полете Гесса в Англию стала достоянием всего мира. Естественно, что она привлекла самое пристальное внимание Сталина. Полет явился одним из событий, которое подтверждало опасения И.В. Сталина о возможности сговора между Германией и Англией. Независимо от подлинных намерений Р. Гесса, о чем споры идут до сих пор, полет был воспринят в Москве как попытка сговора. Первые сообщения разведывательных органов из Лондона, поступившие от К. Филби 14 и 18 мая, шли именно в этом направлении. Начало Великой Отечественной войны отеснило эту тему с первого плана, однако И.В. Сталин не терял к ней интерес, впоследствии затрагивал ее в беседах с английскими собеседниками. В октябре 1941 года лондонская резидентура прислала в Москву повторное сообщение от источника, близкого к британскому премьеру и подтверждавшего высказанную версию; такое же донесение поступило 21 октября 1942 года. В нем сообщалось, что Гесс прилетел в Англию, будучи «завлеченным» специальной операцией британской разведки, шедшей с помощью герцога Гамильтона, в поместье которого приземлился самолет Гесса²²⁶.

То, что полет Гесса в Англию не был акцией полусумасшедшего, свидетельствуют многие факты. В частности, то, что важнейшие документы, относящиеся к конкретным переговорам, оставлены засекреченными правительством Англии до 2017 года. Любопытен и такой эпизод: на Нюрнбергском процессе в августе 1946 г. Гесс под присягой хотел рассказать о своих переговорах в Лондоне, но председательствовавший в то время британский представитель не позволил ему это сделать²²⁷. К тому же до сих пор среди ряда исследователей сохранилось убеждение, что Гесс не покончил самоубийством в 1987 году, когда стали раздаваться голоса об освобождении его из тюрьмы в связи с преклонным возрастом, а был убит, и его убийство было организовано английскими спецслужбами²²⁸.

---

²²⁵ «Московские новости». 18 июня 2004 г.

²²⁶ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 296.

²²⁷ История дипломатии. Т. IV. М. 1975. С. 112 – 113.

²²⁸ «Новая и новейшая история». 2005 г. № 1. С. 24.

Но вернемся к основной линии нашего изложения.

Противоречивые данные и внушавшие серьезные опасения симптомы возможного сговора между Англией и Германией, безусловно, вызвали серьезную тревогу Сталина. Он, как верховный руководитель страны, не мог игнорировать и не принимать в расчет подобный разворот событий. Тем более что история полна прецедентов такого рода. Поэтому ставить в вину вождю то, что он не поверил на слово Черчиллю, на мой взгляд, абсолютно неправомерно. Речь шла о судьбах страны, а эти судьбы нельзя было ставить в зависимость от сомнительной информации.

Но Сталин в своих решениях опирался отнюдь не на информацию, вроде той, о которой шла речь выше. Советская разведка располагала определенной сетью агентуры в самой Германии, а также имела в своем распоряжении агентуру военного атташата в Берлине. И, конечно, опиралась также на довольно разветвленную сеть агентуры в других странах, в частности в Швейцарии, Японии и т.д. Оттуда также поступали тревожные, но также противоречивые данные. В качестве иллюстрации я сошлюсь на некоторые из них.

Военный атташе в Берлине генерал В. Тупиков в конце апреля 1941 года доносил в центр.

1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник.

2. Сроки начала столкновения – возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года.

Другое дело, что эти планы и сроки могут натолкнуться на нечто подобное поездке Мацуока «в Москву через Берлин и Рим», как ее здесь в дипломатических кругах называют. Но это уже не по доброй воле немцев, а вопреки ей²²⁹.

Вот другое донесение резидентуры НКГБ в Берлине:

«30 апреля 1941 г.

Источник „Старшина“, работающий в штабе германской авиации, сообщает, что по сведениям, полученным от офицера связи между германским министерством иностранных дел и штабом германской авиации Грегора, вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР»²³⁰.

---

²²⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 117.

²³⁰ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 130.

Аналогичного свойства шифровки поступали и от легендарного Р. Зорге из Токио. Так, 6 мая 1941 г. он доносил: «Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика потому, что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не мешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба. Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией»²³¹.

Следует особо подчеркнуть, что наряду с более или менее достоверной, хотя и противоречивой информацией, советские разведывательные органы клали на стол Сталину и явную «дезу». Подобного рода дезинформация являлась результатом широкой дезинформационной кампании, которой сопровождалась подготовка к реализации плана «Барбаросса». Здесь уместно особо подчеркнуть, что нацистская машина введения советского руководства в заблуждение действовала с немецкой педантичностью и была весьма эффективна. Вот почему при оценке просчетов Сталина, связанных с определением срока нападения на СССР, данное обстоятельство должно непременно приниматься в расчет как одна из важных составляющих общей картины. К примеру, советский агент под кличкой «лицеист» был двойным агентом и фактически выполнял задания немецкой разведки. Но его донесения также предъявлялись Сталину, и по идее, он должен был верить им. Так вот, лицеист сообщал 19 мая 1941 г. своим хозяевам в НКГБ:

«Германия сконцентрировала сейчас на советской границе около 160 – 200 дивизий, снабженных большим количеством танков и самолетов, которых имеется там около 6000.

Война между Советским Союзом и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна в Германии, в то время как нынешняя война с Англией не одобряется населением. Гитлер не может идти на такой риск, как война с СССР, опасаясь нарушения единства национал-социалистской партии. Хотя поражение СССР в случае войны не подлежит никакому сомнению, все же Германии пришлось бы потратить на войну около 6 недель, в течение которых снабжение с Востока прекратилось бы, потребовалось бы много времени, чтобы наладить организацию снабжения Германии, а за это время Англия с помощью Америки намного усилилась бы. Лето было бы потеряно для Германии, и наступила бы опять голодная зима.

Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более стоворчивым и

---

²³¹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 175.

прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти»²³².

Наконец, нельзя не привести еще один документ, который, на мой взгляд, в концентрированном виде отражает всю сумму разведывательной информации, ложившейся на стол Сталина. Вот перед нами доклад начальника разведуправления генштаба генерал-лейтенанта Голикова в НКО, СНК и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1941 г. Основные положения доклада сформулированы следующим образом:

Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, **задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией.** Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач – осуществление заветных планов Гитлера, так полно и «красочно» изложенных в его книге «Моя борьба», краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 – март 1941 года заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания.

В числе многих агентурных сообщений он привел и такое:

Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 года. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах министерства иностранных дел. Никто не реагирует одобрительно на эти планы. Считают, что распространение войны на СССР только приблизит конец национал-социалистического режима. Это мнение высказывает и племянник Браухича, который занимает видный пост в министерстве иностранных дел...

д) по сообщению нашего ВАТ (военного атташе – Н.К.) из берлинского источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать, как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки²³³.

В дополнение можно привести следующую весьма характерную справку.

---

²³² 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 259.

²³³ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 778 – 780.

«Справка

27 апреля 1964 года

4 февраля 1964 года маршал Голиков обратился с письмом к начальнику ГРУ ГШ, в котором просил разрешения ознакомиться с „...письменным докладом РУ за моей подписью в адрес Инстанции и военного руководства о силах, которые фашистская Германия на то время может бросить против СССР в предстоящей войне, и об основных операционно-стратегических направлениях наступления гитлеровской армии против Красной Армии“.

По рассмотрению начальника ГРУ т. Голиков был в апреле 1963 года ознакомлен с этим документом. Он его признал. Внимательно прочитал, заметил, что все правильно изложено. В отношении выводов сказал, что они значения не имеют.

Начальник ЦА МО РФ (подпись)»²³⁴.

Полагаю, что комментировать выводы генерала Голикова нет резона. Их уже неплохо прокомментировал Резун (он же небезызвестный сочинитель мифов о предвоенных планах Сталина Суворов). Есть смысл привести обобщающую оценку маршала Г.К. Жукова – пожалуй, одного из наиболее осведомленных людей по данной проблематике. К сожалению, некоторые его свидетельства в переложении других лиц страдают явной противоречивостью. Но я сошлюсь на прижизненное издание его мемуаров. Вот его фундаментальные выводы. «В... ошибках и просчетах чаще всего обвиняют И.В. Сталина. Конечно, ошибки у И.В. Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений, от всего комплекса экономических и политических факторов.

Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент.

Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И.В. Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием – избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся. И.В. Сталин хорошо понимал, какие тяжелые бедствия может причинить народам Советского Союза война с таким сильным и опытным врагом, как фашистская Германия, и потому стремился, как и вся наша партия и правительство, выиграть время.

Сейчас у нас имеются факты, свидетельствующие о предупреждении готовящегося нападения на СССР, о сосредоточении войск на наших

---

²³⁴ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 780.

границах и т.д. Но в ту пору, как это показывают обнаруженные после разгрома фашистской Германии документы, на стол к И.В. Сталину попадало много донесений совсем другого рода»²³⁵.

Какие донесения иного рода ложились на стол вождя, читатель мог убедиться из изложенного выше. Замечу лишь, что приведенные пассажи – лишь самая малость Монблана фактов, ныне имеющих в распоряжении исследователей, что позволяет надеяться на беспристрастные и глубокие выводы, а не рьяные обвинения, ярлыки и т.п.

Затрону еще один довольно любопытный эпизод, связанный с ролью германского посла Шуленбурга, который в двух беседах с послом Деканозовым, находившимся в то время в Москве (май 1941 года), якобы вместе с переводчиком Хильгером пытались предупредить советскую сторону о предстоящем нападении Гитлера на СССР. Каких-либо подлинных документов, могущих подтвердить достоверность данного факта, не имеется. Ссылаются лишь на воспоминания Хильгера, относящиеся уже к послевоенному периоду. Те, кто верит в эту версию, строят на ней далеко идущие выводы с целью доказать, что Сталин, мол, не поверил и этой серьезной информации посла. Якобы он заявил, что уже послы выступают в роли дезинформаторов и провокаторов. Не ясно только, кого он имел в виду – Шуленбурга или Деканозова. Мне представляется необходимым вкратце осветить этот эпизод, поскольку он, как мне думается, не соответствует действительности.

Во-первых, невозможно поверить, что германский посол в присутствии своего переводчика (и одновременно советника) мог пойти на акт прямой государственной измены, сообщив советскому представителю о предстоящем нападении. Хотя Шуленбург лично сам и был противником войны с Советской Россией, равно как и Хильгер, это, однако, не означало, что во имя таких благородных целей оба германских дипломата могли пойти на такой немислимый в то время акт не просто политического самоубийства, но и полнейшей глупости. Во-вторых, Шуленбург прекрасно понимал, что его сообщение, хотя и будет воспринято с интересом, но покажется Сталину настолько невероятным, что он не поверит в него.

На самом же деле речь шла о следующем. Во время встречи с Деканозовым, как тот докладывал руководству, германский посол затронул вопрос о слухах о напряженности в германо-советских отношениях. «В интересах дружественных отношений между СССР и Германией нужно что-то предпринять, чтобы рассеять эти слухи. Он, Шуленбург, уже получил указание из Берлина категорически опровергать всякие слухи о предстоящей войне между СССР и Германией»²³⁶. Далее Шуленбург заявил, что он не

---

²³⁵ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1974. С. 250.

²³⁶ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 169.

знает, что можно было бы предпринять, чтобы пресечь их. Он не думал об этом и не имеет на этот счет никаких указаний из Берлина и вообще ведет со мной этот разговор в частном порядке.

В отчете Деканозова о беседе с Шуленбургом сообщалось, что последний заявил, что он, хотя и не вправе критиковать действия своего правительства, но допускает, что Германия не всегда в полной мере выполняла свои обязательства о консультации с Советским правительством по вопросам, затрагивающим интересы СССР и Германии. Мне кажется, что эта, в общем-то, ни к чему не обязывающая фраза, и послужила для некоторых авторов поводом изображать немецкого графа чуть ли не в качестве человека, пытавшегося предупредить Сталина о том, что на пороге стоит война и что время исчисляется неделями. Из переписки Шуленбурга и его отчета о беседе с фюрером явствует, что он и сам не знал, когда начнется война – этот секрет держался в строжайшей тайне и о нем достоверно знали лишь те, кто по долгу службы был обязан быть в курсе дел, чтобы выполнять соответствующие подготовительные меры. По словам посла, на его вопрос об этих слухах Гитлер ему ответил, что он, Гитлер, вынужден был принять меры предосторожности на восточной границе²³⁷.

Во время второй беседы (она состоялась 9 мая 1941 г.) Деканозов, по всей вероятности по поручению Сталина, поставил вопрос о том, что «можно было опубликовать совместное коммюнике, в котором, например, можно было бы указать, что с определенного времени распространяются слухи о напряженности советско-германских отношений и о назревающем якобы конфликте между СССР и Германией, что эти слухи не имеют под собой основания и распространяются враждебными СССР и Германии элементами»²³⁸.

Шуленбург, исходя из своих взглядов на опасность для Германии войны с Советской Россией, предложил иной путь смягчения напряженности и внесения ясности в двусторонние отношения. Он, конечно, не хитрил, когда предлагал вариант обмена письмами между Сталиным и Гитлером. По его варианту, в советском послании должна содержаться идея о том, что до Сталина дошли сведения о распространяющихся слухах по поводу якобы имеющегося обострения советско-германских отношений и даже якобы возможности конфликта между нашими странами. Для противодействия этим слухам Сталин предлагает издать совместное германо-советское коммюнике... На это последовал бы ответ фюрера, и вопрос, по мнению Шуленбурга, был бы разрешен.

---

²³⁷ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 169.

²³⁸ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 183.

Передав мне это, Шуленбург добавил, что, по его мнению... надо действовать быстро и ему кажется, что можно было бы таким образом объединить эти предложения.

В дальнейшей беседе Шуленбург отстаивал свое предложение, говорил, что надо сейчас очень быстро действовать, а его предложение можно очень быстро реализовать. Если принять мое предложение, то в случае передачи текста коммюнике в Берлин там может не оказаться Риббентропа или Гитлера и получится задержка. Однако, если Сталин обратится к Гитлеру с письмом, то Гитлер пошлет для курьера специальный самолет и дело пройдет очень быстро²³⁹.

Такова действительная история с попыткой графа Шуленбурга как-то сгладить отношения между Германией и Советской Россией. В дальнейшем граф поплатился жизнью за участие в заговоре против Гитлера в 1944 году. Следует подчеркнуть, что Сталин дал согласие на обмен письмами с Гитлером²⁴⁰, надеясь, видимо, таким образом прояснить складывавшуюся ситуацию и, по возможности, дипломатическими мерами оттянуть неизбежное столкновение между двумя странами. Он все же питал определенные иллюзии относительно возможности выиграть время. В то время и немцами, и другими распространялись всевозможные слухи, будто Гитлер пытается путем шантажа добиться от Сталина серьезных уступок. Очевидно, в целях затягивания времени генсек не исключал и возможности переговоров на этот счет. Однако время уже отсчитывало последние недели перед роковым 22 июня 1941 г. Дипломатическая игра, в сущности, уже утратила свой смысл. Гитлер давно уже бросил свой жребий, не допуская и мысли, что неумолимая Немезида уже приняла свое решение.

В этой связи снова и снова возникает проклятый вопрос: боялся ли Сталин Гитлера и страхом ли можно объяснить его поведение в предвоенные месяцы? Здесь, как ни покажется странным, я хочу сослаться на оценку Резуна (Суворова), поскольку общее отрицательное отношение к нему не должно автоматически ставить под вопрос все его суждения. На поставленный вопрос дается следующий ответ: «Один мой очень уважаемый критик в звании генерал-полковника доказывал, что Сталин был смертельно запуган, а в качестве подтверждения приводил знаменитую резолюцию Сталина, наложенную на агентурном донесении меньше чем за неделю до

---

²³⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 184.

²⁴⁰ Вот какая формулировка содержалась в инструкции послу СССР в Берлине: «Я говорил с т. Сталиным и т. Молотовым насчет предложения Шуленбурга об обмене письмами, в связи с необходимостью ликвидировать слухи об ухудшении отношений между СССР и Германией. И Сталин, и Молотов сказали, что в принципе они не возражают против такого обмена письмами, но считают, что обмен письмами должен быть произведен только между Германией и СССР». Там же. С. 193.

германского нападения: „Тов-щу Меркулову. Можете послать ваш „источник“ из штаба германской авиации к еб-ной матери. Это не „источник“, а дезинформатор. И.С. “²⁴¹ Сокращение в тексте не мое. Это товарищ Сталин так сокращал, чтобы не обидеть наркома государственной безопасности товарища Меркулова. И эту резолюцию мне приводят как подтверждение сталинского страха... Скажем маленькому мальчику, что волк к нему крадется. Что мальчик будет делать? Спрячется под одеяло или пошлет нас?.. Если спрячется, значит, боится. А если пошлет, значит, не верит он в наших волков и не боится их. Товарища Сталина предупреждает источник особой важности, нарком госбезопасности бьет тревогу, а беззаботный товарищ Сталин их к еб-ной матери шлет. Вот и состыкуйте сталинскую резолюцию со сталинским страхом неизбежного и скорого нападения.

У меня не стыкуется»²⁴².

У меня тоже никак не стыкуется твердое поведение Сталина в международных делах вообще и в отношениях с Берлином в особенности, его жесткость в вопросах, когда немцы так или иначе ущемляли интересы Советской России, а также ряд других его шагов аналогичного порядка – все это не согласовывается с утверждениями, будто Сталин, как кролик перед волком, вел себя в отношениях с Гитлером. Из всего содержания предшествующих глав явствует, что цель Сталина диктовалась главным соображением – выиграть время, чтобы лучше подготовиться к неизбежной схватке с германским фашизмом. Те, кто боится, ведут себя совершенно иначе, идут на компромиссы, выгодные оппоненту, уступают его нажиму и т.д. Всего этого не замечается в поведении и линии действий генсека. К тому же, некоторые порой осторожность путают с боязливостью, что вообще недопустимо, и особенно в оценке действий политика столь крупного исторического масштаба. Скорее всего, именно Гитлер боялся Сталина, что и побудило его к мерам по форсированной подготовке нападения на СССР.

Возвращаясь к отношению Сталина к поступавшей к нему информации, следует, очевидно, признать, что он ввиду противоречивости, непоследовательности, а часто и взаимно исключаящих друг друга выводов и оценок относился к ложившимся к нему на стол донесениям отнюдь не как к надежному и достоверному источнику. Ведь достаточно только сопоставить различные сроки планировавшегося нападения на СССР, чтобы понять, что его сомнения в надежности источников информации были во многом обоснованны. И дело здесь отнюдь не в мнительности или недоверчивости

---

²⁴¹ Эта резолюция Сталина содержится в издании Органы Госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне. М. 1995. Т. 1. Книга вторая. С. 237.

²⁴² В. Суворов . Очищение. Боялся ли Сталин Гитлера. (Электронная версия).

вождя, а в том, что сами источники информации заставляли его проявлять осмотрительность и осторожность. Если бы он внимал каждому донесению агентуры, то ему пришлось бы не раз менять свои решения. Очевидно, он больше полагался на свой собственный политико-стратегический анализ ситуации, на свою не раз проверенную интуицию. И упрекать его за это, конечно, можно. Но не безоговорочно, ибо достаточно хотя бы на минуту представить его положение, чтобы понять, что выбор у него был ограничен, поле для политического маневрирования с каждым месяцем все больше сужалось.

Специалисты по разведке и вообще историки объективного склада мышления указывают, что при наличии достаточной информации не было возможности раскрыть германские планы только потому, что в те годы в разведке не существовало аналитического подразделения. Поэтому разобраться в хитросплетениях немецкой дезинформации и вычислить конкретные сроки нападения было некому. Стилль и порядок работы были таковы, что все важные сообщения, как правило, докладывались руководству страны по отдельности, и оно само делало выводы²⁴³. Трудно не согласиться с выводом М.И. Мельтюхова, который в весьма фундированной статье о советской разведке накануне войны писал: «Слабость аналитического аппарата спецслужб в Москве не позволила сузить поступление германской дезинформации в Кремль, что в итоге дезориентировало советское руководство. Гораздо больших результатов советской разведке удалось добиться в Англии, США и Японии, где существовали возможности доступа агентов к правительственным документам. Вместе с тем, советским спецслужбам удалось эффективно скрыть от Германии не только наличные силы Красной Армии, но и проведение большей части военных мероприятий в мае – июне 1941 г. Не менее всеохватывающей, чем германская, была и дезинформационная деятельность советской разведки, хотя, к сожалению, ее результаты не повлияли на действия Берлина. Думается, что германским и советским спецслужбам лучше удалось скрывать свои секреты, нежели раскрывать чужие»²⁴⁴.

Составители сборника документов о деятельности советских разведорганов в последние три – четыре месяца до начала вторжения немецких полчищ справедливо указывают, что на последнем этапе подготовки Германии к нападению на СССР в немецких дезинформационных акциях и пропаганде все чаще стал появляться тезис о том, что военные приготовления у границ Советского Союза преследуют цель оказать давление на Советское правительство, принудить его принять немецкие требования

---

²⁴³ «Независимое военное обозрение». 24 сентября 1999 г. (Электронная версия).

²⁴⁴ «Отечественная история». 1995 г. № 3. (Электронная версия).

экономического и территориального характера, которые Берлин якобы намерен в ультимативной форме выдвинуть в ближайшее время. Широко распространялась информация, весьма близкая к действительности, о том, что Германия испытывает острую нехватку сырья и продовольствия, что горючего и зерна с трудом хватит на зиму и что без решения этой проблемы за счет хлеба Украины и нефти Кавказа Германия не сможет одержать победу над Англией.

Это была очень опасная дезинформация. Она не только «объясняла» многочисленные данные о военных приготовлениях у границ СССР, но и вносила некоторую долю логики в, казалось бы, абсурдные действия немцев – не закончив войну с Англией, открывать фронт против Советского Союза. Кроме того, идея угрозы применения силы в целях предъявления ультиматума хорошо вписывалась в проводимую до этого агрессивную политику фашистской Германии. Информация, получаемая разведкой по этому вопросу, не фильтровалась и, как правило, в полном объеме докладывалась руководству страны – без пояснений, вместе с достоверными данными. Трагедия состояла в том, что эту дезинформационную кампанию немцев о якобы готовящемся ультиматуме, которая в случае успеха обеспечивала Гитлеру внезапность нападения, без преднамеренного умысла отражали в своих сообщениях практически все источники берлинской резидентуры. Эта дезинформация немцев попадала также и в поле зрения агентуры других иностранных разведок, которые докладывали ее руководителям своих государств, а наша разведка получала эту информацию через свою агентуру в этих странах²⁴⁵.

На другую ахиллесову пята деятельности советской разведки в предвоенный период обращают внимание многие авторы, пишущие на данную тему. Позволю себе сослаться на точку зрения И.А. Дамаскина – ветерана разведки и автора книги «Сталин и разведка»: «Наступил роковой сорок первый. Поток информации о предстоящем нападении немцев возрастал. Вместе с тем информация зачастую была отрывочной и противоречивой, особенно в отношении сроков нападения. Естественно, что Сталину докладывался далеко не каждый из поступающих документов. Некоторые руководители органов государственной безопасности и военной разведки, опасаясь попасть в опалу, часто подстраивались под настроение и особенности характера Сталина, смягчали содержание острой разведывательной информации, а иногда и уклонялись от своевременного доклада объективных данных»²⁴⁶.

---

²⁴⁵ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март – июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М. 1995. С. 15.

²⁴⁶ И.А. Дамаскин . Сталин и разведка. М. 2004. С. 225.

Во многих публикациях, особенно начиная с 90-х годов, содержится богатый и весьма убедительный документальный материал, подтверждающий приведенную выше оценку. Так что винить одного Сталина в просчетах относительно сроков нападения Гитлера с точки зрения исторической реальности неправильно. Неверно было бы возлагать всю ответственность и на разведывательные органы, учитывая отсутствие аналитической службы, отсутствие координации работы спецслужб и централизованной оценки поступавших разведданных, порой трусливое поведение начальства перед высшим руководством и другие обстоятельства. Советская разведка делала все возможное, чтобы распознать секреты Гитлера, но было бы упрощением считать, будто эти секреты чуть ли не сразу становились достоянием Сталина, лежали на его столе. Это – не более чем примитивная и заведомо ориентированная точка зрения, которую с пеной у рта отстаивают некоторые авторы.

В реальной жизни все было гораздо сложнее, и это довольно хорошо отражено во многих документальных публикациях. Кстати сказать, реальную оценку отношений двух действовавших тогда факторов – Сталин и разведка – дают многие ветераны советской разведки. Так, генерал-лейтенант в отставке В. Кирпиченко при обсуждении этого вопроса заявил: «...Сейчас никто уже так примитивно не утверждает, что, мол, разведка сообщала, что война будет 22 июня, а глупый Сталин не верил и бросал это в мусорную корзину. Это, конечно, не так. Разведка давала реальную картину подготовки Германии к войне – это была информация и устная, и документальная, и шла она на протяжении десятка лет... К сожалению, это вообще парадоксальная вещь, но первая информационная служба разведки была создана только в конце 1943 года. Поэтому вся поступавшая информация „заглатывалась“ Политбюро и Сталиным только живьем. Направлялся документ: „Источник такой-то сообщил...“ – и никакого анализа. Если же предположить, что внешнеполитическая разведка изо дня в день давала бы обобщенную систематизированную информацию, то, может быть, мнение Сталина было бы другим...

Ошибка Сталина была в том, что, владея достаточно серьезной информацией о подготовке Гитлера к войне, он все-таки верил в силу своей дипломатии, во все соглашения, заключенные с немцами, в пресловутый „пакт Молотова – Риббентропа“... Действительно, Советскому Союзу нужно было хотя бы полтора года для перевооружения и подготовки армии»²⁴⁷.

Кое в чем с уважаемым ветераном разведки можно поспорить. Но я укажу лишь на одно положение, вызывающее у меня серьезное возражение. Речь идет о том, что Сталин все-таки верил в силу своей дипломатии, во все соглашения с немцами, в пакт о ненападении. Это – слишком легкое и в

---

²⁴⁷ «Красная звезда». 21 июня 2003 г.

принципе необоснованное суждение. Как я пытался показать выше, вождь отнюдь не верил в пакт, не верил заверениям немецкой стороны, не полагался на силу своей дипломатии. Он прекрасно знал пределы возможностей дипломатии и хорошо понимал, что судьбы страны решаются не на дипломатическом поле. Дипломатия в его представлениях была лишь средством, орудием достижения тех или иных промежуточных целей и задач. А главные же вопросы решались не за столом дипломатических переговоров, а в самой стране путем повышения ее экономической и научно-технической мощи, посредством строительства новых заводов и фабрик, в первую очередь ориентированных на военное производство, путем создания и совершенствования новых видов оружия, обучения и подготовки военных кадров, путем повышения дисциплины и т.д. Словом, судьбы страны решались в самой стране ее народом. В этом и заключалась основа всей стратегии Сталина в предвоенный период.

Что же касается роли разведки, то она, конечно, была важным фактором, способствовавшим укреплению обороноспособности государства. И она, конечно, делала свое дело. Хотя подвиги и самоотверженная работа наших разведчиков и агентов, те почести и слава, которую они по праву заслужили, не должны убаюкивать и служить поводом для самых оптимистических выводов. Есть и серьезная доля ответственности советских разведывательных органов в том, что фактически с полной достоверностью и надежностью не были определены сроки нападения Германии на СССР. Были лишь более или менее достоверные сообщения, но не было надлежащего и категорического вывода из этих сообщений. И эти сообщения могли восприниматься не как руководство к действию, а как информация к размышлению.

Может быть, это утверждение покажется кому-то малоубедительным и отчасти даже тенденциозным. Но такое мнение у меня сложилось на базе ознакомления со многими документами и материалами. Ведь нельзя игнорировать, к примеру, такой факт. В акте о приемке дел новым наркомом обороны С.К. Тимошенко от К.Е. Ворошилова от 1940 года дается следующая оценка разведывательной деятельности нашего военного ведомства: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется.

Работа Разведывательного управления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту приема Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их

подготовка не изучены»²⁴⁸.

3. Бред о превентивном ударе

Честно признаться, в мои первоначальные планы не входило ввязываться в дискуссию по давно решенному вопросу и приводить какие-либо факты и доводы относительно полной несостоятельности даже самой постановки вопроса о том, готовил ли Сталин превентивный удар против Германии. Мотивы мои базировались на следующих основных соображениях:

Во-первых, вся внутривнутриполитическая и внешнеполитическая стратегия Сталина в последние предвоенные годы была целиком и полностью нацелена на выигрывание времени и оттягивание сроков войны, которая представлялась ему совершенно неизбежной. Страна должна была как следует подготовиться к отражению агрессии гитлеровской Германии, а сделано было в этом отношении далеко не все. Здесь имеются в виду не какие-то отдельные чисто военного плана мероприятия, а весь комплекс экономических, производственных, технических и иных вопросов, решить которые за столь короткий отрезок времени было выше человеческих сил. Даже при максимальном их напряжении. И думать в это время о каком-то превентивном ударе – значит принимать Сталина за авантюриста в лучшем случае или полудидиота в худшем. Ни тем, ни другим он не был.

Во-вторых, тезис о якобы готовившемся Сталиным превентивном ударе – это неприкрытая попытка снять с фашистской Германии ответственность за разбойничье нападение на нашу страну и фактически оправдать гитлеровскую агрессию. Я не говорю, что это аморально и антиисторично, но и с точки зрения здравого смысла и элементарной логики не поддается никакому разумению. Что, однако, не останавливает апологетов данного тезиса с пеной у рта и с тенденциозно трактуемыми фактами продолжать пропагандировать этот бред сивой кобылы.

В-третьих, я считал, что данный тезис уже достаточно обстоятельно проанализирован в сотнях публикаций и нет особой нужды вновь обращаться к его разоблачению, тем самым как бы молчаливо признавая, что он еще продолжает жить. Во всяком случае, апологеты этого тезиса не унимаются до сих пор и стремятся вопреки всему отстоять свою точку зрения. Мне кажется, что спор по этому вопросу давно уже вышел за рамки научного и превратился в сугубо идеологический. Ведь как было бы прекрасно пригвоздить Сталина к позорному столбу и приклеить к нему еще один ярлык – агрессора, которому по ряду причин не удалось осуществить свои планы превентивного удара против гитлеровской Германии.

---

²⁴⁸ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 629.

Я задал себе простой вопрос: допустим, что Сталин действительно готовился нанести первым удар против Гитлера, и что в этом позорного или зазорного, если наша страна в самом деле нанесла бы первой удар против агрессора? Разве война против агрессора, подмявшего под себя чуть ли не всю Западную Европу и простиравшая свои жадные лапы на многие части мира, агрессора, который превратил захваченные страны в своеобразные лагеря для подневольного труда или физического уничтожения населения, – разве превентивный удар против этого агрессора не имел бы юридического и морального оправдания? Конечно, весь мир воспринял бы подобный акт со стороны Сталина как вожделенный акт заслуженного возмездия кровавому третьему рейху. И Сталина за это не стали бы осуждать, выискивая в анналах истории какие-то несуразные сопоставления и параллели. Так что даже если бы Сталин и на самом деле готовился к превентивной войне против фашистской Германии, то в этом не было бы ничего зазорного, достойного порицания. Ведь даже по канонам многих религий мира борьба против зла есть доброе деяние, и за это надо не осуждать, а воздавать должное тому, кто идет по этому пути.

Мне возразят, что с моральной точки зрения – это спорный вопрос, а с точки зрения международного права еще более спорный. Отвечу, что со всех точек зрения превентивный удар против нацистской Германии и ее прихлебателей-союзников подлежит безусловному оправданию. И нет нужды доказывать эту истину, когда мы мысленно вспомним о лагерях смерти и газовых камерах, которыми усеяли завоеванные страны и собственную страну нацисты. Формальная логика, какой бы она ни была убедительной и строго выстроенной, бессильна против логики жизни.

Учитывая приведенные выше обстоятельства, а также некоторые другие, которые здесь опущены, я намеревался лишь мимоходом коснуться вопроса о превентивном ударе. Однако по здравому размышлению решил, что, несмотря на все, этот исторический нонсенс все-таки не следует оставлять вне рамок внимания, поскольку в каком-то смысле политическая биография Сталина оказалась бы неполной, с изъятиями, которых нельзя допустить. Тем более, что фигура умолчания в данном контексте вполне могла бы быть истолкована как молчаливый знак согласия с тезисом о превентивном ударе.

Поэтому есть смысл хотя бы в самом обобщенном виде затронуть этот вопрос. Тем более имея в виду еще одно обстоятельство: критики Сталина выводят свой тезис из посылки, согласно которой генсек исповедовал концепцию наступательных (в устах некоторых авторов – агрессивных, захватнических) войн. Здесь также необходимо внести определенную ясность и четко прописать действительную позицию Сталина в данном вопросе. Наиболее полно его взгляды изложены в выступлении Сталина на выпуске слушателей академий Красной Армии в Кремле 5 мая 1941 г. Я постараюсь в максимально возможной мере изложить основные положения данного

выступления, поскольку это имеет принципиальное значение.

Но прежде чем перейти к этой ключевой в данном разделе теме, стоит хотя бы пунктиром определить позиции тех, кто обвиняет Сталина в несостоявшейся агрессии против агрессора. Начну с истинного автора этого тезиса. В радиообращении рейхсканцлера А. Гитлера к нации по случаю объявления войны Советскому Союзу 22 июня 1941 г. говорилось:

«Никогда германский народ не испытывал враждебных чувств к народам России. Однако более десяти лет еврейско-большевистские правители из Москвы поджигают не только Германию, но и всю Европу. Германия никогда не пыталась насаждать национал-социалистское мировоззрение в России, но, напротив, еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно пытаются распространить свое влияние на нас и другие европейские народы, не только с помощью идеологии, но прежде всего силой оружия... В то время, когда наши солдаты с 5 мая 1940 года громили франко-британскую мощь на Западе, развёртывание русских военных сил на нашей восточной границе продолжалось всё в более и более угрожающей степени. Поэтому с августа 1940 года я считал, что не в интересах империи оставлять без защиты наши восточные области, которые и так часто подвергались разорению, ввиду огромной концентрации большевистских дивизий... Сегодня что-то вроде 160 русских дивизий находится на наших границах»²⁴⁹.

Главарь третьего рейха, а также его подручные – Геббельс и Риббентроп – в этот день на все лады воспевали мудрый шаг фюрера, который, мол, вынужден был во имя спасения страны и человеческой цивилизации от большевистской чумы бросить на чашу весов последний аргумент – непревзойденную мощь победоносного вермахта. Надо отметить, что в их аргументации как бы органически сливались воедино два постулата – Германия вынуждена была пойти на этот шаг вследствие того, что на ее границах сосредоточились колоссальные силы русских, готовых в любой момент нанести по рейху удар. Другой постулат был рассчитан на идеологических противников советского режима, которые имелись во многих западных странах, в том числе и в воюющей Великобритании. Гитлер в данном случае пытался выступить в тоге бескомпромиссного борца против коммунизма, что, как он полагал, найдет определенный позитивный отклик и в западноевропейском мире, а также в Соединенных Штатах Америки. Таким образом, самая наглая и неприкрытая агрессия облекалась в форму спасения западного мира от коммунистической заразы.

Эти мысли и соображения фюрер и его подручные высказывали лишь для публики, чтобы одурачить ее. В узком кругу своих приближенных Гитлер говорил совершенно иное. Он бахвалился, заявив, что «именно наша борьба с

---

²⁴⁹ Keesing's contemporary archives. June 21 – 28, 1941, p. 4668.

Россией наиболее четко доказала, что глава государства должен первым нанести удар в том случае, если он считает войну неизбежной.

В обнаруженном у сына Сталина и написанном одним из его друзей незадолго до нашего нападения письме говорилось буквально следующее: он „перед прогулкой в *Берлин* “ хотел бы еще раз повидать свою Аннушку.

Если бы он, Гитлер, прислушался к словам своих плохо информированных генералов и русские в соответствии со своими планами опередили нас, на хороших европейских дорогах для их танков не было бы никаких преград.

Он рад, что удалось вплоть до самого начала войны водить Советы за нос и постоянно договариваться с ними о разделе сфер интересов. Ибо если бы не удалось во время вторжения русских в Румынию заставить их ограничиться одной лишь Бессарабией и они забрали тогда себе румынские нефтяные месторождения, то самое позднее этой весной они бы задушили нас, ибо мы бы остались без источников горячего»²⁵⁰.

Действительно, одной из составляющих гитлеровских планов было уничтожение советского режима. Но всего лишь одной – и отнюдь не главной. Доминировала над всем цель расчленения Советской России, захват новых источников сырья и продовольствия, рабской рабочей силы и расширение пределов территориального господства Германии фактически до Урала. Интересы истины требуют заметить, что фюрер настолько был уверен в своей победе в этой молниеносной (блицкриг) войне, что не придавал даже особого значения пропагандистскому оправданию своих действий. Он думал, что потрясенный мир, затаив дыхание, воспримет победу германского оружия как нечто совершенно естественное и закономерное. И неудивительно, что еще перед началом войны, а именно 6 июня 1941 г., Гитлер издал директиву о подготовке к периоду после осуществления плана операции «Барбаросса», в которой ставились далеко идущие задачи дальнейших захватов²⁵¹.

Один из наиболее компетентных в рассматриваемом здесь вопросе генерал и историк М. Гареев справедливо заметил, что вероломный удар фашистской Германии по СССР – уже свершившийся исторический факт, но о совершенной Гитлером агрессии мало кто вспоминает. Зато с удивительным рвением ищут признаки виновности Советского Союза – жертвы агрессии. Абсурдность подобных усилий, казалось бы, очевидна. И в области науки, научной историографии им нет объяснения. Его надо искать в недрах определенной политики, из которых и извлекаются время от времени, но всегда отнюдь не случайно, всякого рода домыслы и сплетни о второй

---

²⁵⁰ *Генри Пикер*. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993. С. 303.

²⁵¹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 343 – 346.

мировой войне, в том числе о подготовке упреждающего удара со стороны СССР... Ни один историк, исследовавший события 1941 г., ни одного доказательства, подтверждавшего бы гитлеровскую версию, не привел и не может привести. Ссылаются обычно на высказывания руководителей СССР о мировой революции, расширении сферы социализма. Выдается за агрессивные намерения и все, что делалось в нашей стране для укрепления обороны²⁵².

В наборе мнимых фактов и аргументов в пользу тезиса о превентивном сталинском ударе одну из центральных ролей играет его выступление 5 мая 1941 г. Сталин дал свою интерпретацию разворачивавшихся тогда событий второй мировой войны. Это было важно, поскольку не только у широких слоев населения, но и у военных кадров возникало много вопросов, порожденных столь быстрыми победами германского вермахта и крушением Франции. Вождь следующим образом объяснил причины немецких успехов, которые в умах не только немцев, но и представителей других народов порождали полумистические мысли о некоей избранности и непобедимости германского вермахта.

Обращаясь к выпускникам военных академий, он говорил:

«Почему Франция потерпела поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима? Вы приедете в части из столицы. Вам красноармейцы и командиры зададут вопросы, что происходит сейчас. Вы учились в академиях, вы были там ближе к начальству, расскажите, что творится вокруг? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима? Надо командиру не только командовать, приказывать, этого мало. Надо уметь беседовать с бойцами. Разъяснять им происходящие события, говорить с ними по душам. Наши великие полководцы всегда были тесно связаны с солдатами. Надо действовать по-суворовски. Вас спросят – где причины, почему Европа перевернулась, почему Франция потерпела поражение, почему Германия побеждает. Почему у Германии оказалась лучше армия? Это факт, что у Германии оказалась лучше армия и по технике и по организации. Чем объяснить?»

Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся. Эта мысль Ленина относится и к нациям. Разбитые нации хорошо учатся. Немецкая армия, будучи разбитой в 1918 г., хорошо училась. Германцы критически пересмотрели причины своего разгрома и нашли пути, чтобы лучше организовать свою армию, подготовить ее и вооружить.

Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новейшей техникой. Обучалась новым приемам ведения войны. Вообще имеется две стороны в этом вопросе. Мало иметь хорошую технику,

---

²⁵² См. «Независимое военное обозрение». 6 июня 2000 г.

организацию, надо иметь больше союзников.

Именно потому, что разбитые армии хорошо учатся, Германия учла опыт прошлого. В 1870 году немцы разбили французов. Почему? Потому, что дрались на одном фронте. Немцы потерпели поражение в 1916 – 17 гг. Почему? Потому, что дрались на два фронта. Почему французы ничего не учли из прошлой войны 1914 – 18 гг.?»

Сталин особо выделил моральную сторону подготовки страны к войне, а также то обстоятельство, что воюющая держава должна иметь союзников, ибо войны в современном мире обретают широкомасштабный характер. «У французов закружилась голова от побед, от самодовольства. Французы прозевали и потеряли своих союзников. Немцы отняли у них союзников. Франция почила на успехах. Военная мысль в ее армии не двигалась вперед. Осталась на уровне 1918 г. Об армии не было заботы и ей не было моральной поддержки. Появилась новая мораль, разлагающая армию. К военным относились пренебрежительно... Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства – в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять»²⁵³. По поводу роли союзников вождь сказал: «Чтобы готовиться хорошо к войне – это не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически. Что значит политически подготовить войну? Политически подготовить войну – это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников и нейтральных стран»²⁵⁴.

В выступлении Сталина в качестве своеобразной оси, вокруг которой так или иначе вращались другие вопросы, была тема о несостоятельности тезиса о непобедимости германской армии. Развенчать эту легенду было чрезвычайно важно, поскольку генсек знал, что советским бойцам и командирам неизбежно придется сойтись в смертельной схватке с фашистской армией, и тогда неразвезанная легенда может сыграть свою роковую роль. «*Действительно ли германская армия непобедима?* Нет. В мире нет и не было непобедимых армий, – подчеркнул Сталин. – Есть армии лучшие, хорошие и слабые. Германия начинала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась.

Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические. Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной войны. Эти лозунги опасные.

---

²⁵³ «Исторический архив». 1995 г. № 2. С. 27 – 28.

²⁵⁴ Там же. С. 28.

...Поскольку германская армия ведет войну под лозунгом покорения других стран, подчинения других народов Германии, такая перемена лозунга не приведет к победе»²⁵⁵.

С такой оценкой трудно не согласиться. Однако, видимо, желая в пух и в прах развеять миф о непобедимости германской армии и тем самым внушить своим слушателям, да и всей армии, веру в свои собственные силы, Сталин допустил, на мой взгляд, и явные преувеличения, выдавая желаемое за действительное. Едва ли можно разделить его мысль, что с точки зрения военной в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны... Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка... В смысле дальнейшего военного роста германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники²⁵⁶.

И, наконец, самое важное из выступлений Сталина (а они носили также характер провозглашаемых тостов). Оно самым прямым образом связано с проблемой, рассматриваемой в данном разделе. Вот запись этого выступления-замечания, которое обрело особую значимость.

«Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную сталинскую внешнюю политику.

Тов. Сталин: Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная»²⁵⁷.

Пассаж о переходе от обороны к наступлению, к военной политике наступательных действий требует определенных комментариев. Во-первых,

---

²⁵⁵ Там же. С. 28.

²⁵⁶ Там же. С. 28 – 29.

²⁵⁷ «Исторический архив». 1995 г. № 2. С. 29.

Сталин и раньше никогда не принадлежал к поборникам исключительно оборонительной стратегии как в политической, так и в военной сфере. Во втором томе я уже приводил одно весьма примечательное высказывание генсека, являющееся одной из фундаментальных основ его политической философии. Есть смысл процитировать его вновь здесь, применительно к новой исторической обстановке. В середине 20-х годов, когда Советский Союз был слабым государством, Сталин также ориентировал страну на активную внешнюю политику, в том числе и в особенности, в период международных кризисов. Тогда он говорил: «Наше знамя остаётся по-старому знаменем **мира**. Но если война начнётся, то нам не придётся сидеть сложа руки, – нам придётся выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, **гирию**, которая могла бы перевесить»²⁵⁸.

В начале 40-х годов ситуация была совершенно иной, чем 15 лет назад. И, разумеется, внешнеполитическая и военно-стратегическая линия Сталина не могла не претерпеть определенных изменений, которые, однако, не затрагивали принципиальных основ его политической философии. В обстановке нарастания военной опасности было бы в корне ошибочно ориентировать страну и армию исключительно на оборонительную линию в военно-политической сфере. Существовала неотложная потребность в том, чтобы армейские кадры не ориентировались исключительно на оборонительную стратегию, которая в создавшейся мировой обстановке была равнозначна пассивности и выжидательности. А с помощью таких средств невозможно было решить стоявших перед страной задач. Даже в сфере непосредственно обороны. Да и само понятие наступательная стратегия отнюдь не синоним стратегии агрессии и захвата чужих территорий. Причем, важно отметить своеобразную диалектику, заложенную в словах вождя – проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. Значит – и это вытекает из смысла его слов, – речь шла прежде всего и главным образом об обороне страны. И придание оборонительной стратегии духа наступательности вовсе не равнозначно тому, что понимают под превентивным ударом.

Во-вторых, обращает на себя внимание одно обстоятельство. Странным выглядит то, что это положение – как представляется, основополагающее – прозвучало не в самом выступлении генсека, а всего лишь в виде замечания к здравнице в честь мирной политики Советского Союза. Это наводит на размышление о том, что он специально не хотел делать акцент на наступательной стратегии, иначе этот пассаж прозвучал бы в его основной речи. Сталин, видимо, был озабочен тем, что в стране и в армии доминировали сугубо оборонительные настроения, а усложнявшаяся

---

²⁵⁸ *И.В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 14.*

обстановка диктовала совсем иное. Нужно было в политико-воспитательной работе переместить акценты с тем, чтобы вся страна была морально и политически подготовлена к действиям наступательного плана. Но, полагаю, что из такой переакцентировки ничуть не вытекает подготовка превентивного удара против Германии. В контексте этого неудивительно, что после начала войны немецкие разведывательные и пропагандистские органы, стараясь собрать подтверждения заявлениям Гитлера, Геббельса и Риббентропа о «превентивном» характере нападения Германии на СССР, усиленно опрашивали советских пленных офицеров из числа тех, кто присутствовал в Кремле 5 мая 1941 г. В документах разведки приводились показания о том, что Сталин призывал к нападению на Германию и требовал отказаться от преклонения перед немецкой армией²⁵⁹.

Весьма примечательна и трактовка самим Сталиным своего призыва к наступательной стратегии. По этому поводу он сказал высшим военным начальникам, когда военные напомнили его высказывание о переходе к наступательным действиям: «Я так сказал это, чтобы подбодрить присутствующих гостей, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости германской армии, о чем трубят газеты всего мира». После этого Сталин предостерег наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова: «Если вы там на границе будете дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда имейте в виду, что головы полетят»²⁶⁰. Весьма характерна и реакция Сталина и партийного руководства в целом на предложение начальника Главного Политуправления РККА А. Запорожца разрешить организовать для личного состава армии лекции и доклады, воспитывающие бойцов в воинственном и наступательном духе, в духе неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление²⁶¹. Начальник Главупра мотивировал свои предложения тем, что международная обстановка чрезвычайно накалена. Война, которая может быть навязана капиталистическим миром Советскому Союзу, потребует огромного напряжения материальных средств страны и высокой моральной выдержки советского народа. Однако во всей пропаганде, ведущейся в стране, преобладает мирный тон, она не проникнута военным духом, слабо напоминает советскому народу о капиталистическом окружении, о неизбежности войны, о необходимости всемерно укреплять оборону своей Родины, быть в любую минуту готовым к борьбе. Боевые действия в

---

²⁵⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 296.

²⁶⁰ «Исторический архив». 1995 г. № 2. С. 24.

²⁶¹ «Известия ЦК КПСС». 1990 г. № 5. С. 191 – 192

Монголии и особенно в Финляндии показали, что среди некоторой части красноармейцев и начальствующего состава, особенно среди призванных из запаса, сильно развиты пацифистские настроения. Люди, не понимая основ советской внешней политики, хотят мира во что бы то ни стало²⁶².

Ему было указано на ошибки в разработке данных документов и предложено подготовить более реалистичные указания по вопросам воспитания личного состава. Вместе с тем, Сталин требовал серьезной перестройки политико-воспитательной работы вообще и в армии в первую очередь. Это нашло отражение в директиве нового начальника Главного Политуправления РККА и секретаря ЦК партии А.С. Щербакова, где, в частности, отмечалось, что новые условия, в которых живет страна, требуют от партийных организаций коренного поворота в партийно-политической работе по большевистскому воспитанию личного состава Красной Армии и всего советского народа в духе пламенного патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага²⁶³.

Многие западные историки и историки и публицисты либерально-демократического покроя в современной России не жалеют усилий, чтобы доказать, будто концепция наступательной войны и построенный на ее базе план превентивного удара против Германии предопределили многие провалы в советской стратегии накануне войны и в первые ее периоды. Всю ответственность за это они возлагают на Сталина. Так, Н. Верт пишет: «Военные концепции Сталина строились, исходя из трех идей: Советскому Союзу никогда не придется вести боевые действия на своей территории; готовиться следует к наступательной войне; любая агрессия против СССР будет немедленно остановлена всеобщим восстанием западного пролетариата. Как следствие, вся советская военная тактика и расположение войск исходили из задач наступательной войны»²⁶⁴.

Полагаю, что Н. Верт слишком упрощенно оценивает исходные посылки военных концепций Сталина. Как было показано выше (в частности, в изложении выступления Сталина в связи с уроками финской кампании), он отнюдь не считал наступательную стратегию единственно возможной и подчинял ей все остальное. Серьезное внимание уделялось и разработке оборонительной стратегии, чего не хотят в упор замечать критики Сталина. Далее, Сталин никогда не считал и нигде не говорил о том, будто любая агрессия против страны социализма будет немедленно остановлена

---

²⁶² Там же. С. 191.

²⁶³ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 302.

²⁶⁴ Н. Верт. История Советского государства. М. 1995. С. 301.

восстанием западного пролетариата. Приписывать Сталину столь наивные вещи – значит проявлять еще большую наивность, поскольку хорошо известно (и это я старался доказывать постоянно), что Сталин уже к концу 20-х годов частично, и с приходом Гитлера к власти окончательно, расстался с иллюзиями, связанными с мировой революцией и тем, что солидарность пролетариата западных держав с СССР способна сколько-нибудь серьезным образом повлиять на развитие международных событий. Конечно, во всеуслышание он об этом не говорил и не мог говорить. Однако в своих действиях исходил из того, что Советской России в основном придется рассчитывать на свои собственные силы и возможности. Это и предопределяло основные направления и стратегию его политики в международных делах. И хочешь не хочешь, а этот факт признать придется каждому, кто объективно оценивает не только слова, но и практические действия Сталина.

В качестве контраргумента относительно мнимого превентивного удара, якобы логически вытекавшего из наступательной стратегии Сталина, сошлюсь на оценку А. Буллока, который писал: «...Документальные свидетельства подтверждают, что детальная разработка операции „Барбаросса“ не предусматривала возможности противостояния русскому наступлению, и что, как ОКВ так и ОКХ командование Вермахта рассматривали переброску советских войск к границе как чисто оборонительные шаги. В немецком лагере царили уверенность и спокойствие потому, что все данные говорили о том, что русские плохо подготовлены к собственной обороне, не говоря уже о наступлении... Уверенность немцев основывалась на убеждении, подтвержденном в ходе финской войны, в том, что сопротивление будет недолгим потому, что советское военное руководство было обескровлено репрессиями и неспособно организовать противостояние массивному немецкому наступлению»²⁶⁵.

Основным, если не единственным, так называемым документальным подтверждением наличия у Сталина намерения первым нанести удар по Германии служит записка наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова председателю СНК И.В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками. Сначала несколько слов о характере этого документа, чтобы иметь ясное представление, что эта записка отнюдь не представляла собой действительного плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР для нанесения гитлеровской Германии превентивного удара. Этот документ не имеет даты, и его условное датирование сделано на основании приложенной к нему карты по состоянию на 15 мая 1941 г. Составлялся он, видимо, сразу после выступления И.В.

---

²⁶⁵ Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Т. 2. С. 328 – 329.

Сталина, о котором шла речь выше. Судя по всему, нарком и начальник Генштаба использовали высказанные в речи Сталина мысли для того, чтобы поставить перед ним вопрос о необходимости срочных мер в условиях очевидного сосредоточения немецких войск у советских границ. Текст – в одном экземпляре – был написан рукой генерал-майора А.М. Василевского. На записке нет пометок об утверждении или отклонении предложений, содержащихся в ней. Имеются свидетельства, со ссылкой на беседу с Жуковым одного из ответственных сотрудников Института военной истории. Жуков сказал, что И.В. Сталин категорически отклонил предложение. На одном из заседаний Политбюро Сталин упрекнул наркома обороны Тимошенко в том, что он слишком прямолинейно понял его речь 5 мая 1941 г., слишком буквально воспринял наступательный дух этого выступления. «Это я сказал для народа, – заметил Сталин, – надо же бдительность поднять. А вам надо понять, что Германия никогда не пойдет одна воевать»²⁶⁶.

Но прежде чем прокомментировать этот пресловутый план, следует изложить его основные положения и предпосылки, из которых он исходил. Они состояли в следующем:

«Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

I. В настоящее время Германия по данным Разведывательного управления Красной Армии имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.05.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего до 112 дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас – до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия – до 20 пехотных дивизий, Венгрия – 15 пд, Румыния – до 25 пд. Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это [и разгромить немецкую армию], считаю

---

²⁶⁶ «Независимая газета». 22 июня 2000 г.

необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»²⁶⁷.

Даже малосведущему в военных вопросах человеку по ознакомлении с этой запиской бросается в глаза ее неотработанность, фрагментарность и расплывчатость. Это, конечно, не план стратегического развертывания, а скороспелые соображения, которые сформулировал начальник оперативного управления Генштаба генерал А.М. Василевский (будущий маршал Советского Союза). Видимо, военное руководство во главе с Тимошенко и Жуковым поспешило проявить свою активность и показать, что они правильно поняли мысли, высказанные Сталиным 5 мая 1941 г. Военные специалисты отмечают, что все это выглядело не только прожектерством, но даже и глупостью с точки зрения направления ударов, их целей. Действительно, у Германии на разработку и обеспечение плана «Барбаросса» ушел почти год. А ведь Германия имела прекрасный военный аппарат, чего у нас практически не было.

Словом, времени для подготовки крупной наступательной операции было явно недостаточно. Опыта еще меньше. А печальный пример финской кампании позволяет усомниться в возможности успешных наступательных действий нашей армии в тех условиях и при том ее состоянии²⁶⁸.

Убедительную аргументацию приводит М. Гареев. Развенчивая домыслы о существовании плана превентивного удара, он писал об этом документе: «Он не подписан ни наркомом обороны, ни начальником Генштаба. Не был он одобрен и Сталиным. А все разговоры о том, что он скрытно осуществлялся, – досужие выдумки и не подтверждаются никакими документами. Достаточно напомнить, что все решения о частичной мобилизации, выдвижении резервных армий и другие были приняты до разработки „Соображений по стратегическому развертыванию“».

Серьезную аргументацию против адептов этой фальшивой версии приводит историк В. Анфилов. Он цитирует высказывание известного своими столь же категорическими, сколь и научно бездоказательными утверждениями, Ю. Афанасьева, согласно которому великую войну, выигранную Советской Россией, «Отечественной мы... назвали по сталинской версии. А на самом деле? Разве это не была схватка двух тиранов?.. Сталин готовился к войне наступательной, агрессивной. Все факты говорят об этом. И выходит, что мы вели не свою войну...» В. Анфилов с

---

²⁶⁷ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 215 – 216.

²⁶⁸ «Независимое военное обозрение». 18 июня 2004 г. (Электронная версия).

чувством почти нескрываемого возмущения пишет:

«Мириться с клеветой, которая порочит не столько Сталина, сколько многомиллионную армию участников Великой Отечественной войны, спасших народы мира от коричневой чумы, нельзя. У Сталина, как и у каждого диктатора, немало грехов. Но зачем приписывать ему еще и то, чего он не делал, более того – чему противостоял?

...Свидетельством того, что СССР готовился к обороне, а не к нападению, являются все планы стратегического развертывания Вооруженных сил, кроме майского рабочего варианта 1941 г. Ими предусматривалось отражение нападения агрессора и нанесение ответного удара по нему. Общий замысел боевого использования основных сил западных приграничных округов состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах (УРах) прочно прикрыть границу в период сосредоточения и развертывания войск и не допустить глубокого вторжения врага. На втором этапе планировалось мощными ударами главных группировок Западного и Юго-Западного фронтов нанести противнику решительное поражение.

Если бы авторы „новой версии“ войны были грамотными в военном отношении людьми, то они задумались бы: для какой цели строились УРы на старой границе (называемой немцами „линией Сталина“) и на новой (по их же терминологии, „линии Молотова“)? Ведь никто из них не утверждает, что „линия Мажино“ строилась французами для подготовки нападения на Германию, – железобетонные пояса вдоль границы являются немymi свидетелями подготовки к защите, а не к агрессии. С ранней весны 1941 г. Сталин уделял большое внимание строительству УРов. Именно по его предложению (а не по произволу Сталина, как это часто утверждается) Главный военный совет принял решение о снятии части орудий со старых УР и переноса их в новые, так как построенные огневые точки нечем было вооружить»²⁶⁹.

Что же касается пресловутого плана превентивного нападения на Германию, то В. Анфилов (который, кстати сказать, внес немалую лепту в критику Сталина и его действий накануне и в начальный период войны) ссылается на свою беседу по этому вопросу с Г.К. Жуковым.

«...Маршал рассказал мне, почему они с наркомом решили предложить Сталину нанести по немецкой армии упреждающий удар. К середине мая 1941 г. они пришли к выводу, что Германия полностью отмобилизовала свою армию, сосредоточила значительную часть ее у границ Советского Союза и развернула тылы. Данные разведки свидетельствовали о скором вторжении врага. К тому же 5 мая Сталин выступил на приеме выпускников военных академий и, заявив о перевооружении и перестройке Красной Армии (в

---

²⁶⁹ «Независимая газета». 27 января 2000 г.

действительности этот процесс был в самом разгаре. – В.А.), сделал вывод, что она готова вести наступательную войну. Воодушевленные этим, Тимошенко и Жуков решили внести коррективы в мартовские „соображения по плану...“ и предварить новый документ предложением об упреждающем ударе. Разработку его поручили заместителю начальника Оперативного управления генерал-майору Василевскому. В середине мая (дата не указана) рукописный текст, схемы и карты были изготовлены. „Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, – указывалось в „Соображениях...“, – она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск“. „С этим документом, – продолжил Жуков, – мы через день или два (судя по журналу посещения кабинета Сталина, это было 19 мая. – В.А.) прибыли к Сталину, рассчитывая на его одобрение. Услышав об упреждающем ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. „Вы что, с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать?“ – прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками. „Так я сказал это, – слышали мы в ответ, – чтобы воодушевить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят радио и газеты всего мира“. Предложенный план Сталин утверждать не стал, тем более и подписи наши на нем отсутствовали. Однако выдвижение войск из глубины страны и создание второго стратегического эшелона, в целях противодействия готовящемуся вторжению врага и нанесения ответного удара, он разрешил продолжать, – строго предупредив, чтобы мы не дали повода для провокации“. Завершая разговор на эту тему, Георгий Константинович сказал: „Хорошо еще, что Сталин не согласился с нами, иначе мы, учитывая состояние войск и разницу в подготовке их с немецкой армией, получили бы тогда нечто подобное Харьковской операции в мае 1942 года“»²⁷⁰.

И еще один профессионально выверенный аргумент: «Люди, не посвященные в вопросы оперативного планирования и их практической реализации, полагают, что стоит собраться и поговорить высшему руководству о тех или иных желательных, на их взгляд, способах действий армии – и сразу все это осуществится. Но после утверждения стратегического плана Генштаба для разработки соответствующих планов объединений, соединений и частей (с допуском ограниченного количества исполнителей) и практической организации их выполнения при самой интенсивной и

---

²⁷⁰ «Независимая газета». 27 января 2000 г.

напряженной работе требуется не менее 3 – 4 месяцев. Совершенно очевидно, что замысел действий, изложенный в докладной от 15 мая 1941 г., если бы он даже был утвержден, ни при каких обстоятельствах до конца 1941 г. не мог быть реализован на практике»²⁷¹.

Можно, конечно, приводить множество аргументов, с неопровержимостью свидетельствующих о том, что никакого плана о нанесении первыми удара по Германии не существовало и не могло существовать. Если речь идет о реальном плане, а не о каких-то скоропалительных соображениях. В конце концов, вся предвоенная стратегия Сталина была нацелена на то, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к войне. К 1941 году наша страна явно не находилась в состоянии такой готовности. И Сталин понимал это лучше, чем кто-либо иной. Чем-чем, а авантюризмом вождь не страдал. Особенно в таких вопросах, как судьбы страны.

Но вопрос о превентивном ударе имеет еще одну плоскость измерения. Речь идет вообще о том, способен ли был Сталин принять политическое решение о нанесении такого удара, если бы страна была в полной мере готова к тому, чтобы сокрушить потенциального агрессора, а именно фашистскую Германию? Мне представляется, что из природы самой политической философии вождя органически вытекает вывод, что он не только был способен принять такое решение, но и непременно принял бы его при наличии необходимых благоприятных условий, и, главное, при полной уверенности в успешности и эффективности действий Советской Армии. Важнейшим и совершенно обязательным условием успешности и оправданности действий со стороны Советской России выступала внутренняя готовность страны – как с точки зрения экономических и научно-технических показателей, так и с точки зрения полной и безусловной готовности всех родов войск, всей системы транспорта, снабжения и т.д. Иными словами, если бы Советская Россия располагала всей этой суммой необходимых условий и предпосылок для успешного и победоносного сокрушения гитлеровской Германии, то для Сталина вопрос о превентивном ударе мог бы стать в качестве одного из возможных вариантов действий. Хотя и такое предположение более чем проблематично. Естественно, что серьезное историческое исследование едва ли вправе оперировать такими чисто гипотетическими вариантами возможных действий Сталина. Тем более что общая мировая ситуация к тому времени обрела такое содержание и такие черты, что подобный шаг со стороны Сталина был бы расценен подавляющим большинством мировой общественности в качестве правомерного и соответствующего требованиям момента действия.

В качестве своего рода итога размышлений и рассуждений

---

²⁷¹ «Независимая газета». 22 июня 2000 г.

относительно бредового плана превентивного удара, мне кажется, можно воспользоваться выводом того же В. Анфилова: «„новая версия“ войны является фальшивкой. Война Советского Союза против фашистской Германии, безусловно, была Великой Отечественной. Слишком дорого она нам стоила, чтобы кому-то было позволено исказить ее смысл»²⁷².

4. Сталин и подготовка к войне: успехи и просчеты вождя

В небольшом разделе, конечно, трудно, если вообще возможно, дать более или менее полную картину мер и шагов, предпринятых страной под руководством Сталина для подготовки к отражению агрессии, нависшей, как дамклов меч, над Советской Россией со стороны фашистской Германии. С самого начала хочу определить свою принципиальную позицию: я полностью разделяю ставшую уже аксиомой мысль о том, что по ряду важнейших параметров советское государство оказалось неподготовленным к вызову, брошенному Гитлером. Мысль эта не столько аксиоматична, сколько подтверждена бесчисленным количеством фактов и примеров, которые невозможно отрицать, не порывая с принципом исторической правды. Ее признают как критики Сталина, так и подавляющее большинство его сторонников и поклонников. Лишь некоторые из наиболее рьяных (как бы сказали сейчас, упертых) апологетов вождя придерживаются позиции, согласно которой все, что было сделано Сталиным перед войной, было правильно и что сделано было буквально все возможное. Подобная позиция представляется мне ошибочной априори, ибо идеальной картины подготовки страны к отражению агрессии никто не может нарисовать даже при самом богатом воображении. Да и вообще, подготовка к большой войне относится к числу проблем, которые решить идеальным образом невозможно в силу природы самих этих проблем. Ибо не только трудно, но и практически невозможно предвидеть массу неожиданностей, и прежде всего со стороны противника, с которым приходится сталкиваться каждодневно в ходе большой войны.

Мне приходилось уже не раз подчеркивать, что главной целью Сталина был выигрыш времени. Но эта цель подчинялась главной задаче – устранить имеющиеся недостатки во всех сферах жизни страны – сугубо оборонной сфере, особенно в области производства новейших видов боевой техники и вооружений, военно-технической и производственной, экономической, в области обеспечения сырьевыми и продовольственными ресурсами, в плане подготовки кадров и специалистов различного профиля, прежде всего кадровых военных, в плане мобилизационной подготовки будущих бойцов и командиров, в сфере развития транспорта и возможно более быстрого

---

²⁷² «Независимая газета». 27 июня 2000 г.

перевода его в готовность в условиях войны. Можно перечислять много проблем, которые предстояло решить, причем в самом спешном, можно сказать, авральном порядке. Я уже не говорю о системе инженерно-технических мероприятий по созданию и оборудованию оборонительных и заградительных рубежей и укреплений, поскольку чуть позже я коснусь этого вопроса специально. С чисто военной точки зрения первостепенное значение имела разработка стратегических планов и планов мобилизационной готовности, которые составляли базу, на которой велась вся работа по практическому переводу страны на военные рельсы в случае войны. Хотя это сугубо специальные военные проблемы, на них также придется остановиться, ибо без их рассмотрения данная исключительно важная сфера деятельности Сталина оказалась бы вне поля зрения. Хочу сразу же оговориться, что все эти вопросы будут рассмотрены мной в конспективном ключе, поскольку сами по себе они весьма объемны и даже неохватны. Тем более, что по данной проблематике имеется весьма и весьма обширная, хотя и противоречивая литература, в которой этой стороне деятельности вождя уделяется большое внимание. Интересующийся читатель может обратиться к этой литературе. Я же лишь затрону наиболее существенные стороны этой проблемы, непосредственно относящиеся к данной сфере деятельности вождя. В основе моей позиции и выводов частично будут лежать уже достаточно аргументированные точки зрения, установившиеся в литературе о Сталине.

Если говорить в целом, то, повторяясь, следует констатировать, что Советская Россия оказалась в недостаточной мере подготовленной к началу войны. Сталин как высший руководитель, вне всяких сомнений, несет свою, и причем главную, долю ответственности за эту неполную готовность, а также за ряд весьма серьезных просчетов и ошибок, совершенных им самим или с его ведома другими, как накануне, так и в первые периоды войны. Нет ни оснований, ни смысла ни замалчивать или преуменьшать тяжесть этих ошибок, ни преувеличивать их. Они были велики и без всяких преувеличений! Поэтому следует блюсти меру и не нагнетать тучи и так над грозным горизонтом. Вместе с тем, возлагая – и по праву – основную ответственность за провалы, просчеты и ошибки лично на Сталина, нельзя представлять дело таким образом, что все остальные, в особенности высшие военные руководители, не должны нести своей – и немалой – доли исторической ответственности за то, что страна не встретила войну в полной готовности, а в начальный ее период понесла тяжелейшие потери и поражения. Как нарком обороны Тимошенко, так и начальник Генштаба Жуков, равно как и другие высшие военные руководители центрального аппарата, а также военных округов, соединений и подразделений армии, авиации и флота, целая когорта политработников, численность которых также была весьма велика, – все они несут свою долю ответственности. Нельзя всю вину возлагать на одного человека, ибо тогда мы превращаем его

из человека в некое подобие верховного божества.

Более или менее объективные авторы, пишущие о Сталине и его роли в войне, стремятся дать такие оценки и сделать такие выводы и заключения, которые могли бы вписаться в рамки исторической достоверности. Если так можно выразиться, война была не только тяжелейшим испытанием и в каком-то смысле пятном на облике Сталина как исторической фигуры, но и его звездным часом. И не только благодаря тому, что он оказался вождем победившей страны, но и благодаря своему огромному, почти неизмеримому личному вкладу в достижение этой победы. История, конечно, никогда не простит Сталину его ошибок и просчетов, связанных с войной. Но в не меньшей степени она никогда не забудет и его вклада в великую победу над гитлеровской Германией. То, что его имя навсегда ассоциировалось с победой, не служит оправданием его просчетов и ошибок. Эта истина одинаково правомерна и в обратном измерении. В этом и выражается внутренняя диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость не только течения исторических процессов, но и деятельности исторически масштабных фигур.

Между тем, рьяные противники Сталина игнорируют эту взаимосвязь, обусловленную самой историей. Они видят в деятельности вождя только непрерывную цепь преступлений, просчетов, не поддающихся оправданию ошибок и заблуждений. Едва ли есть смысл подробно перечислять все их обвинения, выдвигаемые против Сталина. Но некоторые наиболее существенные, видимо, стоит упомянуть, чтобы соблюсти верность принципу объективности. Так, российские исследователи В. Рапопорт и Ю. Геллер, возлагая главную вину за все неудачи на Сталина и подчеркивая, что предвоенные репрессии против военных сыграли здесь, по их мнению, решающую роль, особый акцент делают на том, что по вине Сталина и высших военных руководителей Тимошенко и Жукова перед началом войны были допущены следующие преступные деяния:

«Они пренебрегли многим, что входило в их прямые служебные обязанности. Они постыдно и безвольно шли за тираном по гибельному для Родины пути. Вот далеко не исчерпывающий перечень их ошибок:

До начала войны:

- 1) неверная оценка сил и намерений противника;
- 2) не был разработан план стратегического развертывания на случай войны;
- 3) войска западных округов не выводились на боевые позиции, они оставались на гарнизонном положении; командование округов не ориентировали на возможное близкое начало войны;
- 4) пренебрежение к пограничным укреплениям (старые разоружили прежде, чем были возведены новые);
- 5) пресекались даже элементарные меры предосторожности, принимаемые в войсках;

б) беспечность верхов простиралась столь далеко, что на случай войны в Москве не построили специально оборудованного командного пункта для Ставки;

7) самое главное: Тимошенко и Жуков не настояли на объявлении мобилизации. Это не поздно было сделать даже в начале июня. Такая мера безусловно расстроила бы планы немцев и могла вообще предотвратить нападение»²⁷³.

Как увидим в дальнейшем, отнюдь не все эти упреки безупречны, и тем более не все выглядело столь примитивно, как рисуют предвоенную обстановку авторы.

Начнем с того, что оценка сил и намерений противника не была столь уже безнадежно отсталой и некомпетентной. Так, например, в плане стратегического развертывания советских вооруженных сил от 11 марта 1941 г. четко указывались как главный противник, так и вероятная численность его сил, а также сил его возможных союзников. В документе говорилось:

I. Наши вероятные противники

Сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ.

Возможное вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность атаки и со стороны Японии наших дальневосточных границ.

Вооруженное нападение Германии на СССР может вовлечь в военный конфликт с нами Финляндию, Румынию, Венгрию и других союзников Германии.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе – против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на Востоке – против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение.

II. Вооруженные силы вероятных противников

Германия в настоящее время имеет развернутыми 225 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных дивизий, а всего до 260 дивизий, 20.000 полевых орудий всех калибров, 10.000 танков и до 15.000 самолетов, из них до 9.000 – 9.500 – боевых.

Из указанного количества дивизий 76 дивизий, из них до 6 танковых и 7 моторизованных, в настоящее время сосредоточены на наших границах и до 35 дивизий – в Румынии и Болгарии.

При условии окончания войны с Англией предположительно можно считать, что из имеющихся 260 дивизий Германией будут оставлены не менее

---

²⁷³ В. Рапопорт, Ю. Геллер . Измена Родине. М. 1995. С. 263 – 264.

35 дивизий в оккупированных и на границах с ними странах и до 25 дивизий в глубине страны.

Таким образом, до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных, будут направлены против наших границ.

Финляндия сможет выставить против Советского Союза до 18 пехотных дивизий.

Румыния в настоящее время имеет до 45 пехотных дивизий и 700 боевых самолетов, из них можно ожидать, что против Советского Союза будет использовано не менее 30 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, до 2.700 орудий всех калибров, 400 танков и 600 самолетов.

Венгрия сможет выставить против СССР до 20 пехотных дивизий, 2 мотобригад, 850 орудий, 350 танков и 500 боевых самолетов²⁷⁴.

Как видим, со стороны наркомата обороны и Генштаба имелись оценки вероятных противников и оценка их сил, что в целом соответствовало реальному положению дел. Был разработан и план стратегического развертывания наших вооруженных сил. Однако следует указать, что если в прежних таких планах направление главного удара противника против нашей страны определялось правильно, то в последнем плане, утвержденном в марте 1941 года, была допущена серьезнейшая ошибка (если ее так позволительно назвать) с определением главного удара гитлеровских войск. В нем констатировалось, что Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину²⁷⁵.

И здесь, видимо, главную ответственность должен нести Сталин, поскольку он при анализе стратегических планов Гитлера исходил из неверной предпосылки, что первой целью фюрера будет захват районов, богатых сырьевыми ресурсами и продовольствием, а потому, мол, Украина стоит здесь на переднем плане. Между тем, гитлеровское командование, исходя из указаний фюрера, ориентировалось прежде всего не на захвате районов, богатых ресурсами, а на разгроме главных сил Красной Армии и взятии Москвы. Мне думается, что старый опыт Гражданской войны сослужил здесь плохую службу Сталину, ибо он в какой-то мере проводил аналогию со своим планом разгрома Деникина. Словом, эта ошибка носила чрезвычайно серьезный характер и последствия ее оказались губительными для нас в первый период войны. Вина военных состояла в том, что они оказались не на высоте положения, т.к. не располагали разведывательными данными о направлении главного удара немецких полчищ, а во-вторых, не смогли настоять на том, что главный удар немцев будет в центре. А ведь в

---

²⁷⁴ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 741 – 742.

²⁷⁵ Там же. С. 743.

предшествующих планах стратегического развертывания именно так и предполагалось.

Рассматривая вопрос о стратегических просчетах Сталина как высшего должностного лица в стране, неправомерно было бы сваливать всю вину на него одного. Хотя подчеркну еще раз – главная доля ответственности, несомненно, лежит на нем. Вместе с тем, исходя из его положения как верховного вершителя всех судеб, в том числе и в военных вопросах, нельзя сбрасывать со счета и ошибок высших военачальников, которые в силу серьезности ситуации обязаны были проявлять твердость в отстаивании своего мнения. Сталин, по многочисленным отзывам лично знавших его людей достаточно близко, отнюдь не отвергал с порога, а тем более немотивированно, мнения военных специалистов, в том числе и накануне войны. Иными словами, наши просчеты, особенно в определении направления главного удара немцев, – это, пожалуй, не менее важный элемент, чем даже сведения о предстоящем нападении Гитлера на Советский Союз. Есть определенные основания считать, что просчет в определении главного направления удара немцев нанес гораздо больше вреда, чем так называемая версия о внезапности гитлеровского нашествия на Россию. Но оставим этот вопрос на суд военных специалистов, которым, как говорится, виднее. Мое дилетантское суждение в данном случае – всего лишь одно из предположений.

Наркомат обороны и Генштаб в декабре 1940 года провели военно-стратегическую игру, цель которой состояла в проверке реальности и целесообразности основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны. Причем во всех материалах, подготовленных для этой большой игры, в значительной степени были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе. Как повествует в своих воспоминаниях Жуков – «синяя» сторона (это были немцы) выступала в роли нападающей, а «красная» сторона (Советская Армия) в роли обороняющейся. Игра сложилась для «красных» неудачно и изобиловала драматическими моментами, оказавшимися во многом схожими с теми, которые возникли после нападения фашистской Германии. По предложению Сталина разбор игры проводился в Кремле. В ходе этого разбора вождь выразил свое недовольство действиями «красных» и потребовал соответствующих объяснений. «Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе „синих“ в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей „красных“, остановил его, заявив:

– Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск»²⁷⁶.

---

²⁷⁶ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 208.

Далее Сталин спросил генерал-полковника Д.Г. Павлова, который руководил действиями «красных»:

«– В чем кроются причины неудачных действий войск „красной“ стороны?»

Д.Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И.В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

– Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось»²⁷⁷.

На разборе итогов военно-стратегической игры Сталин подверг резкой критике взгляды тех, кто отстаивал отжившие и явно устаревшие взгляды на ведение войны и роль в войне тех или иных видов и родов войск. В частности, он заявил, что победа в войне будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

По указанию Сталина с 23 по 31 декабря 1940 г. состоялось совещание высшего командного и политического состава РККА (всего 270 человек). На этом совещании были заслушаны доклады по актуальным проблемам военного строительства и ведения наступательных и оборонительных операций, а также ряду других проблем. Сталин лично не участвовал в совещании, но ему регулярно докладывали о его ходе. По итогам совещания выступил нарком обороны Тимошенко. Он сделал ряд выводов, которые, с точки зрения ретроспективного подхода, содержали ряд правильных положений, учитывавших опыт войны на Западе. Но в его выступлении были и весьма сомнительные выводы. В частности, он заявил: «1. Опыт последних войн и особенно западноевропейской войны 1939 – 1940 гг. показывает, что в области военного искусства происходят большие сдвиги, обусловленные применением новых и усовершенствованием известных ранее боевых средств вооруженной борьбы.

2. *В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового* (выделено мной – Н.К.). Но в области оперативного искусства, в области фронтовой и армейской операции происходят крупные изменения.

Прежде всего важно отметить, что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными и посадочными десантами и массовой авиацией, обеспечило, помимо прочих причин, высокий темп и силу современного оперативного наступления»²⁷⁸.

---

²⁷⁷ Там же. С. 208.

²⁷⁸ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 471.

По оценке специалистов, да и с позиций здравого смысла, утверждение, будто в смысле стратегического творчества война в Европе не дает ничего нового, является совершенно необоснованной, что потом пришлось, как говорится, на собственной шкуре испытать советским военачальникам. Им следовало, конечно, не так нигилистически подходить к стратегическим новациям, которые внесли в мировую практику ведения войны немецкие генералы. Здесь, видимо, дали себя знать элементы зазнайства и высокомерия, которыми были отчасти заражены и высшие воинские начальники Красной Армии.

Совершенно очевидно, что результаты военной игры и военного совещания, которые можно объединить в одно целое, не могли не вызвать у Сталина тревоги. Он решил произвести радикальные перестановки в кадрах высшего военного руководства. Постановлением Политбюро от 14 января 1941 года начальником Генерального Штаба был назначен Г.К. Жуков. Одновременно произошла перетряска командующих военных округов²⁷⁹. Эта мера – явно назревшая – призвана была повысить уровень военного руководства как в центре, так и в округах. Данный факт однозначно свидетельствовал о том, что Сталин видел серьезные изъяны в организации руководства войсками и предпринимал необходимые шаги к исправлению положения, исходя из того, что военная опасность принимает все более четкие очертания.

Вполне естественно, что особое внимание уделялось развитию оборонной промышленности. Жуков специально отмечает роль Сталина в этом деле (хотя надо сказать, что его книга появилась тогда, когда Сталина уже перестали обличать в печати, но и особенно не хвалили, сводя дело лишь к малосодержательным стандартным формулам). Жуков писал: «Должен сказать, что И.В. Сталин сам вел большую работу с оборонными предприятиями, хорошо знал десятки директоров заводов, парторгов, главных инженеров, встречался с ними, добиваясь с присущей ему настойчивостью выполнения намеченных планов. Таким образом, с экономической точки зрения налицо был факт неуклонного и быстрого, я бы даже сказал форсированного, развития оборонной промышленности.

При этом не следует забывать, что, во-первых, этот гигантский рост в значительной степени достигался ценой исключительного трудового напряжения масс, во-вторых, он во многом происходил за счет развития легкой промышленности и других отраслей, непосредственно снабжавших население продуктами и товарами. Точно так же необходимо иметь в виду, что подъем тяжелой и оборонной промышленности происходил в условиях мирной экономики, в рамках миролюбивого, а не военизированного

---

²⁷⁹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 537.

государства»²⁸⁰.

Едва ли есть необходимость углубляться в детали, ведя речь об оснащенности Красной Армии и ВМФ основными видами вооружений и техники, имея в виду сопоставление по этим параметрам с германскими вооруженными силами. Но некоторые данные привести все же целесообразно, чтобы не сложилось впечатление, будто к войне наша страна подошла чуть ли не с голыми руками. Конечно, по качеству основная масса наших танков и самолетов уступала немецким. Однако уже были сконструированы и пущены в производство новые виды вооружений и техники, в частности танк Т-34, новые самолеты, минометы и другие виды оружия. Я приведу некоторые обобщающие цифры, взятые из официальных (тогда, разумеется, совершенно секретных) документов военного ведомства.

Танки: тяжелые (КВ, Т-35) – 299; тогда как согласно плану развертывания необходимо было 3.907 штук. В 1941 году намечалось поступление на вооружение таких танков 900. Средние танки (Т-34, Т-28) – на 1 января 1941 г. было всего 562 штуки, из них Т-28 – 447 штук. Ориентировочно от промышленности в 1941 году намечалось получить 2.500 штук средних танков. Зато с легкими танками положение складывалось более чем отрадное: легких БТ – 10.942 штук. Легких огнеметных танков – 3.546. Всего танков было в наличии на 1 января 1941 года 36.879 штук²⁸¹.

Казалось бы, число впечатляющее. Однако оснований для успокоения, а тем более для уверенности не имелось, ибо современных, отвечающих требованиям ведения боевых действий против такого противника, как Германия, танков было ничтожно мало.

Примерно аналогичное положение было и с авиацией. Всего было в наличии на 1 января 1941 г. 14.954 самолета всех типов во фронтовой авиации и 11.438 – в тыловой авиации. Однако качество самолетов, особенно истребителей и штурмовиков, а также и тяжелых бомбардировщиков оставляло желать лучшего. Всего было 26.392 самолета, а потребность определялась в 32.628 самолетах²⁸².

В мобилизационном плане на 41 год предусматривалось установить численность Красной Армии при проведении общей мобилизации всех округов около 8,7 миллиона человек. Тяжелых танков – около 4 тыс., средних (Т-34 и Т-28) – 12.843 штуки²⁸³.

---

²⁸⁰ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 213 – 214.

²⁸¹ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 619 – 620.

²⁸² 1941 год. Документы. Книга первая. 620 – 621.

²⁸³ Там же. 642 – 643.

А по агентурным сообщениям ГРУ, германское командование изыскивало все меры к максимальному увеличению уже имеющейся 8-миллионной армии. Сюда нужно приплюсовать также и силы вероятных союзников Германии – Румынии (на начало 41 года она располагала армией в 400 – 450 тыс. человек и могла быть довольно быстро увеличена до миллиона человек). Надо учитывать было и вооруженные силы Финляндии, Италии, Словакии, а также вооруженных сил оккупированных Германией стран, которые могли выставить значительное число дивизий.

Сталину некоторые авторы ставят в вину, что плохо обстояло дело с мобилизационными планами. На самом деле, по официальным источникам, положение было таково.

Мобилизационные планы составляют одну из основ обороноспособности любого государства. Они предусматривают планомерный и своевременный переход с организации и штатов армии мирного времени на организацию и штаты военного времени. Эту задачу в предвоенный период Красная Армия решала в сложных условиях – с мая 1940 до июня 1941 года мобпланы перерабатывались **четыре** раза. Если учесть, что на разработки необходимой мобилизационной документации требовалось не менее 9 месяцев, то неудивительно, что к началу войны эта работа не была завершена. Некоторые важные элементы, например, мобилизационные планы развертывания военной промышленности, пролежавшие больше месяца в столе Председателя Комитета обороны К.Е. Ворошилова, так и не были утверждены.

Мобилизационные возможности СССР определялись общими условиями третьей пятилетки (1938 – 1942). В августе 1940 года было принято решение о разработке первого плана МП-41, согласно которому Вооруженные силы после отмобилизования должны были насчитывать 8,7 миллиона человек (206 дивизий). Однако эти цифры были вскоре увеличены до 8,9 млн. человек (303 дивизии). Это увеличение совпало с реорганизацией большинства соединений, в результате чего в большинстве войсковых частей и соединений возник большой некомплект. Появилось большое количество небоеспособных или ограниченно боеспособных соединений и частей. Те же части, которые были обращены на формирование новых соединений, утратили свою боеспособность. Полное обеспечение вооружением новых соединений МП-41 предусматривалось лишь через 5 лет.

Значительным просчетом мобилизационных планов было предположение, что противнику после нападения на СССР потребуется до 15 суток для своего стратегического развертывания. В действительности вермахт напал в состоянии уже произведенного полного развертывания. Советские планы предусматривали, что первый эшелон советских войск будет иметь на отмобилизование 1 – 3 суток, второй эшелон (все танковые части, большинство стрелковых дивизий) – от 8 до 5 суток. Эти сроки

оказались нереальными²⁸⁴.

Когда мы оцениваем боеготовность Красной Армии к войне и возлагаем всю ответственность на Сталина, мы не должны упускать из поля зрения один фундаментальный факт, который объясняет многое, если не все: суть проблемы состояла не в репрессиях, предпринятых против военных во второй половине 30-х годов и не в недостаточной подготовленности командного состава (хотя эти факторы сыграли свою безусловно отрицательную роль). То, что наша армия оказалась далеко не в нужной мере подготовленной к войне с германским вермахтом, в решающей степени объясняется тем, что в течение 1939 – 1941 гг. она возросла в 3 раза – с 1,9 млн. чел. на 24.02.1939 г. до 5,8 млн. чел. на 22.06.1941 г.²⁸⁵

Не стану распространяться на тему старых укрепленных районов (УРов). Эта проблема – одна из многих, которую ставят в прямую вину Сталину: мол, старые укрепрайоны ликвидировали, а новые не успели создать. Сошлюсь здесь опять-таки на такую, безусловно, одну из самых авторитетных фигур в данном вопросе, каким является Г.К. Жуков. Он писал: «В отношении приведения в боевую готовность вооружений УРОВских дотов и дзотов на рубежах старой государственной границы был допущен просчет во времени. Директива Генштаба требовала приведения их в боевую готовность на десятый день начала войны. Но фактически многие рубежи УРов были захвачены противником раньше этого срока.

УРЫ на старой государственной границе не были ликвидированы и полностью разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках. Они были в основном сохранены на всех важнейших участках и направлениях, и имелось в виду дополнительно их усилить. Но ход боевых действий в начале войны не позволил полностью осуществить задуманные меры и должным образом использовать старые укрепленные районы»²⁸⁶.

Как видим, даже самое поверхностное ознакомление с некоторыми важными фактами, касающимися подготовки страны к войне, создает впечатление сложной, мозаичной картины. Сталин, конечно, допускал в руководстве военным строительством серьезные ошибки и промахи. И главная из них, на мой взгляд, заключалась в том, что он считал возможным выиграть хотя бы еще один, роковой 41 год, чтобы лучше подготовиться к отпору со стороны гитлеровских полчищ. Он не был в полной мере уверен в

---

²⁸⁴ 1941 год. Документы. Книга первая. С. 689 – 690.

²⁸⁵ «Отечественные записки». (Приложение к газете «Советская Россия») 8 декабря 2005 г.

²⁸⁶ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1995. С. 350 – 352.

боеготовности Красной Армии и полагал, что необходимо с максимальной интенсивностью использовать оставшееся время для ликвидации недостатков в военном деле. К тому же, большую ставку он делал на то, что новые виды боевой техники, которые уже начали поступать на вооружение, серьезно изменят соотношение сил и укрепят позиции Советской России. Расчеты, конечно, были логичными, но их самым уязвимым местом являлся дефицит, а точнее, отсутствие времени. Время стало решающим фактором успехов на первом этапе войны.

В контексте сказанного резонной представляется оценка, данная И. Дойчером: «Сталин использовал двадцать два месяца отсрочки для интенсивного развития российских военных отраслей промышленности и для переквалификации вооруженных сил в свете нового военного опыта. Но Гитлер также использовал те же двадцать два месяца. Освобожденный от кошмара войны на два фронта, он поработил почти всю Европу и использовал экономические ресурсы и трудовые ресурсы дюжины стран для работы на немецкую военную машину»²⁸⁷.

Разумеется, мнение И. Дойчера трудно оспорить, да и в этом нет особой нужды. Важно здесь подчеркнуть другое: сам Гитлер уже после начала войны с Советским Союзом с большой тревогой и озабоченностью говорил о том, что каждый год промедления с нападением на Советскую Россию делает шансы на победу в этой войне иллюзорными для Германии. Вот что он говорил в июле 1942 года в узком кругу своих приспешников:

«После ужина шеф в беседе исходил из того положения, что Советы представляли бы для нас страшную опасность, если бы им удалось с помощью выдвинутого КПГ лозунга „Не бывать больше войне!“ убить в немецком народе солдатский дух. Ведь в то же самое время, когда они у нас с помощью коммунистического террора, прессы, забастовок, короче говоря, всеми средствами боролись за победу пацифизма, у себя в России они создали невероятно мощную военную промышленность.

Невзирая на то, что в Германии они всячески пропагандировали слюнявый гуманизм, у себя они удивительнейшим образом сумели использовать рабочую силу и, развернув стахановское движение, приучили советских рабочих работать не только быстрее, чем средний рабочий в Германии и капиталистических государствах, но также и продолжительнее по времени.

И чем больше мы узнаем о том, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся тому, что вовремя нанесли решительный удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постепенно становились бы все более и более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением

---

²⁸⁷ *Isaac Deutscher* . Stalin. p. 447.

обладали бы Советы, а Европа в то же самое время окончательно бы деградировала и, оказавшись совершенно беззащитной, превратилась бы в объект советской экспансии, направленной на установление мирового господства.

И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии – наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своем роде он просто гениальный тип. Его идеал – Чингисхан и ему подобные, о них он знает буквально все, а его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь наши четырехлетние планы»²⁸⁸.

Едва ли есть особая нужда комментировать данное высказывание фашистского фюрера. Но одно замечание сделать следует: он прекрасно понимал, что время работает на Советскую Россию, на Сталина. Собственно, шло соревнование за выигрыш времени, ибо само время превратилось в важнейший стратегический фактор, самым непосредственным образом влиявший на конечные итоги исторического противоборства двух диаметрально противоположных сил – социализма и фашизма. Что же касается утверждений фюрера о стремлении Сталина установить мировое господство, то это – уже из области фантастических устремлений самого германского фюрера. Ко времени начала второй мировой войны Сталин уже окончательно похоронил идею мировой революции. Что же касается планов установления мирового господства России, то советский лидер не отличался безумной иллюзией в середине XX века ставить перед страной такую заранее обреченную на неизбежное фиаско цель, как установление мирового господства. Он был реальным политиком и мыслил реальными категориями, а не бредовыми идеями, свойственными фашистскому фюреру. Конечно, он стремился не упустить любую возможность упрочить международное положение и роль СССР в мире. Однако ни о каком-либо мировом господстве речи не было и не могло быть. Сама эпоха, реальное положение в мире делали идею мирового господства какого-либо отдельного государства не только нереальной, но и крайне авантюристической. Вообще говоря, идея установления каким-либо государством мирового господства в эпоху, когда сложилась довольно стройная система самостоятельных государств, представляется анахроничной, она чем-то напоминает эпоху Древнего Рима. Да, и к слову сказать, и тогда Риму не удалось установить безраздельное мировое господство. То же самое, но с еще большим основанием, можно сказать о периоде завоеваний Чингисхана.

---

²⁸⁸ Генри Пикер. Застольные разговоры Гитлера. С. 450 – 451.

В данном разделе, разумеется, нет возможности подробно осветить широкомасштабную деятельность Сталина и вообще всего советского руководства по подготовке к войне в сфере промышленности, сельского хозяйства, науки, техники, подготовки кадров специалистов, ликвидации имевшихся недостатков в организации и руководстве экономической жизнью страны в целом, мерах по приведению страны в состояние мобилизационной готовности. Остановлюсь лишь на некоторых наиболее существенных аспектах перечисленных проблем.

Для успешной работы промышленности и транспорта требовалось не только обеспечить их квалифицированными кадрами, но и ликвидировать текучесть рабочей силы, укрепить трудовую дисциплину. В конце 1938 года были приняты постановления: «О введении трудовых книжек» и «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле».

Обострение международной обстановки диктовало также необходимость принять ряд дополнительных мер для повышения мобилизационной готовности советской промышленности. В связи с этим Политбюро ЦК партии в июне 1940 года рассмотрело вопрос о режиме рабочего времени. В соответствии с решением Политбюро был принят указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»²⁸⁹. Одновременно были приняты меры и по повышению заинтересованности людей в своем труде. Для поощрения наиболее отличившихся в труде по предложению Политбюро ЦК в декабре 1938 года был введен знак высшей степени отличия – звание Героя Социалистического Труда. Одновременно были учреждены медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Принятые меры и самоотверженный труд советских людей приносили свои плоды. Так, в 1940 году добыча угля по сравнению с началом пятилетки поднялась более чем на треть, достигнув 166 миллионов тонн. Большое внимание уделялось таким ключевым для обороны страны отраслям, как нефтяная промышленность. В январе 1940 года Политбюро ЦК приняло решение о повышении добычи и переработки нефти в Азербайджане. Активно велась разработка новых мощных нефтяных месторождений в районе между Волгой и Уралом – «Втором Баку». В районе «Второго Баку» добыча нефти за годы третьей пятилетки выросла почти в два раза. В первой половине 1941 года восточные районы дали более 12 процентов общесоюзной добычи. В стране среднесуточная добыча нефти к этому времени почти на одну четверть превысила уровень первого полугодия 1937 года.

---

²⁸⁹ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. М. 1970. С. 35.

Топливо-энергетическая база страны развивалась также путем создания новых энергетических мощностей. Наряду с сооружением крупных гидроэлектростанций развернулось строительство небольших и средних, которые быстро вводились в эксплуатацию. Вступил в строй ряд тепловых электростанций на востоке страны. Выработка электроэнергии на Урале увеличилась за годы пятилетки более чем на треть. Производство электроэнергии в стране превысило в 1940 году 48 миллиардов киловатт-часов, а общая мощность электростанций за три года возросла на 36 процентов. Принимались энергичные меры для подъема черной металлургии. На это было направлено принятое в 1940 году постановление ЦК партии и правительства «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката», а также ряд других решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР²⁹⁰.

В преддверии войны значительное увеличение мощностей черной металлургии, особенно на Востоке, рост производительности труда, распространение опыта передовых коллективов металлургов создавали благоприятные условия для роста производства металла. В 1940 году Советская страна получила около 15 миллионов тонн чугуна, 18 – стали и 13 – проката. Наиболее высокими темпами продолжало развиваться, особенно на востоке страны, машиностроение. Объем его продукции за три года возрос на 76 процентов. Значительно увеличилось производство оборудования для металлургии и топливо-энергетической промышленности, росло станкостроение и производство инструментов, сельскохозяйственное и транспортное машиностроение. Машиностроение достигло к лету 1941 года такого уровня, который позволял Советскому Союзу удовлетворять основные потребности в машинах и оборудовании за счет отечественного производства и даже самому экспортировать некоторые станки и машины. Мощная, оснащенная новейшей техникой машиностроительная промышленность могла обеспечить необходимый уровень военного производства.

Заметное развитие получила за годы пятилетки химическая промышленность. Валовая продукция ее выросла за три с половиной года в 1,6 раза. Особенно хороших показателей добились советские химики в производстве синтетического каучука²⁹¹.

За годы третьей пятилетки в строй вступило 2.900 новых заводов, фабрик, шахт, электростанций и других предприятий. Валовая продукция промышленности в 1940 году увеличилась по сравнению с 1937 годом на 45 процентов. Среднегодовой темп роста промышленной продукции в третью пятилетку составил 13 процентов. Таких показателей не знала ни одна из

---

²⁹⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 38.

²⁹¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 40.

крупных капиталистических стран²⁹².

Громадное внимание уделялось проблемам развития сельского хозяйства. Усилия в этой сфере были подчинены главному – решению зерновой и животноводческой проблем. От этого зависели и уровень народного потребления, и расширение сырьевой базы для промышленности, и создание продовольственных резервов на случай войны.

Важное значение в решении зерновой проблемы имело расширение посевов зерновых культур на востоке страны – в Сибири и Казахстане. К началу 1941 года посевная площадь здесь увеличилась в 1,8 раза по сравнению с 1913 годом. Районы Сибири и Казахстана превращались в крупную житницу Советского Союза. Валовой сбор зерна в стране в 1940 году достиг 95,5 миллиона тонн и был на 30 миллионов тонн выше, чем в 1913 году, товарная же продукция зерновых составила 38,3 миллиона тонн.

Однако зерновая проблема не была еще решена. Страна нуждалась в дальнейшем увеличении производства зерна. Потребность в зерне возрастала в силу ряда причин: значительно выросло за годы пятилеток городское население; от производства зерна зависело дальнейшее развитие животноводства; нужно было увеличивать запасы зерна на случай войны.

Много внимания в годы третьей пятилетки уделялось производству технических культур. Был принят ряд постановлений, предусматривавших развитие хлопководства, увеличение посевов сахарной свеклы и других технических культур. Производство хлопка-сырца составило в 1940 году 2,24 миллиона тонн, а сахарной свеклы – 18 миллионов тонн²⁹³.

Излишне говорить о том, что на переднем плане стояли и вопросы развития образования, науки, культуры, подготовки новых кадров, в которых остро нуждалась развивавшаяся стремительными темпами экономика страны. В ряды советской интеллигенции вливались сотни тысяч молодых специалистов – вчерашних рабочих и колхозников. Значительно выросла интеллигенция национальных республик. К началу 1941 года в народном хозяйстве работало 2,4 миллиона специалистов с высшим и средним специальным образованием.

На передовые рубежи уверенно выходила советская наука. Крупные успехи были достигнуты в области физики атомного ядра. Развернулись работы по созданию гигантского циклотрона для исследований атомных реакций. Значительными достижениями были отмечены эти годы и в других важнейших отраслях науки. В стране трудилась в 1941 году почти стотысячная армия научных работников.

За годы третьей пятилетки значительно увеличилось число вузов,

---

²⁹² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 41.

²⁹³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 50 – 51.

техникумов и контингент учащихся в них. В Советском Союзе в 1941 году было больше студентов, чем в Англии, Германии, Франции, Италии, Японии, вместе взятых²⁹⁴.

Приведенные выше некоторые обобщающие цифры и факты говорят сами за себя: вся страна трудилась не покладая рук. Советский народ и его лидер прекрасно понимали, что укрепление экономической мощи страны является единственным надежным гарантом ее свободы и независимости. Пакты – пактами, а укрепление оборонного могущества государства – это главное!

Этому была подчинена работа и **XVIII партийной конференции**, проходившей в Москве 15 – 20 февраля 1941 г. В центре ее внимания было ускоренное развитие социалистической индустрии, в первую очередь тех отраслей, от которых зависела оборонная мощь страны. «Промышленность была и есть база оборонной мощи нашей страны. В современной международной обстановке, – отмечалось в решении конференции, – перед нашей промышленностью, перед всеми ее отраслями стоят ответственные задачи. Она должна работать исключительно организованно, максимально производительно. Переоборудованная на новой современной технической базе, обеспеченная собственными источниками всех видов промышленного сырья, наша промышленность может и должна работать значительно лучше и давать продукцию по всем отраслям гораздо больше и более высокого качества, чем сейчас»²⁹⁵.

В условиях начавшейся второй мировой войны и нависшей над страной прямой угрозы военной агрессии конференция указала на необходимость сосредоточить максимум внимания на работе промышленности и транспорта, улучшить партийное руководство этими важными для обороны отраслями экономики.

В докладах «О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта» (докладчик Г.М. Маленков) и «Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год» (докладчик Н.А. Вознесенский), в выступлениях делегатов были отмечены успехи, достигнутые за три года пятилетки, особенно во второй половине 1940 года. Вместе с тем конференция вскрыла недостатки, мешавшие более быстрому подъему промышленности и транспорта. Конференция разработала политические и организационно-хозяйственные меры, являвшиеся по сути подготовительными для перевода промышленности и транспорта на военные рельсы.

---

²⁹⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 55 – 56.

²⁹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М. 1953. С. 978.

Конференция приняла план развития народного хозяйства на 1941 год, составленный в соответствии с основными задачами третьей пятилетки. Рост промышленной продукции по сравнению с 1940 годом предполагался на 17 – 18 процентов. Предусматривался большой объем капитального строительства, особенно в восточных районах страны. Более напряженный по сравнению с предыдущим годом план исходил из задач закрепления самостоятельности и независимости социалистической экономики в условиях начавшейся второй мировой войны и необходимости держать страну в мобилизационной готовности. Планом намечалось развитие решающих для обороны отраслей народного хозяйства, создание государственных резервов и мобилизационных запасов.

XVIII Всесоюзная партийная конференция имела исключительно важное значение для укрепления оборонного могущества Советской России. Результаты осуществления ее решений в полной мере проявились во время войны и показали, что система руководства промышленностью и транспортом была подготовлена к решению военно-хозяйственных задач²⁹⁶.

Перечисляя все эти позитивные моменты, ошибочно было бы полагать, что все шло как по маслу. Недостатков и проблем было более чем достаточно. Не буду их перечислять. Приведу лишь весьма любопытную оценку, данную автором исследования истории КПСС Л. Шапиро. Он писал: «Дискуссии, имевшие место на этой конференции, и принятые решения снова проиллюстрировали, хотя и не разрешили, трудности, неизбежно возникающие в рамках системы, имеющей две параллельные организации для административного контроля – партийный и государственный аппарат. Конференция затронула также другую извечную проблему – враждебное отношение директора предприятия к партийным пропагандистским собраниям, которые, с его точки зрения, лишь отнимали драгоценное рабочее время, не принося никакой зримой пользы. Партийным организациям отныне было приказано проводить свою политическую работу в нерабочее время»²⁹⁷.

Не будет излишним привести и общую оценку проблемы готовности к войне Советского Союза и степени ответственности за все имевшиеся недостатки и промахи в этом чрезвычайно важном деле самого Сталина. По данному вопросу Л. Шапиро писал следующее: «После смерти Сталина его преемники пытались возложить на него вину за неподготовленность России, утверждая, что он проявил непредусмотрительность, игнорируя неоднократные предостережения своих военных советников и

---

²⁹⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 42 – 45.

²⁹⁷ *Лернанд Шапиро*. Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуск второй. М. 1961. С. 219.

дипломатических представителей за границей о предстоящем германском вторжении. То, что страна в дальнейшем восстановила свою способность к сопротивлению, соответственно, изображается как заслуга „партии“. Однако, несмотря на огромную личную власть Сталина в эти годы, такая точка зрения представляется слишком упрощенной. Ибо, во-первых, тот факт, что страна оказалась не подготовленной к возможной войне с Германией, был не столько промахом Сталина, сколько следствием характерных особенностей тоталитарного режима: заставив весь аппарат по контролю над умами работать в том направлении, чтобы сделать для народа приемлемым внезапный пакт с Гитлером, невозможно было одновременно готовить страну к войне, которая, как предполагалось до сих пор, была предотвращена благодаря мудрости государственных руководителей. И, во-вторых, если даже неподготовленность России была результатом непредусмотрительности одного человека, то едва ли „партия“ могла уйти от ответственности за то, что она отдала, таким образом, свои судьбы в руки диктатора, над которым не могла осуществлять никакого контроля»²⁹⁸.

Конечно, не все, сказанное Л. Шапиро, отвечает истине. Однако здоровое зерно в его суждениях, бесспорно, имеется, и это надо признать не только критикам Сталина, но и его защитникам.

Однако вернемся к незавершенной еще теме XVIII партконференции. Помимо вопросов экономики и партийной работы, конференция уделила внимание и кадровым проблемам. Конечно, инициатором постановки этих проблем был сам генсек. В состав ЦК (в качестве членов и кандидатов) на конференции было введено немало военных, что свидетельствовало о том, что Сталин решил придать военной верхушке больший вес и авторитет в партии. В частности, кандидатами в члены ЦК были избраны Г.К. Жуков, И.В. Тюленев, М.П. Кирпонос, И.С. Юмашев, Ф. Трибуц, Ф.С. Октябрьский. Пополнились руководящие органы ЦК новыми членами и кандидатами из числа партийных и советских работников, в частности, в них были введены Г.Ф. Александров (будущий руководитель управления пропаганды ЦК партии), О.В. Куусинен (видный деятель Коминтерна и лидер карело-финских коммунистов), Н.С. Патоличев (в будущем секретарь ЦК и руководитель парторганизации Белоруссии), Г.М. Попов (будущий первый секретарь МК партии), М.М. Родионов (будущий председатель Совмина РСФСР) и ряд других.

Наряду с этим из числа членов и кандидатов ЦК были выведены лица, которым вменялись в вину серьезные недостатки в работе и проведении партийной линии. В их числе оказался и М.М. Литвинов. Следует заметить, что над ним давно уже сгущались политические тучи, и причина лежала в политической плоскости, а не в самой личности Литвинова. Обстоятельства

---

²⁹⁸ *Лернард Шапиро*. Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуск второй. М. 1961. С. 219 – 220.

его исключения из состава ЦК обрисованы в книге о нем следующим образом. При обсуждении вопроса о его выводе из ЦК он повел себя достаточно решительно, видимо, понимая, что покорно воспринимать происходившее – значило для него иметь перед собой еще более мрачную перспективу.

«На пленуме ЦК Литвинов остался верен себе. Он взял слово:

– Мое более чем сорокалетнее пребывание в партии дает мне право и обязывает меня сказать здесь откровенно все, что я думаю по поводу происшедшего. Я не понимаю, почему обо мне стоит вопрос в той плоскости, в которой это было доложено.

Далее он говорил о необходимости и возможности если и не избежать войны, то оттянуть ее, изложил свои мысли о политике Советского Союза в отношении Англии и Франции. Сказал, что Германия нападет на Советский Союз. Он в этом глубоко убежден...

Речь Литвинова длилась десять минут в полной тишине. Лишь Молотов бросал реплики, пытался прервать Литвинова. Сталин, попыхивая трубкой, медленно прохаживался вдоль стола президиума.

Как только Литвинов умолк, начал говорить Сталин. Он резко отмел все, что сказал Литвинов.

Когда Сталин закончил свою речь, Литвинов прямо спросил у него:

– Так что же, вы считаете меня врагом народа?

Сталин остановился. Медленно, растягивая слова, сказал:

– Врагом народа не считаем, Папашу (такова была партийная кличка Литвинова со времен подполья – Н.К.) считаем честным революционером...»²⁹⁹.

Я не стану перечислять других лиц, ставших жертвами этой «мягкой» мини-чистки. Замечу лишь, что брат Л.М. Кагановича – М.М. Каганович, незадолго до конференции снятый с поста наркома авиационной промышленности, был предупрежден, что если «не выполнит поручения партии и правительства, то будет выведен из состава членов ЦК и снят с руководящей работы». Вскоре он покончил жизнь самоубийством³⁰⁰.

Но, пожалуй, более важным моментом в кадровых перестановках было пополнение состава Политбюро новыми кандидатами, которым суждено было в дальнейшем сыграть важную роль в проведении сталинского политического курса во время и после войны. Инициатором пополнения состава ПБ был, разумеется, сам Сталин. Весьма характерной выглядит его аргументация предложения на пленуме ЦК, утверждавшем решения

---

²⁹⁹ З. Шейнис. Максим Максимович Литвинов: Революционер, дипломат, человек. М. 1989. С. 367 – 368.

³⁰⁰ «Известия ЦК КПСС». 1990 г. № 7. С. 98.

конференции:

«СТАЛИН. Мы здесь совещались, члены Политбюро и некоторые члены ЦК, пришли к такому выводу, что хорошо было бы расширить состав хотя бы кандидатов в члены Политбюро. Теперь в Политбюро стариков немало набралось, людей уходящих, а надо, чтобы кто-либо другой помоложе был подобран, чтобы они подучились и были, в случае чего, готовы занять их место. Речь идет к тому, что надо расширить круг людей, работающих в Политбюро.

Конкретно это свелось к тому, что у нас сложилось такое мнение – хорошо было бы сейчас добавить. Сейчас 2 кандидата в Политбюро. Первый кандидат Берия и второй Шверник. Хорошо было бы довести до пяти, трех еще добавить, чтобы они помогали членам Политбюро работать. Скажем, неплохо было бы тов. Вознесенского в кандидаты в члены Политбюро ввести, заслуживает он это, Щербакова – первого секретаря Московской области и Маленкова – третьего. Я думаю, хорошо было бы их включить»³⁰¹.

Конечно, решающим мотивом являлось не так называемое омоложение ПБ, а прежде всего выдвижение людей, на которых вождь мог вполне положиться в выполнении задач, которые неизбежно будут вставать в связи с приближавшейся войной. Вознесенский проявил себя как одаренный организатор и руководитель промышленности, прекрасный знаток экономических вопросов. Маленков же был особенно полезен в качестве человека, который хорошо знал партийные кадры и мог в этом своем качестве быть чрезвычайно полезным для Сталина. Словом, некоторые кадровые перестановки в высшем партийном эшелоне власти носили достаточно скромный характер и не предвещали собой прелюдию каких-то кардинальных перемен. Так что слова вождя об «уходящих людях» в ПБ едва ли стоило принимать всерьез. К тому времени состав ПБ был достаточно стабилен и во всем послушен Сталину и для пересмотра существовавшего положения не имелось серьезных причин. В литературе о Сталине бытует мнение, согласно которому старые соратники вождя считались сталинистами, а новые, вроде Хрущева, Берии, Маленкова, Вознесенского и некоторых других, получили своеобразный титул неосталинистов. Думается, что подобная градация довольно условна.

Можно без всяких преувеличений констатировать, что к началу Великой Отечественной войны состав высшего партийного руководства был вполне стабильным. Другой вопрос в том, насколько он окажется дееспособным и эффективным в условиях войны. Но об этом речь пойдет в следующих главах.

---

³⁰¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М. 1995. С. 171 – 172.

5. Отсчет пошел на недели и дни

Сейчас, из глубины прошедших лет, последние предвоенные недели кому-то кажутся цепью сплошных просчетов и непоправимых ошибок, допущенных Сталиным и вообще всем советским государственным и партийным руководством. Мол, многое можно было сделать иначе и тогда события развивались бы совершенно в ином русле – не было бы столь тяжелых потерь в первоначальный период Великой Отечественной войны. Неоспоримая логика и определенный резон в такой постановке вопроса, безусловно, есть. Однако, если оценивать ситуацию в более широком контексте, то лично мне кажется, что за несколько оставшихся до войны недель радикально изменить что-либо едва ли было возможно. Конечно, войска встретили бы противника более организованно, не было бы столь колоссальных потерь в авиации, отступление осуществлялось бы более организованно и т.д. Однако в принципиальном плане удар немцев являлся столь мощным и хорошо подготовленным, что сдержать его тогда Советская Россия оказалась неспособной. Ошибки и просчеты сыграли свою роковую роль, но не они определяли ход войны на первом ее этапе. Данное утверждение, разумеется, не имеет ничего общего с попытками обелить Сталина и умалить степень его вины за неудачи начального периода.

Полагаю, что прав был Молотов, когда, касаясь просчетов в определении срока нашествия Германии на Советскую Россию, сказал следующее: «Да, просчет. Но июнь один уже прошел. Июнь 40-го прошел, и это настраивало на то, что пройдет и июнь 41-го. Тут был некоторый недоучет, я считаю. Готовились с колоссальным напряжением, больше готовиться, по-моему, невозможно. Ну, может быть, на пять процентов больше можно было сделать, но никак не больше пяти процентов. Из кожи лезли, чтоб подготовить страну к обороне, воодушевляли народ: если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы! Ведь не заставляли засыпать, а все время подбадривали, настраивали. Если у всех такое напряжение было, то какая-то нужна и передышка...»³⁰²

Сам Сталин, превосходно знавший русскую историю и историю нашествия Наполеона на Россию, также питал иллюзии, что Гитлер в связи с операциями на Балканах и в целом войной с Англией повременит с нападением на Советский Союз. С чисто климатических и географических соображений подобное нападение следовало производить не позже июня, поскольку в затянувшейся кампании свою роль начнут играть факторы географии и климата – огромные пространства, слабо развитая сеть дорог и коммуникаций, осенняя распутица, а затем и пресловутые русские морозы.

---

³⁰² Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 38.

Но Сталин не учел – да и не мог по природе вещей учесть – одно исключительно важное обстоятельство: фюрер планировал вести не обычную войну, а блицкриг. Видимо, Сталину и в голову не могла прийти такая шальная мысль, что германский фюрер намеревался разгромить Советский Союз в считанные месяцы, а то и недели, как это удалось ему в войне против западноевропейских стран. Опыт Франции вскружил лидеру третьего рейха голову, и он окончательно утратил способность мыслить трезво и реалистически. Что касается Сталина, то ему трудно поставить в вину самонадеянность Гитлера, хотя занимаемое им положение требовало учитывать не только возможное, но и невозможное. Здесь им была совершена крупная военно-политическая и стратегическая ошибка.

Конечно, советский вождь делал все, чтобы хотя бы еще на месяц оттянуть начало войны. А это было равнозначно тому, что начало неизбежной войны откладывается на год, если учесть сказанное выше. Но, увы, это было выше его сил и возможностей. Но нужно сказать, что им предпринимались все меры, чтобы добиться этого.

Явным и довольно симптоматичным в этом плане было назначение Сталина главой советского правительства – Председателем Совета Народных Комиссаров. Это решение Политбюро было принято 4 мая 1941 г. Оно называлось «Об усилении работы Советских центральных и местных органов». Текст его гласил:

«I. В целях полной координации работы советских и партийных организаций и безусловного обеспечения единства в их руководящей работе, а также для того, чтобы еще больше поднять авторитет советских органов в современной напряженной международной обстановке, требующей всемерного усиления работы советских органов в деле обороны страны, – ПБ ЦК ВКП(б) единогласно постановляет:

1. Назначить тов. Сталина И.В. Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

2. Тов. Молотова В.М. назначить заместителем Председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР, с оставлением его на посту Народного Комиссара по иностранным делам.

3. Ввиду того, что тов. Сталин, оставаясь по настоянию ПБ ЦК первым секретарем ЦК ВКП(б), не сможет уделять достаточного времени работе по Секретариату ЦК, назначить тов. Жданова А.А. заместителем тов. Сталина по секретариату ЦК, с освобождением его от обязанности наблюдения за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

4. Назначить тов. Щербакова А.С. секретарем ЦК ВКП(б) и руководителем Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), с сохранением за ним поста первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б).

II. Настоящее решение Политбюро ЦК ВКП(б) внести на утверждение

Пленума ЦК ВКП(б) опросом»³⁰³.

7 мая 1941 г. ПБ утвердило также состав Бюро СНК в составе Председателя СНК Союза ССР тов. Сталина И.В., первого заместителя председателя СНК СССР тов. Вознесенского Н.А., заместителей Председателя СНК СССР т.т. Молотова В.М., Микояна А.И., Булганина Н.А., Берия Л.П., Кагановича Л.М., Мехлиса Л.З. и тов. Андреева А.А.³⁰⁴

Прежде чем прокомментировать это назначение Сталина и привести различного рода оценки этого акта со стороны как немцев в то время, так и некоторых биографов вождя, хочу отметить одно бросающееся в глаза обстоятельство: Молотов, будучи на протяжении длительного времени вторым по значению человеком в сталинской иерархии, был назначен не первым заместителем предсовнаркома, а просто заместителем, тогда как Вознесенский стал единственным первым замом. Это наглядно выражало определенное охлаждение вождя к своему верному соратнику. И дело не только в проявившейся порой строптивости Молотова, который в отличие от большинства других сподвижников вождя иногда брал на себя смелость вступать с ним в споры по некоторым вопросам. Правда, эти вопросы, как правило, не носили политического содержания, а носили скорее сугубо практический характер. Для полноты картины заметим, что Сталин даже самых верных своих соратников всегда держал, если так позволительно выразиться, на коротком поводке. Он не упускал случая выразить недовольство поведением или позицией того или иного члена руководства, если, с его точки зрения, последний заслуживал того. Причем делал это не всегда прямо, иногда прибегал и к действиям, так сказать, косвенного плана. Цель же в любом случае была одна – показать, кто хозяин и что его слушаться следует беспрекословно.

Всего два примера. В докладе на XVIII съезде партии Молотов допустил мелкую неточность. Сталин потребовал на заседании ПБ сделать ему внушение и выступить с поправкой на пленарном заседании съезда. Другой – уже более существенный случай: в августе 1939 года ПБ приняло решение в отношении Жемчужиной – жены Молотова. В нем говорилось, что «т. Жемчужина проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении тов. Жемчужины оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа.

2. Признать необходимым произвести тщательную проверку всех материалов, касающихся т. Жемчужины.

3. Предрешить освобождение т. Жемчужины от поста Наркома рыбной

---

³⁰³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 34 – 35.

³⁰⁴ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 35.

промышленности. Провести эту меру в порядке постепенности»³⁰⁵.

В октябре того же года вопрос о жене Молотова снова обсуждался на ПБ и в принятом решении, в частности, говорилось: «1. Считать показания некоторых арестованных о причастности т. Жемчужины ко вредительской и шпионской работе, равно как их заявления о необъективности ведения следствия, клеветническими.

2. Признать, что т. Жемчужина проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении т. Жемчужины оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа»³⁰⁶.

Как говорится, суровый урок был преподнесен не столько жене, сколько мужу – Молотову. В дальнейшем, в соответствующем разделе о проблеме антисемитизма и отношении к нему Сталина, еще придется касаться вопроса о жене Молотова. Здесь же об этом речь идет лишь в связи с линией, которой придерживался Сталин в отношениях со своими ближайшими соратниками.

Но вернемся к главной нити нашего изложения.

Назначение Сталина главой правительства несколько выходило за рамки линии, которую он проводил на протяжении всех лет после смерти Ленина. Сталина вполне устраивала роль Генерального секретаря ЦК, поскольку она, и только она, давала ему фактически неограниченные полномочия. На пост председателя СНК назначались люди меньшего калибра, что, естественно, вполне соответствовало желанию Сталина еще раз продемонстрировать свою мнимую скромность и избежать возможных упреков в том, что он сосредотачивает всю высшую власть в одних руках. Критические эскапады в его адрес в ленинском завещании, видимо, никогда не забывались им. Поэтому соблюдался внешний декорум разделения властей – партийной и государственной, хотя в реальной жизни в высшем эшелоне это разделение носило скорее декоративный и условный характер. Новая должность Сталина не прибавляла ему власти, но возлагала на него большую ответственность.

Чем же была вызвана эта в тех условиях экстраординарная мера? На мой взгляд, помимо мотивов внутриполитического порядка, важную, если не решающую, роль сыграли мотивы внешнеполитического плана. Международная обстановка была чрезвычайно напряженной, политический барометр однозначно показывал на приближение войны. Но оставались какие-то, пусть и довольно скромные, надежды на то, что удастся достигнуть какого-то компромиссного соглашения с Гитлером. В этом случае вождь мог выступать в качестве вполне легитимного главы правительства и вести

---

³⁰⁵ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 171.

³⁰⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 172.

переговоры на равных с лидером третьего рейха, которого, видимо, не совсем устраивало то, что все дела по регулированию советско-германских отношений он вел, скажем так, через посредника – в данном случае Молотова. Хотя, разумеется, последнее и решающее слово всегда оставалось за Сталиным. Я склонен думать, что это обстоятельство послужило одним из движущих рычагов, толкнувших Сталина к принятию данного решения.

Тем более, что в немецких кругах широко распространялись дезинформационные слухи, будто Гитлер готов пойти на компромисс с Советской Россией и что все упирается лишь в несговорчивость Москвы. Так, в справке для Риббентропа, датированной 14 – 19 июня 1941 г. и составленной на основании агентурных донесений, говорилось: «По-прежнему в дипломатическом корпусе распространяется и подробно обсуждается слух о том, что [...] ожидается официальный визит в Германию главы русского государства. Этот слух особенно активно распространяется болгарской миссией. [...] В посольстве США, в шведской и швейцарской миссиях можно услышать, что встреча имперского министра иностранных дел с Молотовым или фюрера со Сталиным не исключена. Такая встреча якобы будет означать не что иное, как последнюю германскую попытку оказать на Россию мощнейшее давление»³⁰⁷.

Трудно судить, насколько все эти обстоятельства принимались в расчет, когда Сталин решил стать главой советского правительства. По крайней мере, исключать гипотетическое воздействие этих соображений на данный акт едва ли правомерно. В конце концов, в такой сложной международной ситуации, а она явно грозила стать еще более сложной и тревожной, занятие Сталиным поста главы правительства явилось шагом вполне назревшим и вполне оправданным со всех точек зрения. Наступала новая полоса в жизни страны, и необходимо было привести в соответствие с реальностью роль и место Сталина в жизни Советской России.

Несомненный интерес представляют оценки занятия Сталиным поста главы правительства со стороны германского посла в Москве. Он в срочном порядке передал в Берлин две телеграммы. В первой из них содержалась ссылка на то, что мотивом замены Молотова могли стать недавние ошибки во внешней политике, которые привели к охлаждению сердечных германо-советских отношений, для создания и сохранения которых Сталин постоянно прилагал усилия, в то время как Молотов по собственной инициативе часто тратил время на упрямое обсуждение второстепенных вопросов. Шуленбург докладывал в Берлин: «Заняв должность председателя Совета Народных Комиссаров, то есть премьер-министра Советского Союза, Сталин берет на себя всю ответственность за действия правительства и во внутренних, и во внешних делах. Это положит конец противоестественному состоянию, когда

---

³⁰⁷ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 395.

положение Сталина как признанного и непререкаемого лидера народов Советского Союза не подкреплялось конституцией. Такая централизация всей власти в одних руках означает дальнейшее укрепление позиции Сталина, который, чувствуя серьезность нынешней ситуации, берет на себя всю полноту ответственности за судьбу Советского Союза. Я убежден, что Сталин сумеет использовать свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в поддержании и развитии добрых отношений между Советским Союзом и Германией»³⁰⁸.

Посол Германии отмечал, что официальные представители Наркоминдела не давали внятного ответа на вопросы иностранных дипломатов, отмечая лишь то, что назначение Сталина председателем Совета Народных Комиссаров было величайшим историческим событием в жизни Советского Союза со времени его создания. «Нет никакого сомнения в том, что занятие Иосифом Сталиным поста председателя Совета Народных Комиссаров является событием необычайной важности, – подчеркивал со своей стороны посол. – Я не считаю верным, что это событие явилось результатом проблем внутренней политики, как это вначале утверждали здесь многие, особенно среди зарубежных корреспондентов. Я не знаю ни одной проблемы, которая относилась бы к внутренней ситуации в Советском Союзе и была столь серьезной, чтобы вызвать такой шаг со стороны Сталина. Я с большей уверенностью мог бы утверждать, что если Сталин решил занять высший государственный пост, то причины этому следует искать во внешней политике». Не без оснований на то Шуленбург заключал: «На мой взгляд, можно предполагать с большой вероятностью, что Сталин поставил перед собой в области внешней политики цель огромной важности, которую он надеется достичь личными усилиями. Я твердо верю, что в международной политике, которую он оценивает как серьезную, Сталин поставил перед собой цель уберечь Советский Союз от конфликта с Германией»³⁰⁹.

Вообще надо сказать, что некоторые западные биографы Сталина неизменно связывают его назначение на официальный советский пост главы правительства не только с расчетами, о которых выше докладывал в Берлин посол Шуленбург, но и с мотивами гораздо более серьезными. Об этом пишет, в частности, Р. Хингли: «Назначая себя премьер-министром, он, вне всяких сомнений, надеялся сплотить страну в период грозившего кризиса. Возможно, он также имел цель убедить Гитлера в том, что ревностный умиротворитель немцев обладает полным контролем над советской политикой. Подобно другим сталинским мерам этого периода, занятие поста премьера было, возможно, нацелено на то, чтобы избежать опасности

---

³⁰⁸ Советско-нацистские отношения. С. 323.

³⁰⁹ Советско-нацистские отношения. С. 323 – 326.

возникновения войны из-за возможной ошибочной оценки со стороны Гитлера подлинно мирных намерений Кремля. То, что германский диктатор был устремлен к войне вне зависимости от советских намерений, в это Сталин едва ли мог поверить»³¹⁰.

Объективный анализ сложившейся к тому времени ситуации дает основание сделать вывод, что сосредоточение в одних руках высшей партийной и государственной власти (пост председателя Президиума Верховного Совета СССР формально, но не по существу являлся высшим официальным постом в Советском Союзе) было не спонтанным решением, вызванным стремлением как-то уладить советско-германские отношения с помощью личных контактов. Сталин едва ли был настолько наивен, чтобы полагать, что таким способом ему удастся оттянуть наступление войны. Повторяясь, еще раз подчеркну: он был глубоко убежден в неотвратимости вооруженного противостояния между двумя странами. И избежать его какими-то сугубо дипломатическими и иными мерами было невозможно, поскольку не только военные приготовления третьего рейха на границах с Советской Россией, но и многие другие факты однозначно говорили о том, что предотвратить неминуемое было практически невозможно. Конечно, он не знал о существовании плана «Барбаросса», о чем безответственно пишут некоторые российские публицисты, а порой и специалисты, ссылаясь на донесения разведки. Но выше я уже показал, что поступавшие агентурные и иные данные не могли дать полной и четкой картины того, что планирует Гитлер. Противоречивые, а порой и отрывочные сообщения не могли служить базой для твердых и однозначных выводов.

Позволю себе сослаться на свидетельство Г.К. Жукова, который писал: «С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план „Барбаросса“, направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность. При этом ссылаются на известных советских разведчиков – Рихарда Зорге, а также многих других лиц из Швейцарии, Англии и ряда других стран, которые якобы заранее сообщили эти сведения. Однако будто бы наше политическое и военное руководство не только не вникло в суть этих сообщений, но и отвергло их.

Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали»³¹¹.

Видимо, такими данными располагают безответственные писаки,

---

³¹⁰ *Ronald Hingley* . *Joseph Stalin*. p. 308.

³¹¹ *Г.К. Жуков*. *Воспоминания и размышления*. Т. 1. С. 259.

которым нет дела до фактов, главное – доказать преступную вину Сталина и высшего советского военного руководства накануне войны. На протяжении многих десятилетий в средствах массовой информации, особенно на телевидении, усиленно пропагандируется версия, что Сталин совершил преступную ошибку, не поверив донесениям Зорге. А чтобы скрыть свою ошибку, запретил произвести обмен Зорге на арестованных в СССР японских агентов. Под этой версией, кроме правдоподобия, не имеется реальных оснований. В серьезной научной литературе азбучной истиной является мысль о том, что донесения Зорге были противоречивы, в них содержалась информация, которая не могла быть достоверно принята на веру. К тому же, аналогичные донесения аналогичного рода поступали из других источников. Обилие такой противоречивой информации – свидетельство как раз не блестящей работы разведки, ибо высшее руководство вольно или невольно вводилось в заблуждение и не могло прочно опираться на достоверные факты. Что касается Зорге, то его судьба сложилась трагично, и до сих пор не ясны обстоятельства так называемого предложения об обмене. По крайней мере, мне представляется крайне сомнительной идея о том, что Сталин якобы испытывал боязнь перед разоблачением его ошибок со стороны Зорге. К тому же, надо добавить, что в ходе чистки Главного разведывательного управления Зорге получил предписание вернуться в Союз, но он проигнорировал это указание. Видимо, это обстоятельство также сослужило свою трагическую роль в его судьбе. Словом, в этом деле не все так просто, как кому-то может показаться. И при оценке всех обстоятельств, имеющих отношение к этому делу, надо брать в расчет не отдельные факты, а всю их совокупность и сложное переплетение. Но это – всего лишь небольшая ремарка, имеющая непосредственное отношение к теме.

Читатель может поставить вопрос: что же это получается – с одной стороны, Сталин был уверен в неизбежности войны с Гитлером, с другой стороны – отдает распоряжения, смысл которых состоял в том, чтобы не дать немцам повода для начала войны, не спровоцировать их на военную акцию? Действительно, противоречие здесь налицо. Однако следует смотреть на вещи более широким взглядом и учитывать все реальности тогдашней обстановки. Во-первых, Сталину нужно было выиграть хотя бы месяц, чтобы оттянуть нападение Гитлера на целый год, а это и была главная цель Сталина. Во-вторых, тот факт, что Гитлер шел на колоссальный риск, начиная войну на два фронта, понуждал Сталина к мыслям о том, что фюрер все-таки не решится на столь безрассудный шаг, помня суровые исторические уроки, из которых немцы в конце концов должны были извлечь хоть какие-то выводы. Здесь Сталин допускал явную ошибку, предав забвению весь авантюристический стиль политики Гитлера, явно переоценив его стратегические и вообще интеллектуальные способности. Однако все это не может служить основанием для выводов такого рода, которые сделал Хрущев: «Он стоял уже перед Гитлером, как кролик перед удавом, был

парализован в своих действиях... Повторяю, что в моральном отношении Сталин был просто парализован неизбежностью войны. Он, видимо, считал, что война приведет к неизбежному поражению СССР»³¹².

Скорее всего, не Сталин, а Хрущев был обуян пораженческими настроениями. Сталин же верил в силу Советского Союза и его армии, верил в неисчерпаемый потенциал народов нашей страны. Он только знал, что не все необходимое было сделано для более основательной и всесторонней подготовки к войне со столь коварным, опытным и сильным противником. Именно стремлением выиграть время и одновременно выявить реакцию фашистских правителей было продиктовано печально известное Заявление ТАСС от 13 июня 1941 г. Вот наиболее существенные моменты из этого заявления.

Прежде всего в нем расценивались в качестве бессмысленных слухов сообщения в иностранной печати о «близости войны между СССР и Германией», о том, будто после отклонения Москвой предъявленных германской стороной претензий территориального и экономического характера Германия стала сосредоточивать свои войска у границ с СССР с целью нападения на Советский Союз. Наконец, о том, будто Советский Союз, в свою очередь, стал усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ с последней. Далее в заявлении подчеркивалось, что, несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, «в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны. ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное как

---

³¹² *Н.С. Хрущев. Время Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 281 – 282.*

обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо»³¹³.

Интересны некоторые детали, связанные с данным заявлением. Бесспорно одно – оно явилось инициативой лично Сталина, что подтверждается некоторыми свидетельствами. Бывший в то время руководителем ТАСС Я.С. Хавинсон рассказывал впоследствии:

«Перед началом войны я работал ответственным руководителем ТАСС. 13 июня мне позвонили от товарища Сталина и сказали, чтобы я срочно приехал к нему на кунцевскую дачу. Я сразу же выехал. У ворот меня встретил офицер, машину мы оставили, и он проводил меня к даче.

Когда я вошел, товарищ Сталин встретил меня, мы поздоровались, и он усадил меня за стол в зале. Передо мной лежали бумага, ручка, стояли чернила.

Товарищ Сталин сказал: „Пишите, товарищ Хавинсон“. Он прохаживался по дорожке вдоль зала, попыхивал трубкой и диктовал. По ходу он заглядывал в текст, сделал две или три поправки. Закончив диктовать, он сказал: „Прочитайте вслух“. Я встал и прочитал. Содержание Заявления вызвало у меня, естественно, большое удивление, но я старался этого не выдать. Он как-то или уловил мое удивление, или догадывался о нем, остановился напротив меня, внимательно посмотрел и спросил: „Вы понимаете, товарищ Хавинсон, зачем нам нужно такое Заявление?“. Я откровенно ответил: „Нет, товарищ Сталин, не понимаю“. Тогда он сказал: „Давайте скажем Гитлеру: подумай еще раз, прежде чем начинать!“ Попрощались, и я быстро уехал.

13 же июня НКВД СССР передал Заявление германскому послу в Москве, но правительство Германии на него никак не отреагировало и даже не опубликовало его в печати. 14 июня Заявление ТАСС было опубликовано в советских и зарубежных газетах»³¹⁴.

Ближайшие дни обнажили всю хитроумную и поразительную по своей, выходящей за пределы элементарного здравого смысла, сути нелепость и слепоту данного шага Сталина. Этому шагу нельзя найти оправдания, какими бы мотивами он ни был продиктован. Эта акция, бесспорно, может быть отнесена к числу самых крупных тактических (а отчасти и стратегических) просчетов Сталина во всей его деятельности по руководству внешней политикой Советского Союза.

---

³¹³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Том IV (1935 – 1941 г.). М. 1946. С. 555 – 556.

³¹⁴ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. Тверь. 2007. С. 222.

По поводу Заявления ТАСС имеется масса литературы, в которой по-разному, преимущественно в негативном плане, оценивается его опубликование. Мое личное мнение сводится к тому, что оно не столько стало дипломатическим зондажем, сколько успокоительной пилюлей для огромной массы советского населения, в том числе и для армии. Деморализующий эффект был колоссальным: ведь советские люди привыкли верить тому, что им говорит высшее руководство. Негативные последствия Заявления усугублялись тем, что оно вышло буквально за неделю до гитлеровского нападения. Здесь любые политико-дипломатические расчеты Сталина не идут ни в какое сравнение с отрицательным воздействием данного заявления. В какой-то степени можно говорить о том, что оно дезориентировало всю страну, в том числе и армию.

Для полноты картины приведу оценку Заявления ТАСС И. Дойчером, который не расценивает его в качестве крупнейшей ошибки. Вот его вывод: «...Это причудливое заявление не было полностью ложно. Оно было истинно, поскольку Сталин потребовал, чтобы Германия не выдвигала никаких требований в отношении России. Он, очевидно, ожидал, что Гитлер поднимет вопросы, по которым будет возможно заключить сделку. Немецким нападениям на Австрию, Чехословакию и Польшу действительно предшествовали открытые требования и громкие угрозы. Сталин, вероятно, думал, что Гитлер будет действовать в соответствии с прежними прецедентами. Поскольку Сталин не видел обычные сигналы опасности, он отказался признавать неизбежную опасность. В его заявлении (ТАСС – Н.К.) он пригласил Гитлера в той окольной манере, которую Гитлер так хорошо понял в марте 1939, выдвинуть свои требования и начать переговоры. Гитлер не игнорировал намек»³¹⁵.

Но с Дойчером трудно согласиться, поскольку на дворе стоял не 1939-й, а 1941 год, и ситуация в мире выглядела принципиально иной. Поэтому какого-либо положительного эффекта в смысле выявления истинных позиций Гитлера Заявление не дало и дать не могло, ибо фактически гиря на чашу весов войны фюрером уже была брошена. Вызывает удивление, в том числе и у меня лично, как Сталин, умевший просчитывать свои политические и дипломатические шаги далеко вперед, мог пойти на столь опрометчивый шаг: ведь в любом случае (даже если бы Гитлер и как-нибудь отреагировал на это заявление) ситуация не могла измениться. А запоздалый – и в данном случае чрезвычайно вредный – зондаж был несопоставим с морально-политическими, психологическими и чисто тактическими издержками, которые повлек за собой этот шаг. Если смотреть на вещи реально, учитывая сказанное выше, абсолютно неубедительной (а скорее, самооправдательной) выглядит аргументация Молотова в защиту предпринятого по указанию

---

³¹⁵ *Isaac Deutscher* . Stalin. p. 445.

Сталина шага. «Это было придумано, по-моему, Сталиным... Это дипломатическая игра. Игра, конечно. Не вышло. Не всякая попытка дает хорошие результаты, но сама попытка ничего плохого не предвидела... Не наивность, а определенный дипломатический ход, политический ход. В данном случае из этого ничего не вышло, но ничего такого неприемлемого и недопустимого не было. И это не глупость, это, так сказать, попытка толкнуть на разъяснение вопроса. И то, что они отказались на это реагировать, только говорило, что они фальшивую линию ведут по отношению к нам. Они старались показывать перед внешним миром, будто бы какое-то законное мероприятие с их стороны проводилось, но само тассовское сообщение, по-моему, осуждать нельзя и смеяться над ним было бы неправильно... Это действительно очень ответственный шаг. Этот шаг направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для оправдания... Сообщение ТАСС нужно было как последнее средство. Если бы мы на лето оттянули войну, с осени было бы очень трудно ее начать. До сих пор удавалось дипломатически оттянуть войну, а когда это не удастся, никто не мог заранее сказать. А промолчать – значит вызвать нападение. И получилось, что 22 июня Гитлер перед всем миром стал агрессором. А у нас оказались союзники»³¹⁶.

Как ни старается Молотов убедить в том, что это была игра и одновременно последнее средство, согласиться с ним невозможно, не попирая логику и элементарный здравый смысл. Сталин явно оплошал и спутал политическую игру с политической стратегией.

Добавим, что сам Молотов, равно, как и другие советские лидеры, в первую очередь Сталин, неизменно призывали к бдительности и готовности во всеоружии встретить любого врага. Примечательна в этом контексте мысль Р. Такера, который писал: «1 августа 1940 г. на заседании Верховного Совета Молотов закончил свой доклад словами Сталина: „Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая „случайность“ и никакие фокусы наших врагов не могли застигнуть нас врасплох“. Однако, когда опасность обрела вызывающие тревогу размеры, Сталин поступил совсем наоборот. Он морально демобилизовал страну, опубликовав 14 июня 1941 г. официальное опровержение слухов (датированное 13 июня) о надвигающемся немецком вторжении, назвав их „неуклюжей выдумкой“. Далее говорилось, что, „согласно имеющейся у советских кругов информации, Германия, как и СССР, строго соблюдает положения советско-германского пакта о ненападении и поэтому, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии нарушить пакт и совершить нападение на СССР лишены каких-либо оснований“.

---

³¹⁶ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 42 – 43.

Военный историк Волкогонов замечает, что это заявление было опубликовано для того, чтобы подтолкнуть Гитлера на новые переговоры. Сталин рассчитывал, что, действуя таким образом, он сумеет предотвратить начало войны в июне или июле, а в августе, как полагал он, приближение осени вынудило бы Гитлера отложить начало войны до весны 1942 г. Еще 15 июня, указывает Волкогонов, Сталин в конфиденциальном порядке высказал мнение, что война вряд ли начнется, по крайней мере до следующей весны»³¹⁷.

Видимо, я несколько увлекся данным сюжетом, но тому есть веские причины – слишком важной и горячей является проблема, которая подвергается рассмотрению. Она не утратила своей значимости и актуальности и через многие десятилетия.

Изложив свое ее понимание и толкование, я поймал себя на мысли, что мои суждения и выводы нуждаются в дополнительном пояснении. Делая столь категорические и безапелляционные утверждения и давая однозначные оценки, я, видимо, как бы оставляю вне поля зрения некоторые существенно важные стороны проблемы, не принимать в расчет, а тем более полностью их игнорировать – было бы также серьезным упрощением при рассмотрении столь важной, вызывающей до сих пор ожесточенные споры и ставящей спорящих по разные стороны баррикад, проблемы. Видимо, разумнее умерить пыл осуждения и проявить больше проникновения в реальную суть данного шага. В какой-то степени злополучное Заявление ТАСС отражало намерение Сталина и советского руководства в столь критический период развития отношений с Германией сделать последний шаг, нацеленный на то, чтобы предостеречь Гитлера от рокового для судеб Германии действия. В конечном счете это заявление лежало в русле договора 1939 года. А о нем даже столь искушенные в политической борьбе и дипломатических интригах деятели, такие, например, как Черчилль, высказывались достаточно реалистично и, как показал дальнейший ход событий, в целом правильно. Упомянувшийся уже не раз биограф Сталина Я. Грей писал: «Сталин и Гитлер знали, что пакт является временным средством. Они были врагами, и война между ними была неизбежна. Но пакт имел своим непосредственным результатом то, что развязал руки Гитлеру для вторжения в Польшу и дал Сталину больше времени. Черчилль по этому поводу заметил: „Если их политика и была хладнокровно-бесчувственной, но она была также в тот период в высшей степени реалистической“»³¹⁸.

Мне представляется, что, предпринимая этот шаг с публикацией Заявления ТАСС, Сталин имел в виду еще одну цель: он был осведомлен о

---

³¹⁷ Роберт Такер. Сталин у власти. Т. 2. С 566 – 567.

³¹⁸ Ian Grey . Stalin. Man of History. p. 310.

том, что не все высшие руководители рейха, и особенно среди военной верхушки, так же радужно-оптимистически рассматривают перспективы военного противоборства с Советской Россией. Достаточно сослаться на мнение генерала вермахта Гюнтера Блюментритта, одного из соавторов известного труда «Роковые решения», написанного вскоре после войны группой видных немецких военачальников и переведенного в 1958 году на русский язык. Г. Блюментритт писал: «После молниеносных побед в Польше, Норвегии, Франции и на Балканах Гитлер был убежден, что сможет разгромить Красную Армию так же легко, как своих прежних противников. Он оставался глухим к многочисленным предостережениям. Весной 1941 г. фельдмаршал фон Рундштедт, который провел большую часть первой мировой войны на Восточном фронте, спросил Гитлера, знает ли он, что значит вторгнуться в Россию. Главнокомандующий сухопутными силами Германии фельдмаршал фон Браухич и его начальник штаба генерал Гальдер отговаривали Гитлера от войны с Россией. С такими же предостережениями обращался к нему и генерал Кестринг, который много лет жил в России, хорошо знал страну и самого Сталина. Но все это не принесло никаких результатов. Гитлер настаивал на своем»³¹⁹. Далее Блюментритт ссылается на мнение столь авторитетного в вермахте военачальника: «Фельдмаршал фон Рундштедт, командовавший группой армий „Юг“ и после фельдмаршала фон Манштейна наш самый талантливый полководец во время второй мировой войны, в мае 1941 г. сказал о приближающейся войне следующее: „Война с Россией – бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца“»³²⁰.

Не исключено, что советский лидер в последний момент хотел как бы подкрепить позиции тех, кто считал войну против СССР чреватой самыми серьезными последствиями для рейха, и тем самым повлиять на развитие грозно развивающейся ситуации. Но это – всего лишь предположение, которое, впрочем, имеет право на существование.

Кроме того, необходимо учитывать, что, по авторитетному свидетельству одного из ведущих советских военачальников А.М. Василевского, факты говорят о следующем: в Генеральном штабе были получены необходимые разъяснения, и там знали, что к вооруженным силам это сообщение отношения не имеет³²¹. Приведу оценку, принадлежащую перу маршала Василевского: «О том, что это сообщение является

---

³¹⁹ З. Вестфал, В. Крайне, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. М. 1958. (Электронный вариант).

³²⁰ Там же.

³²¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М. 1989. С. 119.

внешнеполитической акцией, говорит продолжавшееся осуществление организационно-мобилизационных мероприятий, переброска на запад войсковых соединений, перевод ряда предприятий на выполнение военных заказов и т.д.

У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным Силам, ни к стране в целом.

К тому же в конце того же дня первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин разъяснил, что целью сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев, и оно больше не привлекало нашего внимания»³²².

Весьма показательна и многозначительна была реакция нацистского руководства на этот экстраординарный шаг Сталина. Как записал в своем дневнике 14 июня И. Геббельс: «Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнута дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя все возможные поводы для обвинения в развязывании войны»³²³.

К слову, следует отметить, что фашистский фюрер довольно высоко оценивал Сталина как своего потенциального, а потом и реального противника. Правда, эти оценки облекались в формулы, носившие негативный характер, но от этого они не утрачивают своей ценности. В застольных беседах со своим окружением Гитлер не раз возвращался к оценке Сталина как политического деятеля и политического оппонента. Он сравнивал Черчилля со Сталиным и второго ставил неизмеримо выше, чем первого. Вот более чем красноречивое и лаконичное сравнение фюрером своих главных политических противников: «Если Черчилль шакал, то Сталин – тигр»³²⁴.

Особого внимания заслуживает то, что Гитлер отдавал себе отчет в том, что наша страна находилась на подъеме и ее стремительное как по масштабам, так и по темпам движение вперед явственно обозначала перспективу превращения ее в могучую и непобедимую державу, соперничать с которой Германии будет не по силам.

Полагаю, что читатель не должен думать, будто я оправдываю Сталина

---

³²² Там же.

³²³ См. «Военно-исторический журнал». 1997 г. № 4. С. 36.

³²⁴ *Генри Пикер*. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993.

и его политику ссылками на его злейшего и непримиримого противника – ведь порой оценки врагов звучат красноречивее восхвалений друзей. Приведенные выше высказывания дают возможность посмотреть на Сталина как бы с другой стороны – со стороны его смертельного врага. Такой метод, бесспорно, дает возможность для более полной и более емкой оценки Сталина и его политики, особенно в предвоенные годы – в период так называемого заигрывания с Германией.

Однако все это к июню 41 года как бы отошло на задний план. Перед советским вождем по-прежнему приоритетной выступала задача как можно дальше оттянуть неизбежное военное столкновение с Германией. Это стало доминантой сталинской политической стратегии и тактики в тот рубежный исторический период.

Нарком обороны, Генштаб и командующие военными приграничными округами были предупреждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск. Военным было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И.В. Сталина. Иными словами, он в немалой степени парализовал свободу их действий в обстановке, для характеристики которой трудно даже подобрать подходящие эпитеты.

Общая ситуация не будет до конца ясной и четкой, если мы проигнорируем тот факт, что Сталин придавал первостепенное значение тому, чтобы не дать немцам какого-либо, даже самого ничтожного, повода для оправдания нападения на СССР. Конечно, к тому времени Гитлер уже так закусил удила, что любое его действие, каким бы противоправным оно ни было, уже мало связывало его руки. Но тем не менее германское командование придавало немалое значение тому, чтобы вынудить Советский Союз к военной реакции в случае германской провокации. Об этом четко свидетельствует следующее принципиальное положение из предложений штаба ОКВ по пропагандистской подготовке нападения на Советский Союз от 8 мая 1941 г. В нем, в частности, подчеркивалось: «Наши планы должны оставаться в тайне как можно дольше. Англия до самого последнего момента должна верить в возможность предстоящего вторжения. Для России наш удар должен оказаться внезапным. В то же время придется отложить идеологическую подготовку немецких солдат и немецкого народа, хотя она сама по себе была бы желательна.

Но если русские до начала военных действий сами пойдут на провокацию, то это будет означать, что наступил момент открыть как идеологическую кампанию по подготовке к войне нашего народа, наших немецких солдат, так и действия по разложению русского народа. Правда, и в этот момент наши намерения еще должны оставаться в тайне. Должно сохраняться впечатление, будто главной задачей на летний период остается операция по вторжению на острова, а меры против Востока носят лишь

оборонительный характер и их объем зависит только от русских угроз и военных приготовлений»³²⁵.

Как видим, дезинформационные планы германского командования проводились неукоснительно в жизнь, в частности, и вариант провоцирования Советского Союза на преждевременное выступление в случае германской провокации. Так что опасения и предупреждения Сталина не выглядят какими-то маниакальными или чрезмерно преувеличенными. Он знал сущность фашизма и прекрасно отдавал себе отчет в том, чтобы избежать ловушки. Однако – и это надо признать со всей откровенностью – чрезмерная осторожность в данном случае сыграла свою роковую роль, ибо боязнь быть втянутыми в провокацию сковала инициативу нашего главного командования и командования приграничных округов.

Факты говорят о том, что несмотря на воинственно-хвастливые заявления Гитлера в узком кругу о том, что шансы Германии на практическую реализацию блицкрига великолепны и уже ничто не в силах опрокинуть намеченный немецким командованием план ведения молниеносной войны против Советского Союза, видимо, где-то в глубине души фюрера все-таки терзали неясные сомнения. По крайней мере, он сознавал, что делает шаг, от которого могут зависеть судьбы Германии. Это в косвенной форме проглядывает в его довольно хвастливом письме своему союзнику по агрессии Муссолини. В письме последнему от 21 июня 1941 г. он писал:

«Я пишу это письмо Вам в тот момент, когда месяцы напряженных размышлений и разрушительных для нервов ожиданий закончились тягчайшим решением в моей жизни. Я чувствую – после внимательного рассмотрения сложившейся в связи с русскими действиями ситуации и после оценки ряда документов, – что не могу взять на себя ответственность и дальше ждать, тем более, что не вижу никакого другого пути для устранения этой опасности: разве что дальнейшее выжидание, которое, однако, обязательно приведет к катастрофе в этом году или, самое позднее, в следующем.

В заключение, Дуче, позвольте мне сказать еще одну вещь. С тех пор, как я пришел к этому решению, я чувствую себя духовно освобожденным. Союз с СССР, несмотря на абсолютную искренность усилий, направленных на окончательное примирение, часто все же раздражал меня, так как казался противоестественным, идущим вразрез с моим происхождением, моими идеями и моими прежними обязательствами. Я счастлив сейчас оттого, что освободился от этих душевных терзаний»³²⁶.

---

³²⁵ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 177.

³²⁶ Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941. С. 336 – 337, 340.

Но все это из области, так сказать, привходящих факторов. Основное течение событий развивалось своим зловещим чередом, и уже ничто не могло изменить его ход.

Вот как описывает развитие ситуации в те дни Жуков. В тот самый злополучный день, когда было предано гласности Заявление ТАСС, Тимошенко и Жуков были приняты Сталиным и поставили перед ним вопрос – дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

«– Подумаем, – ответил И.В. Сталин.

На другой день мы были у И.В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

– Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!

Затем И.В. Сталин все же спросил:

– Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада...

– Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск, – сказал И.В. Сталин.

Я доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В составе их дивизий имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И.В. Сталин заметил:

– Не во всем можно верить разведке...»³²⁷

Сталин, конечно, мог сомневаться в достоверности разведывательных сведений, которые ложились на его стол. Но он, как высший руководитель страны, был обязан при принятии судьбоносных решений опираться не только на свою политическую интуицию и свой долгосрочный военно-стратегический расчет (кстати, оказавшийся в принципе правильным), но и на огромное количество информации, свидетельствовавшей о непосредственной подготовке немецких войск к нападению на Советский Союз. Он этим явно пренебрег, поставив во главу угла эфемерную цель – не дать Гитлеру повода для начала военных действий. Но последний, вообще-то говоря, как показал опыт всех войн, которые вел фюрер, вообще не нуждался в каких-то предлогах и поводах. Он попросту плевал на них, ибо для него главное

---

³²⁷ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 259 – 260.

состояло в том, чтобы разгромить противника. Потом пусть говорят что угодно! Такова была логика лидера третьего рейха.

Учитывая все это, вполне справедливой и обоснованной выглядит оценка российских военных историков: «Предпринимая меры по повышению боевой готовности войск, военное и политическое руководство СССР не сделало главного: своевременно не привело в полную боевую готовность предназначавшиеся для отражения первого удара противника войска прикрытия, которые находились в более укомплектованном состоянии. Но в то же время на запад выдвигались фронтовые резервы и войска РГК. Вина за это в первую очередь ложится на Сталина и его ближайшее окружение... Естественно, что у германского генерального штаба и военного командования вермахта в целом было большое преимущество перед советским в деле подготовки к войне: немецкие генералы точно знали сроки нападения, поэтому могли более детально рассчитать необходимые силы и средства и время на их подготовку»³²⁸. Оценивая деятельность военно-политического руководства СССР, и прежде всего Сталина, накануне войны, следует подчеркнуть, что оно допустило ряд просчетов, имевших трагические последствия.

В первую очередь, это просчет в определении вероятных сроков нападения Германии, который как при планировании, так и особенно при принятии мер по повышению боевой готовности вооруженных сил сыграл роковую роль. В итоге планирование оказалось нереальным, а проводимые накануне мероприятия запоздалыми. Конечно, в какие-то считанные дни и даже недели устранить допущенные просчеты, а главное – принять действенные меры по устранению последствий, проистекавших отсюда, было нереальным.

Объективный анализ обстановки той поры диктует один единственный вывод: война для Советской России и для Сталина лично не была какой-то внезапной и неожиданной. Тезис о внезапности понадобился вождю, чтобы как-то оправдать перед лицом народа свои серьезные просчеты и ошибки накануне войны. Но если в этом и можно было кого-то убедить, то историю такими доводами не обманешь. Ибо факты убедительно говорят о том, что, в целом правильно оценивая перспективы развития мировой ситуации и в первую очередь перспективы войны с Германией, Сталин допустил ошибку исторической значимости в определении сроков фашистского нашествия на Советскую Россию. И в этом его вина перед страной и перед историей.

В данном контексте, возможно, для читателя представит определенный интерес один весьма любопытный факт. В своем дневнике Г. Димитров делает 21 июня 1941 г. такую запись:

«...В телеграмме Джоу Эн-лая из Чунцина в Янань (Мао Цзе-Дуну)

---

³²⁸ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. М. 1998. С. 125 – 126.

между прочим указывается на то, что Чан Кайши упорно заявляет, что Германия нападет на СССР, и намечает **даже дату – 21.06.41!**

– Слухи о предстоящем нападении множатся со всех сторон.

– Надо быть начеку...

– Звонил утром Молотову. Просил, чтобы переговорили с Иос. Виссарионовичем о положении и необходимых указаниях для Компартий.

– Мол.: „Положение неясно. **Ведется большая игра.** Не все зависит от нас. Я переговорю с И.В. Если будет что-то особое, позвоню!“»³²⁹

Словом, сигналы, даже в самые последние дни, поступали из самых разных источников и из самых разных кругов. Ссылка на Чан Кайши в данном случае любопытна, поскольку покрыта завесой неизвестности одна деталь: откуда он мог получить такие сведения? Возможно, это была намеренная утечка информации из дипломатических кругов, нацеленная на то, чтобы хотя бы за несколько часов до нападения поставить об этом в известность Москву. Впрочем, все это детали, не меняющие сути общей картины событий тех дней и ночей.

Остается вкратце остановиться на том, как немецкая сторона поставила в известность советское правительство с запозданием на два часа (нападение началось в 3 ч. 30 м., а заявление о начале войны было сделано германским послом в 5 ч. 30 м.). Шуленбург был принят Молотовым по указанию Сталина. Посол сделал следующее заявление: «Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»³³⁰.

По получении ноты германского правительства Молотов спросил: что означает эта нота?

Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны.

«Гов. Молотов заявляет, что никакой концентрации войск Красной Армии на границе с Германией не производилось. Проходили обычные маневры, которые проводятся каждый год, и если бы было заявлено, что почему-либо маневры, по территории их проведения, нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. От имени Советского правительства должен заявить, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская армия произвела нападение на СССР без всякого повода

³²⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 416.

³³⁰ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 432.

и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью или провокацией. Тем не менее факт нападения налицо»³³¹.

В соответствующей литературе на эту тему имеется любопытная и даже пикантная деталь, призванная представить советское руководство в виде каких-то идиотов, не способных оценить даже факт начала войны. Молотов якобы в состоянии крайней растерянности спросил Шуленбурга: «Чем мы это заслужили?» Писатель Ф. Чуев в своих беседах с Молотовым спустя чуть ли не столетия со времени этого события поставил перед ним вопрос: соответствует ли это действительности? Молотов так ответил на него: «Если вы берете из книги Верта – это выдумка. Он же не присутствовал, откуда он мог знать? Это чистая выдумка. Конечно, я такой глупости не мог сказать. Нелепо. Абсурд. От кого он мог это получить? Были два немца и мой переводчик... У Чаковского тоже много надуманной психологии, когда он описывает этот эпизод. Но Шуленбурга принимал все-таки я, а не Чаковский...»³³²

Некоторые авторы, в том числе и историки, с непонятым легковерием воспринимают данный, сочиненный с неведомо какими намерениями эпизод, впервые появившийся в воспоминаниях одного из высокопоставленных немецких дипломатов. Более того, историки и публицисты частенько ссылаются на него как на вполне достоверный. Цель – показать, каким беспомощным и даже смешным до нелепости выглядело советское руководство, ибо только крайне наивный человек, тем более отвечающий за вопросы внешней политики, мог проявить подобную реакцию на официальное объявление войны. Ведь надо иметь в виду, что это была не какая-то частная беседа двух людей, а официальный акт, знаменовавший совершенно новую полосу в отношениях между двумя странами.

В действительности документальными данными этот эпизод не подтверждается. Вечером 21 июня Молотов принял посла Германии и изложил ему позицию Советского правительства. Вот как выглядит это заявление Молотова в изложении самого Шуленбурга: «Существует ряд свидетельств тому, что правительство Германии недовольно советским правительством. Даже в настоящее время ходят слухи о неизбежной войне между Германией и Советским Союзом. Они питаются тем фактом, что на заявление ТАСС от 13 июня не было никакой реакции со стороны Германии. Это заявление даже не было опубликовано в Германии. Советское правительство не может понять причины недовольства Германии. Если югославский вопрос вызвал такое недовольство, то он – Молотов – был

---

³³¹ Там же. С. 432.

³³² *Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым.* С. 49.

уверен, что своими прошлыми объяснениями разъяснил его и, как бы там ни было, это уже вопрос прошлого. Он будет благодарен, если я смогу сказать ему, что послужило причиной нынешнего положения германо-советских отношений.

Я ответил, что не могу дать ему ответа на этот вопрос, поскольку не обладаю относящейся к делу информацией, но, что я могу, однако, передать его заявление в Берлин»³³³.

И ответ – самый что ни есть красноречивый – последовал буквально через несколько часов. Война из категории неизбежности переросла в категорию реальности.

Заканчивая данный раздел, хочу заметить, что дело, конечно, не в каких-то, пусть даже и пикантных деталях. Речь шла о начале самой кровопролитной и самой судьбоносной войны в истории не только Советской России, но и всего человечества. Судьбоносной она являлась и для Сталина. Он, по всей вероятности, был чрезвычайно потрясен таким оборотом событий: какие усилия он ни прилагал, чтобы отсрочить наступление этого рокового часа, все оказалось напрасным. Естественно, что Советской России пришлось начинать войну в условиях более чем неблагоприятных. Главное, что она не в полной мере была готова к этой войне. И причина не в так называемом факторе внезапности, а в том, что не все намеченное удалось довести до конца, просто не хватило времени. Отнюдь не последнюю роль сыграло и то, что буквально до самого последнего часа вождь все еще питал иллюзии и рассчитывал на благоразумие фюрера, который играл с огнем.

Начиная войну, Гитлер сказал, что отныне он вручает судьбу Германии в руки немецких солдат. В речи фашистского фюрера от 22 июня 1941 года, зачитанной по радио Геббельсом, с пафосом говорилось буквально следующее: «Задача нынешней войны заключается не только в защите отдельных стран, но и в обеспечении безопасности и спасении всех нас. Поэтому я сегодня еще раз решил вручить судьбу Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой величайшей из наших битв». Но история жестоко над ним посмеялась, ибо фактически фюрер вручал судьбу Германии в руки советских солдат, а частично и в руки наших союзников. История не знает чувства жалости, она жестоко мстит тем, кто ее хочет обмануть. Особенно она немилосердна к политическим чудовищам и негодяям.

ГЛАВА 4. НАЧАЛО ВОЙНЫ: ДРАМАТИЧЕСКИЙ РАЗВОРОТ

---

³³³ Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941. Документы. С. 343.

1. За что у нас предают анафеме победителя?

Читатель и без моих – в данном случае излишних – пояснений прекрасно понимает, что обозначенная в данной главе тема не просто чрезвычайно широка и многогранна, но и по существу необъятна. И приступая к ее написанию, я больше всего был озабочен не тем, чтобы осветить как можно больше аспектов темы, а стремлением выделить хотя бы пунктиром наиболее значимые события, которые позволили бы раскрыть роль Сталина в войне. По данной проблематике написан целый океан статей, книг, мемуаров и другой литературы, включая художественные фильмы, литературные произведения, созданы многочисленные полотна художников, памятники архитектуры и т.д. Одно перечисление всего этого заняло бы целый том. Упомяну лишь некоторые из них, написанные недавно или всего лишь несколько лет назад. Среди них: *Лев Безыменский* . Гитлер и Сталин перед схваткой. М. 2000. *Вишлёв О.В* . Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М. 2001. *Вадим Кожин* . Россия. Век XX (1939 – 1964). М. 2002. *Владимир Карпов*. Генералиссимус. Книга 1, 2. М. 2002. *Б. Соловьев, В. Суходеев* . Полководец Сталин. М. 1999. *Юрий Емельянов* . Трагедия Сталина. 1941 – 1942. Через поражение к победе. М. 2006. *Юрий Емельянов*. Маршал Сталин. Творец великой победы. М. 2007. *Юрий Емельянов*. Сталин перед судом пигмеев. М. 2007. *О.А. Ржешевский*. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941 – 1945. М. 2004. *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М. 2001. *Роберт Иванов*. Сталин и союзники. 1941 – 1945 гг. М. 2000. *И.А. Дамаскин*. Сталин и разведка. М. 2004. Список работ, посвященных роли Сталина в предвоенный и военный период, без труда можно увеличить во много раз.

Заранее хочу оговориться, что перечень этот далеко не полный, а во многом и произвольный. Пусть читатель не ищет в подборе авторов книг какой-то потаенный или, тем более, тенденциозный смысл. Задача в данном случае ограничивалась тем, чтобы показать, что о Сталине и его роли в войне написано немало книг, не говоря уже о статьях, которым нет числа. В соответствующих местах по ходу изложения материала мне доведется высказывать свое личное мнение о тех или иных выводах, заключениях и аргументах авторов перечисленных выше книг, а также некоторых других. Отдаю себе отчет в том, что в моей работе неизбежно будут встречаться не столько повторения отдельных сюжетов, уже освещенных в литературе, сколько, так сказать, своеобразная авторская переключка. Обусловлена она самой логикой освещаемых проблем и в какой-то степени представляется неизбежной. Особенностью же моего освещения указанных проблем является то, что они подаются как составная часть общей политической биографии Сталина. Естественно, это своеобразным обручем стягивало как масштабы, так и форму подачи материалов. Ведь военный отрезок сталинской

биографии должен органически вписаться в трехтомник, не нарушая разумных и необходимых пропорций.

Естественно, что я ни в коей мере не собирался соперничать с этим безбрежным океаном, стремясь внести и свою лепту в данную тему. Тем более что я несведущ в военных вопросах и мои мнения и заключения по конкретным вопросам выглядели бы непросчитанным дилетанством и самонадеянностью. К тому же, перед моим мысленным взором неизменно вставали выводы и оценки одних и тех же авторов, точки зрения которых разительно, чаще всего на 180°, изменялись в зависимости от политической конъюнктуры. На конкретных примерах мы будем еще не раз иметь возможность проиллюстрировать эту так называемую объективность и верность истине и фактам. Здесь же мне кажется важным отметить именно эту особенность произведений о Сталине и его деятельности в период войны. Второй момент, заслуживающий особого упоминания, – это мемуары, прежде всего видных военачальников, которые сами по себе имеют огромную историческую ценность, но нередко несут на себе следы того времени, когда они издавались. Поэтому читатель также должен постоянно держать в уме данное обстоятельство и сопоставлять различные оценки крупных мемуаристов с логикой фактов и обстоятельствами времени, когда они выходили в свет. Мне встретилось в полемике о роли Сталина в войне одно, на мой взгляд, примечательное мнение читателя, который писал: «Наша военная история, – пишет он, – смотрит в прошедшее через очки полководцев, а это, на мой взгляд, равносильно тому, если бы историю русской литературы написали по превосходным мемуарам Панаевой, Никитенко и т.д., не более того»³³⁴. Можно соглашаться или не соглашаться с приведенным мнением, но отрицать, что в нем содержится большая доля истины, едва ли возможно. Тем более, если примем во внимание, что одни и те же полководцы (тот же Г.К. Жуков) в разное время и по разным поводам давали явно несовместимые друг с другом оценки Сталину как государственному руководителю и Верховному главнокомандующему.

Но оставим пока эту сторону вопроса, ибо будем касаться ее в других местах. Здесь же мне хочется сформулировать главную, исходную позицию, которая определяет принципиальный подход и предопределяет фундаментальные выводы, лежащие в основе данной главы. Никто не может оспорить того факта, что именно под руководством Сталина наша страна одержала победу в самой кровавой и страшной войне в истории человечества. Здесь неуместно ссылаться на банальную истину, что победителей не судят. Их судят часто еще более суровым судом, чем побежденных, ибо история не знает снисхождения к лаврам победителя и не испытывает особой неприязни к позору побежденного. Для нее важна прежде всего истина. А истина такова,

---

³³⁴ Цит. по А.М. Самсонов . Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М. 1989. С. 351.

что, несмотря на все крупные ошибки, просчеты, а порой и роковые заблуждения, Сталин оказался на высоте в качестве верховного государственного и военного руководителя Советского Союза. Он оказался на высоте тех суровых требований, которые эпоха предъявила нашей стране и ему как ее лидеру. Общая позитивная оценка его роли в Великой Отечественной войне ни в малейшей степени не дает оснований или поводов замалчивать его ошибки и неудачи, его личную вину за крупные поражения, которые потерпела наша армия особенно в первый период войны.

Однако, если судить по нашей либерально-демократической печати, да и не только нашей, но и западной, Сталина судят и осуждают столь сурово и безжалостно, как будто не Гитлер, а он проиграл войну, как будто не над Рейхстагом было водружено Знамя победы, а над Кремлем стало реять победное знамя германского фашизма. Кто-то может возразить: не преувеличивайте, не сгущайте красок! Однако, если вдуматься в суть вещей, в природу серьезнейшей идейно-политической борьбы вокруг наследия победы и вокруг имени Сталина в этой связи, если отбросить всякую вуаль и называть вещи своими подлинными именами, то именно так и обстоит дело. Я лишь без всяких недомолвок и экивоков выразил свою мысль, и она, эта мысль, гораздо ближе к исторической правде, нежели завуалированные десятками оговорок и хитроумных сомнений оценки, которые доказывают обратное. Сталина судят за победу, приводя самые разные аргументы, но забывают об одном – именно он оказался вождем победившего государства. Естественно, предположить, что это в какой-то степени равнозначно и осуждению самой победы: мол, слишком велика была ее цена, что мы могли разгромить Германию быстрее и эффективнее и т.п. Однако в конечном счете, всякие если бы да кабы – это не инструментарий исторической науки, а средство и орудие идейно-политического противоборства.

Возможно, я и нарушаю законы хронологии и как бы забегаю вперед, но мне казалось правильным и важным с самого начала прямо и недвусмысленно определить свою позицию по рассматриваемым вопросам. Поскольку именно под данным углом зрения я и буду подходить к анализу рассматриваемых проблем и делать соответствующие выводы. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть одно обстоятельство: критики Сталина и социалистического этапа нашей общей истории как неразрывного целого решительно и категорически отрицают объективную и неразрывную связь нашей победы с господствовавшим тогда в нашей стране общественным строем. По их понятиям, выходит, что общественный уклад, существовавший в нашей стране, если и имеет какое-либо отношение к победе в войне, то лишь отрицательное. Но ведь смешно и просто дико искусственно отрывать государственный строй воюющей страны от всех ее усилий по организации войны и достижению победы. В природе не существует таких вещей, какие мерещатся тем, кто с неистребимой ненавистью и упорной ограниченностью пытаются отрицать естественную и органическую взаимосвязь между

государством, ведущим самую суровую из всех войн, и существовавшим в ней общественным строем. Ненависть застилает глаза и затуманивает разум тех, кто из-за неприятия социализма готов отбросить как ненужный хлам логику и здравый смысл.

Конечно, я отдаю себе отчет в том, что и противники социализма имеют собственные основания и аргументы, которыми они пытаются подкрепить свои позиции и фундаментальные выводы. Однако, на мой взгляд, совершенно неоспоримым и исторически неопровержимым является тот основополагающий факт, что если бы нашей стране, согласно политико-стратегическому замыслу Сталина, за предшествовавшие полтора десятилетия до рокового 1941 года не удалось в своей основе создать мобилизационную экономику, ход исторического развития в мире, и особенно для нашей страны, мог принять совершенно иной оборот. Задним числом легко рассуждать о том, что было не сделано или не сделано до конца, какие промахи и ошибки были совершены и какой большой ценой они оплачивались. Но исторический анализ, если он претендует на объективность, должен базироваться на реальных фактах и обстоятельствах, на анализе реального положения в мире и в стране, а не на каких-то часто весьма умозрительных предположениях и гипотезах.

Заслуживает внимание еще одно обстоятельство: чем большая временная дистанция отделяет нас от военной эпохи, тем больше разгораются споры и полемика вокруг многих проблем войны и роли и месте Сталина в достижении нашей победы. Это свидетельствует не только о неоднозначности самой проблемы и наличии различных подходов к ее освещению. В определенном смысле указанный факт однозначно свидетельствует о наличии в современном обществе (не побоюсь этого слова) раскола в общественном мнении по данному вопросу. Впрочем, раскол проходит не только по данному вопросу, но и по общему отношению к социалистическому этапу развития нашей страны. Те, кто отрицает историческую связь времен, должны, наконец, уяснить, что общенациональное единство и социальная стабильность едва ли достижимы при наличии такого рода явлений. Ведь два с лишним столетия, прошедшие со времени Великой Французской революции, не раскололи Францию на два противоборствующих лагеря. Годовщина Великой Французской революции с одинаковым энтузиазмом отмечается, можно сказать, всем французским народом, а не только потомками санкюлотов и теми, кто штурмовал Бастилию. Опыт прошлого многих стран с убедительностью доказывает, что уважение к собственной истории, признание не на словах, а на деле неразрывности исторической связи времен является одним из неперенных условий развития каждого общества, каждой страны.

В качестве своеобразного личного аргумента сошлюсь на такой факт. Мне довелось побывать недавно в Китае, где я посетил город Сикоу – место рождения лидера гоминьдана Чан Кайши – злейшего и непримиримого врага

коммунистов. Так вот, в доме, где он родился разместился огромный музей, который посещают многие тысячи желающих. Как говорится, враг повержен, а память о нем сохраняется, ибо она является неотъемлемой составной частью современной китайской истории.

Не хочу этим примером проводить какие-то аналогии, а тем более превращать этот факт в аргумент. Но он достаточно поучителен. Поверженного врага чтят и учреждают в его честь музеи. А у нас непрерывно разглагольствуют о формулировании национальной идеи и укреплении сплоченности в обществе и в то же время непрерывно поливают потоками грязи весь период социалистического строительства, находя в нем лишь отрицательные стороны. Как говорится, в такой карете истории далеко не уедешь.

Период войны в жизни советского народа, как, разумеется, и в жизни, и в политической судьбе Сталина, занимает, можно сказать, главное место. В конечном счете, именно война определяла судьбу народов нашей страны, как и судьбу самого Сталина не только как руководителя, но и просто как личности. На карту было поставлено все. И речь шла в немалой степени о том, подтвердят ли события правильность основной политико-стратегической линии Сталина, окажутся ли основные направления его политики отвечающими требованиям времени или будут опрокинуты самим развитием событий. Историческая ретроспектива дает право утверждать, что в основе политическая философия вождя выдержала испытание суровыми событиями и в конечном счете оправдала себя. В противном случае все эти планы индустриализации страны ускоренными темпами, проведенная жесткими, подчас преимущественно насильственно-административными мерами, коллективизация сельского хозяйства, другие жесткие меры, в том числе и широкомасштабные репрессии, нанесшие стране огромный ущерб – словом, вся политическая философия Сталина оказалась бы несостоятельной, построенной на песке. Нисколько не желая преуменьшить характер и масштабы ошибок, а порой и прямых преступлений, совершенных сталинским режимом, полагаю, что в рамках существовавших реальностей внутреннего и международного плана стратегическая линия Сталина оказалась исторически состоятельной, ибо в противном случае она не смогла бы выдержать столь жестких и суровых испытаний, провалов и поражений. Это, конечно, не равнозначно тому, будто нельзя было избежать всех крайностей сталинской политики и добиться тех же результатов с меньшими жертвами и потерями. В принципе, это так. Хотя кто найдет такие исторические весы, на которых с известной точностью можно было бы все это измерить и сделать достоверные выводы. Вот почему не так легко вести полемику по многим вопросам, касающимся отдельных важных аспектов войны, поскольку аргументация различных сторон, как правило, содержит в себе элементы истины. Я имею в виду действительно объективную полемику, а не заведомо ложные, чаще всего заранее спрограммированные позиции и

установки. Учитывая все это, можно с уверенностью утверждать, что споры вокруг проблем войны и роли, которую Сталину самой судьбой было предрешиено сыграть в ней, будут продолжаться еще долгое время. По мере того как все больше новых фактов будет становиться достоянием историков, картина будет приобретать все более четкие и конкретные черты. Хотя, на мой взгляд, никакие новые детали уже не смогут подвергнуть принципиальному пересмотру то, что известно сегодня. Отдельные моменты могут быть уточнены, оценки некоторых деятелей пересмотрены или скорректированы, но общий абрис исторической эпохи едва ли претерпит коренные трансформации.

Коснувшись вопроса о конкретных событиях и деталях, я хочу заранее обозначить свою позицию как автора. В настоящей главе я не стану последовательно рассматривать или излагать ход событий, поскольку это просто невозможно и увело бы меня от главной темы. А она заключается в том, чтобы в общих чертах раскрыть роль Сталина в войне, сделав акцент прежде всего на его качествах как политического стратега, а не сугубо военного руководителя. Придется неизбежно касаться многих полемических тем, вокруг которых шли и идут баталии как в специальной литературе, так и в средствах массовой информации. Так что сопоставление точек зрения, доводы и контрдоводы, аргументы и контраргументы явятся органической частью главы. Пусть читатель не осудит меня за то, что многие аспекты проблемы, часто весьма важные и существенные, остались за скобками моего повествования. Но этому есть не только оправдание, но и объяснение.

Вне всякого сомнения, период войны стал триумфом всей политической карьеры Сталина, причем путь к нему был тернистым, полным опасностей и потрясений. Он стал как бы венцом всей его политической деятельности. Это, однако, не избавило от суда истории, который продолжается и по сей день. Причем, если называть вещи своими именами, то речь идет не о суде истории как таковом, ибо он должен быть беспристрастен и справедлив, должен быть не только выше, но и вообще вне всяких политико-идеологических соображений и мотивов. Иного суда истории и не может быть. Здесь уместно привести слова Плутарха, который писал об оценке правления в Греции Перикла: «До такой степени, по-видимому, во всех отношениях трудно путем исследования найти истину, когда позднейшим поколениям предшествующее время заслоняет познание событий, а история, современная событиям и лицам, вредит истине, искажая ее, с одной стороны, из зависти и недоброжелательства, с другой – из угодливости и лести»³³⁵.

У нас же определенные политико-идеологические силы, исходя из своих собственных интересов, взяли на себя функции Фемиды и выносят произвольные исторические приговоры как отдельным личностям, так и

---

³³⁵ Плутарх. Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 1. С. 298.

целым историческим эпохам, пережитым нашей страной. Такой подход невозможно оправдать никакими соображениями, ибо он от начала до конца зиждется на заранее заданных выводах и методологии. Я уж не говорю о том, что с особым усердием анафеме предается деятельность Сталина в период войны. Конечно, и победители не застрахованы от исторического суда, но здесь, как и везде, нужно чувство меры и ответственности перед истиной. При любом, самом пристрастном отношении к Сталину как политической фигуре, нельзя скрыть и замолчать тот очевидный факт, что именно под его предводительством народы нашей страны сломали хребет германскому фашизму и освободили от власти нацизма многие страны Восточной Европы. А если говорить с более широких позиций, то именно Советская Россия под руководством Сталина повернула колесо истории в нужную сторону, устранив с исторической арены такого монстра, каким являлся германский фашизм. Иными словами, ход мировой истории во многом оказался именно таким, каким он стал, прежде всего благодаря победе Советского Союза в Великой Отечественной войне. А эта война, в сущности, и составила основное содержание событий второй мировой войны.

Впрочем, как любят шутить некоторые литераторы, наша история непредсказуема. И это проявляется во многом – в том числе и в отношении бывших лидеров страны. Даже тех, кто снискал себе ореол победителя нацизма. Сталину приходится нести это бремя вот уже на протяжении более полувека. И нет сомнений в том, что так будет продолжаться и в обозримом будущем.

Слава, которую он обрел в результате победы, часто оборачивается бесславием и предается незаслуженной анафеме. Причем в качестве едва ли не самого веского аргумента приводится мысль, многократно сформулированная многими мыслителями прошлого. В частности, французским просветителем и писателем Ларошфуко: «Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута»³³⁶. Истина, выраженная этими словами, едва ли может быть оспорена всерьез. Однако она не универсальна по своему существу и должна соизмеряться с реалиями исторической эпохи, к которым она применяется. Иными словами, в сфере политической, и особенно в сфере международной, ее толкование требует особой осторожности и избирательности. Поскольку в этих сферах оперировать абстрактными понятиями, конечно, допустимо, но следует делать это не схоластически, отрываясь от реальностей эпохи, о которой идет речь.

Не претендуя на конечный вывод мудрости людской, замечу, что как бы лично ни относиться к политическим воззрениям Сталина, к его политической философии и общественной практике эпохи, которую ныне

---

³³⁶ Библиотека всемирной литературы. Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюер. Т. 42. М. 1974. С. 50.

либерально-демократические круги величают не иначе, как эпохой тоталитарного строя, военный период был звездным часом Сталина как политика, как военного деятеля и как личности вообще. Как нельзя затмить сияние звезд ясной ночью, так и нельзя отрицать, что именно период войны стал самой блистательной и яркой страницей в сложной и противоречивой жизни и деятельности советского лидера. Причем особую значимость обретает в данном случае то, что он выступал в двух ипостасях одновременно – и как государственного и политического руководителя страны, так и Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. Война как бы стала экзаменом всех его качеств, в особенности как государственного руководителя и военачальника.

2. Война, которую ожидали и которая оказалась неожиданной

Обстоятельства, которыми сопровождалось нападение фашистской Германии на Советский Союз, и реакция Сталина на события достаточно подробно и профессионально описаны Г.К. Жуковым в его воспоминаниях. Вот его свидетельство:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркомку и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

– Приезжайте с наркомом в Кремль, – сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил С.К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

– Что будем делать? – спросил И.В. Сталин. Ответа не последовало.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – сказал И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

– Таковую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений³³⁷.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи³³⁸.

Текст директивы, подписанный 21 июня 1941 г., я цитирую не по воспоминаниям Жукова, по официальному тексту, между которыми имеются существенные различия. Во-первых, это был приказ не всем приграничным округам, а только командующим трех армий Западного округа. Во-вторых, он был подписан также членами военного Совета ЗАПВО, а не только Тимошенко и Жуковым. В-третьих, у Жукова сказано, что передача приказа была закончена в 00 ч. 30 м. 22 июня 1941 г. В примечании же официального документа сказано: «Отправлена 22 июня 1941 г. в 02-25-02-35». Как можно заметить, различия весьма существенные³³⁹.

Текст телеграммы был следующим:

**«ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАПВО
КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3-й, 4-й и 10-й АРМИЙ
22 июня 1941 г.**

Передаю приказ Наркомата обороны для немедленного исполнения:

---

³³⁷ Здесь стоит привести мнение А.М. Василевского насчет приведения войск в боевую готовность. В своих воспоминаниях он писал: «Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении. Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что, чем раньше были бы приведены Вооруженные Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках агрессивных устремлений Германии. Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес.

Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней». См. *А.М. Василевский. Дело всей жизни*. М. 1978 (электронный вариант).

Чтобы у читателя не сложилось превратное представление, будто Василевский в данном случае оправдывает Сталина, замечу, что по ходу изложения событий он как раз и подвергает Сталина критике за то, что тот промедлил с приведением войск в боеготовность, считая это одной из серьезнейших ошибок Сталина в начале войны.

³³⁸ *Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления*. Т. 1. С. 261 – 262.

³³⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 423.

1. В течение 22 – 23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко Жуков

Павлов

Климовский Фоминых»³⁴⁰.

Однако события развивались отнюдь не в соответствии с директивами, утвержденными Сталиным. 22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут (по московскому времени) тысячи орудий и минометов германской армии открыли огонь по пограничным заставам и по расположению советских войск. Немецкие самолеты начали бомбардировку важных объектов во всей приграничной полосе – от Баренцева до Черного моря. Воздушным налетам подверглись многие города, в их числе Мурманск, Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, а также военно-морские базы Кронштадт, Измаил, Севастополь. Бомбардировщики перелетели советскую границу на всех участках одновременно. Первые удары пришлись как раз по местам базирования советских самолетов новейших типов, пунктам управления, портам, складам, железнодорожным узлам. Массированные воздушные удары врага сорвали организованный выход первого эшелона приграничных округов к государственной границе. Сосредоточенная на постоянных аэродромах авиация понесла невосполнимые потери: за первый день войны было уничтожено 1200 советских самолетов, причем большая их часть даже

---

³⁴⁰ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 423.

не успела подняться в воздух. За тот же период советские ВВС совершили около 6 тыс. самолето-вылетов и уничтожили в воздушных боях свыше 200 немецких самолетов³⁴¹.

Но советское руководство, в том числе и Сталин, не представляли себе масштабов случившегося. Поэтому утром 22 июня была принята новая, уже общая директива, которая явно не соответствовала реально сложившейся обстановке и развивавшимся событиям. Ее стоит привести как пример того, насколько неверно Сталин, а вместе с ним и высшее военное начальство в лице наркома и начальника Генштаба, оценивали сложившуюся ситуацию. Вот полный текст директивы:

«ДИРЕКТИВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО, КОПИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (СССР)

№ 2

22 июня 1941 г.

7 ч. 15 мин.

22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100 – 150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО МАЛЕНКОВ

ЖУКОВ»³⁴².

Едва ли надо говорить о том, что эта директива повисла в воздухе, и

---

³⁴¹ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 130.

³⁴² 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 431.

события развивались в совершенно ином направлении. Гитлеровские войска продолжали стремительное наступление. В Москве 23 июня 1941 г. было принято решение создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе: Наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Буденного и наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе: маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса³⁴³.

10 июля 1941 г. Ставка Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР была преобразована в ставку Верховного Командования и определена в составе: Председателя Государственного Комитета Обороны т. Сталина, Заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны т. Молотова, маршалов Тимошенко, Буденного, Ворошилова, Шапошникова, Начальника Генштаба генерала армии Жукова. Одновременно было принято решение об образовании трех главных стратегических направлений – Северо-Западного (главнокомандующий Ворошилов), Западного (Тимошенко) и Юго-Западного (Буденный)³⁴⁴. 19 июля 1941 г. Сталин был назначен наркомом обороны.

Но возвратимся к хронологии разворачивавшихся событий. Как страна узнала о начале войны и почему она узнала об этом не из уст самого Сталина? На этот счет существуют различные мнения, которые сводятся к двум основным. Известный историк-диссидент А. Некрич в 1965 году выпустил книгу о начале войны, в которой в пух и прах раскритиковал всю предвоенную политику Сталина и его внешнеполитические действия. Впоследствии в соавторстве с М. Геллером он опубликовал трехтомник об истории Советского Союза. По поводу интересующего нас сюжета там говорится следующее: «Спустя 8 часов после вторжения германских вооруженных сил, в 12 часов дня по радио выступил заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотов, сообщивший гражданам Советского Союза о вероломном нападении Германии. Сталин предпочел не выступать. У него было для этого достаточно причин. Главная из них заключалась в провале его политики – дружбы и сотрудничества с фашистской Германией и подготовки страны к войне. Сталин, который обычно связывал свое имя с достижениями, с победами, вовсе не хотел, чтобы его имя идентифицировалось с поражениями. Сталин

---

³⁴³ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 441.

³⁴⁴ Там же. С. 469 – 470.

был в шоке. Он заперся на своей даче в Кунцеве и фактически самоустранился от государственных дел. Лишь спустя несколько дней он не без нажима со стороны других членов Политбюро (как о том было официально заявлено на XX съезде КПСС в 1956 году) вернулся к исполнению своих обязанностей»³⁴⁵.

Сейчас я не стану касаться вопроса о самоустранении Сталина от дел, так как сделаю это чуть ниже. Здесь же мне представляется уместным обратиться к историческим источникам, рисующим картину этого эпизода. Главным источником служат архивные записи и свидетельства непосредственного участника тех событий В.М. Молотова. Молотов вспоминает, что с 10.40 до 11.30 часов 22 июня он оставался наедине со Сталиным. Именно ему Сталин поручил выступить по радио с обращением к советскому народу в связи с началом войны. «– Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек – это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

– Ваши слова: „Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами“, – стали одним из главных лозунгов войны.

– Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова, там были и поправки, и добавки, само собой.

– Сталин участвовал?

– Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает»³⁴⁶.

Молотов написал проект выступления, который Сталин лично отредактировал и внес в него существенные дополнения. В этой работе, как свидетельствуют источники, принимали участие и другие члены Политбюро. Дополнения носили принципиальный характер. В частности, Молотов заявил, что «Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление». В текст выступления были внесены также следующие

---

³⁴⁵ Михаил Геллер, Александр Некрич. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. М. 1995. Т. 1. С. 407.

³⁴⁶ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 50 – 51.

принципиальные моменты. В частности, такой: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом»³⁴⁷.

Кроме того, подчеркивался призыв к гражданам и гражданкам Советского Союза, «еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина»³⁴⁸.

Бесспорно, что именно Сталину принадлежит идея назвать начавшуюся войну отечественной, что имело отнюдь не просто чисто лингвистическое значение, а поднимало ее на уровень всенародной войны, придавало ей общенациональный характер и ставило в один ряд со всей историей освободительной борьбы наших народов, их борьбы за единство и целостность нашего государства. Надо сказать, что предпосылки такого подхода к оценке характера предстоявшей нашей стране войны у Сталина начали формироваться задолго до этого, что я попытался раскрыть во втором томе своего труда. Здесь же они обрели совершенно четкую и полную содержания форму.

Нельзя не отметить и акцента на принципиально новый характер ситуации, требовавшей от всех граждан страны выработки совершенно нового отношения к своим обязанностям и к своему труду. Афористически это выразилось через несколько дней в словах песни – «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!» И надо сказать, что буквально в считанные дни вся страна превратилась в огромный военный лагерь, который должен был сформировать новые силы для разгрома вторгшегося врага.

Звучали в обращении, правда, в завуалированном виде и некоторые отголоски прежнего классового подхода, когда говорилось, что «эта война

---

³⁴⁷ «Исторический архив». 1995 г. № 2. С. 39.

³⁴⁸ Там же.

навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских предателей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы»³⁴⁹. Однако этот классовый мотив отступал на задний план перед фактически сформулированной здесь мыслью о создании объединенного фронта борьбы всех поработенных народов Европы против гитлеровского фашизма. Именно эта идея выступала в качестве доминирующей.

Сопоставляя два варианта – первоначальный, написанный Молотовым, и окончательный, исправленный Сталиным, – чувствуется, как принято говорить, рука мастера. Здесь четко и определенно выражена новая природа войны, необходимость всю страну, весь народ поставить на службу достижения победы и одновременно выражалась принципиальная готовность нашей страны к сотрудничеству со всеми, кто готов бороться с фашистской Германией.

Всякого рода измышления о причинах того, почему Сталин не выступил в первый день войны, вызывают возражения даже таких ярких антисталинистов, как, например, Д. Волкогонов. Он в своей книге о Сталине писал: «...Думаю, дело обстояло не совсем так. Вопрос об обращении к народу решался ранним утром, когда еще никто в Москве не знал, что мы „в первые часы войны терпим поражение“. О войне, ее угрозе народу часто говорили. Готовились к ней. Но пришла она все равно неожиданно. Сталину было во многом неясно, как развиваются события на границе. Вероятнее всего, он не хотел ничего говорить народу, не уяснив себе ситуации. Сталин никогда до этого, во всяком случае в 30-е годы, не делал крупных шагов, не будучи уверенным в том, как они скажутся на его положении. Он всегда исключал риск, который мог бы поколебать его авторитет, авторитет вождя»³⁵⁰. Несмотря на общую антисталинскую направленность оценок Волкогонова, в ряде случаев он проявляет уважение к фактам и здравому смыслу, что, однако, не ставит под вопрос в целом тенденциозный характер и направленность его писаний о Сталине.

---

³⁴⁹ «Исторический архив». 1995 г. № 2. С. 39.

³⁵⁰ *Дмитрий Волкогонов*. Сталин. Политический портрет. Книга вторая. М. 1996. С. 161.

3. Находился ли Сталин в состоянии прострации в первые дни войны?

Существует немало мифов и прямых исторических фальсификаций, связанных с освещением роли Сталина как в Великой Отечественной войне в целом, так и в особенности на первых, самых тяжелых ее этапах. Сюда же примыкают и серьезные филиппики в адрес вождя, относящиеся к предвоенному периоду. На ряде таких мифов, а также вполне обоснованных упреков в адрес Сталина и советского военного руководства я уже останавливался в предшествующих главах. В данной и последующих главах я постараюсь дать более или менее аргументированный ответ и на другие обвинения, благо, что их число не только не сокращается с ходом времени, а, наоборот, они становятся все более категорическими, обретая порой характер чуть ли не истины в последней инстанции. Таким примером является, на мой взгляд, следующий.

Российский историк Л.Э. Ларионов в сборнике, специально посвященном историографии сталинизма, опубликовал статью под названием «Суд над генералиссимусом: современные дискуссии о роли Сталина в Великой Отечественной войне», в которой, можно сказать в лапидарном стиле, суммировал основные обвинения в адрес Сталина. Причем надо отметить, что он не ставил перед собой задачей научную разработку и обоснование этих обвинений. Он просто перечисляет их, сопоставляя точки зрения как сторонников, так порой и противников этих исторических грехов, которые обрушиваются на голову давно усопшего вождя.

Здесь я приведу лишь 6 из 8 обвинений, которые относятся к общим проблемам руководства военными действиями со стороны Сталина, причем те из них, которые касаются прежде всего первых периодов войны. На двух других я остановлюсь в соответствующих главах, к которым они хронологически относятся.

Итак, автор следующим образом суммирует военные и политические просчеты (читатель сам вправе выбрать любой термин, созвучный его представлениям – преступления, роковые ошибки, безответственность и т.п.). Перечисляю их в том виде, как они даны в книге.

Обвинение 1. Некомпетентность И.В. Сталина как Верховного главнокомандующего в ходе руководства военными действиями.

Обвинение 2. Авторитаризм при руководстве деятельностью Ставки ВГК, подавление личной инициативы других членов Ставки, готовность обрушить на них репрессии вплоть до расстрела, снимая с себя ответственность за собственные ошибки.

Обвинение 3. Неоправданная жестокость и невнимание к гибели миллионов людей, в доказательство чего приводится приказ наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г.

Обвинение 4. Упорное игнорирование Сталиным данных разведки о

намеченном на весну или лето 1941 г. нападении Германии на СССР, оказавшемся из-за этого внезапным.

Обвинение 5. Испуг и растерянность Сталина в первые дни войны, выразившиеся в его самоустранении от дел и пребывании в прострации то ли в Кремле, то ли на даче в Кунцево.

Обвинение 6. Проявления Сталиным случаев трусости в годы войны, к чему относятся его намерение покинуть Москву осенью 1941 г. и постоянное пребывание в Ставке без выездов на фронт³⁵¹.

Позволю себе отступить от хронологии обвинений, выдвигаемых против Сталина, и начну с тех, которые более логично ложатся в ход изложения событий, рассматриваемых в данной главе.

Один из самых пропагандируемых мифов, усердно распространяемых на протяжении уже шести десятилетий, касается поведения Сталина в первые дни (вернее, в первые десять дней) после начала войны. Суть его впервые сформулировал и официально озвучил в своем докладе о культе личности Н. Хрущев в 1956 году. И хотя этот миф многократно опровергался на базе архивных данных, а также в ряде работ о Сталине советских и российских историков, он продолжает жить и зачастую преподносится как неопровержимый факт. Проблема с точки зрения исторической науки видится мне уже решенной вполне однозначно, однако на ней необходимо остановиться, чтобы еще раз показать всю ее фальшивость.

Итак, начнем с Н. Хрущева. В его докладе утверждалось как бесспорная и очевидная истина: «Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

– То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.

Но дело не только в самом моменте начала войны, который серьезно дезорганизовал нашу армию и причинил нам тяжкий урон. Уже после начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Сталин при своем вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии тяжелый урон.

Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки,

---

³⁵¹ Историография сталинизма. Сборник статей под ред. Н.А. Симония. М. 2007. С. 246 – 261.

которая складывалась на фронтах»³⁵².

Уже находясь на пенсии, Хрущев продиктовал свои воспоминания, в которых легенда о том, что Сталин в первые дни войны находился в состоянии прострации и пытался отказаться от руководства страной, была изложена более детально, опять-таки со ссылками на других лиц. Хрущев утверждал: «в моральном отношении Сталин был просто парализован неизбежностью войны. Он, видимо, считал, что война приведет к неизбежному поражению СССР. Потом я скажу, как Сталин вел себя в первый день войны и что он сказал тогда. Об этом мне потом рассказывали Берия, Маленков, Микоян и другие товарищи, которые в это время были вместе со Сталиным...

Сталин, думаю, страдал тогда болезнью одиночества, боялся пустоты, не мог оставаться один, и ему обязательно нужно было быть на людях. Его голову, видимо, все время сверлил вопрос о неизбежности войны, и он не мог побороть страх перед нею. Он тогда сам начинал пить и спаивать других с тем, чтобы, как говорится, залить сознание вином и таким образом облегчить свое душевное состояние...

Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом уже, днем в то воскресенье, выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что все это уже описано и все могут ознакомиться с событиями по газетам того времени. То, что выступил Молотов, а не Сталин, – почему так получилось? Это тоже заставляло людей задумываться. Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями...

Потом уже, после войны, я узнал, что, когда началась война, Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: „Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его про...“. Буквально так и выразился. „Я, – говорит, – отказываюсь от руководства“, – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. „Мы, – рассказывал Берия, – остались. Что же делать дальше? После того как Сталин так себя показал, прошло какое-то время, посоветовались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым (хотя был ли там Ворошилов, не знаю, потому что в то время он находился в опале у Сталина из-за провала

---

³⁵² Культура и власть. От Сталина до Горбачева. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. С. 88 – 89.

операции против Финляндии). Посовещались и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию? Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организовать, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать все, чтобы поднять народ против Гитлера. Сталин тут вроде бы немного пришел в себя. Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной промышленности и прочего“.

Я не сомневаюсь, что вышесказанное – правда. Конечно, у меня не было возможности спросить Сталина, было ли это именно так. Но у меня не имелось никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Сталина как раз перед началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение. Он находился в состоянии шока»³⁵³.

Прежде чем дать свою собственную оценку изложенному выше, полагаю, что целесообразно в полном виде привести здесь отрывок из воспоминаний непосредственного участника тех событий, чтобы данная версия была изложена с исчерпывающей полнотой и чтобы не было возможности упрекать автора в том, будто он пытается умолчать о важных свидетельствах. Речь идет о воспоминаниях А.И. Микояна, в которых рисуется следующая картина всего происходившего в те дни.

А.И. Микоян писал: «Сталин в подавленном состоянии находился на ближней даче (в Волынском, в районе Кунцево).

Обстановка на фронте менялась буквально каждый час. В эти дни надо было думать не о том, как снабжать фронт, а как спасти фронтные запасы продовольствия, вооружения и т.д. На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. 29 июня, вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке.

В наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи – никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: „Что за Генеральный

---

³⁵³ Н.С. Хрущев . Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 282, 289, 300, 301.

штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?”

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5 – 10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые.

Главным тогда было восстановить связь. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик – это Сталин предложил, потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали развиваться сравнительно неплохо. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. А из Белоруссии открывался прямой путь на Москву. Сталин был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: „Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали...” Мы были поражены этим высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно потеряно? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта.

Через день-два, около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов, Берия. Мы их застали за беседой. Берия сказал, что необходимо создать Государственный Комитет Обороны, которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции правительства, Верховного Совета и ЦК партии. Мы с Вознесенским с этим согласились.

Договорились во главе ГКО поставить Сталина, об остальном составе ГКО при мне не говорили. Мы считали, что само имя Сталина настолько большая сила для сознания, чувств и веры народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями. (Выделено мной – Н.К.) Решили поехать к нему. Он был на ближней даче.

Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: „Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдём“, – то есть в том смысле, что если Сталин будет себя так вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы пойдём за ним.

Другие члены Политбюро подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы сможем организовать оборону и сражаться по-настоящему. Однако это сделать будет не так легко. Никакого упаднического настроения у нас не было. Но Вознесенский был особенно возбужден.

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на

нас. Потом спросил: „Зачем пришли?“ Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны. „Кто во главе?“ – спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе – он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. „Хорошо“, – говорит потом. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. „Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я“, – добавил он.

Сталин заметил: „Надо включить Микояна и Вознесенского. Всего семь человек утвердить“. Берия снова говорит: „Товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнарком, Госплане? Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане“. Вознесенский поддержал предложение Сталина, Берия настаивал на своем, Вознесенский горячился. Другие на эту тему не высказывались.

Впоследствии выяснилось, что до моего с Вознесенским прихода в кабинет Молотова Берия устроил так, что Молотов, Маленков, Ворошилов и он, Берия, согласовали между собой это предложение и поручили Берия внести его на рассмотрение Сталина.

Я считал спор неуместным. Зная, что и так как член Политбюро и правительства буду нести все равно большие обязанности, сказал: „Пусть в ГКО будет 5 человек. Что же касается меня, то кроме тех функций, которые я исполняю, дайте мне обязанности военного времени в тех областях, в которых я сильнее других. Я прошу назначить меня особо уполномоченным ГКО со всеми правами члена ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим“. Так и решили.

Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов, что также было принято. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, а авиационная промышленность – на Маленкова. На Берия была оставлена охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством.

1 июля постановление о создании Государственного Комитета Обороны во главе со Сталиным было опубликовано в газетах.

Вскоре Сталин пришел в полную форму, вновь пользовался нашей поддержкой. 3 июля он выступил по радио с обращением к советскому народу»³⁵⁴.

Кому-то может показаться, что нет резона комментировать эти

---

³⁵⁴ Анастас Микоян . Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 389 – 392.

свидетельства с точки зрения их достоверности и соответствия историческим фактам. Можно доверять или не доверять этим свидетельствам, но подвергнуть их хотя бы самому общему анализу безусловно стоит³⁵⁵.

Во-первых, полностью по ряду моментов чисто архивными документами опровергаются утверждения и Хрущева, и Микояна о том, что Сталин в первые дни войны самоустранился от руководства, находился в состоянии прострации и фактически пустил ход дел на произвол. Журнал посетителей кремлевского кабинета Сталина, в котором скрупулезно фиксировались все лица, посещавшие кабинет Сталина в Кремле, а также время их прихода и ухода, неопровержимо свидетельствуют о том, что все дни, начиная с 20 июня, вплоть до 29 июня в кабинет Сталина вызывались десятки людей (как военных, так и гражданских), с которыми обсуждались и решались важнейшие вопросы, которые ставило развитие событий на фронте³⁵⁶. Ясно, что говорить о прострации Сталина и его самоустранении от дел на фоне приведенных фактов – по меньшей мере, явная фальсификация.

Конечно, свидетельства тех, кто писал или говорил о подавленности Сталина, о том, что он тяжело переживал столь трагический разворот начала войны, едва ли можно поставить под сомнение. Об этом, в частности, говорил и Молотов, стоявший тогда на второй ступеньке государственной иерархии. На вопрос писателя Ф. Чуева:

«– Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял, – Молотов ответил:

– Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, – как кающегося грешника его изображают!

Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи, он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять...

Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу, это было на второй или на третий день. Помимо, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню.

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

– Как держался?

---

³⁵⁵ Это тем более необходимо, что некоторые авторы, особенно западные, утверждают: «что якобы Сталин в начале войны был на отдыхе в Гаграх, находился в состоянии прострации и оставил страну на произвол судьбы. Пил до потери сознания» (*Robert Payne*. *The Rise and Fall of Stalin*. p. 569.)

³⁵⁶ «Исторический архив». 1996 г. № 2. С. 51 – 54.

– Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо.

– А вот Чаковский пишет, что он...

– Что там Чаковский пишет, я не помню, мы о другом совсем говорили.

Он сказал: „Прос...ли“. Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. „Все прос...ли“, – он просто сказал. А мы прос...ли. Такое было трудное состояние тогда. Ну я старался его немножко ободрить»³⁵⁷.

В качестве еще одного аргумента приведу ответ Л. Кагановича на тот же вопрос Ф. Чуева.

«Спрашиваю о 22 июне 1941 года:

– Был ли Сталин растерян? Говорят, никого не принимал?

– Ложь! Мы-то у него были... Нас принимал. Ночью мы собрались у Сталина, когда Молотов принимал Шуленбурга. Сталин каждому из нас сразу же дал задание – мне по транспорту, Микояну – по снабжению.

И транспорт был готов! Перевезти пятнадцать – двадцать миллионов человек, заводы... Сталин работал. Конечно, это было неожиданно. Он думал, что англо-американские противоречия с Германией станут глубже, и ему удастся еще на некоторый срок оттянуть войну. Так что я не считаю, что это был просчет. Нам нельзя было поддаваться на провокации. Можно сказать, что он переосторожничал. Но и иначе нельзя было в то время...

Я сначала думал, что Сталин считал, когда только началась война, что, может, ему удастся договориться дипломатическим путем. Молотов сказал: „Нет“. Это была война, и тут уже сделать было ничего нельзя»³⁵⁸.

Итак, если проследить день за днем первые десять суток войны, то становится очевидным, что Сталин неизменно оставался на своем посту, возглавляя руководство. Не зафиксированными в дневнике посетителей его кремлевского кабинета остались лишь два дня – 29 и 30 июня. Хотя, как свидетельствует Микоян, именно Сталин 29 июня предложил поехать в наркомат обороны, чтобы на месте выяснить обстановку. Возможно, члены руководства собрались в тот день не в кабинете, а на квартире Сталина и оттуда поехали в наркомат обороны. Таким образом, отсутствие записи от 29 июня находит в каком-то смысле свое объяснение.

Что же касается 30 июня, то здесь можно строить лишь более или менее обоснованные предположения и гипотезы. Критики Сталина начисто отбрасывают два момента: во-первых, все эти дни Сталин был серьезно болен. Как пишут авторы книги о Сталине как полководце Б. Соловьев и В. Суходеев, «теперь не секрет, что И.В. Сталин во второй половине июня 1941 года был мучительно болен. В субботу, 21 июня, когда у него температура

³⁵⁷ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 51 – 52.

³⁵⁸ Феликс Чуев. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992. С. 88.

поднялась до сорока градусов, в Волынское (ближнюю дачу) был вызван профессор Б.С. Преображенский, много лет лечивший И.В. Сталина. Осмотрев больного, профессор поставил диагноз – тяжелейшая флегмонозная ангина и настаивал на немедленной госпитализации. Однако И.В. Сталин наотрез отказался от больницы. При этом попросил Б.С. Преображенского на всякий случай не выезжать на выходной день из Москвы. И поставил условие, чтобы профессор о своем диагнозе никому не говорил»³⁵⁹.

Можно предположить, что тяжелое физическое состояние заставило Сталина остаться на даче. Но главное, как мне представляется, он хотел в спокойной обстановке подготовить программную речь, с которой ему предстояло выступить перед народом буквально через два дня. Такие речи не произносятся экспромтом, ибо вождь должен был объяснить всему народу причины неудач Красной Армии и четко сформулировать важнейшие задачи страны в новых условиях военного положения. Для этого требовалось время и возможность собраться с мыслями, чтобы дать правдивое объяснение причин всего происходящего. Те, кто утверждает, что Сталин избегал говорить о поражениях и своей вине за них, могут еще раз прочитать его выступление от 3 июля, чтобы убедиться в надуманности своих злопыхательских утверждений.

Стоит упомянуть еще одно обстоятельство: вождь, конечно же, был потрясен и в определенной степени подавлен ходом развития событий, которое после войны он назовет «моментами отчаянного положения» и прямо заявит о том, что «у нашего правительства было немало ошибок»³⁶⁰. Так что какие-то элементы растерянности и противоречивости в принятии решений со стороны Сталина отрицать было бы нелепо. Но не менее нелепо расценивать эти проявления как прострацию, а тем более как готовность пойти даже на отказ от руководства. Не таков был характер Сталина как человека и государственного деятеля, чтобы впасть в состояние прострации. Отнесем эти преувеличения на счет тех, кто во что бы то ни стало стремится доказать, что именно они вывели Сталина из данного состояния. Здесь уместно привести оценку английского биографа Сталина Я. Грея, который неплохо знал нашу страну и нашу историю и был лишен такой поистине заразной для исследователей прошлого болезни, как тенденциозность и предвзятость в выводах. Так вот, он, ставя под сомнение распространяемые версии по поводу того, что в первые дни войны Сталин фактически самоустранился от руководства и находился в состоянии прострации, писал в своей книге: «Фактически Сталин никогда не руководил более энергично и деятельно, чем в эти критические дни, когда казалось, что крах

---

³⁵⁹ Б. Соловьев, В. Суходеев. Полководец Сталин. М. 1999. С. 56.

³⁶⁰ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. С. 196.

неминуем»³⁶¹.

Несколько слов по поводу формирования Государственного Комитета Оборона, к чему Сталин имел якобы чуть ли не косвенное отношение. Не располагая какими-либо документальными данными, я не рискну утверждать, что все рассказанное по этому поводу А.И. Микояном – всего лишь взгляд на происходившее с высоты прошедших десятилетий. Хотя, возможно, это и так на самом деле. Но в силу понимания всей политической философии Сталина, анализа его подходов к власти, особенно к ее рычагам, едва ли следует допускать, что в создании ГКО он сыграл какую-то вспомогательную роль. Он еще с ленинских времен помнил о существовании Совета Труда и Оборона и, конечно, отдавал отчет в том, что подобный ему орган, но с еще большими полномочиями, должен быть создан после начала войны. Разумеется, обдумывал он и состав этого органа, поскольку, как показала предшествующая и последующая практика, ключевые кадровые вопросы решались им самостоятельно, а не по подсказке лиц из его окружения.

Могут возразить, что чрезвычайная обстановка диктовала именно необходимость принятия чрезвычайных мер. Однако никакая чрезвычайная ситуация в глазах Сталина не могла служить оправданием для того, чтобы хотя бы на минуту выпустить из своих рук бразды высшего правления. Логическими рассуждениями, конечно, трудно обосновывать характер того или иного решения. Однако лично мне представляется, что именно Сталину (а не Берии) принадлежит инициатива создания ГКО и определения его персонального состава.

Приведу краткую справку о Государственном Комитете Оборона, поскольку в ходе войны он являлся главным и решающим органом, принимавшим принципиальные решения по всем вопросам.

Государственный Комитет Оборона (ГКО), – чрезвычайный высший государственный орган в СССР, в котором в годы Великой Отечественной войны была сосредоточена вся полнота власти. Образован 30 июня 1941 г. решением Президиума ВС СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Первоначальный состав: И.В. Сталин (пред.), В.М. Молотов (зам. пред.), К.Е. Ворошилов, Л. Берия, Г.М. Маленков. Позднее в ГКО введены А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский, Н.А. Булганин.

В годы войны ГКО руководил деятельностью всех государственных ведомств и учреждений, направлял их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны для достижения победы над врагом, решал вопросы перестройки экономики и мобилизации людских ресурсов страны для нужд фронта и народного хозяйства, подготовки резервов и кадров для Вооруженных Сил и промышленности, эвакуации промышленности из угрожаемых районов, перевода предприятий в

---

³⁶¹ *Ian Grey* . Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982. p. 325.

освобождённые Советской Армией районы и восстановления разрушенного войной народного хозяйства, устанавливал объём и сроки поставок военной продукции и др. Каждый член ГКО ведал определённым кругом вопросов. Постановления ГКО имели силу законов военного времени. Все партийные, государственные, военные, хозяйственные и профсоюзные органы были обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО.

ГКО ставил перед Верховным Главнокомандованием и в целом перед Вооружёнными Силами СССР военно-политические задачи, совершенствовал структуру Вооружённых Сил, расставлял руководящие кадры, определял общий характер использования Вооружённых Сил в войне. Представители ГКО выезжали в войска действующей армии. Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой народа в тылу врага. В своей деятельности ГКО опирался на аппарат СНК СССР, уполномоченных ГКО на местах. Наркоматы обороны и ВМФ, их управления были рабочими органами ГКО по военным вопросам, непосредственными организаторами и исполнителями его решений. Стратегическое руководство вооружённой борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования. После окончания войны Указом Президиума ВС СССР от 4 сентября 1945 г. ГКО упразднён.

Не опасаясь того, что меня могут причислить к почитателям Волкогонова, приведу его мнение по поводу концентрации власти в стране. Как мне кажется, в данном случае он не впадает в присущий ему антисоветизм и антисталинизм, а выражает лишь то, против чего трудно возразить: «В первый период войны Сталин работал по 16 – 18 часов в сутки, осунулся, стал еще более жестким, нетерпимым, часто злым. Ежедневно ему докладывали десятки документов военного, политического, идеологического и хозяйственного характера, которые после его подписи становились приказами, директивами, постановлениями, решениями. Нужно сказать, что сосредоточение всей политической, государственной и военной власти в одних руках имело как положительное, так и отрицательное значение. С одной стороны, в чрезвычайных условиях централизация власти позволяла с максимальной полнотой концентрировать усилия государства на решении главных задач. С другой – абсолютное единовластие резко ослабляло самостоятельность, инициативу, творчество руководителей всех уровней. Ни одно крупное решение, акция, шаг были невозможны без одобрения первого лица»³⁶².

В дальнейшем я приведу достаточно авторитетные высказывания, которые если и не опровергают утверждение, что таким способом сковывались инициатива, самостоятельность и творчество работников всех рангов, то показывают, что Сталин весьма внимательно относился к мнению

---

³⁶² Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга вторая. С. 180 – 181.

военачальников и работников Генштаба и не навязывал собственные решения, опираясь лишь на свою власть и авторитет. Главное же состоит в том, что централизация власти была объективно необходима и без нее трудно было бы не только взять под контроль сложившуюся ситуацию, но и вообще добиться решающих успехов.

Что же касается содержащихся в воспоминаниях утверждений, что Сталин чуть ли не испугался, решив, что соратники пришли с целью арестовать его, то это представляется мне крайне невероятной фантазией. Сталин хорошо знал своих соратников и те границы, в рамках которых они могли действовать. Охрана Сталина не подчинялась им, поэтому даже с этой точки зрения арестовать его они были не в состоянии. Но главное заключается в том, что именно Сталин служил символом и олицетворением власти и режима в целом, поэтому такого рода попытка в условиях начавшейся войны могла бы родиться только в воображении какого-то сумасшедшего. И тогда, и сейчас, по прошествии столь многих лет, подобная мысль выглядит почти сумасбродной. Сталин, конечно, даже в самом мрачном состоянии, не мог себе представить такую возможность, ибо она была абсолютно исключенной. Поэтому мне кажется, что утверждение А.И. Микояна – «у меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать» – следует воспринимать, по крайней мере, как явное преувеличение, если не сказать сильнее!

Если смотреть на ситуацию того времени не с позиций сегодняшнего дня, а в широкой исторической перспективе и учитывать реальное положение дел в тот период, то, как мне представляется, арест или смещение Сталина его соратниками не только тогда, но и в дальнейшем явились бы самоубийственным шагом для самих его соратников. Они прекрасно оценивали складывавшуюся обстановку и отдавали себе отчет в том, что смещение Сталина было равнозначно признанию краха режима, а значит, и их собственного краха. Да и крайним упрощением было бы представлять, будто в такой обстановке вообще даже в качестве гипотетической могла существовать такая вероятность. Сталин был не только реальным вождем, обладавшим почти безграничной властью, но и идейно-политическим олицетворением советского строя. О каком в этом случае аресте могла идти речь? Несмотря на внешнюю правдоподобность излагаемых Микояном обстоятельств происшедшего на ближней даче Сталина эпизода, его квинтэссенция – а именно, что Сталин испугался возможного ареста – выглядит как эмоциональное преувеличение, если не сказать большего. Правда, читатель может возразить: ситуация, мол, была такая, что любой разворот событий предсказать невозможно. Однако вся система власти при Сталине, на мой взгляд, дает определенный и однозначный ответ на рассматриваемый вопрос – это было невозможно в силу простой причины: в силу самой невозможности подобного развития событий.

Описывая некоторые ключевые события первого периода войны, нельзя

обойти молчанием вопрос и о так называемой попытке Сталина путем серьезных территориальных и иных уступок заключить с Гитлером сепаратный мир. Эта версия стала усердно распространяться примерно с конца 80-х годов прошлого века. Она излагалась в разных вариантах, с приведением различных дат и фамилий, что уже само по себе вызывало сомнения в ее достоверности. Так, генерал-лейтенант Н.Г. Павленко, доктор исторических наук, рассказывает о следующем свидетельстве Г.К. Жукова:

«– Сталин весьма пессимистично оценивал обстановку на фронтах и перспективы вооруженной борьбы осенью 1941 года. Далее вдруг перешел к военным событиям 1918 года. Смысл его слов сводился к следующим положениям: „Ленин оставил нам государство и наказал всячески укреплять его оборону. Но мы не выполнили этого завещания вождя. В настоящее время враг подходит к Москве, а у нас нет необходимых сил для ее защиты. Нам нужна военная передышка не в меньшей степени, чем в 1918 году, когда был заключен Брестский мир“.

Далее, обращаясь к Берии, он сказал: „Попытайся по своим каналам позондировать почву для заключения нового Брестского мира с Германией, сепаратного мира. Пойдем на то, чтобы отдать Прибалтику, Белоруссию, часть Украины, – на любые условия“.

На мой вопрос к Жукову, что было дальше, он ответил: „Доверенные лица Берии обратились к тогдашнему послу Болгарии в СССР Стотенову (даже здесь несурезица, поскольку послом был не мифический Стотенов, а Стоменов – Н.К.). По словам Стотенова, Гитлер отказался от переговоров, надеясь, что Москва вот-вот падет“»³⁶³.

Свою лепту в распространение этой версии внес и Волкогонов. Он, в частности, ссылаясь на свою беседу с маршалом К.С. Москаленко, который был членом Специального военного трибунала, судившего Берия и его сообщников в декабре 1953 года, писал: «В свое время мы с Генеральным прокурором тов. Руденко при разборе дела Берии установили, как он показал... что еще в 1941 году Сталин, Берия и Молотов в кабинете обсуждали вопрос о капитуляции Советского Союза перед фашистской Германией – они договаривались отдать Гитлеру Советскую Прибалтику, Молдавию и часть территории других республик. Причем они пытались связаться с Гитлером через болгарского посла. Ведь этого не делал ни один русский царь. Характерно, что болгарский посол оказался выше этих руководителей, заявил им, что никогда Гитлер не победит русских, пусть Сталин об этом не беспокоится». ...Не сразу, но Москаленко разговорился... Во время этой встречи с болгарским послом, вспоминал маршал показания Берии, Сталин все время молчал. Говорил один Молотов. Он просил посла связаться с Берлином. Свое предложение Гитлеру о прекращении военных

---

³⁶³ Цит. по Канун и начало войны. Документы и материалы. С. 371.

действий и крупных, территориальных уступках (Прибалтика, Молдавия, значительная часть Украины, Белоруссии) Молотов, со слов Берии, назвал «возможным вторым Брестским договором». У Ленина хватило тогда смелости пойти на такой шаг, мы намерены сделать такой же сегодня. Посол отказался быть посредником в этом сомнительном деле, сказав, что «если вы отступите хоть до Урала, то все равно победите».

«– Трудно сказать и категорично утверждать, что все так было, – задумчиво говорил Москаленко. – Но ясно одно, что Сталин в те дни конца июня – начала июля находился в отчаянном положении, метался, не знал, что предпринять. Едва ли был смысл выдумывать все это Берии, тем более что бывший болгарский посол в разговоре с нами подтвердил этот факт»³⁶⁴.

В действительности же дело обстояло следующим образом, о чем рассказал П. Судоплатов – непосредственный участник событий тех дней. Причем в официальном документальном издании, на которое я часто ссылаюсь в своей книге, на этот счет сказано буквально следующее, да и то в примечании: «Сообщение П.А. Судоплатова является одним из немногих (если не единственным) документальных свидетельств о попытках советского руководства прощупать возможность быстрого и мирного завершения разразившегося 22.6.41 вооруженного конфликта. Как явствует из ряда документов периода, непосредственно предшествовавшего войне, И.В. Сталин и В.М. Молотов вели „большую игру“, предполагая, что с немецкой стороны будут предъявлены Советскому Союзу некие претензии. Ф. Гальдер 20 июня 1941 г. записал в дневнике, что „Молотов хотел 18.6. говорить с фюрером“. (См. КТВ Halder, Bd. II, S. 458.).

Имеется свидетельство Ф. Шуленбурга по поводу того, что ему перед отъездом из Москвы было вручено некое „предложение“, которое он должен был передать А. Гитлеру. Это предложение о „компромиссном мире“ он передал Гитлеру по прибытии в Берлин, однако получил от него отрицательный ответ. (См. I. Reischauer. *Diplomatischer Widerstand gegen Unternehmen „Barbarossa“*, Berlin, 1991, S. 411.).

Советские свидетельства носят косвенный характер. На одно из них ссылается Д.А. Волкогонов, отмечая, что в первые дни войны И.В. Сталин предпринимал такие зондажи. В своих воспоминаниях Г.К. Жуков относит подобные зондажи, проводившиеся Л. Берией, к началу октября 1941 года. Существует и сообщение бывшего сотрудника советского посольства В.М. Бережкова, которому представитель немецкого МИДа фон Боттмер в конце июля 1941 года, во время следования советской колонии через Югославию, говорил о возможности немецко-советских компромиссных переговоров. По прибытии советских дипломатов в СССР это сообщение было доведено до сведения высшего советского руководства.

---

³⁶⁴ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга вторая. С. 177 – 178.

Впоследствии Судоплатов в беседах и публикациях неоднократно повторял свои сведения, считая что Л.П. Берия преследовал цели „дезинформации“ немецкой стороны, однако датировал свои встречи со Стаменовым не июнем, а июлем 1941 г.»³⁶⁵.

Предоставим, однако, слово самому П. Судоплатову, свидетельствам которого в данном случае можно вполне доверять: по обвинению в сотрудничестве с Берией он долгие годы провел в лагерях и лишь через многие годы был реабилитирован. Хотя приводимый пассаж и достаточно объемный, тем не менее его стоит привести, ибо он рисует подлинную, а не вымышленную картину происходивших событий.

Итак, П. Судоплатов писал: «25 июля Берия приказал мне связаться с нашим агентом Стаменовым, болгарским послом в Москве, и проинформировать его о якобы циркулировавших в дипломатических кругах слухах, что возможно мирное завершение советско-германской войны на основе территориальных уступок. Берия предупредил, что моя миссия является совершенно секретной...

Берия с ведома Молотова категорически запретил мне поручать послу-агенту доведение подобных сведений до болгарского руководства, так как он мог догадаться, что участвует в задуманной нами дезинформационной операции, рассчитанной на то, чтобы выиграть время и усилить позиции немецких военных и дипломатических кругов, не оставлявших надежд на компромиссное мирное завершение войны.

Как показывал Берия на следствии в августе 1953 года, содержание беседы со Стаменовым было санкционировано Сталиным и Молотовым с целью забросить дезинформацию противнику и выиграть время для концентрации сил и мобилизации имеющихся резервов.

...Когда Берия приказал мне встретиться со Стаменовым, он тут же связался по телефону с Молотовым, и я слышал, что Молотов не только одобрил эту встречу, но даже пообещал устроить жену Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук. При этом Молотов запретил Берии самому встречаться со Стаменовым, заявив, что Сталин приказал провести встречу тому работнику НКВД, на связи у которого он находится, чтобы не придавать предстоящему разговору чересчур большого значения в глазах Стаменова. Поскольку я и был тем самым работником, то встретился с послом на квартире Эйтингона, а затем еще раз в ресторане „Арагви“, где наш отдельный кабинет был оборудован подслушивающими устройствами: весь разговор записали на пленку. Я передал ему слухи, пугающие англичан, о возможности мирного урегулирования в обмен на территориальные уступки. К этому времени стало ясно, что бои под Смоленском приобрели затяжной характер и танковые группировки немцев уже понесли тяжелые

---

³⁶⁵ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 507 – 508.

потери. Стаменов не выразил особого удивления по поводу этих слухов. Они показались ему вполне достоверными. По его словам, все знали, что наступление немцев развивалось не в соответствии с планами Гитлера и война явно затягивается. Он заявил, что „все равно уверен в нашей конечной“ победе над Германией. В ответ на его слова я заметил:

– Война есть война. И, может быть, имеет все же смысл прощупать возможности для переговоров.

– Сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь вышло, – возразил Стаменов.

Словом, мы поступали так же, как это делала и немецкая сторона. Беседа была типичной прелюдией зондажа. Я уже упоминал, что Ботман, сотрудник МИДа, проводил аналогичные беседы с Бережковым.

Стаменов не сообщил о слухах, изложенных мною, в Софию, на что мы рассчитывали. Мы убедились в этом, поскольку полностью контролировали всю шифропереписку болгарского посольства в Москве с Софией, имея доступ к их шифрам, которые называли между собой „болгарскими стихами“... Стаменов не предпринимал никаких шагов для проверки и распространения запущенных нами слухов. Но если бы я отдал Стаменову такой приказ, он, как полностью контролируемый нами агент, наверняка его выполнил. Так и закончилась в конце июля – начале августа 1941 года вся эта история.

В 1953 году, однако, Берию обвинили в подготовке плана свержения Сталина и советского правительства. Этот план предусматривал секретные переговоры с гитлеровскими агентами, которым предлагался предательский сепаратный мир на условиях территориальных уступок. На допросе в августе 1953 года Берия показал, что он действовал по приказу Сталина и с полного одобрения министра иностранных дел Молотова.

За две недели до допроса Берии меня вызвали в Кремль с агентурным делом Стаменова, где я сообщил о деталях нашего разговора Хрущеву, Булганину, Молотову и Маленкову. Они внимательно, без единого замечания, выслушали меня, но позднее я был обвинен в том, что играл роль связного Берии в попытке использовать Стаменова для заключения мира с Гитлером. Желая представить Берию германским агентом и скомпрометировать его, Маленков распорядился послать Пегова, секретаря Президиума Верховного Совета, вместе со следователями прокуратуры в Софию. Они должны были привезти в Москву показания Стаменова. Однако Стаменов отказался дать какие бы то ни было письменные показания...

Однако в своих мемуарах Хрущев, знавший обо всех этих деталях, все-таки предпочел придерживаться прежней версии, что Берия вел переговоры с Гитлером о сепаратном мире, вызванные паникой Сталина. На мой взгляд, Сталин и все руководство чувствовали, что попытка заключить сепаратный мир в этой беспрецедентно тяжелой войне автоматически лишила бы их власти. Не говоря уже об их подлинно патриотических чувствах, в чем я совершенно уверен: любая форма мирного соглашения являлась для них

неприемлемой. Как опытные политики и руководители великой державы, они нередко использовали в своих целях постулавшие к ним разведанные для зондажных акций, а также для шантажа конкурентов и даже союзников»³⁶⁶.

Полагаю, что в особых комментариях приведенный отрывок из воспоминаний известного советского разведчика не нуждается. Представляется важным лишь специально выделить главный его вывод: это была разведывательная операция с целью зондажа и возможной дезинформации германского руководства, чтобы, если она получит какое-то развитие, выиграть время для мобилизации и концентрации сил. Написав эту фразу, я сам усомнился в том, что такая акция вообще имела какие-либо шансы (даже самые ничтожные) на успех. Гитлер ставил своей целью уничтожить нашу страну, и Сталин это прекрасно понимал. На любые паллиативные меры фашистский фюрер никогда бы не пошел в первый, победоносный для Германии, период войны. А успех тогда сопутствовал именно германскому фашизму, который с каждой новой неудачей советских войск все больше терял голову, опьяняясь своими успехами.

Конечно, чисто гипотетически можно предположить, что Сталин в первую неделю войны допускал мысль о том, что Гитлер может пойти на заключение сепаратного мира на выгодных для себя условиях. Однако такое гипотетическое допущение явно алогично и не заслуживает того, чтобы его рассматривать всерьез. Ведь шла борьба не на жизнь, а на смерть. И это со всей определенностью было выражено Сталиным в его речи от 3 июля 1941 г. Однако все же категорически и безоговорочно отрицать возможность наличия в первые дни войны у Сталина иллюзий подобного рода нельзя. Равно, как нельзя утверждать, что такие иллюзии имели место быть.

Возможно, я и ошибаюсь, но мне кажется, что в своей многолетней политической и государственной деятельности Сталину не доводилось произносить речь более важную и более судьбоносную, чем выступление по радио от 3 июля 1941 года. В ней, если говорить по существу, вопрос стоял не только о судьбе нашей страны, но и судьбе самого Сталина, и обе эти судьбы слились воедино, стали неразделимы. Только принимая во внимание данный аспект проблемы, можно более или менее объективно давать ретроспективную оценку событиям, отделенным от нас многими десятилетиями. Да, к тому же, сохраняющими и сегодня политическую и научную актуальность. За долгое время своей деятельности на высших партийных и государственных постах Сталин произнес большое количество речей. Но выступление от 3 июля представляет собой поистине исторический момент, заслуживающий особого внимания.

---

³⁶⁶ Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. М. 1996. С. 173 – 176.

4. Речь Сталина 3 июля 1941 г

Бесспорно, есть совершенно очевидная необходимость достаточно детально остановиться на основных положениях этой речи, а попутно и высказать свои собственные комментарии и изложить оценки некоторых историков, преимущественно зарубежных, поскольку оценки российских исследователей и публицистов читатель, как мне кажется, и сам может представить себе – в зависимости от той идеологической позиции, которой он придерживается.

Выше я уже касался вопроса о том, почему вождь не выступил раньше и вместо него страшную весть о начале войны страна узнала из уст Молотова. Кроме перечисленных выше мотивов, на мой взгляд, Сталин еще где-то в глубине души надеялся на неожиданный поворот в развитии событий, на то, что Красной Армии все же удастся переломить драматический и даже трагический для нее ход военных действий. Двенадцать дней – до 3 июля – в пух и в прах развеяли все эти надежды. Ситуация стала предельно ясной и определенной. Наступил час, когда перед всей страной и ее народами, перед армией, наконец, перед мировым общественным мнением нужно было дать объяснение подобного разворота событий и выдвинуть ясную, четкую конкретную программу войны против гитлеровской Германии.

Прежде всего обращает на себя внимание характер и тональность обращения к соотечественникам. Сталин начал свое выступление словами:

«Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!»³⁶⁷

В этой манере обращения заключался особый смысл, и он состоял в том, что элементы литургического христианства как-то органически соединились с привычными для советских людей понятиями «товарищи», «граждане». Вождь тем самым как бы предал забвению все прежние классовые подходы и понятия, которые уже были не в состоянии отразить веяния времени и сам дух совершенно новой полосы в развитии страны. Сталин обращался ко всему народу, ко всем его гражданам, независимо от их политической ориентации и политических взглядов. Это была самая широкая платформа для единения всего народа, и в ней содержался как бы замаскированный призыв забыть все несправедливости и обиды прошлого и подчинить все одному – спасению отчизны, сохранению свободы и независимости Родины.

Сталин не преуменьшал угрозы, нависшей над страной. Он говорил: «Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину,

³⁶⁷ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. С. 9 – 17.

начатое 22 июня, – продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность».

Далее Сталин попытался дать ответ на главный вопрос: почему наша армия терпит поражения и является ли германская армия столь мощной и непобедимой, что ей просто бессмысленно оказывать сопротивление. Он повторил свой, неоднократно высказывавшийся тезис о том, что непобедимых армий не было и нет. О причинах временного успеха германской армии он сказал, что «эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма. Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам».

Явным преувеличением было утверждение Сталина, что лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией. Факты не подтверждали такого рода заявления. Скорее всего, они были рассчитаны на то, чтобы приободрить население и воинов Красной Армии. Однако эти констатации сыграли роль бумеранга, ибо вселяли необоснованные надежды на скорые победы нашей армии. Поэтому данное утверждение председателя Государственного Комитета Обороны следует расценить как серьезный промах.

Не мог Сталин оставить без ответа вопрос о заключении пакта о ненападении, ибо многие полагали, что благодаря этому пакту Гитлеру удалось обмануть Сталина и создать выгодные для Германии предпосылки для нападения на СССР. Какова же была аргументация вождя на этот счет? «Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло

на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией».

В приведенном пассаже на стороне Сталина, безусловно, логика, причем достаточно убедительная и подтвержденная дальнейшим ходом событий. Естественно, что он не мог сказать о том, что пакту сопутствовали секретные соглашения, которые отнюдь не в лучшем свете могли были представить некоторые внешнеполитические акции правительства СССР в предвоенный период. Но понять фигуру умолчания, к которой прибег Сталин, конечно, можно.

В силу того, что Германия оказалась агрессором, международные позиции Советского Союза изменились к лучшему, и из «пособника агрессора» он превратился в страну, ведущую справедливую войну за свою свободу и независимость. Это, естественно, вызывало сочувствие мирового сообщества.

И наиболее убедительным и вместе с тем чрезвычайно важным для нашей страны и для Сталина как ее руководителя подтверждением правоты такой перемены в общественном мнении мира стала позиция, выраженная английским премьер-министром У. Черчиллем сразу же после нападения

Гитлера на СССР. Английский премьер в своем эмоциональном выступлении сказал: «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое сказал о нем. Но все это бледнеет перед разворачивающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает...

Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни...

Вторжение Гитлера в Россию вызвало переоценку ценностей и изменило отношения военного времени»³⁶⁸.

Нет никаких сомнений в том, что поддержка со стороны главы английского правительства имела для Сталина чрезвычайно важное значение. Тем более, что он понимал, что устами Черчилля выражалось мнение самых широких слоев общественности буквально во всем мире. Это придавало Сталину уверенность и позволяло говорить не с позиций слабого противника, терпящего поражение, а с позиций страны, которая пока еще терпит поражения и испытывает временные трудности, но за ее плечами где-то вдалеке маячит зря победы.

Квинтэссенцией речи Сталина стало формулирование ключевых задач, вставших перед Советским Союзом в условиях войны. И вождь, как всегда, четко и лаконично изложил их: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей,

---

³⁶⁸ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 3 – 4. М. 1991. С. 170 – 173.

эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу».

Столь обнаженная постановка вопроса о жизни и смерти народов Советской России в полной мере отражала реалии той поры, ибо всем хорошо известна была расистская человеконенавистническая программа германского нацизма. И питать какие-либо иллюзии насчет того, что Гитлер откажется от реализации всех положений своей программы, было бы сверхнаивностью, а скорее, идиотизмом.

Особый акцент Сталин сделал на том, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины.

Выше уже отмечалось, что с самого начала войны Сталин сделал акцент на том, что начавшаяся война является отечественной, т.е. по существу внеклассовой. Это придавало ей совершенно новые качества и параметры, расширяло возможности максимально широкого объединения буквально всех сил общества для борьбы с гитлеровским фашизмом. И надо сказать, что такое понимание характера войны стало неотъемлемой составной частью менталитета всех народов Советского Союза, что, безусловно, сыграло колоссальную положительную роль в дальнейшей борьбе. Это как бы подтверждает А. Верт, когда он пишет: «Слова об „Отечественной войне“, прозвучавшие в знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля, произвели на всех такое глубокое впечатление именно потому, что они отразили мысли, которые в тех трагических обстоятельствах народным массам хотелось услышать в четкой и ясной формулировке. Потрясенная и ошеломленная страна получила наконец конкретную программу действий»³⁶⁹.

Сталин не был бы Сталиным, если бы в своей речи он не акцентировал исключительное внимание на борьбе против всякого рода дезорганизаторов, трусов и других вольных или невольных пособников врага. «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла,

---

³⁶⁹ Александр Верт. Россия в войне 1941 – 1945. С. 77.

дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот. Хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Иными словами, программа действий в условиях войны, причем рассчитанная не на какую-то часть общества, а на весь народ, была сформулирована до предела четко и сурово. Здесь едва ли нужно было чего-то дополнять. Сталин далее подчеркнул, что Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

В своей речи Сталин поставил и дал ответ на один из самых злободневных в тот исторический период вопрос – вопрос о возможном создании широкой антигитлеровской коалиции для разгрома сил агрессии. Сталин подчеркнул: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-

фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, – являются вполне понятными и показательными».

Здесь все, как говорится, на месте, за исключением разве излишних надежд, что в этой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами. Последнее, к сожалению, оказалось благим пожеланием: за исключением немногочисленных антифашистских групп в самой Германии не оказалось сил, оказавших серьезное сопротивление гитлеровскому фашизму.

В заключение Сталин призвал создавать силы народного ополчения для оказания сопротивления врагу и призвал «весь народ сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы».

Сама по себе ссылка на партию была понятна и оправдана. Несколько удивляет и даже шокирует, что она была выражена в такой форме, где вождь призывает сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина. То ли это дань сложившемуся шаблону, то ли форма подтверждения того места и положения, которые Сталин занимал в то время. По крайней мере, это можно толковать и как своевременное подтверждение его неоспоримого лидерства в партии и государстве.

Наконец, стоит привести оценки речи Сталина, принадлежащие перу различных авторов. Биограф Сталина И. Дойчер писал с явной антипатией: «3 июля 1941 г. Сталин наконец нарушил тишину, чтобы предложить руководство к действию изумленной нации. В речи по радио он говорил о „серьезной опасности“. Его речь была медленной, с остановками, бесцветной. Его выступление было, как обычно, практичным и сухим. Оно не содержало ни одно из тех будящих слов, которые, подобно обещанию Черчилля, сулили кровь, тяжелый труд, слезы и пот, и западают в сознание людей. Его стиль был странно несовместим с драматичностью момента и даже с содержанием

его речи».

Далее Дойчер пишет о том, что Сталин оправдывал договор с Германией и явно преувеличивал потери врага, который продолжал наступление. Он не мог заставить себя сообщить людям жестокую правду, не снабдив их дико оптимистическими и несоответствующими действительности заявлениями. Особенно Дойчер выделяет то обстоятельство, что Сталин определил войну как отечественную. Удивление у Дойчера вызывал тот факт, что Сталин призвал сплачиваться вокруг партии Ленина – Сталина. Эта неожиданная ссылка в третьем лице, адресованная к самому себе, добавляла легкую несовместимость к его речи – речи, одновременно столь великой и столь плоской, столь неукротимой и столь не воодушевляющей³⁷⁰.

Прямо противоположную – позитивную оценку речи Сталина дает Я. Грей: «Это была историческая речь, лишённая риторики, взывающая к национальной гордости народа, к крепко укоренившемуся в русском национальном характере инстинкту защиты Отечества. Он говорил как друг и руководитель. Именно такой поддержки от него ждали. Слушая его, люди повсеместно, и особенно в Вооруженных Силах, испытывали „огромный энтузиазм и патриотический подъем“. Генерал Федюнинский, сыгравший выдающуюся роль на нескольких фронтах, писал: „Мы вдруг будто почувствовали себя сильнее“»³⁷¹. Английский историк особо выделяет то, что «местами в своей речи Сталин несколько преуменьшал беду и как бы оправдывался, но правду не скрывал. „Хотя отборные дивизии и авиационные части врага уже разбиты и нашли смерть на поле боя, противник продолжает рваться вперед. Советско-германский пакт должен был дать мир или хотя бы отсрочить войну, но Гитлер вероломно нарушил свои обязательства и внезапно напал на Советский Союз. Однако это преимущество будет недолгим...“ Простым, лаконичным языком он объяснил людям, что означает для них война»³⁷².

Сюда для большей достоверности и убедительности можно присовокупить оценку этой речи, принадлежащую перу американского корреспондента Александра Верта, проведенного большую часть войны в Советском Союзе и своими собственными глазами наблюдавшего за развертывавшимися событиями. Вот его точка зрения: «Слова об „Отечественной войне“, прозвучавшие в знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля, произвели на всех такое глубокое впечатление именно

---

³⁷⁰ *Isaac Deutscher . Stalin. L. 1966. p. 452 – 453.*

³⁷¹ *Ian Grey . Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982. p. 329 – 330.*

³⁷² Там же.

потому, что они отразили мысли, которые в тех трагических обстоятельствах народным массам хотелось услышать в четкой и ясной формулировке. Потрясенная и ошеломленная страна получила наконец конкретную программу действий»³⁷³.

Полагаю, что в качестве заключительного аккорда оценок западными исследователями биографии Сталина стоит привести и оценку А. Улама. Она интересна не только тем, что отдает должное значению этой речи как своего рода призыву к общенациональному сплочению, но и не замазывает, как говорится, грехи вождя. А. Улам писал, что хотя некоторые критики высмеивали его за то, что он избегал бывать на фронте, «его пребывание в осажденной столице, как и его речь 3 июля 1941 г., остались незабываемыми в памяти народа, и весь период войны это затеняло в памяти все его преступления и ошибки»³⁷⁴.

Разумеется, критики Сталина, как российские, так и многие западные, главный акцент делают на том, что Сталин в первые дни войны находился в состоянии шока и психологически был не в состоянии справиться с тем, что обрушилось на него. Р. Конквест писал в своей книге, что «в любой другой стране лидер, ответственный за такие поражения и несчастья, потерял бы власть. Но такова была основательность Сталина, что не осталось в живых никаких альтернативных лидеров, обладавших реальной способностью к управлению. Те, кто попытался бы теперь решать дела без него, давно уже являлись не чем иным, как марионетками»³⁷⁵.

Сталин в своей речи обрисовал довольно мрачную картину, хотя и пытался противопоставить ей более или менее благоприятные для Советского Союза не только отдаленные, но и ближайшие перспективы. Насчет отдаленных перспектив он, вне всякого сомнения, был абсолютно прав. Но что касается ближайших и среднесрочных прогнозов, его выводы не базировались на реальном учете обстановки, а скорее, преследовали цель подбодрить население страны и укрепить волю вооруженных сил и народа вообще к сопротивлению.

5. Причины временных поражений нашей армии

Само начало войны сложилось для советских войск, можно сказать, более чем драматично. Мощный удар гитлеровской военной машины обрушился на них, когда армия в целом

---

³⁷³ Александр Верт. Россия в войне 1941 – 1945. М. 2003. С. 77.

³⁷⁴ Adam B. Ulam . Stalin. The man and his era. N.Y. 1973. p. 544.

³⁷⁵ Robert Conquest . Stalin. Breaker of Nations. Wienfeld – London. 1991. p. 238.

находилась на положении мирного времени. Наши войска не были приведены в боевую готовность и, не закончив стратегического развертывания, оказались рассредоточенными на фронте в 4,5 тысячи километров и в глубину более чем на 400 километров. На направлении своих главных ударов враг имел тройное и даже пятикратное превосходство в силах. Подразделения приграничных округов вступали в первые военные сражения разрозненно, без необходимого воздушного прикрытия и артиллерийской поддержки. Нельзя не отметить мужество и стойкость советских воинов, но несмотря на все это, попытки задержать противника на линии приграничных укрепленных районов большей частью не удавались. В целом можно констатировать, что советские войска не смогли создать сплошного фронта, заблаговременно занять выгодные рубежи, организовать устойчивую оборону.

Армады вермахта вначале обрушились на дивизии, расположенные вблизи границы, затем на вторые эшелоны армий прикрытия и, прорвавшись в глубину, – на резервы приграничных округов. Положение осложнялось тем, что гитлеровцам удалось вывести из строя много наших самолетов на земле и захватить господство в воздухе.

В первые же дни войны немецко-фашистские войска, широко используя диверсионные группы и парашютистов, проникли на ряде участков в глубь советской территории. Захватив стратегическую инициативу, враг всеми силами развивал наступление. К исходу 25 июня немецко-фашистские войска продвинулись на западе на 250 километров. К 10 июля гитлеровская армия находилась уже на северо-западном направлении на 500, западном – 600, юго-западном – на 350 километров от границы.

Обобщенная картина наших общих потерь за период с ее начала до середины июля 1941 года дается советскими военными историками. В целом этот период окончился поражением советских вооруженных сил. Об этом красноречиво говорят следующие факты. Гитлеровские войска продвинулись в глубь советской территории на 300 – 600 км. Под натиском врага Красная Армия вынуждена была почти повсеместно отступать. Латвия, Литва, почти вся Белоруссия, значительная часть Эстонии, Украины и Молдавии оказались под пятой фашистской армии. В оккупации оказалось и около 23 млн. советских людей. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным.

За первые три недели войны из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромлены, 70 – лишились более чем половины личного состава и военной техники. Только три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный – безвозвратно потеряли около 600 тыс. человек, или почти треть своего численного состава. Наша армия лишилась около 4 тыс. боевых самолетов, свыше 11,7 тыс. танков, около 18,8 тыс. орудий и минометов. В целом к

концу 1941 года картина наших потерь в вооружениях и военной технике была более чем удручающей. Если к 22 июня 1941 года у нас имелось 22,6 тыс. танков, то к концу года их осталось 2100, из 20 тыс. боевых самолетов – 2100, из 112,8 тыс. орудий – всего около 12,8 тыс., из 7,74 млн. винтовок и карабинов – 2,24 млн³⁷⁶. На оккупированной территории осталось более половины запасов приграничных военных округов. Понесенные потери тяжело отразились на боеспособности войск, остро нуждавшихся во всем: в боеприпасах, горючем, вооружении, транспорте. На их восполнение советской промышленности потребовалось более года³⁷⁷. Историк В. Анфилов утверждал, что «мы потеряли сразу же, до середины июля 1941-го, около миллиона солдат и офицеров, из них 724 тыс. были пленены. Противнику достались в качестве трофеев 6,5 тыс. танков (в основном старых), 7 тыс. орудий и минометов, огромные запасы горючего и боеприпасов (по данным противника)»³⁷⁸.

Для германского командования, и для Гитлера в первую очередь, была характерна скоропалительная, а потому и ошибочная в корне оценка, когда на основе первых успехов они сделали окончательные фундаментальные выводы. В начале июля германский генеральный штаб пришел к заключению, что кампания в России уже выиграна, хотя еще и не завершена. Гитлеру казалось, что Красная Армия уже не в состоянии создать сплошного фронта обороны даже на важнейших направлениях. Несмотря на потери, войска Красной Армии, сражавшиеся от Баренцева моря до Черного, к середине июля располагали 212 дивизиями и 3 стрелковыми бригадами. И хотя полнокровными из них являлись лишь 90 соединений, а остальные имели всего половину, а то и менее штатного состава, считать Красную Армию разгромленной было явно преждевременно. Сохранили способность к сопротивлению Северный, Юго-Западный и Южный фронты, спешно восстанавливали боеспособность войска Западного и Северо-Западного фронтов.

В начальный период войны фашистские войска также понесли такие потери, которых они не знали за предыдущие годы второй мировой войны. По данным начальника Генерального штаба сухопутных войск Гальдера на 13 июля 1941 г., только в сухопутных войсках было убито, ранено и пропало без вести свыше 92 тыс. человек, а урон в танках составил в среднем 50 %. Примерно такие же данные приводят уже в послевоенных исследованиях западногерманские историки. Они считают, что с начала войны до 10 июля

---

³⁷⁶ «Военно-исторический журнал». 1998 г. № 3. С. 4.

³⁷⁷ См. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 164.

³⁷⁸ «Литературная газета». 22 марта 1989 г.

1941 г. вермахт потерял на восточном фронте 77.313 человек. Люфтваффе лишилось 950 самолетов, на Балтийском море германский флот потерял четыре минных заградителя, два торпедных катера и один охотник. Однако потери личного состава не превышали численности имевшихся в каждой дивизии полевых запасных батальонов, за счет которых они и были восполнены, поэтому боеспособность соединений в основном сохранилась. К середине июля наступательные возможности агрессора оставались большими: 183 боеспособные дивизии и 21 бригада³⁷⁹.

Словом, начало войны, хотя и было для Советской России трагическим, оно не стало и легкой прогулкой для гитлеровских войск, к чему они привыкли во время военных действий на Западе. И именно это было одним из важных уроков начавшейся войны. Героическая оборона Бреста, ряд других успешных оборонительных сражений к середине июля обнажили глубокие просчеты, легшие в основу планов молниеносной войны, на которую ориентировались Гитлер и германское верховное командование.

В работах наших и западных историков упор делался и делается на серьезнейшие поражения советских войск в первый месяц войны. Против этого спорить нельзя, поскольку все это подтверждается неопровержимыми фактами, хотя бы тем, что в гитлеровском плену оказались сотни тысяч советских солдат, в окружение попадали не только дивизии, но и целые армии. Без преувеличения можно сказать, что это была настоящая трагедия для Советской России и, конечно, для самого Сталина.

Однако делать акцент только на этом и не замечать другого – нараставшего сопротивления советских войск, того, что они постепенно выходили из состояния шока и начинали вести военные действия более грамотно – игнорировать это обстоятельство ни в коем случае нельзя, ибо картина в таком случае предстает однобокой, не соответствовавшей реальностям тех дней.

В этом контексте уместно привести оценку итогов начального периода войны, данную маршалом Г.К. Жуковым спустя полтора десятилетия после Великой победы. Он, обобщая бесценный, хотя порой и противоречивый опыт ведения войны, писал: «События 1941 года в большинстве случаев характеризуются западными историками как триумфальное шествие гитлеровской армии; действие же советских войск изображается как сплошная цепь поражений... При этом оставляется без внимания, что в первые недели и месяцы войны Красная Армия не только терпела неудачи, но и закладывала фундамент будущей победы, что советские солдаты буквально с первых же часов войны оказали вермахту такое сопротивление, подобного которому он не встречал никогда прежде и которое позволило вскоре сорвать планы врага.

---

³⁷⁹ См. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 165.

Для людей моего поколения, для истории нет необходимости приукрашивать или замалчивать трудности, выпавшие на долю нашего народа в 1941 – 1942 годах. Но удары, под которыми не устояло бы в те годы ни одно государство, были приняты на себя Красной Армией, а затем, когда наша страна мобилизовала свои материальные ресурсы и силы, враг стал нести поражение за поражением. Если были бы правдой те односторонние картины, которые с таким старанием малюют ныне наши идейные недруги, то позволительно спросить: почему начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер уже в первые недели войны вынужден был записывать в своем дневнике, что русские „сражаются до последнего человека“, „гибнут в дотах, но не сдаются“ и т.д.? Почему уже 20 июля Гальдер сетовал на переутомление немецких войск, „непрерывно ведущих кровопролитные бои“, на „упадок духа руководящих инстанций“; почему в конце июля он констатировал „критическое обострение обстановки на отдельных участках“? И почему уже в начале августа 1941 года командование сухопутными силами врага пришло к выводу о провале в целом исходного плана войны против СССР?

Истина в том, что советские воины, не щадя жизни, героически отстаивали каждую пядь родной земли. Как известно, гитлеровским полчищам уже в 1941 году было нанесено тяжелое поражение под Смоленском, на киевском направлении, а в декабре 1941 года враг был разгромлен под Москвой, следствием чего и явился срыв гитлеровского плана войны против СССР»³⁸⁰.

Историческую оценку первых самых тяжелых месяцев войны, данную Жуковым, можно иллюстрировать и признаниями самих немецких военачальников. Так, начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментритт писал вскоре после окончания войны:

«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Помогала им огромная территория страны с лесами и болотами. Немецких войск не хватало, чтобы повсюду создавать такое же плотное кольцо вокруг русских войск, как в районе Белостока – Слонима. Наши моторизованные войска вели бои вдоль дорог или вблизи от них. А там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосыгаемыми. Вот почему русские зачастую выходили из окружения. Целыми колоннами их войска ночью двигались по лесам на восток. Они всегда пытались прорваться на восток, поэтому в восточную часть кольца окружения обычно высылались наиболее боеспособные войска, как правило, танковые. И все-таки наше окружение русских редко бывало успешным.

---

³⁸⁰ «Коммунист». 1970 г. № 1. С. 83 – 84.

Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало»³⁸¹.

Словом, многочисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что самый тяжелый первый период войны не стал для немецкой армии легкой военной прогулкой. Но невозможно отрицать и то, что советские войска терпели колоссальные потери и отступали, зачастую беспорядочно, в состоянии паники. У населения страны, да и в самой армии, не мог не возникнуть законный вопрос: в чем причина наших тяжелейших неудач и в чем кроются причины столь быстрых и крупных успехов гитлеровской военщины? Тем более, если принять во внимание широко распространенные в тот период в нашей стране настроения в отношении возможной войны. Они наиболее ярко выражались в словах популярной в ту пору песни, где были такие слова: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью могучим ударом!» Истины ради, следует указать на то, что сам Сталин не выступал в роли апологета и сторонника данной шапкозакидательской идеи. В дальнейшем я коснусь этой темы более подробно.

Реальность первого периода войны отнюдь не отвечала тому призыву, который еще до войны выдвигал Сталин. Да, видимо, и он сам не придавал серьезного значения овладению армией искусством отступления, все-таки доминантой была концепция войны, в которой отступлению отводилось второстепенное место. На практике это приводило к тому, что наша армия к началу войны, несмотря на тяжелые уроки «зимней войны», так и не оказалась всесторонне подготовленной. Вот почему те объяснения и ответы, которые дал Сталин в своей речи от 3 июля, вовсе не снимали возникающих снова и снова вопросов. Вероломство фашистских заправил, поправших пакт о ненападении, – все это было хорошо известно и до нападения на Советский Союз, поэтому Сталин должен был учитывать это обстоятельство, определяя направления своей международной и оборонной политики. Отдельно будет сказано и о факторе внезапности, сыгравшем свою роль в первый период войны, на чем акцент делал Сталин в своей речи.

Вопрос о причинах первоначальных поражений Советской России в войне имеет много различных аспектов, в том числе и непосредственно касающихся Сталина. Эти причины на протяжении уже многих десятилетий служат полем ожесточенных споров и непрекращающейся полемики. Полагаю, что в мои задачи не входит детальный анализ этих причин. Вместе с тем полностью обойти этот вопрос нельзя, поскольку в таком случае

---

³⁸¹ З. Вестфал, В. Крайне, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. М. 1958. (Электронный вариант).

политическая биография Сталина выглядела бы не только не полной, но и в какой-то мере искаженной. Ведь ограничиться только тем, как Сталин объяснял причины временных неудач Красной Армии, значит сказать полуправду, скрыв ряд существенных недостатков общей подготовки страны к войне, за которые он как высший руководитель государства несет прямую ответственность. И конечная победа, разумеется, не освобождает его от ответственности за серьезные ошибки, а часто и провалы в ведении войны.

Вместе с тем, наряду с субъективными факторами, сыгравшими свою роль в неблагоприятном для Советской России развитии событий в войне, особенно в 1941 – 1942 годах, следует подчеркнуть и роль факторов объективного характера, которые не могли не сыграть и сыграли свою негативную роль. Причем, на мой взгляд, объективные факторы имели решающее значение. В суммарном виде эти факторы можно свести к следующим.

Перед нападением на Советский Союз Германия захватила почти всю Западную Европу с ее экономическими ресурсами. Помимо собственной военно-экономической мощи в руках Гитлера оказалась мощная военно-техническая и сырьевая база захваченных стран, что значительно увеличило общий военно-экономический потенциал нацистской Германии. Не надо быть специалистом в области экономики и военной промышленности, чтобы понять, что в результате всего этого военная промышленность Германии имела в начале войны более мощную материально-техническую базу, чем военная промышленность СССР. Так, например, годовое производство стали и чугуна, добыча каменного угля в Германии вместе со странами, которые оказались под ее пятой, в 1940 – 1941 годах были в два с лишним раза больше, чем в СССР. Нельзя не учитывать и того, что Германия перевела свою экономику на военный лад задолго до войны. Экономика же Советской России была подчинена преимущественно задачам мирного строительства. Конечно, это не значит, что Сталин упускал из виду задачи развития и расширения военной промышленности. Этим вопросам, как уже указывалось выше, он придавал первостепенное значение. Ахиллесова пята советской, достаточно мощной военной промышленности заключалась в том, что отвечавшего насущным потребностям массового производства вооружения не было. В совокупности все это, особенно на первых порах, обеспечивало Германии количественный, а по некоторым видам вооружения и качественный перевес в боевой технике.

Сталин был серьезно обеспокоен этим. В частности, его тревожило положение дел в авиационной промышленности, которой он лично уделял особо пристальное внимание. Причем в этой, как, разумеется, и в других сферах, ему приходилось порой сталкиваться с элементами халатности и безответственности – а этого он не терпел органически. Он даже однажды незадолго до войны (ноябрь 1940 года) жаловался Г. Димитрову:

«Если наши воздушные силы, транспорт и т.д. не будут на равной

высоте наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикрашиваются под наших друзей!), они нас съедят.

Только при равных материальных силах мы можем победить, потому что опираемся на народ, народ с нами. Но для этого надо учиться, надо знать, надо уметь. Между тем никто из военного ведомства не сигнализировал насчет самолетов. Никто из вас не думал об этом.

Я вызывал наших конструкторов и спрашивал их: можно ли сделать так, чтобы и наши самолеты задерживались в воздухе дольше? Ответили: можно, но никто нам такого задания не давал! И теперь этот недостаток исправляется.

У нас теперь пехота перестраивается, кавалерия была всегда хорошая, надо заняться серьезно авиацией и противовоздушной обороной.

С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов. Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один. Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрчиваете наследство Ленина.

(Калинин: Нужно подумать насчет распределения времени, как-то времени не хватает!)

Нет, не в этом дело! Люди беспечные, не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. (Вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит»³⁸².

К слову сказать, некоторые отрасли промышленности (например, танковая, авиационная) только еще осваивали производство новых образцов боевой техники. В нашей стране производились танки Т-34, показавшие себя с самой лучшей стороны. Таких танков у немцев не было. Вот что об этом писал в своих воспоминаниях прославленный немецкий генерал-танкист Г. Гудериан: «Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства того времени могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях. В ноябре 1941 года видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34, превосходящим наши боевые машины; непосредственно на месте они хотели уяснить себе и наметить, исходя из полученного опыта ведения боевых действий, меры, которые помогли бы нам снова добиться технического превосходства над русскими. Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно неблагоприятного положения германских бронетанковых

---

³⁸² И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 208.

сил не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора»³⁸³.

Большое преимущество Германии состояло в том, что она начала агрессию против Советской России в благоприятных международных условиях: боевые действия ее сухопутных войск в Европе были уже завершены и лишь на море и в воздухе продолжались сражения против Англии. Однако для ведения кампании против Великобритании отвлекались довольно скромные силы, учитывая численность и состав вооруженных сил, использованных для нападения на СССР. Это давало Гитлеру уникальную возможность бросить подавляющую часть своих сухопутных войск и военно-воздушных сил против СССР. Особо надо подчеркнуть, что на стороне Германии выступили Италия, Финляндия, Румыния и Венгрия, военный потенциал которых не являлся отнюдь незначительным и который был поставлен в значительной мере (исключая Италию) на службу германской армии. Наша страна фактически вела войну в одиночку, опираясь на свои собственные силы. И это продолжалось довольно длительный период. Нельзя также сбрасывать со счета и потенциальную опасность со стороны Японии, которая, несмотря на заключенный в апреле 1941 года советско-японский договор о нейтралитете, сосредоточила в Маньчжурии и Корее многочисленную армию. Поэтому значительная часть советских войск, которые так нужны были на фронте борьбы против Германии, была отвлечена на обеспечение безопасности наших границ на Дальнем Востоке.

Фашистская Германия заблаговременно готовилась к нападению на нашу страну. Она сосредоточила и развернула вдоль западных границ Советского Союза огромную армию общей численностью в 190 дивизий, в том числе 153 немецкие, обладавшие почти двухлетним опытом ведения современной войны с применением больших масс танков, самолетов и другой боевой техники. Приобретенный германской армией большой опыт проведения широких и крупномасштабных стратегических и тактических операций значительно усилил возможности ее вооруженных сил, придал ей уверенность, подготовил значительные кадры – от высших звеньев военного руководства до рядового состава – к ведению самой современной войны с применением новейших видов оружия. Что касается Красной Армии, то она не была развернута и сосредоточена там, где ожидалось вторжение. Наша армия не обладала достаточным опытом ведения современной войны. Халхингольский опыт и суровые уроки «зимней войны» с Финляндией, конечно (помимо позорных неудач и поражений) дали свои положительные результаты и способствовали совершенствованию военной подготовки частей

---

³⁸³ Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999 (электронная версия).

и соединений. Однако говорить о том, что этот опыт был полностью обобщен, а главное – внедрен во все звенья военной системы, было бы громадным преувеличением.

Одним из самых существенных минусов являлось то, что ко времени начала войны не было завершено и ее техническое перевооружение. Существенной слабостью Красной Армии была и нехватка опытных, хорошо подготовленных и обученных командных кадров. Зачастую крупные командные посты, вплоть до командиров полков и даже дивизий, занимали не соответствовавшие необходимым требованиям люди. Здесь сказались широкомасштабные репрессии против военных, проведенные Сталиным в 1937 – 1938 годах. Известно, что это подорвало не только моральный дух Красной Армии, но и создало массу трудноразрешимых проблем с кадрами. За все это, разумеется, главную ответственность несет Сталин. Как отмечалось во втором томе, он, очевидно, трезво оценив все угрожающие последствия, решил положить конец широкомасштабным репрессиям в армии. Характерно, что ряд видных военных полководцев Великой Отечественной войны был освобожден из лагерей и впоследствии сыграл выдающуюся роль в войне (например, маршал К.К. Рокоссовский и др.).

В данном контексте бесспорный интерес представляет оценка советского военного корпуса Геббельсом. Она дает возможность под несколько иным измерением, чем мы привыкли смотреть, оценить достоинства и качества советского военного корпуса (несмотря на репрессии). Характерна запись в дневнике Геббельса, сделанная им, когда советские войска уже подходили к Берлину: «Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в предшествующие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т.п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился»³⁸⁴. Думаю, что в комментариях приведенное высказывание не нуждается – оно говорит само за себя. По крайней мере, критики Сталина должны не сбрасывать со счета или игнорировать это замечание, когда они делают

---

³⁸⁴ См.: «Новая и новейшая история». 1992 г. № 5. С. 213.

уничижительные выводы о Сталине и его роли в войне, о его отношении к выращиванию молодых и способных военачальников.

Но оставим эту тему и возвратимся к главной нити нашего изложения.

Необходимо хотя бы в самом общем виде остановиться и на таком факторе, как внезапность нападения. Отрицать этот фактор нельзя, поскольку нападающая внезапно сторона, безусловно, сразу же приобретает серьезные преимущества. Было бы наивным полагать, что нападение фашистской Германии было совершенно неожиданным для СССР. Сталин прекрасно понимал, что рано или поздно Гитлер направит острие своей агрессии против нашей страны, реализуя свои бредовые планы установления мирового господства и фактического уничтожения русского народа. Сталин из всего предшествовавшего опыта знал, что германского фюрера не остановят никакие нормы международного права, а тем более договор о ненападении. Вообще фюрер рассматривал нормы международного права как пустую формальность, полагая, что только сила правит миром и устанавливает в нем свои законы.

Что касается Сталина, то он также не испытывал особого пиетета перед международным правом, но прекрасно отдавал себе отчет в том, какие негативные последствия влечет пренебрежение к этим нормам. Поэтому, заботясь о международном престиже Советской России, он достаточно лояльно выполнял требования права, если его нормы непосредственно не нарушали коренные интересы нашей страны. Частично этим объяснялось и его стремление не дать повода Гитлеру для развязывания агрессии против нашей страны. К сожалению, это стремление перешло все разумные границы и явилось одной из причин недостаточной готовности страны к отражению агрессии. Сталин, видимо, в глубине души считал, что Гитлер пытается шантажировать Советский Союз, добываясь от него необходимых Германии уступок. И лидер СССР готов был к дальнейшим переговорам, чтобы таким путем выиграть время и прозондировать планы Германии. Но вся беда состояла в том, что в Берлине все уже было решено и никакие уступки уже не могли отвлечь вторжение германских полчищ.

Нисколько не умаляя вину Сталина в этом стратегическом просчете, следует заметить, что он вполне логично, в полном соответствии со здравым смыслом и реальными соображениями, считал, что германский фюрер не пойдет на такую авантюру, как война на два фронта, ибо против этого восставали как предшествовавшая история, так и заповеди ведущих германских политиков и стратегов – от Бисмарка до многих авторитетных германских военных теоретиков. Однако Сталин и здесь допустил еще одну ошибку: он переоценил способность Гитлера реально оценивать уроки истории и делать из этого соответствующие выводы. Историей доказано, что труднее всего в политике иметь дело с авантюристами. А таким авантюристом, причем солидного масштаба, как раз и был нацистский фюрер. Но именно этому авантюристу германский народ на какое-то время и

вручил свою судьбу, за что ему пришлось жестоко расплачиваться.

Сталин допускал явные просчеты в оценках долговременных стратегических планов Гитлера. Это прямо явствует из его еще довоенной (июль 1940 года) беседы с английским послом Криппсом. Приведу пассаж из этой беседы:

«Что же касается субъективных данных о пожеланиях господства в Европе, то тов. Сталин считает долгом заявить, что при всех встречах, которые он имел с германскими представителями, он такого желания со стороны Германии – господствовать во всем мире – не замечал. (Здесь вождь явно кривил душой, очевидно, полагая, что не следует заглывать английскую приманку и не идти на обострение отношений с Германией – Н.К.)

Криппс говорит, что агрессивные высказывания постоянно повторяются в Берлине и т.д.

Тов. Сталин отвечает, что он не всегда верит тому, о чем так много кричат, т.к. по опыту он знает, что если они кричат, то это лишь военная хитрость. Тов. Сталин говорит, что он не исключает, что среди национал-социалистов есть люди, которые говорят о господстве Германии во всем мире. Но, говорит тов. Сталин, я знаю, что есть в Германии неглупые люди, которые понимают, что нет у Германии сил для господства во всем мире.

Тов. Сталин говорит, что он не столь наивен, чтобы верить отдельным устным заявлениям отдельных руководителей относительно их нежелания господствовать в Европе и во всем мире»³⁸⁵.

Здесь Сталин, как представляется, явно недооценил авантюризм Гитлера и стал невольной жертвой своего собственного так называемого объективного подхода. Хотя к тому времени он, видимо, должен был убедиться в том, что логика у Гитлера была совершенно иная, и игнорировать данное обстоятельство значило бы допускать серьезный политический и военно-стратегический просчет. Но главное – он считал, что Англия стремится столкнуть СССР с Германией, чтобы облегчить свое положение. Позднее английский посол сам признал, что подоплекой привезенных им в Москву предложений было «стремление заставить их [СССР] помочь нам выбраться из затруднительного положения, после чего мы могли бы бросить их и даже присоединиться к врагам, которые теперь их окружают». Оценка этих предложений британским Генеральным штабом была еще категоричнее: как способ «столкнуть Россию с Германией»³⁸⁶.

По мере того, как становились все более явными агрессивные

---

³⁸⁵ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 191 – 193.

³⁸⁶ См.: *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. С.33 – 34,49 – 50.

устремления Гитлера в отношении Советской России, что выразилось прежде всего в сосредоточении крупных сил немецко-фашистских войск у западных границ СССР, советский руководитель принял ряд предупредительных мер на случай отпора возможному вторжению врага. Заключение договора с Японией о нейтралитете в апреле 1941 года предоставило Советской России возможность начать переброску некоторых воинских частей из внутренних районов страны для усиления обороны западных границ СССР. В то же время по указанию Сталина был разработан и принят мобилизационный план, рассчитанный на перестройку промышленности на военный лад в течение второй половины 1941 года и в 1942 году.

Однако предпринятые меры и шаги оказались запоздалыми и недостаточными для отражения натиска гитлеровской Германии. И, как уже не раз отмечалось, одной из причин (она и субъективна, и объективна одновременно) того, что страна не оказалась в должной мере готовой к отражению агрессии, был просчет И.В. Сталина в оценке военно-стратегической обстановки, сложившейся непосредственно к началу войны. Другой, также весьма существенной причиной явилось неправильное определение Сталиным и Главным командованием Красной Армии направления главного стратегического удара гитлеровского вермахта. В предшествующих главах уже рассматривался вопрос о том, какую роль сыграло недоверие Сталина к донесениям разведки. Одновременно отмечалась и противоречивость и недостаточная достоверность многих разведывательных донесений, что также порождало у Сталина законное недоверие к определенной информации. Словом, вина здесь лежит не на одном Сталине: разведка также не смогла своевременно раскрыть реальные гитлеровские планы нападения. Хотя относительно сроков такого нападения информация была более или менее правильной, тем более, что об этом чуть не во всеуслышание говорили не только в кулуарах политические деятели, но и писала печать. Сам Сталин стоял между трудным выбором. И в конечном счете, он все же до конца не верил в реальность нападения Гитлера в июне 1941 года. Сталин считал, что фюрер пропустил удобный срок и отложит вторжение до будущего года. А за год многое может измениться: прежде всего возрастет мощь Советской России и вооруженных сил.

Советский вождь считал, что ложившиеся ему на стол донесения из самых различных источников имеют своей целью толкнуть Москву на такие шаги, которые могут быть использованы Гитлером для нарушения пакта о ненападении. Иначе говоря, Гитлер начал бы войну против Советской страны в невыгодной для нее обстановке и у него оказался бы хоть какой-то повод возложить ответственность за развязывание войны на Советский Союз³⁸⁷.

---

³⁸⁷ Обращает на себя внимание тот факт, что гитлеровские заправки придавали большое значение прежде всего дезинформации советского руководства относительно своих планов. Так, вскоре после публикации известного заявления ТАСС от 13 июня 1941 г. Геббельс в своем дневнике записал: «17 июня... Слухи о России приобрели невероятный характер; их

Именно по этой причине советским войскам не было дано указаний о заблаговременном развертывании своих сил и занятии оборонительных рубежей вдоль западных границ СССР.

И, наконец, еще об одном обстоятельстве. Неспровоцированное нападение Гитлера на Советскую Россию, несомненно, принесло фашистской Германии временное военное преимущество. Вместе с тем оно имело для нее и отрицательные последствия, ибо перед лицом всего мира раскрыло подлинную агрессивную природу и сущность фашизма вообще и германского нацизма в особенности. Наша же страна приобрела сочувствие и поддержку подавляющего большинства народов мира. Из пособника агрессора, какой ее изображала западная печать, Советская Россия превратилась в самую мощную силу противодействия агрессии. Неизмеримо возрос ее политический престиж. В конечном счете, все это и стало в скором будущем фундаментом создания широкой антигитлеровской коалиции.

Ряд исследователей одну из коренных причин наших поражений в первый период войны усматривает в том, что в основе всей военно-политической стратегии Сталина лежала концепция наступления. Мол, он в военном деле признавал только наступление и игнорировал или недооценивал такого вида военных действий, как отступление. Иными словами, его военные взгляды были односторонни и явились одной из решающих причин, в силу которых Красная Армия оказалась неподготовленной к организованному отступлению перед превосходящими силами противника. Полагаю, что нет особой нужды доказывать, что Сталин был сторонником наступательной стратегии как в политике, так и в военном деле. Однако грубой примитивизацией его подлинных взглядов было бы утверждение, будто он вообще пренебрегал необходимостью овладевать и стратегией отступления. Более того, он не раз подчеркивал необходимость владеть и искусством отступления, когда это вызвано реальным положением дел. Приведу в подтверждение этого утверждения его высказывание от 20 января 1938 г. на приеме депутатов Верховного Совета СССР.

«ЧКАЛОВ. Мы никогда ни перед кем не отступим.

СТАЛИН. Чкалов ошибается. Бывают моменты, когда армия должна отступить. Ленин нас учил, – Ленин, это был такой мужик, левого мизинца которого мы не стоим, мужик, который весь был выкован из нержавеющей стали, – Ленин нас учил, – плоха та армия, которая научилась наступать и не научилась отступать. Всякие моменты бывают, товарищи...

диапазон – от мира до войны. Для нас это хорошо, мы способствуем распространению слухов. Они – наш хлеб насущный...

18 июня... Маскировка наших планов против России достигла наивысшей точки.

Мы настолько погрузили мир в омут слухов, что сами в них не разберемся. Новейший трюк: мы намечаем созыв большой конференции по проблемам мира с участием в ней России. Желанная жратва для мировой общественности!» Дневники Й. Геббельса. (Электронная версия).

Армия, которая научилась наступать, но не обучена в деле отступления, будет разгромлена. Плоха та армия, которая научилась наступать, но которая не научилась отступать. Вот почему я сказал, товарищи, следуя завету товарища Ленина, нашего учителя, относительно армии»³⁸⁸.

Приведенное высказывание вряд ли нуждается в каких-либо комментариях, оно говорит само за себя. Другое дело – и это обстоятельство также нельзя упускать из поля зрения – высшее советское военное руководство недостаточно уделяло внимания проблемам отступления и в основном было поглощено изучением и разработкой наступательных операций. Хотя на военных учениях, в том числе и высшего уровня, прорабатывались и действия отступательного плана. Но тем не менее они, эти действия, находились в тени и рассматривались, скорее, как некое всего лишь дополнение к военной стратегии советских вооруженных сил. Здесь вина высших военных руководителей бесспорна. Но очевидна также и вина самого Сталина, который не проконтролировал выполнение своих же собственных правильных и реалистических положений относительно отступления в общей стратегии ведения войны. Можно предположить, что в первые дни войны ситуация не развивалась бы столь катастрофически для наших войск, если бы этому элементу военной стратегии прежде уделялось должное внимание.

Когда мы ведем речь о коренных причинах поражений наших войск на первых этапах войны, то концентрируем главное внимание на факторах внутреннего характера. Внешние условия остаются как бы в тени. А они, между тем, играли отнюдь не второстепенную роль. На это обратил внимание Сталин в докладе 6 ноября 1942 г. В частности, он акцентировал внимание на следующем обстоятельстве. «Чем объяснить тот факт, что немцам всё же удалось в этом году взять в свои руки инициативу военных действий и одержать серьёзные тактические успехи на нашем фронте?

Объясняется это тем, что немцам и их союзникам удалось собрать все свои свободные резервы, бросить их на восточный фронт и создать на одном из направлений большой перевес сил. Не может быть сомнения, что немцы без этих мероприятий не смогли бы добиться успеха на нашем фронте.

Но почему им удалось собрать все свои резервы и бросить их на восточный фронт? Потому что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность произвести эту операцию без какого-либо риска для себя.

Стало быть, главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении»³⁸⁹.

---

³⁸⁸ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 147.

³⁸⁹ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 66 – 67.

Нет сомнений в том, что в аргументации советского лидера содержалась большая доля правды. Однако бросается в глаза, что он всячески пытался преуменьшить серьезность и масштабы наших поражений, хотя успехи немецких войск носили отнюдь не тактический, а глобальный военно-стратегический характер. Какие же это тактические успехи противника, если Красная Армия понесла колоссальные потери и докатилась до Волгматушки? Вопрос стоял не о каких-то тактических поражениях, а о судьбе Советской России и ее народов. И поистине наивно звучали слова о тактических успехах. Это, во-первых. Во-вторых, столь опытный и проницательный политический деятель, как Сталин, будучи Верховным Главнокомандующим, прекрасно отдавал себе отчет в том, что ожидать в 1942 году открытия второго фронта против Гитлера – было большой наивностью. Да, собственно, он и сам все это понимал и всерьез не рассчитывал на такие военно-политические чудеса, которых в реальной жизни не могло быть. Вся его аргументация в связи с отсутствием второго фронта именно в тот период носила в первую очередь характер оправдания неудач и поражений, попытка вселить веру в то, что времена изменятся и дело пойдет к успеху. Бесспорно, присутствовал здесь и определенный политический расчет на то, чтобы еще раз, уже публично, косвенным образом оказать воздействие на союзников, которые, как говорится, совсем не случайно проводили свою линию в вопросах открытия второго фронта. Эта «канитель» составляла существенно важный элемент во всей их военно-политической стратегии, и об этом будет более обстоятельно сказано в одной из последующих глав.

ГЛАВА 5. НЕМЕЗИДА ЖДАЛА НЕМЦЕВ ПОД МОСКВОЙ

1. Роль Сталина в мобилизации сил для отпора врагу

Ситуация в начале войны поставила перед страной и ее лидером бесчисленное множество проблем, которые требовали своего неотложного решения. Можно сказать, что в любой стране, кроме Советской России, такое драматическое развитие событий привело бы почти наверняка к краху. В многотомной истории КПСС в концентрированном виде приводятся оценки наших будущих союзников мрачных перспектив, которые рисовали видные западные политические деятели и специалисты-историки. Позволю себе в полном виде привести эти высказывания, поскольку они убедительнее, нежели рассуждения автора, нарисуют картину. «Черчилль писал в своих мемуарах, что „почти все ответственные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и окажутся в основном уничтоженными“ (W. Churchill.

The Second World War. London. 1950. Vol. III. p. 350). Сам Черчилль также не верил в способность Советского Союза продержаться. Об этом свидетельствовал сын Ф. Рузвельта Эллиот Рузвельт (см. Эллиот Рузвельт. Его глазами. М. 1947. С. 46). О мнении американских военных кругов сообщает тогдашний американский военный министр Стимсон: „По оценке офицеров службы разведки военного министерства, – пишет он, – кампания могла продлиться лишь от одного до трех месяцев“ (H.L. Simson and Mc George Bandy. On Active Service in Peace and War. N.Y. 1947. p. 383). Американский историк Флеминг подчеркивает, что „подобное мнение было широко распространено среди военных должностных лиц как в Соединенных Штатах, так и в Англии. Все они были согласны в том, что немцы пройдут через Россию как нож через масло“ (D.F. Fleming. The Cold War and its Origins. 1917 – 1960. Vol. I. London. 1961. p. 137). Американский историк Шуман пишет: „...Западные военные эксперты... считали, что у СССР нет шансов уйти от полного разгрома его фашистской Германией в течение шести недель (генерал Маршалл) или максимум трех месяцев (английский генеральный штаб)“ (F.L. Schuman. Russia since 1917. N.Y. 1957. p. 280)»³⁹⁰.

Наряду со скептицизмом, сквозившим буквально во всех высказываниях авторитетных западных политических и военных деятелей, имели место и прямые, ничем не замаскированные надежды кругов, заинтересованных в том, чтобы Советская Россия, а также Германия вели войну до своего полного изнеможения. Широко и печально известна идея, публично озвученная тогдашним сенатором, а после смерти Рузвельта ставшим президентом Г. Трумэнном: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»³⁹¹.

Конечно, тех, кто столь пессимистически оценивал перспективы войны между Советской Россией и Германией, нельзя обвинить в том, что они руководствовались при этом исключительно антисоветскими убеждениями и настроениями. Хотя к «поклонникам» коммунизма их также отнести нельзя. Видимо, скоротечные победы Гитлера, а главное – наши первоначальные неудачи, сыграли главную роль в таких оценках. Жизнь опрокинула прогнозы даже столь умудренных и проницательных деятелей, как Черчилль. В какой-то степени, не прямым, а косвенным ответом на эти прогнозы может служить мнение И. Дойчера, который подметил некую главную особенность

---

³⁹⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. М. 1970. С. 152.

³⁹¹ История второй мировой войны 1939 – 1945. М. 1975. Т. 4. С. 34.

созданной Сталиным системы власти и управления. Он писал: «Несмотря на все свои просчеты, Сталин отнюдь не был в состоянии неподготовленности, чтобы встретить развитие критической ситуации. Он солидно вооружил свою страну и реорганизовал ее вооруженные силы. Его практический ум не был связан преданностью какой-либо односторонней стратегической догме. Он не убаюкивал Красную Армию ложным чувством безопасности под защитой какой-либо разновидности линии Мажино, статическая система которой привела к уничтожению французской армии в 1940 году. Он мог полагаться на обширные российские пространства и суровый климат. Никто уже не мог теперь ставить под сомнение его лидерство. Он достиг абсолютного единства командования, что является желанной мечтой современных стратегов»³⁹².

Огромная, можно сказать, неограниченная власть Сталина давала ему возможность принимать и осуществлять в максимально короткие сроки решения, на реализацию которых в другое время потребовалось бы большое время. Одной из таких задач была эвакуация промышленных предприятий, населения и сырьевых ресурсов в восточные районы, введение в строй действующих предприятий, эвакуированных на Урал, в Сибирь, среднеазиатские республики и в другие места.

В первые полгода войны из западных районов вывезли на восток оборудование более 1360 крупных промышленных предприятий, имевших первостепенное значение для обороны страны. Это было невиданное в истории перемещение людских масс и техники. Местные органы власти (партийные и советские) западных районов и областей, которым угрожало нашествие врага, в короткий срок организовали демонтаж, погрузку и отправку оборудования, нередко под сильным обстрелом противника. В целом была проведена колоссальная работа, чтобы разместить эвакуированные предприятия на местах, наладить производство, обеспечить жильем десятки тысяч рабочих и служащих с семьями и т.д. Из прифронтовой зоны в предельно сжатые сроки во второй половине 1941 года на восток были перебазированы 2593 промышленных предприятия и более чем 10 миллионов человек. Одновременно в тыл перевозились запасы продовольствия, десятки тысяч тракторов и сельскохозяйственных машин, эвакуировались сотни научных институтов, лабораторий, библиотек, уникальные произведения искусства. Для перевозки были использованы около 1,5 млн. железнодорожных вагонов³⁹³.

Безусловно, с согласия Сталина или по его прямому указанию 24 июня при СНК создается Совет по эвакуации (А.Н. Косыгин, Н.М. Шверник). Именно на их долю выпала работа по практической реализации задач

---

³⁹² *Isaac Deutscher* . Stalin. p. 451.

³⁹³ Вторая мировая война. Краткая история. М. 1984. С. 127.

эвакуации. Американский журналист А. Верт дает вполне объективную оценку мерам советского руководства по эвакуации промышленных предприятий и людских кадров на Восток: «Считало или нет Советское правительство в первые недели войны возможным, что немцы дойдут до Ленинграда, Москвы, Харькова или Донбасса, оно совершенно правильно решило не рисковать и приняло принципиальное постановление об эвакуации на восток всех важнейших предприятий, и особенно военной промышленности. Оно с самого начала знало, что это будет для СССР вопросом жизни или смерти в случае, если немцы захватят большие районы Европейской России.

Эту эвакуацию промышленности во второй половине 1941-го и начале 1942 г. и ее „расселение“ на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»³⁹⁴.

Столь быстрое и успешное решение задачи колоссальной трудности и важности, как перебазирование тысяч предприятий и миллионов кадров работников на Восток, явилось одной из важнейших предпосылок наших дальнейших успехов в Отечественной войне. Без решения этой задачи страна была бы неминуемо обречена на поражение, и это вряд ли можно серьезно оспорить. Особенно важно подчеркнуть следующий момент: по указанию Сталина в период первых пятилеток промышленные предприятия строились с таким расчетом, чтобы их в сравнительно короткие сроки можно было бы поставить на службу обороны страны, чтобы они выпускали военную технику, боеприпасы и т.д. Это был, вне всяких сомнений, дальновидный расчет Сталина, и этот расчет себя в полной мере оправдал.

Это обстоятельство вполне справедливо отметил сотрудник Военной академии тыла и транспорта П. Кнышевский в своей статье, опубликованной еще в середине 90-х годов. Он отметил, что Н.А. Вознесенский в своей книге о военной экономике выделял программу перестройки народного хозяйства. Основные мероприятия он свел к мобилизации по семи направлениям: производственных мощностей промышленности, рабочих и инженерно-технических кадров; материальных ресурсов сельского хозяйства и труда колхозного крестьянства; транспорта; строительных кадров и механизмов, рабочей силы (с переквалификацией) в промышленности; продовольственных резервов; средств населения и ресурсов народного хозяйства на финансирование войны; перестройки государственного аппарата. Но считать, что такая мобилизация началась именно с первого дня войны и продуктивно развивалась после создания ГКО и обращения Сталина к народу от 3 июля 1941 г. вряд ли верно.

Конструктивные детали этого механизма оттачивались с середины 20-

---

³⁹⁴ Александр Верт. Россия в войне 1941 – 1945. М. 2003. С. 136.

годов, а перед войной они нашли выражение в указах Президиума Верховного Совета СССР: от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»; от 17 июля 1940 г. «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях»; от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР»; от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие»³⁹⁵.

Конечно, задача перебазирования предприятий и масс людей на новые необжитые места была сопряжена со многими трудностями, которые по плечу было решить лишь стране, которая имела всесторонне развитую централизованную и надежно функционирующую систему управления. Конечно, главный фактор – это был поистине взрыв патриотизма всего народа, который нес на своих плечах неизмеримые тяготы. Большое организующее значение в налаживании производства военной продукции на востоке страны имел принятый по инициативе Сталина 16 августа 1941 года ЦК партии и Совнаркомом СССР военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 года и на 1942 год для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Планом предусматривалось значительное увеличение в восточных районах производства вооружения, боеприпасов, танков, самолетов, авиамоторов, чугуна, стали, цветных металлов, нефти, электроэнергии, добычи угля, реконструкция и расширение основных железнодорожных узлов, станций и путей.

Не беря на себя задачу описывать все трудности эвакуации и ввода в действие перемещенных предприятий, позволю себе сослаться на свидетельство вполне объективного в данном случае американского корреспондента А. Верта. Вот что он писал по этому поводу:

«Во время войны я имел возможность беседовать со многими рабочими и работницами, эвакуированными глубокой осенью или в начале зимы 1941 г. на Урал или в Сибирь. Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года, – это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости. В большинстве мест условия жизни были ужасающие, зачастую не хватало продовольствия. Люди работали, ибо знали, что это абсолютно необходимо, и они не отходили от станков по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки, они „жили на нервах“, они понимали, что никогда еще их работа не была так нужна.

---

³⁹⁵ «Вопросы истории». 1994 г. № 2. С. 53 – 54.

Многие надорвались и умерли. Все эти люди знали, какие потери несут войска, и, находясь в „глубоком тылу“, не очень роптали. В то время, когда солдаты подвергались таким страданиям и опасностям, гражданское население не имело права уклоняться даже от самой тяжелой, самой изнурительной работы. В разгар сибирской зимы некоторым приходилось ходить на работу пешком, иногда за пять, восемь, десять километров, потом работать по двенадцать часов или больше и опять возвращаться домой пешком – и так день за днем, месяц за месяцем.

Однако советская печать только изредка писала об особых трудностях, порожденных нехватками военного времени. Например, в постановлении правительства от 11 сентября 1941 г. подчеркивалась необходимость экономно расходовать сталь и железобетон и использовать их „лишь в тех случаях, когда применение других материалов технически недопустимо“. Поэтому многие заводские корпуса, особенно в 1941 г., строились из дерева»³⁹⁶.

Безусловной заслугой Сталина как главного руководителя страны было то, что он сумел создать эффективную и оперативно действующую систему руководства всеми сферами военной, экономической и других сфер жизнедеятельности страны, армии и флота. Между членами Государственного Комитета Обороны и членами Политбюро были распределены обязанности таким образом, что каждый отвечал за какой-то или какие-то отдельные важные виды работы. Разумеется, все важные решения согласовывались со Сталиным и утверждались им лично. Все это давало возможность избежать излишней и порой неизбежной волокиты и т.п. препятствий. Некоторые полагают, что столь жесткое сосредоточение власти в одних руках сопряжено было с принятием в ряде случаев непродуманных и ошибочных решений. Конечно, не обходилось и без этого, но в целом такая система диктовалась потребностями самой жизни, и правильность ее подтверждалось также самой жизнью. В условиях войны, особенно на первых ее самых драматических этапах, иной стиль руководства представлялся бы крайне неэффективным.

Причем следует отметить исключительную требовательность, которую проявлял Сталин к руководящим работникам, отвечавшим за военное производство. Так, нарком авиационной промышленности СССР А.И. Шахурин в своих воспоминаниях писал: «Это произошло вскоре после того, как я был назначен наркомом. Меня вызвал Сталин и, что называется с порога, как только я вошел в кабинет, обрушился с упреками, причем в очень резком тоне: почему, почему, почему? Почему происходят такие-то события на таком-то заводе? Почему отстает это? Почему не делается то-то? И еще много разных „почему“. Я настолько опешил, что еле вымолвил:

---

³⁹⁶ Александр Верт. Россия в войне 1941 – 1945. С. 140.

– Товарищ Сталин, вы, может быть, упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности.

И услышал в ответ:

– Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я ничего не трогал? С кого же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиапромышленности и не в таком темпе?

Совершенно пораженный сначала этим разговором, после некоторого раздумья я понял, что Сталин не только хотел с меня спросить, но и хотел, чтобы я так же спрашивал с других – требовательно, резко, со всей твердостью подходил к вопросам, которые решала в то время авиаиндустрия»³⁹⁷.

Можно было бы привести десятки, если не сотни оценок Сталина как верховного руководителя не только вооруженных сил, но и всех важнейших отраслей жизни страны в целом. Я приведу обширную, но весьма содержательную оценку, принадлежащую тогдашнему наркому вооружений Д.Ф. Устинову, воспоминания которого уже не несли на себе следы хрущевской антисталинской кампании, поскольку вышли в самый разгар горбачевской перестройки.

Так вот, Д.Ф. Устинов свидетельствует: «Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: „А что вы думаете по этому вопросу?“ или „А как вы относитесь к такому предложению?“ Причем характерный акцент

---

³⁹⁷ А.И. Шахурин. Крылья победы. Воспоминания. М. 1990. С. 92 – 93.

делался именно на слове „вы“. Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

Нередко на заседаниях, в ходе обсуждения острых проблем, ссылался на В.И. Ленина, не раз рекомендовал нам почаще обращаться к его трудам. Ленинские идеи лежат в основе многих принятых ГКО в годы войны важнейших решений. Ленинская тональность явственно ощущается и в ряде выступлений И.В. Сталина предвоенных и военных лет»³⁹⁸.

Полагаю, что приведенные выше факты и свидетельства дают отражение реальной, а не вымышленной картины тех лет и тех дней. Но их критики Сталина или обходят молчанием, или причисляют их авторов к разряду рьяных сталинистов. Между тем, большей частью таких оснований нет, поскольку тот же Шахурин после войны подвергся репрессиям со стороны Сталина.

На мой взгляд, автор нескольких весьма содержательных книг о Сталине Ю. Емельянов имел все основания констатировать, что, возглавив Вооруженные Силы СССР в период кризиса доверия к военному руководству, Сталин остановил его развитие. Вряд ли кто иной в военных или политических кругах страны смог бы летом 1941 года взять ситуацию под столь уверенный и жесткий контроль. Остро болея за судьбу страны, он требовал от каждого военачальника сделать все, что было в его силах, для того чтобы остановить продвижение врага. Хотя на протяжении этого трагического периода войны он не раз обольщался ложными надеждами на то, что противника уже удалось остановить, его требовательность передавалась по тысячам цепочек команд и позволяла организовать самоотверженное сопротивление наступавшим захватчикам. Хотя порой планы обороны и контрударов, выбранные Сталиным, не всегда приносили нужные результаты, немецкие генералы вынуждены были признавать провал их расчетов на молниеносный разгром СССР³⁹⁹.

С первого дня войны по указанию Сталина проводились крупномасштабные мероприятия по переводу промышленности на военные рельсы. В указе Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июля 1941 г. предусматривалось введение трудовой повинности и регулирование работы промышленных предприятий. На

---

³⁹⁸ Д.Ф. Устинов. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М. 1988. С. 91 – 92.

³⁹⁹ См. Юрий Емельянов. Трагедия Сталина. 1941 – 1942. Через поражение к победе. М. 2006. С. 273.

следующий день начал действовать мобилизационный план по производству боеприпасов. 26 июня 1941 г. Верховный Совет СССР принимает указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», введивший сверхурочные работы. В декабре 1941 г. вступил в действие указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», а 13 февраля 1942 г. – «О мобилизации для работы на производстве и в строительстве». В соответствии с этими указами рабочие и служащие считались мобилизованными на период войны. В апреле 1942 г. мобилизация коснулась и сельских жителей. Основную часть мобилизованных составляли женщины. Утверждаются мобилизационные народнохозяйственные планы, ориентированные на увеличение выпуска военной продукции. 30 июня 1941 г. создается Комитет по распределению рабочей силы. Для обеспечения перевода экономики страны на военные рельсы в крупные промышленные центры и на оборонные предприятия направлялись уполномоченные ГКО и Госплана СССР. В целях ускорения ввода в действие объектов индустрии 11 сентября принимается постановление «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени».

Как отмечал председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, выполнявший колоссальную работу по организации военной промышленности, распределению ресурсов, рабочей силы и т.д. (его не без оснований некоторые считают одним из главных организаторов победы в сфере экономики), «это было очень трудное время. Промышленное производство в стране понизилось в 2,1 раза. Прокат черных металлов уменьшился за полгода войны в 3,1 раза, прокат цветных металлов в 430 раз, производство шарикоподшипников в 21 раз»⁴⁰⁰. В дальнейшем, когда страна выстояла во многом благодаря самоотверженной работе тыла, масштабы и темпы роста нашей военной промышленности, как и экономики в целом, значительно возросли. Тот же Н. Вознесенский писал: «В истории военной экономики СССР 1943 год является годом коренного перелома, он характеризуется крупнейшими победами Советской Армии, укреплением и развитием военного хозяйства с резко выраженными особенностями расширенного воспроизводства. Значительно увеличилось производство всего совокупного общественного продукта по сравнению с 1942 г. Увеличилось производственное потребление, вырос народный доход, выросло личное потребление трудящихся и накопление, увеличились основные и оборотные фонды народного хозяйства.

В 1944 г., в течение которого советская земля была полностью очищена Советской Армией от гитлеровской нечисти, в военном хозяйстве СССР продолжалось нарастание процессов расширенного воспроизводства.

---

⁴⁰⁰ Н. Вознесенский. Военная экономика СССР. М. 1947. С. 42 – 43.

Увеличение военных расходов в 1943 – 1944 гг. происходило наряду с абсолютным ростом производственного и личного потребления и накопления, а не за счет их абсолютного сокращения, как это было в 1942 г. В этом сказываются особенности расширенного воспроизводства на различных этапах периода военной экономики СССР»⁴⁰¹.

Но все это еще было впереди, и трудно было заглянуть в столь отдаленное будущее. Отдаленное – потому, что каждый день войны можно приравнять к месяцу, а то и двум по своей напряженности, насыщенности, наконец, по своему значению. А Сталин, мысля стратегически и заглядывая вперед, как раз и ориентировал всю страну, чтобы она все силы отдавала фронту, максимально быстрыми темпами устраняла временные трудности в работе всех отраслей промышленности с тем, чтобы мы своей мощью во всех решающих судьбы войны областях не уступали Германии. В этом наглядно проявлялось его умение заглянуть вперед, правильно наметить перспективы и думать о будущем даже тогда, когда судьбы страны подвергались немыслимым испытаниям, когда они висели буквально на волоске.

Объем его работы был колоссальным, что признают, по существу, все его биографы – от критически настроенных до откровенных апологетов, которые порой не желают считаться с суровыми фактами и не признают крупных ошибок и серьезнейших промахов Сталина во всей его деятельности, особенно во время войны. Сошлюсь в данном случае на Д. Волкогонова. Ведь его даже при большом желании трудно отнести к почитателям вождя. Вот его оценки. Во имя победы над фашистской Германией Сталин ежедневно трудился по 14 – 16 часов, находясь у себя в кабинете, рассматривая «множество самых различных оперативных, кадровых, технических, разведывательных, военно-экономических, дипломатических, политических вопросов. Тысячи документов, на которых стоит подпись Сталина, приводили в движение огромные массы людей»⁴⁰².

И еще из той же книги: «В годы войны он практически не сидел за письменным столом. Дело в том, что в течение дня у Сталина проходили пять – семь заседаний и совещаний – ГКО, Ставки, с наркоматами, членами ЦК партии, работниками Штаба партизанского движения, руководителями разведки, конструкторами и т.д. Рассаживались за длинным столом, нередко только заканчивалось одно заседание, как Поскребышев впускал другую группу товарищей. „Конвейер“ стал работать медленнее лишь в 1944 и 1945 годах, когда для всех стало ясно, что разгром оккупантов – дело времени»⁴⁰³.

---

⁴⁰¹ *Н.А. Вознесенский. Избранные произведения. 1931 – 1947. М. 1979. С. 496.*

⁴⁰² *См. Д.А. Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. М. 1990. С. 285.*

⁴⁰³ Там же. С. 340.

Несомненно, роль Сталина как главного руководителя страны и Верховного Главнокомандующего особенно велика в первые, самые тяжелые месяцы войны. Ее не только трудно переоценить, но даже оценить по всем параметрам – настолько широка и многообразна она была как по своим масштабам, так и по своей значимости. Конечно, он был диктатором, и это едва ли всерьез можно поставить под сомнение. Однако именно эта диктаторская власть налагала на него не ограниченную ничем ответственность. Его власть диктатора, на мой взгляд, во многом уступала степени его ответственности как верховного руководителя страны. Сталин не имел возможности ни уклониться от этой ответственности, ни переложить ее на кого-либо другого. Его соратники – формально равноправные члены Политбюро и члены ГКО – в своих действиях в основном отражали и выражали его позицию и взгляды на самые важные вопросы. Это, разумеется, не значит, будто они лишь выступали в роли марионеток. С помощью марионеток нельзя было решать столь сложные и ответственные задачи, которые стояли перед страной. У них была и своя власть, и своя доля ответственности. Ведь и диктаторский режим не может обходиться без строгой регламентации власти и ответственности отдельных лиц.

Во втором томе уже приходилось цитировать слова Сталина в беседе с Черчиллем в августе 1942 года, что самыми тяжелыми и трудными в его государственной и политической деятельности были годы коллективизации. Но сдается мне, что в данном случае вождь лукавил, проявляя свойственный ему дар вводить собеседника в заблуждение, сохраняя при этом видимость полной искренности. Ведь во время коллективизации не стоял вопрос о жизни и смерти государства и созданного в стране социалистического строя. Теперь же вопрос стоял совершенно по-иному: от того, выстоят ли советские войска в противоборстве со столь сильным и опытным противником, обольщенным к тому же лаврами побед в Европе, зависела судьба государства, в буквальном смысле жизнь ее народов, их физическое выживание. Гитлер не раз говорил об этом и отдавал соответствующие указания. Опасность, нависшая над страной и каждым ее гражданином, начиная с самого вождя и кончая самым простым рабочим и колхозником, в целом осознавалась всем населением страны, за исключением разве только неисправимых антисоветчиков, для которых ненависть к большевикам перевешивала чувства патриотизма и просто гражданского долга.

И сейчас, окидывая мысленным взором те годы, приходишь к выводу, что иная система, кроме созданной большевиками, при всех ее минусах и пороках, не смогла бы эффективно противостоять неимоверно тяжелым обстоятельствам. Соответственно, надо оценивать и роль Сталина, делая акцент не на его диктаторских полномочиях и власти, а на том, какие плюсы давали такие полномочия и власть. Важно подчеркнуть, что система функционирования высшего государственного и военного руководства,

---

сложившаяся в годы войны (а начало ее формирования приходится на первые ее месяцы), главным архитектором которой, конечно, был сам Сталин, в жизни не была такой диктаторской и произвольной. Она не сковывала инициативы других, хотя противники Сталина всячески стараются доказать обратное. Непосредственные участники и свидетели функционирования системы государственного и военного руководства почти единодушно говорят об обратном. Начиная с Жукова и кончая другими видными военачальниками. В соответствующих местах я буду иллюстрировать эту мысль конкретными примерами. Здесь же позволю себе сослаться на А.М. Василевского – одного из самых ярких и самых скромных советских военачальников периода войны. Вот его мнение о Сталине:

«...По моему глубокому убеждению, И.В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем невероятно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния»⁴⁰⁴.

Рискуя переборщить по части цитирования (а оно большей частью звучит гораздо убедительнее, нежели авторские рассуждения и доводы), приведу оценку бывшего во время войны начальником оперативного управления Генерального штаба С.М. Штеменко. Вот его свидетельства: «...Все принципиальные вопросы руководства страной, ведения войны решались Центральным Комитетом партии – Политбюро, Оргбюро и Секретариатом, а затем проводились через Президиум Верховного Совета СССР, Совнарком, а также через ГКО и Ставку ВГК. Для оперативного решения военных вопросов созывали совместные совещания членов Политбюро и ГКО, Политбюро и Ставки, а наиболее важные из них обсуждались совместно Политбюро, ГКО и Ставкой.

В области руководства военными действиями не попирался и принцип единоначалия – этот важнейший принцип военного строительства и управления войсками в мирное и военное время. Руководство операциями Вооруженных Сил в высшем звене находилось в руках только Ставки Верховного Главнокомандования. Но поскольку членами Ставки были некоторые члены Политбюро ЦК ВКП(б) и лица высшего военного командования, она, таким образом, являлась коллективным органом верховной военной власти.

Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя

---

⁴⁰⁴ А. Василевский . Дело всей жизни. М. 1975. С. 540 – 542.

лицами – Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба, а иногда заместителем Верховного Главнокомандующего. Были документы за подписью только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка „по поручению Ставки“. Один Верховный Главнокомандующий оперативные документы, как правило, не подписывал, кроме тех, в которых он резко критиковал кого-либо из лиц высшего военного руководства (Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются). Подписывались им единолично только различного рода приказы, главным образом административного характера»⁴⁰⁵.

Сложившаяся в первые месяцы войны ситуация была более чем критической. Естественно, что обстановка и практическое решение неимоверно трудных задач первого этапа войны требовали от всех советских людей, начиная с самого Сталина, предельного напряжения всех духовных и физических сил. Вполне понятно, что вся работа не только на фронте, но и в тылу проходила в крайне напряженной обстановке, чреватой острыми, критическими ситуациями, а порой и отчаянным положением на фронте, в условиях жесточайшей нехватки времени, жестокой ограниченности резервов. Обстановка почти непрерывно требовала от всех – начиная с младших командиров и начальников разного рода производств – незамедлительных действий и безотлагательного принятия решений, полного самообладания, жесткой требовательности и неустанного контроля за важнейшими звеньями военного и государственного аппаратов, отсутствия всякого подобия паники. По существу, все соприкасавшиеся со Сталиным по работе, отмечают, что ему были присущи неизменное сохранение выдержки и верности суждений в наиболее опасных и затруднительных обстоятельствах.

Неоспоримая заслуга Сталина заключается прежде всего и главным образом в том, что он в такой судьбоносный период истории нашей страны, как Великая Отечественная война, сумел неотступно и твердо лично контролировать и направлять важнейшие процессы, происходившие на фронте, в стране, в сфере внешней политики, жестко и повседневно отслеживать и компетентно направлять деятельность важнейших структур государственной машины. И в мирные времена, а во время войны в особенности, он железной рукой добивался четкой исполнительности от всех звеньев государственной и военной машины страны. Сам же он трудился не щадя себя, чуть ли не до полного физического изнеможения, столько, сколько хватало сил. И даже больше! Сам исторический момент диктовал необходимость именно такого подхода. Пусть кому-то он сейчас и покажется жестоким и бесчеловечным. Но на карте стояло все, и прежде всего – судьба советского народа, судьба страны. Сама чрезвычайная обстановка требовала

---

⁴⁰⁵ С.М. Штеменко . Генеральный штаб в годы войны. Книга 2. С. 258 – 259.

чрезвычайных мер. Так что дело не в характере или личных свойствах Сталина как личности, а в исторической неизбежности использования самых эффективных, подчас жестких и суровых мер. Личные же качества вождя лишь накладывали свой, причем неповторимый, отпечаток на все решения и действия высшего руководства государства.

Приведенные выше материалы и мои собственные размышления и оценки позволяют читателю хотя бы в самой общей форме, хотя и несколько схематично, представить себе роль Сталина и исключительно важное значение его деятельности во время войны, в первую очередь в ее начальный период, о котором идет речь в данной главе.

2. Крупные оборонительные операции и сражения

Приграничные сражения

23 – 29 июня в р-не Луцк, Броды, Ровно, Дубно произошло крупное танковое сражение. Контрудар Юго-Западного фронта сыграл важную роль в срыве попыток войск вермахта прорваться сходу к Киеву и его замысла по окружению главных сил Юго-Западного фронта на Правобережной Украине. По приказу Ставки с 30 июня войска Юго-Западного фронта начали отход на линию укрепленных районов по старой государственной границе для организации на ней упорной обороны. Но эти усилия не увенчались успехом. Наши войска вынуждены были отходить на новые рубежи. В целом приграничные сражения завершились отходом войск Северо-Западного фронта. Однако 11 дивизий Западного фронта оказались в окружении между Белостоком и Минском, где вели бои до 8 июля, сковав здесь около 25 дивизий противника. Мужественная борьба советских войск прикрытия в первую неделю войны сорвала замысел Гитлера уничтожить Красную Армию в западных районах до рубежа Западной Двины и Днепра. Это дало возможность провести мобилизацию военнообязанных запаса и осуществлять выдвижение войск 2-го стратегического эшелона. В начале июля войска Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов продолжали вести ожесточённые оборонительные бои, которые с подходом войск 2-го стратегического эшелона 7 – 10 июля переросли в крупные оборонительные операции и сражения.

Как отмечается в солидном исследовании истории Великой Отечественной войны, в целом летне-осенняя кампания 1941 г. носила в основном оборонительный характер. На всех стратегических направлениях инициатива в этот период находилась в руках противника, хотя советское командование пыталось организовать повсеместное наступление и изменить ход войны. Но в те дни это была непосильная для советских войск задача. В этом был очередной просчет военно-политического руководства страны,

которое должно было принять решение о немедленном переходе к обороне и создании в глубине страны, на выгодных естественных рубежах, сплошного оборонительного фронта. Но момент был безвозвратно упущен. Не увенчались успехом и попытки остановить врага, предпринятые летом 1941 г. на ряде участков фронта. Только под Смоленском удалось на некоторое время заставить противника перейти к обороне. Тем не менее даже в этих крайне неблагоприятных условиях на многих участках огромного фронта советским войскам удавалось в течение длительного времени надежно оборонять занимаемые ими рубежи (под Смоленском, Ленинградом, Киевом, Одессой, Севастополем и др.), хотя со стратегической точки зрения это не всегда было целесообразно. Так, запоздалые решения Верховного Главнокомандования на отвод войск из Белоруссии (в июне) и из-под Киева (в сентябре) привели к окружению и разгрому крупных группировок, что повлекло за собой потерю огромной территории с жизненно важными для страны промышленными и сельскохозяйственными районами⁴⁰⁶.

Смоленское сражение (июль – сентябрь 1941 года)

Главной военно-стратегической целью смоленского оборонительного сражения было не допустить стремительного продвижения немецких войск к Москве. Вполне понятно, что председатель ГКО уделял этому участку особенно пристальное внимание.

На западном направлении немецко-фашистская группа армий «Центр» 10 июля начала наступление на Смоленск. Ей противостояли не успевшие организовать прочную и глубокую оборону главные силы Западного фронта, значительно уступавшие противнику в силах и средствах (в танках в 7 раз, в артиллерии в 2,4 раза, в самолётах в 4 раза). Две мощные немецкие танковые группы форсировали Днепр. К началу Смоленского сражения вследствие ошибок в планировании, огромного объема намеченных мероприятий при ограниченных сроках на их осуществление создать сплошной и устойчивый фронт обороны советское командование не сумело. Оборону успели занять лишь 37 дивизий из 66. Причем всего 24 дивизии располагались в первом эшелоне армий. После ожесточенных боев 19-я армия разрозненными группами устремилась на восток. Этим немедленно воспользовался противник, который 15 июля перехватил восточнее Смоленска железнодорожную и автомобильную магистрали, ведущие к Москве; одновременно немецкая моторизованная дивизия захватила левобережную часть Смоленска. В результате в районе Смоленска оказались охваченными с трех сторон три наших армии – 16, 19 и 20-я. Для отхода на восток им оставалась одна-единственная переправа через Днепр. В тот же день маршал

---

⁴⁰⁶ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 464 – 465.

Тимошенко докладывал в Ставку: «Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное – нет танков». В ходе Смоленского сражения наиболее отличившимся соединениям впервые в Красной Армии присвоено наименование гвардейских. Несмотря на большие потери, врагу удалось 16 июля захватить Смоленск. Контрудары 22-й армии под Витебском и Великими Луками, 21-й армии под Рогачёвом и Жлобином, 20-й армии под Оршей и Красным, 16-й армии под Смоленском и других сковали силы врага, который понёс большие потери. В конце июля усилиями войск Западного фронта ударная немецкая группировка была остановлена, и немецко-фашистская группа армий «Центр» 30 июля перешла к обороне.

Следует особо подчеркнуть, что сами немецкие генералы вынуждены были признать, что Смоленское сражение явилось для гитлеровской армии ощутимым ударом, хотя в масштабах всей кампании оно занимало отнюдь не решающее значение. Так, начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г. Блюментритт, характеризуя первые серьезные сражения, в которых немцы, наконец, почувствовали, что война в России – это отнюдь не прогулка по странам Западной Европы, признавал: «Самым значительным из них было сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских войск. В то время как основная масса двух танковых групп, отражая атаки русских на флангах, продолжала движение на восток, небольшие силы были выделены для усиления восточной стороны Смоленского котла. Две полевые армии после изнурительного марша, наконец, опять догнали танковые соединения. Они удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцево. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток. Танковые войска не подходили для проведения такой операции, особенно на болотистой местности, прилегающей к Днепру»⁴⁰⁷.

С самого начала войны (собственно, велась заблаговременно) немцы развернули широкомасштабную пропаганду, нацеленную на разложение советской армии и населения страны. Причем, эта пропаганда отличалась особой лживостью и распространялась посредством прежде всего листовок. Основные мотивы геббельсовской пропаганды были разработаны еще до начала военных действий против Советского Союза: «...никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусскую армию); против Сталина и его еврейских приспешников; земля – крестьянам... Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий...»

Характерная особенность «окопных» листовок – практически все они

---

⁴⁰⁷ З. Вестфал, В. Крайне, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. М. 1958. (Электронный вариант).

служили одновременно пропуском для добровольного перехода бойцов и командиров РККА на сторону германских войск. Текст пропуска на русском и немецком языках особо очерчивали в листовке.

В эпицентре немецкой пропаганды стояла фигура Сталина. В одной из листовок привычная аббревиатура «СССР» расшифровывалась как «Смерть Сталина Спасет Россию». Тут же карикатура: пролетарский молот ударяет Иосифа Виссарионовича по голове, а крестьянский серп приставлен к его шее.

В другой листовке карикатурный Сталин с хищническим оскалом строгаёт гробы, на гробах – номера погибших дивизий и армий. Подпись под рисунком: «Батюшка Сталин заботится о своих дивизиях...». Кстати, 16 июля 1941 г. восточнее Витебска был взят в плен старший сын Сталина – командир батареи артиллерийского полка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Я.И. Джугашвили. Позднее он погиб в немецком концлагере. По свидетельству очевидцев; Яков и там проявил себя достойным человеком и патриотом⁴⁰⁸. Для германских пропагандистов это стало настоящей удачей. В срочном порядке была изготовлена листовка, озаглавленная «А вы знаете, кто это?», где были помещены фотографии Якова в окружении немецких офицеров. В целом, как отмечают советские военные историки, нацистская «пропаганда разложения» приносила определенные плоды в период наиболее тяжелого положения советских войск, особенно в 1941 – 1942 годах. Но ее действенность значительно поубавилась в 1943 году, а с завершением коренного перелома в войне и массовым отступлением частей германской армии по всему фронту – и вовсе стала ничтожной⁴⁰⁹.

Когда немцы полностью овладели Смоленском, Сталин был вне себя, ибо он прекрасно отдавал отчет в том, что падение Смоленска открывает немцам дорогу на Москву. Неблагоприятное развитие событий на многих участках фронта, особенно на западном направлении, очевидно, побудили Сталина прибегнуть к мерам репрессивного характера, которые, как он, видимо, полагал, могут встряхнуть всю Красную Армию, и прежде всего ее руководство на фронтах. 16 июля 1941 г. Сталин издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «...Государственный Комитет Оборона должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Оборона считает вместе с тем необходимым,

---

⁴⁰⁸ См. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. С. 171 – 172.

⁴⁰⁹ «Независимое военное обозрение». 17 июня 2005 г.

чтобы были приняты меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

Исходя из этого, Государственный Комитет Обороны, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

- 1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;
- 2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;
- 3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;
- 4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова...» и ряд других командиров и начальников⁴¹⁰.

После короткого и поверхностного расследования Павлов и ряд других руководителей Западного фронта были расстреляны. Проведенная уже через десять с лишним лет проверка показала, что эти лица репрессированы необоснованно. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков были реабилитированы: приговор отменен и дело на них за отсутствием состава преступления производством прекращено. В документе подчеркивалось, что прорыв германских войск на фронте обороны Западного особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован осужденным как воинское преступление, так как это произошло по независящим от них обстоятельствам⁴¹¹.

Этот приказ Сталина, конечно, сыграл определенную роль в попытках предотвратить поспешное отступление, стал серьезным предостережением для других. Однако репрессии как осуществление определенной линии в условиях войны, конечно, не могли дать сколько-нибудь существенных результатов.

Еще более суровым был приказ от 16 августа 1941 г. «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». Приведа в

---

⁴¹⁰ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 501 – 502.

⁴¹¹ «Военно-исторический журнал». 1992 г. № 4/5. С. 19 – 22.

приказе ряд фактов сдачи в плен генералов Красной Армии, приказ, подписанный как Сталиным (в качестве председателя ГКО), так и рядом маршалов, констатировал: эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию, загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев⁴¹².

Приказ завершился следующими чрезвычайно суровыми мерами, которые предписывали:

«1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия, дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося

---

⁴¹² Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 503 – 504.

поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен – уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах»⁴¹³.

Я не стану рассуждать о том, насколько оправданны были подобные приказы Сталина. В данном случае сошлюсь на точку зрения авторов книги о Сталине как полководце. Их точка зрения созвучна и моей личной позиции, поэтому я и приведу ее и как выражение моей собственной точки зрения. «Сейчас находятся авторы, которые обвиняют Сталина в жестокости, излишних жертвах во время войны. В этих целях идет спекуляция на приказе № 270 от 16 августа 1941 года, подписанном от имени Ставки Верховного Главнокомандования Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым и Жуковым. Особенно нагнетаются разного рода толки вокруг приказа № 227 от 28 июля 1942 года наркома обороны Сталина, известном больше как приказ „Ни шагу назад!“.

Быть может, с точки зрения сегодняшнего читателя, – пишут авторы, – эти меры и документы покажутся безжалостными, несправедливыми. Однако их надо оценивать с позиций не сегодняшнего дня, а с позиций того сурового времени, когда гитлеровцы, несмотря на большие потери, прорвались в глубь страны. В приказе прозвучала грозная и беспощадная правда о положении, создавшемся на данном критическом рубеже войны, величайшая озабоченность Сталина утратой огромной части ресурсов страны, необходимых для продолжения борьбы, требование добиться коренного перелома в ходе войны, отстаивать каждую пядь родной земли, идти на жертвы ради спасения отечества и решительно пресекать любые проявления паники, безответственности, разгильдяйства»⁴¹⁴.

---

⁴¹³ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 504.

⁴¹⁴ Б. Соловьев, В. Суходеев. Полководец Сталин. С. 219.

Конечно, солидаризируясь с авторами приведенного отрывка, хочется заметить, что, как ни суровы законы войны, они отнюдь не дают основание использовать суровые репрессивные меры в качестве главного средства организации сопротивления противнику и войны с ним. Объективный анализ всей совокупности событий Великой Отечественной войны и деятельности Сталина в этот период дает основание полагать, что столь суровые меры предпринимались им в исключительных случаях, когда обстановка становилась более чем критической. И в таких условиях они были оправданны и обоснованны. В дальнейшем Сталин как Верховный Главнокомандующий, очевидно, понял, что применять в масштабах всей армии исключительно суровые меры было бы крупной ошибкой. Видимо, уроки, извлеченные им из чисток 30-х годов, пошли ему впрок. Разумеется, это не значит, что из жесткого человека он превратился в своего рода размазню. Нет, конечно. Жесткость всегда была его отличительной чертой. Но не ею одной он руководствовался. Здравый ум и широкий политический и исторический кругозор помогали ему избегать крайностей в период войны. Исключая, разумеется, первые ее периоды.

Причем, давая далеко не однозначную оценку приказам и распоряжениям Верховного относительно отношения к советским военнопленным, многие из которых оказались там отнюдь не по своей вине или трусости, а в результате реально сложившейся обстановки и вообще общей неразберихи, царившей особенно в первые недели войны, следует сказать, что и к собственному сыну он относился так же, как и к другим попавшим в плен. Широко распространена версия, согласно которой во время войны немцы через посредство Международного красного креста пытались договориться со Сталиным об обмене его сына Якова на фельдмаршала Паулюса. Сталин на это предложение ответил фразой, ставшей своего рода легендой: «Маршалов на солдат я не меняю». Жуков в своих воспоминаниях писал о том, что Сталин тяжело переживал плен своего сына, был уверен в том, что немцам никогда не удастся склонить его к измене и что его, очевидно, ждет печальная участь.

Вот как излагает Жуков весь этот разговор, который состоялся уже в конце войны:

«За четырехлетний период войны И.В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941 – 1942 годов. Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье. Во время прогулки И.В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве. Так за разговором прошло не менее часа. Потом он сказал:

– Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить. На обратном пути я спросил:

– Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

– Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

– Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И.В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде.

Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

– Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией»⁴¹⁵.

Так что в какой-то избирательности в подходах к данному вопросу Сталина упрекать нельзя: он глубоко верил в то, что все должны подчиняться общим законам и правилам в период войны, ибо без соблюдения этого наступит хаос и неразбериха. Что же касается суровости мер, применявшихся им, особенно в первый период войны, то без них едва ли можно было обойтись. Без них поражение в войне, возможно, явилось бы вовсе не исключенным. Война навязывает всем, в том числе и народам, свою жестокую логику, и ее никак нельзя игнорировать.

Но вернемся к краткому описанию хода смоленского сражения.

Советские военные историки отмечают следующие ключевые моменты. Несмотря на все усилия, выполнить задачу по разгрому противника в районе Смоленска войска Западного фронта так и не смогли. Хотя, как отмечалось выше, сами немецкие военачальники характеризуют это сражение двояко. Но тем не менее, нашим войскам не удалось перейти в контрнаступление, а разрозненные удары, к тому же на широком фронте, оказались малоэффективными. Однако и эти удары лишили войска группы армий «Центр» маневра в сторону флангов – на Украину и Ленинград, что облегчило положение советских войск на юго-западном и северо-западном направлениях. Смог улучшить положение и Западный фронт: своими ударами он на какое-то время отвлек противника от окруженных в районе Смоленска войск. К 1 августа группа Рокоссовского и войска 16-й и 20-й армий одновременным наступлением навстречу друг другу прорвали кольцо окружения. После шестидневных кровопролитных боев части этих армий наконец-то соединились с главными силами фронта.

В ходе боев под Смоленском наш Западный фронт понес серьезные потери. К началу августа в его дивизиях оставалось не более чем по 1 – 2 тыс.

---

⁴¹⁵ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 316 – 317.

человек. По данным противника, только в июле в плен было захвачено 184 тыс. красноармейцев.

Ожесточенное сопротивление советских войск под Смоленском ослабило наступательную мощь группы армий «Центр». Она оказалась скованной на всех участках фронта. Фельдмаршал Бок писал в те дни: «Я вынужден ввести в бой теперь все мои боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор было невозможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время русским не будет где-либо нанесен сокрушительный удар, то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы».

В ходе сражения наглядно проявился просчет политического и военного руководства Германии – в оценке способности советских войск к сопротивлению. Несмотря на крупные потери и тяжелейшие бои в окружении, части продолжали сражаться «ожесточенно и фанатично», как докладывали в Берлин сами немецкие генералы. Главная цель кампании – уничтожение армии русских – оставалась незавершенной.

И хотя сил было еще довольно много, вести наступление одновременно на всех трех главных направлениях вермахт уже не мог. Вот почему 30 июля Гитлер подписал директиву № 34, согласно которой группа армий «Центр» должна была перейти к обороне. По приказу фюрера основные усилия вермахта в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств на центральном участке фронта были перенесены на фланги. В августе в первую очередь намечалось продолжать наступление с целью уничтожения советских войск на Украине, а также совместно с финскими войсками блокировать Ленинград⁴¹⁶.

Смоленское сражение развивалось поэтапно, но мы не будем вдаваться в детали. Отметим главное: его главным итогом был срыв планов вермахта на безостановочное продвижение к Москве. Впервые с начала второй мировой войны германские войска вынуждены были перейти к обороне на своем главном направлении, в результате чего Ставка ВГК выиграла время для совершенствования стратегической обороны на московском направлении и подготовки резервов.

Смоленское сражение потребовало огромных усилий и огромных жертв с нашей стороны – безвозвратные потери составили 486 171 человек, а число раненых – 273 803 человека. Значительными были и потери противника. По признанию самих немцев, к концу августа только моторизованные и танковые дивизии лишились половины личного состава и материальной части, а общие потери составляли около полумиллиона человек. Эти цифры

---

⁴¹⁶ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 179 – 180.

говорят сами за себя: теперь уже советские войска сражались с немецко-фашистскими на равных. В ходе этого сражения Красная Армия приобрела опыт, без которого нельзя было воевать против сильного врага⁴¹⁷.

* * *

Драматически развивались **события на юго-западном направлении**, том направлении, которое Сталин считал накануне войны главным стратегическим направлением будущего наступления гитлеровской Германии. Если коротко обозначить основные вехи событий, то они развивались следующим образом. На юго-западном направлении советские войска в июле – сентябре в кровопролитных боях сдерживали натиск немецко-фашистской группы армий «Юг». Германское верховное командование надеялось ударами во фланг и тыл основным силам Юго-Западного и Южного фронтов уничтожить одну из наиболее крупных группировок советских войск и прорваться к главным промышленным районам Украины, а затем они ставили своей задачей овладеть нефтяными источниками Кавказа. К середине июля развернулись оборонительные бои с войсками, наступавшими на Киев, южнее Полесья. Используя разрыв шириной в 60 км между 5-й армией и войсками, прикрывавшими Киев, часть сил 1-й немецкой танковой группы прорвалась на подступы к Киеву. Для захвата Киева немецко-фашистское командование выделило 6-ю армию. Однако нашим войскам удалось остановить наступление противника на Киев. Южнее Киева, на фронте от Бердичева до Днестра, войска 1-й немецкой танковой группы 16 – 17 июля прорвались в р-н Белой Церкви, 17-я армия продвинулась на жмеринском направлении, а 11-я немецкая армия форсировала р. Днестр в р-не Могилёва-Подольского. Контрудары советских войск на несколько дней задержали продвижение врага, однако к началу августа ему удалось в р-не Умани окружить 6-ю и 12-ю советские армии. Одновременно войска 4-й румынской армии прорвали оборону 9-й советской армии на Днестре, севернее Тирасполя. Отсечённые от главных сил Южного фронта, левобланговые соединения 9-й армии образовали Приморскую группу войск (позднее Отдельная Приморская армия). Выйдя в начале августа к Днестру в полосе Юго-Западного фронта, немецкие войска повернули значительные силы на Юг, во фланг и тыл Южному фронту. Советские войска были вынуждены к 19 августа отойти за Днепр, ведя оборону от Николая до Херсона. Отдельная Приморская армия отступила к 10 августа на Юг, к Одессе. Началась **героическая Одесская оборона** 1941 (5 авг. – 16 окт.), в ходе которой наши войска сковали свыше 18 румынских и немецких дивизий и нанесли им тяжёлые потери.

---

⁴¹⁷ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 183 – 184.

25 августа войска немецкой группы армий «Юг» овладели Днепропетровском и вышли к Запорожью. Сталин переоценил боевые возможности истощённых длительными боями войск Юго-Западного фронта, поставив перед ними задачу удерживать рубеж Днепра и отклонив просьбу командования фронта об отводе войск за Днепр. Немецким войскам удалось в середине сентября ударами двух танковых групп окружить войска Юго-Западного фронта восточнее Киева. 19 сентября советские войска оставили Киев. Это поражение тяжело отразилось на положении советских войск всего южного крыла советско-германского фронта. В конце сентября – начале октября немецко-фашистская группа армий «Юг» нанесла превосходящими силами ряд ударов по не успевшим закрепиться войскам Юго-Западного и Южного фронтов. После тяжёлых и упорных боёв в октябре – ноябре 1941 г. советские войска были вынуждены оставить Донбасс. Врагу удалось прорваться в Крым, но здесь он был остановлен героическими защитниками Севастополя, которые сковали 11-ю немецкую армию и не позволили использовать её ни для удара на Кавказ, ни для поддержки 1-й танковой армии, наступавшей на Ростов.

Эту общую картину следует дополнить важными деталями, характеризующими поведение Сталина и его тщетные попытки задержать наступление немецких войск, сковать здесь их силы, чтобы не дать возможности использовать их для достижения главной цели – стремительного наступления на Москву. Конечно, решения и поступки Сталина в этот период были продиктованы прежде всего стремлением как можно дольше удерживать позиции, в частности не сдавать Киев. Падение Киева в его глазах, да и в глазах всего советского народа, всей армии рассматривалось как крупнейшее поражение Красной Армии, как ее явная неспособность противостоять натиску противника. Однако благие пожелания – это отнюдь не инструмент ведения войны. Сталин предпринимал все меры, вплоть до самых суровых угроз в адрес командования Юго-Западного фронта, чтобы не допустить отвода советских войск на левый берег Днепра.

В данном контексте более чем красноречиво звучит телеграмма, отправленная им Н. Хрущеву, бывшему тогда членом Военного совета ЮЗФ. Вот ее дословный текст:

«ТЕЛЕГРАММА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ О ЗАЩИТЕ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

11 июля 1941 года

Киев т. Хрущеву

Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра.

Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы УРов на правом берегу Днепра, вас всех постигнет

жестокая кара как трусов и дезертиров.

Председатель Государственного Комитета Оборона

И. Сталин»⁴¹⁸.

Надо полагать, что Н. Хрущев на всю жизнь запомнил эту телеграмму. Можно предположить, что данный факт, как и ряд других, послужил одной из побудительных причин, лежавших в основе широкомасштабной кампании по развенчанию Сталина в середине 50-х годов, развернутой Н. Хрущевым.

Любопытные детали ситуации, которая развивалась вокруг положения на Юго-Западном фронте, излагает в своих воспоминаниях Жуков. Они красноречивее всяких авторских описаний и комментариев передают атмосферу тех дней и поведение Сталина в этой сложной ситуации. 29 июля 1941 г. Жуков как начальник Генерального штаба был принят Сталиным и доложил ему как об общей ситуации, так и о положении на юго-западном направлении. Предоставим слово Жукову. Он докладывал Сталину в присутствии Л.З. Мехлиса – одного из ближайших помощников Сталина, ранее работавшего в его личном секретариате, а затем некоторое время начальником Главного политического управления РККА. Жуков писал:

«– На московском стратегическом направлении немцы в ближайшее время, видимо, не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них нет здесь крупных резервов, чтобы пополнить свои армии и обеспечить правый и левый фланги группы армий „Центр“.

На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыгаться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий „Юг“.

Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направления на Унечу – Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

– Что вы предлагаете? – насторожился И.В. Сталин.

– Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию получить за счет западного направления, другую – за счет Юго-Западного фронта, третью – из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

– Вы что же, – спросил И. В. Сталин, – считаете возможным ослабить направление на Москву?

– Нет, не считаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперед не двинется, а через 12 – 15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока

---

⁴¹⁸ «Известия ЦК КПСС». 1990 г. № 7. С. 209.

не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск не ослабит, а усилит московское направление.

– А Дальний Восток отдадим японцам? – съязвил Л.З. Мехлис.

Я не ответил и продолжал:

– Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий. Они будут нашим кулаком и действовать по обстановке.

– А как же Киев? – в упор смотря на меня, спросил И.В. Сталин.

Я понимал, что означали два слова: „Сдать Киев“ для всех советских людей и, конечно, для И. В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственно возможное и правильное, по мнению Генштаба и на мой взгляд, стратегическое решение в сложившейся обстановке.

– Киев придется оставить, – твердо сказал я. Наступило тяжелое молчание... Я продолжал доклад, стараясь быть спокойнее.

– На западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа фронта противника. Ельнинский плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для наступления на Москву.

– Какие там еще контрудары, что за чепуха? – вспыхнул И.В. Сталин и вдруг на высоких тонах бросил:

– Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не мог сдержаться и ответил:

– Если вы считаете, что я, как начальник Генерального штаба, способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

Опять наступила тягостная пауза.

– Вы не горячитесь, – заметил И.В. Сталин. – А впрочем... Если вы так ставите вопрос, мы сможем без вас обойтись...

– Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки, но имею твердую точку зрения на обстановку и способы ведения войны, убежден в ее правильности и доложил так, как думаю сам и Генеральный штаб.

Сталин не перебивал меня, но слушал уже без гнева и заметил в более спокойном тоне:

– Идите работайте, мы вас вызовем.

Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжелым чувством. Примерно через полчаса меня пригласили к Верховному.

– Вот что, – сказал И.В. Сталин, – мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке,

но ничего, мы ему поможем.

А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В Действующей армии вы принесете несомненную пользу. Естественно, что вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

– Куда прикажете мне отправиться?

– А куда бы вы хотели?

– Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

– Не горячитесь, не горячитесь! Вы вот тут докладывали об организации операции под Ельней. Ну и возьмитесь лично за это дело.

Затем, чуть помедлив, Сталин добавил:

– Действия резервных армий на Ржевско-Вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

– Через час.

– Шапошников скоро прибудет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

– Разрешите отбыть?

– Садитесь и выпейте с нами чаю, – уже улыбаясь, сказал И.В.Сталин, – мы еще кое о чем поговорим»⁴¹⁹.

Приведенный выше пассаж интересен не только под углом зрения отношений Сталина с высшими военачальниками, и особенно с Жуковым. Сошлюсь здесь на воспоминания А.Т. Рыбина, работавшего в отделе охраны членов руководства. Его воспоминания весьма противоречивы и не всегда вызывают доверие. Однако как вспомогательный источник они могут быть использованы, учитывая сказанное о них. Определенную ценность представляет и то, что Рыбин ссылается не только на свои собственные воспоминания, но и на то, что ему рассказывали его сослуживцы – сотрудники личной охраны Сталина и другие лица из органов безопасности, прикрепленные к руководителям.

«Взаимоотношения Сталина с Жуковым во время войны были сложными и никем из историков не разгаданы.

Сталин умный, хитрый, жесткий, сдержанный с подчиненными, тем более с командующими фронтами и простым народом.

Жуков резкий, порывистый, допускавший грубости с подчиненными, в том числе с Верховным Главнокомандующим...

Сталин относился к Жукову, как отец к сыну, нередко его бранил, но и многое прощал, усматривая в нем талант военачальника...»

Ссылаясь на сотрудника для поручений, состоявшего при Жукове,

---

⁴¹⁹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 357 – 359.

Рыбин приводит такой эпизод, характеризующий отношения между Сталиным и Жуковым.

«4 декабря 1941 г. Жуков проводил совещание в бомбоубежище штаба с командующими армиями фронта, ставил задачи перед комсоставом на период контрнаступления.

В это время позвонил Сталин. Жуков находился в напряжении. Во время разговора со Сталиным у Жукова лицо стало покрываться пятнами и заходили на щеках желваки. Это уже было не к добру и предвещало ссору. Выслушав Сталина, Жуков отпарировал: „Передо мной 4 армии противника и свой фронт. Мне лучше знать, как поступить. Вы там в Кремле можете расставлять оловянных солдатиков и устраивать сражения, а мне некогда этим заниматься“.

Верховный, видимо, что-то возразил Жукову, который потерял самообладание и выпустил обойму площадной брани, а затем бросил трубку на рычаг... Сталин после этого не звонил сутки. Позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил: „Товарищ Жуков, как с Москвой?“ „Москву я не сдам“.

Сталин: „Тогда я пойду отдохну пару часов“.

Вспоминает друг семьи Жуковых Людмила Лактионова: «Жуков по этому поводу позднее при мне заявил: „Он пойдет отдохнет, а я тут не сплю несколько ночей“».

И Рыбин далее продолжает: «Жукова порой заносило высокомерие, и он терял над собой контроль. Что значит, он не сдаст Москву? Ставка на Западный фронт перебросила с Урала и Сибири, Казахстана 39 дивизий и 42 бригады. Без них даже золотой Жуков неизбежно померк бы навсегда»⁴²⁰.

Конечно, все эти детали и нюансы весьма относительны. Мне лично кажется, что едва ли даже такой вспыльчивый и несдержанный человек, как Жуков, мог позволить себе в таком тоне вести разговор со Сталиным. Это – явные преувеличения так называемых очевидцев и других свидетелей. Что он мог серьезно возразить Сталину – это не вызывает сомнений, поскольку и другие военачальники приводят примеры того, как они вступали в спор со Сталиным. Но эти споры всегда имели свои границы, которые считались незыблемыми. Да и трудно представить себе, чтобы Сталин мог позволить говорить с собой в таком ключе.

Между прочим, Сталин 5 декабря 1941 г. не мог спрашивать у Жукова о судьбе Москвы. Тогда уже успешно развивалось московское сражение и гитлеровцы повсеместно отступали и угрозы для Москвы уже не было. Здесь, очевидно, перепутаны месяцы – подобный разговор, о котором я еще упомяну ниже, состоялся в один из дней ноября, а не в декабре.

Приведенные мною детали позволяют сделать простой вывод: Сталин в вопросах военного руководства проявлял в начальный период войны больше

---

⁴²⁰ А.Т. Рыбин . Сталин и Жуков. М. 1994. С. 20, 22 – 23.

упрямства, чем потом. Он тоже учился на своих ошибках: стремился быть самокритичным, извлекать уроки из поражений и, соответственно, умел делать надлежащие выводы.

Однако такие его ошибки, как в вопросе о сдаче Киева и организованном отступлении наших войск, против чего он вначале категорически возражал и из-за чего было упущено время и дело окончилось катастрофой, носили чрезвычайно серьезный характер. Помимо объективных причин наших неудач на юго-западном направлении, упрямство и упорство Сталина сыграли роковую роль. И здесь, как говорится, ничего не изменишь – такова правда истории, а ее надо уважать.

Вообще надо сказать, что становление Сталина как военачальника, как Верховного главнокомандующего проходило в процессе самой войны, ибо только на практике могли проявиться и развиваться присущие ему черты, которые выражались прежде всего в широте стратегического мышления, умении быстро и объективно оценивать ситуацию, отделять главное от второстепенного, концентрировать усилия на достижении поставленной цели. Этот процесс проходил сложно, и его результаты сказывались не сразу. Однако характерно, например, что, наряду с принятием суровых, подчас весьма жестоких мер, Сталин все больше убеждался в том, что одними только жесткими мерами решить стоявшие проблемы невозможно. В данном контексте очень примечателен его приказ, отданный в самый разгар битвы за Москву. В нем Сталин сделал акцент на важности воспитательной работы среди советских воинов, без чего трудно было рассчитывать на раскрытие всех потенциальных возможностей советских воинов. Приказ, имевший весьма многозначительное (особенно в устах Сталина) название «О ФАКТАХ ПОДМЕНЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ РЕПРЕССИЯМИ» подчеркивал:

а) метод убеждения неправильно отодвинули на задний план, а метод репрессий в отношении подчиненных занял первое место;

б) повседневная воспитательная работа в частях в ряде случаев подменяется руганью, репрессиями и рукоприкладством;

в) заброшен метод разъяснений и беседы командиров, комиссаров, политработников с красноармейцами и разъяснение непонятных для красноармейцев вопросов зачастую подменяется окриком, бранью и грубостью;

г) отдельные командиры и политработники в сложных условиях теряются, впадают в панику и собственную растерянность прикрывают применением оружия без всяких на то оснований...

В приказе особо отмечалось, что необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника.

Учитывая все это, Сталин как нарком обороны приказал:

«1. Восстановить в правах воспитательную работу, широко использовать метод убеждения, не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием и репрессиями.

2. Всем командирам, политработникам и начальникам повседневно беседовать с красноармейцами, разъясняя им необходимость железной воинской дисциплины, честного выполнения своего воинского долга, военной присяги и приказов командира и начальника. В беседах разъяснять также, что над нашей Родиной нависла серьезная угроза, что для разгрома врага нужны величайшее самопожертвование, непоколебимая стойкость в бою, презрение к смерти и беспощадная борьба с трусами, дезертирами, членовредителями, провокаторами и изменниками Родины.

3. Широко разъяснять начальствующему составу, что самосуды, рукоприкладство и площадная брань, унижающая звание воина Красной Армии, ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира и политработника.

4. Самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов.

Приказ объявить всему начальствующему составу Действующей армии до командира и комиссара полка включительно»⁴²¹.

Тем, кто неустанно кричит о том, что победа в войне была достигнута во многом благодаря суровым репрессиям, к которым прибегал Сталин, путем беспощадных мер борьбы с трусами, дезертирами, изменниками и т.д., этим людям полезно было бы вчитаться в слова данного приказа и понять, что с помощью репрессий и угроз такую войну выиграть было просто невозможно. Но что суровые, порой жестокие приказы Сталина, как говорится, имели место – тоже неоспоримый факт. Именно из такого, порой чрезвычайно сложного и запутанного клубка противоречий и складывались методы руководства, применявшиеся Сталиным. Оговоримся сразу же – речь идет главным образом о первом этапе войны, когда наша армия терпела поражение и отступала под натиском войск вермахта.

Оборона Ленинграда стала одной из ярких страниц истории Великой Отечественной войны. Вместе с другими оборонительными и наступательными операциями наших войск на других участках фронта борьбы против гитлеровской агрессии она стала важным вкладом в общую копилку победы. Она, как и другие военные операции наших войск, развеяла в пух и прах миф о непобедимости вермахта и реальности планов Гитлера на блицкриг.

Как я уже отмечал, в мою задачу не входит сравнительно детальное

---

⁴²¹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13. (2 – 2). М. 1997. С. 108 – 109.

освещение военных действий Великой Отечественной войны. Это – тема специальных многотомных исследований, которые уже написаны и которые еще будут написаны. Передо мной стояла довольно ограниченная цель: на фоне отдельных (наиболее важных) военных операций раскрыть деятельность Сталина не столько как полководца и военачальника, сколько как верховного руководителя страны. Естественно поэтому, что многие военные аспекты оказываются за рамками моего внимания. Более или менее подробно освещаются лишь важнейшие военные операции первого периода войны, поскольку именно эти тяжелые, порой драматические или даже трагические дни, недели и месяцы давали возможность раскрыть некоторые черты Сталина как вождя и руководителя, как ведущую фигуру, во многом определявшую тот или иной разворот событий. В дальнейшем, когда война перешла в иное русло, когда наша армия стала гнать фашистских захватчиков с советской земли, роль и значение Сталина, конечно, не уменьшились. Однако, я полагаю, что акцент на первом периоде войны вполне оправдан, ибо он рисует фигуру Сталина, пожалуй, в самые трудные для него времена. Через такую призму можно лучше и более объективно оценить его деятельность, ибо под громкие фанфары победных маршей любая фигура, даже отдаленно несопоставимая с ним, будет выглядеть достаточно внушительно. А я как раз и стремился показать его в тяжелые периоды его политической судьбы...

Преодолев ожесточённое сопротивление советских войск в Прибалтике, враг вторгся в пределы Ленинградской области. Войска гитлеровской Германии 5 июля овладели г. Остров, а 9 – Псковом. 10 июля 1941 г. развернулось наступление противника на юго-западном и северных подступах к Ленинграду. В последней декаде июля ценой больших потерь противник вышел на рубеж рек Нарва и Луга, где вынужден был перейти к обороне и произвести перегруппировку. На Карельском перешейке с 31 июля советские войска вели оборонительные бои с наступающими финскими войсками и к 1 сентября остановили их на рубеже государственной границы 1939 года. В августе развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. С 8 августа 1941 г. противник перешёл в наступление на красногвардейском направлении. 16 августа после тяжёлых боёв был оставлен Кингисепп, к 21 августа противник вышел к Красногвардейскому укрепленному району, пытаясь обойти его с юго-востока и ворваться в Ленинград, но его атаки были отражены. С 22 августа по 7 сентября велись напряжённые бои на ораниенбаумском направлении. Враг был остановлен северо-восточнее Копорья. Боевые действия наземных войск развивались в тесном взаимодействии с Краснознамённым Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией. Кроме поддержки сухопутных войск авиацией и мощной артиллерией, флот решал самостоятельные задачи: защищал подступы к Ленинграду, нарушал коммуникации противника в Балтийском море, вёл борьбу за Моонзундский архипелаг, главную базу флота – Таллин и за п-ов

Ханко. В период обороны Ленинграда флот направил на сушу (в бригады морской пехоты, отдельные стрелковые батальоны и др.) свыше 100 тыс. чел. личного состава.

Под Лугой все атаки врага были отражены. На новгородско-чудовском направлении, где противник наносил главный удар, советские войска пытались контратаковать противника, наступавшего на Новгород, но существенных результатов не добились. 19 августа враг овладел Новгородом. За счёт освободившихся войск немецкое командование усилило группировку, наступавшую на Ленинград. Создалась опасность окружения Ленинграда. 23 августа Ставка разделила Северный фронт на Карельский (командующий генерал-лейтенант В.А. Фролов, член Военного совета корпусной комиссар А.С. Желтов) и Ленинградский (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, с 5 сентября маршал К.Е. Ворошилов, с 12 сентября Г.К. Жуков, с 10 октября генерал-майор И.И. Федюнинский, с 26 октября генерал-лейтенант М.С. Хозин; член Военного совета А.А. Жданов). 29 августа ГКО объединил Главнокомандование Северо-Западного направления с командованием Ленинградского фронта, а Северо-Западный фронт подчинил непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

Обстановка под Ленинградом сложилась чрезвычайно напряжённой. Враг возобновил наступление крупными силами вдоль шоссе Москва – Ленинград и 30 августа вышел на р. Нева и перерезал железные дороги, связывающие Ленинград со страной. Прорвавшись 8 сентября через станцию Мга, немецкие войска отрезали Ленинград от суши. Началась блокада города. Сообщение поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Подвоз всего необходимого войскам, населению и промышленности резко сократился. С 4 сентября противник начал варварские артиллерийские обстрелы города и систематические налеты авиации.

Появление врага у стен Ленинграда всего через два с половиной месяца после начала войны оказалось для советского народа слишком неожиданным и труднообъяснимым. Невольно возникал вопрос: почему же части и соединения Красной Армии остановили агрессора лишь у порога этого великого города? Ведь при умело организованной обороне соотношение сил сторон вполне позволяло преградить путь противнику далеко за его пределами. Тем более что Ставка ВГК постоянно оказывала помощь Ленинграду. С 10 июля до конца октября туда было дополнительно отправлено 17 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии.

Одна из основных причин – это поражение Северо-Западного фронта в самом начале войны. Ни командование, ни войска фронта так и не оправались от него. Главком Ворошилов, командование фронта, армий, соединений и частей не сумели восстановить боеспособность войск, деморализованных почти непрерывным отступлением.

Недостаток сил, слабая выучка войск, отсутствие опыта наступательных действий в условиях лесисто-болотистой местности, неумение командиров и

штабов управлять войсками в сложной боевой обстановке привели к срыву плана деблокады города. Отрезанным от «большой земли» войскам и населению предстояла многомесячная и многотрудная борьба за жизнь⁴²².

В определенного рода литературе о Сталине частенько проводится мысль о том, что последний якобы питал какое-то политическое недоверие к Ленинграду и его партийной организации еще со времен борьбы против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Мол, в силу этих причин, Верховный Главнокомандующий якобы и проявлял не то что равнодушие, но не слишком большую заинтересованность в обороне Ленинграда. Это – заведомая чушь, которую даже опровергать не стоит. Имеются многочисленные документальные факты, однозначно свидетельствующие о том, что Сталин самым внимательным образом следил за развитием ситуации в районе Ленинграда и делал все возможное, чтобы облегчить его положение. Он предъявлял настоятельные требования к ленинградскому военному и партийному руководству, побуждая его к более энергичным действиям, а не только рассчитывать на помощь и поддержку Москвы. Правда, тот факт, что Сталин не исключал возможности того, что Ленинград может быть захвачен противником, некоторыми его критиками используется как аргумент в пользу приведенной выше версии.

Чтобы прояснить картину, приведу телеграмму Сталина в адрес тех, кто отвечал за оборону Ленинграда.

«ТЕЛЕГРАММА И.И. ФЕДЮНИНСКОМУ, А.А. ЖДАНОВУ, А.А. КУЗНЕЦОВУ

23 октября 1941 года

Федюнинскому, Жданову, Кузнецову. Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток для избежания плена, если необходимость заставит сдать Ленинград. Имейте в виду, что Москва находится в критическом положении и она не в состоянии помочь вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность нашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен.

Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для

---

⁴²² См. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 206.

нас армия важней. Требуем от вас решительных действий. Сталин»⁴²³.

Из приведенного текста никак не вытекает вывод о том, что Сталин якобы был равнодушен к судьбе Ленинграда. Достаточно вспомнить, каково в то время было положение самой Москвы, чтобы в правильном ключе понять высказывания Сталина. О степени внимания к Ленинграду со стороны Верховного свидетельствует факт назначения Жукова командующим в оборонявшийся Ленинград. Сталин отлично знал полководческие и организаторские способности Жукова, а также его твердость и решительность, чтобы именно его в сентябре 1941 года направить туда.

Вот как описывает сам Жуков обстоятельства своего назначения в Ленинград. Это произошло во время одной из встреч со Сталиным в сентябре 1941 года.

«Я высказал свои соображения. Минут пятнадцать И.В. Сталин внимательно слушал и что-то коротко заносил в свою записную книжку, затем сказал:

– Молодцы! Это именно то, что нам теперь так нужно.

Затем, без всякого перехода, вдруг добавил:

– Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

Предложение это явилось для меня полной неожиданностью, тем не менее, я ответил, что готов выполнить это задание.

– Ну вот и хорошо, – сказал И.В. Сталин.

– Имейте в виду, – продолжал он, – в Ленинграде вам придется перелетать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Затем Верховный молча взял со стола блокнот и размашистым твердым почерком что-то написал. Сложив листок, он подал его мне:

– Лично вручите товарищу Ворошилову эту записку. – В записке значилось: „Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву“. И добавил:

– Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан, когда прибудете в Ленинград.

Я понял, что за этими словами скрывается опасение за успех нашего перелета.

Перед тем как уйти, обратился с просьбой к Верховному разрешить мне взять с собой двух-трех генералов, которые могут быть полезны на месте.

– Берите кого хотите, – ответил И. В. Сталин»⁴²⁴.

Жуков, как известно, железной рукой навел порядок в войсках, чего не

---

⁴²³ И.В. Сталин . Соч. Т. 18. С. 273.

⁴²⁴ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 378.

мог сделать его предшественник Ворошилов. Борьба против немецко-фашистских захватчиков в районе Ленинграда отличалась особой суровостью и жестокостью с немецкой стороны. Гитлеровцы не гнушались ничем, только чтобы овладеть городом, сломить сопротивление его защитников и вообще стереть этот город с лица земли. Сталин не только внимательно следил за развитием ситуации здесь, но и был осведомлен и о некоторых «новшествах» в ведении военных действий, к которым прибегали фашисты.

Вот его жестокий, но по-своему понятный приказ. Кому-то он может показаться чудовищным, кому-то оправданным реалиями суровой действительности. Пусть каждый читатель сам даст этому указанию собственную оценку сообразно своим убеждениям. Указание было адресовано Жукову, Жданову, Кузнецову и Меркулову (последний был заместителем наркома внутренних дел СССР).

«От 21 сентября 1941 г.

Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск стариков, старух, женщин и детей, делегатов от занятых ими районов с просьбой к большевикам сдать ЛЕНИНГРАД и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожить в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда. Бейте всюду по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно – являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были. Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а также до Военного совета Балтийского Флота и командиров и комиссаров кораблей.

И. СТАЛИН»⁴²⁵.

Но вернемся к нити изложения хода событий.

В середине сентября немецко-фашистские войска вышли к Финскому заливу в р-не Стрельны и отрезали находившиеся западнее советские войска, которым благодаря мощной поддержке флота удалось удержать Приморский плацдарм, сыгравший затем большую роль в обороне города. К концу сентября фронт на подступах к Ленинграду окончательно стабилизировался, план захвата его штурмом провалился. 20 октября началась Синявинская наступательная операция войск Ленинградского фронта с целью деблокады

---

⁴²⁵ И.В. Сталин . Соч. Т. 18. С. 263.

города, но завершить операцию не удалось, т.к. Советское Верховное Главнокомандование было вынуждено перебросить часть войск на тихвинское направление, где противник развернул наступление. 8 ноября врагу удалось захватить Тихвин. Хотя советские войска не допустили прорыва противника к Свири, последняя железная дорога (Тихвин – Волхов), по которой подвозились грузы к Ладожскому озеру, оказалась перерезанной. В ноябре 1941 года советские войска перешли в контрнаступление в районе Тихвина и 9 декабря овладели им. Немцы были отброшены за р. Волхов. Однако положение Ленинграда продолжало оставаться тяжёлым. Запасы сырья были весьма ограничены, продовольствие и топливо на исходе. С 20 ноября суточный паёк хлеба составлял 125 – 250 грамм. Начался голод, от которого с ноября 1941 по октябрь 1942 погибло 641803 человека. Сталин и советское руководство в целом приняли меры для подвоза в город продовольствия, боеприпасов, горючего и топлива.

Немецкое командование пыталось сломить сопротивление защитников Ленинграда бомбардировками с воздуха и обстрелом тяжёлой артиллерией. В сентябре – ноябре 1941 года на город было сброшено 64 930 зажигательных и 3055 фугасных авиабомб и выпущено 30 154 арт. снаряда. Но враг не сломил боевой дух защитников города Ленина. Во 2-й половине ноября 1941 года была проложена автомобильная дорога по льду Ладожского озера – «Дорога жизни».

Необходимо отметить особую роль, которую сыграл в обороне блокадного Ленинграда А.А. Кузнецов, вторая после Жданова фигура в партийном руководстве Ленинграда. Его справедливо называли душой обороны, и Сталин даже отправил ему записку, в которой говорилось, что Родина никогда не забудет его. О роли Жданова чего-либо существенно положительного сказать нечего, поскольку, по некоторым сведениям, он большей частью находился в убежище и страдал то ли от запоев, то ли от болезней. А именно он был одно время любимцем Сталина и ему прочили большое будущее.

Итак, битва за Ленинград не окончилась, она приняла лишь другие формы – форму блокады. В историю ленинградская блокада вошла как одна из самых заметных страниц войны. Что же касается примеров проявления столь массового мужества, героизма и терпения, столь беззаветного самопожертвования, то блокада огромного мегаполиса на протяжении более 900 дней, те страдания и мучения, которые претерпели при этом люди, едва ли знает что-либо подобное.

Причем надо подчеркнуть, что Сталин лично следил за положением в блокадном городе, вел многократные переговоры по линиям связи с его руководителями и командованием войск. По его указанию еще в начале блокады в Ленинград был направлен заместитель председателя СНК А.Н. Косыгин с группой ответственных специалистов для организации экстренной

помощи блокадному городу⁴²⁶.

Завершить изложение событий, связанных с блокадой Ленинграда, хочется объективной, часто весьма критической и одновременно правдивой и в то же время восторженной оценкой А. Верта, на которого я уже не раз ссылался. Это – свидетельство человека, абсолютно не заинтересованного в том, чтобы приукрашивать или фальсифицировать факты, особенно те, что имеют отношение к роли партии в это время. Итак, А. Верт писал: «Армия, без сомнения, не могла не разочаровывать людей, пока она отступала вплоть до окраин Ленинграда, а ленинградские власти за эти первые два с половиной месяца немецкого наступления допустили, очевидно, немало ошибок. Вся проблема эвакуации, в особенности эвакуации детей, была решена скверно, и очень мало или почти ничего не было предпринято, чтобы создать запасы продовольствия. Но, как только немцы были остановлены за стенами Ленинграда, как только было принято решение биться за каждый дом и за каждую улицу, ошибки военных и гражданских властей были охотно забыты, ибо речь теперь шла о том, чтобы отстоять Ленинград любой ценой. Вполне естественно, что поддержание в осажденном городе суровой дисциплины и организованности было необходимо, но такая дисциплина и организованность не имеют ничего общего с „врожденной склонностью подчиняться властям“. Ясно, что выдачу продуктов пришлось строго нормировать; но говорить, что население Ленинграда работало и не „поднимало мятежа“ (ради чего?), только чтобы получить продовольственную карточку – которая многим не давала даже возможности выжить, – значит совершенно искаженно понимать дух Ленинграда. Вряд ли можно сомневаться в том, что ленинградская партийная организация сыграла очень важную роль в спасении Ленинграда; во-первых, она обеспечила максимально справедливое в тех невероятно тяжелых условиях нормирование продуктов; во-вторых, организовала широчайшую систему противовоздушной обороны в городе; в-третьих, мобилизовала население на заготовку дров, торфа и на другие работы; в-четвертых, организовала несколько „дорог жизни“. Нет также сомнений в том, что во время самых ужасающих трудностей зимы 1941/42 г. такие организации, как комсомол, проявили величайшие самопожертвование и стойкость, оказывая помощь населению»⁴²⁷.

3. Сталин и подготовка обороны Москвы

---

⁴²⁶ См. БСЭ. Издание второе. Т. 14. С. 413.

⁴²⁷ Александр Верт. Россия в войне 1941 – 1945. С. 247.

Из всех событий Великой Отечественной войны битва за Москву, пожалуй, была решающим сражением для Сталина, для его политической и личной судьбы. От исхода этой битвы зависело очень многое, если не все. У историков не принято оперировать гипотетическими вариантами развития событий в том или иной случае, поскольку сама история имеет дело только с фактами и ни с чем другим. Однако для тех, кто пишет о судьбоносных исторических событиях, всегда интересно мысленно представить себе многовариантное развитие событий. В конкретном случае речь идет о том, что было бы с нашей страной и самим Сталиным, если бы немецко-фашистским войскам удалось взять Москву. Я уже в других местах касался данной темы, но ее историческая значимость столь велика, что определенные повторения (под разными углами зрения) едва ли можно относить к разряду тавтологии. На мой сугубо личный взгляд, история России достаточно убедительно показала, что судьбы страны по большей части решались в ее обеих столицах, и от того, как разворачивалась панорама событий здесь, в значительной степени и решалась судьба страны. По крайней мере, на весьма длительный период времени. Поэтому, рискуя приклеить себе ярлык пораженца, я все-таки склоняюсь к мысли, что в случае захвата немцами Москвы будущее России оказалось бы под большим вопросом.

Могут противопоставить пример со взятием Москвы Наполеоном. Однако в данном случае аналогия неприменима, поскольку принципиально иной была историческая ситуация, иным был общественно-политический строй, иной была вся система власти и устроения общества. Были и существенные различия с чисто военной точки зрения. Одну из них выделил сам Сталин. Тогдашний советский посол в Англии И.М. Майский вспоминал: «Как-то в связи с подготовкой к очередной встрече обеих делегаций (имеются в виду встреча советской и английской делегаций во время визита А. Идена в Москву в декабре 1941 года – Н.К.) я оказался в кабинете Молотова, где находился также и Сталин. Молотов сидел за письменным столом, а Сталин расхаживал из конца в конец по кабинету и на ходу высказывал суждения и давал указания. Когда вся подготовительная работа была закончена, я обратился к Сталину и спросил:

– Можно ли считать, что основная линия стратегии в нашей войне и в войне 1812 года примерно одинакова, по крайней мере, если брать события нашей войны за первые полгода?

Сталин еще раз прошелся по кабинету и затем ответил:

– Не совсем. Отступление Кутузова было пассивным отступлением, до Бородина он нигде серьезного сопротивления Наполеону не оказывал. Наше отступление – это активная оборона, мы стараемся задержать врага на каждом возможном рубеже, нанести ему удар и путем таких многочисленных ударов измотать его. Общим между отступлениями было то, что они являлись

не заранее запланированными, а вынужденными отступлениями»⁴²⁸.

Здесь Сталин абсолютно обоснованно выделил сочетание двух сторон первого периода войны – отступления, неотъемлемым составным элементом которого являлась не просто оборона, а активная, наступательная оборона. Такая стратегия делала ход войны для немецких войск совершенно непредсказуемым, постоянно ставила перед ними проблемы, которых они не ожидали или считали уже решенными. Война с самого своего начала во многом благодаря проведению Сталиным последовательной и глубоко продуманной линии в области противоборства с Германией превратилась для Гитлера в своего рода неразрешимый ребус. Он не раз хвастливо объявлял, что Россия повержена и дни ее сочтены. Фюрера в этом подкрепляла мысль о скором и неминуемом взятии советской столицы.

Действительно, падение Москвы могло бы оказаться роковым для Советской власти вообще и для Сталина в первую очередь. Говоря это, я не хочу категорически, как говорится, на все сто процентов, утверждать, что только так могли развиваться события в этом роковом случае. Однако исключить подобный вариант развития событий нельзя. Все висело буквально на волоске. Отсюда вытекала та ожесточенность и нацеленность Гитлера на овладение Москвой, которую он постоянно демонстрировал даже публично. Отсюда и вытекала та отчаянная решимость (и даже отчаяние), с которой наши войска во главе со Сталиным сражались за Москву. Кто-кто, а Сталин лучше других понимал судьбоносное значение битвы за Москву.

Гитлер же совершил немало недопустимых ошибок, и одной из самых непоправимых было решение напасть на Советскую Россию. Как писал немецкий генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль, «Гитлер рассчитывал, что Красная Армия быстро развалится. Уверенный в своей победе, он даже приказал сократить объем продукции военной промышленности. Но вскоре оказалось, что Гитлер имел совершенно искаженное представление об обстановке, в то время как главное командование сухопутных сил оценило обстановку правильно. Правда, в крупных сражениях под Белостоком, Минском, Киевом и Вязьмой было окружено и взято в плен большое количество русских, и немецкое радио объявляло об одной грандиозной победе за другой. Основная же масса русской армии, вдохновляемая комиссарами, стойко сражалась до конца. Очень неприятным сюрпризом было появление советских образцов оружия, превосходящих по своим боевым качествам немецкие, например танка Т-34, против которого немецкие противотанковые орудия были бессильны. Кроме того, первые же дни войны показали, что немцы пришли в Россию не как освободители. Всем вскоре стало известно об отвратительной деятельности отрядов службы безопасности СД в тыловых районах. Возмущение, которое вызывали

---

⁴²⁸ И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата. 1925 – 1945. М. 1987. С. 632.

действия этих „зондеркоманд“ среди русских, было вполне оправдано; оно способствовало сплочению русского народа и усилению его сопротивления. Русские получили передышку, которая помогла им стабилизировать положение»⁴²⁹. Этот же автор делает фундаментальный вывод, который постоянно подчеркивают как российские, так и зарубежные историки, придерживающиеся объективной позиции: «Уроки войны 1914 – 1918 гг. снова повторились четверть века спустя: Германия не может выиграть войну, ведя ее более чем на одном фронте»⁴³⁰.

Но к оценкам значения битвы за Москву мы еще вернемся. Дадим сначала общий краткий обзор событий, охватываемых этим понятием.

6 сентября 1941 г. фюрер подписал директиву № 35 о большом осеннем наступлении на восточном фронте. Общая цель его заключалась в том, чтобы решительными ударами на всех трех стратегических направлениях еще до наступления зимы добиться разгрома советских войск, быстро овладеть Крымом, Киевом, Харьковом, Ленинградом и соединиться с финской Карельской армией.

Главные усилия теперь вновь переносились на московское направление. «Для этого, – указывалось в директиве, – необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и наземных войск, без которых можно обойтись на флангах... Группе армий „Центр“ предстояло не позднее конца сентября перейти в наступление, имея на флангах сильные танковые части, и в результате двойного охвата в направлении г. Вязьма уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска». Для этой цели было решено нанести два удара танковыми группами: первый – в районе Рославля, второй – через г. Белый. Только после уничтожения главных сил армий, которыми командовал маршал Тимошенко, подчеркивалось в той же директиве, войскам группы армий «Центр» надлежит, «примыкая справа к р. Ока и слева к верховьям Волги, начать преследование противника в направлении на Москву».

16 сентября командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок направил в войска директиву о непосредственной подготовке операции по захвату Москвы, получившей кодовое название «Тайфун». Если директива № 35 определяла два главных направления, то в директиве Бока назначалось еще и третье – из района Шостки на Орел. Дело в том, что первоначальное число ударов вытекало из боевого состава группы армий «Центр» на 6 сентября, в то время как к середине месяца обстановка для немцев стала более благоприятной: разгром войск Юго-Западного фронта под Киевом позволил перебросить оттуда два оперативных объединения для

---

⁴²⁹ Роковые решения. (Электронный вариант).

⁴³⁰ Там же.

дополнительного охвата советских войск под Брянском⁴³¹.

Общий замысел плана гитлеровского командования заключался в том, чтобы мощными ударами крупных группировок, сосредоточенных в р-нах Духовщины, Рославля и Шостки, окружить основные силы войск Красной Армии, прикрывавших столицу, и уничтожить их в р-нах Брянска и Вязьмы, а затем стремительно обойти Москву с Севера и Юга с целью её захвата. Выполнение этого замысла возлагалось на группу армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок), состоявшую из 2-й, 4-й, 9-й полевых армий и 2-й, 3-й и 4-й танк, групп (с октября 2-я танковая армия, с января 3-я и 4-я танковые армии). Всего к концу сентября было сосредоточено 77 дивизий, в т.ч. 14 танковых и 8 моторизованных, в которых насчитывалось свыше 1 млн. чел., свыше 14 тыс. орудий и миномётов, 1700 танков, 950 самолётов. Против войск группы армий «Центр» к началу немецкого наступления оборонялись войска Западного (командующий генерал-полковник. И.С. Конев, член Военного совета Н.А. Булганин, начальник штаба генерал-лейтенант. В.Д. Соколовский); Брянского (командующий генерал-полковник А.И. Ерёмченко, член Военного совета дивизионный комиссар П.И. Мазепов, начальник штаба генерал-майор Г.Ф. Захаров); Резервного (командующий маршал С.М. Будённый, член Военного совета Н.С. Круглов, начальник штаба генерал-майор А.Ф. Анисов) фронтов. Всего в советских войсках насчитывалось около 800 тыс. чел., 6800 орудий и миномётов, 780 танков (из них 140 тяжёлых и средних) и 545 самолётов в основном устаревших конструкций. В целом, враг превосходил наши войска по численности людей в 1,2, артиллерии и миномётов – в 2,1, танков – в 2,2 раза, боевых самолётов – в 1,7 раза. Большое преимущество противник имел и в подвижности своих войск, располагавших значительным парком автомашин и тягачей. Многие вновь сформированные советские дивизии, особенно Резервного фронта, а также 12 стрелковых дивизий народного ополчения этого фронта не имели боевого опыта и должного вооружения. Замысел советского Верховного Главнокомандования на западном направлении заключался в том, чтобы упорной обороной нанести немецко-фашистским войскам возможно большие потери и выиграть время для формирования и сосредоточения новых резервов⁴³².

Ставка во главе со Сталиным наметила меры для создания на дальних и ближних подступах к Москве глубокоэшелонированной обороны, состоявшей из оборонительных рубежей, занимавших по фронту свыше 300 км и в глубину 200 – 250 км и включавших 8 – 9 оборонительных полос. В подготовке оборонительных рубежей важную роль сыграли войска резервных

---

⁴³¹ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 312.

⁴³² См. БСЭ. Третье издание. Т. 17. С. 23.

формирований, дивизии московского народного ополчения, а также трудящиеся Смоленской, Брянской, Тульской, Калининской, Московской областей и г. Москвы. Большое внимание уделялось ускоренному формированию крупных резервов в тылу страны.

Нельзя недооценивать значение действий партизанских отрядов. Само партизанское движение началось фактически с первых дней войны, особенно после призыва Сталина, прозвучавшего в его речи 3 июля 1941 г. Через две недели после начала войны на основе общих указаний Сталина было принято специальное «Постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск.» В этом постановлении была изложена широкая и тщательно продуманная и обоснованная программа развертывания настоящей партизанской войны в тылу врага. Советское руководство исходило из того, что в войне с фашистской Германией, захватившей часть советской территории, исключительно важное значение приобрела борьба в тылу германской армии. Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. «В этой борьбе с фашистскими захватчиками мы имеем много еще не использованных средств, много упускаемых нами возможностей для нанесения тяжелых ударов по врагу. Во всем этом нас беззаветно поддержат в каждом городке и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами»⁴³³.

Оккупанты встретили всеобщую ненависть и активное противодействие населения. Партизанское движение в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. становилось всенародным. К концу 1941 г. в тылу врага действовало около 3500 партизанских отрядов и групп. Росту партизанского движения способствовала сама политика германских властей на оккупированных территориях. Действовали они в соответствии с пресловутым планом «Ост», предусматривавшим бесчеловечное истребление «неполноценных» народов и тотальную эксплуатацию всех их ресурсов. В плане «Ост» ставилась задача уничтожить Советское государство, лишить народы СССР какой бы то ни было государственной организации. План предусматривал уничтожение, выселение, онемечивание советского населения. Предполагалось в течение 30 лет выселить в Западную Сибирь около 31 млн. человек с территории Польши и западных районов СССР (80 – 85 % польского населения, 65 %

---

⁴³³ См. 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 474.

населения Западной Украины, 75 % населения Белоруссии, значительную часть населения Латвии, Литвы и Эстонии) и поселить на эти земли 10 млн. немцев. Оставшееся население подлежало онемечиванию. Было задумано уничтожить ещё до начала выселения на оккупированных территориях 5 – 6 млн. евреев. Предполагалось истребить 30 млн. русских. Гитлеровцы хотели уничтожить русский народ, а часть превратить в послушных рабов⁴³⁴.

На оккупированной территории немецко-фашистские захватчики установили террористический режим, насаждая т.н. «новый порядок». Массовое уничтожение военнопленных, организованный грабёж народного достояния, беспощадное подавление любых актов сопротивления, введение института заложников были возведены в ранг государственной политики нацистской Германии. Расстрел около 100 тыс. советских, граждан (по большей части еврейской национальности) в Бабьем Яру в Киеве, организованное уничтожение сотен тысяч советских людей в лагерях смерти в Освенциме, Майданеке (Польша) и мн. др. пунктах, в бесчисленных концентрационных лагерях, уничтожение целых районов в Белоруссии в ходе карательных экспедиций, кровавые зверства карательных отрядов на Смоленщине, в Ленинградской области, в Донбассе и Керчи, тактика «выжженной земли» при отступлении – таковы были методы проведения в жизнь плана «Ост».

Но вернемся к главному сюжету нашего изложения. Сталин дал указание об усилении и увеличении количества наших воинских частей, противостоявших планам гитлеровского наступления. Как свидетельствует С. Штеменко, «Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования приняли соответствующие контрмеры. Основные силы созданного еще в июле Резервного фронта расположили за Западным, увеличив таким образом глубину обороны. Для действий на дальних подступах к столице привлекались некоторые дивизии московского народного ополчения, сформированного из добровольцев. В строжайшей тайне в глубине страны проводилось формирование и обучение резервных армий, о существовании которых знали только члены Ставки и отдельные связанные с этим лица из Генштаба. Готовились к переброске на запад несколько хорошо подготовленных дивизий из Забайкалья и с Дальнего Востока. Ускоренно шло строительство Вяземского и Можайского укрепленных районов. Создавалась так называемая Московская зона обороны, рубежи которой вкруговую опоясывали столицу на ближайших подступах, в пригородах и, наконец, в самом городе до Бульварного кольца включительно»⁴³⁵.

---

⁴³⁴ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Энциклопедия. М. 1985. С. 521.

⁴³⁵ С.М. Штеменко . Генеральный штаб в годы войны. Т. 1. С. 38.

Однако многие из намеченных мер по укреплению обороны не были завершены из-за недостатка времени и сил. Не удалось создать прочные инженерные заграждения, фронты нуждались в пополнении, ощущался недостаток боеприпасов.

Наступление вермахта началось 30 сентября 1941 г. ударом 2-й танковой группы по левому крылу Брянского фронта. 2 октября перешли в наступление главные силы группы армий «Центр» из районов Ярцево и Рославля против войск Западного и Резервного фронтов. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, противник в первый же день прорвал оборону, а его подвижные соединения продвинулись на 40 – 50 км в направлениях Орла, Юхнова и Вязьмы. Попытки фронтов нанести контрудары слабыми резервами результатов не дали. 3 октября 1941 г. передовые части 2-й танковой группы немцев вышли на пути отхода 3-й и 13-й армий Брянского фронта и к исходу дня ворвались в Орёл. Прорыв обороны войск Западного и Резервного фронтов на ярцевском и рославльском направлениях и отход части сил фронтов создали опасную обстановку на Вяземском направлении. 4 октября враг захватил Спас-Деменск, 5 октября – Юхнов и вышел в р-н Вязьмы. 6 октября противник овладел Брянском. В районе Вязьмы в окружении оказались соединения 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий. Упорно сопротивляясь, окружённые войска сковали до 28 дивизий противника, уничтожили тысячи вражеских солдат и офицеров, вывели из строя массу техники. Части сил к середине октября удалось прорваться из окружения. Неблагоприятное развитие военных действий в районе Вязьмы и Брянска создало большую опасность Москве.

Реакцию Сталина на столь драматическое развитие событий впоследствии следующим образом описывал тогдашний управляющий делами Совнаркома Я. Чадаев.

4 октября Чадаев застал Сталина в кабинете, когда тот узнал про новое грандиозное поражение Красной Армии. По его словам, «Сталин ходил поспешно по кабинету с растущим раздражением. По его походке и движению чувствовалось, что он находится в сильном волнении. Сразу было видно, что он тяжело переживает прорыв фронта и окружение значительного числа наших дивизий. Это событие просто ошеломило его». «Ну и болван, – тихо произнес Сталин. – Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!» Я никогда не забуду этой картины: на фоне осеннего, грустного пейзажа умирающей природы бледное, взволнованное лицо Сталина. Кругом полная тишина. Через открытую настежь форточку проникали холодные струи воздуха. Пока я молчал, зашел Поскребышев и доложил: «Командующий Конев у телефона». Сталин подошел к столу и с яростью снял телефонную трубку. В командующего летели острые стрелы сталинского гнева. Он давал не только порцию «проборки», но и строгое предупреждение, требовал беспощадно биться и добиться вывода войск из окружения. «Информируйте

меня через каждые два часа, а если нужно, то и еще чаще. Время, время дорого!»

«Затем Сталин соединился с членом Военного Совета Западного фронта Н.А. Булганиным и тоже набросился на него. Булганин стал объяснять причину этого чрезвычайного происшествия. Он (как мне потом стало известно лично от самого Булганина) докладывал Сталину, что ЧП произошло из-за того, что командование Резервного фронта „проморгало“ взятие противником Юхнова... Выслушав терпеливо и до конца Булганина, Сталин немного смягчился и потребовал от руководства фронта: „Не теряйте ни секунды... во что бы то ни стало выведите войска из окружения“. Вошел Молотов. Сталин, повесив трубку, сказал: „Может быть, еще удастся спасти войска... Гитлер изображает себя в положении нетерпеливой охотничьей собаки, настигнувшей дичь и теперь ждущей, наконец, момента, когда раздастся заветный выстрел. Однако желанного результата фюрер не получит!“»⁴³⁶

ГКО и Ставка во главе со Сталиным приняли меры по усилению Можайской линии обороны, куда срочно направлялись войска из резерва и с других фронтов. В целях объединения руководства войсками западного направления и организации более четкого управления ими оставшиеся войска Резервного фронта были 10 октября переданы в состав Западного фронта, командующим войсками которого в тот день был назначен Жуков, а его заместителем – И.С. Конев.

Вот как описывает в своих воспоминаниях Жуков свою встречу со Сталиным по прибытии в Москву:

«В Москве меня встретил начальник охраны. Он сообщил, что Верховный болен и работает на квартире. Мы немедленно туда направились.

И.В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо. Кивнув головой в ответ на мое приветствие, он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

– Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Перед уходом И.В. Сталин спросил:

– Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

– Думаю, что нет. Противник понес большие потери и перебросил

---

⁴³⁶ Цит. по Юрий Емельянов. Трагедия Сталина. 1941 – 1942. Через поражение к победе. М. 2006. С. 229 – 230.

танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

– А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда?

– Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

Во время разговора И.В. Сталин стоял у стола, где лежала топографическая карта с обстановкой Западного, Резервного и Брянского фронтов. Посмотрев на карту Западного фронта, он сказал:

– Кажется, они уже действуют на этом направлении»⁴³⁷.

12 октября Западному фронту были подчинены войска Можайской линии обороны. В результате энергичных мер, принятых командованием, на московском направлении был создан новый фронт обороны. Однако положение войск Западного фронта, занявших оборону на Можайской линии, оставалось исключительно тяжёлым. На фронте от Москвы до Калуги в составе четырёх армий Западного фронта насчитывалось лишь около 90 тыс. чел. В этих условиях командование фронтом стремилось прочно прикрыть только важнейшие направления, ведущие к Москве: волоколамское, можайское, малоярославецкое и калужское. В воздухе господствовала вражеская авиация. Дороги были забиты потоками людей, конными повозками, гуртами скота, машинами, что крайне осложняло работу фронтового тыла и управление войсками.

Ситуация приближалась к критической. У многих сдавали нервы. Но Сталин проявлял необходимую выдержку, вселяя в других уверенность в победе. В этом контексте интересно свидетельство К.К. Рокоссовского.

Вот отрывок из его воспоминаний: «Высокая требовательность – необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу (имеется в виду Г.К. Жуков – Н.К.). Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку.

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал

---

⁴³⁷ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 6 – 7.

спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это:

– Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь – полк „катюш“, два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше 2 тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо»⁴³⁸.

Приведенный пассаж однозначно говорит сам за себя: Сталин хорошо понимал, сколь тяжела обстановка на фронте и не только своим вмешательством не трепал и без того напряженные нервы командующих, но и всячески подбадривал их, оказывая необходимую помощь. Это начисто опровергает домыслы тех, кто утверждает, что не только в эти дни, но и вообще в ходе войны Сталин своим некомпетентным вмешательством наносил серьезный вред делу руководства войсками. Конечно, как Верховный Главнокомандующий, он должен был быть полностью и достоверно информирован о ситуации в том или ином районе боевых операций. И требование предоставления такой информации никак нельзя рассматривать как вредное вмешательство в дела непосредственных военачальников. Да и никто тогда так это не воспринимал. Лишь нынешние критики Сталина стремятся представить дело в извращенном, невыгодном для Сталина виде⁴³⁹.

---

⁴³⁸ К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. М. 1972. С. 92.

⁴³⁹ В определенном смысле пищу для такого рода обвинений в адрес Сталина дают некоторые высказывания Жукова (правда, они были преданы гласности после его смерти, в самый разгар кампании против Сталина в период перестройки – это была очередная (трудно сказать, какая по счету вспышка политической болезни, которую можно определить как синдром антисталинизма.) Поэтому в полной достоверности (в смысле отсутствия влияния конъюнктурных моментов) есть некоторые основания сомневаться, поскольку посмертные воспоминания часто несут на себе следы того времени, когда они предаются гласности. Так, Жуков писал: «...Я должен подчеркнуть то, что Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования

Для укрепления ближних подступов к Москве 12 октября ГКО принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы оборонительных рубежей. Главный рубеж намечалось построить в форме полукольца в 15 – 20 км от Москвы. Городской рубеж проходил по Окружной ж.д. Вся система обороны на ближних подступах к городу получила наименование Московской зоны обороны. В неё входили части московского гарнизона, дивизии народного ополчения и дивизии, прибывшие из резерва Ставки. На строительство оборонительных сооружений было мобилизовано 450 тыс. жителей столицы, 75 % мобилизованных составляли женщины.

Вопрос об эвакуации Москвы и роль Сталина

У А.Т. Рыбина, на которого я уже выше ссылался, есть интересные детали того, как развивались события в Москве в эти дни и как стоял вопрос об эвакуации. Это – не воспоминания самого Рыбина, а пересказ того, что он слышал от других сотрудников сталинской охраны. Само содержание информации, а также детали, которые он приводит, на мой взгляд, достойны внимания и на этот раз не вызывают сомнений относительно их достоверности. Поэтому я приведу наиболее существенные из них:

Из воспоминаний секретаря Свердловского РК и члена МК и МГК ВКП(б) Ильи Новикова: «В ночь на 10 октября 1941 г. Берия собрал в здании НКВД всех первых секретарей РК ВКП(б) Москвы. Присутствовал на совещании А. Щербаков. Берия перед нами выступил и сказал: „Связь с фронтом прервана. К утру раздайте все продукты из магазинов. Оставьте по 500 чел. актива в районе для защиты Москвы. Стариков и детей эвакуируйте“. Мы в районах так и сделали. Начались беспорядки. По городу тащили калачами колбасу, повесив ее на шею, на руки и в таком виде шествовали по Москве. Тащили мешками муку, окорока, мясо. К утру опустошили магазины. Мы пытались выяснить: где же Сталин? Отвечали: „Уехал на фронт“». Вспоминает шофер Сталина П. Митрюхин: «15 октября 1941 г. Сталин собрался на дачу в Кунцево. Его телохранитель генерал В. Румянцев начал его отговаривать под предлогом, что дача якобы демонтирована. Сталин: „Товарищ Митрюхин, в Кунцево!“ Приехали – ворота закрыты. И. Орлов выбежал к нам и сообщил: „Товарищ Сталин, по распоряжению Румянцева дача заминирована“. Сталин посмотрел, кашлянул и произнес: „Дачу разминируйте. Натопите мне печку в маленьком домике, там я буду работать до утра“. Утром в сопровождении Н. Кирилина, И. Хрусталева, В.

корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией». Вождь. Хозяин. Диктатор. Сборник. С. 392 – 393.

Круташева проехал по некоторым улицам Москвы и сам убедился в возникших беспорядках в столице. Несколько раз останавливался на улицах, выходил из машины. Сразу собиралась толпа и задавали один и тот же вопрос: „Товарищ Сталин, когда остановим фашистов?“ Сталин отвечал: „Скоро. И на нашей улице будет праздник“». Из воспоминаний Н. Кирилина: «Сталин приехал в Кремль и быстро навел порядок в столице». Из архивных материалов секретаря ЦК ВКП(б) Г. Попова: «Рано утром 16 октября 1941 г. ко мне на дачу приехал А. Щербаков и сказал: „Нас вызывает Берия“. Едва мы появились на пороге, как Берия, заикаясь от волнения, произнес: „Немецкие танки находятся уже в Одинцове“. Это была липа. Я только что возвратился из Усова и никаких танков в Одинцове не было, кроме наших военных». Бывший председатель исполкома Моссовета В.П. Пронин пишет: «16 октября 1941 г. Сталин пригласил нас к себе в Кремль. Берия еще в приемной взвыл: „Надо оставить Москву, иначе нас фашисты перебьют, как цыплят“. Молотов молчит. Сталин: „Что будем делать с Москвой? Я думаю, Москву сдавать нельзя“. Первым подал голос Берия: „Конечно, товарищ Сталин, о чем разговор?“ Видимо, Сталин заранее обговорил этот вопрос с членами Политбюро. Сталин – Маленкову: „Пишите постановление ГКО“. Но Маленков не справился с этой задачей. Сталин начал диктовать, а Щербаков писать проект постановления». Вспоминает Н. Кирилин: «17 октября 1941 г. Сталин лично в 24 часа проверил на Бородинском мосту посты. Нашел непорядки. Ошибку быстро выправили».

Комендант дачи «Семеновское» С. Соловов вспоминает: «16 октября 1941 г. я уже стал перевозить некоторые сталинские вещи в спецвагон. Сталин спросил: „Что за перевозка?“ Я ответил: „Товарищ Сталин, готовимся к эвакуации в Куйбышев“. На это Сталин ответил: „Никакой эвакуации, остаемся в Москве до победы над врагом“».

Из воспоминаний сестры-хозяйки сталинской дачи В. Истоминой: «У Сталина находились члены Политбюро. Он вызвал меня к столу. Как бы шутя спросил: „Валентина Васильевна, вы собираетесь эвакуироваться из Москвы?“ Я ответила: „Москва – наш родной дом, ее надо защищать“. Сталин повернулся к Щербакову и заметил: „Видите, как москвичи думают!“» Вспоминает Н. Кирилин: «16 октября 1941 г. мы с прикрепленным Кагановича Суловым поехали посмотреть сталинский спецпоезд. Возвратились в Кремль. Смотрим: Каганович выходит из кабинета Сталина и на повышенной ноте подзывает Сулова, при этом говорит: „Сулов, Сталин сейчас мне дал нагоняй за спецпоезд, приготовленный для него. Уберите его с путей“. Сталин до октября находился на даче „Кунцево“ и в особняке метро „Кировская“. Но когда там у особняка разорвалась авиабомба и контузило Маленкова, Сталин перестроился и стал и находиться во время воздушных тревог в метро, в Кремле и на даче»⁴⁴⁰.

⁴⁴⁰ А.Т. Рыбин. Сталин в октябре 1941 г. (Заметки телохранителя). М. 1995. С. 10 – 11.

Полагаю, что есть резон привести еще некоторые детали, касающиеся поведения Сталина в период осады Москвы. Рыбин, в частности, сообщает: «К тому времени Геббельс трубил на весь мир о том, что Сталин покинул Москву. В этой связи Сталин стал часто появляться на улице и разговаривать с народом. Так было на Калужской площади, Земляном валу, ул. Горького. Больше всего он ездил рано по утрам после бомбежки и осматривал разрушения. Ночью побывал на ул. Горького в д. № 4 у генерала П.А. Артемьева. Дважды посетил трофейную выставку захваченного у немцев оружия. В ту пору я был начальником спецгруппы по вспомогательному сопровождению членов Политбюро в Москве и на фронте. Одновременно с подчиненными нес охрану здания Большого театра.

В октябре 1941 г. немецкий ас сбросил однотонную авиабомбу на дачу „Кунцево“, которая упала с внешней стороны забора и не разорвалась. В стабилизаторе саперы обнаружили бумажку с изображением сжатого кулака и надпись „Рот-Фронт“. Вторая авиабомба была сброшена немцем в Кремле к царь-колоколу. Вспоминает В. Туков: „Волной меня отбросило в сторону. Сталин подошел к воронке, из которой шел пар, и спросил курсантов: „Жертвы есть?“ Ответили: нет. После этого Сталин уехал на дачу в сопровождении И. Хрусталева“.

Мне удалось выяснить у Ф. Чуева, что В. Молотов не знал о спецпоезде, приготовленном Берией, Маленковым, Кагановичем для Сталина. Вспоминает И. Орлов: „Сталин в октябре, ноябре ночами не спал. Я утром застаивал его в 6 часов утра на топчане отдыхающим, одетым в шинель, ботинки и фуражку“. Тогда Сталин посетил госпиталь на Волоколамском шоссе в селе Ленино-Лупиха, затем генерала А. Еременко в Тимирязевском госпитале»⁴⁴¹.

Особо следует отметить вопрос о подготовке специальных мероприятий на случай того, если все же враг ворвется в столицу. Еще 4 октября 1941 г. Сталин провел переговоры с руководством Ленинграда по вопросу об эвакуации из города промышленного оборудования, станков, материалов, кадров специалистов и рабочих. Все это делалось в связи с нависшей над городом угрозой захвата его гитлеровцами. И в этом кое-кто усматривает пораженческие настроения, неверие Сталина в возможность отстоять Ленинград. Выглядят эти «доводы» довольно смешно, если их оценивать не с высоты сегодняшнего дня, а исходя из реальной обстановки, сложившейся тогда⁴⁴².

В этом же ключе следует рассматривать и постановление

---

⁴⁴¹ А.Т. Рыбин. Сталин в октябре 1941 г. (Записки телохранителя). М. 1995. С. 13.

⁴⁴² «Известия ЦК КПСС». 1990 г. № 12. С. 208.

Государственного Комитета Оборона, подписанного Сталины от 8 октября 1941 г., в котором давалось указание о подготовке к проведению специальных мероприятий по предприятиям Москвы и Московской области. Под этими мероприятиями подразумевалось уничтожение предприятий и других объектов (мостов, электростанций и т.д.) при угрозе их захвата противником. В постановлении определялись конкретные люди, ответственные за осуществление данных мероприятий, и определен порядок, гарантирующий выполнение этих мер⁴⁴³.

Критики Сталина в связи с этим снова вопят о его неверии отстоять Москву и Ленинград, о пораженческих настроениях и т.д. Опять та же тема неверия и прочее, как будто реальной угрозы Москве не существовало и нужно было сидеть сложа руки и надеяться только на благоприятный исход битвы за Москву. И данный шаг был не проявлением паникерства, а разумной мерой предосторожности на случай критического развития ситуации в тот период вокруг битвы за Москву.

И наконец, стоит привести воспоминания А.И. Микояна об обстоятельствах принятия решения ГКО об эвакуации.

«16 октября, – писал Микоян, – утром, вдруг будит меня охрана (семья – кроме двух старших сыновей – была на даче, от которой немецкие мотоциклисты были замечены в 25 – 30 км) и сообщает, что Сталин просит зайти к нему в кабинет. Тогда в его кабинете собирались и члены ГКО и Политбюро. В восемь меня разбудили, а в 9 часов утра нужно было быть у Сталина. Все вызванные Сталиным уже собрались: Молотов, Маленков, Вознесенский, Щербаков, Каганович. Сталин был не очень взволнован, коротко изложил обстановку. Сказал, что до подхода наших войск немцы могут раньше подбросить свои резервы и прорвать фронт под Москвой. Он предложил срочно, сегодня же эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, выдающихся политических и государственных деятелей, которые были в Москве, а также подготовить город на случай вторжения немцев. Необходимо назначить надежных людей, которые могли бы подложить взрывчатку под важнейшее оборудование машиностроительных заводов и других предприятий, чтобы его не мог использовать противник в случае занятия Москвы для производства боеприпасов. Кроме того, он предложил командующему Московским военным округом генералу Артемьеву подготовить план обороны города, имея в виду удержать если не весь город, то хотя бы часть его до подхода основных резервов. Когда подойдут войска из Сибири, будет организован прорыв, и немцев вышибут из Москвы.

Сталин сказал, что правительство и иностранные посольства надо эвакуировать в Куйбышев, а наркоматы – в другие города. Он предложил

---

⁴⁴³ Там же. С. 210 – 211.

Молотову и мне вызвать немедленно всех наркомов, объяснить им, что немедленно, в течение суток необходимо организовать эвакуацию всех наркоматов.

Мы согласились с предложением Сталина. Обстановка требовала немедленно принять меры. Только, видимо, надо было это делать раньше и спокойнее, но мы не могли всего предвидеть. Тут же я вышел в комнату Поскребышева и позвонил управляющему делами Совнаркома СССР, чтобы тот вызвал всех наркомов. По нашим расчетам, через 15 минут они должны были уже быть.

Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня же. „Я выеду завтра утром“, – сказал он. Я не утерпел и по своей вспыльчивости спросил: „Почему, если ты можешь ехать завтра, мы должны ехать сегодня? Мы тоже можем поехать завтра. А, например, Щербаков (секретарь МК партии) и Берия (НКВД) вообще должны организовать подпольное сопротивление и только после этого покинуть город“. И добавил твердо: „Я остаюсь и завтра поеду вместе с тобой“. Другие молчали. Вообще, постановка этого вопроса была так неожиданна, что не вызвала никаких других мнений.

Сталин не возражал против такого частичного изменения плана и перешел к решению конкретных задач подготовки города на случай прорыва немцев, уточнения, какие заводы следует заминировать (автомобильный, по производству боеприпасов и др.).

В тот же день, 16 октября 1941 г., было принято постановление ГКО, предусматривающее начать немедленную эвакуацию из столицы, а в случае появления в городе фашистских танков взорвать важнейшие объекты, за исключением метрополитена, водопровода и канализации»⁴⁴⁴.

Уважаемый А.И. Микоян ошибается, когда называет дату принятия решения ГКО об эвакуации. Сам этот документ, полностью опубликованный лишь в 1990 г, гласил:

«Об эвакуации столицы СССР г. Москвы
Постановление Государственного Комитета Обороны
15 октября 1941 г.
Сов. секретно
Особой важности

Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. (НКПС – т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД – т. Берия организует их охрану.)

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также

---

⁴⁴⁴ Анастас Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 417 – 418.

Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба – в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН»⁴⁴⁵.

ГКО решил эвакуировать из Москвы часть партийных и правительственных учреждений, крупные оборонные заводы, научные и культурные учреждения. Верховный Главнокомандующий, часть ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) оставались в Москве. Москвичи, помогая войскам, в короткий срок построили внешний оборонительный пояс и возвели укрепления внутри города. Тысячи рабочих, служащих, деятелей науки, искусства добровольно шли в коммунистические батальоны. Из 25 вновь созданных в октябре 1941 года добровольческих рот и батальонов в Москве были сформированы 3 дивизии народного ополчения, 4-я комплектовалась из призывных контингентов.

В ожесточённых боях, развернувшихся на Можайской линии обороны в середине октября, советские войска оказали героическое сопротивление превосходящим силам врага и задержали его на несколько дней. Только величайшим напряжением сил удалось остановить врага на рубеже рр. Протва и Нара. Столь же ожесточённые бои шли на др. участках западного направления. 17 октября был оставлен Калинин. Для прикрытия столицы с северо-запада 17 октября на базе войск правого крыла Западного фронта (22-я, 29-я, 30-я и 31-я армии) был создан Калининский фронт (командующий генерал-полковник И.С. Конев). Попытка врага нанести удар из р-на Калинина в тыл фронта была сорвана, а его наступление на тульском направлении было остановлено.

4. Мобилизация всех сил для разгрома врага: доклад Сталина 6 ноября и речь на параде 7 ноября 1941 г

---

⁴⁴⁵ «Известия ЦК КПСС». 1990 г. № 12. С. 217.

Нарисованная крупными мазками картина первых месяцев войны, объективный анализ серьезнейших поражений советской армии, а также крупных военно-стратегических ошибок Сталина, с одной стороны, а также показ того, как вся страна от мала до велика поднялась на смертельную борьбу с гитлеровскими войсками, вторгшимися в Советский Союз, с другой стороны, дает читателю достаточно четкое представление о всей сложности и серьезности сложившегося положения. Непредубежденный читатель способен на основании изложенного сделать свои собственные выводы о роли Сталина в начальный период войны. Причем здесь неуместны как восхваления и всякого рода суперлативы, так и одни черные краски – вернее, мазут, которым мажут этот период, и особенно деятельность Сталина как высшего государственного, военного и политического руководителя государства. Можно только гадать, какие мысли и чувства обуревали вождя в тот период, если бы имелась возможность заглянуть в его душу. Но это – лежит за пределами возможностей. Да и не пристало историку заниматься пустыми гаданиями на кофейной гуще. Поэтому обратимся к реальным фактам.

Весьма любопытно свидетельство авиаконструктора А. Яковлева, который приводит следующие, на мой взгляд, вполне достоверные, заслуживающие безоговорочного доверия, факты. В своих воспоминаниях он писал: «Сталин говорил, что только в нашей стране возможно положение, когда при таких военных успехах врага народ единодушно и сплоченно стал на защиту своей Родины. Ни одна другая страна, по его мнению, не выдержала бы таких испытаний, ни одно другое правительство не удержалось бы у власти.

В то же время он с горечью и большим сожалением высказал мысль, что некоторые наши военные (речь шла о высшем командном составе) надеялись на свою храбрость, классовую сознательность и энтузиазм, а на войне оказались людьми недостаточно высокой культуры, недостаточно подготовленными в области технической.

– Многие у нас кичатся своей смелостью, одна смелость без отличного овладения боевой техникой ничего не даст. Одной смелости, одной ненависти к врагу недостаточно. Как известно, американские индейцы были очень храбрыми, но они ничего не могли сделать со своими луками и стрелами против белых, вооруженных ружьями. Нынешняя война, – говорил Сталин, – резко отличается от всех прошлых войн. Это война машин. Для того чтобы командовать массами людей, владеющих сложными боевыми машинами, нужно хорошо их знать и уметь организовать.

Одной из серьезных причин наших неудач на фронте он считал нечеткое взаимодействие отдельных родов оружия. Он рассказал нам о мероприятиях, которые проводятся для того, чтобы в кратчайший срок изжить все эти недочеты. И действительно, скоро мы все убедились по изменившейся обстановке на фронте под Москвой, что эти мероприятия

оказали свое огромное влияние на ход дальнейших военных операций...

Мне очень хотелось задать ему еще один вопрос, но я все не решался, однако, уже прощаясь, все-таки не вытерпел:

– Товарищ Сталин, а удастся удержать Москву?

Он ответил не сразу, прошелся молча по комнате, остановился у стола, набил трубку свежим табаком.

– Думаю, что сейчас не это главное. Важно побыстрее накопить резервы. Вот мы с ними побарахтаемся еще немного и погоним обратно...

Он подчеркнул мысль о том, что Германия долго выдержать не сможет. Несмотря на то, что она использует в войне ресурсы всей Европы. Сырьевых ресурсов у Гитлера надолго не хватит. Другое дело у нас.

Сталин повторил несколько раз:

– Государство не может жить без резервов!

Этот разговор по возвращении в наркомат я записал дословно»⁴⁴⁶.

Москва находится в угрожаемом положении, ее судьба буквально висит на волоске. В такой ситуации от Сталина армия и весь народ, а широко глядя, и весь мир, ждут того, как он оценивает обстановку, какие видит перспективы, на что, наконец, надеется, когда фашистский фюрер и вся германская пропаганда трубят о близкой и неминуемой сдаче Москвы и триумфальном окончании восточной кампании. Легковерные люди склонялись к выводу о том, что победа Гитлера неизбежна – и вопрос стоит только о сроках, причем ближайших сроках. Мыслящие же люди не были столь легковерны, поскольку они исходили из фактов и подвергали их объективному анализу. И самый главный факт заключался в том, что война на Востоке, как небо от земли, отличалась от всех прежних военных кампаний Гитлера. Она не просто затягивалась, а обретала все черты длительной и напряженной кампании, говорить об окончательном исходе которой было не просто трудно, а невозможно. Накопилось слишком много доказательств того, что хвастовство немецкой пропаганды уже мало кого из мыслящих людей убеждало в чем-то. И неудивительно, что в те недели осени и зимы мир затаил дыхание: все взоры были обращены на Восток, в сторону России, в сторону Москвы. Многие отдавали себе отчет в том, что речь идет не о каком-то локальном сражении, а о противоборстве, в буквальном смысле затрагивающем судьбы всего мира, перспективы мирового развития в целом. Иными словами, происходившее на необъятных просторах Советской России обретало поистине глобальный геополитический смысл.

В такой обстановке любое публичное выступление Сталина ожидалось с огромным интересом и, я бы сказал, нетерпением и напряжением. Разумеется, в данном случае речь шла не о пропаганде, а о проблемах жизненно важного значения. Сталин и как многоопытный политик, и как

---

⁴⁴⁶ А.С. Яковлев . Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. 2000. С. 229.

государственный деятель все это прекрасно понимал. И, несмотря на сложнейшую ситуацию под Москвой и в самой Москве, он решил не нарушать сложившуюся традицию: было решено, что он выступит с докладом об очередной годовщине Октябрьской революции. И самое неожиданное – он отдал распоряжение о проведении на Красной площади традиционного военного парада. Правда, традиционным этот парад назвать никак нельзя: некоторым казалось, что его проведение в осажденной столице равносильно своего рода безумию или, по крайней мере, шагом весьма рискованным и неоправданным. Не удивительно, что многие советские военачальники были крайне поражены решением Сталина провести парад на Красной площади, они думали, что время не для парадов. С тем большим энтузиазмом и даже восторгом они восприняли данное решение вождя.

Сталин же, как тонкий политический психолог, в свою очередь, осознавал колоссальное значение проведения этих двух мероприятий для всей страны, для всей армии, для всего народа и, конечно, для всего мира, не исключая и зарвавшихся гитлеровских вояк. Морально-психологическое значение парада трудно даже переоценить – настолько он был нужен и важен. Все должны были воочию убедиться, что Москва не просто держится, но и полна уверенности в своей победе. Хотя, конечно, путь к ней был тернист, долог и полон колоссальных испытаний и жертв. Один лишь факт проведения парада стал мощным стимулом для Красной Армии и всего населения великой страны: люди воочию, а не благодаря пропаганде и агитации, убедились, что наше положение, особенно ситуация под Москвой, отнюдь не такие скверные, как представлялось некоторым. Это сейчас, по прошествии многих десятилетий, проведение парада в осажденной Москве выглядит закономерным и оправданным шагом. Тогда же это явилось мероприятием колоссального значения. Мне представляется, что парад 41 года стал своего рода прародителем парада победы в 1945 году. Он как бы передал историческую эстафету будущей победе нашей страны в смертельной схватке с гитлеровским фашизмом.

В помещении станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 г. Сталин выступил с довольно обширным докладом⁴⁴⁷. Прежде всего он подчеркнул качественно иной характер переживаемой страной эпохи, отметив, что война стала поворотным пунктом в развитии нашей страны за истекший год. Война значительно сократила, а в некоторых областях прекратила вовсе нашу мирную строительную работу. Она заставила перестроить всю нашу работу на военный лад. Она превратила нашу страну в единый и всеобъемлющий тыл, обслуживающий фронт, обслуживающий нашу Красную Армию, наш Военно-Морской Флот

Период мирного строительства кончился. Начался период

---

⁴⁴⁷ Доклад и речь даются по книге *И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М. 1946. С. 18 – 40.

освободительной войны с немецкими захватчиками – таков был лейтмотив сталинского доклада. В соответствии с этим все внимание было сосредоточено на проблемах ведения войны и достижения успеха в этом деле. Верховный Главнокомандующий не стал скрывать характер и масштабы угрозы, которая нависла над страной, подчеркнув, что они увеличились по сравнению с тем, как он оценивал их 3 июля 1941 года. Сталин четко заявил, что опасность не только не ослабла, а, наоборот, еще более усилилась. Враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался в Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице – Москве. Немецко-фашистские захватчики грабят нашу страну, разрушают созданные трудами рабочих, крестьян и интеллигенции города и села. Гитлеровские орды убивают и насилуют мирных жителей нашей страны, не щадя женщин, детей, стариков. Наши братья в захваченных немцами областях нашей страны стонут под игом немецких угнетателей.

«Потоки вражеской крови пролили бойцы нашей армии и флота, защищая честь и свободу Родины, мужественно отбивая атаки озверелого врага, давая образцы отваги и героизма. Но враг не останавливается перед жертвами, он ни на йоту не дорожит кровью своих солдат, он бросает на фронт все новые и новые отряды на смену выбывшим из строя и напрягает все силы, чтобы захватить Ленинград и Москву до наступления зимы, ибо он знает, что зима не сулит ему ничего хорошего».

Вождь привел цифры потерь Красной Армии, явно далекие от действительных. За 4 месяца войны Советский Союз якобы потерял убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых – 1 миллион 20 тысяч человек. Что же касается потерь немцев, то Сталин привел совершенно несерьезную цифру: за этот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4 с половиной миллионов человек. Эта эквилибристика с цифрами нужна была вождю, чтобы далее обосновать тезис о провале планов «молниеносной войны», бывшей краеугольным камнем всей гитлеровской военно-политической стратегии. По этому поводу можно разделить мнение А. Верта: «Весьма сомнительно, чтобы кто-нибудь в России мог поверить этим цифрам, но, пожалуй, было необходимо преувеличить потери немцев, дабы подкрепить утверждение Сталина, что молниеносная война уже провалилась»⁴⁴⁸.

Сам по себе тезис о крахе блицкрига являлся совершенно обоснованным и подтверждался реальным ходом событий на советско-германском фронте. Другой вывод Сталина, хотя и содержал в себе некоторую долю истины (если исходить из перспективы, а не тогдашней ситуации), был таков: «Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские

---

⁴⁴⁸ Александр Верт. Россия в войне 1941 – 1945. С. 158.

резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме».

Обосновывая причины краха «молниеносной войны», согласно которым немцы намеревались за два месяца дойти до Урала, Сталин явно односторонне и поэтому неверно истолковал то, что Гитлер и его камарилья серьезно надеялись создать всеобщую коалицию против СССР, вовлечь Великобританию и США в эту коалицию, предварительно запугав правящие круги этих стран призраком революции, и полностью изолировать таким образом нашу страну от других держав. В докладе советский лидер с полной обоснованностью отметил, что Великобритания и США, наоборот, оказались в одном лагере с СССР против гитлеровской Германии. СССР не только не оказался изолированным, а, наоборот, приобрел новых союзников в лице Великобритании, США и других стран, оккупированных немцами. Оказалось, что немецкая политика игры в противоречия и в запугивание призраком революции исчерпала себя и уже не годится для новой обстановки. И не только не годится, но еще чревата большими опасностями для немецких захватчиков, ибо она ведет в новых условиях войны к прямо противоположным результатам.

И с этим выводом Сталина нельзя не согласиться, поскольку он базировался не только на реальном положении в мире, но и на его незаурядной политической интуиции, на его проверенной опытом мирового развития политической стратегии. Вождь обладал способностью не только с железной последовательностью реализовывать свои долгосрочные цели, но и – когда того требовали изменившиеся условия – вносить серьезные, подчас коренные, фундаментальные коррективы как в свою тактику, так и стратегию. Было бы наивным полагать, что всегда неизменными, как священные заветы Писания или Корана, оставались важнейшие положения всей его политической философии. Он умел ставить свою политическую философию на службу реальной политике. Что, однако, не означает, что его политическая философия играла роль своего рода флюгера. Напротив, ее основополагающие принципы неизменно соблюдались и воплощались в жизнь, подвергаясь вместе с тем проверке в ходе практической деятельности. Сталин никогда не был рабом каких-либо теоретических догм, в том числе и своих собственных.

Принципиально важным был вопрос о том, как и с помощью каких достаточно убедительных аргументов объяснить населению, да и бойцам Красной Армии, причины столь серьезных поражений и неудач наших войск, то, что фашисты оказались чуть ли не у стен древнего Кремля. Обойти этот вопрос было просто невозможно, ибо народ ждал ответа именно от Сталина. Разумеется, откровенно и со всей полнотой раскрыть причины наших провалов было невозможно по мотивам, достаточно ясным каждому мыслящему человеку, поскольку тогда бы пришлось затрагивать военно-

стратегические аспекты, представлявшие собой военную тайну. Но тем не менее в самых общих чертах и вполне логично Сталин очертил основной круг причин наших поражений.

На первое место он поставил отсутствие второго фронта. Он подчеркнул, что в настоящее время на европейском континенте не существует каких-либо армий Великобритании или Соединенных Штатов Америки, которые бы вели войну с немецко-фашистскими войсками, ввиду чего немцам не приходится дробить свои силы и вести войну на два фронта – на западе и на востоке. Ну а это обстоятельство ведет к тому, что немцы, считая свой тыл на западе обеспеченным, имеют возможность двинуть все свои войска и войска своих союзников в Европе против нашей страны. Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи, против соединенных сил немцев, финнов, румын, итальянцев, венгерцев. Немцы кичатся своими временными успехами и расхваливают свою армию без меры, уверяя, что она всегда может одолеть Красную Армию в боях один на один. Но уверения немцев представляют пустое хвастовство, ибо непонятно, почему же в таком случае немцы прибегли к помощи финнов, румын, итальянцев, венгерцев против Красной Армии, воюющей исключительно своими силами, без военной помощи со стороны. Нет сомнения, что отсутствие второго фронта в Европе против немцев значительно облегчает положение немецкой армии.

Этот аргумент звучал убедительно, и следует особо отметить, что он адресовался не только советским людям. Он звучал как скрытый упрек и призыв к западным державам, в интересах которых было как можно скорее открыть реальный второй фронт против Германии и ее союзников, чтобы ускорить крах агрессоров.

Другой важной причиной вождь назвал недостаток у нас танков и отчасти авиации, хотя и подчеркнул, что советские танки и самолеты по своим параметрам не хуже, а лучше немецких. Однако Германия опиралась на экономическую мощь не только свою собственную, но и всей оккупированной части Европы, что позволяло ей обеспечивать превосходство в этих видах вооружений. К тому же – и об этом нельзя забывать – значительная часть советской военной промышленности была перебазирована на Восток, и в невероятно трудных условиях шел процесс налаживания военного производства. Сталин поставил в качестве наиважнейшей задачи – увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране, а также резко увеличить производство противотанковых самолетов, противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и минометов, строить побольше противотанковых рвов и всякого рода других противотанковых препятствий.

В докладе вождь счел необходимым остановиться на том, чтобы показать, что гитлеровский режим не имеет ничего общего ни с социализмом, ни с национализмом, хотя и называет себя национал-социалистским. В наши

дни представляется излишним детально останавливаться на этой проблеме, поскольку она утратила даже чисто историческое значение. Цитатами из Гитлера Сталин реально показал, насколько смертельно опасным и непримиримым является германский фашизм, какую угрозу он представляет для народов Советской России и других стран. Этот момент стоит выделить и акцентировать на нем внимание читателей, поскольку он послужит весомым доказательством в дальнейшем – при рассмотрении сюжетов, связанных с так называемыми попытками Сталина пойти на заключение сепаратного мира с Гитлером за счет территориальных и иных уступок в пользу Германии.

Особым пафосом были проникнуты слова Сталина, воспринятые всем населением страны, как своего рода священный наказ. «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации – нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!

Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат.

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов.

Никакой пощады немецким оккупантам!

Смерть немецким оккупантам!»⁴⁴⁹

В приведенном выше пассаже четко выражена мысль о ведущей роли русского народа в Великой Отечественной войне, после войны развитая Сталиным и ставшая впоследствии предметом ожесточенных нападок и обвинений его в национальном пристрастии, в забвении принципа равенства наций и т.д. и т.п. В дальнейшем этим сюжетам будут посвящены многие страницы тома. Сейчас же хочется оттенить одну мысль – в самую трудную для государства минуту ее лидер счел крайне необходимым подчеркнуть особую роль русского народа как ведущей силы не только в создании многонационального государства, но и в борьбе против тех, кто пытался уничтожить это государство и превратить ее народы в рабов.

Далее Сталин в своем докладе остановился на анализе основных факторов, которые с неминуемой закономерностью должны будут и приведут гитлеровскую Германию к краху. Он отметил, во-первых, непрочность европейского тыла империалистической Германии, непрочность «нового порядка» в Европе. Немецкие захватчики поработили народы европейского

---

⁴⁴⁹ *И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 30.*

континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Белоруссии до Балкан и Советской Украины, лишили их элементарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на кресте поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство в Германии. «Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что „новый порядок“ в Европе и пресловутая „основа“ этого порядка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик, – подчеркнул Сталин. – Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует, как Наполеон, и что он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами. Только гитлеровские дурачки из Берлина не могут понять, что поработанные народы Европы будут бороться и будут восставать против гитлеровской тирании»⁴⁵⁰.

Во-вторых, советский лидер выдвинул тезис о непрочности самого немецкого тыла и союзников Германии. Что касается союзников Германии, то здесь он был в целом, безусловно, прав. Однако его радужные надежды на то, что немецкий тыл будет неизменно разлагаться, подрывая мощь режима, оказались, как показала история, всего лишь радужными надеждами. Серьезного сопротивления своей политике, несмотря на многочисленные поражения, в самой Германии фюрер не встретил. И это – факт, который, однако, не ставит под сомнение существование и мужественную борьбу немецких антифашистов. Однако масштабы движения сопротивления в самой Германии были более чем скромными. Лишь на исходе войны (1944 г.) в антигитлеровских кругах созрела идея устранения фюрера путем покушения на него, но она оказалась неудачной. Правда, нельзя не заметить, что разного рода планы устранения Гитлера существовали и ранее, однако они оказались нереализованными по различным причинам.

Что же касается ставки Сталина на рост движения сопротивления в оккупированных Германией странах, то здесь его прогноз в целом оказался исторически верным и подтвердился на практике. Но на период конца 1941 года реальная для Советского Союза значимость этого фактора была достаточно скромна, чтобы серьезно повлиять на развитие ситуации на советско-германском фронте. Однако особо следует выделить решительную и мужественную борьбу народов Югославии, которые после нападения

---

⁴⁵⁰ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 31 – 32.

Германии на Советский Союз значительно активизировали партизанскую войну против гитлеровских оккупантов, ставшую важнейшим фактором развития ситуации в Югославии. Эта борьба со временем приобрела характер настоящей войны с немецкими захватчиками и отвлекала с Восточного фронта немало немецких сил. Нарастало движение сопротивления и в других странах, особенно во Франции, народ которой не смирился с позорной капитуляцией перед Гитлером вишистского режима Петэна – Даладье. Постепенно силы сопротивления и борьбы против гитлеровской Германии росли и объединились под руководством генерала де Голля.

Наконец, в качестве третьего важнейшего фактора неминуемого поражения гитлеровской Германии Сталин назвал существование антигитлеровской коалиции, которая тогда начала реально складываться. Однако понадобилось немало времени, чтобы эта коалиция превратилась в один из решающих факторов борьбы против Германии. Предстояло пройти еще слишком большой и трудный путь, чтобы антигитлеровская коалиция в полную меру развернула свои колоссальные потенциальные возможности. В тот же период Сталин опирался, как бы оставляя в тени трудности в создании и функционировании коалиции, на чисто арифметические выкладки. Он говорил: «Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов. Если соединить моторное производство США, Великобритании и СССР, то мы получим преобладание в моторах по сравнению с Германией, по крайней мере, втрое. В этом одна из основ неминуемой гибели гитлеровского разбойничьего империализма»⁴⁵¹.

Принципиальное значение в докладе Сталина имело формулирование (правда, в лаконичной форме) принципиальных целей и задач, которые ставил в этой войне Советский Союз. Сталин подчеркнул, что «у нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, – все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана. Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига.

У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработанным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!»⁴⁵²

Несмотря на лапидарность изложения внешнеполитических целей

---

⁴⁵¹ *И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 33.*

⁴⁵² *И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 34.*

Советской России в войне, четко и однозначно сформулировать принципиальную позицию было чрезвычайно важно. Ведь прошло всего несколько месяцев с тех пор, как СССР имел пакт с Германией. Прежняя широкая антисоветская пропаганда во многих странах мира дала свои плоды, и было немало людей, которые все еще считали, что Советская Россия имеет далеко идущие планы приобретения чужих территорий, особенно в Восточной Европе, на своих южных границах (Иран, Турция) и в других регионах, имевших для нее значение с точки зрения укрепления своих военно-стратегических позиций. Сталин в своем докладе четко и вполне определенно отмежевался от такого рода притязаний, что, безусловно, в той международной обстановке имело отнюдь не чисто дипломатическое и тем более пропагандистское значение.

Давая ретроспективную оценку докладу Сталина и ее международной части, следует оттенить следующую мысль. Сталин пришел к выводу, что война с Германией произвела подлинную революцию в расстановке геополитических сил в мире и что в ходе войны и после ее окончания на земном шаре сложится совершенно новая геополитическая картина. И он заблаговременно продумывал новые элементы, на базе которых будут формироваться устои нового мироздания. Я хочу акцентировать внимание читателей на том, что уже в тот период вождь пытался заглянуть в будущее, мыслил не только категориями тогдашнего времени, но и намечал контуры будущей глобальной политики Советского Союза. Это говорит о многом.

Хотя, естественно, на первом плане стояли совершенно иные, куда более жизненные и злободневные проблемы: создание всех необходимых условий для достижения победы в войне против гитлеровской Германии. Сталин четко определил основные задачи для достижения этой цели:

«Для этого необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всей нашей страны, чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов, чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий»⁴⁵³.

Речь Сталина на параде отправлявшихся прямо с Красной площади на передовую частей в основном в суммированном виде повторяла положения, сформулированные ранее в докладе. Он вновь подчеркнул, что вероломное

---

⁴⁵³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 35.

нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна – вся наша страна – организовалась в единый лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков⁴⁵⁴. Сталин, подчеркивая серьезность положения, вместе с тем заявил, что в истории Советской России бывали времена и похуже, сославшись на перипетии Гражданской войны. Возможно, сравнение и было верным, но оно представляется мне несколько натянутым, поскольку речь шла о войнах совершенно различного характера. Здесь снова прозвучали классовые мотивы, которые в нынешней войне уже отступили на второй план по сравнению с коренными национально-государственными интересами всех народов нашей страны.

Оценивая речь Сталина с исторической перспективы, хорошо видишь те благие заблуждения, которые тогда владели им. Возможно, они мотивировались стремлением внушить армии и стране большую уверенность в своих силах, в скором окончании войны, скором конце тех невероятных страданий и трудностей, которые выпали на долю всего населения страны. Однако эти соображения едва ли оправдывали необоснованный оптимизм и сверхрадушные надежды, вселявшиеся вождем в души людей. Сталин заявил буквально следующее: «В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»⁴⁵⁵.

Как говорится, его бы устами да мед пить. Жизнь опрокинула эти необоснованные прогнозы и, безусловно, заставила Сталина впредь быть более осторожным, более точным и не делать такие прогнозы, которые с треском опрокидывались реальной жизнью. Это, видимо, был хороший урок для него.

Но особенно сильно и впечатляюще прозвучали заключительные слова

---

⁴⁵⁴ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 38.

⁴⁵⁵ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 39.

речи Сталина. Они стали хрестоматийными, ибо были глубоки по содержанию и превосходны по форме выражения. Обращаясь к воинам и партизанам, ко всем, кто вел эту суровую борьбу, он сказал: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»⁴⁵⁶

Стоит, видимо, привести краткую оценку этих выступления Сталина в его официальной биографии, игравшей роль своего рода катехизиса по изучению основ сталинизма в сталинские времена. В ней, в частности, говорилось: «С суровой прямоотой вождь армии и народа сказал, что серьезная опасность, нависшая над страной, не ослабла, а еще более усилилась. И в то же время с величайшей прозорливостью товарищ Сталин предвидел, что разгром немецких империалистов и их армий неминуем»⁴⁵⁷. И далее: «Товарищ Сталин поставил задачу свести к нулю численное превосходство немцев в танках и авиации и тем самым коренным образом улучшить положение нашей армии. Это указание вождя имело величайшее значение для исхода войны. Выполняя это указание, советская промышленность из месяца в месяц увеличивала выпуск самолетов, танков и средств борьбы с ними, ликвидировав в ходе войны превосходство врага в численности боевой техники»⁴⁵⁸.

Завершая данный раздел, думается, следует еще раз подчеркнуть колоссальное значение выступлений Сталина в ноябре 1941 года. С докладом о годовщине Октябрьской революции он выступил впервые за все время своей политической и государственной деятельности. Следует заметить, что он вообще не отличался многословием, в том числе и в своих публичных речах, и это еще более подчеркивало значимость всего сказанного им. Люди привыкли к тому, что вождь обращается с публичными речами тогда, когда в этом есть реальная потребность. И слушая выступления Сталина по радио, все понимали серьезность ситуации и делали соответствующие выводы.

---

⁴⁵⁶ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 39 – 40.

⁴⁵⁷ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947. С. 190.

⁴⁵⁸ Там же. С. 191.

Такого рода выступления Сталина явились одним из факторов мобилизации сил армии и народа для разгрома зарвавшегося врага. В воздухе, можно сказать, витало ощущение того, что страна стоит перед событиями исторического значения. События полностью подтвердили это.

5. Разгром немцев под Москвой

Начавшееся 30 сентября – 2 октября 1941 г. немецко-фашистское наступление на Москву продолжалось. Частично, некоторые моменты битвы за Москву мной уже освещены выше. Здесь я коснусь в самых общих чертах того, как в дальнейшем развивалась эта битва и чем она завершилась, причем в изложении фактов буду опираться на статью, написанную главным героем московского сражения Г.К. Жуковым для третьего издания Большой Советской энциклопедии. Полагаю, что Жуков лучше, чем кто-либо другой знаком с реальными фактами и больше, чем кто-либо другой вправе давать оценки этому историческому сражению.

Наступление гитлеровских войск на Москву возобновилось с Северо-Запада 15 – 16 ноября, с Запада – 18 ноября. Гитлеровское командование считало положение Москвы безнадежным и было уверено в успехе. Танковыми ударами из районов Волоколамска и Тулы оно рассчитывало расчленить наши войска, охватить Москву с севера и юга и, сомкнув танковые клещи, захватить ее.

Главные удары противник наносил в направлениях Клин – Рогачёво, пытаясь обойти Москву с Севера, и на Тулу – Каширу в обход столицы с Юга. Ценой больших потерь в конце ноября врагу удалось овладеть р-ном Клин, Солнечногорск, Истра, выйти к каналу Москва – Волга в р-не Яхромы и занять Красную Поляну (в 27 км от Москвы). Здесь он был остановлен и вынужден перейти к обороне. В конце ноября шли ожесточённые бои в р-не Каширы и Тулы. Советское командование подтянуло дополнительные силы на наиболее угрожаемые участки. 27 ноября советские войска нанесли контрудар по 2-й танковой армии генерала Гудериана и отбросили её от Каширы.

Примерно в эти дни Гудериан писал: «Наши войска испытывают мучения, и наше дело находится в бедственном состоянии, ибо противник выигрывает время, а мы со своими планами находимся перед неизбежностью ведения боевых действий в зимних условиях. Поэтому настроение у меня очень грустное. Наилучшие пожелания терпят крах из-за стихии. Единственная в своем роде возможность нанести противнику мощный удар улетучивается все быстрее и быстрее, и я не уверен, что она может когда-либо возвратиться. Одному только богу известно, как сложится обстановка в дальнейшем. Необходимо надеяться и не терять мужества, однако это тяжелое испытание...

Будем надеяться на то, что в ближайшее время я смогу писать в более

радостном тоне. О себе я не беспокоюсь. Однако в настоящее время трудно быть в хорошем настроении»⁴⁵⁹.

Потерпев поражение под Каширой, 2-я немецкая танковая армия попыталась обойти Тулу с Северо-Востока и перерезала железную дорогу и шоссе Серпухов – Тула. Контрударом советские войска отбросили врага на исходные позиции. Появились признаки кризиса немецко-фашистского наступления. Инициатива действий стала переходить к советским войскам. Причем не только на каких-либо отдельных участках, но, как можно судить по высказываниям самих немецких военачальников, перелом в ситуации явно намечался и в целом на фронте под Москвой и окружавшими ее городами и населенными пунктами. Готовясь к решающему сражению, советское командование продолжало укреплять Западный фронт. Возросло количество самолетов, артиллерии, включая реактивную. Вся политическая работа в войсках была подчинена лозунгу: «Отстоим родную Москву! Под Москвой должен начаться разгром немецко-фашистских захватчиков!»

Сражение сразу же приняло небывало ожесточенный характер, особенно на северо-западных подступах к городу. Стойко держала оборону 16-я армия под командованием К.К. Рокоссовского. Войска этой армии – 316-я дивизия И.В. Панфилова, кавалерийская группа Л.М. Доватора, 1-я гвардейская танковая бригада М.Е. Катуква и другие соединения и части – мужественно приняли чудовищный удар танкового тарана и не пропустили врага через передний край.

Бессмертный подвиг совершила у разъезда Дубосеково группа истребителей танков 1075-го полка 316-й дивизии во главе с политруком роты В.Г. Ключковым. Герои стояли насмерть на своем рубеже. В те дни родились крылатые слова, которые выразили чувства и мысли всех защитников Москвы, всех советских патриотов: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва».

1 дек. командование группы армий «Центр» предприняло новую попытку прорваться к Москве в р-не Апрелевки, но и она кончилась провалом. Ставка ВГК приказала, кроме переданных Западному фронту из резерва Ставки 1-й ударной, 10-й и 20-й армий, включить в состав Московской зоны обороны 24-ю и 60-ю армии. 2 декабря передовые части 1-й ударной и 20-й армий отразили все атаки противника севернее Москвы в р-не Дмитрова и южнее и вынудили его прекратить наступление. 3 – 5 дек. 1-я ударная и 20-я армии нанесли несколько сильных контрударов в р-не Яхромы и Красной Поляны и начали теснить врага. Левифланговые дивизии 16-й армии во взаимодействии с 5-й армией отбросили противника из большой излучины р. Москвы северо-восточнее Звенигорода. Ударная группа 33-й армии, разгромив 4 – 5 дек. вражеские части, восстановила положение на р.

---

⁴⁵⁹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999. (Электронная версия).

Нара. 50-я и 49-я армии отбили все атаки врага севернее Тулы. Таким образом, в результате контрударов советских войск в начале декабря были сорваны последние попытки врага прорваться к Москве. Только с 16 ноября по 5 декабря противник потерял под Москвой 155 тыс. чел. убитыми и ранеными, ок. 800 танков, 300 орудий и ок. 1500 самолётов. В ходе обороны столицы были надломлены силы и моральный дух гитлеровской армии. Создались предпосылки для перехода сов. войск в контрнаступление.

Следует привести данные о соотношении сил сторон к началу советского контрнаступления под Москвой. Советские войска: люди – 718800, орудия и минометы – 5900, танки – 667, самолеты – 762. Противник: люди – 801000, орудия и минометы – 10400, танки – 1000, самолеты – 615⁴⁶⁰. Как видим, почти по всем показателям, немецкие войска имели превосходство. Но их дух уже был в корне подорван, солдаты и командиры находились в состоянии глубокой деморализации.

Советское контрнаступление. Официальная биография Сталина утверждает, что товарищ Сталин лично руководил обороной Москвы, непосредственно направлял действия Красной Армии, вдохновлял бойцов и командиров, следил за ходом строительства оборонительных сооружений на подступах советской столицы. В декабре 1941 года по приказу товарища Сталина на немецкие войска внезапно обрушились удары нескольких советских армий, сосредоточенных в районе Москвы⁴⁶¹. Думается, что в приведенном пассаже мало преувеличений, хотя, конечно, конкретные планы подготовки и реализации контрнаступления готовились не им, а Жуковым, другими военачальниками, Генеральным Штабом и Ставкой в целом. Однако на этом основании отрицать важную роль Сталина не только в обороне Москвы, но и в организации контрнаступления, конечно, нельзя, если не идти против истины и фактов.

В условиях тяжелых оборонительных боев, ограниченности времени, общей недостачи сил и средств Ставка Верховного Главнокомандования, военные советы фронтов, сражавшихся за Москву, настойчиво и целеустремленно готовили контрнаступление. Все руководство прибывавшими резервами, их использование было сосредоточено непосредственно в руках Ставки. И в конце ноября – начале декабря она значительно укрепила войска, оборонявшие Москву. В их состав были направлены три резервные армии, новые стрелковые и кавалерийские дивизии.

К намеченному контрнаступлению привлекались войска Калининского и Западного фронтов и 2 правофланговые армии Юго-Западного фронта

---

⁴⁶⁰ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. С. 240.

⁴⁶¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 193.

(командующий С.К. Тимошенко). Главный удар наносил Западный фронт. Замысел советского командования заключался в том, чтобы разгромить ударные группировки противника и отбросить их остатки дальше от столицы. Выполнению этого замысла должны были способствовать войска, наступавшие на тихвинском и ростовском направлениях, авиация Резерва ВГК и партизаны, действовавшие в тылу врага.

Уместно напомнить, что Сталин своевременно учел природный фактор, предстоящее наступление зимы и отдал 17 ноября 1941 г. приказ, основное содержание которого сводилось к следующему: опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20 – 30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования приказала разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40 – 60 км в глубину от переднего края и на 20 – 30 км вправо и влево от дорог. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. Были предусмотрены и соответствующие меры для реализации поставленной задачи⁴⁶².

Наверняка кому-то данное распоряжение Сталина и покажется чудовищно-безжалостным, отражающим его бесчеловечное отношение к людям. Однако задним числом судить обо всех таких вещах было бы глубоким упрощением. В то время главной, подчиняющей все себе, задачей

---

⁴⁶² И. Сталин . Соч. Т. 18. С. 283 – 284.

являлось создание всех возможных условий для организации разгрома врага. Да и круг возможностей, из которых приходилось делать выбор, был более чем скромным. Достижению победы были подчинены все средства, в том числе и такие, о которых здесь идет речь.

Контрнаступление началось 5 – 6 декабря на фронте от Калинина до Ельца. Боевые действия сразу же приняли ожесточённый характер. Несмотря на отсутствие превосходства в силах и средствах, на сильные морозы, глубокий снежный покров, войска левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов уже в первые дни контрнаступления прорвали оборону противника южнее Калинина и северо-западнее Москвы, перерезали железную дорогу и шоссе Калинин – Москва и освободили ряд населённых пунктов. Одновременно с войсками, наступавшими северо-западнее Москвы, перешли в контрнаступление войска левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Сильные удары войск Красной Армии по фланговым группировкам группы армий «Центр», предназначенным для окружения Москвы, заставили немецкое командование принять меры по спасению своих войск от разгрома. 8 декабря 1941 г. Гитлер подписал директиву о переходе к обороне на всём советско-германском фронте. Группа армий «Центр» получила задачу любой ценой удерживать важные в стратегическом отношении районы. 9 декабря советские войска освободили ряд населенных пунктов, в том числе и город Калинин. Успешно действовали и другие фронты и соединения Красной Армии. К началу января 1942 года войска Западного фронта вышли на рубеж рр. Лама и Руза. Все это в целом создавало благоприятные условия для окружения группы армий «Центр». Однако достаточных сил у наступающих советских войск для этого не было. Темпы контрнаступления замедлились.

В начале января 1942 года было завершено контрнаступление, в результате которого были разгромлены основные силы 2-й, 3-й и 4-й танковых армий и соединения 9-й армии немцев. 38 немецких дивизий (в т.ч. 11 танковых и 4 моторизованных) потерпели тяжёлое поражение. Разгром ударных группировок, наступавших на Москву, вызвал растерянность немецко-фашистского командования. Гитлер снял с постов главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, командующего группой армий «Центр» Ф. Бока, командующих 2-й и 4-й танк, и 9-й армиями Х. Гудериана, Э. Гёпнера, А. Штрауса.

Немецкий генерал Г. Блюментритт писал: «Московская битва принесла немецким войскам первое крупное поражение во второй мировой войне. Это означало конец блицкрига, который обеспечил Гитлеру и его вооруженным силам такие выдающиеся победы в Польше, Франции и на Балканах. Первые роковые решения были приняты немецким командованием в России. С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну. Теперь нам пришлось вести войну с более сильным противником, чем тот, с которым мы встречались до сих пор. На

бескрайних просторах Востока нельзя было рассчитывать на легкие победы»⁴⁶³.

Пожалуй, здесь стоит упомянуть об одном довольно любопытном моменте. По итогам битвы под Москвой была выпущена небольшая книга, в которой рассказывалось о некоторых примечательных эпизодах московского сражения. В качестве авторов выступали военачальники, войска которых особо отличились в сражениях. Среди авторов был и генерал А. Власов – впоследствии активный пособник гитлеровского фашизма и руководитель так называемой РОА (русской освободительной армии), сражавшейся на стороне немцев. Так вот, А. Власов был единственным из авторов, который из чувства подхалимажа пел восторженные дифирамбы в адрес Сталина. Он, в частности, писал: «Ликвидацией солнечногорского нарыва лично руководил Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин. Замысел солнечногорской операции был разработан им. Мы неоднократно получали указания от товарища Сталина о том, чтобы действовать на окружение противника, уничтожение его живой силы и техники.

Сталинский замысел был нами выполнен, и это обеспечило успех нашей операции»⁴⁶⁴.

Этот эпизод я привел для того, чтобы показать, насколько двуличным, льстивым и беспринципным был будущий главный предатель из числа советских военных – генерал Власов. Его дальнейшие поступки и действия хорошо просвечиваются этими льстивыми дифирамбами в адрес Сталина.

Известный военный историк Лиддел Гарт в своем солидном исследовании истории второй мировой войны, несмотря на то, что действиям на Восточном фронте он уделил незаслуженно более чем скромное место, констатировал: «Русские отбросили измотанные в боях немецкие войска и обошли их с флангов, что создало критическое положение. Захватчики – от генералов до солдат – с ужасом вспоминали об участии, постигшей Наполеона при отступлении из Москвы. В этом критическом положении Гитлер запретил любое отступление, за исключением местных отходов на самое кратчайшее расстояние. И если учесть ту обстановку, он был прав. Это решение обрекло его войска на передовых позициях на ужасные страдания: у немцев не было ни одежды, ни снаряжения для ведения зимней кампании в России. Но если бы они начали общее отступление, оно могло бы перерасти в полный разгром охваченных паникой войск»⁴⁶⁵.

---

⁴⁶³ З. Вестфал, В. Крайне, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. (Электронный вариант).

⁴⁶⁴ Наши удары по врагу. Разгром немецких войск под Москвой. Сборник. М. 1942. (Электронная версия).

⁴⁶⁵ Б. Лиддел Гарт . Вторая мировая война. М. – С.-П. 2002. С. 187.

И в констатации Лиддел Гарта нет ни капельки преувеличения. Если бы советские войска не были измотаны тяжелейшими боями на фронте от Баренцева до Черного морей, то неизбежная расплата для гитлеровской Германии наступила гораздо раньше, чем в далеком тогда 1945 году. Но не стоит забегать вперед, ибо Советской России предстояли еще тяжелейшие испытания, колоссальные жертвы и неимоверные страдания для ее народов.

Всемирно-историческое значение победы под Москвой. Мировое значение победы под Москвой определялось прежде всего тем фактом, что впервые за всю вторую мировую войну 1939 – 1945 гг. именно советские войска нанесли крупнейшее поражение армии фашистской Германии и развеяли миф о её непобедимости. Хотя окончательно разгромить группу армий «Центр» не удалось из-за ограниченности сил и средств, битва под Москвой сыграла огромную роль в войне. Гитлеровский план «молниеносной войны» был сорван. Советские войска вырвали у противника стратегическую инициативу. Она знаменовала решительный поворот военных событий в пользу СССР и оказала большое влияние на весь дальнейший ход войны. Красная Армия в битве под Москвой приобрела ценный опыт ведения крупных наступательных действий, возмужала и закалилась. В связи с устранением угрозы захвата немцами столицы и переходом стратегической инициативы на сторону Красной Армии советское руководство по инициативе Сталина приняло ряд мер по стабилизации обстановки в тылу и развитию успеха на фронте. ГКО постановил разминировать предприятия и объекты Москвы, подготовленные к взрыву еще в октябре, прекратить все работы на пяти оборонительных рубежах, возводившихся за Волгой, Окой и Клязьмой. Одновременно Ставка ВГК и Генеральный штаб осуществляли подготовку к новым наступательным операциям Красной Армии.

Не стану подробно касаться международных аспектов значения победы под Москвой. Подчеркну лишь, что она серьезно остудила агрессивный пыл японской военщины, наиболее воинственные представители которой ратовали за то, чтобы напасть на Советский Союз и тем самым открыть против него своеобразный второй фронт. Нельзя с полной категоричностью утверждать, что именно поражение гитлеровцев под Москвой явилось главным доводом в пользу того, чтобы Япония соблюдала нейтралитет. Однако отбрасывать данное соображение со счетов также было бы исторически неверно.

Эта победа была достигнута благодаря массовому героизму советских воинов и трудовым усилиям советских людей. Весь мир, затаив дыхание, следил за ходом и исходом московской битвы. И вздохнул облегченно, когда она завершилась разгромом гитлеровских войск и торжеством советских воинов. Именно об этом свидетельствует телеграмма, посланная Сталину президентом США Рузвельтом. В ней говорилось: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу

успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации»⁴⁶⁶. Горячие поздравления были получены и от руководителей других держав, находившихся в состоянии войны с Германией. Посланец премьер-министра Великобритании Черчилля А. Иден своими собственными глазами увидел поля сражений под Москвой, поскольку именно в декабре он совершал свой визит в Москву. Так что он имел возможность от имени премьера и своего собственного передать свои поздравления Сталину. На самого Идена картины происшедшей грандиозной битвы произвели сильнейшее впечатление, о чем он впоследствии писал в своих мемуарах. Черчилль же лично писал Сталину по поводу победы под Москвой: «Нет слов, чтобы выразить восхищение, которое все мы испытываем от продолжающихся блестящих успехов Ваших армий в борьбе против германского захватчика. Но я не могу удержаться от того, чтобы не послать Вам еще слова благодарности и поздравления по поводу всего того, что делает Россия для общего дела»⁴⁶⁷. Сталин ответил Черчиллю вполне достойно, намекнув между строк о необходимости открыть второй фронт: «Благодарю Вас за поздравление по поводу успехов Красной Армии. Несмотря на трудности на советско-германском фронте, как и на других фронтах, я не сомневаюсь ни минуты, что мощный союз СССР, Великобритании и США сломит врага и одержит полную победу»⁴⁶⁸.

Прославляя победу, нельзя обойти молчанием цену, которую пришлось за нее заплатить. Битва под Москвой стала одной из страшных человеческих трагедий. Общие потери советских войск составили 1 805 923 человека, из них безвозвратно – 926244 человека, а кроме того, 4171 танк, 21478 орудий и минометов, 983 самолета. Из строя выбыли навсегда семь командующих армиями, из них четверо погибли, трое оказались в плену. Да и немцы за семь месяцев потеряли здесь 615 тыс. солдат и офицеров⁴⁶⁹.

И, наконец, о роли Сталина в достижении этой крупнейшей с начала войны победы, которая отныне и немецкому командованию, да и советским военачальникам, стала рисоваться в несколько ином ключе. Не растекаясь мыслью по древу, можно с достаточным основанием утверждать, что роль Сталина как государственного и политического лидера страны, как Верховного Главнокомандующего была исключительно велика. Он нашел в

---

⁴⁶⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 2. М. 1976. С. 12. (В дальнейшем – Переписка...).

⁴⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 49 – 50.

⁴⁶⁸ Там же. Т. 1. С. 50.

⁴⁶⁹ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 303.

себе силы извлечь необходимые выводы из поражений и крупных ошибок начального этапа войны и правильно определил главные военно-стратегические и политические параметры, в соответствии с которыми и направлял развитие событий. Какой бы противоречивой кое-кому ни казалась его роль в первый год войны, в целом можно утверждать, что он оказался достойным миссии, возложенной на него историей.

ГЛАВА 6. ТЕРНИСТЫЕ ПУТИ ВОЙНЫ: ОТ ПОРАЖЕНИЙ ДО ПОБЕДЫ, КОТОРАЯ НЕ ПОМЕРКНЕТ В ВЕКАХ

1. Где проходит водораздел между истиной и фальсификацией?

Вся политическая биография Сталина, как уже имел возможность убедиться читатель из предшествующих двух томов, является не только, а порой и не столько объектом объективного исторического исследования, а полем острейшей политико-идеологической борьбы. В конечном счете, если не скользить по поверхности явлений, а заглянуть в их суть, дело, конечно, не сводится к личности самого персонажа нашего повествования. Вопрос поставлен самим ходом истории гораздо шире – речь идет о глобальной, целостной оценке огромного и, пожалуй, самого богатого по содержанию и своим достижениям периода истории нашей страны. Не только богатого по своему содержанию и значимости, но и по своей неоднозначности, своей противоречивости. И масштабная, никогда не ослабевающая, но лишь меняющая свой накал, борьба против Сталина – это, по существу, борьба против истории. А известно, что против истории можно бороться только одним давно испытанным оружием – всевозможными фальсификациями и подтасовкой фактов, односторонней, заранее предопределенной интерпретацией событий и личностей, стоявших в эпицентре событий советского периода нашей истории. Так что отнюдь не все сводится к Сталину и его роли в истории страны, хотя и этот факт играет колоссальную роль в воссоздании подлинной картины того, что пережила за семь с лишним десятилетий страна в период социализма. Направляя острие своих атак против Сталина, целятся прежде всего против социализма не только как определенной общественной системы и практики, но и против самой этой идеи.

Полагаю, что только через призму такого подхода можно хотя бы приблизиться к истине. Истина же эта не проста и отнюдь не отличается цельностью, отсутствием глубоких противоречий, часто настолько сложных, что даже сейчас, по прошествии десятилетий, им трудно дать достаточно ясную и убедительную оценку. Ведь хорошо понятно, что история – это не

только совокупность того, что произошло в прошлом, но и поле ожесточенного политико-идеологического (не говоря уже о научном) противостояния и противоборства различных концепций и точек зрения. Может быть, политическая биография Сталина как раз и являет собой один из самых ярких примеров такого рода противостояния.

В данной главе я ставил своей задачей освещение событий Великой Отечественной войны, как говорится, хотя бы в более или менее конспективной форме. На эту тему издано огромное количество документов, работ, статей, фильмов и т.д., поэтому не стоило заниматься сизифовым трудом – плохо или очень плохо пересказывать общеизвестные события. К тому же, изложение событий войны с неизбежной закономерностью разрушило бы всю структуру тома, нарушило бы необходимые в данной работе пропорции. Ведь сумма проблем, стоящих перед автором в третьем томе, настолько велика и многогранна, что порой приходится ограничиваться беглым, пунктирным изложением событий и фактов. Конечно, это не украшает работу, но делать это приходится в силу железной необходимости. Можно упрекать автора за то, что он обошел тот или иной аспект сталинской политической биографии или же, напротив, неоправданно выделил какой-либо другой. И читатель будет вполне прав. Но целый океан фактов и событий, людей и оценок их роли в тот период, а также многое другое – все это «загоняло» автора в прокрустово ложе и заставляло порой делать нелегкий выбор. Но иного пути не оставалось. Фрагментарность отдельных глав и разделов выглядит особенно явственно в сопоставлении с теми, в которых поставленные проблемы освещаются достаточно детально, а временами – излишне подробно. Но такова не только, а может быть, и не столько манера автора, сколько значимость тех или иных проблем. Часто автор стоял перед дилеммой – в пользу каких аспектов исследуемой проблемы сделать выбор. И делать такой выбор порой было нелегко.

В частности, как мне кажется, сама тематика советско-германских отношений накануне войны, и прежде всего мотивы заключения пакта Молотова – Риббентропа, а также ряд проблем предвоенного международно-политического развития требовали того, чтобы им было уделено первостепенное внимание. Ведь они до сих пор стоят в эпицентре ожесточенных споров и дискуссий и вызывают массу вопросов, на которые даются самые разные, часто диаметрально противоположные ответы и толкования. Подобным же образом в томе особый упор сделан на событиях 1941 года, особенно после нападения Гитлера на СССР. Мне представлялось, что этот период в политической судьбе Сталина занимает исключительно важное место, ибо тогда, в сущности, судьба нашей Родины, как и судьба самого Сталина, висели на волоске. Исходя из этих соображений, я посчитал необходимым довольно детально остановиться именно на событиях, связанных с этим периодом. Ибо это давало как бы ключ к пониманию дальнейшего хода развития событий. В настоящей главе мне придется

отказаться от детального и последовательного изложения событий войны, преимущественно сосредоточив основное внимание на тех ее аспектах, которые непосредственно раскрывают роль Сталина в Великой Отечественной войне. Вполне естественно, что характер самой проблемы в силу необходимости придает данной главе полемический настрой. Ведь именно данный период деятельности вождя, не считая коллективизации и репрессий, вызывает больше всего вопросов и порождает больше всего всякого рода мифов, тенденциозных толкований и выводов, построенных на игнорировании реальных фактов или на их предвзятом толковании.

В связи с освещением событий войны невольно приходят на память слова из стихов Есенина, относящиеся к иной эпохе, но имеющие, на мой взгляд, универсальное звучание:

«Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине»⁴⁷⁰.

Как говорится, вот и разбираемся уже на протяжении многих десятилетий. Но от этого к истине не становимся ближе. Диаметрально противоположные концепции оценок Сталина и, в частности, его роли в Великой Отечественной войне, по-прежнему выступают в качестве коренной черты всей историографии Сталина и сталинизма. Как справедливо подчеркнул российский историк Э. Ларионов, избитая фразеология о том, что «победителей не судят», вероятно, не относится к победе в величайшей из войн. Заочная историографическая полемика о Сталине как полководце проходит в форме суда. Представленные в современной историографии оценочные характеристики варьируются от репрезентации его в качестве творца всех побед до изображения как едва ли не главного препятствия успешной деятельности Красной Армии. Исследователи истории войны условно разделились на прокуроров и адвокатов Сталина⁴⁷¹. Он справедливо отмечает, что все началось с процесса десталинизации, начатой Хрущевым. Хотя, ради истины, надо признать, что и до этого имелись резкие оценки деятельности Сталина во время войны, но они были чрезвычайно редки и появлялись преимущественно в зарубежных антисоветских изданиях. Да и там они носили эпизодический характер, поскольку западные историки и публицисты все-таки не утратили чувства реальности и отдавали себе отчет в том, что разоблачать задним числом победителя – дело отнюдь не самое

---

⁴⁷⁰ С. Есенин . Стихи и поэмы. Л. 1965. С. 569.

⁴⁷¹ Историография сталинизма. Сборник статей. М. 2007. С. 246.

честное и достойное.

Во время перестройки и особенно после крушения Советского Союза масштабы, интенсивность и явная тенденциозность в публикациях, посвященных Сталину, начали обретать в России поистине глобальный характер. Видимо, считалось плохим тоном по поводу и без повода не лягнуть почившего десятилетия назад генералиссимуса. К примеру, известный деятель культуры и яркий демократ российского пошиба А. Герман писал: «Убежден, что и без Сталина выиграли бы мы эту войну, да еще с классным командирским корпусом, да с не расстрелянными конструкторами замечательных танков и „катюш“. Конечно, этот великий злодей с сухой рукой, хромой, весь в оспинах и с шестым пальцем на ноге, что в России всегда считалось отметиной дьявола, играл свою роль. Конечно, он был хитрец, каких мало, создатель огромной империи, которая быстро рассыпалась, потому что цемент и штукатурку при строительстве ее заменяли кровь и ужас. Конечно, он был великий режиссер массовых шоу».

Версия о бездарности Сталина как военного руководителя, повинного во всех мыслимых и немыслимых грехах, связанных с войной, начиная с первых поражений и кончая даже некоторыми огрехами в проведении успешных операций, активно распространялась вполне определенно идеологически настроенными авторами. В первую очередь здесь следует упомянуть таких профессиональных историков, как А. Самсонов, Б. Соколов, В. Анфилов, А. Мерцалов, Д. Волкогонов и ряд других. При всех нюансах в подходе к отдельным проблемам их объединяет одна общая черта: тенденциозные и безапелляционные оценки Сталина как военного руководителя. Если коротко сформулировать суть обвинений, выдвигаемых ими, то они в суммированном виде сводились к следующему – не имея специального военного образования, не обладая личным опытом непосредственного руководства масштабными боевыми операциями, а также не имея серьезного образования, а потому и не обладая солидными знаниями и широтой интуиции, страдая от низкого интеллектуального уровня, Сталин не был и в силу указанных выше причин и не мог быть полноценным Верховным Главнокомандующим, а своим руководством лишь мешал ведению войны, отдавая распоряжения, ведшие армию к неоправданным потерям и военным поражениям.

Однако этим тенденциозным интерпретациям рядом российских историков и публицистов были противопоставлены принципиально иные точки зрения, в подтверждение которых приводились конкретные факты и оценки, принадлежащие крупнейшим советским военачальникам времен войны. Постепенно эти новые оценки стали обретать характер солидных исследований, от выводов которых трудно было отмахнуться ссылкой на прокоммунистическую пропаганду. После безоговорочного господства антисталинских теорий в историографии и исторической публицистике в конце 80-х – начале 90-х годов со второй половины 90-х годов и до

настоящего времени наблюдается постепенное усиление обратной тенденции, как бы уравнивающей первую. Этот процесс имеет свои мотивы и свою социально-политическую подоплеку. Правы те, кто полагает, что в правящих кругах РФ постепенно пробивает себе дорогу идея о том, что бездумный нигилизм в отношении советского прошлого бумерангом бьет по важнейшим институтам государства. Однако это не означает, что наша «гражданская война» из-за оценок Великой Отечественной идет на спад и вскоре вовсе прекратится. Увы, мы живем в крайне нестабильном обществе, в стране, где разнообразные ломки и перемены далеки от завершения. Следовательно, информационно-пропагандистские бои будут продолжаться, и «сороковые роковые» еще долго не станут объектом беспристрастного изучения, а послужат материалом для политтехнологов, обслуживающих интересы соперничающих партий и группировок⁴⁷².

Трудно не согласиться с мнением Э. Ларионова, который в своей статье, специально посвященной историографии работ о Сталине периода войны, приводит следующий характерный факт. Одним из весьма примечательных признаков определенной переоценки в обществе роли Сталина вообще и в период войны в особенности в сторону признания его заслуг может служить обобщающая оценка авторов утвержденного министерством образования РФ учебника для исторических факультетов А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина, утверждающих, что при всей сложности и неоднозначности фигуры Сталина в истории войны невозможно отрицать его волевых и организаторских талантов, равно как и сознательно развиваемых военных способностей, а также санкционированного им перехода к идеологии государственного патриотизма взамен «пролетарского интернационализма», развернувшегося сотрудничества с церковью, что в своей совокупности не могло не сыграть важнейшей положительной роли в достижении победы над гитлеровской Германией. Представляется, что подобная оценка может являться своеобразной «золотой серединой» между безудержными апологиями или огульными «разоблачениями», в равной степени страдающими конъюнктурностью и ангажированностью, авторы которых в большей степени подгоняют историческую действительность под собственные симпатии, то есть, в конечном счете занимаются историческим мифотворчеством⁴⁷³.

Историку или философу – и это подтверждается практикой – трудно, если вообще возможно, быть абсолютно объективным. Но тем не менее, даже некоторые пристрастные оценки могут иметь под собой исторически

---

⁴⁷² См. Александр Уткин. Великая Отечественная продолжается... «Независимое военное обозрение». (Электронная версия).

⁴⁷³ Историография сталинизма. Сборник статей. М. 2007. С. 261.

обоснованную базу. Применительно к теме нашего повествования мне представляется приемлемым привести высказывание такого человека, как недавно умерший А. Зиновьев – крупный философ и историк, а также в прошлом ярый антисталинист. Цитата эта довольно велика, но, думаю, что ее все же стоит привести, поскольку она на многое проливает свет и дает достаточно убедительное подтверждение тезиса о том, что огульное отрицание роли Сталина в войне, а тем более уничижительное ее изображение, – ничего не имеет общего с подлинной исторической правдой. А. Зиновьев писал: «Война 1941 – 1945 годов против гитлеровской Германии была величайшим испытанием для сталинизма и лично для самого Сталина. И надо признать как бесспорный факт, что они это испытание выдержали: величайшая в истории человечества война против сильнейшего и страшнейшего в военном и во всех прочих аспектах врага завершилась триумфальной победой нашей страны, причем главными факторами победы явились, во-первых, коммунистический социальный строй, установившийся в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года, и, во-вторых, сталинизм как строитель этого строя и лично Сталин как руководитель этого строительства и как организатор жизни страны в военные годы и Главнокомандующий Вооруженными Силами страны.

Казалось бы, что все баталии Наполеона в совокупности ничто в сравнении с этой баталией Сталина. Наполеон в конечном итоге был разгромлен, а Сталин одержал триумфальную победу, причем вопреки всем прогнозам тех лет, предрекавшим скорую победу Гитлеру. Казалось бы, что победителя не судят. Но в отношении Сталина все делается наоборот: тьма пигмеев всех сортов прилагает титанические усилия к тому, чтобы сфальсифицировать историю и украсть это великое историческое деяние у Сталина и сталинизма. К стыду своему, должен признаться, что я отдал дань такому отношению к Сталину как к руководителю страны в годы подготовки к войне и в годы войны, когда был антисталинистом и очевидцем событий тех лет. Прошло много лет учебы, исследований и размышлений, прежде чем на вопрос: „А как бы поступал ты сам, окажись на месте Сталина?“ – я ответил себе: я не смог бы поступать лучше, чем Сталин»⁴⁷⁴.

И далее, А. Зиновьев делает следующее обобщение, которое трудно оспорить: «Я убежден в том, что в понимании совокупной ситуации на планете в годы второй мировой войны, включая как часть войну Советского Союза против Германии, Сталин был на голову выше всех крупнейших политиков, теоретиков и полководцев, так или иначе вовлеченных в войну. Было бы преувеличением утверждать, будто Сталин все предвидел и планировал в ходе войны. Конечно, было и предвидение, было и планирование. Но не меньше было и непредвиденного, непланируемого и

---

⁴⁷⁴ «Отечественные записки». Приложение к «Советской России» от 1 марта 2003 г.

нежелательного. Это очевидно. Но важно тут другое: Сталин правильно оценивал происходившее и использовал в интересах победы даже наши тяжелые поражения. Он мыслил и поступал, можно сказать, по-кутузовски. И это была военная стратегия, наиболее адекватная реальным и конкретным, а не воображаемым условиям тех лет. Если даже допустить, что Сталин поддался на гитлеровский обман в начале войны (во что я не могу поверить), то он блестяще использовал факт гитлеровской агрессии для привлечения на свою сторону мирового общественного мнения, что сыграло свою роль в расколе Запада и образовании антигитлеровской коалиции. Нечто подобное имело место и в других тяжелых для нашей страны ситуациях»⁴⁷⁵.

Мне как автору могут поставить в упрек, что я цитирую преимущественно положительные отзывы о роли Сталина в войне и намеренно обхожу критические. Но данный упрек преждевременен, поскольку в дальнейшем при рассмотрении конкретных событий и фактов широко и достаточно обильно будут цитироваться и отрицательные оценки вождя. Здесь же я хотел бы привести пример того, как президент США Рузвельт оценивал советского лидера еще до того, как были одержаны решающие победы в войне.

В отчете Молотова о переговорах в Лондоне в мае 1942 года отмечалось, что Черчилль расспрашивал его «о том, каковы методы работы Сталина». А через несколько дней в Вашингтоне Рузвельт говорил Молотову: «Для обсуждения вопросов будущего и вопросов настоящего времени он хотел бы встретиться с великим человеком нашего времени – Сталиным. Он, Рузвельт, не мог этого до сих пор осуществить, но он верит, что эта встреча еще состоится. Он провозглашает тост за руководителя России и русских армий, за великого человека нашего времени, за Сталина»⁴⁷⁶. Тот же Рузвельт говорил своему сыну: «Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним – одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется»⁴⁷⁷.

В несколько сумбурном виде я попытался хотя бы только пунктиром обозначить тот водораздел, который проходит между двумя полярными позициями по вопросу оценки роли Сталина в войне. Но картина была бы явно неполной, если бы я прибег к фигуре умолчания и совсем обошел то, как при жизни вождя оценивалась его роль в достижении победы над

---

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ О.А. Ржевский. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941 – 1942). М. 1997. С.141, 179.

⁴⁷⁷ Э. Рузвельт. Его глазами. М. 1947. С. 186.

гитлеровской Германией. Существует бесчисленное множество таких панегирических оценок. Но я ограничусь лишь одной – наиболее емкой, на мой взгляд. Она принадлежит Молотову и вошла в качестве своего рода фундаментальной идеологической базы в официальную биографию Сталина. Через несколько месяцев после окончания войны Молотов в докладе об очередной годовщине Октябрьской революции несколько эмоционально (что вообще не являлось свойством его природы) заявил: «Это наше счастье, что в трудные годы войны Красную Армию и советский народ вел вперед мудрый и испытанный вождь Советского Союза – Великий Сталин. С именем Генералиссимуса Сталина войдут в историю нашей страны и во всемирную историю славные победы нашей армии. Под руководством Сталина, великого вождя и организатора, мы приступили теперь к мирному строительству, чтобы добиться настоящего расцвета сил социалистического общества и оправдать лучшие надежды наших друзей во всем мире»⁴⁷⁸.

Прав был Молотов или не прав – в конечном счете рассудила сама история, ход и результаты войны. Однако невозможно отрицать того, что советские воины шли в атаку под лозунгом «За Родину!», «За Сталина!» И это – не просто пропагандистская формула, изобретенная по заказу сверху. Если ее рассматривать в естественном органическом единстве, то в ней как бы соединялись в одно целое патриотические чувства и устремления воинов и их вера в Сталина как олицетворение советского строя. И здесь следует специально остановиться на сочетании основополагающих факторов, предопределивших исход войны. Я имею в виду патриотизм советского народа и его кровного детища – Красной Армии, который стал фундаментом, на базе которого объединились все подлинно национальные силы страны. Причем, речь не идет исключительно о сторонниках социализма и приверженцах коммунистической идеологии. Смертельная опасность, нависшая над Родиной, отодвинула на задний план всю гамму идеологических и иных политических моментов. Хотя, конечно, полностью игнорировать их нельзя, ибо они также играли свою позитивную роль в организации сопротивления врагу. Но главным, решающим фактором выступал патриотизм, сплотивший советский народ в единое целое.

Надо отдать должное Сталину, оказавшемуся на высоте положения и верно оценившему общую ситуацию в стране и в мире. Именно ему принадлежит инициатива выдвинуть идею патриотизма, всеобщего национального единства на первый план, подчинив этой идее все остальное. Как уже отмечалось в предыдущих томах, к пересмотру своих устоявшихся воззрений на соотношение интернационального и национального в политике он шел постепенно, начиная со второй половины 20-х годов. Серьезная работа в этом направлении осуществлялась в 30-е годы. Ортодоксальным

---

⁴⁷⁸ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 243.

большевикам такая ревизия коммунистической идеологии представлялась своего рода ренегатством, хотя открыто выступать против нее они не осмеливались по многим соображениям, прежде всего опасаясь репрессий со стороны сталинского режима.

Либерально настроенные историки и публицисты категорически и начисто отрицают огромную роль, которую сыграла выпестованная Сталиным общественно-политическая система. Со всеми ее достоинствами и недостатками, игнорировать которые (прежде всего недостатки) могут только политические слепцы или же люди, глаза которых зашорены идеологическими догмами, предопределяющими весь стиль их мышления.

Есть основание согласиться с В.В. Похлебкиным, который в книге «Великий псевдоним» пишет: «...Мы имеем серию крайне похожих друг на друга „разоблачительных“, „антисталинских“ биографий, отличающихся одна от другой лишь степенью „ядовитости слюны“. Среди авторов этих работ Л.Д. Троцкий, Р. Такер, И. Дейчер, А.В. Антонов-Овсеенко младший, Р. Слассер и пара бездарнейших фальсификаторов, создавших исторически безграмотные и фактически грубо ошибочные „опусы“-фолианты – Ф.Д. Волков и Д. Волгогонов... Фактически до 60 – 70 % таких фактов (связанных с деятельностью Сталина – авт.) абсолютно исключены из рассмотрения и один этот „технический прием“ резко искажает картину и суть событий, в которых не только участвовал, но и которые определял, направлял и контролировал И.В. Сталин – государственный деятель, доминировавший в течение 30 лет в истории страны, партии, международного коммунистического движения и в марксистской идеологии. При таком положении Сталина стоит только придать тот или иной специфический оттенок или черту его личности, как все события получают соответствующее объяснение. Сталин – тиран. И вся история его времени превращается в историю тирании. Сталин – гений человечества, светлая личность, и тогда вся его эпоха может трактоваться, как непрерывная эра прогресса»⁴⁷⁹.

К сожалению, некоторые сторонники социалистической идеи нередко страдают такого рода политической слепотой и в силу этого в деятельности Сталина в период войны не видят крупных просчетов и ошибок Верховного Главнокомандующего. Любую, даже самую справедливую и обоснованную критику Сталина и его деятельности, в том числе и в период войны, они расценивают не иначе как, в лучшем случае, искажение истинной картины истории, в худшем – как политически мотивированное злопыхательство.

Однако водораздел между истиной и фальсификацией проходит не только по политическим и идеологическим критериям, хотя именно они – и это следует выделить особо – играют здесь доминирующую роль. Нельзя сбрасывать со счета и вполне естественные в научной сфере различия в

---

⁴⁷⁹ В.В. Похлебкин . Великий псевдоним. М. 1996. С. 32 – 33.

методах и подходах к оценке событий и личностей. Такие различия представляются не только оправданными, но и даже вполне закономерными при анализе столь сложных и противоречивых проблем и фигур, как война и Сталин. По возможности, я старался избегать обеих крайностей, не впадая в состояние неистового отрицания или абсолютно необоснованного восхваления. Думается, что панегириков в адрес Сталина уже при его жизни было высказано столько, что их хватит еще на целые десятилетия. Словом, крайности всегда опасны, а в оценках той или иной исторической фигуры они совершенно недопустимы.

Вот уже на протяжении многих лет в российской научной литературе, и особенно в средствах массовой информации, свободно гуляет искусственно и злонамеренно сфабрикованная дилемма – кто выиграл войну: народ или Сталин? Сама по себе эта дилемма не выдерживает абсолютно никакой критики (да она и не заслуживает таковой), ибо она от начала до конца бессмысленна и даже смехотворна. Сама постановка вопроса в такой нелепой форме выдает как раз тех, кто хочет напустить тень на плетень и на этом построить свои далеко идущие политико-идеологические выводы и заключения явно антисоветского и антисталинского пошиба.

Для ответа на этот вопрос не надо рыться в источниках, искать какие бы то ни было аргументы и обоснования. Можно просто обратиться к высказываниям самого Сталина. В докладе об очередной годовщине Октябрьской революции в ноябре 1944 года он сказал: «Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреборимую силу. Советское государство, несмотря на тяжелое бремя войны, несмотря на временную оккупацию немцами весьма больших и экономически важных районов страны, в ходе войны не сокращало, а год от года увеличивало снабжение фронта вооружением и боеприпасами. Теперь Красная Армия имеет танков, орудий, самолетов не меньше, а больше, чем немецкая армия. Что касается качества нашей боевой техники, то в этом отношении она намного превосходит вооружение врага. Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом. Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспрецедентные трудности нынешней войны не сломили, а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа»⁴⁸⁰.

Кто внимательно ознакомится с выступлениями Сталина в ходе войны и

---

⁴⁸⁰ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 158 – 159.

после ее окончания, тот не сможет не заметить постоянного подчеркивания вождем роли народа в достижении исторической победы над фашизмом. После победы он особенно подчеркнул: «доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом»⁴⁸¹.

Российский автор Ю. Крупнов, на мой взгляд, совершенно обоснованно заметил, что вообще, поддаваться соблазну отделить «хороший народ» от «плохого Сталина» – значит, продемонстрировать не только странные воззрения на устройство исторических организмов, но и совершить грубую методологическую ошибку. Дело в том, что признавать саму законность вопроса типа – кто, мол, победил в войне, Сталин или народ? – означает допускать правомерность существования в истории некоего отдельного, независимого от государства «народа».

Эта ошибка столь же чудовищная, как та, что совершают иногда больные на голову «психологи», которые задают в школах младшим школьникам в «тестах» вопрос: «Вы кого больше любите: маму или папу?»

Государственность, представленная в государстве и лидере, не может существовать отдельно от народа. Но и наоборот, народ не может существовать отдельно от государственности, поскольку государственность есть способ существования народа в истории. Разделять и разводить народ и государственность, народ и лидера является неправомерным и откровенно вредным⁴⁸².

Только в горячечном бреде можно представить себе, что кто-нибудь серьезно станет доказывать, будто победой в войне наша страна обязана Сталину, а не народу. Из этого отнюдь не следует, что Верховный играл просто роль статиста и не имеет прямого отношения к достижению победы. Равно как и к серьезным провалам и ошибкам, без которых, как мне кажется, не обходилась ни одна война, особенно солидного масштаба. Великая Отечественная война вошла в историю как самое серьезное в нашей истории испытание для нашего народа, и он с честью выдержал это испытание, явив миру всю глубину своего мужества, терпения и самоотверженности. И чем дальше нас отделяют от этого времени годы, тем величественнее в сознании потомков предстает подвиг советского народа в этой войне. За всю более чем тысячелетнюю историю нашего государства на долю нашего народа не выпадало более тяжкого и более сурового испытания, чем эта война. Но и все предшествовавшие победы так же меркнут перед победой в Великой Отечественной войне. История никогда ничего не забывает (в отличие от

---

⁴⁸¹ Там же. С. 197.

⁴⁸² Ю. Крупнов. Кто выиграл войну: народ или Сталин? (Электронная версия).

историков, ее освещающих), десятилетия и даже столетия не смогут стереть из исторической памяти нашего народа великий подвиг, совершенный не только во имя свободы и независимости нашей страны, но и будущего всего человечества.

2. Эстафета: от Москвы до Сталинграда

Поражение фашистских полчищ под Москвой, вне всякого сомнения, многих немецких военачальников заставило серьезно задуматься о перспективах военных действий, да и об исходе самой войны. Однако дальновидностью мышления и стратегической прозорливостью отличались не многие фашистские генералы и фельдмаршалы, хотя они и считались более чем компетентными военными специалистами. К тому же, не они, а сам Гитлер определял важнейшие решения, принимаемые германским верховным командованием. Генерал Гудериан писал, что «во время кампании в России дело дошло до серьезных недоразумений, а в декабре 1941 г. и до разрыва между Гитлером и главнокомандующим сухопутными войсками фельдмаршалом фон Браухичем. Браухич был высокообразованным офицером генерального штаба. Но, к сожалению, ему трудно было работать с таким партнером, как Гитлер. На первых порах своей деятельности он сразу попал в зависимое положение от фюрера. Это чувство зависимости влияло на его поведение и сковывало его энергию.

С уходом Браухича главное командование сухопутных войск фактически прекратило свое существование. Принадлежать к командованию – значит, как показывает само название, иметь командную власть. После 19 декабря 1941 г. командная власть полностью перешла в руки Гитлера. Практически это означало, что генеральный штаб старой прусско-германской закалки прекратил свое существование...

Шпеер находил в себе мужество открыто высказывать Гитлеру свое мнение. Он своевременно сказал ему, приводя обоснованные доводы, что войну не выиграть и что ее следует прекратить, чем навлек на себя гнев Гитлера»⁴⁸³.

С этим высказыванием Гудериана перекликается и признание генерала Блюментритта: «Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт – Московская битва, нанесла первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и военном отношениях. На Западе, то есть в нашем тылу, больше не могло быть и речи о столь необходимом нам мире с Англией. Что же касается Северной Африки, то и здесь нас постигла неудача. В районе Средиземного моря сложилась напряженная обстановка. Немецкие войска

---

⁴⁸³ Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999. (Электронная версия).

находились в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Греции и на Балканах. Даже мельком взглянув на карту мира, нетрудно было понять, что маленький район в Центральной Европе, занимаемый Германией, явно не мог выставить силы, способные захватить и удерживать весь европейский континент. Из-за политики Гитлера немецкий народ и его вооруженные силы шаг за шагом все дальше заходили в тупик»⁴⁸⁴. Однако, несмотря на первое в своей истории столь крупное поражение во второй мировой войне, силы Германии были отнюдь не исчерпаны, и Гитлер отнюдь не отказался от своих планов сокрушения России как основного противника. Все трудности для Красной Армии и советского народа стояли еще впереди. Реальное положение дел и трезвый анализ обстановки не давал оснований для иллюзий советскому руководству. Однако здесь Сталин как Верховный Главнокомандующий и лидер страны допустил серьезную ошибку: он посчитал, что разгром немцев под Москвой чуть ли не окончательно передает стратегическую инициативу в руки нашей армии и что необходимо воспользоваться определенной растерянностью в рядах руководства Германии, чтобы не только закрепить стратегический успех, но нанести немцам еще более решительные поражения, причем не только на каком-то отдельном участке, а на ряде таких участков, хотя обстановка диктовала необходимость для закрепления успехов зимнего наступления перейти к обороне.

Силы Советского Союза к тому времени были достаточно внушительны. К маю 1942 г. в составе советских действующих фронтов и флотов насчитывалось 5,5 млн. человек, 43 642 орудия и миномёта, 1223 установки реактивной артиллерии, 4065 танков и 3164 боевых самолёта. Фашистская Германия и её союзники имели на советско-германском фронте 6,2 млн. чел., около 3230 танков и штурмовых орудий, почти 3400 боевых самолётов и до 43 тыс. орудий и миномётов.

Здесь полагаю уместным остановиться на одном достаточно дискуссионном вопросе, который до сих пор не нашел своего исчерпывающего объяснения и трактовки с точки зрения его достоверности и соответствия реальному положению дел в начале 1942 года. Имеется в виду версия о попытке Сталина вести переговоры с немцами о заключении **сепаратного мира**. Если я не ошибаюсь, то впервые в таком детальном виде она изложена в книге В. Карпова. Позволю себе достаточно подробно процитировать основные моменты, касающиеся версии о предложении Сталина Гитлеру заключить сепаратный мир, преследуя, как считает В. Карпов, никому не известные, далеко ведущие стратегические расчеты. По словам В. Карпова, Сталин видел – немцы уже под Москвой, потери Красной Армии огромны, резервов нет, формирование новых частей возможно только

---

⁴⁸⁴ З. Вестфал, В. Крайне, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. М. 1958. (Электронный вариант).

из новых призывников, но нет для них вооружения: оборонные заводы частично остались на оккупированных территориях, а большинство пребывает в стадии эвакуации; танки, самолеты, орудия, стрелковое вооружение выпускается в незначительном количестве предприятиями, которые раньше находились в глубине страны, а их очень немного. Для восстановления и организации производства эвакуированных заводов на новых местах в Сибири и Средней Азии необходимо время. Передышка нужна была во что бы то ни стало. Сталин приказал разведке найти выходы на гитлеровское командование и от него, Сталина, имени внести предложение о перемирии и даже больше (далеко идущие планы) – о коренном повороте в войне⁴⁸⁵.

«Сталин лично написал „Предложения германскому командованию“. Они отпечатаны в двух экземплярах, один остался у Сталина, другой предназначался тому, кто будет вести переговоры. Этот документ, по-видимому, не предполагалось вручать немцам, он представляет собой конспект, перечень вопросов, которым должен был руководствоваться советский представитель.

„ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОМУ КОМАНДОВАНИЮ

1). С 5 мая 1942 года начиная с 6 часов по всей линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 года до 18 часов.

2). Начиная с 1 августа 1942 года и до 22 декабря 1942 года германские войска должны отойти на рубежи, обозначенные на схеме № 1. Предлагается установить границу между Германией и СССР по протяженности, обозначенной на схеме № 1.

3). После передислокации армий вооруженные силы СССР к концу 1943 г. готовы будут начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США.

4). СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943 – 1944 годов вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства (схема № 2).

Примечание: В случае отказа выполнить вышеизложенные требования в п.п. 1 и 2, германские войска будут разгромлены, а германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое.

Предупредить германское командование об ответственности.

Верховный Главнокомандующий Союза ССР И. СТАЛИН

Москва; Кремль, 19 февраля 1942 г.“

То, что „Предложения“ составлены Сталиным, подтверждает его

---

⁴⁸⁵ Владимир Карпов. Генералиссимус. Книга вторая. М. 2002. С. 10.

подпись, а на то, что это только конспект, указывают короткие „сталинские“ фразы, напечатанные не на государственном или партийном бланке, а на простом листе бумаги без указания неизменных в официальных обращениях сведений о исполнителе и расчете рассылки копий»⁴⁸⁶.

В. Карпов приводит текст рапорта Сталину первого заместителя наркома внутренних дел Меркулова, который гласит:

«В ходе переговоров в Мценске 20 – 27 февраля 1942 года с представителем германского командования и начальником персонального штаба рейхсфюрера СС группенфюрером СС Вольфом, германское командование не сочло возможным удовлетворить наши требования. Нашей стороне было предложено оставить границы до конца 1942 года по линии фронта как есть, прекратив боевые действия.

Правительство СССР должно незамедлительно покончить с еврейством. Для этого полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район дальнего севера, изолировать, а затем полностью уничтожить. При этом власти будут осуществлять охрану внешнего периметра и жесткий комендантский режим на территории группы лагерей. Вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи. Германское командование не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США. После консультаций с Берлином Вольф заявил, что при переустройстве мира, если руководство СССР примет требования германской стороны, возможно, Германия потеснит свои границы на востоке в пользу СССР. Германское командование в знак таких перемен готово будет поменять цвет свастики на государственном знамени с черного на красный. При обсуждении позиций по схеме № 2 возникли следующие расхождения:

- 1). Латинская Америка. Должна принадлежать Германии.
- 2). Сложное отношение к пониманию „китайской цивилизации“. По мнению германского командования, Китай должен стать оккупированной территорией и протекторатом Японской империи.
- 3). Арабский мир должен быть германским протекторатом на севере Африки.

Таким образом, в результате переговоров следует отметить полное расхождение взглядов и позиций. Представитель германского командования Вольф категорически отрицает возможность разгрома германских вооруженных сил и поражения в войне. По его мнению, война с Россией затянется еще на несколько лет и окончится полной победой Германии. Основной расчет делается на то, что, по их мнению, Россия, утратив силы и ресурсы в войне, вынуждена будет вернуться к переговорам о перемирии, но на более жестких условиях, спустя 2 – 3 года. Первый заместитель народного

---

⁴⁸⁶ Владимир Карпов. Генералиссимус. Книга вторая. С. 11 – 12.

комиссара Внутренних дел СССР (МЕРКУЛОВ)»⁴⁸⁷.

Вывод, который делает В. Карпов, сводится к следующему: «Мне кажется, уступки и сама идея Сталина о развороте боевых действий на 180 градусов для ведения совместных боевых действий против Англии и США являются ничем иным, как тактическим ходом с целью выиграть время. Обещания провести перегруппировку армий и „после заключения мира между нашими странами“ начать совместные боевые действия в 1943 – 1944 году – это, как говорит русская поговорка, „улита едет, когда-то будет“. Главное, спасти страну сейчас от нашествия. За два года много воды утечет, можно будет и с союзниками объясниться, и боевых действий против них не начать. Главное сейчас – отдышаться и подготовить Вооруженные Силы и промышленность к более успешному отражению гитлеровской агрессии, если немцы отважатся ее продолжать. В общем, хитрил Сталин, и ложь эта была во спасение. В политике подобные маневры обычное дело...

В этой ситуации Сталин явно блефовал. Но блеф в политике – это не то же, что блеф в карточной игре или в каком-либо криминальном деле. Блеф в политике – это редкое искусство»⁴⁸⁸.

Не стану подробно комментировать все вышеизложенное Карповым. Отмечу лишь самое главное. Во-первых, вызывает самые серьезные сомнения сам факт ведения таких переговоров. Достаточно только вспомнить, что наша армия только что нанесла немцам сокрушительное поражение под Москвой, и вдруг советский лидер выступает с инициативой заключения сепаратного мира с Гитлером. Выглядит это, по меньшей мере, более чем странно. Во-вторых, Сталин после внезапного и наглого нападения Гитлера на Советский Союз уже не мог питать каких-либо иллюзий относительно возможности любой договоренности с Германией. Урок, как говорится, пошел впрок, и повторять рискованные шаги не было в его натуре, не говоря уже о его политической философии, отличавшейся, кроме всего прочего, глубоким реализмом. В-третьих, даже если допустить гипотетическую возможность таких переговоров, Сталин не мог в целях оказания давления на союзников, чтобы они не уклонялись от открытия второго фронта, пойти на столь рискованный шаг. Конечно, политика допускает использование блефа как инструмента достижения определенных целей. Однако возможные потери и издержки в случае, если бы этот факт стал известен союзникам, в корне подорвали бы складывавшуюся коалицию. А это был бы не просто просчет, а неисправимая, почти катастрофическая линия поведения, последствия которой даже трудно себе представить во всей полноте. Конечно, вождь часто шел на рискованные шаги, но он не предпринимал недопустимых

---

⁴⁸⁷ Владимир Карпов. Генералиссимус. Книга вторая. С. 13 – 14.

⁴⁸⁸ Владимир Карпов. Генералиссимус. Книга вторая. С. 15.

опрометчивых действий – это просто было органически чуждо ему, что подтверждает вся его политическая биография с тех пор, как он стал верховным руководителем страны. Еще более странным выглядят конкретные предложения немцам, которые якобы выдвинул Сталин. Шла война, в которой все было поставлено на карту, и в этих условиях носиться с какими-то грандиозными планами общего мирового переустройства в союзе с гитлеровской Германией – разве это не бред сумасшедшего? А таковым Сталин не был. Наконец, странно еще одно обстоятельство. В огромном томе, посвященном проблеме Сталин и Лубянка, где помещены даже порой малозначительные документы и материалы (способные скомпрометировать Сталина), нет даже намека на существование столь важного документа. И это не случайно – все говорит за то, что подобного документа, как и самих переговоров вообще не было. Остается загадкой, каким образом В. Карпову удалось обнаружить столь впечатляющую фальшивку. А что это фальшивка – лично у меня нет никаких сомнений. Странно, например, что предложение подписано Сталиным – Верховный Главнокомандующий Союза ССР. Таких ляпов вождь не делал, тем более в документах.

Понятно, что те, кто решительно отвергает обвинения Сталина в проведении целенаправленной политики государственного антисемитизма, используют данный «документ» в интересах опровержения такого рода обвинений в адрес Сталина. Мол, он не пошел на принятие гитлеровских планов уничтожения еврейского населения. Так, А. Шогенов в рецензии на книгу трех авторов из Майкопа – не историков, а биологов-аграрников Кубани – под названием «Вождь» писал: «В „Вожде“ приводится малоизвестный факт о том, что в феврале 1942 г., когда обстановка на фронтах была тяжелейшая – гитлеровские войска стояли под Москвой и Ленинградом, – Сталин предложил Гитлеру прекратить боевые действия и заключить перемирие. Но немцы выставили условия: а) установить новую границу между СССР и Германией по фактически завоёванному к 1942 г. пространству; б) „покончить с еврейством“, отселив всех советских евреев в район Крайнего Севера, а затем полностью уничтожив их и др. Сталин на такие условия не пошёл и вопрос о перемирии со стороны СССР больше не поднимался»⁴⁸⁹.

Однако, на мой взгляд, Сталин едва ли нуждается в подобного рода «защите». В дальнейшем я специально остановлюсь на проблеме Сталин и антисемитизм. Здесь же ограничусь лишь замечанием о том, что такого рода «аргументы» в защиту Сталина выглядят более чем сомнительными и никого ни в чем не убеждают. Они лишь способны вызвать разного рода кривотолки.

Примерно в то же самое время, когда готовился этот так называемый зондаж, Сталин – и это надо особо подчеркнуть – сформулировал

---

⁴⁸⁹ «Советская Россия». 6 февраля 2007 г.

принципиальный подход к целям, преследуемым Советской Россией в этой войне. «...Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»⁴⁹⁰.

Суммируя, можно констатировать, что так называемая попытка Сталина пойти весной 1942 года на сепаратный мир с Гитлером – не более чем сомнительная версия, противоречащая не только фактам, но и реальному положению в тот период. Неизвестно лишь, кто и каким образом сфабриковал эту версию и «начинил» ее якобы документальным материалом. Завершая этот пассаж, отмечу, что к вопросу о сепаратном мире придется еще вернуться в связи с другими обстоятельствами, имеющими под собой какую-то реальную базу. Но речь пойдет не о сделке с Гитлером, а о попытках самого Гитлера найти выход из положения посредством сепаратной сделки.

Но возвратимся к непосредственной теме нашего изложения.

Планируя летнюю кампанию 1942 года, советское Верховное Главнокомандование, вынуждено было внести необходимые коррективы в первоначальные планы Сталина. Оно стало ориентироваться в целом на оборонительные действия. Вместе с тем, рассчитывая на скорое открытие союзниками второго фронта в Европе, запланировало ряд наступательных операций под Ленинградом, в р-не Демянска, на смоленском, орловском, харьковском направлениях и в Крыму. Известная переоценка возможностей наших вооруженных сил, ошибка в определении направления главного удара врага на лето 1942 года (считалось, что это будет район Москвы) и связанное с этим распределение сил и средств по стратегическим направлениям, а также отсутствие второго фронта, во многом обусловили неудачный для советских войск ход и исход этой кампании.

Вот что писал один из наиболее авторитетных в данных вопросах советских военных Василевский: «...По завершении зимней кампании 1941/42 года, когда наши вооруженные силы по своему численному составу, и особенно технической оснащенности, все еще значительно уступали противнику, а готовых резервов и материальных ресурсов у нас в то время не было, в Генеральном штабе сложилось твердое мнение, что основной ближайшей задачей войск наших фронтов на весну и начало лета 1942 года должна быть временная стратегическая оборона.

...Верховный Главнокомандующий согласился с выводами и предложениями Начальника Генштаба, но приказал одновременно с переходом к стратегической обороне предусмотреть проведение на ряде направлений частных наступательных операций – на одних с целью улучшения оперативного положения, на других – для упреждения противника

---

⁴⁹⁰ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 21.

в развертывании наступательных операций. В результате этих указаний было намечено провести частные наступательные операции под Ленинградом, в районе Демянска, на смоленском, льговско-курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму.

...События, развернувшиеся летом 1942 года, воочию показали, что только переход к временной стратегической обороне по всему советско-германскому фронту, отказ от проведения наступательных операций, таких, например, как Харьковская, избавили бы страну и ее вооруженные силы от серьезных поражений, позволили бы нам значительно раньше перейти к активным наступательным действиям и вновь захватить инициативу в свои руки.

Допущенные Ставкой и Генеральным штабом просчеты при планировании боевых действий на лето 1942 года были учтены в дальнейшем, особенно летом 1943 года, когда принималось решение о характере боевых действий на Курской дуге»⁴⁹¹.

Близкую к этой, хотя и более критическую в отношении лично Сталина, оценку дают и современные советские военные историки. Они подчеркивают, что летне-осенняя кампания 1942 г. также носила в целом оборонительный характер. Попытки советского командования предпринять наступательные операции на отдельных направлениях заканчивались провалом. И здесь крупнейшей ошибкой была неправильная оценка обстановки. Несмотря на данные разведки, предупреждавшей о подготовке немцами наступления на юго-западе, Ставка полагала, что противник свой главный удар нанесет на западном направлении, и сосредоточивала там основные силы. Чреватым оказалось решение Верховного Главнокомандования одновременно и обороняться, и наступать. Вновь была допущена переоценка своих сил и недооценка сил вермахта. Сталин санкционировал проведение наступательных операций Красной Армии фактически на всем советско-германском фронте, что привело к распылению сил. Особенно губительные последствия имел провал наступления под Харьковом, резко ослабивший группировку Красной Армии на юго-западном направлении, как раз там, где противник готовил летнее наступление⁴⁹².

Не отрицая вины Сталина за неудачи 1942 года, в первую очередь за не вполне адекватную оценку общего стратегического положения и переоценку наших наступательных возможностей, вместе с тем надо констатировать следующее.

Советские военные историки провели большую исследовательскую работу, в том числе и с привлечением богатых архивных материалов с целью

---

⁴⁹¹ «Военно-исторический журнал». 1965 г. № 8. С. 3 – 5.

⁴⁹² Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 465.

объективного анализа коренных причин неудач нашей армии в первые полтора года войны. В числе этих причин отмечались следующие главные причины: и некомпетентность руководящих органов армии и флота, и слабая подготовка командного состава, и недостаточное владение имевшейся на вооружении военной техникой, и низкое боевое мастерство наспех обученных резервов. Все это, вместе взятое, в условиях непрерывного сильнейшего натиска врага приводило к плачевным результатам. Воевать мы еще не умели. Выход искали в чрезвычайных мерах: меняли командные кадры, усиливали репрессии, пытались поднять боевой дух массированной пропагандой.

Вполне обоснованно отмечалось также то обстоятельство, что войскам зачастую ставились непосильные задачи. Ни на одном стратегическом направлении не было необходимого превосходства в силах. Отсюда незавершенность ударов по противнику. Недостаток сил, усугублявшийся плохо организованным взаимодействием, слабое и часто непрофессиональное управление не обеспечивали прорыва тактической зоны обороны противника, а если это удавалось, не оставалось сил для развития успеха в оперативной глубине. Распыление сил приводило к отсутствию сильных резервов, особенно танковых.

В условиях, когда фашистские войска обладали к тому времени не только мощными силами, но и накопили большой опыт ведения масштабных операций, особенно по окружению противостоящих им сил, некомпетентность руководства, дилетантские волевые решения имели губительные последствия.

Чтобы компенсировать потери, понесенные в ходе Крымской операции и особенно Харьковской, требовались все новые резервы. Наспех сформированные, плохо обученные соединения сразу же шли на фронт. Дивизии на фронтах сражались до полного истощения, взамен вводились вновь сформированные дивизии, часто не укомплектованные полностью личным составом и вооружением. Отсутствовала преемственность, части учились на собственных ошибках.

Но при всех неудачах Красной Армии летом 1942 г. активные и маневренные оборонительные действия все же подготовили условия для срыва генерального наступления вермахта⁴⁹³.

В наших поражениях в период оборонительно-наступательных действий этого периода войны во многом повинны и советские военачальники, командовавшие фронтами и армиями. В частности, Тимошенко, а также Хрущев и Баграмян, непосредственно отвечавшие за проведение операции в районе Харькова. В своем докладе Хрущев изображает дело так, будто Военный совет фронта занимал правильную позицию, а вот указания и

---

⁴⁹³ См. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 466 – 468.

распоряжения Сталина шли вразрез с реальной обстановкой, и только в них он усматривает причину катастрофы под Харьковом. Вот это место из его доклада:

«Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баграмян, который в свое время был начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас.

Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями.

Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск.

Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил наше предложение и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения.

Я звоню Василевскому и умоляю его:

– Возьмите, – говорю, – карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка. – А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот я и говорю т. Василевскому: – Покажите на карте обстановку, ведь нельзя при этих условиях продолжать намеченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на это ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как тот не хочет слушать никаких его доводов по этой операции.

После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю тов. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с тов. Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заявляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте. Но Сталин не счел нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

„Выслушав“ таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

– Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в

результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный „гений“ Сталина, вот чего он нам стоил.

Однажды после войны при встрече Сталина с членами Политбюро Анастас Иванович Микоян как-то сказал, что вот, мол, Хрущев тогда был прав, когда звонил по поводу Харьковской операции, что напрасно его тогда не поддержали.

Надо было видеть, как рассердился Сталин. Как это так признать, что он, Сталин, был тогда не прав! Ведь он „гений“, а гений не может быть неправым. Все, кто угодно, могут ошибаться, а Сталин считал, что он никогда не ошибается, что он всегда прав. И он никому и никогда не признавался ни в одной большой или малой своей ошибке, хотя он совершал немало ошибок и в теоретических вопросах, и в своей практической деятельности. После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение.

Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того, как удалось остановить противника и перейти в наступление»⁴⁹⁴.

Конечно, нет оснований считать, что Сталин был прав в отношении операции в районе Харькова. Так считает большинство современных исследователей истории Великой Отечественной войны. Однако более детальное ознакомление с фактами рисует отнюдь не такую упрощенную картину, какую дает Хрущев. Достаточно сослаться на высказывания и оценки многих советских военачальников, которые, критикуя Верховного, все-таки не «валят» все грехи на него одного. Некоторым из них вполне хватает совести и правдивости, чтобы усматривать не только ошибки и просчеты Сталина, но и признавать свои собственные ошибки. И, как мне представляется, неудачи и поражения советских войск в тот тяжелый период войны были обусловлены не столько теми или иными стратегическими промахами советского военного руководства во главе со Сталиным, но тем, что в целом мы тогда по многим параметрам уступали немцам и, надо чистосердечно признать, к тому времени еще не научились воевать так, как стали воевать впоследствии, накопив необходимый опыт, овладев искусством правильного ведения крупных стратегических операций.

Именно об этом свидетельствует ответ Верховного руководству Юго-Западного фронта в период операции в районе Харькова. Сталин не производил разноса, чего, безусловно, заслуживали Тимошенко, Хрущев и Баграмян, а давал дельные указания, призывая руководство фронта учиться грамотно воевать:

«27 мая 1942 года

За последние четыре дня Ставка получает от вас все новые и новые

---

⁴⁹⁴ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002. С. 89 – 91.

заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт – значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого по всей стране.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь»⁴⁹⁵.

Легко, конечно, все неудачи возлагать на одного Сталина. Однако сама логика истории войны отвергает такой подход по целому ряду причин, прежде всего из-за его упрощенности, однобокости и явной тенденциозности. Нельзя забывать о том, что мы воевали с самым сильным тогда противником, накопившим колоссальный военный опыт и оснащенным достаточно высокого качества вооружениями.

Что же касается общего вывода Хрущева относительно роли Верховного как военного деятеля, то этот вывод еще менее основателен и продиктован отнюдь не стремлением воссоздать подлинную историю войны и отдельных военных операций. Здесь Хрущевым руководили совсем иные соображения, нежели интересы истины.

Для характеристики Сталина как верховного руководителя страны и армии стоит привести его телеграмму члену военного совета Крымского фронта, который терпел в это время серьезное поражение, а проще говоря, – настоящую катастрофу. В телеграмме говорилось:

«9 мая 1942 года

Крымский фронт, т. Мехлису:

Вашу шифровку № 254 получил. Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если „вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать“, а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже

---

⁴⁹⁵ И. Сталин . Соч. Т. 18. С. 292.

для Вас. Значит, Вы все еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у Вас в Крыму не сложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронт и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя 2 месяца на Крымфронте.

Сталин. ЦК ВКП(б)

9.У.42 г.»⁴⁹⁶

Едва ли есть необходимость подробно комментировать данную телеграмму. Она как раз показывает, что Сталин самым внимательным образом следил за развитием военно-стратегической ситуации и отнюдь не сковывал инициативу командования. Напротив, он как раз и ставит в вину командованию фронта то, что оно не контролировало положение и своевременно не приняло необходимых мер, чтобы избежать катастрофы.

Немецко-фашистское командование ставило главной задачей разгромить советские войска и закончить в 1942 году войну. Достижение этой стратегической цели намечалось осуществить последовательными операциями: сначала овладеть Керченским полуостровом, Севастополем и нанести частные удары на других участках фронта; на Севере – добиться падения Ленинграда; в дальнейшем намечалось нанести главный удар на Юге, уничтожить советские войска западнее р. Дона, овладеть нефтяными районами Кавказа и перевалами через Кавказский хребет, а захватом Сталинграда перерезать советские коммуникации на Волге. Успешное проведение этих операций должно было создать условия для последующего удара на Москву. К тому же, Гитлер и его камарилья не без некоторых резонов рассчитывали, что победоносное завершение кампании позволит втянуть в войну против СССР Турцию и Японию. А такая перспектива в случае реализации военных замыслов германского военного командования была не исключена. По крайней мере, с ее вероятностью необходимо было считаться.

8 мая 1942 г. немецкая армия перешла в наступление на Керченском полуострове и нанесла серьёзное поражение советским войскам. После упорных боёв 15 – 20 мая противник занял Керчь, захватив боевую технику советских войск, эвакуировавшихся с большими потерями на Таманский полуостров. 12 мая 1942 г. на харьковском направлении (об обстоятельствах харьковской операции шла речь выше) перешли в наступление войска сов. Юго-Западного фронта (командующий Маршал Советского Союза С.К.

---

⁴⁹⁶ И. Сталин . Соч. Т. 18. С. 291.

Тимошенко). Это наступление было встречено контрнаступлением противника, который нанёс удары из районов Краматорска и севернее Харькова. Операция в районе Харькова закончилась для советских войск тяжёлым поражением. 20 мая немецкая армия приступила к подготовке штурма Севастополя. Советские войска вели ожесточённую борьбу за Севастополь до начала июля 1942 года, когда немецким войскам удалось овладеть городом. Упорная оборона Севастополя приковала значительные силы врага и заставила его перенести сроки начала своего летнего наступления на юге.

Неудачный для советских войск исход операций в районе Харькова и на Керченском полуострове крайне осложнил обстановку на южном крыле фронта. Стратегическая инициатива снова перешла в руки врага. Немецкое командование сосредоточило на юго-западном направлении ударную группировку (в составе 69 пехотных, 10 танковых и 8 моторизованных дивизий) и 28 – 30 июня 1942 г. начало наступление на Воронеж и в Донбассе. Под ударами превосходящих сил противника войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов к 25 июля отступили на 150 – 400 км, оставили восточные районы Донбасса и правый берег Дона. Противник в середине июля вышел в большую излучину Дона, создав угрозу прорыва к Волге и на Кавказ. Вновь сложилась чрезвычайно тяжёлая обстановка. Начались ожесточённые оборонительные сражения на сталинградском и кавказском направлениях.

Сталин как высший политический, государственный и военный руководитель счел абсолютно необходимым предпринять самые решительные действия для того, чтобы покончить с настроениями благодушия и положить конец отступлениям, которые грозили перерасти в катастрофу. Особое внимание он обратил на необходимость повышения дисциплины, стойкости войск в бою. Большую роль в радикальном переломе событий сыграл приказ Сталина как наркома обороны за № 227 от 28 июля 1942 г., вошедший в историю под девизом «Ни шагу назад!».

Это был, пожалуй, самый суровый и самый своевременный приказ Сталина за все годы войны. Он отличался предельной правдивостью в описании сложившегося положения, вскрывал причины наших неудач и четко обозначал перспективу, открывавшуюся перед страной и ее населением, если самым решительным образом не будет коренного перелома в подготовке и ведении военных действий, если все – начиная от рядового бойца до высшего командного состава – не сделают немедленно надлежащих выводов из сложившегося положения. Сталин подчеркивал: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том,

что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского Союза – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги»⁴⁹⁷.

Верховный далее подчеркивал самое главное – **Ни шагу назад!**

«Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности. Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас – это значит обеспечить за нами победу».

Сталин четко и, как кажется некоторым даже сейчас, слишком жестко ставил вопрос о пресечении случаев паникерства, трусости, предательства, продиктованного любыми мотивами. Он указывал, что отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины. Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага. Нарком обороны (почему-то именно в этом качестве был подписан приказ) перечислил ряд конкретных мер (создание штрафных рот и батальонов), заградительных отрядов (они существовали уже и раньше), призванных содействовать осуществлению данного приказа⁴⁹⁸. В частности, главный акцент был сделан на то, чтобы,

---

⁴⁹⁷ Полный текст приказа впервые был опубликован в «Военно-историческом журнале». 1988 г. № 8.

⁴⁹⁸ Российские историки Б.Г. Соловьев, В.В. Суходеев в связи с вопросом о заградотрядах с полным основанием указывали в своей книге о Сталине: «До последнего времени много спекуляций о штрафных батальонах. С одной стороны, пытаются убедить, что в них гибло

безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда. Предусматривались и конкретные меры наказания и воздействия для реализации данного приказа, начиная с руководства фронтов и кончая командирами дивизий.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах – такова была концовка этого документа, который, по мнению многих участников войны, сыграл колоссальную роль в деле стабилизации положения на фронтах, в деле коренного перелома в ведении как наступательных, так и оборонительных действий нашей армии.

Так, Маршал Василевский писал: «Приказ наркома № 227 как раз и выразил тревогу народа, веление Родины – „Ни шагу назад!“ Этот приказ занял видное место в истории Великой Отечественной войны. В нем в сжатой, понятной каждому воину форме излагались задачи борьбы с врагом... Суровость мер за отход с позиций без приказа, предусмотренные приказом № 227, не противоречила факту высокого морально-патриотического подъема в войсках. Она была направлена против конкретных случаев нарушения воинской дисциплины, невыполнения боевой задачи, приказ этот вместе с другими мерами партии, Ставки ВТК, командования фронтов повысил личную ответственность каждого воина за ход и исход каждого боя, каждого сражения. Он не унизил чести советского патриота – „защитника Родины“»⁴⁹⁹.

Единственный вопрос, возникающий в связи с этим приказом: почему Сталин выжидал столько времени, прежде чем отдать его? Неужели нужно было докатиться до Волги и предгорий Кавказа, чтобы наконец осознать очевидную истину, что дальнейшее отступление равносильно поражению? По меньшей мере, оно чревато было им. Здесь, видимо, сыграла свою отрицательную роль иллюзорная надежда Верховного, что положение так или иначе стабилизируется и силы немцев для дальнейшего наступления иссякнут. Выделять этот приказ из разряда других сталинских приказов как самый беспощадный и суровый, как явно репрессивный, нет никаких оснований. И до этого Верховный отдавал весьма суровые приказы: он, как известно, не страдал сентиментальностью и твердости у него хватало на все. Однако именно этот приказ – крайне суровый и жесткий – был воспринят в

много людей, поскольку их посылали на самые опасные участки фронта. С другой, что благодаря им и была выиграна война. Но ни отдельными видами войск, ни тем более штрафбатами войны не выигрываются. Войну Отечественную вел и выиграл народ, собравший все свои силы и всю свою волю, вооруживший свою армию всем необходимым для победы над фашистским агрессором». *Б.Г. Соловьев, В.В. Суходеев*. Полководец Сталин. С. 220.

⁴⁹⁹ «Военно-исторический журнал». 1987 г. № 2. С. 69.

войсках не просто как очередной приказ наркома обороны, а как своего рода призыв и приказ Родины. В этом и заключался его, помимо всего прочего, морально-политический и психологический смысл.

3. Сталинградская битва

Нет сомнений в том, что данный приказ Сталина сыграл свою роль во время Сталинградской битвы, а также всех других военных операций советской армии. Ставка Верховного Главнокомандования наметила осуществить зимой 1942 – 1943 гг. ряд наступательных операций на фронте от Ладожского озера до предгорий Главного Кавказского хребта и добиться коренного перелома в ходе войны в пользу Советского Союза. Первостепенное значение придавалось контрнаступлению под Сталинградом, успех которого должен был оказать решающее влияние на стратегическую обстановку на всех фронтах.

Ко второй половине ноября 1942 года обстановка на всём фронте оставалась крайне напряжённой. СССР и его Вооружённые Силы продолжали вести борьбу один на один с гитлеровской коалицией. Правительства США и Великобритании не выполнили своих обязательств и не открыли второго фронта в Западной Европе. Советский тыл уверенно набирал силу. К концу 1942 – началу 1943 гг. советский народ добился значительного улучшения в работе промышленности и сельского хозяйства. Производство военной продукции по сравнению с 1940 г. увеличилось на Урале в 5, в Поволжье в 9, в Западной Сибири в 27 раз. В 1942 г. было выпущено свыше 25 тыс. самолётов, свыше 24 тыс. танков, около 57 тыс. орудий, свыше 125 тыс. 82-мм и 120-мм миномётов. К началу ноября 1942 г. в действующей армии и флоте имелось свыше 6,1 млн. чел., 72,5 тыс. орудий и миномётов, 1724 установки реактивной артиллерии, 6014 танков (в т.ч. 2745 тяжёлых и средних), 3088 боевых самолётов, 233 боевых корабля.

Фашистская Германия и её сателлиты имели к ноябрю 1942 года на советско-германском фронте самое большое за все годы войны количество сил и средств – свыше 6,2 млн. чел., около 71 тыс. орудий и миномётов, 6600 танков и штурмовых орудий, 3500 боевых самолётов, 194 боевых корабля⁵⁰⁰.

В зимнюю кампанию 1942 – 1943 гг. ВГК поставило задачу: в течение зимы разгромить южное крыло немецко-фашистского фронта от Воронежа до Чёрного моря. Одновременно намечалось провести ряд операций для улучшения стратегического положения Москвы и Ленинграда. Вначале предстояло разгромить основную группировку врага под Сталинградом и создать условия для развития последующего наступления на харьковском, донбасском и северо-кавказском направлениях.

---

⁵⁰⁰ См. БСЭ. Третье издание. Т. 4. С. 393.

К началу контрнаступления под Сталинградом войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов имели св. 1 млн. чел., 894 танка, 13,5 тыс. орудий и миномётов, 1414 боевых самолётов. Им противостояла группировка врага, в которой насчитывалось свыше 1 млн. чел., 675 танков и штурмовых орудий, 10,3 тыс. орудий и миномётов, 1216 боевых самолётов. Советские войска лишь за счёт искусного манёвра силами и средствами добились превосходства на направлениях главных ударов.

Прежде чем в самых общих чертах обрисовать ход Сталинградской битвы, остановлюсь на основных положениях доклада Сталина, с которым он выступил 6 ноября 1942 г. по поводу очередной годовщины Октябрьской революции. Прежде всего вождь сконцентрировался на работе в тылу, подчеркнув, что наша страна никогда еще не имела такого крепкого и организованного тыла. В результате сложной организаторской и строительной работы преобразилась не только наша страна, но и сами люди в тылу. Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед ее защитниками на фронте – перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишенных чувства гражданского долга, становится в тылу все меньше и меньше. Организованных и дисциплинированных людей, исполненных чувства гражданского долга, становится все больше и больше⁵⁰¹.

Далее Верховный охарактеризовал ход и итоги военных действий на фронтах, отметив, что Красная Армия и ее боевые кадры выросли в серьезную силу, способную не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою и погнать их назад. Они показали, что немецко-фашистские войска при всей их стойкости имеют такие серьезные органические недостатки, которые при некоторых благоприятных условиях для Красной Армии могут привести к поражению немецких войск. Нельзя считать случайностью тот факт, что немецкие войска, прошедшие триумфальным маршем всю Европу и сразившие одним ударом французские войска, считавшиеся первоклассными войсками, встретили действительный военный отпор только в нашей стране, и не только отпор, но оказались вынужденными под ударами Красной Армии отступить от занятых позиций более чем на 400 километров, бросая по пути отступления колоссальное количество орудий, машин, боеприпасов. Одними зимними условиями войны никак нельзя объяснить этот факт.

Сталин заявил, что главная цель летнего наступления немцев состояла в обходе Москвы с востока и в ударе по Москве, тогда как продвижение на юг имело своей целью, помимо всего прочего, отвлечение наших резервов подальше от Москвы и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче

---

⁵⁰¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 62 – 63.

было провести удар по Москве. Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году – таков был вывод Сталина из анализа проведения военных операций гитлеровскими войсками в 1942 году.

Весьма значительную часть доклада Сталин посвятил проблеме второго фронта и укрепления антигитлеровской коалиции. Я не буду здесь затрагивать данную проблематику, поскольку ей будет посвящена специальная глава, в которой найдут отражение и принципиальные взгляды Сталина на вопросы второго фронта и антигитлеровской коалиции. В заключение доклада Верховный Главнокомандующий сформулировал три цели нашей страны в войне: «Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей... Наша вторая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей... Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный „новый порядок в Европе“ и покарать его строителей»⁵⁰².

В целом весь доклад был выдержан в реалистическом ключе и отличался от доклада в 1941 году отсутствием явно завышенных данных и преувеличением наших успехов. На этот раз Сталин целиком и полностью стоял на почве реализма и трезво оценивал как наши возможности, так и еще весьма и весьма внушительные силы и потенциал ведения войны гитлеровской Германией. Такой правдивый доклад, конечно, был нужен народу и армии, которые после прежнего сталинского доклада оставались в недоумении и начали выражать сомнения в оценках вождя. Эта корректива, сделанная Сталиным, безусловно, являлась весьма необходимой. И она поднимала его престиж в глазах армии и народа.

Но вернемся к нити нашего изложения – краткому обзору Сталинградской битвы, все этапы которой находились под непрерывным контролем и руководством Сталина как Верховного Главнокомандующего. 3 сентября 1942 г. он послал Жукову следующую телеграмму: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и придти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало»⁵⁰³.

---

⁵⁰² *И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 75.*

⁵⁰³ Цит. по книге *В. Жухрай. Сталин: правда и ложь. М. 1996. С. 143.*

Но с каждым днем ситуация становилась все более угрожающей. 5 октября 1942 года Сталин отдал приказ командующему Сталинградским фронтом: «Требую, чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику»⁵⁰⁴. Началась величайшая в истории войн битва за Сталинград.

Сталинградская наступательная операция Советской Армии длилась с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. По характеру оперативно-стратегических задач ее можно условно разделить на 3 этапа: прорыв обороны, разгром фланговых группировок немецких войск и окружение 6-й и части сил 4-й танковой немецких армий; срыв попыток немцев деблокировать попавшие в кольцо войска и развитие контрнаступления на внешнем фронте окружения; завершение разгрома окруженных фашистских соединений.

Наступление Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов началось 19 ноября 1942 г. В течение 21 ноября войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, нанося противнику огромный урон, выходя в глубокий тыл основной его группировки и дезорганизуя управление немецких войск, продолжали выполнять боевое задание. 23 ноября в результате искусно выполненных ударов по сходящимся направлениям в сторону Калача Юго-Западный и Сталинградский фронты при активной помощи правого крыла Донского фронта замкнули кольцо окружения вокруг главной группировки немцев, действовавшей в районе Сталинграда.

Это было первое крупное окружение, в котором оказались немецкие войска с начала войны. Во второй половине дня военные действия на всех трех фронтах, осуществлявших операцию, несмотря на отчаянное, постепенно возрастающее сопротивление ошеломленного внезапно врага, продолжали развиваться успешно. Наступавшие все теснее и теснее сжимали кольцо, создавая сплошной внутренний фронт окружения.

Одновременно командование Юго-Западного и Сталинградского фронтов принимало меры к тому, чтобы как можно быстрее и дальше отодвинуть внешний фронт окружения и тем самым еще более изолировать окруженную группировку врага от его войск. К исходу 30 ноября площадь, занимаемая окруженной группировкой, сократилась более чем вдвое и не превышала 1500 кв. км. В окружение попали 20 немецких, 2 румынские дивизии общей численностью в 330 тыс. человек, с большим количеством боевой техники и вооружения.

В ходе наступления с 19 по 30 ноября не только был образован прочный внешний фронт окружения, но и взято в плен 5 и разгромлено 7 дивизий противника. Таким образом, первый, наиболее ответственный этап наступательной операции был блестяще завершен. Стратегическая инициатива на советско-германском фронте перешла к Красной Армии.

---

⁵⁰⁴ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 198.

Немецкое командование предприняло отчаянное усилие деблокировать попавшие в стальные клещи войска. Еще до завершения окружения, 22 ноября, командование 6-й немецкой армии созвало совещание, которое пришло к выводу, что длительная борьба в окружении грозит катастрофой, и, чтобы избежать ее, необходимо незамедлительно основными силами армии прорываться на юго-запад. Командующий 6-й армией Паулюс обратился к Гитлеру с просьбой разрешить ему прорыв в юго-западном направлении, но получил решительный отказ. На втором этапе контрнаступления были ликвидированы попытки немецкого командования освободить окруженную под Сталинградом группировку путем наступления группы армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна на Сталинград. В продолжение и развитие контрнаступления под Сталинградом войска Юго-Западного, Сталинградского и Воронежского фронтов продвинулись далеко на запад, вследствие чего внешний фронт окружения сталинградской группировки немцев расширился на 170 – 250 км. Ликвидация армии Паулюса была возложена на Донской фронт под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. Представителем Ставки Верховного Главнокомандования являлся генерал-полковник Н.Н. Воронов. Однако выполнение этой задачи пришлось временно отложить из-за попыток немецких войск деблокировать окруженную группировку. 24 декабря советские войска перешли в наступление. Так была выполнена задача по срыву еще одной попытки немцев деблокировать свою окруженную группировку, которая теперь была обречена на полное уничтожение.

Стремясь остановить наступление Воронежского и Юго-Западного фронтов, немецкое командование было вынуждено спешно перебросить сюда до восьми дивизий, ранее предназначавшихся для деблокирования окруженной группировки. К началу января 1943 г. положение войск Паулюса значительно ухудшилось. Кольцо окружения сжималось. Резервы отсутствовали. Боеприпасы, горючее и продовольствие были на исходе. Моральное состояние окруженных войск падало.

8 января 1943 г. советское командование предъявило ультиматум германским войскам, окруженным под Сталинградом. Ультиматум был отклонен. Немецкое верховное командование приказывало окруженным войскам оставаться на месте. Чтобы выполнить этот приказ, командование окруженных войск должно было прибегнуть к крайним мерам для поддержания дисциплины. С этой целью было приведено в исполнение 364 смертных приговора.

10 января войска Донского фронта приступили к ликвидации окруженной группировки. 14 дней спустя Паулюс сообщил германскому верховному командованию: «Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию». Его просьба была отклонена. 17 января советское командование вновь предложило немцам капитулировать. И на этот раз

предложение было отвергнуто. Красная Армия продолжала наступление, и 25 января передовые части ворвались в Сталинград с запада. К исходу 26 января войска 21-й армии в районе Мамаева кургана соединились с войсками 62-й армии и расчленили окруженную группировку на две части: северную и южную. Теперь боеспособность немецких войск резко снизилась. Началась массовая сдача в плен.

31 января окончательно было сломлено сопротивление южной, а 2 февраля – северной группировок армии Паулюса. Войска Донского фронта завершили разгром 22 дивизий, взяв в плен 91 тыс. солдат и офицеров во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом.

Двести дней и ночей не утихала ожесточенная Сталинградская битва. По размаху, напряженности и последствиям она не знала себе равных в истории. Сталинградская эпопея завершилась победой Советской Армии. В результате контрнаступления под Сталинградом советские войска разгромили 6-ю и 4-ю танковые немецкие армии, 3-ю и 4-ю румынские и 8-ю итальянскую армии, которые потеряли свыше 800 тыс. человек, до 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. боевых и транспортных самолетов. Общие потери вермахта за время Сталинградской битвы составили около 1,5 млн. человек⁵⁰⁵.

В связи с катастрофой под Сталинградом в Германии был объявлен трехдневный траур. Ее население вместо бравурных победных маршей слушало погребальный звон церковных колоколов. Генерал-полковник К. Цейтлер свидетельствовал: «Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы. Таков был ход мыслей Гитлера. Достигнув этих целей, он хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию...

Узнав, что под Сталинградом все кончено, Гитлер пришел в ярость. Его взбесило, что новый фельдмаршал предпочел плен смерти. Он говорил, что не ожидал этого, а если бы знал, никогда бы не присвоил Паулюсу звание фельдмаршала. Вот все, что он сказал по адресу Паулюса.

В ноябре я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат – значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав. Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны»⁵⁰⁶.

---

⁵⁰⁵ Итоги второй мировой войны. Минск – Москва. 2002. С. 9 – 16.

⁵⁰⁶ З. Вестфал, В. Крайне, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. (Электронный вариант).

Едва ли есть необходимость особенно разглагольствовать о значении Сталинградской битвы как для нашей страны, так и по существу для хода мировой истории, в особенности исхода второй мировой войны. По словам самого Сталина, «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться»⁵⁰⁷. Официальная сталинская биография поет дифирамбы в честь Сталина в связи с победой в этой битве. В ней говорится: «Битва за Сталинград – венец военного искусства; она явила новый пример совершенства передовой советской военной науки. Одержанная здесь историческая победа – яркое торжество сталинской стратегии и тактики, торжество гениального плана и мудрого предвидения великого полководца, пронзительно раскрывшего замыслы врага и использовавшего слабости его авантюристической стратегии»⁵⁰⁸.

Представляет бесспорный интерес оценка, данная победе под Сталинградом, данная У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. Первый был весьма лаконичен. Он писал Сталину 1 февраля 1943 г.: «Примите, пожалуйста, мои поздравления по случаю капитуляции фельдмаршала Паулюса и по случаю конца 6-й германской армии. Это, действительно, изумительная победа»⁵⁰⁹.

Президент США прислал послание более теплое и более прочувствованное. В его телеграмме от 12 февраля 1943 г. отмечалось: «В качестве Главнокомандующего вооруженными силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим верховным командованием. Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город, борьбы, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славой оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и

---

⁵⁰⁷ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 113.

⁵⁰⁸ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 202 – 203.

⁵⁰⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. М. 1976. Т. 1. С. 110.

безоговорочной капитуляции общего врага»⁵¹⁰.

Конечно, подобная оценка едва ли была завышена, но было совершенно очевидно, что она диктовалась, помимо всего прочего, соображениями дипломатии, а также и известными всем обстоятельствами того времени. Однако неправильно было бы и недооценивать роль Сталина в достижении победы под Сталинградом, как и в других крупнейших операциях Великой Отечественной войны. На этой стороне вопроса я остановлюсь в разделе, в котором будет рассмотрена роль Сталина как Верховного Главнокомандующего.

4. Курская битва и другие крупные наступательные операции

Сейчас же в самом общем виде рассмотрим другое крупнейшее сражение войны – Курскую битву. После поражения в Сталинградской битве 1942 – 1943 гг. и в ходе зимнего наступления Советской Армии германское командование, планируя летнюю кампанию 1943 года, решило провести крупное наступление на советско-германском фронте с целью вернуть утраченную стратегическую инициативу.

Для проведения крупной наступательной операции, получившей кодированное название «Цитадель», было выбрано курское направление. Далеко выдвинутый на запад Курский выступ создавал, по мнению гитлеровского командования, благоприятные предпосылки для окружения и последующего разгрома оборонявшихся здесь войск Центрального и Воронежского фронтов. После этого предполагалось нанести удар в тыл Юго-Западного фронта (операция «Пантера»). Намечался разгром всего южного крыла советско-германского фронта с решительным изменением военно-политической обстановки на советско-германском фронте в пользу вермахта. Не исключалась возможность после победы под Курском развивать удар в северо-восточном направлении с целью выхода в глубокий тыл центральной группировки советских войск и создания угрозы Москве. Кроме того, во второй половине лета гитлеровское командование предполагало провести операцию против Ленинграда. Эту операцию ставка вермахта собиралась провести при максимальном сосредоточении всей имеющейся в распоряжении артиллерии, с использованием новейшего наступательного оружия.

Для наступления на Курск противник сосредоточил до 50 лучших своих дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Большие надежды он возлагал на новые танки. У основания Курского выступа враг создал мощные ударные группировки. Перед ними стояла задача прорваться к Курску,

---

⁵¹⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 2. С. 51 – 52.

окружить, а затем уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов. Главную ставку немецкое командование делало на эффективность внезапного массированного удара танковых дивизий на узких участках прорыва.

Гитлер в оперативном приказе № 6 на проведение операции «Цитадель» подчеркивал: «Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом... В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Необходимо широко использовать момент внезапности...; обеспечить максимальное массирование ударных сил на узком участке с тем, чтобы, используя местное подавляющее превосходство во всех средствах наступления (танках, штурмовых орудиях, артиллерии, минометах и т.д.), одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и таким образом замкнуть кольцо окружения»⁵¹¹.

На Курском выступе, который образовался в ходе зимне-весеннего наступления советских войск, немцы сосредоточили до 50 дивизий (в т.ч. 16 танковых и моторизованных) – всего около 900 тыс. человек, до 10 тыс. орудий и миномётов, около 2,7 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 2 тыс. самолётов. Кроме того, к флангам ударных группировок примыкало около 20 дивизий. Германское командование возлагало большие надежды на внезапное применение новых тяжёлых танков «Тигр» и «Пантера», штурмовых орудий «Фердинанд», истребителей «Фокке-Вульф-190 А» и штурмовиков «Хеншель-129». Планом операции намечалось внезапными сходящимися ударами в общем направлении на Курск окружить и уничтожить группировку советских войск и в случае успеха развивать наступление вглубь. Операция получила название «Цитадель» и должна была стать исходной для других наступательных операций летней кампании 1943 года.

К летней кампании Советская Армия имела всё необходимое для перехода в наступление в р-не Курского выступа. Но когда наша разведка установила подготовку противником большого летнего наступления, на совещании в Ставке Верховного Главнокомандования 12 апреля Сталиным было одобрено предложение о переходе к заранее спланированной обороне с целью измотать и обескровить ударные группировки врага, а затем, перейдя в контр наступление, завершить их разгром и развернуть общее наступление на юго-западном и западном стратегических направлениях. Предусматривался также переход советских войск к активным действиям в случае, если

---

⁵¹¹ Итоги второй мировой войны. Минск – Москва. 2002. С. 39 – 40.

фашистские войска не предпримут наступления в ближайшее время или отложат его на длительный срок. Войска Центрального фронта (командующий генерал армии К.К. Рокоссовский) обороняли северную часть Курского выступа, а войска Воронежского фронта (командующий генерал армии Н.Ф. Ватулин) – южную часть. В их тылу был сосредоточен мощный стратегический резерв – Степной фронт (командующий генерал-полковник И.С. Конев). Координацию действий фронтов осуществляли представители Ставки Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский. Особое внимание уделялось созданию прочной противотанковой обороны. К началу июля в войсках Центрального и Воронежского фронтов насчитывалось свыше 1300 тыс. чел., до 20 тыс. орудий и миномётов, около 3600 танков и самоходных орудий и свыше 2800 самолётов. По указанию Верховного 2 июля Ставка предупредила командующих фронтами о возможном начале наступления противника между 3 и 6 июля, позднее стало известно, что наступление назначено на утро 5 июля. За несколько часов до перехода противника в наступление была проведена мощная артиллерийская и авиационная контрподготовка, в результате которой враг понёс значительные потери и не достиг внезапности удара. Утром 5 июля немецкие войска перешли в наступление. Однако противник не достиг успеха, ему удалось вклиниться лишь на 10 – 12 км, после чего уже с 10 июля его наступательные возможности иссякли. Потеряв до 2/3 танков, 9-я немецкая армия была вынуждена перейти к обороне.

На южном участке немцы, создав значительное превосходство в живой силе и боевой технике (в 1-й день было введено в бой до 700 танков), стремились сломить советскую оборону. Однако ценой огромных потерь им удалось продвинуться лишь на 35 км. Тогда враг перенёс главный удар в направлении Прохоровки. Но советские войска, усиленные стратегическими резервами, нанесли здесь мощный контрудар по вклинившейся вражеской группировке. 12 июля в р-не Прохоровки произошло одно из крупнейших в истории войн танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовали до 1500 танков и самоходных орудий и крупные силы авиации. За день боя противник потерял свыше 350 танков и свыше 10 тыс. убитыми. 12 июля наступил перелом в Курской битве, враг перешёл к обороне, а 16 июля начал отводить свои силы. Войска Воронежского, а с 19 июля и Степного фронтов перешли к преследованию и отбросили немецко-фашистские войска на исходный рубеж. Операция «Цитадель» провалилась, врагу не удалось повернуть ход войны в свою пользу⁵¹².

12 июля войска Западного и Брянского фронтов начали наступление в районе Орла. Вскоре наступление развернулось на широком фронте, что создало благоприятную обстановку для перехода в контр наступление войск

---

⁵¹² См. БСЭ. Третье издание. Т. 14. С. 42.

Центрального фронта. 5 августа был освобожден Орёл. С разгромом врага рухнули планы гитлеровского командования по использованию Орловского плацдарма для удара в восточном направлении. Контрнаступление начало перерастать в общее наступление советских войск.

Вечером 5 августа в Москве впервые был дан салют в честь войск, освободивших Орёл и Белгород. За 5 дней наступления советские войска прошли свыше 100 км и 7 августа овладели Богодуховом. Войска Степного фронта, развивая наступление, 23 авг. после упорных боёв полностью очистили Харьков от врага. В ходе контрнаступления на белгородско-харьковском направлении советские войска продвинулись на 140 км и нависли над всем южным крылом германского фронта, заняв выгодное положение для перехода в общее наступление с целью освобождения Левобережной Украины и выхода на р. Днепр.

Курская битва длилась 50 дней. В итоге было разгромлено до 30 дивизий противника, в т.ч. 7 танковых. Общие потери немецко-фашистских войск убитыми, тяжелоранеными и пропавшими без вести составили свыше 500 тыс. человек. Курская битва – одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны, в которой Советская Армия сорвала последнее крупное наступление немецких войск и окончательно закрепила стратегическую, инициативу в своих руках. Из всех побед 1943 г. она была решающей в обеспечении коренного перелома в ходе Великой Отечественной и 2-й мировой войн, завершившегося освобождением Левобережной Украины и сокрушением вражеской обороны на Днестре в конце 1943 года. Верховное командование германских сухопутных сил было вынуждено отказаться от наступательной стратегии и перейти к обороне на всём фронте. Ему пришлось перебросить на Восточный фронт войска и авиацию со Средиземноморского театра военных действий, что облегчило высадку англо-американских войск в Сицилии и Италии.

Значение победы под Курском, а также других успешных операций не могло не вызвать широкого международного отклика. Сошлюсь на высказывание авторитетного в данном случае человека – главнокомандующего объединенными союзными войсками в Европе генерала Д. Эйзенхауэра, который заявил: «Мир стал свидетелем одного из самых доблестных в истории подвигов оборонительной войны, когда солдаты русской армии приняли на себя всю мощь ударов нацистской военной машины и окончательно остановили ее»⁵¹³.

Еще ранее президент США направил Сталину поздравление в связи с 25-й годовщиной Красной Армии. Это послание стоит процитировать, поскольку оно в обобщенном виде дает объективную оценку роли Советской России в самые тяжелые годы войны. Рузвельт подчеркивал: «От имени

---

⁵¹³ Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941 – 1945 годов. М. 1985. С. 93.

народа Соединенных Штатов я хочу выразить Красной Армии по случаю ее 25-й годовщины наше глубокое восхищение ее великолепными, непревзойденными в истории победами. В течение многих месяцев, несмотря на громадные потери материалов, транспортных средств и территории, Красная Армия не давала возможности самому могущественному врагу достичь победы. Она остановила его под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе, и, наконец, в бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта от Балтики до Черного моря. Вынужденное отступление противника дорого обходится ему людьми, материалами, территорией и в особенности тяжело отражается на его моральном состоянии. Подобных достижений может добиться только армия, обладающая умелым руководством, прочной организацией, соответствующей подготовкой и прежде всего решимостью победить противника, невзирая на собственные жертвы. В то же самое время я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная Армия берет свои истоки и от которого она получает людей и снабжение. Русский народ также отдает все свои силы войне и приносит величайшие жертвы. Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов»⁵¹⁴.

Премьер-министр Великобритании в свою очередь также откликнулся на исход Курской битвы. Он направил Сталину послание, в котором говорилось: «Ваша телеграмма от 9 августа дает мне возможность выразить Вам свои искренние поздравления с недавними весьма значительными победами, одержанными русскими армиями под Орлом и Белгородом, открывающими путь к Вашему дальнейшему наступлению в направлении Брянска и Харькова. Поражения германской армии на этом фронте являются вехами на пути к нашей окончательной победе»⁵¹⁵.

В послевоенные годы многие западные историки второй мировой войны пытаются всячески умалить значение победы Красной Армии летом 1943 года. Одни из них считают, что битва на Курской дуге – это обычный, чуть ли не банальный эпизод второй мировой войны. Другие используют фигуру умолчания, делают вид, что такой битвы как бы и не было. В лучшем случае о Курской битве пишут очень скупо и невразумительно. Это же можно отнести и к другим крупнейшим сражениям Красной Армии времен Великой Отечественной войны. Подобного рода упреки вполне заслуживают Р.

---

⁵¹⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. Т. 2. С. 56 – 57.

⁵¹⁵ Там же. Т. 1. С. 171 – 172.

Конквест, Р. Пэйн, Р. Хингли и многие другие авторы книг о Сталине. Тем более очевидны и оправданны ссылки в данном томе на высших государственных и военных руководителей стран антигитлеровской коалиции, касающиеся непосредственной оценки событий, о которых идет речь. Тогда факты замалчивать было не просто трудно, а фактически невозможно, не то, что сейчас, по прошествии многих десятилетий и после колоссальных изменений, потрясших мир в минувшие за этот период годы.

Но вернемся к теме нашего конкретного изложения.

24 июля 1943 г. Сталин издал приказ в связи с завершением ликвидации июльского наступления немцев. В приказе говорилось, что немецкий план летнего наступления полностью провалился и «тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении»⁵¹⁶.

Разгром немецких войск помимо экономических выгод, связанных с освобождением важнейших промышленных и сельскохозяйственных районов, имел огромное военно-политическое значение, открывая близкую перспективу полного освобождения советской земли и переноса военных действий за пределы СССР, на территорию стран Юго-Восточной Европы. Немецкое командование признавало всю пагубность для себя подобного хода событий и потому прилагало отчаянные усилия к тому, чтобы стабилизировать фронт. На стратегическом оборонительном рубеже по рекам Сож и Днепр, названном «Восточным валом», оно рассчитывало остановить советские войска.

Советское Верховное Главнокомандование решило незамедлительно расширить фронт наступления советских войск на Юго-Западном направлении. Перед Центральным, Воронежским, Степным, Юго-Западным и Южным фронтами были поставлены задачи разгромить главные силы врага на одном из центральных участков и на всем южном крыле советско-германского фронта, освободить Донбасс, Левобережную Украину и Крым, выйти на Днепр и захватить плацдармы на его правом берегу.

Северо-Кавказский фронт во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской флотилией должны были очистить Таманский полуостров и захватить плацдарм у Керчи. Таким образом, Ставка планировала провести общее наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря.

Этот крупный по замыслу и участвовавшим в его выполнении силам план осуществлялся в ходе следующих операций: Смоленская – с 7 августа по 2 октября (со взятием Смоленска и Рославля, начало освобождения Белоруссии); Донбасская – с 13 августа по 22 сентября (освобождение Донбасса); операция по освобождению Левобережной Украины – с 25 августа по 30 сентября (прорыв к Днепру); Черниговско-Припятская – с 26 августа по

---

⁵¹⁶ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 324.

1 октября (освобождение Черниговской области); Брянская – с 1 сентября по 3 октября (продвижение от Среднерусской возвышенности к бассейну Десны); Новороссийско-Таманская – с 9 сентября по 9 октября (завершено освобождение Кавказа); Мелитопольская – с 26 сентября по 5 ноября (выход к Крымскому перешейку); Керченско-Эльтигенская десантная (захват плацдарма в Восточном Крыму).

Как видим, ни одна из этих операций не начиналась и не заканчивалась в одно и то же время. Они как бы перекрывали по времени друг друга, являясь последовательными лишь в самом общем смысле. Это вынуждало немецкое командование дробить свои резервы, перебрасывая их с участка на участок, пытаясь закрыть на фронте то там, то тут гигантские бреши, проделываемые в его обороне советскими войсками.

40 дивизий группы армий «Центр», опиравшиеся на мощные оборонительные рубежи, оказали ожесточенное сопротивление наступающим советским войскам. Но все их усилия были безуспешны. 25 сентября был освобожден Смоленск. К началу октября 1943 года советские войска вышли к границам Белоруссии.

Донбасс немецкое командование стремилось удержать в своих руках во что бы то ни стало, а потому делало все возможное, чтобы превратить его в хорошо укрепленный оборонительный район. Немецкое руководство считало, что оставление Донбасса и Центральной Украины повлечет за собой утрату важнейших аэродромов, большие потери в продуктах питания, угле, энергетических ресурсах, сырье.

Осуществив успешный прорыв оборонительных сооружений немцев, советские войска вступили на территорию Украины и повели дальнейшее наступление в общем направлении на Киев. 15 сентября советские соединения вступили в Нежин – путь к Днепру и Киеву был открыт. Тем временем значительно потеснили противника войска Воронежского и Степного фронтов. Положение немецкой группы армий «Юг» становилось крайне затруднительным. Глубокие прорывы советских войск на ее флангах создавали угрозу тылам фашистских армий, расположенных в Донбассе. Перебросить подкрепления из групп «Центр» и «Север» не удалось. В этих условиях немецкое командование приняло решение о постепенном отводе своих сил из Донбасса.

Наступление Красной Армии поставило немецкие армии в катастрофическое положение. Грозный признак нового, гигантского «котла» навис над всей донбасской группировкой.

15 сентября немецким командованием был отдан приказ об общем отводе группы армий «Юг» за линию Мелитополь – Днепр на «Восточный вал». Не удалось немецкому командованию удержать фронт и на всем левобережье Днепра.

Успехи, достигнутые летом 1943 г. на Украине, создали благоприятные условия для того, чтобы покончить с этим важным плацдармом и освободить

Таманский полуостров. Атакой торпедных катеров с моря началась борьба за Новороссийск – ключ обороны всего Таманского полуострова. 16 сентября после ожесточенных боев Новороссийск был освобожден. Вслед за тем началось наступление и на других участках Северо-Кавказского фронта.

Отходя за Днепр, немецкие войска еще надеялись удержаться, прикрывшись этой водной преградой. Но советское Верховное Главнокомандование приняло меры, чтобы не дать им возможности закрепиться на этом рубеже. К концу сентября был выигран первый этап битвы за Днепр. Захват советскими войсками плацдармов на его западном берегу резко ухудшил обстановку для противника. Днепр как стратегический рубеж обороны для немецкой армии находился под угрозой потери.

Захват плацдармов на Днестре означал, что Красная Армия сорвала план германского командования по созданию здесь непреодолимой обороны и стабилизации Восточного фронта.

В течение октября советские войска вели ожесточенные бои за удержание и расширение плацдармов на западном берегу Днепра. 3 ноября началось наступление на Киев. После ожесточенных боев 6 ноября сопротивление противника в Киеве было полностью сломлено. Освобождение столицы Украины – «матери городов русских» – было выдающейся победой советской армии. В целом летне-осенняя кампания 1943 года была блестяще завершена.

Блестящие итоги кампании 1943 года дали основание и для высокой оценки деятельности Сталина на посту Верховного Главнокомандующего. 6 марта 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР присвоил Сталину воинское звание Маршала Советского Союза. Но официальное признание его заслуг на этом не закончилось. Как отмечается в его официальной биографии, «за правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецких захватчиков и достигнутые успехи Президиум Верховного Совета СССР 6 ноября 1943 года наградил товарища Сталина орденом Суворова I степени»⁵¹⁷. В следующем году Сталин был награжден орденом «Победа»⁵¹⁸. Все эти награды и звания преследовали цель прежде всего подчеркнуть роль Сталина как военного руководителя страны. Рассматривать их исключительно через призму личного тщеславия вождя было бы не совсем корректно, хотя, несомненно, и этот момент нельзя сбрасывать со счета.

Блестящие победы нашей армии в 1943 году дали основание Сталину назвать этот год годом коренного перелома в ходе войны. В докладе об очередной годовщине Октябрьской революции 6 ноября того же года вождь с

---

⁵¹⁷ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 204, 207.

⁵¹⁸ Там же. С. 213.

полным основанием назвал этот год переломным. Он, в частности, подчеркнул: «Этот год был переломным прежде всего потому, что в этом году Красной Армии впервые за время войны удалось осуществить большое летнее наступление против немецких войск, причем немецко-фашистские войска под ударами наших войск оказались вынужденными поспешно оставлять захваченную ими территорию, нередко спасаться бегством от окружения и бросать на поле боя большое количество техники, складов вооружения и боеприпасов, раненых солдат и офицеров...

В результате этих наступательных операций нашим войскам удалось в течение истекшего года пройти с боями от 500 километров в центральной части фронта до 1300 километров на юге, освободив до 1 миллиона квадратных километров территории, то есть почти до 2/3 Советской земли, временно захваченной врагом, при этом вражеские войска оказались отброшенными от Владикавказа до Херсона, от Элисты до Кривого Рога, от Сталинграда до Киева, от Воронежа до Гомеля, от Вязьмы и Ржева до подступов к Орше и Витебску...

Этот год был переломным годом еще потому, что Красной Армии удалось в сравнительно короткий срок перебить и перемолотить наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск, закалив вместе с тем и умножив свои собственные кадры в успешных наступательных боях в течение года. За истекший год немецко-фашистская армия в боях на советско-немецком фронте потеряла более 4 миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1 миллиона 800 тысяч убитыми. Кроме того, немцы потеряли за этот год более 14 тысяч самолетов, более 25 тысяч танков и не менее 40 тысяч орудий.

Теперь немецко-фашистская армия уже не та, какой она была в начале войны. Если в начале войны она имела достаточное количество опытных кадров, то теперь она разбавлена новоиспеченными молодыми неопытными офицерами, которые поспешно бросаются немцами на фронт, так как нет у них ни необходимых офицерских резервов, ни времени, чтобы обучить их»⁵¹⁹. Сталин, охарактеризовав в самых главных чертах ход и значение Сталинградской и Курской битв, констатировал: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой»⁵²⁰.

Совершенно обоснованно вожь подчеркнул значение тыла, усилия всего советского народа в достижении этих побед. Успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и

---

⁵¹⁹ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 110 – 112.

⁵²⁰ Там же. С. 114.

в сельском хозяйстве. Советский народ в трудных военных условиях сумел обеспечить свою армию всем минимально необходимым и непрестанно совершенствовал ее боевую технику. На всем протяжении войны врагу не удалось превзойти нашу армию по качеству вооружения. В то же время наша промышленность давала фронту все большее и большее количество боевой техники.

Истекший год был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе нашего тыла. Перед нами не стояли уже такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. Советское государство имеет теперь слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Стало быть, все усилия народа могли быть сосредоточены на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолетов, орудий, самоходной артиллерии.

Эти положения на конкретных фактах раскрыл в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» Н.А. Вознесенский – один из основных руководителей советского народного хозяйства в предвоенный и военный периоды. Он писал: «В истории военной экономики СССР 1943 год является годом коренного перелома, он характеризуется крупнейшими победами Советской Армии, укреплением и развитием военного хозяйства с резко выраженными особенностями расширенного воспроизводства. Значительно увеличилось производство всего совокупного общественного продукта по сравнению с 1942 г. Увеличилось производственное потребление, вырос народный доход, выросло личное потребление трудящихся и накопление, увеличились основные и оборотные фонды народного хозяйства.

В 1944 г., в течение которого советская земля была полностью очищена Советской Армией от гитлеровской нечисти, в военном хозяйстве СССР продолжалось нарастание процессов расширенного воспроизводства. Увеличение военных расходов в 1943 – 1944 гг. происходило наряду с абсолютным ростом производственного и личного потребления и накопления, а не за счет их абсолютного сокращения, как это было в 1942 г. В этом сказываются особенности расширенного воспроизводства на различных этапах периода военной экономики СССР»⁵²¹.

1944 год был годом максимального выпуска основных видов военной техники. Авиационная промышленность дала стране 40,3 тыс. самолетов, из них 33,2 тыс. боевых. Советские ВВС имели на фронте в 4 раза больше самолетов, чем немцы, а в 1945 году это превосходство стало еще большим. С января 1945 года до конца войны танкостроители произвели для армии 49,5 тыс. танков и САУ, в то время как германская промышленность только

---

⁵²¹ Н.А. Вознесенский. Избранные произведения. 1931 – 1947. М. 1979. С. 496.

22,7 тыс. Потребности фронта полностью удовлетворялись боеприпасами всей номенклатуры. Если в битве под Москвой зимой 1941 – 1942 года в сутки расходовалось лишь 700 – 1000 тонн боеприпасов, то в 1944 году, например, 1-м Белорусским фронтом расходовалось в сутки 20 – 30 тыс. тонн. Выпуск артиллерийских снарядов, на долю которых приходилось более половины всех боеприпасов, составил в 1944 году 94,8 млн. штук, а всего за годы Отечественной войны советская артиллерия получила от промышленности 775,6 млн. снарядов и мин, что в 14 раз больше, чем поступило в русскую армию в период первой мировой войны⁵²².

Выдающиеся успехи советской военной промышленности и вообще курс на создание мобилизационной экономики, который Сталин последовательно проводил с конца 20-х годов, не мог не дать и дал свои результаты. Характерно, что президент США Рузвельт весьма высоко оценил советские достижения в этой области. В послании конгрессу от 7 января 1943 года он отмечал: «Мы не должны забывать при этом, что наши достижения не более велики, чем достижения русских... которые развили свою военную промышленность в условиях невероятных трудностей, порожденных войной»⁵²³.

Сталин в своем докладе охарактеризовал источники силы и могущества нашей страны, остановившись на роли рабочего класса и интеллигенции во всех наших достижениях. Он охарактеризовал также значение для победы советского общественного и государственного строя, выделив руководящую роль коммунистической партии. Особый акцент им был сделан на таком важном факторе обеспечения победы, как дружба народов нашей страны, явившаяся одним из фундаментов нашей стойкости в дни поражений и источником силы в дни побед.

Специальное внимание было уделено укреплению антигитлеровской коалиции, на фоне которой ситуация в блоке сателлитов Гитлера выглядела не просто плачевной, а по существу катастрофической. «Дело немецкого фашизма проиграно, а созданный им кровавый „новый порядок“ идет к краху, – сделал вывод Сталин. – В оккупированных странах Европы нарастает всенародный взрыв возмущения против фашистских поработителей. Безвозвратно потерян былой престиж Германии в союзных с ней и нейтральных странах, подорваны ее экономические и политические связи с нейтральными государствами.

Время, когда гитлеровская клика буйно шумела по поводу завоевания немцами мирового господства, осталось далеко позади. Теперь, как известно,

---

⁵²² «Военно-исторический журнал». 1998 г. № 3. С. 10.

⁵²³ Цит. по Б.Г. Соловьев, В.В. Суходеев. Полководец Сталин. С. 240 – 241.

немцам не до мирового господства, не до жиру, быть бы живу»⁵²⁴.

Прошло то время, когда нужно было бороться за выживание страны и спасение Родины. Теперь вождь Советского Союза имел все основания и полное право ставить вопрос о путях дальнейшего развития европейских стран. Он выдвинул следующие задачи.

Победа союзных стран над гитлеровской Германией поставит на очередь дня важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов. Политика нашего правительства в этих вопросах остается неизменной. Вместе с нашими союзниками мы должны будем:

1) освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, – народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игмом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

2) предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния;

4) установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры⁵²⁵.

Как видим, программа была четко продумана и отвечала интересам не только Советского Союза, но и всех европейских народов, да и народов всего мира. Наша страна обрела такой статус, что могла с полным правом ставить перед мировым сообществом такие вопросы.

В заключение вождь предостерег от упоения успехами и зазнайства, которые всегда чреваты пагубными последствиями. Он подчеркнул: «Победу можно упустить, если в наших рядах появится самоуспокоение. Победа не дается без борьбы и напряжения. Она берется с боя. Победа теперь близка, но чтобы ее завоевать, необходимо новое напряжение сил, самоотверженная работа всего тыла, умелые и решительные действия Красной Армии на фронте. Было бы преступлением перед Родиной, перед советскими людьми, временно попавшими под фашистское ярмо, перед народами Европы,

---

⁵²⁴ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 124.

⁵²⁵ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 125.

изнывающими под немецким игом, если бы мы не использовали всех возможностей для ускорения разгрома врага. Нельзя давать врагу передышки. Вот почему мы должны напрячь все наши силы, чтобы добить врага»⁵²⁶.

В конспективном виде излагая важнейшие события и этапы Великой Отечественной войны, следует особо подчеркнуть весомый вклад партизанского движения в достижении наших побед. Важную роль, которую нельзя переоценить, сыграло в достижении победы над врагом, особенно в первые, самые трудные годы войны, партизанское движение. В рамках моих задач, конечно, нет возможности подробно осветить данную проблему. Остается только остановиться на некоторых обобщающих положениях, подчеркнув при этом активную роль Сталина в самой постановке задачи начала и развертывания партизанского движения. В «Директиве СНК и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей», принятой 29 июня 1941 г., подчеркивалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке железнодорожной станции, в совхозах и колхозах»⁵²⁷.

Через две недели не в последнюю очередь по инициативе Сталина было принято специальное «Постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск.» В этом постановлении была изложена широкая и тщательно продуманная и обоснованная программа развертывания настоящей партизанской войны в тылу врага. Советское руководство исходило из того, что в войне с фашистской Германией, захватившей часть советской территории, исключительно важное значение приобрела борьба в тылу германской армии. Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для

---

⁵²⁶ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 126.

⁵²⁷ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 446 – 448.

руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. В этой борьбе с фашистскими захватчиками мы имеем много еще не использованных средств, много упускаемых нами возможностей для нанесения тяжелых ударов по врагу. Во всем этом нас беззаветно поддержат в каждом городке и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами⁵²⁸.

В организации и развитии партизанского движения было два этапа. Для первого из них (1941 – осень 1942 гг.) характерно стремление партизанских формирований к обособленным действиям на территории своих районов и областей. Разрозненные вылазки приводили к большим потерям. На втором этапе (осень 1942 – осень 1944 гг.) наметился переход к крупным, хорошо спланированным и подготовленным операциям. Из разрозненных и эпизодических акций в первый период партизанские действия становятся более эффективными. Появилась тенденция к объединению отдельных отрядов в партизанские соединения и созданию для руководства их деятельностью штаба партизанского движения (ШПД). Сталин как Верховный Главнокомандующий самым внимательным образом следил за работой штаба и вообще развертыванием партизанского движения, считая его одним из важных инструментов в деле достижения победы. Об этом свидетельствуют многие факты, в том числе и высказывания начальника штаба П.К. Пономаренко. К сожалению, нет возможности охватить все вопросы. И иногда приходится только констатировать факты.

5. Завершающий этап войны

Задачи Красной Армии в 1944 г. состояли в том, чтобы полностью освободить от захватчиков советскую землю, перенести боевые действия за пределы Советской Родины, оказать помощь народам Европы в избавлении от фашистского ига, совместно с союзниками сокрушить гитлеровскую Германию и принудить её к безоговорочной капитуляции.

Зимняя кампания 1944 г. началась гигантской битвой на Правобережной Украине, состоявшей из ряда фронтовых наступательных операций и операций групп фронтов. Это наступление привело к разгрому наиболее сильной вражеской группировки на южном крыле советско-германского фронта и освобождению Правобережной Украины и значительной части западных областей Украины. Одновременно велось наступление под Ленинградом и Новгородом, где войска Красной Армии во взаимодействии с Балтийским флотом нанесли поражение немецкой группе армий «Север» и

---

⁵²⁸ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 474.

освободили всю Ленинградскую и часть Калининской областей. Закончилась героическая эпопея осаждённого Ленинграда. На юге страны советские войска разгромили 17-ю немецкую армию и освободили Крым. В ходе зимней кампании 1944 г. советские войска нанесли Германии и её сателлитам крупное поражение: 172 вражеские дивизии и 7 бригад понесли большие потери, из них 30 дивизий и 6 бригад были полностью уничтожены. Было освобождено св. 300 тыс. км советской территории, на которой до войны проживало около 19 млн. чел.

В апреле советские войска вышли на государственную границу и вступили на территорию Румынии, перенеся боевые действия за пределы СССР. Это позволило приступить к восстановлению государственных границ СССР.

Успехи советских вооруженных сил, достигнутые к лету 1944 г., показали, что СССР может собственными силами не только изгнать врага со своей земли, но и освободить поработанные народы Европы и завершить разгром гитлеровской армии. Стремление упредить Красную Армию в освобождении стран Европы вынудило правящие круги США и Великобритании отказаться от политики дальнейшего оттягивания сроков открытия второго фронта в Европе, чтобы восстановить в ней довоенные порядки. 6 июня 1944 г. американские и английские войска начали Нормандскую десантную операцию 1944 г., высадившись на побережье Франции. Это, однако, не привело к серьёзному изменению группировки вооруженных сил Германии. Решающим фронтом по-прежнему оставался советско-германский фронт.

Главный удар летом 1944 г. Красная Армия нанесла в Белоруссии. Развивая наступление по сходящимся направлениям, советские войска освободили столицу Белоруссии Минск, завершив окружение 105-тыс. группировки врага, которая вскоре была уничтожена. В ходе дальнейшего наступления на широком фронте советские войска подошли к границам Восточной Пруссии, вступили на территорию Польши и вышли к р. Висле.

Успешный ход наступления в Белоруссии создал благоприятные условия для проведения других наступательных операций. В июле – августе была освобождена восточная часть Прибалтики. Войска 1-го Украинского фронта разгромили 40 дивизий и 1 бригаду, освободили западные области Украины и юго-восточную часть Польши. В конце июля главные силы фронта вышли к р. Висле, что создавало благоприятные условия для проведения новых операций на территории Польши и Германии.

В конце августа в Словакии вспыхнуло Словацкое национальное восстание. Стремясь оказать помощь словацким патриотам, Ставка по указанию Сталина приказала войскам 1-го и 4-го Украинских фронтов преодолеть Карпаты и пробиться к восставшим. Это положило начало освобождению Чехословакии.

В августе – сентябре была проведена Яско-Кишинёвская операция.

После ликвидации яско-кишинёвской группировки противника наши войска вышли на границу Болгарии. 9 сентября в Софии вспыхнуло народное вооруженное восстание. К концу сентября были созданы условия для дальнейшего наступления и освобождения народов Венгрии, Югославии и Словакии.

В результате проведённых операций были освобождены Эстонская ССР, большая часть Латвийской ССР и завершено освобождение Литовской ССР.

На южном крыле войска 4-го Украинского фронта во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта к концу октября 1944 г. освободили Закарпатскую Украину. В октябре была осуществлена Дебреценская операция, в ходе которой была освобождена восточная часть Венгрии. Войска 3-го Украинского фронта во взаимодействии с Народно-освободительной армией Югославии провели Белградскую операцию, разгромили крупную группировку противника и освободили столицу Югославии Белград. В октябре – декабре была проведена Будапештская операция, которая отличалась особо ожесточенным сопротивлением противника.

В итоге советские войска в 1944 году почти полностью освободили советскую территорию. Советские войска разгромили 314 дивизий и 47 бригад противника (в т.ч. уничтожили или пленили 96 дивизий и 24 бригады). Красная Армия перенесла боевые действия за пределы СССР, начав освободительный поход с целью избавления народов Европы от фашистского ига. Из войны были выведены союзники Германии – Румыния, Болгария, Финляндия и Венгрия. Фашистская Германия оказалась в полной изоляции.

К началу 1945 года Германия продолжала вести войну на два фронта, но по-прежнему держала свои главные силы против Красной Армии. Вооруженные силы Германии имели 299 дивизий и 31 бригаду (7,5 млн. чел.), 43 тыс. орудий и миномётов, 7 тыс. танков и штурмовых орудий, 6800 самолётов. Англо-американским войскам противостояли 107 нем. дивизий. Против Красной Армии действовало 169 нем. дивизий и 20 бригад, 16 венгерских дивизий и 1 бригада. Эти войска насчитывали 3,1 млн. чел., 28,5 тыс. орудий и миномётов, около 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 2 тыс. боевых самолётов. Советская действующая армия насчитывала около 6 млн. чел., 91,4 тыс. орудий и миномётов, 2993 установки реактивной артиллерии, около 11 тыс. танков и САУ, 14,5 тыс. боевых самолётов. Советские войска достигли значительного превосходства в силах и средствах над противником.

Кампания 1945 года на советско-германском фронте началась 12 – 14 января наступлением советских войск в Восточной Пруссии и Польше. Это вынудило гитлеровское командование перебросить значительные силы с Западного фронта на советско-германский фронт, что облегчило положение наших союзников. 13 января – 25 апреля была осуществлена Восточно-Пруская операция. Наши войска прорвали мощную, глубоко эшелонированную оборону врага и вышли к морю, отрезав восточно-

прусскую группировку противника. 12 января – 3 февраля была проведена Висло-Одерская операция. Наши прорвали мощный оборонительный рубеж и, стремительно развивая наступление, продвинулись более чем на 500 км, вышли на Одер, форсировали его с ходу и захватили несколько плацдармов. В этой операции сов. войска разгромили главные силы группы армий «Центр»: 35 дивизий было уничтожено, а 25 потеряли 50 – 70 % своего состава; освободили почти всю Польшу и её столицу Варшаву. 10 февраля – 4 апреля войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов осуществили Восточно-Померанскую операцию, в ходе которой разгромили группу армий «Висла», вышли на широком фронте на побережье Балтийского моря.

8 – 24 февраля наши войска провели Нижнесилезскую операцию, в ходе которой вышли к концу месяца на р. Нейсе, на одну линию с войсками 1-го Белорусского, фронта. Были окружены крупные гарнизоны противника и заняты выгодные позиции для наступления на Берлин.

В Западных Карпатах войска 4-го Украинского фронта 15 января перешли в наступление и, действуя в сложных условиях горно-лесистой местности, к середине апреля продвинулись на 150 – 270 км, сковав в этом районе значительные силы врага. На территории Венгрии войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, отразив в январе сильные контрудары противника, ликвидировали окружённую ранее будапештскую группировку противника и 13 февраля освободили столицу Венгрии Будапешт. 16 марта войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали Венскую операцию и 13 апреля 1945 г. совместным ударом овладели столицей Австрии Веной.

В пятой главе я довольно подробно остановился на битве под Москвой. Для этого имелись веские основания: это была первая одна из важнейших побед нашей армии в войне. Считаю целесообразным более или менее подробно остановиться и на последней крупнейшей военной операции Советской Армии, которая венчала собой окончательный разгром гитлеровской Германии. В этом есть также своя логика.

16 апреля войска 1-го Белорусского (командующий Маршал Советского Союза Г.К. Жуков) и 1-го Украинского (командующий Маршал Советского Союза И.С. Конев) фронтов, а с 20 апреля и войска 2-го Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский) начали Берлинскую операцию. В наступлении участвовали 1-я и 2-я польские армии.

В целом военные специалисты придерживаются господствующей точки зрения, что Берлинская операция делится на три этапа⁵²⁹.

1-й этап. Прорыв одерско-вейсенского рубежа обороны противника (16 – 19 апреля). Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов перешли в наступление 16 апреля. В течение ночи накануне операции в полосе 1-го Белорусского фронта действовала авиация 4-й и 16-й ВА, а после

---

⁵²⁹ Основные фактические данные взяты из книги Великая Отечественная война 1941 – 1945. Энциклопедия. С. 94 – 97.

перехода войск в наступление 18-я ВА силами 4 авиакорпусов нанесла удар по опорным пунктам 2-й полосы обороны противника. Продвинувшись на 1,5 – 2 км, пехота и танки встретили сильное сопротивление врага. Чтобы ускорить продвижение войск, командующий фронтом в 1-й же день ввёл в сражение танковый и механизированные корпуса. Однако они втянулись в упорные бои и не смогли оторваться от пехоты. Войскам фронта пришлось последовательно прорывать несколько полос обороны. На основных участках у Зеловских высот войска 8-й гвардейской армии во взаимодействии с 1-й гвардейской танковой армией к исходу 19 апреля завершили прорыв 3-й полосы одерского рубежа. Справа 47-я и 3-я Ударная армии развивали наступление с целью охвата Берлина с Севера и Северо-Запада. Войска 1-го Украинского фронта форсировали р. Нейсе, в 1-й день прорвали главную полосу обороны противника и на 1 – 1,5 км вклинились во вторую. К исходу 18 апреля войска фронта завершили прорыв нейсенского рубежа обороны, форсировали р. Шпрее и обеспечили условия для окружения Берлина с Юга. Учитывая замедленное продвижение 1-го Белорусского фронта, Сталин через Ставку Верховного Главнокомандования (ВГК) дал указание осуществить манёвр на окружение берлинской группировки ударом танковых армий 1-го Украинского фронта по Берлину с Юга; 2-й Белорусский фронт 18 – 19 апреля форсировал Ост-Одер, преодолел междуречье Ост-Одера и Вест-Одера и занял исходное положение для форсирования Вест-Одера.

2-й этап. Окружение и расчленение войск противника (19 – 25 апреля). 1-й Белорусский фронт продолжал наступление, 20 апреля дальнотанковая артиллерия 3-й Ударной армии первой открыла огонь по Берлину. 21 апреля части 3-й Ударной армии, 2-й гвардейской танковой армии, 47-й, 8-й гвардейской армии и 1-й гвардейской танковой армии ворвались на окраины Берлина. Танковые армии вели боевые действия в городе совместно с общевойсковыми армиями. Войска 1-го Украинского фронта осуществляли стремительный манёвр по охвату франкфуртско-губенской группировки противника и выходу к Берлину с Юга и Запада. 19 и 20 апреля наши войска продвинулись на 95 км. 21 апреля 3-я гвардейская танковая армия ворвалась на южную окраину Берлина, 4-я гвардейская танковая армия вышла на южные подступы к Потсдаму. Общевойсковые армии ударной группировки фронта быстро продвигались на Запад. В это время немецкое командование повернуло 12-ю армию, ранее предназначавшуюся для действий против американских войск, на Восток, против 1-го Украинского фронта.

24 апреля войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковых армий 1-го Белорусского фронта встретились с войсками 1-го Украинского фронта юго-восточнее Берлина и тем самым завершили окружение франкфуртско-губенской группировки противника. 25 апреля войска этих фронтов соединились западнее Берлина, завершив окружение всей берлинской группировки. В тот же день в р-не Торгау войска 5-й гвардейской армии

встретились с подходившими с Запада частями 1-й американской армии. В это время войска 2-го Белорусского фронта форсировали Вест-Одер и прорвали оборону на его западном берегу, сковав войска противника, лишив его возможности нанести контрудар с Севера по войскам, окружившим Берлин.

3-й этап. Уничтожение окружённых группировок, взятие Берлина (26 апреля – 8 мая). Уничтожение франкфуртско-губенской группировки осуществлялось 26 апреля – 1 мая. Ликвидация берлинской группировки непосредственно в городе продолжалась до 2 мая путём расчленения обороны и уничтожения противника по частям. 30 апреля она фактически была расчленена на 4 изолированные части. В отдельные дни удавалось очистить от противника до 300 кварталов. Каждую улицу и дом приходилось брать штурмом. В метро, подземных коммуникационных сооружениях и ходах сообщения велись рукопашные схватки. Основу боевых порядков стрелковых и танковых частей в период боёв в городе составляли штурмовые отряды и группы. Артиллерия придавалась стрелковым подразделениям для ведения огня прямой наводкой. Танки действовали как в составе общевойсковых соединений, так и в составе танковых корпусов и армий.

29 апреля начались бои за рейхстаг. Фашисты оказывали упорное сопротивление. 30 апреля разведчики 150-й стрелковой дивизии М.А. Егоров и М.В. Кантария водрузили Красное Знамя над рейхстагом. Бои за рейхстаг продолжались до утра 1 мая, а отдельные группы немцев, засевшие в отсеках подвалов, капитулировали лишь в ночь на 2 мая.

2 мая ожесточенное и уже бесполезное сопротивление противника полностью прекратилось, остатки берлинского гарнизона во главе с начальником обороны Берлина генералом Вейдлингом сдались в плен. Фашистская Германия была сокрушена. В ходе битвы за Берлин советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковых и моторизованных дивизий, большую часть авиации вермахта, взяли в плен около 480 тыс. чел., захватили до 11 тыс. орудий и миномётов, свыше 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4500 самолётов.

В отличие от большинства других стратегических операций, где координация действий фронтов возлагалась на представителей Ставки, Берлинской операцией общее руководство войсками осуществлялось непосредственно Верховным Главнокомандованием. Иными словами, Сталин как Верховный Главнокомандующий держал под своим железным контролем весь ход этой выдающейся операции, ставшей венцом советского военного искусства. Он не только ежедневно, но и каждодчасно следил за всеми перипетиями Берлинской операции. Именно Верховный в конечном счете принимал или отклонял отдельные важные по своему характеру предложения командующих фронтами и армиями. Г.К. Жуков вспоминал, что поздней ночью 1 мая он получил сообщение о письме Геббельса советскому Верховному Главнокомандованию, в котором сообщалось о самоубийстве

Гитлера и предлагалось начать переговоры о перемирии. Несмотря на столь позднее время, он немедленно соединился со Сталиным.

«К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

– Товарищ Сталин только что лег спать.

– Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Очень скоро И.В. Сталин подошел к телефону. Я доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии.

И.В. Сталин ответил:

– Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

– По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

– Передайте Соколовскому, – сказал Верховный, – никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад»⁵³⁰.

Здесь важно оттенить одну важную мысль: Сталин по соображениям не только военно-стратегического, но и международно-политического характера считал абсолютно необходимым, чтобы не войска союзников, которым немцы в тот уже финальный период оказывали скорее символическое, нежели реальное сопротивление, а наши войска взяли штурмом Берлин и водрузили над рейхстагом знамя победы. И это не была дань символике или стремление утереть нос союзникам. Исторически было совершенно справедливо, чтобы те, кто вынес основную тяжесть войны на своих плечах, взяли штурмом столицу Германии. Немалое значение данный факт имел и при дальнейшем решении вопросов о судьбах Германии.

О широте политических взглядов Сталина и его уникальной способности распознавать и предвидеть политические шаги союзников в связи с тем, что Красной Армии выпадет судьба взять Берлин, свидетельствует секретная переписка Черчилля с Рузвельтом. Английский премьер уже 1 апреля 1945 г. писал президенту США: «Ничто не будет иметь такого психологического воздействия на все сопротивляющиеся нам немецкие войска, ничто не доведет их до такого отчаяния, как падение Берлина. Для немецкого народа это станет важнейшим признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в развалинах Берлину выдерживать осаду русских, он, пока над ним развевается немецкий флаг, будет воодушевлять сопротивление всех немцев, находящихся под ружьем.

Эта проблема имеет еще один аспект, который нам с Вами следует рассмотреть. Армии русских, несомненно, займут Австрию и вступят в Вену. Если они возьмут также и Берлин, не укрепится ли в их сознании неоправданное представление, что они внесли основной вклад в нашу общую

---

⁵³⁰ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 363.

победу? Не породит ли это у них такое настроение, которое создаст серьезные и непреодолимые трудности в будущем? Я считаю, что ввиду политического значения всего этого мы должны продвинуться в Германии как можно дальше на восток, и, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, конечно, должны взять его. Такой курс представляется разумным и с военной точки зрения»⁵³¹.

Едва ли есть нужда комментировать приведенный пассаж из письма английского премьера. Вызывает удивление, а точнее сказать – нескрываемое возмущение, когда читаешь это послание. Неужели Черчилль всерьез мог думать, чтобы в секретной переписке (а не в публичном выступлении) претендовать на то, что не русские, а союзники внесли основной вклад в общую победу? Может быть, под этим основным вкладом он подразумевал более чем трехлетнее оттягивание открытия второго фронта? Если это так, то он, конечно, был прав. Прав, но в обратном смысле слова.

Берлинская операция была подготовлена в короткие сроки, а её основные цели – окружение и уничтожение главной ударной группировки противника и овладение Берлином – достигнуты за 16 – 17 дней. Она является классическим примером наступления группы фронтов, проведённого с решительной целью. В ходе этой операции советские войска окружили и ликвидировали самую крупную в истории войн группировку вражеских войск. Одновременное наступление трёх фронтов в 300-км полосе с нанесением шести ударов сковывало резервы противника, способствовало дезорганизации его управления и в ряде случаев позволило достигнуть оперативно-тактической внезапности. Для Берлинской операции характерны решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов, создание высоких плотностей средств подавления и глубокое эшелонирование боевых порядков войск. Операция поучительна разнообразием боевого применения бронетанковых и механизированных войск и авиации.

Имея в виду перечисленные выше факты, свидетельства и выводы, становится совершенно очевидным, что многие критики деятельности Сталина во время войны, мягко говоря, занимаются тенденциозными измышлениями, когда приписывают советскому лидеру преступное пренебрежение к жертвам, понесенным нашими войсками в различных боевых операциях. В этом контексте показательным служит заключение, сделанное Зб. Бжезинским в его книге о Сталине. Он утверждал: «По мере того, как советские войска продвигались вперед, Сталин постепенно восстанавливал уверенность в своих собственных военных способностях. Он снова начал отдавать приказы о наступлении, прежде чем были предприняты необходимые подготовительные мероприятия. Учитывая, что противник был

---

⁵³¹ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны... М. 1995. С. 786 – 787.

опытен и весьма подготовлен, все это приводило к чрезмерным потерям, поскольку он жертвовал людьми во имя оправдания изъязнов собственной стратегии. Кульминацией стали огромные потери на самой последней фазе войны в сражении за Берлин»⁵³².

Подобные обвинения типичны для Бжезинского – не только яркого антисоветчика, но и открытого недруга России вообще. Как правило, его суждения категоричны и безапелляционны, а цифры, касающиеся жертв сталинских репрессий, он частенько берет с потолка, завышая их чуть ли не вдвое или втрое. Поэтому к его умозаключениям и обобщающим выводам следует подходить более чем критично. (Но это замечание – всего лишь ремарка, а не полемика по существу). По существу же следует сказать следующее. Потери советских войск в битве за Берлин действительно были немалые. Но надо иметь в виду, что фашистские войска здесь оказывали невероятное сопротивление, поскольку для них это был самый печальный финал всей войны. Потери наши были бы гораздо меньшими, если бы гитлеровское воинство не снимало с западного фронта боеспособные части и не перебрасывало их на Восточный фронт. Фактически немцы не оказывали в этот ответственный период серьезного сопротивления союзникам, стремившимся первыми взять столицу рейха и тем самым предстать перед всем миром в облике главных победителей Германии. Однако этому плану не суждено было осуществиться. Даже при отсутствии должного сопротивления союзникам не достались лавры тех, кто овладел Берлином. Может быть, сожаление в связи с неудачей данного замысла и лежало в основе утверждений Бжезинского о чрезмерных жертвах со стороны советских войск в битве за столицу Германии. Подобного хода мыслей исключить нельзя.

Буквально за неделю до капитуляции гитлеровской Германии, подводя итоги битвы за Берлин, Сталин в своем первомайском приказе особо подчеркнул: «Следует отметить, что в этих боях бок о бок с Красной Армией успешно наступали против общего врага польские, югославские, чехословацкие, болгарские и румынские дивизии.

В результате сокрушительных ударов Красной Армии немецкое командование было вынуждено перебросить на советско-германский фронт десятки дивизий, оголяя целые участки на других фронтах. Это обстоятельство помогло войскам наших союзников развернуть успешное наступление на западе. При этом путём одновременных ударов против немецких войск с востока и запада войскам союзников и Красной Армии удалось рассечь немецкие войска на две, оторванные друг от друга части и осуществить соединение наших и союзных войск в единый фронт.

Не может быть сомнения, что это обстоятельство означает конец гитлеровской Германии.

---

⁵³² Robert Conquest . Stalin. Breaker of Nations. p. 265.

Дни гитлеровской Германии сочтены»⁵³³.

В то время, когда советские войска завершали Берлинскую операцию, в Чехословакии оставалась крупная группировка немецких войск под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера. 1 – 5 мая в Праге и ряде районов Чехии и Моравии началось народное восстание. Войска 1-го Украинского фронта совершили стремительный марш в Чехословакию и 6 – 11 мая совместно с войсками 2-го (командующий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский) и 4-го (командующий генерал армии А.И. Ерёменко) Украинских фронтов в Пражской операции разгромили отказавшуюся капитулировать немецкую группу армий «Центр», вступили 9 мая в Прагу и завершили освобождение Чехословакии.

Таким образом, Великая Отечественная война завершилась полным разгромом фашистской Германии и ее союзников. Уверенность Сталина в окончательной победе над Германией, которую он выразил еще в своей речи 3 июля 1941 года, полностью оправдалась. В связи с великой победой Сталин обратился с речью к народу. В частности, он сказал: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию...

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, – не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией»⁵³⁴.

Весь советский народ с невиданным в нашей истории энтузиазмом встретил весть о капитуляции Германии: началось всеобщее ликование, стихийные митинги и шествия. Народ столько настрадался от ужасов и тягот войны, что не было предела его радости. Не находится таких слов, чтобы передать те настроения и чувства, которыми была обуяна вся наша страна. Повсюду раздавались здравицы в честь Верховного Главнокомандующего.

В официальной биографии Сталина написано: «Выражая волю всего советского народа, Президиум Верховного Совета СССР 26 июня 1945 года за исключительные заслуги в организации всех вооруженных сил Советского

---

⁵³³ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 188.

⁵³⁴ Там же. С. 192 – 193.

Союза и умелое руководство ими в Великой Отечественной войне, закончившейся полной победой над гитлеровской Германией, наградил Маршала Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина вторым орденом „Победа“. Возглавившему Красную Армию в тяжелые дни защиты нашей Родины и ее столицы Москвы, с исключительным мужеством и решительностью руководившему борьбой с гитлеровской Германией, Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“»⁵³⁵.

В связи с этим нельзя обойти молчанием вопрос о том, как сам Сталин отнесся к присвоению ему звания Героя Советского Союза. Он считал такое награждение незаслуженным и никогда не носил эту звезду, что подтверждается всеми фотоснимками, сделанными при его жизни. О некоторых обстоятельствах, связанных с присвоением вождю звания героя Советского Союза рассказывает один из его телохранителей А.Т. Рыбин:

«Члены Политбюро ЦК ВКП(б) решили Сталина представить к награде – званию Героя Советского Союза. Сказано – сделано. М.И. Калинин подмахнул этот указ. Сталин узнал о новаторстве Берии, Маленкова, Хрущева, Кагановича и возмутился. Пригласил М.И. Калинина и спросил: „Вы, Михаил Иванович, знаете, кому и за что присваивается высокое звание Героя Советского Союза? Вы 26 июня 1945 г. издали указ о награждении меня. За какие заслуги? В бой я полки не водил, в атаку не ходил, героизма не проявлял. Я отказываюсь принять эту звезду, как мною не заслуженную“. Но указ подписан. Маленков и Берия стали думать, как ее вручить Сталину. Сначала Маленков взялся за это дело, но потом дал попятную. Попросил А. Поскребышева при удобном случае вручить Сталину звезду. Поскребышев взял звезду у Маленкова, но вскоре раздумал выполнять такое щепетильное поручение. Каждый из них боялся вручать Сталину звезду. Вспоминает прикрепленный Сталина В. Туков: „В конце концов указ и звезда оказались у коменданта сталинской дачи И.М. Орлова. Как-то Сталин намеревался секатором подстригать кусты, но секатора под рукой не оказалось. Орлов быстро ему принес секатор. Видимо, Поскребышев попросил Орлова при удобном случае передать Сталину звезду и указ. Секатор Сталину отдал, а указ, звезду держит за спиной. Сталин: „Орлов, что вы там прячете? Покажите“. Орлов подумал: будь, что будет, рискнул раскрыть тайну Маленкова, Берии, Кагановича. Подал Сталину указ и звезду. Сталин посмотрел на звезду, указ, выругался, обратно передал все мне. При этом добавил: „Отдайте это тем, кто придумал эту чепуху“»⁵³⁶.

---

⁵³⁵ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 222.

⁵³⁶ А.Т. Рыбин. Сталин в октябре 1941 г. (Записки телохранителя). С. 41.

Разумеется, данный случай отнюдь не свидетельствует о том, что Сталин вообще был лишен тщеславия и не страдал этой болезнью, особенно свойственной людям, претендующим на подобающее место в анналах истории. Однако надо признать, что он не был лишен здравого смысла и прекрасно отдавал себе отчет в том, что присвоение ему данного звания противоречит статуту данной награды и способно лишь скомпрометировать его. Видимо, этим и была продиктована его реакция.

Общая оценка роли Сталина как Верховного Главнокомандующего и рассмотрение споров, идущих по поводу Сталина как полководца, – на этом я остановлюсь в следующей главе.

Здесь же, сделав беглый обзор завершающего этапа войны и несколько нарушая хронологию изложения, необходимо остановиться на том, как сам Сталин оценивал ход развития событий в то время. Как правило, это делалось им в докладах о годовщинах Октябрьской революции. Причем надо особо отметить, что в сталинские времена важнейшие стратегические операции заключительного этапа войны определялись как 10 сталинских ударов. Насколько была оправдана такая метафора, судить можно по-разному. По крайней мере, ясно одно – Сталин к этим ударам имел самое непосредственное отношение как Верховный Главнокомандующий.

Но вернемся к оценкам, которые давал Сталин в ноябре 1944 года развертывавшимся событиям как на фронте, так и международной арене в целом. Сталин заявил, что решающие успехи Красной Армии в этом году и изгнание немцев из пределов Советской земли были предрешены рядом сокрушительных ударов наших войск по немецким войскам, начатых еще в январе этого года и развернутых затем в течение всего отчетного года⁵³⁷. Затем Верховный перечислил эти 10 ударов и сообщил, что в результате этих операций было разбито и выведено из строя до 120 дивизий немцев и их союзников. Вместо 257 дивизий, стоявших против нашего фронта в прошлом году, из коих 207 дивизий было немецких, мы имеем теперь против нашего фронта после всех «тотальных» и «сверхтотальных» мобилизаций всего 204 немецких и венгерских дивизии, из коих немецких дивизий насчитывается не более 180. Новым моментом за истекший год в войне против гитлеровской Германии нужно считать тот факт, что Красная Армия вела свои операции в этом году против немецких войск не в одиночестве, как это имело место в предыдущие годы, а совместно с войсками наших союзников.

Далее, следуя привычной схеме, Сталин перечислил основные факторы, обеспечивавшие наши успехи на фронте и в тылу. Особо он выделил заслуги всего советского народа: «Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспрецедентные трудности нынешней войны не сломили,

---

⁵³⁷ См. *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 153.

а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа»⁵³⁸.

Следует отметить, что вождь счел необходимым особо подчеркнуть значение патриотизма как своего рода движущей силы, которая вела нашу страну к победе. Сила советского патриотизма, говорил он, состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами⁵³⁹.

Поскольку мир уже стоял у порога, надо было подумать и о серьезных проблемах, связанных с дальнейшими судьбами антигитлеровской коалиции и укреплением основ международной безопасности. (Подробно на вопросе о формировании этой коалиции и ее зачастую сложных и противоречивых проблемах я в дальнейшем остановлюсь в отдельной главе. Поэтому здесь я лишь пунктиром обозначаю ключевые аспекты ее.) Сталин подчеркнул, что на всем протяжении войны гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки разобщить и противопоставить друг другу Объединенные Нации, вызвать среди них подозрительность и недружелюбие, ослабить их военные усилия взаимным недоверием, а если удастся – и борьбой друг с другом. Подобные стремления гитлеровских политиков вполне понятны. Для них нет большей опасности, нежели единство Объединенных Наций в борьбе против гитлеровского империализма, и для них не было бы большего военно-политического успеха, нежели разобщение союзных держав в их борьбе против общего врага. Известно, однако, сколь тщетными оказались потуги фашистских политиков расстроить союз великих держав. Это означает, что в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы.

Можно не сомневаться в том, что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трех лет войны и если он скреплен кровью народов, поднявшихся на защиту своей свободы и чести, то тем более

---

⁵³⁸ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 159.

⁵³⁹ Там же. С. 160 – 161.

этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны⁵⁴⁰. Вполне резонно советский лидер указал, что выиграть войну с Германией – значит осуществить великое историческое дело. Но выиграть войну еще не значит обеспечить народам прочный мир и надежную безопасность в будущем. Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, – если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени. Средством осуществления этой задачи – помимо полного разоружения агрессивных наций – Сталин считал следующие меры: создать специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности из представителей миролюбивых наций, дать в распоряжение руководящего органа этой организации минимально необходимое количество вооруженных сил, потребное для предотвращения агрессии, и обязать эту организацию в случае необходимости применить без промедления эти вооруженные силы для предотвращения или ликвидации агрессии и наказания виновников агрессии.

И весьма прозорливо советский вождь поставил отнюдь не риторический вопрос: «Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие»⁵⁴¹.

Все послевоенное развитие убедительно подтвердило правоту слов Сталина. Можно сказать, что он далеко смотрел вперед. Единственный упрек, который ему можно сделать в связи с трактовкой проблем дальнейшего продолжения союзнических отношений трех держав, состоит в том, что он несколько упростил картину мира, когда сказал, что в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы. Что эти интересы не были случайными – это факт. Но что в основе этих отношений лежат жизненно важные интересы – об этом еще можно подискутировать. Если к военному периоду они применимы, то к послевоенной эпохе – это еще вопрос. Но обо всем этом пойдет речь в дальнейшем.

ГЛАВА 7.

РОЛЬ СТАЛИНА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

---

⁵⁴⁰ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 165.

⁵⁴¹ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 168.

1. Сталин как Верховный Главнокомандующий

В современном российском обществе, продолжая линию, которая наметилась уже давно, не перестают утихать споры и дискуссии о том, кто выиграл войну – Сталин или народ? Причем наиболее закоренелые критики вождя интерпретируют этот вопрос еще более категорично. По их мнению, войну выиграл народ как раз вопреки Сталину. Не стану подробно дискутировать на эту тему. Замечу лишь следующее: такая постановка вопроса вообще несерьезна и неправомерна, она исторически необоснованна. Противопоставлять Верховного Главнокомандующего народу и армии, которой он руководил, – по меньшей мере, несерьезно. Ведь не какая-то мифическая фигура, а именно Сталин стоял во главе Советского государства, и не какой-то мифический народ, снедаемый ненавистью к социализму, воевал против фашистской Германии. Ведь речь шла не о каких-то отдельных категориях граждан, недовольных советским строем и Сталиным, в частности, а о советском народе в целом, который в своем абсолютном большинстве поддерживал господствовавший в стране строй. И вообще, невозможно найти такие весы в истории, на которых можно было бы взвесить степень доверия народа к своему руководству. Каким бы ни был суровым сталинский режим, какими бы жестокими репрессиями он ни пользовался для реализации целей, в условиях войны, особенно в период жестоких поражений на начальных этапах войны, – этот режим не смог бы удержаться и сохранить свою власть. Более того, он показал, что обладает колоссальным потенциалом устойчивости, непревзойденной способностью твердо осуществлять руководство и после серьезнейших неудач найти в себе силы для мобилизации усилий всего народа для обеспечения сначала отпора, а затем и разгрома Гитлера и его сателлитов. На Западе многие сомневались в этом. Но, помимо скептиков, было немало и здравомыслящих людей, которые верили в жизнестойкость Советской России, в ее способность нанести фашизму в конечном счете поражение.

Конечно, в историческом анализе пословицы и афоризмы едва ли могут служить серьезным аргументом для доказательства того или иного тезиса. Но мне хочется напомнить один остроумный афоризм: лучше стадо баранов во главе со львом, чем стадо львов во главе с бараном. В этом высказывании заложен глубокий смысл: он оттеняет огромную роль верховного руководителя страны, особенно в период величайших испытаний. Я не хочу, чтобы использованный мной афоризм истолковали так, будто я рассматриваю советский народ в качестве стада баранов, а Сталина в качестве льва. Но вот из рассуждений некоторых маститых историков и публицистов порой можно сделать вывод, что они склонны в какой-то мере считать советский народ в период войны чуть ли не послушным стадом, который под страхом репрессий выполнял волю Сталина. Некоторые избегают столь примитивной

постановки вопроса и говорят о том, что народом двигало чувство патриотизма, а отнюдь не стремление защитить советский строй. Но при этом почтенные критики оказываются в виртуальной реальности, а не в реальной обстановке той суровой эпохи, когда борьба за спасение страны органически сливалась с борьбой за существовавший в стране строй. Это, конечно, не значит, что многие не видели серьезных пороков тогдашнего общественного устройства и порядков, господствовавших в нем. Но не хуже нынешних критиков они отдавали себе отчет, что именно тот строй, который существовал в стране, способен не на словах, а на деле сплотить весь народ на отпор врагу и создать все необходимые материально-технические, организационные и иные предпосылки, являвшиеся важнейшей составляющей победы над врагом.

По этим соображениям, а также по ряду других, о которых я не буду распространяться, концепция противопоставления вождя народу в период войны, концепция, согласно которой это были якобы две диаметрально противоположные и враждебные силы, представляется надуманной и политически и идеологически ангажированной. Народу всегда нужна национальная идея, и он нуждается в подлинно национальном лидере. Но национальная идея – это не плод пропагандистских уловок и изысканий. Она рождается в народе под диктовку самого времени, а не вносится в общественное сознание средствами массовой информации. Смею утверждать, что во время войны, как и в предшествовавшие годы государственного строительства, у советского народа была национальная идея. И, соответственно, был ее выразитель, ее персональное воплощение.

Вообще тема Сталин как носитель определенной национальной идеи вызывает большой интерес и требует специального рассмотрения. Однако рамки моего труда не позволяют в должной мере раскрыть эту тему. Хотя по ходу рассмотрения и анализа тех или иных аспектов сталинской политической биографии я еще не раз буду касаться данного аспекта проблемы.

Под разными углами зрения мы уже касались вопроса о роли Сталина как Верховного Главнокомандующего. Здесь пойдет речь об обобщенной оценке этой роли. Причем с самого начала должен оговориться, что основными материалами для вынесения своего рода исторического вердикта, на мой взгляд, должны служить не те или иные политические или идеологические соображения и пристрастия, а объективные факты. Решающим критерием при оценке роли Сталина как военного руководителя страны в годы войны должен быть ответ на главный вопрос: закончилась война победой или поражением? Все другие факты и обстоятельства, какими бы важными они не были сами по себе, в конечном счете отступают на второй план перед ответом на поставленный выше вопрос. Мне думается, что именно в этой плоскости следует давать общую оценку Сталина как Верховного Главнокомандующего. Разумеется, такой подход может

показаться кому-то слишком прямолинейным, однозначным, узким, не учитывающим многие другие важные факторы и обстоятельства. Но я отнюдь не стремлюсь к тому, чтобы самим фактом победы оставить вне поля критического рассмотрения многие ошибки и просчеты Сталина на высшем военном посту. Победа – это не индульгенция, освобождающая его от критики, порой весьма серьезной, в деле руководства вооруженными силами страны и военными действиями в период с 1941 по 1945 год.

Следует сделать еще одно существенное замечание. В данном разделе я буду опираться на высказывания и оценки прежде всего тех советских военачальников, которые работали со Сталиным во время войны и которые, помимо оставшихся документов того периода, являются главными третейскими судьями в спорах о Сталине как военном руководителе. Естественно, что мне в силу объективной необходимости придется широко и обильно цитировать их высказывания и оценки. Ибо они лежат в основе обобщающих выводов, а делать таковые дилетантам в военных вопросах, к которым отношусь и я, не пристало. Так что мое собственное мнение как автора в принципе базируется именно на этих материалах.

Но сначала следует оттенить одну важную мысль: Сталин был не просто Верховным Главнокомандующим в обычном понимании этого слова и значения, которое имела эта должность. Особенность состоит в том, что он соединял в своем лице все главные функции верховной власти в стране в целом. Он отвечал не только за ход и исход военных операций, но фактически нес ответственность за все основные процессы жизни, происходившие в стране. Речь идет о руководстве экономикой страны, внешней политикой, определением главных направлений буквально всех сторон жизни государства. Власть его была необъятна. Но столь же велика была и ответственность. Ибо отделять одно от другого нельзя, как порой делают некоторые историки и публицисты, делая упор прежде всего на власти, которая сосредоточивалась в руках одного человека. Власть и ответственность необходимо рассматривать в неразделимом и органическом единстве – тогда можно будет избежать всякого рода упрощений и однобоких, и тем более тенденциозных, выводов и заключений.

Есть основания согласиться с оценкой российского историка А.А. Кокошина в той части его книги, где он пишет: «Сталина отличала сильная память, способность быстро схватывать суть проблемы, работать с огромными объемами данных, организуя их в определенном порядке. Все эти качества он проявлял в гораздо более сложных условиях, чем те, в которых находились другие лидеры антигитлеровской коалиции – премьер Великобритании У. Черчилль, президент США Ф.Д. Рузвельт и даже лидер „сражающейся Франции“ Ш. де Голль, показавшие не раз в ходе Второй мировой войны выдающиеся качества государственных руководителей, верховных главнокомандующих... Разумеется, никто из западных лидеров антигитлеровской коалиции, даже в условиях военного времени и огромной

степени мобилизации ресурсов своих стран, не мог сравниться со Сталиным по степени сосредоточения в своих руках власти. Эта власть превышала и власть практически любого абсолютного монарха»⁵⁴².

Учитывая степень концентрации власти в руках Сталина, необходимо соответственно оценивать и степень его ответственности за все, происходившее в стране, и особенно за ход и исход Великой Отечественной войны. По-разному можно рассматривать вопрос о самой целесообразности сосредоточения власти в руках одного человека. Однако, на мой взгляд, военные условия, прежде всего в начальный период, вполне оправдывали такую концентрацию власти. В какой-то мере с этим соглашается и такой ярый критик Сталина и сталинизма вообще, как Д. Волкогонов. Он писал: «Необходимость централизации государственной, политической и военной власти в военное время едва ли можно поставить под сомнение. Но однозначно следует сказать, что такая концентрация власти должна иметь пределы прежде всего в партийной жизни, не отводить окружению роли статистов и поддакивателей. Сталин все „замкнул“ на себе. Поэтому, каким бы ни было наше отношение к Сталину сегодня, нельзя не признать нечеловеческого по масштабам и ответственности объема работы, которая легла на его плечи. Если хозяйственные, политические, дипломатические вопросы во многом взяли на себя члены Политбюро и ГКО, то военные и военно-политические проблемы приходилось решать в основном ему, Верховному Главнокомандующему, что привело, кстати сказать, к многочисленным просчетам. К счастью, в составе Генерального штаба, высшего военного руководства быстро выдвинулась и проявила себя целая плеяда выдающихся военачальников. Но нельзя не сказать еще раз и о том, что огромные бреши в кадровом составе армии, образовавшиеся по вине Сталина накануне войны, очень долго давали о себе знать, особенно во фронтовом, армейском, корпусном и дивизионном звене»⁵⁴³.

Совершенно очевидно, что в данной, как и сотнях других оценок, на первый план в качестве доминирующих выплывают прямо не афишируемые, но тем не менее отчетливо проглядываемые политико-идеологические мотивы. Авторы сборника статей об историографии сталинизма с достаточным основанием утверждают: «Избитая фразеология о том, что „победителей не судят“, вероятно, не относится к победе в величайшей из войн. Заочная историографическая полемика о Сталине как полководце проходит в форме суда. Представленные в современной историографии оценочные характеристики варьируются от репрезентации его в качестве

---

⁵⁴² А.А. Кокошин. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М. 2003. (Электронный вариант).

⁵⁴³ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга вторая. М. 1996. С. 181 – 182.

творца всех побед до изображения едва ли не главного препятствия успешной деятельности Красной Армии. Исследователи истории войны условно разделились на прокуроров и адвокатов Сталина»⁵⁴⁴.

В оценке роли Сталина как Верховного Главнокомандующего, в литературе о нем доминируют две диаметрально противоположные точки зрения. Первая заключается в категорическом и безоговорочном отрицании его военных способностей и, по существу, сводится к тому, что он скорее сыграл отрицательную, нежели положительную роль, поскольку с его верховным руководством сопряжены тяжелейшие поражения советской армии и бесчисленное множество неправильных, чисто волюнтаристских решений. Мол, без Сталина мы все равно выиграли бы войну, однако с меньшими потерями и издержками. Такова, если говорить упрощенно, первая – негативная линия в оценке Сталина на посту Верховного.

Сторонники второй точки зрения, напротив, исходят из того, что роль Сталина была исключительно велика, и именно во многом благодаря ему наша страна вышла победителем в этой смертельной схватке с таким опасным, коварным и сильным противником, каким являлась фашистская Германия. Приверженцы второй точки зрения, конечно, не закрывают глаза на просчеты и ошибки Сталина, но подчеркивают, что не последние в конце концов определяли ход войны, а часто являлись неизбежным следствием реальной обстановки на фронтах.

В своем обзоре проблемы я приведу высказывания и оценки как адептов первой, так и второй точек зрения, поскольку лишь в их сопоставлении проглядывает свет истины.

Возможно, в этом и нет необходимости, но все же стоит напомнить читателю, что «первопроходцем» в развенчании Сталина как военного руководителя был Хрущев с его докладом на XX съезде, в котором содержалась такая несуразица, будто Сталин руководил военными операциями по глобусу. Этот примитивный прием сразу же вызвал не просто недоумение, но и возмущение тех, кто был знаком с реальными фактами. Так, маршал К.А. Мерецков свидетельствовал в своих мемуарах: «В некоторых книгах у нас получила хождение версия, что будто И.В. Сталин руководил боевыми операциями „по глобусу“. Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать». В ходе войны, Мерецкову десятки раз приходилось встречаться с И.В. Сталиным, и во время этих встреч Верховный, подойдя к карте в кабинете, знакомил с положением дел на фронте и разъяснял боевое задание⁵⁴⁵.

Сейчас к таким дешевым хрущевским приемам не прибегают, а

---

⁵⁴⁴ Историография сталинизма. С. 246.

⁵⁴⁵ К.А. Мерецков. На службе народу. М. 1968. С. 214.

используют более изощренные средства и порой внешне убедительную аргументацию. Но суть от этого не меняется. Антисталински настроенные авторы используют другие аргументы.

В частности, я сошлюсь на одного из «корифеев» критики Сталина Д. Волкогонова. Вот его оценка: «Сталин не был „гениальным полководцем“, как о том было сообщено миру в сотнях фолиантов, фильмов, поэм, исследований, заявлений. Я совсем не хочу этим сказать, что он был бездарен. На основании документов и свидетельств я постараюсь доказать, что это был кабинетный полководец, не лишенный практического, волевого, злого ума, постигавший тайны военного искусства ценой кровавых экспериментов. Мы часто при оценке Сталина оставляем за „кадром“ один из важнейших критериев его „полководческого мастерства“ – цену Победы.

...Портрет этого человека, занявшего во время войны все высшие посты в государстве, будет неполным, если не попытаться ответить на вопрос: был ли полководческий талант у будущего генералиссимуса? Проявил ли себя Сталин как полководец в различные периоды войны? Какова роль в полководческой деятельности Сталина его непосредственного военного окружения? Почему при „гениальности“ Верховного наши потери оказались в два-три раза большими, чем у противника?

...Сталин никогда не обладал выдающимися прогностическими способностями. Да это и невозможно при догматическом складе ума. Но самое главное, Сталин при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания. Он не знал военной науки, теории военного искусства. Он доходил до всех премудростей стратегии, оперативного искусства в ходе кровавой эмпирии, множества проб и ошибок. Опыт гражданской войны, в которой он участвовал в качестве члена Военного совета ряда фронтов, уполномоченного Центра, был явно недостаточен для человека, занимающего пост Верховного Главнокомандующего. Реноме Сталина как полководца поддерживалось, хотя об этом обычно мало говорят, коллективным разумом Генерального штаба, незаурядными способностями некоторых крупных военачальников, находившихся рядом с ним во время войны. Это прежде всего – Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов. Сталин, который, в сущности, никогда не бывал в воинских частях, в штабах, полевых пунктах управления, не представлял по-настоящему механизм функционирования военной системы, ему часто не хватало, особенно в первые полтора года войны, чувства оперативного времени, реальных пространственных координат театра военных действий, возможностей войск. Отсюда его распоряжения, заранее обреченные на невыполнение, или поспешные, непродуманные действия»⁵⁴⁶.

---

⁵⁴⁶ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга вторая. С. 272 – 274.

С оценками Сталина как серой бездарности в военном, да и не только в военном отношении, перекликаются оценки и ряда других российских историков, в частности А. Мерцалова и Л. Мерцаловой. В своей книге, специально посвященной данному вопросу, они, в частности, утверждают: «Сталин по профессиональным и личным качествам не был и не мог быть полководцем, тем более великим. Он не обладал общей и специальной культурой, необходимой крупному военному руководителю. Он не имел глубокого ума, умения и желания постоянно учиться, что было особенно важно в 30 – 40-е гг., когда военное дело бурно развивалось. Он не отличался принципиальностью и порядочностью. К нему относились со страхом, но не с доверием. Чтобы назваться „великим“, нужно, по крайней мере, превзойти противника. В чем же Сталин превзошел его? Год с лишним бездарных провалов и жестоких поражений. Затем два с половиной года по-прежнему кровопролитных операций, имевших результатом скорее вытеснение, но не уничтожение или пленение противника. Что можно записать в актив Сталина, если даже допустить, что все победы советских войск были плодами его „военного гения“? Катастрофу вермахта на Волге? Наибольшее достижение советских войск – операцию „Багратион“? Но нечто подобное было в 1941 г. и в активе немцев.

Дело стратега – победить в войне. Но ни один из них не заслужил еще славы, если цена победы была непомерна»⁵⁴⁷.

Вся книга этих двух авторов пронизана тенденциозностью, она оперирует фактами избирательно, подбирая те, которые призваны подтвердить обоснованность их выводов и оценок. И если порой в книге встречаются констатации, более или менее соответствующие объективности, то они мерцают, как далекие огоньки, которые меркнут в лавине запрограммированных заранее выводов. Квинтэссенция выводов, к которым приходят авторы этой книги сводится к следующему положению, сформулированному с категорической безапелляционностью: «Итак, никакие мифы не могут снять проблему профессионализма РККА 1941 – 1945 гг. Находясь на самой начальной стадии ее исследования, мы не можем дать полного ответа. Вполне определенно можно, однако, сказать, что Сталин не был ни „великим полководцем“, ни „полководцем“ вообще. При отсутствии элементарной военной подготовки и опыта управления большими массами войск он не мог быть ни тем, ни другим. Он был незаурядным администратором, искусным демагогом и интриганом, он был узурпатором. Вторгаясь во все сферы государственного руководства, ни одной из них он не владел в совершенстве. Объединение в одном лице всех мыслимых властей (как в библейском мифе: бог-отец, бог-сын...) не было обусловлено некими объективными обстоятельствами – был „великий Сталин“... При общем

---

⁵⁴⁷ А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М. 1998. С. 289.

чрезвычайно невыгодном для РККА соотношении людских и материальных потерь вообще нельзя говорить о каком-то одном полководце, выигравшем войну в целом („первом маршале“). Можно говорить лишь о наиболее выдающихся операциях и маршалах, их осуществивших»⁵⁴⁸.

Я не стану вступать в детальную полемику ни с Волкогоновым, ни с Мерцаловыми, хотя невооруженным взглядом видны явные изъяны их аргументации, в частности о цене победы. (Об этом будет сказано в конце раздела.) Я уже не говорю об общей оценке интеллектуального потенциала Сталина, его широком политическом и военно-стратегическом кругозоре, который признавался и по достоинству оценивался куда более компетентными людьми, чем указанные выше критики Сталина как военного руководителя. Кстати, стоит заметить, что многие западные биографы Сталина также, не разобравшись серьезно и основательно в проблеме, основываясь на оценках, почерпнутых из арсенала Хрущева, делают безосновательные, но тем не менее категорические выводы о том, что Сталин как Верховный Главнокомандующий скорее наносил вред делу ведения военных операций, чем приносил пользу. Так, Р. Пэйн в своей книге о Сталине утверждает: «Его вторжения в область военной стратегии были почти всегда губительны. Он знал очень немного о войне и постоянно удивлял своих партнеров своим невежеством... Он непрерывно вмешивался в дела своего военного штаба, выдвигал и понижал в должности офицеров по собственному произволу, давал распоряжения, которые на самом деле был должен отменить, и был постоянной помехой для высших военных чинов. Высшие военные чины постоянно приспособлялись к тому, как удовлетворить его тщеславие, создавая у него впечатление, что он был активным военным руководителем, особенно тогда, когда, как иногда случалось, он осуществлял военное руководство, будучи пьяным...

Он был человеком, с которым нельзя было спорить. Никакой командующий, кроме, возможно, Гитлера, не был когда-либо настолько расточителен в использовании ресурсов страны. Он постоянно пользовался своим суверенным правом совершать безнаказанные ошибки»⁵⁴⁹.

Позволю себе противопоставить оценки и мнения куда более осведомленных и компетентных авторов, а скорее – непосредственных участников руководства военными действиями в период войны. Полагаю, что их оценки и выводы со всех точек зрения куда авторитетнее и весомее, нежели отдельных историков. Начну с маршала А. Василевского, который наиболее тесно и чуть ли не каждодневно соприкасался по всем важным вопросам ведения войны с Верховным. Вот наиболее важные и наиболее

---

⁵⁴⁸ Там же. С. 304.

⁵⁴⁹ Robert Payne . The Rise and Fall of Stalin. p. 588.

интересные его оценки Сталина как военного руководителя. «...Хочу дополнительно сказать несколько слов о И.В. Сталине, как Верховном Главнокомандующем.

Полагаю, что мое служебное положение в годы войны, моя постоянная, чуть ли не повседневная связь со Сталиным и, наконец, мое участие в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Оборона, на которых рассматривались те или иные принципиальные вопросы вооруженной борьбы, дает мне право сказать о нем. При этом я не буду в полной мере касаться его партийной, политической и государственной деятельности во время войны, поскольку не считаю себя достаточно компетентным в этом вопросе.

Оправданно ли было то, что Сталин возглавил Верховное Главнокомандование? Ведь он не был профессионально военным деятелем.

Безусловно, оправданно...

И.В. Сталин обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность аналитически мыслить приходилось наблюдать во время заседаний Политбюро ЦК партии, Государственного Комитета Оборона и при постоянной работе в Ставке. Он неторопливо, чуть сутулясь, прохаживается, внимательно слушает выступающих, иногда задает вопросы, подает реплики. А когда кончится обсуждение, четко сформулирует выводы, подведет итог. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив или приказов Верховного Главнокомандующего...

Тем не менее, я не хочу, чтобы у читателя сложилось неверное представление, что в начальный период войны со стратегическим руководством обстояло плохо. Такой категорический вывод делать было бы неоправданно. Верховное Главнокомандование осуществляло повседневное руководство действиями фронтов.

Поворотной вехой глубокой перестройки Сталина как Верховного Главнокомандующего явился сентябрь 1942 года, когда создалась очень трудная обстановка и особенно потребовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время он стал по-другому относиться к аппарату Генштаба, командующим фронтами, вынужден был постоянно опираться на коллективный опыт военачальников. От него с той поры нередко можно было услышать слова: „Черт возьми, что же вы не сказали!“

...Я уже писал, что в первые месяцы войны у него порой проскальзывало стремление к фронтальным прямолинейным действиям советских войск. После Сталинградской и особенно Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций. Он уже требует, чтобы военные действия

велись творчески, с полным учетом военной науки, чтобы они были и решительными и маневренными, предполагали расчленение и окружение противника. В его военном мышлении заметно проявляется склонность к массированию сил и средств, разнообразному применению всех возможных вариантов начала операции и ее ведения. И.В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, ибо он превосходно владел искусством политической стратегии, но и в оперативном искусстве.

...Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руководил действиями фронтов, и все советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство хваленной на Западе немецко-фашистской военной школы.

Большое влияние Сталин оказал на создание делового стиля работы Ставки. Если рассматривать этот стиль начиная с осени 1942 года, то его характеризовали: опора на коллективный опыт при разработке оперативно-стратегических планов, высокая требовательность, оперативность, постоянная связь с войсками, точное знание обстановки на фронтах.

Составной частью стиля работы И.В. Сталина как Верховного Главнокомандующего являлась его высокая требовательность. Причем она была не только суровой, что, собственно, оправданно, особенно в условиях войны. Он никогда не прощал нечеткость в работе, неумение довести дело до конца, пусть даже это допустит и очень нужный и не имевший до того ни одного замечания товарищ.

Сталин как Верховный Главнокомандующий в большинстве случаев требовал справедливо, хотя и жестко. Его директивы и приказы указывали командующим фронтами на ошибки и недостатки, учили умелому руководству всевозможными военными действиями. Получали иногда соответствующие указания и мы, представители Ставки. В книге мною приведено немало тому примеров»⁵⁵⁰.

Сталин отличался суровой требовательностью по отношению ко всем, в том числе и к своим ближайшим помощникам по руководству военными действиями. Примеров этого – множество. Я приведу здесь лишь некоторые из них. В частности, касающиеся самого Василевского и заместителя Верховного маршала Жукова.

17 августа 1943 г. Сталин направил телеграмму следующего содержания Василевскому:

«Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке

---

⁵⁵⁰ А. Василевский . Дело всей жизни. М. 1975. С. 540 – 546.

обстановки. Я уже давно обязал Вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Вы не можете сослаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой. Тогда как Вы мало дисциплинированы и забываете часто о своем долге перед Ставкой.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»⁵⁵¹.

Едва ли есть резон комментировать приведенную выше телеграмму. Но стоит заметить, что Сталин делал подобные «втыки» и другим, в частности Жукову, которого он хвалил за дисциплинированность. Так, 12 февраля 1944 г. он телеграфировал Жукову:

«Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам неизвестно о занятии противником Хильки и Нова-Буда; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк. и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорвавшегося на Шендеровку. Сил и средств на левом крыле 1 УФ и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно для того, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить Корсуньскую группировку. Требую от Вас, чтобы Вы уделите исполнению этой задачи главное внимание»⁵⁵².

Мне представляется, что приведенные выше оценки маршала Василевского дают ответы на многие вопросы. По крайней мере, они основаны на событиях и фактах, непосредственно ему известных. Оценки Василевского можно дополнить и оценками маршала Жукова, хотя нужно заметить, что в разные периоды послевоенного времени он высказывал различные точки зрения, часто противоречащие одна другой. Видимо, он был блестящим полководцем, но отнюдь не блестящим политиком.

Начну с тех оценок, которые содержатся в его воспоминаниях,

---

⁵⁵¹ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 326.

⁵⁵² *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 344.

изданных прижизненно. Кое-кто может возразить, что при их публикации на Жукова могли оказать давление с тем, чтобы он дал позитивную оценку Сталину как военному руководителю. Однако сам характер высказываний Жукова, да и вообще сам его характер человека твердого и отнюдь не склонного к гнилым компромиссам, особенно по столь важным вопросам, дает основание считать его оценки, высказанные в книге отвечающими истинным взглядам маршала.

«И.В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением.

Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать.

Опираясь на всестороннюю помощь ЦК и организаторскую деятельность партии на местах, горячий патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну с фашизмом, Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту»⁵⁵³.

И Жуков далее продолжал: «Работники Генштаба и представители Ставки развешивали карты на большом столе и стоя докладывали Верховному обстановку на фронтах, иногда пользуясь записями. И.В. Сталин слушал, обычно расхаживая по кабинету медленным широким шагом, вразвалку. Время от времени он подходил к большому столу и, наклонившись, пристально рассматривал разложенную карту. Изредка он возвращался к своему столу, брал коробку папирос „Герцеговина Флор“, разрывал несколько папирос и медленно набивал трубку табаком.

Стиль работы, как правило, был деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. Верховный ко всем обращался одинаково – строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившегося репликами – „короче!“, „яснее!“. Совещания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

За долгие годы войны я убедился, что И.В. Сталин вовсе не был таким человеком, которому нельзя было ставить острые вопросы или спорить с ним, твердо отстаивая свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное,

---

⁵⁵³ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 342.

прямо скажу, что их утверждения неверны⁵⁵⁴.

И.В. Сталин требовал ежедневных докладов о положении дел на фронтах. Чтобы идти на доклад к Верховному Главнокомандующему, нужно было быть хорошо подготовленным. Явиться, скажем, с картами, на которых имелись хоть какие-то „белые пятна“, сообщать ориентировочные или тем более преувеличенные данные было невозможно. Он не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У Верховного было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же их находил и строго взыскивал за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное и не упускал случая довольно резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только были способны в те военные дни»⁵⁵⁵.

Суть оценки Жуковым Сталина как Верховного Главнокомандующего сводится к следующим важным выводам. Он писал: «...Меня часто спрашивают, действительно ли И.В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Могу твердо сказать, что И.В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности И.В. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрылись, начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с обстановкой, нанесенной на них, он разбирался неплохо.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической

---

⁵⁵⁴ Этот факт подтверждает и С.М. Штеменко: «Должен сказать, что Сталин не решал и вообще не любил решать важные вопросы войны единолично. Он хорошо понимал необходимость коллективной работы в этой сложной области, признавал авторитеты по той или иной военной проблеме, считался с их мнением и каждому отдавал должное. В декабре 1943 г. после Тегеранской конференции, когда потребовалось наметить планы действий на будущее, доклад на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки относительно хода борьбы на фронтах и ее перспективах делали А.М. Василевский и А.И. Антонов, по вопросам военной экономики докладывал Н.А. Вознесенский, а И.В. Сталин взял на себя анализ проблем международного характера». *С.М. Штеменко*. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая. М. 1985. С.259.

⁵⁵⁵ *Г.К. Жуков*. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 343 – 344.

обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим»⁵⁵⁶.

В беседах с писателем К. Симоновым Жуков говорил: «Впечатления от последующих встреч со Сталиным сложились разные, да и сами эти встречи были очень разными. Он был человеком с большим чувством юмора и иногда, когда дела шли хорошо, бывал, как в первую нашу встречу, внимательным и человечным. Но в большинстве случаев, а в общем-то почти всегда, был серьезен и напряжен. В нем почти всегда чувствовалась эта напряженность, которая действовала и на окружающих. Я всегда ценил – и этого нельзя было не ценить – ту краткость, с которой он умел объяснять свои мысли и ставить задачи, не сказав ни единого лишнего слова. Эту краткость он в свою очередь сам ценил в других и требовал докладов содержательных и кратких. Он терпеть не мог лишних слов и заставлял в таких случаях сразу переходить к существу дела.

При своем грузинском акценте он великолепно владел русским языком и, можно без преувеличения сказать, был знатоком его»⁵⁵⁷.

«В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере – политике, и чем в более прямое взаимодействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них.

В вопросах оперативного искусства в начале войны он разбирался плохо. Ощущение, что он владеет оперативными вопросами, у меня лично начало складываться в последний период Сталинградской битвы, а ко времени Курской дуги уже можно было без преувеличения сказать, что он и в этих вопросах чувствует себя вполне уверенным.

Что касается вопросов тактики, строго говоря, он не разбирался в них до самого конца. Да, собственно говоря, ему как Верховному Главнокомандующему и не было прямой необходимости разбираться в вопросах тактики. Куда важнее, что его ум и талант позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявлял себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения.

К этому надо добавить, что у него был свой метод овладения конкретным материалом предстоящей операции, метод, который я, вообще

---

⁵⁵⁶ Там же. С. 346.

⁵⁵⁷ К.М. Симонов. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М. 1988. С. 359.

говоря, считаю правильным. Перед началом подготовки той или иной операции, перед вызовом командующих фронтами, он заранее встречался с офицерами Генерального штаба – майорами, подполковниками, наблюдавшими за соответствующими оперативными направлениями»⁵⁵⁸.

В написанном для второго издания книги своих воспоминаний маршал Жуков особо считал необходимым отметить следующее обстоятельство: «Деятельность Ставки неотделима от имени И.В. Сталина. В годы войны я часто с ним встречался. В большинстве случаев это были официальные встречи, на которых решались вопросы руководства ходом войны. Но даже простое приглашение на обед всегда использовалось в этих же целях. Мне очень нравилось в работе И.В. Сталина полное отсутствие формализма. Все, что делалось им по линии Ставки или ГКО, делалось так, чтобы принятые этими высокими органами решения начинали выполняться тотчас же, а ход выполнения их строго и неуклонно контролировался лично Верховным или, по его указанию, другими руководящими лицами или организациями»⁵⁵⁹.

Возможно, я несколько переборщил с цитатами из воспоминаний советских военачальников, работавших со Сталиным. Однако, повторяясь, замечу, что их свидетельства – наиболее убедительный аргумент в споре с такими авторами, как Волкогонов, Мерцаловы и т.д. Поэтому я позволю себе еще ряд ссылок. Адмирал флота Н.Г. Кузнецов, который, как известно, отличался твёрдостью и самостоятельностью суждений, уже будучи в отставке, писал: «За годы Великой Отечественной войны по военным делам с Верховным Главнокомандующим чаще других встречался маршал Г.К. Жуков, и лучше едва ли кто может охарактеризовать его, а он назвал его „достоинным Верховным Главнокомандующим“. С этим мнением, насколько мне известно, согласны все военачальники, коим приходилось видеться и встречаться со Сталиным»⁵⁶⁰.

Довольно любопытные детали работы Ставки и лично Сталина как Верховного Главнокомандующего сообщает тот же адмирал Кузнецов. В своих воспоминаниях он описывает следующий показательный эпизод, раскрывающий стиль и методы работы Сталина и Ставки вообще. Он писал: «Однажды в зале заседаний Кремля собрались члены Политбюро и маршалы. Выступил И.В. Сталин и объявил, что Жуков, по полученным им данным, ведет разговоры о якобы незначительной роли Ставки во всех крупных операциях. Он показал телеграмму, на основании которой делались такие

---

⁵⁵⁸ К.М. Симонов. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. С. 372.

⁵⁵⁹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Издание второе. М. 1990. Т. 2. С. 100 – 101.

⁵⁶⁰ «Военно-исторический журнал». 1993 г. № 4. С. 51.

выводы, и, обращаясь к членам Политбюро, сказал: „Вы знаете, как возникали идеи различных операций“. Дальше он пояснил, как это бывало. Идея рождалась в Ставке или предлагалась Генеральным штабом. Затем вызывался будущий командующий операцией, который, не принимая пока никакого решения, вникал в суть идеи. После этого ему предлагалось тщательно продумать и (не делая пока ни с кем) доложить (через неделю-две) Ставке свое мнение. Ставка же разбиралась в деталях и утверждала план будущей операции. С планом операции знакомился узкий круг лиц, и начиналась разработка документов фронта. Жуков присутствовал, но не опроверг сказанного»⁵⁶¹.

Адмирал Кузнецов четко высказался против упрощенного и примитивного подхода к оценке роли Сталина на всех важнейших государственных постах. Он справедливо писал: «Его сложную натуру нельзя изображать однобоко. Неправильно утверждать, что он был неуч и управлял войной по глобусу, но нельзя не сказать и о его ошибках в военном деле, нежелании прислушаться к военачальникам при своей недостаточной компетенции... Говоря о его властном характере и строгости, переходившей, как известно, границы правомерности, нельзя не отметить следующее: Сталин мог самокритично относиться к своим поступкам и признавать совершенные им промахи. Так, мне лично довелось в конце войны слышать из его уст об ошибочной оценке положения в канун войны. Широко известно, как на одном из приемов сразу после войны Сталин признал, в каком „отчаянном“ положении оказалась страна в первые годы войны, и, отдавая должное выдержке народа, прямо сказал, что в подобном случае он (народ) мог бы и „попросить“ правительство уйти, как несправившееся...

„Победителей не судят“ – гласит старая поговорка, но история не оправдывает победителей и пользы ради отмечает их недостатки. Его ошибки полезно знать, чтобы они не повторялись... Но было бы неправильно, вспоминая военные годы, не сказать и о тех чертах в характере Сталина, которые оказались полезны в трудные дни осени 1941 года. Именно тогда требовалась железная воля руководителя, и ее Сталин проявил. Невозможно отрицать, что, пережив минуты моральной депрессии, когда он вынужден был признать свои просчеты относительно сроков возможного столкновения, когда убедился, что, несмотря на принятые меры (подобно сообщению ТАСС от 14 июня, мирному обхождению с самолетами-нарушителями и пр.), войну не удалось оттянуть хотя бы до зимы, Сталин перестроился и начал с поразительным упорством, любой ценой добиваться победы над врагом. Возможно, это присуще человеку с сильной волей. Можно говорить об ошибках и в ходе войны, но сказанного выше отрицать нельзя»⁵⁶².

---

⁵⁶¹ Н.Г. Кузнецов. Крутые повороты: из записок адмирала. (Электронная версия).

⁵⁶² Н.Г. Кузнецов. Крутые повороты: из записок адмирала. (Электронная версия).

А вот мнение главного маршала авиации Новикова, который впоследствии, после войны, необоснованно был посажен в тюрьму, поэтому у него нет оснований петь панегирики в адрес вождя: «Он (Сталин – Н.К.), несомненно, обладал незаурядными природными способностями, стратегическим и организационным талантом, твердостью, самообладанием и рядом других весьма важных качеств, способствовавших в конечном итоге сокрушению мощных армий фашистского рейха».

На этот счет можно привести немало вполне объективных свидетельств и мнений политических и военных руководителей периода Второй мировой войны, в том числе зарубежных. «Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был превзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения...». Это сказал о нем У. Черчилль в 1955 г., т.е. в самый разгар «холодной войны»⁵⁶³.

В качестве своеобразного резюме приведу отрывок из воспоминаний генерала С.М. Штеменко, работавшего в генштабе начальником оперативного управления (впоследствии, уже после войны, он стал начальником генштаба). Генерал так описывает порядок работы Верховного: «Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10 – 11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16 – 17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1:200.000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизии, а в иных случаях и до полка. Даже досконально зная, где что произошло в течение суток, мы все равно перед каждой поездкой 2 – 3 часа тщательно разбирались в обстановке, связывались с командующими фронтами и начальниками их штабов, уточняли с ними отдельные детали проходивших или только еще планировавшихся операций, советовались и проверяли через них правильность своих предположений, рассматривали просьбы и заявки фронтов, а в последний час редактировали подготовленные на подпись проекты директив и распоряжений Ставки.

Все материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, заранее сортировались и раскладывались по трем разноцветным папкам. В красную папку попадали документы первостепенной важности, докладывавшиеся в первую очередь; это в основном приказы, директивы, распоряжения, планы распределения вооружения действующим войскам и резервам. Синяя папка предназначалась для бумаг второй очереди; обычно в нее шли различного рода просьбы. Содержимое же зеленой папки составляли представления к званиям и

---

⁵⁶³ Г.А. Куманев. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М. 1999. С. 325.

наградам, предложения и приказы о перемещениях и назначениях должностных лиц.

Документы из красной папки докладывались обязательно полностью и тут же получали ход. Из синей „извлекались выборочно“, „по мере возможности“, но, как правило, ежедневно. Зеленая папка докладывалась только при благоприятной обстановке. Иногда нам не приходилось раскрывать ее по три-четыре дня. Мы старались правильно определить ситуацию, позволявшую доложить тот или иной вопрос, и почти никогда не ошибались. Вскоре Сталин раскусил нашу нехитрую механику. Иногда он сам предупреждал:

– Сегодня рассмотрим только важные документы. А в другой раз говорил:

– Ну а теперь давайте и вашу зеленую... Справедливости ради должен заметить, что И.В. Сталин очень высоко ценил работников Генерального штаба и направлял их на самые ответственные посты в действующую армию...»⁵⁶⁴

Выше приводились оценки Сталина преимущественно в плане того, как он справлялся со своими обязанностями в качестве Верховного Главнокомандующего. Однако картина будет неполной, если мы оставим в тени вопрос о том, как он вообще осуществлял руководство, в том числе и в области обеспечения армии и флота вооружениями, техникой и т.д. Частично я уже касался данного аспекта в этой и предшествующих главах. Здесь же мне хотелось привести оценку наркома вооружений во время войны Д. Устинова. Вот его точка зрения:

«Что касается И.В. Сталина, то должен сказать, что именно во время войны отрицательные черты его характера были ослаблены, а сильные стороны его личности проявились наиболее полно...

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И.В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их»⁵⁶⁵.

---

⁵⁶⁴ С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Книга первая. М. 1985. С. 163 – 164.

⁵⁶⁵ Д.Ф. Устинов. Во имя победы. Записки наркома вооружения. М. 1988. С. 91 – 92.

Полагаю, что у читателя сложилось достаточно определенное представление о Сталине как Верховном Главнокомандующем из приведенных выше высказываний и материалов. Но я хочу усилить приведенную аргументацию ссылкой на мнение начальника генштаба Великобритании в годы войны А. Брука, которого едва ли кто-либо способен упрекнуть в том, что он пытался петь дифирамбы советскому лидеру. Так вот,

А. Брук после Тегеранской конференции отмечал: «Во время этой встречи и последующих встреч, которые мы имели со Сталиным, я все больше оценивал тот факт, что он обладает военным интеллектом весьма высокого калибра. Как никто другой в его стране»⁵⁶⁶.

Рискуя злоупотребить цитированием, все же позволю себе привести оценку военного историка генерала М. Гареева, который, на мой взгляд, указал на главные качества, которыми обязан обладать Верховный Главнокомандующий:

«В ходе войны главными отличительными чертами Сталина как Верховного Главнокомандующего были: умение предвидеть развитие стратегической обстановки и охватывать во взаимосвязи военно-политические, экономические, социальные, идеологические и оборонные вопросы; выбор наиболее рациональных способов стратегических действий; соединение воедино усилий фронта и тыла; высокая требовательность и большие организаторские способности; строгость, твердость, жесткость управления и огромная воля к победе любой ценой»⁵⁶⁷.

Пусть читатель сам делает выводы, сопоставляя высказывания и оценки критиков Сталина, вроде Волкогонова и Мерцаловых, и таких военачальников, как Жуков, Василевский, Штеменко и т.д. Полагаю, что такое сопоставление прояснит картину и приблизит читателя к истине.

Сталин в своих действиях руководствовался прежде всего интересами дела. Это видно на примере назначения Жукова командующим фронтом, которому предстояло брать Берлин. Хотя сам Жуков, если принять за достоверную информацию, которая стала достоянием известности через много лет после его смерти, считал, что в данном случае Сталин просто занимался интригами. Вот что писал Жуков: «Мне и Василевскому было приказано командовать фронтами. Мне – 1-м Белорусским вместо Рокоссовского, Василевскому – 3-м Белорусским фронтом вместо погибшего генерала армии Черняховского.

Расчет был здесь ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу

---

⁵⁶⁶ *H. Montgomery Hyde . Stalin. A History of a Dictator. L. 1971. p. 493.*

⁵⁶⁷ «Военно-промышленный курьер». 02 – 08 февраля 2005 г.

над врагом под своим личным командованием, т.е. повторить то, что сделал в 1814 году Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона.

В один из осенних дней 1944 г. Сталин, разговаривая лично со мной, сказал:

„1-й Белорусский фронт стоит на берлинском направлении, мы думаем поставить на это важнейшее направление Вас, а Рокоссовского назначим на другой фронт“.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом, но считаю, что Рокоссовский обидится, если будет снят с 1-го Белорусского фронта.

Сталин: „У Вас больше опыта, и впредь останетесь моим заместителем. Что касается обиды – мы же не красные девицы. Я сейчас поговорю с Рокоссовским“.

Поскребышев быстро соединил Сталина с Рокоссовским.

Рассказав Рокоссовскому о своем решении, Сталин спросил его, не возражает ли он перейти на 2-й Белорусский фронт. Рокоссовский просил оставить его на 1-м Белорусском фронте. Но Сталин заявил: „Этого сделать нельзя. На главное направление решено поставить Жукова, а Вам придется принять 2-й Белорусский фронт“.

Сталин действовал здесь неспроста.

С этого момента между Рокоссовским и мною уже не было той сердечной, близкой товарищеской дружбы, которая была между нами долгие годы. И чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами – командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их „лбами“, сея рознь, зависть и подталкивая к славе на нездоровой основе»⁵⁶⁸.

Мне представляется, что Жуков в данном случае явно упрощает ситуацию. Ведь нельзя забывать, что именно Рокоссовский числился в любимчиках Сталина. К Рокоссовскому он относился с большим уважением и ценил его как полководца. Хорошо знал Сталин и Жукова, и не только положительные, но и отрицательные его черты, в частности, его твердость, решительность, принципиальность, но и также высокое самомнение. И тем не менее именно на Жукова он возложил честь стать вершителем судьбы Берлина. Если бы Сталин завидовал растущей популярности Жукова, то он, естественно, не сделал бы такого шага. Тем более нанося в некотором смысле моральный ущерб своему любимцу Рокоссовскому. Так что аргументация Жукова здесь выглядит недостаточно убедительной. Скорее можно согласиться с доводом Сталина, что делается это в интересах дела, которое

---

⁵⁶⁸ Вождь. Хозяин. Диктатор. Сборник. С. 393 – 394.

ставится на первый план: личные амбиции здесь отодвигались на второй план. И что же здесь плохого, где здесь зависть и тому подобные расчеты? Если бы Сталин руководствовался ими, то едва ли назначил Жукова командовать фронтом, перед которым ставилась задача поставить точку в войне.

В данном контексте характерна и реакция Сталина на предложение присвоить ему после войны звание генералиссимуса. Сведущий в этом вопросе Конев так передал реакцию вождя в беседе с писателем Симоновым через много лет после окончания войны. «Очень интересной была реакция Сталина на наше предложение присвоить ему звание генералиссимуса. Это было уже после войны. На заседании Политбюро, где обсуждался этот вопрос, присутствовали Жуков, Василевский, я и Рокоссовский (если не ошибаюсь). Сталин сначала отказывался, но мы настойчиво выдвигали это предложение. Я дважды говорил об этом. И должен сказать, что в тот момент искренне считал это необходимым и заслуженным. Мотивировали мы тем, что по статуту русской армии полководцу, одержавшему большие победы, победоносно окончившему кампанию, присваивается такое звание.

Сталин несколько раз прерывал нас, говорил: „Садитесь“, а потом сказал о себе в третьем лице:

– Хотите присвоить товарищу Сталину генералиссимуса. Зачем это нужно товарищу Сталину? Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без этого имеет авторитет. Это вам нужны звания для авторитета. Товарищу Сталину не нужны никакие звания для авторитета. Подумаешь, нашли звание для товарища Сталина. Вы маршалы, и я маршал, вы что, меня хотите выставить из маршалов? В какие-то генералиссимусы? Что это за звание? Переведите мне.

Пришлось тащить разные исторические книги и статуты и объяснять, что это в четвертый раз в истории русской армии после Меншикова и еще кого-то, и Суворова.

В конце концов он согласился. Но во всей этой сцене была очень характерная для поведения Сталина противоречивость: пренебрежение ко всякому блеску, ко всякому формальному чинопочитанию и в то же время чрезвычайное высокомерие, прятавшееся за той скромностью, которая паче гордости»⁵⁶⁹.

Что же, пожалуй, с такой оценкой можно согласиться. Особенно в контексте тех неумных восхвалений и дифирамбов в адрес вождя, которые заполняли газеты и журналы, радиоэфир – словом, все, что могло нести информацию, в период жизни Сталина. И здесь нельзя обойти молчанием один существенный аспект проблемы – вопрос о вкладе Сталина в развитие военной науки. В сталинские времена четко и безраздельно господствовала

---

⁵⁶⁹ *К.М. Симонов. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. С. 405 – 406.*

точка зрения, закреплённая в официальной биографии вождя. Согласно этой точке зрения, Сталин развил дальше передовую советскую военную науку, разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки.

Сталинское военное искусство, – указывалось далее в биографии, – проявилось как в обороне, так и в наступлении. По указанию товарища Сталина активная оборона советских войск сочеталась с подготовкой контрнаступления. Наступление сочеталось с прочной обороной. Товарищ Сталин мастерски разработал и применил новую тактику маневрирования, тактику одновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, рассчитанную на то, чтобы не дать противнику собрать свои резервы в ударный кулак, тактику разновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, когда один прорыв идет вслед за другим, рассчитанную на то, чтобы заставить противника терять время и силы на перегруппировки своих войск, тактику прорыва флангов противника, захода в тыл, окружения и уничтожения крупных вражеских группировок войск. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства. Творческое своеобразие, оригинальность замысла характеризуют все боевые операции, осуществленные Советской Армией под водительством генералиссимуса Сталина⁵⁷⁰.

Особенно разнузданные формы непомерное восхваление Сталина и его военной деятельности принимало во время сталинских юбилеев. Так, в декабре 1949 года, когда отмечалось его 70-летие, тогдашний член Политбюро и одно время министр Вооруженных Сил (обороны) Н.А. Булганин в статье, посвященной военным аспектам деятельности вождя, утверждал: «**Все операции** (выделено мной – Н.К.) Великой Отечественной войны намечались товарищем Сталиным и проводились под его руководством. Не было ни одной операции, в разработке которой он не принимал бы участия. Прежде чем окончательно утвердить план той или иной операции, товарищ Сталин подвергал его всестороннему разбору и обсуждению со своими ближайшими соратниками. Товарищ Сталин обязательно выслушивал мнения и предложения командующих фронтами, флотами и армиями, проявляя свойственную ему чуткость и внимательность

---

⁵⁷⁰ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 231 – 232.

ко всем высказанным замечаниям и предложениям.

Товарищ Сталин особое внимание обращал на подготовку операций, на обеспечение их всем необходимым и, прежде всего, авиацией, артиллерией, танками. Он всегда исходил из того, чтобы бить врага наверняка и с меньшими потерями.

Товарищ Сталин **лично** (выделено мной – **Н.К.**) руководил всем ходом каждой операции. Он каждодневно, а то и по нескольку раз в день проверял выполнение своих указаний, давал советы, вносил поправки в решения командующих, если в том была необходимость. Для проверки на месте готовности войск к проведению назначенной операции товарищ Сталин лично выезжал на фронты»⁵⁷¹.

Подобного рода оценки носят ярко выраженный апологетический характер и выглядят беззастенчивой лестью в адрес Сталина. Конечно, кое-что в развитие военного искусства Сталин внес своей деятельностью на посту Верховного Главнокомандующего. Однако это, скорее всего, явилось плодом коллективного творчества высшего советского военного руководства, и приписывать Сталину, а тем более квалифицировать как вклад в развитие военной науки и военного искусства вполне очевидные истины военной стратегии, – по меньшей мере явное преувеличение, а если называть своими именами, то – просто подхалимаж. Не вдаваясь в детальное обоснование высказанной мысли, можно констатировать, что реальные заслуги Сталина едва ли нуждались в том, чтобы их дополняли какие-то теоретические новации. Сталин был достойным Верховным Главнокомандующим, о чем свидетельствуют итоги войны. Однако он не был военным теоретиком, и попытки сделать из него такового представляются мало обоснованными.

Выглядят совершенно неубедительными утверждения, что Верховный Главнокомандующий намечал **все** военные операции и **лично** руководил их проведением. Можно хотя бы на миг представить себе количество всех операций и всей работы, связанной с их проведением, и становится абсолютно очевидным – такое не по плечу любому человеку. Даже если бы он был сверхчеловеком. Но в те времена, как, впрочем, и во все другие, отсутствие чувства меры свойственно многим политикам.

Интересы истины требуют сделать такой вывод, что, на мой взгляд, отнюдь не умаляет его колоссальную роль в достижении победы. Подчеркивая эту роль, примитивно делать вывод, что мы выиграли войну только благодаря Сталину, что он – главный творец великой победы. Однако данная констатация не дает никаких оснований принижать его роль и заслуги в достижении победы. На историческом поле нет места для всякого рода гаданий и гипотетических предположений. И тем не менее, по крайней мере для меня, ясно и очевидно одно – если бы страна задолго до войны не встала

---

⁵⁷¹ «Большевик». 1949 г. № 24. С. 69. Статья Н. Булганина «Сталин и советские Вооруженные Силы».

на путь создания мобилизационной экономики, если бы она не осуществила, пусть трудную и тяжелую для населения, индустриализацию и не подготовила бы плеяду блестящих научных и технических кадров, если бы она не готовилась загодя к неотвратимой войне, то многое могло бы пойти по иному руслу. Поэтому можно сказать, что Сталин еще до начала войны фактически был Верховным Главнокомандующим, а в период войны ему пришлось на деле доказывать правоту своей военно-политической стратегии. Это был тяжкий путь познания и накопления опыта. И, конечно, без крупных, порой катастрофических ошибок и поражений не обошлось и не могло обойтись. Каждый, кто стремится понять суть той эпохи, не должен выпускать из виду одну простую вещь – Красная Армия в начале войны и Красная Армия в конце войны – это как бы две разные армии. Понадобились огромные жертвы и усилия, чтобы наша армия стала могучей и непобедимой. И только к концу войны можно было бы петь: «ведь от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!» Прежде подобного рода самохвальство звучало звонко, но не отражало реальностей жизни.

Уже после войны, в 1946 году, анализируя истоки и корни, лежавшие в основе нашей победы, Сталин в речи перед избирателями особо подчеркнул исключительное значение той подготовки, которая была осуществлена для создания подлинно мобилизационной экономики, сыгравшей одну из ключевых, если не ключевую роль в достижении побед над фашизмом. Он вполне обоснованно говорил: «Было бы ошибочно думать, что можно добиться такой исторической победы без предварительной подготовки всей страны к активной обороне. Не менее ошибочно было бы полагать, что такую подготовку можно провести в короткий срок, в течение каких-либо трех-четырёх лет. Еще более ошибочно было бы утверждать, что мы добились победы благодаря лишь храбрости наших войск. Без храбрости, конечно, невозможно добиться победы. Но одной лишь храбрости недостаточно для того, чтобы одолеть врага, имеющего многочисленную армию, первоклассное вооружение, хорошо обученные офицерские кадры и неплохо поставленное снабжение. Чтобы принять удар такого врага, дать ему отпор, а потом нанести ему полное поражение, для этого необходимо было иметь, кроме беспримерной храбрости наших войск, вполне современное вооружение, и притом в достаточном количестве, и хорошо поставленное снабжение – тоже в достаточных размерах. Но для этого необходимо было иметь, и притом в достаточном количестве, такие элементарные вещи, как: **металл** – для производства вооружения, снаряжения, оборудования для предприятий, **топливо** – для поддержания работы предприятий и транспорта, **хлопок** – для производства обмундирования, **хлеб** – для снабжения армии.

Можно ли утверждать, что перед вступлением во вторую мировую войну наша страна уже располагала минимально необходимыми материальными возможностями, потребными для того, чтобы удовлетворить в основном эти нужды? Я думаю, что можно утверждать. На подготовку

этого грандиозного дела понадобилось осуществление трех пятилетних планов развития народного хозяйства. Именно эти три пятилетки помогли нам создать эти материальные возможности»⁵⁷².

Некоторым может показаться крайне назойливой мысль, проводимая мной на протяжении всего тома, – а именно роль создания мобилизационной экономики в стране в деле достижения победы над фашистской Германией и ее союзниками. Однако эта назойливость не является чем-то вроде навязчивой идеи, заслоняющей все и вся. Объективный и глубокий анализ всех предпосылок наших конечных побед лежит именно здесь, поэтому мне представляется обоснованным еще и еще раз акцентировать внимание именно на этом аспекте проблемы. Компетентные специалисты, в том числе даже крайне негативно оценивающие историческую роль Сталина, признают колоссальное значение этого факта. В связи с этим приведу оценку такого яркого антикоммуниста, как Зб. Бжезинский. Он констатировал: «В течение долгого времени многие западные комментаторы были более склонны – лишь отчасти отличаясь друг от друга в терминологии – хвалить его за индустриализацию России, нежели осуждать за террор. Таким образом, сталинская эпоха в значительной степени интерпретировалась как эпоха великих социальных перемен, стремительной динамики, перехода от сельскохозяйственной экономики к индустриальной. И в некотором смысле это верно. При Сталине Советский Союз действительно стал великой индустриальной державой. Действительно произошел отток его населения из деревень. Была в полном объеме отстроена централизованная социалистическая система. И при этом у советской экономики был относительно высокий темп роста. Согласно советской официальной статистике национальный доход увеличился вчетверо в годы первых пятилеток, ежегодно давая прирост почти в 15 процентов. Это потребовало перемещения больших масс людей – за тринадцать лет число городских жителей удвоилось. С 1928-го по 1940 годы годовое производство электроэнергии выросло с 5 миллиардов киловатт до 48,3 миллиарда, производство стали – с 4,3 миллиона тонн до 18,3 миллиона; производство станков возросло с 2 тысяч до 58400 в год; автомобилей стали выпускать не 8 тысяч в год, а 145 тысяч. В канун войны промышленность составляла 84,7 процента всей советской экономики. Даже если эти цифры и преувеличены официальной статистикой, то факт, что советская экономика добилась больших успехов, отрицать не приходится»⁵⁷³.

В определенном смысле можно согласиться с мнением российского

---

⁵⁷² И. Сталин . Соч. Т. 16. С. 10.

⁵⁷³ Зб . Бжезинский . Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке. (Электронная версия).

историка Б. Соколова (хотя в скобках надо отметить его отчетливо видную антисталинскую направленность взглядов и суждений), что главная заслуга Сталина состоит в том, что под его руководством был создан строй, оказавшийся способным не только противостоять столь сильному противнику, какой была Германия, но пройдя через полосу невероятных трудностей и поражений, в конце концов одержать блистательную победу, равных которой нет в анналах мировой истории. Указанный историк затрагивает далее и важный вопрос о том, что несправедливо все поражения приписывать Верховному. А все победы – его полководцам. В частности, он пишет: «После XX съезда все то, что в „Краткой биографии“ было отнесено к полководческим качествам Сталина, приписали Рокоссовскому, Василевскому, Коневу и в особенности – Жукову. Но глупо списывать поражения на „плохого“ Сталина, а победы отдать „хорошим“ маршалам. Хотя последние наряду с ним ответственны за громадные потери Красной Армии. Роль же Сталина в победе сводилась к тому, что он создал режим, способный устоять при самых критических обстоятельствах, и воспитал народ, готовый идти на смерть, не считая собственные жертвы» (Выделено мной – Н.К.)⁵⁷⁴.

Стоит вкратце затронуть и один вопрос, на котором акцентируют свое внимание критики Сталина: мол, он не бывал на фронте, в действующих частях Красной Армии, а потому, мол, не был в состоянии знать действительное положение дел в армии. На этот счет есть вполне определенное мнение виднейших советских военачальников времен Великой Отечественной войны. Ограничусь свидетельством маршала Василевского, который писал: «Приходилось разное слышать по поводу личного знакомства Сталина с жизнью фронтов. Он действительно, как я уже отмечал, выезжал на Западный и Калининский фронты в августе 1943 года. Поездка на автомашинах протекала два дня и, безусловно, оказала влияние на моральный дух войск.

На мой взгляд, для Сталина, возглавлявшего руководство партией, страной в целом, не было острой необходимости в таких выездах. Наиболее выгодным и для фронта, и для страны являлось его пребывание в ЦК партии и Ставке, куда сходились все нити телефонной и телеграфной связи и потоком шла разнообразная информация. Верховному Главнокомандующему регулярно докладывали командующие фронтами об обстановке на фронтах и всех существенных изменениях в ней. На фронтах, кроме того, находились представители Генерального штаба и главных управлений Наркомата обороны. Большая информация шла Ставке также от политорганов фронтов через Главное политическое управление Красной Армии. Так что у Верховного Главнокомандующего имелась обширная информация на каждый

---

⁵⁷⁴ «Аргументы и факты». 15 декабря 2004 г.

день, а иногда и на каждый час о ходе военных действий, нуждах и трудностях командования фронтов, и он мог, находясь в Москве, оперативно и правильно принимать решения»⁵⁷⁵.

Относительно того, что Сталин не только один раз побывал на фронте, существуют различные свидетельства. Так, охранник вождя А. Рыбин пишет: «А вот как было в действительности...

В августе 1941 года Сталин с Булганиным ездили ночью в район Малоярославца для осмотра боевых позиций. Черным восьмицилиндровым „Фордом“ управлял шофер Кривченков, сотрудниками для поручений были: генерал Румянцев – старый чекист, участвовавший еще в подавлении левых эсеров и освобождении Дзержинского, Хрусталева, Тукова. Они же через несколько дней сопровождали Сталина, Ворошилова и Жукова во время осмотра Можайской оборонительной линии. Под Звенигородом остановились на окраине деревни. Вездесущие мальчишки тут же узнали гостей и забегали с криком:

– Ура! К нам товарищ Сталин и Ворошилов приехали!

В конце октября Сталин и Ворошилов поехали на боевые позиции шестнадцатой армии генерала Рокоссовского, где наблюдали за первыми залпами „Катюш“. Когда они побатарейно дали залп – пронесся огненный смерч. После этого надо было сделать рывок в сторону километров на пять. Но тяжелый „Форд“ застрял в проселочной грязи. Верховного посадили в нашу хвостовую машину и быстро вывезли на шоссе. Расстроенный шофер Кривченков просил не бросать его без помощи. Выручил танк, вытянувший машину на шоссе. Конечно, немецкая авиация тотчас нанесла бомбовый удар по месту стоянки „Катюш“, но те уже находились далеко. На рассвете Сталин в грязной машине вернулся в Москву. В этой поездке вождя сопровождали прежние сотрудники»⁵⁷⁶.

Тот же источник свидетельствует и о других поездках Сталина на фронт: в середине ноября 1941 года в Подмосковье, летом 1942 года он ездил на Западный фронт за рекой Ламой, наблюдая, как проходили испытания самолета, управляемого по радио⁵⁷⁷. Но говоря по существу, можно только присоединиться к мнениям крупных советских военачальников, подчеркивавших, что в поездках Верховного на фронт не было особого смысла и реальной необходимости. Разве чтобы лишний раз похвастаться, что он тоже бывал на фронте. Вспомним при этом, что Гитлер, к примеру, любил визиты на фронт, демонстрируя тем самым свою близость к немецким

---

⁵⁷⁵ А. Василевский. Дело всей жизни. С. 547.

⁵⁷⁶ А.Т. Рыбин. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М. 1992. С. 29.

⁵⁷⁷ Там же. С. 30 – 31.

солдатам. А какой был толк от этих визитов? Они являлись сплошной показухой. А Сталин как раз и не был расположен демонстрировать показушную храбрость: у него были другие, гораздо более важные и более необходимые дела, чтобы отвлекаться на такого рода демонстрации.

Хотя истины ради следует отметить, что сам Верховный, видимо, где-то в глубине души ощущал потребность продемонстрировать, что он также бывает на фронте. Это видно из его послания Черчиллю от 9 августа 1943 г., которое начинается словами: «Я только что вернулся с фронта и успел уже познакомиться с посланием Британского Правительства от 7 августа»⁵⁷⁸. Видимо, это сделано не случайно, а с целью не только показать, что он посещает действующую армию, но и в преддверии предстоявшей встречи в верхах «большой тройки» давал понять, что он весьма занят и не располагает возможностью надолго отлучаться из Москвы. Подобный намек как бы подготавливал почву для договоренности о проведении встречи в верхах не где-то в отдалении от России, а в одной из стран, граничивших с ней.

Трудно не согласиться с Е. Холмогоровым – одним из авторов достаточно объективных и аргументированных статей о роли Сталина в войне, – когда он пишет, что нежелание Сталина выезжать на фронт, и тем более колесить по свету, как это делал, допустим, Черчилль (и в самом деле не раз ставивший свою жизнь под серьезную угрозу), объяснялось его положением в системе военного командования. Черчилль был политическим руководителем, легко сменяемым премьером, Рузвельт и вовсе без всякого ущерба для Америки был заменен после своей смерти Трумэнном. Сталин же не только был практически незаменим, но и постоянно находился на своем посту реального Главнокомандующего, непрерывно отслеживающего военную обстановку. В этих условиях «знакомство с передовой» не давало ему новой информации, отрывало его от реального управления войсками и подвергало его жизнь действительно ненужной опасности. В мемуарах практически любого крупного советского военачальника мы найдем истории о том, как удалось чудом избежать гибели при бомбежке. Заменить удалось Ватутина и Черняховского, с трудом бы нашлась замена и Жукову с Василевским, Сталину замены не было, и это понимали все. При этом достаточно набегавшийся под пулями Сталин (имеется в виду период гражданской войны – Н.К.) совершенно не нуждался в подтверждении личной храбрости. И то, что в ней сегодня кто-то сомневается, объясняется либо невежеством, либо зложелательством⁵⁷⁹.

Полагаю, что данная аргументация звучит убедительно и ее даже при

---

⁵⁷⁸ Переписка... Т. 1. С. 170.

⁵⁷⁹ *Егор Холмогоров*. Вернуть Сталина Победе (Агентство политических новостей). 16 февраля 2005 г. (Электронная версия).

большом воображении трудно отнести к разряду апологетической. Сталин как Верховный досконально знал положение в воинских частях, был осведомлен не только о положительных моментах в поведении наших военных, но и о недостатках, особенно на последних этапах войны, когда наша армия вступила на территорию других государств. В этом плане весьма симптоматичным и очень откровенным было выступление Сталина на обеде в честь президента Чехословакии Э. Бенеша в марте 1945 года. Он не стал замалчивать случаи насилия и аморального поведения некоторых советских военнослужащих, дал этому вполне логичное и жизненное объяснение, против которого трудно что-либо возразить.

«Красная Армия вступила в Чехословакию, и теперь чехословаки лучше узнают ее, узнают и ее недостатки. Красная Армия идет вперед, одерживает большие победы, но у нее еще много недостатков. Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина. Ее бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев. Они думают, что они герои. Так думают почти все бойцы Красной Армии, во всяком случае, большинство бойцов Красной Армии. Чем люди менее культурны, тем больше они об этом думают.

Они считают себя героями и думают, что они могут позволить себе излишества. Они считают, что им простят эти излишества потому, что они герои. Они прошли под огнем неприятеля большой и тяжелый путь, и каждый из них думает, что может завтра его сразит вражеская пуля. Тов. Сталин сказал, что эти бойцы зачастую делают безобразия, насилюют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии, чтобы они поняли его переживания, что он, рискуя все время своей жизнью, прошел большой и тяжелый путь. Тов. Сталин сказал, что он поднимает бокал за то, чтобы чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии»⁵⁸⁰.

В этом пассаже проглядывает глубокое понимание психологии советского воина, понимание истинных причин отдельных эксцессов, сопровождавших выполнение Красной Армией миссии по освобождению оккупированных гитлеровской Германией стран Восточной Европы, а затем и самой Германии от фашистского режима. Случаи насилия и мародерства имели место в тот период, и от этого никуда не уйдешь. Однако совершенно несправедливо эти случаи возводить в обычную практику советских войск и на такой основе делать далеко идущие выводы, как делают некоторые авторы, в том числе и российские.

Сталин в своём выступлении ничуть не оправдывает эти эксцессы: он

---

⁵⁸⁰ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 359.

лишь вскрывает их глубинные причины и, к тому же, просит извинения. Причем следует особо подчеркнуть, что через соответствующие органы (особые отделы) по строгому указанию Верховного случаи такого рода эксцессов служили предметом специального рассмотрения и наказания виновных. Следует особо отметить, что, когда Красная Армия вступила на территорию Германии и ее союзников, были приняты чрезвычайные меры против возможных (по понятным причинам: ведь многие советские воины потеряли родных и близких, их дома были уничтожены и т.д. в период фашистского нашествия – Н.К.) бесчинств и мести по отношению к мирному населению. 19 января 1945 г. Сталин подписал приказ, который требовал не допускать грубого отношения к местному населению. Он был доведён до каждого солдата. В развитие приказа Верховного Главнокомандующего последовали приказы Военных Советов фронтов, командующих армиями, командиров дивизий и других соединений. Так, к примеру, приказ Военного Совета 2-го Белорусского фронта, подписанный маршалом Рокоссовским, предписывал мародёров и насильников расстреливать на месте.

Это были, так сказать, меры оперативного военного характера, призванные пресечь в корне всякого рода случаи насилия, мародерства и т.п. действий. Но Сталин не ограничивался только мерами репрессивного характера: он счел необходимым провести и соответствующую политико-идеологическую работу, чтобы не только войска, но все население страны осознали, что наступил новый этап войны – этап победоносного ее завершения, и этот этап диктовал необходимость выработки и иной психологии. Речь шла о том, чтобы в армии и стране не получили широкого распространения идеи мести в отношении всего немецкого народа. Красная Армия, как и весь советский народ, вели войну не во имя того, чтобы отомстить за все неизмеримое зло и бедствия, обрушенные на них гитлеровской Германией. Это была не война во имя возмездия, а война за справедливость, которая исключала месть в качестве инструмента достижения главных целей справедливой войны.

Уже к началу вступления нашей армии на территорию Германии по указанию Сталина газета «Правда» опубликовала статью Г.Ф. Александрова, носившую директивный характер под характерным заголовком «Товарищ Эренбург упрощает.» В ней, коротко говоря, содержалась мысль о том, что Красная Армия вошла в Германию не с целью отомстить немцам за все, что они причинили нашей стране и нашему народу. Ее цель – освобождение самого немецкого народа от гитлеровского фашизма, поэтому ни о какой мести не идет речь. Смысл статьи носил очевидно выраженный характер – вести войну освободительную, справедливую, а не сводить все к отмщению. Это был своевременный и мудрый шаг, который дал возможность развернуть в войсках широкую разъяснительную работу с целью наладить после победы нормальные отношения с немецким населением. Эренбург, кстати сказать, на критику в свой адрес обиделся и написал личное письмо Сталину. В нем он

писал: «Накануне победы я увидел в „Правде“ оценку моей работы, которая меня глубоко огорчила. Вы понимаете, Иосиф Виссарионович, что я испытываю. Статья, напечатанная в ЦО, естественно, создает вокруг меня атмосферу осуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить, заслужено ли это мной. Я прошу Вас также решить, должен ли я довести до победы работу писателя-публициста или в интересах государства должен ее оборвать»⁵⁸¹.

Реакция Сталина на письмо писателя выразилась не в словах, а в делах: Эренбург продолжал свою публицистическую деятельность. Естественно, что он внес необходимые коррективы в характер своих публикаций, что было продиктовано не излишней придирчивостью вождя, а в корне изменившейся ситуацией. Сейчас на первый план выдвигались иные задачи, чем в прежние периоды войны – надо было думать о будущем строительстве отношений с немецким народом, который также перенес огромные страдания от гитлеризма. Фактически в народе был подорван национальный дух, без которого строительство нового государства было немыслимо. Все эти факторы принимались в расчет Верховным Главнокомандующим, который был, как уже отмечалось, не только военным, но и вообще верховным лидером страны. А это диктовало необходимость видеть перспективу, обладать широким кругозором, словом, смотреть вперед, а не замыкаться на прошлом. Этому требованию времени Сталин отвечал в полной мере, что еще раз подчеркивает органичное сочетание в его деятельности военно-стратегических аспектов с глобальными геополитическими концепциями.

В виде своего рода серьезного упрека в адрес Сталина как политика и военного руководителя можно, на мой взгляд, сослаться на то, что он выдвинул и возвел в разряд исторических закономерностей концепцию, согласно которой агрессивные нации всегда бывают более подготовлены к войне, чем нации миролюбивые. Вот его аргументация на этот счет: «...Как показывает история, агрессивные нации как нации нападающие обычно бывают более подготовлены к новой войне, чем миролюбивые нации, которые, будучи не заинтересованы в новой войне, обычно опаздывают с подготовкой к ней. Это факт, что агрессивные нации в нынешней войне еще перед началом войны имели уже готовую **армию вторжения**, тогда как миролюбивые нации не имели даже вполне удовлетворительной **армии прикрытия** мобилизации. Нельзя считать случайностью такие неприятные факты, как „инцидент“ в Пирл-Харборе, потеря Филиппин и других островов на Великом океане, потеря Гонконга и Сингапура, когда Япония как агрессивная нация оказалась более подготовленной к войне, чем Великобритания и Соединенные Штаты Америки, придерживавшиеся миролюбивой политики. Нельзя также считать случайностью такой

---

⁵⁸¹ «Литературный фронт». История политической цензуры 1932 – 1946 гг. М. 1994. С. 156 – 157.

неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия как агрессивная нация оказалась более подготовленной к войне, чем миролюбивый Советский Союз. Было бы наивно объяснять эти факты личными качествами японцев и германцев, их превосходством над англичанами, американцами, русскими, их предусмотрительностью и т.д. Дело здесь не в личных качествах, а в том, что заинтересованные в новой войне агрессивные нации, готовящиеся к войне в течение длительного срока и накапливающие для этого силы, бывают обычно – и должны быть – более подготовлены к войне, чем нации миролюбивые, не заинтересованные в новой войне. Это естественно и понятно. Это, если хотите, историческая закономерность, которую было бы опасно не учитывать»⁵⁸².

На первый взгляд, доводы вроде и выглядят убедительными и обоснованными. Однако в самой этой концепции заложена какая-то роковая неизбежность того, что агрессивные государства чуть ли не в силу закономерностей истории должны обладать и обладают серьезными преимуществами перед неагрессивными государствами. Это воспринимается как заранее предreshенная и неизбежная вещь. Тогда как история, ее суровые уроки учат, что неагрессивные нации не должны априори предоставлять преимущества нападающей стороне, ибо это свидетельство отсутствия широкого военно-политического кругозора и способности к политическому предвидению. Аргументация Сталина не выдерживает серьезной критики и являлась скорее попыткой найти какое-то чуть ли научно-теоретическое обоснование и оправдание тех поражений, которые потерпела наша армия в первые периоды войны. Да и пример с Пирл-Харбором – это скорее образец преступной беспечности со стороны американского командования, чем естественное следствие действия какой-то исторической закономерности. Вообще говоря, история дает всегда много уроков, из которых миролюбивые нации обязаны извлекать должные выводы. И один из них вполне однозначен – миролюбивые нации не должны как бы авансом предоставлять преимуществ нациям агрессивным. В противном случае непоправимые последствия не заставят себя ждать. Поэтому логику рассуждений Сталина едва ли можно признать правильной, а выводы – обоснованными. Выдвигая свою концепцию, вождь не столько вносил вклад в военную науку, сколько пытался псевдотеоретическими доводами реабилитировать себя и вообще наших военных за недостаточную готовность к войне с гитлеровской Германией и ее союзниками. Хотя всем было хорошо известно, что Сталин постоянно подчеркивал необходимость постоянно находиться в состоянии отразить любую агрессию. Здесь, как говорится, у вождя не сходятся концы с концами.

---

⁵⁸² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 166 – 167.

2. Цена победы

Победа в любой войне оценивается по многим параметрам, и среди этих параметров одним из важнейших является цена, заплаченная за эту победу. Однако было бы глубоко ошибочно эту цену толковать упрощенно, примитивно, сводить исключительно к арифметическим величинам. Нужно принимать во внимание всю совокупность факторов, которые, взятые в их органической взаимосвязи и единстве, вместе с учетом конкретных исторических условий войны, позволяют дать более или менее близкий к истине ответ о цене победы. Более того, надо прежде всего учесть характер войны. И здесь совершенно очевиден определяющий момент – Гитлер вел войну на уничтожение советской России, нашего государства и народов, населявших Советский Союз. Это выделяет данную войну от предшествующих войн, поскольку такой задачи воюющие перед собой не ставили. Война на уничтожение – вот военная доктрина и цель фашистской Германии в войне против СССР. Отсюда и колоссальное число жертв среди мирного населения. Для некоторых исследователей, особенно критиков Сталина, чистая арифметика ставится превыше всего, они оперируют голыми цифрами, не заботясь об анализе этих цифр, а точнее – прикрываясь ими. Все поставлено на службу одного – доказать, что мы победили, завалив немцев трупами, что для Сталина не имело серьезного значения то обстоятельство, какой ценой достигался успех в той или иной стратегической операции. И он, естественно, предстает в облике чуть ли не уничтожителя собственной армии и собственного народа.

По мере изложения фактов я более детально остановлюсь на абсурдности и полной нелепости подобного рода измышлений. Здесь же позволю себе сослаться на то, как сам Сталин рассматривал вопросы, касающиеся людских потерь и соотношения военных потенциалов противоборствовавших сил. Не просто противоборствовавших, а стоявших друг перед другом насмерть. С. Штеменко приводит следующий эпизод из разговора со Сталиным на тему военно-стратегической и отчасти демографической составляющей, которые в конечном счете сыграли первостепенную роль в достижении победы над врагом.

«И.В. Сталин вдруг спросил:

– А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили ее капитулировать?

...Оправившись от неожиданности, я подумал, что лучше всего изложить Сталину его собственную речь перед избирателями, произнесенную накануне выборов в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 г. Я сформулировал положение о том, что война показала жизнеспособность общественного и государственного строя СССР и его большую устойчивость. Наш общественный строй был прочен потому именно, что являлся подлинно

народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой... Говорил о промышленной базе, созданной за годы пятилеток, о колхозном хозяйстве, о том, что социализм создал необходимые материальные возможности для отпора сильному врагу. В заключение сказал о высоких боевых качествах нашей армии, о выдающемся искусстве советских военачальников и полководцев.

Терпеливо выслушав меня до конца, И.В. Сталин заметил:

– Все, что вы сказали, верно и важно, но не исчерпывает всего объема вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

– Одиннадцать миллионов человек с небольшим.

– А какой это будет процент к численности населения?

Быстро прикинув в уме численность перед войной населения – 194 млн., я ответил:

– Около 6 процентов.

– Правильно. Но это опять-таки не все. Нужно учесть и наши потери в вооруженных силах, потому что убитые и погибшие от ран бойцы и командиры тоже входили в численность армии...

Учли и это.

– А теперь, – продолжал Сталин, – давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали. Оказалось – больше 16 процентов.

– Такой высокий процент мобилизации – это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм. Скорее, последнее, – заключил Сталин. – Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран...

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение, – продолжал Сталин, шагая по балкону. – Подрыв жизнеспособности страны в первой и второй мировых войнах был одной из причин их краха... А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал ее, нашел нужное место и сказал:

– Вот, девятнадцать с половиной процентов населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу и, снова обратившись ко мне, сказал:

– На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в Германию и превращенных, по существу, в рабов. И все-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг»⁵⁸³.

Комментируя эти данные, российский публицист Е. Холмогоров отмечал, что дискуссии вокруг расчета безвозвратных потерь Советской Армии и вермахта привели к выводу, что эти потери были практически равны, составляя около 8 миллионов человек, хотя немало находится и тех, кто значительно повышает цифру потерь вермахта, – до 11 и даже 13 миллионов. Но даже если взять нижнюю цифру потерь вермахта, то окажется, что Германия потеряла в боях только на Восточном фронте 10 % своего населения, в то время как аналогичные потери СССР составили лишь 5 % населения. Другое дело, что конечный демографический счет был не в пользу Советского Союза по абсолютным цифрам – 26 миллионов против 11 миллионов, и равным по проценту населения – 13 %. При этом: на территории Германии война длилась 5 месяцев, а на территории СССР 4 года; СССР не проводил политику систематического геноцида населения Германии, а Германия его проводила; СССР не занимался систематическим уничтожением германских военнопленных, а Германия занималась, в результате из советского плена в Германию вернулись 3,5 млн. человек, а из немецкого в СССР 1,8 млн.⁵⁸⁴

Вообще надо сказать, арифметика – вещь довольно тонкая и деликатная, с ее помощью (в зависимости от заранее намеченной концепции) можно доказывать даже то, что явно противоречит истине. Это мы имеем, когда речь идет о сопоставлении наших потерь в войне с потерями немцев. Здесь нелишне будет указать, что на протяжении длительного времени после окончания войны в нашей стране имели хождение самые различные данные о наших потерях. Причем порой они различались настолько сильно, что можно было говорить о порядковых величинах. В 1993 году военным ведомством России был опубликован обширный и весьма тщательно разработанный статистический сборник, в котором были впервые официально сообщены данные о наших и немецких потерях. Причем сделано это было со всей скрупулезностью, с привлечением тех донесений и докладов, которые стекались в Генштаб нашей армии. Сборник этот детализирован (порой кажется даже слишком), в нем содержатся множество категорий и данных. Тех, кто интересуется данным вопросом, я отсылаю к нему⁵⁸⁵.

---

⁵⁸³ С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Т. 2. С. 465 – 467.

⁵⁸⁴ См. Егор Холмогоров. Вернуть Сталина победе. АПН. 16 февраля 2005 г. (Электронная версия).

⁵⁸⁵ См. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых

Обобщенные данные, приведенные в статистическом исследовании, выглядят следующим образом:

По результатам подсчетов, за годы Великой Отечественной войны (в том числе и кампанию на Дальнем Востоке против Японии в 1945 г.) общие безвозвратные демографические потери (убито, пропало без вести, попало в плен и не вернулось из него, умерло от ран, болезней и в результате несчастных случаев) Советских Вооруженных Сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 млн. 668 тыс. 400 чел. При этом армия и флот потеряли 8 млн. 509 тыс. 300 чел., внутренние войска – 97 тыс. 700 чел., пограничные войска и органы госбезопасности – 61 тыс. 400 человек.

В это число не вошли 939 тыс. 700 военнослужащих, учтенных в начале войны как пропавшие без вести, но которые в 1942 – 1945 гг. были вторично призваны в армию на освобожденной от оккупации территории, а также 1 млн. 836 тыс. бывших военнослужащих, возвратившихся из плена после окончания войны. Эти военнослужащие (2 млн. 775 тыс. 700 чел.) из числа общих потерь исключены.

Фактическое число безвозвратных потерь составило 8 668,4 тыс. чел., однако с военно-оперативной точки зрения, в ходе Великой Отечественной войны с учетом пропавших без вести и оказавшихся в плену из строя безвозвратно выбыло 11444,1 тыс. военнослужащих...

Общие безвозвратные потери Красной Армии и Военно-Морского Флота на советско-германском фронте (с 22.6 1941 по 9.5 1945 г.) и в войне с Японией (с 9.8 по 2.9 1945 г.): убито и умерло на этапах санитарной эвакуации – 5187190 (в% – к числу потерь – 46); умерло от ран в госпиталях 1100327 (в% – 9,8); умерло от болезней, погибло в результате происшествий и несчастных случаев, осуждено к расстрелу – 541920 (в% – 4,8); пропало без вести, попало в плен (вместе с неучтенными потерями первых месяцев войны – 4456620 (в% – 39,4). Всего безвозвратных потерь (без пограничных и внутренних войск) – 11285057.

...Общее число безвозвратных потерь ВМФ на советско-германском фронте (с 22.6.1941 по 9.5.1945 г.) и в войне с Японией (с 9.8. по 2.9.1945 г.): убито и умерло на этапах санитарной эвакуации – 47699 (в% к числу потерь – 30,8); умерло от болезней, погибло в результате происшествий (небоевые потери) – 11807 (в% – 7,6); пропало без вести, попало в плен – 95265 (в% – 61,6). Всего безвозвратных потерь – 154771 человек⁵⁸⁶.

Конечно, кое-кто может поставить под сомнение достоверность приведенных цифр. Но я полагаю, что при желании можно вообще все ставить под сомнение, кроме своего собственного мнения и своих

действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М. 1993. (В дальнейшем – Гриф секретности снят.)

⁵⁸⁶ Гриф секретности снят. С. 120 – 129, 132, 133.

собственных выводов. Этим, надо признать, особенно страдают публицисты и исследователи так называемой либеральной волны, а также – и этого не скроешь – некоторые весьма почтенные и достойные уважения писатели. Пусть читатель сам догадается, кого я имею в виду. Мне же лично приведенные цифры внушают полное доверие, хотя допускаю, что в каких-то деталях они могут расходиться с реальностью. Но главное – они рисуют не воображаемую или желательную картину, а ту, которая была в реальной жизни.

Одно замечание отнюдь не лирического свойства: приведенные цифры потрясают и заставляют содрогаться. Ведь даже одна человеческая жизнь – уникальное явление и достояние, ничем не измеримое. И когда речь идет о миллионах, то нужно всегда помнить об этом.

Моё замечание мотивировано тем, что некоторые либералы легко приклеивают ярлыки своим противникам, обвиняя их в пренебрежении к человеческим жизням и судьбам. Но их упрек несправедлив, поэтому его можно с полным правом отбросить как идеологический штамп. И помнить, что с цифрами, особенно с цифрами убитых, раненых или пропавших без вести, надо обращаться с величайшей осторожностью, ибо за каждой цифрой стоит неповторимая судьба того или иного человека.

У меня и в мыслях не было намерения обелить Сталина и снять с него ответственность за гибель многих людей, которая лежит на его совести. И от этого никуда не денешься. Однако винить во всем Сталина и сваливать на него все грехи глупо и несправедливо. Он, не менее своих нынешних критиков, был заинтересован в минимально возможных потерях наших войск, гибели мирных жителей, страданиях, которые выпали на долю мирных жителей. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, не говоря уже о простом и элементарном здравом смысле и логике. Только заведомые идиоты могли сознательно идти на то, чтобы безрассудно жертвовать миллионами солдат и простых жителей. Сталина к числу таких идиотов отнести может разве что идиот. Это, конечно, не значит, что у него не было крупных просчетов и ошибок, стоивших жизни или плена многим советским людям. Но это была война, а не игра в войну, причем, повторяюсь, не просто война, а война на уничтожение со стороны гитлеровской Германии. И зачастую, особенно на первых ее этапах, число таких жертв было несоизмеримо большим, за что Верховный Главнокомандующий нес ответственность перед своим народом и армией и сейчас несет ответственность перед историей.

В статистическом исследовании, о котором идет речь, подчеркивается, что имеющиеся о нем сведения позволяют вполне достоверно оценивать с военно-оперативной точки зрения убыль личного состава по годам и периодам войны, кампаниям, стратегическим операциям, битвам и отдельным сражениям. Всего за Великую Отечественную войну (включая кампанию на Дальнем Востоке) безвозвратные потери армии и флота составили 11 млн.

285 тыс. и санитарные (по донесениям из войск) – 18 млн. 344 тыс. чел.⁵⁸⁷

Особо следует сказать о потерях противника. Людские потери Германии, а также ее союзников, воевавших в Европе против Советского Союза, были весьма значительными, не говоря уже о полном разгроме и капитуляции их вооруженных сил. Только безвозвратные потери составили 8 649,5 тыс. чел.

Хотя часть потерь в виде обмена военнопленными была возвращена воевавшим странам, тем не менее агрессия фашизма дорого обошлась и Германии, и ее союзникам. Их безвозвратные людские потери на советско-германском фронте оказались лишь на 30 % меньше аналогичных потерь советских войск (8,6 млн. чел. у них, 11,4 млн. чел. – у нас). Таким образом, соотношение по безвозвратным потерям составило 1:1,3.

Превышение указанных потерь советских войск связано в основном с первым периодом Великой Отечественной войны, в течение которого сказывались фактор внезапности нападения фашистской Германии на СССР и просчеты советского военно-политического руководства, допущенные накануне и в начале войны⁵⁸⁸. Об этом составители исследования не умалчивают и сообщают следующие поистине угнетающие цифры: безвозвратные и санитарные потери за шесть месяцев и девять дней 1941 года составили 4 млн. 473 тыс. 820 чел. Из них убито и умерло на этапах санитарной эвакуации – 465,4 тыс. чел., умерло от ран в госпиталях – 101,5 тыс. чел., умерло от болезней, погибло в результате происшествий и т.п. – 235,3 тыс. чел., пропало без вести и попало в плен – 2 335,5 тыс. чел., ранено, контужено – 1 256,4 тыс. чел., заболело 66,1 тыс. чел., обморожено – 13,6 тыс. чел. Особенно высок процент (52,2 % общих потерь) пропавших без вести и попавших в плен.

И в заключение авторы пишут: нельзя сказать, что какой-то год был труднее или легче для бойцов армии и флота. Не меньшими безвозвратные потери были и в 1942 году⁵⁸⁹.

Таким образом, составителей исследования трудно заподозрить, а тем более упрекнуть в стремлении занижить цифры потерь или обойти молчанием вопрос об огромном количестве взятых немцами в плен советских военнослужащих, особенно в 1941 – 1942 годах. Картина была настолько тяжелая и мрачная, что безотраднее ее трудно себе представить. Хотя надо особо сказать, что Сталин в своих публичных выступлениях всячески пытался преуменьшить наши потери и преувеличить потери немецко-

---

⁵⁸⁷ Гриф секретности снят. С. 142.

⁵⁸⁸ Там же. С. 391, 393.

⁵⁸⁹ Там же. С. 141.

фашистских войск. Но так на его месте поступал бы практически любой другой главнокомандующий, ибо одной из главных задач было – не сеять панику, не подрывать в людях веру в наши силы, в нашу способность перенести трудности и в конечном счете добиться окончательной победы над врагом. По прошествии многих десятков лет ставить ему в упрек данное обстоятельство – по меньшей мере, довольно наивно и примитивно.

Самыми тяжёлыми последствиями второй мировой войны для Советского Союза явились общие людские потери – как военнотружущих, так и гражданского населения. По результатам исследований, проведённых Управлением статистики населения Госкомстата СССР и Центром по изучению проблем народонаселения при МГУ им. М.В. Ломоносова, общие прямые людские потери страны за все годы Великой Отечественной войны оцениваются в 26,6 млн. человек. Цифра – огромная. Никогда ранее наша страна не сталкивалась с подобными военными жертвами. Так, в Первую мировую войну мы потеряли 2,3 млн. человек, в гражданскую с её смертоносными эпидемиями (тифозными, холерными, малярийными и прочими) было убито, умерло от ран и болезней 8 млн. человек. То есть за восемь лет войны (1914 – 1922 гг.) потеряно 10,3 млн. человек, но это в 2,5 раза меньше, чем во Второй мировой войне⁵⁹⁰.

При анализе советских потерь ни в коем случае нельзя не учитывать, что колоссальное число жертв приходится на военнопленных и гражданское население, которые истреблялись гитлеровцами в концлагерях или гибли от истощения на рабских работах. Именно эти цифры в конечном счете существеннейшим образом увеличивают общее число погибших во время Великой Отечественной войны.

Генерал-майор С.А. Тюшкевич в статье, посвященной проблеме цены войны, особо отмечал, что только на временно оккупированных территориях Украины, Белоруссии, РСФСР и Прибалтики гитлеровцы уничтожили более 10 миллионов человек мирного населения, в основном женщин, стариков и детей. Миллионы погибли на каторжных работах в Германии, в фашистских концлагерях, сотни тысяч стали жертвами бомбардировок, пожаров, болезней и голода. Германский фашизм нанес огромный урон материальной и духовной культуре страны. **СССР потерял в войне около 30 процентов национального богатства.**

Оценка потерь Красной Армии в военных действиях должна обязательно быть сопоставлена с потерями вермахта и его союзников. В ожесточенных сражениях на советско-германском фронте Красная Армия

---

⁵⁹⁰ См. статью на данную тему генерал – полковника Г.Ф. Кривошеева, размещенную в электронном журнале «Мир истории» двумя выпусками в № 1, 2 1999 г. В этой же статье указывалось, что в обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников указывалось, что из Советского Союза германские оккупационные власти отправили в рабство 4.978.000 лиц гражданского населения.

потеряла убитыми, попавшими в плен и не вернувшимися из него, а также умершими от ран и болезней 8 миллионов 668 тысяч человек (в том числе и потери в кампании на Дальнем Востоке). Кроме того, были миллионы раненых, контуженых, обмороженных. Безвозвратные потери вооруженных сил фашистской Германии на советско-германском фронте составили свыше 6 миллионов человек, а потери армий союзников Германии – более 1 миллиона (всего около 7 миллионов). Это означает, что потери советских войск были соизмеримы с потерями войск противника (1,2:1), что опровергает широко распространяемые в СМИ утверждения, что мы выиграли войну, положив в шесть или больше раз жертв, чем нацистская Германия. Аналогично обстоит дело и с потерями военной техники. Так, за годы войны потери Красной Армии составили: танков и САУ – 96,5 тысячи, орудий и минометов – 317,5 тысячи, боевых самолетов – 43,1 тысячи единиц. Потери аналогичной военной техники противника на советско-германском фронте составили 75 процентов от общих потерь Германии в годы Второй мировой войны, которые были: танков и самоходных орудий – 50 878, орудий и минометов – 493 439, боевых самолетов – 101 671. Эти потери означали, что вермахт как боевая сила перестал существовать.

В 1944 – 1945 гг. Красная Армия вела сражения не только на своей территории, но и на территории освобождаемых стран, в том числе и на территории самой Германии. Иными словами, она несла жертвы не только во имя независимости своей Родины, но и ради освобождения от фашизма народов других стран. В ходе выполнения освободительной миссии Красная Армия потеряла при освобождении Польши более 600 тыс. солдат и офицеров, Чехословакии – около 140 тыс., Венгрии – 140 тыс., Румынии – около 69 тыс., Югославии – около 8 тыс., Австрии – 26 тыс., Норвегии – более 3 тыс.⁵⁹¹

А многие публицисты и историки как бы закрывают на это глаза или же сваливают все в общую кучу, искажая тем самым реальную картину. Для них главное – доказать, что Сталин несет прямую ответственность за число погибших во время войны, и чем больше данная цифра, тем более велика его историческая ответственность за это. Еще раз повторяю: я ни в коем случае не стремлюсь обелить Сталина и снять с Верховного Главнокомандующего его ответственность за столь огромные потери во время войны. Но, как явствует из приведенных выше данных, чисто военные потери советских войск в соотношении с потерями германских войск отнюдь не столь значительны, как пытаются доказать недобросовестные и пристрастные авторы.

Кроме того, надо брать в расчет, что Советский Союз вел войну на протяжении более трех лет при фактическом отсутствии второго фронта. А

---

⁵⁹¹ С.А. Тюшкевич. Цена победы. (Электронная версия).

наряду с Германией против Советского Союза воевали также Румыния, Финляндия и Венгрия – фактически с первых дней войны. К ним присоединились марионеточные правительства Словакии и Хорватии. Япония и Испания, формально сохраняя нейтралитет, самым тесным образом сотрудничали с Германией. Союзниками Германии также были правительства Болгарии и вишистской Франции. Помимо стран, объявивших войну Советскому Союзу в июне 1941 года, в войне участвовали соединения, части и подразделения, укомплектованные гражданами Испании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии, Чехии, Югославии (Сербии), Албании, Люксембурга, Швеции, Польши. Непосредственно после нападения на Советский Союз, отчасти спонтанно, отчасти под влиянием немецкой пропаганды возникло «Движение европейских добровольцев», поставившее своей целью «Крестовый поход Европы против большевизма»⁵⁹².

Конечно, вопрос о потерях в войне, о цене победы – это слишком широкий и многогранный вопрос, в котором имеется много нюансов, требующих внимательного и объективного подхода. Работа в этом направлении уже давно ведется. Своими рассуждениями я едва ли способен внести нечто новое в постановку и осмысление данной проблемы. Однако обойти ее молчанием также не имею права. А закончить этот небольшой раздел мне хотелось бы весьма любопытными рассуждениями А. Минкина. Они меня не просто ошарашили, а вызвали целую бурю эмоций. Но не будем предаваться эмоциям. Поставим себя выше их. Я просто приведу его высказывание, а читатель пусть сам делает выводы.

Итак, А. Минкин по поводу данной проблемы писал: «...Немцы потеряли 4,5 миллиона. Мы потеряли 22 миллиона. Число весьма условное, но пока является официальным оно, а не 29 миллионов и не 35. Иосиф Виссарионович назвал 7 миллионов. Считается, будто он убавил, чтобы не огорчать народ-победитель. Думаю, плевать ему было на народ. Гениальнейшему полководцу просто-напросто непрестижно было признать истинные размеры потерь. Да и врать к тому времени уже привыкли рефлекторно, машинально. – Мы за ценой не постоим! – поют ветераны. „Нам дешёвая пабэда нэ нужна!“ – сказал Сталин, когда ему доложили, что при лобовом штурме Берлина неизбежны гигантские потери.

В 1945-м победили не мы. Не народ. Не страна. Победил Сталин и сталинизм. Народ воевал. А Победу украл.

Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер – Сталина? В 1945-м погибла не Германия. Погиб фашизм. Аналогично: погибла бы не Россия, а режим. Сталинизм. Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б – в 1941-м! Не потеряли бы мы свои то ли 22,

---

⁵⁹² «Мир истории». 1999 г. № 1, 2. (Электронный журнал).

то ли 30 миллионов людей. И это не считая послевоенных „бериевских“ миллионов. Мы освободили Германию. Может, лучше бы освободили нас? Прежде подобные пораженческие рассуждения (если и возникали) сразу прерывал душевный протест: нет! уж лучше Сталин, чем тысячелетнее рабство у Гитлера! Это – миф. Это ложный выбор, подсунутый пропагандой. Гитлер не мог бы прожить 1000 лет. Даже сто. Вполне вероятно, что рабство под Гитлером не длилось бы дольше, чем под Сталиным, а жертв, может быть, было бы меньше. (Конечно, это жестокие аморальные рассуждения. Но только рассуждения, только слова; от них никто не погибнет.)»⁵⁹³

У меня, как, возможно, и у читателя, возникает лишь один вопрос: откуда, из какого такого потустороннего мира, мог бы вещать свои слова данный публицист? Ведь надо помнить, что немецкий план «Ост» предусматривал, кроме истребления 30 млн. русских, а также миллионов других народов, также уничтожение 5 – 6 миллионов евреев. Надо полагать, что расчеты на краткосрочность господства и милость фашистов – не более чем бредовая фантазия. Поэтому рассуждать о том, что рабство под Гитлером (иначе – победа Гитлера) – длилось бы меньше, чем «рабство под Сталиным» – звучит в высшей степени оскорбительно не только для тех, кто пал в этой войне, но и для каждого честного гражданина России. К сожалению, в нашей либеральной «свободной» прессе и в других средствах массовой информации до сих пор порой можно встретить подобные мысли и рассуждения. Правда, мыслями их назвать не поворачивается язык. Это скорее – бред и бесстыжая чушь. А с такими вещами полемизировать – значит ставить себя в такое же положение.

Чтобы завершить эту тему, полагаю полезным сослаться на изыскания видного российского писателя и историка В. Кожина, рассуждения и аргументы которого впечатляют своей скрупулезностью и сопоставлениями с реальными фактами и цифрами. Причем факты и цифры эти взяты не с потолка, как поступают некоторые слишком уж одержимые ненавистью к социализму и Сталину лично ученые и публицисты. В. Кожин писал: «Знакомясь с иными нынешними сочинениями о войне, читатели волею-неволей должны прийти к выводу, что Сталин, да и тогдашний режим в целом чуть ли не целенаправленно стремились уложить на полях боев как можно больше своих солдат и офицеров, патологически пренебрегая тем самым и своими собственными интересами (ибо чем слабее становится армия, тем опаснее для режима)...

И поскольку главная цель многих сочинений, затрагивающих вопрос о потерях нашей армии, заключалась, в сущности, не в исследовании реальных фактов, а в обличении Сталина и режима в целом, предлагались абсолютно фантастические цифры, – вплоть до 44 миллионов (!) погибших

---

⁵⁹³ «Московский комсомолец». 22 июня 2005 г.

военнослужащих... (Здесь он ссылается на утверждения А. Солженицына, приводившего указанные цифры – Н.К.)

Полнейшая абсурдность этой цифры совершенно очевидна. В начале 1941 года население СССР составляло, как выяснено в последнее время посредством тщательнейших и всецело достоверных подсчетов, 195,3 млн. человек, а в начале 1946-го людей старше 5 лет в стране имелось всего лишь 157,2 млн.! Таким образом, „исчезли“ 38,1 млн. человек из имевшихся в начале 1941-го 126. Утрата, конечно же, огромна – 19,5 % – почти каждый пятый! – из населения 1941 года. Но в то же время очевидна нелепость утверждения, что в 1941 – 1945-м погибли-де 44 млн. одних только военнослужащих – то есть на 6 млн. (!) больше, чем было утрачено за эти годы людей вообще, включая детей, женщин и стариков.

Однако дело не только в этом. Даже и 38,1 млн. „исчезнувших“ людей нельзя отнести целиком к жертвам войны, ибо ведь и в 1941 – 1945 гг. люди продолжали уходить из жизни в силу „естественной“ смертности, которая уносила в то время минимум (именно минимум) 1,3 % наличного населения за год (не считая младенческой смертности), то есть за пять лет – 6,5 % – что от 195,4 млн. составляет 12,7 млн. человек (повторю: по меньшей мере, столько).

Кроме того, не так давно были опубликованы сведения о весьма значительной эмиграции из западных областей СССР после 1941 года – эмиграции поляков (2,5 млн.), немцев (1,75 млн.), прибалтов (0,25 млн.) и людей других национальностей; в целом эмигранты составляли примерно 5,5 млн. человек.

Таким образом, при установлении количества людей, в самом деле погубленных войной, следует исключить из цифры 38,1 млн. те 18,2 млн. (12,7+5,5) человек, которые либо умерли своей смертью, либо эмигрировали. И, значит, действительные жертвы войны – 19,9 млн. человек, не считая, правда, смерти детей, родившихся в годы войны.

Это вроде бы противоречит результату наиболее авторитетного исследования, осуществленного в 1990-х годах сотрудниками Госкомстата, – 25,3 млн. человек. Но в этом исследовании специально оговорено, что имеется в виду „общее число умерших (не считая естественной смертности – В. К.) или оказавшихся за пределами страны“, а, как отмечалось выше, за пределами страны оказалось 5,5 млн. эмигрантов. 19,9+5,5 – это 25,4 млн. человек, что почти совпадает с подсчетами Госкомстата»⁵⁹⁴.

В. Кожин на страницах своей книги подробно и с предельной тщательностью анализирует не только людские потери вообще, но и число погибших воинов во время военных действий. Он пишет, что, поскольку гитлеровские главарь ввели войну на уничтожение, то гибель гражданских лиц

---

⁵⁹⁴ Вадим Кожин. Россия. Век XX (1939 – 1964). М. 2002. С. 132 – 133.

совместно с гибелью пленных в два с лишним раза (!) превысила боевые потери армии – 6,5 млн и 13,4 млн.⁵⁹⁵ И чтобы вконец развеять чудовищную фантастику мнимых потерь, В. Кожин, отмечая трагически тяжкий урон, нанесенный нашей стране, пишет далее, что демографы Запада подсчитали, что в результате «войны на уничтожение» население их стран (в целом, включая Германию и ее союзников) потеряло 17,9 млн. человек⁵⁹⁶, то есть в абсолютных цифрах ненамного меньше, чем население СССР, хотя доля погибших относительно общего предвоенного количества людей у нас (195 млн.) и в странах Европы (300 млн.), конечно, значительно больше. Но это обусловлено силой нашего сопротивления врагу и тем, что фактически именно нам принадлежит Победа над ним⁵⁹⁷.

Обобщая вышесказанное по поводу численности наших потерь во время войны, следует подчеркнуть несколько следующих важных моментов. Во-первых, число жертв войны в Советском Союзе в самой реальности настолько значительно, что только у закоренелых антисталинистов и антисоветчиков достает ума, чтобы преувеличивать эти потери. Причем часто в несколько раз – что уже выше всякого разума. Во-вторых, они сваливают, как говорится, в одну кучу чисто военные потери и гибель миллионов людей в гитлеровских лагерях смерти, расстрелы, смерть от голодного истощения и т.д. Такой, с позволения сказать, «приемчик» рассчитан на простаков и людей, привыкших верить тому, что пишут в печати и говорят с телеэкрана. А мастеров такой промывки мозгов у нас становится с каждым годом все больше и больше, и ныне можно констатировать, что они задают всему тон. В-третьих, манипуляции с цифрами – это отнюдь не безобидные упражнения недоучившихся математиков, а сознательно проводимая политико-идеологическая линия, призванная доказать, что все в бывшем Советском Союзе было из рук вон плохо, а вот сейчас наступило чуть ли не райское благолепие и благополучие. Арифметика здесь превращается в простую служанку политики, служит ее инструментом. И, в-четвертых, вся эта цифровая баталия от начала до конца пронизана духом антисталинизма, борьбы с мертвым победителем гитлеризма. Здесь и не пахнет желанием установить истину, трезво и объективно сопоставить факты и цифры и на этом фундаменте сделать обоснованные и достоверные выводы. Порой меня охватывает нечто вроде мистического чувства: неужели люди такого склада не отдадут себе отчета в том, что они как бы становятся своего рода «убийцами», увеличивая число жертв войны. Говорят, что не надо тревожить

---

⁵⁹⁵ *Вадим Кожин*. Россия. Век XX (1939 – 1964). М. 2002. С. 143.

⁵⁹⁶ *Итоги второй мировой войны*. М. 1957. С. 601.

⁵⁹⁷ *Вадим Кожин*. Россия. Век XX (1939 – 1964). С. 143 – 144.

мертвых. Это – азбучная истина и с ней никто не спорит. Но не надо тревожить души тех, кто не стал жертвой войны, а является всего лишь объектом политико-идеологических спекуляций. Их тоже нельзя тревожить, ибо это – тоже своего рода надругательство. Хотя бы в таких деликатных вопросах надо нравственные принципы и нормы морали поставить выше всякого рода политических и иных расчетов. В конечном счете, историю нельзя обмануть. Но кто-то думает, что можно. И глубоко ошибается!

3. Сталинские депортации

Ставшие широко известными в послевоенный период (да и во время войны об этом были осведомлены многие) депортации отдельных народов по приказу Сталина относят к числу одних из самых серьезных его политических «грехов». Если вообще это слово уместно в данном случае и в полной мере отражает характер данных мероприятий, проведенных иногда с согласия Сталина по инициативе Берия и других высокопоставленных сотрудников органов госбезопасности, а порой и по прямой инициативе самого Сталина. По крайней мере, обойти фигурой умолчания эту страницу в политической биографии вождя было бы непозволительно.

В данном небольшом разделе я не ставлю своей задачей детально осветить поставленную проблему. Мой замысел имеет гораздо более скромные цели. Речь идет прежде всего о принципиальной политической оценке самих депортаций, кратком анализе основных мотивов, которые лежали в основе решений Сталина, общей характеристике самого процесса депортаций, а также показе того, что в определенном смысле меры по депортации были вызваны достаточно убедительными фактами коллаборационизма со стороны представителей отдельных народов с оккупантами.

Замечу, что в целом эта проблема нашла свое отражение в ряде работ как советских, затем российских, так и западных авторов⁵⁹⁸. Среди российских источников особо следует выделить документальное издание «Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: „Их надо депортировать“». Документы, факты, комментарии», которое рисует широкое полотно событий, относящихся к данной теме. Именно это издание легло в основу многих статей и материалов, в частности, электронной версии обширнейшей публикации И. Пыхалова «За что Сталин выселял народы?». Эти работы и легли в основу данного раздела. Оговорюсь, что в силу естественной

---

⁵⁹⁸ Из западных авторов следует упомянуть книги *A. Dallin* . *German Rule in Russia*. N.Y. 1957; *John A. Armstrong* . *Ukrainian Nationalism. 1939 – 1945*. N.Y. 1955. Определенное внимание данной проблеме уделено в двухтомной работе Дж. Боффа, посвященной истории Советского Союза.

необходимости я был вынужден многие аспекты проблемы освещать конспективно, сконцентрировав свое внимание на концептуальных моментах.

Прежде всего, полагаю, следует высказать принципиальную позицию по вопросу о сталинских депортациях, чтобы избежать кривотолков и необоснованных обвинений. Моя позиция сводится к следующему: по своим главным параметрам сталинские депортации, вне зависимости от мотивировок, которыми они оправдывались и объяснялись, являлись актами репрессий и их нельзя оправдать. Другой, органически связанный с этим вопрос, заключается в том, что военные условия как будто в ряде случаев давали некоторые основания для осуществления подобного рода акций. На них я остановлюсь позднее. И тем не менее замечу, что они не могут служить ни юридическим, ни моральным, ни политическим оправданием этих действий. Попутно замечу, что некоторые акции по депортации осуществлялись в условиях войны, когда масштабы вреда, который могли нанести прислужники оккупантов, на первый взгляд, могли бы объяснить эти меры. Однако они осуществлялись уже после освобождения соответствующих территорий от фашистских оккупантов. Иными словами, предмет самого этого вопроса не так прост, как представляется, если к нему подходить поверхностно, без учета реальной обстановки и духа самого времени.

Еще одно замечание: как уже мог убедиться читатель, репрессии рассматривались Сталиным не просто как месть за содеянное, а как инструмент достижения определенных государственных и политических целей, преследуемых им. К тому же, сами репрессии не являлись каким-то из ряда вон выходящим явлением в сталинской политике вообще. С учетом данного обстоятельства необходимо подходить к этому вопросу. При этом надо постоянно держать в уме, что коллаборационисты во время войны являлись серьезной угрозой для страны и их пособничество гитлеровцам сыграло немалую роль в развитии событий периода Великой Отечественной войны.

С некоторыми оговорками можно согласиться с итальянским историком Дж. Боффа, который писал, что после войны среди западных историков нашлись такие, которые усмотрели в подобных формированиях разновидность «антисоветской и антисталинской оппозиции». На самом же деле речь шла о куда более элементарном явлении, в котором сознательный политический выбор играл очень незначительную роль. **В целом на протяжении войны число коллаборационистов разного происхождения и национальностей составило почти миллион человек** (выделено мной – Н.К.). Но независимо от своей идейной окраски то были люди, окруженные ненавистью в своей стране и осужденные на суровую расплату за предательство. Из них сколачивались банды наемников, которым было нечего терять, и во многих случаях эти банды дрались как бешеные. Но при первом же случае их бойцы стремились дезертировать или перейти к

партизанам в надежде искупить вину и заслужить снисхождение. Вот почему немцы в конце концов стали выводить их с советской территории и применять в качестве оккупационных войск в других странах⁵⁹⁹.

Сама цифра в один миллион говорит за себя, и совершенно естественно, что советское руководство в лице Сталина должно было не просто констатировать данный факт, но и делать из него соответствующие выводы. Сталин избрал проверенный и испытанный метод – использование переселений и депортаций.

Обратимся к конкретным фактам. Но прежде следует подчеркнуть, что отнюдь не вождь Советского Союза был первооткрывателем этого метода обеспечения государственных интересов и безопасности страны. Известны факты депортаций 600 тыс. армян в Месопотамию в 1915 – 1916 гг., немецко-колонистов из Польши, Волыни, Бессарабии в 1916 году, около 70 тыс. французов из аннексированных Германией Эльзаса и Лотарингии в октябре 1940 г., японских граждан из западных штатов США в феврале 1942 г. и др. О некоторых из них забыли, о других помнят до сих пор. Так что Сталин не был здесь каким-то зловещим новатором. Он применял эти методы, правда, в размерах куда более грандиозных.

Впервые официальное осуждение политики Сталина в отношении депортации народов прозвучало в секретном докладе Хрущева на съезде КПСС. Он счел необходимым специально остановиться на данном вопросе, хотя и в самой лаконичной форме, допустив при этом свойственные ему преувеличения и своеобразный юмор. На съезде он говорил: «Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства.

Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика

---

⁵⁹⁹ Джуженне Боффа . История Советского Союза. Т. 2. М. 1994. С. 109 – 109.

ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. (*Смех, оживление в зале*).

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение – как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям»⁶⁰⁰.

Нет серьезных и вполне убедительных оснований полагать, что осуждение Хрущевым сталинских депортаций явилось вынужденным с его стороны шагом. Хотя надо подчеркнуть, что недовольство депортированных проявлялось как при Сталине, так и особенно после его смерти, и постсталинское руководство не могло игнорировать эти факты. Скорее всего, данный шаг Хрущева был продиктован внутривластными соображениями, и в первую очередь интересами развертывавшейся в то время борьбой за власть. Но ни сам Хрущев, ни его соратники и политические оппоненты того периода едва ли в полной мере осознавали самые серьезные, а порой и неожиданные последствия данного шага. Он бумерангом обернулся для самого Хрущева и для всего советского руководства. Достаточно сказать, что вплоть до настоящего времени последствия и отзвуки этих депортаций непосредственно сказались на судьбе Советского Союза и продолжают сказываться на развитии ситуации в современной России в наши дни. Едва ли есть основания рассматривать события на Северном Кавказе, в Крыму и в некоторых других регионах в конце 80-х и впоследствии в качестве запоздалой, но естественной реакции на сталинские депортации. Здесь решающую роль играли другие факторы. Однако и воспоминания о депортациях также не были второстепенным моментом. Словом, сталинские депортации превратились в одну из составляющих кризиса, приведшего Советский Союз к распаду. Но это несколько выходит за рамки моей темы, поэтому данный аспект проблемы я оставляю в стороне отнюдь не в силу ее малозначительности, а по той причине, что это – предмет самостоятельного специального исследования. Для меня очевидным является то, что Хрущев и другие лидеры Советского государства смотрели на проблему реабилитации депортированных народов через узкую призму своих политических баталий, а также не имели широкого кругозора, без которого проведение долгосрочной политической стратегии невозможно. В итоге они оказались не в состоянии в полной мере взвесить

---

⁶⁰⁰ «Известия ЦК КПСС». 1989 г. С. 151 – 152.

всю совокупность и сложность данной проблемы. За это стране потом пришлось платить более чем высокую цену.

Но возвратимся к непосредственному изложению нашей темы. Сначала об общих масштабах депортаций. Всего спецпоселению, принудительному выселению и т.д. подвергались представители более сорока народов СССР. Многие из них были переселены полностью. В 1930 – 1950-е годы покинули места своего исконного проживания около 3,5 млн. человек⁶⁰¹. С известной натяжкой составитель сборника, из которого приводятся эти и другие данные, пишет, что какими разными были народы, их место и роль в структуре межнациональных отношений, так и по-разному толковались официальными ведомствами и причины депортации: одни – по превентивным признакам (немцы, корейцы, турки-месхетинцы, курды, хемшины, лазы, греки, финны), другие – за участие в «повстанческом движении» против советской власти (народы Северного Кавказа, Крымской АССР, Белоруссии, Украины), третьи – за вооруженное сопротивление властям (народы Прибалтики и др.), четвертые – по политическим мотивам, связанным с конфессиональными и другими факторами и т.д.

Правы, конечно, и те, кто возразит, что государство должно было в военной обстановке обеспечить стабильность положения, ослабить криминогенную ситуацию в тылу и прифронтовой полосе, создать нормальные условия для проживания основной массы населения страны. С этим нельзя не согласиться. Однако нельзя не видеть и другого. Следующие одна за другой депортации отдельных групп населения, а то и целых народов, носили ярко выраженный антигуманный, бесчеловечный характер. Страдали главным образом не те, кто сражался в «бандах», участвовал в работе «национальных комитетов», религиозных сект и т.д., а безвинные старики, женщины и дети⁶⁰².

Здесь составитель сборника явно склонен преуменьшить значение того факта, что среди депортированных было большое количество ярых и активных врагов государства, активных пособников оккупантов, и их депортация, на мой взгляд, в условиях войны являлась мерой оправданной. Нельзя безвинными стариками, женщинами и детьми прикрыть или преуменьшить их преступления и заслуженную кару, которую они понесли. Вспомним хотя бы о цифре в один миллион коллаборационистов, о чем шла речь выше – ведь это, по существу, настоящая армия в тылу советских войск, которая помогала гитлеровцам. Меня лично удивляет и поражает столь огромная цифра, которая, кроме всего прочего, свидетельствует о том, что

---

⁶⁰¹ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. Документы, факты, комментарии. М. 1992. С. 284.

⁶⁰² Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. С. 285.

Сталин и органы безопасности в предвоенные годы зачастую не видели истинных врагов и обрушивали репрессии не по адресу.

На поставленный самим составителем вопрос: «Какой же была динамика „повстанческого движения“ в районах, подвергшихся депортации?» – составитель, ссылаясь на соответствующие документальные данные, дает следующий ответ. По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, на территории страны с 1941 по 1944 год действовало 7161 мелкое бандформирование численностью до 54 тыс. человек; из них в Чечено-Ингушетии – 54, Кабардино-Балкарии – 47 (на 1 августа 1943 г.), Калмыкии – 12, Ставропольском крае – 109 групп. «Бандконтингент» получал своеобразную подпитку со стороны дезертиров и уклоняющихся от службы в Красной Армии. Их численность в 1941 – 1944 годах составила более 1 666 891 человек: на Северном Кавказе – 62 751, Ставропольском крае – 18 154, Кабардинской АССР – 2477, на Украине – 128 527, в Белоруссии – 4406, Молдавии – 5209, Крымской АССР – 479 человек. Именно от рук бандитов погибли многие партийные, советские работники, офицеры и солдаты Красной Армии⁶⁰³.

Как видим, число дезертиров (а их с полным правом можно причислить к разряду фактических пособников противника) доходило почти до 1 млн. 700 тыс. человек. В условиях войны – войны за выживание страны и ее народов – это была колоссальная цифра. Она также помогает понять мотивы решений о депортации, к которой склонялся Сталин. И в тот период логику его мышления можно, если не оправдать, то, по крайней мере, понять. Антисталинисты не склонны акцентировать внимание на такого рода фактах. Более того, они предпочитают их замалчивать, а если и упоминают о них, то так как-то, мимоходом, как о малозначительном факте. Между тем, без учета этих фундаментальных фактов многое становится слишком простым и упрощенным. А еще Н.Г. Чернышевский говорил, что исторический путь – не тротуар Невского проспекта. Значит, в ней нет прямых путей, она наполнена зигзагами и разного рода поворотами, игнорировать которые непозволительно никому, особенно объективному исследователю.

Теперь настало время остановиться на некоторых существенных деталях и самом процессе депортации.

Первыми объектами депортации, естественно, стали представители **немецкой национальности**, проживавшие на территории СССР, прежде всего в республике немцев Поволжья. 25 августа 1941 г. Л. Берия обратился к Сталину с запиской следующего содержания: «В соответствии с Вашими указаниями при этом представляю проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о порядке переселения из Республики Немцев Поволжья и Саратовской и Сталинградской областей.

---

⁶⁰³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. С. 285.

Всего из указанных местностей подлежит выселению 479 841 человек, в том числе из Республики Немцев Поволжья 401 746 человек, из Саратовской области 54 389 человек и из Сталинградской области 23 756 чел. Переселение намечается произвести в Северо-Восточные области Казахской ССР, Красноярский и Алтайский края, Омскую и Новосибирскую области»⁶⁰⁴. В суммированных сведениях о депортации немцев указывается, что к концу октября 1941 г. было выселено 856 168 человек из 873 578 подлежащих выселению по «государственному заданию». Всего же в 1941 – 1942 гг. переселено 1209 430 немцев. Значительная часть из них была размещена в Казахской ССР (444 005 человек)⁶⁰⁵.

В один из самых трудных периодов для Советской России – в 1942 году – среди **карачаевцев**, например, перешли к активным действиям антисоветские элементы, формировавшиеся в повстанческие группы и дестабилизировавшие обстановку в тылу Красной Армии. Лучше всего положение характеризовали сами карачаевцы. По их данным, на территории области активно действовало несколько повстанческих групп, во главе которых стояли лица, окончившие немецкие разведшколы. Имея такую опору, гитлеровское командование прибегало к созданию национальных политических институтов типа «Карачаевского национального комитета» для поддержания оккупационного режима. Это, а также ряд других обстоятельств послужили причиной мер репрессивного характера против них.

Депортация карачаевцев проводилась в несколько этапов. В ответ на действия бандповстанцев появилась директива от 15 апреля 1943 г., по которой были определены к выселению около 500 семей бандглаварей. В августе 1943 года они были выселены за пределы автономной области. В последующем эта мера распространена на весь карачаевский народ⁶⁰⁶.

28 декабря 1943 г. было принято постановление СНК СССР за подписью В.М. Молотова о депортации **калмыков** в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. 91 919 калмыков вынуждены были мигрировать в восточные районы страны. Немалую часть из них составляли старики и дети⁶⁰⁷.

Те же причины служили предлогом выселения **чеченцев, ингушей и балкарцев** в 1944 году. 31 января 1944 года ГКО принял постановление о

---

⁶⁰⁴ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – 1946. Документы. М. 2006. С. 311.

⁶⁰⁵ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. С. 7.

⁶⁰⁶ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. С. 8.

⁶⁰⁷ Там же. С. 9.

выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал приказ НКВД СССР о переселении нового контингента⁶⁰⁸. 5 марта 1944 г. принято постановление ГКО о выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР. НКВД СССР намеревался отправить в Казахскую ССР – 25 тыс. человек, в Киргизскую ССР – 15 тыс. человек. По предварительным прикидкам, предполагалось выселение 32 887 человек. Однако в телеграмме начальника ОСП НКВД СССР от 13 марта 1944 г. отмечалось, что среди прибывших к этому времени 369 791 переселенца было 37 044 балкарца⁶⁰⁹.

В сложной обстановке развивались события в Крымской АССР. Активные действия националистических элементов способствовали тому, что в годы войны многие из **крымских татар** оказались на службе у врага, выступали в его поддержку, хотя значительная часть татарского населения лояльно относилась к Советской власти. Мер, направленных на предотвращение враждебных действий националистов, по оценкам правительственных служб, оказалось недостаточно, и 11 мая 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление о выселении крымских татар⁶¹⁰. В постановлении Государственного Комитета Обороны, подписанном его председателем Сталиным, предписывалось: всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берия) выселение крымских татар закончить до 1 июня 1944 г.⁶¹¹

Всего же из Крымской АССР вывезено 191 044 лица татарской национальности. Руководители операции отметили в своем отчете, что в ходе выселения были арестованы 1137 «антисоветских элементов», а всего – 5989 человек. Было изъято 10 минометов, 173 пулемета, 92 автомата, 2650 винтовок, 46 603 кг боеприпасов. Крымские татары переселялись в Казахскую и Узбекскую ССР, отдельные области Российской Федерации. Переселение проходило в тяжелейших условиях⁶¹².

Особо следует выделить вопрос о депортациях из прибалтийских республик.

---

⁶⁰⁸ Там же. С. 10.

⁶⁰⁹ Там же. С. 11.

⁶¹⁰ Там же. С. 11.

⁶¹¹ Там же. С. 134.

⁶¹² Там же. С. 12.

Вот выдержка из доклада Л. Берии на имя И.В. Сталина от 7 июля 1945 г. «В 1943 г. в Литве представителями различных литовских буржуазных партий был создан Верховный комитет освобождения Литвы, ставивший своей целью восстановление в Литве „самостоятельного буржуазного государства“.

В августе 1944 г. в связи с освобождением значительной части Литовской ССР президиум Верховного комитета освобождения Литвы принял решение перенести центр деятельности литовских националистов в Германию и Швецию. Верховный комитет освобождения Литвы, находившийся в Берлине, принял на себя руководство подрывной деятельностью литовского национального подполья и при содействии военной разведки (абвер) перебросил в Литовскую ССР 25 своих эмиссаров-агентов с задачей сбора разведывательной информации для немецкой разведки и руководства деятельностью бандитских формирований и националистических организаций в Литве»⁶¹³.

И. Пыхалов приводит, в частности, один показательный документ, ярко свидетельствующий об активном прислужничестве многих представителей прибалтийских народов оккупантам. Так, одна из видных политических деятелей тогдашней Латвии обратилась к Гитлеру со следующим письмом-клятвой: «Будучи признательным за отвагу уже находящихся сейчас на фронте латышских добровольческих частей, вождь Великой Германии дал согласие на создание добровольческого латышского легиона СС. В создающийся латышский легион, как его ядро, уже вошла часть добровольческих соединений. Легион организуется как единая, боевая часть, включая в него вооруженные формирования СС. Командовать частью будут латышские офицеры. В легион могут вступить все мужчины латышской национальности 17 – 45 лет. Служба будет продолжаться до конца войны. Обеспечение, жалование и форма такие же, как и в немецких частях СС...»

Вступающие в легион латыши принимали присягу, текст которой звучал так: «Богом клянусь в этой торжественной клятве, что в борьбе против большевизма я буду беспрекословно подчиняться главнокомандующему германскими вооруженными силами Адольфу Гитлеру и как бесстрашный солдат, если будет на то его воля, буду готов отдать свою жизнь за эту клятву»⁶¹⁴.

Объективные западные авторы признают, что прибалтийские республики при Гитлере получили право на относительно привилегированное положение. По этой и по ряду других причин – прежде всего довольно широкому распространению антисоветских и антирусских настроений –

---

⁶¹³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. С. 193.

⁶¹⁴ И. Пыхалов. За что Сталин выселял народы? (Электронная версия).

оккупационный режим там пользовался в определенной мере поддержкой.

Здесь комментарии абсолютно излишне. Стоит лишь добавить, что в нынешние времена в Литве, а также в других республиках Прибалтики бывшие эсэсовцы пользуются почетом, открыто и демонстративно проводят свои сборища, разрушают при молчаливом согласии своих правительств памятники советским воинам-освободителям и надругаются над их могилами. Это и есть «новая демократия», где последыши гитлеризма мнят себя героями-победителями и всячески поносят Россию и русский народ, спасший народы этих республик от фашистского порабощения. Они то ли в силу невежества или доведенной до иступления ненависти к России и русским нагло попирают права русскоязычного населения и, по существу, играют роль наследников гитлеровского фашизма. Такие факты никто не способен опровергнуть, ибо они повторяются постоянно, чуть ли не каждодневно.

И. Пыхалов отмечает, что в отличие, например, от крымских татар, среди которых предательство было едва ли не поголовным, далеко не все литовцы, латыши и эстонцы служили немцам. Немало их воевало и на нашей стороне ⁶¹⁵.

И чтобы закончить этот раздел, хочу несколько слов сказать отдельно об Украине, где положение было в значительной степени иным, чем в упомянутых республиках, народы которых подверглись депортациям. Достаточно объективную и взвешенную оценку данной проблемы мы находим у итальянского историка Дж. Боффа. Согласно его оценке, позиция и действия украинских националистов имели свои специфические особенности. Группы украинских националистов в эмиграции, продолжая враждовать между собою, еще в предвоенные годы находились на службе у немцев и их шпионских органов. В политическом отношении их позиции, отмеченные не только острой антирусской, но также антисемитской и антипольской враждебностью, были пропитаны идеологией нацизма. В момент вторжения некоторые из них под командованием немецких офицеров забрасывались в советский тыл с целью усилить хаос за спиной советских войск. Другие их представители сопровождали армию захватчиков в качестве экспертов, переводчиков или чиновников оккупационных ведомств. Кое-кто из нацистских главарей, в частности Розенберг, вынашивал идею создания вассального украинского государства, которое входило бы в качестве одного из компонентов в систему германского господства на территории европейской части СССР. Поэтому вначале кое-где пленных украинцев освобождали, в то время как остальных обрекали на голодную смерть. Вскоре, однако, эта политика осторожного поощрения украинского сепаратизма была отброшена. Даже предоставление самых скромных, чтобы

---

⁶¹⁵ И. Пыхалов. За что Сталин выселял народы? (Электронная версия).

не сказать рабских, льгот по формуле «маленький пряник и большой кнут» вступало в противоречие со всеми остальными целями, которые ставили перед собой берлинские деятели, включая Розенберга. Украина со своими экономическими ресурсами была как раз одной из тех республик, которую гитлеровцы намеревались подвергнуть самой интенсивной эксплуатации. Кроме того, эмигрантские националистические группы не нашли тут той поддержки, на которую надеялись; исключение составляли лишь некоторые западные районы, недавно вошедшие в состав СССР (именно здесь позже была на вербована целая эсэсовская часть – дивизия «Галиция»). Оккупация на Украине носила поэтому такой же, если не еще более зверский, характер, как и повсюду. Во главе оккупационной администрации был поставлен один из самых кровавых нацистских главарей – Кох. Всякая самостоятельная политическая деятельность националистов была запрещена. Позже, правда, они создали все в тех же западных районах несколько вооруженных формирований (особенно активными были группы Бандеры и Мельника), установивших свой контроль над некоторыми участками местной территории. Немцы относились к этим бандам со снисходительным терпением, если не с прямым доброжелательством, доходившим до поощрения, потому что те воевали исключительно против советских партизан⁶¹⁶.

В качестве своеобразного итога приведу обобщенные данные, содержащиеся в докладной записке МВД СССР С. Круглова И. Сталину 17 февраля 1950 г. В ней говорится: «По состоянию на 1 января 1950 г. на учете органов МВД состоит 2 572 829 выселенцев и спецпоселенцев (вместе с членами семей).

Из этого количества 2 102 174 чел. составляют выселенцы, в том числе немцы – 1 099 578 чел., чеченцы и ингуши – 372 189 чел., карачаевцы – 59 340 чел., балкарцы – 32 645 чел., калмыки – 77 673 чел., крымские татары, армяне, греки, болгары – 193 467 чел., турки, курды, хемшины – 86 164 чел., кулаки, националисты, бандиты и члены их семей, выселенные из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, – 93 233 чел., греки, дашнаки, выселенные из Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР и с Черноморского побережья, – 52 913 чел., кулаки, участники профашистских организаций, немецкие пособники и члены их семей, выселенные из Молдавской ССР, – 94 792 чел. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. эти лица расселены в местах поселений навечно.

Остальные 470 655 чел. составляют спецпоселенцы, в том числе бывшие кулаки – 149 111 чел., лица, служившие в немецких строевых формированиях, легионеры и полицейские – 132 718 чел., члены семей

---

⁶¹⁶ Джуженне Боффа. История Советского Союза. Т. 2. М. 1994. С. 107.

украинских оуновцев – 104 509 чел и т.д.»⁶¹⁷.

Такова в самых общих чертах история и картина сталинских депортаций. Следует добавить, что на закате распада Советского Союза 7 марта 1991 г. Верховный Совет СССР принял постановление, основной смысл которого выражен в следующем положении:

«Руководствуясь Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года „О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав“ и исходя из политического и социального значения полного решения всех вопросов, связанных с восстановлением прав народов, подвергшихся необоснованным репрессиям, Верховный Совет СССР постановляет:

„Отменить акты высших органов государственной власти СССР, послужившие основой для противоправного насильственного переселения отдельных народов из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан из числа этих народов, а также незаконной ликвидации некоторых национально-государственных образований“»⁶¹⁸.

Вообще процесс реабилитации депортированных народов занял несколько десятилетий, начиная с середины 50-х годов. Проходил он отнюдь не гладко, порождая много конфликтов среди переселенцев и жителей, населявших прежние территории депортированных народов. Достаточно вспомнить о вооруженном конфликте между осетинами и ингушами, о непрекращающихся конфликтах в Крыму в связи с выступлениями татар и т.д. Словом, проблема сталинских депортаций стала чуть ли не хронической болезнью современной России, хотя со времени этих депортаций прошло более шести десятилетий. Даже этот факт служит веским аргументом в пользу того, что национальные вопросы в многонациональном государстве не должны были решаться, да и в принципе не могут быть решены, столь простым и эффективным на первый взгляд методом, как массовые депортации.

И в качестве главного вывода можно сделать такое заключение: если в период войны сталинским депортациям можно было найти порой достаточно веские обоснования, то, как показала последующая жизнь, подобные способы решения национальных проблем таят в себе огромный разрушительный потенциал. Причем этот потенциал может проявить себя разрушительным образом и по прошествии многих лет. Поэтому, при всей сложности и противоречивости проблемы в период войны, дать сегодня, по прошествии многих десятилетий, положительную оценку нельзя. Хотя, еще раз

---

⁶¹⁷ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. С. 253.

⁶¹⁸ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: *«Их надо депортировать»*. С. 16.

повторюсь, многие моменты этих депортаций воспринимались во время войны иначе, чем они воспринимаются теперь. Это – во-первых. А во-вторых, всех депортированных нельзя ставить на одну доску – среди них имелось большое число коллаборационистов, а против них надо было предпринимать суровые меры. Однако любые меры не должны возводить в юридическую норму идею коллективной ответственности всего народа за действия отдельных его представителей.

Подводить общий итог роли Сталина в Великой Отечественной войне еще рано, необходимо рассмотреть его деятельность в качестве главного руководителя советской внешней политики, в первую очередь, в вопросах отношений с союзниками и создания антигитлеровской коалиции, проблемы второго фронта и ряда других важных аспектов международных отношений того времени. Но уже сейчас на базе изложенных фактов и соответствующих оценок, вне всякого сомнения, четко вырисовывается огромная, можно сказать, уникальная роль Сталина во время войны. Мне удалось уделить внимание лишь отдельным вопросам, но и даже по ним можно составить не предвзятое, а более или менее объективное представление о том, какое исторически значимое место занимает он по праву в истории самой суровой из всех наших войн.

4. Мобилизационная экономика – фундамент победы

Великая Отечественная война стала одним из самых важных, если не самым важным событием в многовековой истории России. Вместе с тем, как подчеркивал Сталин, «...эта война была для нее самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины.

Но война была не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа. Война обнажила все факты и события в тылу и на фронте, она безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительств, партий, и выставила их на сцену без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами. Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей Коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, – разглядите их внимательно и воздайте им по их делам»⁶¹⁹.

Сталин, прибегая к использованию религиозной христианской лексики (что, кстати, являлось одной из особенностей его стиля выступлений), в предвыборной речи 1946 года как бы предлагал всему обществу дать общую

---

⁶¹⁹ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 6 – 7.

оценку всего его курса, проводившегося на протяжении более двух десятилетий. В том числе и курса на индустриализацию и кооперирование сельского хозяйства – а это были составные элементы формирования мобилизационной экономики. И надо признать, что фундаментальные выводы, вытекавшие из сталинского анализа причин нашей победы, звучали не декларативно, а вполне убедительно.

Здесь я хотя бы в самом схематическом виде попытаюсь раскрыть роль экономических факторов, лежавших в основе нашей победы, вкратце охарактеризовать главные меры, осуществленные для обеспечения постоянно возрастающего военного потенциала Красной Армии. Нарастание отпора врагу имело одной из своих главных основ укрепление тыла, героический и самоотверженный труд советских людей во всех отраслях народного хозяйства, во всех звеньях государственных структур.

Суровые условия жизни, большей частью ненормированный рабочий день (в первые периоды войны), скудное, порой полуголодное продовольственное обеспечение, в прифронтовых местностях постоянные бомбежки и т.д. – все это стало повседневными чертами военного времени, привычными условиями жизни населения страны. Однако великие лишения и невзгоды не сломили волю народов нашей страны: люди и без всякой пропаганды хорошо понимали, что их самоотверженный труд служит залогом победы, важнейшим условием успешных действий на полях сражений с гитлеровской Германией. Во многом прежде всего благодаря самоотверженности и беззаветной верности народов своей родине, их сознательности и колоссального трудового напряжения удалось решить главный вопрос того периода войны – перевести экономику на военные рельсы. То есть реализовать огромный потенциал, изначально заложенный в самой структуре и характере мобилизационной экономики. Очевидно, что без предпосылок, заложенных в характере мобилизационной экономики, созданию которой Сталин всегда уделял первостепенное внимание, решить задачу перевода народного хозяйства столь огромной страны на военные рельсы было бы не просто трудно, а практически невозможно в столь короткий не только по меркам истории, но и по меркам обычного календаря, срок.

К середине 1942 года была завершена перестройка народного хозяйства на военный лад. К концу года страна имела уже слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Благодаря колоссальной по своей целеустремленности и организованности работе партийных организаций всех ступеней, центральных и местных органов власти, героическим усилиям рабочего класса и инженерно-технических работников продукция военной промышленности и машиностроения в декабре 1942 года увеличилась вдвое по сравнению с декабрем 1941 года. Возросла мощность электростанций, увеличилось производство стали, особенно качественных сортов. В стране строилось более 10 300 промышленных предприятий.

Быстро наращивался выпуск вооружения и боеприпасов. Восточные районы стали мощным арсеналом Красной Армии. В июне 1942 года они давали более трех четвертей всей военной продукции. Производство военной продукции в 1942 году по сравнению с 1940 годом увеличилось на Урале более чем в 5 раз, в Поволжье – в 9 раз, в Западной Сибири – в 27 раз. В 1942 году танковая промышленность дала 24 719 боевых машин. Авиационная промышленность выпустила 25 500 самолетов. Было налажено массовое производство артиллерии и минометов, в том числе реактивных установок («катюш») ⁶²⁰.

1943 год был первым из военных лет годом увеличения объёмов производства: продукция промышленности и промкооперации увеличилась на 17 % по сравнению с 1942 годом ⁶²¹. Большинство базовых отраслей промышленности постоянно наращивало производство. Оборонная промышленность удовлетворяла потребности фронта в основных видах вооружения и боеприпасов.

Кульминационной точки военное производство достигло в 1944 году, когда выпуск продукции на предприятиях цветной металлургии, химической промышленности, машиностроения и металлообработки оборонных отраслей значительно превысил довоенный уровень; в целом по промышленности объём произ-ва по сравнению с 1940 годом составил в этом году 103 %. В общем объёме валовой продукции стала возрастать доля продукции гражд. назначения: в 1942 г. – 36,1 %, в 1943 г. – 41 %, в 1944 г. – 48,7 %. Основным поставщиком промышленной продукции для нужд фронта и тыла оставались восточные районы страны, в которых в 1-м полугодии 1945 г. выпуск валовой продукции был в 2 с лишним раза больше, чем в 1-м полугодии 1941 года. Особо важную роль в экономике продолжал играть Урал, где в 1945 г. производилось (% от союзного произ-ва): чугуна – 57,1, стали – 52, готового проката – 50, угля – 17,2. В освобождённых от оккупации р-нах к концу 1945 г. валовая продукция пром-сти составила 30 % уровня 1940 года. В 1943 – 45 гг. восстановление стало крупнейшей хозяйственной и политич. задачей. Восстановленные предприятия немедленно подключались к выполнению заказов фронта и тыла. Развёрнутая программа восстановления хозяйства содержалась в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации». Она затрагивала в основном вопросы налаживания сельскохозяйственного производства, восстановления

---

⁶²⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1977. С. 480 – 481.

⁶²¹ Чтобы не перетруждать внимание читателей постоянными ссылками на те или иные цифры и факты, хочу отметить, что в основном они почерпнуты из различных источников, среди которых доминирует энциклопедия «Великая Отечественная война 1941 – 1945». В частности, статья, посвященная экономике СССР в годы войны (С. 805 – 816.).

и строительства жилищ, ж.-д. построек, воспитания детей-сирот, для чего создавалась сеть спец. детских учреждений. 29 марта 1944 г. постановлением ГКО были определены круг предприятий и производств Ленинграда, подлежащих первоочередному восстановлению, задания по восстановлению жилого фонда и объектов городского хозяйства. В 1943 – 44 гг. был принят ряд постановлений ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР о мерах по возрождению различных отраслей народного хозяйства.

В 1943 году на восстановление народного х-ва освобождённых р-нов было направлено 3,9 млрд. руб., в 1944 году – 14 млрд. рублей капитальных вложений, что составило более 40 % всех капитальных вложений в народное х-во. В 1944 году для восстановления народного х-ва из восточных р-нов было перемещено ок. 35 тыс. единиц различного оборудования. Изыскивались дополнительные возможности для увеличения численности работников, фондов на материалы, оборудование, а также продовольственных и промышленных товаров для нужд угольной, нефтяной промышленности, чёрной, цветной металлургии и электростанций. С 1943 года наметилось улучшение в обеспечении различных отраслей хозяйства, в первую очередь промышленности, электроэнергией. Восточнее Волги и в Средней Азии в строй вступили 6 электростанций, реконструировались старые и строились новые. Прирост мощностей предусматривался также в р-нах Центра и Украины. Восстанавливались электростанции зап. районов страны. В 1943 – 44 гг. в ряде постановлений ГКО были намечены мероприятия по вводу в строй разрушенных электростанций Донбасса, Ленинграда и Ленинградской области, восстановлению Днепрогэса. 30 крупных восстановленных электростанций в 1945 году выработали 6,5 млрд. кВт-ч электроэнергии. Несмотря на огромный ущерб, нанесённый войной электроэнергетике, в 1945 году общая мощность электростанций СССР составила 99,1 % уровня 1940 года, в т.ч. тепловых электростанций 102,8 % и ГЭС 78,9 %. Более 50 % электроэнергии в 1945 г. давали электростанции Урала и Центра, 21,6 % – Западной Сибири, Украины и Поволжья.

В рассматриваемый период в топливном балансе страны существенно выросла доля угля (с 47,4 % в 1942 г. до 62,2 % в 1945 г.) в результате осуществления принятых в 1943 г. ряда постановлений ГКО, имевших важное значение для ускорения развития угольной промышленности. В 1945 году по сравнению с 1942 годом добыча угля возросла в Печорском бассейне в 4,4 раза, Подмосковном – в 2,3 раза, Карагандинском и на Урале – в 1,6 раза, в Кузбассе – в 1,4 раза. Но центральные и восточные р-ны страны не могли удовлетворить потребности в топливе. Поэтому задача восстановления угольной промышленности Донбасса оставалась актуальной.

За 2 года после освобождения в Донбассе было восстановлено 129 основных и 889 средних и мелких шахт, в 1944 году добыто св. 21 млн. т угля против 4,3 млн. т в 1943 году. Это имело огромное значение для развития пром-сти и транспорта зап. и центральных районов СССР. В 1-й пол. 1945 г. в

Донбассе вошли в строй ещё 38 шахт. Добыча угля достигла 41 % довоенного уровня.

Чрезвычайное значение для обеспечения нужд фронта и тыла имело ускорение развития нефтяной промышленности. Среднесуточная добыча нефти сокращалась вплоть до начала 1944 года и уменьшилась в 2 раза по сравнению с добычей в мае 1941 года. Основным производителем нефти был Азербайджан. Несмотря на то, что добыча нефти в 1945 году достигла только 62 % довоенного уровня, строгий контроль за её использованием позволял почти полностью обеспечивать потребности фронта и тыла. Большое внимание уделялось применению в качестве топлива газа. Постановлением ГКО от 3 сентября 1944 г. были намечены меры по строительству газопровода Саратов – Москва, имевшего оборонное и народно-хозяйственное значение.

В развитии чёрной металлургии важную роль сыграло постановление ГКО от 7 февраля 1943 г. «О мерах неотложной помощи чёрной металлургии». В нём обеспечение бесперебойной работы предприятий отрасли рассматривалось как важная народно-хозяйственная задача. Все наркоматы были обязаны заказы чёрной металлургии выполнять в первую очередь. Полным ходом велось сооружение 2-й очереди Челябинского металлургического завода, введены в строй 3 доменные и 20 мартеновских печей, 23 электропечи, 8 прокатных станов, ряд предприятий горнорудной промышленности. К концу 1943 года выросло число разведанных месторождений железных руд. За счёт нового строительства производственные мощности железорудной промышленности в восточных районах страны увеличились на 930 тыс. т. В 1944 г. прирост мощностей составил 850 тыс. т, в 1945 году – 1030 тыс. т. В 1943 году начались работы по восстановлению в освобождённых районах предприятий чёрной металлургии, но основная масса металла – 94,7 % выплавки чугуна и более 86,7 % производства стали и проката – была получена на Востоке. Осенью 1944 года принято постановление ГКО о восстановлении Криворожского железорудного бассейна. К 1 окт. 1944 на предприятиях наркомата чёрной металлургии восстановлены и введены в действие в освобождённых от оккупации районах 8 доменных, 41 мартеновская печь, 20 прокатных и 2 трубопрокатных стана, 54 коксовые батареи, 17 железорудных и 2 марганцевые шахты. Предельная мобилизация ресурсов, самоотверженный труд строителей и металлургов обеспечили к 1 января 1945 года возрождение 25,2 % мощностей по производству чугуна, 27,8 % – стали и 20,3 % – проката (к довоенному уровню). Украина вновь стала одним из ведущих районов страны по производству чугуна, стали и проката. Однако, несмотря на интенсивное новое строительство и восстановление, объём продукции чёрной металлургии существенно отставал от довоенного.

До конца войны основным поставщиками продукции цветной металлургии оставались Урал, Сибирь, Казахстан, Дальний Восток, Северный

Кавказ и р-ны Центра. На освобождённой территории проводились лишь начальные восстановительные работы. Хотя в 1945 г. производство ряда основных видов цветных металлов было выше довоенного (кроме свинца и цинка), потребности оборонной промышленности полностью не обеспечивались. Поэтому часть сырья импортировалась.

Быстрый рост пром. произ-ва, восстановление отраслей нар. х-ва в освобождённых р-нах обусловили необходимость резкого увеличения выпуска продукции машиностроения. Такая задача была сформулирована в постановлении ГКО от 28 февраля 1944 года «О развитии производства металлорежущих станков на предприятиях наркомата станкостроения». Намечалось в 1944 г. увеличить их выпуск в 1,5 раза, в 1945 г. – в 2,5 раза. Для решения поставленной задачи предусматривалось обеспечение отрасли всеми видами ресурсов, стимулирование и улучшение снабжения её работников. В 1944 г. выпущено 34 тыс. металлорежущих станков – в 1,46 раза больше, чем в 1943. Самыми крупными производителями станков были заводы Центра (54 %); Урал производил 22 % и Поволжье – 17 %. Восстановление разрушенных предприятий велось высокими темпами. В 1945 на Украине приступили к выпуску продукции 93 из 95 восстанавливавшихся машиностроительных предприятий.

В 1944 г. началась постепенная переориентация отраслей машиностроения, работавших для фронта, на производство продукции, в которой остро нуждалось народное х-во. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 февраля 1944 г. «О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства» поставка селу тракторов рассматривалась как важнейшая хозяйственно-политическая задача. В 1944 году первый трактор выпустил восстанавливаемый Сталинградский тракторный завод. Выпуск продукции машиностроения в 1945 г. достиг 131 % уровня 1940.

Поступательное развитие было характерно и для других отраслей индустрии. Так, химическая промышленность в основном за счёт выпуска оборонной продукции превысила довоенный уровень в 1943 году на 4 %, в 1944 г. – на 33 %.

В условиях интенсивного капитального строительства и развёртывания работ по восстановлению народного х-ва в освобождённых р-нах огромное значение имело наращивание объёма производства на предприятиях промышленности строительных материалов. Несмотря на то, что в 1945 году по сравнению с 1942 годом выпуск кирпича вырос в 1,3 раза, цемента – в 1,63 раза, оконного стекла – почти в 3,7 раза, положение оставалось крайне тяжёлым, т.к. по сравнению с довоенным уровнем производство строительных материалов значительно снизилось.

С 1943 года более высокими темпами стали развиваться лёгкая и пищевая промышленность, однако вследствие нехватки топлива, сырья и рабочей силы эти темпы были ниже, чем в отраслях тяжелой пром-сти. В

1945 году производство продукции всей лёгкой промышленности достигло лишь 62 % уровня 1940 года. Ниже этого уровня оно было в обувной, кожевенной, меховой и текстильной отраслях. Несколько больше, чем до войны, производилось швейных изделий. С конца 1944 года предприятия отрасли начали переходить на выпуск товаров народного потребления. В пищевой промышленности подъём производства наметился в 1944 году. В 1945 году объём валовой продукции её отраслей достиг лишь половины довоенного.

Укрепление базовых отраслей промышленности послужило надёжным фундаментом дальнейшего наращивания производства вооружения, военной техники, боеприпасов и снаряжения. В то же время производство стрелкового оружия и миномётов в 1944 году уменьшилось, т.к. войска были насыщены ими в достаточной степени и имелся значительный резерв. В 1945 году выпуск военной техники и боеприпасов существенно сократился. С 1943 года по указанию Сталина Госплан СССР совместно с наркоматами оборонной промышленности перешёл к составлению месячных планов выпуска боевой техники и боеприпасов, которые утверждались ГКО. Это способствовало повышению оперативности планирования производства военной продукции. Характерным для данного периода войны был массовый выпуск новейшей техники, превосходившей по своим тактико-техническим характеристикам технику врага. Так, в 1943 году доля новых образцов в поступающей на фронт военной технике составила в стрелковом вооружении 42,3 %, артиллерийском 83 %, бронетанковом более 80 %, авиационном 67 %. В дальнейшем эта доля постоянно увеличивалась. Преобладающим оружием в войсках становились пистолеты-пулемёты, 76-мм полковая пушка ЗИС-5, 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2, 152-мм корпусная гаубица, САУ (СУ-76, СУ-85, СУ-122, СУ-152, ИСУ-122 и ИСУ-152). Основными видами боевой техники были танк Т-34, модернизированные танки КВ и ИС, истребители Ла-5, Як-7, Як-9, штурмовик Ил-2, бомбардировщики Пе-2 и Ту-2. Средняя мощность авиамоторов, выпускавшихся к концу войны, была в 2 раза больше, чем в 1940 году. За тот же период калибры танковых и противотанковых орудий увеличились в 2 раза. Устаревшие типы вооружения снимались с производства. Из 18 типов боевых самолётов, выпускавшихся в 1941 году, к 1945 году были сняты 8.

Качественное превосходство советской боевой техники и вооружения достигалось совместными усилиями науки, конструкторской мысли, производства. Конструкторы и инженеры неустанно трудились над созданием с учетом опыта войны новых видов самолетов, танков, орудий, минометов, стрелкового оружия, боеприпасов, над совершенствованием лучших из ранее выпускавшихся образцов.

В авиационной промышленности продолжала успешно работать группа талантливых конструкторов: А.А. Архангельский, С.В. Ильюшин, С.А. Лавочкин, А.И. Микоян, Н.Н. Поликарпов, А.Н. Туполев, А.С. Яковлев и

другие. Исключительное значение для авиации имела работа конструкторов моторов В.Я. Климова, А.А. Микулина, А.Д. Швецова. За время войны в серийное производство было запущено 25 новых типов самолетов (включая модификации) и 23 типа авиационных моторов. Советские военные самолеты становились лучшими в мире.

Советская танковая техника благодаря неустанным творческим исканиям конструкторов Ж.Я. Котина, М.И. Кошкина, А.А. Морозова, Л.И. Горлицкого, Н.Л. Духова, Л.С. Троянова и других превосходила немецкую по тактико-техническим данным. Когда фронту, готовившему крупные наступательные операции, потребовалась самоходная артиллерия, конструкторы разработали несколько типов самоходно-артиллерийских установок, помогли наладить их массовое изготовление.

Совершенствовались в ходе войны артиллерийско-стрелковое вооружение и боеприпасы. Большое количество новых образцов артиллерийского вооружения вышло из конструкторских бюро Ф.Ф. Петрова, В.Г. Грабина, И.И. Иванова, Б.И. Шавырина. Известные оружейники В.А. Дегтярев, Ф.В. Токарев, Г.С. Шпагин, П.М. Горюнов, С.Г. Симонов разработали новые образцы стрелкового оружия. Усовершенствованию подверглись реактивные минометы.

Советская передовая техника, конструкторская мысль за годы войны шагнули далеко вперед, направив основные усилия на повышение военной мощи Родины, на достижение военно-технического превосходства над врагом⁶²².

В обеспечении Красной Армии новейшими видами военной техники выдающуюся роль сыграли советские учёные, конструкторы и организаторы производства. Творческая мысль деятелей самых различных отраслей науки была направлена на оказание всесторонней непосредственной помощи военной промышленности. Крупнейшие ученые П.С. Александров, И.М. Виноградов, М.А. Лаврентьев, В.И. Смирнов, С.Л. Соболев вели исследования в области вычислительной математики. Физики под руководством А.Ф. Иоффе проводили исследования полупроводников, создавали новые приборы для самолетов, кораблей, артиллерии. Огромное значение для авиастроения имели работы М.В. Келдыша, Н.Е. Кочина, С.А. Христиановича, для приборостроения и оптико-механической промышленности – исследования С.И. Вавилова. Коллектив, возглавляемый Н.Н. Семеновым, внес существенный вклад в развитие теории горения и взрывов. Исследования химиков во главе с Н.Д. Зелинским легли в основу создания новых взрывчатых веществ. В военной промышленности использовались последние достижения технических наук: автоматическая сварка по методу академика Е.О. Патона, кокильное литье и т.д.

---

⁶²² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 459 – 460.

Решение практических хозяйственных и производственных задач, обусловленных требованиями военного времени, советские ученые сочетали с большой работой теоретического характера, без которой немислимо движение науки вперед. В начале 1943 года было признано своевременным возобновить исследования в области ядерной физики. Руководство работами было возложено на И.В. Курчатова, вокруг которого в короткое время сложился сильный коллектив ученых-атомников⁶²³.

Перечисляя все эти меры и достижения советской промышленности, особенно в оборонных отраслях, необходимо подчеркнуть исключительно важную роль Сталина в деле не только перевода народного хозяйства на военные рельсы, но и в целом в определении магистральных путей развития и четкого функционирования советской мобилизационной экономики. Разумеется, Верховный Главнокомандующий в первую очередь был занят проблемами военного руководства. Однако отсюда не следует, будто вопросы экономики стояли для него на втором плане. Отнюдь нет! Он в качестве высшего руководителя страны фактически в конечном счете решал все принципиальные вопросы экономического характера. Для этого у него всегда находилось время.

Как свидетельствует, в частности, маршал Г. Жуков, большое внимание уделялось Сталиным совершенствованию и постоянному обновлению всех видов боевой техники, поступавшей на вооружение Красной Армии. Вот что он писал об этой важной и неотъемлемой стороне деятельности Верховного Главнокомандующего:

«Уделяя постоянное внимание развитию вооружения и боевой техники, Сталин часто встречался с наркомками авиационной и танковой промышленности А.И. Шахуриним и В.А. Малышевым, наркомом вооружения Д.Ф. Устиновым, а также ведущими главными конструкторами авиационной техники Н.Н. Поликарповым, А.Н. Туполевым, С.В. Ильюшиным, А.С. Яковлевым, П.О. Сухим; артиллерийских систем – В.Г. Грабиным, танков – Ж.Я. Котиним, А.А. Морозовым, стрелкового оружия – В.А. Дегтяревым, Б.Г. Шпитальным, Г.С. Шпагиним»⁶²⁴.

Чтобы свидетельство Г. Жукова не звучало голословно, приведу пару свидетельств лиц, непосредственно связанных с руководством оборонной промышленности и оснащением армии новейшей военной техникой. Вот что писал в своих воспоминаниях бывший в то время наркомом авиационной промышленности А.И. Шахурин:

«Сталин почти ежедневно занимался авиационными делами. Как Председатель Совнаркома он как-то созвал совещание наркомов и выступил с

---

⁶²³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. С. 451.

⁶²⁴ «Военно-исторический журнал». 1995 г. № 3. С. 21.

речью о стиле руководства. Говорил о том, что главное – тщательно разбираться в порученном деле, знать людей, учить их работать и учиться у них, не считать, что ты все понимаешь и знаешь лучше других. Закончил свое выступление Сталин так:

– Вот я часто встречаюсь с молодым наркомом товарищем Шахуриным и вижу определенную пользу от этих встреч, да и ему, думаю, они не бесполезны.

Эти слова вызвали в зале гул одобрения. Когда мы уходили с заседания, нарком общего машиностроения П.И. Паршин заметил:

– Вот это здорово, я к своему шефу раз в три месяца не всегда попадаю, а ты почти каждый день бываешь у Сталина

– Это так, – отозвался я, – но ты не думай, Петр Иванович, что это просто – бывать у Сталина. Когда едешь к нему, никогда не знаешь, по какому вопросу вызван и какой вопрос возникнет в ходе доклада или беседы, а ответить всегда нужно точно. Сталин мог согласиться, что ответ ему будет дан завтра по вопросу, требующему подготовки: совета с заводом, конструкторами. Но на вопросы, которыми непосредственно занимается руководитель, ответ должен быть незамедлительным.

Частые общения со Сталиным многому учили меня, молодого наркома. Главное – вырабатывалось умение все решать быстро, оперативно. Если возникал какой-то вопрос и по ряду обстоятельств он не мог быть решен сразу, то после изучения и проработки он все равно решался в ближайшее время. Общение со Сталиным приучало к быстрой организации нового дела, а также и к безусловному выполнению принятых решений»⁶²⁵.

1944 год был годом максимального выпуска основных видов военной техники. Авиационная промышленность дала стране 40,3 тыс. самолетов, из них 33,2 тыс. боевых. Советские ВВС имели на фронте в 4 раза больше самолетов, чем немцы, а в 1945 году это превосходство стало еще большим. С января 1945 года до конца войны танкостроители произвели для армии 49,5 тыс. танков и САУ, в то время как германская промышленность только 22,7 тыс. Потребности фронта полностью удовлетворялись боеприпасами всей номенклатуры. Если в битве под Москвой зимой 1941 – 1942 года в сутки расходовалось лишь 700 – 1000 тонн боеприпасов, то в 1944 году, например, 1-м Белорусским фронтом расходовалось в сутки 20 – 30 тыс. тонн. Выпуск артиллерийских снарядов, на долю которых приходилось более половины всех боеприпасов, составил в 1944 году 94,8 млн. штук, а всего за годы Отечественной войны советская артиллерия получила от промышленности 775,6 млн. снарядов и мин, что в 14 раз больше, чем поступило в русскую армию в период первой мировой войны⁶²⁶.

---

⁶²⁵ А.И. Шахурин. Крылья победы. Воспоминания. М. 1990. С. 122.

⁶²⁶ «Военно-исторический журнал». 1998 г. № 3. С. 10.

Успехи оборонной промышленности позволили на заключительном этапе войны существенно повысить обеспечение Красной Армии боевой техникой. Уже в 1943 году она имела почти двукратное превосходство в вооружении по сравнению с немецкой армией. При проведении крупных наступательных операций количество орудий и миномётов, приходившихся на одну стрелковую дивизию, увеличилось в 1944 году по сравнению с 1942 – 43 годами со 180 – 200 до 200 – 245, танков – с 14 – 17 до 14 – 35, самолётов – с 13 – 20 до 22 – 46. С 1-го полугодия 1945 года предприятия оборонной промышленности стали переходить на производство гражданской продукции.

В условиях дефицита материальных и трудовых ресурсов рост промышленного производства, в т.ч. в оборонных отраслях, в значительной мере достигался путём его рационализации, массового внедрения передовой техники и технологии, роста производительности труда, дальнейшего укрепления дисциплины. В 1943 году по сравнению с 1942 годом рост производительности труда в промышленности составил 7 %, а по наркоматам оборонной промышленности – 13 %. Во многом достижению этих показателей способствовало массовое внедрение поточного производства, широкое использование новой технологии. Общему росту производительности труда содействовали пересмотры норм выработки, проведённые на предприятиях оборонной и тяжёлой промышленности в 1943 и 1944 годах. Движение рационализаторов и изобретателей получило широкий размах: в 1944 году трудящиеся внесли ок. 347 тыс. рацпредложений, заявок на изобретения, технические усовершенствования, в 1945 году – 387 тыс. В 1943 году выработка на одного рабочего в промышленности составляла 139 % уровня 1940 года, в 1944 году – 142 %; в основных отраслях военной индустрии она была значительно выше. Настойчивая работа велась по уменьшению издержек производства. В 1944 году издержки производства по выпуску всех видов военной продукции были в среднем в 2 раза ниже, чем в 1940 году.

Характерным было более рациональное использование материальных ресурсов, повышение ответственности и оперативности всех звеньев государственного и военного аппарата, всех работников за своевременное и качественное выполнение военных заказов, их приемку, своевременную поставку в необходимом количестве в действующую армию. Этой стороне вопроса Верховный придавал первостепенное значение. Причем Сталин понимал, что многие проблемы не были решены в довоенный период, и несмотря на все усилия сделать эффективными все составляющие мобилизационной экономики, осталось много недоработок и серьезных изъянов в работе экономики, в том числе и ее оборонных отраслей. Сталин отдавал себе отчет в том, что эти недостатки устранить сразу, тем более в короткое время невозможно. Понимал он и то, что одними грозными требованиями или жесткими наказаниями данные проблемы не решить.

Весьма характерный пример приводит в своих воспоминаниях начальник Главного артиллерийского управления в годы войны Н.Д. Яковлев:

«...Начальник ГАУ нес ответственность перед Ставкой за должное обеспечение армии вооружением и боеприпасами. Вот Верховный Главнокомандующий и счел необходимым разъяснить мне ее объем. Прохаживаясь по кабинету, он неторопливо говорил примерно следующее:

– У нас в армии много чинов. А вы, военные, привыкли и обязаны подчиняться старшим по званию. Как бы не получилось так, что все, что у вас есть, растащат по частям. Поэтому впредь отпуск вооружения и боеприпасов производить только с моего ведома! – При этом Сталин, медленно поводя пальцем в воздухе, добавил: – Вы отвечаете перед нами за то, чтобы вооружение, поставляемое в войска, было по своим характеристикам не хуже, а лучше, чем у врага. Вы – заказчик. Кроме того, у вас есть квалифицированные военные инженеры, испытательные полигоны. Испытывайте, дорабатывайте. Но давайте лучшее! Конечно, наркомы и конструкторы тоже отвечают за качество. Это само собой. Но окончательное заключение все же ваше, ГАУ.

Вы отвечаете за выполнение промышленностью планов поставок, – продолжал далее И.В. Сталин. – Для этого у вас есть грамотная военная приемка. Следовательно, если в промышленности появились признаки невыполнения утвержденного правительством плана, а вы вовремя через наркомов не приняли должных мер (а в случае, если и приняли, но это не помогло, а вы своевременно не обратились за помощью к правительству), значит, именно вы будете виноваты в срыве плана! Наркомы и директора заводов, конечно, тоже ответят. Но в первую очередь – вы. ГАУ, потому что оказались безвольным заказчиком.

Вы также отвечаете за правильность составлений предложений по распределению фронтам вооружения и боеприпасов, за своевременную, после утверждения мною плана, их доставку. Перевозки осуществляет НКПС и Тыл Красной Армии. Но вы должны это постоянно контролировать и вовремя принимать меры к доставке фронтам транспортов в срок.

И хотя все эти разъяснения Сталина были адресованы в общем-то мне, начальнику ГАУ, но в кабинете также находились и члены Политбюро. И я понял (думаю, что не ошибся), что Верховный все-таки в первую очередь говорил это им, членам ГКО»⁶²⁷.

Сталин придавал большое значение развитию сельскохозяйственного производства, ибо в военное время это была одна из важнейших экономических задач. 18 марта 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли развёрнутое постановление «О государственном плане развития сельского

---

⁶²⁷ Н.Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе. М. 1984. С. 69 – 70.

хозяйства на 1943 г.». В плане подчёркивалось особое значение в военных условиях инициативы и ответственности в выборе и проведении агротехнических мероприятий и приёмов, обеспечивавших получение в конкретных условиях наибольших валовых сборов с.-х. культур. В другом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) намечались мероприятия по восстановлению производства с.-х. машин и орудий. На 1943 год устанавливался детальный план выпуска почвообрабатывающей, посевной и уборочной техники. Оперативные меры помощи колхозам и совхозам, постоянный контроль за ходом весенних полевых работ, высокое чувство долга тружеников села позволили в 1943 году расширить посевные площади с.-х. культур по сравнению с 1942 годом. В 1944 – 45 гг. рост посевных площадей продолжался в значительной мере за счёт освобождённых территорий. 1944 год был наиболее благоприятным для с.-х. производства. Урожайность земледельч. культур по сравнению с 1942 годом существенно выросла. Хотя в животноводстве спад производства в годы войны был меньше, чем в растениеводстве, тенденцию снижения поголовья скота не удавалось преодолеть вплоть до 1944 года. В 1943 году поголовье крупного рогатого скота составило 62 % довоенного уровня. Учитывая сложившееся положение, СНК СССР и ЦК ВКП(б) в апреле 1943 года приняли постановление, предусматривавшее меры по увеличению поголовья скота в колхозах и совхозах, повышению его продуктивности, а также меры помощи колхозникам в обзаведении скотом, в первую очередь семьям военнослужащих. Рост произ-ва с.-х. продукции на заключительном этапе войны был в значительной мере обусловлен возрождением его на освобождённых территориях.

Принципиальную роль в организации работы по восстановлению сельского хозяйства сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» (август 1943 года). Постановление предусматривало возврат колхозам скота, эвакуированного в восточные р-ны, меры по обеспечению кормами и ветеринарным обслуживанием, порядок оплаты труда и материального стимулирования колхозников. В целях содействия подъёму личных хозяйств в 1943 году хозяйства воинов и партизан освобождались от сдачи государству с.-х. продуктов, если в семьях были дети до 7 лет при одном трудоспособном члене семьи. Это положение распространялось на нетрудоспособных родителей воинов и партизан, граждан преклонного возраста, а также учителей и специалистов с. х-ва. Предусматривалось оказание помощи колхозам и совхозам в обеспечении их семенами для озимого сева. В постановлении были разработаны также меры по восстановлению МТС каждой области и края. Намечались и др. мероприятия.

К концу войны в освобождённых р-нах в результате огромной работы, самоотверженного труда колхозников, работников совхозов и МТС, большой

шефской помощи города были восстановлены 85 тыс. колхозов, 1,8 тыс. совхозов, 3 тыс. МТС. До конца 1945 года в эти р-ны поступили 26 тыс. тракторов, 40 тыс. с.-х. машин, свыше 3 млн. голов скота. Однако нанесённый войной ущерб был настолько велик, что в 1945 году производство валовой продукции с. х-ва здесь достигло лишь 51 % уровня 1940 года.

В постановлении СНК СССР от 14 марта 1944 г. «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства» на 1944 год была установлена программа выпуска тракторов для с. х-ва, моторов для укомплектования комбайнов в освобождённых р-нах. Поставки запчастей к тракторам и с.-х. машинам по стоимости должны были превысить поставки новой техники. Весной 1944 года на полях работало свыше 300 тыс. тракторов. На конец 1945 года сельское хозяйство располагало уже 397,2 тыс. тракторов, 147,7 тыс. зерновых комбайнов, 62,5 тыс. автомобилей, однако довоенный уровень обеспечения техникой достигнут не был.

В 1943 – 45 гг. отток трудовых ресурсов из села в армию, промышленность, строительство и на транспорт продолжался. Это оказывало существенное влияние на конечные результаты с.-х. производства. Особенно остро ощущался недостаток механизаторов и специалистов сельского х-ва. Поэтому проблема подготовки квалифицированных кадров для села всё время находилась в поле зрения Сталина. Всего в 1943 – 45 гг. было подготовлено около 740 тыс. трактористов и свыше 100 тыс. комбайнеров. Широко велась подготовка и специалистов др. профилей.

Дальнейшее развитие в 1943 – 45 гг. получили подсобные хозяйства. В 1943 году посевная площадь подсобных хозяйств в пром-сти и на транспорте достигла 3,1 млн. га, поголовье скота выросло до 0,9 млн. (в 1,5 раза больше, чем в 1940). Подсобные х-ва в последний год войны поставляли 38 % общих ресурсов картофеля и 59 % овощей, поступивших для снабжения рабочих и служащих предприятий. Хотя общественный сектор был определяющим в производстве с.-х. продукции, всеми мерами поощрялось выращивание её в хозяйствах. Большое значение придавалось в годы войны индивидуальному и коллективному огородничеству, что нашло отражение в постановлении СНК СССР от 19 февраля 1944 г. В этом году намечалось увеличить площади под такие огороды не менее чем на 20 %, шире привлекать к огородничеству рабочих, служащих, семьи фронтовиков, особенно в освобождённых р-нах. Лучшие и близко расположенные к насел. пунктам земельные участки выделялись в первую очередь семьям военнослужащих и инвалидов войны.

Работа ж.-д. транспорта в большой степени зависела от темпа восстановительных мер. 26 мая 1943 г. ГКО принял постановление «О восстановлении железных дорог в освобождённых районах». Работы развернулись на 20 дорогах. К концу войны удалось восстановить 50 тыс. км главных ж.-д. линий, 2,5 тыс. станций и разъездов, 16 тыс. мостов. В ряде случаев, когда положение на транспорте грозило срывом обеспечения нужд фронта, принимались меры экстренного и радикального характера. Особое

значение имел перевод транспорта с 15 апреля 1943 г. на военное положение, способствовавший чёткой организации работы дорог, укреплению дисциплины, прекращению текучести кадров. В результате постоянного внимания Сталина и в целом руководства страны к вопросам развития ж.-д. транспорта его работа в 1943 году серьёзно улучшилась. Парк паровозов вырос на 2 тыс. единиц, товарных вагонов – на 56 тыс. Постоянное внимание к развитию сети железных дорог в годы войны обусловило общий рост их эксплуатации на всей территории страны со 106,1 тыс. км в 1940 году до 112,9 тыс. км в 1945 году, достигнутый несмотря на огромные разрушения. В мае 1943 года военное положение было введено и на водном транспорте. С 1943 года развернулись восстановительные работы на водном транспорте освобождённых территорий. Было поднято ок. 2 тыс. затопленных судов. К октябрю 1945 года удалось отремонтировать 550 самоходных и 822 несамоходных речных судна. К концу войны работники речного транспорта восстановили 43 % разрушенных причальных линий, 60 % погрузочно-разгрузочных механизмов. Объёмы перевозок на заключительном этапе войны на большинстве видов транспорта были существенно ниже довоенных, что было вызвано общим снижением общественного производства, утратой части производственного потенциала страны. Тем не менее объёмы перевозочной работы имели тенденцию к росту.

Постоянно возрастающие потребности фронта, а также обеспечивавших его нужды отраслей народного х-ва, решение задач по восстановлению экономики освобождёвшихся территорий требовали крупных капиталовложений. С 1943 года общий объём капитальных вложений постоянно увеличивался: в 1943 г. – 31,5 млрд. руб., в 1944 г. – 44,4 млрд., в 1945 г. – 52 млрд. рублей. Рост капиталовложений в народное хозяйство СССР обусловил начиная с 1943 года возрастание основных фондов.

По мере освобождения от врага советских территорий увеличивалась численность трудоспособного населения. В 1943 году прирост составил 5 млн. чел., тем не менее численность рабочих и служащих достигла лишь 62 % уровня 1940 года. Большую часть занятых в народном х-ве по-прежнему составляли женщины. Трудовая мобилизация населения позволила в 1943 году привлечь к труду св. 7,6 млн. чел., в т.ч. более 1,3 млн. в промышленность и строительство, св. 3,8 млн. на с.-х. работы и почти 1,3 млн. на лесозаготовки. В 1945 году среднегодовая численность рабочих и служащих в народном х-ве достигла 28,6 млн. чел. (84 % уровня 1940 г.), доля женщин несколько снизилась (56 %). В отраслях, имевших в условиях войны особо важное значение, численность рабочих в 1945 году превышала довоенный уровень; например, в угольной пром-сти она составляла 121 % уровня 1940 года. Как и на предыдущем этапе войны, объектом постоянного внимания партии и пр-ва было обеспечение нар. х-ва квалифицированными кадрами. Расширялась сеть учебных заведений трудовых резервов и увеличивалось число учащихся. Одной из форм решения проблемы

обеспечения квалифицированной рабочей силой нар. х-ва освобождённых р-нов была организация в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. специальных ремесленных училищ с 4-летним сроком обучения. В 1943 году с использованием всех форм обучения было подготовлено почти 5,8 млн. квалифицированных рабочих, в 1944 году – ок. 7,9 млн., в 1945 году – св. 9,4 млн. В связи с острой необходимостью обеспечения народного х-ва специалистами высшей и средней квалификации в 1943/44 учебном году было приостановлено сокращение сети высших и средних специальных учебных заведений. Численность учащихся высших и средних специальных учебных заведений в 1945/46 учебном году по сравнению с 1942/43 учебным годом увеличилась в 3,2 раза. На заключительном этапе войны всё чаще практиковался отзыв специалистов из армии, особенно для восстановления объектов, имевших важное значение для военной экономики. Однако всё это не компенсировало общего сокращения численности специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве.

Социально-культурное и жилищное строительство в 1943 – 45 гг. осуществлялось в основном на освобождённой от врага территории. Здесь было построено ок. 6 тыс. больниц и св. 70 тыс. школ, восстановлено и вновь построено в городах 24,8 млн. квадратных метров общей площади жилых домов (41,3 % жилого фонда, требовавшего восстановления), в сельской местности – 1,4 млн. жилых домов. В целом по стране государственными и кооперативными предприятиями и организациями, а также городским населением в 1943 – 45 гг. было введено в эксплуатацию 41,2 млн. квадратных метров общей площади жилых домов.

С 1943 года в стране наметился рост национального дохода. Уже в 1943 году доходы госбюджета превысили довоенные, произошло увеличение той его части, которая направлялась на удовлетворение нужд народного х-ва и производство предметов потребления. В 1944 году расходы бюджета на народное х-во увеличились более чем в 1,5 раза по сравнению с 1943 годом, а расходы на социально-культурные нужды даже превысили довоенный уровень.

Победа СССР в войне явилась убедительной демонстрацией коренных преимуществ системы мобилизационной экономики, инициатором и последовательным проводником которой выступал Сталин.

В ходе войны советской экономике был нанесён огромный ущерб, часть которого необходимо было восполнить ещё до её окончания. СССР потерял в 1941 – 45 гг. ок. 30 % национального богатства. Война унесла многие миллионы жизней советских людей, в основном трудоспособного возраста. Никакая другая страна не могла бы уже в ходе войны восполнить такие тяжелейшие потери и создать слаженное военное х-во, которое практически полностью обеспечило основные потребности Вооружённых Сил и населения.

В годы войны роль централизованного планирования ещё более возросла. Количество продукции, распределяемой из единого центра по государственным планам, по сравнению с довоенным временем увеличилось более чем в 2 раза. Военная экономика развивалась в соответствии с системой годовых, квартальных, месячных военно-хозяйственных планов, включая планы развития важнейших отраслей народного х-ва, возрождения экономики освобождённых районов. Плановое ведение мобилизационной экономики в годы войны позволяло оперативно перестраивать её в соответствии с потребностями фронта, максимально эффективно использовать все виды ресурсов.

В сжатые сроки полностью перестроилась в соответствии с потребностями фронта советская промышленность. 65 – 68 % всей произведённой продукции по натуральной форме представляли предметы военного потребления. Война обусловила значительные сдвиги в размещении производительных сил. В 1-й половине 1945 года восточные р-ны СССР выпустили в 2 раза больше промышленной продукции, чем в соответствующий период 1941 года, а предприятия военной промышленности – почти в 5,6 раза. Мобилизационная экономика характеризовалась высокой эффективностью использования ресурсов. Хотя среднегодовое производство продукции важнейших отраслей тяжелой индустрии в СССР было существенно ниже, чем в Германии (с учётом оккупированных ею стран), количество выпускавшейся военной техники, вооружения и боеприпасов было значительно большим. В среднем за год в военные годы в СССР производилось меньше, чем в фашистской Германии, чугуна в 3,1 раза, стали почти в 3 раза, угля в 4,9 раза, электроэнергии в 2,3 раза, в то время как производство танков и САУ было выше в 1,8 раза, боевых самолётов – в 1,4 раза, орудий – в 1,8 раза. В достижении этих результатов нашли проявление преимущества мобилизационной экономики, сознательная нацеленность на получение максимальной отдачи от ограниченных ресурсов. Выпускавшаяся в годы войны советская военная техника, как правило, превосходила по своим тактико-техническим параметрам вооружение как противника, так и союзников по антигитлеровской коалиции. Большое влияние на общие результаты работы индустрии оказывало улучшение качественных показателей. С мая 1942 года по май 1945 года производительность труда рабочих в промышленности в целом выросла на 43 %, а в оборонных отраслях – на 121 %. В 1944 году себестоимость всех видов военной продукции была в среднем в 2 раза ниже, чем в 1940 году. Экономия, эффект от её снижения за 1941 – 44 гг. составили почти половину всех расходов государственного бюджета СССР на военные нужды в 1942 году.

В сложнейших условиях воен. времени – утраты самых плодородных и развитых р-нов производства, современной техники, оттока на фронт, в промышленность и на транспорт наиболее квалифицированной и работоспособной части трудовых ресурсов – свои коренные преимущества

доказало кооперированное сельское хозяйство, обеспечившее основные потребности фронта и тыла в продукции растениеводства и животноводства.

Справились с огромными объёмами работы отрасли транспорта. В больших масштабах велось капитальное строительство. В тыловых р-нах было построено 3,5 тыс. крупных государственных промышленных предприятий, а на освобождённых территориях восстановлено 7,5 тыс. крупных предприятий.

Сталин постоянно держал в поле своего внимания вопросы поддержания хотя бы на довольно низком, но стабильном уровне вопросы повседневной жизни населения. Прежде всего посредством обеспечения устойчивости реальной заработной платы. Системы нормирования товаров и оплаты труда были направлены на стимулирование его высоких результатов. Всё это время сохранялись твёрдые государственные цены на предметы первой необходимости, низкие тарифы на коммунальные услуги, что не имеет аналога в истории войн.

Мобилизационная экономика Советского Союза практически полностью решила собственными силами задачи материально-технического обеспечения победы в Великой Отечественной войне. Удельный вес импорта промышленной продукции (поставки союзников) составил всего 4 % продукции отечественного производства. Поставки боевой техники в общем количестве техники, направлявшейся в нашу армию, составили: артиллерийских орудий – менее 2 %, самолётов – ок. 12 %, танков – 10 %. Импорт зерна, муки и крупы в пересчёте на зерно в 1941 – 45 гг. был равен 2,8 % среднегодовой заготовки зерна в СССР. Военная победа СССР над Германией и её союзниками явилась в то же время убедительной победой сталинской мобилизационной экономики, доказавшей беспримерную жизнеспособность в самых критических условиях. Вот почему, по меньшей мере, странным выглядит то, что авторы, которые, подвергая критике Сталина и его деятельность во время войны, по существу, игнорируют или явно недооценивают значение осуществленного по инициативе и под руководством вождя создания в нашей стране экономики мобилизационного типа. Нужно признать, что это был поистине уникальный факт в истории, сыгравший неопределимую роль в исходе войны в пользу Советского Союза.

ГЛАВА 8. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СТАЛИНА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1. Роль Сталина в формировании антигитлеровской коалиции

Проблеме формирования антигитлеровской коалиции посвящено множество специальных исторических исследований, сборников документальных материалов, газетных и журнальных публикаций, всякого рода мемуаров, кинофильмов и т.д. Так что этот важный исторический сюжет, можно без всяких натяжек сказать, нашел самое детальное и всестороннее освещение. Хотя со времени второй мировой войны прошло едва ли не семь десятков лет, эта тема до сих пор остается весьма актуальной и ей посвящаются все новые работы. Это имеет логическое и историческое обоснование: в мировой истории антигитлеровская коалиция явилась явлением уникальным по многим своим параметрам. Вместе с тем, она стала своего рода примером, если не эталоном, того, что разные по своей природе и общественному устройству государства могут объединять свои усилия для противодействия агрессии. Разумеется, когда эта агрессия задевает их жизненные интересы. У лидеров государств достает прозорливости, а часто и политического мужества, чтобы идти на союз с теми, кого они считали (а зачастую и продолжали считать) своими реальными или потенциальными политическими противниками. Вчерашние соперники как бы на время отодвигали на второй план (по крайней мере, на некоторое время) свои глубокие разногласия и оказывались в состоянии приходить к обоюдодоприемлемым решениям. Причем сразу же следует подчеркнуть, что этот процесс носил чрезвычайно сложный, противоречивый, а порой едва ли не тупиковый характер. Но фактом остается то, что коалиция ведущих мировых держав того времени – прежде всего Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – несмотря на все выдержала испытания временем и оказалась жизнеспособной вопреки прогнозам пессимистов, которых в то время было более чем достаточно.

Одной из фундаментальных основ настоящей главы явились сборники документов: переписка лидеров трех стран (СССР, США и Великобритании), а также солидные документальные сборники важнейших конференций времен войны – Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской. В них помещены не только документы самих конференций и материалов, имевших отношение к их подготовке, но и записи бесед прежде всего руководителей трех союзных держав, а также их министров иностранных дел, начальников генеральных штабов и других высокопоставленных деятелей. Эти документы дают возможность на строго научной основе очертить базисные позиции трех держав по коренным проблемам союзнических отношений, вопросам борьбы

против общего врага, проследить процесс становления коалиции трех держав, проанализировать некоторые главные противоречия и трудности, возникавшие в процессе сотрудничества. Сюда же примыкают документальные сборники, посвященные другим важным конференциям и переговорам союзников во время войны. Поскольку Сталин во всех этих мероприятиях играл едва ли не решающую роль (если не непосредственно, то через советских представителей), то эти документальные издания дают возможность на конкретном фактическом материале раскрыть цели, содержание, направления и особенности его внешнеполитической стратегии в период войны. Этот вид источников во многом расширяет рамки сведений о его деятельности и позволяет выносить суждения и делать выводы о ней не на базе каких-то субъективных предположений и умозаключений, а на основе исторически бесспорных и достоверных фактов.

Свою задачу я усматриваю не в том, чтобы подробно и обстоятельно рассмотреть историю формирования и функционирования антигитлеровской коалиции. Это явно выходит за естественные рамки моей темы. Тем более, что существенно нового и оригинального по данной теме я едва ли сообщу информированному читателю. Моя цель более скромная и одновременно достаточно широкая. Во-первых, пунктиром обозначить то, как идеи создания блока с западными союзниками вписывались в сталинскую внешнеполитическую концепцию. Во-вторых, раскрыть роль Сталина в создании антигитлеровского союза государств, показать его постоянные усилия, нацеленные на то, чтобы сплотить союзников для быстрого разгрома фашистских и агрессивных государств. Этой теме как у нас в стране, так и за рубежом посвящено немалое число публикаций. Но тем не менее считать данную тему исчерпанной нет никаких оснований. К примеру, в 2000 году увидела свет обстоятельная и весьма аргументированная работа Р. Иванова, специально посвященная данной проблематике⁶²⁸. Примерно в это же время была опубликована работа В. Фалина, посвященная теме второго фронта. В ней автор рассматривает различные аспекты проблемы и делает, на мой взгляд, немного пессимистический, но тем не менее не лишенный смысла общий вывод о том, что на уровне современных знаний едва ли мыслимо поставить точки над 1 по большинству из рассматриваемых вопросов⁶²⁹. Короче говоря, в разные годы были изданы различные по характеру и идеологическому содержанию книги, основным сюжетом которых являлось рассмотрение проблем союзнических отношений в период второй мировой войны. Эта тема до сих пор находится в поле внимания

---

⁶²⁸ Роберт Иванов. Сталин и союзники 1941 – 1945 гг. Смоленск. 2000.

⁶²⁹ Валентин Фалин. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М. 2000.

исследователей и публицистов, поскольку множество фактов и событий все еще ждут своего объективного и всестороннего анализа. И интерес к рассматриваемой теме вполне закономерен, хотя события того времени с каждым годом все более отдаляются от нас.

Для рассмотрения темы весьма ценными материалами являются мемуары западных политиков, прежде всего Черчилля, посвященные отношениям между союзниками. Нельзя недооценивать также и исследования западных специалистов, посвятивших свои работы данной проблематике. В них меня привлекали, разумеется, те эпизоды, которые непосредственно связаны с внешнеполитической деятельностью Сталина. Иными словами, объем источников и материалов, а также специальных исследований по тематике отношений между союзниками в период войны против Германии, а затем и Японии чрезвычайно богат и многообразен. Поэтому трудность заключалась в том, чтобы не утонуть в этом океане фактов и исторических документов, а выбрать из них наиболее ценные и важные, имеющие непосредственное касательство к теме.

Разумеется, в данной главе я не смогу столь обстоятельно остановиться на многих важных аспектах исследуемой темы. Однако все же постараюсь показать роль Сталина в осуществлении внешнеполитической стратегии Советского Союза, акцентировав внимание на том, что именно ему принадлежит решающая и определяющая роль в выработке этой стратегии. Полагаю, что читатель согласится с мыслью о том, что правильный курс в сфере международных отношений в период Великой Отечественной войны являлся важнейшей составляющей будущей победы. Здесь – и это будет показано ниже – роль Сталина, его прозорливость и широта подходов к возникавшим проблемам, его отказ от принятых ранее шаблонов, которые выдавались за вершину марксистской мысли, а также его личные способности как дипломата высочайшего класса сыграли трудно переоценимую роль.

Конечно, как и при общей оценке Сталина как государственного деятеля и политика, в подходах к данному аспекту его деятельности существовали и существуют различные позиции, зачастую диаметрально противоположные и нередко взаимно исключающие друг друга. Но истины ради надо признать, что в наше время в критике Сталина как руководителя советской внешней политики не наблюдается такой явной необъективности и ожесточенности, как в критике других сторон его деятельности. Что, как мне думается, служит дополнительным аргументом в пользу того, что он в этой сфере проявил себя как подлинный государственный деятель, последовательный и непреклонный защитник национальных интересов нашей страны. Этот момент трудно опровергнуть даже непримиримым критикам Сталина и сталинизма вообще.

Нет смысла ссылаться на оценки Сталина как деятеля государственного масштаба отдельных историков. Гораздо ценнее и весомее воспринимаются

высказывания таких лидеров, как У. Черчилль, который непосредственно многократно встречался с советским вождем и вел с ним переговоры и беседы, часто очень острые, затрагивавшие коренные интересы обоих государств. Вот его оценка личности и роли Сталина, данная в речи в английском парламенте 9 сентября 1942 г., непосредственно после его возвращения из Москвы. Он, в частности, сказал:

«Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить... Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в Палате общин, не могу не оценить, в особенности когда я могу в известной мере сказать это и о себе. Прежде всего, Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода... Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова.

Одно совершенно очевидно – это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома. Сталин сказал мне, что русский народ в обычных условиях является по природе своей миролюбивым народом, но что дикие зверства, совершенные против этого народа, вызывали в нем такую ярость и возмущение, что его характер изменился»⁶³⁰.

Следует заметить, что английский премьер не был склонен к преувеличениям в оценках как своих соратников, так и соперников, хотя все же желание подчеркнуть особую важность союза с Россией и стремление сгладить имевшиеся противоречия между обеими странами, несомненно, здесь наличествуют. Однако не эти моменты определяли тональность и смысл высказываний У. Черчилля. Просто он отдавал должное вождю советских народов, зная по многочасовым, часто чрезвычайно напряженным, порой изнурительным и дотошным переговорам. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Черчилль и видел, и слышал советского лидера десятки раз, и имел все основания на практике сформировать свое мнение о нем.

Могут возразить, что Черчилль проявлял дипломатическую изворотливость и использовал лесть для того, чтобы таким образом как-то сгладить впечатление от волновавшего тогда Сталина вопроса о скорейшем

---

⁶³⁰ Цит. по Роберт Иванов. Сталин и союзники 1941 – 1945 гг. С. 226 – 226.

открытии второго фронта. Допустим, что это так. Тогда приведем отзыв другого видного английского политического деятеля – будущего английского премьера, а во время войны министра иностранных дел Великобритании А. Идена, который в начале 60-х годов выпустил в свет свои мемуары. Наверняка в то время над ним не довлели никакие дипломатические или политические соображения, чтобы он давал весьма лестные оценки Сталину. А. Иден писал:

«Сталин изначально произвел на меня впечатление своим дарованием и мое мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя и ее оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие естественные манеры, видимо, грузинского происхождения. Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог до конца себе объяснить. Вероятно, это было следствием прагматизма Сталина. Быстро забывалось, что ты разговариваешь с партийным деятелем... Я всегда встречал в нем собеседника интересного, мрачноватого и строгого, чему часто обязывали обсуждавшиеся вопросы. Я не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях. Сталин был прекрасно осведомлен по всем его касающимся вопросам, предусмотрителен и оперативен... За всем этим, без сомнения, стояла сила»⁶³¹.

Поскольку моя цель отнюдь не состоит в том, чтобы петь только дифирамбы Сталину, в том числе и в сфере его деятельности во внешней политике и в международных отношениях, целесообразно в сжатом виде охарактеризовать некоторые качественные особенности его внешнеполитической концепции в период войны. Во втором томе я уже касался темы формирования основ внешнеполитических взглядов Сталина в тот период, когда он только шел к власти. Здесь же я в суммарном виде лишь отмечу ее новые особенности.

Известно, что его концепция в области внешней политики, как, впрочем, и его взгляды в целом, никогда не были статичными: они претерпевали постоянные изменения в зависимости от реальной мировой обстановки, укрепления мировых позиций Советской России, в связи с постоянно изменявшейся картиной на европейском континенте и в мире в целом. Конечно, нельзя отрицать, что Сталину был присущ прагматизм, в том числе и в подходе к международным делам. Этот прагматизм скорее следует назвать реализмом, что больше отвечает природе сталинских воззрений. Именно реализм служил тем локомотивом, который двигал вперед процесс эволюции сталинской внешнеполитической концепции во время войны. Бесспорно, он сделал надлежащие выводы из неудач советской внешней политики в предвоенные годы. В первую очередь, его разочаровали провалы в попытках направить развитие на европейском континенте в русло создания

---

⁶³¹ The Eden Memoirs. Facing the Dictators. L. 1962. p. 153.

системы коллективной безопасности. Видимо, он пришел к заключению, что при наличии глубочайших, порой непримиримых противоречий между основными европейскими державами, всерьез рассчитывать на создание системы коллективной безопасности – это хорошая иллюзия, но не больше того. Попытка выиграть время путем заключения пакта с Германией, конечно, помимо позитивных моментов, имела и бесспорные негативные последствия, которые также он не сбрасывал со счета. Словом, предвоенный период стал для Сталина своего рода проверкой правильности и обоснованности принципиальных основ его внешнеполитической концепции. Крупные исторические деятели так же, как и все смертные, проходят школу жизни. Особенно это относится к политикам в периоды бурных критических событий.

Сталинская внешнеполитическая концепция слагалась из двух органически взаимосвязанных компонентов: понимания государственных, лучше даже сказать, державных интересов страны, с одной стороны, и классового подхода – с другой. Соотношение этих двух фундаментальных основ с течением времени претерпевало фундаментальные изменения. Державные интересы все в большей мере становились доминирующими, а классовые интересы все больше превращались лишь в форму выражения государственных, державных интересов. Но, как известно, не форма определяет содержание, а содержание определяет форму, придавая ей порой в виде своеобразной маскировки приоритетное место. Отсюда, разумеется, не вытекает заключение, будто Сталин вообще перестал быть сторонником коммунизма и марксизма-ленинизма и относился к ним всего лишь как к инструментам реализации своих политических и иных целей. Нет, и еще раз нет! Верно другое: он, будучи причисленным к классикам этого учения, давал ему свою собственную интерпретацию, порой не имевшую ничего общего с первоисточниками, т.е. произведениями Маркса, Энгельса и Ленина. На мой взгляд, такой подход вождя заслуживает не осуждения, а поддержки. Ведь ему приходилось действовать не в пределах виртуальных марксистских догм, а в условиях суровых мировых реальностей.

Чтобы не быть бездоказательным, приведу такой характерный пример. Во время переговоров в Москве в 1944 году, в частности по вопросу о претензиях СССР к Финляндии, Черчилль сказал советскому вождю: «у меня в ушах все еще звучит знаменитый лозунг: „Никаких аннексий и контрибуций“. Может быть, маршалу Сталину не понравится, что я говорю это».

Сталин с широкой улыбкой ответил: «Я же сказал Вам, что становлюсь консерватором»⁶³².

В ответе Сталина явно сквозил юмор, которым он стремился прикрыть

---

⁶³² Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 228.

серьезные вещи. Ведь с самого начала Великой Отечественной войны для советского лидера на первый план встали задачи создания единого фронта борьбы против Германии и ее союзников. А ведь еще всего несколько месяцев назад советская печать клеймила западные державы. Едва ли из памяти руководителей этих держав исчезли воспоминания о том, что, например, газета «Правда» в передовой статье от 2 февраля 1940 г. писала: «Пожар второй империалистической войны, зажженный англо-французскими империалистами, бушует за пределами нашей родины»⁶³³.

Сейчас все это уже стало прошлым. Ни о каком пожаре войны, развязанном якобы Англией и Францией, не могло быть и речи. Для Москвы встал вопрос о судьбе страны, все остальное отошло на второй план. Впрочем, приведенная формулировка, хотя и правильная в своей основе, она все же довольно упрощенна. Коренные, жизненно важные интересы как западных держав, так и Советского Союза отнюдь не исчезли и тем более не отошли на второй план. Судьбы стран требовали сплочения и единства в борьбе против агрессоров. Это было главным. Но почти все главные противоречия интересов, борьба за реализацию этих интересов отнюдь не отошли на задний план. Они постоянно давали о себе знать и в конечном счете предопределяли характер союзнических отношений, их постоянную борьбу по тем или иным вопросам, касавшимся этих интересов.

Война поставила не только перед Советским Союзом, но и перед всеми странами, выступившими против агрессоров, задачу сплочения своих сил для отпора захватчикам. Этот факт лишь подтвердил то место из речи Сталина от 3 июля 1941 г., что в этой войне мы не будем одиноки и будем иметь союзников в лице народов Европы и Америки и что наша борьба сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за их демократические права. Данное заявление Сталина не было фразой. Оно нашло свое подтверждение в факте формирования широкой антигитлеровской коалиции. Возникновение антигитлеровской коалиции было обусловлено объективной необходимостью объединения усилий свободолюбивых государств и народов в справедливой борьбе с агрессорами, поработившими в первые годы войны многие государства Европы и Азии и угрожавшими свободе и прогрессивному развитию всего человечества. Основным ядром коалиции являлись три великие державы – СССР, США и Великобритания. Вклад отдельных её участников в разгром врага был весьма различным. Две другие великие державы – Франция и Китай – также участвовали своими вооружёнными силами в разгроме держав «оси» и их союзников. В тех или иных масштабах в военных действиях принимали участие соединения некоторых других стран – Польши, Чехословакии, особенно Югославии (к концу 1942 года численность Народно-

---

⁶³³ В книге Сталин. К 60-летию со дня рождения. М. 1940. С. 388.

освободительной армии – 150 тыс. чел.), а также Австралии, Бельгии, Бразилии, Индии, Канады, Новой Зеландии, Филиппин, Эфиопии и др. В составе фронтовых объединений Советской Армии воевали с врагом 1-я и 2-я армии Войска Польского, Чехословацкий армейский корпус, французский авиаполк «Нормандия – Неман», а также впоследствии 1-я и 4-я румынские армии, 1-я болгарская армия, венгерские части.

Формирование коалиции не было единовременным актом, оно осуществлялось постепенно в ходе вооруженной борьбы с агрессорами. Вступление Советского Союза в войну стало фундаментальным фактором, под воздействием которого антигитлеровская коалиция явилась главным и решающим фактором превращения второй мировой войны в справедливую, освободительную со стороны всех сражавшихся с агрессорами. Объективные предпосылки для образования и консолидации антигитлеровской коалиции создавала освободительная борьба, возросшая роль и активность втянутых в войну с фашизмом народных масс многих стран, убедившихся в невозможности остановить агрессоров и добиться освобождения без помощи Советской России. Если смотреть фактам в глаза, то надо признать, что нападение Гитлера на СССР фактически спасло Великобританию от судьбы, постигшей Францию. Бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу»⁶³⁴.

Но через пять лет после окончания войны Черчилль дал совершенно иную, явно противоречащую реальным фактам, оценку данного факта. Он в своих мемуарах писал: «Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной пользы нам оно не принесло. Немецкие армии были столь сильны, что казалось, они могут в течение многих месяцев по-прежнему угрожать вторжением в Англию, ведя одновременно наступление в глубь России. Почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены. То обстоятельство, что Советское правительство допустило, чтобы его авиация была застигнута врасплох на своих аэродромах, и что подготовка русских к войне была далеко не совершенной, с самого начала поставило их в невыгодное положение. Сила Советского правительства, стойкость русского народа, неистощимые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии. Но ни один из этих факторов еще не сказался в 1941 году. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет

---

⁶³⁴ История второй мировой войны. М. 1982. Т. 12. С. 114.

взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения»⁶³⁵.

Приведенное высказывание Черчилля относится ко времени, когда угроз над Англией уже не было и Германия была повержена. Но в начале войны настроения в английском кабинете были совершенно иные. Не случайно, что именно с Англией 12 июля 1941 г. было заключено первое соглашение, в котором оба правительства взаимно обязались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии. Они далее давали обязательство, что в продолжение этой войны не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия⁶³⁶.

Однако Сталин как истинный реалист больше полагался на дела, чем на слова и всякого рода заверения. В этом ключе следует рассматривать его телеграмму советскому послу в Лондоне И. Майскому от 30 августа 1941 г. Он инструктировал посла, что английское правительство «...своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам. Гитлеровцы хотят бить своих противников поодиночке, – сегодня русских, завтра англичан. Англия своей пассивностью помогает гитлеровцам. То обстоятельство, что Англия аплодирует нам, а немцев ругает последними словами, – несколько не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан»⁶³⁷.

Как видим, любвеобильные речи Черчилля и других западных деятелей не вводили Сталина в состояние эйфории, ибо он оставался на почве реальности. Тем более что в самое трудное для страны время (1941 и 1942 годы) наша страна нуждалась не в политических комплиментах, а в реальной помощи со стороны союзников. Вместе с тем надо отметить и такое обстоятельство: Сталин, видимо, отдавал себе отчет, что после недавнего пакта с Гитлером Черчилль, да и некоторые другие западные руководители, будут испытывать по отношению к Москве и к нему как главе правительства определенное недоверие или какие-то сомнения, о которых открыто не говорили.

События между тем развивались в направлении расширения и укрепления антигитлеровской коалиции. 14 августа 1941 г. президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль подписали «Англо-американскую

---

⁶³⁵ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 3 – 4. М. 1991. С. 184.

⁶³⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М. 1944. С. 116.

⁶³⁷ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 248.

декларацию (Атлантическую хартию)», в которой изложили цели и принципы борьбы против нацизма и агрессии, подтвердили свою решимость после уничтожения нацизма добиваться торжества демократических норм международных отношений.

Сталин считал необходимым дать указание советскому послу в Англии И. Майскому, чтобы тот на проходившей в сентябре 1941 года межсоюзной конференции в Лондоне огласил декларацию правительства СССР о согласии Советского Союза с основными принципами Атлантической хартии. Причем делалось это без явных оговорок, но они как бы проглядывали между строк: «Советское правительство, имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны, считает необходимым заявить, что последовательное осуществление этих принципов обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны Советского правительства и народов Советского Союза.

Советское правительство вместе с тем считает необходимым с особой силой подчеркнуть, что основная задача, стоящая в настоящее время перед всеми народами, признавшими необходимость разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма, заключается в том, чтобы сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнётом гитлеровских орд»⁶³⁸.

Во времени, о котором идет речь, США еще не подверглись нападению японских милитаристов на Перл-Харбор, поэтому их участие в антигитлеровской коалиции в какой-то мере было не совсем полным и безусловным, но тем не менее достаточно активным. 2 августа 1941 г. исполняющий обязанности госсекретаря США С. Уэллес сообщил советскому послу в Вашингтоне, что «правительство Соединённых Штатов решило оказать всё осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооружённой агрессии. Это решение продиктовано убеждением Правительства Соединённых Штатов, что укрепление вооружённого сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, – соответствует интересам государственной обороны Соединённых Штатов»⁶³⁹. Для финансирования обеспечения поставок США предоставили СССР беспроцентный кредит на сумму до 1 млрд. долл. со сроком погашения через 5 лет после окончания войны. 8 ноября 1941 г. президент Рузвельт

---

⁶³⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 147.

⁶³⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 124.

отдал распоряжение приступить к осуществлению помощи СССР на основе закона о ленд-лизе (в переводе с английского – давать займы или сдавать в аренду).

Российские авторы адмирал флота В. Чернавин и историк Н. Бутенина, исследовав проблему ленд-лиза, а также ее значение для Советского Союза во время войны, справедливо отмечали, что американские, английские и канадские поставки играли для Советского Союза отнюдь не второстепенную роль во время войны, особенно на первых ее этапах. Н. Бутенина кратко излагает основные моменты, касающиеся данной проблемы. Она пишет, что 1 октября 1941 г. в Москве был подписан первый Московский протокол о снабжении Советского Союза до конца июня 1942 г. В конце месяца Рузвельт сообщил Сталину, что американские поставки будут осуществляться под беспроцентный заем на сумму 1 млрд. долл. с оплатой в течение десятилетия. В течение всей войны были подписаны еще три протокола – Вашингтонский, Лондонский и Оттавский. Официально ленд-лизские поставки были приостановлены 12 мая 1945 г. В послевоенный период высказывались различные оценки роли ленд-лиза. В СССР чаще преуменьшалась значимость поставок, в то время как за рубежом утверждалось, что победа над Германией была определена западным оружием и что без ленд-лиза Советский Союз не устоял бы. Сегодня отношение в нашей стране к помощи союзников несколько изменилось.

Нельзя сбрасывать со счетов и количественный фактор ленд-лизинговой помощи, в результате чего были существенно снижены людские потери. Так, доля поставок по ленд-лизу в общем объеме поставок для армии и гражданских нужд составляла: по бронетанковой технике – 16 %; самолётам – 15,3 %; боевым кораблям – 32,4 %; зенитной артиллерии – 18,4 %; радиолокационной аппаратуре – свыше 80 %; тракторам – 20,6 %; металлорежущим станкам – 23,1 %; паровозам – 42,1 %; грузовым и легковыми автомобилям – 66,1 %. Эта оценка дана только по количественным показателям без учета качественных характеристик машин, их грузоподъемности, мощности двигателя, проходимости⁶⁴⁰.

Адмирал В. Чернавин в материале, посвященном данной проблеме, констатировал следующее:

После Великой Отечественной войны, и особенно в период «холодной войны», некоторые историки писали, что поставки по ленд-лизу имели для нас небольшое значение: они составляли, дескать, всего 4 % объема валовой промышленной продукции СССР в 1941 – 1945 гг. И это действительно так. Но по отдельным видам вооружений эти показатели были значительно выше: по автомобилям – 70 %, танкам – 12 %, самолётам – 10 %, а по морской авиации – 29 %.

---

⁶⁴⁰ Н. Бутенина. Сколько же мы должны? (Электронная версия).

Из Великобритании, США и Канады в нашу страну было поставлено:

Самолётов 22 195

Танков 12 990

Автомашин свыше 500 000

Различного типа орудий 5 000

Кроме того, от союзников поступило огромное количество снарядов, взрывчатки, обмундирования, медикаментов и т.д.⁶⁴¹

Полагаю, что в связи с рассмотрением вопроса о значении поставок союзниками Советскому Союзу военной техники, горючего, продовольствия и других различных материалов, необходимых для ведения войны, стоит привести оценку, данную Микояном, непосредственно занимавшимся этими вопросами. Российский историк Г.А. Куманев задал ему в 70-е годы вопрос:

«– А как Вы оцениваете ленд-лиз, его роль в вооруженной борьбе Советского Союза в годы Великой Отечественной войны?»

– Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, я оцениваю очень высоко, – ответил Микоян. – Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы.

И, поясняя свое утверждение, добавил:

– Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу.

Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, около 400 тысяч первоклассных по тому времени машин типа „Студебеккер“, „Форд“, легковые виллисы и амфибии. Вся наша армия фактически оказалась на колесах и каких колесах! В результате повысилась её манёвренность и заметно возросли темпы наступления.

– Да-а... – задумчиво протянул Микоян. – Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали»⁶⁴².

Такова в самых общих чертах картина с поставками нам союзниками, прежде всего Соединенными Штатами, вооружения, техники, автомобилей и многого другого, в чем крайне нуждалась наша страна. Поэтому как чрезмерное преувеличение, так и нигилистическое отрицание важного значения для СССР поставок по ленд-лизу следует отвергнуть как несостоятельные. Ведь совсем не случайно в переписке Сталина с Рузвельтом

---

⁶⁴¹ В. Чернавин . Ленд-лиз в системе второй мировой войны. (Электронная версия).

⁶⁴² Г.А. Куманев . Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М. 1999. С. 38.

и Черчиллем проблемы поставок и организации прохода конвоев, доставлявших соответствующие материалы, не просто фигурировали как важные, но и вызывали порой серьезные разногласия и упреки советской стороны. Это вызывалось тем, что союзники частенько нарушали свои обязательства, чем затрудняли действия наших войск.

Приведу пару примеров. Так, с марта по ноябрь 1943 года США и Англия вновь, как это было и в 1942 году в период Сталинградского сражения, приостановили посылку в СССР конвоев северным морским путем, что означало фактическое прекращение поставок Советскому Союзу вооружения. Черчилль сообщил главе Советского правительства 1 октября 1943 г. о намерении Англии возобновить с ноября 1943 г. отправку конвоев в северные порты СССР. Он сопроводил свое сообщение лестными словами в адрес Советского Союза и его армии, как бы пытаясь сгладить неприятности, возникшие в связи с приостановкой поставок. Черчилль писал Сталину: «С 22 июня 1941 года мы неустанно старались, несмотря на наше собственное тяжелое бремя, помочь Вам защищать Вашу страну от жестокого вторжения гитлеровской банды, и мы никогда не переставали признавать и провозглашать великие преимущества, которые мы получили благодаря замечательным победам, одержанным Вами, и благодаря смертельным ударам, которые Вы нанесли германским армиям»⁶⁴³.

Но Сталин, как говорится, не клюнул на эту удочку. Он исходил из того, что военные поставки – это не милость со стороны союзников, а их обязательство и вместе с тем вклад в борьбу против общего врага. Поэтому с нескрываемым раздражением он ответил Черчиллю: «Получил Ваше послание от 1 октября с сообщением о намерении направить в Советский Союз северным путем четыре конвоя в ноябре, декабре, январе и феврале. Однако это сообщение обесценивается Вашим же заявлением о том, что намерение направить в СССР северные конвои не является ни обязательством, ни соглашением, а всего лишь заявлением, от которого, как можно понять, британская сторона может в любой момент отказаться, не считаясь с тем, как это отразится на советских армиях, находящихся на фронте. Должен сказать, что я не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Поставки Британским Правительством в СССР вооружения и других военных грузов нельзя рассматривать иначе, как обязательство, которое в силу особого соглашения между нашими странами приняли на себя Британское Правительство в отношении СССР, выносящего на своих плечах вот уже третий год громадную тяжесть борьбы с общим врагом союзников – гитлеровской Германией»⁶⁴⁴.

---

⁶⁴³ Переписка... Т. 1. С. 199.

⁶⁴⁴ Переписка... Т. 1. С. 205.

Не стану более детально распространяться об антигитлеровской коалиции, поскольку в дальнейших разделах данной главы различные аспекты ее деятельности и роль в ней Сталина будут рассмотрены достаточно подробно. Следует лишь отметить следующее.

Основные проблемы совместной англо-американской военно-политической стратегии в борьбе со странами блока агрессоров решались на встречах глав правительств США и Великобритании. Согласованный курс англо-американской стратегии, выработанный на конференции в Вашингтоне 22 декабря 1941 – 14 января 1942 года, исходил из признания Германии главным противником в войне, а района Атлантики и Европы – решающим театром военных действий. Однако оказание помощи Советской Армии, несшей главную тяжесть борьбы, намечалось лишь в форме усиления воздушных налётов на Германию, её блокады и организации подрывной деятельности в оккупированных странах. Предполагалось подготовить вторжение на континент, но не ранее 1943 года, либо из района Средиземного моря, либо путём высадки в Западной Европе. Советская Армия, весь советский народ стойко противостояли основным вооруженным силам фашистского блока.

Вся внешнеполитическая деятельность Сталина была ярким и убедительным образцом выполнения союзнических обязательств по антигитлеровской коалиции. Однако твердая сталинская линия внутри атлантической коалиции нередко сталкивалась с линией реакционных кругов западных держав, стремившихся подчинить ведение войны и решение послевоенных проблем своим эгоистическим интересам. Борьба эта проходила на протяжении всей войны по важнейшим направлениям – при определении целей войны, согласовании военных планов, выработке основ послевоенного урегулирования, по вопросам будущего германского государства, по определению границ, наказания военных преступников, выплаты репараций и многим-многим другим вопросам. Надо удивляться не тому, как много было разногласий в антигитлеровской коалиции, а скорее тому, как их удавалось разрешать. И надо отдать должное Сталину – он внес огромный вклад в деятельность антигитлеровской коалиции, в каком-то смысле был едва ли не главным локомотивом, благодаря которому коалиция не распалась под ударами противоречий и разногласий, а, наоборот, неуклонно, преодолевая препятствия и трудности, двигалась вперед к намеченной цели – поражению гитлеровской Германии и ее союзников, а затем и милитаристской Японии.

Сталин при подходе к проблемам антигитлеровской коалиции в полной мере учитывал тот факт, что в ней объединены в каком-то смысле разнородные силы, между которыми имеются серьезные противоречия, прежде всего социально-классового порядка. Однако при реалистическом подходе с обеих сторон эти противоречия не должны были служить препятствием для единства в борьбе против агрессоров. Общие интересы,

безусловно, должны были превалировать над разногласиями, даже принципиального характера. Это свое понимание природы и особенностей коалиции он сформулировал в ноябре 1942 года:

«Говорят, что англо-советско-американская коалиция имеет все шансы на победу и она наверняка победила бы, если бы не было у неё одного органического недостатка, способного ослабить и разложить её. Недостаток этот, по мнению этих людей, выражается в том, что эта коалиция состоит из разнородных элементов, имеющих неодинаковую идеологию и что это обстоятельство не даст им возможности организовать совместные действия против общего врага.

Я думаю, что это утверждение неправильно. Было бы смешно отрицать разницу в идеологии и в общественном строе государств, входящих в состав англо-советско-американской коалиции. Но исключает ли это обстоятельство возможность и целесообразность совместных действий членов этой коалиции против общего врага, несущего им угрозу порабощения? Безусловно, не исключает. Более того, создавшаяся угроза повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и к средневековым зверствам. Разве программа действия англо-советско-американской коалиции недостаточна для того, чтобы организовать на её базе совместную борьбу против гитлеровской тирании и добиться победы над ней? Я думаю, что вполне достаточна.

Предположение этих людей неправильно ещё и потому, что оно полностью опровергается событиями истекшего года. В самом деле, если бы эти люди были правы, мы наблюдали бы факты прогрессивного отчуждения друг от друга членов англо-советско-американской коалиции. Однако мы не только не наблюдаем этого, а наоборот, мы имеем факты и события, говорящие о прогрессивном сближении членов англо-советско-американской коалиции и объединении их в единый боевой союз. События истекшего года дают прямое к тому доказательство. В июле 1941 г., через несколько недель после нападения Германии на СССР, Англия заключила с нами соглашение „О совместных действиях в войне против Германии“. С Соединёнными Штатами Америки мы ещё не имели тогда никаких соглашений на этот предмет. Через 10 месяцев после этого, 26 мая 1942 г. во время посещения Англии т. Молотовым, Англия заключила с нами „Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны“. Договор этот заключён на 20 лет. Он знаменует собой исторический поворот в отношениях между нашей страной и Англией. В июне 1942 года, во время посещения США т. Молотовым, Соединённые Штаты Америки подписали с нами „Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии“, соглашение, делающее серьёзный шаг вперёд в отношениях между СССР и

США»⁶⁴⁵.

Ход событий не только не опроверг прогноз Сталина, но и подтвердил его правильность и дальновидность. Антигитлеровская коалиция – уникальное в своем роде явление в мировой политике. При осуществлении своей стратегии в отношении этой коалиции Сталин проявил себя как крупный политик, ни в чем не уступавший таким фигурам, как Черчилль, Рузвельт и де Голль. И не только не уступал им, но даже порой превосходил их, о чем любой объективный читатель найдет немало свидетельств в воспоминаниях Черчилля, де Голля, в исторических документах того периода.

Эти деятели в своих странах, да и в мире в целом, пользуются всеобщим признанием. У нас же для оценки Сталина даже в тех вопросах, где он твердо, последовательно и искусно отстаивал государственные интересы страны, как правило, не находится слов одобрения. Напротив, все сосредоточено на том, чтобы выискивать какие-то злые умыслы и коварные мотивы. Такой подход к оценкам исторических событий и личностей свидетельствует только против тех, кто применяет его.

2. Политико-дипломатические баталии по вопросу о втором фронте

Поистине титанические усилия Сталина были направлены на то, чтобы добиться скорейшего открытия союзниками второго фронта. Верховный Главнокомандующий, очевидно, исходил из двух наиболее возможных вариантов развития событий в данном вопросе. С одной стороны, он полагал, что союзники, в первую очередь Великобритания, сами прямо и непосредственно заинтересованы в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов, поскольку угроза со стороны последней оставалась реальной опасностью для них. С другой стороны, здравый смысл и богатый политический опыт говорили в пользу того, что союзники будут как можно дольше тянуть с открытием второго фронта с тем, чтобы как Германия, так и Советский Союз в максимальной степени ослабили свои силы как в военном, так и в экономическом отношении. Это создавало почву для того, чтобы в дальнейшем можно было использовать этот фактор в качестве эффективного инструмента давления, в том числе и на своего союзника – Советскую Россию.

Оба эти варианта развития лежали в основе военно-политической стратегии Сталина. Для СССР вопрос о втором фронте имел жизненно важное значение, особенно в период 1941 – 1942, да частично и 1943 годов. И вполне естественно, что он находился в эпицентре внешнеполитической

---

⁶⁴⁵ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 72 – 74.

деятельности Сталина, занимал в ней приоритетное место. И бросая ретроспективный взгляд на историю и эволюцию этой проблемы, есть веские основания сделать общий вывод: вопрос о скорейшем открытии второго фронта явился именно тем вопросом, где Сталину не удалось добиться цели в то время, когда данная проблема была особенно актуальна. Надо учесть еще одно обстоятельство: скорейшее открытие второго фронта выступало не только в качестве важной военно-стратегической и политической задачи, от этого зависело, сколько человеческих жизней могло быть спасено. Так что союзники, оттягивая открытие второго фронта, брали на себя, помимо всего прочего, большую моральную ответственность перед народами антигитлеровской коалиции. И здесь едва ли помогут самые изощренные доводы и оправдания, целью которых было обосновать или просто объяснить их стратегию в данном вопросе. Здесь правда истории, безусловно, на стороне Сталина. И она в полной мере подтверждает правильность его стратегии и настойчивость усилий, которые он принес на алтарь скорейшей победы над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

В ноябре 1942 года Сталин с полным правом говорил: «Часто спрашивают: а будет ли всё же второй фронт в Европе. Да, будет, рано или поздно, но будет. И он будет не только потому, что он нужен нам, но и, прежде всего, потому, что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам. Наши союзники не могут не понимать, что после того, как Франция вышла из строя, отсутствие второго фронта против фашистской Германии может кончиться плохо для всех свободолюбивых стран, в том числе – для самих союзников»⁶⁴⁶. Особенно настойчиво Верховный добивался от союзников скорейшего открытия фронта в Европе после известных неудач наших войск в 1941 году. Может быть, желая несколько запугать союзников, он писал Черчиллю 3 сентября 1941 г.: «Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой.

Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30 – 40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с

---

⁶⁴⁶ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 70.

гитлеризмом»⁶⁴⁷.

Конечно, Сталин явно сгущал краски, рисуя перспективу поражения Советского Союза, если союзники в самое ближайшее время не откроют второй фронт. Однако оснований для такого сгущения красок было немало. Не случайно именно в это время советский лидер выдвинул еще один план, нацеленный на то, чтобы облегчить положение советских войск. Суть его он изложил в послании Черчиллю также в сентябре 1941 года. Вот его содержание: «Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25 – 30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии.

Приношу благодарность за обещание ежемесячной помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

Я могу лишь приветствовать, что Английское Правительство думает оказать эту помощь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества»⁶⁴⁸.

Однако эти призывы советского лидера можно было бы назвать гласом вопиющего в пустыне. Черчилль фактически игнорировал предложения Сталина, прибегая к самым различным доводам, прежде всего неготовности союзников в данное время осуществить подобного рода действия. Впрочем, при желании всегда можно найти массу аргументов. Даже на первый взгляд и убедительных, чего не скажешь о доводах Черчилля.

И нет ничего удивительного, что Сталин с каждым днем все больше терял терпение и его уже не могли сдержать рамки так называемой дипломатической вежливости. В ноябре 1941 года он отправил Черчиллю послание, которое было пронизано не столько чувством огорчения, но скорее, негодования и неприкрытого недовольства. При этом Сталин, используя, разумеется, дипломатическую фразеологию, откровенно высказал свою оценку сложившейся ситуации. «Я согласен с Вами, – писал он главе английского кабинета, – что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией. Эта

---

⁶⁴⁷ Переписка... Т. 1. С. 29.

⁶⁴⁸ Переписка... Т. 1. С. 32.

неясность есть следствие двух обстоятельств: первое – не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны; и второе – не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие. Конечно, имеющаяся договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет большое положительное значение, но это не решает дела и далеко не исчерпывает вопроса о взаимоотношениях между нашими странами»⁶⁴⁹.

Следует подчеркнуть, что со стороны президента США Рузвельта глава советского правительства встречал (по крайней мере, чисто внешне) больше понимания, нежели со стороны Черчилля. Однако это понимание фактически в плане реальных результатов оказалось той порой также малопродуктивным. Рузвельт писал Сталину: «Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем к Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом»⁶⁵⁰.

Словом, по дипломатическим каналам шла оживленная переписка между лидерами двух стран как по вопросу открытия второго фронта, так и по другим важным проблемам взаимоотношений. В декабре 1941 года в Москву был направлен министр иностранных дел Англии А. Иден, чтобы провести переговоры с советскими руководителями. Для того, чтобы несколько оживить тематику изложения, приведу один эпизод, свидетелем которого был посол И. Майский – участник переговоров с Иденом.

Он вспоминал впоследствии:

«Сталин устроил в честь Идена большой обед в Кремлевском дворце. За длинным столом кроме английской делегации сидели члены Политбюро, наркомы, генералы. Председательское место занимал Сталин. Справа от Сталина сидел Иден, рядом с Иденом сидел я и являлся для них обоих переводчиком. Сталин произнес главный тост в честь британского министра иностранных дел. В конце обеда отвечал Иден тостом за хозяев.

В самом начале обеда произошел забавный инцидент. На столе перед Иденом в числе других вин стояла большая бутылка перцовки. Желтоватый

---

⁶⁴⁹ Переписка... Т. 1. С. 42 – 43.

⁶⁵⁰ Переписка... Т. 2. С. 29.

цвет жидкости несколько напоминал шотландское виски. Иден заинтересовался этой бутылкой и спросил Сталина:

– Что это такое? Я до сих пор не видал такого русского напитка. Сталин усмехнулся и с искринкой в глазах ответил:

– А это наше русское виски.

– Вот как? – живо откликнулся Иден. – Я хочу его попробовать.

– Пожалуйста.

Сталин взял бутылку, налил Идену бокал. Иден сделал большой глоток. Боже, что с ним случилось! Когда Иден несколько отдышался и пришел в себя, Сталин заметил:

– Такой напиток может пить только крепкий народ. Гитлер начинает это чувствовать»⁶⁵¹.

Но это – своего рода отвлечение в сторону от основной линии изложения, хотя надо сказать, история складывается не только из одних серьезных событий и эпизодов, но и всякого рода второстепенных и даже курьезных моментов, позволяющих воссоздать реальную картину того времени.

В том же 1942 году Англию и США посетил Молотов. В Лондоне был заключен договор о союзе в войне против Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны⁶⁵². Это уже был определенный шаг в направлении углубления отношений путем взятия определенных юридических обязательств. Из Лондона Молотов вылетел в США, где провел переговоры с Рузвельтом и другими американскими официальными лицами. В отчете Молотова о переговорах в Лондоне в мае 1942 года отмечалось, что Черчилль расспрашивал его «о том, каковы методы работы Сталина». А через несколько дней в Вашингтоне Рузвельт говорил Молотову: «Для обсуждения вопросов будущего и вопросов настоящего времени он хотел бы встретиться с великим человеком нашего времени – Сталиным. Он, Рузвельт, не мог этого до сих пор осуществить, но он верит, что эта встреча еще состоится. Он провозглашает тост за руководителя России и русских армий, за великого человека нашего времени, за Сталина»⁶⁵³.

Однако тосты и приветствия никак не могли заменить собой второй фронт. Сталина интересовали не столько дифирамбы в его честь, сколько реальный вклад союзников в дело скорейшего разгрома гитлеровской

---

⁶⁵¹ *И.М. Майский*. Воспоминания советского дипломата. 1925 – 1945. С. 629.

⁶⁵² См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 235 – 238.

⁶⁵³ *О.Л. Ржешевский*. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941 – 1942). М. 1997. С.141, 179.

Германии. Поэтому тон его посланий Черчиллю становился все более жестким и требовательным. Так, в послании от 23 июля 1942 г. он без всяких экивоков писал: «Что касается второго вопроса, а именно вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год.

Надеюсь, что Вы не будете в обиде на то, что я счел нужным откровенно и честно высказать свое мнение и мнение моих коллег по вопросам, затронутым в Вашем послании.

И. СТАЛИН»⁶⁵⁴.

Чтобы подвести своеобразное резюме и в более полном виде представить позицию Сталина в данном вопросе, целесообразно, на мой взгляд, привести еще одно послание главы Советского правительства. Значимость этого послания состоит не только в жесткой и откровенной постановке вопроса, но и в убедительности аргументации, к которой прибег Сталин. «Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предрешена во время посещения Молотовым Лондона и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г. – писал глава правительства СССР. – Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году.

Вполне понятно, что Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году.

Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования.

Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный

---

⁶⁵⁴ Переписка... Т. 1. С. 69.

фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина Премьер-Министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель Президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-Министра.

И. СТАЛИН»⁶⁵⁵.

Но аргументы Сталина не были приняты во внимание, хотя, надо сказать, что отнюдь не все английские отговорки носили злонамеренный и откровенный характер бойкота и уклонения от выполнения своих обязательств. На этот счет состоялись длительные дискуссии Черчилля со Сталиным во время его первого визита в Москву в августе 1942 года. Они также, будучи полезными в плане установления личных контактов и прояснения позиций сторон, не внесли каких-либо кардинальных перемен в планы западных союзников отложить открытие второго фронта в 1942 году. Российский историк В. Золотарев считает, что уверенность (на мой взгляд, надо было бы сказать – надежды, а не уверенность – Н.К.) Сталина в открытии второго фронта в 1942 г. вряд ли имела достаточно оснований. Это объяснялось отсутствием необходимого количества войск США на Британских островах; реальной угрозой срыва операции вермахтом и преимуществ на этом фоне высадки войск в Северной Африке, где им противостояли малочисленные и трудноснабжаемые итало-германские войска; тяжелым положением западных союзников на азиатско-тихоокеанском театре, которое начало изменяться к лучшему только во второй половине 1942 г.; наконец, политикой сбережения собственных сил, прежде всего за счет советского союзника⁶⁵⁶.

Доводы российского историка, на мой взгляд, хотя и выглядят внешне убедительными, в действительности же являются лишь фактическим пересказом аргументов, которые выставляли сами союзники. Лишь последнее соображение – о сбережении собственных сил – воспринимается как вполне бесспорное и, на мой взгляд, решающее.

Своевременное открытие второго фронта могло бы не только оказать существенную помощь СССР, который нёс основную тяжесть войны против фашистской Германии и её союзников, но и значительно ускорить разгром фашистского блока, сократить продолжительность войны, а значит, количество жертв как со стороны Советской России, так и со стороны

---

⁶⁵⁵ Переписка... Т. 1. С. 74.

⁶⁵⁶ «Новая и новейшая история». 2005 г. № 2. С. 128.

союзников. Однако правящие круги США и Великобритании, несмотря на требования своих народов быстрее начать военные действия в Западной Европе, уклонились от выполнения взятых на себя обязательств. Вскоре после переговоров они приняли одностороннее решение перенести открытие второго фронта на 1943 год. Вместо создания второго фронта англо-американские войска высадился в 1942 году в Северной Африке, а в 1943 году на Сицилии и в Южной Италии, где отвлекли на себя лишь незначительные силы вермахта (6 – 7 %).

Решающим аргументом в пользу открытия второго фронта явились блестящие победы советских войск над вермахтом, прежде всего Сталинградская битва и победа под Курском и Орлом. Это были не аргументы слов, а аргументы дел и великих свершений в военных действиях. А такие аргументы не могли не подействовать на союзников, прежде всего на Черчилля. У руководителей западных держав складывалось убеждение (и это вполне закономерно), что советские армии и без вторжения союзных войск способны нанести окончательное поражение Германии. Об этом свидетельствуют, например, слова президента Рузвельта своему сыну Элиоту, сказанные им осенью 1943 года: «...Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится»⁶⁵⁷. Стоит сослаться и на мнение посла США в СССР А. Гарримана: «Советский Союз мог выиграть войну и без помощи союзников»⁶⁵⁸.

В конечном счете, новый поворот в событиях на театрах военных действий в войне дал основание Сталину заявить в ноябре 1943 года следующее:

«В этом году удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам были поддержаны боевыми действиями наших союзников в Северной Африке, в бассейне Средиземного моря и в Южной Италии. Вместе с тем союзники подвергали и продолжают подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии и тем самым значительно ослабляют военную мощь врага. Если ко всему этому добавить тот факт, что союзники регулярно снабжают нас разным вооружением и сырьем, то можно сказать без преувеличения, что всем этим они значительно облегчили успехи нашей летней кампании. Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт. Но это все же нечто вроде второго фронта. Понятно, что открытие настоящего второго фронта в Европе, которое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и еще более укрепит боевое

---

⁶⁵⁷ Э. Рузвельт. Его глазами. М. 1947. С. 161.

⁶⁵⁸ David Eisenhower . Eisenhower at war 1943 – 1945. N.Y. 1986. p. 16.

содружество Союзных государств.

Таким образом, события истекшего года показывают, что антигитлеровская коалиция является прочным объединением народов и основана на крепком фундаменте.

Теперь уже для всех очевидно, что гитлеровская клика, развязав нынешнюю войну, завела Германию и ее прихвостней в безысходный тупик. Поражения фашистских войск на советско-германском фронте и удары наших союзников по итало-немецким войскам потрясли все здание фашистского блока, и оно теперь разваливается на наших глазах»⁶⁵⁹.

На этом высказывании, казалось, можно было бы поставить точку, чтобы завершить рассмотрение вопроса о борьбе советского лидера за скорейшее открытие второго фронта. Однако окончательно этот вопрос был решен только на Тегеранской конференции, причем и после этого окончательного решения вопрос все же не был исчерпан до конца и вызывал различные споры и обсуждения конкретных аспектов, связанных с практическим осуществлением данной задачи. Поскольку в данной главе я буду в суммарном виде рассматривать ход и итоги трех важнейших встреч лидеров СССР, США и Великобритании в ходе и после войны – Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, – мне в разделе о Ялтинской конференции еще придется мимоходом коснуться вопроса о втором фронте – именно там он получил свое окончательное решение.

3. Вопрос о сепаратном мире с Германией

Проблему заключения сепаратного мира с Германией и проведение закрытых и строго секретных переговоров и зондажей на этот счет, которые велись союзниками в разные периоды войны, я намерен рассмотреть в самом сжатом виде. Главное внимание сосредоточу на том, как Сталин рассматривал эту проблему и как он реагировал на факты, которые становились известны ему. Но, во-первых, следует с самого начала подчеркнуть, что Сталин был категорически против любых сепаратных переговоров с недобитыми фашистскими лидерами. Он прекрасно понимал, что в условиях непрерывных поражений германских войск ее руководители непременно прибегнут к попыткам заключить с нашими союзниками сепаратный мир, играя на существовании реальных противоречий в антигитлеровской коалиции. Прежде всего они делали ставку на антикоммунизм и антисоветизм, который отнюдь не исчез на Западе с началом второй мировой войны. Там еще остались достаточно влиятельные силы, испытывавшие к нашей стране не просто неприязнь, а чувство ненависти и полного отторжения. Словом, какая-никакая, но объективная

---

⁶⁵⁹ *И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 122.*

предпосылка для гипотетической сепаратной сделки существовала. Хотя надо признать, что реальных шансов на ее успех было слишком мало. И причина коренилась в том, что перед всем миром нацизм обнажил свое подлинное обличье, и уже в силу этого сделку с ним трудно было не только оправдать, но даже объяснить.

Весьма примечательно, что тема о мнимых сепаратных переговорах между Советским Союзом и фашистской Германией в некоторых органах печати западных стран поднималась не раз. Москва не откликалась на каждый такой «политический чих». Более того, она не обращала на эти вздорные вымыслы внимания – а это тоже являлось одним из средств борьбы с такими клеветническими измышлениями. Но порой Сталин отходил от этого правила. Так было на московской конференции министров иностранных дел трех держав 30 октября 1943 г. Работавший тогда переводчиком Сталина В. Бережков писал в своей книге следующее:

«В саркастических тонах Сталин опроверг циркулировавшие в некоторых странах слухи о том, что будто Советский Союз и гитлеровская Германия могут заключить сепаратный мир. Хэлл (тогда госсекретарь США – Н.К.) сказал, что все, кто хоть немного знает советский народ и историю взаимоотношений с гитлеровской Германией, убеждены, что советские люди никогда не заключат сепаратного мира. Однако Иден насупился и промолчал.

Сталин, бросив быстрый взгляд на британского министра иностранных дел, заметил, что ему очень приятна такая уверенность Хэлла, и еще раз повторил, что распространение подобных слухов – величайшая глупость.

Думаю, Сталин специально выбрал данный момент, чтобы коснуться слухов о сепаратных переговорах с гитлеровской Германией. Ведь тогда вновь появились сведения о контактах между гитлеровскими эмиссарами и представителями Англии и США в ряде нейтральных стран. В частности, оживленные переговоры с нацистскими агентами вел в Женеве резидент разведки США Аллен Даллес. Заговорив об этих слухах, Сталин, видимо, хотел прощупать Хэлла и Идена, а возможно, и получить от них определенное заявление на этот счет. Но ни тот, ни другой не развивали эту тему, сделав вид, что не поняли намека»⁶⁶⁰.

Сталин понимал, что отнюдь не исключена вероятность того, что фашистские заправилы попытаются вступить в сепаратные переговоры с нашими союзниками. Любопытную деталь сообщает советский разведчик А. Феклисов. Он пишет, что перед отъездом в США резидента советской разведки Зарубина вместе с начальником разведки Фитиным принимал Сталин. Он определил: главные усилия резидентура в США должна направить на то, чтобы помочь выиграть войну, и поставил конкретные задачи:

---

⁶⁶⁰ В.М. Бережков . Страницы дипломатической истории. М. 1984. С. 209.

- следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли против Советского Союза;
- добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники;
- выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне;
- пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе;
- добывать информацию о новейшей секретной военной технике, создаваемой в США, Англии и Канаде.

Сталин также отметил, что советское правительство заинтересовано в получении секретной информации и по многим другим вопросам, важно, чтобы это помогало приблизить разгром фашистской Германии и вскрывало тайные планы союзников относительно послевоенного устройства мира⁶⁶¹.

Вполне естественны и понятны такие инструкции сотрудникам разведки со стороны Сталина. Это говорит о том, что подобного рода опасность сепаратного сговора для него не являлась абсолютно исключенной. Тем более, что он сам в ноябре 1944 года счел необходимым специально остановиться на этой проблеме в своем докладе об очередной годовщине Октябрьской революции. Он говорил: «На всем протяжении войны гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки разобщить и противопоставить друг другу Объединенные Нации, вызвать среди них подозрительность и недружелюбие, ослабить их военные усилия взаимным недоверием, а если удастся – и борьбой друг с другом. Подобные стремления гитлеровских политиков вполне понятны. Для них нет большей опасности, нежели единство Объединенных Наций в борьбе против гитлеровского империализма, и для них не было бы большего военно-политического успеха, нежели разобщение союзных держав в их борьбе против общего врага. Известно, однако, сколь тщетными оказались потуги фашистских политиков расстроить союз великих держав. Это означает, что в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы.

Можно не сомневаться в том, что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трех лет войны и если он скреплен кровью народов, поднявшихся на защиту своей свободы и чести, то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны»⁶⁶².

И такие испытания пришлось выдерживать. Хотя истины ради следует сказать, что это было делом отнюдь не легким и простым. Поскольку наши

---

⁶⁶¹ См. Александр Феклисов. За океаном и на острове. Записки разведчика. М. 1994. С. 51 – 52.

⁶⁶² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 164 – 165.

союзники по мере приближения крушения нацистской Германии все больше активизировали свои усилия в этом направлении. Приведу суммарные данные относительно секретных англо-американо-германских контактов, являвшихся, по существу, видом сепаратных переговоров, проводившихся за спиной Советского Союза.

Англо-американо-германские контакты, тайные, осуществлялись США и Великобританией вопреки их союзническим обязательствам по антигитлеровской коалиции, с целью заключения сепаратного мира с Германией, использования её в последующем в качестве противовеса растущей военной и экономической мощи Советского Союза, его усиливавшегося политического влияния в Европе. Правители фашистской Германии при этом надеялись, что США и Великобритания дадут им в обмен на обещание защитить Запад от «угрозы большевизма» возможность выйти из войны без поражения.

Особенно интенсивно англо-американо-германские контакты развивались после поражения фашистской Германии под Сталинградом. В 1943 – 44 гг. англо-американо-германские контакты использовал Ватикан: своё посредничество папа Пий XII предложил президенту США Ф.Д. Рузвельту. Во 2-й половине 1943 года вопрос о заключении мира обсуждался на встречах в Ватикане посла Германии, бывшего заместителя министра иностранных дел Вайцеккера, бывшего министра иностранных дел Италии Чиано с представителем США кардиналом Спелменом (последний встречался и с Риббентропом). В начале 1944 года Вайцеккер продолжал переговоры с послами США и Великобритании в Ватикане. Аналогичные попытки предпринимались в феврале 1943 года в Испании на встречах Франко (предложившего Германии свои услуги) и министра иностранных дел Испании с английским послом. В феврале 1943 года в Швейцарии фашистский эмиссар Гогенлоэ обсуждал со специальным уполномоченным правительства США А. Даллесом вопросы о будущем Австрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, о заключении мира с Германией (при этом предполагалось, что Германия будет по-прежнему господствовать в Восточной Европе; планировалось путём расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии поддержать создание «санитарного кордона» против «большевизма и панславизма»). Связи с реакционными силами в правящих кругах США имела и группа заговорщиков в Германии (пытавшихся устранить Гитлера): в разработке их планов участвовал Даллес; через швед, банкира Валленберга они установили контакт и с представителями правительства Великобритании. В июле 1944 года Даллес сообщил в Вашингтон, что в случае успеха заговора немецкие войска приступят к планомерному отступлению на западе, в то время как на востоке будут сконцентрированы лучшие их дивизии.

Зимой 1944 – 45 годов имела место телеграфная переписка Кейтеля (выступал от имени командующих трёх родов войск) с генералом Д.

Эйзенхауэром и генералом Б. Монтгомери о заключении на Западном фронте перемирия, с тем чтобы германское командование могло попытаться нанести Советской Армии уничтожающий удар между Вислой и Одером. Монтгомери выразил согласие с этим предложением при условии пропуска войск США и Великобритании к западным границам Германии (на что немецкое командование не пошло). 8 марта 1945 г. по приглашению Даллеса в Цюрих с согласия Гитлера прибыл главный представитель СС при армейской группе «Ц» в Италии обергруппенфюрер Вольф. При участии заместителя начальника штаба армии США генерала Лемнитцера и заместителя начальника штаба 8-й Британской армии, руководителя английской секретной службы в Италии состоялось обсуждение вопросов о перемирии на Западном фронте. 12 марта 1945 г. Советское правительство, узнав об этих встречах, потребовало от союзников участия в них советских представителей⁶⁶³.

В дело непосредственно вмешался Сталин, ибо дело носило не какой-то частный характер, а затрагивало принципы отношений между союзниками и нормы соглашений, заключенных между ними. По этому вопросу он имел переписку с президентом Рузвельтом (Черчилль, видимо, как наиболее ярый поборник таких контактов как-то остался в стороне). 29 марта 1945 г. Сталин направил президенту послание, в котором, в частности, говорилось:

«Но я согласен на переговоры с врагом по такому делу только в том случае, если эти переговоры не поведут к облегчению положения врага, если будет исключена для немцев возможность маневрировать и использовать эти переговоры для переброски своих войск на другие участки фронта, и прежде всего на советский фронт.

Только в целях создания такой гарантии и было Советским Правительством признано необходимым участие представителей Советского военного командования в таких переговорах с врагом, где бы они ни происходили – в Берне или Казерте. Я не понимаю, почему отказано представителям Советского командования в участии в этих переговорах и чем они могли бы помешать представителям союзного командования.

К Вашему сведению должен сообщить Вам, что немцы уже использовали переговоры с командованием союзников и успели за этот период перебросить из Северной Италии три дивизии на советский фронт.

Задача согласованных операций с ударом на немцев с запада, с юга и с востока, провозглашенная на Крымской конференции, состоит в том, чтобы приковать войска противника к месту их нахождения и не дать противнику возможности маневрировать, перебрасывать войска в нужном ему направлении. Эта задача выполняется Советским командованием. Эта задача нарушается фельдмаршалом Александером. Это обстоятельство нервирует

---

⁶⁶³ См. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Энциклопедия. С. 49.

Советское командование, создает почву для недоверия.

...Должен Вам сказать, что, если бы на восточном фронте где-либо на Одере создались аналогичные условия возможности капитуляции немцев и открытия фронта советским войскам, я бы не преминул немедленно сообщить об этом англо-американскому военному командованию и попросить его прислать своих представителей для участия в переговорах, ибо у союзников в таких случаях не должно быть друг от друга секретов»⁶⁶⁴.

Но Рузвельт, очевидно, не без воздействия некоторых своих советников и, конечно, Черчилля фактически отверг все обвинения и аргументы советской стороны. Сталин через несколько дней снова был вынужден вернуться к этой теме, учитывая ее важность как саму по себе, так и в качестве прецедента на будущее – при обсуждении условий общей капитуляции нацистской Германии.

3 апреля он направил послание Рузвельту, в котором твердо было заявлено:

«Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия. Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами. Мне непонятно также молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку со мной по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников – русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией – с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами.

---

⁶⁶⁴ Переписка... Т. 2. С. 214 – 215.

Я уже писал Вам в предыдущем послании и считаю нужным повторить здесь, что я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками»⁶⁶⁵.

Рузвельт в послании Сталину поставил под сомнение достоверность информации, которой снабжали Сталина по этому вопросу. Сталин ответил четко и недвусмысленно: «Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле»⁶⁶⁶.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря хорошей работе нашей разведки, а также благодаря бдительности, настойчивости и твердости Сталина затея с сепаратными переговорами провалилась. В этой обстановке правящие круги США и Великобритании были вынуждены прекратить контакты с Вольфом. Помимо перечисленных, имели место и другие англо-американо-германские контакты, преследовавшие те же цели.

Скрывая от СССР свои тайные контакты с фашистами, правительства США и Великобритании иногда информировали Москву о второстепенных связях с Германией, изображая их как «пробные шары» к перемирию со стороны последней. Закулисная деятельность союзников была сорвана решительными и бескомпромиссными действиями Сталина и прежде всего успехами нашей армии на фронте.

Вне поля моего внимания я оставляю тщетные попытки высших фашистских руководителей добиться сепаратного мира с Германией, когда ее поражение стало очевидным даже самым тупым среди нацистских идиотов. Это увело бы меня в дебри, из которых трудно было бы выбраться. Да и по существу данный аспект не имеет прямого отношения к деятельности Сталина в период войны.

4. Роспуск Коминтерна

С началом второй мировой войны компартии выступили как наиболее последовательная и организованная антифашистская сила. В указаниях компартиям оккупированных агрессорами стран руководство Коммунистического Интернационала ориентировало их на объединение всех здоровых сил народа для борьбы против оккупантов, за восстановление национальной независимости, в защиту жизненных

---

⁶⁶⁵ Переписка... Т. 3. С. 220 – 221.

⁶⁶⁶ Там же. С. 224.

интересов трудящихся. При этом подчёркивалась необходимость добиваться, чтобы ведущую роль в антифашистском, национально-освободительном движении играл рабочий класс во главе с компартиями. Следуя указаниям Коминтерна, компартии к весне 1941 г. сделали первые важные шаги по объединению народов на антифашистскую борьбу.

После нападения Германии на СССР Секретариат ИККИ 22 июня 1941 г. обсудил вопрос о задачах компартий, принял решение о перестройке работы аппарата ИККИ. В то же время Исполком Коминтерна направил компартиям письма-обращения, в которых указывал, что вероломное нападение Германии на СССР является ударом не только против страны социализма, но и против свободы и независимости всех народов мира. Поэтому борьба Советского Союза одновременно являлась и защитой всех поработанных фашизмом народов, а также защитой всех, кому угрожал фашизм.

Исполком определил задачи компартий стран, вставших на путь сотрудничества с СССР в борьбе против Германии: противодействовать агрессии, обеспечивать всемерную поддержку советскому народу в его справедливой войне, вести борьбу против любых пособников фашизма. Исполком ориентировал компартии на развёртывание кампании за образование мощной коалиции государств и народов с целью разгрома блока агрессоров. Компартиям государств фашистского блока Коминтерн предлагал усилить борьбу против фашистских режимов, за их свержение, за поражение нацистской Германии и её союзников. В письмах-обращениях к компартиям нейтральных стран ИККИ призвал их разъяснять народам своих стран, что Советский Союз выступает единственным защитником свободы и независимости малых народов от посягательств гитлеровской Германии.

В декабре 1941 года Секретариат ИККИ призвал коммунистов оккупированных стран отдать все силы задаче «изгнания захватчиков и завоевания своей национальной независимости».

Создание по инициативе коммунистов в ряде стран национальных антифашистских народных фронтов свидетельствовало о правильности выработанной стратегии и тактики. Компартии явились авангардной и самой активной силой движения сопротивления, возглавили и сплотили его демократическое крыло, создали военные организации и освободительные армии (действовавшие в Югославии, Греции, Албании, Польше, Франции, Бельгии, Дании, Болгарии, Италии). Коминтерн оказывал компартиям постоянную помощь в разработке основных направлений политики, кадрами, пропагандистскими материалами и т.п.; выступил инициатором организации и обучения партизанских групп добровольцев из политэмигрантов – членов зарубежных компартий, находившихся в СССР (впоследствии многие из них непосредственно включились в движение сопротивления, стали организаторами антифашистской борьбы). Специальные группы антифашистов для действий в тылу врага были направлены в Болгарию,

Польшу, Чехословакию, Венгрию, Австрию, Германию и некоторые другие страны.

Рост компартий, необходимость быстро и оперативно решать конкретные вопросы антифашистской борьбы, повышение роли компартий в борьбе за общенациональные интересы требовали от них максимальной самостоятельности и инициативы. Приняв в мае 1943 г. решение о роспуске Коминтерна, его Исполком призвал всех сторонников Коминтерна «сосредоточить свои силы на всемерной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома смертельного врага трудящихся – немецкого фашизма и его союзников и вассалов»⁶⁶⁷.

Мотивы, лежавшие в основе решения о роспуске Коминтерна, были достаточно глубоки и обоснованны. Имеются свидетельства, что еще накануне войны Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна высказал ряд серьезных аргументов в пользу того, чтобы рассмотреть вопрос о роспуске этой организации. При этом Сталин исходил из того, что радикально изменились реальные условия, в которых само существование Коминтерна не только не служит фактором усиления сопротивления агрессии, но фактически сдерживает ее. Ибо отпугивает от движения против агрессии многие силы, испытывавшие недоверие к коммунистам или даже страх перед ними. Нужно было устранить эти препятствия, снять все преграды, которые мешали сплочению всех антифашистских сил вне зависимости от их классовой или партийной принадлежности. Цепляться за старые, уже исчерпавшие себя формы, – значило заведомо сужать масштабы борьбы против агрессивных сил во всем мире. Это было главное, что обусловило принятие данного решения.

Российский историк Ф. Фирсов в статье, специально посвященной исследованию роли Сталина в эволюции Коминтерна и его политики, писал, что в апреле 1941 года Сталин высказался за то, чтобы распустить Коминтерн. Он обосновывал это необходимостью сделать компартии совершенно самостоятельными, чтобы они сами решали стоящие перед ними конкретные задачи. Сравнивая Коминтерн с I Интернационалом, Сталин заметил, что Коминтерн был создан в ожидании близкой международной революции. Теперь же для каждой страны на передний план выступают национальные задачи, а положение компартий как секций международной организации, подчиняющихся Исполкому Коминтерна, является помехой в их деятельности. Сталин говорил, что принадлежность компартий к Коминтерну в настоящих условиях облегчает буржуазии их преследование, изолирует от масс и мешает компартиям развиваться самостоятельно, решать свои задачи

---

⁶⁶⁷ Великая Отечественная война 1941 – 1945. Энциклопедия. С. 362.

как национальным партиям⁶⁶⁸.

Разумеется, ситуация в мире в целом и в коммунистическом движении с началом Великой Отечественной войны радикальным образом изменилась. Она настоятельно диктовала необходимость отказа от привычных догм в работе, выработки принципиально новых методов и направлений всей деятельности коммунистических партий. Отныне главная цель, которой было подчинено все остальное, являлась борьба с фашистскими агрессорами. И провести коренную перестройку всей деятельности партий нужно было незамедлительно, ибо того требовало само время и объективно сложившаяся международно-политическая и военная обстановка.

Кроме того, Сталин понимал, что в новых условиях трудно, если вообще практически возможно, управлять коммунистическим движением из единого центра. Да и сами компартии многих стран уже приобрели большой опыт политической борьбы и не нуждались в руководстве из-за рубежа. Такое руководство лишь создавало дополнительные трудности в их деятельности.

Постановление о роспуске Коминтерна было принято узким кругом руководителей весной 1943 года (в апреле уже готов был соответствующий документ) и предано гласности 22 мая. В официальном тексте также упоминалось о прошлых дискуссиях на эту тему. «Еще задолго до войны», утверждалось в нем, становилось ясным, что «решение задач рабочего движения каждой отдельной страны силами какого-либо международного центра будет встречать неодолимые препятствия». Это предвидение, говорилось далее в документе, было подтверждено опытом войны, которая поставила перед отдельными компартиями весьма различные задачи даже при том, что всех их объединяет единое стремление: ускорить разгром гитлеровской коалиции. В этой битве каждая партия лучше всего могла бы действовать «в рамках своего государства». Коммунистическое движение поэтому должно отбросить «изжившие себя организационные формы», ибо формы и методы организации коммунистов всегда должны подчиняться «коренным политическим интересам рабочего движения в целом»⁶⁶⁹.

В рядах коммунистического движения и за его пределами получило широкое распространение такое объяснение: роспуск Коминтерна – это уступка Сталина в его стремлении способствовать делу укрепления антифашистской коалиции, поскольку таким путем он удовлетворял одно из давних требований новых союзников СССР. О том, что такого рода интерпретация являлась наиболее весомой причиной роспуска Коминтерна, свидетельствует интервью Сталина, данное английскому журналисту.

Западные союзники, конечно, восприняли решение о роспуске

---

⁶⁶⁸ История и сталинизм. Сборник статей. М. 1991. С. 196 – 197.

⁶⁶⁹ «Коммунистический Интернационал». 1943 г. № 5 – 6.

Коминтерна с явным удовлетворением. Хотя и не высказывались по этому поводу публично, что вполне объяснимо – чтобы не ставить Сталина в неловкое положение. Западная же пресса безоговорочно истолковала решение как уступку союзникам. Вместе с тем, как подчеркивают некоторые историки, не имеется явных признаков того, что Рузвельт или Черчилль открыто просили Сталина о таком акте: дипломатическое давление союзников на СССР носило, несомненно, упорный характер, но осуществлялось в более завуалированных формах. Роспуск Коминтерна, таким образом, был воспринят на Западе положительно, как проявление стремления к сотрудничеству, хотя у западных деятелей так и не исчезло до конца подозрение, что это была просто тактическая уловка советских и иностранных коммунистов.

Все опрошенные партии одобрили решение о роспуске, повторив в своих заявлениях аргументы официального постановления. Китайская компартия, однако, добавила к ним еще кое-что. Она была единственной партией, которая подчеркнула, что считает себя «освободившейся от обязанностей, вытекающих из Устава и решений конгрессов Коммунистического Интернационала». «Китайские коммунисты, – добавила она, – давно уже имели возможность самостоятельно наметить политическую линию и проводить ее в жизнь исходя из конкретной обстановки и из специфических условий своей страны»⁶⁷⁰.

Сталин в своем ответе на вопрос корреспондента английского агентства «Рейтер» изложил в лаконичном виде главные мотивы, лежавшие в основе решения о роспуске Коминтерна. Его ответ достаточно краток, и я приведу его в полном виде.

«Господин Кинг!

Я получил от Вас просьбу ответить на вопрос, касающийся роспуска Коммунистического Интернационала. Посылаю Вам свой ответ.

ВОПРОС. „Британские комментарии по поводу решения о ликвидации Коминтерна были весьма благоприятными. Какова советская точка зрения на этот вопрос и на его влияние на будущее международных отношений?“

ОТВЕТ. Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага – гитлеризма.

Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как

а) Он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что „Москва“ якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и „большевизировать“ их. Этой лжи отныне кладется конец.

б) Он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют

---

⁶⁷⁰ Цит. по Джузеппе Боффа. История Советского Союза. Т. 2. М. 1994. С. 151.

якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец.

в) Он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь для развертывания борьбы против фашизма.

г) Он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия.

Я думаю, что все эти обстоятельства, взятые вместе, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников и других объединенных наций в их борьбе за победу над гитлеровской тиранией.

Я считаю, что роспуск Коммунистического Интернационала является вполне своевременным, так как именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнета.

С уважением

И. СТАЛИН

23 мая 1943 года»⁶⁷¹.

Завершить этот небольшой раздел мне хотелось бы выдержкой из книги Дж. Боффа, который, как мне кажется, хорошо уловил политический настрой Сталина того периода времени. Боффа писал: «Закат Коминтерна происходил в тот момент, когда благодаря военным победам 1943 года авторитет Советского государства и его вождя восходил к зениту. На протяжении последних лет перед этим судьбы коммунистического движения более чем когда-либо зависели от жизнеспособности и успехов СССР. Покинув опустевшие кабинеты Коминтерна, Димитров перебрался в здание, где помещалось руководство Коммунистической партии СССР. Партийные работники, которые спрашивали, как же будет осуществляться международная координация борьбы коммунистов, слышали в ответ, что остается СССР, остается Сталин. Возможно, Сталин действительно думал, что могущество Советского государства отныне настолько велико, что он лично сможет осуществлять руководство мировым коммунистическим движением, не нуждаясь в специальном международном аппарате. Как выяснилось позже, задача эта оказалась не из легких»⁶⁷².

Хотя вопрос о роспуске Коминтерна, на первый, поверхностный взгляд,

---

⁶⁷¹ *И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 107 – 108.*

⁶⁷² *Джузеппе Боффа. История Советского Союза. Т. 2. М. 1994. С. 152.*

как будто не имеет прямого отношения к развитию отношений между Советской Россией и союзниками, на самом деле это не так. Ликвидация Коминтерна как организации, вне всякого сомнения, способствовала устранению лишних препятствий и преград, которых и без того было более чем достаточно в антигитлеровской коалиции. Теперь отпадали возражения тех противников сотрудничества с СССР, которые постоянно ссылались на коммунизм как угрозу, сопоставимую в чем-то с нацизмом. Одна из опор антисоветской пропаганды была выбита из-под ног тех, кто воспринимал сотрудничество с Советской Россией как угрозу принципам демократии. В сложившейся тогда обстановке, когда шла борьба за скорейшее открытие второго фронта, данный факт имел серьезное значение.

5. Сталин на встречах «большой тройки»

Приближение советских войск к государственной границе СССР со всей очевидностью свидетельствовало о том, что война близится к завершению, и решительно меняло военно-политическую и стратегическую расстановку сил на международной политической арене. Для правящих кругов США и Англии становилось все более ясным, что недалек тот день, когда Советская Армия, изгнав оккупантов со своей территории, сможет и без помощи союзников приступить к освобождению стран Европы. Победоносное продвижение советских войск усилило кризис в фашистском блоке и активизировало национально-освободительное движение в поработанных Гитлером странах, подрывая тылы гитлеровской Германии.

Все это заставило западных союзников СССР пересмотреть проводимую ими до сих пор «периферийную стратегию», предусматривавшую проведение операций в районах, удаленных от фашистской Германии, и приводившую на деле к затягиванию начала крупных военных действий вблизи рейха. Они сознавали, что дальнейшее промедление с открытием второго фронта чревато для них серьезными последствиями. В создавшихся условиях США и Англия считали необходимым начать переговоры с СССР, во время которых обсудить с ним наряду с вопросами, связанными с военными действиями, различные проблемы послевоенного урегулирования, с тем чтобы еще в ходе войны связать Советский Союз определенными обязательствами и обеспечить себе прочные позиции в Европе после войны.

Известный американский историк Р. Шервуд в своей книге «Рузвельт и Гопкинс» отмечал, что «завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы – которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне – Россия стала в ряды великих мировых держав... Рузвельт понял, что должен теперь

взглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира»⁶⁷³.

Московская конференция МИД трех держав (октябрь 1943 г.)

Сталин не являлся участником московской конференции в силу своего положения главы правительства. Но он неоднократно встречался с руководителями ведомств по иностранным делам США и Великобритании и таким образом оказывал решающее влияние на ход и исход этой конференции. Поскольку в дальнейшем мне предстоит осветить гораздо более важные встречи глав государств, то на московской конференции я остановлюсь лишь в самом общем виде. По-прежнему одним из важнейших вопросов оставался вопрос о сокращении сроков ведения войны путем открытия второго фронта. Нарушение союзниками обязательств по открытию второго фронта вызывало решительные протесты со стороны Советского правительства. Оно неоднократно обращало внимание союзников на то обстоятельство, что гитлеровская Германия из-за отсутствия второго фронта имеет возможность отправлять на советско-германский фронт все новые и новые силы. Весной 1943 года на советско-германском фронте было сосредоточено уже около 200 немецких дивизий и до 30 дивизий союзников Германии.

Тем не менее на состоявшейся в мае 1943 года конференции в Вашингтоне союзники приняли решение о новой отсрочке второго фронта, теперь уже до весны 1944 года. Это решение было затем подтверждено на конференции в Квебеке в августе 1943 года. После свержения Муссолини в 1943 году союзники пытались вообще отстранить СССР от выработки и даже своевременного осведомления об условиях капитуляции. Но по настоянию Сталина все же вынуждены были информировать Москву, которая дала свое согласие на условия капитуляции Италии.

Советский Союз также придавал большое значение вопросам послевоенного устройства мира, установлению такого порядка в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии и обеспечивал бы безопасность народов, их свободу и независимость.

Одним из центральных вопросов конференции было согласование вопроса о встрече «большой тройки», необходимость в которой становилась все более очевидной. Сталин в этом вопросе занимал довольно неопределенную позицию. Хотя, конечно, выступал за проведение такой встречи. В послании Черчиллю в августе 1943 года он писал: «Я только что вернулся с фронта и успел уже познакомиться с посланием Британского

---

⁶⁷³ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2. М. 1958. С. 362.

Правительства от 7 августа.

Я согласен с тем, что встреча глав трех правительств безусловно желательна. Таковую встречу следует осуществить при первой же возможности, согласовав место и время этой встречи с Президентом.

Вместе с тем я должен сказать, что при данной обстановке на советско-германском фронте я, к сожалению, лишен возможности отлучиться и оторваться от фронта даже на одну неделю. Хотя мы имеем в последнее время на фронте некоторые успехи, от советских войск и советского командования требуется именно теперь исключительное напряжение сил и особая бдительность в отношении к вероятным новым действиям противника. В связи с этим мне приходится чаще, чем обыкновенно, выезжать в войска, на те или иные участки нашего фронта. При таком положении я не могу в данное время направиться для встречи с Вами и Президентом в Скапа-Флоу или в другой отдаленный пункт»⁶⁷⁴.

Трудно сказать, какие соображения лежали в основе нежелания Сталина выезжать далеко за пределы страны для встречи со своими партнерами по коалиции. Кроме тех соображений, о которых он писал Черчиллю, возможно, были иные мотивы. Некоторые российские авторы высказывали предположения (фактом это назвать трудно), что Сталин в 1943 году перенес инсульт. Может быть, по соображениям состояния здоровья он не желал совершать длительные поездки, особенно за границу. Косвенным подтверждением этого (хотя и не очень убедительным) может служить один пассаж из его послания Рузвельту уже в связи с выбором места проведения конференции в начале 1945 года. Тогда он сделал такое признание: «Поскольку в данное время врачи не советуют мне предпринимать большие поездки, я вынужден с этим считаться»⁶⁷⁵. В одном из посланий своим коллегам по коалиции Сталин жаловался на неблагоприятные последствия его полета в Тегеран. Тем самым не только намекая, но и прямо давая понять, что далеко от Москвы отлучаться он не намерен.

Немцы, со своей стороны всячески пытались муссировать слухи о болезни и даже смерти Сталина. Р. Иванов приводит примеры того, как распространялись подобные слухи или домыслы, которым пытались придать видимость достоверности. «Берлин вновь вернулся к вопросу о состоянии здоровья Сталина. На этот раз ссылка тоже делалась на Стокгольм. И, очевидно, не без оснований – апеллировать к мнению нейтрального Стокгольма было более убедительно, чем ссылаться на столицу какой-либо воюющей страны.

На этот раз речь шла о серьезной болезни Сталина. В сообщении

---

⁶⁷⁴ Переписка... Т. 1. С. 170 – 171.

⁶⁷⁵ Переписка... Т. 2. С. 176.

говорилось, что в конце февраля или в начале марта во время своей обычной ночной работы Сталин потерял сознание и упал, к ужасу дежурного секретаря, возле своего стола. Немедленно вызванные врачи установили, что обморок произошел вследствие переутомления. Сталин поправился после припадка лишь через несколько дней. Предполагают, что с ним был легкий удар, ибо сперва Сталин потерял речь.

В сообщении говорилось, что на экстренном заседании Политбюро царило почти паническое настроение, пока из Ленинграда не прибыл Жданов и не было решено сохранять случившееся в тайне и немедленно назначить заместителя Сталина на его посту Верховного главнокомандующего Красной Армией. Именно в этой связи следует рассматривать назначение Жукова.

После того, как Сталин оправился от удара, отмечалось в сообщении, врачи, настоятельно рекомендовали ему несколько месяцев отдыха, однако Сталин отклонил это предложение, ссылаясь на современную обстановку. Ворошилову Сталин будто бы заявил, что в связи с состоянием его здоровья, учитывая мнение врачей, что удар может повториться, он придает особенное значение самому быстрому продвижению Красной Армии.

Все эти сведения, говорилось в заключение информации, были получены иностранными журналистами Стокгольма из советских кругов Лондона, которые непрерывно поддерживают личный контакт с Кремлем»⁶⁷⁶.

В этом контексте не вызывает удивления то обстоятельство, что в преддверии встречи на высшем уровне, планировавшейся провести в Тегеране, Сталин попытался добиться от союзников согласия на то, чтобы его там представлял Молотов. В ноябре 1943 года он писал Рузвельту: «На меня возложены обязанности Верховного Главнокомандующего советских войск, и это обязывает меня к повседневному руководству военными операциями на нашем фронте. Это особенно важно в данное время, когда непрерывная четырехмесячная летняя кампания переходит в зимнюю и военные операции продолжают развиваться почти на всем фронте протяжением 2600 километров. При таком положении для меня, как Главнокомандующего, исключена возможность направиться дальше Тегерана. Мои коллеги в Правительстве считают вообще невозможным мой выезд за пределы СССР в данное время ввиду большой сложности обстановки на фронте.

Вот почему у меня возникла мысль, о которой я уже говорил г-ну Хэллу. Меня мог бы вполне заменить на этой встрече мой первый заместитель в Правительстве В.М. Молотов, который при переговорах будет пользоваться, согласно нашей Конституции, всеми правами главы Советского Правительства. В этом случае могли бы отпасть затруднения в выборе места встречи. Надеюсь, что это предложение могло бы в настоящее время нас

---

⁶⁷⁶ Роберт Иванов. Сталин и союзники 1941 – 1945 гг. С. 365.

устроить»⁶⁷⁷.

Но я несколько отвлекся, сконцентрировав внимание на том, как неохотно Сталин соглашался покидать Москву. Возвращаясь к непосредственному сюжету нашего изложения, следует отметить, что на московской конференции по-прежнему центральным был вопрос о скорейшем открытии второго фронта, а также подготовительные шаги для организации встречи трех лидеров.

В то время на территории Западной Европы военные действия почти не велись, и советским вооруженным силам, по существу, с первых же дней войны, пришлось сражаться один на один с полчищами гитлеровской армии. Вот почему вопрос об открытии союзниками второго фронта, который мог бы оттянуть 30 – 40 немецких дивизий с Восточного фронта, неоднократно выдвигался Советским правительством на протяжении 1941 – 1943 гг. сначала перед британским кабинетом, а после вступления в войну Соединенных Штатов в декабре 1941 года и перед американским правительством, став в этот период главным вопросом межсоюзнических отношений СССР с этими державами.

Однако в правящих кругах этих стран в основном господствовало отрицательное отношение к оказанию активной помощи СССР; цели этих кругов заключались в том, чтобы, переложив на Советский Союз основную тяжесть войны, максимально ослабить и обескровить его и сохранить свои собственные силы для завершающего этапа войны.

Поэтому, несмотря на достигнутую во время визита народного комиссара иностранных дел в Лондон и Вашингтон договоренность об открытии второго фронта в Европе еще в 1942 году, США и Великобритания продолжали оттягивать начало крупных операций на Западе, нарушая тем самым взятые ими на себя обязательства удовлетворить законное требование правительства СССР. Нарушение союзниками обязательств по открытию второго фронта вызывало решительные протесты со стороны Советского правительства. Оно неоднократно обращало внимание союзников на то обстоятельство, что гитлеровская Германия из-за отсутствия второго фронта имеет возможность отправлять на советско-германский фронт все новые и новые силы. Весной 1943 г. на советско-германском фронте было сосредоточено уже около 200 немецких дивизий и до 30 дивизий союзников Германии. Тем не менее на состоявшейся в мае 1943 г. конференции в Вашингтоне союзники приняли решение о новой отсрочке второго фронта, теперь уже до весны 1944 года.

На конференции в Москве серьезный спор возник по поводу фактического отказа Англии от осуществления договоренных поставок в Советский Союз. Сталин, не мешкая, направил английскому премьеру резкое

---

⁶⁷⁷ Переписка... Т. 2. С. 108.

и решительное послание, в котором было без всяких дипломатических экивоков заявлено: «...отправка военных грузов северным путем в этом году почему-то и без того сократилась в несколько раз по сравнению с прошлым годом, что делает невозможным выполнение установленного плана военного снабжения и находится в противоречии с соответствующим англо-советским протоколом о военных поставках. Поэтому в настоящее время, когда силы Советского Союза напряжены до крайности для обеспечения нужд фронта в интересах успеха борьбы против главных сил нашего общего противника, было бы недопустимым ставить снабжение советских армий в зависимость от произвольного усмотрения британской стороны. Такую постановку вопроса нельзя рассматривать иначе, как отказ Британского Правительства от принятых на себя обязательств и как своего рода угрозу по адресу СССР»⁶⁷⁸.

На самой конференции Сталин счел необходимым еще более резко выразить Идену свое недовольство линией поведения английского правительства. Иден сам поставил этот вопрос, считая советскую реакцию неоправданно жесткой и несправедливой. Сталин отвечал, что спор между ним и премьером происходил не по вопросу о том, безусловно ли можно осуществить отправку транспортов. Спор шел о том, что Великобритания не выполнила обязательства и не дает обещания, а просто заявляет. «Мы поняли это так, – говорил Сталин, – что англичане считают себя свободными от своих обязательств, которые они взяли по договору с нами, а отправку транспортов считают подарком нам или милостью. Это непереваримо для нас. Мы не хотим ни подарков, ни милости, но мы просто просим выполнить по мере возможности свои обязательства». Вторая сторона спора состоит в том, что Черчилль обиделся и не принял послания. Он, Сталин, понял это так, что Черчилль не хочет с ним переписываться⁶⁷⁹.

В ответ британский министр заявил, это не так. Черчилль телеграфировал ему, Идену, что лучше будет, если он, Иден, займется этим вопросом в Москве. Он переложил на мои плечи всю ответственность в этом деле. Черчилль не был оскорблен, скорее был задет. «Маршал Сталин, – говорит Иден, – умеет наносить крепкие удары, когда он захочет».

Сталин замечает: «Разве это удары» – и говорит, что у него не было намерения это сделать⁶⁸⁰.

Как видно из приведенного выше обмена заявлениями, Сталин твердо и последовательно отстаивал интересы Советской России, не поддаваясь на

---

⁶⁷⁸ Переписка... Т. 1. С. 206.

⁶⁷⁹ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. (19 – 30 октября 1943 г.) М. 1978. С. 131.

⁶⁸⁰ Там же. С. 131.

различного рода ухищрения и тщательно продуманные английской стороной меры воздействия на Москву. Для советского лидера важны были прежде всего дела, а не заявления и тожественные заверения. В данном контексте характерен следующий обмен репликами между Сталиным и Иденом. «Иден говорит, что премьер-министр хочет сделать все, что в его силах, для борьбы против немцев.

Сталин говорит, что он не сомневается в этом. Но премьер-министр хочет, чтобы ему доставались более легкие дела, а нам, русским, – более трудные. Это можно было сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать все время»⁶⁸¹.

В конце беседы с советским лидером английский министр спрашивает, каково мнение маршала Сталина о конференции. Удовлетворен ли он ее ходом?

Сталин отвечает, что Молотов говорит, что надо быть удовлетворенным ходом конференции. Сталин добавляет, что мы, во всяком случае, довольны тем, что надежды Гитлера на раскол между союзниками не оправдались⁶⁸².

Одним из позитивных результатов для Советской России итогов конференции явилось то, что Москва добилась от британской стороны согласия на заключение определенного вида договоров с другими странами, что диктовалось реально складывавшейся обстановкой. Причем, разумеется, речь шла не о каких-то сепаратных соглашениях с Германией и ее союзниками. Предложение Москвы сводилось к тому, что Советское правительство вместе с тем считает правом обоих государств, как Советского Союза, так и Соединенного Королевства, в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультации и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются вопросов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ними государств, как, например, СССР и Чехословакии⁶⁸³.

Во время обсуждения актуальных вопросов ведения войны и расширения и укрепления сотрудничества между союзниками Молотов по поручению Сталина еще раз акцентировал внимание партнеров по переговорам на позиции СССР относительно капитуляции Германии. Вот позиция Москвы, выраженная словами советского министра иностранных

---

⁶⁸¹ Там же. С. 218.

⁶⁸² Там же. С. 219.

⁶⁸³ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 172.

дел: «Мы считали и считаем, что переговоры могут быть только о капитуляции. Всякого рода другие переговоры – это несостоящие переговоры, они даже могут помешать решению главного вопроса. Во время теперешней войны переговоры могут идти не о перемирии, а только о капитуляции, о сдаче»⁶⁸⁴.

Согласно принятому на Московской конференции решению три правительства обязывались «немедленно информировать друг друга о всякого рода пробных предложениях мира», а также проводить консультации друг с другом для согласования действий в отношении подобных предложений. Это положение закреплено в совместной декларации участников конференции ⁶⁸⁵.

Подводя итог, следует подчеркнуть позитивные моменты, а не то, что разделяло союзников. Сталин проводил принципиальную и последовательную линию, идя на необходимые и порой неизбежные компромиссы не в ущерб, однако, коренным национальным интересам государства и активизации борьбы против фашистской Германии и ее сателлитов. Он продемонстрировал последовательность и неизменность общего курса нашей страны в укреплении антигитлеровской коалиции и расширении рамок взаимного сотрудничества. Не случайно Иден в телеграмме Черчиллю констатировал, что «русские представители искренне стремились к установлению с Великобританией и Соединенными Штатами дружественных отношений и что по многим вопросам они сделали все возможное, чтобы пойти навстречу взглядам англичан и американцев» ⁶⁸⁶.

Тегеранская конференция (ноябрь – декабрь 1943 г.)

Одним из ярких свидетельств поистине громадной работы Сталина в сфере реализации основных целей советской внешней политики в период Отечественной войны стало его активное участие в проведении Тегеранской конференции. Не будет преувеличением сказать, что эта его работа во многом предопределила положительные в целом результаты этой первой, а потому и чрезвычайно важной встречи «большой тройки». Чтобы в полной мере оценить его вклад в ход и исход конференции в Тегеране, стоит в суммарном виде осветить главные направления, на которых было сосредоточено

---

⁶⁸⁴ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 187.

⁶⁸⁵ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 347.

⁶⁸⁶ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 38.

внимание участников конференции.

На первом же заседании глав правительств Сталин задал своего рода камертон, который должен был настроить ее участников на эффективную и плодотворную работу и способствовать достижению столь необходимых договоренностей по принципиальным проблемам, стоявшим перед партнерами по коалиции. «Приветствуя конференцию представителей трех правительств, я хотел бы сделать несколько замечаний. Я думаю, что история нас балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе»⁶⁸⁷.

В ходе Тегеранской конференции был рассмотрен и решен ряд важнейших вопросов войны и мира, что обозначило историческое значение конференции в период второй мировой войны. Она сыграла значительную роль в самом важном вопросе – сплочении антигитлеровской коалиции для достижения окончательной победы в войне и в создании фундамента для дальнейшего развития и укрепления советско-англо-американских отношений.

Встреча в Тегеране убедительно показала, что, несмотря на коренное различие в политическом и социальном строе СССР, с одной стороны, и США и Англии – с другой, эти страны могли успешно сотрудничать в борьбе с общим врагом, искали и находили взаимоприемлемое решение возникавших между ними спорных вопросов, хотя зачастую подходили к этим вопросам с совершенно различных позиций.

Сталин, как дальновзоркий политик, обладавший широким кругозором и масштабным подходом к важнейшим проблемам своего времени, хорошо сознавал всю важность налаживания всесторонних отношений с союзниками по коалиции. Боевое и политическое сотрудничество Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в годы второй мировой войны является одним из величайших уроков истории, который нельзя предать забвению. Документы и материалы конференции (записи бесед Сталина с лидерами США и Англии, а также краткая стенограмма общих совещаний и, разумеется, принятые согласованные решения) свидетельствуют об упорной борьбе, которую он вел на конференции за ускорение разгрома гитлеровской Германии, за сокращение сроков тяжелой и кровопролитной войны. Они показывают, что эта борьба увенчалась полным успехом, что именно в Тегеране был в конце концов установлен точный срок открытия союзниками второго фронта во Франции и отвергнута английская «балканская стратегия», ведшая к затягиванию войны и увеличению числа ее

---

⁶⁸⁷ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М. 1978. С. 93.

жертв и бедствий. Принятие конференцией решения о нанесении гитлеровской Германии совместного и окончательного удара полностью соответствовало интересам всех стран, входивших в антигитлеровскую коалицию.

Тегеранская конференция наметила контуры послевоенного устройства мира, достигла единства взглядов по вопросам обеспечения международной безопасности и прочного мира, положила начало справедливому решению польского вопроса – одного из трудных вопросов, осложнявших отношения трех союзных держав.

Встреча в Тегеране оказала весьма положительное влияние на межсоюзнические отношения, укрепила доверие и взаимопонимание между ведущими державами антигитлеровской коалиции. В целом можно констатировать, что решения и договоренности, достигнутые на Тегеранской конференции, способствовали укреплению боевого союза СССР, США и Великобритании, а также сплочению всех стран и народов, входивших в антифашистскую коалицию.

Сталин следующим образом оценил значение решений Тегеранской конференции:

«Решение Тегеранской конференции о совместных действиях против Германии и блестящая реализация этого решения представляют один из ярких показателей упрочения фронта противогитлеровской коалиции. Мало найдется в истории планов больших военных операций о совместных действиях против общего врага, которые были бы осуществлены с такой полнотой и точностью, с какой был осуществлен план о совместном ударе против Германии, выработанный на Тегеранской конференции. Не может быть сомнения, что без наличия единства взглядов и согласованности действий трех великих держав Тегеранское решение не могло быть реализовано с такой полнотой и точностью. Несомненно также, с другой стороны, что успешное осуществление Тегеранского решения не могло не послужить делу упрочения фронта Объединенных Наций»⁶⁸⁸.

Сталин не раз затрагивал вопрос о разногласиях, которые существовали между союзниками и Москвой. Но публично он на этих разногласиях акцента не делал по вполне очевидным причинам: необходимо было в той обстановке на первый план выдвигать вопросы укрепления сплоченности и согласованности действий, а не об их разногласиях и противоречиях. Касаясь данной проблемы, он подчеркивал: «Говорят о разногласиях между тремя державами по некоторым вопросам безопасности. Разногласия, конечно, есть, и они будут еще также и по ряду других вопросов. Разногласия бывают даже среди людей одной и той же партии. Тем более они должны иметь место среди представителей различных государств и различных партий. Удивляться

---

⁶⁸⁸ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 162 – 163.

надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трех великих держав. Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трех великих держав и в конечном счете разрешаются по линии интересов этого единства. Известно, что более серьезные разногласия существовали у нас по вопросу открытия второго фронта. Однако известно также и то, что эти разногласия были разрешены в конце концов в духе полного согласия»⁶⁸⁹.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав проходила в обстановке выдающихся побед советских вооруженных сил, приведших к завершению коренного перелома в ходе не только Отечественной войны Советского Союза, но и всей второй мировой войны. Однако фашистская Германия еще оставалась сильным противником. Она по-прежнему распоряжалась ресурсами почти всей Европы, удерживала часть захваченной ею советской земли. Для окончательной победы необходимо было величайшее напряжение всех сил советского народа.

Результаты и последствия побед Советской Армии вышли далеко за пределы советско-германского фронта, кардинально изменили военно-политическую обстановку в мире, а также расстановку и соотношение сил на международной арене. К концу 1943 года победа союзных стран над общим врагом значительно приблизилась, а отношения между ними окрепли и упрочились. Масштаб военных операций западных союзников СССР был, конечно, несопоставим с боевыми действиями советских войск. Высадившимся в Италии после ее капитуляции в сентябре 1943 года англо-американским войскам противостояло всего лишь 9 – 10 немецких дивизий, в то время как на советско-германском фронте против советских войск действовали 260 дивизий противника, из которых 210 были немецкие⁶⁹⁰. Надо добавить, что военные действия Англии и США в Италии (единственном месте в Европе, где союзные войска находились в соприкосновении с противником после изгнания итало-германских войск из Северной Африки и Сицилии) развивались медленно и не очень успешно.

Вполне естественно – и Сталин настаивал на этом весьма твердо – основное внимание на конференции было уделено проблемам дальнейшего ведения войны антигитлеровской коалицией. В этой связи детально рассмотрению подвергся вопрос о создании против Германии второго фронта в Европе. Сталин исходил из того, что важнейшим звеном в системе принципов стратегии антигитлеровской коалиции должна быть координация

---

⁶⁸⁹ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 163 – 164.

⁶⁹⁰ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 7 – 8.

военных операций против главного противника, нанесение ему совместных ударов одновременно с нескольких сторон. Это предполагало открытие военных действий в Западной Европе в дополнение к основной борьбе, которая велась на советско-германском фронте.

Сталин считал, далее, что союзные войска должны высадиться на европейском континенте в таком месте, которое дало бы возможность создать для противника действительную, а не мнимую угрозу, поставить под удар его важнейшие военно-промышленные объекты, и в первую очередь Рур, достичь быстрых и эффективных результатов. Таким местом советский лидер считал Францию. Эту линию он последовательно и твердо отстаивал на Тегеранской конференции. Позиция Советского Союза в вопросе о втором фронте против гитлеровской Германии была изложена Сталиным на Тегеранской конференции предельно четко. СССР считает, заявил глава советской делегации, что «наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции», которая является «наиболее слабым местом Германии».

Советское правительство и советский Генеральный штаб рассматривали операции в районе Средиземного моря как операции второстепенного значения, считая, что итальянский театр имеет значение лишь для обеспечения свободного плавания судов союзников в Средиземном море, но он совершенно непригоден для наступления непосредственно на Германию, так как путь в этом направлении закрывают Альпы⁶⁹¹.

Развивая свою идею, Сталин говорил: «Мы, русские, считаем, что наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии. Было бы хорошо, если бы Турция была готова открыть путь для союзников. С Балкан все-таки было бы ближе к сердцу Германии. Тут не преграждают путь ни Альпы, ни Канал. Но наиболее слабым местом Германии является Франция. Конечно, это трудная операция и немцы во Франции будут бешено защищаться, но все же это самое лучшее решение. Вот и все мои замечания»⁶⁹².

Британский же премьер-министр стремился к проникновению союзников на Балканы, чтобы заранее подготовить там себе прочные позиции в дальнейшем торге с Советской Россией. Причем надо заметить, что антисоветская и по существу антирусская направленность английской «балканской стратегии» становилась все более явной по мере того, как приближалась перспектива освобождения народов этого района советскими войсками. «Всякий раз, – говорил президент Рузвельт своему сыну в

---

⁶⁹¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 96 – 97.

⁶⁹² Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 97.

Тегеране, – когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...»⁶⁹³.

Сталину приходилось преодолевать упорнейшее сопротивление главы британского кабинета. Он не устал приводить все доводы и аргументы, чтобы склонить Англию к согласию по вопросам места и сроков высадки во Франции. В беседе с Черчиллем 30 октября 1943 г. Сталин говорил, что Красная Армия рассчитывает на осуществление десанта в Северной Франции. Он боится, что если этой операции в мае месяце не будет, то ее не будет вообще, так как через несколько месяцев погода испортится и высадившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере. Если же эта операция не состоится, то он должен предупредить, что это вызовет большое разочарование и плохие настроения. Он опасается, что отсутствие этой операции может вызвать очень нехорошее чувство одиночества. Поэтому он хочет знать, состоится операция «Оверлорд» или нет. Если она состоится, то это хорошо, если же не состоится, тогда он хочет знать об этом заранее для того, чтобы воспрепятствовать настроениям, которые отсутствие этой операции может вызвать. Это является наиболее важным вопросом⁶⁹⁴.

Существенным моментом в стратегии Сталина сломить сопротивление Черчилля и добиться его согласия на высадку во Франции явилось обещание предпринять в это время наступление Красной Армии. Советский лидер следующим образом аргументировал свое предложение. Как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия, в свою очередь, перейдет в наступление. Если бы было известно, что операция состоится в мае или в июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу. Сталин говорит, что наиболее подходящим моментом является весна. В течение марта и апреля на фронте обычно бывает передышка, войска могли бы отдохнуть.

Можно было бы подвезти боеприпасы, и к моменту начала высадки в Северной Франции можно было бы нанести немцам удары, которые не позволили бы им перебрасывать войска во Францию. Пока же положение таково, что немцы перебрасывают свои войска на восточный фронт и они будут продолжать их перебрасывать. Немцы очень боятся нашего продвижения к германским границам, они понимают, что их не отделяет от нас ни Канал, ни море. С востока имеется возможность подойти к Германии. В то же время немцы знают, что на западе их защищает Канал, затем нужно

---

⁶⁹³ Эллиот Рувельт. Его глазами. С 186 – 187.

⁶⁹⁴ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 139.

пройти территорию Франции для того, чтобы подойти к Германии. Немцы не решатся перебрасывать свои войска на запад, в особенности если Красная Армия будет наступать, а она будет наступать, если она получит помощь со стороны союзников в виде операции «Оверлорд» (кодовое название операции по высадке – Н.К.).

Сталин говорит, что он все-таки хотел бы знать от Черчилля дату начала операции «Оверлорд».

Черчилль отвечает, что он этого сейчас сказать не может...⁶⁹⁵

В предварительном плане обсуждался вопрос о будущем Германии и ряд проблем, связанных с этим. Я приведу небольшой пассаж из протокола заседаний, чтобы у читателя сложилось ясное представление о позиции сторон. Итак:

«Черчилль. Было бы хорошо здесь, за круглым столом, ознакомиться с мыслями русских относительно границ Польши. Мне кажется, что тогда Иден или я могли бы их изложить полякам. Мы полагаем, что Польшу следует удовлетворить, несомненно, за счет Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восстановлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России.

Сталин. Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские – к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской конституцией. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным.

Рузвельт. Возможно ли будет организовать в добровольном порядке переселение поляков с территорий, отошедших к Советскому Союзу?

Сталин. Это можно будет сделать. Какие еще вопросы имеются для обсуждения?

Рузвельт. Вопрос о Германии.

Сталин. Какие предложения имеются по этому поводу?

Рузвельт. Расчленение Германии.

Черчилль. Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Рузвельт. Чтобы стимулировать нашу дискуссию по этому вопросу, я хотел бы изложить составленный мною лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств.

Черчилль. Я хотел бы подчеркнуть, что корень зла Германии –

---

⁶⁹⁵ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 139 – 140.

Пруссия»⁶⁹⁶.

И далее Рузвельт подробно изложил свой план расчленения Германии на пять независимых государств. Сталин отреагировал на это достаточно осторожно и, можно сказать, двойственно. С одной стороны, еще в 1942 году он четко определил позицию Советского Союза в отношении будущего Германии. Тогда он в докладе в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции заявил: «У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство – можно и должно. Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей»⁶⁹⁷.

Эта позиция отражала принципиальный подход Советского Союза к проблеме, и думается, что советский вождь не намерен был его менять. Однако обстановка того времени, прежде всего потребность сужать, а не расширять сферы разногласий с союзниками, диктовала Сталину необходимость проявлять гибкость и до поры до времени не формулировать в окончательном виде свою точку зрения по этому вопросу. Поэтому на разных этапах обсуждения данной проблемы он занимал весьма гибкую позицию, оставляя за собой возможность подвергнуть ее корректировке в дальнейшем. Такая тактика была правильна и вполне применима с такими прожженными политиками, каким был Черчилль.

Исключительно важной со всех точек зрения была твердая позиция Сталина по вопросу о восточных границах СССР, а также по вопросу о границах Польши. На конференции Черчилль внес такое предложение: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах»⁶⁹⁸.

Для Сталина важно было добиться того, чтобы Советская Россия присоединила к своей территории часть Восточной Пруссии. Поэтому он поставил принятие Англией данного пункта в качестве условия одобрения советской стороной предложения Черчилля. Он заявил буквально следующее: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что

---

⁶⁹⁶ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 165.

⁶⁹⁷ *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 75.

⁶⁹⁸ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 167.

исторически – это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем.

Черчилль. Это очень интересное предложение, которое я обязательно изучу»⁶⁹⁹.

Без всякого преувеличения можно сказать, что это было колоссальное по своим последствиям и по своей важности в широкой исторической перспективе достижение сталинской дипломатии. В окончательном виде все эти вопросы были одобрены на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Сталин имел все основания считать, что он в принципе уже в Тегеране добился восстановления исторической справедливости. Более того, это явилось органической составной частью его общей стратегии восстановления прежних (до первой мировой войны) границ России. А в ряде случаев и дальнейшего расширения территорий, владение которыми укрепляло безопасность страны или являлось восстановлением исторической справедливости (возвращение Южного Сахалина).

Чтобы укрепить свои позиции среди союзников и заинтересовать их в дальнейшем развитии сотрудничества с Россией, Сталин дал обещание после разгрома Германии вступить в войну против Японии, чтобы помочь США скорее завершить эту достаточно обременительную для них войну. Советский лидер не ставил пока никаких предварительных условий, поскольку время для этого еще не созрело и на очереди дня стояли другие более злободневные для нас вопросы. Он лишь подчеркнул, что, к сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на западе и у нас не хватит сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом против Японии⁷⁰⁰.

Конференция завершилась принятием декларации трех держав и ряда других документов. Финальная часть декларации звучала весьма эмоционально и проникновенно: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию

---

⁶⁹⁹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 167.

⁷⁰⁰ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 95.

тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели»⁷⁰¹.

Крымская (Ялтинская) конференция (февраль 1945 года)

Долгожданный второй фронт вооруженной борьбы США и Великобритании против Германии в 1944 – 45 гг. в Западной Европе открыт 6 июня 1944 г. высадкой англо-американских экспедиционных сил на территорию Северо-Западной Франции. На Тегеранской конференции 1943 года союзники обещали открыть второй фронт в мае 1944 года, однако и этот срок был сдвинут на 6 июня 1944 г. Правительства США и Великобритании преднамеренно затягивали создание второго фронта, руководствуясь целями своей политики: добиться истощения Советского Союза и Германии и таким путём установить своё господство в Европе и во всём мире. Вторым фронтом был открыт, когда в результате побед Советских Вооруженных Сил произошёл коренной перелом в войне, когда стало очевидным, что Советский Союз один сможет завершить разгром Германии и помочь народам Европы освободиться от гитлеровского ига и что такой исход войны укрепит позиции Советской России и ослабит позиции западных держав.

После высадки в Нормандии англо-американские войска, имея подавляющее превосходство в силах и используя благоприятную обстановку (к началу июля на советско-германском фронте действовало 235, на западном фронте – 65 дивизий противника), провели ряд успешных операций. Вторым фронтом сыграл положительную роль в вооруженной борьбе против фашистского блока. Однако и после его открытия решающим фронтом 2-й мировой войны оставался советско-германский фронт. За 2-ю половину 1944 года сюда из стран Европы немецкое командование перебросило 59 дивизий и 13 бригад, а с него на Запад – только 12 дивизий и 5 бригад. В январе 1945 года советским войскам противостояли 195 дивизий, союзным войскам в Западной Европе – 74 дивизии противника⁷⁰². Советская Армия в ходе наступления 1944 – 45 гг. не только разгромила основные силы вермахта, но и сорвала планы гитлеровского командования на Западе, оказав тем самым огромную помощь союзникам.

Несмотря на это, а может быть, учитывая все факторы, Сталин дал весьма высокую оценку высадке союзных войск в Нормандии. Отвечая на вопросы корреспондента газеты «Правда» 13 июня 1944 г., он заявил:

---

⁷⁰¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 175.

⁷⁰² См. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Энциклопедия. С. 193.

«Подводя итоги семидневных боев освободительных войск союзников по вторжению в Северную Францию, можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и массовая высадка десантных войск союзников на севере Франции удалась полностью. Это – несомненно, блестящий успех наших союзников.

Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения.

Как известно, „непобедимый“ Наполеон в свое время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он проведет форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск.

История отметит это дело как достижение высшего порядка»⁷⁰³.

Конечно, это оценка Сталина, хотя в целом и соответствовала действительности, но вместе с тем отдавала дань дипломатическим соображениям. Ведь к тому времени стало более чем очевидным, что гитлеровский рейх вступил в полосу своего окончательного краха. Но без высадки союзников война могла продлиться, принося на алтарь победы все новые и новые жертвы. Открытие второго фронта, несомненно, приблизило крушение Германии и спасло немало жизней как советских людей, так и союзников. Хотя к тому времени было более чем очевидно, что и без помощи союзников в виде открытия второго фронта наша страна уже приближалась к победе над фашистской Германией и ее сателлитами, которых становилось все меньше по мере нарастания наступления наших войск на Запад. Это признал даже такой деятель, как британский премьер Черчилль. В послании Сталину от 27 сентября 1944 г. он весьма образно определил роль Советской Армии в достижении решающих успехов в войне против Германии. «Я был весьма рад, узнав от Посла сэра А. Кларка Керра о той похвале, с которой Вы отозвались о британских и американских операциях во Франции. Мы весьма ценим такие высказывания, исходящие от вождя героических русских армий. Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что **именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины** (выделено мной – Н.К.) и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»⁷⁰⁴.

---

⁷⁰³ *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 148 – 149.

⁷⁰⁴ Переписка... Т. 1. С. 305.

Кажется, что лучше и не скажешь. В этой связи представляются неубедительными и даже смешными попытки отрицать решающую роль Советского Союза в достижении победы над Германией. А такие мысли впоследствии не раз высказывал сам же британский премьер, противореча сам себе, поскольку, на его взгляд, политические расчеты превалировали над истиной и исторической правдой. Этой линии он придерживался последовательно.

Блестящие успехи советских войск вызывали восхищение у всех народов, боровшихся против фашизма. Престиж и авторитет нашей страны с каждым днем становился все более высоким. Сталин, который руководил страной и ее героической борьбой против агрессоров, к тому времени также приобрел колоссальный личный авторитет. Здесь я хочу привести оценку, содержащуюся в работе Р. Иванова, которая вполне созвучна не только и не столько моему личному мнению, но – и это самое главное – исторической истине. «Авторитет Сталина в мировом масштабе, несмотря на обострение отношений с союзниками, укреплялся по мере приближения окончания войны в Европе, – писал Р. Иванов. –

Складывалась совершенно новая расстановка сил не только на Европейском континенте, но и в мировом масштабе. И в центре этих событий стояла фигура Сталина, что заставляло и его сторонников, и противников пытаться понять причины стремительного возвышения авторитета и влияния советского руководителя.

Реакция других членов Большой тройки на быстрый рост авторитета Сталина на международной арене была отнюдь не позитивной. И дело, конечно, было не в какой-то зависти, повышенной амбициозности Черчилля и Рузвельта. Каждый из них внес свой большой личный вклад в общее дело победы и заслужил позитивную оценку современников и потомков.

Вопрос был в другом. Сталин становился символом советской победы над фашизмом, освобождения оккупированных Германией европейских стран. Рост авторитета советского руководителя был равнозначен укреплению международных позиций Советского Союза, перегруппировке сил в геополитическом масштабе в пользу СССР. Реакция Черчилля и Рузвельта на этот процесс не могла быть положительной»⁷⁰⁵.

В такой вот обстановке и состоялась Ялтинская конференция. Бесспорно, авторитет и престиж советского лидера оказывали какое-то влияние на ход обсуждения стоявших перед лидерами трех стран проблем. Однако не это в конечном счете предreshало то или иное решение. По-прежнему шла напряженная борьба по многим обсуждавшимся вопросам, и здесь авторитеты отходили на второй план. Ведь речь шла не о состязании личностей, а о коренных интересах трех ведущих стран мира. И правила

---

⁷⁰⁵ Роберт Иванов. Сталин и союзники. 1941 – 1945 гг. С. 412 – 413.

политической игры здесь были совершенно иные, чем, скажем, в предвыборной борьбе. И нужно сказать, что Сталин и на Ялтинской конференции проявил себя твердым и последовательным борцом за государственные интересы страны. По всем принципиальным вопросам он был непреклонен, что, конечно, не означает, будто ему не приходилось считаться с мнениями своих партнеров по переговорам, идти на компромиссы, когда это было не только необходимо, но и неизбежно. Для Сталина переговоры с союзниками были полем борьбы, в которой надо было зафиксировать результаты победы. И здесь он проявил все свои качества умного, широко мыслящего и дальновидного государственного и политического деятеля. Он исходил не только из текущих интересов, но и смотрел далеко вперед, поскольку сознавал, что окончание войны еще не означает конца борьбы за государственные интересы страны. Просто эта борьба принимала новые формы и требовала не только твердости, но и гибкости, ибо он имел дело с опытнейшими политическими бойцами, какими показали себя Черчилль и Рузвельт. Новые нюансы, без скрупулезного учета которых трудно было рассчитывать на достижение необходимых результатов, вносила и стремительно менявшаяся международно-политическая обстановка. Выиграть войну было трудно, но отнюдь не просто и легко было закрепить ее итоги.

В период подготовки Ялтинской конференции снова возник вопрос о том, что Сталин не имеет возможности далеко отъезжать от Москвы. На этот раз есть прямые свидетельства, исходящие от самого Сталина. Накануне приезда Черчилля в Москву в октябре 1944 года (это был его второй и последний визит в столицу России) премьер Англии писал Рузвельту: «...Во время разговора с Кларком Керром и Гарриманом (послы Англии и США в СССР – Н.К.) вечером Д. Дж. (так между собой союзники называли Сталина – Н.К.) держался приветливо и дружелюбно. Однако „жаловался на свое здоровье“. Он сказал, что чувствует себя хорошо только в Москве и что даже его поездки на фронт были ему вредны. Его врачи возражают против того, чтобы он летал на самолете; после поездки в Тегеран он в течение двух недель не мог оправиться и т.д.»⁷⁰⁶. Кроме того, лично сам Сталин в послании Черчиллю от 30 сентября 1944 г. завел речь о состоянии своего здоровья. «Конечно, у меня имеется большое желание встретиться с Вами и с Президентом, – писал он. – Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела. Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться»⁷⁰⁷.

---

⁷⁰⁶ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 5 – 6. С. 442.

⁷⁰⁷ Переписка... Т. 1. С. 307.

Разумеется, трудно судить, насколько искренни и обоснованны были ссылки Сталина на врачей и вообще на свое состояние здоровья. Возможно, это и соответствует действительности. Однако за этим могло скрываться и его желание провести намеченную встречу в верхах не где-то за пределами России, а в пределах нашей страны.

Как уже упоминалось выше, в октябре Черчилль посетил с визитом Москву, где вел довольно тяжелые переговоры относительно Польши и вообще о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Именно тогда произошел знаменитый «эпизод с процентами», когда глава британского правительства предложил разделить здесь сферы влияния.

Во время очередной встречи с советским лидером Черчилль положил на стол лист бумаги и сказал, согласно первоначальной английской записи, что этот «грязный документ» содержит список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав и что американцы, если узнают, то будут поражены той грубостью, с которой он его изложил, но господин Сталин – реалист и поймет, о чем идет речь. Из содержания документа следовало, что Черчилль предложил раздел «сфер влияния» на Балканах в следующем процентном соотношении: Румыния – 90 % влияния России, 10 % – другие; Греция – 90 % влияния Англии (в сотрудничестве с США), 10 % – другие; Югославия и Венгрия – 50 на 50 %; Болгария – 75 % влияния России, 25 % – другим странам. Позднее Черчилль говорил Идену, что «забыл» про Албанию, которую следует также разделить 50 на 50 %. «Процентное соглашение», предложенное Черчиллем, не было неожиданностью для Сталина, как и то, что ключевым при этом являлся вопрос о Греции. Затем, по свидетельству очевидцев, произошло следующее: Сталин поставил синим карандашом галочку на документе и вернул его Черчиллю. Наступила пауза. Листок лежал на столе. После некоторой паузы премьер произнес: «Не будет ли сочтено слишком циничным, что мы так запросто решили вопросы, затрагивающие миллионы людей. Давайте лучше сожжем эту бумагу». – «Нет, держите ее у себя», – сказал Сталин. Черчилль сложил листок пополам и спрятал его в карман. Любопытно, что содержащиеся в первоначальной английской записи «проценты», их объяснение и оценка («грязный документ») при подготовке этого документа для ознакомления членов кабинета министров были изъяты. Впервые о листке с «процентами» было рассказано в мемуарах У. Черчилля⁷⁰⁸.

Ялтинская конференция состоялась 4 – 11 февраля в Ливадии (близ Ялты) в период, когда в результате мощных наступательных ударов Советской Армии, перенёсшей военные действия на германскую территорию, война против Германии вступила в завершающую стадию. Успехи союзников в Западной Европе были во многом предопределены победами СССР на

---

⁷⁰⁸ О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. С. 417.

советско-германском фронте, в значительной степени подорвавшими ко времени высадки союзных войск во Франции военную и экономическую мощь Германии. После открытия второго фронта Советский Союз по-прежнему вносил главный, решающий вклад в борьбу с фашистской агрессией. Ялтинская конференция во многом благодаря усилиям и активности Сталина приняла решения исторического значения не только по военным вопросам, но и по вопросам послевоенного устройства мира. Она показала полную возможность эффективного военного и политического сотрудничества государств с различным социальным строем. Несмотря на серьезные разногласия по ряду вопросов между СССР, с одной стороны, и США и Англией – с другой, эти страны достигли на конференции согласованных и взаимоприемлемых решений по важнейшим обсуждавшимся вопросам.

Ход и итоги конференции свидетельствуют о настойчивой борьбе советской дипломатии во главе со Сталиным за обеспечение подлинной безопасности Советского Союза так же, как и безопасности народов Европы и всего мира; за тесное сотрудничество трех держав в ведении войны и в послевоенном устройстве мира; за создание эффективной международной организации, призванной обеспечивать мир и безопасность, на равноправной основе; за право польского, югославского и других народов Восточной и Юго-Восточной Европы на социальный прогресс и демократическое развитие.

В преддверии Ялтинской конференции на Западном фронте произошли драматические события. Воспользовавшись пассивностью союзных войск, гитлеровское командование сосредоточило в районе Арденн (Бельгия) значительную группировку сил и 16 декабря 1944 г. предприняло крупное контрнаступление. В результате прорыва фронта в Арденнах англо-американские войска оказались в довольно тяжелом положении. Как указывает автор английской официальной истории второй мировой войны Дж. Эрман, «общее положение зимой 1944/45 года характеризовалось не только тем, что на западном фронте союзники зашли в тупик, но и тем, что под угрозой провала оказались все их оперативные планы в Европе»⁷⁰⁹.

В такой критической обстановке глава британского кабинета обратился к Сталину с призывом оказать помощь союзникам посредством наступления на русском фронте, чтобы отвлечь силы немцев с Западного фронта, в частности из района Арденн. В его послании, которое звучало весьма тревожно, отмечалось: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после

---

⁷⁰⁹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945. М. 1958. С. 53.

временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть... Я считаю дело срочным»⁷¹⁰.

Сталин, как говорится, не медлил ни минуты. Он сразу же ответил посланием, содержание которого сводилось к тому, что наша армия готова оказать немедленную помощь союзникам. «...Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»⁷¹¹.

Это обещание было выполнено не только менее чем через неделю, что, разумеется, было не так просто. 12 января 1945 г. на войска вермахта на советско-германском фронте обрушился удар огромной силы на 500-километровом фронте. 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты при содействии соседних фронтовых объединений за 23 дня продвинулись на 500 км, вышли на Одер, захватили плацдарм на его западном берегу и оказались на подступах к Берлину. 13 января 2-й и 3-й Белорусские, часть сил 1-го Прибалтийского фронта и Балтийский флот начали Восточно-Прусскую операцию, и в начале февраля 2-й Белорусский фронт отрезал Восточную Пруссию от Германии. Гитлеровцам был нанесен невосполнимый урон: 35 вражеских дивизий было уничтожено, а 25 потеряли от 50 до 70 процентов своего состава. Гитлеровское командование было вынуждено перебросить с Западного фронта большое число дивизий, что фактически спасло положение союзников.

Российский автор А.С. Орлов придерживается мнения, что наступление советских войск в январе 1945 года имело не только военно-стратегическое, но и, главным образом, политическое значение. Если Черчиллю важно было переключить усилия вермахта на Восточный фронт и избежать потерь, чтобы не оправдываться перед парламентом (а Рузвельту перед конгрессом), то Сталину нужен был стратегический успех на фронте, чтобы повторить в Ялте триумф Тегерана, где ему удалось расколоть единый фронт американцев и англичан, склонив Рузвельта на свою сторону обещанием «ударить вместе»

---

⁷¹⁰ Переписка... Т. 1. С. 348 – 349.

⁷¹¹ Переписка... Т. 1. С. 349.

по Японии после окончания войны в Европе, что стало решающим аргументом в открытии второго фронта в июне 1944 года⁷¹². На мой взгляд, в какой бы плоскости мы ни рассматривали данный важный эпизод в союзнических отношениях, самое главное состоит в том, что Сталин немедленно отреагировал на просьбу союзников. И особенно разительным это выглядит на фоне того, как сами союзники под всевозможными – реальными или надуманными – предлогами оттягивали открытие второго фронта в Европе. Как говорится, есть что с чем сравнить!

Вообще следует подчеркнуть одну фундаментальную особенность в развитии союзнических отношений, которая все больше проявлялась по мере приближения краха гитлеровской Германии. Правящие круги США и Англии по-прежнему исходили из того, что после окончания войны их страны будут занимать господствующее положение в мире. Именно этим объясняется усиление на заключительном этапе войны антисоветских тенденций в их политике, направленной на противодействие росту влияния Советского Союза. Без учета этого обстоятельства невозможно дать исторически верное объяснение многих их действий.

Сталин как раз уловил кардинальные перемены в военно-политической стратегии западных держав и сделал из этого надлежащие выводы. Новые условия диктовали необходимость новых подходов и внесения коррективов в его внешнеполитическую стратегию и тактику, что и было блестяще им продемонстрировано в ходе Ялтинской конференции. Сложившаяся военная и внешнеполитическая обстановка к началу 1945 года требовала от трех союзных держав – СССР, США и Англии – неотложного решения таких вопросов, как согласование их военных планов в целях окончательного разгрома фашистской Германии; выработка общих принципов обращения союзников с Германией после ее поражения; решение вопроса о скорейшем завершении войны с Японией; создание всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности; политика трех держав в отношении освобожденной Европы; будущее Польши и ее границы и другие вопросы.

Одним из центральных вопросов, подлежавших решению на конференции, был вопрос о будущем Германии. Выше уже отмечалось, что США выступили за расчленение Германии на пять государств. Позднее этот план был конкретизирован и получил название «плана Morgenthau» – министра финансов США. План Morgenthau предусматривал раздел Германии на два независимых государства и создание международной зоны под управлением международного органа, в которую входили бы Рур, Кильский канал и вся немецкая территория к северу от Кильского канала⁷¹³. Англия

---

⁷¹² См. «Новая и новейшая история». 2005 г. № 2. С. 5.

⁷¹³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и

предложила еще ранее расчленение Германии на три государства.

Каковы же были мотивы западных держав в этом вопросе? Прежде всего они видели в Германии своего соперника и опасного конкурента на мировом рынке, стремились к ее максимальному ослаблению. Важную роль приобретало и другое соображение, определявшее позицию партнеров Москвы по коалиции. Германский вопрос имел для них еще и новый важный аспект: возможность использования Германии в будущем в антисоветских целях. По мере приближения конца войны и все большего усиления военной мощи Советского Союза и его международного влияния в результате одержанных им побед США и Англия стали придавать этому аспекту германского вопроса самое серьезное значение. В английских и американских реакционных кругах начали вынашиваться планы создания после войны блока западноевропейских государств, включая Англию, Францию, Бельгию и другие страны, в качестве превентивной меры против Советского Союза. В дальнейшем в проектируемый западный блок предполагалось включить и Германию.

И хотя, как уже отмечалось выше, Сталин занимал принципиально иную позицию по вопросу расчленения Германии, он в тактических соображениях на Ялтинской конференции сделал вид, что поддерживает идею расчленения. Решением конференции была создана комиссия по разработке конкретного плана реализации идеи расчленения.

Однако когда комиссия по расчленению Германии начала свою работу в Лондоне, представитель СССР 26 марта 1945 г. по поручению Сталина направил председателю комиссии Идену письмо со следующим разъяснением: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными». Для ориентации своего представителя Советское правительство сообщало: «Англичане и американцы, которые первые поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения»⁷¹⁴.

Важную роль сыграл Сталин и в вопросе о признании Французского комитета национального освобождения во главе с де Голлем, что означало мощную поддержку Франции, в которой она в то время остро нуждалась. США и Великобритания в течение длительного времени занимали враждебную позицию в отношении ФКНО, преобразованного затем во Временное правительство Франции, и лично генерала де Голля. Политика

Великобритании 4 – 11 февраля 1945 г. Сборник документов. М. 1979. С. 18.

⁷¹⁴ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 22 – 23.

последнего, ставившая своей целью возрождение значения и авторитета Франции, во многих отношениях не устраивала западных союзников, рассчитывавших на то, что после войны Франция превратится во второстепенную державу и будет находиться от них в политической и экономической зависимости.

Однако в связи с планами создания западного блока, в котором значительная роль отводилась Франции, английское и американское правительства готовы были пересмотреть принятые решения с тем, чтобы предоставить зону оккупации и место в Контрольном Совете для Германии четвертой державе – Франции. Правящие круги США и Англии хотели использовать Францию и Французское Временное правительство во главе с де Голлем в своих интересах с целью обеспечения «стабильности» и «поддержания мира в Европе»⁷¹⁵.

Большое значение в укреплении международного престижа Франции имел Договор о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией от 10 декабря 1944 г. – первый союзный договор, подписанный Временным правительством Франции с одной из трех главных держав антигитлеровской коалиции. Временное правительство Франции во главе с де Голлем, стоявшее на реалистических позициях, понимало, что Франция не может вести исключительно западную политику. 21 ноября 1944 г. министр иностранных дел Франции Ж. Бидо подчеркнул, что «нельзя построить Европу без участия Советского Союза, без признания большого значения усилий его народов и тех жертв, которые они принесли... Эти жертвы были принесены также немного и для нас; мы знаем это, и мы не сможем этого забыть... Никогда Франция не согласится быть связанной только с Западом... У нас были и имеются еще культурные, моральные и политические интересы на Востоке Европы...»⁷¹⁶.

В ходе конференции Сталин недвусмысленно заявил, что Советский Союз заинтересован в том, чтобы у Франции была сильная армия. Об этом Советское правительство говорило раньше с Францией Даладьё и в последнее время с Францией де Голля. Он, Сталин, за великую Францию⁷¹⁷.

На Ялтинской конференции во время переговоров между Сталиным и Рузвельтом была достигнута в принципе договоренность о политических условиях вступления СССР в войну против Японии. Давая согласие вступить в войну против Японии, Советский Союз выполнял свой союзнический долг. Он руководствовался стремлением сократить срок окончания войны,

---

⁷¹⁵ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 24.

⁷¹⁶ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 25.

⁷¹⁷ Там же. С. 72.

количество жертв и ускорить наступление всеобщего мира. Сталин на конференции говорил, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты⁷¹⁸.

В ходе конференции всплыл вопрос и о наступлении советских войск, которое было предпринято накануне для облегчения положения союзников. Сталин считал необходимым еще раз подтвердить свое отношение к таким проблемам. В протоколах совещания говорится, что он, Сталин, понял, что ни Черчилль, ни Рузвельт не просят его прямо о наступлении, он ценит эту деликатность союзников, однако он увидел, что для союзников такое наступление необходимо. Советское командование начало наступление, и даже раньше намеченного срока. Советское правительство считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет. Он, Сталин, хочет, чтобы деятели союзных держав учли, что советские деятели не только выполняют свои обязательства, но и готовы выполнить свой моральный долг по мере возможности⁷¹⁹.

Много внимания на встрече «большой тройки» занял польский вопрос, стержнем которого были аспекты послевоенных границ Польши и проблема признания правительства. Дело в том, что в Лондоне находилось эмигрантское правительство, которое занимало враждебную позицию по отношению к СССР. А в самой Польше функционировал Комитет национального освобождения, пользовавшийся широкой поддержкой населения, и фактически играл роль правительства. Союзники не признавали КНО. Сталин настаивал на том, чтобы было сформировано правительство, которое бы было способно объединить все подлинно национальные силы, не исключая и представителей правительства Польши в эмиграции. Вокруг этого, особенно вокруг проблемы границ, развернулась упорная борьба. Сталин здесь проявил завидную твердость и непреклонную решимость, отстаивая как российские, так фактически и польские интересы.

Приведу здесь отрывок из дискуссии Сталина и Черчилля по вопросу о границах. «Сталин говорит, что, как только что заявил Черчилль, вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Сталину это понятно. Со своей стороны, однако, он должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом

---

⁷¹⁸ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 141.

⁷¹⁹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 62.

безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.

Дело не только в том, что Польша – пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Отсюда крутой поворот, который мы сделали в отношении Польши от политики царизма. Известно, что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правительство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости. Именно здесь коренятся причины того, почему русские стоят за сильную, независимую и свободную Польшу»⁷²⁰.

По вопросу о границах Сталин высказался не менее жестко и не менее определенно:

«Теперь о конкретных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия.

Прежде всего, о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон (министр иностранных дел Великобритании в 1919 – 1924 гг. – Н.К.), Клемансо (глава правительства Франции в тот период – Н.К.) и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С

---

⁷²⁰ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 99 – 100.

каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе»⁷²¹.

При обсуждении вопроса о границах Сталин проявил себя тонким и находчивым полемистом. Однако его сила состояла не в искусстве полемики, а в том, что он отстаивал справедливый подход, понимая, что вопрос о границах не только вопрос, касающийся настоящего, но и даже отдаленного будущего: от его решения зависело многое как в отношениях между странами, так и обстановка на континенте в целом.

То же самое мы видим и при обсуждении вопроса о правительстве. В материалах конференции зафиксировано: «Другой вопрос, по которому Сталин хотел бы сказать несколько слов, – это вопрос о создании польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его недемократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия»⁷²².

Здесь обращает на себя внимание довольно тонкий юмор, помноженный на железную силу логики: советский лидер как бы преподает урок соблюдения принципов демократии тем, кто считал себя чуть ли не главными защитниками и проводниками этих принципов в жизнь в послевоенной Европе. И логика Сталина, и его юмор произвели, видимо, на участников обсуждения определенное впечатление. Рузвельт заявил, что польский вопрос в течение пяти веков причиняет миру головную боль. Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял миру головную боль. Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать⁷²³.

Когда же через некоторое время снова вернулись к обсуждению польского вопроса, в частности, о проведении там выборов, Рузвельт заметил, что хотелось бы, чтобы польские выборы, подобно жене Цезаря, были выше подозрений.

Сталин замечает, что о жене Цезаря так только говорили. На самом деле у нее были кое-какие грешки⁷²⁴.

---

⁷²¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 100 – 101.

⁷²² Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 101.

⁷²³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 103.

⁷²⁴ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 181.

Как может убедиться читатель, Сталин не только проявлял твердость и непреклонность в отстаивании принципиальных позиций нашей страны, но и нередко делал это так, что обезоруживал своей аргументацией противника.

Итоги конференции были зафиксированы в ряде резолюций и решений, не все из которых в условиях войны были преданы гласности по вполне понятным причинам. Едва ли для меня есть смысл перечислять эти решения. Отмечу лишь, что они касались наиболее существенных проблем, стоявших тогда на мировой повестке дня. Прежде всего – вопроса ведения войны против фашистской Германии.

Относительно войны с Германией в общем заявлении было сказано: «Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения... Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира... В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»⁷²⁵.

В опубликованном заявлении «большой тройки» говорилось:

«Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества – прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической Хартии, „обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды“.

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира»⁷²⁶.

При оценке внешнеполитической стратегии Сталина в годы войны важно оттенить одну существенную мысль: советский лидер все более уверенно и все более эффективно проводил в жизнь цели внешней политики России по мере того, как наша страна одерживала блестящие победы на фронте. Именно этот факт в конечном счете предопределял то, что принято называть дипломатическими успехами. Конечно, это не только не умаляет личного вклада советского вождя в реализацию важнейших задач страны на международной арене в этот сложный период, но и как бы подчеркивает то,

---

⁷²⁵ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 265 – 266.

⁷²⁶ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 271.

что он умел победы на поле брани с фашистскими агрессорами трансформировать в своеобразный мощный резерв на поле дипломатических баталий с союзниками. И с каждым новым успехом Красной Армии международные позиции советской России становились все более прочными. Разумеется, Сталин не вел переговоры с союзниками с позиции силы. Но и они сами не могли не видеть – а тем более игнорировать – возрастающую мощь и растущее влияние Советского Союза в мировых делах. В этом мне видится главное направление эволюции сталинской внешнеполитической стратегии в годы войны.

Освещая важнейшие шаги Сталина по осуществлению целей советской внешней политики, нельзя не отметить его роль в процессе создания Организации Объединенных Наций и выработке ее Устава. Сталин неоднократно подчеркивал, что печальная участь Лиги Наций должна послужить для всех поучительным уроком. Поэтому он непосредственно руководил подготовкой основных предложений, которые советская делегация должна была отстаивать на **конференции в Думбартон-Оксе**, где были приняты все основополагающие документы, касающиеся ООН. Во время работы конференции Сталин обратился с посланием к президенту Рузвельту. В нем он обосновал настоятельное требование Советского Союза, чтобы Украина и Белоруссия стали членами-учредителями ООН. Глава Советского правительства писал: «Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение. После известных конституционных преобразований в нашей стране в начале этого года Правительства Союзных Республик весьма настороженно относятся к тому, как отнесутся дружественные государства к принятому в Советской Конституции расширению их прав в области международных отношений. Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организации. Поэтому я надеюсь еще иметь случай объяснить Вам политическую важность вопроса, поставленного советской делегацией в Думбартон-Оксе»⁷²⁷.

Сталин добивался того, чтобы Совет Безопасности ООН был не трибуной бесплодных дискуссий и обсуждений, а эффективным органом поддержания международного мира и пресечения любых проявлений агрессии. Для достижения данной цели важно было то, как будет функционировать этот орган и вся ООН в целом. В соответствии с такой линией в директивах для советской делегации, разработанных по указанию Сталина и утвержденных 10 августа 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б),

---

⁷²⁷ Переписка... Т. 2. С. 167.

указывалось, что «наибольшее значение мы придаем предложениям, касающимся компетенции руководящего органа (Совета)». Совет, говорилось в директивах, должен играть решающую роль в будущей международной организации, нести главную ответственность за сохранение мира, для чего следует наделить его необходимыми правами и обязанностями. В директивах подчеркивалась необходимость того, чтобы по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, решения Совета принимались большинством голосов, при условии согласия всех постоянных представителей в Совете⁷²⁸.

В послании президенту США от 14 сентября 1944 г. Сталин с большим акцентом подтвердил эту позицию СССР: «Я должен сказать, что для успеха деятельности Международной организации безопасности немалое значение будет иметь порядок голосования в Совете, имея в виду важность того, чтобы Совет работал на основе принципа согласованности и единогласия четырех ведущих держав по всем вопросам, включая и те, которые непосредственно касаются одной из этих стран»⁷²⁹.

Конечно, в рамках раздела трудно более подробно осветить роль Сталина в деле создания ООН и выработки основных принципов ее деятельности. Однако и приведенные факты говорят о многом. Что Сталин не был новичком в большой дипломатии, доказывать не приходится, ибо это очевидный факт. Однако важно подчеркнуть другое – его дипломатический опыт постоянно обогащался, поскольку он имел дело с такими прожженными политиками, как Черчилль и другие. Но важнее было другое: Сталин постоянно вносил необходимые коррективы в свою внешнеполитическую стратегию, продиктованные необходимостью правильно учитывать и анализировать новые тенденции в развитии ситуации как в Европе, так и в мире в целом. Причем эти новации были ориентированы не только на день текущий, но и простирались на будущее. А это будущее не обещало быть безоблачным, ибо после победы неизбежно встанут новые проблемы, и нужно было быть готовыми встретить вызовы времени.

Берлинская (Потсдамская) конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.)

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) была последней в ряду конференций союзных государств в период второй мировой войны. В

---

⁷²⁸ Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.). М. 1978. С. 19.

⁷²⁹ Переписка... Т. 2. С. 168.

отличие от предшествующих конференций она проходила уже после окончания войны в Европе. Гитлеровской Германии было нанесено полное и сокрушительное поражение.

Свой вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии других государств антигитлеровской коалиции.

Берлинская конференция была призвана закрепить в своих решениях историческую победу, одержанную народами СССР и других союзных стран над фашистской Германией, выработать программу справедливого и прочного мира в Европе.

Советская делегация на Берлинской конференции во главе со Сталиным стремилась к сохранению и на послевоенное, мирное время духа сотрудничества между великими державами, который существовал между ними во время войны, к объединению их усилий во имя того, чтобы Европа никогда больше не стала ареной кровопролитных войн и конфликтов.

После окончания войны в Европе на Берлинской конференции трем союзным державам предстояло решить прежде всего основной вопрос – германский. В осуществление Крымского соглашения о Германии необходимо было выработать политические и экономические принципы координированной политики союзников в отношении Германии, с тем чтобы навсегда искоренить германский милитаризм и нацизм и устранить угрозу германской агрессии, обеспечить германскому народу возможность демократического, мирного развития. Трем союзным державам необходимо было решить и такие важные вопросы, вытекавшие из поражения гитлеровской Германии, как вопрос о репарациях, территориальные вопросы, вопрос о военных преступниках и др.

На Берлинской конференции три союзные державы должны были также принять согласованное решение о подготовке мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, вышедших из войны против Объединенных Наций до капитуляции Германии и объявивших ей войну.

В целях установления прочного и длительного мира в Европе три союзные державы должны были определить общую политику в отношении этих стран, в том числе решить такой вопрос, как восстановление дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами, доказавшими на деле готовность сотрудничать с Объединенными Нациями.

Трем союзным державам нужно было решить вопросы, вытекавшие из факта создания, в соответствии с Крымской декларацией о Польше, Временного польского правительства национального единства и ликвидации польского эмигрантского правительства, а также решить вопрос о западной границе Польши.

Наконец, после окончания войны в Европе перед тремя союзными державами и в соответствии с соглашением о вступлении СССР в войну против Японии, подписанным между СССР, США и Великобританией на

Крымской конференции, стоял вопрос о согласовании военных действий, прежде всего СССР и США, для скорейшего разгрома дальневосточного агрессора – милитаристской Японии.

Международная обстановка, в которой проходила подготовка к Берлинской конференции, значительно отличалась от обстановки периода Крымской конференции. Отношения между тремя державами после окончания войны в Европе приняли более сложный характер.

Несмотря на большие человеческие жертвы и материальные потери, Советская страна вышла из борьбы против фашистских захватчиков еще более могущественной. Советский Союз обладал огромным военным и материальным потенциалом. Неизмеримо возрос международный авторитет Советского государства. Соответственно, возрос и без того высокий, а порой и уникальный в своем роде, авторитет лидера Советской России Сталина.

В этих условиях в правящих кругах США и Великобритании заметно усилились антисоветские тенденции, стало проявляться открытое недружелюбие к Советскому Союзу; правительства этих стран вели дело к ослаблению сотрудничества с СССР по ряду политических вопросов и разрабатывали планы послевоенного устройства, руководствуясь своими, сугубо эгоистическими интересами.

Откровенным выразителем реакционного антисоветского курса во внешней политике Запада стал премьер-министр Великобритании У. Черчилль. В послании новому президенту США Г. Трумэну, сменившему на этом посту умершего в апреле 1945 года Рузвельта, Черчилль впервые (в 1946 году он это повторил публично) выдвинул так называемый тезис о «железном занавесе», ставший расхожим аргументом во всех антисоветских и антирусских кампаниях на протяжении десятков лет. Он писал Трумэну 12 мая 1945 г. «Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное – их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская еще не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200 – 300 дивизий? Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него...

...Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сурового обращения с Германией, которая разорена и повержена, и в весьма скором времени перед русскими откроется дорога для

продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана...

Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы»⁷³⁰.

Тогда же в Лондоне имперскому генеральному штабу было поручено провести исследование о возможности открытия военных действий против России в случае, если «в ходе дальнейших переговоров с ней возникнут осложнения». В ряде стран, освобожденных англо-американскими войсками от фашистских захватчиков, союзное командование не полностью провело разоружение германских войск.

У британского премьера возникла идея вытеснить советские войска с территории Польши силой. План предусматривал нанести «тотальное поражение» СССР в скоротечной войне объединенными силами англо-американских сил в Европе и еще сохранившихся войск вермахта (только в Норвегии их было около 400 тысяч). Войну планировалось начать 1 июля 1945 г. Разработчики плана писали: «а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели, необходим разгром России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно, – чтобы выиграть ее, нам потребуется очень длительное время»⁷³¹.

Одновременно не только в секретной переписке с Трумэнном, но и в публичных выступлениях Черчилля все более откровенно стали звучать антисоветские призывы.

План операции под кодовым названием «Немыслимое» разрабатывали опытные штабисты. 22 мая 1945 г. они направили его на утверждение Комитету начальников штабов. Но Черчилля подстерегала неожиданность. Имперский комитет начальников штабов во главе с фельдмаршалом А. Бруком пришел к выводу, что превосходящая мощь Красной Армии на Европейском театре (по сухопутным войскам 2:1) исключает возможность проведения против нее каких-либо наступательных операций, и план временно положили под сукно. Убедившись в нереальности своих фантастических замыслов, Черчилль вновь ищет компромисса со Сталиным⁷³².

Но было бы упрощением все сводить к Черчиллю. В своей политике враждебности по отношению к СССР он не только опирался, но и находил

---

⁷³⁰ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 632 – 633.

⁷³¹ О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. С. 526.

⁷³² Подробнее об этом см. О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. С. 525.

надежного партнера в лице нового президента США. 23 апреля 1945 г. в беседе с Молотовым, прибывшим в США для участия в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско, Трумэн допустил ряд грубых выпадов против СССР, обвинив Советское правительство в том, что оно-де не выполняет решений Крымской конференции. «Я сожалел, – вспоминал Гарриман, – что Трумэн пошел на такую резкость, поскольку такое поведение позволяло Молотову сообщить Сталину, что политика Рузвельта отбрасывается»⁷³³.

В политике западных держав появилась тенденция ревизовать отдельные решения Крымской конференции (о Польше, о Декларации об освобожденной Европе, о репарациях с Германии и др.). Так, английское и американское правительства отошли от установок Крымской конференции по вопросу об образовании Временного польского правительства национального единства, истолковывая принятое решение о реорганизации действовавшего народно-демократического Временного правительства Польской Республики как его ликвидацию и создание совершенно нового правительства. Давая свою ограниченную, буржуазную интерпретацию понятиям «демократические учреждения» и др., содержащимся в Декларации об освобожденной Европе, правящие круги западных держав отказывались признавать народно-демократические правительства в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Но вернемся к ходу самой конференции. 17 июля состоялась первая встреча Сталина с новым президентом США. Во время беседы президент Трумэн заявил главе Советского правительства, что «он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом. Он, Трумэн, уверен в необходимости этого, так как он считает, что судьба мира находится в руках трех держав. Он хочет быть другом генералиссимуса Сталина. Он не дипломат и любит говорить прямо.

Сталин отвечает, что со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США»⁷³⁴.

И Сталин здесь ничуть не лукавил. Он был заинтересован в развитии сотрудничества и в том, чтобы между партнерами по коалиции господствовали искренние отношения и чтобы не было попыток с чьей бы то ни было стороны пытаться обмануть партнера, ввести его в заблуждение. Он пропагандировал искренность и взаимное доверие между партнерами по коалиции. И здесь стоит привести его заявление на этот счет, которое он

---

⁷³³ *Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941 – 1946. N.Y. 1975. p. 454.*

⁷³⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М. 1980. С. 42.

сделал в беседе с Черчиллем еще во время Ялтинской конференции. Тогда советский лидер заявил: «Я говорю, – сказал он, – как старый человек; вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным.

В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: „А почему бы мне не обмануть моего союзника?“ Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны»⁷³⁵.

Вполне понятно, что в эпицентре внимания конференции стояли вопросы, связанные с Германией. Заключенные ранее союзниками соглашения по Германии обеспечивали создание необходимого механизма для управления Германией в начальный оккупационный период, для переустройства ее жизни на миролюбивых демократических началах. Основополагающими документами являлись крымские соглашения о Германии, акт о безоговорочной капитуляции Германии, Декларация о поражении Германии, соглашение о зонах оккупации Германии и об управлении Большим Берлином, соглашение о контрольном механизме в Германии и др. К моменту созыва конференции в ЕКК было разработано еще одно соглашение – о некоторых дополнительных требованиях к Германии, которое было подписано 25 июля 1945 г. В этом соглашении были предусмотрены меры, направленные на разоружение и демилитаризацию Германии и на полную ликвидацию фашистского режима в Германии.

По настоянию советской стороны в соглашение были включены пункты, предусматривающие полное и окончательное упразднение всех вооруженных сил Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувойенные организации вместе с их клубами и ассоциациями; запрещение всех видов военного обучения и организаций, способных содействовать военному обучению; а также упразднение национал-социалистской партии и объявление ее вне закона.

Проект США о политике в отношении Германии, по которому велось

---

⁷³⁵ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 522.

обсуждение, содержал многие важные положения прежних соглашений союзников о Германии, что облегчало достижение согласованного решения.

Уже на второй день работы конференции в основном были одобрены политические принципы координированной политики трех держав в отношении Германии.

Значительно труднее было согласовать экономические принципы обращения с Германией, связанные с вопросами ликвидации военно-экономического потенциала Германии, взимания репараций, авансовых поставок из Германии, снабжения Германии продовольствием и топливом, а также другими экономическими и финансовыми вопросами. Западные державы всячески стремились обеспечить себе свободу действий в области экономической политики в Германии, по крайней мере, в своих собственных зонах оккупации, в том числе и в таком важном вопросе, вытекавшем из факта поражения гитлеровской Германии, как вопрос о репарациях.

На заседаниях 31 июля и 1 августа главы правительств окончательно согласовали текст соглашения «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период».

В основу этого соглашения были положены принципы демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, – говорилось в Сообщении о Берлинской конференции трех держав, – и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». Одновременно три державы заявляли, что «союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ». Они провозгласили своим намерением «дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе» и по достижении этой цели «с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира»⁷³⁶.

Уничтожению германского военного потенциала и устранению германской угрозы были подчинены принятые на конференции экономические принципы обращения с Германией. Они предусматривали не только запрещение производства вооружения, военного снаряжения и орудий войны, но и децентрализацию германской экономики, уничтожение существовавшей чрезмерной концентрации экономических сил в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических объединений.

Экономические принципы обращения с Германией предусматривали, что «в период оккупации Германия должна рассматриваться как единое

---

⁷³⁶ Соответствующие документы публикуются в цитированном уже сборнике Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 459 – 497.

экономическое целое»⁷³⁷.

Правительства США и Англии на словах не могли не признавать огромных людских и материальных потерь СССР в войне с гитлеровской Германией⁷³⁸. На Крымской конференции было достигнуто соглашение, по которому Германия должна была «возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям», причем США согласились с предложением Советского Союза об установлении в качестве базы для обсуждения в созданной для этой цели Межсоюзной комиссии по репарациям суммы в 20 млрд. долларов, из которых 50 % должно было идти Советскому Союзу.

Однако на Берлинской конференции делегация США отступила от позиции, которую она занимала в Крыму, мотивируя это тем, что-де после Крымской конференции в Германии имели место большие разрушения и некоторые области отошли от нее, а поэтому и ранее установленная цифра репараций является теперь нереальной.

Берлинская конференция рассмотрела предложение Советского правительства о передаче СССР города Кенигсберга и прилегающего к нему района. При обсуждении этого вопроса на конференции советская делегация напомнила американской и английской делегациям о согласии США и Англии с советским предложением по этому вопросу на Тегеранской конференции. Делегации США и Англии подтвердили свое согласие, данное на Тегеранской конференции, на передачу Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района, что нашло свое отражение в решениях Берлинской конференции.

В соответствии с решением Крымской конференции Сталин предложил рассмотреть вопрос о западной границе Польши. 20 июля советская делегация вручила делегациям США и Великобритании проект соглашения об установлении западной границы Польши. Английская и американская делегации, пытаясь уклониться от решения в Потсдаме вопроса о западной границе Польши, связывали этот вопрос с другими вопросами. Но в конечном счете английская и американская делегации согласились на установление западной границы Польши в соответствии с предложением советской делегации. Установление этой границы подтверждалось решением глав трех правительств о перемещении германского населения, оставшегося в Польше, а также в Чехословакии и Венгрии. Таким образом, на Берлинской конференции вопрос о западной границе Польши был решен

---

⁷³⁷ Там же. С. 487 – 489.

⁷³⁸ В целом материальный ущерб, который был причинен агрессорами народному хозяйству и отдельным советским гражданам СССР, составил около 2 триллионов 600 млрд. рублей. (Великая Отечественная война Советского Союза. 1941 – 1945. Краткая история. М.1965. С. 552.)

окончательно⁷³⁹.

Чтобы несколько отвлечься от изложения принципиальных решений, которые были приняты во многом благодаря настойчивости, а порой и неуступчивости Сталина, я приведу несколько примеров манеры поведения советского лидера на конференции. Такой вот пример:

«Сталин. Из печати, например, известно, что г-н Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? *(Смех.)* Это очень интересный вопрос.

Черчилль. Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

Трумэн. Все?

Сталин. А Берлин взяла Красная Армия. *(Смех.)*»⁷⁴⁰

При обсуждении на конференции вопроса о военных преступниках советская делегация предложила в качестве примера назвать некоторых наиболее видных нацистских преступников. Но союзники стали возражать против этого предложения. Я позволю себе привести любопытные диалоги, имевшие место на этот счет.

«Сталин. Много говорилось о военных преступниках, и народы ждут, что мы назовем какие-то имена. Наше молчание насчет этих лиц бросает тень на наш авторитет. Уверяю вас. Поэтому мы выиграем в политическом отношении, и общественное мнение Европы будет довольно, если мы назовем некоторых лиц. Если мы этих лиц назовем как пример, то, я думаю, прокурор не будет обижен. Прокурор может сказать, что некоторые лица неправильно названы. Но оснований для того, чтобы прокурор обиделся, нет. Политически мы только выиграем, если назовем некоторых из этих лиц».

Далее последовал своеобразный дипломатический диалог, в котором Сталин продемонстрировал свои незаурядные способности полемиста. Причем использование такого инструмента, как юмор, было одним из его любимых и – надо признать – эффективных средств. Вот как выглядел этот диалог.

«Бирнс (Госсекретарь США – Н.К.). Когда мы обсуждали этот вопрос вчера, я считал нецелесообразным называть определенных лиц или пытаться определить здесь их виновность. Каждая страна имеет среди нацистских преступников своих „любимцев“, и если мы не включим этих преступников в список, то нам трудно будет объяснить, почему они не включены.

Сталин. Но в предложении так и сказано: „такие, как... и др.“. Это не

⁷³⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 492 – 494.

⁷⁴⁰ Там же. С. 141.

ограничивает количество, но создает ясность.

Бирнс. Это дает преимущество тем, кого вы называете. *(Смех.)*

Эттли. Я не думаю, что перечисление имен усилит наш документ. Например, я считаю, что Гитлер жив, а его нет в нашем списке.

Сталин. Но его нет в наших руках.

Эттли. Но вы даете фамилии главных преступников в качестве примера.

Сталин. Я согласен добавить Гитлера *(общий смех)*, хотя он и не находится в наших руках. Я иду на эту уступку. *(Общий смех.)*⁷⁴¹

Но на этом спор по поводу того, называть ли поименно военных преступников, не завершился. На следующем заседании к нему возвратились вновь. Диалог протекал примерно в том же ключе, что и прежде.

«Сталин. Имена, по-моему, нужны. Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других.

Трумэн. Все они мне не нравятся. *(Смех.)* Я думаю, что если мы упомянем некоторые имена и оставим в стороне других, то будут думать, что этих других мы не собираемся привлекать.

Сталин. Но здесь эти имена приводятся как пример. Например, поражает, почему Гесс до сих пор сидит в Англии на всем готовом и не привлекается к ответственности? Надо эти имена назвать, это будет важно для общественного мнения, для народов.

Бевин (Министр иностранных дел, сменивший на этом посту Идена – Н.К.). О Гессе вам не следует беспокоиться.

Сталин. Дело не в моем мнении, а в общественном мнении, во мнении народов всех стран, которые были оккупированы немцами.

Бевин. Если у вас имеются какие-либо сомнения относительно Гесса, то я могу дать обязательство, что он будет предан суду.

Сталин. Никаких обязательств я от г-на Бевина не прошу, достаточно одного его заявления, чтобы я не сомневался, что это будет сделано. Но дело не во мне, а дело в народах, в общественном мнении»⁷⁴².

Указанными выше проблемами не исчерпывались проблемы, рассматривавшиеся в Потсдаме. Сталин пытался добиться возвращения утраченных в итоге первой мировой войны территорий Армении и Грузии, которые отошли к Турции, а также пересмотра конвенции о Черноморских проливах, заключенной в середине 30-х годов в г. Монтре. Выступая на

---

⁷⁴¹ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 264 – 265.

⁷⁴² Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 280 – 281.

пленарном заседании, Молотов по поручению Сталина заявил:

«...В некоторых частях мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 году от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория – это известная территория областей Карса, Артвина и Ардагана. Вот карта отторгнутой турками территории. *(Передает карту.)* Поэтому мною было заявлено, что для того, чтобы заключить союзный договор, следует урегулировать вопрос об отторгнутой от Грузии и Армении территории, вернуть им эту территорию обратно.

Второй важный вопрос, который мы должны урегулировать, – это вопрос о Черноморских проливах. Мы неоднократно заявляли нашим союзникам, что мы не можем считать правильной Конвенцию, заключенную в Монтре. По этой конвенции права Советского Союза в Черноморских проливах такие же, как права японского императора. Нам кажется, что это не соответствует существующему положению. Мы знаем, что наши союзники, президент США и премьер-министр Великобритании, также считают нужным исправить это положение»⁷⁴³.

Однако, несмотря на видимость согласия с этими предложениями союзников, поставленные проблемы не нашли своего решения и были отложены, как говорится, до греческих календ, т.е. успешно похоронены.

Во время конференции американцы произвели успешное испытание атомной бомбы, и естественно встал вопрос о том, как сообщить об этом эпохальном событии, в корне менявшем ситуацию не только в Европе, но и в мире в целом. Не информировать об этом Сталина союзники не могли, поскольку они собирались использовать это новое оружие не только в войне против Японии, но и в качестве мощного средства давления на Советскую Россию. Черчилль в своих мемуарах так описывает обстоятельства, при которых совершился факт оповещения главы советского правительства о появлении в распоряжении США нового мощного оружия.

«Сложнее был вопрос о том, что сказать Сталину. Президент и я больше не считали, что нам нужна его помощь для победы над Японией. В Тегеране и Ялте он дал слово, что Советская Россия атакует Японию, как только германская армия будет побеждена, и для выполнения этого обещания уже с начала мая началась непрерывная переброска русских войск на Дальний Восток по Транссибирской железной дороге. Мы считали, что эти войска едва ли понадобятся и поэтому теперь у Сталина нет того козыря против американцев, которым он так успешно пользовался на переговорах в Ялте. Но все же он был замечательным союзником в войне против Гитлера, и мы оба считали, что его нужно информировать о новом великом факте, который сейчас определял положение, не излагая ему подробностей. Как сообщить

---

⁷⁴³ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 145.

ему эту весть? Сделать ли это письменно или устно? Сделать ли это на официальном или специальном заседании, или в ходе наших повседневных совещаний, или же после одного из таких совещаний? Президент решил выбрать последнюю возможность. „Я думаю, – сказал он, – что мне следует просто сказать ему после одного из наших заседаний, что у нас есть совершенно новый тип бомбы, нечто совсем из ряда вон выходящее, способное, по нашему мнению, оказать решающее воздействие на волю японцев продолжать войну“. Я согласился с этим планом»⁷⁴⁴.

Далее Черчилль следующим образом излагает ход событий.

«На следующий день, 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда мы все поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, я увидел, как президент подошел к Сталину и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Я стоял ярдах в пяти от них и внимательно наблюдал эту важнейшую беседу. Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина. Я сейчас представляю себе всю эту сцену настолько отчетливо, как будто это было только вчера. Казалось, что он был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача! Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали. Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно. Ничто не помешало бы ему сказать: „Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?“ Но на его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои машины, я подошел к Трумэну. „Ну, как сошло?“ – спросил я. „Он не задал мне ни одного вопроса“, – ответил президент. Таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов.

Таков был конец этой истории, насколько это касалось Потсдамской конференции. Советской делегации больше ничего не сообщали об этом событии, и она сама о нем не упоминала»⁷⁴⁵.

---

⁷⁴⁴ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 665.

⁷⁴⁵ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 683.

Сталин не был столь наивным, как полагал английский премьер. Напротив, именно Черчилль оказался, как говорится, в дураках. Да и глупо было полагать, что в Советском Союзе не знали об американских и английских работах по созданию атомного оружия. Как советские ученые, так и советская разведка по указанию Сталина проводили напряженнейшую работу по созданию атомного оружия. В частности, в этом состояла одна из заслуг Сталина в деле упрочения обороноспособности Советской России не только во время войны, но и после ее окончания. Ибо он смотрел далеко вперед и понимал, что партнеры по коалиции попытаются использовать появление нового оружия для оказания давления и даже прямого шантажа Советского Союза.

Как же на самом деле реагировал советский лидер на информацию Трумэна. Об этом рассказал в своих мемуарах Г.К. Жуков. «Не помню точно какого числа, в ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждал, что, вероятно, И.В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал:

– Цену себе набивают. И.В. Сталин рассмеялся:
– Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы»⁷⁴⁶.

Как теперь хорошо известно, Сталин еще задолго до испытания атомной бомбы американцами дал указание развернуть широкомасштабные работы для разработки атомного оружия. И они велись под его непрерывным контролем, ибо он отлично понимал значение атомного оружия в той международной ситуации. И совсем неправ американский автор Д. Холловэй, считающий, будто появление атомного оружия не изменило основную внешнеполитическую концепцию Сталина. Эту мысль он в разных вариантах проводит в своей книге, посвященной данной проблеме⁷⁴⁷. В конце концов,

---

⁷⁴⁶ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 418.

⁷⁴⁷ См. книгу Дэвид Холловэй. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. Новосибирск. 1997.

американский автор вступает в противоречие с самим собой, когда пишет: «Атомная бомба занимала центральное место в сталинской военной политике. Сразу же после войны он отдал приоритет тем мерам, которые могли бы снизить эффект ядерного удара по Советскому Союзу, он создал советскую противовоздушную оборону и увеличил возможность проведения советских наступательных операций в Европе. В то же время он торопил с созданием средств доставки советского ядерного оружия. Для Советского Союза было важно получить возможность для нанесения удара по передовым базам в Европе, Африке и Азии, с которых Соединенные Штаты могли осуществить ядерное нападение. Сталин также решил как можно скорее обзавестись межконтинентальными системами, которые позволили бы Советскому Союзу угрожать Соединенным Штатам»⁷⁴⁸.

Подводя краткий итог рассмотрению поставленной темы, можно констатировать следующее. В ходе работы Потсдамской конференции возникали трудности, создававшиеся позицией сторонников «жесткого курса» в США и Великобритании. Тем не менее на этой конференции во многом благодаря усилиям Сталина и советской делегации в целом были приняты решения, которые представляли собой победу демократических принципов урегулирования послевоенных проблем. Успешное завершение Потсдамской конференции явилось наглядным доказательством того, что три державы, сотрудничавшие в годы войны в борьбе против общего врага, при желании могут, несмотря на имеющиеся различия в их позиции, найти основу для сотрудничества и в мирное время. Сталин как глава советского правительства наглядно продемонстрировал на конференции свою добрую волю к такому сотрудничеству.

6. Сталин как дипломат

Дать краткую и вместе с тем емкую и соответствующую исторической истине характеристику Сталина как дипломата – задача чрезвычайно трудная и сложная. Это проистекает из ряда причин как объективного, так и субъективного порядка. Прежде всего, сложность проистекает из характера самой личности Сталина, в политической биографии которого как бы сплелись в органический и неразделимый сплав как положительные, так и отрицательные черты и свойства. Эти свойства были не только, а может быть, и не столько отличительные черты самого этого человека, но и прежде всего – фундаментальные особенности эпохи, имя которой в сознании многих людей ассоциируются с именем Сталина. Это была суровая, порой беспощадная

---

⁷⁴⁸ Дэвид Холловэй. Сталин и бомба. С. 477.

эпоха, вместившая в себя как подвиги исполинского масштаба, не меркнувшие в веках, так и суровые, порой кровавые события.

Ко времени начала второй мировой войны Сталин по праву рассматривался в качестве одной из ключевых фигур на мировом политическом поле. И этот факт не столько отражал его личную роль, сколько значение и место, которое к тому времени занимал Советский Союз в развертывавшемся невиданном по своим масштабам и последствиям мировом историческом противоборстве. Чтобы ясно и беспристрастно понимать и оценивать многие политические и дипломатические действия Сталина как накануне войны, так и в ее ходе, надо не упускать из виду обстоятельство фундаментального значения. Несколько упрощая (но не извращая), я бы охарактеризовал ситуацию следующим образом: как фашистская Германия вместе со своими союзниками Италией и Японией, так и западные державы, в целом однозначно враждебно относились к Советскому Союзу. В основе этой враждебности лежало не только наличие серьезных объективных геополитических противоречий и разногласий, значительное столкновение национальных и иных интересов, но и идеологические мотивы.

В наши дни кое-кто склонен не просто принижать значение последнего обстоятельства, но и вообще приравнивать его чуть ли не к нулю, не говоря уже о том, что особый упор делается на то, чтобы представить фашизм и коммунизм едва ли не в качестве разновидностей одной и той же красно-коричневой идеологии. Разумеется, со всеми вытекающими из подобного уподобления политическими, моральными и иными выводами. Здесь не место вдаваться в полемику по этому поводу. В качестве одного, но весьма характерного факта приведу лишь один эпизод, показывающий то, как к нашей стране в те времена относились западные демократии. Речь идет о признании Вашингтоном Советского Союза. Вот что говорил по этому поводу сам президент Ф. Рузвельт: «В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. (В скобках не могу удержаться от выражения „восторга“ относительно хваленной американской демократии и терпимости – Н.К.) То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова истории признания нами России»⁷⁴⁹.

Надо ли специально пояснять, что предвзятое (если выразиться дипломатическим языком) отношение к Советской России во многих странах и слоях западного сообщества сохранялось и к началу второй мировой войны.

---

⁷⁴⁹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книги пятая и шестая. Тома 5 – 6. С. 538.

Важнейшей целью Сталина в международных отношениях было стремление не оказаться в роли козла отпущения, когда тогдашние западные великие державы – Германия, Англия, Франция и США – вели между собой борьбу за преобладание в мире. Отсюда и его внешнеполитическая стратегия и тактика – играть на противоречиях между ними, не допустить того, чтобы СССР стал пешкой в их политических расчетах. Ему не была свойственна какая-то предопределенная ориентация на одну державу, как пытаются доказать некоторые исследователи. В период, когда после прихода Гитлера к власти четко обозначился курс Германии на завоевание мирового господства, Сталин предпринял шаги на сближение с Англией и Францией и проводил линию на создание некоего подобия системы коллективной безопасности. И не вина Советского Союза, что они избрали совершенно иной курс – курс мюнхенского сговора. Именно западные державы в лице Англии и Франции вбили последний гвоздь в гроб в тех условиях все же возможной для реализации коллективной системы отпора нарастающей гитлеровской агрессии.

Некоторые же историки, подвергая тотальной критике Сталина и все, что связано с его именем, в том числе и его внешнюю политику, прибегают к явной исторической фальсификации, когда истоки второй мировой войны связывают только и исключительно с политикой Сталина в отношении к Германии. Они начисто выбрасывают из исторической памяти факты, которые расходятся с их тенденциозными построениями.

Отличительные черты Сталина как дипломата. Одной из отличительных черт Сталина как дипломата являлось то, что эта его ипостась неотделима от другой его ипостаси – Сталина как политика. Да и дипломатом в чистом виде его считать, если и правомерно, то лишь условно, с известными оговорками. Он был прежде всего и главным образом политическим и государственным деятелем крупнейшего формата. Такого формата, который далеко перешагивает за рамки своей эпохи. Но каждый дипломат высокого класса не может быть чистым дипломатом, он неизбежно должен быть и политиком, поскольку сама дипломатия выступает прежде всего и главным образом как орудие и инструмент достижения и осуществления тех или иных политических, экономических, военно-стратегических и иных целей государства.

А Сталин в своем лице как бы соединял качества творца определенной политической философии и практического realizатора этой политической философии в области международных отношений и внешней политики. Это неизмеримо расширяло диапазон его возможностей как дипломата, поскольку он не нуждался в получении каких-то директивных указаний, в соответствии с которыми он должен проводить свою линию в сфере дипломатических переговоров. Можно сказать, что такими директивами для него служило глубокое понимание и осознание фундаментальных государственных и национальных интересов своей страны.

Сталин как политик и как дипломат с полной силой проявил себя глубоким знатоком и даже теоретиком геополитики, понимаемой в самом широком смысле. Надо сказать, что в эпоху Сталина сам термин геополитика был как бы вне рамок закона, поскольку был скомпрометирован тем обстоятельством, что многие гитлеровские планы и теории формулировались на базе геополитических концепций расистского толка. Но теперь мы свободно оперируем этим понятием, вкладывая в него самое широкое понимание.

Сталин в период расцвета своей государственной деятельности, а именно этот период приходится на вторую мировую войну, проявил себя геополитиком общемирового формата. Больше того, со значительной долей уверенности можно сказать, что по масштабности и глубине проникновения в геополитические аспекты мировой политики и международных отношений ему не было равных среди государственных деятелей своего времени. Он не только на равных «разыгрывал геополитические карты» с такими корифеями западного мира, как Черчилль, Рузвельт, де Голль, но и зачастую превосходил их в понимании геополитических проблем и перспектив их развития. Эта часть его политической биографии, биографии как политика и дипломата, безусловно, заслуживает особого внимания.

Каковы, с точки зрения геополитики, основные критерии, которым должен отвечать тот или иной государственный и политический деятель, если он претендует на то, чтобы занять свое место в историческом послужном списке?

Прежде всего, очевидно, он должен трезво и объективно оценивать геополитическое положение своей страны, видеть сильные и слабые стороны этого положения. Он должен обладать глубоким умом, способным анализировать всю совокупность важнейших факторов мировой политики, и на основе такого анализа выработать стратегию своей страны в международной сфере. Иными словами, политический реализм – неотъемлемое качество крупного государственного деятеля. И конечно же, дипломата, каким он проявил себя в годы второй мировой войны (да и не только тогда, но и раньше, и после – в послевоенную эпоху). Но на одном политическом реализме, как говорится, далеко не уедешь. Для успешного осуществления выработанной долговременной стратегии на международной арене необходимы реальные материальные предпосылки в виде соответствующего экономического, военного и политического потенциала. Именно создание такового стало стержнем политического курса Сталина после того, как он возглавил Советское государство. В конечном итоге, успех всей дальнейшей деятельности Сталина на поприще дипломатии был предопределен и заложен до начала второй мировой войны.

Непосредственно в сферу дипломатии Сталин вступил во время второй мировой войны. Хотя, конечно, обязательно необходимо сделать следующее замечание: как главный руководитель государства и правящей партии он с

самого начала принимал непосредственное и активнейшее участие в разработке как общего внешнеполитического курса страны, так и в осуществлении большинства сколько-нибудь важных дипломатических акций. В этом плане он, безусловно, не был новичком и приобрел колоссальный опыт. Опираясь на этот опыт, он во время войны смог успешно осуществлять руководство страной и всеми важнейшими сторонами ее жизнедеятельности. В предвоенный и военный период В.М. Молотов был главой внешнеполитического ведомства, но общеизвестно, что ни одно сколько-нибудь важное (а часто и даже второстепенное) решение не принималось в обход или же без одобрения самим Сталиным. МИД и его аппарат были вспомогательным инструментом, с помощью которого Сталин осуществлял и руководство, и управление всей дипломатической деятельностью страны.

Особое место в этой сфере его деятельности занимают встречи с лидерами «большой тройки» в рамках Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, о чем было довольно подробно рассказано в предыдущем разделе. Даже самый беглый обзор некоторых моментов деятельности Сталина в сфере геополитики дает основание считать его крупнейшим политиком XX века. В известном смысле даже можно сказать, что он был мастером больших «геополитических игр», ареной которых был мир в первой половине минувшего столетия. Геополитика – это та сфера, где моральные критерии не играют определяющей роли. К сожалению, но это так. Поэтому, когда люди определенной политической ориентации при подходе к оценке исторической роли Сталина, в том числе и в сфере геополитики, оперируют чуть ли не исключительно моральными категориями, – это вызывает недоумение. С таким подходом нельзя согласиться. Масштабы Сталина как исторической личности требуют многогранного подхода. Ограничиваться, а тем более всецело концентрироваться на чисто моральных аспектах его внешнеполитической стратегии и вообще всей его политической деятельности – значит до крайности упрощать дело, полностью игнорировать исторические реалии той эпохи.

Давая обобщенную оценку роли Сталина как дипломата, следует подчеркнуть: Сталин в годы второй мировой войны, в процессе постоянного обсуждения чрезвычайно важных и сложных проблем взаимодействия со своими союзниками по антигитлеровской коалиции, в процессе выработки основ послевоенного мирового устройства окончательно сформировался как самостоятельно и оригинально мыслящий политический деятель мирового масштаба. Он совершенствовал в себе способность к концептуальному мышлению: научился глубоко и, большей частью, безошибочно анализировать события и явления общественной жизни, и на этой базе выдвигал идеи и предложения, которые составляли платформу его политических действий. Он стремился смотреть вперед и всегда видел цель,

во имя которой он работал. Соединение концептуального мышления с целеустремленностью придавало его политической философии действенность, силу и энергию. Он обладал широким государственным кругозором, умел видеть перспективы развития, что дано не каждому. Грандиозность задач, стоявших перед страной, как бы возвышала его самого и требовала от него, чтобы он соответствовал масштабам и сложности этих задач.

Особо следует отметить такое его качество как политика и дипломата, как феноменальная память, позволявшая ему вести предметный спор по самым сложным и самым широким проблемам, являвшимся предметом дипломатических переговоров. В этой сфере ему не было равных среди контрагентов по переговорам. Порой даже случались любопытные казусы, ставившие в тупик тех западных деятелей, которые вели со Сталиным дискуссии по тем или иным конкретным вопросам. Так, во время работы в журнале «Международная жизнь» (когда ее главным редактором был министр иностранных дел СССР А.А. Громыко) мне довелось услышать из уст Громыко следующий характерный эпизод из дипломатической практики Сталина. Речь шла о проблемах границ в Европе. И Громыко вспомнил, как однажды на встрече «большой тройки» при обсуждении вопроса о послевоенных границах Советского Союза Черчилль, обращаясь к Сталину, воскликнул: «Но, господин Сталин, ведь Львов никогда не входил в состав России!» После короткого раздумья Сталин спокойно ответил: «Да, господин Черчилль, Вы правы – Львов никогда не входил в состав России. Но Варшава-то входила!» По словам Громыко, Черчилль был настолько потрясен этим аргументом, что не смог ничего возразить и выглядел откровенно растерянным. То, как об этом эпизоде рассказывал Громыко, как он оттенил силу аргументации и мгновенную реакцию Сталина, свидетельствовало о его восхищении умением Сталина бескомпромиссно и решительно отстаивать интересы Советского Союза⁷⁵⁰.

Справедливости ради надо отметить, что сам Черчилль в своих мемуарах излагает события в том духе, будто не русские, а представители Польского национального комитета (поддерживавшиеся Москвой) сами поставили вопрос о передаче Львова под контроль СССР и т.д.⁷⁵¹

Раз уж я сослался на устное заявление Громыко, то, полагаю, обоснованно и целесообразно привести некоторые его существенно важные оценки Сталина как политика и дипломата. Тем паче что Громыко, пожалуй, чаще многих других общался со Сталиным по работе на протяжении многих, в том числе и военных лет. Помимо этого, он не хуже, а скорее, лучше других

---

⁷⁵⁰ А.А. Громыко. Дипломат, политик, ученый. М. 2000. С. 179.

⁷⁵¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. 3. С. 456.

был способен оценить объективно качества Сталина как дипломата.

«Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе и тысячу загадок...»⁷⁵²

Сталин проявил себя не только как мыслящий политик и дипломат, тонко разбирающийся во всех хитросплетениях международно-политической борьбы, а также ситуации в том или ином регионе, о котором речь шла на переговорах, но и как человек исключительно целеустремленный, умеющий добиваться поставленной цели вопреки всему, наперекор всем трудностям и преградам, встававшим на его пути. Да, он был безжалостен и часто весьма неразборчив в своих действиях и поступках. Груз моральных угрызений не отягощал его сознание, не давил тяжелым бременем на его плечи. Достижение поставленной цели являлось главным побудительным мотивом, основной пружиной, которая раскручивала всю его кипучую энергию. Конечно, нельзя не признать, что поведение Сталина-политика и дипломата часто укладывалось в рамки известных постулатов Н. Макиавелли. Политику Сталин не увязывал с моралью, что, естественно, развязывало ему руки для действий и поступков, не укладывавшихся в строгие моральные принципы. Из этого не следует, что его политические действия априори носили аморальный, безнравственный характер. Он считал, что мораль и ее принципы должны быть подчинены классовым интересам, поскольку и мораль, и нравственность, по его убеждению, также всецело имели классово обусловленную природу.

Сталин как дипломат умел великолепно себя держать, проявляя, когда надо, недовольство, злость, неуступчивость и железную твердость и т.д. Но умел он и пошутить, причем шутки его всегда были окрашены в сугубо политические тона, и частенько вызывали фурор, а то и просто негодование Черчилля. Один такой забавный эпизод приводит в своей книге сын президента США Эллиот Рузвельт. Вот что он писал в своих воспоминаниях:

«К концу обеда Дядя Джо (так американцы и англичане за глаза

---

⁷⁵² А.А.Громыко. Памятное. Книга первая. М. 1988. С. 199.

называли Сталина – Н.К.) поднялся, чтобы предложить тост по вопросу о нацистских военных преступниках. Я не могу точно припомнить его слова, но он произнес примерно следующее:

– Я предлагаю выпить за то, чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были казнены. Я пью за то, чтобы мы объединенными усилиями покарали их, как только они попадут в наши руки, и чтобы их было не меньше пятидесяти тысяч.

Как ужаленный, Черчилль вскочил с места. (Кстати, премьер-министр во время всех тостов пил только свой излюбленный коньяк. Поглощая каждый вечер солидную дозу этого напитка, он хорошо натренировался для беседы такого рода. Все же я подозреваю, что в данный вечер даже этот заядлый пьяница владел языком хуже обычного.) Его лицо и затылок побагровели.

– Подобная установка, – выкрикнул он, – коренным образом противоречит нашему, английскому чувству справедливости! Английский народ никогда не потерпит такого массового наказания. Я пользуюсь этим случаем, чтобы высказать свое решительное убеждение в том, что ни одного человека, будь он нацист или кто угодно, нельзя казнить без суда, какие бы доказательства и улики против него ни имелись!

Я взглянул на Сталина. Видимо, этот разговор очень его забавлял, но он оставался серьезным; смеялись только его глаза. Он принял вызов премьер-министра и продолжал поддразнивать его, очень вежливо опровергая все его доводы и, по-видимому, нисколько не беспокоясь по поводу того, что Черчилль уже безнадежно потерял самообладание.

Наконец, Сталин повернулся к отцу и осведомился о его мнении. Отец давно уже еле сдерживал улыбку, но, чувствуя, что атмосфера начинает слишком накаляться, решил обратиться к делу в шутку.

– Как обычно, – сказал он, – мне, очевидно, приходится выступить в качестве посредника и в этом споре. Совершенно ясно, что необходимо найти какой-то компромисс между вашей позицией, м-р Сталин, и позицией моего доброго друга премьер-министра. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы согласимся на меньшее число. Скажем, на сорок девять тысяч пятьсот?

Американцы и русские рассмеялись. Англичане, ориентируясь на своего премьер-министра, который приходил все в большую ярость, сидели молча с вытянутыми лицами. Сталин оказался на высоте положения, подхватил предложенную отцом компромиссную цифру и начал опрашивать всех сидевших за столом, согласны ли они с ней. Англичане отвечали осторожно.

– Данный вопрос, – заявляли они, – требует и заслуживает внимательного изучения. – Американцы отвечали в более шутливом тоне. Они говорили:

– Давайте прекратим эту дискуссию. До Германии еще очень много

милль; до победы над нацистами еще очень много месяцев.

Я надеялся, что Сталин удовольствуется первыми ответами и переменит тему раньше, чем очередь дойдет до меня, но ему, бесспорно, присуща настойчивость. Он обратился с этим вопросом и ко мне, и я, несколько нетвердо держась на ногах, встал с места.

– Как сказать, – ответил я и перевел дух, стараясь соображать быстро, несмотря на действие паров шампанского. – Не слишком ли академичен этот вопрос? Ведь когда наши армии двинутся с запада, а ваши будут продолжать наступление с востока, вся проблема и разрешится, не так ли? Русские, американские и английские солдаты разделяются с большинством из этих 50 тысяч в бою, и я надеюсь, что такая же судьба постигнет не только эти 50 тысяч военных преступников, но и еще сотни тысяч нацистов.

И, сказав это, я собрался снова сесть. Но Сталин, сияя от удовольствия, обошел вокруг стола и обнял меня за плечи.

– Превосходный ответ! Тост за ваше здоровье! – Я вспыхнул и уже готов был выпить, так как по русскому обычаю полагается пить даже за свое собственное здоровье, – как вдруг я увидел, что перед самым моим носом кто-то гневно потрясает пальцем.

– Вы что же, хотите испортить отношения между союзниками? Вы понимаете, что вы сказали? Как вы осмелились произнести подобную вещь? – Это был Черчилль, взбешенный не на шутку»⁷⁵³.

Я, несколько злоупотребляя цитированием, все же привел этот пассаж, чтобы читатель мог реально себе представить атмосферу, в которой проходили встречи «большой тройки», а вернее сказать, по существу и все переговоры между представителями Советской России и западными союзниками. Каждый раунд таких переговоров был подобен схватке тяжеловесов на политическом ринге. И, как свидетельствуют исторические источники, по большей части Сталину удавалось, если не в полной мере, то хотя бы частично, обосновать и отстоять позицию Советского Союза.

Работая над данным материалом, я наткнулся в Интернете на статью, помещенную в начале января 1943 года в американском журнале «Тайм». Она была посвящена Сталину. По традиции этот журнал в канун нового года определяет по своему выбору человека года. Таким человеком 1942 года журнал назвал Сталина и посвятил ему восторженную, хотя кое в чем и критическую статью. В ней содержатся довольно интересные мысли и оценки, сопоставления с другими личностями того времени. Приведу лишь одно высказывание: «1942 год был годом крови и силы. Человек, чье имя в русском языке означает сталь, стал человеком 1942 года. Только Иосиф Сталин в полной мере знал, как близка была Россия к поражению в 1942 году, и только Иосиф Сталин знал, как он спасет Россию от этого... Он

---

⁷⁵³ Эллиот Рузвельт. Его глазами. С.190 – 191.

коллективизировал крестьянские хозяйства и превратил Россию в одну из четырех великих индустриальных держав на земле. Насколько он преуспел во всем этом, стало очевидно благодаря поразившей весь мир силе России во второй мировой войне. Методы Сталина были жесткими, но они окупили себя»⁷⁵⁴.

Рисуя портрет Сталина-дипломата, я сумел лишь обозначить пунктиром наиболее существенные черты и особенности его стиля и методов деятельности на чисто дипломатическом поприще, т.е. в качестве конкретного переговорщика и оппонента своих контрагентов по коалиции. Дополню это описание еще одной ссылкой на А.А. Громыко: «Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал себя в эти минуты неуютно. Шипы этого взгляда пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скуп. В редких случаях повышал голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием...»⁷⁵⁵

Даже этот беглый, схематический портрет обнажает перед нами незаурядную личность, влияние которой далеко простерлось за пределы его земной жизни. Сталин и до сих пор будоражит умы людей как в нашей стране, так и за ее пределами. И задача состоит в том, чтобы объективно раскрыть его подлинную историческую роль, а не малевать или полубожество, или патологического маньяка. Возвысить нашу страну до уровня второй мировой державы мог только по-настоящему великий человек, а не какая-то мелкая посредственность, претендующая на такую роль. В истории случается все, но еще никогда политический пигмей не стал политическим великаном. А наоборот – иногда происходит!

Завершить этот раздел мне хочется словами одного из американских

---

⁷⁵⁴ «Time». January 1943. (Электронная версия).

⁷⁵⁵ А.А. Громыко. Памятное. Книга первая. С. 199 – 200.

биографов Сталина А. Улама, дающего обобщающую характеристику Сталина не столько как исторической личности, сколько как дипломата. Американский автор в целом резко отрицательно оценивает многие стороны политики Сталина, отмечая, что ни один из тиранов в истории не обладал такой необъятной властью, как Сталин. Вместе с тем он подчеркивает и колоссальные достижения, прямо увязывая их с деятельностью Сталина. О Сталине как дипломате американский автор пишет чуть ли не восторженно-патетически: «Но если полководческие заслуги Сталина сомнительны, то его дипломатический талант безусловен...

Достаточно парадоксально, что этому величайшему дару Сталина выпало меньше всего признания, даже в его собственной стране и даже в период „культа личности“. Его величие как дипломата намного превосходило его дипломатический опыт; оно основывалось на тщательном взвешивании сильных и слабых сторон (как психологических, так и материальных) партнеров и врагов России, их национальных характеров и идиосинкразии, человеческих страстей и страхов. Когда он сел за стол переговоров с Рузвельтом и Черчиллем, он – который лишь недолго жил за границей и чья жизнь была ограничена узами конспирации и коммунистической политики, – знал намного больше о политике и экономике их стран, чем они знали со слов своих экспертов о его. И, что более важно, он разобрался в характерах обоих своих партнеров так, как они никогда не могли бы разобраться в нем»⁷⁵⁶.

Завершая рассмотрение данной темы, хочу, чтобы у читателя не сложилось одностороннего, а значит, и не отвечающего критериям исторической истины впечатления о Сталине как политике и дипломате, не имевшем отрицательных черт и качеств, добивавшемся только побед и успехов в своей внешнеполитической и дипломатической деятельности. Я не берусь и не в силах обелить Сталина прежде всего как политика, ибо на нем лежит тяжкий груз ответственности за многие деяния, совершенные в его политической карьере. Это, пожалуй, самая сложная и вместе с тем самая противоречивая страница его политической биографии. Простых объяснений тут нет и не может быть. Но уклониться от них не дано. История еще ждет исчерпывающего, объективного и беспристрастного ответа на многие вопросы, касающиеся различных сторон деятельности Сталина. Равно как ждет более полного и объективного исследования его роли как дипломата. Ведь заклеить мало. Надо дать ясное и всестороннее объяснение всему тому, что имело место в истории его жизни. Это в полной мере относится к периоду Великой Отечественной войны, которая стала не только блестящей страницей всей нашей истории, но и, пожалуй, гималайским пиком его деятельности как государственного деятеля, политика и, как бы по совместительству, дипломата.

---

⁷⁵⁶ Adam B. Ulam . Stalin. The man and his era. p. 559.

7. Финал второй мировой войны: разгром Японии

После завершения войны в Европе оставался единственный очаг агрессии и войны – Япония. Сталин в своей военно-политической стратегии исходил из того, что Советский Союз должен выполнить неукоснительно свои обязательства, данные им союзникам на Ялтинской и последующих конференциях. Участие СССР в разгроме японского милитаризма сокращало число возможных жертв как со стороны союзников, так и с японской стороны, в том числе мирного населения. Во-вторых, советский лидер вполне резонно полагал, что вклад Советской России укрепит ее международные позиции и станет немаловажным фактором при решении послевоенных проблем на Дальнем Востоке. А это имело большое значение для решения территориального вопроса, а также для развития отношений с Китаем. Таким образом, в одно целое сливался целый комплекс факторов, лежавших в основе решения Сталина вступить в войну против Японии.

По мере того, как все более реальной становилась перспектива военного поражения Японии, ее правящие круги взяли курс на то, чтобы хоть в какой-то степени улучшить отношения с Советским Союзом. Эта линия была следующим образом сформулирована в правительственном курсе.

«Позиция империи по отношению к Советскому Союзу. Империя до последней возможности будет избегать войны с Советским Союзом и, обеспечивая поворот к лучшему в дипломатических отношениях между обеими странами, будет заботиться о том, чтобы не допускать выпадов с нашей стороны по отношению к Советскому Союзу, не давать поводов для того, чтобы позиция Советского Союза по отношению к Японии стала жесткой, но в то же время придерживаться решительной линии при законных требованиях империи»⁷⁵⁷.

Японские правящие круги всеми мерами стремились предотвратить возникновение войны между Японией и Советским Союзом и обеспечить поворот к лучшему в японо-советских дипломатических отношениях. В то же время, уловив удобный момент, они намеревались оказать содействие заключению мира между Германией и Советским Союзом. Дальнейшее развитие событий на театрах военных действий со всей убедительностью показало, что приведенные выше установки японских правящих кругов не имели под собой реальной почвы и отражали скорее пожелания и иллюзорные надежды, нежели реальные расчеты.

Огромную роль в поражении Японии сыграли налеты союзной авиации на японские города и промышленные объекты, в частности на Токио.

---

⁷⁵⁷ Хатори Такусио. Япония в войне. 1941 – 1945. СПб. 2000. С. 306 – 307.

Последствия оказались потрясающими. Моральный дух гражданского населения резко упал после налета на Токио: из городов бежало свыше 8,5 млн. жителей. В результате резко сократилось военное производство, и это произошло в тот момент, когда военная экономика Японии находилась почти на пределе своих возможностей.

В это время начался более реалистический анализ и общей международной ситуации. Так, стали более трезво оценивать позицию СССР в предстоящий период. Японские правящие круги пришли к выводу, что весьма сомнительно, что Советский Союз в случае развития неблагоприятной обстановки для стран оси в Восточной Азии и Европе будет твердо придерживаться нейтралитета в отношении Японии. И тем не менее с упорством маньяков японские милитаристы держали курс на продолжение войны и строили иллюзии относительно будущего.

Поскольку Германия оказалась в тяжелом положении, нейтральная позиция Советского Союза по отношению к Японии становилась сомнительной. Возрастали трудности и в деле обеспечения военного сотрудничества с сателлитами Японии в «Великой Восточной Азии.» Среди широких кругов японского населения стало проявляться, хотя и не открыто, чувство тревоги в отношении перспектив войны. Ожили антивоенные пацифистские тенденции среди придворных кругов. Понимая всю бесперспективность войны против Объединенных Наций в целом, в особенности в условиях перспективы разгрома гитлеровской Германии и завершения военных операций в Европе, японские правящие круги стали весной и летом 1945 года усиленно зондировать почву относительно возможности заключения мира на выгодных для Японии условиях.

Летом и осенью 1944 года в Японии особые надежды возлагались на переговоры с Советским Союзом. Первоначально Токио выдвигал идею японского посредничества в целях содействия заключению сепаратного мира между СССР и Германией, а также проведения переговоров с Москвой по широкому кругу вопросов японо-советских отношений. Предполагалось даже послать специальную миссию в Москву во главе с бывшим премьером Тодзио. Из Москвы пришел ответ: СССР отказал в приеме специальной миссии Японии. В связи с таким положением Высший совет по руководству войной Японии определил следующим образом позицию в отношении Советского Союза: на время отложить вопрос о посылке специальной миссии, но в удобный момент вновь возобновить переговоры; стараться разрешить все имеющиеся проблемы в отношениях с Советским Союзом⁷⁵⁸.

Примерно в то время, когда в Токио вынашивали планы путем дипломатических маневров как-то компенсировать свои военные поражения и подготовить почву для заключения мира на условиях, которые были бы

---

⁷⁵⁸ Хатори Такусио. Япония в войне. 1941 – 1945. С. 653.

выгодны Японии, из Москвы поступил ясный и недвусмысленный сигнал. 6 ноября 1944 г. И.В. Сталин произнес речь, которая явилась неожиданным ударом. Дело в том, что прежде в официальных выступлениях обеих сторон избегали упоминать о делах партнеров, а на сей раз Сталин впервые в своей речи коснулся японского вопроса и назвал Японию агрессивным государством.

Но тем не менее Токио продолжал питать иллюзии относительно возможности заключения выгодного для себя мирного договора. Достаточно сказать, что японцы установили связь с главой американской разведки в Европе А. Даллесом. В июне 1945 года было передано американцам японское предложение о заключении мира. Японские мирные условия заключались в следующем: изменение термина «безоговорочная капитуляция», неприкосновенность императора, сохранение конституции, международное управление Маньчжурией, оставление Кореи и Тайваня за Японией. Как явствует из этих условий, японский милитаризм не собирался всерьез идти на уступки. Из Вашингтона был получен ответ: США желали бы сохранить в неприкосновенности императорский режим, но так как возражали другие страны (СССР, Франция и Китай), они хотели бы не фиксировать этого в письменном виде. Американцы считали, что японская конституция должна быть изменена. США не возражали против переговоров, рекомендуя начать их до вступления Советского Союза в войну. Некоторые круги в Соединенных Штатах Америки склонны были договориться с японцами сепаратным путем⁷⁵⁹.

Рассматривая коренные причины катастрофического положения, в котором оказалась Япония в 1945 году, необходимо отметить и такой важный фактор, как роль национально-освободительного движения в странах, оказавшихся под японской оккупацией. Разглагольствования японцев о «зоне совместного процветания», которое якобы несло с собой установление власти японцев, на деле обернулось жесточайшими преследованиями и карательными акциями против населения оккупированных стран. Токио стремился использовать недовольство населения своим колониальным положением (от Англии, Голландии, Франции и т.д.), делал ставку на те силы, которые стремились вообще освободиться от прежней колониальной зависимости. С этой целью даже было создано марионеточное правительство Индии, полностью контролировавшееся японцами. Однако эти расчеты в конечном счете не оправдались. Японская оккупация оказалась во много раз худшим злом, чем даже господство старых колонизаторов. Вполне естественно, что во время второй мировой войны усилилось национально-освободительное движение и во многих странах Юго-Восточной Азии. Во Вьетнаме, в Бирме, на Филиппинах и в Малайе были созданы специальные

---

⁷⁵⁹ Там же. С. 341 – 342.

вооруженные силы – армии и партизанские отряды, которые вели успешную борьбу против японских оккупантов.

Советско-японские отношения в период войны были наполнены фактами прямого нарушения японской стороной пакта о нейтралитете. Можно сказать, что фактически Япония открыла второй фронт против Советского Союза. Так, в 1942 году японское командование сосредоточило в прилегающих к СССР районах армию в 11000 тыс. человек, т.е. 35% всей армии, 2/3 танковых сил и т.д.⁷⁶⁰ Она вплоть до битвы за Берлин снабжала Германию секретной разведывательной информацией о Советском Союзе.

В свете всего сказанного вполне естественным и закономерным явилось решение Советского Союза 5 апреля 1945 г. денонсировать пакт о нейтралитете. «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР», – говорилось в заявлении Советского правительства. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. В связи с этим Советское правительство заявило, что «при таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным»⁷⁶¹.

В феврале 1945 года на Крымской конференции трех держав Советский Союз подписал соглашение, которое придало этому обещанию нашей страны юридическую силу. Соглашение в пунктах, касающихся Японии, гласило: «Руководители Трех Великих Держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией»⁷⁶².

⁷⁶⁰ Л.Н. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М. 1962. С. 380.

⁷⁶¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М. 1947. С. 166.

⁷⁶² Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 273.

И это обещание было выполнено, как говорится, с избытком. Советский Союз вступил в войну с Японией не через 6, а через 3 месяца после краха фашистской Германии. Некоторые историки утверждают, что, мол, вступление СССР в войну уже мало чего меняло в ситуации. Однако американские военные реально планировали операции против Японии и на 1946 год. Так что бесспорным фактом является то, что вступление СССР в войну не только решающим образом ускорило ее завершение, но и сберегло жизни многих тысяч солдат союзников. Не следует забывать, что Япония к августу 1945 г. еще располагала серьезной военной мощью в лице Квантунской армии, которая позже была разгромлена советскими войсками.

Как свидетельствуют убедительные исторические факты, союзное военное командование считало, что война с Японией продлится еще долго. Это утверждали многие политические и военные деятели США и Англии. Так, Черчилль заявил в палате общин 16 августа 1945 г. (уже после атомной бомбардировки Японии), что невозможно определить, сколько времени потребуется для подавления сопротивления в собственно Японии. Военный министр США Г. Стимсон тоже считал, что операции по овладению Японией могут быть длительными и весьма напряженными. В памятной записке Трумэну 2 июля 1945 г. он писал: «Если мы осуществим высадку на одном из главных островов и начнем захватывать Японию, японцы, по всей вероятности, станут сопротивляться до последней капли крови... В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию...». Поэтому Стимсон ставил вопрос: «Нельзя ли, не прибегая к насильственной оккупации Японии, принудить ее вооруженные силы к безоговорочной капитуляции?..» Считая это возможным, военный министр предлагал сделать Японии соответствующее предупреждение⁷⁶³.

26 июля 1945 г. правительства США, Англии и Китая направили Японии ультиматум, вошедший в историю под названием Потсдамской декларации. В ней излагались условия, на которых Япония должна была капитулировать: устранение власти и влияния милитаристов, оккупация указанных союзниками пунктов, ограничение японского суверенитета островами метрополии, возрождение и укрепление демократических тенденций в стране, наказание военных преступников, ликвидация военной промышленности и другие. Одним из важнейших требований являлась безоговорочная капитуляция всех японских вооруженных сил. В декларации, в частности, говорилось: «Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил и столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии.

Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему

---

⁷⁶³ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М. 1965. С. 531.

находиться под властью тех упорных милитаристских советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет она по пути, указываемому разумом»⁷⁶⁴.

Потсдамская декларация была выработана без участия СССР. Несмотря на это, ее содержание в полной мере соответствовало интересам Советского Союза, который присоединился к декларации 8 августа 1945 года. Представляется важным отметить один важный факт: Сталину удалось добиться того, что инициатором решения, согласно которому Япония после поражения должна была понести определенные территориальные потери, был не Советский Союз, а США. Именно они в ряде документов, подписанных в ходе второй мировой войны, настояли на этом. Наиболее полно программа послевоенного урегулирования с Японией, принципы, на которых должна была базироваться политика союзников в отношении Японии после войны, – все это четко сформулировано в Потсдамской декларации.

Японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию. Принимая решение продолжать войну, правительство Японии рассчитывало на раскол антифашистской коалиции. Для этого японские представители вели секретные переговоры с США и Великобританией. Они добивались сохранения императорской власти после войны. Правительство Трумэна, по существу, ответило на это согласием. Лишь отказ Японии принять требование безоговорочной капитуляции привел к тому, что переговоры с США не принесли желаемых результатов. Одновременно правящие круги Японии хотели использовать Советский Союз как мирного посредника между США и Японией, но безуспешно. Сталин на Потсдамской конференции проинформировал делегации США и Великобритании о дипломатических маневрах Японии. Попытки расколоть антифашистскую коалицию вновь потерпели крах.

Черчилль в связи с предстоявшим вступлением Советского Союза в войну против Японии занимал скорее отрицательную, нежели положительную позицию. Он исходил из того, что новое оружие делает ненужным участие Советской России в войне. Таким путем он стремился, по возможности, сузить или свести к минимуму договоренности, принятые ранее. Он боялся усиления влияния Советской России на Дальнем Востоке.

Достаточно привести соответствующие рассуждения английского премьера на этот счет:

«Кроме того, нам не нужны будут русские. Окончание войны с Японией больше не зависело от участия их многочисленных армий в окончательных и, возможно, затяжных боях. Нам не нужно было просить у них одолжений. Через несколько дней я сообщил Идену. „Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не желают участия русских в войне против

---

⁷⁶⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 383.

Японию⁷⁶⁵. Поэтому всю совокупность европейских проблем можно было рассматривать независимо и на основании широких принципов Организации Объединенных Наций. Внезапно у нас появилась возможность милосердного прекращения бойни на Востоке и гораздо более отрадны перспективы в Европе. Я не сомневался, что такие же мысли рождались и в голове у моих американских друзей. Во всяком случае, не возникало даже и речи о том, следует ли применить атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну, даровать всем мир, залечить раны измученных народов, продемонстрировав подавляющую мощь ценой нескольких взрывов, после всех наших трудов и опасностей казалось чудом избавления»⁷⁶⁵.

Здесь, кроме всего прочего, поражает та легкость, с которой Черчилль рассуждает о необходимости применения атомного оружия в войне против Японии.

Его, конечно, не слишком заботили соображения морали, не терзали мысли о колоссальных жертвах среди мирного населения Страны Восходящего солнца.

Надо отметить, что Сталин трезво оценивал произошедшие на мировой арене изменения, в том числе и применительно к вопросу об участии СССР в войне на Дальнем Востоке. Он понимал, что ставка исключительно на применение атомной бомбы отнюдь не дает абсолютную гарантию союзникам в том, что Япония чуть ли немедленно капитулирует. Здесь, как говорится, все еще было покрыто мраком неопределенности, и правительство Соединенных Штатов Америки не желало идти на риск. Именно поэтому оно и рассматривало вступление СССР в войну как позитивный фактор, дающий Вашингтону неоспоримые гарантии скорого окончания войны.

Летом 1945 г. правительство США приняло решение использовать в войне против Японии атомную бомбу. Была ли в этом военная необходимость? Нет! Ведь уже было совершенно очевидно, что Япония находилась накануне капитуляции, что ее судьба была предрешена как ходом второй мировой войны, так и предстоявшим через несколько дней вступлением в войну СССР. Первую бомбу американцы взорвали над Хиросимой 6 августа 1945 г. 9 августа американцы сбросили вторую атомную бомбу на приморский город Нагасаки.

Вступление Советского Союза в войну с Японией было вполне логичным и справедливым решением. В этой связи приведем мотивировку, которая содержалась в акте Советского Союза об объявлении войны: «Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить

---

⁷⁶⁵ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 664.

количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года. Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после её отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»⁷⁶⁶. Более чем миллионная Квантунская армия, личный состав которой воспитывался в духе фанатической преданности императору и ненависти к Советскому Союзу, представляла собой серьезную военную силу. К тому же она располагала многочисленными бактериологическими средствами, которые предназначались для применения в массовом масштабе, и опиралась на заранее подготовленный во всех отношениях плацдарм на территории Маньчжурии и Кореи.

Для тех, кто считал судьбу Японии уже предрешенной, сошлюсь на то, как английский премьер оценивал военный потенциал Квантунской армии: «Вряд ли можно назвать японский фронт в Маньчжурии слабым, хотя, конечно, советские войска, изготовившиеся к наступлению на Дальнем Востоке, превосходили силы противника, оборонявшиеся в этом районе. Японские войска в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах насчитывали 49 дивизий, общей численностью свыше 1 млн. человек, а с учетом местных формирований – 1,2 млн. человек, 6640 артиллерийских орудий, 1215 танков. В Маньчжурии был создан мощный стратегический плацдарм. Протяженность полосы укреплений составляла 800 километров и насчитывала более 4500 дотов. Сухопутную группировку японских войск поддерживали около 2 тыс. самолетов. Группировка советских войск насчитывала свыше 1,7 млн. человек, около 30 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и САУ, более 5 тыс. боевых самолетов»⁷⁶⁷.

9 августа Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке атаковали Квантунскую армию с суши, воздуха и моря. Боевые действия войск развернулись на фронте протяжением свыше 4 тыс. км. Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся Квантунской армией для связи с Японией, и своими

---

⁷⁶⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 363.

⁷⁶⁷ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 682.

военно-воздушными силами нанес мощные удары по портам в Северной Корее.

За 23 дня советские войска наголову разбили японскую Квантунскую армию и освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Враг потерял за это время свыше 677 тыс. солдат и офицеров, из них убитыми около 84 тысяч. Советские войска захватили большие трофеи. Таких больших потерь японская армия не несла ни в одной из предыдущих операций ни против китайцев, ни против американцев. Это было самое крупное поражение японских империалистов в ходе всей второй мировой войны. Общие потери Красной Армии составляли около 32 тыс. человек. Наступление Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке – это подлинно молниеносный удар, закончившийся полным окружением всей Квантунской армии и уничтожением ее по частям⁷⁶⁸.

Было бы грубой исторической ошибкой недооценивать роль и значение вступления Советского Союза в войну против Японии. Наш вклад в дело победы над Японией очевиден и бесспорен. Однако по этому поводу до сих пор бытуют две неправильные точки зрения. Одна из них, которой на протяжении ряда лет придерживались в Советском Союзе, приписывает нашей стране решающую роль в победе над японским милитаризмом. Так, например, В.Н. Евстигнеев в своей работе «Разгром империалистической Японии на Дальнем Востоке» утверждал: «Исторические факты свидетельствуют о том, что победоносные боевые действия советских сухопутных сил в Маньчжурии и Корее и военно-морских сил в Охотском, Японском и Жёлтом морях решили исход войны с империалистической Японией и обеспечили ликвидацию очага мирового фашизма на Востоке»⁷⁶⁹.

Нисколько не преуменьшая значение и роль Советского Союза в победе над Японией, едва ли есть достаточные основания приписывать нашей стране главную заслугу в этой победе. Не менее ошибочна и точка зрения, согласно которой наша роль в достижении победы злонамеренно отрицается или же крайне преуменьшается. Бесспорным фактом является то, что вступление СССР в войну сократило ее сроки в весьма значительной мере, что было благом для всех, в том числе и для самих японцев. В противном случае продолжение ставшей уже бессмысленной войны принесло бы Японии новые страдания и разрушения.

Своеобразную точку зрения на причины поражения Японии во второй мировой войне высказывает «Британская энциклопедия». Согласно этой точке зрения, центральную роль в решении капитулировать сыграли не

---

⁷⁶⁸ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. С. 544.

⁷⁶⁹ В.Н. Евстигнеев. Разгром империалистической Японии на Дальнем Востоке. М. 1951. С. 24.

атомные бомбардировки США и не вступление Советского Союза в войну. Эту роль сыграла военно-морская блокада японских островов, в результате которой страна была обречена на экономический крах, а также осознание японским руководством того факта, что без экономических связей со своими колониями продолжение войны являлось бессмысленным актом. Бомбежки лишь довели до сознания японского народа неотвратимость поражения. В «Британской энциклопедии» подчеркивается, что японская сухопутная армия представляла собой мощную силу и, в отличие от военно-морского флота и авиации, серьезно не пострадала и готова была к продолжению войны⁷⁷⁰.

9 августа 1945 г. премьер-министр Японии зачитал заранее подготовленный проект заявления следующего содержания: «Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора». Затем премьер-министр дал разъяснения. Судзуки сказал, что Высший совет на сегодняшнем заседании решил принять условия капитуляции, если: а) она не затрагивает императорской фамилии; б) японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий; в) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства; г) не будет осуществлена оккупация с целью гарантии⁷⁷¹.

Итак, Япония, приняв условия Потсдамской декларации, признала себя побежденной. В этой войне потери Японии в людях составили 2 млн. 600 тыс. человек. Это было невиданное за всю историю Японии поражение. Причем следует иметь в виду, что со времени маньчжурского конфликта решающую роль в Японии играли военные, и прежде всего представители армии, которые занимали особое положение. В последний период войны такое положение занимал военный министр генерал Анами. Возвратившись в свою резиденцию, военный министр Анами написал свое последнее обращение к войскам и на рассвете 15 августа покончил с собой. Покончили с собой и ряд других видных японских военачальников.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» был подписан Акт о капитуляции Японии. В нем говорилось: «Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооружённых сил и всех вооружённых сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся»⁷⁷².

---

⁷⁷⁰ «Британская Энциклопедия». (Электронная версия).

⁷⁷¹ Хатори Такусиро. Япония в войне. 1941 – 1945. С. 796.

⁷⁷² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 481 –

Подписание Акта о капитуляции означало конец войны с Японией и конец всей второй мировой войны. Это было великое событие для всех народов мира. Оно открыло принципиально новую страницу в истории Японии. В определенном смысле была поставлена точка и в истории развития японского милитаризма. Цена, которую заплатил японский народ за агрессивную политику своих правящих кругов, была весьма велика. И она оставила неизгладимый след в сознании всего японского народа.

В связи с победоносным завершением войны на Дальнем Востоке Сталин выступил с обращением к народу. Он охарактеризовал вкратце всю историю развертывания японским милитаризмом агрессивных действий против России, а затем и против Советского Союза. Перечень оказался внушительным. Капитуляция Японии стала закономерным финалом ее политики агрессии и захватов чужих территорий. Советский лидер подвел всему этому итог. Поражение Японии явилось финальным аккордом второй мировой войны. Сталин сказал, обращаясь к своим согражданам:

«Это означает, что наступил конец второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всём мире, уже завоёваны... Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира»⁷⁷³.

Итак, в Советском Союзе начался новый этап развития. Новый этап начался и в государственной и политической деятельности Сталина. Перед страной, а значит и перед ее лидером, встали новые задачи, решение которых требовало колоссального напряжения сил и энергии. Наступил мир, но не наступил покой в мире. Старые проблемы сменились новыми, порой не уступавшими по своей сложности и трудности тем, которые решались прежде. Сталин мог бы с полным на то правом повторить слова А. Блока:

«И вечный бой! Покой нам только снится...»

Вся дальнейшая политическая судьба Сталина служит как бы подтверждением справедливости этих крылатых слов великого русского

⁷⁷³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 203 – 206.

поэта.

ГЛАВА 9. РОЛЬ СТАЛИНА В РЕШЕНИИ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Главная цель – восстановление и развитие экономики

Победоносное завершение Великой Отечественной войны означало для Сталина не только торжество правильности его военно-политической и стратегической линии. Оно со всей ясностью вместе с тем вскрыло и серьезные ошибки и недостатки в подготовке страны и ее вооруженных сил к отпору агрессорам. Он, конечно, в своих публичных выступлениях касался этой щекотливой проблемы, однако не делал на этом акцента по причинам вполне понятным и объяснимым. Однако для себя сделал надлежащие уроки и суровые выводы. Мировая обстановка после войны не сулила спокойствия и благолепия, не означала, что Советская Россия отныне находится в полной и гарантированной безопасности. Напротив, новые тенденции и веяния в политике союзников со всей определенностью говорили о том, западные державы всерьез намерены воспользоваться разрухой, в состоянии которой привела страну война, для того, чтобы диктовать свои условия Советскому Союзу. Сталина не убаюкивали миролюбивые заявления лидеров западных стран, ибо он исходил не из сентиментальных чувств, а из реальной оценки положения. И первой – и самой неотложной – задачей являлось восстановление разрушений, причиненных войной. А размеры ущерба носили поистине астрономический характер.

Поэтому на первый план встали задачи экономического порядка. Сталин незамедлительно поставил этот вопрос в качестве приоритетного во всей жизни государства. Именно эти задачи со всей четкостью были поставлены им в речи перед избирателями 6 февраля 1946 г. Тогда он сказал: «Теперь несколько слов насчет планов работы Коммунистической партии на ближайшее будущее. Как известно, эти планы изложены в новом пятилетнем плане, который должен быть утвержден в ближайшее время. Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-

исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать...

Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности...»⁷⁷⁴

Как видим, программа была намечена более чем грандиозная. Некоторыми она была воспринята как явно нереальная и чересчур завышенная, поскольку для ее реализации отводился слишком небольшой по историческим меркам срок. Многие города и села лежали в развалинах, люди устали от чрезмерного напряжения во время войны, не хватало квалифицированных кадров практически во всех сферах экономики, наличные ресурсы были строго лимитированы. Словом, как считали многие, намечался новый великий, но слишком крутой перелом. А люди, надо признать, испытывали потребность хотя бы некоторое время отдохнуть, пожить не в обстановке постоянного аврала. Иными словами, в грандиозных планах вождя в потенции были заложены не только чисто объективные экономические трудности, но и субъективные – преимущественно морально-психологического плана.

Но Сталин не был бы самим собой, если бы довольствовался половинчатыми решениями и отказывался от грандиозных задач в столь короткие исторические сроки свершить намеченное. Надо отметить, что и сам вождь уже не мог похвастаться блестящим состоянием здоровья. Война не прошла даром: она сильно подорвала его силы, что было неудивительным, учитывая почти нечеловеческие нагрузки, которые ему пришлось переносить в годы войны. Близко соприкасавшийся со Сталиным в то время

---

⁷⁷⁴ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 15 – 16.

управляющий делами Совнаркома (затем Совета Министров СССР) Я. Чадаев отмечал, что уже в первые годы после разгрома фашизма здоровье Сталина заметно ухудшилось. Во многом сказалось огромное напряжение военных лет. В чем-то ему пришлось себя ограничивать. Врачи настойчиво рекомендовали «вождю народов» бросить курить. Курить он стал гораздо меньше, большую трубку заменил на меньшую по размеру, хотя окончательно «порвал с курением» только в последний год жизни⁷⁷⁵.

Но, как говорится, здоровье здоровьем, а восстанавливать разрушенное было необходимо вопреки всем трудностям. Но дело не ограничивалось одним лишь восстановлением. Это являлось первоочередной, но не единственной задачей. Речь шла о том, чтобы путем интенсивного развития всех отраслей народного хозяйства на основе внедрения новейших достижений науки и техники сделать настоящий рывок в развитии страны, чтобы хотя бы по некоторым важнейшим параметрам сравняться с развитыми странами Запада. А Сталин видел в них не только вчерашних союзников, но и потенциальных соперников, а вероятнее всего, – будущих противников. Все это в совокупности и предопределяло сталинскую стратегическую линию в области экономического развития Советской России. Пока еще у него хватало сил и энергии, воли и целеустремленности, чтобы успешно добиваться решения поставленных перед страной задач.

По своей сложности и масштабам эти задачи, вне всякого сомнения, превосходили все, что было сделано в прежние годы. Нужны были как новые, нетрадиционные, творческие подходы к их успешному решению, так и колоссальная организационная работа. И страна, весь советский народ приступили к осуществлению намеченных планов.

По инициативе Сталина было решено в самое короткое время составить и принять пятилетний план. Политбюро ЦК ВКП(б) дважды – 14 февраля и 4 марта 1946 г. – обсуждало окончательный проект плана. После этого он был представлен на рассмотрение и утверждение в Верховный Совет СССР второго созыва.

Верховный Совет СССР заслушал доклад о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 – 1950 годы, с которым выступил кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. Развернулось его широкое обсуждение. 18 марта Верховный Совет СССР единогласно принял «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 – 1950 годы».

В Законе определялись основные хозяйственно-политические задачи пятилетнего плана: восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем

---

⁷⁷⁵ См. Г.А. Куманев. Рядом со Сталиным. С. 389.

превзойти этот уровень в значительных размерах. Для их выполнения предусматривалось первоочередное восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, сельского хозяйства и промышленности.

Пятилетний план предусматривал скорейшее восстановление разрушенных основных производственных фондов и значительное расширение материально-технической базы народного хозяйства. Для этого требовалось не только восстановление и развитие промышленности районов, подвергавшихся оккупации, но и расширение, и укрепление индустриальной базы на Востоке страны, освоение новых районов. Общий объем продукции промышленности увеличивался по сравнению с предвоенным 1940 годом на 48 процентов, в том числе в освобожденных районах – на 15 процентов⁷⁷⁶.

Соответственно планируемым масштабам восстановления и развития народного хозяйства определялся объем капиталовложений. За пятилетие они должны были составить 250 миллиардов рублей (в ценах соответствующих лет), из них около 115 миллиардов рублей – на возрождение и развитие хозяйства и культуры в республиках и областях, разоренных фашистской оккупацией. Размеры и направления капиталовложений обуславливались прежде всего конкретными задачами восстановления в каждой отрасли и экономическом районе, необходимостью совершенствования структуры производства, сложившейся в предвоенные и военные годы, требованиями научно-технического прогресса.

Предстояли колоссальные строительные работы. Намечалось восстановить, построить и ввести в действие не только тысячи крупных заводов и фабрик, но и множество средних и мелких предприятий.

Ведущее место в пятилетнем плане отводилось тяжелой индустрии, темпы роста которой должны были опережать темпы роста производства предметов потребления.

Для четвертой пятилетки было характерно ускоренное развитие и повышение доли Востока страны в производстве металла и добыче нефти. Всемерное укрепление индустрии на Востоке страны являлось одним из необходимых условий успешного возрождения хозяйства в районах, подвергавшихся оккупации. При этом признавалась нецелесообразной реэвакуация большинства промышленных предприятий из тех мест, где они заново сложились и окрепли, имели топливно-сырьевую базу и налаженные кооперированные связи.

Наиболее высокие темпы роста по пятилетнему плану намечались для машиностроения, от которого прежде всего зависел технический прогресс в народном хозяйстве. Особенно возрастало производство металлургического оборудования, станков, автомобилей, тракторов, паровозов и вагонов,

---

⁷⁷⁶ Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия) 12 – 19 марта 1946 г. М. 1946. С. 56.

электрооборудования.

В области сельского хозяйства Закон о пятилетнем плане предусматривал восстановление и развитие земледелия и животноводства в районах, подвергавшихся вражеской оккупации, и превышение к концу пятилетки довоенного уровня сельскохозяйственного производства в целом по СССР. Для этого требовалось обеспечить дальнейшее упрочение общественного хозяйства колхозов и материально-техническое укрепление машинно-тракторных станций и совхозов.

В новой пятилетке планировалось повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе значительного роста национального дохода. Если в 1940 году он составлял 128,3 миллиарда рублей, то в 1950 году должен был достигнуть 177 миллиардов рублей (в ценах 1926/27 г.). Намечалось полное восстановление разрушенного жилого фонда городов и сел, новое жилищное строительство. Расходы государственного бюджета на социально-культурные мероприятия увеличивались к 1950 году более чем в два с половиной раза по сравнению с 1940 годом. Среднегодовая заработная плата рабочих и служащих по мере роста производительности труда и квалификации должна была к концу пятилетки превысить довоенный уровень. Предполагалось перейти от нормированного снабжения населения по карточкам к развернутой советской торговле уже в первые годы пятилетки.

Намеченная в пятилетнем плане реальная программа мирного развития Советского Союза, подъема его экономической мощи еще более повышала престиж СССР на международной арене, усиливала симпатии трудящихся масс зарубежных стран к героическому советскому народу.

По указанию Сталина были в довольно короткие сроки разработаны основные направления научно-технической политики, стратегическая цель которой состояла в том, чтобы вывести советскую науку на передовые рубежи развертывавшейся в мире научно-технической революции. «Необходимо, – указывал в феврале 1946 года ЦК партии, – заботиться о дальнейшем развитии советской науки, всемерно поддерживать людей науки, добиваться широкого распространения научных знаний в народных массах, дальнейшего расширения и улучшения подготовки научных и технических кадров. Советская наука и техника должны непрерывно двигаться вперед и идти в первых рядах мировой науки и техники»⁷⁷⁷.

В соответствии с перспективными планами Сталина и по его указанию были намечены первоочередные задачи научно-технического прогресса: усиление его роли в восстановлении и развитии промышленности и других отраслей экономики, в совершенствовании ее отраслевой структуры, ускорении подъема производства и повышении производительности труда. В

---

⁷⁷⁷ КПСС в резолюциях. Т. 6. М. 1971. С. 145 – 146.

связи с этим следовало добиться более тесного взаимодействия науки, техники и производства, укрепления сотрудничества ученых с работниками промышленных предприятий. Громадные возможности открывало использование достижений науки и техники для внедрения в народное хозяйство прогрессивных технологических процессов, основанных на электрификации, химизации, комплексной механизации, автоматизации. Особое значение придавалось наиболее перспективным направлениям: проблемам ядерной физики, практического использования атомной энергии, создания реактивной авиации и ракетной техники, радиотехники, электроники и т.п.

Для выполнения поставленных задач намечался и осуществлялся обширный комплекс мероприятий общегосударственного значения. Увеличивались ассигнования на научно-исследовательскую работу. Сотни миллионов рублей были выделены на сооружение новых и реконструкцию существующих научных учреждений, модернизацию их оборудования. Улучшилось материальное обеспечение научно-технических работ. Расширялась сеть научно-исследовательских институтов и конструкторских организаций, развивались существующие и создавались новые академические и отраслевые научные центры, которые укреплялись квалифицированными кадрами.

Послевоенное развитие отечественной науки и техники свидетельствовало о том, что советские ученые успешно справлялись с решением крупнейших теоретических и прикладных проблем. Благодаря вниманию и заботе Центрального Комитета партии плодотворно решалась проблема использования атомной энергии. Работу в этой области координировал и направлял специально созданный правительственный орган, в состав которого входили Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, В.А. Малышев, М.Г. Первухин, Е.П. Славский.

В условиях нарастающего противостояния с бывшими союзниками, в первую очередь с Соединенными Штатами Америки, особое значение приобрела работа над созданием ядерного оружия. Правящие круги США преследовали политические цели – продемонстрировать свою силу для устрашения свободолюбивых народов, запугать Советский Союз. В 1947 году Советское правительство заявило, что для СССР больше нет секрета атомной бомбы. В августе 1949 года в СССР было проведено испытание первой атомной бомбы. Потеряв монополию на ядерное оружие, США усилили начатые ещё в 1942 году работы по созданию термоядерного оружия. 1 ноября 1952 года в США было взорвано термоядерное устройство мощностью 3 мегатонны. Термоядерный боеприпас в виде авиационной бомбы в США был испытан в 1954 году. В СССР термоядерная бомба впервые испытана 12 августа 1953 года.

К середине 50-х гг. в СССР и США были построены и приняты на вооружение носители ядерных боеприпасов различных классов и типов (в

том числе ракеты), которые способны, в зависимости от предназначения, доставлять ядерные боеприпасы на различные расстояния. В 60-х гг. ядерное оружие было внедрено во все виды вооруженных сил и оказало решающее влияние на организационную структуру войск и сил флота, привело к изменению взглядов на способы ведения боя, операции и войны в целом, на применение других средств поражения. В 1960 году в СССР был создан особый вид Вооруженных Сил – Ракетные войска стратегического назначения.

Кроме СССР и США, ядерные боеприпасы были созданы и испытаны: в Великобритании 30 октября 1952 г., во Франции 13 февраля 1960 г., в Китае 16 октября 1964 г.⁷⁷⁸

Научным руководителем атомной программы являлся выдающийся ученый академик И.В. Курчатов. Сталин встречался лично с ним неоднократно. Он расспрашивал его о возникавших проблемах и оказывал всю необходимую помощь и содействие по всем линиям. В организованном им крупном институте под его руководством в декабре 1946 года была осуществлена ядерная цепная реакция в первом в Европе атомном реакторе. В 1948 году был пущен первый промышленный уран-графитовый реактор. 29 августа 1949 года успешно прошло испытание атомной бомбы. Создание атомного оружия в СССР способствовало укреплению могущества и обороноспособности нашей Родины и вместе с тем означало большую победу всех миролюбивых сил, демократии и социализма в их борьбе против сил милитаризма и войны.

Учитывая достижения советской науки, по указанию Сталина ЦК ВКП(б) принял ряд мер, определивших пути развития ракетостроения. Развернули деятельность научно-исследовательские и конструкторские организации по ракетной технике, в том числе Опытно-конструкторское бюро, которое возглавил крупнейший ученый С.П. Королев, назначенный Главным конструктором по созданию комплексов автоматических управляемых ракет дальнего действия. Он сыграл выдающуюся роль в осуществлении идеи освоения космоса, решении сложных проблем ракетной и космической техники, воспитании кадров ракетостроителей. В 1948 году был совершен запуск первой отечественной управляемой ракеты дальнего действия Р-1. В следующем году была создана первая высотная геофизическая ракета В-1-А.

Крупных достижений добились авиационная наука и техника. Исследования в этой области значительно активизировались после обсуждения в Центральном Комитете партии вопроса о создании реактивных двигателей и самолетов (декабрь 1945 г.). В апреле 1946 года успешно стартовали реактивные истребители Як-15 и МиГ-9. Много внимания

---

⁷⁷⁸ БСЭ. Т. 30. С. 440.

уделялось созданию реактивных самолетов дальнего радиуса действия. Новые типы самолетов и авиационных двигателей для гражданской и военной авиации разрабатывали конструкторские бюро, во главе которых стояли А.Н. Туполев, С.В. Ильюшин, А.С. Яковлев, О.К. Антонов, В.Я. Климов, А.И. Микоян, М.И. Гуревич, С.А. Лавочкин, А.А. Микулин, В.Н. Челомей, А.Д. Швецов, А.М. Люлька, Н.Д. Кузнецов и др. Исследованием теоретических проблем в области авиации занимались такие научно-исследовательские центры, как Центральный аэрогидродинамический институт имени Н.Е. Жуковского (ЦАГИ), Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ), Всесоюзный научно-исследовательский институт авиационных материалов (ВИАМ) и др.

Высокими темпами росла молодая отрасль науки и техники – радиоэлектроника.

Велись исследования по конструированию электронных вычислительных машин. В принятом в апреле 1949 года постановлении Совета Министров СССР подчеркивалась необходимость внедрения вычислительной техники для исследований в области ядерной физики, реактивной техники, баллистики, электроники, газовой динамики и т.д. В 1951 году под руководством академика С.А. Лебедева в Институте электроники АН УССР была смонтирована и испытана первая советская электронная вычислительная машина.

Дальновидная стратегия Сталина определяла наиболее перспективные направления научно-технического прогресса, концентрировала здесь необходимые силы и средства. Советская научно-техническая мысль, подкрепленная практикой, сделала в годы четвертой пятилетки большой шаг вперед, выходила на передовые рубежи мировой науки и техники. На основе скорейшего внедрения новейших научно-технических достижений было обеспечено дальнейшее повышение технического уровня всех отраслей социалистической промышленности.

В целом надо признать – и факты говорят в пользу этого, – во многом благодаря настойчивым указаниям и контролю со стороны генсека были определены наиболее перспективные направления научно-технического прогресса, где концентрировались необходимые силы и средства. Советская научно-техническая мысль, подкрепленная практикой, сделала в годы четвертой пятилетки большой шаг вперед, постепенно выдвигаясь на передовые рубежи мировой науки и техники.

Одной из наиболее трудных задач, вставших перед партией и советским народом, явилось восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства. В результате тяжелых последствий войны, усугубившихся засухой, валовой сбор зерновых в стране в 1946 году составил 39,6 миллиона тонн по сравнению с 47,3 миллиона тонн в 1945 году и 95,6 миллиона тонн в

1940 году⁷⁷⁹. Государство оказало помощь пострадавшим районам. В борьбе за выявление и использование ресурсов огромную работу провели партийные организации Сибири, Северного Кавказа, центральных и других районов страны.

В такой исключительно сложной обстановке Сталин усилил внимание к вопросам развития сельского хозяйства, определив главные направления деятельности в этой отрасли народного хозяйства: упрочение материально-технической базы производства, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, всемерное развертывание инициативы тружеников села, эффективное использование общественного земельного фонда и техники. Принимались меры для повышения дисциплины труда в колхозах, МТС и совхозах. Закон о четвертом пятилетнем плане требовал обеспечить охрану общественных колхозных земель и колхозной собственности, не допускать нарушений Устава сельскохозяйственной артели и колхозной демократии – выборности, отчетности правлений колхозов перед общим собранием членов сельскохозяйственной артели.

Важную роль в разработке политики партии в деревне, конкретизации путей и средств быстрее восстановления сельского хозяйства сыграл Пленум Центрального Комитета партии, состоявшийся в феврале 1947 года. По указанию Сталина во время его подготовки во многие области страны для изучения положения дел в колхозах, совхозах и МТС выезжали представители ЦК ВКП(б) и Министерства сельского хозяйства СССР. С докладом «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» на Пленуме выступил член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Пленумом была поставлена задача повысить роль сельского хозяйства в подъеме экономики страны. «Пленум ЦК ВКП(б), – говорилось в резолюции, – придает первостепенное значение делу скорейшего восстановления и подъема сельского хозяйства, как необходимому условию успешного развития всего народного хозяйства СССР»⁷⁸⁰.

Сталин исходил из того, что подъем сельского хозяйства не может быть осуществлен на основе некой новой разновидности НЭПа на селе. Решение задачи восстановления и развития сельского хозяйства он увязывал с улучшением практики руководства сельским хозяйством. Поэтому особый акцент был сделан на то, чтобы руководство сельским хозяйством было оперативным и дифференцированным, учитывающим особенности сельскохозяйственного производства и сопровождалось повседневной организаторской и политической работой в массах.

---

⁷⁷⁹ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. М. 1977. С. 272.

⁷⁸⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М. 1971. С. 259.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства стало подлинно всенародным делом. Одной из неотложных задач было строительство производственных зданий и жилых домов в разоренных войной совхозах, колхозах и МТС, создание нормальных условий жизни населения. На помощь пришли трудящиеся всех союзных республик. В освобожденные районы направлялись строительные материалы, семена, скот, выезжали бригады строителей и ремонтников. Сокращение Вооруженных Сил позволило высвободить для народного хозяйства машинную технику и лошадей.

Первостепенной задачей явилось снабжение деревни тракторами и сельскохозяйственными машинами. В результате напряженного труда рабочего класса уже в 1948 году выпуск тракторов на 80 процентов превысил довоенный уровень. Задания пятилетнего плана по производству тракторов и основных сельскохозяйственных машин были перевыполнены. За 1946 – 1950 годы промышленность поставила сельскому хозяйству 248 тысяч тракторов, 93 тысячи зерновых комбайнов, 281 тысячу грузовых автомобилей⁷⁸¹. Уровень технической оснащенности сельского хозяйства к концу пятилетки превысил довоенный. За это время было построено около тысячи МТС. Общее их число возросло до 8,4 тысячи.

Валовая продукция сельского хозяйства в 1950 году практически достигла показателей 1940 года. При этом численность тружеников села стала на 3,1 миллиона человек меньше. Выросла товарная продукция сельского хозяйства. За пятилетку поднялась урожайность всех культур. В 1950 году зерновых было собрано в 1,7 раза больше, чем в 1945 году. Валовые сборы хлопка и сахарной свеклы были выше довоенных⁷⁸². поголовье продуктивного скота, резко сократившееся в годы войны, превзошло показатели 1940 года. Вместе с тем, чтобы обеспечить высокие темпы развития сельского хозяйства, необходимы были большие капитальные вложения. Такими возможностями в первые послевоенные годы Советское государство не располагало.

При реализации программы восстановления и развития сельского хозяйства Сталин неожиданно столкнулся не просто с непониманием его стратегической линии, исходившей из принципа повышения централизации управления сельским хозяйством не только в центре, но и особенно на местах. Речь шла о двух членах Политбюро – Андрееве и Хрущеве. Конечно, Андреев играл здесь второстепенную роль, а Хрущев был как бы вдохновителем новых подходов к вопросам колхозного строительства. Речь шла о предложении Андреева заменить в ряде отраслей сельского хозяйства

---

⁷⁸¹ Капитальное строительство в СССР. Статистический сборник. М. 1961. С. 174.

⁷⁸² Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М. 1971. С. 16, 20.

бригады звеньями, что, безусловно, не могло импонировать вождю. По его инициативе 25 февраля 1950 г. Политбюро приняло постановление, в котором подчеркивалось, «что извращения в организации труда, допущенные в колхозах Курской области и изложенные в решении ЦК ВКП(б), имеют прямую связь с неправильными позициями т. Андреева А.А. в вопросах организации труда в колхозах. В своих выступлениях на совещаниях и в печати т. Андреев до последнего времени призывал к повсеместному закреплению зерновых культур за звеньями, ошибочно утверждая, что только при звеньевой системе достигается высокая производительность труда в колхозах. Высказывания т. Андреева по этому вопросу подрывают производственную бригаду, как основную форму организации труда в колхозах, и объективно направлены против применения крупной техники в зерновом хозяйстве»⁷⁸³.

Вынужден был каяться и Хрущев. Причем сделал он это в довольно унижительном письме лично Сталину. Вот текст его покаяния.

«Дорогой товарищ Сталин.

Вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки в опубликованном 4 марта с. г. выступлении „О строительстве и благоустройстве колхозов“.

После Ваших указаний я старался глубже продумать эти вопросы. Продумав, я понял, что все выступление в целом, в своей основе является неправильным. Опубликовав неправильное выступление, я совершил грубую ошибку и тем самым нанес ущерб партии. Этого ущерба для партии можно было не допустить, если бы я посоветовался в Центральном Комитете. Этого я не сделал, хотя имел возможность обменяться мнениями в ЦК. Это я также считаю своей грубой ошибкой.

Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью, опубликованную 4 марта, подробно разобрать ее ошибочные положения. Если это будет мне разрешено, я постараюсь хорошо продумать эти вопросы и подготовить статью с критикой своих ошибок. Прошу до опубликования посмотреть статью в ЦК.

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мной грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением.

Н. Хрущев»⁷⁸⁴.

Сталин смилостивился и не предпринял в отношении Хрущева каких-

---

⁷⁸³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 – 1953. М. 2002. С. 332.

⁷⁸⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 – 1953. С. 334.

либо строгих мер, тем более что всего несколько месяцев назад по инициативе вождя сам Хрущев был переведен в Москву, был избран секретарем ЦК и первым секретарем Московского горкома и обкома. В «Правде» лишь было помещено краткое сообщение, что в газете при публикации статьи Хрущева выпало сообщение, что она печатается в дискуссионном порядке. Политическая же карьера Андреева фактически на этом закончилась, ибо вождь не прощал ошибок, идущих вразрез с его линией, а также ненужной самодеятельности в важных вопросах.

Главная линия вождя в планах улучшения положения в сельском хозяйстве и повышения производства сельскохозяйственных культур лежала в совершенно иной плоскости: он делал акцент на укрупнении колхозов, превращении их в высокопроизводительные хозяйства. В то же время в стране преобладали мелкие колхозы, не способные, по мысли Сталина, решать вопросы, стоявшие перед сельским хозяйством страны. Поэтому он стал инициатором движения за укрупнение коллективных хозяйств. По его мысли, зафиксированной в постановлении Политбюро от 2 апреля 1951 г., было подчеркнuto, что в системе мер, обеспечивающих дальнейший подъем производительных сил социалистического сельского хозяйства, важное значение имеет укрупнение мелких колхозов. Рекомендую колхозникам провести укрупнение мелких колхозов, ЦК ВКП(б) исходил из необходимости создания наиболее благоприятных условий для успешного решения главной задачи в области сельского хозяйства. Такой главной задачей является значительное повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, быстрое увеличение общественного поголовья скота при одновременном значительном росте его продуктивности. Только при успешном решении этой главной задачи мы добьемся того, что в нашей стране будет обилие продовольствия, легкая промышленность будет в полной мере обеспечена сырьем (хлопок, лен и т.п.), будут накоплены достаточные государственные продовольственные и сырьевые резервы, все наши колхозы станут зажиточными и колхозники заживут богато.

Многолетний опыт колхозного строительства показал, что наиболее успешно развивают общественное хозяйство крупные колхозы, имеющие значительные преимущества перед мелкими колхозами. В крупных колхозах на больших массивах земель гораздо производительнее используются тракторы, комбайны и другие сложные сельскохозяйственные машины, равно как колхозные средства производства. Крупные колхозы имеют возможность вести развитое многоотраслевое хозяйство, основанное на правильных полевых и кормовых севооборотах и передовой агротехнике, и получать более высокие урожаи сельскохозяйственных культур⁷⁸⁵.

Основную ошибку своих невидимых оппонентов вождь усматривал в

---

⁷⁸⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 – 1953. С. 335.

том, что они забывают о главных, производственных задачах колхозов и выдвигают на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах, жилищного строительства в деревне. Бытовые задачи имеют, несомненно, важное значение, но являются все же производными, подчиненными, а не главными. Забвение или умаление главных производственных задач может повести всю нашу практическую работу в деревне по неправильному пути, затруднить дальнейший подъем колхозов и причинить тем самым серьезный вред колхозному строю.

Исходя из неправильного, потребительского подхода к вопросам колхозного строительства, часть наших партийных и советских работников в связи с укрупнением мелких колхозов ошибочно предлагает форсированно осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки, пустить все старые колхозные постройки и дома колхозников на слом и, не считаясь с последствиями торопливого сселения деревень и сел, создать на новых местах крупные «колхозные поселки», «колхозные города», «аггородода», рассматривая это как важнейшую задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Такая постановка вопроса является в корне неправильной. Если бы эта ошибочная установка в вопросах колхозного строительства получила права гражданства, она неизбежно привела бы к замедлению темпов расширенного воспроизводства в колхозах, к отвлечению сил и средств колхозов и советского государства от решения основных задач дальнейшего подъема сельского хозяйства⁷⁸⁶.

Из приведенных выше установок вполне отчетливо явствует, что Сталин отодвигал на второй план вопросы так называемого потребительского характера. Складывалось такое впечатление, что рост производства становился чуть не самоцелью, тогда как в действительности смысл роста производства как раз и состоит в удовлетворении потребностей населения. Здесь вождь, исходя из абстрактно-догматических постулатов, которые он проповедовал и раньше, как бы поставил телегу впереди лошади. Конечно, наивно было бы думать, будто он не понимал, в чем заключается основной смысл производства. Но он все же явно нарушал необходимые, диктуемые реальностями жизни, пропорции между производством и потреблением. Вообще, надо оттенить именно эту особенность его подхода к вопросам экономики, ибо она проявляла себя не только в сельскохозяйственной политике, но и в сфере экономики вообще.

Однако из сказанного не вытекает, будто Сталин вообще не заботился о росте потребления и улучшении жизни населения. Как известно, еще в своей предвыборной речи в 1946 году он обещал народу в ближайшее время отменить карточную систему. Постигшее страну стихийное бедствие – засуха

---

⁷⁸⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 – 1953. С. 336.

1946 года – вынудило отложить на год отмену карточной системы. Постановление о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР приняли в декабре 1947 года. Полностью упраздняясь карточная система распределения промышленных товаров и продуктов питания. В обращение были выпущены новые денежные знаки. Одновременно были введены единые цены на продовольственные и промышленные товары. Заработная плата, оплата по трудовым дням, пенсии и стипендии сохранялись в прежних размерах.

Одним из источников роста реальных доходов трудящихся было снижение цен. За годы пятилетки оно проводилось трижды, в результате чего к марту 1950 года государственные цены уменьшились на 43 процента. Отмена карточек, денежная реформа, единые государственные цены, их снижение привели к соответствующему изменению цен и на колхозном рынке.

Другим источником улучшения материального положения трудящихся явился рост заработной платы рабочих и служащих и доходов крестьян как от общественного, так и от личного хозяйства. Реальные доходы в расчете на душу населения в 1950 году по сравнению с 1940 годом были на 34 процента больше.

В целом завершение пятилетки ознаменовалось значительным перевыполнением плановых заданий по восстановлению и строительству жилого фонда в городах и рабочих поселках, введением в строй 102,8 миллиона квадратных метров общей жилой площади (по пятилетнему плану – 84,4 миллиона). В сельских местностях было построено 2,7 миллиона домов. Несмотря на такие большие успехи, население многих городов, рабочих поселков и сел продолжало еще испытывать нужду в благоустроенных жилищах. Решить эту сложную проблему за одно пятилетие было невозможно. Для этого требовался более длительный срок.

Подводя некоторый итог рассматриваемой темы, следует констатировать следующее. Главным результатом самоотверженного труда народа было восстановление основных отраслей народного хозяйства – промышленности, сельского хозяйства, строительной индустрии, транспорта и связи. На основе анализа объективных условий Сталин и партийное руководство в целом правильно определили ведущие направления развития социалистической экономики, ликвидации образовавшихся во время войны диспропорций. К 1950 году народное хозяйство СССР не только достигло довоенного уровня, но и сделало новый шаг в своем развитии: значительно увеличился совокупный общественный продукт, усилилась концентрация производства, углубились его кооперация и специализация, возрос объем энергетических ресурсов и технический уровень орудий труда, осуществлены важные меры по развитию оборонной индустрии.

Значительные успехи были достигнуты в промышленности.

Установленное пятилетним планом задание на 1950 год по объему промышленной продукции перевыполнено на 17 процентов. На основе внедрения новейших достижений современной техники обеспечено дальнейшее повышение технического уровня всех отраслей социалистической промышленности.

С конца 40-х – начала 50-х годов в стране начала осуществляться грандиозная (даже слишком грандиозная!) программа преобразования природы и осуществления амбициозных планов великих сталинских строек. Наряду с насущными и чрезвычайно важными проектами (например, сооружение Волго-Донского канала, ряда лесозащитных полос, возведения в Москве знаменитых сталинских высоток и т.д.) задумывались и проекты явно несуразные в своей основе: создание искусственного моря в Западной Сибири, строительство плотины в районе Тихого океана, чтобы отвести холодные течения от берегов Сибири, и ряд других. Жизнь сама показала бесперспективность, а то и бессмысленность такого рода проектов. Но здесь важно подчеркнуть одну мысль – наряду с действительно нужными мерами в сфере экономического развития страны Сталиным или по его указанию принимались и явно непродуманные, выражаясь современным стилем, волюнтаристские решения.

Положительно оценивая итоги четвертой пятилетки, Сталин наряду с достижениями видел непреодоленные до конца послевоенные трудности, недостатки в деятельности плановых органов, ведомств и предприятий. Особое беспокойство вызывало у него состояние сельскохозяйственного производства. В промышленности не всегда соблюдалась плановая дисциплина. Не удалось полностью преодолеть дефицит электроэнергии, металла, высокопроизводительной техники. Большой оставалась текучесть рабочей силы. Недостаточно эффективно действовал ряд научно-исследовательских институтов и проектных организаций. Словом, практика внесла определенные коррективы в его амбициозный план форсированного развития экономики страны. Хотя это обстоятельство ни в коей мере не преуменьшает экономических достижений страны в послевоенный период. Всего за 5 – 7 лет страна вновь встала на ноги и превратилась в одно из сильнейших в экономическом плане государств мира. И это несмотря на все разрушения, причиненные невиданной в ее истории войной.

Выполнение программы восстановления и дальнейшего подъема экономики страны имело важный международный аспект. Этому аспекту Сталин придавал первостепенное значение, поскольку в мире стали сгущаться грозные тучи и обстановка не переставала накаляться. Выполнение четвертого пятилетнего плана означало упрочение позиций Советского Союза на мировой арене, расширение его возможностей для оказания поддержки восточноевропейским странам, вступившим на путь социализма. Итоги пятилетки благоприятствовали активным действиям, направленным на защиту государственных интересов, укрепление

международных позиций и престижа Советской России. Сталин однозначно исходил из тезиса, согласно которому с окончанием войны решающим участком противоборства двух противоположных общественных систем вновь стала экономика. В западных странах многие всерьез сомневались в реальности осуществления сталинских планов восстановления и развития экономики России после столь разрушительной войны. Надежды на то, что Советский Союз не сумеет самостоятельно преодолеть трудности восстановления народного хозяйства, достаточно ясно выразил орган английских деловых кругов «Уорлд ревью». Весной 1946 года в одной из статей, помещенных в журнале, утверждалось, что Советский Союз «не в состоянии осуществить свой новый пятилетний план одними лишь собственными средствами»⁷⁸⁷. Многие политики и идеологи западного мира пытались представить дело так, будто у СССР имеется только один выход – получение крупного американского займа. Советский Союз разрушил эти расчеты. Несмотря на причиненный народному хозяйству СССР огромный ущерб, система хозяйства, создателем которой являлся Сталин, еще раз доказала свои преимущества. Советский Союз занял одно из первых мест в мире по темпам роста промышленной продукции. Возобновился процесс повышения его доли в мировом производстве.

Многие западные специалисты по советской истории, анализируя трудности и успехи в экономическом развитии страны в первые послевоенные годы, неизменно делают акцент на том, что проблем и провалов в этой области было значительно больше, чем достижений. Они утверждают, впрочем, не без некоторых оснований, что Сталин ориентировал страну на развитие в соответствии с теми моделями, которые были опробованы в 20-е и 30-е годы. При этом из поля зрения начисто выпадает обстоятельство первостепенной важности – многие регионы страны лежали в развалинах и на их восстановление нужны были колоссальные материальные и людские ресурсы. Именно эта задача и предопределяла в силу естественной необходимости ориентацию на развитие ведущих отраслей промышленности. Как это было в первые советские пятилетки. В этом ключе можно допустить подобного рода сопоставление. Что же касается существа, главной стратегической линии в экономической области, то она не могла в силу естественных причин быть повторением опыта прошлого: реальная обстановка и жизнь были совершенно иными, чтобы можно было оперировать полезным в свое время, но уже кое в чем исчерпавшим себя опытом стратегии экономического развития.

Дж. Боффа пишет, например: «Решающим фактором стала политика массивных капиталовложений государства в экономику: их объем превзошел даже тот гигантский поток инвестиций, который был направлен в

---

⁷⁸⁷ «The World Review». April 1946. p. 15.

народное хозяйство в 30-е гг. Для получения столь поразительных результатов сталинское правительство, однако, установило такие критерии и ориентиры в процессе восстановления, которые неизбежно приводили к деформации и диспропорциям. Продолжение развития по довоенным схемам... означало прежде всего возобновление линии на индустриализацию. Она была ещё далеко не завершена к тому моменту, когда страна подверглась гитлеровскому нападению. Следовательно, основным направлением развития снова становилось форсирование роста тяжелой промышленности за счет и в ущерб развитию производства потребительских товаров и сельского хозяйства; такой же была сталинская политика в период перед войной. В еще более радикальной форме эта линия проводилась в жизнь после победы»⁷⁸⁸.

Читая такого рода строки, невольно начинаешь думать, что их автор как бы абстрагируется от реальностей тех лет. Кроме того, он без всяких оснований игнорирует сложившуюся к тому времени международную ситуацию, чего, естественно, не мог себе позволить сделать Сталин. И, на мой взгляд, неправомерно вести речь о возврате к прежней экономической политике, проводившейся перед войной на протяжении полутора десятков лет. Условия коренным образом изменились, и этого игнорировать не мог даже всемогущий диктатор, каким слывет среди них Сталин.

Французский историк Н. Верт также придерживается примерно такой же схемы. Но эту схему он дополняет довольно любопытным, но, на мой взгляд, поверхностным и лишенным реальной базы тезисом. Согласно этому тезису в советском руководстве шла жесткая борьба по вопросу о том, проводить ли радикальные реформы либерального направления или же ориентироваться на сталинские установки в сфере стратегии экономического развития государства. В качестве аргумента он приводит изложенную выше историю с Хрущевым и Андреевым, которая якобы и является свидетельством внутренней борьбы в руководстве, в частности по вопросам создания агрогородов и фактического превращения, таким образом, крестьян в своего рода рабочих, следствием чего являлось уничтожение крестьянина как такового⁷⁸⁹. Возврат к модели развития 30-х годов вызвал значительные экономические потрясения – вот его вердикт.

Мало чем отличаются и умозаключения на этот счет другого западного автора – английского профессора Джеффри Хоскинга, книга которого, как и упомянутого выше Н. Верта, в начале и середине 90-х годов была рекомендована в качестве учебника для российских школ и вузов. (В скобках могу заметить, что чем большим духом неприязни и даже ненависти к Советской России проникнуты были западные издания, тем более охотно они

---

⁷⁸⁸ Джозеппе Боффа. История Советского Союза. Т. 2. С. 308 – 309.

⁷⁸⁹ Н. Верт. История Советского государства. М. 1995. С. 333 – 334, 337.

навязывались нам для соответствующей обработки молодого поколения.) Но возвратимся к высказыванию Хоскинга. Его фундаментальный вывод сформулирован лаконично: «Таким образом, та модель, которая была избрана для послевоенного возрождения экономики, отбрасывала страну к тридцатым годам, и это несмотря на то, что слабые стороны экономики война выявила полностью»⁷⁹⁰.

Не стану вступать в полемику с этими авторами уже хотя бы той причине, что, как было показано в предшествующих главах, именно благодаря интенсивному и эффективному развитию советской экономики в предвоенный период был заложен прочный фундамент нашей победы в войне. Конечно, в развитии отдельных ее отраслей, как и всей экономической системы, были свои минусы и недостатки. Однако неоспоримым фактом остается то, что победителем из войны вышла именно наша держава, и отнюдь не благодаря помощи союзников, как стремятся доказать некоторые слишком уж «объективные» специалисты по Советскому Союзу. Читая их, поражаешься не тому, что они излагают исторические события предвзято, положив в основу своих выводов заранее выработанные антисоветские, а подчас и явно антирусские концепции. Поражаешься другому – как много еще легковверных людей, которым «пудрят мозги» посредством не столько с помощью самих фактов, а посредством их произвольного подбора и интерпретации. На первый взгляд, вроде факты в самом деле реальные, но из этих фактов комбинируются такие хитросплетения и выводы, что от исторической истины ничего не остается.

От западных истолкователей советской истории не отстают и российские либеральные историки и публицисты. Применительно к рассматриваемому периоду они утверждают, что в обществе с нетерпением ожидали, например, роспуска колхозов и принятия других не менее радикальных мер. К примеру, авторы сборника статей по советской истории пишут: «В народе ходили слухи о роспуске колхозов, о предстоящем самороспуске компартии, о близкой войне с бывшими союзниками... За подобными слухами и разговорами важно видеть не только всплеск эмоций, но и реальное положение вещей. Недовольство выросло не на голой почве, а из жизненных процессов, порожденных неразрешенным противоречием между ожиданиями людей, с одной стороны, и темпами реализации этих ожиданий – с другой. В первые два – три послевоенных года не были осуществлены не только наиболее радикальные и спорные из них (как, например, роспуск колхозов), но и совершенно очевидные и непротивительные. Условия и уровень жизни основной массы населения оставался по сути военным»⁷⁹¹.

---

⁷⁹⁰ Джеффри Хоскинг. История Советского Союза 1917 – 1991. М. 1994. С. 312.

⁷⁹¹ Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М. 1991. С. 436.

Условия жизни в первые послевоенные годы, особенно в 1946 и 1947 годах были чрезвычайно тяжелыми. Об этом свидетельствуют не только сухие статистические данные, но и письма, которые некоторые отчаявшиеся граждане отправляли в вышестоящие партийные и государственные органы, в том числе и лично Сталину. Последнему, правда, анонимные письма. Отрывок из одного такого письма я приведу:

«Весь народ горит желанием узнать причину его бедствий и может ли народ рассчитывать на улучшение в материальном обеспечении, народ желает знать знаете ли вы действительное положение население в каком живет народ? народ желает что бы Вы выслали личного – надежного представителя в народ, который мог бы Вам обрисовать действительное положение, а Вы бы подумали какую нужно сделать поправку в ведение с\х хозяйства, ибо эта система не обеспечивает с\хоз продуктами в надлежащем количестве и качестве, в колхозах половина и более пропадает готовой продукции, потому, что колхозники так рассуждают и так получается наяву хоть сколько работай все ровно голодный будешь»⁷⁹².

Конечно, это письмо, полученное с Алтая, рисует безотрадную картину положения в сельском хозяйстве. Но было бы ошибочно думать, что ситуация в других регионах страны была в те годы намного лучше. Люди в своих письмах вскрывали недостатки и пороки в деятельности властей, однако враждебных советскому строю настроений, как правило, не выражали. Более того, в связи с тем, что с конца 1945 года Сталин на несколько месяцев уехал отдыхать на Юг, в район Сочи, его публичное отсутствие стало вызывать тревогу и порождать всякого рода слухи. Отражением таких беспокойных настроений может служить письмо лично Сталину одного жителя Ленинграда в декабре 1946 года. В своем письме он, в частности, затронул, видимо, чрезвычайно острую и актуальную для вождя проблему обеспечения преемственности власти. Что такая проблема являлась назревшей и злободневной, едва ли нужно доказывать.

В своем письме автор – что он поддерживает политику Сталина, явствует из содержания его письма – задает вождю ряд важных вопросов:

«Сейчас, когда Вы ушли на несколько дней, видимо, отдыхать, весь народ спрашивает друг у друга: „Где Сталин?“; „Почему Сталин не был на торжественном заседании, посвященном 29-й годовщине Великого Октября?“; „Почему не Сталин подписал приказ 7 ноября с.г.“; „Почему Булганин подписывает второй приказ, а где же Сталин?“. И кто как вздумает, так и отвечает. Одни говорят, что уехал в Америку, другие – отдыхает, а третьи, что, наверное, болен и т.д.

А ЧТО ЖЕ БУДЕТ, ЕСЛИ ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕОЖИДАННО ОСТАВИТЕ НАС СОВСЕМ?! Тогда, видимо, снова найдутся такие подлецы

---

⁷⁹² Советская жизнь 1945 – 1953. М. 2003. С. 234.

вроде Троцкого, Бухарина, Рыкова и им подобные, трижды проклятые и презренные народом сволочи. Найдутся, видимо, такие „обиженные“ и среди военных. Снова может быть борьба и ненужные жертвы.

Как было бы желательно знать уже теперь:

1. Кто является Вашим ближайшим соратником?
2. Кто явится Вашим преемником?
3. Кто станет во главе ЦК нашей партии?

4. Кто станет во главе нашей великой непобедимой Советской Армии?

Если Вы находите, что сейчас об этом открыто говорить нельзя, то крайне желательно уже сейчас вести соответствующую подготовку в закрытом партийном порядке, а наша советская печать должна (максимально) популяризировать жизнь и деятельность руководителей нашей партии, правительства и армии, особенно будущих Ваших преемников...

Под Вашим руководством наша партия успешно преодолела и преодолевает все трудности военного периода и теперь периода мирного строительства. Но трудностей впереди еще много. Главные трудности внешнеполитического порядка, которые прямо зависят от наших внутренних хозяйственных успехов и военного могущества нашей страны.

Весь советский народ твердо уверен в том, что наша великая коммунистическая партия (большевиков) – партия Ленина – Сталина, во главе своего ЦК, под Вашим руководством успешно преодолеет все трудности, и коммунистическое общество в СССР будет построено»⁷⁹³.

Приведенные выше примеры – не более чем примеры. Они способны отразить и отражают лишь отдельные стороны жизни, настроения и чувств отдельных людей или группы лиц. Но ознакомление с тщательно подобранными материалами, помещенными в книгу, на которую я ссылаюсь, не дают оснований для выводов о том, будто в стране в те времена доминировала антисоветская атмосфера и люди ждали чуть ли не смены общественного строя, в частности ликвидации колхозной системы.

Что же касается вопроса о преемнике вождя, то в дальнейшем я остановлюсь на нем более или менее подробно. Здесь же хочется сделать одну небольшую, но существенную ремарку: Сталин, как все люди диктаторского склада, не думал о своих преемниках. Ведь формально он не имел права в силу существовавших партийных и государственных норм назначать или определять своего преемника. Но это лишь формальная сторона вопроса. Проблема передачи власти тому, кто способен продолжить намеченный тобой курс, – актуальная для всех режимов, в том числе и для псевдомемократических. Была она весьма актуальна и для Сталина в первые и последующие послевоенные годы. Однако на сколько-нибудь серьезный уровень он ее не поднимал, видимо, исходя из разных соображений. Во-

---

⁷⁹³ Советская жизнь 1945 – 1953. С. 473 – 474.

первых, такое назначение неизбежно спровоцировало бы борьбу за влияние на Сталина его ближайших соратников, которая и так проходила без всяких перерывов и пауз. Во-вторых, такое назначение могло каким-то образом создать реальную или потенциальную угрозу безграничной власти самого вождя. В-третьих, он, очевидно, хорошо усвоил бессмысленную затею Ленина заранее определить расстановку сил в высшем руководстве до своей кончины. Как было показано во втором томе, история с ленинским завещанием лишь стала мощным стимулом для активизации борьбы между его вероятными наследниками.

Может быть, поэтому диктаторы, как правило, не определяют своих преемников. Хотя, конечно, в то или иное время они отдают предпочтение и выделяют среди других отелных представителей руководящего ядра. Но проходит время, и симпатии изменяются. Так что преемственность власти – дело исключительно важное и сложное. И надо прямо сказать, что Сталин не только недооценил важности этой проблемы, но и не сумел сколько-нибудь глубоко разобраться в своих соратниках. Будущее показало отсутствие у него по-настоящему глубокого знания и понимания тех лиц, которые составляли так называемое руководящее ядро.

Но я несколько отошел в сторону от главной нити своего изложения – восстановления экономики страны и настроений, проявившихся тогда в обществе.

Не знаю, какие еще слухи витали тогда в обществе, но наверняка основная масса населения отнюдь не была обуяна столь фантастическими надеждами. Если бросить ретроспективный взгляд на современную Россию, то приходится констатировать, что фактический роспуск колхозов в 90-е годы имел катастрофические последствия. Многие сельские районы дошли до стадии полной деградации, сильно упало производство почти всех сельскохозяйственных продуктов, в жалком состоянии находится животноводство. А сама страна вынуждена удовлетворять многие свои потребности в продуктах питания за счет импорта. Разве это не ответ на досужие рассуждения, будто ликвидация кооперации на селе чуть ли не по мановению волшебной палочки приведет к быстрому и бурному росту производства? На деле все это оказалось фикцией.

Если мы перенесемся в те годы, о которых идет речь, то трудно даже представить, какими последствиями все это могло обернуться для страны и ее развития. Так что голыми рассуждениями поборники либеральных реформ в наше время мало кого в состоянии убедить: в их утверждениях много безапелляционности и мало убедительности.

Важной составной частью экономической политики Сталина в первый послевоенный период было осуществление коллективизации в новых республиках и на территориях, вошедших в состав Союза. Процесс преобразования сельского хозяйства в этих республиках и областях состоял из двух этапов: подготовки сплошной коллективизации и ее осуществления.

При этом подготовка коллективизации проходила одновременно с восстановлением промышленности.

Подготовка массового колхозного движения осуществлялась в обстановке острой классовой борьбы. Кулачество, буржуазные националисты и другие враждебные элементы, поощряемые эмигрантскими буржуазно-националистическими центрами, создавали вооруженные банды для борьбы против Советской власти и колхозного строительства. Они убивали партийных, советских, комсомольских работников и колхозных активистов, совершали поджоги, диверсии и грабежи. На борьбу против них поднялись довольно широкие массы населения. Хотя, конечно, не они, а репрессивные органы сыграли главную роль в подавлении сопротивления националистических элементов, а зачастую – и просто недовольных граждан.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства в новых районах к концу четвертой пятилетки было в основном завершено. В Литве к 1951 году в колхозы объединилось 89 процентов крестьянских хозяйств, в Латвии – 96, в Эстонии – 93, в западных областях Белоруссии – 83,7, в правобережных районах Молдавии – 97 процентов, в западных областях Украины к июлю 1950 года – 98 процентов⁷⁹⁴.

Многие исследователи подчеркивают, что процесс коллективизации во вновь присоединенных территориях проходил при упорном сопротивлении сельского населения. Так, к примеру, Боффа пишет, что начиная с 1948 года, под звуки труб и гром литавр была начата кампания по коллективизации в новых районах СССР, которые он приобрел в ходе войны: в Прибалтийских республиках, в Западной Белоруссии, Западной Украине, Молдавии. Коллективизация в основном была завершена в течение двух лет, в 1948 – 1949 гг., несмотря на то что крестьяне жили на этих территориях, особенно в Эстонии и Латвии, разрозненно, по изолированным хуторам. Сопротивление было уже сломлено в предшествующие годы. Коллективизация совпала с последней вспышкой повстанческой войны. Хотя теперь коллективизацию характеризуют как добровольную, на самом деле решение о ней было принято наверху: учитывая положение в стране в целом, было просто невозможно сохранить на западной ее периферии такой способ сельскохозяйственного производства, который бы основывался на частной собственности, и более или менее свободные рыночные отношения⁷⁹⁵.

Не кривя душой, следует признать, что сопротивление коллективизации было достаточно серьезным. В Западной Украине, например, на этой – и не только на этой – базе широко развернулась борьба против Советской власти различных банд, известных под собирательным понятием бандеровцы. На их

---

⁷⁹⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга вторая. С. 193.

⁷⁹⁵ Джузеппе Боффа. История Советского Союза. Т. 2. С. 316.

ликвидацию было затрачено немало сил и средств, но в конце концов их сопротивление было сломлено. Многие из них были репрессированы, отправлены в тюрьмы и лагеря. Но остановить процесс коллективизации – в этом Сталин был убежден абсолютно твердо – было, конечно, невозможно.

Надо отметить, что Сталин регулярно через органы безопасности получал достоверную информацию о репрессивных мерах, осуществлявшихся по отношению к тем, кто противился установлению и утверждению советского общественного строя. Из новых советских республик систематически поступали известия о протестах и актах бойкота или саботажа при обобществлении хозяйств и других радикальных мер. Но вождь, как показывают факты, не придавал этому слишком серьезного значения. Тем более, что в сопоставлении с репрессивными мерами 30-х годов нынешние акции носили сравнительно неширокий и в общем довольно умеренный характер, что, впрочем, никак не говорило в пользу того, что Сталин отказался от репрессий как одного из методов достижения поставленных целей и задач. Но какими бы ограниченными (в сравнении с чем?) не были эти меры, они накладывали на жизнь общества свою неизгладимую печать.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что Сталин проявил железную твердость и настойчивость в решении чрезвычайно сложной задачи – скорейшего восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. Ему, разумеется, можно с большой долей обоснованности поставить в вину суровость и жесткость методов, которые использовались для решения поставленных задач. С высоты настоящего подобный упрек кажется справедливым. Однако, чтобы оценки и выводы не противоречили логике исторического процесса, необходимо обязательно не упускать из поля внимания сложную и тяжелую обстановку тех лет. Ни одна из стран мира не понесла такого урона в ходе войны, как Советская Россия. И ни одна из них не решила задач восстановления и развития экономики в столь короткие сроки и столь быстрыми темпами.

2. «Холодная война»: не броская метафора, а жестокая реальность

В послевоенный период внимание и энергия Сталина концентрировались не только на проблемах восстановления форсированного развития экономики страны. Все большее место в его политической деятельности занимали вопросы внешней политики и международных отношений. И хотя война закончилась, в мире не наступило благоволие и спокойствие, народы не освободились от страха повторения ужасов войны. И эти страхи и опасения имели под собой реальные основания. Мир развивался совсем не в том направлении, которое определялось совместными решениями союзников по коалиции.

Если говорить коротко и несколько упрощенно, то партнерство союзников держалось на одном – победить гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию. Это и составляло базу для совпадения их жизненно важных интересов, о которых во время войны так настойчиво и часто говорил советский лидер. Но он, конечно, отдавал себе отчет в том, что это совпадение сойдет на нет, как только будут повержены противники. Нет оснований считать, что Сталин питал здесь какие-либо иллюзии: для этого он был слишком большим реалистом и, не побоюсь использовать это понятие, большим прагматиком. Весь его политический опыт однозначно свидетельствовал о том, что войну неизбежно сменит противостояние, заложенное не только в различиях в общественном укладе, но и в серьезных разногласиях по коренным проблемам послевоенного урегулирования.

Если определять коротко, то коренные цели советской внешней политики после войны не только не изменились, но стали еще более широкими, и я бы даже сказал, глобальными. Речь прежде всего шла о том, чтобы закрепить плоды победы как в территориальном плане, что играло первостепенную роль, так и международно-политическом отношении. Ведь не напрасно было пролито столько крови советских людей, и они понесли колоссальные жертвы, чтобы возвратиться к предвоенному status quo. Восстановление России в границах бывшей царской империи было не проявлением каких-то территориальных экспансионистских амбиций Сталина или порождением его стремления расширить границы коммунистического мира. Оно являлось стремлением восстановить историческую справедливость, нарушенную в условиях слабости Советской России после первой мировой войны и Гражданской войны в стране. Теперь ситуация радикальным образом изменилась, и Советский Союз взял твердый курс на закрепление и полное узаконение достигнутых результатов. Именно в этом западные державы усматривали источники нарастающей конфронтации, которая в конце концов с легкой руки, как считают, американского журналиста У. Липпмана, получила емкое название «холодной войны».

Сказанное выше отнюдь нельзя расценивать в качестве доказательства того, что именно Советская Россия явилась источником новой разновидности войны. Скорее, наоборот. Именно западные державы, в первую очередь США, пришли к выводу, что, наконец-то у них появились реальные возможности установить свою гегемонию в мире, используя для этого благоприятные для них условия, прежде всего наличие атомного оружия и колоссальную экономическую мощь. Для достижения своих целей они использовали все имевшиеся возможности и приемы, постоянно, по мере развития событий, дополняя их новыми средствами.

Вполне справедливо видный советский историк и дипломат Ю.А. Квицинский в интервью по поводу 60-й годовщины начала этой пресловутой войны говорил, что американцы любят говорить, будто тогдашний президент Трумэн некоторое время после завершения Второй мировой войны колебался,

уговаривал Сталина продолжать сотрудничество, а тот, мол, этого не хотел и не понимал добрых дружественных намерений США. В результате такой узости мышления и «невоспитанности» Сталина... дескать, и произошла «холодная война».

Уже в послании американского президента Трумэна Конгрессу 19 декабря 1945 г. говорилось «о бремени постоянной ответственности за руководство миром», которое легло на США, о необходимости «доказать, что США полны решимости сохранить свою роль руководителя всех наций». А в следующем послании в январе 1946 года Трумэн призывал США использовать силу и положить её в основу отношений с другими нациями. Ясно, что такая заявка на руководство всем миром, всеми нациями и применение в случае необходимости силы для его осуществления не могла не сталкивать США и СССР. Мы ведь вышли бесспорными победителями из Второй мировой войны, стали действительно великой державой, а нам предлагалось подчиниться чужой воле. При этом в американских газетах писалось, что если в свое время Рим был центром мира, то в XX веке Вашингтон будет таким центром в ещё большей степени, чем Рим. Впрочем, американская политика в этом отношении никогда не отличалась особой изобретательностью и гибкостью⁷⁹⁶.

Американские политологи потратили немало усилий на то, чтобы доказать, что органически присущий советской системе и коммунизму вообще экспансионизм являлся якобы изначальным истоком и первопричиной начала «холодной войны»⁷⁹⁷. Небезызвестный Зб. Бжезинский писал в связи тем, какие цели преследовал Сталин и какие методы он использовал при ведении «холодной войны»: «„Холодная война“ велась не только против западных и некоммунистических стран всюду, но также и против некоммунистических идей в Советском Союзе. И это было сущностью единой в своей основе кампании, необходимой, как полагал Сталин, для его выживания.

Поведение Сталина на этой первой стадии „холодной войны“ имело некоторые особенности. Оно временами тщательно подготавливалось, хотя это иногда носило беспорядочный характер. Его проявления были всегда агрессивны и приводили к критическим ситуациям, но после того, как опасность обнажала себя полностью, запоздалое благоразумие сдерживало Сталина от того, чтобы переступить порог пропасти. Его чувство реализма, хотя и подверженное колебаниям, было все же довольно адекватным. Он продолжил внимательно следить за всеми возможностями, вкладывая очень многое в политические кампании, нацеленные на дезориентацию западной

---

⁷⁹⁶ См. «Советская Россия». 13 марта 2007 г.

⁷⁹⁷ Robert Conquest . Stalin. p. 278.

общественности»⁷⁹⁸.

Рискуя несколько переборщить по части цитирования и анализа западных концепций происхождения и самого хода «холодной войны», я тем не менее позволю себе сослаться еще и на Дж. Кеннана, который, как известно, стоял у истоков этой войны. Именно он сформулировал концептуальные подходы к политике, на которую должны ориентироваться США в отношении Советской России.

Дж. Кеннан, работавший тогда в посольстве США в Москве, отправил 22 февраля 1946 г. в госдепартамент длинную телеграмму, в которой, как потом было признано практически всеми исследователями, детально сформулировал целостную программу краткосрочных, а главное, стратегических долгосрочных мер, призванных лечь в основу жесткой политики по отношению к Советской России. В данном случае он как бы опередил У. Черчилля в призыве резко и по всем направлениям ужесточить линию в советско-американских отношениях и общий мировой курс США. Не стану излагать все рекомендации американского дипломата. Квинтэссенция их сводилась к следующему:

«Мировой коммунизм походит на злостного паразита, который кормится только на больных тканях... Мы должны формулировать и выдвигать для других наций гораздо более положительную и конструктивную картину вида мира, чем та, которую мы хотели бы видеть и которую мы выдвигали в прошлом. Недостаточно того, чтобы торопить людей развивать политические процессы, подобные нашим собственным. Много иностранных народов, в Европе по крайней мере, утомлены и напуганы опытом прошлого, и меньше заинтересованы в абстрактной свободе, чем в безопасности. Они ищут руководство скорее, чем обязанности. Мы должны быть более способными, чем русские, чтобы дать им это. И если мы этого не сделаем, русские, конечно, сделают это. Наконец, мы должны иметь храбрость и уверенность в себе, чтобы цепляться за наши собственные методы и концепции человеческого общества. В конце концов, самая большая опасность, которая может случаться с нами в разрешении проблемы советского коммунизма, состоит в том, что мы позволим нам стать подобно тем, против кого мы боремся»⁷⁹⁹.

Надо сказать, его меморандум вполне справедливо до сих пор считается чуть ли не краеугольной идеологической основой этой политики. В дальнейшем, уже в конце 50-х – начале 60-х годов, Дж. Кеннан подверг определенной корректировке свои взгляды на отношения с Россией. Он,

---

⁷⁹⁸ Robert Conquest . Stalin. p. 281.

⁷⁹⁹ Полный текст телеграммы см. Foreign relations of the United States. 1946. Vol. VI. 1969. p. 696 – 709.

несомненно, сделал надлежащие выводы из уроков кризисов, которые пережил мир из-за жесткого противостояния двух систем. Как говорится, он сопоставил позитивные и негативные результаты противоборства и сумел заглянуть за горизонт событий, чтобы увидеть, к чему способна привести бескомпромиссная «холодная война».

Дж. Кеннан, несмотря на свое резко негативное отношение к коммунизму как идеологии и государственной системе, тем не менее предлагал не возводить антагонизм в самодовлеющий принцип, что может завести слишком далеко. Он подчеркивал, что «определенная степень антагонизма существует во всех системах международных отношений, вследствие чего всегда и везде необходима некоторая мера компромисса, поскольку политические общества должны жить вместе на той же самой планете»⁸⁰⁰.

Формально прародителем «холодной войны» не без веских на то оснований считают У.Черчилля, связывая это с его печально знаменитой речью 5 марта 1946 г. в американском городе Фултон. Там он в присутствии Трумэна изложил основные постулаты своей программы борьбы против Советского Союза и практически объявил о том, что наступил в истории послевоенного развития период «холодной войны». Прежде всего он призвал к укреплению союза так называемых свободных народов, т.е. к образованию военно-политического и экономического блока во главе с Соединенными Штатами Америки. Он пел дифирамбы в адрес Вашингтона и подчеркивал, что без их руководства мир окажется в смертельной опасности. Но лейтмотив его выступления состоял в ином – он обрушился на Советский Союз и его политику. При этом, правда, сделал несколько лицемерных реверансов в адрес России и Сталина лично. Но это была продуманная дипломатическая уловка.

Суть же своих взглядов он сформулировал следующим образом:

«Лучше предупредить болезнь, чем лечить ее.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии – я не сомневаюсь, что и здесь тоже, – питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы

---

⁸⁰⁰ *George f. Kennan . Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston – Toronto. 1961. p. 259.*

рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты – уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, о нынешнем положении в Европе. От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы... Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии»⁸⁰¹.

Нельзя сказать, что речь Черчилля явилась чем-то неожиданным и была подобна грому с ясного неба. Сталин, да и многие демократически мыслящие люди в мире, чувствовали и понимали, что приближается принципиально новый, причем кардинальный поворот в политике западных держав. Вся логика развития международных отношений в тот период свидетельствовала в пользу такого умозаключения.

Сталин ответил незамедлительно, и ответил резко и решительно, отбросив все покровы дипломатической этики. Я воспроизведу основные положения интервью, данного Сталиным корреспонденту «Правды» в связи с речью Черчилля. Что надо было реагировать немедленно, советскому лидеру было предельно ясно. Он понимал, что разворачивается настоящий крестовый поход против Советской России, а также общее наступление против всех тех, кто не желал попадать под американское ярмо.

Он детально ответил на целый ряд вопросов. Наиболее существенные моменты его ответов я здесь воспроизвожу.

«Вопрос. Как Вы расцениваете последнюю речь господина Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

Вопрос. Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

---

⁸⁰¹ Полный текст речи У. Черчилля в г. Фултоне 5 марта 1946 г. См. «Источник». 1998 г. № 1. С. 93 – 98.

Ответ. Безусловно, да. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война...

Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР... Поэтому нельзя относиться серьезно к фальшивым заявлениям друзей господина Черчилля в Англии о продлении срока советско-английского договора до 50 и больше лет. Продление срока договора не имеет смысла, если одна из сторон нарушает договор и превращает его в пустую бумажку.

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности.

Господин Черчилль утверждает, что „Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы“. Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ „экспансионистские тенденции“ Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные

Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

...Что касается нападок господина Черчилля на Советский Союз в связи с расширением западных границ Польши за счет захваченных в прошлом немцами польских территорий, то здесь, как мне кажется, он явным образом передергивает карты. Как известно, решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что господин Черчилль недоволен этим решением. Но почему господин Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Берлинской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы? Для чего понадобилось господину Черчиллю вводить людей в заблуждение?

Господин Черчилль утверждает дальше, что „коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль, полицейские правительства, превалируют почти во всех этих странах и до настоящего времени, за исключением Чехословакии, в них не существует никакой подлинной демократии“.

...Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий

выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т.п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему также не нравилось появление советского режима в России после первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход „14 государств“ против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после второй мировой войны новый поход против „Восточной Европы“. Но если им это удастся, – что маловероятно, ибо миллионы „простых людей“ стоят на страже дела мира, – то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад»⁸⁰².

Из обильно процитированных ответов Сталина явствует, что он прекрасно понимал стратегические замыслы зачинателей «холодной войны», которую они при благоприятной возможности могли бы превратить в настоящую горячую войну. И совершенно правы те, кто утверждает, что «холодная война» была способом добиться реализации претензий США на руководство миром. Для этого требовалось коренным образом подорвать позиции Советского Союза, изменить его строй, поставить его на колени. «Холодная война» – это не наше политическое изобретение. Мы, как известно, в те годы отчаянно боролись за мир и делали это вполне искренне. Ослабленному и разрушенному войной СССР никакая новая война была не нужна. Нам надо было бросить все силы на восстановление страны и её ускоренное развитие. Это Запад придумал «холодную войну», причём неизвестно, что в этом словосочетании для него представлялось более предосудительным: то, что велась война, или то, что она, к сожалению, должна была оставаться холодной, поскольку на горячую войну с нами Запад так и не смог решиться, особенно после появления в СССР ракетно-ядерного

---

⁸⁰² *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 25 – 30.

оружия⁸⁰³.

«Холодная война» по своему содержанию и методам ведения находилась в постоянном развитии. Она дополнялась и «обогащалась» все новыми и новыми средствами и методами, но ее основное содержание сводилось к следующему: она была нацелена на обострение и сохранение состояния международной напряжённости, на создание и поддержание реальной опасности возникновения «горячей войны» («балансирование на грани войны»), имела целью оправдать безудержную гонку вооружений, увеличение военных расходов, усиление реакции и преследования прогрессивных сил в капиталистических странах. В арсенал методов и форм «холодной войны» входили: образование системы военно-политических союзов (НАТО и др.) и создание широкой сети военных баз: форсирование гонки вооружений, включая ядерное и др. виды оружия массового уничтожения; использование силы, угрозы силой или накопления вооружений как средства воздействия на политику других государств («атомная дипломатия», «политика с позиции силы»); применение средств экономического давления (дискриминация в торговле и др.); активизация и расширение подрывной деятельности разведывательных служб; поощрение путчей и государственных переворотов; антикоммунистическая пропаганда и идеологические диверсии («психологическая война»); препятствование установлению и широкому осуществлению политических, экономических и культурных связей между государствами.

У меня нет возможностей детально осветить все аспекты этой войны. Остановлюсь лишь на некоторых ее аспектах. Л.А. Безыменский и В.М. Фалин в статье «Кто развязал „холодную войну“...» приводят детальные планы разработки американскими штабами различных планов нападения на Советский Союз, причем датируются эти планы еще 1945 годом. С каждым годом эти планы изменялись и дополнялись, становясь все более агрессивными и опасными. Так, в меморандуме Совета Национальной Безопасности США (СНБ) 7 марта 1948 г. предлагалось объявить, что «разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов». «Этой цели, – записано в меморандуме, – невозможно достичь посредством оборонительной политики. Соответственно Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления во имя мобилизации и укрепления наших собственных сил и антикоммунистических сил несоветского мира, а также в подрыве мощи коммунистических сил»⁸⁰⁴.

---

⁸⁰³ См. «Советская Россия». 13 марта 2007 г.

⁸⁰⁴ Страницы истории советского общества. Люди, факты, проблемы. Сборник статей. М. 1989. С. 354 – 355.

Идем дальше. В документе Объединенного комитета военного планирования 496/1 определены этапы завоевания СССР и его расчленения. Этот документ довольно многословен и детализирован. Приведу лишь наиболее существенную его часть.

«Нынешняя концепция войны с СССР, рассчитанная на ближайшие три года, основана на возможно раннем развертывании воздушного наступления, до предела использующего разрушительную силу и психологический эффект атомной бомбы, соединенного с бомбежкой обычными средствами тех элементов национального потенциала, от которых зависит способность к продолжению военных действий... Союзники должны вести в СССР и на оккупированной им территории политическую, психологическую и подпольную войну. Психологическая деятельность должна максимально использовать страх перед атомной бомбой, дабы ослабить волю народа СССР к продолжению военных действий и укрепить волю диссидентских групп»⁸⁰⁵.

Американская уверенность в своем абсолютном «превосходстве» еще долго будет убаюкивать не только военных, но и политических руководителей США. Эксперты Пентагона даже вычислили, что для подавления воли советского народа к сопротивлению в первые полчаса войны должно быть «выведено из строя» 65 миллионов человек. Ради «удобства планирования» («план „Дропшот“») исходили из того, что в момент удара («день Д» – 1 января 1957 г.) у Соединенных Штатов будет «количественное преимущество 10:1» по атомному оружию и некоторое опережение Советского Союза по «созданию как наступательного, так и обычного оружия»⁸⁰⁶.

В то время как Вашингтон разрабатывал планы нападения на Советскую Россию и ее уничтожения, Сталин в беседах с иностранными политическими деятелями и журналистами неизменно подчеркивал готовность и искреннее желание к развитию мирных отношений, к сотрудничеству со странами, имеющими иную общественную систему. Так, в беседе 9 апреля 1947 г. с видным тогда политическим деятелем США Стассеном он подчеркивал, «...что не следует увлекаться критикой системы друг друга. Каждый народ держится той системы, которой он хочет и может держаться. Какая система лучше – покажет история. Надо уважать системы, которые избраны и одобрены народом. Плоха ли или хороша система в США – это дело американского народа. Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему. Нужно уважать системы, одобренные народом.

---

⁸⁰⁵ Там же. С. 355 – 356.

⁸⁰⁶ Там же. С. 356.

Только при этом условии возможно сотрудничество.

Советскую систему называют тоталитарной или диктаторской, а советские люди называют американскую систему монополистическим капитализмом. Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится. Надо исходить из исторического факта существования двух систем, одобренных народом. Только на этой основе возможно сотрудничество.

Что касается увлечения критикой против монополий и тоталитаризма, то это пропаганда, а он, И.В. Сталин, не пропагандист, а деловой человек. Мы не должны быть сектантами, говорит И.В. Сталин. Когда народ пожелает изменить систему, он это сделает. Когда он, И.В. Сталин, встречался с Рузвельтом и обсуждал военные вопросы, он и Рузвельт не ругали друг друга монополистами или тоталитаристами. Это значительно помогло тому, что он и Рузвельт установили взаимное сотрудничество и добились победы над врагом»⁸⁰⁷.

Американская политика с приходом к власти президента Трумэна с каждым годом и даже месяцем становилась все более открыто агрессивной, направленной против Советской России и стран Восточной Европы, которые все более укрепляли свои узы с Советским Союзом. По существу, формировалась система отношений на востоке континента, которая должна была, с одной стороны, способствовать укреплению обороноспособности Советского Союза, а с другой стороны – создать условия для утверждения в этих странах системы народной демократии. США всячески этому противились, применяя как методы политического, так и экономического давления. Идти на открытое военное столкновение с СССР они, конечно, опасались, поскольку не были уверены в конечном исходе такого противоборства. Главная ставка на атомное оружие была в определенной степени сомнительна, поскольку по указанию Сталина именно в эти годы шла напряженнейшая работа по созданию собственного атомного оружия. Да и у самих США такого оружия в избытке не было, не говоря уже о том, что общественное мнение всего мира, в том числе и в самих Штатах, активно выступало против использования атомного оружия.

В этих условиях на первый план вышли методы экономического и политического давления.

Доктрина Трумэна. Эта доктрина явилась внешнеполитической программой правительства США, изложенной в послании президента Г. Трумэна конгрессу в марте 1947 года. Она приобрела силу закона после утверждения соответствующего законопроекта конгрессом и подписания его президентом в мае 1947 года. Она предусматривала выделение в 1947 – 48 финансовом году 400 млн. долл. для оказания «помощи» Греции и Турции

---

⁸⁰⁷ И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 59 – 60.

под предлогом «коммунистической опасности», якобы угрожавшей этим странам. Соглашения с Грецией и Турцией были подписаны соответственно 20 июня и 12 июля 1947 г. Доктрина Трумэна преследовала цель ограничить усилившийся после 2-й мировой войны 1939 – 1945 гг. рост сил демократии и социализма, оказывать непрерывный нажим на СССР и страны нарождавшейся народной демократии, поддерживать реакционные силы и режимы. Эта доктрина была использована для вмешательства США во внутренние дела других стран, для развязывания «холодной войны» и нагнетания международной напряжённости. Таким образом, она положила начало оказанию широкой военной «помощи» другим странам, сопровождавшемуся созданием сети военных баз на чужих территориях и осуществлявшемуся США в рамках других программ. Ближайшая цель предложенных Трумэном мероприятий состояла в том, чтобы обеспечить за Соединёнными Штатами господствующие позиции на Ближнем и Среднем Востоке.

План Маршалла явился программой восстановления и развития Европы после 2-й мировой войны 1939 – 45 гг. путём предоставления ей экономической помощи со стороны США. Он ставил своей целью поддержать пошатнувшиеся в результате войны позиции капитализма в Западной Европе, воспрепятствовать прогрессивным социальным изменениям в странах континента, создать объединённый фронт против нараставшего освободительного движения в мире, и в первую очередь против СССР и складывавшейся мировой системы социализма. План Маршалла и доктрина Трумэна предшествовали и способствовали созданию агрессивного блока НАТО (1949 г). Идея плана была выдвинута государственным секретарём США Дж. К. Маршаллом 5 июня 1947 г. в выступлении в Гарвардском университете. Она была поддержана Великобританией и Францией, предложившими на Парижском совещании министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и СССР (июнь – июль 1947 г.) создать в Европе организацию или «руководящий комитет», который занимался бы выяснением ресурсов и нужд европейских стран и определял развитие главных отраслей промышленности, что на деле означало бы вмешательство во внутренние дела этих стран. В противовес плану Маршалла Сталин выдвинул предложения, направленные на обеспечение равноправного экономического сотрудничества при уважении национального суверенитета государств, однако они были отклонены западными державами, в связи с чем СССР и страны народной демократии отказались быть участниками указанного плана. Согласие на участие в нём дали 16 государств. В июле эти страны заключили конвенцию о создании Организации (первоначально комитет) европейского экономического сотрудничества, которая должна была разработать совместную «программу восстановления Европы». План Маршалла начал осуществляться с апреля 1948 года, когда в США вошёл в силу закон о 4-летней программе «помощи иностранным государствам»,

предусматривавший предоставление помощи западноевропейским странам на основе двусторонних соглашений; соглашения были подписаны в 1948 году. По этим соглашениям страны – участницы плана Маршалла обязывались способствовать развитию «свободного предпринимательства», поощрять частные американские инвестиции, сотрудничать в снижении таможенных тарифов, поставлять в США некоторые дефицитные товары, обеспечить финансовую стабильность, создать специальные фонды в национальной валюте, высвобождаемой в результате получения американской помощи, расходование которых контролировалось бы США, представлять регулярные отчёты об использовании получаемых средств. Для контроля над исполнением плана была создана Администрация экономического сотрудничества, возглавляемая крупными американскими финансистами и политическими деятелями.

Помощь предоставлялась США в виде безвозмездных субсидий и займов. С апреля 1948 года по декабрь 1951 года США израсходовали по плану Маршалла около 17 млрд. долл., причём основную долю (ок. 60 %) получили Великобритания, Франция, Италия и ФРГ. 30 декабря 1951 г. план Маршалла официально прекратил своё действие и был заменён законом «о взаимном обеспечении безопасности», предусматривавшим одновременное предоставление военной и экономической помощи⁸⁰⁸.

Нельзя в связи с темой плана Маршалла обойти одну любопытную деталь. Сталин понимал, что, пытаясь вовлечь восточноевропейские страны, входившие в сферу интересов СССР, Запад преследовал цель оторвать их от Москвы или, по крайней мере, уменьшить степень их зависимости от нее. Но вначале у него были некоторые колебания, а, возможно, это была попытка проверить лояльность своих восточных союзников. Сама Москва отказалась от участия в конференции, на которой решался вопрос об участии в плане. Затем в начале июля Сталин рекомендовал своим восточноевропейским союзникам послать туда свои делегации. Но в ночь на 7 июля в Белград, Будапешт, Бухарест, Варшаву, Прагу, Софию, Тирану полетели телеграммы с указанием: не ехать в Париж. Хлопнув дверью, Москва не только избавила правительства некоторых стран Восточной Европы от неадекватных желаний Кремля решений (например, Чехословакии и Польши, где действовали коалиционные правительства), но открыло «зеленую улицу» для фронтальной пропагандистской кампании коммунистических партий западноевропейских стран против плана Маршалла⁸⁰⁹.

Берлинский кризис. США, Великобритания и Франция, грубо

---

⁸⁰⁸ БСЭ. (Третье издание) Т. 15. С. 431.

⁸⁰⁹ Подробнее об этом см. *Г.М. Адиеков*. Коминформ и послевоенная Европа. М. 1994. С. 25.

нарушив свои обязательства, согласованные в четырёхстороннем порядке на основе ялтинских и потсдамских решений, довели свою линию в германском вопросе до раскола и расчленения Германии, до ликвидации четырёхстороннего сотрудничества в отношении Германии и стали на путь использования Западной Германии в качестве орудия своих агрессивных планов в отношении СССР, открыто угрожая военными осложнениями. Объединение трёх зон в одну, противостоящую восточной части Германии, решение об образовании сепаратного западногерманского правительства, одностороннее решение об эксплуатации Рура, проведение сепаратной денежной реформы в западных зонах Германии и другие меры предопределили дальнейшее развитие ситуации в Западной Германии.

Новый раздел Европы трагически сказался на судьбе Германии. Восток Германии был оккупирован СССР, запад – США, Великобританией и Францией. В руках западных государств находилась также западная часть Берлина. В 1948 году Западная Германия была включена в сферу действия плана Маршалла. В июне 1948 года западные державы совместно с немецкими властями в одностороннем порядке провели денежную реформу, отменив деньги старого образца. Советские оккупационные власти вынуждены были закрыть границы. В полном окружении оказался Западный Берлин. Сталин решил использовать ситуацию для его блокады, надеясь установить советский контроль над столицей Германии полностью и добиться уступок со стороны США. Но американцы сумели организовать «воздушный мост» в Берлин и парализовать планы Сталина. Действия оккупировавших Германию государств и блокада Берлина 1948 – 1949 годов предопределили раскол Германии на три государственных образования. В мае 1949 года земли, находившиеся в западной зоне оккупации, объединились в Федеративную Республику Германия (ФРГ). Западный Берлин стал автономным самоуправляемым городом, связанным с ФРГ. В октябре 1949 года в советской зоне оккупации была создана Германская Демократическая Республика (ГДР). Советский вождь высоко оценивал факт образования ГДР: в телеграмме руководителям новой республики он подчеркнул: «Образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы. Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами»⁸¹⁰.

Сталин, внимательно анализируя процессы, которые происходили в мире и особенно в западном лагере, был убежден, что западные оппоненты

---

⁸¹⁰ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 100.

ведут дело к созданию широкого военно-политического блока, нацеленного на борьбу против СССР и стран народной демократии. Для него поэтому создание блока НАТО не являлось чем-то неожиданным. Конечно, он хотел бы воспрепятствовать подобному развитию событий, однако не все было в его силах. Он это осознавал и вынужден был считаться с реальностью и фактами.

Организация североатлантического договора (НАТО) явилась следующим, пожалуй, наиболее важным и перспективным шагом на пути создания военно-политического союза, направленного против Советского Союза, социалистических стран и национально-освободительного движения. Он был создан по инициативе США. Начал свою деятельность в разгар «холодной войны» на основе Североатлантического договора, подписанного в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. представителями правительств США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Канады, Италии, Португалии, Норвегии, Дании, Исландии; в 1952 году к договору присоединились Греция и Турция, в 1955 году – ФРГ. Статья 5 – важнейшая ст. Североатлантического договора – устанавливает, что в случае «вооружённого нападения» на одного или нескольких его участников другие члены НАТО немедленно окажут помощь стране или странам, подвергшимся «нападению», путём осуществления такого действия, какое они «сочтут необходимым, включая применение вооружённой силы». Географическая сфера действия договора охватывает территории всех участников договора, острова «в североатлантическом районе – к северу от тропика Рака», находящиеся под юрисдикцией участников договора, и Средиземное море. Статья 4 договора предусматривает консультации между странами – членами НАТО всякий раз, когда, по мнению любой из них, «...территориальная целостность, политическая независимость или безопасность любой из сторон окажется под угрозой». Эта статья имеет целью «обосновать», в случае надобности, вмешательство НАТО во внутренние дела её участников (например, в случае возникновения революционной ситуации в той или иной стране). В договоре не указывается срок его действия. Согласно статье 13, любая страна, входящая в НАТО, имеет право отказаться от участия в договоре через 20 лет после его вступления в силу и выйти из него через год после уведомления о его денонсации.

Военные расходы НАТО в то время (равно как и в настоящее время) неуклонно растут. В 1949 году общие расходы стран НАТО на военные цели составляли 18,7 млрд. долл., в 1959 – 61,6 млрд., в 1969 – 106,4 млрд., в 1973 – св. 120 млрд. Более 75 % этой суммы приходится на долю США, которые занимают доминирующее положение в НАТО⁸¹¹.

Сталин сразу же оценил долгосрочные последствия создания НАТО и

---

⁸¹¹ БСЭ. Т. 18. С. 480 – 481.

ту опасность, которую он представляет не только для Советской России, но и для народов других стран, в том числе и тех, кто боролся за свое национальное или социальное освобождение. Эту свою оценку он сформулировал в статье, в которой подвергал тщательному анализу заявление тогдашнего министра иностранных дел Англии Моррисона. Статья вышла как редакционная – без подписи Сталина.

«Г-н Моррисон утверждает, что Североатлантический пакт является оборонительным пактом, что он не преследует целей агрессии, что он, наоборот, направлен против агрессии, – подчеркнул Сталин. Если это верно, то почему инициаторы этого пакта не предложили Советскому Союзу принять участие в этом пакте? Почему они отгородились от Советского Союза? Почему они заключили его за спиной и втайне от СССР? Разве СССР не доказал, что он умеет и желает бороться против агрессии, например, против гитлеровской и японской агрессии? Разве СССР боролся против агрессии хуже, чем, скажем, Норвегия, являющаяся участником пакта? Чем объяснить эту удивительную несообразность, чтобы не сказать больше?

Если Североатлантический пакт является оборонительным пактом, почему англичане и американцы не согласились на предложение Советского правительства обсудить на Совете министров иностранных дел характер этого пакта? Как известно, Советское правительство предложило обсудить на Совете министров иностранных дел все пакты, заключенные им с другими странами. Почему же англичане и американцы боятся сказать правду об этом пакте и отказались подвергнуть обсуждению Североатлантический пакт? Не потому ли, что Североатлантический пакт содержит положения об агрессии против СССР и что инициаторы пакта вынуждены скрывать это от общественности? Не потому ли согласилось лейбористское правительство превратить Англию в военно-авиационную базу Соединенных Штатов Америки для нападения на Советский Союз?

Вот почему советские люди квалифицируют Североатлантический пакт как агрессивный пакт, направленный против СССР»⁸¹².

Агрессивный характер деятельности НАТО и связанных с ней военно-политических союзов побудил социалистические страны уже после смерти Сталина создать организацию Варшавского договора 1955 года, которая прекратила свое существование в связи с распадом СССР.

Такова в самых общих чертах картина противоборства в период «холодной войны» Советского Союза с бывшими союзниками. Но и в кардинально изменившихся условиях Советский Союз под руководством Сталина не прекращал своих усилий по борьбе за упрочение мира, справедливое послевоенное урегулирование, разоружение, поддержку движения колониальных и зависимых народов. Продолжая укреплять и

---

⁸¹² *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 562 – 563.

расширять сотрудничество с демократическими странами, 16 августа 1945 года СССР подписал с Польшей договор о советско-польской границе и соглашение по вопросу о возмещении ущерба, причинённого германской оккупацией. В 1945 – 48 гг. Советский Союз заключил важнейшие экономические и политические договоры со странами новой демократии (см. Советско-болгарский договор 1948 года, Советско-венгерский договор 1948 года и Советско-румынский договор 1948 г.). 6 апреля 1948 г. был также подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией.

Сталин исходил из того, что в новых условиях сильно возросла роль ООН. Обеспечить мир возможно только тогда, когда организована его коллективная защита. О значении новой международной организации мира и безопасности – организации Объединённых наций – И.В. Сталин говорил еще в ноябре 1944 года. Тогда он следующим образом оценивал перспективную роль ООН в пресечении возможных фактов агрессии:

«Для этого, кроме полного разоружения агрессивных наций, существует лишь одно средство: создать специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности из представителей миролюбивых наций, дать в распоряжение руководящего органа этой организации минимально необходимое количество вооруженных сил, потребное для предотвращения агрессии, и обязать эту организацию в случае необходимости применить без промедления эти вооруженные силы для предотвращения или ликвидации агрессии и наказания виновников агрессии.

Это не должно быть повторением печальной памяти Лиги Наций, которая не имела ни прав, ни средств для предотвращения агрессии. Это будет новая, специальная, полномочная международная организация, имеющая в своем распоряжении все необходимое для того, чтобы защитить мир и предотвратить новую агрессию.

Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие»⁸¹³.

С момента создания главного органа ООН – Совета Безопасности (январь 1946 года) делегации СССР и УССР в этом Совете ставили ряд вопросов, имеющих важнейшее значение для дела поддержания всеобщего мира. Эти вопросы касались опасного положения, создавшегося вследствие англо-американских происков в Греции и Индонезии, в Сирии и Ливане, Палестине и Испании, и, наконец, ставился вопрос о пребывании

---

⁸¹³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 167 – 168.

иностранных войск на территории ряда невражеских государств. Советские предложения по всем указанным вопросам натолкнулись на упорное сопротивление представителей США и Великобритании, не желавших отказаться от своего корыстного вмешательства во внутренние дела других государств.

Такое же упорное сопротивление встретило предложение СССР о запрещении использования атомной энергии для военных целей и о сокращении вооружений и вооружённых сил. Ввиду непрекращающихся попыток англо-американского блока ослабить роль и значение Совета Безопасности, несущего главную ответственность за дело мира, поколебать принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности (т.н. «право вето») и даже вовсе ликвидировать этот принцип делегация СССР неуклонно защищала незыблемость принципа единогласия как одного из важнейших устоев организации Объединённых наций.

Делегация СССР на сессиях Генеральной ассамблеи выступала за право самоопределения народов, за равноправие населения колоний и самоуправляющихся территорий. СССР вместе со странами новой демократии решительно борется за мир и международную безопасность, за демократию и прогресс, против реакции и агрессии, против планов мирового господства, которые надеялись осуществить США при поддержке Англии, Франции и некоторых других государств.

На второй сессии Генеральной ассамблеи ООН советская делегация не только нанесла поражение попыткам американской делегации добиться господства в Ассамблее и изоляции Советского Союза, но внесённым предложением о запрещении пропаганды войны разоблачила конкретных виновников военного психоза и в значительной мере смешала их карты. Осуждение пропаганды новой войны содействовало росту внешнеполитического авторитета СССР.

Противодействие Советского Союза помешало англо-американскому блоку осуществить свои планы в отношении бывших сателлитов Германии – Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии. Благодаря поддержке Советского Союза и лично И. В. Сталина страны народной демократии получили возможность освободиться от фашизма, укрепить в своих странах демократический строй и пойти по пути к социализму. Заключение договоров о дружбе и взаимопомощи между Советским Союзом и каждой из стран народной демократии, а затем заключение договоров о дружбе и взаимопомощи между странами народной демократии укрепили демократический лагерь и усилили позиции стран народной демократии в их борьбе за свою политическую, экономическую и государственную независимость.

Борясь за демократический мир, Советское правительство поставило в 1947 году в организации Объединённых наций вопрос о всеобщем сокращении вооружений и о запрещении использования атомной энергии в

военных целях. Несмотря на сопротивление реакционных кругов, определяющих направление всей внешней и внутренней политики США и Великобритании, а также поддерживающих их государств во главе с Францией и гоминдановским Китаем, Советскому правительству удалось добиться принятия соответствующей резолюции. Однако эта резолюция так и осталась на бумаге. Также остался на бумаге и ряд других важных решений Генеральной ассамблеи, принятых по инициативе Советского Союза. Наиболее ярким примером является резолюция Генеральной ассамблеи от 3 ноября 1947 г. против пропаганды новой войны. В 1948 году Советское правительство вновь внесло на Генеральной ассамблее предложение о запрещении атомного оружия, а также о сокращении на одну треть вооружений и вооруженных сил пяти великих держав. Это предложение англо-американский блок во главе с США отклонил, продемонстрировав перед всем миром отказ от запрещения использования атомного оружия в подготовляемой им новой войне.

Деятельность ООН после обострения отношений между Востоком и Западом становилась все более ориентированной на интересы США и их союзников. В те времена советская пропаганда называла ее не иначе как машиной для голосования. К сожалению, прогнозы Сталина относительно того, чтобы ООН не повторила судьбу Лиги Наций в тот первый послевоенный период, фактически подтвердились. Не случайно в беседе с корреспондентом «Правды» в феврале 1951 года Сталин дал такую уничижительную оценку роли ООН. «Организация Объединенных наций, созданная как оплот сохранения мира, превращается в орудие войны, в средство развязывания новой мировой войны... Таким образом, превращаясь в орудие агрессивной войны, ООН вместе с тем перестает быть всемирной организацией равноправных наций. По сути дела ООН является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам... Организация Объединенных Наций становится таким образом на бесславный путь Лиги Наций»⁸¹⁴.

Сталин особое внимание обращал на неуклонно возраставший атомный шантаж со стороны США как наиболее эффективное средство, по мнению американцев, если не поставить СССР на колени, то заставить его быть более податливым к американским диктатам. Он неоднократно озвучивал свою позицию, подчеркивая главную мысль – эти попытки заранее обречены на провал. Особое возмущение советского лидера вызывало стремление Вашингтона (не только наглое, но и явно бесперспективное) сохранить свою монополию на атомное оружие. В сентябре 1951 года Сталин заявил: «Деятели США не могут не знать, что Советский Союз стоит не только

---

⁸¹⁴ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 147 – 148.

против применения атомного оружия, но и за его запрещение, за прекращение его производства. Как известно. Советский Союз несколько раз требовал запрещения атомного оружия, но он каждый раз получал отказ от держав Атлантического блока. Это значит, что в случае нападения США на нашу страну правящие круги США будут применять атомную бомбу. Это именно обстоятельство и вынудило Советский Союз иметь атомное оружие, чтобы во всеоружии встретить агрессоров.

Конечно, агрессоры хотят, чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии.

Следовательно, если США не думают нападать на Советский Союз, тревогу деятелей США нужно считать беспредметной и фальшивой, ибо Советский Союз не помышляет о том, чтобы когда-либо напасть на США или на какую-либо другую страну.

Деятели США недовольны тем, что секретом атомного оружия обладают не только США, но и другие страны, и прежде всего Советский Союз. Они бы хотели, чтобы США были монополистами по производству атомной бомбы, чтобы США имели неограниченную возможность пугать и шантажировать другие страны. Но на каком собственно основании они так думают, по какому праву?

Разве интересы сохранения мира требуют подобной монополии? Не вернее ли будет сказать, что дело обстоит как раз наоборот, что именно интересы сохранения мира требуют прежде всего ликвидации такой монополии, а затем и безусловного воспрещения атомного оружия? Я думаю, что сторонники атомной бомбы могут пойти на запрещение атомного оружия только в том случае, если они увидят, что они уже не являются больше монополистами»⁸¹⁵.

Подошел момент сделать краткое резюме раздела. Вторая мировая война закончилась победой. Но эта победа таила в себе серьезные зародыши противоборства уже с союзниками по целой гамме как европейских, так и международных проблем. Возникновение «холодной войны» как раз и явилось формой этого противостояния. Ее неизбежное начало можно было предугадать заранее. Сталин, разумеется, прекрасно знал, что предстоит серьезное противоборство с бывшими союзниками, ибо сейчас их связывали не некие жизненные интересы борьбы против Германии и Японии, а реальные и глубокие противоречия. И в соответствии со своей внешнеполитической концепцией советский лидер во всеоружии встретил новый поворот в развитии ситуации в Европе и мире. Главные цели оставались неизменными, хотя изменилось их конкретное содержание и формы. И советский лидер действовал твердо и последовательно, проявляя

---

⁸¹⁵ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 151 – 152.

решительность и непримиримость там, где это диктовалось государственными интересами Советской России, и шел на необходимые уступки и компромиссы в тех случаях, когда это было продиктовано реальной обстановкой. Война закончилась – борьба продолжалась!

3. Сталин и Коминформ

С самого начала я должен сделать одно пояснение. Когда я назвал данный раздел «Сталин и Коминформ», то отнюдь не собирался детально рассматривать весь комплекс вопросов, касающихся роли Сталина в создании новой коммунистической международной организации. В данном разделе речь пойдет о вещах более широкого плана, в частности о политике Сталина в отношении стран Восточной Европы, а также о тех проблемах и трудностях, с которыми сталкивался советский лидер в сфере этих проблем. Иными словами, название в каком-то смысле условное и охватывает совокупность проблем, далеко выходящих за рамки, очерченные заголовком. Деятельность Коминформа здесь займет относительно небольшой объем, и то главным образом с конфликтом между Сталиным и Тито. Полагаю, что читатели с пониманием отнесутся к этим моим самоограничениям. Поскольку в противном случае я рискую завязнуть и даже утонуть в том обилии проблем, которые связаны с поставленной мной задачей.

Перед Сталиным в условиях, когда западные державы резко активизировали свои усилия в деле экономической, а затем и военно-стратегической консолидации (не говоря уже о политической), во весь рост встал вопрос о том, какой ответ дать на этот вызов. Разумеется, всплыл вопрос об укреплении единства и налаживании регулярных связей и координации действий между коммунистическими и рабочими партиями Восточной Европы, а также Франции и Италии с Москвой. Но, конечно, уже не в той форме и не теми методами, которые практиковались в период существования Коминтерна. Это – с одной стороны. С другой, Сталин отдавал себе отчет, что внутренние условия в этих странах различны и применение стандартных, общих для всех партий мер являлось неприемлемым. Таким образом, учет своеобразия ситуации в различных странах Восточного блока явился также важным аргументом в пользу создания новой организации.

После довольно длительной подготовки, в которой Сталин не только принимал личное участие, но, естественно, играл доминирующую роль, было созвано в конце сентября 1947 года Информационное совещание представителей некоторых партий – югославской, болгарской, румынской венгерской, польской, советской, французской, чехословацкой и итальянской. Участники совещания заслушали информационные сообщения о деятельности соответствующих партий. Особый доклад об обмене опытом и

координации деятельности компартий был сделан лидером польской партии В. Гомулкой. Но центральным пунктом повестки дня стал доклад А. Жданова о международном положении. Текст его доклада был просмотрен Сталиным, внесшим в него свои коррективы и поправки. Совещание приняло Декларацию по вопросу о международном положении, в ней в лаконичной форме нашли отражение главные выводы доклада представителя ВКП(б) А. Жданова.

В Декларации четко была сформулирована идея противостояния и противоборства двух лагерей: «Сформировались две противоположные политические линии: на одном полюсе политика СССР и демократических стран, направленная на подрыв империализма и укрепление демократии, на другом полюсе политика США и Англии, направленная на усиление империализма и удушение демократии. Так как СССР и страны новой демократии стали помехой в осуществлении империалистических планов борьбы за мировое господство и разгрома демократических движений, был провозглашён поход против СССР и стран новой демократии, подкрепляемый также угрозами новой войны со стороны наиболее ретивых империалистических политиков в США и Англии.

Таким образом, образовались два лагеря – лагерь империалистический и антидемократический, имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма»⁸¹⁶.

Совещание также приняло резолюцию об обмене опытом и координации деятельности партий, а также решение об издании газеты «За прочный мир, за народную демократию»⁸¹⁷. Было решено также разместить аппарат Коминформа в Белграде. Не стану излагать содержание доклада А. Жданова, поскольку многие его аспекты в той или иной форме были уже освещены выше. Приведу лишь ту часть, где мотивируется необходимость координации деятельности партий.

«Коммунистическое движение развивается в национальных рамках, но

---

⁸¹⁶ Информационное совещание представителей некоторых компартий. В Польше в конце сентября 1947 года. М. 1948. С. 6 – 7.

⁸¹⁷ М. Джилас, видный югославский коммунист того времени, писал впоследствии, что в качестве курьеза стоит упомянуть, что это Сталин придумал газете Коминформа название «За прочный мир, за народную демократию», считая, что западная пропаганда вынуждена будет повторять эти лозунги каждый раз, когда будет что-то цитировать из журнала. Но надежды Сталина не сбылись: название было громоздким, откровенно пропагандистским, и на Западе, как назло, чаще всего писали просто «орган Коминформа». *Милован Джилас*. Лицо тоталитаризма. М. 1992. С. 93.

вместе с тем имеет общие для партий разных стран задачи и интересы. Получается довольно странная картина: социалисты, которые из кожи лезли вон, чтобы доказать, что Коминтерн якобы диктовал для коммунистов всех стран директивы Москвы, восстановили свой Интернационал, а коммунисты воздерживаются даже от того, чтобы встречаться между собой и тем более консультироваться по взаимно интересующим вопросам из опасения клеветы врагов на счёт „руки Москвы“. Представители самых различных видов деятельности – учёные, кооператоры, профсоюзники, молодёжь, студенты – считают возможным поддерживать международный контакт, обмениваться опытом и консультироваться по вопросам своей работы, устраивать международные конференции и совещания, а коммунисты стран, даже имеющих союзные отношения, стесняются устанавливать дружественные связи между собой. Нет сомнения, что такое положение, если бы оно продолжалось, было бы чревато крайне вредными последствиями для развития работы братских партий. Эта потребность в консультации и добровольной координации действий отдельных партий в особенности назрела сейчас, когда продолжающаяся разобщённость может привести к ослаблению взаимного понимания, а порой и к серьёзным ошибкам»⁸¹⁸.

Сталин проводил в отношении стран Восточной Европы и их руководителей весьма и весьма искусную политику. Она не может быть нарисована только одной краской, ибо примитивизм являлся органически неприемлем для советского вождя. Он умел соблюдать декорум, умел проявить уважение и понимание проблем, с которыми сталкивались руководители братских партий. Словом, проявлял все лучшие качества политического деятеля и дипломата самого широкого масштаба. Это косвенно, а то и прямо, подтверждают авторы солидного, хорошо фундированного объемистого труда «Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949 – 1953». Они, в частности, констатируют: «Опираясь на записи бесед Сталина с руководителями компартий в регионе и их шифрпереписку, можно сделать вывод, что отношения были политически и психологически более сложными и отнюдь не сводились только к прямому диктату Сталина. Представляется, что изучивший архивы российский ученый В.К. Волков правильно уловил специфичность контактов Сталина с главами восточноевропейских государств, когда написал: „Беседы Сталина... чем-то напоминали паломничество верующих к святым местам. Кремлевский оракул обладал своеобразным даром воздействия на своих собеседников, мистифицируя их своим вниманием, простотой поведения, политическим опытом. Имеется много свидетельств этих его черт и того впечатления, которое он производил на своих гостей.

---

⁸¹⁸ Информационное совещание представителей некоторых компартий. В Польше... С. 46.

Это актерское мастерство накладывалось на его огромную власть, и даваемые им инструкции он умел преподнести в виде советов, родившихся как бы в ходе совместного общения“.

Но и это было лишь одной из сторон дела. Не следует упускать из вида тот факт, что восточноевропейские лидеры стремились опереться в своей деятельности на огромный авторитет Сталина, использовать его в собственных целях. Конкретные обращения к Сталину по основным вопросам, включая кадровые, предстают как неотъемлемая часть методов управления национальным руководством»⁸¹⁹.

Заслуживает внимания и их оценка характера отношений Сталина с руководителями братских партий. Авторы вышеупомянутого труда пишут: «Документы же показывают, что политика Москвы была в высшей степени прагматичной, соотносилась с конкретными историческими реалиями и вовсе не сводилась к примитивному политическому диктату. Коммунистические лидеры стран Восточной Европы были единомышленниками советского руководства, а вовсе не статистами. Отношения советского руководства и глав партий региона отнюдь не исчерпывались формулой „приказ – исполнение“, ибо каждый из партнеров „играл“ и свою „игру“. Для Сталина определяющими были интересы формировавшегося советского военно-политического блока и прочность власти коммунистов в странах этого блока»⁸²⁰.

Не стану задерживаться на отдельных, хотя и важных, моментах взаимоотношений между Москвой и ее восточноевропейскими союзниками. В общем виде изложу основные вехи развития в восточноевропейских странах в эти годы.

В 1946 – 1948 годах свершился процесс объединения в восточноевропейских странах коммунистических и социал-демократических партий, что, по мысли Сталина, должно было значительно укрепить фундамент их власти. Кроме того, это значительно расширяло социальную базу, на которую они могли опереться в проведении радикальных преобразований.

С самого начала следует подчеркнуть, что советский лидер к внутренним процессам развития восточноевропейских стран подходил порой несколько схематично. Это видно на примере того, что он делал акцент на факторы углубления и расширения классово-политической борьбы в этих странах. В этом плане раздвинуть рамки своего мышления мешал укоренившийся в его сознании советский опыт. Причем многие, конечно, не все характерные

---

⁸¹⁹ Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949 – 1953. Очерки истории. М. 2002. С. 15 – 16.

⁸²⁰ Там же. С. 17.

особенности советского опыта он считал применимыми в этих странах. Но факт остается фактом – классовый фактор выдвигался на авансцену всей общественно-политической и социальной жизни этих стран. Переход власти в руки рабочего класса в странах Восточной Европы сопровождался острой классовой борьбой, напряженными политическими схватками с силами внутренней контрреволюции, пользовавшимися поддержкой западных держав.

Во второй половине 40-х годов рабочий класс европейских стран народной демократии – Албании, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии – успешно завершил под руководством коммунистических партий политический разгром буржуазии и полностью сосредоточил в своих руках государственную власть. Революционная практика трудящихся этих стран породила новую форму власти – народную демократию.

Развитие социалистических революций показало, что процессу перехода от капитализма к социализму присущ ряд общих закономерностей, подтвержденных опытом Советской России. Такие главные закономерности, как руководящая роль рабочего класса во главе с партией и установление диктатуры пролетариата в той или иной форме, союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся, определяли содержание революционного процесса в государствах народной демократии.

Вместе с тем революции в этих странах протекали в иных исторических условиях, чем Октябрьская революция в России, и имели свои особенности. Страны народной демократии вступали на путь строительства социализма в обстановке, когда империализм уже не являлся всеохватывающей системой и в мире происходили коренные изменения в соотношении классовых сил. Эти страны в своей деятельности могли опереться на мощь и поддержку Советского Союза, использовать его богатый опыт.

Коммунистические и рабочие партии стремились учитывать своеобразие революционного процесса. Разработанные ими программы действий явились конкретизацией и развитием идей о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, о единстве действий рабочего класса и других слоев трудящихся в этой борьбе, необходимости опоры на народное большинство.

Благоприятная историческая обстановка, обусловленная существованием Советского Союза, а также ослаблением капиталистической системы, предопределила сравнительно мирное развитие революций. Выступления масс поддерживались «сверху» теми звеньями государственного аппарата, которые находились в руках рабочего класса. Глубокий анализ внутренних и внешних факторов, определявших развитие революционного процесса в тех или иных странах, позволял коммунистическим и рабочим партиям разрабатывать правильную политическую стратегию и тактику. Не отказываясь в случае необходимости

от немирных форм революционной борьбы, вооруженного подавления контрреволюции, они учитывали, что реальное соотношение классовых сил как внутри стран, так и на международной арене открывало возможность мирным путем добиваться революционных преобразований. **Своеобразием народной демократии** было использование некоторых прежних, дореволюционных форм политической организации и институтов, в частности парламента, постепенное наполнение их новым содержанием, подчинение революционным задачам. Народная демократия и в переходный период сохраняла, как правило, всеобщее равное избирательное право за всеми гражданами, в том числе и за представителями буржуазии.

Особенностью строя народной демократии являлось и то, что в большинстве стран существовала многопартийная система. Одновременно с крахом контрреволюционных партий происходил процесс дифференциации и размежевания внутри демократических партий. Одни из них переходили к сотрудничеству с рабочим классом и его политическим авангардом, признав за компартией ведущую роль в строительстве нового общества; другие – распадались и ликвидировались добровольно или принудительно.

Сталин не раз указывал на то, что главная задача народно-демократической власти состояла в создании экономического базиса нового общества. Решение этой задачи, как показал опыт Советского Союза, предусматривает установление общественной собственности на основные средства производства, социалистическую перестройку сельского хозяйства, планомерное, пропорциональное развитие экономики, осуществление коренных преобразований в области идеологии и культуры, ликвидацию национального гнета, установление равноправия и дружбы между народами.

В 1947 – 1949 годах в большинстве народно-демократических государств Восточной Европы была завершена национализация основных средств производства в промышленности, транспорта, банков. Располагая командными высотами в экономике, народно-демократическая власть взяла под свой контроль частнокапиталистический сектор, осуществляла целенаправленную политику экономического регулирования, рассчитанную на рост государственного сектора, расширение и укрепление национализированных отраслей промышленности. Сталин настаивал на том, что условия в этих странах диктуют необходимость более широко, чем в СССР, использовать государственный капитализм как метод привлечения капиталистических элементов в интересах развития народного хозяйства.

Овладев всей полнотой политической власти, рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством смог приступить к созданию материально-технической базы социализма. Те страны, которые до революции были в основном аграрными, становились на путь индустриального развития. В странах, имевших более или менее развитую промышленность, ставилась задача ликвидации оставшихся от капитализма диспропорций в структуре индустрии и в размещении производительных сил, расширения и

технического совершенствования всех отраслей производства.

Задачей первостепенной важности Сталин считал осуществление социалистических преобразований и в сельском хозяйстве. Процесс кооперирования сельского хозяйства в странах народной демократии сопровождался острой классовой борьбой. Сталин в беседах с руководителями братских партий неизменно подчеркивал, что в конечном счете победа социализма невозможна без ликвидации кулачества как класса, которая осуществляется на основе массового производственного кооперирования крестьянства. Ликвидация кулачества в странах народной демократии проходила путем его постепенного ограничения и вытеснения. Прямому раскулачиванию подвергались лишь те, кто занимался саботажем и вредительством. Кулакам, проявлявшим лояльное отношение к народной власти и желание честно трудиться, разрешалось вступать в кооперативы.

Советский лидер был совершенно прав, когда исходил из того, что новая историческая обстановка, изменения в соотношении классовых сил на мировой арене, социально-экономические и национальные особенности стран народной демократии порождали новые формы и методы социалистического строительства. Коллективный опыт социалистических стран обогащал международное коммунистическое движение. В итоге возникла новая форма политической организации общества – народная демократия, которую коммунисты рассматривали как одну из форм диктатуры пролетариата. Она отразила своеобразие развития социалистической революции в условиях ослабления империализма и изменения соотношения сил в пользу социализма. В ней нашли также свое отражение исторические и национальные особенности отдельных стран. Жизнь показала, что вредно как умаление и отрицание общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, так и игнорирование национальной специфики.

Быстрый экономический и культурный подъем в странах народной демократии Восточной Европы, консолидация в них революционных сил, создание объединенных коммунистических партий, рост их влияния на политическую жизнь своих стран, укрепление дружбы, сотрудничества и взаимопомощи народов, развитие их отношений с Советским Союзом – все это явилось важным вкладом в упрочение могущества и сплочение антиимпериалистического, демократического лагеря.

Кратко стоит затронуть еще один вопрос, имеющий отношение к деятельности Коминформа. Советский вождь, внимательно следивший за деятельностью Коминформа и получавший подробную информацию не только о ходе каждого выступления на его совещаниях, но и подробные оценки выступлений представителей других партий, как показывают факты, был недоволен (по крайней мере, не вполне доволен) тем, как функционировал Коминформ. Ему, конечно, не приходило в голову сделать Коминформ неким подобием Коминтерна, ибо это уже в корне не отвечало новым историческим условиям и задачам, стоявшим перед Советской Россией, а также братскими

партиями. Но Сталин, видимо, ломал себе голову над тем, как кардинальным образом изменить к лучшему функционирование данной организации. Высоко ценя интеллектуальные и политические качества лидера итальянских коммунистов П. Тольятти, он в конце 50-х годов предложил ему возглавить Коминформ, чтобы вдохнуть в него новую струю жизни. Однако Тольятти весьма вежливо отклонил это предложение, мотивировав свой отказ рядом убедительных доводов. Его письмо Сталину начиналось именно с отказа. Он, как говорится, сразу взял быка за рога, хорошо зная, что советский вождь не любит, когда его пытаются обвести вокруг пальца с помощью надуманных предлогов. Тольятти писал в начале января 1951 года:

«Сов. секретно

Дорогой товарищ Сталин!

Я много думал над предложением о моем назначении на пост Генерального секретаря Информбюро. Мне очень тяжело выражать мнение, не совпадающее с Вашим; но мне кажется, что итальянская компартия в настоящее время не может согласиться на это предложение»⁸²¹.

Отказ итальянского лидера, конечно, не был главной причиной заката Коминформа. Главное заключалось в том, что он уже по существу не мог отвечать требованиям времени, самой обстановке – и не только мировому положению России, но и ситуации в самих странах народной демократии. Эпоха централизованного руководства из единого центра себя полностью исчерпала, и советский лидер, как человек весьма прагматический и одновременно далеко заглядывавший в будущее, не мог сбрасывать со счета указанные факторы.

Итак, в самом общем виде были рассмотрены процессы социально-экономических и политических преобразований в странах Восточной Европы. Многое, разумеется, осталось вне поля внимания автора. Но из всего изложенного явствует, что Сталин лично оказывал огромное, можно сказать, решающее влияние на пути и методы решения проблем, стоявших перед странами народной демократии. В данной связи возникает вопрос, поставленный авторами исследования о Восточной Европе, на которое я уже ссылался выше.

Используя либеральную фразеологию, они, тем не менее, задаются принципиально важным вопросом: «Итак, 1949 – 1953 гг. для Восточной Европы стали периодом активного внедрения советской (сталинской) модели организации общества.

В начале 50-х годов в странах региона были созданы основные, „несущие“ элементы этой модели: абсолютная концентрация политической и экономической власти в руках вождя; наличие единственной массовой партии (коммунистической), обладавшей реальной властью (сохранявшиеся в

---

⁸²¹ «Источник». 1995 г. № 3. С. 149.

отдельных странах „декоративные“ партии – не в счет); монополия марксистско-ленинского учения в сфере идеологии; монополия партийного государства на средства массовой информации и силовые структуры; всеобъемлющий контроль со стороны властных структур, облеченных на это специальными полномочиями; жесткая централизованная система управления экономикой. Были приведены в действие и типичные для советской модели механизмы поддержания этой „конструкции“, включая репрессивно-террористические. Это дает основание говорить о наличии в Восточной Европе политических режимов, несомненно, близких к советскому образцу, левототалитарных по своему характеру, однако имеющих особые „родовые“ черты, не дающие возможности считать их аналогами советского сталинского режима. Отличие, на наш взгляд, состоит в степени развертывания заложенного в этой „конструкции“ тоталитарного потенциала»⁸²².

Не стану вступать в полемику по поводу квалификации характера режимов, установившихся в странах народной демократии в тот период. Отмечу лишь, что лично я разделяю ту точку зрения, что эти режимы не были не только копией сталинского режима, но и по целому ряду важных качественных особенностей отличались от него. Да, собственно, было бы даже смешно в системе общественных и межгосударственных отношений искать и находить точные копии сталинского режима. Он был своеобразен и по-своему неповторим, как своеобразными и неповторимыми были российские условия, породившие его появление, расцвет, а затем и медленное угасание. История стран народной демократии во многом протекала под диктовку Сталина. Однако он оставлял им достаточно большую степень независимости практически во всех сферах, кроме важных международных вопросов. Поэтому, на мой взгляд, явно тенденциозную предвзятость проявляют те авторы, особенно западные, которые рассматривают братские страны как простых сателлитов Москвы. Кардинальные различия эпох изменяли и само понимание зависимости, степени того, насколько самостоятельно принимались те или иные решения в рамках отдельных стран. Оперировать здесь исключительно понятиями диктата и полного господства – значит сильно исказить историческую реальность.

4. Конфликт Сталин – Тито

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению сущности, причин и последствий советско-югославского конфликта, получившего в исторической литературе простое

---

⁸²² Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949 – 1953. С. 662 – 663.

название конфликт Сталин – Тито, я обстоятельно изложу богатый исторический и политический материал, содержащийся в книге Милована Джиласа «Беседы со Сталиным». Эта книга опубликована в 1961 году, и до сих пор всеми исследователями оценивается как чрезвычайно ценный материал, раскрывающий не только истоки конфликта, но и дающий яркие характеристики Сталина. Джилас трижды побывал в Москве и имел многократные и откровенные беседы с советским лидером. На основе этих бесед у него сложилось определенное впечатление о Сталине не только как об исторической личности, но и о системе его политических взглядов, его политической философии. Полагаю, что обильное цитирование Джиласа лучше и ярче, чем мои собственные рассуждения и оценки, помогут читателю представить некоторые особенности политического мышления советского вождя, не говоря уже о причинах и характере возникшего конфликта между народной Югославией и Советским Союзом.

Беседы со Сталиным. Джилас начинает свое повествование несколько в лирически-возвышенном ключе: «Быть принятым у Сталина – это было наивысшим признанием героизма и страданий партизанских бойцов и нашего народа. Для тех, кто побывал в тюрьмах, участвовал в военной резне и пережил жестокие душевные переломы и борьбу против внутренних и внешних противников коммунизма, Сталин был чем-то большим, чем вождь в борьбе. Он был воплощением идеи, был претворен в коммунистических головах в чистую идею, а тем самым в нечто непогрешимое. Сталин был нынешней победной борьбой и грядущим братством человечества. Я знал, что только благодаря случайности именно я – первый югославский коммунист, которого он принимает. Но я ощущал гордость и радость, что об этой встрече смогу рассказать своим товарищам, а кое-что сообщить и югославским борцам.

Вмиг исчезло все отрицательное в СССР, а все недоразумения между нами и советскими руководителями потеряли значение и вес, как будто их не бывало. Все отталкивающее исчезало перед потрясающими размерами и красотой того, что во мне происходило. Что значила моя личная судьба в сравнении с масштабами борьбы и наши недоразумения в сравнении с грядущим осуществлением идеи?»⁸²³

Прием у Сталина, состоявшийся на даче, он описывает подробно. По его словам, самым простым был хозяин. Он был одет в маршальскую форму и мягкие сапоги, без орденов, кроме Золотой Звезды Героя Социалистического Труда на левой стороне груди. В его поведении не было ничего искусственного, никакой позы. Это был не величественный Сталин с фотографий или из документальных фильмов – с замедленной продуманной походкой и жестами...

---

⁸²³ *Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М. 1992. С. 47.*

Поразил Джиласа и его выговор: чувствовалось, что он не русский. Но его русский словарь был богат, а речь, в которую он вставлял русские пословицы и изречения, живописна и пластична. Позже он убедился, что Сталин хорошо знал русскую литературу – но только ее. Вне русских рамок он был хорошо знаком лишь с политической историей.

Одно для Джиласа не было неожиданным: Сталин обладал чувством юмора – юмора грубого, самоуверенного, но не без изощренности и глубины. Он реагировал быстро, резко, без колебаний и, по-видимому, не был сторонником долгих разъяснений, хотя собеседника он выслушивал⁸²⁴.

Весьма любопытна одна деталь, которая говорит о многом: «Разговор начался с того, что Сталин поинтересовался нашими впечатлениями о Советском Союзе. Я сказал:

– Мы воодушевлены!

На что он заметил:

– А мы не воодушевлены, хотя делаем все, чтобы в России стало лучше.

Мне врезалось в память, что Сталин сказал именно Россия, а не Советский Союз. Это означало, что он не только инспирирует русский патриотизм, но и увлекается им, себя с ним идентифицирует»⁸²⁵. Джилас делится своими впечатлениями о поведении советского лидера, подчеркивая, что у Сталина была страстная натура со множеством лиц, причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей. Интересную оценку союзников услышал Джилас из уст Сталина (не забудем, что беседа происходила в 1944 году, когда еще шла война):

– А вы, может быть, думаете, что мы, если мы союзники англичан, забыли, кто они и кто Черчилль? У них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, – в первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой – он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль? Черчилль – и за копейкой⁸²⁶.

Коснулся Сталин и Коминтерна и его руководящих деятелей. Сталин интересовался Югославией иначе, чем остальные советские руководители. Он не расспрашивал про жертвы и разрушения, а про то, какие создались там

---

⁸²⁴ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 49 – 50.

⁸²⁵ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 50.

⁸²⁶ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 58.

внутренние отношения и каковы реальные силы повстанческого движения. Но и эти сведения он добывал, не ставя вопросы, а в ходе собеседования...

Сталин расспрашивал, с кем из руководителей Джилас встречался в Москве. Когда последний упомянул Димитрова и Мануильского, он заметил:

– Димитров намного умнее Мануильского, намного умнее.

В связи с этим он вспомнил о роспуске Коминтерна:

– Они, западные, настолько подлы, что нам ничего об этом даже не намекнули. А мы вот упрямые: если бы они нам что-нибудь сказали, мы бы его до сих пор не распустили! Положение с Коминтерном становилось все более ненормальным. Мы с Вячеславом Михайловичем тут голову ломаем, а Коминтерн проталкивает свое – и все больше недоразумений. С Димитровым работать легко, а с другими труднее. Но что самое важное: само существование всеобщего коммунистического форума, когда коммунистические партии должны найти национальный язык и бороться в условиях своей страны, – ненормальность, нечто неестественное⁸²⁷.

На основе бесед со Сталиным, на примере того, чем он интересовался и какие давал советы и рекомендации, Джилас пришел к важному умозаключению: Сталин сознательно запугивал югославских руководителей, чтобы ослабить их контакты с Западом, одновременно стараясь подчинить своим интересам их политику, превратить ее в придаток своей западной политики, в особенности в отношениях с Великобританией.

Основываясь на своих идеях и практике и на собственном историческом опыте, он считал надежным только то, что зажато в его кулаке; каждого же, находящегося вне его полицейского контроля, он считал своим потенциальным противником. Течение войны вырвало югославскую революцию из-под его контроля, а власть, которая из нее рождалась, слишком хорошо осознала свои собственные возможности, и он не мог ей прямо приказывать. Он это знал и просто делал что мог, используя антикапиталистические предрассудки югославских руководителей, пытаясь привязать этих руководителей себе и подчинить их политику своей⁸²⁸.

Джилас не ограничивается описанием событий и предметов обсуждения вопросов, которые стояли в порядке дня. Видимо, гораздо позднее, когда он уже был смещен с политической арены и просидел некоторое время в тюрьме в Югославии, он начал делать о Сталине выводы, так сказать, универсального, почти философского характера. Хотя я лично и считаю эти выводы не просто умозрительными, но в большой степени даже тенденциозными, все-таки полагаю нужным привести их, чтобы у читателя было более широкое поле для собственных умозаключений.

---

⁸²⁷ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 62 – 64.

⁸²⁸ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 64 – 65.

Итак, Джилас писал: «Его страна лежала в развалинах, голодная, изможденная. А его армии и отягченные жиром и орденами, опьяненные водкой и победой маршалы уже затоптали половину Европы. Он был уверен, что в следующем раунде они затопчут и вторую половину. Сталин знал, что он – одна из наиболее деспотических личностей человеческой истории. Но его это нимало не беспокоило: он был уверен, что вершит суд истории. Ничто не отягощало его совесть, несмотря на миллионы уничтоженных от его имени и по его распоряжению, несмотря на тысячи ближайших сотрудников, которых он истребил как предателей, когда они усомнились в том, что он ведет страну и народ к благосостоянию, равенству и свободе. Борьба была опасной, долгой и все более коварной, по мере того как противники становились малочисленнее и слабее. Но он победил, а практика – единственный критерий истины! И что такое совесть? Существует ли она вообще? Для нее нет места в его философии и практике. И человек, между прочим, результат производительных сил»⁸²⁹.

Касаясь непосредственно отношений между Югославией и Советской Россией, а также между их лидерами, Джилас замечает, что в отношениях между Сталиным и Тито было что-то особое, недосказанное – как будто между ними существовали какие-то взаимные обиды, но ни один, ни другой по каким-то своим причинам их не высказывал. Сталин следил за тем, чтобы никак не обидеть лично Тито, но одновременно мимоходом придирался к положению в Югославии. Тито же относился к Сталину с уважением, как к старшему, но чувствовалось, что он дает отпор, в особенности сталинским упрекам по поводу положения в Югославии⁸³⁰.

Скрытые трения продолжались непрерывно, писал Джилас. Незримые для некоммунистического мира, они скрыто вспыхивали в партийных верхах – в связи с вербовкой в советскую разведку, которая с особой наглостью велась в государственном и партийном аппарате, а также в идейной области, главным образом из-за советского пренебрежения к югославской революции. Советские представители в Югославии с демонстративным недоумением реагировали на выдвижение Тито наряду со Сталиным, а особенно болезненно относились к самостоятельным югославским связям с восточноевропейскими странами и к росту там ее авторитета.

Трения вскоре перешли и на экономические отношения, в особенности когда югославам стало очевидно, что они при осуществлении пятилетнего плана не могут рассчитывать на советскую помощь сверх обычных торговых отношений. Ощувив сопротивление, Сталин заговорил о том, что смешанные общества непригодны для дружеских и союзных стран, и обещал всяческую

---

⁸²⁹ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 79.

⁸³⁰ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 83 – 84.

помощь. Но одновременно его торговые представители использовали экономические выгоды, возникающие в результате обострения югославо-западных отношений и югославских иллюзий, что СССР – государство неэгоистичное и не стремящееся к гегемонии.

Наряду с теми причинами, о которых пишет югославский автор, росту напряженности способствовали также другие причины: Тито стремился прибрать к своим рукам маленькую Албанию и уже договорился с албанскими руководителями о посылке туда двух югославских дивизий якобы для гипотетической возможности оказания помощи партизанам в Греции, которые вели борьбу против правительства, плясавшего под дудку Запада.

Последний раз Джилас виделся со Сталиным в 1948 году. Свои впечатления он передает так: «Непостижимо, насколько он изменился за два-три года. Когда я видел его в последний раз, в 1945 году, он был еще подвижным, с живыми и свежими мыслями, с острым юмором. Но тогда была война, и ей, очевидно, Сталин отдал последнее напряжение сил, достиг своих последних пределов... В одном лишь он был прежним Сталиным: резкий, острый, подозрительный при любом несогласии с ним. Он прерывал даже Молотова, и между ними чувствовалась напряженность. Все ему поддакивали, избегая излагать свое мнение прежде, чем он выскажет свое, спешили с ним согласиться»⁸³¹.

В конце последнего визита Джиласа в Москве состоялась встреча представителей югославской и болгарской партий с советским вождем Сталиным. (Во встрече приняли участие Молотов, Жданов, Маленков и Сулов.) Молотов подверг критике заявление Димитрова в Бухаресте о создании восточноевропейских федераций, в котором Димитров упомянул и Грецию, и таможенный союза и согласования промышленных планов между Румынией и Болгарией. Но Сталин его прервал:

– Товарищ Димитров слишком увлекается на пресс-конференциях – не следит за тем, что говорит. А все, что он говорит, что говорит Тито, за границей воспринимают, как будто это сказано с нашего ведома. Вот, например, у нас тут были поляки. Я их спрашиваю: что вы думаете о заявлении Димитрова? Они говорят: разумное дело. А я им говорю: нет, это неразумное дело. Тогда они говорят, что и они думают, что это неразумное дело, – если таково мнение советского правительства. Потому что они думали, что Димитров сделал заявление с ведома и согласия советского правительства, и поэтому и они его одобряли⁸³².

Джилас пишет, что Димитров пытался объяснять, оправдываться. Но

---

⁸³¹ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 109.

⁸³² Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 124 – 125.

Сталин его все время перебивал, не давая закончить.

«Это был сейчас подлинный Сталин – его остроумие перешло в язвительную грубость, а его нетерпимость в непримиримость. Все же он сдерживался, чтобы не прийти в ярость. Поскольку же он ни на мгновение не терял ощущения реальности, он ругал и горько упрекал болгар, зная, что они ему и так покорятся, но целился на самом-то деле в югославов, по народной пословице: дочь бранит, чтобы сноху облаять. Обвинения в адрес Димитрова Сталин завершил следующими словами:

– Ерунда! Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир – как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице – вы ставите нас перед свершившимися фактами!»⁸³³

Отдав должное резким и проникнутым полным отрицанием сталинизма как системы и Сталина как ее творца, Джилас, тем менее, как глубоко мыслящий человек делает один из важных выводов: «...Если проанализировать действительную роль Сталина в истории коммунизма, то там, рядом с Лениным, он до сих пор наиболее грандиозная фигура. Он не намного развил идеи коммунизма, но защитил их и воплотил в общество и государство. Он не создал идеального общества – это невозможно уже по самой человеческой природе, но он превратил отсталую Россию в промышленную державу и империю, которая все более упрямо и непримиримо претендует на мировое господство. С неизбежностью выяснится, что он реально создал наиболее несправедливое общество современности, если не вообще в истории – во всяком случае, оно в одинаковой мере несправедливо, неравноправно и несвободно.

Если смотреть с точки зрения успеха и политической находчивости, Сталина, вероятно, не превзошел ни один государственный муж его времени»⁸³⁴.

Полагаю, что, возможно, чрезмерное цитирование Джиласа и покажется несколько искусственным, но оно, на мой взгляд, проясняет многие происшедшие впоследствии вещи.

Очевидно, Сталин воочию убедился в непримиримости и твердости позиции Тито, поэтому решил прибегнуть к другому методу – давлению на Центральный Комитет Компартии Югославии, рассчитывая при этом, что его собственный авторитет и вес способны внести раскол в ряды югославских руководящих деятелей и они примут его критику. Думаю, что с целью раскола югославского руководства он решил направить в адрес ЦК компартии Югославии письмо. Почему-то оно было за двумя подписями –

---

⁸³³ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 125 – 128.

⁸³⁴ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 136.

его и Молотова: возможно, он хотел этим подчеркнуть, что не он единолично решает такие важные вопросы, и что все советское руководство стоит за ним.

Это письмо от марта 1948 года было написано в грубом и оскорбительном тоне. Обвинив югославское руководство в том, что оно способствовало созданию атмосферы недоверия и враждебности вокруг советских специалистов, не дало отпор попыткам дискредитировать Советскую Армию, Сталин изложил «факты, вызывающие недовольство Советского правительства и ВКП(б) и ведущие к ухудшению отношений между СССР и Югославией». Одним из главных факторов назывались «тайные, закулисные» антисоветские высказывания «среди руководящих товарищей в Югославии» о «перерождении ВКП(б)», о «великодержавном шовинизме» в политике советской компартии. «Нам известно, что в руководящих кругах Югославии распространяются антисоветские заявления, например, подобные таким: „ВКП(б) перерождается“, „в СССР господствует великодержавный шовинизм“, „СССР стремится поработить Югославию экономически“, „Коминформ – это средство порабощения других партий со стороны ВКП(б)“ и т.д. Эти антисоветские заявления прикрываются обычно левыми фразами о том, что „социализм в СССР не является уже революционным“ и „только Югославия представляет собой подлинного носителя революционного социализма“... Разумеется, смешно слышать подобную болтовню о ВКП(б) от сомнительных марксистов типа Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича и других». Далее в письме обращалось внимание на то, что «КПЮ до сих пор не легализована и находится на полулегальном положении... в жизни КПЮ не чувствуется внутрипартийной демократии. ЦК в большинстве своем не избран, а кооптирован. В партии отсутствует критика и самокритика или ее почти нет. Характерно, что секретарем партии по кадровым вопросам является министр государственной безопасности, иначе говоря, партийные кадры находятся под наблюдением министра государственной безопасности... в югославской компартии не чувствуется духа политики классовой борьбы. Полным ходом идет рост капиталистических элементов в деревне, а также в городе, а руководство партии не предпринимает мер к ограничению капиталистических элементов. Коммунистическая партия Югославии усыпляет себя гнилой оппортунистической теорией мирного вращивания капиталистических элементов в социализм...»⁸³⁵

Югославские руководители ответили довольно вежливо, но весьма твердо и решительно. Тито и Кардель от имени ЦК своей партии квалифицировали выдвинутые советской стороной обвинения как «неточные и тенденциозные». «Мы считаем, что причина для такого содержания письма, обвинений и позиций по отдельным вопросам – в недостаточном знании

---

⁸³⁵ Цит. по Ю.С. Гуренко. Сталин – Тито. М. 1991. С. 360 – 361.

нашей ситуации. То, что каждый из нас любит Советский Союз, страну социализма, не может ни в коем случае означать, что мы можем меньше любить свою собственную страну, которая тоже строит социализм, в данном случае – Федеративную Народную Республику Югославию, за которую погибли сотни тысяч ее передовых людей. Мы очень хорошо знаем, что так это понимают и в Советском Союзе... Нас особенно удивило, что все это не было затронуто, когда в Москве были Кардель, Джилас, Бакарнич в качестве делегатов нашей партии и правительства. Как видно из Вашего письма, подобной информацией Ваше правительство располагало до приезда нашей делегации в Москву. Нам кажется, что тогда перед нашей делегацией можно было бы поставить вопросы, связанные с военными и гражданскими специалистами...»⁸³⁶

Получив ответ югославов, Сталин, очевидно, пришел в состояние ярости. Он направил второе письмо – еще более резкое и более угрожающее. В нем югославское руководство обвинялось «в непомерной амбициозности», «детских уловках голословного отрицания фактов и документов» и т.д. Сталин не жалел оскорбительных характеристик в адрес Тито и некоторых его ближайших соратников, пытался принизить вклад Югославии в разгром фашизма, решительно отвергнув тезис относительно вербовки югославских граждан как не отвечающий действительности. «Югославские руководители, – писал он, – очевидно, думают и далее оставаться на этих антисоветских позициях. Но югославские товарищи должны учесть, что оставаться на таких позициях – значит идти по пути отрицания дружественных отношений с Советским Союзом, по пути предательства единого социалистического фронта Советского Союза и народно-демократических республик. Они также должны принять во внимание и то, что, оставаясь на таких позициях, они лишают себя права на получение материальной и иной помощи от Советского Союза, ибо Советский Союз может оказывать помощь только друзьям»⁸³⁷.

Отклонив югославское предложение прислать в страну представителей ЦК ВКП(б) для переговоров на месте, Сталин высказался за необходимость обсудить вопрос «принципиальных разногласий» на ближайшем заседании Информбюро.

Югославские руководители ответили отказом на предложение Сталина. В своем ответе они писали: «Мы не избегаем критики по принципиальным вопросам, но в этом деле чувствуем себя настолько неравноправными, что не можем согласиться с тем, чтобы сейчас решать проблему в Информбюро. Партии-участницы уже получили без нашего предварительного уведомления ваше первое письмо и выразили свою позицию. Содержание вашего письма

---

⁸³⁶ Там же. С. 271.

⁸³⁷ Цит. по Ю.С. Гиренко. Сталин – Тито. С. 376.

не осталось внутренним делом отдельных партий, а вышло за дозволенные рамки»⁸³⁸.

Но дальше события развивались еще более стремительно. Получив информацию о том, что С. Жуйович и А. Хебранг (в то время оба они были членами высшего руководства компартии Югославии) арестованы, Сталин поручил 9 июня Молотову передать И. Тито следующее: «ЦК ВКП(б) стало известно, что югославское правительство объявило Хебранга и Жуйовича изменниками и предателями родины. Мы это понимаем так, что Политбюро ЦК КПЮ намерено ликвидировать их физически. ЦК ВКП(б) заявляет, что если Политбюро ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать Политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами. ЦК ВКП(б) требует, чтобы расследование дела Хебранга и Жуйовича о так называемой неправильной информации ЦК ВКП(б) происходило с участием представителей ЦК ВКП(б). Ждем немедленного ответа». На этот запрос ЦК КПЮ направил 18 июня в Москву ответ следующего содержания: «ЦК КПЮ никогда не помышлял „убивать“ кого-либо, в т.ч. Хебранга и Жуйовича. Они находятся под следствием наших властей. ЦК КПЮ считает неправильной постановку вопроса со стороны ЦК ВКП(б) и с возмущением отвергает попытку представить наше партийное руководство „уголовными преступниками и убийцами“»⁸³⁹.

Дело теперь оставалось за чистой формальностью – принять резолюцию с осуждением Тито и предать ее гласности, подвергнув обсуждению во всех партиях и получив от них необходимую поддержку.

Совещание Информбюро состоялось в последней декаде июня 1948 года в бывшем королевском дворце близ Бухареста без представителей КПЮ. 15 июня Сталин рассмотрел проект доклада Жданова в Бухаресте, озаглавленный «О положении в КП Югославии». Сталин собственноручно сделал ряд правок в докладе, где уже и до него Жданов сформировал такие положения: «Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы – из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне – неправильна. В компартии нетерпим такой позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно быть покончено. Компартия Югославии сумеет выполнить эту почетную задачу». Делегация ВКП(б) отбыла в Бухарест в следующем составе: Жданов, Маленков, Сулов. Вскоре Жданов телеграфировал Сталину из Бухареста, что беседы с Костовым, Червенковым, Тольятти, Дюкло, Ракоши, Георгиу-Дежем, другими товарищами показывают, что все «без исключения заняли непримиримую позицию по отношению к Югославии». Как стало известно

---

⁸³⁸ Там же. С. 378.

⁸³⁹ Там же. С. 382 – 383.

впоследствии, стремясь любой ценой убедить участников совещания в необходимости принятия антититовской резолюции, Жданов заявил: «Мы располагаем данными, что Тито иностранный шпион»⁸⁴⁰. В итоге совещание приняло резолюцию «О положении в Коммунистической партии Югославии».

В этой резолюции подробно перечислялись все грехи и прегрешения (а в понимании Сталина – преступления) югославских руководителей. В ней подчеркивалось следующее:

Информбюро отмечает, что руководство Югославской компартии за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма. В связи с этим Информационное бюро одобряет действия ЦК ВКП(б), взявшего на себя инициативу в разоблачении неправильной политики ЦК компартии Югославии и в первую очередь неправильной политики т.т. Тито, Карделя, Джиласа, Ранковича.

Информбюро констатирует, что руководство Югославской компартии проводит недружелюбную по отношению к Советскому Союзу и к ВКП(б) политику. В Югославии была допущена недостойная политика шельмования советских военных специалистов и дискредитация Советской Армии. Для советских гражданских специалистов в Югославии был создан специальный режим, в силу которого они были отданы под надзор органов госбезопасности Югославии и за ними была учинена слежка...

Все эти и им подобные факты свидетельствуют о том, что руководители компартии Югославии заняли недостойную для коммунистов позицию, в силу которой югославские руководители стали отождествлять внешнюю политику СССР с внешней политикой империалистических держав и ведут себя в отношении СССР так же, как они ведут себя по отношению к буржуазным государствам. Именно в силу этой антисоветской установки в ЦК компартии Югославии получила распространение заимствованная из арсенала контрреволюционного троцкизма клеветническая пропаганда о «перерождении» ВКП(б), о «перерождении» СССР и т.п.

Информбюро осуждает эти антисоветские установки руководителей КПЮ, несовместимые с марксизмом-ленинизмом и приличествующие лишь националистам.

Далее в резолюции подвергалась критике политика югославского руководства в деревне, которая якобы игнорирует принцип классово-борьбы и создает условия для процветания эксплуататорских классов. Разносной критике была подвергнута политика в отношении Народного фронта, в котором компартия якобы растворилась и утратила свою руководящую роль. Не менее резкой критике подверглось и положение в самой партии.

---

⁸⁴⁰ Ю.С. Гиренко. Сталин – Тито. С. 385 – 386.

Далее следовали выводы обобщающего характера: Информбюро приходит к единодушному выводу, что своими антипартийными и антисоветскими взглядами, несовместимыми с марксизмом-ленинизмом, всем своим поведением и своим отказом явиться на заседание Информбюро руководители КПЮ противопоставили себя коммунистическим партиям, входящим в Информбюро, встали на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь измены делу международной солидарности трудящихся и перехода на позиции национализма.

Информбюро осуждает эту антипартийную политику и поведение ЦК КПЮ.

Информбюро признает, что в силу всего этого ЦК КПЮ ставит себя и югославскую компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта и, следовательно, вне рядов Информбюро.

В качестве ключевого вывода звучало следующее: «Задача этих здоровых сил КПЮ состоит в том, чтобы заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, – сменить их и выдвинуть новое, интернационалистическое руководство КПЮ»⁸⁴¹.

Во всей коммунистической прессе развернулась яростная кампания по разоблачению югославских отступников. Одновременно шел процесс разоблачения якобы сторонников и пособников югославских предателей в братских партиях. Апогеем стало третье по счету совещание Коминформа, состоявшееся в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. На нем, в частности, был обсужден доклад Георгиу-Дежа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» и принята соответствующая резолюция. Одним из центральных пунктов этой резолюции было следующее: «Необходимым условием возвращения Югославии в социалистический лагерь является активная борьба революционных элементов как внутри КПЮ, так и вне её, за возрождение революционной, подлинно коммунистической партии Югославии, верной марксизму-ленинизму, принципам пролетарского интернационализма и борющейся за независимость Югославии от империализма»⁸⁴².

Однако Сталин не мог ограничиться только мерами чисто политического и идеологического плана. Почти во всех партиях стран

---

⁸⁴¹ Полный текст резолюции см. Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М. 1999. С. 455 – 461.

⁸⁴² Совещание Информационного Бюро коммунистических партий. В Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М. 1949. С. 28.

народной демократии развернулась настоящая охота за титоистами и прочими изменниками и врагами народа. Результаты не замедлили сказаться. В 1949 году в Венгрии состоялся процесс против одного из видных руководителей Венгерской партии трудящихся Л. Райком и его «сообщников». Все они понесли самое суровое наказание. Главные из обвиняемых были расстреляны. В конце 1949 года аналогичный процесс был проведен в Болгарии, где перед судом предстали Т. Костов (один из ведущих лидеров болгарской компартии) и ряд других партийных руководителей. Их ожидала та же участь. В Польше был устранен от участия в политической жизни лидер ПОРП В. Гомулка. Но он, по воле судьбы или иным каким-то обстоятельствам, избежал рокового конца, хотя некоторое время и находился под арестом, и затем в 1956 году снова был призван к руководству партией и страны. Последним крупным деятелем – жертвой террора стал генеральный секретарь компартии Чехословакии Р. Сланский. Кара настигла его лишь через несколько лет – в 1952 году, когда состоялся судебный процесс над ним и его «сообщниками». Он был приговорен к расстрелу.

Конечно, были и другие процессы, как открытые, так и закрытые. Но суть всех их заключалась в том, что Сталин руками своих ставленников (а то и через посредство советских органов безопасности) применял репрессии как орудие политической борьбы уже в условиях стран народной демократии. Думается, что он руководствовался при этом своими давно апробированными принципами и понятиями. Хотя, надо признать, что размах и масштабы этих репрессий уже были во много раз скромнее, нежели знаменитые политические процессы и репрессии 30-х годов в Советском Союзе. Если в нашей стране история проявила себя как трагедия, то в странах народной демократии она отнюдь не обернулась фарсом. Это тоже была трагедия, хотя и меньшая по своим масштабам. Сталин всегда оставался Сталиным.

Британский писатель и журналист Р. Уэст дает, на мой взгляд, не слишком глубокую, но все же в некоторой степени отражающую действительность оценку противостояния между Сталиным и Тито. «Ссору со Сталиным вернее всего следует рассматривать как главный кризисный момент карьеры Тито и поворотный пункт всей югославской истории, – пишет он. – Возможно, эту ссору скоро будут рассматривать как судьбоносную и для истории Советского Союза, и даже как начало медленного распада всей коммунистической системы.

Возникновение титоизма означало более чем обычную трещину в фундаменте советской державы – титоизм бросал вызов вере в нерушимость теории марксизма-ленинизма»⁸⁴³.

Конечно, британский автор не был прозорливцем, глядевшим далеко за горизонты текущих событий, но в главном он оказался прав – процесс

---

⁸⁴³ Ричард Уэст. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск. 1997. С. 269.

распада социалистической системы, конечно, обусловлен многими как объективными, так и субъективными факторами. Однако конфликт с Югославией и его многообразные последствия сыграли не последнюю роль в зарождении и развитии процесса крушения социалистической системы. Буквально через три года после смерти Сталина в странах народной демократии поднялась бурная волна протестов и народных выступлений, под напором которых власти вынуждены были пойти на уступки и существенные реформы. Жертвы репрессий в отношении так называемых «подручных» Тито были реабилитированы, а сами процессы квалифицированы как грубая фальсификация.

И бросая ретроспективный взгляд, следует признать, что Сталин во многом оказал влияние не только на развитие стран народной демократии в период своего правления. Но не менее важно и то, что это его воздействие в определенном направлении стало одним из важных факторов, обусловивших серьезные кризисные потрясения в братских странах в более позднее время. Наследие Сталина было настолько живучим, что оно давало о себе знать даже спустя целые годы, а может быть, и десятилетия. В этом, очевидно, заключалась как сила, так и органическая слабость сталинизма и самого Сталина как политического руководителя, наложившего неизгладимый отпечаток не только на события, современником которых он являлся, но и на последующее развития исторического процесса.

5. На вершине политического Олимпа: 70-летие Сталина

Данную главу следует, очевидно, завершать на бравурной ноте. На фоне всего того, что было описано ниже, наступил апогей сталинской политической карьеры – его 70-летие. Писать об этом подробно нет смысла как из-за отсутствия сколько-нибудь ценного исторического материала, так и по той причине, что он какими-то неведомыми знаками обозначал приближение его физического конца. Перефразируя слова великого Данте, можно выразиться так: земной свой путь пройдя почти до конца, он очутился на вершине политического Олимпа, и пришло время подвести главные итоги пройденного пути. Однако Сталин не отличался склонностью подводить итоги пройденного. Он считал, что это – всего лишь знаковый рубеж во всей его политической деятельности, а отнюдь не повод делать какие-то обобщающие умозаключения. Возможно, он видел себя не на Олимпе, а на политической Голгофе (не в христианском понимании этого святого места), где ему придется расплачиваться за все содеянное им отнюдь не во благо человека. Каким бы жестким и жестоким человеком, политическим и государственным деятелем он ни был, полагаю, угрызения совести отнюдь не были ему абсолютно чужды и незнакомы. Хотя каких-либо свидетельств, исходящих от самого вождя, мы и не встретим. Под его деятельностью в этот период можно подвести определенную черту, но

никак нельзя ставить финальную точку. Как показали дальнейшие события, в его голове рождались многие громадные проекты, воплотить в жизнь которые он собирался еще при своей жизни.

Соратники вождя задумали отметить его юбилей с широким размахом, на который у них хватало фантазии. В советской (да и не только в советской) печати уже за много месяцев до наступления годовщины 70-летия началась фактически никогда и не прекращавшаяся кампания по возвеличиванию вождя. Можно счесть за лицемерие и лукавство его слова, высказанные в феврале 1946 года в его ответе на письмо одного советского военного специалиста Разина, обратившегося к нему с просьбой осветить ряд теоретических вопросов военного искусства. Сталин тогда как бы в сердцах выругался: «Режут слух дифирамбы в честь Сталина – просто неловко читать»⁸⁴⁴. Впрочем, читать подобные дифирамбы ему приходилось и раньше, и они и тогда тоже не могли не резать слуха. Но, видимо, вождь терпеливо сносил свою тяжелую долю, понимая, что все это – неотъемлемые атрибуты и символы его абсолютной власти.

Но в месяцы и дни, предшествовавшие юбилейной годовщине, кампания восхваления вождя буквально во всем и везде приняла поистине невиданные характер и масштабы: тысячи, а может быть и миллионы, приветствий и поздравлений нескончаемым потоком шли в его адрес от организаций, предприятий, республик, городов и сел, от отдельных граждан и т.д. Словом, вся страна торжественно отмечала его юбилей, и мне кажется, что ни один земной властитель не удостоивался таких почестей и эпитетов. Хотя кое-кто пытался представить дело так, что мероприятия якобы отличаются большой скромностью.

Как и принято в таких случаях, Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР обратились с приветствием к великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина. В нем в концентрированном виде перечислялись все его заслуги перед страной, все, что было достигнуто под его руководством. В нем, в частности, особо отмечалось: «С величайшей твёрдостью и проницательностью направляешь ты, товарищ Сталин, внешнюю политику Советского Союза, борясь за мир и безопасность больших и малых народов. Неизмеримо вырос международный авторитет СССР, как оплота мира и демократии. Трудящиеся капиталистических и колониальных стран видят в тебе верного и стойкого поборника мира и защитника жизненных интересов народов всех стран. Ты зажёл в сердцах всех простых людей земного шара непоколебимую веру в правое дело борьбы за мир во всём мире, за национальную независимость народов, за дружбу между народами...

Великий корифей науки! Твои классические труды, развивающие

---

⁸⁴⁴ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 23.

марксистско-ленинскую теорию применительно к новой эпохе, эпохе империализма и пролетарских революций, эпохе победы социализма в нашей стране, являются величайшим достоянием человечества, энциклопедией революционного марксизма. В этих произведениях советские люди и передовые представители трудящихся всех стран черпают знания, уверенность, новые силы в борьбе за победу дела рабочего класса, находят ответы на самые жгучие вопросы современной борьбы за коммунизм. Твои труды по национально-колониальному вопросу как яркий светоч освещают путь национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. Гигантские успехи сил мира, демократии и социализма озарены ленинско-сталинской революционной мыслью»⁸⁴⁵.

Члены и кандидаты в члены Политбюро опубликовали свои статьи в газете «Правда» и журнале «Большевик». Каждый, разумеется, по профилю своих обязанностей, которые ложились на него в высшем руководстве. Бросилась в глаза одна деталь, на которую многие обратили внимание: в перечне лиц, которые заняли место в президиуме торжественного собрания 21 декабря, вторым после вождя был назван Молотов. А в газетных и журнальных публикациях на первом месте стояла не его статья, а статья Маленкова. Конечно, сделано это было не по недосмотру, а вполне сознательно, видимо, чтобы подчеркнуть, что отныне Маленков занимает в партийной иерархии второе место после Сталина, а не Молотов.

Разумеется, все члены руководства не жалели эпитетов, чтобы как можно ярче и лучше отразить роль Сталина и его заслуги. Однако, по существу, все статьи носили довольно сухой, а подчас и откровенно скучный характер. Несколько отличился, как всегда, Н. Хрущев. Он особый акцент сделал на том, как внимательно вождь относился к восстановлению разрушенных городов и сел страны. Хрущев писал: «Никогда не забыть, как товарищ Сталин готовил невиданные по своим масштабам восстановительные работы на освобожденной от врага советской земле. Ещё наши наступающие войска находились далеко от того или иного района Украины или Белоруссии, Молдавии или Смоленщины, а товарищ Сталин уже разрабатывал планы восстановительных работ в этих районах. Он повседневно интересовался, проверял, что делается для того, чтобы быстрее развернуть восстановление разрушенных врагом городов, предприятий, колхозов, требовал ускорить завоз в освобожденные районы промышленного оборудования, тракторов, сельскохозяйственных орудий, семян для колхозов»⁸⁴⁶.

На официальном уровне 2 декабря 1949 г. был принят указ Президиума

---

⁸⁴⁵ «Большевик». 1949. № 24. С. 6.

⁸⁴⁶ «Большевик». 1949. № 24. С. 84.

Верховного Совета об образовании Комитета в связи с 70-летием со дня рождения И.В. Сталина. Согласно этому указу в него вошли высшие партийные руководители, а также наиболее видные представители общественности – рабочие, заслуженные колхозники, деятели искусства и литературы, представители военных и т.д. – всего 75 человек во главе с Н.М. Шверником – председателем Президиума Верховного Совета⁸⁴⁷. На комитет была возложена обязанность по разработке и организации проведения мероприятий, связанных с юбилеем.

На заседании Комитета 17 декабря 1949 г. были намечены основные мероприятия, связанные с 70-летием Сталина. Стенограмма заседания Комитета позволяет воссоздать наиболее любопытные моменты, которые обсуждались на заседании. Председатель Комитета сообщил следующий план намеченных мероприятий.

«Позвольте мне сообщить о тех мероприятиях, которые намечаются к проведению в связи с семидесятилетием товарища Сталина.

21 декабря с.г. в Москве, в Большом театре предполагается провести торжественное заседание ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Президиума ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР, МК и МГК ВКП(б), Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся, МК и МГК ВЛКСМ совместно с представителями партийных, общественных организаций и Советской Армии. Торжественное заседание открыть в 7 часов вечера. Предусмотреть следующий порядок проведения торжественного заседания: вступительная речь Председателя Комитета, приветствия от союзных республик, профсоюзов, молодежи, пионеров, Советской Армии, Москвы и Ленинграда. Затем выступления представителей иностранных делегаций и сообщение о полученных приветствиях в связи с семидесятилетием Иосифа Виссарионовича Сталина.

Второе – провести 22 декабря с.г. в Кремле правительственный прием, начав его в 9 часов вечера.

Третье. В связи с семидесятилетием со дня рождения товарища Сталина и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране, организации разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления и дальнейшего подъема народного хозяйства СССР в послевоенный период, Президиум Верховного Совета СССР принял решение о награждении товарища Сталина орденом Ленина.

Предлагается также учредить 5 – 10 международных Сталинских

---

⁸⁴⁷ Полный состав комитета см. «Источник». 1996. № 5. С. 72 – 74.

премий „За укрепление мира между народами“»⁸⁴⁸.

Особенным рвением отличался на заседании Комитета С.М. Буденный: «Я предлагаю в честь семидесятилетия со дня рождения товарища Сталина соорудить в нашей стране памятники там, где шли решающие сражения, в которых участвовал сам товарищ Сталин, но памятники военные. Скажем, в местах, где был товарищ Сталин, когда шли сражения против Юденича, на юге – против Деникина, на западе – против поляков. Вот в этих местах надо создать военные памятники. Одно замечание. У нас почему-то привыкли изображать товарища Сталина неподвижным, в шинели и одного. Надо показать его с войсками, на важнейших направлениях, где решались судьбы армий врагов, как в гражданской, так и в Отечественной войне. Это первое предложение.

Вношу на обсуждение второе предложение: учредить орден товарища Сталина, который будет даваться и военным и гражданским лицам за выдающиеся заслуги перед Родиной.

Третье предложение – присвоить товарищу Сталину звание Народного Героя. У нас существуют звания – Герой Социалистического Труда, Герой Советского Союза, а товарищ Сталин – Народный Герой»⁸⁴⁹.

Как видно, герой гражданской войны совсем разошелся и утратил чувство меры. В какой-то степени к чувству реальности косвенно призвал Молотов, заявивший: «Я думаю, товарищи обратили внимание в сообщении товарища Шверника о характере празднования семидесятилетия товарища Сталина на то, что намеченные в предварительном порядке мероприятия отличаются чрезвычайно большой скромностью. И это отвечает духу и желаниям самого товарища Сталина.

...Было бы неправильно также идти против желания товарища Сталина, выраженного им в смысле скромности тех мер, которые здесь намечены, по линии расширения этих мер и отхода от той общей установки насчет мероприятий в честь семидесятилетия товарища Сталина, о которой говорил товарищ Шверник.

Поэтому, чтобы быть ближе к тому, что соответствует этому дню и желанию товарища Сталина, нам надо ограничиться намеченными мероприятиями. У нас есть много средств выразить наши чувства, наши мысли и наши желания и в этот день, и до этого дня, и после этого дня. Я думаю, что этот день покажет, насколько он воодушевил народные массы в нашей стране и за пределами нашей страны для выражения тех желаний и дум, которые есть у широких народных масс.

Что касается отдельных мероприятий, то я предлагаю ограничиться

---

⁸⁴⁸ «Источник». 1996. № 5. С. 75.

⁸⁴⁹ «Источник». 1996. № 5. С. 76.

теми рамками, которые наметил здесь товарищ Шверник, и в этих рамках выделить для обсуждения на нашем Комитете вопрос о торжественном заседании и вопрос об учреждении новых международных Сталинских премий, премий мира. Последний вопрос имеет огромное политическое значение не только для нашей страны, но и для всего мира. Он будет отражать наиболее глубокие думы и стремления народных масс в настоящее время, будет отвечать желаниям всего нашего народа»⁸⁵⁰.

Полагаю, что и намеченные мероприятия уже далеко превосходили известные рамки «скромности» вождя.

Затем участники заседания Комитета перешли к обсуждению вопроса об учреждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Было решено учредить пять – десять ежегодных международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами», присуждаемых гражданам любой страны мира, независимо от их политических, религиозных и расовых различий, за выдающиеся заслуги в деле борьбы против поджигателей войны и за укрепление мира.

Установить, что лица, награждаемые международной Сталинской премией, получают:

а) диплом лауреата международной Сталинской премии;

б) золотую нагрудную медаль с изображением Иосифа Виссарионовича Сталина;

в) денежную премию в размере 100 тысяч рублей.

Установить, что международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами» присуждаются специальным Комитетом по международным Сталинским премиям, образуемым Президиумом Верховного Совета СССР из представителей демократических сил различных стран мира.

Присуждение премий производить в день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина – 21 декабря каждого года.

Первые премии присудить в 1950 году⁸⁵¹.

Затем обсуждение приняло чуть ли не мистический характер. Прочитую соответствующий пассаж из стенограммы:

«Г.В. АЛЕКСАНДРОВ. Можно высказать пожелание, чтобы первую премию присудили товарищу Сталину.

А.И. МИКОЯН. Сталинскую премию и ему же присуждать?

Г.М. МАЛЕНКОВ. Присуждать будет специальный Комитет. Он рассмотрит, может быть, и будет такое предложение.

Н.М. ШВЕРНИК. Других возражений нет? Предложение принимается.

---

⁸⁵⁰ «Источник». 1996. № 5. С. 76.

⁸⁵¹ «Источник». 1996. № 5. С. 78.

Я хочу огласить Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении товарища Сталина:

„В связи с семидесятилетием со дня рождения товарища Иосифа Виссарионовича Сталина и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране, организации разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления и дальнейшего подъема народного хозяйства СССР в послевоенный период, наградить товарища Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА орденом Ленина“.

Г.М. МАЛЕНКОВ. Принять к сведению.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА: „Принять“»⁸⁵².

Члены Комитета были проинформированы о том, что от общественных и государственных организаций поступили различные предложения в связи с 70-летием вождя. В частности, Президиум Правления Союза советских архитекторов предлагал:

1) соорудить в Москве монумент Победы советского народа в Великой Отечественной войне в честь творца победы – товарища И. В. Сталина;

2) принять предложение коллектива строителей нового высотного здания Московского Государственного Университета об увенчании этого здания монументальной скульптурой И.В. Сталина;

3) создать в Москве проспект Сталина по трассе Центральной магистрали, проходящей от площади Дзержинского через площадь Свердлова, Охотный ряд, Моховую, Волхонку к Дворцу Советов и далее к Ленинским горам;

4) построить в Москве Музей Сталина, отражающий жизнь и деятельность И.В. Сталина;

5) учредить Международную премию имени Сталина за выдающиеся прогрессивные произведения искусства и литературы, активно способствующие борьбе за мир и народную демократию⁸⁵³.

Коллектив Московского архитектурного института предложил установить ежегодный Всенародный праздник, посвященный дню рождения товарища И.В. Сталина. Кроме того, он предложил создать в столице СССР, городе Москве, Дворец жизнедеятельности товарища И.В. Сталина для отражения в нем жизненного пути товарища Сталина, его политической и государственной деятельности, научных трудов и подарков трудящихся. Этот музей как раз и стал музеем подарков Сталину, которые присылались со всего мира. Надо признать, что этот музей пользовался особой популярностью и

---

⁸⁵² «Источник». 1996. № 5. С. 87.

⁸⁵³ «Источник». 1996. № 5. С. 79.

чрезвычайно высокой посещаемостью. В дальнейшем в ходе десталинизации музей был ликвидирован, а его экспонаты разлетелись по разным местам⁸⁵⁴.

Много можно было бы перечислять предложений, исходивших со всех концов нашей страны, да и многих других стран. Но всему приходит свой логический конец. Наступил день 21 декабря 1949 г. В Большом театре появился Сталин со своими соратниками, причем первым после вождя упоминался Молотов. Затем к ним присоединились главы делегаций братских стран и представители наиболее крупных коммунистических партий. Сталин сел не в середине ряда, а чуть в стороне – около него были Мао Цзэдун и Хрущев. Вождь ничем особенным себя не отмечал, изредка перекидываясь фразами с сидевшими рядом с ним. Словом, вел себя подчеркнуто скромно и так же скромно принял преподнесенные ему детьми цветы. Порой создавалось впечатление, что все это его каким-то образом тяготит, но он стоически переносит тяжелые муки славы.

Апогеем праздника явилась речь Шверника, которую стоит подробно процитировать, поскольку в ней нашла отражение квинтэссенция всех дифирамбов в адрес великого вождя. Шверник сказал:

«Разрешите мне от вашего имени, от имени всего советского народа горячо поздравить Иосифа Виссарионовича Сталина с днем его славного семидесятилетия и от всего сердца пожелать ему доброго здоровья и многих лет жизни на счастье и радость нашего народа и трудящихся всего мира. *(Все встают, бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы: „Великому Сталину ура!“)*

Сегодня самые заветные мечты и наилучшие пожелания советских людей связаны с именем вождя, учителя и друга, самого близкого и беспредельно дорогого нам Иосифа Виссарионовича Сталина, чей гений и несокрушимая воля неудержимо ведут наш народ вперед, к победе коммунизма. *(Бурные аплодисменты.)*

Более пятидесяти лет своей жизни товарищ Сталин посвятил делу пролетарской революции, делу рабочего класса, делу трудового народа.

Вместе с Лениным товарищ Сталин создал могучую большевистскую партию и вооружил ее подлинно революционной теорией. Вместе с Лениным товарищ Сталин руководил героической борьбой большевистской партии за установление диктатуры пролетариата, за победу Советской власти.

В годы гражданской войны и интервенции товарищ Сталин вместе с Лениным поднял народ на разгром сил буржуазно-помещичьей белогвардейщины и иностранных империалистических захватчиков.

Товарищ Сталин вместе с Лениным заложил основы Советского социалистического государства рабочих и крестьян, создал и укрепил Союз Советских Социалистических Республик, основанный на нерушимой

---

854 «Источник». 1996. № 5. С. 80.

братской дружбе и сотрудничестве свободных народов.

После смерти Ленина все заботы по руководству партией и государством легли на товарища Сталина. Под его мудрым руководством коммунистическая партия большевиков, преодолевая многочисленные трудности на своем пути, смело повела рабочий класс и всех трудящихся вперед, по ленинскому пути. *(Бурные аплодисменты.)*

В упорной борьбе с презренными врагами революции, с врагами народа, пытавшимися повернуть нашу страну назад к буржуазным порядкам, товарищ Сталин отстоял и развил ленинизм, развил ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной стране, вооружил этой теорией партию и миллионные массы трудящихся и претворил ее в жизнь.

Под руководством товарища Сталина большевистская партия осуществила социалистическую индустриализацию страны, техническую реконструкцию всего народного хозяйства, объединила многомиллионные массы крестьянства в колхозы, обеспечила победу социализма в СССР и навсегда уничтожила эксплуатацию человека человеком, ликвидировала безработицу и нищету, создала широкие возможности для роста зажиточной и культурной жизни народа.

В результате победы социализма создано и укрепилось морально-политическое единство советского общества, упрочилась дружба народов.

В дни Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов товарищ Сталин принял на себя главное командование вооруженными силами славной советской Родины, предстал перед миром, как вождь могучего народа, как величайший стратег и полководец всех времен, непревзойденный творец самой передовой советской военной науки. *(Бурные аплодисменты.)*

Под руководством товарища Сталина советские войска не только изгнали оккупантов с родной земли, но и освободили народы от фашистского ига.

Под влиянием этой победы рабочие и крестьяне стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Китая, руководимые коммунистическими партиями, свергли ненавистные им реакционные правительства, утвердили свою народно-демократическую власть.

Советский народ, под руководством большевистской партии, уверенно идет вперед, добивается выполнения великих сталинских планов, направленных на дальнейшее развитие производительных сил и преобразование природы для того, чтобы поставить их на службу человеку.

Под руководством товарища Сталина на широкой основе развивается в нашей стране наука и техника, опирающаяся на производство, постоянно расширяется связь ученых с передовыми рабочими и специалистами.

Всеми своими успехами советский народ обязан коммунистической партии большевиков, воспитанной и закаленной в боях Лениным и Сталиным. Неиссякаемым источником энергии, поднимающим советский

народ на новые подвиги, служит многогранная и выдающаяся деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина. (*Бурные аплодисменты.*)

Имя Иосифа Виссарионовича Сталина стало для нас самым близким, самым родным. Оно поднимает нас на вдохновенный ТРУД, укрепляющий могущество нашей социалистической Родины.

Имя Сталина зажигает сердца миллионов советских людей, поднимает их на борьбу за победу коммунизма. (*Бурные аплодисменты.*)

С именем Сталина связаны надежды трудящихся всего мира, борющихся за освобождение от капиталистического рабства. Все передовое человечество видит в товарище Сталине знамя борьбы за свободу и демократию, за мир между народами. (*Аплодисменты.*)

Слава гениальному мыслителю и вождю коммунизма, нашему учителю и другу, родному и любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину! (*Все встают. Бурные овации. По залу волнами перекатываются возгласы: „Ура!“ в честь товарища Сталина*)»⁸⁵⁵.

Затем начались выступления представителей общественности, ученых и деятелей искусств. После них наступила очередь тех, кто представлял братские страны и партии. От них первым выступил Мао Цзэдун, приехавший в Москву буквально за несколько дней до юбилея. Его речь я процитирую, кроме всего прочего, и по той причине, что Д. Волкогонов в своей книге допустил фактическую ошибку и придал ей некое мистическое значение. Он писал: «Весь вечер в зале звучало: „гений“, „гениальный мыслитель и вождь“, „гениальный учитель“, „гениальный полководец“... Только Мао Цзэдун назвал его „великим“. Может быть, в этом был потаенный смысл?»⁸⁵⁶

Стоит привести полный текст приветствия лидера китайских коммунистов 21 декабря, чтобы убедиться, что такого эпитета он к Сталину не применял. Вот лаконичный текст его речи:

«Дорогие товарищи и друзья!

Я всем сердцем рад тому, что мне представилась возможность принять участие в торжественном собрании, посвященном семидесятилетию со дня рождения товарища Сталина (*бурные аплодисменты.*)

Товарищ Сталин является учителем и другом народов всего мира. Ему принадлежат развитие революционной теории марксизма-ленинизма и в высшей степени выдающийся, колоссальный вклад в дело международного коммунистического движения.

Китайский народ в борьбе против угнетателей всегда глубоко и остро чувствовал и чувствует всю важность дружбы товарища Сталина.

⁸⁵⁵ «Правда». 22 декабря 1949 г.

⁸⁵⁶ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга 2. С. 480.

Разрешите мне от имени китайского народа и Коммунистической партии Китая в этот торжественный час поздравить товарища Сталина с семидесятилетием со дня рождения и пожелать ему здоровья и долгих лет жизни (*бурные аплодисменты*).

Позвольте выразить пожелания счастья и процветания нашему великому союзнику – Советскому Союзу, возглавляемому товарищем Сталиным»⁸⁵⁷.

Как видим, китайский лидер назвал не Сталина, а возглавляемый им Советский Союз великим союзником. Так что какой-либо потаенный смысл здесь видеть просто смешно, ибо отсутствовал сам предмет всевозможных спекуляций по самым различным поводам. Видимо, не там искал Д. Волкогонов источник потаенных смыслов.

Присутствующих, да и не только их, но, можно сказать, весь мир, поразило то, что юбиляр никак не отреагировал на столь бурный поток славословий в свой адрес. В связи с этим весьма характерную картину рисует в своих воспоминаниях Д. Шепилов, который был участником данного действия. В своих воспоминаниях он писал:

«А когда отзвучали речи, президиум заседания и весь зал стоя долго рукоплещет Сталину. Все ожидали, что вот сейчас он взойдет на трибуну и произнесет свою, как всегда, ювелирно отделанную речь. Или скажет хотя бы несколько благодарственных фраз. Или простое „спасибо“ за теплоту и сердечность, с которыми обратились к нему все выступавшие гости со всего мира. Но Сталин не идет к трибуне. Глядя безучастным взглядом в зал, он медленными движениями хлопает в ладоши. Овации нарастают. Сталин не меняет ни выражения, ни позы. Зал неистовствует, требуя выступления. Сталин сохраняет свою невозмутимость. Так проходит три, семь, не знаю, сколько минут. Наконец Шверник объявляет заседание закрытым. Потом еще долгие-долгие месяцы в „Правде“ печатались огромные перечни поздравительных телеграмм Сталину в связи с 70-летием»⁸⁵⁸.

Откровенно говоря, я не нахожу мотивов, объясняющих такое поведение Сталина. Особенно, если сопоставить нынешнюю его реакцию на поздравления с его благодарностью в связи с 50-летием. Тогда он почти в полумистической манере давал, можно сказать, клятву на крови. (См. соответствующий раздел в томе II.) Видимо, сейчас делать подобного рода заявления ему было уже ни к чему: на дворе стояла другая политическая погода, а точнее сказать, совершенно иной политический климат. Он был единственным богом на советском политическом Олимпе, и в отличие от древнегреческой мифологии, где, помимо главного бога Зевса, фигурировали

---

⁸⁵⁷ «Правда». 22 декабря 1949 г.

⁸⁵⁸ «Вопросы истории». 1998 г. № 6. С. 22.

и другие весьма почитаемые божества, здесь все его соратники отнюдь не были богами, а всего лишь исполняли роль прислужников при главном божестве. И верховный правитель уже не нуждался в том, чтобы доказывать свою преданность идеалам коммунизма, как это было в прежние круглые юбилеи. Сейчас преданность ему самому лично выступала в качестве высшего критерия преданности идеалам того учения, которое он стал олицетворять уже на каком-то полубожественном уровне.

Однако это лишь небольшое отступление. Продолжу краткое изложение главных мероприятий юбилея. На следующий вечер, 22 декабря 1949 г., состоялся, как и было запланировано заранее, торжественный прием с самым широким кругом избранных гостей. Вот как описывала газета «Правда» это мероприятие:

«В Георгиевский зал входят товарищ И.В. Сталин, товарищи В.М. Молотов, Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Н.М. Шверник, А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, П.К. Пономаренко, М.Ф. Шкирятов.

Участники приема бурной, продолжительной овацией приветствуют товарища И.В. Сталина, семидесятилетие которого отмечают в эти дни народы СССР и трудящиеся всего мира.

Тов. Н.М. Шверник, открывая прием, приглашает за стол президиума гг. Мао Цзэдуна, В. Червенкова, М. Ракоши, Г. Георгиу-Деж, В. Широкого, Пальмиро Тольятти, Долорес Ибаррури, В. Ульбрихта, Ф. Юзвяк, В. Пееси, Ж. Копленига.

Обращаясь к собравшимся, тов. Шверник говорит:

– Товарищи! Первый тост я предлагаю за великого вождя советского народа и трудящихся всего мира, за вдохновителя и организатора побед коммунизма, родного и любимого товарища Сталина. Желаем Иосифу Виссарионовичу Сталину здоровья и долгих лет жизни на счастье и радость всего человечества!

Зал встречает эти слова бурной овацией. Все встают. Раздаются звуки оркестра.

Тов. Шверник предлагает далее тост за Центральный Комитет Коммунистической партии, за коммунистическую партию большевиков, которая привела рабочий класс к победе диктатуры пролетариата, обеспечила построение социалистического общества в нашей стране и ведет советский народ к победе коммунизма.

Тов. Шверник, поднимая бокал, предлагает тост за великий советский народ, который под руководством коммунистической партии одержал победу над фашизмом и во главе всего прогрессивного человечества ведет неустанную борьбу против поджигателей новой войны, за мир между народами, за демократию и социализм»⁸⁵⁹. Далее следуют в каком-то

---

⁸⁵⁹ «Правда». 23 декабря 1949 г.

смысле дежурные, отработанные уже тосты. Прием завершился грандиозным концертом, в котором приняли участие лучшие творческие силы советских работников искусства.

Итак, торжества завершились, но заставили о себе еще долго вспоминать и говорить. Они явились своеобразным апогеем торжества Сталина как руководителя партии и государства, убедительным доказательством триумфа его политической деятельности. На закате лет он имел полное право сказать, что жизнь была прожита не напрасно. Примечательно лишь одно обстоятельство – он никак не поблагодарил участников торжества и не сказал даже положенное в таких случаях «спасибо» или «благодарю». Но в конце концов – это был не дипломатический раут, а первостепенной важности политическое мероприятие, нацеленное на то, чтобы еще больше возвысить Сталина и гарантировать его от любых поползновений, в том числе и со стороны своих ближайших соратников. Хотя о такого рода поползновениях, на мой взгляд, всерьез говорить нет никаких оснований. Власть Сталина была абсолютной, непререкаемой и не подлежащей какой-либо критике. Эта была власть, завоеванная усилиями многих десятилетий, и покоилась она на многостороннем фундаменте. Конечно, культ самого вождя здесь играл свою важную роль, но отнюдь не он определял прочность здания нового строя. Имелись и другие мощные опоры, делавшие власть Сталина прочной, если не как сталь, то близко к этому.

В этой связи весьма сомнительной представляется мне точка зрения историка Ю. Жукова, который в различных средствах массовой информации проводит мысль о том, что фактически с 16 января 1951 года, после третьего инсульта, Сталин уже не работал. Он перестал соображать, ему отказывала память («Наш современник» № 12, 2004 г. Электронная версия). Из этого утверждения логически следует, что якобы Сталин фактически утратил свою неограниченную власть. Можно привести немало фактов и аргументов, заставляющих поставить под серьезное сомнение данное утверждение столь компетентного историка. Но я не стану углубляться в детали данной проблемы. На мой взгляд, достаточно напомнить о речи Сталина на первом пленуме ЦК после XIX съезда партии в октябре 1952 года, которая отнюдь не была короткой и которая содержала в себе исключительно важные политические положения (об этом будет идти речь в последней, 12-й главе – Н.К.), чтобы не только усомниться в убедительности версии Ю. Жукова, но и отнести ее к разряду произвольных предположений. Ю. Жуков в качестве доказательства ссылается, в частности, на речь Сталина на самом съезде, подчеркивая, что вождь с трудом произнес семиминутную речь. Конечно, он уже не был способен произносить многочасовые доклады. Однако его реальная власть заключалась не в этой его способности. Сталин отнюдь не перестал соображать, как полагает Ю. Жуков, а, напротив, судя по всему,

---

задумал, видимо, широкомасштабную и далеко идущую программу кардинальной перетряски всей пирамиды партийной и государственной власти и сделал первые шаги на этом пути. Кроме того, тезис о том, что он перестал соображать, опрокидывается простым фактом публикации Сталиным ряда теоретических работ, написанных в последний период жизни. Короче говоря, версия Ю. Жукова выглядит более чем неубедительной и не выдерживает сопоставления с фактами.

На мой взгляд, все важнейшие решения принимались Сталиным или при его решающем участии. И это продолжалось вплоть до его финальной болезни (если она была таковой, а не чем-то иным). Конечно, объем работы, которую проводил вождь и число решений, принимаемых им, значительно сократились. Но не сократился характер самой единоличной по своей сущности власти Сталина. И он ею пользовался вплоть до своей смерти. Такова, в сущности, природа власти диктатора: она перестает существовать вместе с его физическим уходом с политической сцены. А он продолжал быть самой важной и чрезвычайно активной фигурой на этой сцене. Он, безусловно, был единственным живым «общепризнанным богом» на советском Олимпе власти. Все его соратники, какой бы чисто внешней властью они ни пользовались, в конечном счете, выполняли волю Сталина. Разумеется, это не равнозначно тому, что они начисто были лишены какой-либо реальной власти. В рамках определенных вождем полномочий они осуществляли свои функции в сфере управления государственной и партийной жизнью. Однако, еще раз подчеркну, важнейшие решения принимались или самим Сталиным, или с его личной санкции. Таков был издавна установленный порядок, существовавший на протяжении всего периода сталинской эпохи.

ГЛАВА 10. СТАЛИН И КИТАЙ

1. Сталин и Мао: мимолетные сопоставления

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению столь обширной и достаточно противоречивой проблемы, какой является политическая стратегия Сталина в отношении Китая, причем, главным образом, накануне и после провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г., думается было бы полезно провести некоторые, пусть и слишком субъективные и порой слишком поверхностные сопоставления этих двух государственных и политических деятелей прошлого века. Это, возможно, будет способствовать лучшему пониманию политики советского лидера в отношении Китая. Поскольку через призму личных качеств обоих руководителей двух крупнейших государств мира

порой можно уловить некоторые особенности и тонкости их политического курса, взаимоотношений двух государств и того, как все это отразилось на развитии послевоенной ситуации в международных отношениях в ту эпоху, когда они стояли у руля правления.

Сразу же оговорюсь, что я преследую довольно скромную цель – остановиться лишь на некоторых особенностях политической философии того и другого, отметить черты сходства и серьезных отличий в их политическом мировоззрении и в политической практике. Пусть читатель не будет слишком суров, если ему мои сопоставления покажутся легковесными или же малодоказательными, не говоря уже о возможно тенденциозной их направленности.

С самого начала следует отметить как совершенно очевидный и неоспоримый факт, что оба эти деятеля являли собой политических и государственных руководителей не только национального, но и мирового масштаба. Хотя к Сталину это относится в большей мере, чем к Мао Цзэду. По крайней мере, до того периода времени, когда Китай вышел на широкую международную арену и не на словах, а на деле стал играть роль одной из великих держав современности. Этот процесс начался для Китая гораздо позже, чем для Советской России. Естественно, и для китайского лидера тоже.

Начну с того, что, на мой взгляд, является общим для них обоих. И Сталин, и Мао были коммунистами, придерживались одной и той же марксистско-ленинской теории и идеологии. Это, казалось, должно было их объединять и спланировать, помогать легче находить общий язык при решении возникавших между ними проблем. Однако многие исследователи жизни и деятельности этих двух корифеев марксизма-ленинизма XX века с серьезными основаниями проводят если не пропасть, то глубокую линию различий в интерпретации марксистской теории и практики как со стороны советского, так и китайского лидера.

Я не намерен вникать в суть этой важной проблемы, поскольку она представляет собой предмет самостоятельного исследования. Подчеркну лишь, что условно марксизм Сталина можно определить как более или менее приближающийся по своим исходным параметрам к классическому марксизму. Тогда как марксизм Мао Цзэдуна по целому набору параметров существенно отличается от классического марксизма. Иными словами, и Сталин, и Мао были марксистами, но марксистами отнюдь не одного толка. Это было обусловлено прежде всего и главным образом объективными условиями стран, в которых им приходилось действовать. Во-вторых, поле политической и государственной деятельности Сталина носило, будет сказано без всяких натяжек, поистине глобальный международный характер. Тогда как Мао сформировался как политический и государственный деятель преимущественно национального плана. Последнее мое замечание не стоит интерпретировать таким образом, будто таковым он и оставался после

выхода КНР на международную арену.

По своим геополитическим воззрениям Сталин соединял в себе качества как «западника», так и «восточника». Поле его международной деятельности простиралось преимущественно на Западе. Хотя и проблемам Востока он уделял серьезное значение, о чем я уже писал во втором томе книги. Но тем не менее, все же Запад и отношения со странами Запада занимали в его политической философии и практической политике доминирующее место. Временами, когда обстановка на Дальнем Востоке осложнялась в связи с ростом агрессивных поползновений со стороны японского милитаризма, в центре внимания советского лидера оказывались в силу естественных причин проблемы, связанные с Дальним Востоком и Китаем, в частности. Но, если говорить обобщенно, то он стремился уравнивать в своей деятельности как западную, так и восточную сферы интересов и забот. Суммируя, можно сказать, что Сталин являл собой образец геополитика всемирного масштаба. Это в конце концов подтвердила вся его государственная и политическая деятельность.

Что касается Мао Цзэдуна, то его также необходимо причислить к политикам широкого международного профиля, ибо он не мог не быть таковым, возглавляя великую державу, какой являлась Китайская Народная Республика. Но вся история его политической жизни имела своим истоком национальные китайские условия. Тем самым я не хочу сказать, что он страдал узким национализмом, хотя удельный вес национальных, а порой и националистических воззрений в его идейном и политическом багаже был весьма ощутимым. Сформировавшись прежде всего как политик национального масштаба, он в ходе дальнейшего развития далеко перешагнул эти рамки, но все же не сумел до конца освободиться от некоторых своих издавна укоренившихся взглядов и подходов.

Как национальный политик, он считал главной целью своей жизни одно, но самое важное – чтобы китайский народ поднялся, наконец, с колен. В связи с образованием КНР он заявил, что «китайский народ отныне встал во весь рост, и будущее нашей нации безгранично светло»⁸⁶⁰. Именно благодаря реализации этой вековой мечты китайского народа, Мао Цзэдун навсегда обеспечил себе почетное место в истории своей страны, да и мира в целом.

Однако задача национального возрождения Китая была лишь составной частью общей политической философии Мао. Как приверженец марксистско-ленинской теории он считал основной целью построение нового общественного строя социализма, и этому он посвятил свою жизнь. И здесь его пути, как говорится, пересекаются с путями Сталина. Оба они ратовали за созидание нового общественного строя, но, в сущности говоря, в подходах к

---

⁸⁶⁰ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. V. Пекин. 1977. С. 18.

решению этой проблемы у обоих было больше различий, чем сходства.

Несколько сумбурно остановлюсь на этом вопросе. Сталин придерживался классической марксистской теории о руководящей роли рабочего класса в революции. Мао также публично не выступал против этого аксиоматичного тезиса, но в своей политической деятельности делал ставку не на рабочий класс, а на крестьянство. И его можно было не просто понять, но и согласиться с ним в принципе, поскольку рабочий класс в стране был относительно слаб и его влияние на судьбы страны было в целом ограничено. Мао с самого начала своей деятельности не скрывал своих принципиальных воззрений, вследствие чего не раз подвергался партийным наказаниям, выводу из различных руководящих партийных и военных органов. Его ставка на создание крестьянской армии и постепенное окружение города деревней в конечном счете оказалась правильной.

Еще в 20-х и в середине 30-х годов (а если быть точным, то и позднее) Мао и его сторонники подвергались за свои взгляды серьезной критике со стороны Коминтерна. Разумеется, не без активного участия самого Сталина, слово которого в таких вопросах было решающим. В конце 20-х годов в Китай была направлена группа подготовленных в Москве коммунистов, которая, по мысли Сталина, должна была исправить неверную политическую стратегию Компартии Китая. В верхах началась непрерывная борьба, часто переходившая в склоки. Вооруженные силы КПК в результате ряда карательных походов гоминдановских войск потерпели серьезные поражения и в конце 1934 года вынуждены были начать «великий поход» из юго-восточных провинций на Северо-Запад. Поход длился больше года. Армия несла тяжелые потери, как считал Мао, из-за неправильной военной и политической линии. В итоге в январе 1935 года в местечке Цзуньи состоялось расширенное совещание, завершившееся фактическим переходом власти в руки Мао и его сторонников. Так называемые «московские большевики» потерпели фиаско. Отныне Мао стал, если не полномочным, то первым среди китайских руководителей. Ему еще потребовалось некоторое время, чтобы полностью упрочить свои позиции, окончательно разгромить противников и установить в партии власть, если не равную сталинской, то напоминающую ее. Позднее, во время секретной поездки А. Микояна в Китай в начале 1949 года, Мао жаловался посланцу Сталина, «как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия была разгромлена из-за деятельности Ван Мина, которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов, и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить»⁸⁶¹.

---

⁸⁶¹ Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 2. 1949 – февраль 1950. Документы и материалы. М. 2005. С. 339.

Как видим, оба вождя утверждали свою власть и свою политическую философию в жесткой и непримиримой борьбе со своими оппонентами. Противникам Мао не помогло и то, что их поддерживал исполком Коминтерна: в конце концов реалии жизни брали верх над всеми другими соображениями.

Сталин из Москвы, конечно, внимательно следил за тем, что происходило в верхушке КПК. Но он, очевидно, считался с тем, что Мао пользуется хорошей репутацией и авторитетом в партийных кругах не столько из-за своих личных качеств, а, главным образом, благодаря тому, что ему удалось увести силы армии и партии от разгрома. Конечно, Сталин не мог не испытывать недоверия и сомнений в отношении крестьянского уклона, присущего китайскому лидеру. Характерно, что даже в январе 1946 года в беседе со специальным посланцем Чан Кайши – Цзян Цзинго – его сыном, а в дальнейшем преемником – счел возможным так высказаться по поводу Мао Цзэдуна: «Мао Цзэдун – своеобразный человек и своеобразный коммунист. Он ходит по деревням, избегает городов и ими не интересуется»⁸⁶².

Характерно, что советский лидер дает столь нелестную характеристику коммунисту Мао не кому-нибудь, а самому сыну Чан Кайши. Видимо, степень его недовольства тогдашними действиями китайских руководителей была столь велика, что он не счел нужным скрывать своих мыслей. Возможен и другой вариант: Сталин сознательно стремился убедить представителя гоминдана, что он, Сталин, не испытывает к Мао доверия, чтобы таким способом как бы расширить свои возможности для дипломатических маневров и сыграть более активную роль в урегулировании разгоравшегося тогда конфликта между КПК и гоминданом. По крайней мере, данный факт весьма симптоматичен, тем более что в литературе о Мао встречаются весьма нелестные оценки Сталиным качеств китайского лидера как не внушающего доверия деятеля, на долю которого выпала задача непомерной важности и тяжести – руководить революционным движением в такой огромной и сложной стране, как Китай. Но все это всего лишь домыслы, а может быть, и факты – судить об этом трудно. По крайней мере, приходится сталкиваться порой с диаметрально противоположными характеристиками.

Пока в основном речь шла о различиях в политических воззрениях и в методах политики. Но было немало и общего у обоих государственных и политических деятелей. Мао, как и Сталин, был авторитарным лидером, он практически всегда стремился навязать свою точку зрения на тот или иной вопрос. Его голос был решающим – разумеется, при соблюдении псевдомемократического декорума. В отношении своих политических противников как в партии, так и вне ее, он использовал методы собственного

---

⁸⁶² Цит. по *А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937 – 1952. М. 1999. С. 30.*

изобретения. Он не устраивал публичных процессов, на которых его оппоненты должны были признавать свою вину и нести соответствующее наказание. Его больше привлекали многомесячные, а то и длившиеся годами политические и идеологические кампании, в ходе которых тех, кто не разделял взглядов Мао или просто высказывал свое мнение, подвергали непрерывным политическим кампаниям. Во время этих кампаний мнимые «виновники» тем или иным способом вынуждались к признанию своих ошибок и подвергались карам различной степени – чаще всего ссылкам на трудовое перевоспитание, что мало чем отличалось от сталинских лагерей. Как видим, китайский великий кормчий и здесь внес свою оригинальную лепту. В последующем в ходе великих кампаний, которые в Китае развернулись уже после смерти Сталина, методы и искусство уничтожать своих политических противников (да и не только их, поскольку жертвами оказались буквально миллионы) стали особенно жестокими и изощренными. Истории еще предстоит дать ответ на вопрос: чьи методы по своей беспощадности и мучительности были более антигуманны – сталинские или маоцзэдуновские. Как говорится, хрен редьки не слаще.

Иными словами, репрессии в самых различных формах постоянно и охотно использовались обоими вождями и стали неотъемлемой чертой их режима. Насилие было для них орудием политики, а не отступлением от принципов морали. В этом они мало разнились. В политической борьбе оба отличались гибкостью, прагматизмом, умением использовать слабые стороны оппонентов. Политика и для Сталина, и для Мао была не просто искусством возможного, а орудием достижения максимально возможного.

В данном контексте мне хочется привести оценку, исходящую из уст Н.Т. Федоренко – в конце 40-х – начале 50-х годов личного переводчика Сталина – во время переговоров советского вождя с китайским лидером. Он в одном из интервью дал следующую характеристику, оттенив элементы сходства между обоими вождями:

«Постепенно Сталин увидел в Мао действительно „кормчего“, с такими же, как у него, диктаторскими приемами, с той же навязчивой идеей искать врагов... даже среди друзей. Та же ревность к чужой славе, нетерпимость в борьбе за лидерство, та же жестокость, железная хватка, когда для достижения цели все средства хороши.

В конечном счете, приезд Мао в Москву окончательно убедил Сталина в том, что Мао – личность сильная, властная, творческая, перспективная.

Мао Цзэдун действительно был гроссмейстером в своем деле. Просчитывал все ходы в разыгрываемой партии. Он понимал и держал на вооружении „железную логику“ Сталина, открытую и замаскированную. Возвеличивая Сталина, он возвеличивал себя. Возводя памятники Сталину, он думал о монументах себе»⁸⁶³.

---

⁸⁶³ «Аргументы и факты». № 41. 8 октября 1998 г.

Некоторые считают, что оба лидера были весьма упрямы и мало поддавались аргументам оппонентов. Про Сталина этого определенно сказать нельзя, ибо он частенько шел на компромиссы и даже искусство достижения выгодных компромиссов почитал как ценное качество государственного и политического деятеля. Вся политическая судьба Сталина как бы соткана из компромиссов, заключая которые он, как правило, оказывался в выигрыше. Речь идет как о вопросах внешней политики, так и в меньшей степени о вопросах политики в различных сферах жизни государства.

Относительно Мао можно сказать, что и ему отнюдь не было чуждо искусство компромиссов. Он нередко использовал это орудие в своей политической и государственной деятельности. Однако все же склонности к компромиссным решениям у Мао было меньше, чем у Сталина. Я не берусь сейчас иллюстрировать свои мимолетные сопоставления конкретными фактами, поэтому они могут восприниматься как голословные утверждения. Однако в ходе изложения материалов главы будет возможность фактами подтвердить данные оценки.

Другим существенным (реальным или действительным – это еще вопрос) различием в политической философии двух лидеров являлось отношение к интернационализму и – как обратная сторона данного вопроса – отношение к национализму. Изначально Сталин последовательно выступал в качестве интернационалиста, однако по мере того, как размах революционного движения становился все более скромным и на победу мировой революции не оставалось никаких надежд, Сталин радикально (разумеется, не публично, а своими практическими действиями) постепенно, шаг за шагом, дал такое толкование интернационализма, которое, по существу, приравнивалось к безоговорочной поддержке Советской России как реальному завоеванию нового общественного строя, как базе мирового социализма. Поддержка базы мирового социализма стала реальным критерием верности марксистско-ленинскому учению и идеям революции. Иначе говоря, интернационализм становился инструментом геополитической стратегии Сталина. Подобная трактовка интернационализма чем-то отдавала национализмом, даже великодержавным национализмом. Однако в конкретных условиях того времени подобная интерпретация отвечала не только национальным интересам СССР, но и развитию коммунистического и революционного движения в мире в целом. В том числе, разумеется, и на Востоке. Поэтому многие коммунисты с ним мирились и считали его правильным.

Что касается Мао Цзэдуна, то идеи интернационализма всегда находились у него на втором плане, и если он о них говорил, то, как говорится, ради декорума, чтобы показать себя последовательным марксистом и коммунистом. На деле же его национализм лежал в основе всей его политической философии, за что осудить его не поднимется голос. Ведь

весь смысл, вся политическая деятельность Мао концентрировались на освобождении Китая от оков колониализма, остатков феодализма и господства компрадорской буржуазии. Конечно, это была великая национальная цель. Но она включала в себя и глубокое интернациональное содержание, ибо подрывала основы старого мироздания и способствовала развитию революционного движения.

В общении с советскими коммунистами в сталинский период Мао Цзэдун всячески старался не только не выпячивать своих заслуг как лидера и теоретика Коммунистической партии Китая, а, напротив, не упускал случая продемонстрировать свою несопоставимость со Сталиным как классиком. Так, он не раз подчеркивал, что «он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.»⁸⁶⁴. Микоян, которому были адресованы эти слова, чтобы он соответствующим образом проинформировал Сталина, прекрасно раскусил восточную хитрость Мао и прокомментировал его показную скромность так: «Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает»⁸⁶⁵.

Китайский лидер настойчиво стремился выделить заслуги Сталина в развитии мирового революционного движения, в помощи китайской революции, и особенно в разработке теоретических проблем марксизма-ленинизма. Мао неоднократно и даже назойливо подчеркивал, что «Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая.

Более того, он лично послал на места строгую телеграмму, запрещающую называть его фамилию вместе с фамилиями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, хотя об этом ему приходится спорить со своими ближайшими товарищами»⁸⁶⁶.

Убедительным доказательством того, что Мао Цзэдун здесь явно лукавил, служит тот факт, что на протяжении ряда лет в КПК проводилась кампания по китаизации марксизма-ленинизма, по популяризации Мао в качестве основоположника идей нового типа марксизма-ленинизма. Эта работа была закончена к 1945 году после завершения так называемого движения за исправление стиля.

---

⁸⁶⁴ Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 2. С. 342.

⁸⁶⁵ Там же. С. 342.

⁸⁶⁶ Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 2. С. 343.

VII съезд КПК, проходивший в 1945 году, накануне завершения антияпонской войны, закрепил итоги кампании по «китаизации марксизма». Центральный печатный орган КПК в статье, посвященной VII съезду КПК, особо подчеркивал: «...Самое важное историческое значение съезда состоит в том, что идеи товарища Мао Цзэдуна единодушно приняты всей партией как направляющие идеи партии, как указатель для всей работы партии. Новый устав партии в разделе „Основные положения программы“ зафиксировал, что „Коммунистическая партия Китая во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэдуна – идеями, соединяющими теорию марксизма-ленинизма с китайской революционной практикой“. „В этом общем положении, – указывалось далее в статье, – четко и ясно изложено содержание идей Мао Цзэдуна. За 24 года, пройдя испытания в трех революционных войнах, наша партия создала этот китаизированный марксизм, полностью соответствующий китайским условиям, и нашла выразителя его в лице товарища Мао Цзэдуна“»⁸⁶⁷.

Сталин, разумеется, был прекрасно осведомлен о процессах, протекавших в компартии такой огромной страны, как Китай. И можно предположить, что он отнюдь не равнодушно отнесся к появлению еще одного классика революционного учения хотя бы в виде китаизированного марксизма. Хотя открыто выступить против этого он не мог, тем более, что китайские лидеры неизменно подчеркивали, что речь идет лишь о том, чтобы лучше, в полном соответствии с национальными особенностями, на практике использовать революционную теорию.

Одним словом, Сталин, давно уже причисленный к разряду великих теоретиков марксизма-ленинизма, видимо, с чувством недоверия относился к уверениям Мао в его скромности и тому, что он никак не причисляет себя к теоретикам. Да, откровенно говоря, Сталин в период войны был настолько поглощен военными и иными делами, что у него не оставалось времени, чтобы всерьез проанализировать амбициозные претензии китайского вождя на роль чуть ли не классика научной теории коммунизма. Сталин был безоговорочно убежден в том, что из всех деятелей коммунистического движения только он по праву причислен к лику коммунистических святых, т.е. объявлен классиком марксизма-ленинизма.

Нет смысла гадать насчет того, как бы развивались отношения между двумя вождями в этой сфере, если бы Сталин прожил дольше. По крайней мере, определенные проблемы бы возникли. Но в тот период на первый план выходили совсем другие, гораздо более актуальные и жизненные вопросы, решению которых Сталин должен был уделять первостепенное внимание. И Мао, конечно, учитывал ситуацию, постепенно возвышая свой статус в коммунистическом мире.

---

⁸⁶⁷ «Цзефан жибao». 14 июня 1945 г.

Такова, на мой взгляд, диалектика сочетания и сопоставления интернационализма Сталина и национализма Мао Цзэдуна. В этом сочетании проглядывают явные черты сходства, так и различия. К тому же надо подчеркнуть, что в своем чистом виде понятия, о которых идет речь, случаются разве что в абстрактной теории, а не в реальной общественно-политической жизни. Особенно в периоды резкого обострения общественной и политической борьбы как в национальных рамках, так и на международной арене. А эпоха этих двух вождей как раз и была эпохой самого острого противостояния различных сил в мире и в отдельных странах. Истины ради, следует отметить, что китайские руководители не раз (в закрытом порядке, а затем и публично) ставили в вину Москве, что она подменяет интернационализм политикой установления своей гегемонии. Обнаженно эти обвинения стали звучать после смерти Сталина, в период так называемой «великой полемики».

Нельзя не отметить, что китайские лидеры относились к Сталину с уважением и почтением, что, однако, не вело к их безоговорочному одобрению всех подходов Сталина к мировым делам, в первую очередь к вопросам китайской революции. В 1960 году эту позицию китайского руководства вполне однозначно, хотя и в довольно взвешенных выражениях, сформулировал Чжоу Эньлай. Он писал: «Пересматривая деятельность Коммунистического Интернационала, мы должны придерживаться всестороннего подхода. Сталин нес главную ответственность за все на протяжении длительного отрезка времени, и в это время было допущено много недостатков и ошибок. Но не все, что делалось в тот период, являлось ошибочным. Даже во второй период существования Интернационала, в последние годы жизни Сталина, он делал многое для того, чтобы способствовать развитию, а не затуханию революционного движения. Когда его ошибки становились очевидными, он проявлял готовность изменить свое мнение. Если мы будем стоять на почве фактов, мы должны придерживаться своих взглядов и безоговорочно признать его ошибки. Например, он сомневался, являемся ли мы подлинными марксистами и готовы ли мы противостоять империализму, но он изменил свое мнение в период корейской войны. Так что Сталин был разумным политиком. Это верно, что он допускал ошибки в вопросах китайской революции, но китайские товарищи несут гораздо большую ответственность за ошибки, совершенные во время революции, потому что мы были решающим фактором. Более того, мы полностью осознали это и исправили свои ошибки, и наша революция в конечном счете завершилась успехом»⁸⁶⁸.

Проблема отношений Сталина и руководства компартии Китая обширна и многогранна, и ее невозможно осветить, как говорится, на нескольких

---

⁸⁶⁸ Zhou Enlai . Selected Works. Vol. II. Beijing. 1989. p. 308.

страницах. Тем более, что это выходит за непосредственные рамки моей задачи. Но одно замечание все-таки хочется сделать. В период «большой полемики» многие советские историки (в том числе и я лично) делали несоразмерно сильный акцент на проявления национализма со стороны маоистского руководства. Упреки в великодержавном шовинизме звучали яростно с обеих сторон. С нашей стороны явно недооценивались национальные особенности и своеобразие обстановки в Китае как в период борьбы за власть, так и в период строительства нового общественного уклада. Нам казалось, что чуть ли не все должны повторять наш опыт – как опыт достижений, так и опыт крупных, порой непоправимых ошибок.

А между тем, простая логика и здравый смысл подсказывали, что глупо было цепляться за многие устаревшие догмы и аксиомы марксистского учения. Нельзя было ставить эти догмы выше общественной практики и потребностей прогрессивного и эффективного развития общества. Фактически с нашей стороны, обвинениями лидеров компартии Китая в национализме мы как бы отгораживались русским бамбуковым занавесом от жизненных реальностей.

Но все это стало ясно с течением времени. В годы же Сталина господствовали иные критерии и иные оценки. Поэтому взгляды Сталина по китайскому вопросу и краткий анализ происходивших тогда событий, в том числе и критику китайского руководства со стороны советского вождя, нужно рассматривать не с высоты нынешнего положения дел, а в органической взаимосвязи с реальными условиями того времени. Иначе получится не правдивое отображение исторической правды, а картина, сотканная из правды и полуправды, из объективных фактов и тщательно отобранных фактов. Ценность таких оценок весьма сомнительна.

Вообще говоря, сравнивать таких похожих друг на друга и таких разнящихся друг от друга государственных и политических деятелей – задача не просто трудная, но порой даже чреватая опасностью делать поверхностные умозаключения и выводы. Однако даже беглое сопоставление политической философии Сталина и Мао Цзэдуна дает картину, передать которую может не черная или белая краска, а вся гамма красок.

2. Китай в геополитических расчетах Сталина

Политическая философия Сталина включала в себя в качестве неотъемлемого органического компонента и геополитические аспекты. Причем следует подчеркнуть, что эти геополитические аспекты, как и в целом вся политическая философия, не находились в статичном состоянии, а постоянно развивались, обогащались новым содержанием с учетом реальных изменений как внутри страны, так и на мировой арене. Квинтэссенцией геополитических воззрений вождя была выработка и практическая реализация такого курса на международной арене,

который бы в наиболее эффективной и широкой форме отражал задачи упрочения позиций Советской России как на Западе, так и на Востоке. Естественно, с изменением обстановки в мире изменялись и внешнеполитические приоритеты, на осуществление которых направлялись главные усилия страны.

Читатель, конечно, понимает, что главные внешнеполитические приоритеты как перед войной, так и вскоре после ее завершения, находились на Западе, в первую очередь в Европе. Однако Советская Россия, как страна одновременно и европейская, и азиатская, постоянно держала в поле своего внимания проблемы Востока. Отсюда, конкретно со стороны Японии, исходила главная угроза ее национально-государственной безопасности. Поэтому восточная проблематика всегда являлась одной из приоритетных задач, находившихся в поле внимания Сталина.

Если излагать вещи предельно просто, даже упрощенно, то на первом плане стояла задача не дать вовлечь себя в войну с Японией, имея в виду, что с Запада нависала прежде всего германская опасность. Сталин делал все возможное, чтобы избежать войны на два фронта. Здесь требовалась особая стратегия, ключевым звеном которой выступало установление дружественных отношений с Китаем. Самая населенная страна в мире в межвоенный период переживала тяжелые времена: с одной стороны, она стала объектом прямой японской агрессии, которую тем или иным способом подталкивали или содействовали ей США и другие западные державы. Они исходили из того, что если Япония завяжет с осуществлением своих милитаристских планов в Китае, то это будет соответствовать западным интересам.

Вместе с тем, внутренняя ситуация в Китае характеризовалась крайней нестабильностью, борьбой между различными военными группировками, но главное – в ней развертывались, то затухая, то обретая большой размах, акты гражданской войны. Гоминьдан стремился уничтожить компартию и установить свое безраздельное господство. Сталин в данной ситуации должен был учитывать чрезвычайно противоречивую и сложную совокупность факторов: с одной стороны, он должен был оказывать помощь китайским коммунистам, с другой стороны – он не мог допустить того, чтобы отношения между СССР и гоминьдановским Китаем стали реально или потенциально враждебными, поскольку Сталин в Китае видел естественного союзника и партнера в борьбе против Японии. Приходилось, таким образом, проводить тонко взвешенную политику, чтобы не испортить отношения со всеми участниками этой сложной политической игры. Но в конечном счете главную ставку Москва делала на Китай, поскольку наверняка знала, что Япония не остановится в расширении масштабов своей агрессивной политики. Определенным плюсом для Сталина выступало то, что японские правящие круги стремились и к захвату британских колоний, что сталкивало их с Англией, а также разрабатывали планы войны против США. Такова в

самых общих чертах была ситуация, которую должен был учитывать Сталин в своей геополитической стратегии.

31 мая 1924 г. не без активного участия Сталина было заключено советско-китайское соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой. После разгрома японской интервенции на Дальнем Востоке правительство Китая более не могло противиться требованиям китайского народа об установлении дружественных отношений с Советским Союзом. Это соглашение и приложенные к нему ноты устанавливали, что немедленно после подписания настоящего соглашения восстанавливаются нормальные дипломатические и консульские сношения между обеими договаривающимися сторонами. В течение месяца должна была быть созвана советско-китайская конференция, на которой «все конвенции, договоры, соглашения, протоколы, контракты и т.д., заключённые между правительством Китая и царским правительством», будут аннулированы и заменены «новыми... на основе равенства, взаимности и справедливости и в духе деклараций Советского правительства 1919 и 1920 гг.»⁸⁶⁹. Исключительно важное значение имела статья 10, по которой СССР отказывался от специальных прав и привилегий, касающихся всех концессий, приобретённых царским правительством в Китае, причём китайское правительство (согласно специальной декларации) обязывалось не передавать этих прав и привилегий. Наряду с этим Советское правительство отказывалось (ст. 12) от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции в Китае и соглашалось с тем, чтобы граждане СССР, находящиеся на территории Китая, полностью подчинялись китайской юрисдикции. Англия и США сделали подобный шаг, но чисто формального характера, лишь в 1943 году.

Статья 11 и развивающая её декларация фиксировали, что СССР «соглашается отказаться от русской части боксёрского возмещения». По требованию СССР эта часть возмещения (около 100 млн. руб.) должна была быть передана исключительно и полностью на нужды народного образования в Китае. Особенно важно отметить следующее обстоятельство: заключенное соглашение имело огромное значение для Китая, поскольку оно знаменовало новую эру в его международных отношениях. Китай впервые заключил с иностранной державой соглашение, которое воплотило принципы равенства и взаимных выгод.

Это соглашение в те годы произвело подлинный фурор, ибо показало китайцам и всему миру, что Москва проводит подлинно справедливую политику.

Однако советско-китайское соглашение не могло и не изменило коренным образом общую ситуацию в Китае и на Дальнем Востоке в целом.

---

⁸⁶⁹ Дипломатический словарь. Т. II. С. 708.

Империалистические державы, и в первую очередь США и Англия, постоянно маневрировали, идя на компромиссы, ради того, чтобы толкнуть другие державы на противодействие Японии, – все это давало Японии благоприятные возможности для дальнейшего расширения экспансии в Китае. Японская агрессия в Китае, принявшая с 1931 г. вооружённые формы (захват Маньчжурии), создала совершенно иные условия в этом регионе мира. Превращение Маньчжурии в японский плацдарм на Азиатском материке чрезвычайно обострило обстановку на Дальнем Востоке. Практически ни одно государство Азии не могло быть гарантировано от последующей агрессии. Естественным путем для борьбы с ней было бы объединение усилий азиатских стран, прежде всего СССР и Китая, в осуществлении политики мира на Дальнем Востоке. Коренные интересы Советского Союза и Китая требовали единства двух стран.

Именно это обстоятельство открывало перед Сталиным возможность значительно активизировать усилия Москвы, направленные на укрепление связей с Китаем, в том числе и на договорной основе. Что касается правительства Чан Кайши, то оно надеялось столкнуть СССР с Японией, вплоть до советско-японской войны. Чтобы не дать Японии повода для провокаций, СССР предложил ей заключить пакт о ненападении, но японское правительство отклонило это предложение. Один из видных в то время лидеров гоминьдана заявил в то время, что Китай не подпишет с СССР пакта о ненападении.

Но тучи над Китаем после 1931 года все более сгущались, становилось очевидным, что Токио будет и дальше расширять свои масштабы агрессии против Китая. Сталин отдавал себе отчет в том, что, несмотря на антикоммунистическую линию правительства гоминьдана, оно будет вынуждено силой реальных обстоятельств проявить стремление к нормализации отношений с Советским Союзом. И он оказался прав: сама жизнь заставила китайское правительство пойти в 1932 году на восстановление нормальных дипломатических советско-китайских отношений, нарушенных конфликтом 1929 года. Советский Союз принял предложение китайского правительства заключить пакт о ненападении. Однако правительство Китая, продолжавшее надеяться на возможность сговора с Японией, задерживало подписание пакта, и переговоры о нём затянулись на несколько лет. В те годы Москва неоднократно предлагала Китаю также приступить к переговорам о подписании пакта о ненападении и торгового договора. Однако как в самом китайском правительстве, так и в министерстве иностранных дел Китая наблюдалось мощное влияние прояпонских сил. Естественным, что это не могло не вести к опасной затяжке переговоров. Лишь в октябре 1935 года китайская сторона передала СССР свой проект торгового договора, в который были преднамеренно вставлены заведомо неприемлемые положения.

По взаимному согласию сторон в 1935 – 1937 годах проходили

переговоры между двумя сторонами, в которых был крайне заинтересован Чан Кайши. Сталин считал, что даже само проведение таких переговоров станет существенно важным фактором, способным удержать Чан Кайши от дальнейших уступок милитаристской Японии. В целом можно сделать вывод, что эти переговоры способствовали примирению гоминьдана с КПК, созданию в Китае единого национального антияпонского фронта.

Однако преграды и препятствия появлялись и со стороны коммунистов, которые на тот исторический момент на первый план выдвигали прежде всего интересы борьбы против гоминьдана как продажного и не способного вести последовательную борьбу против японской агрессии. Сталину пришлось активно вмешаться в этот вопрос, чтобы выправить положение и сосредоточить усилия сторон не на разжигании гражданской войны, а на сплочении всех сил, способных объединиться на одной основе – борьбе против японской агрессии.

После того как в июне 1936 г. была установлена постоянная связь между Коминтерном и ЦК КПК, Секретариат ИККИ рекомендовал КПК решительно пересмотреть прежнюю установку на одновременную борьбу против гоминьдана и против японских захватчиков, тактику поддержки борьбы региональных милитаристских группировок против Нанкина. По прямому указанию Сталина Генеральный секретарь Коминтерна Г.М. Димитров особо подчеркнул, что в момент, когда агрессия Японии угрожает национальному существованию китайского народа, главной задачей является объединение всех сил Китая. «Все остальное, – говорил Г.М. Димитров, – нужно подчинить этой задаче. Отсюда вытекает, насколько неправильна политическая установка в отношении Нанкина, Чан Кайши и гоминьдана. Это остатки прошлого»⁸⁷⁰.

Исходя из глобальных военно-политических и стратегических интересов Советской России, а также стремясь предотвратить дальнейшее углубление разногласий между гоминьданом и компартией, которые лили воду на мельницу японской военщины, Сталин использовал все возможности Коминтерна для того, чтобы не только уменьшить масштабы гражданской войны в Китае, но и, как говорится, снять этот вопрос с повестки дня вообще. Ибо на передний план всплыли задачи гораздо более серьезные, угрожавшие национальному существованию Китая, превращения ее в колонию Японии.

В соответствии с этой стратегической линией Сталин проводил курс, состоявший как бы из двух органически взаимосвязанных элементов: с одной стороны, он добивался того, чтобы коммунисты сняли устаревшие лозунги, препятствовавшие созданию единого антияпонского фронта, с другой стороны – вел линию на заключение нового договора с Китаем. Последнее должно было не только усилить международные позиции Китая, но и

---

⁸⁷⁰ Цит. по Новейшая история Китая. 1928 – 1949. М. 1984. С. 123.

показать всему китайскому народу, а также недругам Китая, что в лице Советского Союза Китай имеет надежного друга и защитника. Конечно, все это нужно было осуществлять крайне осмотрительно и учитывать всю глубину, разделявшую обе враждующие стороны в Китае.

В соответствии со стратегией Сталина руководящие органы Коминтерна приняли решение, суть которого сводилась к следующему:

– китайские «коммунисты не должны ставить гомиьндан и Чан Кайши на одну доску с японскими захватчиками, так как главным врагом китайского народа является японская фашистская военщина, борьбе с которой на данном этапе должно быть подчинено все».

– далее в решении говорилось, что для действительного и серьезного вооруженного сопротивления японским захватчикам необходимо участие в нем гомиьндановских войск или решающего большинства их, что «в нынешних условиях всякая междоусобная война в Китае облегчает грязное и темное дело японских хищников». Секретариат ИККИ рекомендовал КПК заменить лозунг советской республики лозунгом создания единой всекитайской демократической республики⁸⁷¹.

Однако реализовать принятые решения было не так просто. В декабре 1936 года произошел так называемый сианьский инцидент, когда неподалеку от города Сиань прибывший туда Чан Кайши был арестован антияпонски настроенными военными из числа гомиьндановцев. Конфликт грозил перерасти в серьезное вооруженное противостояние, что было на руку только японской военщине. Необходимо было предпринимать срочные меры.

Разрешению конфликта в определенной мере способствовало и то, что за мирное разрешение сианьского конфликта высказывались и ведущие печатные органы Англии, Франции, США, с тревогой относившиеся к усилению Японии. События в Сиани, подчеркивалось в газетах этих стран, на руку лишь Японии. В данном случае произошло непроизвольное совпадение позиций тех, кто опасался усиления японской агрессии не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке.

Но решающее значение имел тот факт, что Сталин, внимательно следивший за развитием ситуации, настоятельно советовал китайским руководителям решительно и однозначно выступить за мирное разрешение сианьского конфликта. Иными словами, позиция Сталина, нашедшая отражение в решении Коминтерна, сыграла решающую роль в деле мирного урегулирования сианьских событий. Она повлияла не только на руководство КПК, но и на Чан Кайши, который вначале не желал идти ни на какие уступки восставшим против него военным, решительно отказывался вести с ними какие-либо переговоры. После того, как 22 декабря 1936 г. в Сиань к Чан Кайши прибыли его жена Сун Мэйлин и ее брат Сун Цзывэнь,

---

⁸⁷¹ Новейшая история Китая. 1928 – 1949. С. 123.

проинформировавшие Чана о позиции Советского Союза, он согласился встретиться с представителем КПК Чжоу Эньлаем. В беседе с ним Чан Кайши выразил согласие на мирное урегулирование сианьского инцидента. В конце концов сианьский конфликт был разрешен мирным путем, что на деле показало реальную возможность находить общие точки соприкосновения перед лицом более грозной опасности – агрессии со стороны Японии.

Надо отметить, не вдаваясь в детали, что переговоры между коммунистами и Чан Кайши были длительными и постоянно находились под угрозой срыва ввиду различия в принципиальных позициях сторон. Но угроза дальнейшего расширения агрессии со стороны Японии превращалась из реальной возможности в реальный факт: 8 июля 1937 г. начался новый этап японского завоевания Китая – Токио перешел к захвату провинций Северного Китая, что в корне изменило обстановку и по-новому поставило многие вопросы. Расширение рамок агрессивных действий Японии озадачило даже тех, кто на Западе снисходительно смотрел на то, как Япония отхватывает от Китая одну провинцию за другой. Сложилась довольно противоречивая ситуация. Дело в том, что война Китая за независимость была частью борьбы народов мира против наступления агрессивных сил. Соответственно правительства западных держав, проводивших политику «умиротворения» агрессоров, не оказали помощи борьбе китайского народа. Фашистские Германия и Италия в основном встали на сторону Японии, хотя сохраняли в первые годы войны некоторые связи с Китаем по военной линии. Западные державы и США, формально выступая против войны Японии в Китае, по существу (путем поставок стратегических материалов Японии), разжигали ее, проявляли заинтересованность в затяжке войны, надеясь в этом случае на ослабление Японии. Они хотели бы также, чтобы в войну против Японии вступил Советский Союз, что могло бы привести к взаимному ослаблению СССР и Японии.

Сталин отчетливо видел существо этой стратегии и предпринимал соответствующие меры, нацеленные на то, чтобы подкрепить позиции борющегося китайского народа. Главным инструментом в этом было заключение договора с Китаем и оказание практической помощи – вооружениями, специалистами, техникой и т.д. Это были – не декларации, а конкретные дела. 31 июля 1937 г. правительство Советского Союза дало согласие на поставку оружия Китаю, изъявило готовность принять для обучения в Советском Союзе китайских летчиков и танкистов (на последнее предложение Китай никак не реагировал) и предложило китайскому правительству заключить пакт о ненападении.

Пакт о ненападении между Советским Союзом и Китаем был предложен китайской стороной и подписан 21 августа 1937 г. в Нанкине. Подписание пакта явилось важной вехой в истории советско-китайских отношений. Это был единственный в тот период международно-правовой документ, укреплявший положение Китая в войне против Японии. Значение

советско-китайского пакта было воспринято мировой общественностью как выражение Советским Союзом твердой поддержки китайскому народу и как основа для дальнейшего улучшения советско-китайских отношений.

Прежде чем изложить основные положения этого пакта, надо ответить на два вопроса: почему он был предложен китайской стороной и почему носил название пакта о ненападении? Во-первых, инициатива в данном вопросе хотя бы формально должна была исходить от Китая, чтобы лишить японскую сторону возможности обвинить Москву во вмешательстве в войну на стороне Китая. Этот шаг был продуман Сталиным с особой тщательностью, поскольку именно в эти годы японская военщина энергично готовилась к агрессии против СССР и ждала только повода, чтобы ее осуществить. Что, впрочем, она и попыталась сделать несколько позднее в районе реки Халхин Гол и где получила урок, который надолго отрезвил горячие головы японских генералов. Во-вторых, договор о дружбе и взаимопомощи с Китаем Сталин также не мог заключить, поскольку тем самым он как бы открыто вступал в военный конфликт против Японии.

Однако суть дела состояла не в названии. Это, по своему духу, был договор о помощи китайскому народу, ибо время и условия его заключения свидетельствовали о том, что это не был чисто формальный договор о нейтралитете.

14 сентября 1937 г. между СССР и Китаем была достигнута договоренность о конкретных поставках военной техники, боеприпасов и снаряжения в счет советского кредита. По просьбе китайской стороны сроки доставки первой партии самолетов были сокращены до минимума. Так, уже 22 октября 1937 г. в Урумчи прибыла первая партия самолетов и группа советских представителей для организации транспортировки через Синьцзян поступающих из СССР самолетов и военных грузов.

Таким образом, хотя соглашение о первом кредите в 50 млн. амер. долл. было оформлено лишь в марте 1938 г., переброска оружия из СССР в Китай, в отличие от обычной международной практики, началась в октябре 1937 года, поскольку положение на фронтах Китая требовало быстрой помощи⁸⁷².

Содержание договора сводилось к следующему. Согласно договору стороны отказывались от войны как средства разрешения международных споров и обязывались «воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами» (ст. I). Китай и СССР взаимно обязались не оказывать ни прямой, ни косвенной поддержки державе или державам, нападающим на одну из договаривающихся сторон, а также воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы неблагоприятно отозваться на стороне, подвергшейся нападению (ст. II).

---

⁸⁷² Новейшая история Китая. 1928 – 1949. С. 164.

Ст. III оговаривала, что советско-китайский договор не нарушает прежних договоров и соглашений, участниками которых были СССР и Китай.

Заключение договора однозначно говорило за то, что Сталин ставил в качестве своей долгосрочной цели установление действенной системы безопасности на Дальнем Востоке. Япония и Германия заняли резко враждебную позицию по отношению к советско-китайскому договору, ибо он знаменовал провал германо-японской политики изоляции и окружения СССР и одновременно являлся выражением дружеских чувств и симпатий СССР к китайскому народу, боровшемуся за своё национальное освобождение. Договор был подписан на 5 лет. Он сохранял свою силу на каждое последующее двухлетие в том случае, если какая-либо из сторон за 6 месяцев до истечения очередного срока не заявит о своём желании отказаться от него.

Важную роль сыграла система советских военных советников, созданная в соответствии с договором. Советские советники прибыли в Китай, когда китайская армия на всех фронтах отступала под натиском японских войск. Следует констатировать, что китайская армия не имела единой организации, в главном штабе китайских вооруженных сил не существовало разработанного оперативно-стратегического плана ведения войны. Все это сказывалось в работе советников и подчеркивало важность их миссии фактических друзей и союзников.

В начале февраля 1938 г. советскими волонтерами был нанесен удар по большой авиационной базе японцев в Ханчжоу, где было уничтожено более 30 японских самолетов. 23 февраля, в день советской Красной Армии, была осуществлена крупная операция против японской авиационной базы на острове Тайвань, где было уничтожено около 40 самолетов противника, затоплено несколько судов. 20 мая 1938 г. над самой Японией появились китайские бомбардировщики советского производства с советскими экипажами, сбросившие листовки на японские города⁸⁷³.

Особо следует подчеркнуть, что советская помощь оказывалась Китаю тогда, когда китайские власти тщетно и многократно обращались к западным правительствам, рассчитывая получить от них хоть какие-то кредиты и вооружение, которого так не хватало китайской армии.

Конечно, советская помощь, в том числе и посылкой советников и военных специалистов, принимавших непосредственное участие в боевых действиях, была существенной подмогой китайскому народу. Военные советники, прибывшие в китайскую армию из СССР, видели свою задачу в том, чтобы обеспечить за китайской авиацией активные действия на таких участках китайско-японского фронта, где можно было добиться внезапности ударов и во взаимодействии с наземными войсками достигнуть наилучших результатов.

---

⁸⁷³ Новейшая история Китая. 1928 – 1949. С. 165.

Если говорить обобщенно, то помощь Советской России китайскому народу в национально-освободительной войне сыграла в 1937 – 1938 гг. роль одного из важнейших факторов, обеспечивших упорное китайское сопротивление. Такой же значительной советская помощь Китаю оставалась и в 1939 году.

Конечно, могут сказать, что помощь Сталина Китаю носила в чем-то эгоистический характер, поскольку сама Москва нуждалась в том, чтобы Китай на Дальнем Востоке выступал в каком-то роде в качестве противовеса расширению японской агрессии и поворота ее в сторону Советской России. Это действительно так, но сущность состоит в главном – наша страна стремилась создать общий фронт борьбы народов против агрессоров как на Западе, так и на Востоке. И эти действия советского лидера логически укладывались в его общую политическую философию и глобальную геополитическую стратегию того исторического периода.

Сталин в своих выступлениях обнажил существо агрессивной политики Японии, не оставив вне поля своего внимания того чрезвычайно важного факта, что такая политика стала возможна лишь при попустительстве западных держав. Он говорил:

«Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, об его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два-три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай, сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень похоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим»⁸⁷⁴.

Давая анализ действиям агрессивных государств, Сталин не ограничивался только примерами наглых и беспрецедентных действий. Он в соответствии со своими геополитическими воззрениями смотрел в корень, в сущность, причины происходивших в мире колоссальных сдвижек. Согласно его логике такой разворот событий не был порождением или совпадением суммы случайных фактов или факторов, он явился закономерным следствием политики, которую на протяжении предшествующих десятилетий проводили ведущие капиталистические державы мира. Обобщение Сталина объясняло не только то, что имело место в прошлом, но и служило хорошим ориентиром для будущих прогнозов.

Он подчеркивал: «Япония стала оправдывать свои агрессивные действия тем, что при заключении договора 9-ти держав ее обделили и не

---

⁸⁷⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б). Стенографический отчет. М. 1939. С. 13.

дали расширить свою территорию за счет Китая, тогда как Англия и Франция владеют громадными колониями... В 1937 году Япония, после захвата Маньчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов... В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. – остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзиня, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке – договор девяти держав, а в Европе – версальский и целый ряд других договоров. Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государств, на основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинули вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия – версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций. Новая империалистическая война стала фактом»⁸⁷⁵.

Начало Великой Отечественной войны не могло не отразиться на всей совокупности отношений Советской России с Китаем. Главные усилия нашей страны были сосредоточены на борьбе против гитлеровской агрессии, и, естественно, что наша страна не имела прежних возможностей для оказания помощи Китаю в нужных ей размерах. Однако по мере возможностей СССР все же оказывал китайскому народу посильную помощь. Главное состояло в том, что он в значительной мере сдерживал развертывание действий против Китая мощной группировки Квантунской армии, что было для Китая, как и для США, серьезной помощью.

Ситуация в Китае осложнялась тем, что несмотря на заключенные соглашения между гоминьданом и компартией, ее вооруженными формированиями фактически не прекращались военные действия. В той или иной форме они продолжались вплоть до самой победы над Японией. Сталин в этот период не мог оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход развития событий в самом Китае, хотя и предпринимал ряд действий, чтобы как-то ослабить и смягчить это смертельное противостояние. Одним из таких средств стало подписание в Москве 14 августа 1945 г. (уже после объявления

---

⁸⁷⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б). Стенографический отчет. М. 1939. С. 11 – 12.

СССР войны Японии) советско-китайского договора о дружбе и союзе. Этот договор был призван укрепить отношения между двумя странами в новых исторических условиях, предотвратить подчинение Китая диктату США, которые к этому стремились, полагаясь на содействие Чан Кайши. Сталин, естественно, не стремился к сохранению status quo, ибо положение и мощь Советской России были иными, чем раньше. Имелась возможность значительно укрепить геополитические позиции СССР в мире и на Дальнем Востоке. Чрезвычайно важным было и установить с Китаем отношения прочной дружбы и добрососедства, что позволяло в благоприятном смысле воздействовать на развитие ситуации в Китае в направлении установления стабильности и перехода от гражданской войны к миру. Коротко говоря, именно этими соображениями определялась стратегия Сталина в тот период.

Одновременно с договором были подписаны соглашения о Порт-Артуре, о порте Дальнем, о Китайской Чанчуньской железной дороге. Соглашение о Порт-Артуре устанавливало, что обе стороны будут совместно использовать Порт-Артур в качестве военно-морской базы. Соглашение о порте Дальнем, который объявлялся свободным, открытым для торговли и судоходства всех стран, предусматривало выделение для передачи Советскому Союзу в аренду части пристаней и складских помещений Дальнего.

Соглашение о Китайской Чанчуньской ж. д. предусматривало совместную эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, которые после изгнания японцев из Маньчжурии объединены в одну железную дорогу под названием «Китайская Чанчуньская железная дорога». Определялось, что дорога будет общей собственностью СССР и Китая.

При подписании вышеперечисленных документов обе стороны обменялись нотами, согласно которым Советское правительство вновь подтвердило суверенитет Китая над тремя восточными провинциями, а правительство Китая заверяло о согласии признать независимость Внешней Монголии в её существующих границах, если проведённый по этому вопросу плебисцит подтвердит стремление народа Внешней Монголии к независимости. 20 октября 1945 г. в МНР был проведён плебисцит, а 5 января 1946 китайское правительство официально заявило о признании независимости Монгольской Народной Республики⁸⁷⁶.

Освобождение Советским Союзом наиболее развитого в индустриальном отношении Северо-Восточного Китая являлось хорошей предпосылкой для демократического развития страны в целом. Это непосредственно проявилось уже в ходе переговоров Советского правительства с правительством Китая о заключении договора о дружбе и

---

⁸⁷⁶ Дипломатический словарь. Т. 2. М. 1950. С. 710 – 711.

союзе, когда Советский Союз, наряду с реализацией положений Ялтинской конференции об условиях вступления СССР в войну с Японией и недопущении в будущем агрессии с ее стороны, стремился содействовать мирному урегулированию разногласий между КПК и гоминьданом и демократическому развитию. Договор от 14 августа 1945 г. и активная внешнеполитическая линия Советского Союза создавали благоприятные возможности для Компартии Китая, всех революционных и демократических сил. В результате этих переговоров, а главным образом в результате вступления СССР в войну с Японией, разгрома Квантунской армии и освобождения Северо-Востока гоминьдан, до того времени саботировавший переговоры с КПК, вынужден был продемонстрировать согласие на мирное урегулирование и пригласить в Чунцин для переговоров делегацию КПК во главе с Мао Цзэдуном. Делегация 28 августа 1945 г. вылетела в Чунцин. Безопасность делегации и лично Мао Цзэдуна была гарантирована Советским Союзом⁸⁷⁷. До этого Мао Цзэдун отказывался вести переговоры с гоминьдановцами, несмотря на трехкратное приглашение Чан Кайши приехать в Чунцин. По опыту предшествовавших переговоров коммунисты убедились, что Чан Кайши попытается использовать и переговоры в Чунцине не для ослабления угрозы разрастания гражданской войны, а для навязывания невыгодных для них условий. Шла жесткая дискуссия по каждому пункту предстоящего соглашения, и надо сказать, что и гоминьдановцы, и коммунисты испытывали определенный нажим: Чан Кайши со стороны американцев, а коммунисты со стороны Москвы, стремившихся хоть в какой-то мере примирить враждующие стороны.

Но в целом можно констатировать, отбрасывая в сторону отдельные нюансы в позициях сторон, что сам факт начала переговоров между КПК и гоминьданом означал срыв планов, направленных на то, чтобы столкнуть Советский Союз и США и таким путем решить вопрос о власти в Китае. Подобные планы вынашивались главным образом в правящей верхушке гоминьдана, стремившейся добиться широкой интервенции США в Китае, в первую очередь в Северном Китае, а затем и на Северо-Востоке с целью изоляции Народно-освободительной армии от Советской России и раз и навсегда покончить с ней объединенными усилиями американских, японских и гоминьдановских войск.

Но необходимо подчеркнуть, что здесь свою неоценимую роль сыграл недавно заключенный договор между СССР и Китаем, а главное – отказ Сталина от вмешательства в конфликт между КПК и гоминьданом и предложения СССР о мирном урегулировании разногласий на базе демократизации политического режима в стране.

Никто не ожидал, в том числе и сам Сталин, что переговоры будут

---

⁸⁷⁷ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. (1945 – 1957 годы). Т. 1. М. 1978. 40 – 41.

легкими. Не было и уверенности в том, что они завершатся на более или менее приемлемых для обеих сторон условиях – слишком полярны были позиции сторон и слишком непримиримо относились друг к другу после нескольких десятилетий ожесточенной борьбы. К тому же, предшествовавший опыт однозначно свидетельствовал о том, что гоминьдановцы большей частью заключали соглашения с единственной целью – нарушить их при удобном случае и добиться своих целей.

Но все рано или поздно имеет свой конец. На этот раз в результате сложившейся новой внутренней и международной обстановки, а также мощной поддержки и в каком-то смысле неформальной гарантии, переговоры в Чунцине, несмотря на продолжающиеся попытки гоминьдана не допустить соглашения и с этой целью отклонявшего все предложения КПК, в конце концов привели к заключению соглашения от 10 октября 1945 г. о предотвращении гражданской войны, окончании периода так называемой «политической опеки» гоминьдана и созыве Политической консультативной конференции из представителей всех политических партий, групп и беспартийных деятелей для решения вопроса о демократизации страны и созыве Национального собрания.

Однако надо признать, что и на этот раз коммунисты во главе с Мао Цзэдуном оказались правы. Реакционная верхушка гоминьдана использовала промедление с разрешением вопроса о демократизации страны для организации наступления на Освобожденные районы, захвата железных дорог и стратегически важных портовых и железнодорожных центров, главным образом в Восточном и Северном Китае.

3. Вклад Сталина в победу китайской революции

Проблема дальнейших перспектив развития ситуации в Китае представляла собой тугой и чрезвычайно сложный узел противоречий. Нельзя сказать, что и для Сталина с самого начала все было ясно и определено. Ему предстояло принять такие решения, которые бы, с одной стороны, в полной мере учитывали национально-государственные интересы Советской России, как бы капитализировали огромные успехи, достигнутые в результате краха милитаристской Японии, превращали их в инструмент достижения стоявших перед страной международно-политических целей. С другой стороны, отнюдь не гипотетическая вероятность того, что разрастание масштабов гражданской войны в Китае окончательно подорвет стабильность страны и превратит ее в объект политических манипуляций прежде всего со стороны США, – а это несло в себе серьезную опасность. В той обстановке совсем не столь очевидным представлялся конечный успех компартии в противоборстве с гоминьданом. Поэтому приходилось тщательно, как на аптекарских весах, взвешивать все плюсы и минусы того или иного политического шага.

Сталин понимал, что в случае победы гоминьдана Китай окажется под жестким контролем США, которые непременно постараются сориентировать его курс на враждебное, по меньшей мере, недружественное отношение к СССР. И вполне естественно, что выбор Сталина и как коммуниста, и как руководителя великой державы, заинтересованной в том, чтобы его соседи (особенно такие крупные, как Китай) проводили по отношению к Советской России дружественную политику – выбор Сталина был в пользу компартии Китая. Однако проводить в жизнь этот курс было не просто, нужно было проявлять максимум осторожности и осмотрительности, чтобы не попасть впросак. Ставки были слишком велики, чтобы можно было идти на непродуманный риск.

Поэтому Сталин, как мне представляется, сделал выбор в пользу тщательно продуманного и взвешенного долгосрочного курса, дававшего ему возможность в максимальной мере использовать козыри, имевшиеся у него в руках. Нельзя было сразу обнаруживать свои замыслы и раскрывать свои цели, а также свою долгосрочную стратегическую линию. Обстановка диктовала необходимость гибкого маневрирования, использования противоречий в стане противников, даже определенного их введения в заблуждение, чтобы они не смогли как можно дольше разгадать его планы.

Важным фактором были и Соединенные Штаты Америки, имевшие достаточно прочные позиции в Китае, а главное – пользовались услугами гоминьдановцев, которые фактически плясали под их дудку. А американцы не были простаками, и их нелегко было обвести вокруг пальцев. Они ставили своей целью полностью освободить Китай от советского присутствия, а затем и влияния. Но, как часто случается, в Вашингтоне не совсем правильно оценили реальную ситуацию, а главное – перспективы ее развития в краткосрочном и долгосрочном плане. Известная американская самоуверенность и самообольщение своим могуществом, в том числе и обладание атомной бомбой, – все это накладывало на политику Вашингтона в Китае печать импровизации и непродуманности.

На основе совпадения главных стратегических целей гоминьдана и американской военщины обе стороны фактически сделали ставку на решение всех вопросов силой, военным путем. Военные операции гоминьдановских войск начались чуть ли не сразу же после заключения соглашения 10 октября и охватили территории более 10 провинций страны. Однако и на этот раз расчет Чан Кайши и его американских покровителей оказался построенным на зыбкой почве. Несмотря на то что гоминьдановцы бросили против НОАК свои лучшие части, обученные и руководимые американскими советниками и инструкторами, а также использовали японские и марионеточные войска, наступление окончилось поражением гоминьдановских войск к югу от Пекина и в ряде других мест. Но Чан Кайши продолжал подтягивать новые войска и силами 50 армий в ноябре 1945 года вновь развернул наступление на все Освобожденные районы (35 армий в Северном Китае, 13 – в Центральном

и 2 – в Южном). В стране курс Чан Кайши на развязывание гражданской войны стал непреложным фактом и знаменовал собой крах надежд на демократизацию Китая. Данное обстоятельство не могло не вызвать и вызвало резкую критику политики США не только в Китае и в самих США, но и со стороны широких кругов мировой общественности, которая надеялась, что с капитуляцией Японии на этой многострадальной земле наконец-то воцарится мир.

Со своей стороны, коммунисты предприняли активные и весьма эффективные действия, чтобы похоронить план гоминьдановцев. Народно-освободительная армия Китая (НОАК), стремясь сорвать планы Чан Кайши, направленные на ее окружение и изоляцию, передислоцировала значительную часть своих сил в сельские районы Северо-Восточного Китая, чтобы после отвода советских войск создать здесь основной бастион борьбы за освобождение страны. Такая база могла служить прочным фундаментом мобилизации сил, подготовки военных кадров, обучению их владению новой техникой.

Учитывая развитие событий, а также исходя из своей долгосрочной стратегии, Сталин уже сразу же после капитуляции японских войск дал указание о передаче вооружения, военной техники, танков, боеприпасов и другого военного имущества частям НОАК, дислоцировавшимся на северо-востоке Китая. Трудно переоценить значение этого факта, благодаря которому коммунисты получили много оружия и военной техники и их боеспособность возросла многократно. Кое-кто скажет, что это было нарушением со стороны Сталина условий, оговоренных ранее, однако советский лидер действовал так фактически в ответ на американскую безраздельную и всестороннюю поддержку гоминьдановцев со стороны Соединенных Штатов Америки.

Отнюдь не последнюю роль сыграло и следующее обстоятельство. Советская Армия в условиях, когда гоминьдан нарушил договоренность о скорейшем создании коалиционного правительства и исходя из того, что власть на большей части территории Северо-Востока находилась под контролем Народно-освободительной армии и местных демократических властей, оказала им широкую помощь в ликвидации военных разрушений, причиненных отступающей японской армией, а также в борьбе с бандитизмом, к которому прибегала гоминьдановская агентура. Особенно большое значение имела помощь СССР в восстановлении железнодорожного сообщения на Китайско-Чанчуньской железной дороге и в налаживании деятельности торговых и промышленных предприятий. Представители компартии Китая и местных китайских властей в то время, а также впоследствии с особой благодарностью отмечали, что помощь Советской России и ее армии позволила демократическим властям справиться с разрухой и стабилизировать политическое и экономическое положение в районе Северо-Востока.

К примеру, в районе Ляодунского полуострова были созданы и начали функционировать смешанные советско-китайские акционерные общества, что было особенно важно для восстановления разрушенной китайской экономики. Участие советских специалистов в деятельности этих обществ и поставки материалов и продовольствия из Советского Союза обеспечили не только нормальное функционирование предприятий и снабжение населения, но и развитие экономики и перестройку ее на новых демократических началах. В проведении такого курса проглядывал дальновидный подход Сталина, который считал, что создание материальной промышленной базы является непременным условием достижения военных успехов.

Одновременно следует подчеркнуть, что Москва скрупулезно выполняла достигнутые ранее соглашения о выводе своих войск из Китая. В середине января 1946 года советское командование приступило к эвакуации своих войск с Северо-Востока и к 3 мая 1946 г. полностью закончило их вывод. Действия Советского Союза особенно впечатляли на фоне того, какую политику в Китае проводили США. Американские войска неоднократно принимали непосредственное участие в военных операциях против НОАК на стороне гоминьдановских войск, а флот и авиация не только перебрасывали гоминьдановские войска в Северный и Северо-Восточный Китай, но и обеспечивали контроль в китайских водах. Надо отметить, что американские войска пользовались полной экстерриториальностью, что давало им возможность заниматься контрабандой, безнаказанно совершать грабежи и насилия.

Только по официальным, явно заниженным, данным, правительство Чан Кайши в конце 1945 года и в 1946 году получило американскую «помощь» на сумму 1,5 млрд. долл. Эта «помощь» позволила увеличить число гоминьдановских дивизий, вооруженных и обученных США, до 67 и явилась главным материальным фундаментом политики Чан Кайши на развязывание гражданской войны в Китае, сначала на Северо-Востоке, а затем и в других Освобожденных районах.

Так, сконцентрировав с помощью США в период переговоров о «мирной демократизации» в южной части Северо-Востока солидные силы в составе семи армий численностью 500 тыс. человек, гоминьдановцы развернули наступление на основные центры Северо-Восточного Китая и 13 марта 1946 г. вступили в Шэньян. Части НОАК, дислоцированные там, еще не были перевооружены и слабо подготовлены в военном отношении, им не хватало ни вооружений, ни боеприпасов, ни боевой техники. В итоге они в то время не смогли сдержать натиск гоминьдановских армий.

Помощь, которую получали от США гоминьдановцы, а также широко разрекламированное всеобщее наступление, предпринятое гоминьдановской армией в 1947 году, как и следовало было предполагать, завершилось фактически провалом. Главным итогом этого явилось то, что в ходе военных действий наметился перелом в пользу коммунистов. Хотя в результате

наступления гоминьдановцы захватили значительную территорию, железные дороги и большое число городов, им не удалось добиться победы, они не смогли даже частично уничтожить живую силу НОАК. Народные армии развернули в тылу гоминьдановцев партизанскую войну и, маневрируя своими регулярными частями, нанесли гоминьдановцам в январе – феврале 1947 года ряд крупных поражений в ряде провинций Северного и Северо-Восточного Китая.

Летом 1947 года НОАК перешла в контрнаступление в Северо-Восточном Китае и добилась крупных успехов, освободив 42 города, окружив гоминьдановские группировки в городах Чанчунь и Гири и оттеснив их основные силы в район Шэньяня. Общий итог первого года гражданской войны свидетельствовал об изменении соотношения сил в пользу НОАК, численность которой возросла до 2 млн. человек, тогда как численность гоминьдановских войск сократилась с 4 300 тыс. до 3 730 тыс. человек. Потери гоминьдана составили почти 100 бригад – 780 тыс. человек, а вместе с нерегулярными частями – 1 120 тыс. человек. НОАК наряду с увеличением своей оснащённости и численности за счет захваченного вооружения и пленных постепенно осваивала опыт Советской Армии, в частности, искусство крупных маневренных операций, рассчитанных на прорыв позиционной обороны, окружение и уничтожение больших группировок противника. Кстати, по указанию Сталина советские военные советники как раз и обращали внимание китайских друзей на необходимость овладения именно этими методами войны, хорошо апробированными во время Великой Отечественной войны.

Мне кажется, что нет необходимости далее подробно описывать ход и перипетии военного противоборства коммунистов и гоминьдановцев, поскольку это непомерно расширяет рамки моей непосредственной темы. Поэтому ограничусь лаконичным перечнем важнейших событий в сфере военных действий. Народно-освободительная армия во второй половине 1947 года перешла в наступление крупными силами на ряде решающих направлений, изменив соотношение сил в свою пользу. В Северо-Западном Китае был вновь освобожден Особый пограничный район с центром в Яньани. Общая численность НОАК выросла до 2 800 тыс. человек. Все это подготовило условия для разгрома основных группировок гоминьдановской армии в Северо-Восточном Китае и на Центральной равнине в 1948 году.

Вашингтон, столкнувшись с таким разворотом событий, стал, с одной стороны, изыскивать пути спасения остатков гоминьдановских сил, а с другой стороны, постепенно делать крен в своей политике на Дальнем Востоке, заменяя ориентацию на Китай ориентацией на Японию и Корею как главные опорные базы для «сдерживания коммунизма» на Востоке.

В докладе посольства США государственному департаменту от 9 ноября 1948 г. американские дипломаты посчитали своим долгом совершенно откровенно заявить своему руководству, что «никакая военная помощь, за

исключением фактического использования войск Соединённых Штатов, не спасёт сильно ухудшившегося положения»⁸⁷⁸. Считаясь с тем, что использование войск Соединённых Штатов является невозможным, авторы доклада пришли к выводу, что не существует такой военной меры, которую Китай или Соединённые Штаты могли бы предпринять своевременно, чтобы спасти военное положение.

И данный прогноз оказался совершенно правильным. Во второй половине 1948 года НОАК нанесла новые сокрушительные удары гомиьдановской армии. Полный разгром маньчжурской группировки к ноябрю 1948 года имел своим результатом то, что наиболее боеспособная и вооруженная часть гомиьдановской армии численностью около 500 тыс. человек сдалась в плен. В ходе так называемого Хуайхайского сражения в ноябре – декабре 1948 года НОАК разгромила крупнейшую группировку гомиьдановских войск численностью 555 тыс. человек и вышла на р. Янцзы. Оставшиеся окруженными в треугольнике Пекин – Тяньцзинь – Калган в Северном Китае гомиьдановские войска численностью 521 тыс. человек частично перешли на сторону НОАК, а частично были разгромлены и пленены. К началу 1949 года значительная часть гомиьдановской армии, которая непосредственно подчинялась Чан Кайши, по существу, перестала существовать.

Поскольку с обзором чисто военных действий уже покончено, следует теперь сосредоточить внимание на деятельности Сталина по обеспечению условий победы китайских коммунистов в международном плане и в плане оказания помощи советами и рекомендациями, а также конкретными практическими шагами в плане поставок вооружений, техники и т.д.

В конце 1945 – начале 1946 года в Москву был послан сын Чан Кайши Цзян Цзинго, в задачу которого входило, во-первых, прозондировать позицию Сталина по вопросам Китая, в особенности отношений с коммунистами, и во-вторых, склонить советского лидера сыграть роль посредника в переговорах между гомиьданом и КПК.

В подготовленной для Сталина справке были проанализированы возможные цели посылки в Москву сына Чан Кайши, аргументация, которой он мог воспользоваться, а также сформулированы вопросы, которые наша страна намерена поставить и обсудить в ходе встреч. В частности, указывалось, что «Цзян Цзинго будет добиваться, чтобы мы силой или путем морального воздействия заставили коммунистические войска отказаться от борьбы за Маньчжурию и за Северный Китай. Чан Кайши не уверен, что, получив гражданскую власть в Маньчжурии, он сможет ее удержать своими собственными силами. Он также понимает, что ни японские войска, ни марионеточные войска не могут удержать в узде население Маньчжурии и

---

⁸⁷⁸ White book. United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944 – 1949. Based on the Files of the Department of State. Washington. 1949. p. 288.

население Северного Китая. В связи с этим Цзян Цзинго не только поставит вопрос о более медленном отводе наших войск, но и о морально-политической помощи правительству Чан Кайши против надвигающейся опасности слева»⁸⁷⁹.

С советской стороны было намечено поставить вопросы признания китайским правительством независимости Монгольской Народной Республики, охраны Китайской Чанчуньской железной дороги, о недопущении иностранцев и иностранных капиталов в Маньчжурию, об экономическом сотрудничестве в Маньчжурии и ряд других.

Сталин во время двух встреч с посланцем Чан Кайши проявил себя опытным и находчивым дипломатом. Он вел беседу так и отвечал на вопросы в таком ключе, чтобы его нельзя было даже намеком упрекнуть в односторонней ориентации на китайских коммунистов. Более того, на мой взгляд, он сознательно и весьма убедительно давал понять, что испытывает определенное недовольство действиями китайских коммунистов, однако ничего не может поделать, поскольку не располагает средствами воздействия на них. Столь тонкий подход выглядел вполне убедительным, хотя неизвестно, насколько представитель Чан Кайши поверил заверениям Сталина.

Осторожность и некоторая доля критики Сталина в адрес коммунистов и Мао Цзэдуна лично дала повод кое-кому прийти к выводу, будто Сталин действительно так оценивал ситуацию, как он говорил Цзяну. Более того, в западной, да и не только в западной литературе, давно уже бытует точка зрения, согласно которой Сталин, во-первых, не доверял Мао, а во-вторых, опасался испортить отношения с США, поддерживая китайских коммунистов. Так, А. Буллок пишет: «Настаивая на возобновлении КПК сотрудничества времен войны с Чан Кайши и отговаривая их от идеи превращения Китая или его части в коммунистическое государство, Сталин надеялся избежать возникновения у американцев подозрений и продления ими сроков пребывания их войск на территории страны. Лучше представлявший себе слабость националистического режима и разочарования американцев в его коррумпированности, Мао Цзэдун считал, что Сталин преувеличивает американские обязательства, не понимает, насколько сильны позиции коммунистов, и не в состоянии смело оценить их шансы на полную победу в случае, если возобновится гражданская война»⁸⁸⁰.

Сходную в своей основе позицию пропагандируют и такие биографы

---

⁸⁷⁹ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937 – 1952. М. 1999. С. 12 – 13.

⁸⁸⁰ Алан Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. С. 602.

Сталина, как И. Дойчер, Р. Конквест и ряд других⁸⁸¹. Р. Конквест акцентирует внимание на том, что среди сподвижников Мао Цзэдуна имели широкое распространение антисоветские тенденции⁸⁸². Нельзя отрицать того факта, что среди отдельных сторонников Мао имелись и люди, которым были свойственны антисоветские настроения, прежде всего питаемые уверенностью в единственной правоте своей линии, в том, что Москва и Сталин плохо разбираются в китайской обстановке.

Конечно, доля истины в таких рассуждениях была. Однако она не может поставить под вопрос главное – Сталин поддерживал в самых главных вопросах отнюдь не гоминьдан, а компартию и Мао Цзэдуна. И эта поддержка была мотивирована не какими-то симпатиями или антипатиями, а объективным анализом не только текущей ситуации, но и перспектив ее развития.

Советский лидер, конечно, поддерживал коммунистов, однако обнажать свою позицию, публично во всеуслышание говорить о ней он не был склонен. Ведь здесь немалое значение имели и чисто дипломатические соображения, поскольку Сталину важно было не испортить отношений с гоминьдановским режимом, ибо он был правящим режимом в Китае. А поддержанию хороших отношений со страной Сталин придавал первостепенное значение и ставил это выше других мотивов.

Я воспроизведу наиболее важные и интересные фрагменты из бесед Сталина с Цзян Цзинго, чтобы читатель сам мог убедиться в абсолютной обоснованности, логичности и последовательности линии Сталина во время переговоров.

В ходе беседы 30 декабря 1945 г. китайский посланец попросил Сталина дать коммунистической партии Китая совет сотрудничать с гоминьданом.

Тов. Сталин говорит, что китайские коммунисты не подчиняются русским коммунистам. Коминтерна больше нет. Русским коммунистам было бы очень трудно посредничать, так как они не хотели бы давать совет, который был бы отклонен впоследствии. К тому же китайские коммунисты не просят совета⁸⁸³.

Цзян Цзинго спрашивает, что нужно, по мнению тов. Сталина, сделать для объединения Китая.

Тов. Сталин отвечает, что нужно переговорить с коммунистами и узнать, чего они требуют. Тов. Сталин спрашивает, почему переговоры в Чунцине потерпели неудачу и почему имели место бои между

---

⁸⁸¹ *Robert Payne*. The Rise and Fall of Stalin. p. 580 – 581.

⁸⁸² *Robert Conquest*. Stalin. Breaker of Nations. p. 301 – 302.

⁸⁸³ *А.М. Ледовский*. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 18.

коммунистическими войсками и войсками национального правительства Китая.

Цзян Цзинго отвечает, что он этого не знает.

Тов. Сталин отвечает, что тем более этого не знает советское правительство⁸⁸⁴.

Цзян Цзинго говорит, что нужно договориться с китайскими коммунистами.

Тов. Сталин говорит, что когда стороны договариваются, они делают взаимные уступки. Китайские коммунисты знают, что советское правительство придерживается иных, чем они, взглядов. Китайские коммунисты знают, что Советское правительство не согласно с ними.

Тов. Сталин говорит, что когда китайские коммунисты обратились за советом, он был им дан. Они выехали в Чунцин, но не договорились, кто виноват в этом, он, тов. Сталин, не знает. Он, тов. Сталин, думает, что китайские коммунисты больше не обратятся за советом. Они знают, что Советское правительство с ними не согласно.

Сталин говорит, что Мао Цзэдун, видимо, не верит Чан Кайши, а последний не верит Мао Цзэдуну⁸⁸⁵.

Затем Сталин ответил на ряд вопросов, касающихся советско-китайских отношений, подчеркнув, что Советская Россия выступает за развитие дружественных связей с Китаем. Кроме того, он счел необходимым разоблачить измышления западных разведок о якобы неминуемой предстоящей войне.

Весьма любопытен и следующий пассаж из беседы.

Цзян Цзинго заявляет, что Чан Кайши просил его передать, что в будущих международных делах Китай будет заранее советоваться с Советским Союзом и будет договариваться с Советским Союзом с тем, чтобы выступать с общей точкой зрения.

Тов. Сталин говорит, что до сих пор китайские делегаты всегда выступали против советских. Так было в Сан-Франциско и в Лондоне. Например, в Сан-Франциско были большие споры по поводу того, кто должен быть председателем на конференции. Американцы решили, что председателем конференции должен быть их делегат. Советская делегация предложила, чтобы председательствовали по очереди представители четырех держав. При обсуждении этого предложения китайские представители выступили против советской делегации⁸⁸⁶.

---

⁸⁸⁴ *А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 20.*

⁸⁸⁵ *А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 20, 21.*

⁸⁸⁶ *А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 23.*

В ходе беседы Сталин не оставил и тени сомнений в том, что он прекрасно понимает, что гоминьдановцы, как говорится, практически во всем следуют американской линии и ориентируются только на них. Поэтому он счел необходимым акцентировать внимание собеседника, что разговоры о якобы предстоящей войне лишены почвы, и пусть, мол, Чан Кайши не делает на это ставку.

Сталин, в частности, сказал: «Американская и английская разведка распространяют слухи, что между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой – с другой, скоро начнется война. Это – дезинформация. Американцы и англичане не смогут поднять свои войска на новую войну, так как нет цели; Япония побеждена, война надоела народу. Любое правительство в Англии и Америке, которое попытается поднять свои войска, обязательно падет. По тем же самым причинам и Советское правительство не сможет поднять войска на войну. Может быть, американская и английская разведка распространяют эту дезинформацию для того, чтобы запугать как Советский Союз, так и Китай. Тем не менее он, тов. Сталин, всегда верил и верит, что Китай не пойдет против Советского Союза. В свою очередь он, тов. Сталин, может заверить Чан Кайши, что Советский Союз не пойдет против Китая. В прошлом Советский Союз не раз уговаривали это сделать, но Советский Союз твердо придерживается того, чтобы идти вместе с Китаем»⁸⁸⁷.

В заключение первой беседы советский лидер твердо выразил свою позицию в отношении Маньчжурии.

Тов. Сталин заявляет, что Советское правительство не хотело бы, чтобы американские войска вступили в Маньчжурию. Это – советская зона. Кажется, американцы и не намереваются вступать туда. В Маньчжурию не надо пускать ни английских, ни других иностранных войск.

Цзян Цзинго отвечает, что американские войска не войдут в Маньчжурию, и снова повторяет, что они вообще будут выведены из Китая, как только выполнят свою задачу.

Тов. Сталин заявляет, что присутствие иностранных войск в Китае приведет к подрыву авторитета Чан Кайши и что, наоборот, если иностранных войск в Китае не будет, то авторитет Чан Кайши будет выше...

Тов. Сталин говорит, что китайский народ хороший, но надо, чтобы и руководители были хорошими⁸⁸⁸.

Следующая беседа состоялась 3 января 1946 г. Нет необходимости в деталях рассматривать ее содержание, поскольку в своих главных аспектах она в чем-то явилась продолжением, развитием, а порой и повторением того,

---

⁸⁸⁷ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 23.

⁸⁸⁸ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 27 – 28.

о чем шла речь в первой беседе.

Сталин в ответ на попытки китайского представителя опять втянуть его в обсуждение вопроса об отношениях гоминьдана с коммунистами ответил, что он не знаком с основными фактами обстановки в Китае. Он, тов. Сталин, не все знает, что происходит в Китае. Советское правительство не понимает, почему тянут с разоружением японцев. А это было уже прямое обвинение китайского правительства в нарушении достигнутых соглашений. Так что посланец гоминьдана мог почувствовать, что Москва не упускает из своего поля зрения ни одного сколько-нибудь существенного вопроса. Так, Сталин выразил недовольство тем, что до сих пор в Маньчжурии распространяются листовки за подписью гоминьдана, в которых содержатся призывы резать русских. Конечно, это вызывает недовольство советского правительства⁸⁸⁹.

Бесспорный интерес представляет и мнение Сталина о политике открытых дверей, поборниками которой рьяно выступали США. Сталин сказал, что иностранные державы хотели, чтобы Советский Союз открыл двери, но Советское правительство послало их к черту. Однако Китаю, как слабой стране, придется формально согласиться с политикой открытых дверей. Обычно открытых дверей требуют у полуколониальных стран.

Тов. Сталин говорит, что американцы обращались к Советскому правительству по поводу применения политики открытых дверей в Маньчжурии. Советское правительство ответило американцам, что оно не является хозяином в Маньчжурии и что по этому поводу следует обратиться к Китаю. Американцы были очень поражены этим ответом, но примирились с ним⁸⁹⁰.

Итоги переговоров, которые, по существу, не привели и не могли привести к каким-либо серьезным результатам, подвел сам Сталин в телеграмме на имя Чан Кайши. В ней он выразил надежду, что «отношения между нашими странами будут развиваться в соответствии с советско-китайским договором, чему я и впредь буду уделять постоянное внимание»⁸⁹¹.

Выше я попытался как бы пунктиром обозначить основные направления и суть политики Сталина в отношении гоминьдановского режима. Приведенный материал, конечно, дает лишь самое общее представление о содержании внешнеполитической стратегии вождя в отношении гоминьдановского режима. Чтобы более или менее верно охарактеризовать

---

⁸⁸⁹ *А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 34.*

⁸⁹⁰ *А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 37.*

⁸⁹¹ Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 1. 1946 – 1948. Документы и материалы. М. 2005. С. 33.

суть этой стратегии, нужно учитывать многие факторы. Во-первых, Сталин не мог идти на конфронтацию с господствовавшим в Китае режимом в силу самых элементарных соображений. Прежде всего потому что Москва была заинтересована в дружбе с Китаем, где она завоевала уже довольно прочные позиции. Во-вторых, он не мог открыто вмешиваться в гражданскую войну на стороне компартии, поскольку это повлекло бы за собой самые непредсказуемые последствия. Главное состояло не в публичных заявлениях в поддержку КПК, а в оказании ей и НОАК реальной помощи, что и делал Сталин. Наконец, необходимо было учитывать международную обстановку, а она также диктовала необходимость проведения крайне взвешенной и продуманной политики. В-третьих, отношения с руководством КПК и с Мао Цзэдуном, в первую очередь, хотя и поддерживались если не регулярно, то эпизодически, внушали Сталину некоторые опасения относительно правильности политической стратегии Мао. Больше всего Сталина тревожила мысль о том, что страна будет ввергнута в пучину гражданской войны и станет легкой добычей для США и других «поборников» демократии. В начальный период гражданской войны у Сталина не было достаточно надежных доказательств того, что в гражданской войне коммунисты непременно одержат победу. Поэтому он ориентировал их на то, чтобы они в пылу борьбы с гоминьданом не забывали о главном – судьбах Китая, его единстве и сохранении независимости, ибо угроза всему этому была более чем реальной. Поэтому Сталин порой и демонстрировал сдержанность и осторожность, которая, как ныне известно, часто раздражала лидеров Китая. В такой стратегии Сталина они пытались узреть признаки неверия в силы китайской революции, недооценку реальных и потенциальных возможностей китайского народа в целом.

Однако за осторожностью не скрывалось неверие в революционные потенции Китая и его коммунистической партии. Если бы Сталин действительно страдал таким неверием и недооценкой революционного потенциала китайской революции, то совсем иной была бы его стратегия со времени победы над Японией. Но именно с этого времени Советская Россия встала на путь оказания практической помощи китайской народной революции. И это – неопровержимый факт.

4. Сталин дает советы китайским коммунистам

Переписка Сталина с Мао Цзэдуном

Разумеется, в какой-либо непосредственной форме Сталин не принимал участие в китайской революции по вполне понятным причинам. Да и какой-либо необходимости в этом вовсе и не было. Однако, регулярно поддерживая переписку посредством шифрованной радиосвязи с руководством КПК, Сталин оказывал существенное воздействие

как на выработку ими решений, так и на определение ими своей стратегической линии на том или ином этапе развития войны с гоминьданом. О том, как осуществлялась эта связь, пишет А.М. Ледовский в своей прекрасно документированной и хорошо аргументированной книге «СССР и Сталин в судьбах Китая». (Кстати сказать, многие архивные документы и материалы впервые введены в научный оборот именно А.М. Ледовским.) Переписка двух лидеров, пишет он, «осуществлялась через радиосвязь и была сверхсекретной. Не только о содержании шифровок, но даже о самом существовании такой связи между Москвой и Яньанем в советском высшем руководстве кроме Сталина знали лишь очень немногие из числа ближайших его соратников. Ни в МИДе СССР, ни в советском посольстве в Китае об этом никто не знал. В Москве радиосвязь поддерживалась по каналам Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны СССР. Этим занимались находившиеся в ГРУ особые порученцы, которые отправляли в Яньань шифровки Сталина, получали оттуда маозцзэдуновские шифровки и вручали их лично Сталину. Из Яньаня телеграммы Мао Цзэдуна передавались находившимся там сталинским связником, генералом медицинской службы А.Я. Орловым, который был заслан с указанными целями в Яньань вместе с радиостанцией. Передаваемые в Москву шифровки он подписывал именем „Теребин“»⁸⁹².

Прежде всего, Сталин считал не только желательным, но и необходимым личный приезд лидера китайских коммунистов в Москву, где можно было бы обстоятельно рассмотреть весь сложный и постоянно изменявшийся комплекс проблем, связанных как с развитием китайской революции, так и с взаимоотношениями двух стран. В телеграмме от 15 июня 1947 г. он просит передать Мао Цзэдуну, что «ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без каких-либо приглашений. Если Мао Цзэдун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пошлем самолет. Телеграфуйте результаты беседы с Мао Цзэдуну и его пожелания»⁸⁹³.

Однако предложение Сталина фактически было отклонено под тем предлогом, что ввиду предстоящих *военных* операций и ввиду того, что отсутствие Мао Цзэдуна может плохо отразиться на операциях, – мы считаем целесообразным временно отложить поездку Мао Цзэдуна. 1.УН 1947 г.⁸⁹⁴ Едва ли это был надуманный предлог: в это время в Китае как раз развертывались серьезные военные действия, и китайское руководство не

---

⁸⁹² А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 48.

⁸⁹³ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 327.

⁸⁹⁴ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 333.

могло принимать принципиальные решения без одобрения самого Мао.

10 мая 1948 г. уже сам Сталин шлет шифровку Мао Цзэдуну, рекомендуя ему отложить намечавшуюся поездку в Москву, мотивируя это тем, что как раз именно в тех районах, где должен был проходить маршрут поездки Мао, развертывалось наступление гомиьндановских войск. Сталин в таких условиях считал поездку предприятием слишком рискованным.

«Исходя из этого, не следует ли Вам несколько отложить поездку к нам, – рекомендовал или советовался с Мао Цзэдуном Сталин. – В случае, если Вы решите свой выезд не откладывать, просим сообщить нам о том, какое содействие могли бы мы оказать Вам в Вашем переезде. Не считаете ли Вы целесообразным, чтобы мы послали Вам наш самолет. В этом случае просим сообщить, куда выслать самолет и когда.

Ждем Вашего ответа.

Филиппов (псевдоним, которым обычно подписывался Сталин – Н.К.)

10. V 1948 г.»⁸⁹⁵.

Ответ от лидера китайских коммунистов последовал незамедлительно. В тот же день в Москве была получена шифровка следующего содержания:

«Тов. Филиппов

Сегодня получил Ваше письмо. Весьма благодарен Вам.

При настоящем положении целесообразно на короткое время отложить мою поездку к Вам.

Прошу Вас прислать самолет или пароход в Шаньдунский полуостров для моей поездки к Вам. Но в ближайшие дни ввиду того, что я плохо себя чувствую (головокружение, мозг очень слаб), не могу переносить дрожание мотора в самолете. Нуждаюсь в отдыхе на короткое время, после чего могу полететь на самолете. Место аэродрома и порта сообщу после выяснения.

Мао Цзэдун. 10. V. 1948 г.»⁸⁹⁶.

Но было бы неверно полагать, будто переписка касалась в основном согласования вопроса о поездке Мао в Москву. В ней затрагивались и обсуждались и проблемы масштабного политического порядка. В качестве примера следует привести письмо Сталина, в котором он высказывает ряд критических соображений относительно взглядов китайского руководства и дает советы, касающиеся планов социально-политического строительства Китая после установления народной власти. Это письмо – пример того, что Сталин занимал по главным вопросам китайской революции и ее будущего принципиальную позицию и не пытался, играя в дипломатию, вуалировать свои взгляды. Он, как говорится, высказывал свою точку зрения, невзирая на то, как она будет воспринята китайским руководством, причем делал это в

⁸⁹⁵ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 419.

⁸⁹⁶ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 421.

деловом, а зачастую и остро полемическом тоне. Вот основные моменты данной телеграммы:

«У нас вызывает сомнение только одно место в письме, где говорится о том, что „В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию“.

Мы с этим не согласны, – вполне определенно заявлял советский лидер. – Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и Киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в Китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру. Надо иметь в виду, что Китайское правительство после победы Народно-освободительной армии Китая будет по своей политике, по крайней мере в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим.

Это значит, что не будут пока что осуществлены национализация всей земли и отмена частной собственности на землю, конфискация имущества всей торговой и промышленной буржуазии от мелкой до крупной, конфискация имущества не только крупных землевладельцев, но и средних и мелких, живущих наемным трудом. С этими реформами придется подождать на известный период.

...К Вашему сведению, в Югославии кроме Коммунистической партии существуют другие партии, входящие в состав народного фронта.

С коммунистическим приветом

Сталин

20 апреля 1948 г.»⁸⁹⁷

Как видно, Сталин довольно резко и категорически ставит наиболее существенные вопросы, прежде всего о характере будущего правительства и перспектив проведения важнейших социально-экономических преобразований. За его словами как бы незримо стоит призыв – Не спешите! Не форсируйте события, дайте созреть условиям, в которых необходимые меры могут быть эффективно и без излишних социальных потрясений проведены в жизнь. Обращает на себя внимание еще одна деталь: видимо,

---

⁸⁹⁷ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 411 – 412.

чтобы подчеркнуть важность того, что написал Сталин, он подписался не своим обычным псевдонимом, а собственной фамилией. Как мне кажется, это должно было усилить эффект ее убедительности и бескомпромиссности.

Но вопрос о поездке в Москву все же стоял на повестке дня. 4 июля 1944 г. Мао шлет Сталину следующую телеграмму:

«Тов. Сталин!

Состояние моего здоровья, по сравнению с двумя месяцами тому назад, значительно лучше. Я решил в ближайшее время поехать к Вам.

Есть три пути следования к Вам: воздухом, морем и по суше. Но во всех случаях мы должны проехать через Харбин, т.к. мне нужно поговорить с рядом ответственных товарищей из Маньчжурии.

Я надеюсь, что можно будет полететь на самолете, ибо это наиболее быстро, а также более всего подходит мне по состоянию моего здоровья»⁸⁹⁸.

Но здесь, как говорится, нашла коса на камень. Сталин ответил холодной и, откровенно говоря, вовсе неубедительной отговоркой. 14 июля 1948 г. он дал указание: «Передайте Мао Цзэдуна следующее: „Ввиду начавшихся хлебозаготовок, руководящие товарищи с августа месяца разъезжаются на места, где они пробудут до ноября месяца. Поэтому ЦК ВКП(б) просит тов. Мао Цзэдуна приурочить свой приезд в Москву к концу ноября, чтобы иметь возможность повидаться со всеми руководящими товарищами“. Сталин»⁸⁹⁹.

Этот ответ, видимо, взбесил Мао Цзэдуна, поскольку он не ожидал такого шага со стороны Сталина, который прежде сам настаивал на скорейшем приезде китайского лидера в Москву. Ему только оставалось гадать: что скрывается за таким шагом Сталина? Мне кажется, что Сталин решил показать, кто в действительности является хозяином положения.

О реакции Мао Цзэдуна сообщил в Москву А.Я. Орлов:

«Мао Цзэдун не принял всерьез ссылок на занятость советских руководителей хлебозаготовками. „Неужели, – сказал он, – в СССР придают такое большое значение хлебозаготовкам, что на них выезжают руководящие лица ЦК партии?“ ...Насколько я знаю Мао Цзэдуна более шести лет, его улыбка и слова „хао, хао – хорошо, хорошо“, в то время когда он слушал перевод, отнюдь не означали, что он доволен телеграммой. Это достаточно ясно было видно. По моему личному убеждению, Мао Цзэдун считал, что в худшем случае ему будет отказано в присылке самолета или судна. Но даже это было для него маловероятно, тем более что самолет был предложен из Москвы. Он был уверен, что именно сейчас он поедет. Видимо, поездка для него самого стала нужной. С большим нетерпением ждал он ответа...

---

⁸⁹⁸ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 445.

⁸⁹⁹ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 447.

Чемоданы Мао Цзэдуна упаковывались, даже были куплены кожаные туфли (он, как и все здесь, ходит в матерчатых тапочках), сшито драповое пальто. Вопрос не только о самой поездке, но и о сроке им был решен. Оставалось только, каким путем ехать. Он сейчас внешне спокоен, вежлив и внимателен, чисто по-китайски любезен...»⁹⁰⁰

Вместе с тем, Мао как человек восточного склада сделал вид, что ничего особенного не произошло. Он послал Сталину следующий ответ, как бы обмениваясь любезностями: «Гов. Сталин. Согласен с Вашим мнением, изложенным в телеграмме от 14 июля. Отложим поездку к вам до конца октября – начала ноября»⁹⁰¹.

Поездка, таким образом, еще раз откладывалась, а проблемы, которые тревожили лидера китайских коммунистов, оставались и нуждались если не в согласовании, то, по крайней мере, в обстоятельном обсуждении на самом высшем уровне. Какие же вопросы хотел поставить Мао Цзэдун перед Сталиным? Какие советы он желал получить и на что при этом надеялся?

Косвенным ответом на поставленные вопросы стал отчет А.Я. Орлова о беседе с Мао 28 июля 1948 г. Согласно этому отчету, Мао Цзэдун говорил, если в 1947 году он не спешил с поездкой в Москву, то сейчас, в 1948 году, обстановка изменилась и он хочет поскорее поехать в Москву. О многом хочет поговорить там, по некоторым вопросам попросить совета, по некоторым – помощи, в пределах возможного.

Вопросы, по которым Мао Цзэдун намерен говорить в Москве, суть:

1. Об отношениях с малыми демократическими партиями и группами (и демократическими деятелями).

О созыве политического консультативного совета.

2. Об объединении революционных сил Востока и о связи между коммунистическими партиями Востока (и другими).

3. О стратегическом плане борьбы против США и Чан Кайши.

4. О восстановлении и создании промышленности в Китае, в том числе (и в особенности) военной, горнодобывающей, путей сообщения – железных и шоссейных дорог. Сказать там, в чем мы (КПК) нуждаемся.

5. О серебряном займе в сумме 30 миллионов американских долларов.

6. О политике (линии) в отношении установления дипломатических отношений с Англией и Францией.

7. По ряду других важных вопросов.

Подытоживая сказанное, Мао Цзэдун подчеркнул: «Надо договориться о том, чтобы наш политический курс полностью совпадал с СССР»⁹⁰².

---

⁹⁰⁰ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 448 – 449.

⁹⁰¹ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 507.

⁹⁰² Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 1. С. 451 – 452.

Комплекс проблем, намеченных Мао для обсуждения, был весьма обширен, хотя сам размер просьбы о займе в сумме 30 миллионов американских долларов выглядит слишком скромным. Однако из сказанного китайским лидером явствовало, что он уже полностью уверен в скорейшей победе над гоминьданом и у него на первый план уже выходят задачи будущего государственного строительства. Конечно, в принципе он был совершенно прав, однако в международной политике трудно предвидеть всего и исключить разного рода неожиданные зигзаги и повороты событий. Видно было также, что Мао рассчитывает на оказание Советским Союзом серьезной помощи в восстановлении и развитии китайской экономики. Кроме Москвы, ему не к кому было обратиться с такой просьбой – он это хорошо сознавал.

В наступившем 1949 году события развивались еще более стремительными темпами. Об этом однозначно говорит следующая телеграмма Сталина Мао Цзэдуну:

«10 января 1949 года

Товарищ Мао Цзэдун.

9 января получили от нанкинского правительства ноту с предложением Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и Китайской компартией о прекращении войны и заключении мира. Аналогичное предложение одновременно послано правительствам США, Англии и Франции. Ответа от этих трех правительств нанкинское правительство еще не получило. Советское правительство также еще не дало ответа. По всему видно, что предложение правительства продиктовано американцами. Цель этого предложения – объявить нанкинское правительство сторонником прекращения войны и установления мира, а Компартию Китая объявить сторонником продолжения войны, если она прямо откажется от мирных переговоров с нанкинцами.

Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, но раньше, чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона – Китайская компартия – принять посредничество СССР. Ввиду этого СССР хотел бы, чтобы другая сторона – Китайская компартия – была осведомлена о мирной акции Китайского правительства, и было бы запрошено согласие другой стороны на посредничество СССР. Мы думаем так ответить и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, подскажите нам более целесообразный ответ.

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас запросят, должен быть, примерно, таким: Китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а нанкинское правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех

военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Китайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников. Китайская компартия особенно считает невозможным посредничество такой иностранной державы, которая своими вооруженными силами и флотом сама участвует в гражданской войне против китайских народно-освободительных войск, ибо такая держава не может быть признана нейтральной и объективной в деле ликвидации войны в Китае. Мы думаем, что Ваш ответ должен быть, примерно, таким. Если Вы не согласны, сообщите нам Ваше мнение.

Что касается Вашей поездки в Москву, то мы думаем, что ввиду изложенных выше обстоятельств Вам следовало бы, к сожалению, еще раз отложить Ваш отъезд на некоторое время, ибо Ваша поездка в Москву в этих условиях будет использована врагами для дискредитации Китайской компартии как силы, якобы несамостоятельной и зависимой от Москвы, что, конечно, невыгодно как для Компартии Китая, так и для СССР.

Ждем ответа»⁹⁰³.

В дополнение Сталин отправил приписку следующего содержания:

«Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминьдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминьдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминьдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кайши и других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминьдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет КПК. В результате получится, что КПК согласна на мирные переговоры, ввиду чего ее нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминьдан окажется виновником срыва мирных переговоров. Таким образом мирный маневр гоминьдановцев и США будет сорван, и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну.

Ждем ответа.

Филиппов»⁹⁰⁴.

Читатель уже, вероятно, утомился, знакомясь с деталями переписки двух лидеров. Но мне представляется, что реальный исторический материал гораздо лучше, чем мои комментарии или рассуждения, способен как раскрыть суть происходивших событий, так и атмосферу, которая господствовала в отношениях между Сталиным и Мао Цзэдуном. В качестве финального аккорда приведу последнюю телеграмму, которая как бы венчает собой согласование действий двух сторон в отношении условий окончания

---

⁹⁰³ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 15 – 16.

⁹⁰⁴ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 16 – 17.

войны.

Вот текст телеграммы Сталина от 14 января 1949 г.:

«14 января 1949 года

Товарищу Мао Цзэду.

Вашу большую телеграмму о нанкинском мирном предложении получили.

1. Конечно, было бы лучше, если бы мирного предложения нанкинского правительства не существовало, если бы не существовало всего этого мирного маневра США... Но, к сожалению, маневр этот существует, он является фактом, и мы не можем закрывать глаза на этот факт, обязаны считаться с ним.

2. Несомненно, что мирное предложение нанкинцев и США является проявлением политики обмана. Во-первых, потому, что нанкинцы на самом деле не хотят мира с Компартией, ибо мир с Компартией означал бы отказ Гоминьдана от своей основной политики ликвидации Компартии и ее войск, а этот отказ повел бы к политической смерти гоминьдановских руководителей и к полному развалу гоминьдановских войск. Во-вторых, потому, что они знают, что Компартия не пойдет на мир с Гоминьданом, так как она не может отказаться от своей основной политики ликвидации Гоминьдана и его войск.

Чего же хотят нанкинцы в конце концов? Они хотят не мира с Компартией, а перемирия с ней, временного прекращения военных действий, чтобы использовать перемирие как передышку, привести в порядок гоминьдановские войска, укрепить южный берег Янцзы, подвезти вооружение из США, накопить силы и потом сорвать перемирие и ударить по народно-освободительным войскам, взвалив вину за срыв переговоров на Компартию. Минимум, чего они хотят, – это помешать Компартии добить гоминьдановские войска.

В этом основа нынешней политики обмана, проводимой нанкинцами и США.

3. Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США? Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и неприкрыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать? Это значит, во-первых, что вы выложили на стол свой главный козырь и отдаете в руки гоминьдаиовцев такое важное оружие, как знамя мира. Это значит, во-вторых, что вы помогаете вашим врагам в Китае и вне Китая третировать Компартию как сторонницу продолжения гражданской войны и хвалить Гоминьдан как защитника мира. Это значит, в-третьих, что вы даете возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в таком направлении, что с Компартией мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство добиться мира в Китае – организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 по 1921 гг.

Мы думаем, что прямой и неприкрытый ответ хорош, когда имеешь дело с честными людьми, а если приходится иметь дело с политическими жуликами, вроде нанкинцев, то прямой и неприкрытый ответ может стать опасным.

Но возможен и другой ответ. А именно: а) признать желательным установление мира в Китае; б) переговоры между сторонами вести без иностранных посредников, ибо Китай является независимой страной и не нуждается в иностранных посредниках; в) переговоры вести между Компартией и Гоминьданом как партией, а не с нанкинским правительством, являющимся виновником гражданской войны и потерявшим ввиду этого доверие народа; г) как только стороны придут к соглашению по вопросам мира и руководства Китаем, военные действия прекращаются.

Может ли Гоминьдан принять эти условия? Мы думаем, что не может. Но если Гоминьдан не примет этих условий, народ поймет, что виновником продолжения гражданской войны является Гоминьдан, а не Компартия. Зная мира в этом случае остается в руках Компартии. Это обстоятельство важно особенно теперь, когда в Китае появилось множество людей, уставших от гражданской войны и готовых поддержать сторонников установления мира.

Но допустим невероятное и предположим, что Гоминьдан принял эти условия. Каковы должны быть планы действий Компартии?

Нужно будет, во-первых, не прекращать военных действий, создать коалиционные центральные правительственные органы с таким расчетом, чтобы в Консультативном Совете примерно три пятых мест, а в правительстве две третьих портфелей оставалось у коммунистов, а остальные места и портфели распределить между другими демократическими партиями и Гоминьданом.

Нужно, во-вторых, чтобы посты премьера, главкома и, по возможности, президента остались за коммунистами.

Нужно, в-третьих, чтобы Консультативный Совет объявил созданное таким образом коалиционное правительство единственным правительством Китая, а всякое другое правительство, претендующее на роль правительства Китая, объявить мятежной и самозванной группой, подлежащей упразднению.

Нужно, наконец, чтобы коалиционное правительство издало приказ как вашим войскам, так и войскам Гоминьдана о том, чтобы войска приняли присягу на верность коалиционному правительству, а также о том, что немедленно прекращаются военные действия против тех войск, которые присягнули, и будут продолжаться военные действия против тех войск, которые отказались принять присягу.

Едва ли гоминьдановцы пойдут на эти мероприятия, но если они не пойдут, тем хуже для них, ибо они будут окончательно изолированы, а эти мероприятия будут проведены и без гоминьдановцев.

4. Так мы понимаем дело, и таковы наши советы Вам. Возможно, что в предыдущей телеграмме мы не вполне ясно изложили наши советы.

Мы просим Вас рассматривать наши советы именно как советы, которые ни к чему Вас не обязывают и которые можете принять или отклонить. Можете быть уверены, что отклонение наших советов не повлияет на наши отношения, и мы останемся такими же Вашими друзьями, какими были всегда.

5. Что касается нашего ответа на предложение нанкинцев о посредничестве, наш ответ будет составлен в духе Ваших пожеланий.

6. Мы все же настаиваем, чтобы Вы отложили временно Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим Вас вопросам.

Филиппов

14 января 1949 г.»⁹⁰⁵.

Текст телеграммы учитывал наиболее вероятные варианты развития событий на китайской политической сцене. Причем красной нитью проходила идея о том, чтобы показать перед всем миром, в том числе и Западом, что коммунисты выступают за достижение соглашения, но на строго определенных условиях, поскольку в прошлом многократно сталкивались с грубым попранием со стороны гоминьдана достигнутых договоренностей. В данном случае чего-либо иного от них ожидать было нельзя. Но нельзя было отказываться от самой идеи переговоров, поскольку китайский народ страшно устал от бесконечной войны и страстно желал мира. Коммунисты в своей стратегии обязаны были принимать это во внимание. Вместе с тем, было совершенно очевидно, что со стороны гоминьдана при активном содействии США разыгрывается крупная политическая игра, нацеленная на дискредитацию компартии и перехват инициативы в переговорах. Это могло бы иметь серьезные международно-политические последствия. Сталин, как опытный политический деятель и дипломат, учел возможный в таких условиях разворот событий, и дал китайским коммунистам ряд тщательно взвешенных рекомендаций. При этом важно подчеркнуть, что он особый акцент сделал на том, что китайские руководители могут принять или отклонить эти советы и это никак не отразится на взаимных отношениях. О каком-либо диктате здесь не могло быть и речи. Просто сложившаяся ситуация требовала проявить максимум осторожности и осмотрительности и поставить гоминьдановцев в положение, когда не коммунисты, а они сам отвергают мирные предложения. Словом, в этом письме-рекомендации все было взвешено и просчитаны наиболее вероятные ходы со стороны противной стороны. Думается, что в данном случае советы Сталина сыграли свою позитивную роль.

---

⁹⁰⁵ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 21 – 22.

Сталин посылает А.И. Микояна в Китай для переговоров с лидерами КПК

Новая ситуация по-новому поставила и вопрос о поездке Мао Цзэдуна в Москву. Как свидетельствует А.И. Микоян в своем отчете о беседах с руководителями КПК в 1949 году, написанном им в 1960 году⁹⁰⁶, на Политбюро ЦК при обсуждении ответа Мао Цзэдуна на запрос о времени его приезда Сталин высказал соображение о том, что приезд Мао Цзэдуна в данное время вряд ли целесообразен. Он находился в то время в роли партизанского руководителя, и хотя намечался его приезд инкогнито, но скрыть поездку было невозможно, сведения об его отъезде из Китая наверняка бы просочились. Поездка его, без сомнения, была бы истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от компартии Советского Союза, а сам он назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно империалистами и кликой Чан Кайши против китайских коммунистов⁹⁰⁷.

Доводы Сталина звучали убедительно, и было принято решение послать в Китай для переговоров с лидерами КПК А.И. Микояна. «В Китай я направился под фамилией Андреев и так и подписывал телеграммы, адресуя их на вымышленную фамилию Филиппова. Сделано это было по инициативе Сталина на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 8 февраля 1949 года. Со мной вместе были в Китае б. министр путей сообщения Ковалев, намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК и переводчик, работник аппарата ЦК тоже по фамилии Ковалев.

Из Порт-Артура вылетели рано утром до рассвета и к рассвету прибыли на б. японский военный аэродром около Шицзячжуан. Встречали главком Чжу Дэ, член политбюро Жэнь Биши и переводчик Ши Чже. Отсюда на трофейном додже ехали километров 160 – 170 к местонахождению ЦК партии и ревкома – Сибэйпо, расположенному в горном ущелье»⁹⁰⁸.

---

⁹⁰⁶ Последнее обстоятельство кого-то может подвигнуть к мысли, что сам отчет был составлен уже в новой обстановке развертывавшейся советско-китайской полемики. А потому не может рассматриваться как вполне объективный. Однако само содержание отчета, характер обсуждавшихся вопросов и содержание позиций сторон дает все основания квалифицировать этот отчет как вполне достоверный, соответствующий фактам, а не конъюнктуре тех лет.

⁹⁰⁷ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 336.

⁹⁰⁸ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 338 – 339.

Начались почти десятидневные переговоры. Микоян был тогда одним из ближайших соратников Сталина и обладал большим политическим и дипломатическим опытом. Кроме того, он слыл хорошим полемистом, ясно и четко излагавшим свою точку зрения и умевшим ее твердо отстаивать. Так что выбор Сталина был закономерен.

В порядке подготовки к поездке Микоян набросал список возможных вопросов, которые китайцы могут поставить перед нами, обдумал возможные ответы и обсудил их со Сталиным и другими членами Политбюро.

Микоян отмечает, что ко времени его поездки между двумя сторонами выявились два дискуссионных вопроса, по которым Сталин и Мао имели различные точки зрения. Об этих спорных вопросах Сталин уже писал в приведенных выше телеграммах Мао Цзэдуна: о несогласии ЦК ВКП(б) с точкой зрения КПК, что после победы китайской революции все партии, кроме коммунистической, должны сойти с политической сцены; о различных подходах к проблеме посредничества Москвы между нанкинским правительством и КПК. Полагаю, что нет смысла вновь возвращаться к данной теме и повторять то, что было достаточно ясно сформулировано в телеграммах Сталина Мао Цзэдуна. В своем отчете Микоян самым подробным образом изложил суть этих проблем и характер разногласий.

Что касается Мао Цзэдуна, то он прочитал Микояну чуть ли не целый курс по истории КПК и всех перипетиях внутрипартийной борьбы, в которой его оппоненты, опираясь на поддержку Коминтерна, навязали партии ошибочную линию и чуть ли не довели партию и армию до полного поражения. Посланец Москвы уклонился от обсуждения деталей внутренней борьбы в КПК, поскольку не это сейчас стояло в порядке дня, были вопросы и поважнее и актуальнее.

Микоян писал: «Заслуживают внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро КПК:

I. На мой вопрос, когда думает Мао Цзэдун завершить захват основных промышленных центров Китая – Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что „потребуется еще 1 – 2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем“, давал понять, что до этого война кончиться не может.

При этом высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а стараются захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай – мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай живет за счет привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и

Нанкин»⁹⁰⁹.

Далее Микоян свидетельствует, что, руководствуясь позицией ЦК, выработанной еще до его отъезда из Москвы, он оспаривал это, доказывал, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут в ходе борьбы. Рано или поздно вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно встанет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кайши, даст пролетарскую основу коммунистам.

И. Мао Цзэдун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним⁹¹⁰.

Мне уже доводилось затрагивать вопрос о том, какое значение Мао придавал крестьянам и их роли в достижении победы в народной революции. Объективные факты однозначно говорят в пользу того, что позиция Мао и его сподвижников по данной проблеме была, скорее, правильной, чем ошибочной. Победа народной революции свидетельствует об этом убедительнее самых красноречивых рассуждений. Жизнь оказалась сильнее марксистских догм, а китайские коммунисты в данном случае как раз и были реалистами, а не твердолобыми и упрямыми догматиками и схоластами. В этом коренном вопросе китайской революции Сталин придерживался ортодоксальных воззрений, и если бы китайские коммунисты слепо следовали его указаниям, то неизвестно, каковы были бы итоги гражданской войны и кто бы оказался победителем.

Из записей бесед Микояна видно, что китайский лидер с удовольствием подчеркивал, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у нее нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кайши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь, если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминьдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, ее влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминьданом.

Микоян обращает внимание и на такое высказывание Мао Цзэдуна: «Китайские **крестьяне** сознательнее **всех** американских **рабочих** и многих английских **рабочих**»⁹¹¹.

---

⁹⁰⁹ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 339.

⁹¹⁰ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 339.

⁹¹¹ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 340.

Касаясь других проблем, посланец Сталина уговаривал Мао Цзэдуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или Шанхая объявить о создании нового революционного правительства. Это было бы выгодно и в международном отношении – после этого коммунисты действовали бы уже не как партизаны, а как правительство – и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кайши.

Мао Цзэдун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями нужно будет держать ответ за свои дела, что внесет сложность. Пока же они действовали как революционный комитет, независимо от партий, хотя и поддерживали связь с другими партиями. Это, утверждал Мао Цзэдун, помогает очистить страну от контрреволюционных элементов. Он упорствовал в этом деле, доказывал, что правительство надо организовать не сразу после взятия Нанкина (предполагалось в апреле), а лишь в июне или июле. Микоян же настаивал на том, что лишняя оттяжка образования правительства ослабляет силы революции⁹¹².

Следующим вопросом, стоявшим на обсуждении, был вопрос о Порт-Артуре. Китайские коммунисты выступили за то, чтобы эта база сохранилась. Они указывали, что американский империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Сталин имел иной подход к этому вопросу, и он сводился к тому, что не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Китайцы настаивали на своем. Микоян проинформировал Сталина, и тот в телеграмме для Мао Цзэдуна 5 февраля 1949 г. сообщил свое решение:

«...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако, если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК»⁹¹³.

При обсуждении вопроса о Синьцзяне выяснилось, что у китайского руководства были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне,

---

⁹¹² Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 340.

⁹¹³ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 340 – 341.

поскольку там сторонники независимости Синьцзяна располагали советским оружием. Микоян заявил, что Советский Союз не сторонник независимости синьцзянских народностей и, тем более, Москва не имеет никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая.

Китайскими лидерами был поднят вопрос о Монголии. Мао Цзэдун спросил, как мы относимся к объединению Внешней и Внутренней Монголии. Микоян ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзэдун сказал, что он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской Республики. На это Микоян ему заявил, что это невозможно потому, что Монгольская Народная Республика давно пользуется независимостью. После победы над Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется⁹¹⁴.

Микоян в своем отчете специально подчеркнул, что «Мао Цзэдун все время говорил, что они, ЦК КПК, ждут указаний и руководства от нашего ЦК. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая, не может давать никаких указаний, не может руководить Компартией Китая. Каждая из наших партий самостоятельна, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзэдун упорствовал, заявлял, что ждет указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них еще мало опыта, нарочито принижал свою роль, свое значение, как руководителя и как теоретика партии, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает.

В подтверждение сказанного выше приведу некоторые выдержки из имевших тогда место бесед с Мао Цзэдуном. Уже во время первой беседы он заявил:

„Прошу учесть, что Китай сильно отстал от России, **мы слабые марксисты, делаем много ошибок**, и если к нашей работе подходить с меркой России, то окажется, что у нас ничего нет“». Далее Микоян приводит слова Мао Цзэдуна, что «он, как лидер партии, ничего нового не внес в марксизм-ленинизм и не может себя ставить в один ряд с Марксом,

---

⁹¹⁴ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 341.

Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Подняв бокал за здоровье товарища Сталина, он подчеркнул, что в основе теперешних побед китайской революции лежит учение Ленина – Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая»⁹¹⁵. Мао Цзэдун несколько раз подчеркнул, что он является учеником товарища Сталина и держится просоветской ориентации. Во время последней беседы, состоявшейся 7 февраля, Мао Цзэдун выразил удовлетворение проведенным обсуждением важнейших вопросов и горячо благодарил Сталина за заботу о китайской революции⁹¹⁶.

Как отмечает А.М. Ледовский, в отчете Микояна отражены далеко не все вопросы, обсуждавшиеся на встречах с китайскими лидерами, в частности, в предварительном плане подвергся рассмотрению вопрос о заключении договора между двумя странами, а также ряд других немаловажных проблем. В целом переговоры прошли достаточно успешно, они прояснили позиции сторон по самым важным вопросам и в какой-то мере подготовили почву для дальнейших переговоров. Хотя серьезных практических решений, особенно по экономическим вопросам, принято не было. Между тем, китайское руководство просило ускорить рассмотрение и осуществление поставок по предыдущим заявкам КПК. Для обсуждения вопросов дальнейшей экономической и военной помощи, а также вопроса о займе руководство КПК намеревалось направить в СССР специальную делегацию⁹¹⁷.

Переговоры Сталина с делегацией КПК во главе с Лю Шаоци

Делегация во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци посетила Москву в секретном порядке в июне – июле 1949 г. и вела переговоры с И.В. Сталиным и другими советскими руководителями. Будучи ограниченным пространством, я не намерен подробно останавливаться на визите делегации во главе с Лю Шаоци. Коснусь лишь некоторых важных, на мой взгляд, аспектов.

Сталин лично принял делегацию и провел с ней переговоры по ряду актуальных вопросов. Во время приема, продолжавшегося час, советский

---

⁹¹⁵ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 342 – 343.

⁹¹⁶ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 343 – 344.

⁹¹⁷ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 79.

лидер заявил, что Советский Союз решил предоставить ЦК КПК кредит в 300 млн. долларов. При этом он заметил, что подобное соглашение между двумя партиями заключается впервые в истории.

Кредит в 300 млн. долларов с одним процентом годовых будет предоставлен Китаю в виде оборудования, машин и различного рода материалов и товаров равными частями по 60 млн. долларов в год, в течение 5 лет.

Погашение кредита Китаем будет происходить в течение 10 лет после полной реализации кредита. При этом тов. СТАЛИН сказал о том, что тов. МАО ЦЗЭДУН в телеграмме на его имя высказал мнение, что 1 % годовых мал для такого кредита, его следовало бы увеличить.

Тов. СТАЛИН разъяснил делегации, что странам западной демократии Советский Союз предоставил кредиты с 2 % годовых, с Китая же берется один процент потому, что там, в отличие от стран западной демократии, где войны нет и их хозяйство уже окрепло, идет война, продолжается разруха и в силу этого Китаю требуется большая помощь на более льготных условиях.

Затем тов. СТАЛИН, смеясь, сказал: Ну, уж если Вы будете настаивать на большем проценте годовых, то это дело Ваше, мы можем принять и больший процент⁹¹⁸.

Затронут был вопрос и о посылке в Китай советских специалистов. Сталин заявил, что СССР готов уже в ближайшее время отправить первую просимую группу. «Но нам нужно договориться об условиях содержания специалистов. Мы считаем, что оплата, возможно продовольствие, если вы его выдадите своим специалистам, должны стоять на уровне высшей оплаты Ваших лучших специалистов, не ниже, но и не выше. В связи с тем, что у наших специалистов ставки высокие, мы им, если это потребуется, доплатим за счет Советского государства.

Мы просим Вас, сказал тов. СТАЛИН, чтобы Вы о плохом поведении отдельных наших специалистов, если оно будет иметь место, сообщали бы нам, ибо как говорят: в семье не без урода, среди хороших может оказаться и плохой.

Плохое же поведение будет позорить честь Советского Государства, поэтому мы примем меры предупреждения, воспитания, а если нужно и наказания.

Мы не допустим, чтобы советские специалисты смотрели свысока на китайских специалистов и китайский народ и чтобы они относились к нему пренебрежительно»⁹¹⁹.

Советский вождь счел актуальным поднять вопрос о Синьцзяне. При

---

⁹¹⁸ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 148.

⁹¹⁹ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 149.

этом он высказал то соображение, что не следует оттягивать занятие Синьцзяна, потому что оттяжка может повлечь за собой вмешательство в дела Синьцзяна – англичан. Они могут активизировать мусульман, в том числе и индийских, для продолжения гражданской войны против коммунистов, что нежелательно, ибо в Синьцзяне имеются большие запасы нефти и хлопка, в которых остро нуждается Китай.

Китайского населения в Синьцзяне имеется не более 5 %, после занятия Синьцзяна следует довести процент китайского населения до 30 %. Путем переселения китайцев для всестороннего освоения этого огромного и богатого района и для усиления защиты границ Китая.

Вообще следует в интересах укрепления обороны Китая заселить все приграничные районы китайцами⁹²⁰.

Помимо этого, Сталин обещал китайцам оказать помощь в создании флота. Он прямо заявил: «Китай должен иметь флот и мы готовы Вам помочь в создании флота»⁹²¹. Поднимались и некоторые другие, более мелкие практические вопросы, и Сталин обещал содействие Советской России в их решении.

Со своей стороны Лю Шаоци направил 4 июля 1949 г. Сталину обстоятельный доклад ЦК КПК о современном этапе китайской революции и советско-китайских отношениях. В этом докладе излагалась позиция руководства компартии Китая по важнейшим внутривнутриполитическим и внешнеполитическим проблемам, а также содержалась информация о намечаемых для реализации мер практического характера во многих направлениях.

Нельзя сказать, что этот доклад во всем был приемлем для Сталина. К примеру, по вопросу о Монголии делегация заявила, что монгольский народ в соответствии с принципом самоопределения наций потребовал независимости и мы должны признать независимость Монголии. Однако, если МНР пожелает соединиться с Китаем, то мы приветствовали бы это. Лишь только народ Монголии имеет право решить этот вопрос⁹²². Априори можно утверждать, что подобная постановка вопроса о Монголии явно привела Сталина в состояние раздражения, однако его трудно было сбить с намеченного пути: раз вопрос о Монголии был решен, то не было и смысла вновь поднимать его, хотя бы и в такой внешне деликатной и демократической форме.

Лю Шаоци в конспективном виде изложил в письменном докладе

---

⁹²⁰ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 150.

⁹²¹ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 150.

⁹²² Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 161.

Сталину важнейшие принципы будущей внешней политики Китая. Эти принципы включали в себя следующее:

1. Вести борьбу с империалистическими государствами для того, чтобы осуществить полную независимость китайского народа.

2. В международных делах стоять на позициях вместе с СССР и странами новой демократии, бороться против опасности новой войны, защищать мир и демократию во всем мире.

3. Использовать противоречия между капиталистическими странами и внутри этих стран.

4. На основе принципа равноправия и взаимного благоприятствования развивать торговые отношения Китая с иностранными государствами, а особенно с СССР и странами народной демократии⁹²³.

Китайская делегация по каким-то своим соображениям (возможно, чтобы рассеять сомнения Сталина в том, что лидеры КПК придерживаются марксистско-ленинского учения, а не исповедуют некий коммунистический анархизм полукрестьянского типа) сочла необходимым специально подчеркнуть характер своего отношения к советской компартии. Причем сделано это было в подчеркнуто ученических тонах. В докладе по этому поводу говорилось буквально следующее:

«ВКП(б) является главным штабом международного коммунистического движения, а КПК представляет лишь только штаб одного направления. Интересы части должны быть подчинены интернациональным интересам, а поэтому КПК подчиняется решениям ВКП(б), хотя Коминтерн не существует и КПК не входит в состав Информбюро европейских компартий. Если по некоторым вопросам между КПК и ВКП(б) возникнут разногласия, то КПК, изложив свою точку зрения, подчинится и решительно будет выполнять решения ВКП(б). Мы считаем, что необходимо установить как можно более тесные взаимные связи между двумя партиями, взаимно обмениваться подходящими политическими ответственными представителями для того, чтобы решать вопросы, интересующие наши две партии и, кроме того, достигать большего взаимного понимания между нашими партиями.

Тов. Мао Цзэдун желает посетить Москву, но теперь он не может секретно приехать в Москву и ему остается лишь только обождать установления дипломатических отношений между СССР и Китаем, когда он сможет легально посетить Москву. Просим посоветовать о времени приезда Мао Цзэдуна в Москву и каким образом это лучше сделать.

Просим дать указания по вышеуказанным всем вопросам.

...Мы желаем, чтобы ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин постоянно и без всяких стеснений давали бы свои указания и критиковали бы работу и

⁹²³ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 158.

политику КПК»⁹²⁴.

Подобного рода заявление явно расходилось как с принципами марксизма-ленинизма, так и с обычной практикой отношений между самостоятельными партиями. Складывалась своеобразная иерархия, где есть старшие и младшие, обязанные (хотя бы добровольно) выполнять волю старших. Сталин решительно и категорически выступил против этого. На встрече с делегацией КПК 11 июля 1949 г. (этот факт, кстати сказать, по неизвестной причине не зафиксирован в документах, на которые я постоянно ссылаюсь; однако я его приведу, поскольку он принципиально важен) Сталин заявил:

«Китайская делегация заявляет, что Коммунистическая партия Китая будет подчиняться решениям Коммунистической партии Советского Союза. Это кажется нам странным. Партия одного государства подчиняется партии другого государства. Такого никогда не было, и это непозволительно. Обе партии должны нести ответственность перед своими народами, взаимно совещаться по некоторым вопросам, взаимно помогать друг другу, а при возникающих трудностях тесно спланировать обе партии – это верно. Вот сегодняшнее заседание Политбюро с вашим участием явилось одной из форм связи между нашими партиями. Так и должно быть.

...Мы весьма благодарны за такое уважение, однако нельзя воспринимать некоторые мысли, которые мы высказываем, как указания. Можно сказать, что это своего рода братские советы. И это не только на словах, но и на деле. Мы можем вам советовать, но не указывать, так как мы недостаточно осведомлены о положении в Китае, не можем сравниться с вами в знании деталей этой обстановки, но главное – не можем указывать, потому что китайские дела должны решаться целиком вами. Мы не можем решать их за вас.

Вы должны понять, продолжал И.В. Сталин, важность занимаемого вами положения и то, что возложенная на вас миссия имеет историческое, невиданное ранее, значение. И это отнюдь не комплимент. Это говорит лишь о том, насколько велика ваша ответственность и историческая миссия.

Между нашими двумя партиями необходим обмен мнениями, но наше мнение отнюдь не должно приниматься за указание. Компартии других стран могут отвергнуть наше предложение. И мы, конечно, тоже можем не согласиться с предложениями компартий других стран.

Записал И.В. Ковалев»⁹²⁵.

Конечно, все, что говорил Сталин, было совершенно правильно и могло лишь вызвать одобрение китайских лидеров. Однако трудно воздержаться от

---

⁹²⁴ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 162.

⁹²⁵ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 531.

одного комментария. Это были слова, слова красивые, но отнюдь не всегда подкрепляемые действиями. Сталин вел себя по отношению к коммунистическим партиям стран народной демократии не просто как мудрый советчик, рекомендации которого можно было принять или отвергнуть, а как подлинный хозяин – его слово являлось своего рода финальным приговором. И грозные тучи неизбежно сгущались над теми, кто решался ослушаться его совета. Примеров, подтверждающих справедливость данной оценки, было немало: взять хотя бы лидера польских коммунистов Гомулку, который был обвинен в националистическом уклоне, поскольку в своей практической деятельности стремился учитывать польские национальные условия. Возмездие – и не только политическое, но и уголовное – последовало незамедлительно.

По отношению к КПК и ее лидерам Сталин, разумеется, не мог вести себя подобным же образом: во-первых, величины были несоизмеримы – Китай при всех его экономических и иных слабостях являлся великой державой, а во-вторых, китайские коммунисты пришли к власти, прежде всего опираясь на собственные силы. Они никогда не были марионетками Сталина и не плясали под его дудку. И он прекрасно это понимал, и поэтому проводил в отношении китайских руководителей иную, куда более реалистическую и осторожную линию. Кстати сказать, он даже не пытался оказывать на них грубое давление, хотя и знал, что они получали от Советского Союза значительную помощь, сыгравшую не последнюю роль в их окончательной победе. Вопрос состоял также еще и в том, что не только Мао и его соратники нуждались в Сталине и в Советском Союзе, но и Сталин и Советский Союз нуждались в Китае. Здесь была взаимная заинтересованность, обусловленная, главным образом, международной ситуацией. Так что с учетом всех этих факторов легко можно объяснить мнимый либерализм вождя и его благоволение к китайским коммунистам.

5. Сталин и Мао заключают договор о дружбе, союзе и взаимной помощи

1 октября 1949 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдун торжественно провозгласил образование Китайской Народной Республики. Это было историческое событие не только в многотысячелетней истории Китая, но и в мировой истории. Оно на деле стало поворотным пунктом в развитии мировых событий, особенно в регионе Азии и Тихого океана. Советский Союз явился первой страной, признавшей новый Китай. Станным – и это бросилось в глаза всем – было то, что Сталин как глава правительства не послал положенного в таких случаях официального поздравления – ведь это была не просто смена очередного правительства, а рождение принципиально нового государства. Со стороны

китайского руководства данный поступок мог получить только резко отрицательную реакцию, что незамедлительно и последовало.

Как сообщал в Москву советский посол Н.Н. Роцин (кстати, он являлся и послом при чанкайшистах, но по каким-то странным причинам не был заменен другим лицом, что также вызывало по меньшей мере недоумение, поскольку при сменах режимов, как правило, заменяют и послов), Мао Цзэдун был крайне недоволен тем, что КНР не получила официального поздравления со стороны Советского Союза, хотя от правительств ряда других государств такого рода поздравления пришли в адрес Пекина. Н.Н.Роцин после своей беседы с Мао Цзэдуном 16 октября 1949 г. писал:

«Вслед за этим Мао, вернувшись к вопросу о новых победах лагеря мира и демократии, остановился на создании Германской Демократической Республики, подчеркнув, что значение этого события видно из того, что тов. Сталин лично обратился с посланием к президенту Новой Германской Республики. В то время, когда Мао говорил, что читал текст этого послания, можно было совершенно ясно понять, что он крайне переживает, что Китай до сих пор не получил поздравления от тов. Сталина по случаю создания Китайской Народной Республики. Мао в разговоре несколько раз подчеркнул, что Германская Демократическая Республика создавалась на 12 дней позже, чем Китайская Народная Республика»⁹²⁶.

Едва ли нужно комментировать данный пассаж. Единственное, что вызывает вопрос: почему так поступил Сталин? Из-за соображений осторожности, чтобы не вызывать недовольство западных держав? Но, как говорится, все уже было сделано до этого, и питать опасения задним числом было просто нелогично. Может быть, вождь хотел этим продемонстрировать, что в Китае сменилось только правительство, и ничего более! Это тем более алогично. По крайней мере, данный демонстрационный шаг Сталина не находит разумного объяснения, а тем более оправдания. Полагаю, что все это не могло не сказаться на предстоявших в Москве переговорах. Тем более, что спорных и дискуссионных проблем и без того было более чем достаточно, хотя внешне данный факт никак не проявлялся.

16 декабря 1949 г. Мао Цзэдун поездом прибыл в Москву. Его сопровождали два помощника – Чэнь Бода, Ши Чжэ – и еще несколько человек. Никого из высокопоставленных официальных лиц в его свите не было. На Ярославском вокзале советским правительством была устроена торжественная встреча со всеми принятыми в то время в СССР высочайшими официальными почестями. Сталина на этой церемонии не было. По существовавшему в те годы дипломатическому протоколу Сталин встречать высоких гостей или провожать их на железнодорожные вокзалы или в аэропорты лично не выезжал. Так было и на этот раз. Мао Цзэдуна встречали

---

⁹²⁶ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 193.

от имени Сталина два заместителя председателя Совета Министров СССР – В.М. Молотов и Н.А. Булганин, а также министр внешней торговли М.А. Меншиков, зам. министра иностранных дел А.А. Громько и другие официальные лица. На церемонии встречи присутствовали сотрудники посольства КНР в Москве во главе с послом Ван Цзясяном и послы социалистических стран.

В тот же день состоялась встреча Сталина с Мао Цзэдуном. Есть свидетельства того, что при первой встрече Сталин, увидев Мао, сказал: «Я никак не ожидал, что вы такой молодой и такой крепкий. Вы одержали великую победу, а победителей не судят»⁹²⁷.

Как пишет А.М. Ледовский, беседа носила очень теплый, дружественный, откровенный и взаимно уважительный характер. Это опровергает распространившиеся в некоторых странах в годы «холодной войны» вымыслы, будто Сталин очень долго не принимал Мао Цзэдуна и относился к нему без должного внимания и уважения⁹²⁸.

Относительно последнего замечания А.М. Ледовского, что Сталин относился к Мао без должного внимания и уважения, существуют и прямо противоположные версии. Этого вопроса я коснусь несколько позже. Здесь я приведу свидетельства Н.Т. Федоренко – переводчика Сталина на переговорах, поскольку они представят для читателя несомненный интерес, так как касаются не только хода самих переговоров, но и атмосферы, царившей на них, такие нюансы, которые знакомы были лишь немногим.

Н.Т. Федоренко пишет: «Встречи и беседы Сталина и Мао Цзэдуна проходили обычно на подмосковной даче в Кунцеве. Время всегда было ночное. За длинным столом, в самом начале которого сидел Сталин, как правило, располагались члены Политбюро ЦК ВКП(б). Мао Цзэдун занимал место рядом с хозяином, если не считать переводчика, который находился между ними. Китайские товарищи занимали места по соседству со своим лидером.

Стол всегда был сервирован: у каждого места – обеденный прибор, бокалы, рюмки, минеральная вода, несколько бутылок грузинского сухого вина. Водка не подавалась. На столе также стояли блюда с парниковыми овощами и зеленью...»⁹²⁹

Касаясь содержания самих переговоров, Федоренко отмечает, что темы собеседований были самые различные. Строгой повестки дня не

---

⁹²⁷ Алан Буллок. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 603.

⁹²⁸ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 119.

⁹²⁹ Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. (Переговоры о советско-китайском договоре.) В книге: Открывая новые страницы... М. 1989. В дальнейшем – Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 135.

существовало. Разговор практически происходил между Сталиным и Мао Цзэдуном. Остальные молчали. Однако в ходе непринужденного разговора собеседники обменивались суждениями по военным, политическим, экономическим и идеологическим вопросам. Именно так были согласованы принципиальные положения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Конкретные переговоры по содержанию статей договора велись также между делегациями – советской во главе с А.И. Микояном и китайской, возглавлявшейся Чжоу Эньлаем⁹³⁰.

Несомненный интерес представляет то, каким воспринимался Сталин во время переговоров, как он вел их и какое впечатление на участников переговоров производила его манера вести переговоры. По словам Федоренко, Сталин во время бесед с Мао Цзэдуном был всегда спокоен, выдержан, внимателен к гостю. Он никогда не отвлекался ни на что другое. Был всецело сосредоточен на содержании беседы. Следил за точностью выражений, строением фразы, отбором слов при переводе. Он был предельно взыскателен к изложению мысли, формулировкам, речевой нюансировке. Можно сказать, что все это было внешним проявлением. Сталин искусно носил маску, за которой скрывалось нечто непостижимое. Тем более что он обладал мягкостью жестов, тонкостью интонаций... Сталин обладал какой-то гипнотической силой, грозностью, демонической державностью. Весь его облик, манера держаться, беседовать как бы говорили окружающим, что власть должна быть таинственной, ибо сила власти – ее неразгаданность. Отсюда и культ его личности окружен загадочностью, секретностью, окутан великой таинственностью. Конечно, Н.Т. Федоренко говорил о личных своих ощущениях, которые, быть может, не всегда объективны. Само место собеседований, как он его воспринимал, напоминало поле ночных демонических сил. Достаточно было Сталину появиться в комнате, как все вокруг будто переставали дышать, замирали. Вместе с ним приходила опасность. Возникала атмосфера страха⁹³¹.

Полагаю, что в данном случае переводчик точно передает дух и атмосферу, которая, по всей вероятности, должна была сказываться и на ощущениях самого Мао. Это достигалось, в частности, тем, что каждая встреча Сталина с Мао Цзэдуном приносила нечто неожиданное, непредсказуемое. Содержание бесед всецело определялось хозяином, который, однако, никогда заранее не раскрывал темы разговора. Обычно беседа начиналась с отвлеченных сюжетов.

В одном из интервью, данных Н. Федоренко журналу «Аргументы и

---

⁹³⁰ Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 136.

⁹³¹ Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 138 – 139.

факты», ему был задан весьма интересный и важный, с моей точки зрения, вопрос:

«← Было заметно, что отношения Сталина и Мао – это отношения „старшего брата“ и „младшего брата“?»

– Отношение Сталина к Мао Цзэдуну менялось со временем. Сначала... Сталин считал Мао крестьянским лидером, который, как редиска, „сверху – красный, внутри – белый“. Чан Кайши в то время казался надежнее. Но постепенно Сталин увидел в Мао настоящего „кормчего“ с железной хваткой. Я участвовал тогда в переговорах с Чан Кайши и видел, как того стали быстро отодвигать на второй план, превращая во „врага китайского народа“.

...Для Мао Сталин был „глыбой“, тонким аналитиком, великим артистом и режиссером политического действия. Но, возвеличивая Сталина, он возвеличивал и себя, готовя себя на роль преемника – пусть пока только на Дальнем Востоке, а потом... Кто знает? Позднее мне стало казаться, что Сталин начинает побаиваться того, что Мао, руководивший революционными процессами в огромной стране, когда-нибудь станет ровень с „учителем всех времен и народов“ или даже где-то оттеснит его на второй план»⁹³².

Но прервем пока повествование об атмосфере встречи и тех впечатлениях, которые произвел Сталин на ее участников. Обратимся к главным предметам самого визита и, соответственно, переговоров двух лидеров. Сначала переговоры проходили в Кремле, но последующие беседы переместились на «ближнюю» сталинскую дачу в Кунцево. Обычно они шли с 10 часов вечера до 2 – 3 часов утра. Повестки дня – или, если говорить точнее, скорее «повестки ночи» – как таковой не было. Но над всем властвовала жесточайшая воля, жесточайшая дисциплина Сталина. Он руководил всем. Об этом чуть ли не в один голос говорят те, кто так или иначе был причастен к переговорам.

Мао Цзэдун начал с заявления о том, что в настоящее время главным вопросом является вопрос о мире. Он особо подчеркнул, что Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3 – 5 лет, которая была бы использована для восстановления предвоенного уровня экономики и стабилизации общего положения в стране. Решение важнейших вопросов в Китае находится в зависимости от перспектив на мир. Он поинтересовался мнением Сталина о перспективах сохранения мира. Ответ Сталина был оптимистичным:

«В Китае, таким образом, идет война за мир. Вопрос о мире более всего занимает и Советский Союз, хотя для него мир существует уже в течение четырех лет.

---

⁹³² «Аргументы и факты». № 41. 8 октября 1998 г.

Что касается Китая, то непосредственной угрозы для него в настоящее время не существует: Япония еще не стала на ноги и поэтому она к войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, но больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности, с Китаем некому воевать, разве что Ким Ир Сен пойдет на Китай?

Мир зависит от наших усилий. Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на 5 – 10, но и на 20 лет, а возможно, и на еще более продолжительное время»⁹³³.

Разумеется, главным, определяющим предметом переговоров выступал вопрос о заключении договора между двумя странами. Существовало два варианта – скорректировать существовавший (1945 г.) договор и заключить совершенно новый договор. Западные исследователи отмечают, что Сталин не был склонен отказываться от прежнего договора и заключать принципиально новый. Мотивы были таковы, и о них пишет, в частности, известный биограф Мао Цзэдуна Ф. Шорт: «На самом деле Сталину было прекрасно известно, чего ожидал от него Мао. Китай рассчитывал на то, что Москва аннулирует подписанный с Чан Кайши Договор о советско-китайской дружбе и заключит новый, выдержанный в духе взаимоотношений, которые должны существовать между братскими социалистическими странами.

Однако Сталин вовсе не стремился к этому. Его нежелание формально объяснялось тем, что договор с Чан Кайши вытекал из трехсторонних соглашений, достигнутых в Ялте. Вот почему, как было сказано Мао, отказ хотя бы от одного пункта даст США и Великобритании законные основания поставить под вопрос и другие параграфы, в частности, касающиеся советских прав на бывшие владения Японии на Курилах и Южном Сахалине. Сталин произнес эту громкую фразу намеренно, давая ей понять: если Мао хочет новых отношений с Москвой, то строиться они будут на условиях России. Существующий договор оставался в силе; признавая его, Мао тем самым признавал и ведущую роль Сталина. Лишь для того, чтобы подсластить пилюлю, Сталин заметил, что правительствам обеих стран никто не мешает в неформальном, рабочем порядке наполнить подписанный документ более современным содержанием.

Подобные словесные игры были хорошо знакомы Мао.

...Однако сейчас ставки в игре были неизмеримо выше. Взаимоотношения с СССР являлись краеугольным камнем политики Мао в контактах со всеми остальными странами мира. Если Китай так и останется в положении подчиненного, то чего ради вершилась революция? Если Россия будет упрямо придерживаться старых обязательств, то что заставит капиталистические страны строить новый фундамент отношений с

---

⁹³³ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 229.

Китаем?»⁹³⁴

Что же, определенная логика в рассуждениях западного автора, безусловно, присутствует, и она как бы косвенно подтверждается записью переговоров между двумя лидерами. Сталин поставил вопрос так: следует ли объявить о сохранении существующего Договора о союзе и дружбе между СССР и Китаем от 1945 г. или заявить, что будут внесены изменения, или теперь же внести в него соответствующие поправки?

Сталин, далее, конкретизировал свою позицию: договор был заключен между СССР и Китаем в результате Ялтинского соглашения, предусматривавшего главные положения договора (вопрос о Курильских островах, Южном Сахалине, Порт-Артуре и др.). Это означает, что указанный договор заключался, так сказать, с ведома Америки и Англии. Имея в виду это обстоятельство, Сталин в своем узком кругу решил пока не изменять никаких пунктов этого договора, так как изменения хотя бы одного пункта могло бы дать Америке и Англии юридический повод поставить вопрос и об изменении пунктов договора, касающихся Курильских островов, Южного Сахалина и др. Поэтому было найдено возможным формально сохранить, а фактически изменить существующий договор, т.е. сохранить формально право Советского Союза на содержание своих войск в Порт-Артуре, но по предложению Китайского правительства вывести находящиеся там части Советской Армии. Такую операцию можно было бы проделать по просьбе китайской стороны.

Что касается КЧЖД, то и в этом случае можно было бы формально сохранить, а фактически изменить соответствующие пункты соглашения с учетом пожеланий китайской стороны.

Если, однако, эта комбинация не удовлетворяет китайских товарищей, говорил Сталин, то они могут выдвинуть свои предложения⁹³⁵.

По вопросу о КЧЖД и Порт-Артуре Мао высказался в том духе, что нынешнее положение с КЧЖД и Порт-Артуром соответствует интересам Китая, так как сил одного Китая недостаточно для того, чтобы успешно бороться против империалистической агрессии. Кроме того, КЧЖД является школой по подготовке китайских железнодорожных и промышленных кадров.

Со своей стороны Сталин продолжал убеждать Мао оставить в силе существующий договор, мотивируя это тем, что вывод советских войск еще не означает, что Советский Союз отказывается от помощи Китаю, если она, эта модель, потребуется. Дело в том, что нам, как коммунистам, далее говорил Сталин, не совсем удобно держать свои войска на чужой территории,

---

⁹³⁴ Филип Шорт . Мао Цзэдун. М. 2001. С. 382 – 383.

⁹³⁵ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 230.

особенно же на территории дружественной страны. Ведь при таком положении всякий может сказать, что если советские войска находятся на китайской территории, то почему, например, англичане не могут держать своих войск в Гонконге, а американцы – в Токио?

Мы, убеждал Сталин, выиграли бы в международных отношениях, если бы советские войска по взаимному согласию были выведены из Порт-Артура. Вывод советских войск вместе с тем явился бы серьезным подспорьем китайским коммунистам в их взаимоотношениях с национальной буржуазией. Все увидят, что коммунисты сделали то, чего не мог сделать Чан Кайши. С национальной буржуазией китайские коммунисты должны считаться.

Договор обеспечивает за СССР право держать свои войска в Порт-Артуре. Но СССР может не использовать этого права и увести войска по просьбе китайского правительства. Однако, если это не подходит, то войска в Порт-Артуре можно оставить на 2, 5 или 10 лет, как выгодно Китаю. Пусть не поймут, заключил Сталин, что мы хотим бежать из Китая. Мы можем оставить свои войска и на 20 лет⁹³⁶.

Мао Цзэдун в конце концов внял доводам Сталина и признал, что при обсуждении вопроса о договоре в Китае китайская сторона не учла позиции Америки и Англии в связи с Ялтинским соглашением. Поэтому, заключил он, мы должны поступать так, как выгодно общему делу. Этот вопрос следует обдумать. Однако уже теперь становится ясным, что сейчас изменять договора не следует, как не следует спешить с выводом войск из Порт-Артура⁹³⁷.

Далее Мао поставил вопрос о займе в 300 млн. долларов, а также о содействии СССР в создании в Китае сети воздушного сообщения, флота и другие проблемы экономического порядка. Сталин обещал оказать в этих вопросах необходимую помощь, обратив особое внимание на то, в чьих руках находятся банки, как осуществляется контроль за добычей вольфрама, молибдена, нефти. Особый интерес он проявил к сырью, из которого производят каучук, поскольку Советский Союз испытывал в нем большую потребность.

В заключение первой беседы, видимо, желая сделать приятное своему гостю и показать, что он ценит его теоретические и политические произведения, Сталин предложил перевести на русский язык его работы.

«Сталин: Мы хотели бы получить от Вас список Ваших работ, которые можно было бы перевести на русский язык.

Товарищ Мао Цзэдун: Я занимаюсь просмотром своих работ, которые

---

⁹³⁶ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 230.

⁹³⁷ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 230.

были напечатаны различными местными издательствами и содержат массу ошибок и искажений. Окончание просмотра материалов я планирую к весне 1950 года. Однако мне хотелось бы получить помощь советских товарищей: во-первых, поработать над текстами с русскими переводчиками, и, во-вторых, получить помощь в редактировании китайского оригинала.

Товарищ Сталин: Это можно сделать. Однако, нуждаетесь ли Вы в редактировании Ваших работ?

Товарищ Мао Цзэдун: Нуждаюсь и прошу выделить для этой цели соответствующего товарища, скажем, кого-либо из членов ЦК ВКП(б).

Товарищ Сталин: Если есть нужда, то это сделать можно»⁹³⁸.

Во второй беседе от 22 января 1950 г. Сталин поставил на обсуждение две группы вопросов: одна касалась существующих соглашений между СССР и Китаем; вторая группа вопросов касалась текущих дел о Маньчжурии, Синьцзяне и др. Мы считаем, заявил он, что эти соглашения надо менять, хотя раньше мы думали, что их можно оставить. Существующие соглашения, в том числе договор, следует изменить, поскольку в основе договора лежит принцип войны против Японии. Поскольку война окончена и Япония оказалась разбитой, положение изменилось, и теперь договор приобрел характер анахронизма⁹³⁹.

Как видим, за короткое время позиция Сталина в вопросе о заключении договора кардинально изменилась. Очевидно, трезвый анализ ситуации привел его к выводу, что оставлять прежний договор – значит создавать себе много новых проблем. Кроме того, он, очевидно, пересмотрел свою прежнюю позицию касательно возможной реакции западных держав на заключение договора и пришел к заключению, что что-либо существенное они сделать будут не в состоянии.

Мао весьма позитивно откликнулся на эту перемену в позиции Сталина. По его словам, исходя из нынешней обстановки, мы считаем, что нам следовало бы закрепить существующие между нами дружественные отношения при помощи договоров и соглашений. Это имело бы положительный резонанс как в Китае, так и в области международных отношений. В договоре о союзе и дружбе должно быть зафиксировано все то, что гарантирует процветание наших государств, а также предусмотрена необходимость предотвращения повторения агрессии со стороны Японии. Кроме того, китайский руководитель высказался за то, что в новом договоре следовало бы предусмотреть пункт о консультации по международным вопросам. Включение этого пункта в договор усилило бы наши позиции, поскольку среди китайской национальной буржуазии существуют

---

⁹³⁸ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 233.

⁹³⁹ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 267.

возражения против политики сближения с Советским Союзом в вопросах международных отношений⁹⁴⁰.

По вопросу о Порт-Артуре Москва предложила, чтобы соглашение о Порт-Артуре оставалось в силе до подписания мирного договора с Японией, после чего русские войска выводятся из Порт-Артура. Мао проявил также заинтересованность в том, чтобы Порт-Артур мог бы быть базой для нашего военного сотрудничества, а Дальний – для советско-китайского экономического сотрудничества. В Дальнем имеется целый ряд предприятий, которые мы не в силах эксплуатировать без помощи со стороны Советского Союза. Нам следует развивать там экономическое сотрудничество⁹⁴¹. К взаимному удовлетворению был решен и вопрос о КЧЖД – имелось в виду совместное управление этой дорогой. Были также обсуждены и решены по взаимному согласию вопросы, относящиеся к Маньчжурии, Синьцзяну и ряд других.

В заключение беседы Мао Цзэдун заявил: «Я хотел бы отметить, что присланный Вами в Китай авиаполк оказал нам большую помощь. Им перевезено около 10 тыс. человек. Разрешите мне поблагодарить Вас, товарищ Сталин, за помощь и просить Вас задержать этот авиаполк в Китае с тем, чтобы он оказал помощь в переброске продовольствия войскам Лю Бочэна, готовящимся к наступлению в Тибет.

Сталин: Это хорошо, что Вы готовитесь к наступлению. Тибетцев надо взять в руки. По поводу авиаполка поговорим с военными и дадим Вам ответ»⁹⁴².

Следует отметить, что во время переговоров Мао поднял вопрос об оказании содействия СССР в освобождении Тайваня. Лидер ЦК КПК попросил разнообразную военную помощь для осуществления операции в отношении Тайваня. Планируя сделать это в 1950 году, Мао аргументировал легкость достижения победы расчетами на восстание населения острова и самих гоминьдановских войск. И вновь Сталин ответил уклончиво. На просьбу китайского лидера направить своих летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Тайваня советский вождь заявил, что оказание помощи не исключено, но формы помощи надо обдумать. После подписания договора в Китай для организации ПВО Шанхая от налетов гоминьдановской авиации с Тайваня была срочно командирована группа советских войск общей численностью более 4 тыс. человек. В ее состав входила авиадивизия и другие подразделения.

---

⁹⁴⁰ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 267 – 268.

⁹⁴¹ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 269.

⁹⁴² Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 270 – 271.

Теперь, мне кажется, стоит отметить, что не все во время пребывания Мао в Советском Союзе было гладко. Об этом есть некоторые конкретные свидетельства И.В. Ковалева – представителя Сталина при ЦК КПК. Приведу лишь несколько эпизодов, о которых чуть ли не через 40 лет поведал сам Ковалев. Вот что он сообщил газете «Дуэль».

«Когда я передал Мао слова Сталина, что тот готов в любую минуту встретиться с ним, Мао очень нервозно реагировал на этот ответ Сталина и, в конечном счете, сделал такое заявление, что он готов в ближайшие дни покинуть Советский Союз. Он хотел, чтобы Сталин назначил ему прием и чтобы на приеме присутствовал я, и чтобы все вопросы, какие нужно было изложить, повторяю, об экономической помощи Китаю, исходили бы от меня как от советника, там, на месте, изучавшего эту проблему. Сложность была еще и в том, что он воздерживался от звонков Сталину, а Сталин воздерживался от звонков ему. И таким образом, были длительные паузы, когда Мао оставался на даче в одиночестве, как бы в качестве узника. Когда я рассказал об этом Сталину, он ответил: „Вам надо бывать там чаще“, однако каких-либо перемен, изменений режима в пребывании Мао не произошло, и Мао по-прежнему находился по существу в одиночестве. Эта изоляция продолжалась и во время его поездки в Ленинград»⁹⁴³.

По словам Ковалева, Сталин рассматривал Мао как человека, который относится без особого уважения к Сталину; он, по-видимому, рассматривал его как незрелого марксиста-ленинца, но открыто это не высказывал. Он хотел показать, что, так сказать, «ты не я, мы на равных с тобой разговаривать не будем, ты у меня посидишь и подождешь, пока я тебя приму. Или проси – я приеду сам»⁹⁴⁴.

И что вызывает крайнее недоумение, так это заявление Ковалева о том, что Сталин фактически «сдал» члена Политбюро ЦК КПК Гао Гана, снабжавшего Сталина секретной информацией о положении внутри руководства китайской компартии и другими важными сведениями. Ковалев замечает: «До сих пор не могу понять только один момент. Сталин, прощаясь с Мао, передал ему папку с материалами Гао Гана, хотя не мог он не понимать, что тем самым отдает верного марксиста-ленинца и надежного друга СССР на растерзание политическим противникам»⁹⁴⁵.

Словом, не все было так гладко, как пыталась представить пропаганда. Но главное было достигнуто – был заключен договор и ряд важных соглашений.

---

⁹⁴³ Газета «Дуэль». 8 апреля 1997 г. № 7 (29). (Электронная версия).

⁹⁴⁴ Там же.

⁹⁴⁵ Там же.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР был подписан 14 февраля 1950 г. Он состоял из 6 статей. В соответствии с 1-й статьей обе стороны совместно будут предпринимать все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами⁹⁴⁶. Статья 2 договора выражала стремление обеих стран к скорейшему заключению мирного договора с Японией. Статья 3 гласила, что обе стороны не будут заключать какого-либо союза, направленного против другой Стороны, а также не будут участвовать в каких-либо коалициях, а также в действиях или мероприятиях, направленных против другой Стороны. Статья 4 предусматривала взаимные консультации друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Советского Союза и Китая. В статье 5 обе стороны брали на себя обязательство в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны – развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество. Статья 6 гласила, что настоящий Договор вступает в силу немедленно со дня его ратификации; обмен ратификационными грамотами будет произведен в Пекине.

Настоящий Договор остается в силе в течение 30 лет, причем, если одна из Договаривающихся Сторон за год до истечения срока не заявит о желании денонсировать Договор, то он будет продолжать оставаться в силе в течение 5 лет и в соответствии с этим правилом будет пролонгироваться.

Как известно после истечения срока действия договора он не был пролонгирован, и таким образом, стал достоянием истории.

Помимо договора были подписаны также Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, в силу которого после подписания мирного договора с Японией Китайская Чанчуньская железная дорога передается в полную собственность Китайской Народной Республики, а советские войска выводятся из Порт-Артура, и Соглашение о предоставлении правительством Советского Союза правительству Китайской Народной Республики долгосрочного экономического кредита для оплаты

---

⁹⁴⁶ Полные тексты договора, коммюнике и ряда подписанных соглашений помещены в издании Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 296 – 313.

поставок промышленного и железнодорожного оборудования из СССР.

В связи с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи и Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем г. министры иностранных дел двух государств А.Я. Вышинский и Чжоу Эньлай обменялись нотами о том, что заключенные 14 августа 1945 года между Китаем и Советским Союзом соответствующие Договор и Соглашения потеряли силу, а также, что оба правительства констатируют полную обеспеченность независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 года и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой.

Что касается 300-миллионного кредита в американских долларах, то в соглашении о нем указывалось, что кредит предоставляется в течение пяти лет, начиная с 1 января 1950 года, равными частями по 1/5 кредита в течение каждого года для оплаты поставок из СССР оборудования и материалов, в том числе оборудования для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, оборудования шахт для добычи угля и руд, железнодорожного и другого транспортного оборудования, рельсов и других материалов для восстановления и развития народного хозяйства Китая.

В заключении приведу некоторые детали, связанные с завершением визита Мао Цзэдуна в Москву, поведенные Н.Т. Федоренко:

«Приближалась февральская дата – день подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китаем.

– Нам хотелось бы, товарищ Сталин, устроить небольшой приём после подписания договора, – обратился Мао Цзэдун с этой просьбой во время очередной встречи.

– Естественно, – сказал хозяин.

– Но не в Кремле, где меня разместили, а в другом месте, например, в „Метрополе“.

– А почему не в Кремле?

– Видите ли, товарищ Сталин, Кремль – это место государственных приемов Советского правительства. Не совсем это подходяще для нашей страны – суверенного государства...

– Да, но я никогда не посещаю приемов в ресторанах или в иностранных посольствах. Никогда...

– Наш прием без вас, товарищ Сталин... Нет, нет, просто немыслимо.

– Мы вас просим, очень просим, пожалуйста, согласитесь, – настаивал Мао Цзэдун.

Наступила пауза, с ответом Сталин не спешил. Он как бы сосредоточивался. Мао Цзэдун исповедально ждал согласия хозяина, не сводя с него глаз.

– Хорошо, товарищ Мао Цзэдун, я приду, если вы этого так хотите, – произнес Сталин наконец и заговорил на другую тему. Так был нарушен собственный обет, который Сталин неукоснительно соблюдал весь свой

век»⁹⁴⁷.

И завершает свое интересное повествование Н.Т. Федоренко следующим аккордным пассажем:

«И я повел Сталина... в банкетный зал, где его встретили громкими рукоплесканиями и шумными возгласами восторга. Это было всеобщее ликование – и мрачных пессимистов, и очень осторожных оптимистов. На какой-то миг Сталин остановился, окинул взглядом собравшихся. Он попросил меня провести его к Мао Цзэдуну, который стоял за длинным столом „президиума“. Они поздоровались, пожали друг другу руки и обменялись общими фразами относительно здоровья и дел. Затем китайские товарищи во главе с Чжоу Эньлаем начали подходить к Сталину, чтобы поздороваться и обменяться рукопожатиями. Настроение у всех было приподнятое. На некотором отдалении стояла когорта: Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Сулов, Булганин.

Начались тосты. Слышались громкие здравицы. Один за другим провозглашались спичи. Все ораторы, и не только они, не сводили глаз с двух фигур, стоявших рядом и время от времени вступавших в разговор. Это были различные реплики, в основном из уст Сталина. Наконец, Сталин, видимо, утомился от нескончаемых оваций восторженной аудитории, стал как бы взывать глазами – не пора ли остановиться. Но тщетно. Ничего похожего. В ответ лишь новые волны оваций.

Все с нетерпением ждали самого главного – слова Сталина. Именно он должен и может сказать нечто сокровенное, что выразит истину момента, глубокий смысл исторического события. И это мгновение наступило. Прикоснувшись к бокалу с вином, Сталин сделал жест рукой – внимание, мой час.

Он провозгласил тост за Мао Цзэдуна, за успехи Китайской Народной Республики.

И все дружно осушили до дна. Снова раздался взрыв аплодисментов, восторженных возгласов и общего ликования»⁹⁴⁸. Через пару дней после подписания договора Мао покинул не очень гостеприимную Москву и ее не менее радушного хозяина. При отъезде Мао Цзэдун произнес речь. В ней он дал оценку договору, заявив: «Все видят, что сплочение великих китайского и советского народов, закрепленное Договором, является долговечным, нерушимым и непоколебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процветание великих держав Китая и Советского Союза, а также на будущность всего человечества и поведет к победе справедливости и мира во всем мире.» Закончил он свою речь стандартными дифирамбами в честь

---

⁹⁴⁷ Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 145 – 146.

⁹⁴⁸ Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 147 – 148.

советского вождя – «Да здравствует учитель революции во всем мире, лучший друг китайского народа товарищ Сталин!»

История отношений Сталина и Мао Цзэдуна – это, конечно, не копия отношений между двумя великими государствами. Но она в немалой степени помогает многое понять из того, как складывались и развивались по самым разным направляющим эти отношения. От нерушимой дружбы к неистовой враждебности и даже пограничным столкновениям. Но, как говорится, что было, то было – историю не переделаешь.

6. Сталин и война в Корее

Война в Корее была, можно сказать, последним серьезным испытанием для Сталина в области мировой политики. После заключения договора с Китаем обстановка на Дальнем Востоке оставалась напряженной, что объяснялось тем, что китайские коммунисты активно готовились к высадке на Тайвань. Сталин к их планам относился двояко: с одной стороны, он не высказывал возражений, с другой стороны, перспектива новой войны, в которую так или иначе будет вовлечен Советский Союз, его отнюдь не прельщала.

Но как бы неожиданно (только на первый поверхностный взгляд) угроза войны надвинулась с другой стороны. 25 июня 1950 г. мировая общественность с тревогой узнала о начале войны в Корее. Проблема того, кто ее начал, имеет традиционное решение: Советский Союз, Китай и страны народной демократии, а также так называемые прогрессивные силы мира однозначно называли агрессором Южную Корею. Большинство же стран мира однозначно определили в качестве нападающей стороны Северную Корею. Мне кажется, что в мою задачу не входит выносить вердикт о том, кто начал войну, поэтому данную проблему я оставляю в стороне. Хотя, если судить по тому как развивались события на различных этапах этой войны, первыми выступили северные корейцы. Американский историк Ф. Шорт пишет: «Ситуация в Корее все меняла. Вашингтон еще мог закрыть глаза на то, что по общему признанию являлось продолжением гражданской войны в Китае. Но вряд ли стоило ожидать от США такого же поведения, если бы коммунистический режим в северной части полуострова решился бы на неприкрытую агрессию против юга – фактического протектората Америки. 27 июня Белый дом заявил, что направил в Южную Корею свои войска, а 7-й флот США возьмет под свой контроль Тайваньский пролив.

Реакция Мао на эти заявления оказалась достаточно сдержанной. Для защиты мостов через реку Ялу китайские части противовоздушной обороны были передислоцированы на приграничную полосу Северной Кореи, а в Маньчжурию направлено подкрепление с юга. Комментируя эти меры, один из китайских военачальников сказал, что „зонт лучше всего приготовить еще до того, как пойдет дождь“. От планов высадки десанта на остров Цюэмой

пришлось отказаться»⁹⁴⁹.

Особо следует оттенить активную и в целом агрессивную роль, которую во всей корейской аванюре играли США. Но это – тема специального исследования.

Одновременно с началом войны в боевых действиях стали принимать участие американские военно-воздушные и военно-морские силы под предлогом прикрытия эвакуации американских граждан, а на самом деле для помощи южнокорейскому режиму и оккупации Тайваня.

Положение все более осложнялось, поскольку северокорейские войска стремительно продвигались на юг и вскоре заняли столицу Южной Кореи Сеул. США предприняли самые энергичные действия, чтобы мобилизовать не только свои силы, но и привлечь к участию в корейской войне другие страны, используя механизм ООН. В отсутствие советского представителя была принята резолюция Совета Безопасности от 25 июня, которая обвиняла КНДР в нарушении мира, а Южную Корею объявляла жертвой агрессии. 27 июня была принята новая резолюция, рекомендовавшая членам ООН поддерживать южнокорейское правительство в военных действиях. 7 июля была принята резолюция, призывавшая предоставить вооруженные силы и другие средства Объединенному командованию войск ООН.

И здесь заслуживает внимания позиция Сталина, который по всем критериям допустил самую грубую ошибку на закате своей деятельности по руководству внешней политикой. Этот эпизод описан в воспоминаниях А.А. Громыко. Советский представитель при ООН Я. Малик сообщил о намеченном срочном проведении заседания Совета Безопасности по корейскому вопросу и запрашивал инструкции, как ему действовать.

«Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я. А. Малика, позвонил вечером мне:

– Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?

Я сказал:

– Министерством иностранных дел, товарищ Сталин, уже подготовлена на ваше утверждение директива, суть которой сводится, во-первых, к решительному отклонению упреков по адресу КНДР и Советского Союза и к столь же решительному обвинению США в соучастии в развязывании агрессии против КНДР. Во-вторых, в случае, если в Совет Безопасности будет внесено предложение о принятии решения, направленного против КНДР либо против этой страны и СССР, Малик должен применить право вето и не допустить принятия такого решения.

Сказав это, я ждал реакции Сталина. Он заявил:

– По моему мнению, советскому представителю не следует принимать

---

⁹⁴⁹ Филип Шорт. Мао Цзэдун. С. 386.

участия в заседании Совета Безопасности.

Тут же он в жестких выражениях высказался по адресу Вашингтона за его враждебное к нашей стране и КНДР письмо Совету Безопасности.

Мне пришлось обратить внимание Сталина на важное обстоятельство:

– В отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение, вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной „войск ООН“.

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Я почувствовал, что менять свою точку зрения он не собирается.

Затем Сталин фактически продиктовал директиву, хотя обычно он прибегал к такому способу редко. Текст директивы минут через сорок и направили нашему представителю в Совете Безопасности.

Как известно, случилось то, о чем я предупреждал Сталина. Совет принял решение, навязанное Вашингтоном, а на воинские контингента разных стран, направленные в Южную Корею, приклеили этикетку „войск ООН“. Конечно, в этом случае Сталин не лучшим образом рассчитал свой шаг, явно продиктованный эмоциями. Казалось бы, это не соответствовало складу его ума. Но так было»⁹⁵⁰.

Видимо, чувство здравого смысла в данном случае покинуло Сталина, и он утратил присущие ему осторожность и осмотрительность – иначе он не пошел бы на такой беспрецедентный и явно проигрышный шаг, поскольку СССР оказался как бы вне игры и все вопросы решались в Совете Безопасности вопреки его интересам.

4 июля 1950 г. правительство СССР выступило с заявлением об американской вооруженной интервенции в Корею, в котором разоблачались действия США, незаконность резолюций Совета Безопасности, содержалось требование прекращения агрессии и немедленного вывода иностранных войск из Кореи. Эта и другие официальные дипломатические акции Советского Союза были поддержаны правительствами КНР и КНДР и, конечно, всеми социалистическими странами. Какой-то отклик данные выступления получили, однако серьезного эффекта, а тем более реальных последствий не имели. Но позитивным явилось то, что многие мировые круги выступили с инициативой положить конец военным акциям. Так, 13 июля в обращении премьер-министра Индии Дж. Неру к правительствам СССР и США предлагалось прекратить военные действия в Корею путем переговоров с участием КНР.

Сталин счел необходимым лично откликнуться на призыв Неру. 15 июня 1950 г. он направил ему послание следующего содержания: «Приветствую Вашу мирную инициативу. Вполне разделяю Вашу точку зрения насчет целесообразности мирного урегулирования корейского вопроса

---

⁹⁵⁰ А.А. Громыко. Памятное. Книга первая. С. 206 – 207.

через Совет Безопасности с обязательным участием пяти великих держав, в том числе Народного правительства Китая. Полагаю, что для быстрого урегулирования корейского вопроса целесообразно было бы заслушать в Совете Безопасности представителей корейского народа.

Уважающий Вас

И. СТАЛИН, премьер-министр Советского Союза»⁹⁵¹.

Активную дипломатическую деятельность развернул и Китай. КНР, стремясь предотвратить распространение агрессии США на свою территорию, предприняла некоторые дипломатические шаги. 25 сентября премьер Чжоу Эньлай сообщил индийскому послу, что, если американские войска перейдут 38-ю параллель, Китай вынужден будет дать отпор агрессии. Китайское правительство телеграфировало также в ООН о необходимости принять срочные меры для предотвращения расширения войны. Все это можно было расценивать как серьезное намерение китайского руководства принять непосредственное участие в вооруженной борьбе корейского народа, если военные действия приблизятся к границам Китая.

Естественно, что Китай не мог остаться равнодушным в связи с обстановкой, создавшейся в результате вторжения в Корею Соединенных Штатов и их союзников, в связи с угрозой расширения войны, и мобилизовал различные пропагандистские средства с целью продемонстрировать миру свою готовность дать отпор агрессии вооруженным путем. В течение нескольких недель, особенно в начале октября 1950 г., в период наступления войск Макартура, в китайской прессе публиковались статьи, в которых подчеркивалась необходимость вступления КНР в войну с целью оказания помощи корейскому народу.

Все дело объяснялось тем, что за кратковременными и, казалось, блестящими успехами северокорейской армии, наступил коренной перелом в ходе военных действий. Американцы высадили крупный десант и повели мощное наступление, оттесняя войска Ким Ир Сена к северу. Вскоре они заняли столицу КНДР Пхеньян и были совсем недалеко от границ Китая.

Еще ранее Сталин направил советскому послу в Корею и главному советскому военному советнику телеграмму, в которой сурово предупреждал: «Серьезная обстановка, сложившаяся за последние дни на фронте Корейской Народной Армии, как в районе Сеула, так и на юго-востоке, в значительной степени является следствием допущенных крупных ошибок со стороны командования фронтом, командования армейских групп и войсковых соединений как в вопросах управления войсками, так и особенно в вопросах тактики их боевого использования.

В этих ошибках еще более повинны наши военные советники. Наши военные советники не добились точного и своевременного выполнения

---

⁹⁵¹ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 139.

приказа Главкома о выводе с основного фронта в район Сеула четырех дивизий, тогда как полная возможность к этому в момент принятия решения была, ввиду этого было потеряно семь дней, что и принесло американцам под Сеулом большую тактическую выгоду. Своевременный же вывод этих дивизий мог в корне изменить обстановку под Сеулом...»⁹⁵².

Перед Китаем встала серьезная дилемма – как ему действовать? Мао и практически все китайское руководство не проявляло особого желания вступать в войну, тем более что они готовились к проведению операции по освобождению Тайваня. Но теперь уже многое зависело не от них и их планов. На Пекин оказывал жесткое давление Сталин. Как раз в первую годовщину образования КНР он направил китайскому руководству следующую телеграмму:

«Для немедленной передачи МАО ЦЗЭДУНУ или ЧЖОУ ЭНЬЛАЮ.

Я нахожусь далеко от Москвы в отпуску и несколько оторван от событий в Корее. Однако, по поступившим ко мне сегодня сведениям из Москвы, я вижу, что положение у корейских товарищей становится отчаянным.

Москва еще 16 сентября предупреждала корейских товарищей, что высадка американцев в Чемульпо имеет большое значение и преследует цель отрезать первую и вторую армейские группы северо-корейцев от их тылов на севере. Москва предупреждала немедленно отвести с юга хотя бы четыре дивизии, создать фронт севернее и восточнее Сеула, постепенно отвести потом большую часть южных войск на север и таким образом обеспечить 38 параллель. Но командование 1 и 2 армейских групп не выполнило приказа Ким Ир Сена об отводе частей на север, и это дало возможность американцам отрезать войска и окружить их. В районе Сеула у корейских товарищей нет каких-либо войск, способных на сопротивление, и путь в сторону 38 параллели нужно считать открытым.

Я думаю, что если Вы по нынешней обстановке считаете возможным оказать корейцам помощь войсками, то следовало бы немедленно двинуть к 38 параллели хотя бы пять-шесть дивизий с тем, чтобы дать корейским товарищам возможность организовать под прикрытием ваших войск войсковые резервы севернее 38 параллели. Китайские дивизии могли бы фигурировать, как добровольные, конечно, с китайским командованием во главе.

Я ничего не сообщал и не думаю сообщать об этом корейским товарищам, но я не сомневаюсь, что они будут рады, когда узнают об этом.

Жду Вашего ответа.

Привет Филиппов»⁹⁵³.

---

⁹⁵² *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 547.

⁹⁵³ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 550.

Ответ от Мао поступил на следующий же день. Он был выдержан в осторожных выражениях, но суть его сводилась к тому, что Китай считает вступление в войну делом весьма рискованным, способным серьезно осложнить и без того сложную и опасную ситуацию. Мао писал: «Ваша телеграмма от 1.10.50 г. получена. Мы первоначально планировали двинуть несколько добровольческих дивизий в Северную Корею для оказания помощи корейским товарищам, когда противник выступит севернее 38 параллели.

Однако, тщательно продумав, считаем теперь, что такого рода действия могут вызвать крайне серьезные последствия.

Во-первых, несколькими дивизиями очень трудно разрешить корейский вопрос (оснащение наших войск весьма слабое, нет уверенности в успехе военной операции с американскими войсками), противник может заставить нас отступить.

Во-вторых, наиболее вероятно, что это вызовет открытое столкновение США и Китая, вследствие чего Советский Союз также может быть втянут в войну, и таким образом вопрос стал бы крайне большим.

Многие товарищи в ЦК КПК считают, что здесь необходимо проявить осторожность.

Конечно, не послать наши войска для оказания помощи – очень плохо для корейских товарищей, находящихся в настоящее время в таком затруднительном положении, и мы сами весьма это переживаем; если же мы выдвинем несколько дивизий, а противник заставит нас отступить, к тому же это вызовет открытое столкновение между США и Китаем, то весь наш план мирного строительства полностью сорвется, в стране очень многие будут недовольны (раны, нанесенные народу войной, не залечены, нужен мир).

Поэтому лучше сейчас перетерпеть, войска не выдвигать, активно готовить силы, что будет благоприятнее во время войны с противником.

Корея же, временно перенеся поражение, изменит форму борьбы на партизанскую войну»⁹⁵⁴.

Но Сталин продолжал оказывать мощное давление на китайцев. В конце концов 7 октября он получил от Мао послание, в котором последний заявил, что он пошлет в Корею не шесть, а девять дивизий, что он их пошлет не сейчас, а спустя некоторое время, что он просит Сталина принять его представителей и поговорить с ними подробно. Сталин, конечно, согласился принять представителей и обсудить с ними подробный план военной помощи для Кореи.

В итоге он добился своего. 14 октября 1950 г. через советского посла в КНДР Сталин сообщил Ким Ир Сёну, что «после колебаний и ряда временных решений китайские товарищи наконец приняли окончательное

---

⁹⁵⁴ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 551.

решение об оказании Кореи помощи войсками.

Я рад, что принято наконец окончательное и благоприятное для Кореи решение...

Конкретные вопросы, связанные с выступлением китайских войск, придется Вам решать совместно с китайскими товарищами.

Необходимая техника для китайских войск будет поставлена из СССР»⁹⁵⁵.

Уже к концу октября объединенные войска под эгидой ООН (главным образом США и Южной Кореи) находились у границ КНР. В такой критической обстановке вступление в войну китайских добровольцев стало неизбежным. 25 октября 1950 г. они присоединились к корейской Народной армии и вступили в непосредственное соприкосновение с противником. К этому времени командование Народной армии произвело переформирование и перевооружение частей за счет полученного от СССР вооружения, боеприпасов, новых транспортных средств и т.д. Подготовленные таким образом части корейской Народной армии и китайских добровольцев не только сорвали решительное наступление, о котором объявил командующий «войсками ООН» генерал Макартур, но и перешли в контрнаступление. К середине декабря 1950 г. территория КНДР к северу от 38-й параллели была освобождена.

Решительный перелом в военных действиях в Корею наступил в начале 1951 года. Корейская народная армия и части китайских добровольцев очистили территорию КНДР от так называемых войск объединенных сил, потери которых составили 598 тыс. человек⁹⁵⁶. (Не уверен, что приводимая цифра достоверна, однако замечу, что потери китайской и корейской стороны были еще большими, особенно пленными.) Логика и простой здравый смысл диктовали необходимость поиска выхода из образовавшегося тупика.

С мирной инициативой выступила Китайская Народная Республика. В феврале 1951 года с оценкой перспектив корейской войны выступил Сталин. На вопрос «Что Вы думаете об интервенции в Корею, чем она может кончиться?» Сталин ответил: «Если Англия и Соединенные Штаты Америки окончательно отклонят мирные предложения Народного правительства Китая, то война в Корею может кончиться лишь поражением интервентов».

«Вопрос. Почему? Разве американские и английские генералы и офицеры хуже китайских и корейских?»

Ответ. Нет, не хуже. Американские и английские генералы и офицеры ничуть не хуже генералов и офицеров любой другой страны... В чем же дело? А в том, что войну против Кореи и Китая солдаты считают

---

⁹⁵⁵ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 557.

⁹⁵⁶ Внешняя политика и международные отношения КНР 1949 – 1963. Т. 1. М. 1974. С. 79.

несправедливой... Дело в том, что эта война является крайне непопулярной среди американских и английских солдат.

В самом деле, трудно убедить солдат, что Китай, который не угрожает ни Англии, ни Америке и у которого захватили американцы остров Тайвань, является агрессором, а Соединенные Штаты Америки, которые захватили остров Тайвань и подвели свои войска к самым границам Китая, являются обороняющейся стороной. Трудно убедить солдат, что Соединенные Штаты Америки имеют право защищать свою безопасность на территории Кореи и у границ Китая, а Китай и Корея не имеют права защищать свою безопасность на своей собственной территории или у границ своего государства. Отсюда непопулярность войны среди англо-американских солдат»⁹⁵⁷.

Для контрастности я приведу оценку боевых качеств американской армии, которую давал тот же Сталин в беседе с Чжоу Эньлаем в августе 1952 года. Тогда он говорил об американцах с чувством нескрываемого презрения: «...американцы вообще не способны вести большую войну, особенно после корейской войны. Вся их сила в налетах, атомной бомбе. Англия из-за Америки воевать не будет. Америка не может победить маленькую Корею. Нужна твердость в отношениях с американцами. Китайские товарищи должны знать, что если Америка не проиграет эту войну, то Тайваня китайцы никогда не получают. Американцы – это купцы. Каждый американский солдат – спекулянт, занимается куплей и продажей. Немцы в 20 дней завоевали Францию. США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Главное вооружение американцев, шутливо замечает товарищ Сталин, это чулки, сигареты и прочие товары для продажи. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Нет, американцы не умеют воевать. Особенно после корейской войны потеряли способность вести большую войну. Они надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, но пехоты у них мало и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США уже плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать»⁹⁵⁸.

Но каковы бы ни были личные оценки Сталина качеств американских солдат, ситуация на полуострове оставалась крайне серьезной. Нужны были не демонстративные, а реальные шаги по достижению мира или перемирия. 23 июня 1951 г. представитель Советского Союза в ООН обратился с призывом начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели. Правительства КНДР и КНР, поддерживая призыв Советского Союза,

---

⁹⁵⁷ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 146 – 147.

⁹⁵⁸ Советско-китайские отношения. Т. V. Книга 2. С. 322.

настаивали на скорейшем заключении соглашения о перемирии. Министр обороны США генерал Маршалл признал в своем выступлении перед сенатской комиссией в июле 1951 г., что заявление советского представителя при ООН «вызвало очень серьезную реакцию, против которой мы вынуждены были бороться, используя все средства».

Угроза атомной войны вызвала огромное возмущение всех прогрессивных сил в мире. Более 500 млн. сторонников мира поставили свои подписи под Стокгольмским воззванием.

Относительные успехи КНА и китайских добровольцев, активная борьба Советского Союза за мирное решение корейского вопроса, резкие протесты мировой общественности, недовольство союзников, антивоенное движение в самих США, мирные предложения со стороны КНР и КНДР вынудили американское правительство встать на путь переговоров о перемирии в Корее. 10 июля 1951 г. начались переговоры, в которых принимали участие, с одной стороны, представители КНДР и китайских добровольцев, а с другой – США и Южной Корее⁹⁵⁹.

Переговоры были длительными и тяжелыми. Они перемежались с резкой активизацией боевых действий с обеих сторон. Особенно длительными были споры по вопросу об обмене военнопленными. Но в конце концов все же удалось добиться соглашения о перемирии. 27 июля 1953 г. состоялось подписание соглашения о перемирии в Корее, в котором предусматривалось полное прекращение военных действий и всех враждебных актов в Корее до окончательного мирного урегулирования. С тех пор прошло уже более полувека, но мирного договора до сих пор нет. Это еще раз подчеркивает, что войны начинать легче, чем их заканчивать.

* * *

Завершая главу, полагаю, что нет необходимости делать какие-то широкие обобщения и выводы: они сами напрашиваются и вытекают из всего содержания приведенного материала. Сталин и здесь, как и в других ситуациях, предстает как личность широкого масштаба и поистине государственного мышления. Автор стремился не оставить вне поля зрения и серьезные ошибки и промахи вождя при подходе к китайской проблеме. Это было важно, чтобы историческая картина соответствовала реальностям эпохи.

Закончить главу мне хочется словами, которые приводил в своих воспоминаниях Ю.А. Жданов – сын А.А. Жданова и некоторое время зять Сталина. Он писал: «В 1952 году ко мне в гости пришел академик Павел Федорович Юдин, который был назначен советским послом в Пекине. Сказал

---

⁹⁵⁹ Внешняя политика и международные отношения КНР 1949 – 1963. Т. 1. С. 80.

он мне следующее: „Вчера вечером меня приглашал к себе товарищ Сталин. Он подчеркнул главную задачу и цель моей миссии в Пекине: „Как угодно, любой ценой сохранить и развить дружеские отношения с Китаем. Китай и мы – и социалистические преобразования во всем мире обеспечены. Любой ценой!“»⁹⁶⁰

ГЛАВА 11. СТАЛИН И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

1. Исходные принципы

Тема, обозначенная в главе, естественно, вызовет у читателя мысль том, что автор поставил своей целью осветить позицию и действия Сталина в области главных сфер духовной жизни народа – в сфере литературы, театра, кино, музыкального искусства и других областей жизни народа, которые можно отнести к духовной жизни. Хочу заранее не то что разочаровать, а просто предупредить читателя, что столь глобальной, поистине всеобъемлющей задачи автор не ставил, да и, будучи в здравом уме, не ставит. Во-первых, проблематика настолько обширна, что для ее раскрытия или хотя бы более или менее сносного освещения понадобился бы солидный том, а не отдельная глава. Во-вторых, для полноценного раскрытия темы нужно быть достаточно компетентным в этих вопросах. А в них, признаюсь честно, я недостаточно силен. К тому же, объем третьего тома явно ограничивает место и пространство, которое можно посвятить освещению обозначенной темы.

Поэтому я пошел по пути, если не наименьшего сопротивления, то, по меньшей мере, отказался от чрезмерно завышенных амбиций в стремлении осветить и эту сторону политической и государственной деятельности Сталина. Полностью оставить вне поля внимания данную проблематику – значит оставить без ответа многие важные вопросы, а без их хотя бы самого общего и самого лаконичного освещения в политической биографии вождя зияла бы огромная дыра. Наиболее приемлемым и логичным мне представился такой вариант: в суммированном виде осветить некоторые интересные и важные эпизоды из отношения Сталина к поднятой проблематике, а главное внимание уделить послевоенным политико-идеологическим кампаниям. События и факты, относящиеся к довоенному и военному периоду, используются лишь в тех случаях, когда они помогают осветить отдельные существенно важные моменты. В целом же они служат своего рода иллюстрациями некоторых аспектов сталинской политики в

---

⁹⁶⁰ Ю.А. Жданов . Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004. С. 197.

духовной сфере. Поэтому эпицентр внимания сосредоточен на послевоенном периоде и кампаниях этого периода. Именно эти кампании – особенно борьба против космополитизма, третирование ряда видных представителей советских писателей, огульная и необоснованная критика виднейших деятелей музыкального искусства, театра и кино, проблема так называемого государственного антисемитизма – явились своего рода апогеем сталинской политики в духовной сфере. Они до сих пор находятся в поле пристального внимания общественности, и совершенно обойти эти вопросы было бы неправильно. Помимо всего, прочего, в отечественной историографии, посвященной Сталину, опубликовано несколько работ, раскрывающих проблемы – Сталин и искусство, – что позволяет мне отослать читателя к уже имеющейся по этой тематике литературе.

Многоплановость темы, а также известная ограниченность целей, которые поставлены автором, естественно, не могли не наложить своего отпечатка на данную главу. Она может показаться слишком клочковатой, поверхностной и слабо аргументированной. Заранее соглашаюсь с такого рода критическим мнением, и все-таки постараюсь хотя бы в таком виде осветить столь сложную и столь важную проблему.

Прежде всего следует, пожалуй, ответить на пару принципиально важных вопросов. Первый вопрос: как Сталин относился к сфере культуры, искусства, литературы и другим областям духовной жизни? Не будет ни упрощением, ни примитивизацией утверждение о том, что на эту сферу общественной жизни он смотрел прежде всего и главным образом через призму политики. Именно критерии политического характера были фундаментом, на котором базировались его воззрения в области литературы и искусства, кино и театра, музыки и т.д. Ясно, что столь ограниченный и однобокий подход уже сам по себе носил ущербный характер и не позволял давать глубоко объективную и соответствующую реалиям оценку тем или иным произведениям. Хотя, конечно, все эти сферы общественной жизни нельзя отрывать и полностью абстрагировать от политики и политических процессов, протекавших в стране, однако не менее ошибочно было рассматривать исключительно через политические очки. А именно это и было присуще вождю.

Во-вторых, взгляды Сталина по этим вопросам нельзя брать в качестве своего рода статического состояния: они находились в развитии, порой претерпевая существенные изменения и метаморфозы. Впрочем, эти изменения также не выходили из руслу, берега которого определялись политическими интересами. Причем, надо добавить, интересами не только политического курса, но и интересами укрепления личной власти Сталина. Ведь отнюдь не случайно вождь не только не пресекал непомерные, порой выходящие за рамки разумного и нормального, восхваления своей личности, но и фактически их поощрял. Полагаю, что культ своей собственной личности он позволял раздувать до невиданных размеров не только из

чувства тщеславия. В этом он видел – и не без оснований – одну из краеугольных основ своей власти как политического и государственного лидера.

Если говорить обобщенно, то эволюция сталинских взглядов носила довольно странный характер: порой он проявлял изрядное чувство реализма и весьма здравый подход, уходя от упрощений и рассматривая вещи в их реальной самооценности. Это не могло не сказываться положительно в частных случаях, идет ли речь об оценках отдельных произведений или о конкретных людях. Но в целом направление его эволюции носило отчетливо выраженный консервативный характер: его воззрения после войны с каждым годом становились все более жесткими и однобокими. Нюансы для него как бы не существовали. Хотя порой он и демонстрировал как наличие вкуса, так и чувство снисходительного юмора, когда решалась судьба того или иного произведения.

В качестве хорошей иллюстрации того, что Сталин, особенно в начале своего пути как вождя, проявлял трезвый и здравый подход к оценке того или иного произведения, порой вызывавшего резкую критику со стороны ортодоксальных большевиков, приведу пример с защитой им пьесы Булгакова «Дни Турбиных». Выступая в феврале 1929 года на встрече с украинскими литераторами, Сталин проявил себя как мыслящий по-современному политик и как объективный ценитель произведений литературы. Тем более важно было в тех условиях, когда сплошь и рядом свирепствовал так называемый пролетарский подход, взять под защиту такого одаренного писателя, как М.А. Булгаков. Хотя пассаж из речи вождя довольно обширный, но он заслуживает того, чтобы не пожалеть для него места.

Сталин тогда говорил: «Когда говорят – форма ничего не значит – это пустяки. От формы страшно много зависит, без нее никакого содержания не бывает. Форма – национальная, содержание – социалистическое. Это не значит, что каждый литератор должен стать социалистом, марксистом и проч. Это не необходимо. Это значит, что в литературе, поскольку речь идет о литературе, должны появиться новые герои. Раньше обычно героев иных выдвигали, теперь должны появиться герои из народа, из крестьян, из буржуазии – в том освещении, которого они заслуживают...

Или взять, например, этого самого всем известного Булгакова. Если взять его „Дни Турбиных“, чужой он человек, безусловно. Едва ли он советского образа мысли. Однако своими „Турбинами“ он принес все-таки большую пользу, безусловно.

КАГАНОВИЧ: Украинцы не согласны (шум, разговоры).

СТАЛИН: А я вам скажу, я с точки зрения зрителя сужу. Возьмите „Дни Турбиных“, – общий осадок впечатления у зрителя остается какой? Несмотря на отрицательные стороны, – в чем они состоят, тоже скажу, – общий осадок впечатления остается такой, когда зритель уходит из театра, – это

впечатление несокрушимой силы большевиков. Даже такие люди крепкие, стойкие, по-своему честные в кавычках, как Турбин и его окружающие, даже такие люди, безукоризненные по-своему и честные по-своему в кавычках, должны были признать в конце концов, что ничего с этими большевиками не поделаешь. Я думаю, что автор, конечно, этого не хотел, в этом он неповинен, дело не в этом, конечно. „Дни Турбиных“ – это величайшая демонстрация в пользу всепокрушающей силы большевизма.

ГОЛОС. И сменевеховства.

СТАЛИН. Извините. Я не могу требовать от литератора, чтобы он обязательно был коммунистом и обязательно проводил партийную точку зрения. Для беллетристической литературы нужны другие меры – не революционная и революционная, советская – не советская, пролетарская – не пролетарская. Но требовать, чтобы и литература была коммунистической – нельзя. Говорят часто: правая пьеса или левая, там изображена правая опасность. Например, „Турбины“ составляют правую опасность в литературе. Или, например, „Бег“, его запретили, – это правая опасность. Это неправильно, товарищи. Правая и левая опасность – это чисто партийное. Правая опасность – это, значит, люди несколько отходят от линии партии, правая опасность внутри партии. Левая опасность – это отход от линии партии влево. **Разве литература партийная? Это же не партийная, конечно, это гораздо шире литература, чем партия, и там мерки должны быть другие, более общие.** (Выделено мной – Н.К.). Там можно говорить о пролетарском характере литературы, об антипролетарском, о рабоче-крестьянском характере, об антирабоче-крестьянском характере, о революционном, не революционном, о советском, антисоветском. Требовать, чтобы беллетристическая литература и автор проводили партийную точку зрения, – тогда всех беспартийных надо изгонять. Правда это или нет?»⁹⁶¹

Я специально выделил жирным шрифтом слова Сталина о партийности, поскольку в данном случае он фактически пересматривает известную ленинскую формулу о партийности литературы. Иными словами, он гораздо более тонко и реалистично оценивает роль литературы в общественной жизни, в том числе и в условиях советской власти. Подобного рода эволюция как раз говорит в пользу Сталина, в пользу того, что он не стоял, как фанатик, на точке зрения, высказанной ранее его учителем, в верности заветам которого Сталин многократно клялся.

И чтобы больше не возвращаться к теме Сталин и Булгаков, приведу ставший хрестоматийным эпизод из отношений между вождем и писателем.

Российский автор И. Золотусский в эссе «Булгаков и Сталин» писал:

«18 апреля 1930 года в квартире Булгакова раздаётся звонок. Звонят из секретариата Сталина. Трубку берёт сам вождь. И тут же прицельно бьёт по

⁹⁶¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы 1917 – 1953. М. 1999. С. 104 – 105.

совести: „Вы хотите уехать?“ Затем извиняющеся-лицемерно спрашивает: „Что, мы вам очень надоели?“

Булгаков отвечает (и это его убеждение), что русский писатель должен жить в России.

Булгаков говорит, что он хотел бы работать в Художественном театре, но его не берут. „А вы подайте заявление туда, – отвечает Сталин. – Мне кажется, что они согласятся“.

И – финал диалога по телефону. Сталин: „Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами“. Булгаков: „Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить“. Сталин: „Да, нужно найти время и встретиться, обязательно“.

Диктатор забрасывает Булгакову мысль, что с ним, диктатором, можно вести цивилизованный диалог, что он, наконец, в состоянии понять творца.

Ложная мысль. Ложное внушение. Но Булгаков до конца своих дней будет искать встречи со Сталиным. Это станет наваждением его жизни.

Сталин, по существу, устраивает его на работу во МХАТ. Булгаков – ассистент режиссёра, его не печатают, но он пишет – в том числе роман о дьяволе. И при этом постоянно возвращается к разговору со Сталиным, в котором, как ему кажется, он не сказал того, что нужно было сказать. Но Сталин больше не звонит...»⁹⁶²

Эпизоды с Булгаковым приведены в качестве своего рода вещественного доказательства того, что Сталин даже тогда, когда писатель не стоял на партийных позициях, мог проявить здравомыслие и оказать ему необходимую помощь. Но все это скорее относится, так сказать, к ранней карьере вождя, выступавшего одновременно в трех ипостасях – читателя, критика и верховного цензора.

И третий вопрос: насколько сам Сталин был эрудирован и, как говорится, подкован в области литературы и искусства, чтобы брать на себя право выносить окончательные суждения? Миф о Сталине как семинаристе-недоучке, который и понятия о литературе и искусстве, музыке и театре, собственно, не имел, – это, мягко выражаясь, глубокое заблуждение. Как свидетельствует один из наиболее компетентных (хотя и антисталински настроенных) биографов вождя Р. Медведев, тщательно изучивший библиотеку вождя, личная библиотека Сталина включала больше 20 тысяч книг, брошюр и альбомов. В библиотеке имелись энциклопедии и справочники всех видов, а также несколько тысяч книг художественной литературы, как собрания сочинений, так и отдельные издания. Сталин получал и просматривал все главные общественно-литературные журналы своего времени.

На книгах из библиотек Сталин не делал пометок и записей, а выписки

---

⁹⁶² И. Золотусский . Булгаков и Сталин. (Электронная версия).

из них для Сталина делались, по-видимому, в его секретариате. Во всяком случае, в бумагах Сталина до сих пор не было обнаружено таких же подробных конспектов прочитанных книг... Надписи и пометки Сталина из коллекции, которая находится и сегодня в бывшей библиотеке НМЛ, можно увидеть на страницах 391 книги. Считают, что книг с пометками Сталина было гораздо больше, но многие десятки таких книг «исчезли». На книгах, которые хранились в личной библиотеке Сталина, он при чтении делал множество подчеркиваний и закладок⁹⁶³.

Библиотека Сталина – это, конечно, аргумент в пользу того, что он был человеком начитанным, постоянно интересующимся литературой и искусством. Причем, эта была библиотека не для показухи и не для престижа, а для дела. Из многочисленных высказываний Сталина можно сделать совершенно неоспоримый вывод, что он постоянно следил за литературой и был достаточно образованным человеком своего времени. За ним, правда, тянулась гнилая слава недоучившегося семинариста. Но знакомство с его произведениями и высказываниями по самым различным вопросам начисто дезавуируют этот тезис. По интеллектуальному уровню и начитанности он мог дать много очков вперед тем, кто кичился своим образованием, в том числе и полученным за границей. Приведу слова К. Симонова: «Скажу в скобках, что по всем вопросам литературы, даже самым незначительным, Сталин проявлял совершенно потрясшую меня осведомленность»⁹⁶⁴.

Мне кажется, что более или менее справедливую и достаточно взвешенную оценку того, как Сталин разбирался в вопросах культуры и искусства, дал в своей книге, специально посвященной данному аспекту деятельности Сталина, российский автор Е. Громов. Его логику рассуждений трудно не признать убедительной.

«Если Сталин был полным нулем в эстетических вопросах, то, выходит, нечего и серьезно разбираться в его художественных взглядах и вкусах, нет предмета для научного исследования, – метко замечает автор. – Отчасти поэтому у нас и нет основательных работ о сталинской культурной политике и отношении его к творческой интеллигенции. Думаю, что Сталин не являлся ни великим теоретиком искусства, ни эталоном высокого вкуса, но и примитивным его восприятие художественных ценностей назвать нельзя. Только не надо мерить генсека теми критериями, к которым мы обращаемся, когда судим о профессиональных литературоведах, искусствоведах, эстетиках. У Сталина была другая профессия – политика, хотя сам себя он считал больше, чем политиком, – авторитетом во всех видах человеческой

---

⁹⁶³ «Вестник РАН». № 3. 2001 г. С. 264 – 267.

⁹⁶⁴ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. (Размышления о И.В. Сталине). «Знамя». 1988 г. № 4. С. 60.

деятельности. Объективно же говоря, он был профессиональным политиком, который в общем, для политика, неплохо разбирался в искусстве и нередко умело, эффективно использовал его в своих интересах. Сталин наложил неизгладимый отпечаток на всю советскую художественную культуру, и сей вывод надо признать, независимо от того, нравится нам это или не нравится. Здесь возникает диалектическая связка: чтобы понять сталинскую политику в сфере культуры, его художественные воззрения и вкусы, необходимо изучать эстетический опыт той эпохи; в то же время вне изучения самого Сталина данный опыт не может быть понят и рассмотрен в единстве всех составляющих его сторон»⁹⁶⁵.

К сожалению, в современной российской сталиниане поднятая Е. Громовым проблема не то что не рассматривается, а рассматривается, как правило, крайне тенденциозно и не менее примитивно, и в таком кривом зеркале наивно надеяться увидеть отражение подлинной картины того, что было в действительности.

Сталин наложил отпечаток своей личности на все стороны жизни нашего общества, в том числе и на духовную сферу. Этой сфере он придавал первостепенное значение. Совсем не случайно он является, если не формальным, то истинным духовным отцом знаменитой теории социалистического реализма. Эта теория (если её позволительно так именовать) являла собой некий свод истин и правил, принципов и нормативных указаний, в который можно было втиснуть, кажется, все что угодно. Настолько она была неопределенна в обычном, человеческом понимании слова, и настолько она была строго определена, коль речь шла о ее применении к тем или иным произведениям литературы, искусства и т.д. Она была специально столь расплывчата, чтобы ею можно было орудовать как своеобразной дубинкой.

Особенно много места дискуссия об этой теории заняла на первом (и единственном при жизни Сталина) съезде советских писателей в 1934 году. Одну ее особенность метко подметил И. Эренбург, который в своем выступлении (разумеется, не называя метод социалистического реализма по имени), сказал: «Нельзя, как у нас говорят, поднимать на щит писателя, чтобы тотчас же сбрасывать его вниз. Это не физкультура (*аплодисменты*). Нельзя допускать, чтобы литературный разбор произведения автора тотчас же влиял на его социальное положение. Вопрос о распределении благ не должен находиться в зависимости от литературной критики. Нельзя, наконец, рассматривать неудачи и срывы художника как преступления, а удачи – как реабилитацию (*аплодисменты*)»⁹⁶⁶. Раздавались на этом съезде и голоса

---

⁹⁶⁵ Евгений Громов . Сталин, власть, искусство. М. 1998. С. 5 – 6.

⁹⁶⁶ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М. 1934. С. 183.

других, кто пытался в той или иной форме призывать к реализму как таковому, а не к социалистической его интерпретации, с помощью которой можно было оправдать или же подвергнуть остракизму все что угодно. Как ни странно, но Сталин доверил своему закоренелому противнику Н. Бухарину выступить на этом съезде с докладом. (Надо в скобках заметить, что доклад получился содержательным, критичным и резко полемическим по содержанию и духу.) Бухарин не преминул воспользоваться трибуной, чтобы в завуалированной форме высказать свое отношение к соцреализму. Он, в частности, сказал: «Мы должны показать все жизненное богатство, все конфликты, колебания, поражения, борьбу тенденций, а не просто дать элементарное изображение, похожее на бревно, в которое воткнут красный флаг. Долой бревно с красным флагом в области поэтического творчества! Нам нужно показывать всю борьбу тенденций, все многообразие жизни!»⁹⁶⁷

Другим краеугольным камнем, заложенным Сталиным в здание советской литературы, стала знаменитая формула о писателях как инженерах человеческих душ. Тогда, в пору индустриализации, это, возможно, и звучало актуально, однако с точки зрения здравого подхода к оценке литературного, как и любого другого творчества, эта формула выглядела грубым упрощением, неприкрытой примитивизацией самого процесса творческого труда, где вдохновение и другие мистические порывы, играют первостепенную роль. Такой вот упрощенный подход стал одним из тех, которые, с одной стороны, как бы возвышали писателей до высокого уровня почетной тогда профессии инженера, а с другой – низводили его до статуса механика от литературы. Хотя, надо отметить особо, все годы сталинского правления выдвинутая им формула преподносилась как величайшая похвала в адрес писателей. Кстати, развернутую интерпретацию этой формулы на том же съезде писателей дал А.А. Жданов, приветствовавший писателей от имени ЦК партии.

Что это значит? Какие обязанности накладывает на вас это звание? – задавал вопрос Жданов? И отвечал: это значит, во-первых, знать жизнь, чтобы уметь ее правдиво изобразить в художественных произведениях, изобразить не схоластически, не мертво, не просто как «объективную реальность», а изобразить действительность в ее революционном развитии.

При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перedelки и воспитания трудящихся людей в духе социализма. Такой метод художественной литературы и литературной критики есть то, что мы называем методом социалистического реализма.

Наша советская литература не боится обвинений в тенденциозности. Да, советская литература тенденциозна, ибо нет и не может быть в эпоху

---

⁹⁶⁷ Там же. С. 499.

классовой борьбы литературы не классовой, не тенденциозной, якобы аполитичной (*аполитисменты*)⁹⁶⁸.

Как видим, свод жестких и подлежащих неукоснительному выполнению правил стал неотъемлемой чертой всех сфер духовной жизни советского общества. Как правило, автором или духовным прародителем этих норм и правил был сам вождь. В некоторых случаях он не выступал в качестве автора, желая продемонстрировать существующую в стране свободную творческую атмосферу.

Жесткий, всеобъемлющий контроль выступал в качестве одного из основных принципов, на базе которых осуществлялось Сталиным руководство идейной жизнью страны, в том числе и литературой. Этот контроль был фактически официально закреплен в соответствующих партийных решениях – съездов партии, пленумов ее ЦК и в многочисленных (можно даже сказать бесчисленных) постановлениях Политбюро, Оргбюро, Секретариата, идеологических отделов центрального партийного аппарата. Помимо этого, Сталин широко пользовался агентурными донесениями, которые ему представлялись соответствующими службами органов безопасности. К примеру, после окончания первого съезда писателей вождь получил несколько секретных информации о том, как писатели в беседах друг с другом и разными лицами оценивали ход съезда. Так, Бабель говорил: «Мы должны демонстрировать миру единодушие литературных сил Союза. А так как все это делается искусственно, из-под палки, то съезд проходит мертво, как царский парад, и этому параду, конечно, никто за границей не верит. Пусть раздувает наша пресса глупые вымыслы о колоссальном воодушевлении делегатов. Ведь имеются еще и корреспонденты иностранных газет, которые по-настоящему осветят эту литературную панихиду. Посмотрите на Горького и Демьяна Бедного. Они ненавидят друг друга, а на съезде сидят рядом, как голубки. Я воображаю, с каким наслаждением они повели бы в бой на этом съезде каждый свою группу»⁹⁶⁹.

А поэт Жаров сочинил следующую эпиграмму:

«Наш съезд был радостен и светел,
И день был этот страшно мил –
Старик Бухарин нас заметил
И, в гроб сводя, благословил»⁹⁷⁰

---

⁹⁶⁸ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 4.

⁹⁶⁹ Власть и художественная интеллигенция. С. 233.

⁹⁷⁰ Там же. С. 236.

Во время работы первого съезда органами безопасности была перехвачена листовка, очевидно, адресованная зарубежным гостям. Она рисует еще более мрачную картину положения в среде писателей. Приведу выдержку из нее, чтобы у читателя самого сложилось определенное мнение.

Анонимные авторы (или автор) писали: «Для того, чтобы уяснить это, вы должны, как это [ни] трудно для вас, живущих в совершенно других условиях, понять, что страна вот уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключаящую какую-либо возможность свободного высказывания. Мы, русские писатели, напоминаем собой проститутку публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой; как для них нет выхода из публичного дома, кроме голодной смерти, так и для нас... Больше того, за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди. Мы даже дома часто избегаем говорить так, как думаем, ибо в СССР существует круговая система доноса. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых...

Мы лично опасаемся, что через год-другой недоучившийся в грузинской семинарии Иосиф Джугашвили (Сталин) не удовлетворится званием мирового философа и потребует по примеру Навуходоносора, чтобы его считали, по крайней мере, „священным быком“»⁹⁷¹.

После приведенных мною высказываний у читателя, боюсь, может сложиться однобокое и превратное представление об общем состоянии литературы в те времена. Однако я сознательно сделал акцент на негативных моментах, чтобы мне не было поставлено в вину, что я скрываю факты и рисую идиллическую картину состояния литературы. В действительности, положение не было столь безотрадным и мрачным. В это время в советской стране творили многие писатели и поэты, оставившие глубокий след в нашей культуре и в мировой литературе, например, «Тихий Дон» Михаила Шолохова, поэзия В. Маяковского и Б. Пастернака и многое другое. В эти годы развивалось театральное искусство, творили К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко и другие выдающиеся деятели советского театра. Многие композиторы создали замечательные произведения, отображающие героическую социалистическую строительную и пережитых революционных лет. Д.Д. Шостакович, Н.Я. Мясковский, Ю.А. Шапорин написали новые симфонии, навеянные идеями современности. В идейно-политическом и эстетическом воспитании тружеников СССР немалое место занимало художественно-изобразительное искусство: живопись, скульптура. Просто невозможно перечислить всех тех, кто занял достойное место в мировой литературе. Это я пишу для того, чтобы у читателя не возникало впечатления какой-то безысходности ситуации в советской литературе и в других видах

---

⁹⁷¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 227 – 228.

духовной жизни народа.

При подходе к вопросам литературы Сталин нередко проявлял чуткость и внимание, которые в тех условиях были особенно ценны, поскольку служили не столько эталоном для других, но и прямым указанием чиновникам от литературы не проявлять излишней прыти и не применять принцип голого администрирования и командования, ибо эти методы в высшей степени нетерпимы прежде всего в подходе к творчеству того или иного писателя, драматурга, композитора или художника. Характерна в этом плане записка вождя, адресованная тогдашнему секретарю правления Союза писателей В. Ставскому. Сталин писал ему:

«10 декабря 1935 года.

Тов. Ставский!

Обратите внимание на т. Соболева. Он, бесспорно, крупный талант (судя по его книге „Капитальный ремонт“). Он, как видно из его письма, капризен и неровен (не признает „оглобли“). Но эти свойства, по-моему, присущи всем крупным литературным талантам (может быть, за немногими исключениями).

Не надо обязывать его написать вторую книгу „Капитального ремонта“. Такая обязанность ниоткуда не вытекает. Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности.

Пусть пишет, что хочет и когда хочет.

Словом, дайте ему перебеситься... И поберегите его.

Привет! И. Сталин»⁹⁷².

Другой пример того, как Сталин вступался за писателей и поддерживал их творчество, относится к военному периоду. В 1942 году «Правда» опубликовала текст пьесы А. Корнейчука «Фронт», в которой совершенно не со стандартных позиций рассматривались вопросы военного руководства на уровне фронта и армии. Маршал Тимошенко незамедлительно отреагировал на это телеграммой Сталину, в которой подверг зубодробительной критике (причем совершенно не приведя ни одного аргумента в обоснование своей позиции) эту пьесу. Он заявил, что эта пьеса вредит нам целыми веками, ее нужно изъять, автора привлечь к ответственности. Виновных в связи с этим следует разобрать. Сталин незамедлительно отреагировал на это маршальское вмешательство в творческие дела. Он послал Тимошенко следующую телеграмму: «Вашу телеграмму о пьесе Корнейчука „Фронт“ получил. В оценке пьесы Вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки. Нужно иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования

---

⁹⁷² И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 116.

Красной Армии»⁹⁷³.

Одновременно, чтобы приободрить драматурга, вождь направил А. Корнейчуку текст своей переписки с маршалом. Надо отметить, что Сталин тонко уловил исключительно важную в тот период войны идею овладения новыми методами военных действий со стороны высших военных руководителей. Причем, видимо, ему особенно импонировал резкий критический подход к тем, кто цеплялся за старые шаблоны и подходил к современной войне с позиций Гражданской войны. Пьеса вызвала колоссальный резонанс в военной среде, поскольку именно там особенно ощущался вред от трафаретов и шаблонов, унаследованных от прошлого. Это – всего лишь пара примеров, а их было немало. Разумеется, Сталин не располагал временем и возможностями внимательно следить за развитием как литературного процесса в целом, так и за творчеством отдельных писателей. Но имеющиеся факты говорят о том, что он стремился быть в курсе дела хотя бы важнейших событий. Это обстоятельство как раз с положительной стороны характеризует отношение вождя к сфере литературы и искусства.

Другим примером поддержки вождем писателей во время войны служит его отношение к М. Шолохову. Вообще надо отметить, что Сталин к Шолохову питал особую симпатию и высоко ценил его талант. Может быть, он ожидал от него, что именно великий русский писатель – создатель «Тихого Дона» – творчески способен создать по-настоящему великое произведение о великой войне советского народа, своего рода советскую «Войну и мир». Не исключено, что вождь надеялся, что и его роль в войне найдет достойное отражение в советском варианте гениального творения Л. Толстого.

В 1942 году М. Шолохов получил контузию и находился в Москве. Сталин напомнил о себе. Случилось это в мае месяце – в канун дня рождения писателя. Вождь пригласил писателя вместе поужинать, произнес за него тост. Наиболее примечательными Михаилу Александровичу показались произнесенные во время застолья следующие слова: «Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достойно, как в „Тихом Доне“... Храбрые люди изображены – и Мелихов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день Ваших именин мне хочется пожелать Вам крепкого здоровья на многие годы и многоталантливого, всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в „Тихом Доне“, были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники страшной войны...» Намекал ли Сталин на желательность изображения шолоховским пером себя – об этом можно

---

⁹⁷³ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 296.

только гадать⁹⁷⁴.

Другая встреча Шолохова со Сталиным в том же 1942 году связана с клеветническим слухом, будто Михаил Александрович «оставил» семью на оккупированной врагом территории. Недоразумение быстро разъяснилось, и Сталин проводил писателя напутствием: «Ну, товарищ Шолохов, идите. И берегите себя. Вы нужны партии. Вы нужны народу!»⁹⁷⁵

Но вернемся к непосредственному предмету нашего рассмотрения – к фундаментальным принципам, определявшим политику Сталина в духовной сфере.

Безусловно, плодотворной идеей, которую взял у Ленина на вооружение Сталин, была идея о том, что подлинная социалистическая культура создается на базе усвоения и критической переработки духовного наследия прошлого, всех ценностей мировой культуры. Не случайно в эту эпоху достоянием чрезвычайно широкого круга читателей стали произведения величайших представителей мировой литературы и культуры в целом. Культура становилась не привилегией избранных, она постепенно, шаг за шагом осваивалась многомиллионными массами населения страны. Причем особого акцента заслуживает то, что духовная жизнь стала усиленно развиваться не только в собственно России, но и в национальных республиках. Причем этому придавалось первостепенное значение. И борьба за подъем национальной культуры явилась одним из весомых и убедительных доказательств того, что Сталин с правильных позиций подходил к данному вопросу, что выбивало почву из-под ног местных националистов. В такой многонациональной стране, как Советский Союз, проблема правильного и органичного сочетания национального с русским была в целом решена достаточно успешно. Хотя каждый отдает себе отчет в том, что сама эта проблема была чрезвычайно сложной и трудной для решения. Одним махом нельзя было похоронить старое великодержавное наследие в сфере культуры, которое сложилось за долгие годы царизма. А без решения этой проблемы говорить о единстве наций и народностей в рамках единого государства, о их дружбе и сплоченности – было просто пустой болтовней.

Важным моментом в духовном арсенале советского общества было положение о равенстве наций, причем не просто о равенстве как таковом, а о равенстве, предполагающем, что малые нации способны внести достойный вклад в мировую сокровищницу духовной культуры человечества. К этой сфере деление на великие и малые нации едва ли приложимо. Данную мысль Сталин четко сформулировал в феврале 1948 года на обеде в честь

---

⁹⁷⁴ См. *Валентин Осипов*. Тайная жизнь Михаила Шолохова. М. 1995. С. 234 – 235.

⁹⁷⁵ Писатель и вождь. Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным. Сборник документов из личного архива И.В. Сталина. Составитель Юрий Мурин. М. 1997. С. 155.

финляндской правительственной делегации. Тогда он сказал: «Многие не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями. Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть. Советские люди считают, что каждая нация, – все равно – большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в сокровищницу мировой культуры, и дополняют ее, обогащают ее. В этом случае все нации – и малые и большие, – находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации»⁹⁷⁶.

Причем стоит оттенить еще одну мысль: Сталин, возвышая роль малых наций, не забывал подчеркивать и опасность местного национализма и его негативного влияния на развитие духовной жизни народов союзных и автономных республик. В целом надо признать, как ни сурова была политика в духовной сфере, она тем не менее преследовала цели вполне благородные – воспитание нового человека, сознающего свое высокое достоинство и осознающего свою роль в историческом процессе созидания нового общества.

Культурная революция приобщала к искусству все новые и новые слои трудящихся. Почти в каждом коллективе на заводах, фабриках, в школах, вузах, в сельских клубах работали многочисленные драматические, музыкальные, танцевальные, изобразительные кружки. На сцену выходили новые герои – простые люди труда, и некоторые из старых писателей, оставшихся в Советской России, никак не могли понять душу и раскрыть психологию этого нового героя. Поэтому зачастую превалировали штампы и стандарты в произведениях многих писателей. Не говоря уже о том, что в их среде всегда господствовали взаимные недовольства, зависть, а порой и просто взаимная нетерпимость. Поэтому ко многим высказываниям писателей следует подходить с учетом данного фактора. Характеризуя несколько сумбурно мировоззренческие и эстетические принципы и взгляды Сталина, следует особо отметить, что он придавал серьезное значение тому, чтобы у западных писателей сформировалось о нем благоприятное впечатление. Именно поэтому он всегда находил время для встречи с ними (Б. Шоу, Г. Уэллс, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер и другие) и длительных бесед на самые различные, в том числе и литературные темы. Как правило, вождю удавалось, если не очаровать своих западных собеседников, то произвести на них сильное, порой незабываемое впечатление. Это тоже относилось к принципам сталинской политики в духовной области.

Вот типичный пример. В 1934 году он принял известного английского писателя Г. Уэллса и имел с ним продолжительную и довольно откровенную

---

⁹⁷⁶ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. М. 1997. С. 93.

беседу. Г. Уэллс, ранее бывший в Советской России и встречавшийся с Лениным, имел возможность сопоставить то, что он увидел в 1934 году, с тем, что он видел во время Гражданской войны. Лидер страны убеждал английского писателя в том, что наш народ нуждается в просвещении и образовании для решения стоящих перед ним социально-экономических задач. Он убеждал Уэллса: «Старый строй имел на своей стороне, на своей службе много высокообразованных людей, которые защищали старый строй, которые шли против нового строя. Ведь образование – это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить. Конечно, пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди. Ведь ясно, что не олухи царя небесного могут помогать пролетариату бороться за социализм, строить новое общество. Роль интеллигенции я не недооцениваю, ее роль я, наоборот, подчеркиваю. Дело только в том, о какой интеллигенции идет речь, ибо интеллигенты бывают разные»⁹⁷⁷. И специальный упор Сталин делал на необходимости борьбы против фашизма, поскольку данный аргумент наилучшим образом воспринимался западной интеллигенцией, видевшей в Советской России реальную силу, способную остановить нацистов – этих варваров XX века, которые, подобно инквизиторам, сжигали книги на кострах. Сталин задавал вполне резонный вопрос своему собеседнику: «Взять, например, фашизм. Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами? Уговаривать их? Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует»⁹⁷⁸.

Г. Уэллс возвратился из СССР с восторженными впечатлениями от Сталина. Вскоре он опубликовал книгу, в которой передал свои впечатления, в частности от Сталина. О нем он писал: «Я сознаюсь, – писал Уэллс, – что подходил к Сталину с некоторым подозрением и предубеждением. В моем сознании был создан образ очень осторожного, сосредоточенного в себе фанатика, деспота, завистливого, подозрительного монополизатора власти. Я ожидал встретить безжалостного, жестокого доктринера и самодовольного грузина-горца, чей дух никогда полностью не вырывался из родных горных долин». И вот – встреча со Сталиным. «Его нелегко описать, и многие описания преувеличивают его мрачность и спокойствие. Его недостаточная общительность и бесхитрость делают его непонятным для наиболее здравых, но лишенных остроумия людей, отчего он стал предметом самых странных выдумок и скандальных сплетен... Все смутные слухи, все подозрения насчет тайных эмоциональных излишеств для меня перестали существовать навсегда, после того, как я поговорил с ним несколько минут. Я

---

⁹⁷⁷ *И. Сталин*. Соч. Т. 14. Тверь. 2007. С. 26.

⁹⁷⁸ *И. Сталин*. Соч. Т. 14. Тверь. 2007. С. 23.

никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснять его огромную власть в России... Сталин – совершенно лишенный хитрости и коварства грузин»⁹⁷⁹. Естественно, что таких людей, как Р. Роллан, Г. Уэллс и другие, трудно заподозрить в том, что они были чуть ли не политически близоруки и до предела наивны и легковверны. Конечно, они не смотрели на духовную жизнь в нашей стране только через розовые очки. Видели не только достижения, но и недостатки, многие из них с сомнением относились к знаменитым сталинским процессам 30-х годов. Однако не это в конечном счете определяло направленность их оценок и выводов. Главное заключалось в том, что они считали коммунизм меньшей опасностью, чем фашизм, и, воздавая должное политическим качествам советского лидера, надеялись, что Советская Россия станет той непреодолимой преградой, о которую расшибет свою осатаневшую голову гитлеровский фашизм.

И надо сказать, что расчеты эти в конечном счете сбылись. Хотя пресловутый пакт Молотова – Риббентропа многих из западных друзей Советской России не то что поверг в шок, но просто оттолкнул от Советского Союза. Однако редко хорошие писатели бывают дальновидными политиками – им не хватило широты мышления глубоко осознать тот факт, что по всем, в том числе и по духовно-идеологическим параметрам, коммунизм и фашизм не просто антиподы, но непримиримые до смерти враги. Лишь исторический ход событий заставил многих западных интеллектуалов убедиться в правоте данной исторической аксиомы.

Как уже убедился читатель, арсенал средств и методов, поставленных на службу сталинской политике во всех сферах жизни общества, был весьма обширен. Нельзя сказать, что этот арсенал не обогащался с течением времени изменением международной обстановки и обстановки внутри страны. Это диктовали потребности жизни государства и общества. Нельзя сказать, что во всех важных поворотах политики в духовной сфере инициатором выступал сам вождь: многое подсказывалось самой жизнью, диктовалось потребностями реальных обстоятельств. Но в каждом случае серьезных поворотов и сдвигов в этой сфере Сталин неизменно играл роль мощного локомотива, приводившего в движение громоздкий и не очень легкий на подъем механизм партийной бюрократии, заправлявшей идеологической сферой. Отсюда проистекало то, что вождь зачастую сам выступал в роли конкретного реализатора того или иного важного поворота в сфере идеологии.

---

⁹⁷⁹ Цит. по «Московские новости». № 28. 2002 г.

2. Сталин и церковь

Рассматривая проблемы духовной жизни общества в сталинскую эпоху, нельзя воспользоваться фигурой умолчания и обойти вопрос об отношении Сталина к церкви. Если смотреть на данный вопрос с широкой исторической ретроспективы, то он далеко выходит за рамки только отношения к церкви и религии вообще. В широком плане он имеет прямое отношение к такому фундаментальному принципу историзма, как связь времен. Причем эта связь выражается в органическом сочетании и переплетении как исторических событий, так и духовных основ жизни народов и государств. И здесь надо четко и без всяких оговорок признать, что большевики после взятия власти в свои руки нарушили эту, в сущности, нерушимую связь времен. Они развернули беспощадную борьбу против религии и церкви, против духовенства как служителей церкви. Все это происходило под благородными предложениями борьбы с предрассудками и отсталостью. На самом же деле все свелось к неприкрытому гонению на верующих и в первую очередь на священнослужителей. Невольно вспоминаются слова из популярной песни времен Гражданской войны, где звучали такие слова – «церкви и тюрьмы сравняем с землей!» Церкви во многих местах они действительно сравнивали с землей, а вот тюрем настроили больше, чем их было при царе.

Не надо обладать большим политическим кругозором и широким политическим мышлением, чтобы понять простую истину – насильственное нарушение связи времен, в сущности, выступает как попытка фундаментальным образом пересмотреть процесс исторического развития как таковой, а это чревато – рано или поздно – самыми роковыми последствиями. И большевики столкнулись с такими последствиями, обратив против себя немалую часть населения страны. Эта часть населения могла бы поддержать большевиков и их политику, если бы они не проводили политику насильственной ликвидации церкви и введения всякого рода драконовских запретов на права населения исповедовать ту или иную религию. В обоснование своей церковной политики они приводили тот факт, что многие представители духовенства поддерживали не новую власть, а зачастую открыто призывали к борьбе против нее. Однако, бросая ретроспективный взгляд на советскую историю, волей-неволей приходится констатировать, что их обоснования и оправдания не выдержали и не выдерживают серьезной критики. Это было неприкрытое насилие над человеческим духом. Выражаясь современной терминологией, нарушением фундаментальных прав человека. Хотя революция как раз и осуществлялась под лозунгами возвращения всех человеческих прав многонациональному населению страны.

Теперь о позиции Сталина в данном вопросе. Надо отметить, что среди наиболее видных лидеров большевиков – Ленина, Троцкого, Зиновьева,

Каменева и Бухарина – он не проявлял себя рьяным борцом против «религиозного дурмана», как тогда выражались. В его докладах и выступлениях данная тема, конечно, затрагивалась, особенно после того, как он из первого среди равных постепенно превратился в единственного лидера партии и страны. Но звучала она в его выступлениях как-то, можно сказать, чисто формально и казенно. Сейчас представляется, что он поступал так не случайно, а намеренно, оставляя, видимо, пространство для какого-либо компромисса с церковью, ибо он понимал, что глупо приобретать в лице духовенства серьезного и стойкого противника советской власти. Не исключено, что здесь сказалось также и его религиозное образование – хотя это только мое личное предположение.

Начиная с середины 30-х годов, в церковной политике Сталина стали проглядывать элементы позитивной эволюции в сторону более благосклонного отношения к церкви и религии вообще. Подспудной причиной такой эволюции, очевидно, служило следующее соображение: вождь видел приближение войны и неизбежность того, что Советской России не удастся остаться в стороне от участия в ней. А в армии было много верующих, не говоря уже о том, что в случае перерастания войны во всеобщую, в нее будет вовлечена основная масса населения. И с чувствами верующих приходилось считаться как с непреложным фактом, причем фактом первостепенного значения.

И Сталину, бесспорно, принадлежит заслуга в том, что он, пусть с большим запозданием, но все-таки восстановил нарушенную историческую связь времен. Это в конце концов сыграло не последнюю роль в обеспечении нашей победы в Великой Отечественной войне. В этой исторической заслуге проявилась политическая мудрость вождя, его умение заглянуть за горизонты событий и определить правильный стратегический курс.

Определенные признаки, предвестники новых подходов к церкви выразились, в частности, в постановлении Политбюро от 13 ноября 1936 г. о запрете пьесы Д. Бедного «Богатыри». Одна из главных причин состояла в том, что автор дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры⁹⁸⁰. Уже после войны Сталин вновь коснулся этой проблемы, считая ее важной. В беседе с создателями фильма «Иван Грозный» режиссером С. Эйзенштейном и артистом Н. Черкасовым он отметил: «Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определенном этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот

---

⁹⁸⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 333.

русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток»⁹⁸¹. Здесь, пожалуй, нельзя не добавить и уничижительную критику того же Д. Бедного со стороны Сталина. «Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его „Иваном, не помнящим своего родства“. Историю мы выбрасывать не можем...»⁹⁸²

Здесь я хотел бы обратить внимание на то, что Сталин призывает к бережному обращению к истории, что вообще ортодоксальным большевикам было чуждо. На всю прежнюю российскую историю они смотрели как на своего рода предысторию государства советского.

Коренной перелом в отношении Сталина к церкви можно датировать 1943 годом, в самый разгар войны. О том, как все это происходило, свидетельствуют многие факты. Так, между Сталиным и патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием состоялся зимой 1943 года заочный контакт, когда они обменялись посланиями. 25 февраля из Ульяновска в Кремль Сталину Сергей написал: «Верующие в желании помочь Красной Армии охотно откликнулись на мой призыв: собрать средства на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского. Всего собрано около 6000000 рублей и, кроме того, большое количество золотых и серебряных вещей... Примите эти средства как дар от духовенства и верующих русской православной церкви в день юбилея Красной Армии».

Ответ Сталина Сергию был направлен в тот же день:

«Прошу передать православному русскому духовенству и верующим, собравшим 6000000 рублей, золотые и серебряные вещи на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной Армии».

В дальнейшем по указанию Сталина были проведены подготовительные работы по налаживанию нормальных отношений между государством и церковью. В сентябре 1943 года Сталин в присутствии некоторых членов Политбюро принял высших иерархов русской православной церкви. Подробный отчет об этой встрече дан в записке, написанной по горячим следам председателем Совета по делам православной церкви Г. Карповым. Я воспользуюсь этой записью, поскольку она рисует достоверную картину того, как все это происходило. После того как Сталин выяснил у Карпова все интересовавшие его вопросы о положении церкви, количестве приходов, в

---

⁹⁸¹ Там же. С. 613.

⁹⁸² Власть и художественная интеллигенция. С. 614.

каких материальных условиях находятся сейчас митрополиты Сергей, Алексей и Николай, он сказал:

«– Нужно создать специальный орган, который бы осуществлял связь с руководством церкви. Какие у вас есть предложения?»

...После этого т. Сталин обменялся мнениями с тов. Маленковым, Берия по вопросу – следует ли принимать ему митрополитов Сергия, Алексия, Николая, а также спросил меня, как я смотрю на то, что Правительство примет их. Все трое сказали, что они считают это положительным фактом...

Двумя часами позднее митрополиты Сергей, Алексей и Николай прибыли в Кремль, где были приняты т. Сталиным в кабинете Председателя Совнаркома Союза ССР. На приеме присутствовали т. Молотов и я»⁹⁸³.

Со свидетельством Карпова перекликается и свидетельство митрополита Санкт-Петербургского и ладожского Иоанна: «Столь же серьезными были изменения и в области церковно-государственных отношений. 4 сентября 1943 года на совещании, проходившем в одной из загородных резиденций Сталина, было решено пересмотреть государственную политику в области религии. В тот же день в Кремле он принял специально доставленных по такому случаю из разных концов страны виднейших православных иерархов: патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), ленинградского архиерея митрополита Алексия (Симанского) и экзарха Украины митрополита Николая (Ярушевича).

Сталин – подчеркнуто – начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности Православной Церкви, отметив, что с фронта поступает много писем с одобрением такой позиции духовенства и верующих. Затем поинтересовался проблемами Церкви»⁹⁸⁴.

Но я несколько опередил изложение событий, поэтому возвращусь к канве, данной в записке Карпова.

«Беседа т. Сталина с митрополитами продолжалась 1 час 55 минут.

Т. Сталин сказал, что Правительство Союза знает о проводимой ими патриотической работе в церквях с первого дня войны, что Правительство получило очень много писем с фронта и из тыла, одобряющих позицию, занятую церковью по отношению к государству.

Т. Сталин, коротко отметив положительное значение патриотической деятельности церкви за время войны, просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказаться об имеющихся у патриархии и у них лично назревших, но не разрешенных вопросах.

---

⁹⁸³ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 621 – 622.

⁹⁸⁴ Митрополит Санкт-Петербургский и ладожский *Иоанн*. «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». (Электронный вариант).

Митрополит Сергей сказал т. Сталину, что самым главным и наиболее назревшим вопросом является вопрос о центральном руководстве церкви... а потому он считает желательным, что [бы] Правительство разрешило собрать архиерейский Собор, который и изберет патриарха, а также образует орган в составе 5 – 6 архиереев...

Одобрив предложения митрополита Сергея, т. Сталин спросил:

а) как будет называться патриарх,

б) когда может быть собран архиерейский Собор,

в) нужна ли какая помощь со стороны Правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и т.д.).

Сергей ответил, что эти вопросы предварительно ими между собой обсуждались и они считали бы желательным и правильным, если бы Правительство разрешило принять для патриарха титул „патриарха Московского и всея Руси“, хотя патриарх Тихон, избранный в 1917 г. при Временном правительстве, назывался „патриархом Московским и всея России“.

Тов. Сталин согласился, сказав, что это правильно.

На второй вопрос митрополит Сергей ответил, что архиерейский Собор можно будет собрать через месяц, и тогда т. Сталин, улыбнувшись, сказал: „А нельзя ли проявить большевистские темпы“...

После короткого обмена мнениями договорились, что архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября.

...Затем митрополит Алексей поднял вопрос перед т. Сталиным об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, в лагерях, в тюрьмах и т.д.

Тов. Сталин сказал им: „Представьте такой список, его рассмотрим“⁹⁸⁵...

Тов. Сталин сказал, что церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что, как он говорил об организации духовных учебных заведений, не возражая против открытия семинарий в епархиях, так не может быть препятствий и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: „Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т.д.“

Затем т. Сталин, обращаясь к трем митрополитам, сказал: „Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить

---

⁹⁸⁵ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 622 – 625.

соответствующие субсидии церковному центру“⁹⁸⁶.

После этого т. Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексею и Николаю, сказал им: „Вот мне доложил т. Карпов, что Вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у Вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у Вас есть нужды и что Вы хотели бы получить от Правительства“.

В ответ на вопрос т. Сталина митрополит Сергей сказал, что в качестве помещений для патриархии и для патриарха он просил бы принять внесенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины.

После этого т. Сталин сказал митрополитам: „Ну, если у Вас больше нет к Правительству вопросов, то, может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться Совет по делам Русской православной церкви, и Председателем Совета предполагается назначить т. Карпова. Как вы смотрите на это?“

Все трое заявили, что они весьма благожелательно принимают назначение на этот пост т. Карпова.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: „Подберите себе 2 – 3 помощников, которые будут членами Вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните: во-первых, что Вы не обер-прокурор; во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность церкви“.

...После этого т. Сталин, обращаясь к т. Молотову, сказал: „Надо довести об этом до сведения населения, так же, как потом надо будет сообщить населению и об избрании патриарха“.

В заключение этого приема у т. Сталина выступил митрополит Сергей с кратким благодарственным словом к Правительству и лично к т. Сталину...

Тов. Сталин, попрощавшись с митрополитами, проводил их до дверей своего кабинета⁹⁸⁷.

Данный прием был историческим событием для церкви и оставил у митрополитов Сергия, Алексея и Николая большие впечатления, которые были очевидны для всех, кто знал и видел в те дни Сергия и других»⁹⁸⁸.

В дополнение следует подчеркнуть, что вождь, стремясь придать церкви больше самостоятельности и прав, дал специальные указания относительно

---

⁹⁸⁶ Там же. С. 625 – 626.

⁹⁸⁷ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 627 – 628.

⁹⁸⁸ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 628 – 629.

деятельности Совета по делам Русской православной церкви. Они были лаконичны, но содержали самое существенное, что открывало перед православной церковью достаточно широкие возможности. Указания предусматривали:

а) Совет не решает, а обо всем докладывает и получает указания от правительства; б) Совету не представлять собою бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви; в) председателю Совета установить такие отношения с патриархом, которые не давали бы церковному центру повода рассматривать председателя Совета как обер-прокурора. Обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы обращения с патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; г) не смотреть в карман церкви и духовенства, так как это испортит отношения между Советом и церковным центром и другими руководящими деятелями церкви, и считать это компетенцией органов министерства финансов; д) не делать «булавочных уколов» группам верующих и при рассмотрении вопроса об открытии церкви, хотя и регулировать, но не зажимать; е) Совету обеспечить, чтобы епископат являлся полномочным хозяином епархии, и право архиерея распоряжаться церковными, суммами; ж) не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т.п.⁹⁸⁹

Этот прием, а главное его результаты и самое благосклонное отношение вождя к иерархам Русской православной церкви, имели историческое значение как для церкви, так, можно сказать, и для государства в целом. Вот как оценивал митрополит Иоанн значение этой встречи и вообще поворота в церковной политике Сталина:

«При этом – надо отдать Сталину должное – пересмотр осуществлялся решительно и целенаправленно во всех областях: от культурно-исторической до религиозной... Результаты этой беседы превзошли всякие ожидания. Все до единого вопросы, которые были поставлены иерархами, говорившими о насущных нуждах клира и паствы, были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение Православия в СССР. Было принято решение о созыве архиерейского собора и выборах патриарха, престол которого 18 лет пустовал из-за препятствий со стороны властей. Договорились о возобновлении деятельности Священного Синода. В целях подготовки кадров священнослужителей решили вновь открыть духовные учебные заведения – академии и семинарии. Церковь получила возможность издания потребной религиозной литературы – в том числе периодической.

Итоги внезапной „перемены курса“ стали поистине ошеломляющими. В несколько ближайших лет на территории СССР, где к началу войны

---

⁹⁸⁹ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 328.

оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, были открыты тысячи храмов, и количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч! Значительная часть репрессированного духовенства была возвращена на свободу. Прекратились прямые гонения на верующих и дикие шабаши „Союза воинствующих безбожников“, сопровождавшиеся святотатственным пропагандистским разгулом.

Русь оживала. Церковь выстояла...»⁹⁹⁰

Однако, как пишет митрополит Иоанн, в руководстве партии во второй половине 40-х годов наметилась тенденция ужесточить политику в отношении церкви. Готовилось даже специальное решение по этому вопросу. Но, в конце концов, Сталин – более дальновидный и прагматичный, чем большинство его оголтелых соратников все же настоял на своем. Подготовка документа была свернута. Более того, к концу 40-х годов из лексикона партийных и государственных документов практически исчезли сами термины «антирелигиозная» или «атеистическая» работа. Не было их и в отчетном докладе ЦК ВКП(б) девятнадцатому съезду партии, который в октябре 1952 года представил делегатам Маленков. Впервые на съезде партии вообще был обойден молчанием вопрос о задачах антирелигиозной пропаганды⁹⁹¹.

В контексте изложенного выше материала у многих возникал и возникает вопрос: был ли Сталин православным человеком? На этот вопрос точно и определенно мог бы ответить только сам Сталин. В наши дни разные исследователи его жизни отвечают по-разному. Вот, например, как на него ответил в интервью известный русский историк И. Фроянов:

«Если исходить из того, что Сталин внес огромный вклад в спасение России и если в России видеть Богоизбранную страну, носительницу Христовой Веры в ее чистоте и полноте, то с этой точки зрения его можно считать православным человеком. Конечно, однозначной характеристики быть не может. Дело в том, что Сталин как всякий великий человек созерцал, по выражению Достоевского, две бездны: бездну добра и бездну зла. Это своеобразные весы колеблющиеся. Но нельзя отлучать Сталина от Православия, потому что по конечному характеру своей деятельности, связанной с его значением в истории России, его можно считать православным человеком.

– Как произросла и укреплялась любовь к России и русскому народу в родившемся на окраине империи сыне бедного грузинского сапожника? Какие события в жизни Сталина сыграли роль в этом аспекте формирования его личности?

---

⁹⁹⁰ Иоанн. «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». (Электронный вариант).

⁹⁹¹ Там же.

– И. Фроянов: Конечно же, обучение в семинарии во многом способствовало этому. Оно ведь вырабатывало в нем чувство единения с Православной Русью, чувство соборности. Вся его политическая деятельность была связана не с окраиной, а с самой Россией. Он, активно участвуя в политической борьбе, понимал, что его участие в политике весьма важно для судеб России. Он был сопричастен к исторической судьбе России. Не был безразличен к России, к ее величию, к ее державности. Он не украинский человек. Он по духу русский человек»⁹⁹².

Завершая этот небольшой раздел, следует в целом положительно оценить политику Сталина в отношении церкви. Его постоянно эволюционирующий курс в отношении к церкви был обусловлен отнюдь не личными качествами самого вождя (хотя и этот фактор играл определенную роль), он был продиктован объективными потребностями развития страны и отвечал духу времени и интересам большинства народа. Главное в конечном счете заключалось в том, что этот курс восстанавливал связь времен в российской истории, ликвидировал зияющую пропасть, образовавшуюся в результате гонений на церковь, которые продолжались на протяжении целых десятилетий. Но, как показал исторический опыт (не только нашей страны), лишить народ даже части его духовного наследия – значит нанести ему непоправимый ущерб. И в конечном счете такие попытки рано или поздно обнажают свою бесплодность и обреченность.

3. Политико-идеологические кампании Сталина после войны

Прежде чем перейти к общему обзору политики идеологических кампаний, затронувших практически все сферы духовной жизни общества, необходимо дать хотя бы предположительный ответ на главный вопрос: чем все это было продиктовано, какие объективные и субъективные причины служили локомотивами, приведшими в движение всю интеллектуальную часть общества? Ответ на данный вопрос не прост, он не лежит на поверхности и нуждается в серьезном обосновании. Ведь совершенно очевидно, что не просто в силу какой-то личной прихоти Сталина развернулись широким фронтом эти кампании. Хотя, разумеется, фактор личного мнения вождя о сложившейся в этой сфере обстановке играл чрезвычайно важную роль, ибо он давал направление, определял цели этих кампаний и четко обозначал цели главных ударов в отдельных сферах культурной жизни страны.

В интерпретации данной проблемы издавна сложились две диаметрально противоположные точки зрения. Первая исходила из того, что

---

⁹⁹² Интервью И. Фроянова сетевому журналу «Полярная звезда» к 125-летию со дня рождения И.В. Сталина. (Электронная версия).

в стране после войны на культурном фронте сложилась нездоровая обстановка. Одной из причин этого было ослабление партийного контроля за процессами в литературе, кинематографии, музыке, драматургии, науке и т.д. И как закономерный итог – появление откровенно чуждых советскому образу жизни и мысли произведений, наносивших серьезный вред развитию всего советского общества. Период войны завершился, и настала пора навести должный порядок в духовной области жизни советских людей. Именно в это время полным ходом шел процесс восстановления народного хозяйства, и советские люди нуждались в том, чтобы культура и искусство играли в этом деле свою созидательную роль, а не выступали в качестве своего рода оппонента и критика главных процессов развития страны.

Кроме того, одной из важнейших причин развертывания идеологических кампаний выступала международная обстановка. Если прежде главным полем противоборства являлась война, то отныне этим полем стала сфера идейной жизни, сфера литературы, кино, театра, музыкального искусства и т.д. Вождь исходил из посылки, что идеологическая борьба в сложившихся международных условиях будет носить жесткий, непримиримый и долгосрочный характер, что в ней будут использоваться все допустимые и недопустимые средства.

Подтверждением этого тезиса служит высказывание Сталина на встрече с творческой интеллигенцией в 1946 году. На ней вождь заявил: «Говоря о дальнейшем развитии советской литературы и искусства, нельзя не учитывать, что они развиваются в условиях невиданного еще в истории размаха тайной войны, которую сегодня мировые империалистические круги развернули против нашей страны, в том числе в области литературы и искусства. Перед иностранной агентурой в нашей стране поставлена задача проникать в советские органы, ведающие делами культуры, захватывать в свои руки редакции газет и журналов, оказывать решающее воздействие на репертуарную политику театра и кино, на издание художественной литературы. Всячески препятствовать выходу в свет революционных произведений, воспитывающих патриотизм и поднимающих советский народ на коммунистическое строительство, поддерживать и продвигать в свет произведения, в которых проповедуется неверие в победу коммунистического строительства, пропагандируется и восхваляется капиталистический способ производства и буржуазный образ жизни.

В то же время перед иностранной агентурой поставлена задача добиваться в произведениях литературы и искусства пропаганды пессимизма, всякого рода упадничества и морального разложения»⁹⁹³.

Некоторые исследователи выделяют в качестве одной из побудительных причин рассматриваемых кампаний то, что часть советских людей своими

---

⁹⁹³ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 52.

глазами увидели, какова в действительности жизнь на Западе, и это неизбежно порождало в их умах сравнения и сомнения. Они хотели перемен, хотели, чтобы и в нашей стране было нечто подобное. Конечно, указанное обстоятельство сыграло определенную роль в качестве побудительного мотива для масштабного развертывания идеологических кампаний. Однако, на мой взгляд, этот побудительный мотив играл отнюдь не решающую роль.

Нужно сказать, что в среде творческой интеллигенции довольно широкое распространение получили настроения чуть ли не наступления эры всеобщей свободы и даже вседозволенности: мол, теперь, после победы, нам некого бояться и мы можем поступать не так, как нам указывает партия и ее вождь, а как нам заблагорассудится. Нельзя не отметить и того факта, что в кругах творческой интеллигенции, а также в научных кругах в тот период довольно широкое распространение получили личное соперничество, склоки, всякого рода скандалы на почве личного соперничества. И все это не могло не сказываться самым отрицательным образом на общем положении на идеологическом и научном фронтах.

Перечислив некоторые из движущих пружин начатых Сталиным кампаний, я не хочу сказать, что все они были объективно обоснованы и целиком и полностью оправданы. Однако их перечисление помогает кое в чем понять истоки сталинских идеологических чисток. Причем надо заметить, что из перечисленных выше мотивов никак нельзя делать вывод, будто и во время войны, не говоря уже о довоенных годах, вождь не держал под своим контролем данную сферу общественной жизни – просто новые условия требовали новых, гораздо более радикальных подходов. При этом Сталин задумал провести не какую-либо одну кампанию, а целую серию кампаний, призванных охватить если не все, то наиболее важные области духовной жизни общества.

Таковы в самом общем, конспективном виде, главные мотивы, толкнувшие вождя на проведение идеологических кампаний. Это всего лишь мои личные предположения, которые могут содержать в себе элементы упрощения или тенденциозного субъективизма.

Другая точка зрения на побудительные истоки сталинских идеологических кампаний сложилась давно, и надо сказать, что она является господствующей не только среди западных специалистов, но и среди многих (если не большинства) российских историков-исследователей данного периода советской эпохи. Довольно четко ее выразил итальянский специалист по истории Советского Союза Дж. Боффа. Он писал по этому поводу:

«Хотя смутные надежды на обновление страны после войны не могли найти себе политического выражения, существовала вероятность, что они проявятся каким-либо образом в сфере культуры; это было тем более возможно, что в военные годы интеллигенция и народ накрепко слились друг с другом. Мы не хотим сказать, что в кругах советских деятелей культуры

существовало какое-либо оппозиционное движение. Скорее это было ощущение новой творческой силы. Деятели культуры стремились более глубоко отражать драматические перипетии человеческой жизни и политических событий, тесно связанных в это время. Кроме того, в стране, пережившей трагические периоды, проявлялся огромный интерес к культурным ценностям. На вечерах поэзии такие замечательные авторы, как Пастернак и Ахматова, пользовались колоссальным успехом у молодежи. Сталинское руководство опасалось развития живой мысли, не поддающейся контролю. Как и в случае с бурным обновлением партийных рядов, эти процессы начали вызывать беспокойство еще в 1944 г. Летом 1946 г., в момент обострения голода, было начато широкое наступление против автономии культурной жизни, где бы она ни проявлялась»⁹⁹⁴.

Конечно, можно оспорить некоторые положения из приведенного пассажа, однако нельзя отрицать, что в высказывании итальянского автора есть рациональное зерно. Тем более, что в каких-то нюансах эта точка зрения перекликается с позицией такого крупного представителя советской литературы, как К. Симонов, который, как говорится, на собственной шкуре испытал все перепады и зигзаги сталинской политики в области литературы и искусства. В своих размышлениях о Сталине он писал следующее: «В то же время в постановлении о ленинградских журналах не было, вернее, за ним, думаю, субъективно для Сталина не стояло призыва к лакировке, к облегченному изображению жизни, хотя многими оно воспринималось именно так. Почти одновременно, в этот же период, Сталин поддержал, собственно говоря, выдвинул вперед такие, принципиально далекие от облегченного изображения жизни вещи, как „Спутники“ Пановой или чуть позже „В окопах Сталинграда“ Некрасова. Вслед за ними вскоре получила премию и трагическая „Звезда“ Казакевича, изобиловавшая конфликтами „Кружилиха“ Пановой. Нет, все это было не так просто и не так однозначно. Думается, исполнение, торопливое и какое-то, я бы сказал, озлобленное, во многом отличалось от замысла, в основном чисто политического, преследовавшего цель прочно взять в руки немножко выпущенную из рук интеллигенцию, пресечь в ней иллюзии, указать ей на ее место в обществе и напомнить, что задачи, поставленные перед ней, будут формулироваться так же ясно и определенно, как они формулировались и раньше, до войны, во время которой задрали хвосты не только некоторые генералы, но и некоторые интеллигенты, – словом, что-то на тему о сверчке и шестке»⁹⁹⁵.

Теперь перейду к конкретным областям духовной жизни,

---

⁹⁹⁴ Джузеппе Боффа. История Советского Союза. Т. 2. С. 328 – 329.

⁹⁹⁵ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. «Знамя». 1988 г. № 3. С. 50.

непосредственно затронутым, если здесь уместно данное определение, сталинской культурной революцией послевоенного периода.

Литература

Если определять главную причину развернутой вождем кампании «по наведению порядка» в области литературы, да и других сфер духовной жизни общества, то в основе лежал тезис, сформулированный Сталиным в 1946 году. Тогда он заявил: «В последнее время во многих литературных произведениях отчетливо просматриваются опасные тенденции, навеянные тлетворным влиянием разлагающегося Запада, а также вызванные к жизни подрывной деятельностью иностранных разведок. Все чаще на страницах советских литературных журналов появляются произведения, в которых советские люди – строители коммунизма изображаются в жалкой карикатурной форме. Высмеивается положительный герой, пропагандируется низкопоклонство перед иностранщиной, восхваляется космополитизм, присущий политическим отбросам общества.

В репертуарах театров советские пьесы вытесняются порочными пьесами зарубежных буржуазных авторов.

В кинофильмах появилось мелкотемье, искажение героической истории русского народа»⁹⁹⁶.

Своего рода сигналом к развертыванию широкомасштабных кампаний в духовной сфере послужило постановление ЦК партии «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 г., которое, конечно, не было каким-то открытием в области партийной политики в сфере литературы. И до этого принимались различные постановления, но это имело особый смысл – оно как бы давало набатный сигнал для фронтальной атаки на целые литературные направления и отдельных писателей, которые, по мнению Сталина, заслуживали самого сурового осуждения. И они должны были пройти через сталинскую идеологическую инквизицию. Сам тон постановления, резкость и категоричность оценок и выводов не оставляли сомнений в том, что вождь взялся за это дело со всей строгостью и серьезностью.

Постановление начиналось с резкого осуждения М. Зощенко. В нем отмечалось, что в журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды»

---

⁹⁹⁶ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 51.

известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зощенко «Приключения обезьяны»... представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами⁹⁹⁷.

Ко всему прочему писатель был обвинен в недостойном поведении во время войны, когда он, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца.» Словом, набор обвинений далеко выходил за чисто литературные рамки и как бы негласно ставил Зощенко в один ряд с врагами советского народа. А это был уже явный перебор, что, однако, несколько не смущало авторов постановления. В 30-е годы подобная оценка расценивалась бы как политическое преступление со всеми вытекающими из этого выводами.

Следующим главным фигурантом обвинений стала А. Ахматова. Журналу «Звезда» инкриминировалось в вину, что он всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе⁹⁹⁸.

Постановление констатировало, что все это внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среде ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни. Далее перечислялись некоторые произведения, помещенные в журнале, в качестве доказательства того, что

---

⁹⁹⁷ Власть и художественная интеллигенция. С. 587.

⁹⁹⁸ Власть и художественная интеллигенция. С. 588.

идейный и художественный уровень журнала снизился.

Соответствующую долю резко критических обвинений получил и журнал «Ленинград». Главную причину всех этих срывов авторы постановления усматривали в том, что руководители журналов «забыли, что наши журналы являются могучим средством советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности»⁹⁹⁹.

Постановление не оставило вне поля внимания и то, что недостаток идейности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» привел также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельские отношения притуплялась критика. Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед¹⁰⁰⁰.

Постановление предписывало ряд суровых мер, в частности, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных. Издание журнала «Ленинград» было прекращено. Сталин на заседании Оргбюро ЦК партии, где обсуждался этот вопрос, с налетом черного юмора заметил: «Если журнала не станет, Ленинград останется»¹⁰⁰¹. Литературные руководители были сняты с работы, получили строгие взыскания и причастные к делу издания журналов партийные чиновники из обкома партии, а для разъяснения постановления в Ленинград был командирован А. Жданов.

Сам А. Жданов попал в довольно деликатное положение, если учесть, что всего несколькими месяцами ранее – в апреле того же года, – выступая перед работниками управления пропаганды ЦК партии, он говорил нечто значительно отличавшееся от того, чему он поучал в Ленинграде в своем

---

⁹⁹⁹ Власть и художественная интеллигенция. С. 589.

¹⁰⁰⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 589.

¹⁰⁰¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 574.

печально знаменитом докладе. В апреле 1946 года с прямыми ссылками на вождя он заявлял: «Товарищ Сталин дал очень резкую критику нашим толстым журналам, причем он поставил вопрос насчет того, что наши толстые журналы, может быть, следует уменьшить. Это связано с тем, что мы не можем обеспечить того, чтобы они все велись на должном уровне. Товарищ Сталин назвал как самый худший из толстых журналов „Новый мир“, за ним идет снизу „Звезда“. Относительно лучшим или самым лучшим товарищ Сталин считает журнал „Знамя“, затем „Октябрь“, „Звезда“, „Новый мир“. Товарищ Сталин указывал, что для всех четырех журналов не хватает талантливых произведений, произведений значительных, и что это уже показывает, что количество журналов велико у нас, в частности он указывал на целый ряд слабых произведений, указывал на то, что в „Звезде“ появилась „Дорога времени“, затем „Под стенами Берлина“ Иванова. Товарищ Сталин дал хорошую оценку „За тех, кто в море“.

Что касается критики, то товарищ Сталин дал такую оценку, что никакой критики у нас нет, а те критики, которые существуют, они являются критиками на попечении у тех писателей, которых они обслуживают, рептилии критики по дружбе. Задача их заключается в том, чтобы хвалить кого-либо, а всех остальных ругать, и что если мы хотим говорить относительно оживления критики, то мы должны начать это не с оживления ведомственной критики. Мы ставили этот вопрос, чтобы в толстых журналах сосредоточить критику, но из этого ничего не вышло, критика у нас не оживилась.

Товарищ Сталин поставил вопрос о художественной литературе, о состоянии таких участков, как кино, театр, искусство, художественная литература. Товарищ Сталин поставил вопрос о том, что эту критику мы должны организовать отсюда – из Управления пропаганды, т.е. Управление пропаганды и должно стать ведущим органом, который должен поставить дело литературной критики. Поэтому тов. Сталин поставил вопрос о том, чтобы создать такого рода газету и создать кадры критиков вокруг Управления пропаганды и в составе Управления пропаганды, ибо тов. Сталин говорил о том, что нам нужна объективная, независимая от писателя критика, т.е. критика, которую может организовать только Управление пропаганды, объективная критика невзирая на лица, не пристрастная, поскольку тов. Сталин прямо говорил, что наша теперешняя критика является пристрастной»¹⁰⁰².

Бросается в глаза неприкрытая неприязнь вождя к писателю Зощенко. На заседании Оргбюро он заявил о нем: «Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни

---

¹⁰⁰² Власть и художественная интеллигенция. С. 549.

против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным, и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы людей обучали пустяковине»¹⁰⁰³.

Любопытный диалог вождя с одним из руководителей ленинградских писателей Прокофьевым, пытавшимся как-то защитить А. Ахматову, имел место во время этого заседания Оргбюро. Приведу лишь один эпизод:

«ПРОКОФЬЕВ. Относительно стихов. Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Эта поэтесса с небольшим голосом и разговоры о грусти, они присущи и советскому человеку.

СТАЛИН. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

ПРОКОФЬЕВ. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение „Первая дальнбойная“ о Ленинграде.

СТАЛИН. 1 – 2 – 3 стихотворения и обчелся, больше нет.

ПРОКОФЬЕВ. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

СТАЛИН. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в „Звезде“?

ПРОКОФЬЕВ. Должен сказать, что то, что мы отвергли в „Звезде“, печаталось в „Знамени“.

СТАЛИН. Мы и до „Знамени“ доберемся, доберемся до всех», – зловеще заключил Сталин¹⁰⁰⁴. И мало кто сомневался в том, что будет сделано так, как пообещал вождь.

В литературных кругах того времени довольно прочно утвердилось мнение, что причиной неприязни вождя к Ахматовой была обычная человеческая зависть или ревность – трудно найти подходящее определение. По словам Л.К. Чуковской, она полагала также, что Сталин приревновал ее к овациям: в апреле 1946 года Ахматова читала свои стихи в Колонном зале, в Москве, и публика аплодировала стоя. Аплодисменты стоя причитались, по убеждению Сталина, ему одному – вдруг толпа устроила овацию какой-то поэтессе. По слухам, Сталин был разгневан пылким приемом, который оказывали Ахматовой слушатели. Согласно одной из версий, Сталин спросил после какого-то вечера: «Кто организовал вставание?»

---

¹⁰⁰³ Власть и художественная интеллигенция. С. 570.

¹⁰⁰⁴ Власть и художественная интеллигенция. С. 571 – 572.

Трудно судить, насколько правдоподобны такие слухи. Лично мне они кажутся весьма сомнительными. Как-то не укладывается в сознании, что Сталин, имя которого гремело на весь мир, мог испытывать чувство зависти к аплодисментам в адрес поэтессы.

Нужно сказать, что обиженными и даже оскорбленными считали себя многие литераторы, о чем свидетельствуют сводки-донесения агентуры госбезопасности Сталину о реакции писателей на постановление. Однако публично высказывалось лишь одобрение принятому решению. Только М. Зощенко осмелился выступить в свою защиту, вернее, написать в августе 1946 года письмо вождю, в котором он дезавуировал обвинения в свой адрес. В заключение своего послания Сталину он написал: «Я ничего не ищущу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Мне весьма тяжело быть в Ваших глазах литературным пройдохой, низким человеком или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Это ошибка. Уверяю Вас.

Мих. Зощенко»¹⁰⁰⁵.

Другой главный персонаж принятого постановления – А. Ахматова – обратилась с личным письмом к Сталину лишь в апреле 1950 года. Причем письмо ее касалось совсем не литературных дел, а судьбы ее сына. Вот текст этого письма:

«24 апреля 1950 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Вправе ли я просить Вас о снисхождении к моему несчастью.

6 ноября 1949 г. в Ленинграде был арестован мой сын, Лев Николаевич Гумилев, кандидат исторических наук. Сейчас он находится в Москве (в Лефортове).

Я уже стара и больна и я не могу пережить разлуку с единственным сыном.

Умоляю Вас о возвращении моего сына. Моей лучшей мечтой было увидеть его работающим во славу советской науки.

Служение Родине для него, как и для меня, священный долг.

Анна Ахматова»¹⁰⁰⁶.

Никакого ответа она, конечно, не получила.

Отвлекаясь несколько в сторону, хочу принести покаяние в связи с тем, что во втором томе моей трилогии о Сталине я дал совершенно ошибочное толкование одному из ее шагов, предпринятых в это примерно время. Прочитав хвалебные строки в ее стихотворении о Сталине, я задавал

---

¹⁰⁰⁵ Власть и художественная интеллигенция. С. 597 – 598.

¹⁰⁰⁶ Власть и художественная интеллигенция. С. 662.

риторический вопрос: чем руководствовалась она, когда писала этот стих? Я не допускал даже мысли, что это было продиктовано чувством холуйского подхалимажа, ибо она была выше этого. Значит, все же в основе лежали другие мотивы, скорее всего – вполне искренние, а не навязанные свыше.

Так писал я тогда. Сейчас для меня совершенно ясно, что главным мотивом, толкнувшим ее написать хвалебное в адрес вождя стихотворение, было простое человеческое чувство – как-то облегчить участь своего сына, найти с этой стороны подход к сердцу бессердечного вождя. И едва ли у кого-нибудь хватит совести и ума упрекнуть ее за это политическое лицемерие – она просто пыталась спасти своего сына. И в этом нет и не могло быть ничего позорного или недозволенного нравственными нормами и принципами. Осуждать ее способен лишь тот, кто вообще лишен чувства сострадания.

Проводя исключительно жесткую и порой выходящую за рамки разумного политику в области литературы, Сталин вместе с тем стремился создать о себе впечатление как о человеке, который на первое место, помимо сугубо идеологических критериев, ставит правдивость, объективность и достоверность. Известны случаи, когда при обсуждении выдвинутых на соискание сталинских премий произведений, он демонстративно упрекал авторов отдельных произведений в нарушении исторической правды и требовал исправлять такие моменты. Так, он отметил в качестве недостатка повести Э. Казакевича то, что в ней не отражена роль маршала Жукова. А последний, начиная с 1946 года, находился в опале у Сталина. Причины этой опалы одни видят в чувстве ревности по отношению к Жукову, которого негласно считали главным полководцем войны, тем самым якобы принижая самого вождя или ставя маршала Жукова на одну доску с самим Сталиным. Приведу иллюстрацию такой (возможно, чисто показной, демонстративной) объективности Сталина.

«– В романе есть недостатки, – сказал Сталин, заключая обсуждение „Весны на Одере“. – Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского. Вот эта сторона в романе товарища Казакевича неверная. Есть в романе член Военного совета Сизокрылов, который делает там то, что должен делать командующий, заменяет его по всем вопросам. И получается пропуск, нет Жукова, как будто его и не было. Это неправильно. А роман „Весна на Одере“ талантливый. Казакевич писать может и пишет хорошо. Как же тут решать вопрос? Давать или не давать ему премию? Если решить этот вопрос положительно, то надо сказать товарищу Казакевичу, чтобы он потом это учел и исправил, неправильно так делать. Во всяком случае так пропускать,

как он пропустил, – значит делать неправильно»¹⁰⁰⁷.

Завершить этот затянувшийся раздел мне хотелось бы оценкой того, как Сталин разбирался в литературе, данной Симоновым. Эта оценка может помочь читателю лучше понять и характер чистки в литературе, которая осуществлялась при Сталине.

Симонов писал: «Прежде всего он действительно любил литературу, считал ее самым важным среди других искусств, самым решающим и в конечном итоге определяющим все или почти все остальное. Он любил читать и любил говорить о прочитанном с полным знанием предмета. Он помнил книги в подробностях. Где-то у него была – для меня это несомненно – некая собственная художественная жилка, может быть, шедшая от юношеского занятия поэзией, от пристрастия к ней, хотя в общем-то он рассматривал присуждение премий как политик, как дело прежде всего политическое, и многочисленные его высказывания, которые я слышал, подтверждают это. В то же время некоторые из этих книг он любил как читатель, а другие нет. Вкус его отнюдь не был безошибочен. Но у него был свой вкус. Не буду строить домыслов насчет того, насколько он любил Маяковского или Пастернака, или насколько серьезным художником считал Булгакова. Есть известные основания считать: и в том, и в другом, и в третьем случае вкус не изменял ему. В других случаях изменял. Резкая, нервная манера письма, полная преувеличений, гиперболических подробностей, свойственная, скажем, Василевской, была ему по душе. Он любил эту писательницу и огорчался, когда она кому-то не нравилась. В то же время ему нравились вещи совершенно другого рода: книги Казакевича, „В окопах Сталинграда“ Некрасова».

Оценки Симонова в его чрезвычайно интересной, правдивой книге о Сталине и событиях, связанных с политикой вождя в сфере литературы, проливают свет на многие факты и события. Приведенная выше точка зрения Симонова также взята из его работы, цитировавшейся выше. Мне остается лишь выразить свое восхищение этой книгой, а заодно и указать источник, из которого взята приведенная выше цитата: журнал «Знамя». 1988 г. С. 79. Здесь, на проблемах литературы, я полагаю, можно поставить точку, хотя, конечно, этот раздел оставляет желать лучшего исполнения.

Кино и театр

Сталин, безусловно, любил и высоко ценил искусство кино и театра. Это признают все, кто сталкивался с ним и имел возможность наблюдать за его реакцией на то или иное

---

¹⁰⁰⁷ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. «Знамя». 1988 г. № 4. С. 76.

произведение – будь то фильм, театральная постановка, концерт, сольные выступления известных певцов, ансамблей и т.д. Художественные вкусы вождя не носили экстравагантного характера и не выходили за рамки традиционных. Но тем не менее его сугубо личные симпатии и антипатии, а также пристрастия или откровенная неприязнь откладывали свой тяжелый отпечаток на то, как складывалась обстановка в мире искусства. В каком-то смысле его вкусы постепенно превращались в доминирующий фактор, определявший многое как в области кино, театра, музыки и т.д. Это явление – явно аномальное, а в условиях безраздельного господства, если так можно выразиться, монополии в области духовной жизни, данное обстоятельство превращалось в серьезный тормоз как общего развития так и многообразия художественного творчества. Поскольку по самой своей природе оно не приемлет никакой монополии – ни монополии власти, ни монополии идеологии, ни монополии политики, не говоря уже о разного рода сугубо конъюнктурных факторах. Отсюда и проистекали многие крайне негативные явления, характеризовавшие творческую жизнь советского общества в сталинскую эпоху.

Сам вождь, как я уже упоминал, любил литературу и искусство. Для иллюстрации его художественных предпочтений приведу высказывание А. Громыко, который имел не раз возможность убедиться в этом. А. Громыко писал:

«Когда разговор заходит о Сталине, задают иногда вопрос:

– Как он относился к искусству, литературе, особенно художественной?

Думаю, едва ли кто-нибудь возьмется дать на этот вопрос точный ответ. Мои собственные впечатления сводятся к следующему.

Музыку Сталин любил. Концерты, которые устраивались в Кремле, особенно с участием вокалистов, он воспринимал с большим интересом, аплодировал артистам. Причем любил сильные голоса, мужские и женские. С увлечением он – я был свидетелем этого – слушал классическую музыку, когда за роялем сидел наш выдающийся пианист Эмиль Гилельс. Восторженно отзывался о некоторых солистах Большого театра, например об Иване Семеновиче Козловском.

Помню, как во время выступления Козловского на одном из концертов некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню. Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

– Зачем нажимать на товарища Козловского. Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского „Евгений Онегин“.

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием.

Что касается литературы, то могу определенно утверждать, что Сталин

читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Труднее мне говорить о его знаниях в области иностранной литературы. Но, судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана – и последнего очень хвалил, – а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник»¹⁰⁰⁸.

Но, как говорится, вкусы вкусами, а политика в области духовной жизни общества – это нечто иное. И здесь Сталин проявлял себя до крайности жестким, придирчивым и непримиримым. Он не жалел самых убийственных эпитетов, когда речь шла об оценке произведения, которое, по его мнению, было политически вредным и противоречило так называемому курсу партии в области духовной жизни. Здесь я остановлюсь на нескольких постановлениях ЦК партии по вопросам кино и театра, а также приведу наиболее характерные эпизоды, раскрывающие суть подходов Сталина к кинофильмам и вообще произведениям художественного творчества.

Еще во время войны, в феврале 1944 года, было принято партийное постановление «Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко „Украина в огне“». При принятии этого постановления Сталин лично и самым детальным образом формулировал основные обвинения, ставившиеся в вину талантливейшему украинскому режиссеру А. Довженко. Сталин, в частности, ставил в вину режиссеру следующее:

«Тов. Довженко написал киноповесть под названием „Украина в огне“. В этой киноповести, мягко выражаясь, ревизуется ленинизм, ревизуется политика нашей партии по основным, коренным вопросам. Киноповесть Довженко, содержащая грубейшие ошибки антиленинского характера, – это откровенный выпад против политики партии. Что это действительно так, в этом может убедиться всякий, кто прочтет повесть Довженко „Украина в огне“. Довженко предпослал своей киноповести небольшое, но весьма показательное предисловие. В этом предисловии имеются такие строки: „Если в силу остроты моих переживаний, сомнений или заблуждений сердца какие-либо суждения мои окажутся несвоевременными, или слишком горькими, или недостаточно уравновешенными другими суждениями, то это, возможно, так и есть“¹⁰⁰⁹.

---

¹⁰⁰⁸ А.А. Громыко. Памятное. Книга первая. С. 203 – 204.

¹⁰⁰⁹ «Литературный фронт». История политической цензуры 1932 – 1946 гг. Сборник документов. М. 1994. С. 112.

Обвинение, мягко говоря, в условиях войны было такое, что его можно было бы посчитать и своего рода приговором. Ибо в тех условиях попытка ревизовать политику партии по основным вопросам являлась равносильной преступлению политического характера. Но этого обвинения вождю показалось недостаточно. Он дополняет перечень прегрешений режиссера: „В своей киноповести Довженко критикует политику партии в области колхозного строительства. Он изображает дело так, будто бы колхозный строй убил в людях человеческое достоинство и чувство национальной гордости, ослабил силу и стойкость советского народа“¹⁰¹⁰.

Сталин расширяет круг обвинений, присовокупляя к ним обвинение в национализме, которое также считалось тогда особенно опасным: „Далее, националистическая пелена настолько застлала сознание Довженко, что он перестал видеть ту, для всех очевидную, огромную воспитательную работу, которую проделала наша партия в народе по развитию его политического самосознания и повышению его культуры. Только человек, рассматривающий с предвзятых, антиленинских позиций великую созидательную, прогрессивную работу нашей партии и нашего государства, может не заметить того огромного роста сплоченности, политической активности, сознания и культурности советского народа, который стал возможным на почве наших общих успехов“¹⁰¹¹.

И заканчивает вождь в духе, который нам уже хорошо знаком по предшествующим его высказываниям. „Довженко пытается со своих националистических позиций критиковать и поучать нашу партию. Но откуда у Довженко такие претензии? Что он имеет за душой, чтобы выступить против политики нашей партии, против ленинизма, против интересов всего советского народа. С ним не согласимся мы, не согласится с ним и украинский народ. Стоило бы только напечатать киноповесть Довженко и дать прочесть народу, чтобы все советские люди отвернулись от него, разделали бы Довженко так, что от него осталось бы одно мокрое место. И это потому, что националистическая идеология Довженко рассчитана на ослабление наших сил, на разоружение советских людей, а ленинизм, то есть, идеология большевиков, которую позволяет себе критиковать Довженко, рассчитана на дальнейшее упрочение наших позиций в борьбе с врагом, на нашу победу над злейшим врагом всех народов Советского Союза – немецкими империалистами“¹⁰¹².

---

¹⁰¹⁰ «Литературный фронт». С. 116.

¹⁰¹¹ «Литературный фронт». С. 116 – 117.

¹⁰¹² «Литературный фронт». С. 121.

Это было в период войны. После войны внимание Сталина к кино, я бы сказал, значительно усилилось, ибо он превосходно понимал, насколько велика роль киноискусства в формировании духовного облика советского общества, каждого советского человека. По инициативе Сталина в создании кинофильмов был сделан сдвиг в сторону исторической тематики: по его указанию режиссерами был создан ряд кинокартин, посвященных видным деятелям российской истории – полководцам, ученым, деятелям культуры и т.д. – например, „Адмирал Нахимов“, „Пирогов“ и др. Это, разумеется, не означало, что в тени оставались темы современности. И здесь, как обнаружил Сталин, имелись серьезные ошибки и провалы. Это видно на примере постановления ЦК партии о второй серии фильма „Большая жизнь“, принятого в сентябре 1946 года при участии Сталина. Он лично критиковал этот фильм, детально разбирая отдельные эпизоды и давал им соответствующую оценку. В целом этот фильм был квалифицирован как порочный в идейно-политическом и крайне слабый в художественном отношении.

В чем вождь увидел основные пороки этого фильма?

В постановлении говорилось:

„В чем состоят пороки и недостатки фильма „Большая жизнь“?

В фильме изображен лишь один незначительный эпизод первого приступа к восстановлению Донбасса, который не дает правильного представления о действительном размахе и значении проведенных Советским государством восстановительных работ в Донецком бассейне...

Фильм „Большая жизнь“ проповедует отсталость, бескультурье и невежество. Совершенно немотивированно и неправильно показано постановщиками фильма массовое выдвижение на руководящие посты технически малограмотных рабочих с отсталыми взглядами и настроениями. Режиссер и сценарист фильма не поняли, что в нашей стране высоко ценятся и смело выдвигаются люди культурные, современные, хорошо знающие свое дело, а не люди отсталые и некультурные...“¹⁰¹³

В итоге выход второй серии фильма на экран был запрещен.

Я не стану в деталях рассматривать другие постановления, касающиеся кино, а остановлюсь более детально на беседе Сталина с режиссером фильма „Иван Грозный“ С. Эйзенштейном и актером Н. Черкасовым – главными создателями фильма. Но прежде несколько ремарок Сталина при обсуждении фильма на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1946 году. Вождь упрекал создателей фильма в том, что они недобросовестно отнеслись к своей работе. „Получается общее впечатление, что постановщики и режиссеры очень мало работают над предметами, которые хотят демонстрировать, очень легко относятся к своим обязанностям. Я бы сказал, что иногда эта легкость

---

¹⁰¹³ Власть и художественная интеллигенция. С. 598 – 599.

доходит до преступности. Люди предмет не изучают, дело не представляют, а пишут сценарий. Это недобросовестное отношение... У нас есть, например, поэты, которые в месяц могут две поэмы написать, а вот возьмите Гете, он 30 лет работал над „Фаустом“, до того честно и добросовестно относился к своему делу. Легкое отношение к делу со стороны авторов некоторых произведений является основным пороком, который приводит режиссеров и постановщиков к выпуску таких фильмов“¹⁰¹⁴.

Касаясь второй серии фильма „Иван Грозный“, Сталин заявил: „Не знаю, видел ли кто его, я смотрел, – омерзительная штука! Человек совершенно отвлекся от истории. Изобразил опричников, как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского Ку-Клукс-Клана. Эйзенштейн не понял того, что войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство, против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У Эйзенштейна старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали, как репрессии Николая Второго, и совершенно отвлекались от исторической обстановки, в которой это происходило. В наше время другой взгляд на опричнину. Россия, раздробленная на феодальные княжества, т.е. на несколько государств, должна была объединиться, если не хотела подпасть под татарское иго второй раз. Это ясно для всякого и для Эйзенштейна должно было быть ясно. Эйзенштейн не может не знать этого, потому что есть соответствующая литература, а он изобразил каких-то дегенератов. Иван Грозный был человеком с волей, с характером, а у Эйзенштейна он какой-то безвольный Гамлет. Это уже формалистика. Какое нам дело до формализма, – вы нам дайте историческую правду“¹⁰¹⁵.

А теперь несколько пассажей из беседы Сталина с Эйзенштейном и Черкасовым, которая состоялась в феврале 1947 года. Эти пассажи любопытны и интересны не только с точки зрения того, как вождь оценивал сам фильм и его пороки. Они помогают лучше понять взгляды Сталина не только на российскую историю вообще, но и на то, что необходимо внедрять в сознание народа высокий дух патриотизма, гордости за свою отчизну, величие ее исторической роли и предназначения.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для

---

¹⁰¹⁴ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 421.

¹⁰¹⁵ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 422.

Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы»¹⁰¹⁶.

В этих словах Сталина содержится целостная программа намечавшейся им кампании по борьбе против преклонения перед границей, программа укрепления державных позиций Российского государства. И трудно в этом усмотреть какой-то исторический криминал.

Далее Сталин высказал свое более чем позитивное отношение к тем преследованиям и казням, которые совершались во время царствования Ивана Грозного. Здесь он коренным образом пересмотрел утвердившуюся прежде в советской исторической науке негативную оценку политики Ивана Грозного. «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким, – сделал на этом акцент Сталин. – Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее»¹⁰¹⁷.

Вне поля внимания вождя не остались даже с первого взгляда мелочи. Он, например, замечает: «Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии не верно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена это не допускалось»¹⁰¹⁸.

В заключение беседы Сталин счел необходимым вновь возвратиться к оценке личности и исторической роли Ивана Грозного. Он еще раз подчеркнул, что Иван Грозный был более национальным царем, более предусмотрительным, он не впускал иностранное влияние в Россию, а вот Петр – открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев.

Разговор кончается тем, что Сталин желает успеха и говорит: «Помогай

---

¹⁰¹⁶ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 433 – 434.

¹⁰¹⁷ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 434.

¹⁰¹⁸ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 434.

бог!»¹⁰¹⁹

И в то время многим было ясно, что Сталин намеренно акцентировал внимание на фигуре царя, на его репрессиях, на его неприязни к проникновению иностранцев в Россию и на других моментах, приобретающих в тот период все большее политическое звучание. Вождь, конечно, мысленно проводил параллель между собой и Иваном Грозным, хотя именно ему принадлежит фраза, что исторические параллели всегда рискованны. Но в данном случае он ничем не рисковал, ибо такие параллели напрашивались сами собой и приходили на ум не только сторонникам Сталина, но и его противникам. Вождь хотел, чтобы зрители видели в Иване Грозном жестокого, но справедливого правителя. Такого правителя, каким он представлял и сам себя:

Остается широкими мазками обрисовать политику Сталина в области театрального искусства. Она в данном случае мало чем по своему существу отличается от политики в других сферах духовной жизни общества времен правления Сталина. Наиболее концентрированное выражение эта политика нашла в постановлении ЦК партии «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г. Постановление признало состояние репертуара театров неудовлетворительным. Главный недостаток состояния репертуара драматических театров заключается в том, что пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров страны... Явно ненормальное положение с репертуаром еще более усугубляется тем, что и среди небольшого количества пьес на современные темы, поставленных театрами, имеются пьесы слабые, безыдейные (далее следует перечисление некоторых пьес, поставленных театрами). Как правило, советские люди в этих пьесах изображаются в уродливо-карикатурной форме, примитивными и малокультурными, с обывательскими вкусами и нравами...

К тому же многие театры безответственно относятся к постановкам спектаклей о советской жизни. Нередко руководители театров поручают ставить эти спектакли второстепенным режиссерам, привлекают к игре слабых и неопытных актеров, не уделяют должного внимания художественному оформлению театральных постановок, вследствие чего спектакли на современные темы получаются серыми и малохудожественными. Все это приводит к тому, что многие драматические театры не являются на деле рассадниками культуры, передовой советской идеологии и морали. Такое положение дел с репертуаром драматических театров не отвечает интересам воспитания трудящихся и не может быть терпимо в советском театре¹⁰²⁰.

---

¹⁰¹⁹ *И. Сталин.* Соч. Т. 18. С. 440.

¹⁰²⁰ *Власть и художественная интеллигенция.* С. 591 – 592.

Сталин считал, что одной из важных причин крупных недостатков в репертуаре драматических театров является неудовлетворительная работа драматургов. Многие драматурги стоят в стороне от коренных вопросов современности, не знают жизни и запросов народа, не умеют изображать лучшие черты и качества советского человека. Перед драматургами и работниками театров была поставлена задача: создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке. Драматурги и театры должны отображать в пьесах и спектаклях жизнь советского общества в ее непрестанном движении вперед, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны¹⁰²¹.

Музыка

Конечно, не осталось вне зоны зубодробительной критики и положение в области музыкального искусства. 10 февраля 1948 г. было принято постановление Политбюро «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели». В постановлении отмечалось, что поставленная Большим театром Союза ССР в дни 30-й годовщины Октябрьской революции опера, является порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением. Основные недостатки авторы постановления узрели прежде всего в музыке оперы. Музыка оперы невыразительна, бедна. В ней нет ни одной запоминающейся мелодии или арии. Она сумбурна и дисгармонична, построена на сплошных диссонансах, на режущих слух звукосочетаниях. Не обошлось и без обвинений почти политического свойства. Так, в постановлении указывалось, что исторически фальшивой и искусственной является фабула оперы, претендующая на изображение борьбы за установление советской власти и дружбы народов на Северном Кавказе в 1918 – 1920 гг.¹⁰²²

Чрезвычайно суровой и резкой была оценка положения в сфере музыкального искусства большого жанра. В постановлении отмечалось, что особенно плохо обстоит дело в области симфонического и оперного творчества. Речь идет о композиторах, придерживающихся формалистического, антинародного направления. Это направление нашло свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как т.т. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н.

---

¹⁰²¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 593 – 594.

¹⁰²² Власть и художественная интеллигенция. С. 630.

Мясковский и др., в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам. Характерными признаками такой музыки является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением «прогресса» и «новаторства» в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик¹⁰²³.

Финальный вердикт был столь же лаконичным, сколь и традиционным: осудить формалистическое направление в советской музыке, как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки.

В порядке, так сказать, морально-психологической подготовки к восприятию постановления об опере Мурадели в январе 1948 года в ЦК партии под руководством А. Жданова состоялось совещание по вопросам музыки, основная цель которого состояла в том, чтобы вдолбить в сознание недогадливых композиторов то, что от них требовалось, а именно: взять на вооружение идеи и положения, которые через пару недель были сформулированы в постановлении. Это зубодробительное постановление должно было стать своеобразным маяком, указывающим верный путь дальнейшего развития музыкального искусства в Советской России. То, что именно эта опера оказалась объектом ожесточенных нападков и истерической критики, послужило, видимо, то обстоятельство, что она была написана к 30-летию Советской власти и должна была стать ярким примером успешного развития советского музыкального искусства, равно как и торжества принципа дружбы народов.

Но за дело взялись такие «компетентные» не только в области музыки, но и вообще во всех сферах искусства и культуры деятели, как А. Жданов. Не случайно в историю нашей страны прочно вошло понятие «ждановщина». В этом понятии как бы в концентрированном виде соединены все негативные стороны политики Сталина в духовной сфере, выразившиеся в серии различных кампаний, затрагивавших почти все основные области культуры, искусства и науки. Сейчас кажется нелепым и даже оскорбительным для самой культуры тот факт, что ею безраздельно командовали столь узко и односторонне мыслящие люди, как Жданов. Но Сталин не случайно главную роль в «наведении порядка на идеологическом фронте» возложил на

---

¹⁰²³ Власть и художественная интеллигенция. С. 631.

Жданова. Тот беспрекословно выполнял все указания вождя, порой доводя их до абсурда. Его имя стало ассоциироваться с организатором идеологических погромов, что в принципе недалеко от истины. Прошли 60 лет, а его зубодробительные и безапелляционные суждения о литературных и художественных произведениях того периода до сих пор не забыты.

Достаточно привести несколько иллюстративных примеров, чтобы представить себе, с какой безапелляционностью Жданов выносил свои вердикты по вопросам, явно выходящим за пределы его компетентности. «Говоря об основных недостатках оперы, необходимо прежде всего сказать о ее музыке. В музыке оперы нет ни одной запоминающейся мелодии. Музыка не доходит до слушателя. Не случайно довольно значительная и достаточно квалифицированная аудитория, состоявшая не менее чем из 500 человек, не реагировала в течение спектакля ни на одно место в опере.

Музыка оперы оказалась очень бедной. Замена мелодичности нестройными и вместе с тем очень шумными импровизациями привела к тому, что опера по большей части представляет сумбурный набор крикливых звуко сочетаний. Возможности оркестра в опере использованы крайне ограничено. На значительном протяжении оперы в музыкальном сопровождении участвует лишь несколько инструментов, и только изредка, иногда в самых неожиданных местах, включается весь оркестровый ансамбль в виде бурных и нестройных, зачастую какофонических интервенций, будоражащих нервы слушателя и бурно влияющих на его настроение. Производит гнетущее впечатление негармоничность, несоответствие музыки переживаниям действующих лиц и настроениям и событиям, которые изображаются на сцене в ходе развертывания содержания оперы»¹⁰²⁴.

И, видимо, чтобы как-то рассмешить столь компетентную аудиторию, А. Жанов прибег к плоскому юмору: «Надо сказать прямо, что целый ряд произведений современных композиторов настолько перенасыщен натуралистическими звуками, что напоминает, простите за неизящное выражение, не то бормашину, не то музыкальную душегубку. Просто сил никаких нет, обратите вы на это внимание! (*Смех, аплодисменты.*)»¹⁰²⁵

Выступавшие композиторы не полемизировали со Ждановым, ибо это было бы неслыханным актом протеста или саботажа. Лишь Д. Шостакович, выступавший, кстати, дважды, полунамеком дал понять партийному боссу, что творить музыкальное произведение – это не промывать мозги людям, которые знают толк в музыке. «Мелодия – гораздо большее: это мысль, это движение, это душа музыкального произведения. Подобрать несколько звуков не так уж трудно, но сделать мелодию очень трудно. Для этого

---

¹⁰²⁴ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). (Стенограмма.) М. 1948. С. 6.

¹⁰²⁵ Там же. С. 143.

требуется, помимо таланта, еще очень большое умение»¹⁰²⁶.

И уж совсем диссонансом со всем духом выступления Жданова прозвучали следующие слова Д. Шостаковича: «Мне кажется, наша музыка, при большом количестве недостатков и неудачных произведений, все-таки двигается вперед широким фронтом. Широкий фронт – это симфонии, оратории, музыка камерная, песенная, романсовая и так далее. Я не знаю такого хода широким фронтом музыкального искусства в других странах, за рубежом нашего отечества. Нет этого там. Это возможно только у нас»¹⁰²⁷.

На этом я завершу беглый обзор политических кампаний Сталина в сфере литературы, театра, кино и музыки. Прежде чем делать общие выводы и оценки, необходимо хотя бы вкратце остановиться на дискуссиях по вопросам различных направлений науки, которые велись примерно в это же время.

Дискуссии в отдельных областях науки

Прежде чем дать краткий обзор некоторых дискуссий в отдельных областях науки, следует сразу же сделать важную оговорку. В отечественной и зарубежной исторической литературе общепринятым считается мнение, что все дискуссии в этой сфере являлись от начала до конца проявлением произвола Сталина и что они принесли только вред дальнейшему развитию различных направлений научной деятельности. На мой взгляд, такая оценка грешит явной предвзятостью и не соответствует действительности. Разумеется, некоторые из этих дискуссий, особенно в области биологии, нанесли серьезный ущерб и серьезно затормозили движение вперед в некоторых научных областях. Однако они имели и положительные элементы, поскольку, во-первых, повернули внимание всего общества к проблемам научного развития; во-вторых, в ряде научных областей способствовали ликвидации ситуации, при которой отдельные монопольные группы ученых, как говорится, зажимали рот всем, кто расходился с ними в интерпретации той или иной научной проблемы. Последнее обстоятельство было особенно важным в условиях, когда научное творчество и без того находилось под неусыпным контролем партийного чиновничества.

Субъективно сам Сталин и не помышлял о том, чтобы нанести какой-либо вред развитию научного творчества и соревнованию различных научных школ, ибо сопоставление и столкновение отличных мнений только способствовало движению вперед. А развитию научной сферы вождь

---

¹⁰²⁶ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 160.

¹⁰²⁷ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 161.

придавал не меньшее значение, чем другим сферах духовной жизни советского общества. Более того, ставка на интенсивное развитие научных исследований во всех областях занимала приоритетное место в глобальных планах вождя, особенно учитывая нараставшее соперничество со странами Запада. Сталин верил в огромный творческий потенциал советских ученых, считая, что они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны¹⁰²⁸.

Ю.А. Жданов – сын А.А. Жданова и некоторое время зять самого Сталина (его дочь Светлана после развода с Г. Морозовым вышла замуж за Ю.А. Жданова¹⁰²⁹) – многократно имевший беседы со Сталиным по вопросам науки (некоторое время он работал заведующим созданного отдела науки ЦК партии) приводит следующий разговор со Сталиным, состоявшийся в 1947 году.

Речь шла о перспективах развития высшего образования. Тогда Сталин дал указание о строительстве нового здания Московского университета. А по поводу университетов вообще он высказал следующие соображения:

«Наши университеты после революции прошли три периода.

В первый период они играли ту же роль, что и в царское время. Они были основной кузницей кадров. Наряду с ними лишь в очень слабой мере развивались рабфаки.

Затем, с развитием хозяйства и торговли, потребовалось большое количество практиков, дельцов. Университетам был нанесен удар. Возникло много техникумов и отраслевых институтов. Хозяйственники обеспечивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Институты съели университеты.

Сейчас у нас слишком много университетов. Следует не насаждать новые, а улучшать существующие.

Нельзя ставить вопрос так: университеты готовят либо преподавателей, либо научных работников. Нельзя преподавать, не ведя и не зная научной работы.

Человек, знающий хорошо теорию, будет лучше разбираться в практических вопросах, чем узкий практик. Человек, получивший университетское образование, обладающий широким кругозором, будет полезнее для практики, чем, например, химик, ничего не знающий, кроме

---

¹⁰²⁸ И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 15.

¹⁰²⁹ Ю. Жданов в своих воспоминаниях писал, что его тесть был недоволен разводом своей дочери с сыном А. Жданова. «Осенью 1952 года мы разъехались, но сохранили товарищеские отношения. Помню, Светлана передала мне реакцию отца: „Ну и дура! В кой-то веки попался порядочный человек, и не смогла его удержать“. В мемуарах она об этом не упоминала».

Ю.А. Жданов . Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004. С. 74.

своей химии.

В университеты следует набирать не одну лишь зеленую молодежь со школьной скамьи, но и практиков, прошедших определенный производственный опыт. У них в голове уже имеются вопросы и проблемы, но нет теоретических знаний для их решения.

На ближайший период следует большую часть выпускников оставлять при университетах. Насытить университеты преподавателями»¹⁰³⁰.

Едва ли нужно комментировать данное высказывание Сталина. Он, конечно, смотрел вперед и желал, чтобы с точки зрения подготовки научных кадров наша страна не отставала от западных соперников. В частности, и этим объясняются мотивы развертывания дискуссий в отдельных областях науки.

Начало дискуссиям было положено в 1947 году **дискуссией по философии**, организованной по инициативе Сталина. Она развернулась на основе обсуждения изданной в 1946 году книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Сталин имел в виду привлечь внимание обществоведов к актуальным проблемам марксистско-ленинской философии, активизировать творческую мысль ученых, поднять уровень всей теоретической работы. И хотя сам Сталин непосредственного участия в дискуссии не принимал, основные направления ее критического духа и акценты на те или иные аспекты проблем философии, базировались на его принципиальных установках. В ходе дискуссии был рассмотрен ряд вопросов марксистско-ленинской философии, определены задачи ее развития в связи с практикой и достижениями других наук.

Серьезного исследования требовали объективные законы развития советского социалистического общества. Речь шла как об изучении этих законов, так и об умелом использовании их на практике. Предстояла дальнейшая разработка проблем этики, эстетики, мировоззренческих аспектов естественнонаучных открытий. Первоочередными оставались задачи усиления критики буржуазной идеологии.

В докладах и выступлениях критиковались попытки объективистского изложения философской мысли прошлого. Особое внимание было уделено критике преклонения перед философами идеалистического направления, недооценки вклада российских и советских философов в эту науку. Вместе с тем в ходе обсуждения проявилась определенная недооценка преемственности в развитии философской мысли, роли предшественников марксизма. Развитие марксистско-ленинской философии продолжалось в направлении исследования актуальных проблем диалектического и исторического материализма, а также вопросов логики, психологии, систематической разработки истории философии.

---

¹⁰³⁰ Ю.А. Жданов . Взгляд в прошлое. С. 182.

Особое место в дискуссиях приобрела дискуссия по **проблемам биологии**, оставившая глубокий и крайне негативный след на этой отрасли науки. Сталин был у истоков этой дискуссии и фактически направлял весь ее ход. Роль злого гения здесь сыграл академик Т.Д. Лысенко, с именем которого стала ассоциироваться самая черная полоса в развитии не только биологии, но советской науки вообще. Дискуссия о положении в биологической науке проходила в рамках сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), где с докладом выступил Лысенко. Еще задолго до начала сессии Сталин однозначно занял позицию в поддержку взглядов Лысенко. Как свидетельствует В.А. Малышев, бывший в то время заместителем председателя Совета Министров, Сталин сказал, что в партии личных взглядов и личных точек зрения нет, а есть взгляды партии. Ю. Жданов поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко. Это неправильно. «Нельзя забывать, – сказал Сталин, – что Лысенко – это сегодня Мичурин в агротехнике. Нельзя забывать и того, что Лысенко был первым, кто поднял Мичурина как ученого. До этого противники Мичурина называли его замухрышкой, провинциальным чудаком, кустарем и т.д.

Лысенко имеет недостатки и ошибки как ученый и человек, его надо контролировать, но ставить своей задачей уничтожить Лысенко как ученого – это значит лить воду на мельницу разных жебраков» (А. Жебраков – профессор, одно время возглавлял отдел науки ЦК партии – Н.К.)¹⁰³¹.

Сталин по каким-то причинам считал, что Лысенко способен коренным образом изменить положение в области генетики и тем самым сдвинуть с мертвой точки развитие науки, с помощью которой можно быстро поднять сельское хозяйство страны. Еще за год до дискуссии он написал письмо Лысенко, в котором, в частности, говорилось: «Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину.

С уважением И. Сталин

31X47 г.»¹⁰³².

Лысенко давал обещания Сталину о получении урожая ветвистой пшеницы в 100 центнеров с гектара уже в 1948 году и в доведении посевных площадей под этой пшеницей до 100 тысяч гектаров к 1951 году. Эти проекты оказались неосуществленными. Но все это выяснилось лишь через несколько лет, а пока вождь лично прочитал доклад, подготовленный

---

¹⁰³¹ «Источник». 1997 г. № 5. С. 135.

¹⁰³² Жорес Медведев, Рой Медведев. Неизвестный Сталин. М. 2001. С. 242.

Лысенко, и внес в него ряд поправок и добавлений. Как пишет Ж. Медведев, Сталин внимательно прочитал все 49 страниц доклада Лысенко. Он зачеркнул второй раздел доклада, который назывался «Основы буржуазной биологии ложны». На полях против заявления Лысенко, что «любая наука классовая», Сталин написал: «ХА-ХА-ХА... А математика? А дарвинизм?» В одном из разделов Лысенко критиковал воззрения Т.Х. Моргана и В.Л. Иоганнсена. Против этого места Сталин написал на полях: «А ВЕЙСМАН?» После этой заметки Сталина Лысенко и его помощники добавили в доклад еще двенадцать абзацев с критикой Вейсмана. Сталин везде удалял термин «буржуазный». Например, «буржуазное мировоззрение» в докладе Лысенко было заменено на «идеалистическое мировоззрение», «буржуазная генетика» стала «реакционной генетикой». В другом разделе доклада Сталин добавил в текст целый новый абзац, который свидетельствовал о том, что ламаркистские взгляды молодого Сталина, заметные в его очерке «Анархизм или социализм» 1906 года, сохранились. Сталин дополнительно вставил в одно из предложений утверждение о том, что положения ламаркизма о наследовании приобретенных признаков вполне научны. «Нельзя отрицать того, – приписал Сталин, – что в споре, разгоревшемся в начале XX в. между вейсманистами и ламаркистами, последние были ближе к истине, ибо они отстаивали интересы науки, тогда как вейсманисты ударились в мистику и порывали с наукой»¹⁰³³.

Выступая с докладом, Лысенко не преминул сказать о том, что его доклад был просмотрен в ЦК партии и получил там одобрение. Вот и попробуй после этого выступить с критикой доклада или самого Лысенко. Вполне естественно, что сессия ВАСХНИЛ полностью одобрила доклад, в котором дан правильный анализ современного положения в биологической науке. В резолюции по докладу указывалось, что в биологической науке определились два диаметрально противоположных направления: одно направление – прогрессивное, материалистическое, мичуринское... другое направление – реакционно-идеалистическое, вейсманистское (менделевско-моргановское), основателями которого являются реакционные биологи – Вейсман, Мендель, Морган.

Мичуринское направление исходит из того, что новые свойства растений и животных, приобретенные ими под влиянием условий жизни, могут передаваться по наследству. Мичуринское учение вооружает практиков научно-обоснованными методами планомерного изменения природы растений и животных, улучшения существующих и выведения новых сортов сельскохозяйственных культур и пород животных.

...Менделевско-моргановское направление в биологии продолжает идеалистическое метафизическое учение Вейсмана о независимости природы

---

¹⁰³³ См. *Жорес Медведев, Рой Медведев*. Неизвестный Сталин. С. 234.

организма от внешней среды, о так называемом бессмертном «веществе наследственности». Менделеевско-моргановское направление оторвано от жизни и в своих исследованиях практически бесплодно¹⁰³⁴.

Но бесплодным оказался сам Лысенко. Как выяснилось впоследствии, материальные потери, которые понесла страна в результате деятельности Лысенко, не поддаются исчислению – так они велики. Около 300 советских ученых в 1955 году написали письмо в правительство, где давалась убийственная характеристика лысенковщины: «Практические предложения Т.Д. Лысенко теснейшим образом связаны с его теоретическими взглядами... – писали ученые. – По существу, такой же характер имеют генетические взгляды Т.Д. Лысенко, которые он противопоставляет современной генетике.

„Вейсманизм – менделизм – морганизм“ – пугало, придуманное Т.Д. Лысенко и его сторонниками; оно создано ими для того, чтобы под предлогом борьбы с идеализмом клеймить своих противников в любых областях биологии и порочить достижения ряда биологических дисциплин: генетики, цитологии, биоценологии, экологии и др... Под фактическим запретом оказалась экспериментальная эмбриология, из физиологии растений вытравлялось учение о фитогормонах, в значительной степени разработанное у нас в стране, но использованное на практике за рубежом... Отставание советской биологии во всех этих разделах; если немедленно не принять меры к его преодолению, неизбежно приведет к отставанию в развитии народного хозяйства и медицины»¹⁰³⁵.

К лету 1952 года наконец сам Сталин убедился в том, что в деле с возвышением Лысенко и установлением фактически монополярной власти последнего в сфере биологической науки, он сильно оплошал. Почему он пришел к такому выводу? Как мне представляется, отсутствие практических результатов говорило само за себя. Вторую причину Ю. Жданов усматривает в следующем. «Есть точка зрения, что процесс катализировали физики-атомщики. В условиях развития атомной промышленности, возникновения радиологической опасности для работников производства, для военных при испытаниях осваиваемого оружия, в условиях угрозы ядерного нападения нужно было иметь надежные, научно-обоснованные методы установления радиационной опасности, средства защиты от излучения. Необходимо было выяснить генетические последствия облучения, разработать методы лечения при радиационной болезни.

В этих условиях ничем не могли помочь натурфилософские рассуждения, ничего не предложили ни Лысенко, ни его последователи.

Необходимо было мобилизовать опыт тех, кто изучал действие

---

¹⁰³⁴ Академик Т.Д. Лысенко. О положении в биологической науке. М. 1948. С. 61 – 62.

¹⁰³⁵ Хрестоматия по отечественной истории (1946 – 1995 гг.). М. 1996. С. 459 – 460.

радиации, в том числе жесткой, на живые ткани, кто имел опыт исследования рентгеномутантов. Физики требовали развития современной биологии, и в первую очередь генетики.

Очень похоже на то, что развитие атомной промышленности и ядерного оружия оказалось для Сталина решающим аргументом в пользу ликвидации монополии Лысенко»¹⁰³⁶.

Летом 1952 года Сталин дал указание ликвидировать монопольное положение Лысенко в биологической науке. Но сам процесс реализации этого указания занял некоторое время, но фактом является то, что вождь наконец внял голосу здравого смысла.

Однако вред, нанесенный тем явлением, которое получило название лысенковщины, был не только огромным, но – и это весьма важно – он стал, как ядовитые газы, распространяться на некоторые другие отрасли науки. Гонения со стороны Лысенко на своих оппонентов внесли резкое обострение и на других участках науки. Стали планировать проведение аналогичной дискуссии в сфере физики с критикой теории относительности Эйнштейна и физического идеализма в квантовой механике. Некоторые физики из МГУ последовали примеру Лысенко и начали предпринимать атаки на В. Фока, Л. Ландау и других крупных ученых, вносящих огромный вклад в теоретические разработки оборонных проектов. В газетах начали даже публиковать материалы с критикой кибернетики. Словом, идя таким путем, советская наука могла оказаться в болоте. Но этого не случилось, поскольку сами события пошли по другому руслу.

Читатель, вероятно, уже сам сделал вывод о том, что тогда, когда Сталин лично вмешивался в дискуссионные вопросы в областях, где о его компетентности не приходится говорить, результаты оказывались плачевными. Это видно на примере дискуссии о положении в биологической науке. Но в послевоенный период проходили и дискуссии по другим проблемам науки. На всех этих дискуссиях останавливаться нет возможности, тем более, что я, видимо, и так переборщил с детализацией дискуссионных дел. Поэтому в самой лапидарной форме коснусь еще только одной дискуссии, в которой Сталин принимал непосредственное участие и где он, как мне представляется, считал себя более или менее компетентным. Речь идет о **дискуссии по вопросам языкознания**.

Эта дискуссия также была организована по инициативе вождя. Он получал много писем от ученых-лингвистов с жалобами на ненормальное, скорее даже гнетущее положение, сложившееся в этой отрасли науки. Суть состояла в том, что в языкознании безраздельно господствовала так называемая школа академика Н. Марра с его так называемым «новым учением о языке». По совету Сталина один из лингвистов, А. Чикобава,

---

¹⁰³⁶ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 261.

академик Грузинской АН, опубликовал статью, в которой подверг резкой и аргументированной критике ситуацию в сфере языкознания. Его статья дала сигнал началу дискуссии, в которой четырежды выступал на страницах печати лично Сталин. Конечно, он не был специалистом в этой сфере, но общесоциологические и исторические проблемы языкознания ему были более или менее знакомы. Тем более, что он в своем определении нации указал на язык как на один из главных признаков нации.

Полагаю, что мне нет смысла вдаваться в детали дискуссии. Остановлюсь лишь на некоторых положениях, сформулированных Сталиным, которые, как мне кажется, носят конструктивный характер и дают объяснение ряду вопросов, стоявших в эпицентре дискуссии. Речь идет о марксистско-ленинской трактовке ряда проблем. В первую очередь Сталин внес ясность в споры о том, к чему отнести язык – к базису или к надстройке. «Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Взять, например, русское общество и русский язык. На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота»¹⁰³⁷.

Вполне убедительно он раскритиковал тезис о классовом характере языка и подчеркнул его самостоятельную роль. В частности, он указал на то, что язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка как средства общения людей состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества... Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества¹⁰³⁸.

---

¹⁰³⁷ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 104 – 105.

¹⁰³⁸ *См. И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 105 – 106.

В тех условиях это звучало и свежо и актуально, поскольку классовый подход, классовые критерии буквально туманили многим мозги и сильно мешали развитию разных отраслей науки, в особенности в языкознании. В трактовке Сталина все звучало убедительно и выбивало из рук сторонников классового подхода все аргументы. Вождь подчеркивал, что культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же как средство общения является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру¹⁰³⁹.

Весьма актуально и демократически звучала и оценка Сталиным положения, которое сложилось в языкознании. Он подчеркнул, что дискуссия выяснила прежде всего, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н.Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н.Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н.Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать¹⁰⁴⁰.

В тогдашних условиях такая постановка вопроса нашла одобрение в самых широких слоях ученых разных профилей и направлений. Очень позитивно она была воспринята и населением страны, поскольку демонстрировала своего рода демократичность вождя, его стремление дать простор научному и иному творчеству. Особенно широкий отклик нашел призыв Сталина к ликвидации установившегося в языкознании режима гонений и нетерпимости к тем, кто не принадлежал к клану сторонников господствовавшего направления в языкознании. «Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н.Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание – таков, по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание»¹⁰⁴¹.

---

¹⁰³⁹ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 114.

¹⁰⁴⁰ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 122.

¹⁰⁴¹ *И. Сталин*. Соч. Т. 16. С. 124.

Подводя краткий итог, можно сказать, что личное участие Сталина в дискуссии по вопросам языкознания как раз и являло собой пример того, что правильно выбранная позиция, особенно при той безраздельной власти и том авторитете, которыми пользовался верховный вождь, могла весьма благотворно сказаться на развитии науки. Однако данный эпизод, к сожалению, был скорее исключением, нежели правилом. Когда вождь участвовал, к примеру, в дискуссии по экономическим вопросам (на чем я кратко остановлюсь в следующей главе), то это воспринималось вполне естественно. Но вмешательство в вопросы развития биологической науки не могло не привести к негативным результатам.

4. Борьба с космополитизмом

Тема борьбы с космополитизмом чрезвычайно многопланова и охватывает много различных аспектов, органически взаимосвязанных друг с другом. Прежде всего я имею в виду политику так называемого государственного антисемитизма, которую якобы проводил Сталин и которая стала импульсом, давшим толчок началу кампании по борьбе с космополитизмом. Некоторые российские, да и зарубежные авторы возводят эту кампанию чуть ли не во второй холокост в отношении евреев. Поэтому мне так или иначе придется касаться разных сторон этой проблемы, чтобы, с одной стороны – рассмотреть, насколько исторически и с фактической точки зрения обоснован тезис о проведении Сталиным политики государственного антисемитизма, а с другой стороны – осветить хотя бы в самом общем виде практические действия Сталина в связи с так называемым еврейским вопросом. Естественно, здесь не обойдешь и дело против Еврейского антифашистского комитета и некоторые другие аспекты общей проблемы. Отсюда возникает и определенное нарушение в изложении событий с точки зрения хронологии. Но, полагаю, такое нарушение в целом не изменит общего строя изложения, да и неукоснительное следование законам хронологии отнюдь не всегда бывает оправданно интересами раскрытия темы по существу. Так что читатель, хотя и может поставить мне в упрек подобную вольность, но, я повторяю, она продиктована интересами более полного раскрытия поставленной проблемы.

Поэтому я начну, как говорится, с самого начала – а именно с рассмотрения редакционной статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», опубликованной в газете «Правда» 28 января 1949 г. Как утверждает А. Борщаговский, один из объектов критики, «„основополагающую“ статью в „Правде“, которую затем будут цитировать и перепевать на все лады в партийной и специальной печати.... писали Фадеев и Заславский. Вероятно, понадобились усилия и третьих лиц – в статье

подробности и цитаты из статей и книг, в которые никогда не заглядывали ни сановный Фадеев, ни тем более Заславский (один из активных авторов газеты, сам по национальности еврей – Н.К.), некогда печатно требовавший расправы над Лениным, затем прощенный и возвышенный Сталиным, милостивым, как известно, к „перевертышам“, к успешно проходящим лакейскую „перезамену“ и готовым служить безоглядно, а если потребует эпоха, то и бессовестно»¹⁰⁴².

Но суть вопроса не в том, кто готовил данную статью, поскольку она отражала отнюдь не их личные взгляды, а линию, определенную указаниями Сталина. По этому поводу имеется любопытное свидетельство Д.Т. Шепилова, работавшего в то время заместителем начальника управления пропаганды и агитации ЦК партии. В своих воспоминаниях во второй половине 90-х годов он писал: «До сих пор не знаю, как и почему родилась идея этой позорной кампании. Но не подлежит сомнению, что она причинила огромный ущерб нашей партии и стране. Сталин в этот период по-прежнему вел затворнический образ жизни. Он никогда не бывал на стройках или фабриках, в колхозах. Он редко кого принимал. Но на основе обширной информации, аккумулировавшейся в ЦК и правительстве, Сталин был постоянно хорошо информирован о положении дел внутри страны и за ее пределами. И он спокойно, неторопливо, тщательно взвешивал все „за“ и „против“, решал назревшие вопросы, выдвигал новые задачи и идеи. И весь механизм управления великим государством функционировал размеренно и безотказно. Однако за спиной Сталина продолжали тайно действовать силы, которые хотели уже теперь, в предвидении возможной смерти Сталина, стоять ближе всех к штурвалу государственного корабля. Им было важно заблаговременно исключить здесь всякие неожиданности, оттеснить на задний план, а если можно – то и уничтожить тех, кого они считали для себя в этом плане опасными»¹⁰⁴³.

Всего два замечания по поводу соображений Шепилова. Во-первых, как-то странно выглядит его утверждение, что он не знает, как и почему родилась идея этой кампании, поскольку в самом воздухе того времени эта идея уже витала и обретала все более отчетливые контуры, и он в силу занимаемой им должности не мог не быть в курсе происходящего. Во-вторых, на мой взгляд, он явно недооценивает роль Сталина во всем этом деле, намекая, что за всей кампанией могли стоять какие-то иные силы, кроме вождя. Это – явный перебор, не соответствующий реальной обстановке того времени.

Но вернемся, однако, к нашим баранам, то бишь к самой статье.

---

¹⁰⁴² Александр Борщаговский. Записки баловня судьбы. М. 1991. С. 74.

¹⁰⁴³ «Вопросы истории». 1998 г. № 6. С. 14.

Фундаментальные положения ее в суммированном виде сводились к следующим основополагающим тезисам.

В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последышей буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала «Театр» и газеты «Советское искусство». Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма; они мешают развитию советской литературы, тормозят ее движение вперед. Им чуждо чувство национальной советской гордости.

Такого рода критики пытаются дискредитировать передовые явления нашей литературы и искусства, яростно обрушиваясь именно на патриотические, политически целеустремленные произведения под предлогом их якобы художественного несовершенства. Полезно вспомнить, что именно таким атакам идеологического противника подвергались в свое время творчество великого писателя Максима Горького, такое ценное произведение, как «Любовь Яровая» К. Тренева, и другие¹⁰⁴⁴.

В статье далее говорилось, что люди, зараженные пережитками буржуазной идеологии, пытаются еще кое-где отравлять здоровую, творческую атмосферу советского искусства своим тлетворным духом. То более открыто, то в более замаскированной форме они пытаются вести свою бесплодную, обреченную на сокрушительное поражение борьбу.

Жало эстетско-формалистической критики направлено не против действительно вредных и неполноценных произведений, а против передовых и лучших, показывающих образы советских патриотов. Именно это и свидетельствует о том, что эстетствующий формализм служит лишь прикрытием антипатриотической сущности¹⁰⁴⁵.

В статье поименно назывались те, кто причислялся к «безродным космополитам». Так, например, театральный критик А. Борщаговский, умалчивая о произведениях, извращающих советскую действительность и образы советских людей, весь пыл своей антипатриотической критики направил на пьесу А. Софронова «Московский характер» и на Малый театр, поставивший эту пьесу. Тот же А. Борщаговский, который в свое время пытался опорочить пьесу «В степях Украины» А. Корнейчука, вознамерился ныне ошельмовать такие произведения, как «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «Большая судьба» А. Сурова и др.¹⁰⁴⁶

---

¹⁰⁴⁴ Сталин и космополитизм 1945 – 1953. Документы. М. 2005. С. 234 – 235.

¹⁰⁴⁵ Сталин и космополитизм 1945 – 1953. С. 236.

¹⁰⁴⁶ Сталин и космополитизм 1945 – 1953. С. 237.

В статье ставился вопрос о том, как реагировали участники этой антипатриотической группы на основополагающие постановления партии по вопросам драматургии. Ответ давался следующий: «...Критика оказалась не по плечу этим горе-критикам. Они не хотели отнестись к себе критически, потому что боялись обнаружить свое полное идейное банкротство. Но они и не прекратили свою деятельность, направленную теперь прямо против указаний партии, деятельность групповую и антипатриотическую. Роли разделились. Некоторые лидеры этой группировки окопались в затхлых комиссиях ВТО. Здесь они, собрав вокруг себя приятелей, стали создавать фальсифицированное „общественное мнение“ против новых советских пьес, фактически – против советского репертуара вообще»¹⁰⁴⁷.

Далее авторы статьи, подбирая наиболее хлесткие выражения, писали:

«Шипя и злобствуя, пытаясь создать некое литературное подполье, они охаивали все лучшее, что появлялось в советской драматургии. Они не нашли доброго слова для таких спектаклей, как „Великая сила“, „Московский характер“, „Хлеб наш насущный“, „Большая судьба“. Мишенью их злобных и клеветнических выпадов были в особенности пьесы, удостоенные Сталинской премии.

Конечно, еще во многих пьесах советского современного репертуара есть немало недостатков. Все они, разумеется, подлежат творческой, товарищеской критике, идейной и художественной. Но эстетствующие сплетники не о такой критике заботились и думали. Они охаивали эти пьесы сплошь, и именно за то, что эти пьесы, при всех недочетах, проникнуты советской идейностью и принципиальностью, ставят важнейшие политические вопросы, помогают партии и советскому народу в борьбе с низкопоклонством перед буржуазной иностранщиной, в борьбе с бюрократизмом, с хищничеством, с преобладанием личных мотивов над общественными. Все эти пьесы воспитывают советский патриотизм и стремятся показать со сцены, силой художественных образов, все то новое, что рождается в советском обществе...

Перед нами не случайные отдельные ошибки, а система антипатриотических взглядов, наносящих ущерб развитию нашей литературы и искусства, система, которая должна быть разгромлена.

Не случайно безродные космополиты подвергают атакам искусство Художественного театра и Малого театра – нашей национальной гордости. Они пытаются подорвать доверие к их работе, когда эти лучшие в мире театры ставят пьесы на советские темы, раскрывают образы советских людей.

Первоочередная задача партийной критики – идейный разгром этой антипатриотической группы театральных критиков»¹⁰⁴⁸.

---

¹⁰⁴⁷ Сталин и космополитизм 1945 – 1953. С. 238.

¹⁰⁴⁸ Сталин и космополитизм 1945 – 1953. С. 239.

Заканчивалась статья боевым призывом-лозунгом: Надо решительно и раз навсегда покончить с либеральным попустительством всем этим эстетствующим ничтожествам, лишенным здравого чувства любви к Родине и к народу, не имеющим за душой ничего, кроме злопыхательства и раздутого самомнения. Надо очистить атмосферу искусства от антипатриотических обывателей...

Партийная советская критика разгромит носителей чуждых народу взглядов, она расчистит поле для плодотворной деятельности советского театра и выполнит те задачи, которые поставлены перед нею партией, народом¹⁰⁴⁹.

Такая была поставлена задача. И по существу вся советская печать, все творческие организации незамедлительно приступили к ее выполнению. Повсеместно в творческих организациях писателей, артистов и других работников искусств проводились собрания, на которых безоговорочному осуждению подвергались, во-первых, перечисленные в статье персоны; во-вторых, на свет божий вытаскивались новые, собственные безродные космополиты. Все они подвергались не просто критике, а злобному осмеянию и зачастую характеризовались не только антипатриотами, но и чуть ли не преступниками.

Кампания затрагивала не только лиц еврейской национальности, хотя именно они преобладали в числе тех, кто подвергся интеллектуальной инквизиции. Поэтому не правы те, кто утверждает, что данная кампания носила исключительно антиеврейский характер. Это – явное упрощение. Отмечая, так сказать, всеобщий масштаб и размах кампании, следует в качестве примера привести зубодробительную критику историков, которым, видимо, досталось не намного меньше, чем литераторам.

В марте 1949 года в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) состоялось расширенное объединенное заседание кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений, на котором обсуждались задачи исторической науки в свете редакционных статей газет «Правда» и «Культура и жизнь». На заседании было установлено, что в работе некоторых советских историков были допущены серьезные ошибки космополитического характера.

Историческая наука является одним из участков идеологического фронта, на котором кучка безродных космополитов пыталась вести свою вредную работу, распространяя антипатриотические взгляды при освещении вопросов истории нашей Родины и других стран.

Так, в печатных работах акад. И.И. Минца извращена история Великой Октябрьской социалистической революции, не показано отличие ее от всех предыдущих революций, смазана ее освободительная роль, как революции,

---

¹⁰⁴⁹ Сталин и космополитизм 1945 – 1953. С. 240.

спасшей нашу страну от колониального рабства, не раскрыт ее социалистический характер, принижена роль СССР в мировой истории. Акад. Минц игнорировал, умалял решающую роль русского народа, русского рабочего класса в истории нашей Родины, не показал, как великий русский народ, возглавляемый партией Ленина – Сталина, стал руководящей силой советского государства, выдающейся нацией среди других народов, входящих в состав СССР. Акад. Минц не раскрыл движущие силы развития советского общества, не показал принципиального отличия советского государства от государства досоветского. При освещении истории Великой Октябрьской социалистической революции он извратил действительные причины разгрома иностранной интервенции в годы гражданской войны¹⁰⁵⁰.

Были подвергнуты также сокрушительной критике историки Разгон, Городецкий, Вайнштейн, Лан, Зубок и другие. А о профессоре Г. Деборине было сказано, что он выступал в качестве апологета американского империализма¹⁰⁵¹.

Апогей борьбы с космополитизмом был вскоре пройден: кампания начала постепенно затихать и к весне 1950 года, можно сказать, была прекращена. Это, разумеется, не значит, что с космополитизмом вообще прекратилась борьба. Одной из особенностей сталинской политической стратегии являлось то, что он не принадлежал к поборникам длительных, затяжных кампаний. Он проводил их достаточно энергично и в не столь растянутые сроки, а затем, когда возникала, по его мнению, необходимость, снова давал ей импульс, но уже в несколько модифицированной форме. В какой-то степени он не любил трафареты даже в такого рода вещах. Следует отметить, что особенностью данной кампании являлось то, что объекты критики, конечно, пострадали – их увольняли с работы, запрещали публиковаться в печати, подвергали другим ограничениям, но, как правило, не применяли меры уголовного характера, т.е. не арестовывали и не сажали в тюрьмы.

Дело Еврейского антифашистского комитета

Довольно быстрое сворачивание кампании имеет, видимо, еще одну подоплеку. На повестку дня в тот период выходила проблема Еврейского антифашистского комитета. Истоки этого дела можно условно отнести к 1944 году. Тогда руководители ЕАК обратились через посредство жены В. Молотова П. Жемчужину с письмом в правительство о создании на территории Крыма Еврейской республики (причем не уточнялось,

---

¹⁰⁵⁰ Хрестоматия по отечественной истории (1946 – 1995 гг.). С. 445 – 446.

¹⁰⁵¹ Хрестоматия по отечественной истории (1946 – 1995 гг.). С. 446 – 448.

автономную или союзную). В своем обращении они следующим образом аргументировали свое предложение. «Накопленную веками культурную энергию интеллигенция еврейской национальности могла бы с огромной пользой применить в строительстве еврейской советской культуры, которая имеет большие достижения. Но распыленность еврейского населения, составляющего во всех республиках незначительное меньшинство, не дает возможности это осуществить... В ходе войны обострились некоторые капиталистические пережитки в психике отдельных прослоек различных народностей, включая и часть их интеллигенции. Одним из наиболее ярких выражений этих пережитков являются новые вспышки антисемитизма. Эти вспышки всячески разжигаются фашистскими агентами и притаившимися вражескими элементами с целью подрыва важнейшего достижения советской власти – дружбы народов.

Эти нездоровые явления воспринимаются крайне болезненно всеми слоями еврейского населения СССР, которые показали себя подлинными патриотами родины героизмом своих лучших сынов и дочерей на фронтах Отечественной войны и в тылу. Проявление антисемитизма вызывает острую реакцию в душе каждого советского еврея без исключения еще и потому, что весь еврейский народ переживает величайшую трагедию в своей истории, потеряв от фашистских зверств в Европе около 4 млн. человек. Советский Союз – единственная же страна, которая сохранила жизнь почти половине еврейского населения Европы. С другой стороны, факты антисемитизма в сочетании с фашистскими зверствами способствуют росту националистических и шовинистических настроений среди некоторых слоев еврейского населения»¹⁰⁵².

Таким образом, одним из аргументов служил тезис о том, что создание республики в Крыму будет способствовать изживанию антисемитизма, на существовании которого акцентировали внимание авторы предложения. Далее они подчеркивали, что с целью нормализации экономического положения всех слоев еврейского населения и дальнейшего роста и развития еврейской советской культуры, с целью максимальной мобилизации всех сил еврейского населения на благо советской родины, с целью полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной в порядке решения послевоенных проблем постановку вопроса о создании Еврейской Советской Социалистической Республики.

«...Нам кажется, – утверждали они, – что одной из наиболее подходящих областей явилась бы территория Крыма, которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместительности для переселения, так и вследствие успешного опыта развития там еврейских

---

¹⁰⁵² Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953. Документы. М. 2005. С. 46 – 47.

национальных районов...

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем:

1. Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма...

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

С. Михоэлс, Ш. Эпштейн, И. Фефер»¹⁰⁵³.

Тогда это предложение как бы повисло в воздухе. Но Сталин, конечно, не забыл о нем, и в новых условиях это предложение стало одним из аргументов в борьбе против сионизма. Именно так им было расценено предложение о создании в Крыму Еврейской республики. Членам Политбюро он объяснил, почему выступает против: «Это превратило бы Крым в непотопляемый американский авианосец»¹⁰⁵⁴.

После войны по указанию Сталина к этому вопросу вернулись: была проведена скрупулезная проверка деятельности ЕАК и всех его работников. В записке по итогам расследования отмечалось, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценить как проявление национализма. Подчеркивалось, что комитет явочным порядком развертывает свою деятельность внутри страны, присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами. В результате делался вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, приобрела несвойственные ему функции и поэтому является политически вредной и нетерпимой. В связи с этим было внесено предложение о ликвидации ЕАК. Записка аналогичного содержания была направлена М. А. Сусловым 26 ноября 1946 г. И.В. Сталину¹⁰⁵⁵.

В конце 1947 года пересеклись линии двух «разработок» министерства госбезопасности, одна из которых была нацелена на ЕАК, другая захватывала семью Аллилуевых – родственников жены Сталина. Сотрудники госбезопасности фабриковали очередное дело на одного из членов этой семьи – К.А. Аллилуеву. 16 декабря 1947 г. она подписала протокол допроса, в котором утверждалось, что близкий знакомый ее семьи, старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР И.И. Гольдштейн

---

¹⁰⁵³ Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953. С. 47 – 48.

¹⁰⁵⁴ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 195.

¹⁰⁵⁵ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. М. 1991. С. 323.

якобы враждебно настроен по отношению к советской власти и в беседах с ней высказывал клеветнические измышления на советскую действительность. Гольдштейн признал себя виновным и показал, что в 1946 году его знакомый З.Г. Гринберг сообщил ему о том, что ЕАК проводил антисоветскую националистическую работу, что всю эту работу возглавляет С.М. Михоэлс¹⁰⁵⁶, который завязал широкие связи с еврейскими буржуазными националистами США и пользовался полной поддержкой у американских сионистов. Гринберг сообщил также, что Михоэлс и руководимый им Еврейский антифашистский комитет ставят перед собой задачу создания на территории СССР Еврейской республики, а для разрешения «еврейского вопроса» и пресечения антисемитизма в стране они намерены использовать брак Светланы Сталиной с Г. Морозовым, надеясь соответствующим образом обработать Морозова и через него информировать Сталина по «еврейскому вопросу»¹⁰⁵⁷.

По замыслу организаторов акции, задуманной в недрах МГБ и одобренной Сталиным, ЕАК должен был предстать как руководящий, координирующий центр националистической антисоветской шпионской деятельности. Под этот сценарий был подобран и состав действующих лиц. Из ЕАК отобрали наиболее активную часть, постоянно работающую в составе его президиума. Среди тех, кого наметили для ареста и последующего суда, были видные представители еврейской интеллигенции: дипломаты, ученые, артисты, поэты, писатели, общественные деятели, руководящие работники советского государственного аппарата. Это было созвездие имен, широко известных в стране. Очевидно, предполагалось, что коль скоро такие крупные фигуры включились в антисоветскую еврейскую националистическую деятельность, то дело здесь отнюдь не надуманное.

Если быть объективным, то нельзя отрицать того очевидного факта, что в среде еврейского населения Советского Союза достаточно широкое распространение получили настроения националистического характера, которые использовались сионистами для нагнетания обстановки и поощрения недовольства политикой властей. Это особенно стало заметным после образования в мае 1948 года государства Израиль. СССР первый де-факто и второй после США де-юре признал независимость Израиля 14 мая 1948 года. Еврейский антифашистский комитет сразу направил президенту Хаиму Вейцману приветственную телеграмму. Тысячи советских евреев присылали в различные учреждения, в том числе в военкоматы, письма с просьбой

---

¹⁰⁵⁶ Согласно наиболее распространенной версии, подтверждения которой содержатся в ряде документальных свидетельств, С.М. Михоэлс был убит в 1948 году не без санкции Сталина.

¹⁰⁵⁷ Несправедливый суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами ЕАК. М. 1994. С. 5 – 6.

направить их в Израиль, где они могли бы с оружием в руках защищать страну от империалистической агрессии британских марионеток (имелись в виду арабские страны, начавшие полномасштабную войну против только что созданного еврейского государства) и строить там социализм.

Некоторые исследователи полагают, что Сталин пошел на признание Израиля, рассчитывая использовать его в качестве своего рода оружия в борьбе против Запада. Для этого были некоторые основания: в еврейской Палестине, а после и в Израиле, проживало много эмигрантов из России и Польши, и частично по этой причине идеи социализма были довольно популярны. К тому же СССР среди евреев Палестины пользовался большим престижем как освободитель Европы от нацистов. Учитывалось и наличие российских корней у многих лидеров еврейского государства в Палестине, также наличие в СССР многочисленного еврейского населения. Однако эти геополитические расчеты Сталина оказались зыбкими и вскоре были рассеяны реальным развитием событий.

Появление на карте мира государства Израиль в огромной степени усилило просионистские настроения как среди евреев, проживавших в Советской России, так и на Западе. Правящие же круги Израиля вскоре проявили свои истинные симпатии и повернулись лицом к Западу, в первую очередь к США. Этого фактора Сталин не мог не учитывать в своей политике. Тем более что тому имелись конкретные доказательства. В частности, тот прием, который был оказан посланнику Израиля в Москве Голде Меир. Полагаю, что в данном случае убедительнее всего будут не мои собственные рассуждения и предположения, а свидетельство самой Голды Меир, довольно обширную выдержку из воспоминаний которой я приведу, тем более что она относится именно к констатации факта существования среди еврейского населения СССР явно произраильских настроений, которые легко трансформировались в просионистские настроения. Вот что она пишет в своих мемуарах по поводу того, какую встречу ей устроили в Москве.

«В тот день, как мы и собирались, мы отправились в синагогу. Все мы – мужчины, женщины, дети – оделись в лучшие платья, как полагается евреям в нееврейские праздники. Но улица перед синагогой была неузнаваема. Она была забита народом. Тут были люди всех поколений: и офицеры Красной армии, и солдаты, и подростки, и младенцы на руках у родителей. Обычно по праздникам в синагогу приходило примерно сто – двести человек – тут же нас ожидала пятидесятитысячная толпа. В первую минуту я не могла понять, что происходит, и даже – кто они такие. Но потом я поняла. Они пришли – добрые, храбрые евреи – пришли, чтобы быть с нами, пришли продемонстрировать свое чувство принадлежности и отпраздновать создание государства Израиль. Через несколько секунд они обступили меня, чуть не раздавили, чуть не подняли на руках, снова и снова называя меня по имени. Наконец, они расступились, чтобы я могла войти в синагогу, но и там продолжалась демонстрация. То и дело кто-нибудь на галерее для женщин

подходил ко мне, касался моей руки, трогал или даже целовал мое платье. Без парадов, без речей, фактически – без слов евреи Москвы выразили свое глубокое стремление, свою потребность – участвовать в чуде создания еврейского государства, и я была для них символом этого государства»¹⁰⁵⁸.

И далее она продолжает: «Тридцать лет были разлучены мы с ними. Теперь мы снова были вместе, и, глядя на них, я понимала, что никакие самые страшные угрозы не помешают восторженным людям, которые в этот день были в синагоге, объяснить нам по-своему, что для них значит Израиль... Мы были потрясены до глубины души. Никто не сказал ни слова. Мы просто сидели и молчали. Откровение было для нас слишком огромным, чтобы мы могли это обсуждать, но нам надо было быть вместе... Но я даже плакать не могла. Я сидела с помертвевшим лицом, уставившись в одну точку. И вот так, взволнованные до немоты, мы провели несколько часов. Не могу сказать, что тогда я почувствовала уверенность, что через двадцать лет я увижу многих из этих евреев в Израиле. Но я поняла одно: Советскому Союзу не удалось сломить их дух; тут Россия, со всем своим могуществом, потерпела поражение. Евреи остались евреями»¹⁰⁵⁹.

Полагаю, что комментарии здесь излишни. Ведь Меир однозначно пишет о поражении России и не видит ничего удивительного в том, что граждане Советской России так восторженно демонстрируют свою приверженность Израилю как своей не только духовной, но и чуть ли не реальной родине.

Еще больший интерес представляет описание ее встречи и разговора с П. Жемчужиной – женой второго после Сталина персонажа в советской иерархии. Итак, слово Голде Меир: «Гораздо более интересная и приятная встреча произошла у меня на приеме у Молотова по случаю годовщины русской революции, на который всегда приглашаются все аккредитованные в Москве дипломаты. Послов принимал сам министр иностранных дел в отдельной комнате. После того, как я пожала руку Молотову, ко мне подошла его жена Полина. „Я так рада, что вижу вас наконец!“ – сказала она с неподдельной теплотой, даже с волнением. И прибавила: „Я – ведь говорю на идиш, знаете?“

– Вы еврейка? – спросила я с некоторым удивлением.

– Да! – ответила она на идиш. – Их бин а идише тохтер (я – дочь еврейского народа).

Мы беседовали довольно долго. Она знала, что произошло в синагоге, и сказала, как хорошо было, что мы туда пошли. „Евреи так хотели вас увидеть“, – сказала она. Она говорила с нами на идиш и пришла в восторг,

---

¹⁰⁵⁸ Голда Меир. Моя жизнь. (Электронная версия).

¹⁰⁵⁹ Голда Меир. Моя жизнь. (Электронная версия).

когда Сарра ответила ей на том же языке. Когда Сарра объяснила, что в Ревивим все общее и что частной собственности нет, госпожа Молотова заметно смутилась. „Это неправильно, – сказала она. – Люди не любят делиться всем. Даже Сталин против этого. Вам следовало бы ознакомиться с тем, что он об этом думает и пишет“. Прежде чем вернуться к другим гостям, она обняла Сарру и сказала со слезами на глазах: „Всего вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо у всех евреев в мире“.

Больше я никогда не видела госпожу Молотову и ничего о ней не слышала.

Много позже Герни Шапиро, старый корреспондент Юнайтед Пресс в Москве, рассказал мне, что после разговора с нами Полина Молотова была арестована, и я вспомнила тот прием и военный парад на Красной площади, который мы смотрели накануне. Как я позавидовала русским – ведь даже крошечная часть того оружия, что они показали, была нам не по средствам. И Молотов, словно прочитав мои мысли, поднял свой стаканчик с водкой и сказал мне: „Не думайте, что мы все это получили сразу. Придет время, когда и у вас будут такие штуки. Все будет в порядке“»¹⁰⁶⁰.

Разумеется, все произошедшее стало сразу же известно Сталину, что (учитывая, кроме всего прочего, и его подозрительность, а в данном случае она имела под собой почву) не могло не усилить его недоверие не только к Молотову и его супруге, но и к произраильски настроенным гражданам Советского Союза. Центр притяжения таких настроений он усматривал в Еврейском антифашистском комитете. Последовала жесткая реакция. 20 ноября 1948 г. состоялось решение Политбюро: «Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР: „Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству Государственной Безопасности СССР немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

В соответствии с этим органы печати этого Комитета закрыть, дела Комитета забрать. Пока никого не арестовывать“¹⁰⁶¹.

Последовали и другие действия, в частности, расследование роли П. Жемчужиной. Заместитель председателя комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Шкирятов и министр госбезопасности Абакумов направили Сталину записку от 27 декабря 1948 г. В ней, в частности, говорилось, что установлено – Жемчужина П.С. вела себя политически недостойно. В течение длительного времени она поддерживала знакомство с лицами, которые

---

¹⁰⁶⁰ *Голда Меир. Моя жизнь.* (Электронная версия).

¹⁰⁶¹ Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953. С. 138.

оказались врагами народа, имела с ними близкие отношения, поддерживала их националистические действия и была их советчиком. Жемчужина вела с ними переговоры, неоднократно встречалась с Михоэлсом, используя свое положение, способствовала передаче их политически вредных, клеветнических заявлений в правительственные органы¹⁰⁶². 29 декабря она была исключена из партии. Молотов при голосовании воздержался, но через месяц написал Сталину записку следующего содержания: „При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами вроде Михоэлса.

В. МОЛОТОВ¹⁰⁶³.

Как догадывается читатель, ни Сталин, ни Молотов всего этого не забыли. Вождь напомнил об этом в своей речи на пленуме ЦК, который состоялся после XIX съезда партии. На этом пленуме вождь припомнил Молотову его грехи, выразив таким образом свое политическое недоверие своему ближайшему на протяжении трех десятилетий соратнику. Вот что сказал по этому вопросу Сталин:

„А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это – грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть Еврейская автономия – Биробиджан. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это – вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклонили его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчужиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо“¹⁰⁶⁴.

---

¹⁰⁶² Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953. С. 160.

¹⁰⁶³ Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953. С. 162.

¹⁰⁶⁴ *И. Сталин*. Соч. Т. 18. С. 585 – 586.

Молотов не оставил мемуаров. Лишь небольшой фрагмент его воспоминаний опубликовал его внук В. Никонов. В части, касающейся предмета нашего повествования, он писал: „В 1948 году меня заставили разойтись с женой, которую я любил и люблю всей душой как жену, как преданного человека и как преданную партии коммунистку. Она ко мне относилась с исключительно хорошими чувствами, и мне было ясно, что в отношении нее допускается крайняя несправедливость, граничащая с преступной бесчеловечностью. Передо мной встал вопрос – восстать против грубой несправедливости Кобы (Сталина) и пойти на разрыв с ЦК или протестовать, защищая честь жены, но покориться ради того, чтобы, по крайней мере, в дальнейшем продолжать борьбу внутри партии и ЦК за правильную политику партии, за устранение явных и многим не видных ошибок, неправильностей и – главное – за такую линию партии, которая опасно, во вред интересам дела коммунизма, искажалась со стороны зазнавшегося Кобы и поддакивавших ему, прости господи, „соратников“. Мне казалось, что, несмотря на все мои теоретические и практические слабости (недостатки), я занимаю такое важное место в руководящем органе партии и отстаиваю в основном такую наиболее отвечающую духу (существу) ленинизма политическую линию, что моя главная перед партией обязанность – думать об этом, заботиться о том, чтобы всеми моими силами и влиянием в партии помочь выправить или, по крайней мере, помочь сигнализировать партии про необходимость выправить политику партии, попавшей в значительной мере под извращенное, субъективно-неустойчивое влияние зазнавшегося Кобы, возмнившего черт знает что.

У меня было мало сил, чтобы открыто восстать против Кобы, что было бы необходимо при других, более благополучных для такого дела условиях. В окружении Кобы я не видел людей, которые могли бы возглавить такое дело, т.к. другие были не сильнее меня. Но я не смотрел на будущее безнадежно. Был уверен, несмотря ни на что, отстаивание подлинно марксистско-ленинской линии – к чему я стремился, как я был уверен, более последовательно и более честно, чем другие, – единственно правильное для коммуниста дело.

Только этим я оправдывал свое формальное примирение с явной несправедливостью в отношении Полины, что было большой несправедливостью и в отношении меня самого. При этом я, конечно, чувствовал и понимал, что несправедливость и тяжкие репрессии в отношении Полины являются еще одной попыткой подкопаться под меня самого, расправиться прежде с самым близким мне человеком, а потом, через какое-то время, и со мной. Все шло к этому, и я смотрел правде в глаза, но противодействовать этому не имел сил. Что же касается лиц, окружавших Кобу, они в той или иной мере сочувствовали или полусочувствовали мне, но в общем и целом ставили свои цели и карьерные интересы выше других.

Возможно, что некоторые из них находились в такой духовной зависимости от Кобы, что в какой-то мере и верили в необходимость мер, направленных против меня, и в первую очередь против самых близких ко мне людей¹⁰⁶⁵.

Есть еще одно любопытное свидетельство – одного из охранников Сталина. Он рассказывал корреспонденту, бравшему у него интервью: „Как-то я стал свидетелем разговора Молотова и Сталина. Как раз тогда жена Вячеслава Михайловича Полина Жемчужина была осуждена и находилась в заключении. Сталин и Молотов прогуливались, мы их сопровождали. Они что-то обсуждали, а когда закончили, Молотов умоляюще прошептал: „Коба, отпусти жену... (только Молотову Сталин позволял так к себе обращаться)“. – „Раз ты не можешь перевоспитать жену, то ее перевоспитает Берия“, – сухо отрезал Сталин“¹⁰⁶⁶.

Приведенные выше отрывки из выступления Сталина и заметок Молотова относятся, так сказать, к временам, когда что-либо изменить уже было невозможно. Процесс по делу ЕАК состоялся в мае – июле 1952 года. Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело группы лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета. Обвинение было выдвинуто против 15 человек, среди которых были С. Лозовский (бывший начальник Совинформбюро), И. Фефер – секретарь этого комитета, И. Юзефович – научный сотрудник института истории АН СССР, Л. Квитко – поэт, П. Маркиш – поэт, В. Зускин – художественный руководитель Московского государственного еврейского театра, Л. Штерн – академик, директор института физиологии и ряд других лиц.

Представшие перед судом обвинялись в том, что в своих публичных устных выступлениях, в статьях газеты „Эйникайт“ и других литературных произведениях пропагандировали национальную ограниченность и обособленность евреев, лживый тезис об исключительности еврейского народа, как народа, проявившего якобы исключительный героизм в борьбе с фашизмом и имеющего якобы исключительные заслуги в труде и науке.

Идеализируя далекое прошлое, они воспевали в националистическом духе библейские образы, пропагандировали идею внеклассового „братского“ единения евреев всего мира только по признаку „одной крови“, тем самым смыкались с буржуазными националистами США, Палестины и других государств¹⁰⁶⁷.

Обвиняемые отрицали свою вину. Так, Лозовский заявил в суде: „Обвинительное заключение в отношении меня порочно в своей основе. Оно

---

¹⁰⁶⁵ «Независимая газета». 30 июня 2001 г.

¹⁰⁶⁶ Электронный журнал «Факты» (Днепропетровск – Киев). 12 апреля 2002 г.

¹⁰⁶⁷ Несправедливый суд. С. 378.

не выдерживает критики ни с политической, ни с юридической точек зрения. Больше того, оно находится в противоречии с правдой, логикой и смыслом...¹⁰⁶⁸

Однако их участь была предрешена заранее. Военная коллегия приговорила С.А. Лозовского, И.С. Фефера и других – всего 13 человек – к расстрелу, Л.С. Штерн – к лишению свободы на 3 с половиной года и к последующей ссылке на 5 лет. В 1948 – 1952 гг., в связи с делом Еврейского антифашистского комитета, были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности многие другие лица еврейской национальности, в том числе партийные и советские работники, ученые, писатели, поэты, журналисты, артисты, служащие государственных учреждений и промышленных предприятий – всего 110 человек. Из числа репрессированных было приговорено к высшей мере наказания – 10 человек, к 25 годам исправительно-трудовых лагерей – 20, к 20 годам – 3, к 15 годам – 11, к 10 годам – 50, к 8 годам – 2, к 7 годам – 1, к 5 годам – 2, к 10 годам ссылки – 1, умерло в ходе следствия – 5, прекращены дела после ареста в отношении 5 человек. Все они сейчас реабилитированы¹⁰⁶⁹.

Как видно из статистики, число приговоренных к расстрелу составило 10 человек. Это, конечно, несопоставимо с приговорами 30-х годов. Хотя даже одна невинная жертва – это тоже поправная справедливость и она не имеет оправдания. Однако с точки зрения оценки изменений в политической линии Сталина важно обратить внимание именно на этот факт. Не думаю, что все было продиктовано приступом милосердия со стороны вождя – просто в стране сложилась иная ситуация, и то, что было возможно в 30-е годы, стало невозможным теперь. Сталин понимал, что возврата к прошлому уже нет, хотя это, конечно, не было равносильно его отказу от репрессий как средства достижения конкретных политических целей. Но признаки определенной эволюции были налицо.

В качестве заключения данного раздела стоит затронуть хотя бы в самом общем виде вопрос о том, проводил ли Сталин политику государственного антисемитизма? Это – принципиальный вопрос, и на него следует давать ясный и четкий ответ. Сторонники данного тезиса безапелляционно и однозначно утверждают, что лично сам Сталин был ярким антисемитом и проводил сознательно политику государственного антисемитизма. Так, Г. Костырченко в своей объемистой книге, посвященной данному вопросу, делает следующий обобщающий вывод: „государственный антисемитизм возник в СССР в конце 30-х годов, когда в стране в полной

---

¹⁰⁶⁸ Несправедливый суд. С. 340 – 341.

¹⁰⁶⁹ Реабилитация. С. 326.

мере воцарился террор, а политическая власть целиком сосредоточилась в руках Сталина, человека решительного, жестокого и наряду с этим чрезвычайно коварного и мнительного, готового подозревать в заговоре против собственной персоны кого угодно, в том числе и евреев. Дело дошло до того, что неограниченный в своем произволе диктатор, наделенный ярко выраженной трайбалистской психологией и потому мысливший категориями коллективной вины целых народов, потом подверг некоторые из них огульному наказанию. Историческое наложение друг на друга двух факторов – объективного (тоталитаризм) и субъективного (сталинизм) – сыграло решающую роль в том, что декларативно осуждаемые законом в СССР национальная нетерпимость и дискриминация были в отношении евреев тайно возведены режимом в ранг официальной политики...¹⁰⁷⁰

Этот же автор, прибегая к завуалированному и потому не всегда ясно выраженному стилю повествования, подспудно проводит мысль о том, что все это делалось во имя великорусского и великодержавного шовинизма. То есть Сталин возвышал русский народ в ущерб другим и притеснял других опять-таки в интересах возвышения русского народа. В изложении Г. Костырченко это звучит так:

„Семена государственного антисемитизма проросли в благодатной для него почве великодержавного шовинизма, возрожденного Сталиным под воздействием того, что в 30-е годы в соперничестве трех мировых идеологий – либерализма, коммунизма и национализма – последний стал уверенно лидировать. Именно тогда им была предложена национально-государственная концепция „старшего брата“, пропагандировавшая приоритет русских в содружестве народов Советского Союза. По сути то была во многом имперская модель, поскольку во главу угла ставилось не формирование единой нации, а обеспечение добровольно-принудительного сосуществования нескольких так называемых социалистических наций, объединенных на основе строгой иерархии в единый государственно-правовой конгломерат. Как и всякая другая империя военно-феодалного типа, построенная на силе центра, авторитете вождя и этнопотенциале империообразующего народа, СССР был обречен с самого начала“¹⁰⁷¹.

Следуя своему тезису, Г. Костырченко в другой своей, более ранней книге утверждает, что Сталин в последнее десятилетие своего правления приложил немало усилий, чтобы в этой иерархии евреи оказались на самой нижней ступени. Подвергшись массовым репрессиям и насильственной ассимиляции, они были лишены национальной перспективы в рамках

---

¹⁰⁷⁰ Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001. С. 703 – 704.

¹⁰⁷¹ Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина. С. 705.

коммунистического тоталитарного государства. Ситуация складывалась так, что сохранить свою самобытность, культуру и не раствориться в других народах советское еврейство, по сути, могло только безальтернативным способом, созвучным сионистской идее, исходом за пределы угнетавшей их империи и обретением новой родины на земле предков, где после второй мировой войны возродилось Государство Израиль¹⁰⁷².

Не буду вступать в дискуссию с автором этих тезисов. Ограничусь лишь тем, что выскажу свою собственную оценку этой проблемы. Борьба против космополитизма отнюдь не сводилась к тому, чтобы нанести ущерб лицам еврейской национальности. Она имела и другую, на мой взгляд, более широкую цель – оградить народы Советской России от проводившейся враждебными ей силами линии на подрыв единства всех национальностей, на то, чтобы поставить под вопрос роль русского народа как станового хребта Советского Союза. Неспроста тост вождя за русский народ всячески поносится людьми определенной ориентации. Для них ведущая роль русского народа абсолютно неприемлема, как враждебны и сами тысячелетняя культура и история государства Российского. Сталин же стремился к тому, чтобы Россия была и всегда оставалась самобытной и самостоятельной державой, имеющей все права называться великой. Сталин стремился к тому, чтобы полностью восстановить нарушенную исторически нерасторжимую связь времен, без которой любое государство превращается в некий хаотичный, лишенный перспектив развития конгломерат. В этом одна из его крупных исторических заслуг.

Одной из ключевых составляющих борьбы против космополитизма являлась последовательная и вполне оправданная борьба против холуйского преклонения перед всем иностранным. Сталин подчеркивал: „Нужно покончить с преклонением перед заграницей. У нас, у русских, с дореволюционных времен сохранилось преклонение перед заграницей. Это рабская черта. На этом иностранные шпионы ловили наших людей. Чем объяснить такое положение, когда русского генерала вербует какой-нибудь иностранный капрал?“¹⁰⁷³

Уже в те времена Сталин уловил отчетливые, но далеко идущие симптомы того, что на национальную самобытную культуру русского народа ведется активное наступление. Видимо, здесь нужно особо подчеркнуть, что Сталин далеко смотрел вперед и обладал широким историческим кругозором, поскольку выделил данную проблему и придал ей поистине общегосударственное и общенародное значение. То, в каком положении оказалась в настоящее время национальная культура России, опять-таки

---

¹⁰⁷² Г.В. Костырченко. В плену у красного фараона. М. 1994. С. 362 – 363.

¹⁰⁷³ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 159.

косвенным образом свидетельствует о том, что Сталин обладал удивительным даром исторического предвидения и на много десятков лет вперед видел те колоссальные угрозы, которые таит в себе недооценка данного вопроса.

Возвращаясь к непосредственной теме нашего повествования, хочу вполне определенно подчеркнуть, что я ничуть не склонен закрывать глаза на негативные составляющие борьбы против космополитизма. Никто не собирается снимать со Сталина ответственности за все извращения и грубые ошибки, а порой и преступления, совершенные при реализации поставленных им целей. Говоря обобщенно, можно сделать достаточно обоснованный вывод, что его политика в еврейском вопросе, проявившаяся в период кампании против космополитизма, несет на себе черты противоречивости, порой подозрительности и недоверия. Однако возводить ее в ранг государственной политики, которой якобы следовал Сталин, нет оснований.

Как совместить с тезисом о государственном антисемитизме некоторые реальные факты, в том числе из истории его собственной семьи. Как писал один автор отнюдь не русского происхождения, дети Сталина, Яков Джугашвили (от Екатерины Сванидзе) и Светлана Сталина (от Надежды Аллилуевой), до поры до времени безнаказанно крутили романы с евреями и еврейками, которыми был полон Кремлевский дворец и его окрестности. Первый серьезный роман 17-летней Светланы закончился тем, что суровый отец отправил ее соблазнителя, 39-летнего кинодраматурга А. Я. Каплера, в лагеря на 10 лет для обдумывания в спокойной обстановке творческих и любовных замыслов. И хотя это было по-диктаторски, это еще было вполне не по-антисемитски. В конце концов вождь махнул рукой на любовные дела детей, и они поступили так, как поступают все влюбленные, т.е. по-своему. Яков и Светлана породнились с еврейскими семьями, вопреки твердо выраженному запрету отца. Этот запрет мог иметь сложные мотивы не обязательно антисемитского свойства.

С такой логикой трудно не согласиться. Равно как не вписывается в тезис о государственном антисемитизме тот факт, что в Политбюро входил еврей Л. Каганович, важные посты (министров и т.д.) занимали многие представители еврейской национальности. Жены членов Политбюро Молотова, Ворошилова, Андреева были еврейками. (Правда, мне могут возразить: а какова была судьба жены Молотова?) Но тем не менее это все факты. Как фактом является и то, о чем писал К. Симонов: „Когда начали обсуждать роман Ореста Мальцева „Югославская трагедия“, Сталин задал вопрос:

– Почему Мальцев, а в скобках стоит Ровинский? В чем дело? До каких пор это будет продолжаться? В прошлом году уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается? Зачем пишется двойная фамилия? Если человек избрал себе литературный псевдоним – это его право, не будем уже говорить ни о чем

другом, просто об элементарном приличии. Человек имеет право писать под тем псевдонимом, который он себе избрал. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что у этого человека двойная фамилия, подчеркнуть, что это еврей. Зачем это подчеркивать? Зачем это делать? Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо? Человека надо писать под той фамилией, под которой он себя пишет сам. Человек хочет иметь псевдоним. Он себя ощущает так, как это для него самого естественно. Зачем же его тянуть, тащить назад?“

Вот и вся запись по этому поводу. Добавлю, что Сталин говорил очень сердито, раздраженно, даже, я бы сказал, с оттенком непримиримости к происшедшему, хотя как раз в данном случае он попал пальцем в небо»¹⁰⁷⁴.

Правда, далее Симонов ставит под сомнение искренность вождя, считая, что тот играл на публику. Однако это всего лишь мнение Симонова, а не истина в последней инстанции.

Авторы определенного направления категорически и безоговорочно, как само собой разумеющееся, утверждают, что лично сам Сталин был рьяным антисемитом, что служило одной из причин, обусловивших проведение им линии государственного антисемитизма. Однако многие авторитетные историки это опровергают. Я не стану ссылаться на многих, приведу лишь одно. В 1931 году Сталин, отвечая на вопросы корреспондента американского Еврейского телеграфного агентства, сказал: «Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма.

Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм как явление глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью».

Это заявление не было тогда опубликовано в советской печати, хотя почему-то было опубликовано в «Правде» 5 лет спустя, в 1936 году¹⁰⁷⁵.

Полагаю, что интересно на этот счет мнение и Л. Кагановича, еврея по национальности. Могут возразить, что приводить в качестве аргумента точку зрения ярого поборника сталинизма и чуть ли не марионетку в руках Сталина

---

¹⁰⁷⁴ Константин Симонов . Глазами человека моего поколения. «Знамя». 1988 г. № 4. С. 85.

¹⁰⁷⁵ И. Сталин. Соч. Т. 13. С. 28.

несерьезно и необедительно. Но примем во внимание: Л. Каганович (вернее, его родственник – брат) сам в каком-то смысле являлся объектом сталинских репрессий, и, во-вторых, через 40 лет после смерти вождя у него не имелось никаких оснований бояться сталинской мести. Думается, что он говорил вполне искренне. На вопрос Ф. Чуева, был ли Сталин антисемитом, Л. Каганович дал следующий ответ:

«О Сталине я вам скажу следующее. Есть высказывания Сталина по этому вопросу – о том, что антисемитизм у нас уголовно наказуем. Сталин не был антисемитом. Но жизнь так сложилась, что его противники были евреи. Зиновьев, Каменев, Троцкий... Что ему оставалось делать, если почти все его враги – евреи?

Затем, он был политически и национально очень щепетилен и осторожен по характеру»¹⁰⁷⁶.

И, наконец, такой аргумент. Ю. Жданов, касаясь этой проблемы, справедливо писал: «Присуждение Сталинских премий всегда проходило при решающем участии Сталина. Кто же получил среди других эти премии? Писатель Илья Эренбург (1942, 1948 гг., Международная Ленинская премия 1952 г.), композитор Исаак Дунаевский (1941, 1951 гг.), режиссеры Сергей Эйзенштейн (1941, 1946 гг.), Лев Трауберг (1941 г.), пианист Эмиль Гилельс (1946 г.), певец Марк Рейзен (1941 г.), актер Марк Прудкин (1946, 1947, 1949 гг.), актриса Фаина Раневская (1949, 1951 гг.), дирижер Самуил Самосуд (1941, 1947, 1952 гг.). Лауреатами и трижды Героями стали физики, академики Зельдович и Харитон. Так что сплошной антисемитизм»¹⁰⁷⁷.

Приведенные выше факты говорят сами за себя. Лично мне кажется, что все эти факты трудно укладываются в прокрустово ложе понятия государственного антисемитизма. Если же брать советское общество сталинской эпохи в целом, то легко убедиться в том, что лица еврейской национальности играли большую роль во всех областях культуры и науки. Причем в пропорциональном к численности евреев в стране соотношении их удельный вес во многих сферах жизни был многократно выше, чем у лиц другой национальности. И это тоже неопровержимый факт, который может быть подтвержден беспристрастными статистическими данными. Тот же Г. Костырченко приводит такой факт. Число лиц еврейской национальности в % окончивших физический факультет МГУ, по отношению к русским, составляло: в 1938 г. – 46, в 1939 – 50, в 1940 – 58, в 1941 – 74, в 1942 году – 98 %¹⁰⁷⁸. Данный пример едва ли нужно комментировать. Так что тезис о

---

¹⁰⁷⁶ *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович. С.128.

¹⁰⁷⁷ *Ю.А. Жданов*. Взгляд в прошлое. С. 195.

¹⁰⁷⁸ *Г. Костырченко*. В плену у красного фараона. С. 286.

государственном антисемитизме при Сталине звучит, по меньшей мере, неубедительно (несмотря даже на все примеры, которые приводят апологеты данного тезиса).

Общая оценка политики в этой сфере должна строиться на учете всей совокупности фактов. Это, во-первых. И, во-вторых, она должна обязательно учитывать характер и особенности самой той эпохи, реальности как внутреннего, так и международного положения. Абстракции и произвольные обобщения здесь только могут помешать постичь суть всего происходившего в то суровое время. Это относится ко всем важным аспектам жизни периода властвования Сталина. Но особенно тщательно необходимо учитывать все эти факторы при рассмотрении так называемых щепетильных вопросов, к которым прежде всего относится и проблема антисемитизма. Причем не только применительно к сталинским временам, но и к современности.

ГЛАВА 12. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАЛИНА

1. Исторические заслуги и исторические просчеты Сталина

Присукая к финальной части нашего повествования, полагаю, что будет целесообразно затронуть проблему исторических заслуг и исторических просчетов Сталина. На первый взгляд как будто это выглядит неким забеганием вперед, поскольку еще не рассмотрен последний период жизни и деятельности вождя. Однако в таком подходе наличествует своя логика. Почему-то мне кажется, что сам Сталин на закате своей жизни мысленно не раз подводил свой богатый жизненный баланс и делал соответствующие выводы. Но это – всего лишь мое личное предположение. Однако оно дает мне некую видимость оснований следовать этому гипотетическому примеру. Но если говорить по существу, то, рассматривая данную проблему в настоящей главе, я исходил из следующих соображений. Во-первых, исторические заслуги Сталина относятся отнюдь не к завершающему периоду его жизни и государственной и политической деятельности. Во-вторых, это дает возможность глубже понять многие причины и мотивы его действий в завершающей части его жизненного пути. В-третьих, в значительной мере объясняют двойственность, а порой и абсолютную алогичность его важных решений в преддверии ухода в мир иной.

В связи с этим в приложении к Сталину возникает первый и самый важный вопрос: неужели он, наделенный недюжинным даром исторического предвидения, оказался неспособным заглянуть на несколько десятков лет

вперед, так сказать, за горизонты текущих событий, и предостеречь своих последователей о грозящей опасности капиталистической реставрации? Это первый вопрос, касающийся не столько исторических заслуг, сколько исторических просчетов вождя, которого считали мудрым и гениальным, способным предвидеть общий ход исторического процесса. По крайней мере, определить основное русло, по которому будет развиваться ход главных событий, определяющих историческую канву эпохи.

Примеры Сталина отвечают на этот вопрос, приводя записи беседы Сталина с Коллонтай. Во втором томе была уже высказана довольно скептическая позиция по поводу факта самой этой беседы. Но даже если бы она и имела место быть, то уже историческая важность и колоссальная актуальность данной проблемы диктовали необходимость выбора иного форума для высказываний столь сакральных мыслей о будущем. В документах и материалах, касающихся деятельности Сталина, прямых и ясных его высказываний на этот счет пока не обнаружено. А между тем опыт истории должен был подтолкнуть к мысли о том, что случится с его политическим наследием после его смерти. Ведь господство социалистического строя и всех сфер жизни, основанной на этом укладе, Сталин, вне всякого сомнения, простирает далеко за пределы своего земного бытия. Он внутренне верил в то, что победивший в стране социализм – это не надолго, а навсегда.

Оценивая ретроспективно, задним числом, с высоты прошедших десятилетий, некоторые принципиальные положения Сталина о полной и окончательной победе социализма, высказанные им в 30-е годы и закрепленные в решениях партийных съездов и высших государственных органов страны, следует признать, что на этих постулатах лежала печать скороспелости и поспешности. Вождь явно упрощал реальности жизни и желаемое выдавал за действительность. Конечно, с точки зрения политической борьбы со своими противниками данные положения должны были укрепить его властные позиции, а его самого возвести в ранг одного из классиков марксизма-ленинизма. Однако по трезвом размышлении он не мог не отдавать себе отчета в том, что созидание нового общественного уклада не может измеряться такими временными рамками, как пятилетки. Процесс замены старого общественного строя и созидание нового занимает целую историческую эпоху. Однако одна из самых отличительных черт всей политической философии вождя состояла в том, что он всегда стремился обогнать время, придать естественным и объективным общественным процессам такое ускорение, которое они не могли выдержать, не подвергаясь серьезной трансформации. Этим, на мой взгляд, объясняются и многие чрезвычайные насильственные меры, столь часто практиковавшиеся им. Данный тезис целиком и полностью приложим и к такой сфере, как классовые отношения. Сталин нередко исходил из посылки, что ликвидация эксплуататорских классов, по существу, равнозначна чуть ли не физической

ликвидации представителей этих классов. В этом коренилась одна из причин его жесткости и беспощадности в постановке вопроса о классовой борьбе при построении социализма. Многие издержки столь суровой классовой стратегии Сталина проявлялись и при его жизни. Есть веские основания полагать, что они аукнулись и десятилетия спустя, когда под лозунгами обновления социализма был развернут крестовый поход против самого социализма.

В вину Сталину частично можно поставить и то, что он создал предпосылки для перерождения в дальнейшем партии в партию, если не аллилуйщиков (его собственное выражение), то инертных и пассивных наблюдателей за происходившими событиями. Численность партии уже при Сталине росла непомерными темпами, в итоге чего в нее проникло много карьеристов, приспособленцев и иных людей, идейно никак не связанных с партией и ее целями. В дальнейшем этот процесс принял, по существу, всеобъемлющий масштаб, и партия превратилась в своего рода прикрытие для тех, кто только и мечтал о свободном рынке, о частном предпринимательстве. Короче говоря, уже при жизни Сталина начали формироваться те силы, которым суждено было сыграть роль могильщиков социализма в нашей стране. В этом мне видится одна из крупнейших политических ошибок вождя.

Не прямо, а косвенно на это намекает в своих воспоминаниях и Д. Шепилов: «После войны связи Сталина с партийным активом, с трудящимися ослабевали в геометрической прогрессии и перешли затем в настоящее затворничество. Этим определялось поведение и других руководителей, так как всякая личная активность могла вызвать подозрения Сталина со всеми вытекающими отсюда последствиями. Затворнический стиль работы лидеров в Москве ориентировал определенным образом республиканских и местных руководителей. Так постепенно складывалось положение, когда партийные и советские руководители стали фактически выступать перед массами с „тронной речью“ один раз в четыре года в связи с выборами в Верховный Совет. После XVIII съезда ВКП(б) партийный съезд не собирался тринадцать с лишним лет. Временами по два – три года не созывались пленумы ЦК. Не проводились совещания руководителей партии и правительства с передовиками производства и интеллигенцией. На местах положение было несколько лучше. Но в общем местные руководители подражали центру»¹⁰⁷⁹.

Коль речь идет об объективных причинах крушения социализма как общественного строя в нашей, да и в восточноевропейских странах, то здесь надо оперировать фактами, а не эмоциями. Мне могут возразить, что это была не случайность, а закономерный процесс, в ходе которого новый класс

---

¹⁰⁷⁹ «Вопросы истории». 1998 г. № 6. С. 36.

партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры, формированию которого способствовал сам вождь, достиг такой степени силы и зрелости, что открыто поставил вопрос о смене общественного строя. Я не намерен вдаваться в детали этой чрезвычайно интересной и актуальной с точки зрения исследования закономерностей исторического процесса проблемы. Она уже нашла свое отражение в работах ряда специалистов – историков и политологов. По этой проблеме можно придерживаться различных точек зрения, но нельзя не признать, что в своей основе она содержит рациональное зерно, поскольку, не порывая с фактами, дает возможность объяснения серьезных общественных контрпроцессов, которыми изобилует новейшая история.

Мне представляется, что Сталин должен был задуматься над тем, что сулит время после его ухода с политической сцены. К сожалению, какими-либо достоверными фактами и документами на этот счет историческая наука не располагает. Полагаться же на мемуарные и полумемуарные свидетельства всегда рискованно.

Созидая великую державу, Сталин был поглощен реальными практическими задачами, что, видимо, явилось одной из причин того, что более отдаленные перспективы развития Советской России оказались фактически вне поля его зрения. Более того, он не уделил серьезного внимания подбору и воспитанию своих преемников (или своего преемника). Хотя аксиоматична истина, что авторитарные правители (а таковым был и Сталин) всегда оказываются неспособными решить эту неразрешимую для них задачу, поскольку система их собственной власти как бы автоматически отторгает от себя институт правопреемства. История великих завоевателей и правителей прошлого – самое убедительное тому подтверждение: от Александра Македонского и Наполеона вплоть до современности. Начавшаяся у смертного одра вождя борьба советских диадохов (наследников Александра Македонского – Н.К.) за власть, за право наследования этой власти сама по себе явилась отражением того факта, что Сталин оказался не в состоянии создать стабильную и устойчивую систему правления, которая могла бы эффективно функционировать долгие годы после его кончины.

В данном контексте трудно оспорить утверждение биографа Сталина Р. Мак-Нила, который писал: «Номинально Сталин, являясь главой государственной и партийной системы власти, фактически прекратил быть главой той и другой. Он был просто Сталиным, истинным диктатором в том смысле, что власть исходила от него как от личности, а не базировалась на какой-либо легально установленной основе. Он находился в центре обширного множества органов управления, из которых партия была той базой, которая предоставляла его ближайшим помощникам большую свободу действий по многим вопросам. Но когда он желал вмешаться в какое-либо

дело, его слово было решающим»¹⁰⁸⁰. Именно авторитарный характер власти Сталина с абсолютной неизбежностью предопределял невозможность создания надежной и эффективно действующей системы передачи полномочий в другие руки.

Правда, истины ради надо заметить, что сам Сталин не рассматривал систему своей власти как авторитарную, а потому и подверженную всем испытаниям, выпадающим на долю таких систем. Он тешил себя мыслями, что партия как основа всей государственной и общественной жизни страны окажется дееспособной, чтобы правильно решить и вопрос о его преемнике. Написав эту фразу, я почувствовал, что сам упрощаю суть проблемы: ведь в последний период своей жизни сам вождь начал иногда в узком кругу соратников выражать сомнения и опасения относительно того, окажется ли партия на уровне вызовов времени, сумеет ли она проводить намеченный им курс. И оснований для сомнений у него было более чем достаточно. Партия, подстроенная под вождя, привыкшая подчиняться его любому жесту, уже в силу своей природы не могла играть иную роль, чем ей предписал вождь. Она превратилась в инструмент, с помощью которого наследники вождя решали свои проблемы, в первую очередь – утвердиться на вершине политического Олимпа. Но если взглянуть на вещи с более широких позиций, то, очевидно, придется согласиться с высказыванием французского мыслителя Жан-Жака Руссо. Он писал: «Политический организм так же, как и организм человека, начинает умирать с самого своего рождения и несет в себе самом причины своего разрушения»¹⁰⁸¹. Этот философский подход приложим и к оценке исторических судеб сталинской системы власти, равно как и интерпретации ее постепенной эволюции.

Ведь на самом деле едва ли можно оспорить мысль, что одна из крупнейших политических ошибок Сталина как раз и состоит в том, что без него партия не могла функционировать так, как при его жизни. В этом смысле Сталин сам как бы подготовил последовавший вскоре после его кончины процесс так называемой десталинизации. Логика политического противоборства его соратников с неотвратимой закономерностью привела к тому, что они избрали средством укрепления своей власти критику «хозяина», перед которым они при его жизни трепетали.

Однако констатация данного факта отнюдь не равнозначна тому, что к концу своей жизни Сталин уже не нуждался в партии как самом главном инструменте своей власти. В этой связи мне кажется довольно упрощенной точка зрения известного российского историка и биографа Сталина Ю. Жукова. Он придерживается той точки зрения, что Сталин хотел вообще

---

¹⁰⁸⁰ Robert H. Mc Neal . Stalin. p. 273.

¹⁰⁸¹ Великие мысли великих людей. Т. II. М. 1998. С. 579.

отстранить партию от реальной власти. Поэтому и задумал сначала новую Конституцию, а потом, на ее основе, альтернативные выборы. А следом он намеревался принять новую Программу партии и Устав. Есть основания полагать, что партийные реформы могли быть еще более смелыми. Выступая на пленуме в 1936 году, Сталин сказал: «У нас различных партий нет. К счастью или к несчастью, у нас одна партия». А как известно, необдуманных мыслей он не высказывал.

Ограничить власть партии, уравнивать ее с Советами – несбыточная мечта Сталина. Хотя выполнить эту задачу в 30-е годы не удалось, она будоражила его воображение всю жизнь. Так, в январе 1944 года решили собрать единственную за всю войну сессию Верховного Совета. Основной вопрос: создание во всех союзных республиках министерств иностранных дел и обороны в надежде сделать многие республики членами ООН. Как всегда, перед сессией собрался Пленум, а накануне – заседание Политбюро. На заседание Политбюро был вынесен необычный проект решения Пленума. Написан он был Молотовым и Маленковым, прочитан Сталиным. В проекте говорилось о том, что партийные органы всем руководят, но ни за что не отвечают. Такого положения больше допускать нельзя. В ведении партии следует оставить две функции: идеологическую работу и участие в подборе кадров. Во все остальные сферы партия не должна вмешиваться. Но этот проект не прошел даже через Политбюро. Эту идею Сталин пытался реализовать и после войны, но уже не успел¹⁰⁸².

Мои критические реминисценции в связи с тем, что произошло после смерти вождя никак не могут служить своего рода обоснованием или даже оправданием процесса десталинизации, начатой после смерти Сталина. Сам этот процесс был инициирован людьми с узким политическим горизонтом и почти полным отсутствием чувства исторической ответственности. Безусловно, Сталина было за что критиковать, причем порой весьма жестко и остро. Однако инициаторам этой кампании следовало прежде подумать над вопросом – против кого обернется вся их кампания: против Сталина как руководителя или против социализма как общественного строя. В конце концов по прошествии десятилетий критика личности Сталина как государственного и политического деятеля утратила свою остроту и свою актуальность. Личность вождя превратилась в своеобразную мишень, целясь в которую целятся прежде всего и главным образом в социализм.

Теперь настал черед отметить и исторические заслуги Сталина как политического лидера и государственного деятеля.

Если выделять некоторые главные особенности Сталина как государственного деятеля, то на одно из первых мест можно поставить его качества как геополитика. Он не только постиг природу и своеобразие

---

¹⁰⁸² См. «Наш современник». 2004 г. № 12. (Электронная версия).

геополитики на каждом отдельном этапе развития международных отношений, ее преломление в сфере мировой политики, но и стал не просто мастером, а настоящим гроссмейстером геополитики. Надо сказать, что в сталинские времена само понятие геополитика являлось чуть ли не ругательным политическим ярлыком и подвергалось зашутельской критике, если не сказать, предавалось анафеме. Тому были свои причины и основания: фашистская идеология использовала геополитические воззрения для оправдания своих экспансионистских устремлений, фактически для обоснования своей расистской теории. Но – и это выявилось и точно обозначилось позднее – геополитика, понимаемая как наука, а не как инструмент для оправдания разбойничьих захватов, имеет реальное позитивное содержание. И овладение ее законами чрезвычайно важно для государственных деятелей, особенно руководителей великих держав, при проведении своей линии в сфере международных отношений.

Будучи главой Советского Союза, Сталин скрупулезно учитывал в своих практических действиях и в своих долгосрочных политических планах требования геополитического подхода. Правда – и это надо подчеркнуть специально, чтобы у читателя не сложилось превратного представления, – геополитический подход Сталин сочетал, а порой и органически связывал с классовым подходом. Думается, что Сталин уже к началу 30-х годов в глубине души осознал определенную узость, а в ряде случаев и ущербность, односторонность и однолинейность чисто классового подхода. Прежде всего это относилось к сфере международных отношений и внешней политики. Здесь сугубо классовые критерии порой могли завести в тупик и создать для страны огромные проблемы, разрешить которые иногда было просто невозможно. У меня сложилось твердое убеждение, что одним из первых и наиболее противоречивых образчиков сталинской геополитики был пакт о ненападении с Германией. Несмотря на все существенные издержки, связанные с его заключением, этот пакт в конечном счете оказался выигрышным геополитическим шагом Сталина. И главный – но не единственный – аргумент в подтверждение данного вывода заключается в результатах войны с Германией. Именно Сталин, а не Гитлер оказался победителем. Именно Сталина история вознесла на вершину славы. А немецкий фюрер стал полуобгоревшим трупом, захороненным в прямом и переносном смысле на свалке истории.

В серьезном споре нужны серьезные аргументы, а не тонкая цепь хитросплетений, на которых и зиждется вся аргументация. Вся совокупность фактов, а не отдельно вырванные из их общей суммы и при этом подвергнутые умелой подтасовке «фактики», способна отобразить реальную картину исторических событий. В этом контексте я и оперирую такими понятиями, как конечные результаты того или иного шага на международной арене. Ведь средства достижения цели в любом случае важны. Но они никак не важнее самой цели, особенно если эта цель благородна и направлена на

благо подавляющего большинства народа, а не отдельных, пусть и избранных его представителей. Именно такая логика лежала в основе мотивации всей политической стратегии Сталина. И такая стратегия дала свои плоды, она оказалась действенной и продуктивной. Конечно, задним числом можно вести бесконечные дискуссии о правомерности или оправданности того или иного шага Сталина в сфере мировой политики. Однако за этими спорами и дискуссиями не должно утрачиваться главное – эти шаги приносили свои плоды, поскольку базировались на реалистическом анализе ситуации и верном политико-стратегическом прогнозе.

К разряду крупнейших достижений Сталина в сфере реализации международных целей Советской России следует отнести довольно быстрое и успешное налаживание союзнических отношений с западными державами после начала войны. Не следует игнорировать то обстоятельство, что между нашей страной и западными державами, помимо общих задач борьбы против экспансии германского фашизма, существовали и серьезные противоречия. Сталин поставил себя выше этих противоречий, он на передний план выдвинул то, что давало возможность создания мощного антигитлеровского альянса. Могут возразить: а что еще ему оставалось делать? Действительно, интересы военного противоборства с железной необходимостью диктовали соединение сил, противостоящих гитлеровской экспансии, а затем и японской. Иными словами, жизнь сама создала объективные предпосылки для союзнических отношений со странами Запада. И тем не менее, имелись существенные разногласия и противоречия в стане антигитлеровской коалиции. И Сталин, учитывая все сложности отношений с ними, сумел добиться того, что эта коалиция не распалась и сумела победоносно завершить вторую мировую войну. Нет сомнений в том, что если бы он был в плену узкоклассовых постулатов, то создание коалиции и ее в целом эффективная деятельность оказались бы за пределами возможного.

Другим геополитическим достижением поистине мирового масштаба явилось создание блока демократических государств в Восточной Европе, а затем и в Азии. Этот фактор оказывал огромное воздействие на все мировые процессы, в первую очередь те, которые протекали в Европе. Геополитический замысел вождя некоторые интерпретируют как попытку возродить старые имперские традиции царской России. Внешне это как будто и выглядит так, но в действительности это было совершенно новое, уникальное явление в истории международных отношений. Становление социалистического содружества радикальным образом повлияло на соотношение и расстановку сил в мире в целом. Именно благодаря этому сложилось некое подобие равновесия сил, которое многие политологи с достаточным на то основанием рассматривают в качестве одной из важнейших предпосылок международной стабильности.

Если оперировать современной терминологией, то несомненный научный и политический интерес представляет вклад Сталина в подрыв

структуры международных отношений, которые сейчас мы именуем как монополярный мир, в котором господствовали Соединенные Штаты Америки и отчасти Великобритания. Во многом благодаря проведению сталинской стратегии в сфере международных отношений сложились реальные объективные предпосылки к формированию основополагающих, базисных устоев для появления биполярного мира с двумя центрами притяжения – Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Именно биполярная структура международных отношений наиболее адекватно отвечала реальностям той эпохи. Во многом благодаря этой структуре на протяжении ряда десятилетий удавалось избежать всеобщей войны, которая в условиях наличия ядерного оружия могла стать последним актом истории мировой цивилизации. Между прочим, этот аспект исторического наследия и заслуг Сталина пока еще исследован недостаточно глубоко и всесторонне. Хотя заслуживает того без всяких оговорок.

Особо следует выделить роль Сталина в приобретении Советской Россией статуса ядерной державы. Она стала таковой во многом благодаря тому, что вождь придавал этому первостепенное значение, понимая, что в мире суровых, а порой и жестоких реальностей, в мире прямого и косвенного противоборства великая держава без ядерного оружия – нечто несуразное. Не стань Россия ядерной державой, она была бы поставлена на колени, и еще неизвестно, смогла бы она подняться во весь рост. Слабых в мире противостояния не просто не уважают, а открыто презирают и превращают в своих марионеток. Поэтому, бесспорно, одной из немеркнущих заслуг Сталина перед Россией и перед ее историей явилось то, что он сделал все возможное и невозможное, чтобы наша страна стала ядерной державой и не оказалась на задворках мировой политики. И в политическом наследии Сталина – это такое достижение, которое нельзя оспорить или подвергнуть сомнению. Пусть об этом, если не говорят, то хотя бы помнят те, кто выступает ныне в роли хранителей отечества и правопреемников величия России. Затрагивая чрезвычайно сложную и вместе с тем актуальную, я бы сказал злободневную, проблему судьбы сталинского политического наследия в свете современного развития России, нельзя обойти молчанием один аспект. О перекосах и перегибах сталинской национальной политики на протяжении всех лет его правления довольно подробно было написано в предшествующих томах. Здесь же в качестве своего рода обобщения мне хочется акцентировать внимание на том, что произвольное перекраивание границ, не говоря уже о выселении целых народов, создало серьезные предпосылки для возникновения в последующем серьезных коллизий и национально-государственных конфликтов. Решая фактически произвольно столь щекотливые вопросы, как национально-государственное размежевание, Сталин закладывал фактически мину замедленного действия под здание единого государства. При этом, видимо, он исходил из мысли, что в условиях существования Советской власти и однопартийной системы на национальной

почве серьезные конфликты маловероятны, а если они и возникнут, то их не так уж трудно будет разрешить. Здесь вождь глубоко заблуждался. Будучи великолепным знатоком национальных проблем, он все-таки недооценивал взрывоопасного потенциала национализма и националистических сил. При определенных условиях эти силы утрачивают свою классовую сущность (или во многом теряют ее) и превращаются в самостоятельный и самодовлеющий фактор исторического процесса. Если зреть в корень, то совершенно очевидно, что первопричины, истоки таких конфликтов, как грузино-абхазский, грузино-южноосетинский, осетино-ингушский, карабахский, а также в определенной мере и приднестровский, своей первопричиной имеют сталинскую политику в отношении решения ряда национальных проблем. Можно утверждать, что в ряде случаев он слишком прямолинейно, без учета национального фактора решал вопросы государственных и административных границ в рамках Союза. Здесь ему изменяло чувство реальности и исторического предвидения, он явно недооценивал мощную взрывоопасную силу национализма. Хотя сказать, что он проявлял какое-то особое благоволение к своей малой родине – Грузии, было бы не вполне корректно. Он внимательно следил за развитием Грузии, но не давал повода, чтобы его могли упрекнуть в том, что он создает для своей малой родины какое-то особо привилегированное положение. Здесь следует искать руку Л. Берия, благодаря которому многие вопросы на практике решались в пользу Грузии и в нарушение прав абхазского и осетинского народов. Хотя Южная Осетия и не входила в состав России, тем не менее трудно найти разумное объяснение тому, почему один народ – осетины – в условиях Советской власти при свободном волеизъявлении не мог иметь одну общую автономную республику.

Хрущев, видимо, хорошо усвоив сталинские уроки, не менее произвольно, чем сам Сталин, подошел к национальной проблеме, в порыве то ли безудержного восторга от расцвета дружбы народов СССР, то ли в силу своей политической близорукости, навязал решение о передаче исконно принадлежавшего России Крыма Украине. К чему это привело – мы сегодня видим чуть ли не каждый день.

В этой связи хочется привести мнение видного русского философа и мыслителя, враждебно относившегося к коммунистической власти, но обеими ногами стоявшего на почве русского патриотизма. В далекие теперь годы он писал: «...Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних врагов. Благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного

давления»¹⁰⁸³.

Здесь, как говорится, ни прибавить и ни убавить: русский мыслитель Федотов как будто смотрел в ретроспективное историческое зеркало и видел в нем то, что произошло спустя многие десятилетия. Читатель, возможно, удивится тому, что ряд аспектов политики Сталина подвергаются здесь, на первый взгляд, чрезмерно концентрированной критике. Но, во-первых, вся трехтомная политическая биография Сталина не мыслилась как некий свод дифирамбов в честь вождя. Во-вторых, критический анализ просчетов и грубейших ошибок Сталина отнюдь не преследует цель поставить под вопрос его поистине великие достижения и немеркнущие заслуги перед народами нашей страны, перед историей России. Интересы истины, правда истории диктуют необходимость и правомерность именно такого объективного подхода, где заслуги не заслоняли бы собой ошибки и грубейшие просчеты, а последние, в свою очередь, не абсолютизировались и не затмевали то великое, что сделал для страны Сталин. Историческое наследие Сталина многогранно и противоречиво, как и вся его жизнь и политическая и государственная деятельность. Некоторые аспекты этого наследия сохранили свою значимость и для современности. Подлинно великое имеет долгую жизнь. Если под этим углом зрения посмотреть на некоторые стороны государственной политики Сталина, то следует признать, что они обретают порой новое звучание и играют живыми красками современности. В качестве одного из наиболее актуальных и имеющих прямое отношение к нашим дням хочется выделить одну важную черту сталинского политического мышления и подхода к государственным делам. Он выше всего ставил интересы страны, которым подчинял все свои действия – будь то правильные и разумные, продиктованные потребностями дальнейшего развития государства, будь то ошибочные шаги, подчас наносившие ощутимый вред этой же самой стране. Мне уже доводилось в каждом конкретном случае давать соответствующие оценки и делать отнюдь не только положительные выводы его деятельности. Здесь же мне представляется необходимым коснуться исключительно актуальной проблемы, органически невидимыми нитями связанной с реалиями современной действительности.

Речь идет о защите национальной самобытности русской и вообще советской культуры, всего исторического наследия народов Советского Союза. И важнейшим компонентом совокупности всех культурных ценностей любого народа, большого или малого, является его язык как носитель и выразитель духовного наследия народа, как тот своеобразный канал передачи наследственной информации, генетически присущей, видимо, не только отдельным индивидуумам, но и целым народам. Мне представляется, что совсем не случайным стало вторжение Сталина в начале 50-х годов в

---

¹⁰⁸³ Т.П. Федотов. Судьба и грехи России. С.-П. 1991. Т. 1. С. 178.

довольно специфическую для него сферу, какой является языкознание. Его работа по этой теме, как представляется, не содержала каких-то весомых мыслей и обобщений, помимо критики ставшей схоластической трактовки проблем языка с позиций классового подхода. Но не этот аспект проблемы привлекает сейчас внимание. Еще до опубликования своей работы, а именно в конце 40-х – начале 50-х годов минувшего столетия, по инициативе вождя была развернута широкомасштабная кампания развенчания космополитизма. О ней достаточно подробно говорилось в текущем томе. Здесь же я хотел выделить и особо акцентировать внимание на одном обстоятельстве.

Борьба против космополитизма по своему содержанию была борьбой за национальное достоинство и национальную гордость народов всего Советского Союза. Хулители же Сталина представляют ее как борьбу против всего иностранного, всего прогрессивного, всего цивилизованного. То, в каком положении оказалась в наше время национальная культура России, опять-таки косвенным образом свидетельствует о том, что Сталин обладал удивительным даром исторического предвидения и на много десятков лет вперед видел те колоссальные угрозы, которые таит в себе недооценка данного вопроса.

Эту кампанию либеральные демократы и вообще все критики Сталина рассматривают преимущественно в плоскости ужесточения идеологической линии с особым акцентом на раздувание антисемитизма. Если же посмотреть на эту кампанию с объективных позиций и видеть в ней не только то, что непременно хочется видеть, а оценить ее в более широком историческом контексте, то проглядывают, прямо скажем, совершенно иные цели и мотивы этой кампании. Прежде всего речь шла о защите и возвышении истинно национальных и культурных ценностей и богатств народов Советской России, тех духовных основ, без которых любой народ в современном мире может легко утратить свою идентичность. При этом, конечно, речь не шла о том, чтобы изолировать духовное и культурное наследие советских народов от богатейших духовных и культурных ценностей всего человечества.

В приложении к современности мы наглядно видим, какой безудержной, яростной и непрерывной экспансии во всех сферах духовной жизни подвергается Россия. Фальшивым обоснованием этого смертельно опасного для каждого народа и его национальной самобытности, его исторического наследия выставляется процесс глобализации, который, мол, неотвратимо ведет к слиянию культур, к растворению их в общецивилизационном котле. Отвлекаясь от прошлого и оценивая ситуацию наших дней, хочу заметить, что лично у меня особую тревогу вызывает поистине тотальная агрессия против русского языка.

Речь идет не о естественном процессе обогащения русского языка в связи с общим прогрессом науки и техники. Речь идет о том, что русский язык пытаются превратить в помесь нижегородского волапука с английским, в дурную разновидность языка полуколониального государства. Мне,

человеку, отнюдь не безграмотному в области лингвистики, часто трудно даже с помощью многих словарей понять то, о чем вещает наше телевидение и пишут газеты. Да и левые издания идут нередко по стопам тех, кто сознательно ведет войну против великого русского языка. В одной из уважаемых мною газет я наткнулся на заголовок во всю полосу – «Пиар на Черной речке». Речь шла о дуэли А.С. Пушкина на Черной речке. У меня мелькнула мысль, что Пушкин, наверное, перевернулся бы в гробу, прочитав такое. Английскую аббревиатуру РК превратили чуть ли в не самое универсальное слово русского языка. Оно уже в ряде случаев заменяет матерный жаргон. К сожалению, и левые также грешат этим злоупотреблением, оправдывая себя тем, что, мол, оно укоренилось и понятно широким слоям народа. Но это слабое и несостоятельное утешение. Нам навязывают свои, чуждые нам, правила игры, и мы начинаем играть по этим правилам.

Высказывая эти соображения, я отнюдь не стремлюсь к примитивному упрощению тогдашней ситуации. А реминисценции и сопоставления с сегодняшним днем навеяны отнюдь не стремлением оправдать все аспекты кампании борьбы с космополитизмом. Но нельзя не подчеркнуть, что защита национального достоинства и великого культурного и исторического наследия народов России диктует в настоящее время необходимость развертывания последовательной борьбы против попыток похоронить это наследие, подменить наши национальные ценности так называемыми общечеловеческими ценностями. Ведь общечеловеческие ценности по существу являются голыми абстракциями, если они не сливаются органически и не сочетаются с национальными ценностями.

Против русского языка вот уже на протяжении двух десятилетий ведется целенаправленная агрессия, призванная подорвать основы самого этого языка путем внедрения в него искусственным путем англоязычных терминов и слов. Конечно, пусть меня не считают ретроградом, под видом защиты чистоты русского языка выступающим против его естественного обогащения новыми словами и терминами, рождающимися естественно в силу законов развития жизни и законов развития самого языка. Процесс обогащения языка новыми словами и терминами закономерен и объективно обусловлен, и его нельзя остановить никакими запретительными мерами. Это понятно. Но совсем другое дело, когда идет не естественное обогащение языка, а чуть ли не насильственное внедрение посредством печати и средств массовой информации слов и терминов английского языка в его американском варианте. Язык, как и другие компоненты национального достояния народа, нуждается в защите от такой агрессии. А то наступит такое время – оно уже наступает, – когда русский человек должен будет смотреть телевидение и читать газеты, журналы и книги, прибегая к помощи англо-русского словаря. Полуграмотные культуртрегеры, вещающие с экранов телевизоров, денно и нощно вдалбливают в сознание наших

соотечественников чуждые их духу и понимания слова и понятия, тем самым выступая в качестве сознательных или непреднамеренных врагов русской культуры и русского языка.

Несмотря на все, подчас до карикатурности нелепые извращения политики в области литературы и искусства в сталинскую эпоху, они тем не менее в главном и основном были ориентированы на служение не узкой элите, а подавляющего большинства населения страны. Простой человек-труженик был не только объектом, во имя которого создавались художественные произведения, но и его субъектом, т.е. основным потребителем. И эта генеральная ориентация развития культуры и искусства, всего духовного творчества многомиллионных масс населения Советской России как раз и предопределила невиданный взлет, великие и никем неоспоримые достижения советского искусства и советской литературы, не говоря уже об образовании, науке, технике и т.д. Искусство в подлинном смысле принадлежало народу и служило ему. Это, разумеется, одна сторона вопроса. Другой ее отнюдь не второстепенной стороной выступали идеологические функции, которые Сталин возлагал на сферу литературы и искусства. Они должны были служить его политическим целям, что зачастую приводило к неизбежным коллизиям, когда интересы правды жизни приносились в жертву идеологическим задачам. Наблюдалось своеобразное раздвоение, которое красной нитью проходит через всю историю литературы и искусства в сталинскую эпоху. Как было показано выше, всякого рода идеологические рогадки и систематически проводившиеся кампании не могли не нанести серьезного ущерба развитию духовного творчества. Об этом умалчивать нельзя. Одновременно нельзя отрицать и того факта, что сталинская эпоха ознаменовалась также и крупными достижениями во многих областях литературы и искусства. Как ни жаловались писатели на цензуру и другие притеснения их творчества, все же создавались не какие-то мелкие поделки, недолговечные и не способные оставить глубокий след в духовной судьбе народов, а настоящие произведения, пережившие свое время и ставшие составной частью исторического наследия России.

При всем так называемом политическом заказе писатели и режиссеры, художники и скульпторы творили порой с удивительным вдохновением, которое давало возможность им раздвинуть узкие рамки официальной и конъюнктурщины. Это, думается, отрицать могут только слепцы или люди, пронизанные зоологической ненавистью ко всему советскому. Естественно, что достижения в данной сфере также следует в той или иной мере связать с именем человека, давшего название этой эпохе. Если же сопоставить так называемые культурные достижения современного этапа российской истории с минувшей эпохой, то охватывает чувство, близкое к шоку: при отсутствии цензуры (кроме, разумеется, цензуры денежного мешка и всяческого рода идеологических предпочтений) в стране на протяжении двух десятилетий не появилось ничего такого в сфере литературы и культуры, понимаемой в

широком смысле, что бы вызвало чувство гордости за свою страну. Население пичкают подделками мелкого пошиба, главные герои современности – дельцы (бизнесмены), их охранники, уголовники, политические воры в законе и т.п. псевдогерои. Поневоле скажешь – какая эпоха, такие и герои, ее олицетворяющие!

Какие бы филиппики ни обращались против Сталина в сфере государственного строительства, но одного у него никто не может отнять – он последовательно и твердо, не уступая ни в чем, вел борьбу за величие и достоинство Советской России, за то, чтобы все с ней непременно считались, уважали ее мнение по любому сколько-нибудь существенному вопросу международных отношений. На жесткие и хлесткие обвинения в диктатуре и подавлении инакомыслия в стране он не то что не обращал внимания, но придавал им ровно то значение, которого они заслуживали. Не стоит думать, что ему было наплевать на то, что о нем и Советской России пишут и говорят за границей. Напротив, вождь скрупулезно следил за всеми важными отзывами и оценками своей политики в мире. Это позволяло ему лучше ощущать пульс мировой обстановки и глубже продумывать свои конкретные практические шаги и действия на мировой политической сцене. Его режиссура политической стратегии страны была продуманной, она исходила не только из текущих меркантильных потребностей, но была ориентирована и на будущее.

Было бы преувеличением назвать Сталина блестящим прогнозистом событий, поскольку, как было показано в трилогии его политической биографии, довольно часто он допускал серьезные просчеты в проведении своей линии как внутри страны, так и на международной арене. Но глубокий аналитический ум, политическое чутье и блестящее владение политической стратегией в целом позволяли ему избегать таких ошибок и просчетов, которые вели бы к банкротству его курса в целом. Этот бесспорный факт трудно опровергнуть даже рьяным критикам Сталина.

Часто Сталина сравнивают с Иваном Грозным. Для такой аналогии, бесспорно, есть некоторые основания: имеются в виду прежде всего такие его черты, как непримиримость к своим противникам, жестокость, с которой он расправлялся с ними, а также последовательная борьба против удельных устремлений князей и самостийности боярства, не желавшего смириться с утратой своей самостоятельности. Не менее важным основанием для исторического сопоставления этих двух фигур российской истории служит то, как решительно и целеустремленно российский самодержец претворял в жизнь курс на укрепление централизованного государства и расширение его территориальных пределов. Но этим, пожалуй, и исчерпываются элементы сходства, дающие повод некоторым историкам проводить параллель между ними.

На мой взгляд, существует гораздо больше оснований сопоставлять Сталина с Петром I. По многим параметрам Петр отличался не меньшей

жестокостью, чем Иван Грозный, а если принимать во внимание масштабы, то и значительно превосходил последнего. Однако главным критерием, наиболее емко и рельефно выражающим и отражающим роль Петра I в российской истории, явились грандиозные преобразования всего сложившегося уклада российской действительности. Он не только прорубил окно в Европу, но и превратил страну в одну из наиболее могущественных и влиятельных держав своей эпохи. В каком-то смысле, говоря о преобразованиях Петра, допустимо использовать даже термин революция. Разумеется, если не вкладывать в это понятие ортодоксальное большевистское содержание.

В шкале исторических сравнений Сталин, несомненно, стоит гораздо ближе к Петру, чем к Ивану Грозному. Если царь поднял Россию на дыбы, чтобы она начала свой путь в неизведанное, то Сталин явился инициатором и вдохновителем радикальных преобразований, открывших перед Россией широкую дорогу становления государства как единого и неделимого целого, превращения ее из отсталой в развитую индустриальную державу, способную принять суровые вызовы времени и дать на них достойный ответ. Весьма характерно отношение самого Сталина, когда немецкий писатель Э. Людвиг поставил перед ним вопрос: «...Допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?»

Сталин. Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна.

Людвиг. Но ведь Пётр Великий очень много сделал для развития своей страны, для того, чтобы перенести в Россию западную культуру.

Сталин. Да, конечно, Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры.

Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни – быть достойным его учеником.

Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении другого класса, а именно – рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо „национального“ государства, а укрепление государства социалистического, и значит – интернационального, причём всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной. Вы видите, что Ваша

параллель не подходит»¹⁰⁸⁴.

Параллель с Петром I может – и вполне резонно – вызвать и возражения. После войны Сталин нередко критиковал царя за то, что он не просто прорубил окно в Европу, но и заполонил свой двор и вообще российскую аристократию иностранцами. При нем иностранцы фактически впервые в российской истории стали самостоятельной и самодовлеющей силой, интересы которой нередко превалировали над русскими национальными интересами. Так что данную параллель следует принимать с определенными оговорками, т.е. учитывать приведенное выше обстоятельство.

Возвращаясь к высказыванию Сталина о сравнении с Петром I, следует внести поправку на время, когда были сказаны эти слова¹⁰⁸⁵. В начале 30-х годов Сталин достаточно упрощенно, с чисто ортодоксальных позиций классического большевизма подходил к трактовке вопроса о природе национального государства. Он проводил между национальным государством вообще и классовым государством, которое создали большевики, непреодолимую пропасть, фактически игнорируя при этом фундаментальные черты общности, присущие любому государству, вне зависимости от его классовой природы.

В противном случае, если следовать ортодоксальному большевизму, утрачивается внутренняя историческая преемственность исторического процесса. Надо прямо признать, что большевики, да и сам Сталин, до определенного периода времени страдали скверной болезнью исторического нигилизма. По этой причине они наломали немало дров как в государственном строительстве, так и в вопросах культуры и вообще духовной жизни народов нашей страны. Этот неоправданный нигилизм дорого обошелся самим большевикам, оттолкнув от них довольно широкие слои и прослойки населения как в городе, так и в деревне. И в заслугу Сталина следует все же поставить то, что он сумел преодолеть узколобые рамки прежних большевистских воззрений и в качестве главного критерия истины поставил практику, как того и требовали те же самые каноны диалектики. Причем сделал он этот крутой поворот достаточно своевременно, ибо в противном случае судьба советской власти при Сталине могла сложиться весьма плачевно. Правда, следует добавить, что суровые реалии эпохи сдерживали процесс его эволюции в сторону национально-

---

¹⁰⁸⁴ *И. Сталин*. Соч. Т. 13. С. 104 – 105.

¹⁰⁸⁵ В последующие годы оценка Сталина Петра Великого хотя и не подверглась публичному пересмотру, тем не менее, по некоторым свидетельствам, он отзывался о нем даже с чувством некоторого восхищения. По словам зятя Сталина Ю. Жданова, вождь говорил о Петре: «Крут он был, но народ любит, когда им хорошо управляют». *Ю.А. Жданов*. Взгляд в прошлое. С. 147.

государственного мышления. Сдерживали, но не могли остановить.

Жизнь народа в сталинскую эпоху была почти спартанской, но не в смысле добровольного самоограничения, а в силу постоянной и повсеместной нехватки всего необходимого. Не будет большим преувеличением воспользоваться в данном случае словами великого русского сатирика М. Щедрина – люди сами изнемогали под бременем своего счастья. Эта сторона сталинской эпохи наложила на нее свою неизгладимую печать. Однако это только лишь одна, причем не главная, характерная черта сталинской эпохи. Ее главная сторона, вне всякого сомнения, состояла в великом созидательном труде во имя процветания отечества, в его героической защите во время войны, в тяжелом и упорном труде в деле максимально быстрого восстановления разрушенного войной народного хозяйства, в борьбе за утверждение и сохранение позиций Советской России как мировой державы первой величины.

И вот это сочетание трагического и героического порой вызывает не только непонимание, но и отторжение. И чтобы не ошибиться, здесь нужно чувство исторической соизмеримости, а не легковесное отрицание, за которым, кроме всего прочего, таится неспособность вникнуть в смысл и дух той эпохи, о которой идет речь. К сожалению, мартиролог либерального идиотизма начинается не с той страницы истории, на которую приходится политическая деятельность Сталина. Он имеет гораздо более масштабную хронологию. Но в применении к общей оценке Сталина он проявляет себя каждый раз с особой силой. Силой не понимания, а силой отрицания. Едва ли есть резон в том, чтобы переубеждать тех, кто в чем-то убежден настолько, насколько это возможно. Ведь для многих перешагнуть через свои предубеждения гораздо труднее, чем изменить свои убеждения. Наше время в этом отношении являет собой нечто уникальное – убеждения меняются легче, чем перчатки. Больше того, поразительный пример являют собой те, кто, не придерживаясь вообще никаких убеждений, постоянно меняет даже их. Как ни звучит это парадоксально, но за фактами далеко ходить не надо: достаточно лишь обратиться к политической жизни современной России, которую всегда именуют демократической, хотя до подлинной демократии ей ох как еще далеко. Лицемерие, политическое мошенничество, примитивная эксплуатация слепого доверия – этой неизлечимой болезни русского народа – все это неотъемлемые атрибуты сегодняшней действительности.

Говоря о Сталине как исторической фигуре, прежде всего следует выделить его целеустремленность в достижении поставленных целей. Раз цель поставлена, то он целиком и полностью концентрировался на ее реализации, не довольствуясь промежуточными результатами и всякого рода паллиативными решениями. Данное качество весьма ценно для политика и руководителя государства. Собственно, без этого качества всерьез говорить о политике или государственном деятеле не приходится. У Сталина это качество было развито в весьма высокой степени. Другой отличительной

чертой Сталина является то, что он всю свою сознательную жизнь провел в борьбе, именно борьба пронизывает каждую страницу его политической биографии, что едва ли нуждается в дополнительном обосновании. И этот настрой на борьбу, по-видимому, нередко побуждал его к принятию неверных решений. Вплоть до своей смерти (исключая в целом период войны) Сталин всегда находил врагов, которые, по его мнению, замышляют те или иные заговоры против него или Советской власти вообще. Апология борьбы как средства политического бытия – отличительная черта его как исторической фигуры. Кстати, многие великие личности истории также отличались этим качеством, и в этом смысле он не являл собой некую историческую уникальность.

2. Соратники вождя: соперничество и интриги

Выше я уже вскользь касался вопроса о том, что диктаторская система власти в силу своей внутренней природы исключает возможность выбора преемника. В таком случае диктатор как бы заранее уже делится частью власти с намеченным им преемником. Сталин, однако, не относился к числу тех людей, которые были способны на такой шаг – ему нужна была абсолютная власть, безраздельная власть. Правда, сын Маленкова А. Маленков утверждает, будто ко времени XIX съезда партии Сталин, мол, настолько проникся доверием к Г. Маленкову, что тот якобы получил право подписи за Сталина¹⁰⁸⁶. Не знаю, насколько это соответствует действительности и каковы были объемы этой передачи, на какие документы они распространялись и как все это было воспринято соратниками вождя, коли это было фактом. По крайней мере, у меня на этот счет существуют более чем серьезные сомнения: как-то все это не укладывается в рамки самой природы сталинской власти и сталинского характера.

Чрезвычайно важное значение в таких условиях приобретало то, что обычно называют функциональной способностью Сталина правильно, с учетом объективных реальностей, организовать не только управление огромной страной с колоссальными проблемами, ежечасно встававшими перед ней. А Сталин, по многим отзывам, в этом плане был совсем неадекватен (это слишком мягкое выражение!). Уже в середине 30-х годов он явно страдал манией преследования, всюду видел опасность покушения на свою жизнь, а потому фактически не доверял никому. В этом плане очень характерно свидетельство адмирала И. Исакова, записанное К. Симоновым. Итак, адмирал вспоминал: «В тот раз, о котором я хочу рассказать, ужин происходил в одной из нижних комнат: довольно узкий зал, сравнительно

---

¹⁰⁸⁶ Андрей Маленков. О моем отце Георгии Маленкове. М. 1992. С. 57.

небольшой, заставленный со всех сторон книжными шкапами. А к этому залу от кабинета, где мы заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли часовые – не часовые, а дежурные офицеры НКВД. Помню, после заседания пришли мы в этот зал, и, еще не садясь за стол, Сталин вдруг сказал: „Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...“ Я, как и все, слушал это в молчании. Тогда этот случай меня потряс. Сейчас, спустя много лет, он мне кое-что, пожалуй, объясняет в жизни и поведении Сталина, не все, конечно, но кое-что»¹⁰⁸⁷.

Конечно, такого рода мнительность вождя не могла быть каким-то случайным, эпизодическим проявлением внезапно возникшего подозрения и страха за свою жизнь. Есть веские основания полагать, что она являлась его имманентной чертой, наложившей свою неизгладимую и зловещую печать на все годы его правления. Сошлюсь в данном случае на мнение более чем компетентного человека в этом деле – бывшего лечащего врача Сталина профессора В.Н. Виноградова, долгое время бывшего личным врачом вождя. В литературе о Сталине общепринятой точкой зрения является следующая: во время обследования Сталина в 1952 году профессор высказал серьезные опасения по поводу здоровья вождя и якобы посоветовал ему резко ограничить объем своей работы, либо вообще прекратить ее. (Насчет последней рекомендации у меня имеется серьезное сомнение, поскольку, зная характер своего пациента, лечащий врач едва ли бы осмелился на последнюю рекомендацию.) По крайней мере, результатом было то, что Сталин заподозрил Виноградова в чем-то зловещем, и вскоре он попал в число тех, кто был привлечен к делу врачей.

Однако, как видно, лечащий врач был человеком не только сильного характера, но и неукоснительно следовал заповедям Гиппократов и не стал скрывать от пациента правду. Причем стоял на этом твердо. Уже после ареста, находясь под жестким прессом сталинских чекистов, он продолжал твердо отстаивать свое заключение. Вот его показания, данные 6 января 1953 г., когда его с пристрастием допрашивал следователь: 6 января 1953 г. он показал:

«В послевоенные годы у Василия Иосифовича (для маскировки даны другие имя и отчество Сталина – Н.К.) наблюдалось психическое заболевание. Несмотря на то, что он неоднократно находился на излечении в санатории „Барвиха“, его здоровье все же ухудшилось, и в последнее время заболевание обострилось, наблюдалось сильное психическое расстройство.

ВОПРОС. Вот вы и скажите, кто вместе с вами повинен в подрыве

---

¹⁰⁸⁷ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. «Знамя». 1988 г. № 5. С. 69.

здоровья Василия Иосифовича?

ОТВЕТ. Я не знаю ни одного факта вредительского, преступного отношения врачей к лечению Василия Иосифовича. Я лично при его лечении никаких злонамеренных действий не допускал. В последние годы вместе со мной к лечению Василия Иосифовича привлекались невропатолог ГРИНШТЕЙН, ЕГОРОВ П.И. и психиатр ПОПОВ Е.А. С их стороны я не замечал каких-либо неправильных действий, направленных не на пользу больному.

ВОПРОС. Но следствию известно, что именно вы усугубляли заболевание Василия Иосифовича. Говорите, как было в действительности.

ОТВЕТ. Повторяю, что никаких преступных замыслов в отношении Василия Иосифовича у меня не было и во вред его здоровью я ничего не делал»¹⁰⁸⁸.

Относительно состояния здоровья Сталина историки не располагают богатым материалом. По некоторым данным, в Кремлевской больнице существовала «История болезни И.В. Сталина», в которую записывались данные о здоровье Генсека за многие годы. Любая больница имеет медицинское «досье» на любого из своих постоянных пациентов, это обычная медицинская практика. Однако после ареста личного врача Сталина В.Н. Виноградова в 1952 году все медицинские документы о Сталине были уничтожены по его же личному распоряжению. Сталин не хотел, чтобы объективные данные о состоянии его здоровья могли быть кому-либо известны. Дочь Сталина Светлана в своих воспоминаниях пишет, что осенью 1945 года «...отец заболел и болел долго и трудно...»¹⁰⁸⁹

Так что при рассмотрении данного аспекта приходится полагаться на отрывочные, а то и случайные свидетельства. Но как бы там ни было, факт серьезного психического расстройства вождя, который преследовал его на протяжении многих лет, едва ли может быть поставлен под сомнение. Это, конечно, отражалось на всех сторонах деятельности, в том числе и прежде всего на отношениях со своими соратниками, на подборе и выдвижении кадров высшего звена, не говоря уже о преемнике.

Истины ради, можно привести и другие свидетельства знавших Сталина людей, которые старались убедить, что он был сам вполне адекватен и ему лишь ставили спицы в колеса люди типа Берии. Так, бывший при Сталине министром сельского хозяйства И.А. Бенедиктов в своих воспоминаниях, в целом проникнутых нескрываемым восхищением вождем, отвечал на вопросы корреспондента:

«– Вы утверждали, что Сталин хорошо разбирался а людях, знал им

---

¹⁰⁸⁸ Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953. С. 463 – 464.

¹⁰⁸⁹ Жорес Медведев, Рой Медведев. Неизвестный Сталин. С. 18.

истинную цену... Как же хорошо, если ошибся в Хрущеве, Берии, Вышинском, в других входивших в его окружение людях?

– Не думаю, что это было ошибкой. Сталин, как и Ленин, умел использовать людей, политический облик которых считал сомнительным, небольшевистским. Не одни ведь 100-процентные марксисты-ленинцы обладают монополией на умение работать, высокие деловые качества... И Вышинский, и Мехлис, и Берия имели меньшевистское прошлое, „темные пятна“ в своей биографии. Но их профессиональные „плюсы“ явно перевешивали, тем более что к формированию политической стратегии этих деятелей не допускали. Позволил же Ленин занять высокие посты Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, которых не считал настоящими большевиками и подлинно марксистскими теоретиками.

У нас всегда крайности. Если хвалим, до небес, если ругаем, обязательно надо в порошок стереть... Либо дьявол, либо ангел, а что посередине, то этого как бы не бывает, хотя в жизни, напротив, бывает, и очень часто.

Возьмите, например, Берию. Его преподносят как скопище всех мыслимых и немыслимых пороков. Да, пороки у него имелись, человек был непорядочный, нечистоплотный – как и другим наркомам, мне от него немало натерпеться пришлось. Но при всех своих бесспорных изъянах Берия обладал сильной волей, качествами организатора, умением быстро схватывать суть вопроса и быстро ориентироваться в сложной обстановке, определяя ее главные и второстепенные моменты.

Ведь это факт, что под руководством Берии было осуществлено, и в кратчайшие сроки, создание атомного оружия, а в годы войны с рекордной быстротой сооружались объекты оборонного значения.

Но Берия умел небольшой ошибке придать видимость сознательного умысла, даже „политических“ намерений. Думаю, Берию, как и Мехлиса, Сталин использовал как своего рода „дубинку страха“, с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки, которые Ленин весьма точно окрестил „русской обломовщиной“. И, надо сказать, подобный, не очень привлекательный метод срабатывал эффективно»¹⁰⁹⁰.

Правда, и Бенедиктов не ограничился только дифирамбами в честь Сталина и вынужден был признать, что, к сожалению, необходимые строгость и последовательность проявлялись не всегда. В ряде случаев Сталин, может быть, из-за острой нехватки людей, может быть, по каким-то личным соображениям, допускал назначения, и на высокие посты, людей, склонных к угодливости, умеющих ловко пристраиваться к сложившейся конъюнктуре. Так было, на мой взгляд, с выдвижением А.Я. Вышинского,

---

¹⁰⁹⁰ Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущеве. Полный текст беседы с Бенедиктовым опубликован в журнале «Молодая гвардия». 1989 г. № 4. С. 12 – 65.

занимавшего некоторое время даже пост министра иностранных дел, – человека редкого ораторского дара, блестящей образованности и глубоких знаний, но приспособленца по своей сути. Обычно же, повторяю, предпочтение отдавалось принципиальным, самостоятельно мыслящим людям. И не случайно в годы Великой Отечественной войны Сталин открыто называл своим преемником Г.К. Жукова, а в первые послевоенные годы – Н.А. Вознесенского – людей железной воли, с твердым и прямым характером, чаще других возражавших ему при обсуждении военных и государственных вопросов¹⁰⁹¹.

В дальнейшем мы еще коснемся вопроса о преемниках Сталина, но здесь мне хочется сделать одно небольшое замечание: Сталин открыто нигде не высказывался о том, что пишет бывший министр. Мне думается, что все это следует отнести к разряду политических игр, которые так умело вел вождь, ставя в тупик порой даже тех, кто, казалось бы, должен был его хорошо знать. Здесь вождь не придумал ничего нового и особенного. Он просто последовательно руководствовался древним римским правилом – *divide et impera* – разделяй и властвуй!

Вождь не только блестяще усвоил суть этого девиза, но и довел его до совершенства, наполнив содержанием, соответствующим реалиям эпохи, получившей его имя. Собственно, весь путь к вершинам власти, а затем тяжелая и повседневная, не знающая никаких пауз борьба за сохранение своей власти, прошла у Сталина именно под знаком использования этого универсального девиза. А этот девиз прошел испытание на свою эффективность на протяжении не просто столетий, а даже тысячелетий. В данном случае вождь полностью полагался на исторический опыт – он-то уже не подведет!

Словом, основной метод держать своих соратников в полном подчинении, не допускать возможности того, чтобы они (упаси, Боже!) вдруг на почве страха перед Сталиным и неопределенности их собственной судьбы не организовали против него нечто вроде коллективного заговора с целью отстранения от власти, – основной метод был стар, как мир. И соратники это прекрасно понимали. Тем более, задним числом становится все более очевидным, что они вообще были неспособны к каким-либо радикальным действиям, направленным против вождя. Ведь Сталин обладал не только верховной властью, но и олицетворял собой незыблемость установившегося режима, и любое выступление против него ставило под серьезную угрозу вообще стабильность в стране. Однако это все – мои досужие рассуждения, поскольку, повторяю, ни о каком реальном заговоре с целью устранения Сталина с его постов не могло быть и речи, учитывая и положение самого вождя и личные качества его ближайших соратников.

---

¹⁰⁹¹ См. там же.

Но фактом остается то, что вождя, видимо, всерьез сверлила мысль о своем преемнике. Писать какое-либо завещание было бессмысленно: он знал всю историю с ленинским завещанием и отдавал себе отчет, что это – пустое и абсолютно неэффективное средство. О том, что в его сознании все-таки тлела мысль о преемнике, как это не покажется странным, он поведал во время Потсдамской конференции не кому-либо, а премьеру Великобритании У. Черчиллю. Согласно воспоминанию премьера, «Сталин говорил о преемственности советской политики. Если с ним что-нибудь случится, то имеются хорошие люди, готовые стать на его место. Он думал на тридцать лет вперед»¹⁰⁹².

Что касается его утверждения, что он думал на тридцать лет вперед, то это явное преувеличение. При том положении, в котором был сам вождь и том составе соратников, думать на тридцать лет вперед было чистой манией. Вообще в большой политике заглядывать на тридцать лет вперед – вещь не то что малореальная, а просто невозможная.

Но, тем не менее, есть основания предполагать, что в качестве своего преемника он тогда имел в виду Молотова. Однако не прошло и нескольких месяцев, как на мнимого преемника обрушился удар сокрушительной силы. И нанес этот удар именно Сталин. В начале декабря 1945 года, находясь на отдыхе на юге, он отправил в Москву следующую шифровку:

«ЦК ВКП(б) т.т. Молотову, Берия, Микояну, Маленкову.

Секретно. Лично.

Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты „Дейли Геральд“ из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина. Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденции без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства, Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру. Сегодня, однако, я читал в телеграммах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента „Нью-Йорк Тайме“, пропущенную отделом печати НКВД, где излагаются всякие клеветнические шуточки насчет членов нашего правительства в более грубой форме, чем это имело место одно время во французской бульварной печати. На запрос Молотову по этому вопросу, Молотов ответил, что допущена ошибка. Я не знаю, однако, кто именно допустил ошибку. Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКВД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКВД. Если же Молотов забыл

---

¹⁰⁹² Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5 – 6. С. 663.

распорядиться, то отдел печати НКВД не при чем и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу Вас заняться этим делом, так как нет гарантии, что йе будет вновь пропущен отделом печати НКВД новый пасквиль на советское правительство. Я думаю, что нечего нам через ТАСС опровергать пасквилы, публикуемые во французской печати, если отдел печати НКВД будет сам пропускать подобные пасквилы из Москвы за границу.

5 декабря 1945 г.

Сталин»¹⁰⁹³.

Молотов, Берия, Маленков и Микоян ответили Сталину шифровкой, в которой как-то попытались объяснить, а вернее, сгладить обвинения в адрес Молотова, приводя соответствующие оправдательные доводы. Однако их ответ вождя не только не удовлетворил, но, наоборот, еще более взбесил. И он сразу же шлет очередную шифровку, на этот раз минуя Молотова. В ней Сталин гораздо более категоричен. Вот ее текст:

«Москва, ЦК ВКП(б) т.т. Маленкову, Берия, Микояну.

Вашу шифровку получил. Я считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны. Что бы Вы там ни писали. Вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАССа и корреспонденцию „Дейли Геральд“, и сообщения „Нью-Йорк Тайме“, и сообщения Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не знать, что пасквилы на Советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отражаются на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквилы входят в план его работы?

Присылая мне шифровку, Вы рассчитывали должно быть замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но Вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До Вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим

---

¹⁰⁹³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. М. 2002. С. 195.

первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только Вам трем. Я ее не послал Молотову, так как я не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать»¹⁰⁹⁴.

Если расшифровать и без того ясный смысл этой шифровки, то ее можно было бы расценить как своего рода политический приговор Молотову. Тот был страшно напуган и считал необходимым обратиться к вождю с покаянным посланием. В нем он признавал, что им допущены серьезные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. «Сводки телеграмм инкоров, а также ТАСС я читаю и, конечно, обязан был понять недопустимость телеграмм, вроде телеграммы корреспондента „Дейли Геральд“ и других, но до твоего звонка об этом не принял мер, так как поддался настроению, что это не опасно для государства. Вижу, что это моя грубая, оппортунистическая ошибка, нанесшая вред государству. Признаю также недопустимость того, что я смазал свою вину за пропуск враждебных инкоровских телеграмм, переложив эту вину на второстепенных работников.

Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни.

Молотов»¹⁰⁹⁵.

Но, видимо, унижительное письмо Молотова мало повлияло на Сталина. Он считал необходимым расширить фронт атаки уже не только на одного Молотова, но и на других, в частности Микояна. В телеграмме указанной четверке он обвинял их в том, что они проявляют недопустимую уступчивость и либерализм в отношениях с США и Англией. Сталин подчеркивал, что одно время «Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умиловить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом Вы сорвете нашу политику стойкости и тем подведете наше государство. Именно в это время вся заграничная печать кричала, что русские

---

¹⁰⁹⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 197 – 198.

¹⁰⁹⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 200.

не выдержали, они уступили и пойдут на дальнейшие уступки. Но случай помог Вам, и Вы вовремя повернули к политике стойкости. Очевидно, что, имея дело с такими партнерами, как США и Англия, мы не можем добиться чего-либо серьезного, если начнем поддаваться запугиваниям, если проявим колебания. Чтобы добиться чего-либо от таких партнеров, нужно вооружиться политикой стойкости и выдержки»¹⁰⁹⁶.

Упреки, как говорится, более чем серьезные. И они носили не характер кратковременной вспышки, а скорее, обдуманного долгосрочного хода, нацеленного на дискредитацию Молотова. Отнюдь неспроста он напомнит ему впоследствии на пленуме ЦК в октябре 1952 года об этом эпизоде.

Обвинения коснулись и Микояна. Он был обвинен в неправильном расходовании хлебных ресурсов. В душе считая это обвинение необоснованным и несправедливым, А. Микоян тем не менее написал 4 октября 1946 г. покаянное письмо Сталину, где говорилось:

«Конечно, я, да и другие, не могут ставить вопросы так, как это Вы умеете.

Приложу все силы, чтобы научиться у Вас работать по-настоящему.

Сделаю все, чтобы извлечь нужные уроки из Вашей суровой критики, чтобы она пошла на пользу мне в дальнейшей работе под Вашим отцовским руководством.

Ваш А. Микоян»¹⁰⁹⁷.

Но это не помогло. 15 октября 1946 г. было принято постановление ПБ, в котором говорилось: «Никакого доверия не оказывать в этом деле т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения»¹⁰⁹⁸.

Одновременно Сталин проводит так называемое омоложение или оздоровление высших партийных органов. 18 марта 1946 г. пленум ЦК принимает постановление, в котором определялся состав Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Состав был дополнен следующими лицами:

Пополнить состав членов Политбюро т.т. Берия Л.П. и Маленковым Г.М.

Пополнить состав кандидатов в члены Политбюро т.т. Булганиным Н.А. и Косыгиным А.Н.

О составе Секретариата ЦК

Утвердить Секретарями ЦК ВКП(б) т.т. Сталина И.В., Маленкова Г.М., Жданова А.А., Кузнецова А.А. и Попова Г.М.

---

¹⁰⁹⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 201 – 202.

¹⁰⁹⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 224.

¹⁰⁹⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 225.

О составе Оргбюро ЦК

Утвердить Оргбюро ЦК в следующем составе:

т.т. Сталин И.В., Маленков Г.М., Жданов А.А., Кузнецов А.А., Попов Г.М., Булганин Н.А., Михайлов Н.А., Мехлис Л.З., Патоличев Н.С., Андрианов В.М., Александров Г.Ф., Шаталин Н.Н., Кузнецов В.В., Родионов М.И., Суслов М.А.¹⁰⁹⁹

Почти одновременно Сталин проводит чистку МГБ, во главе которого стоял человек Берии В.Н. Меркулов, во время войны работавший начальником «СМЕРШ»; в мае 1946 г. он был освобожден от обязанностей министра. При проверке, как отмечало Политбюро, выяснилось, что чекистская работа в Министерстве велась неудовлетворительно, что бывший министр Госбезопасности т. Меркулов скрывал от Цека факты о крупнейших недочетах в работе Министерства и о том, что в ряде иностранных государств разведывательная работа Министерства оказалась проваленной. Ввиду этого Пленум ЦК ВКП(б) постановляет: вывести из состава членов ЦК и перевести в кандидаты. Министром госбезопасности был назначен В.С. Абакумов – человек отнюдь не Берии¹¹⁰⁰.

Само министерство, прежде всего его руководящие кадры, подверглись серьезной перетряске. Важным элементом чистки в МГБ стало освобождение Берия от обязанностей наблюдения за работой этого министерства и возложение этих обязанностей на секретаря ЦК А. Кузнецова в сентябре 1947 года¹¹⁰¹.

Одновременно Сталин вновь возвратился к практике фабрикации судебных дел против тех или иных работников. Очевидно, он полагал, что вожжи нельзя слишком отпускать, и нужно, чтобы окружающие его соратники, а также военные находились в состоянии повышенной тревоги. Так, по фальшивой информации своего сына Василия вождь отдал распоряжение о расследовании так называемого дела авиаторов. В апреле 1946 г. Абакумов и подчиненные ему следственные работники этого же управления Лихачев и Комаров сфабриковали материалы о том, что бывший нарком авиационной промышленности Шахурин А.И., бывший командующий военно-воздушными силами Советской Армии Новиков А.А. и ряд других лиц, связанных с авиационной промышленностью и авиацией, якобы умышленно наносили вред военно-воздушным силам Советской Армии, поставляя на вооружение самолеты и моторы с большим браком или серьезными конструктивными и производственными недоделками.

---

¹⁰⁹⁹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 26.

¹¹⁰⁰ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С.207 – 209.

¹¹⁰¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 51.

На основании сфальсифицированных материалов Абакумов направил И.В. Сталину ложную информацию, в которой извратил действительное положение с выпуском и поставкой военно-воздушным силам Советской Армии самолетов и моторов, оклеветал вышеперечисленных лиц, создав версию о том, что якобы в результате их преступного сговора в частях военно-воздушных сил Советской Армии происходило большое количество аварий и катастроф.

Добившись на основании этих ложных материалов ареста Шахурина, Новикова, и других лиц путем применения к арестованным извращенных методов следствия, Абакумов совместно со своими подчиненными из следственного управления МГБ Лихачевым и Комаровым вынудил их подписать сфабрикованные самими же следователями «протоколы допросов», содержащие «признания» о том, что они проводили вражескую работу.

В ходе следствия по этому делу Абакумов, в целях подтверждения вымышленных им же самим обвинений против перечисленных выше лиц, направлял в адрес И.В. Сталина ложные информации, в которых изображал отдельные недостатки, связанные с организацией серийного производства новых типов самолетов и моторов, как результат, якобы имевшей место сознательной антигосударственной деятельности арестованных им по настоящему делу лиц¹¹⁰².

Дело авиаторов непосредственно затрагивало и Г. Маленкова. 4 мая 1946 г. Политбюро вынесло следующее постановление:

1. Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов – над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б).

2. Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)¹¹⁰³.

Его удаляют из секретариата ЦК, некоторое время он находится под домашним арестом, а потом Сталин решает послать его на хлебозаготовки в Сибирь (1946 год был голодный год, и вопрос о сборе урожая стоял необычайно остро). Маленков пока остается в должности зам. председателя Совета Министров, но до конца 1947 года он устранен от работы в ЦК. Уже в 1948 году Маленков быстро восстанавливает свои позиции в партийной иерархии: в июле 1948 года он вновь становится секретарем ЦК и возглавляет

---

¹¹⁰² Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956. Документы. М. 2000. С. 50.

¹¹⁰³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 206.

Оргбюро¹¹⁰⁴.

Отнюдь не случайно, что уже в июне 1953 года Президиум ЦК чуть ли не одним из первых дел, подлежащих реабилитации, рассмотрел дело авиаторов и признал, что проверкой также установлено, что Абакумов совместно с Лихачевым и Комаровым, встав на преступный путь обмана партии и правительства, довел арестованных Шахурин, Новикова и других лиц до состояния физической и моральной депрессии и, воспользовавшись этим, принудил их подписать сочиненные им же самим заявления на имя И.В. Сталина, в которых возводилась клевета на тов. Маленкова Г.М., шефствовавшего во время Великой Отечественной войны над авиационной промышленностью, в том, что он, якобы, зная о недостатках в производстве самолетов и моторов, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б).

На основе сфабрикованных Абакумовым ложных материалов Военной Коллегией Верховного Суда СССР Шахурин, Новиков и ряд других лиц в 1946 г. были осуждены к лишению свободы на разные сроки.

Постановлением Президиума дело было прекращено и осужденные по нему полностью реабилитированы¹¹⁰⁵.

Но делом авиаторов Сталин не ограничился. В 1947 году репрессиям подверглись также руководители ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов (заместитель министра вооруженных сил и главнокомандующий ВМС), заместитель главкома ВМС адмирал Л.М. Галлер, адмирал В.А. Алафузов и ряд других лиц. Всех их признали виновными и приговорили к различным срокам тюремного заключения. Обвинение было, естественно, липовым – их обвиняли в передаче союзникам во время войны секретной информации. Н. Кузнецова понизили в звании до контр-адмирала и назначили на гораздо более низкую должность.

В 1951 году были освобождены от должности заместитель министра Вооруженных Сил СССР маршал артиллерии Н.Д. Яковлев и начальник Главного артиллерийского управления И.И. Волкотрубенко. В феврале они были арестованы по обвинению во вредительстве. После смерти Сталина были освобождены и полностью реабилитированы. Получили новые высокие назначения.

Другим важным инструментом осуществления контроля за своими соратниками со стороны Сталина являлись постоянные перетасовки в руководящих верхах. Вождь всячески поощрял соперничество между ними и брал ту или иную сторону в зависимости от того, что считал выгодным для себя. А отношения среди соратников были далеки от товарищеских, а тем более дружеских. Сталин постоянно следил, чтобы в составе Политбюро

---

¹¹⁰⁴ См. *Андрей Маленков. О моем отце Георгии Маленкове.* С. 53.

¹¹⁰⁵ Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956. С. 51.

сохранялось какое-то, пусть зыбкое, но равновесие. Он прекрасно был осведомлен о внутренних взаимоотношениях между членами Политбюро. Так, например, Микоян впоследствии характеризовал Н. Вознесенского: «Он добился признания себя как экономиста, знатока военной экономики. Все шло нормально. Хотя как человек Вознесенский имел заметные недостатки. Например, амбициозность, высокомерие. В тесном кругу узкого Политбюро это было заметно всем. В том числе его шовинизм. Сталин даже говорил нам, что Вознесенский – великодержавный шовинист редкой степени. „Для него, – говорил, – не только грузины и армяне, но даже украинцы – не люди“»¹¹⁰⁶.

Вся политическая судьба вождя приучила его фактически не доверять никому: чуть ли не в каждом из членов Политбюро он усматривал своего эвентуального противника. Нельзя не признать, что даже такая чрезмерная подозрительность и мнительность играли для вождя свою позитивную роль. Именно эти качества в определенной мере обеспечили Сталину политическое долголетие, позволили ему переиграть как своих старых противников и соперников (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин), так и держать в железной узде своих соратников, поощряя соперничество между ними и всяческого рода интриги, переиграть сильных соперников и оппонентов, бывших соратников.

После войны смерть Жданова привела к нарушению зыбкого баланса сил в Политбюро, где начался новый, еще более жесткий этап соперничества за близость к вождю. К 1948 году расстановка сил на вершине политической власти выглядела так. С одной стороны, действовала мощная «ленинградская группа», в которую входили член Политбюро, заместитель председателя Совета Министров и председатель Госплана Вознесенский, секретарь ЦК, начальник управления кадров ЦК ВКП(б) Кузнецов, член Политбюро, зампред Совета Министров СССР Косыгин, осуществлявший наблюдение за работой легкой промышленности и финансами, первый секретарь Ленинградского обкома партии Попков, а также Родионов, возглавлявший Совет Министров РСФСР.

«Ленинградцам» (так назовем их условно) противостоял альянс секретаря ЦК Маленкова и бывшего наркома внутренних дел Берии. Последний проявил в годы войны не только организаторские способности и сильную волю, но и ненасытную жажду власти. Именно это послужило для Сталина причиной того, что он снял Берия в конце 1945 года с должности наркома внутренних дел. Ему было поручено сконцентрироваться на посту заместителя председателя Совета Министров на реализации атомного проекта и курировать топливно-энергетический комплекс. Это, однако, не означало, что Берия выпал из ближнего круга вождя.

После успешного испытания в 1949 году атомной бомбы влияние Берии

---

¹¹⁰⁶ Анастас Микоян. Так было. С. 559.

стало возрастать, поскольку он сумел оправдать доверие Сталина в столь важной области. Даже было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, в котором Берия была выражена благодарность «за организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытания атомного оружия», а также присвоено звание лауреата Сталинской премии 1-й степени. Серьезным успехом второй группы стало назначение в конце 1949 года Н. Хрущева секретарем ЦК и первым секретарем Московского горкома и обкома партии. Образовавшийся союз – Маленков, Берия, Булганин, Хрущев – добился в феврале 1951 года принятия двух важных решений Политбюро ЦК, закреплявших их доминирующее положение на вершине политической власти. Стоит заметить, что решения эти принимались опросом, без проведения заседания.

Во-первых, председательствование на заседаниях Президиума Совмина СССР и бюро Президиума было возложено поочередно на зампредов Совета Министров Булганина, Берия и Маленкова. Такая очередность устанавливалась постановлением Политбюро ЦК. Им поручалось также рассмотрение и решение текущих вопросов, тогда как постановления и распоряжения Совета Министров СССР предписывалось издавать за подписью председателя Совета Министров СССР Сталина¹¹⁰⁷. Молотов, Микоян и Каганович в результате этого в определенной мере утрачивали возможность влиять на формирование государственной политики. Во-вторых, Булганин стал председателем бюро по военно-промышленным и военным вопросам, которое было призвано координировать деятельность министерств авиационной промышленности, вооружения, Вооруженных Сил и Военно-Морского Флота¹¹⁰⁸.

Я привел лишь некоторые отрывочные факты, свидетельствующие не только о раскладе сил на партийном и государственном «Олимпе» в последний период жизни и деятельности Сталина, но и о том, какая жесткая борьба развертывалась среди соратников вождя. Причем особенностью тактики и стратегии Сталина было то, что он, как говорят, постоянно тасовал карты, сбивая с толку своих соратников. Так что никто из них не имел надежную гарантию от неожиданной опалы и даже расстрела. Такова была расстановка сил в верхах и таковы были волчьи законы, которые там господствовали.

---

¹¹⁰⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 86.

¹¹⁰⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 85.

3. «Ленинградское дело»

«Ленинградское дело» относится к одним из самых значительных дел, организованных Сталиным после войны. В отличие от других дел оно характеризует вождя как человека, все более утрачивавшего контроль над своими действиями и неспособного противостоять провокационным доносам, которыми снабжали его Берия и другие ближайшие соратники. Он прекрасно понимал, что среди его сподвижников развертывается ожесточенная борьба за право быть преемником вождя, поэтому для достижения этой цели соратники не гнушались никакими средствами. А сам Сталин, как будто демонстративно подчеркивал свои предпочтения тому или иному деятелю, тем самым обрекая его на неминуемую гибель. Порой у меня складывается такое впечатление, что, поступая так, он стремился лишь разжечь пламя борьбы между своими соратниками. Это частично подтверждает в своих воспоминаниях А. Микоян:

«Кажется, это был уже 1948 год. Как-то Сталин позвал всех, кто отдыхал на Черном море в тех краях, к себе на дачу на озере Рица. Там при всех он объявил, что члены Политбюро стареют (хотя большинству было немногим больше 50 лет и все были значительно младше Сталина, лет на 15 – 17, кроме Молотова, да и того разделяло от Сталина 11 лет). Показав на Кузнецова, Сталин сказал, что будущие руководители должны быть молодыми (ему было 42 – 43 года), и вообще, вот такой человек может когда-нибудь стать его преемником по руководству партией и ЦК. Это, конечно, было очень плохой услугой Кузнецову, имея в виду тех, кто втайне мог мечтать о такой роли.

Все понимали, что преемник будет русским, и вообще, Молотов был очевидной фигурой. Но Сталину это не нравилось, он где-то опасался Молотова: обычно держал его у себя в кабинете по многу часов, чтобы все видели как бы важность Молотова и внимание к нему Сталина. На самом же деле Сталин старался не давать ему работать самостоятельно и изолировать от других, не давать общаться с кем бы то ни было без своего присутствия. Потом, как я говорил, он сделал ставку на Вознесенского в Совмине»¹¹⁰⁹.

Полагаю, что одного этого примера еще недостаточно. Приведу свидетельство начальника охраны Шверника. Этот охранник стал свидетелем разговора Шверника с Шкирятовым (тогда заместитель председателя комиссии партийного контроля при ЦК партии – Н.К.), когда они вдвоем возвращались с дачи Сталина, где состоялась очередная сцена с предложением наследника. Вот этот разговор:

«...в разгар застолья Сталин неожиданно заговорил о том, что он уже довольно старый человек и руководить государством ему осталось не так уж

---

¹¹⁰⁹ Анастас Микоян. Так было. С. 565.

много времени. Поэтому надо бы сейчас выбрать человека, который бы сменил его на этом высоком посту, и начинать потихоньку готовить его к этой должности. Поскольку там присутствовали все члены Политбюро и ЦК, Иосиф Виссарионович заявил, что он ждет от них предложений. Первым, разумеется, высказался Маленков. Я не сомневаюсь, что его кандидатуру предложил Берия. Это подтверждается всеми моими многолетними наблюдениями. „Так ты обратил внимание, какое было лицо у Маленкова?“ – донимал Шкирятов Шверника. „Да, да“, – поддакивал Николай Михайлович, словно не замечая, как язвительно смакует Матвей Федорович подробности того, как Сталин без всяких объяснений и комментариев категорически отверг предложенную кандидатуру. И вдруг неожиданно сказал: „А вот насчет Молотова вопрос поставили правильно“. – „А ты видел, как радостно заулыбался Молотов?“ – снова съехидничал Шкирятов.

Как я позже на прогулке со Шверником догадался, Сталин тогда сказал, что кандидатура Молотова подходит, по всем параметрам, но есть только одно принципиальное „но“: дескать, Вячеслав Михайлович от него самого далеко годами не ушел и Молотов такой же старый человек, как и он сам. А надо выдвинуть такую личность, которая могла бы руководить государством, как минимум, лет двадцать – двадцать пять. Из разговора в машине я понял, что потом все долго молчали и больше никого не решались выдвигать. Тогда Сталин, выждав паузу, сказал: „Хорошо. Теперь я предложу вам человека, который может и должен возглавить государство после меня. Имейте в виду, что этот человек должен быть из нашего круга, хорошо знающий нашу школу управления и которого не надо ничему учить заново. Он должен быть хорошо натаскан во всех государственных вопросах. И поэтому я считаю таким человеком Вознесенского. (Насчет его грубости он тогда ничего не сказал.) Экономист он блестящий, государственную экономику знает отлично и управление знает хорошо. Я считаю, что лучше его кандидатуры у нас нет“»¹¹¹⁰.

Все происходившее носило характер политической игры, в которой автором, режиссером и исполнителем главной роли выступал Сталин. В конечном счете, это и стало своеобразной движущей пружиной, приведшей в действие механизм запуска ленинградского дела. Оно было сфабриковано и вызвано непрекращающейся борьбой среди помощников Сталина. Мотивы, заставившие Маленкова, Берия и Хрущева уничтожить ленинградскую группировку, были ясны: усилить свою власть. Они боялись, что молодая ленинградская команда придет на смену Сталину. «Ленинградское дело» было спровоцировано и организовано самим вождем, который стремился поддерживать среди высших руководителей атмосферу подозрительности, зависти и недоверия друг к другу и на этой основе еще больше укреплять

---

¹¹¹⁰ Владимир Логинов. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 49 – 50.

свою личную власть. Так называемое «ленинградское дело» связано и с именами ряда лиц, близко стоявших к Сталину, входивших в состав его окружения: Г.М. Маленковым, Л.П. Берия, М.Ф. Шкирятовым, В.С. Абакумовым и другими. Они явились фактическими исполнителями противозаконных действий по фальсификации обвинений и организации расправы с сотнями невинных людей.

После Великой Отечественной войны произошли персональные изменения в составе руководящего ядра партии и Советского государства. Большими полномочиями был наделен Н.А. Вознесенский, который одно время являлся первым заместителем Председателя Совнаркома СССР, а после войны, будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР и возглавляя Госплан, занимал ключевой пост в руководстве советской экономикой.

Вместе с тем на ответственную партийную работу были выдвинуты молодые члены и кандидаты в члены ЦК ВКП(б), хорошо проявившие себя в годы Великой Отечественной войны. Так, секретарем Центрального Комитета избрали А.А. Кузнецова, который одновременно был утвержден начальником Управления кадров ЦК, Председателем Совета Министров Российской Федерации был назначен бывший секретарь Горьковского обкома партии М.И. Родионов. В своей деятельности молодые руководители проявляли инициативу, самостоятельность в решении хозяйственных и организационных задач.

Поводом для фабрикации ложных обвинений в отношении А.А. Кузнецова послужила проведенная с 10 по 20 января 1949 г. в Ленинграде Всероссийская оптовая ярмарка. Г.М. Маленков выдвинул против А.А. Кузнецова и Председателя Совета Министров РСФСР М.И. Родионова, секретарей Ленинградского обкома и горкома партии П.С. Попкова и Я.Ф. Капустина обвинения в том, что они провели ярмарку без ведома и в обход ЦК и правительства. Между тем документально установлено, что ярмарка была проведена во исполнение постановления Совета Министров СССР. Обвинения в адрес руководителей ленинградской организации нарастали, как снежный ком. Им вменялось в вину, что они противопоставляют себя ЦК партии, стремятся огородить ленинградскую организацию от партии и превратить ее чуть ли не в самостоятельную. Якобы они намеревались даже создать компартию Российской Федерации, чтобы укрепить свои позиции в борьбе против центра (т.е. Сталина). В качестве фактического материала для обвинения служило и то, что руководители ленинградской организации просили взять шефство над Ленинградом Вознесенского, хотя тот, видимо, понимая, чем это все грозит ему, отказался. Словом, сумма обвинений была более чем весомой, учитывая подозрительность и мнительность Сталина.

По указанию Сталина 15 февраля 1949 г. Политбюро рассмотрело вопрос об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова М.И. и Попкова П.С. В

постановлении отмечалось, что председатель Совета Министров РСФСР вместе с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А.А. самовольно и незаконно организовал Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краев и областей РСФСР, включая и самых отдаленных, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик...

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, говорилось далее в постановлении, главными виновниками указанного антигосударственного действия кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова и Попкова и члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А.А., которые нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины...

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у т.т. Кузнецова А.А., Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б).

...В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение «шефствовать» над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н.А., а также неправильное поведение т. Попкова, когда он связи ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым «шефом» т. Кузнецовым А.А.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что такие непартийные методы должны быть пресечены в корне, ибо они являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие в отношениях между Ленобкомом и ЦК ВКП(б) и способны привести к отрыву ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с ленинградской организацией, охаивания Центрального Комитета ВКП(б), якобы не заботящегося о нуждах Ленинграда, отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и противопоставления ленинградской организации партии и ее Центральному Комитету.

Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять т. Родионова с поста председателя Совета Министров РСФСР, объявить ему выговор и направить на учебу на партийные курсы при ЦК ВКП(б).

2. Снять т. Попкова с поста первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), объявить ему выговор и направить на учебу на партийные курсы при ЦК ВКП(б).

3. Снять т. Кузнецова А.А. с поста секретаря ЦК ВКП(б) и объявить ему выговор.

4. Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о «шефстве» над Ленинградом, указав ему на неправильность такого предложения, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении «шефствовать» над Ленинградом, сделанном ему т. Попковым¹¹¹¹.

Это постановление послужило фактическим основанием для дальнейшей «разработки» «ленинградского дела». К нему уже косвенно был привязан и Вознесенский. Однако организаторы дела постарались расширить состав обвинения в адрес Вознесенского. Как свидетельствует Микоян, «Сталин при обсуждении предложил поручить Вознесенскому как председателю Госплана обеспечить такой рост, чтобы не было падения плана производства в первых кварталах против последних. Не знаю почему, видимо, психологическая обстановка была такая, Вознесенский ответил, что можно это сделать». И вот месяца через два или три Берия достал бумагу заместителя председателя Госплана, ведающего химией, которую тот написал Вознесенскому как председателю Госплана. В этой записке говорилось, что «мы правительству доложили, что план этого года в первом квартале превышает уровень IV квартала предыдущего года. Однако при изучении статистической отчетности выходит, что план первого квартала ниже того уровня производства, который был достигнут в четвертом квартале, поэтому картина оказалась такая же, что и в предыдущие годы».

Эта записка была отпечатана на машинке. Вознесенский, получив ее, сделал от руки надпись: «В дело», то есть не дал ходу. А он обязан был доложить ЦК об этой записке и дать объяснение. Получилось неловкое положение – он был главным виновником и, думая, что на это никто не обратит внимания, решил положить записку под сукно. Вот эту бумагу Берия и показал, а достал ее один сотрудник Госплана, который работал на госбезопасность, был ее агентом. И когда мы были у Сталина, Берия выложил этот документ. Сталин был поражен. Он сказал, что этого не может быть. И тут же поручил Бюро Совмина проверить этот факт, вызвать Вознесенского.

После проверки на Бюро, где все подтвердилось, доложили Сталину. Сталин был вне себя: «Значит, Вознесенский обманывает Политбюро и нас, как дураков, надувает? Как это можно допустить, чтобы член Политбюро обманывал Политбюро? Такого человека нельзя держать ни в Политбюро, ни

---

¹¹¹¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 66 – 67.

во главе Госплана!» В это время Берия и напомнил о сказанных в июне 1941 г. словах Вознесенского: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой». Это, конечно, подлило масла в огонь, и Сталин проникся полным недоверием к Вознесенскому, которому раньше очень верил¹¹¹².

5 марта 1949 г. состоялось решение Политбюро по Вознесенскому. В нем, в частности, говорилось: в результате проверки, произведенной Бюро Совета Министров СССР в связи с запиской Госснаба СССР... о плане промышленного производства на I квартал 1949 года, вскрыты факты обмана Госпланом СССР Правительства, установлено, что Госплан СССР допускает необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается прежде всего в подгонке цифр с целью замазать действительное положение вещей, вскрыто также, что имеет место смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами и ведомствами и занижение производственных мощностей и хозяйственных планов министерств¹¹¹³.

Далее в постановлении отмечалось: в ходе проверки Председатель Госплана СССР т. Вознесенский, первый заместитель Председателя т. Панов, начальник сводного отдела народнохозяйственного плана т. Сухаревский вместо признания антигосударственных действий, допущенных Госпланом, упорно пытались путем подгонки цифр скрыть действительное положение вещей, показав тем самым, что в Госплане СССР имеет место круговая порука, что работники Госплана СССР, нарушая государственную дисциплину, подчиняются неправильным порядкам, установленным в Госплане СССР...

Проверка показала, что т. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом СССР, не проявляет обязательной особенно для члена Политбюро партийности в руководстве Госпланом СССР и в защите директив Правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана СССР, вследствие чего в Госплане СССР культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана Правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана СССР хитрят с Правительством. В постановлении указывалось:

– Обязать Госплан СССР решительно покончить с антигосударственной практикой и устранить отмеченные в настоящем Постановлении извращения в работе Госплана СССР...

– Освободить т. Вознесенского от обязанностей Председателя

---

¹¹¹² Анастас Микоян. Так было. С. 560 – 561.

¹¹¹³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 281.

Госплана СССР¹¹¹⁴.

Это было логическое продолжение намеченного плана по разгрому ленинградской парторганизации. Не случайно в этой связи Сталин вспомнил о оппозиции Зиновьева – Каменева 1925 – 1926 гг. Видимо, мысль о возможном повторении этого явления сверлила ему мозги, хотя, конечно, эти аналогии не имели под собой никаких оснований и являлись плодом болезненного воображения и фантастического преувеличения. Но Сталин порой на политические процессы смотрел через призму прошлого, что не отражало реальной картины жизни. Так было и с «ленинградским делом».

Между тем, недавно еще обласканный вождем Вознесенский, пытался, как говорится, достучаться до сердца вождя. Он обращается к нему с письмом. Тем более что его обвинили еще и в пропаже секретных государственных документов (что также было подстроено гебистской агентурой).

«Товарищ Сталин!

Обращаюсь к Вам с великой просьбой – дать мне работу, какую найдете возможной, чтобы я мог вложить свою долю труда на пользу партии и Родины. Очень тяжело быть в стороне от работы партии и товарищей.

Из сообщений ЦСУ в печати я, конечно, вижу, что колоссальные успехи нашей партии умножены еще тем, что ЦК и Правительство исправляют прежние планы и вскрывают новые резервы. Заверяю Вас, что я безусловно извлек урок партийности из своего дела и прошу дать мне возможность активно участвовать в общей работе и жизни партии.

Прошу Вас оказать мне это доверие; на любой работе, которую поручите, отдам все свои силы и труд, чтобы его оправдать.

Преданный Вам Н. Вознесенский»¹¹¹⁵.

Но это был глас вопиющего в пустыне. Уже полным ходом шла подготовка к процессу над участниками ленинградского дела. Летом 1949 г. начался новый этап в разработке так называемого «ленинградского дела». В.С. Абакумов и работники возглавляемого им МГБ осуществили фабрикацию ряда материалов, обвиняя А.А. Кузнецова, М.И. Родионова и руководителей Ленинградской областной партийной организации в контрреволюционной деятельности. 21 июля 1949 г. В.С. Абакумов направил И.В. Сталину записку, в которой сообщал, что Я.Ф. Капустин подозревается в связи с английской разведкой и что эти материалы по указанию бывшего начальника ленинградского областного управления МГБ П.Н. Кубаткина хотели уничтожить. Как видно из резюме В.С. Абакумова на этой записке, И.В. Сталин дал указание об аресте Я.Ф. Капустина и П.Н. Кубаткина. 13

---

¹¹¹⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 282 – 283.

¹¹¹⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 293.

августа 1949 г. в Москве в кабинете Г.М. Маленкова без санкции прокурора были арестованы А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, П.Г. Лазутин, Н. В. Соловьев (первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), ранее работавший председателем исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся). 27 октября 1949 г. Н.А. Вознесенский также был арестован¹¹¹⁶.

18 января 1950 г. В.С. Абакумов представил И.В. Сталину список сорока четырех арестованных и высказал соображение «судить в закрытом заседании выездной сессии Военной Коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде без участия сторон, то есть обвинения и защиты, группу 9 – 10 человек основных обвиняемых», а остальных в общем порядке. 4 сентября 1950 г. В.С. Абакумов и А.П. Вавилов (Главный военный прокурор) представили И.В. Сталину записку с предложением осудить к расстрелу Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, М.И. Родионова и П.Г. Лазутина, осудить к 15 годам лишения свободы И.М. Турко, к 10 годам – Т.В. Закржевскую и Ф. Е. Михеева. И.В. Сталин против этих предложений не возражал, и 30 сентября 1950 г., когда процесс подходил к концу, они были приняты Политбюро ЦК ВКП(б).

29 – 30 сентября 1950 г. в Ленинграде состоялся судебный процесс по делу Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова и других. 1 октября 1950 г. в 0 часов 59 минут был оглашен приговор, по которому Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин осуждались к расстрелу. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Осужденные к расстрелу были лишены возможности даже ходатайствовать о помиловании, так как тотчас по вынесении приговора председательствующий по делу отдал распоряжение о немедленном приведении приговора в исполнение. В 2.00 часа 1 октября 1950 г., то есть через час после оглашения приговора, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин были расстреляны.

После расправы над «центральной группой» в различных регионах страны состоялись судебные процессы, которые вынесли приговоры остальным лицам, проходившим по «ленинградскому делу». Они отличались той же жестокостью и заведомой предопределенностью приговоров. Так, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу: Г.Ф. Бадаев – второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б); И.С. Харитонов – председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся; П.И. Левин – секретарь Ленинградского горкома ВКП(б); сестра и брат Н.А. Вознесенского – М.А. Вознесенская, работавшая секретарем Куйбышевского райкома партии г. Ленинграда, и А.А. Вознесенский, министр просвещения РСФСР. Были расстреляны председатель Госплана

---

¹¹¹⁶ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 316 – 317.

РСФСР, в прошлом первый заместитель председателя Ленгорисполкома М.В. Басов; первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), ранее председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся Н.В. Соловьев; второй секретарь Мурманского обкома ВКП(б), до этого секретарь Ленинградского горкома партии А.Д. Вербицкий; секретарь Ленгорисполкома А.А. Бубнов и многие другие¹¹¹⁷.

Всего по «ленинградскому делу» репрессиям было подвергнуто свыше 200 человек, часть как соучастники, а большинство – близкие и дальние родственники осужденных. Для этого широко использовалось Особое совещание при МГБ СССР¹¹¹⁸.

Нет нужды подводить итоги этому позорному делу и делать какие-то выводы. Однако одно замечание все же напрашивается само собой. Сталин допустил не просто политическую ошибку, но совершил подлинное преступление, отправив на тот свет Кузнецова, Вознесенского и других. То, что он, возможно, слишком доверялся информации, которой его снабжали Берия и другие соратники-соперники, ничуть не снимает с него ответственности. Как мне представляется, такие люди, как Кузнецов, были по-настоящему преданы партии и были бы хорошей опорой для Сталина, своеобразным противовесом зловещей клике Берия и его сообщников. Не знаю, пошли бы события в дальнейшем по иному руслу и можно было бы избежать нового приступа чуть ли не зоологической бдительности, если бы не случилось «ленинградское дело». Однако такая возможность в потенции не исключалась. Но события тем не менее пошли тем путем, какой и вошел в историю последних лет правления Сталина.

4. Экономическая дискуссия и XIX съезд партии

В два последних года перед смертью Сталин вдруг чуть ли не первостепенное внимание обратил на вопросы теории, в особенности вопросы, касающиеся экономики. Как свидетельствует бывший зять вождя Ю. Жданов, Д.И. Чесноков (ставший на XIX съезде партии, к своему собственному изумлению, членом Президиума ЦК) рассказывал ему, что перед тем как произнести свое грозное предостережение, Сталин сказал следующее: «Вы вошли в Президиум ЦК. Ваша задача – оживить теоретическую работу в партии, дать анализ новых процессов и явлений в стране и мире. Без теории нам смерть, смерть, смерть!»¹¹¹⁹

---

¹¹¹⁷ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 318 – 319.

¹¹¹⁸ «Вопросы истории КПСС». 1989 г. № 3. С. 63.

¹¹¹⁹ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. 176.

В центр внимания Сталин поставил вопрос о создании качественного учебника политической экономии. Он решил принять личное и самое непосредственное участие в этой работе. В феврале 1952 г. была готова его работа «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой в несколько схематической, так сказать, канонической манере, были сформулированы воззрения Сталина на такие проблемы экономической науки, как: вопрос о характере экономических законов при социализме, вопрос о товарном производстве при социализме, вопрос о законе стоимости при социализме, вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, а также вопрос о ликвидации различий между ними, вопрос о распаде единого мирового рынка и углублении кризиса мировой капиталистической системы, вопрос о неизбежности войн между капиталистическими странами, вопрос об основных экономических законах современного капитализма и социализма, а также некоторые другие, менее важные вопросы.

Особое внимание вождь уделил проблеме доказательства того, что экономические законы носят объективный характер и, соответственно, требуют к себе такого же отношения. «Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что ввиду особой роли, предоставленной историей Советскому государству, Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут „сформировать“ новые законы, „создать“ новые законы.

Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя»¹¹²⁰.

Далее Сталин особо подчеркнул: «Говорят, что экономические законы носят стихийный характер, что действия этих законов являются неотвратимыми, что общество бессильно перед ними. Это неверно. Это – фетишизация законов, отдача себя в рабство законам. Доказано, что общество не бессильно перед лицом законов, что общество может, познав экономические законы и опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и „оседлать“ их, как это имеет место в отношении сил природы и их законов, как это имеет место... в примере о

---

¹¹²⁰ И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 154.

разливе больших рек»¹¹²¹.

Особые споры в то время среди экономистов, да и вообще среди практиков-хозяйственников занимали проблемы применения законов товарного производства в условиях социалистического хозяйства. Сталин отметил, что наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его «денежным хозяйством» дело развития и укрепления социалистического производства.

Особое внимание Сталин уделил действию закона стоимости при социализме, подчеркнув, что, несмотря на непрерывный и бурный рост нашего социалистического производства, закон стоимости не ведет у нас к кризисам перепроизводства, тогда как тот же закон стоимости, имеющий широкую сферу действия при капитализме, несмотря на низкие темпы роста производства в капиталистических странах, – ведет к периодическим кризисам перепроизводства.

Говорят, продолжал далее свою мысль Сталин, что закон стоимости является постоянным законом, обязательным для всех периодов исторического развития, что если закон стоимости и потеряет силу, как регулятор меновых отношений в период второй фазы коммунистического общества, то он сохранит на этой фазе развития свою силу, как регулятор отношений между различными отраслями производства, как регулятор распределения труда между отраслями производства. Это совершенно неверно. Стоимость, как и закон стоимости, есть историческая категория, связанная с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами, и закон стоимости¹¹²².

Одним из наиболее существенных изъянов сталинских экономических концепций явилось скоропалительное и фактически ни на чем серьезном не основанное положение о распаде мирового рынка. Согласно Сталину, складывающийся рынок социалистических стран являлся антиподом единого мирового рынка и действовал как бы самостоятельно, чуть ли не в вакууме, что противоречило реальностям мирового хозяйства. Сталин утверждал, что наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны и ее

---

¹¹²¹ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 156.

¹¹²² *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 168 – 169.

хозяйственных последствий нужно считать распад единого всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство определило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы.

...Сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка сбыта для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться. В этом, собственно, и состоит углубление общего кризиса мировой капиталистической системы в связи с распадом мирового рынка¹¹²³.

Можно сказать, что Сталин с традиционных, уже явно устаревших позиций подходил к оценке столь важной проблемы, как неизбежность войн между капиталистическими странами. Над ним довлел груз прежних ленинских концепций, которые уже никак не умещались в прокрустово ложе реальностей новой эпохи. Сталин же продолжал настаивать на том, что борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма.

«Спрашивается, какая имеется гарантия, что Германия и Япония не поднимутся вновь на ноги, что они не попытаются вырваться из американской неволи и зажечь своей самостоятельной жизнью? Я думаю, что таких гарантий нет»¹¹²⁴.

Видимо, одним из своих крупнейших вкладов в развитие политэкономии социализма Сталин считал сформулированный им основной экономический закон социализма. В сталинской интерпретации это выглядело следующим образом: «Существует ли основной экономический закон социализма? Да, существует. В чем состоят существенные черты и требования этого закона? Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹¹²⁵.

В заключение Сталин подчеркнул международное значение подготовки нового учебника политэкономии. «Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам. Наши зарубежные

---

¹¹²³ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 174 – 175.

¹¹²⁴ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 178.

¹¹²⁵ *И. Сталин.* Соч. Т. 16. С. 182.

товарищи хотят знать, каким образом мы вырвались из капиталистической неволи, каким образом преобразовали мы экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недавно еще нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную, что из себя представляют колхозы, почему мы, несмотря на обобществление средств производства, не уничтожаем товарного производства, денег, торговли и т.д. Они хотят знать все это и многое другое не для простого любопытства, а для того, чтобы учиться у нас и использовать наш опыт для своей страны. Поэтому появление хорошего марксистского учебника политической экономии имеет не только внутривнутриполитическое, но и большое международное значение»¹¹²⁶.

К чести Сталина надо заметить, что он представил свою работу на обсуждение экономистов. 15 февраля 1952 г. состоялась беседа вождя с экономистами по вопросам политической экономии. Во время этой беседы имел место один любопытный эпизод. Участники встречи поставили перед вождем вопрос: можно ли опубликовать его «Замечания по экономическим вопросам» и использовать «Замечания» в педагогической и литературной работе?

Ответ Сталина гласил: «Публиковать мои „Замечания“ в печати не следует. Проект учебника политической экономии широкому кругу читателей не известен, он разослан ограниченному кругу лиц. Дискуссия по вопросам политической экономии была закрытой, о ней также наш народ не знает, и ход ее в печати не освещался. При таких условиях будет непонятно, если я выступлю со своими „Замечаниями“.

Кроме того, опубликовывать мои „Замечания“ в печати не в ваших интересах. Я забочусь об авторитете учебника. Учебник имеет мировое значение, его авторитет должен быть очень высоким. И будет правильно, если некоторые новые моменты, которые имеются в моих „Замечаниях“, читатель впервые узнает из учебника.

По этим же соображениям сослаться в печати на „Замечания“ не следует. Как же можно сослаться на документ, который не опубликован. Но если кому-нибудь из вас нравится какое-то положение в моих „Замечаниях“, пускай он изложит его в своей статье, как свое мнение, я возражать не буду. (Общий смех.)»¹¹²⁷

Как восприняли соратники Сталина его новую теоретическую работу? Конечно, речь идет не о всех соратниках, а о тех, кто более или менее разобрался в вопросах теории политэкономии. Наиболее полную картину реакции отнюдь не свободных в высказывании своих мнений соратников

---

¹¹²⁶ И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 186.

¹¹²⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. С. 359.

вождя рисует в своих воспоминаниях А. Микоян. Он писал: «Накануне XIX съезда партии вышла брошюра Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“. Прочитав ее, я был удивлен: в ней утверждалось, что этап товарооборота в экономике исчерпал себя, что надо переходить к продуктообмену между городом и деревней. Это был невероятно левацкий загиб. Я объяснял его тем, что Сталин, видимо, планировал осуществить построение коммунизма в нашей стране еще при своей жизни, что, конечно, было вещью нереальной...

Как-то на даче Сталина сидели члены Политбюро и высказывались об этой книге. Берия и Маленков начали активно подхалимски хвалить книгу, понимая, что Сталин этого ждет. Я не думаю, что они считали эту книгу правильной. Как показала последующая политика партии после смерти Сталина, они совсем не были согласны с утверждениями Сталина. И не случайно, что после все стало на свои места. Молотов что-то мычал вроде бы в поддержку, но в таких выражениях и так неопределенно, что было ясно: он не убежден в правильности мыслей Сталина. Я молчал.

Вскоре после этого в коридоре Кремля мы шли со Сталиным, и он с такой злой усмешкой сказал: „Ты здорово промолчал, не проявил интереса к книге. Ты, конечно, цепляешься за свой товарооборот, за торговлю“. Я ответил Сталину: „Ты сам учил нас, что нельзя торопиться и перепрыгивать из этапа в этап и что товарооборот и торговля долго еще будут средством обмена в социалистическом обществе. Я действительно сомневаюсь, что теперь настало время перехода к продуктообмену“. Он сказал: „Ах так! Ты отстал! Именно сейчас настало время!“ В голосе его звучала злая нотка. Он знал, что в этих вопросах я разбираюсь больше, чем кто-либо другой, и ему было неприятно, что я его не поддержал. Как-то после этого разговора со Сталиным я спросил у Молотова: „Считаешь ли ты, что настало время перехода от торговли к продуктообмену?“ Он мне ответил, что это – сложный и спорный вопрос, то есть высказал свое несогласие.

Через несколько дней после этого обсуждения Маленков, видимо, по указанию Сталина или с его согласия разослал новый вариант доклада на XIX съезде партии, в котором эта книга и основные ее положения одобрены. Я был поражен: зачем это было делать? Но факт остается фактом»¹¹²⁸.

Что касается Молотова, то он в своих небольших заметках о Сталине, написанных десятилетия спустя, подчеркивал, что «Сталин недостаточно разобрался в экономических вопросах. Этот недостаток сказывался, например, в вопросах капитального строительства, в государственном планировании. Нередко этот недостаток сказывался в таком вопросе, как цены на товары, в частности в ценах при заготовках сельскохозяйственных продуктов (особенно в конце 30-х годов + в „Экономических проблемах

---

¹¹²⁸ Анастас Микоян. Так было. С. 569 – 570.

социализма в СССР“ – например, в рассуждениях о ценах на хлопок и т.д.). Недостаток понимания экономических вопросов иногда толкал И. Сталина к грубому, необоснованному, а то и прямо вредному администрированию»¹¹²⁹.

XIX съезд партии (5 октября – 14 октября 1952 г.) явился не только кульминацией власти Сталина в партии, но и своего рода предвестником его прощания с партией, как и с жизнью вообще. Это был съезд, который, по замыслу вождя, должен был закрепить авторитетом высшего органа партии те новые политические и теоретические установки, которые к тому времени были уже выработаны вождем. Вместе с тем, этот съезд должен был положить начало новому этапу в расстановке высших политических сил в руководстве. Не только до самого окончания съезда, но и до начала первого, организационного пленума ЦК никто не предполагал, что Сталин задумал осуществить коренную реорганизацию высшего партийного руководства, в результате которой он мог бы сравнительно легко произвести кардинальные перестановки в узком составе партийной верхушки. Только после пленума это стало ясным его ближайшим соратникам.

С точки зрения общепринятой в партийной среде практики съезд не явился какой-либо серьезной новацией. Все шло, как было намечено заранее, и повестка дня носила традиционный характер, разве что исключая два пункта: изменения названия партии и принятия решения о переработке партийной программы. Съезд отличался также тем, что с отчетным докладом на нем выступил не сам Сталин, как это имело место на протяжении более четверти века, а Г. Маленков. Доклад Маленкова не отличался ни особой глубиной, ни какими-либо новациями. Как и положено, в нем содержались славословия в адрес вождя и всячески превозносились «Экономические проблемы социализма в СССР».

«Величайшее значение для марксистско-ленинской теории, для всей нашей практической деятельности имеет только что опубликованный труд товарища Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*) В этом труде всесторонне исследованы законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, определены научные основы развития социалистической экономики, указаны пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Своей разработкой вопросов экономической теории товарищ Сталин продвинул далеко вперед марксистско-ленинскую политическую экономию.

Товарищ Сталин выдвинул программные положения об основных предварительных условиях подготовки перехода к коммунизму»¹¹³⁰.

---

¹¹²⁹ «Независимая газета». 30 июня 2001 г.

¹¹³⁰ XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Протоколы. (Электронная

От Г. Маленкова не отставал и Н. Хрущев, выступивший с докладом об изменениях в уставе партии. Он заявил: «Новым неопределимым вкладом в теорию марксизма-ленинизма является труд товарища Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“. Товарищ Сталин, творчески развивая марксистско-ленинскую науку, вооружает партию и советский народ учением о характере экономических законов современного капитализма и социализма, об условиях подготовки перехода от социализма к коммунизму.

Труд товарища Сталина по экономическим вопросам, как и другие его работы, имеет громадное значение для решения задач по строительству коммунистического общества, для дела воспитания членов партии и всех трудящихся в духе бессмертных идей ленинизма»¹¹³¹.

Но дальше всех пошел Л. Каганович, мотивировавший предложение о переработке партийной программы. Он предложил в основу новой, переработанной программы положить работу Сталина по экономическим вопросам. «Переработанная программа должна воплотить все то новое, что внес в сокровищницу марксизма-ленинизма наш вождь и учитель великий Сталин. (*Бурные аплодисменты.*)

...Для переработки программы и определения дальнейшего пути строительства коммунизма решающее значение имеет то, что к своему XIX съезду наша партия получила новое классическое произведение товарища Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“.

Это гениальное произведение является крупнейшим событием идейно-теоретической жизни нашей партии, всех народов Советского Союза и всех братских коммунистических партий.

Это великое наше счастье, что наша партия, наш народ, строящие коммунизм, все время, непрерывно обогащаются, вооружаются гениальным теоретическим творчеством великого Сталина. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)»¹¹³²

Для осуществления переработки программы была сформирована комиссия в составе 11 человек, которые, как считалось тогда, имели понятие о теоретических проблемах. Комиссию, естественно, возглавил сам Сталин. Но примечательно, что в нее не был включен Н. Хрущев, который тогда в партийной среде слыл практиком и опытным интриганом, но никак не теоретиком.

версия).

¹¹³¹ XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Протоколы. (Электронная версия).

¹¹³² XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Протоколы. (Электронная версия).

Принципиальное значение имело и решение о переименовании партии. В нем, в частности, говорилось: «Двойное наименование нашей партии „коммунистическая“ – „большевистская“ исторически образовалось в результате борьбы с меньшевиками и имело своей целью отгородиться от меньшевизма. Поскольку, однако, меньшевистская партия в СССР давно уже сошла со сцены, двойное наименование партии потеряло смысл, тем более, что понятие „коммунистическая“ выражает наиболее точно марксистское содержание задач партии, тогда как понятие „большевистская“ выражает лишь давно уже потерявший значение исторический факт о том, что на II-м съезде партии в 1903 году ленинцы получили большинство голосов, почему и были названы „большевиками“, оппортунистическая же часть осталась в меньшинстве и получила наименование „меньшевиков“.

В связи с этим XIX съезд партии постановляет:

Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков (ВКП(б) отныне именовать „Коммунистическая партия Советского Союза“ (КПСС)»¹¹³³.

Однако если посмотреть на данное решение под иным углом зрения, то, мне кажется, что Сталин вообще хотел поставить жирную точку над большевистским прошлым партии и сделать так, чтобы люди уже воспринимали партию не как ленинскую и большевистскую, а как партию сталинскую. В этом был заложен глубокий и дальний стратегический смысл.

Обращает на себя внимание то, что, хотя в стране в это самое время развертывалась подготовка к грандиозной чистке, эти аспекты полностью остались за скобками, если не считать дежурного призыва Берии к повышению бдительности. «Раскинув по всему миру сеть военных баз, усиленно сколачивая всякого рода агрессивные военные блоки, они лихорадочно готовят войну против СССР и других миролюбивых государств, – говорил Берия. – Они непрерывно засылают в нашу страну и в другие миролюбивые страны шпионов и диверсантов, подбираемых по всему миру из растленных подонков человечества. Бдительность советских людей является острейшим оружием в борьбе с вражескими лазутчиками, и нет сомнения в том, что, повышая и оттачивая свою бдительность, советский народ сумеет обезвредить агентуру империалистических поджигателей войны, сколько бы ее ни засылали и как бы ни маскировали. (*Аплодисменты.*)» Следует добавить, что Берия, очевидно, желая выделиться на фоне других и снискать особое доверие у вождя, счел необходимым вступить на стезю теории национального вопроса, выдвинув пять критериев новых социалистических наций. Мне думается, что данный ход не был удачным, поскольку он как бы выдвигал Берия на роль теоретика национального вопроса, тогда как Сталин считал только себя таким теоретиком.

---

¹¹³³ XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Протоколы. (Электронная версия).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Берия, наряду с дифирамбами в адрес русского народа, счел необходимым коснуться и проблемы великодержавного шовинизма. Правда, в том ключе, что «в борьбе с врагами ленинизма партия отстояла ленинско-сталинскую национальную политику и обеспечила полный и окончательный разгром великодержавного шовинизма, буржуазного национализма и буржуазного космополитизма». («Правда», 9 октября 1952 г.) В этом высказывании вроде и нет ничего крамольного, но сам факт акцентирования внимания на проблеме великодержавного шовинизма говорил уже сам за себя, поскольку данная тема в советской печати в те времена практически не затрагивалась. Тем самым заранее как бы готовилась почва, чтобы в подходящий момент снова поднять ее уже в качестве политически актуальной.

В последний день работы съезда с небольшой речью выступил Сталин. Лейтмотивом его выступления звучала мысль о том, что именно коммунисты и подлинные демократы должны поднять знамя борьбы за свободы и демократию. «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой „свободы личности“, – права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. (Бурные аплодисменты.)»¹¹³⁴

Съезд завершился, как и положено, торжественно и чинно. Но, как говорится, занавес открылся после завершения работ съезда. На пленуме ЦК, состоявшемся 16 октября 1952 г., были избраны исполнительные органы ЦК в следующем составе (согласно новому уставу Оргбюро перестало существовать):

1. Президиум ЦК КПСС:

а) члены Президиума: т.т. Сталин И.В., Андрианов В.М., Аристов А.Б., Берия Л.П., Булганин Н.А., Ворошилов К.Е., Игнатьев С.Д., Каганович Л.М., Коротченко Д.С., Кузнецов В.В., Куусинен О.В., Маленков Г.М., Малышев В.А., Микоян А.И., Мельников Л.Г., Михайлов Н.А., Молотов В.М., Первухин М.Г., Пономаренко П.К., Сабуров М.З., Сулов М.А., Хрущев Н.С., Чесноков Д.И., Шверник Н.М., Шкирятов М.Ф.;

¹¹³⁴ XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Протоколы. (Электронная версия).

б) кандидаты в члены Президиума: т.т. Брежнев Л.И., Вышинский А.Я., Зверев А.Г., Игнатов Н.Г., Кабанов И.Г., Косыгин А.Н., Патоличев Н.С., Пегов Н.М., Пузанов А.М., Тевосян И.Ф., Юдин П.Ф.

2. Бюро Президиума ЦК КПСС: т.т. Сталин И.В., Берия Л.П., Булганин Н.А., Ворошилов К.Е., Каганович Л.М., Маленков Г.М., Первухин М.Г., Сабуров М.З., Хрущев Н.С.

3. Секретариат ЦК КПСС: т.т. Сталин И.В., Аристов А.Б., Брежнев Л.И., Игнатов Н.Г., Маленков Г.М., Михайлов Н.А., Пегов Н.М., Пономаренко П.К., Суслов М.А., Хрущев Н.С.¹¹³⁵

Расширение состава Президиума давало Сталину возможность изменять (сокращать) его состав, не привлекая к этому особого внимания и не вызывая особо явных подозрений. Это был заранее продуманный шаг, явившийся для его ближайших коллег полностью неожиданным, как неожиданным оказался и персональный состав Президиума ЦК.

Но наибольший интерес, безусловно, представляет речь Сталина на первом пленуме ЦК. Стенограмма не велась, и запись речи воспроизводится по записи одного из участников пленума. Она настолько важна, что я счел целесообразным поместить ее полностью, за исключением того отрывка из нее, который цитировался раньше в связи с оценкой позиции Молотова по вопросу образованию еврейской республики в Крыму.

Итак, предоставим слово Сталину с его последней речью на пленуме ЦК.

«Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят: для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желанья для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

---

¹¹³⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 – 1953. С. 89.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, ее партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК – руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия намного выросла.

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра – это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под „шартрезом“ на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия – наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова...

Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно?

Мужик – наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна.

А И. Микоян на трибуне оправдывается, ссылаясь на некоторые экономические расчеты.

Сталин (прерывая Микояна): Вот Микоян – новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе.

В.М. Молотов на трибуне признает свои ошибки, оправдывается и заверяет, что он был и остается верным учеником Сталина.

Сталин (прерывая Молотова): Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Далее Сталин сказал, что Пленуму надо решить организационный вопрос – выбрать руководящие органы партии. Он предложил вместо Политбюро избрать Президиум ЦК КПСС в значительно расширенном составе и Секретариат ЦК КПСС. Процедура избрания была довольно специфичной. Сталин, вынув из кармана своего френча бумажку, произнес: „В Президиум ЦК КПСС можно было бы избрать, например, таких товарищей – товарища Сталина, товарища Андрианова, товарища Аристова, товарища Берию, товарища Булганина, товарища Ворошилова, товарища Игнатьева, товарища Кагановича, товарища Коротченко, товарища Кузнецова, товарища Куусинена, товарища Маленкова, товарища Малышева, товарища Мельникова, товарища Микояна, товарища Михайлова, товарища Молотова, товарища Первухина, товарища Пономаренко, товарища Сабурова, товарища Сулова, товарища Хрущева, товарища Чеснокова, товарища Шверника, товарища Шкирятова“. Зачитал кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС, в том числе товарища Брежнева, товарища Вышинского, товарища Зверева, товарища Игнатова, товарища Кабанова, товарища Косыгина, товарища Патоличева, товарища Пегова, товарища Пузанова, товарища Тевосяна, товарища Юдина. Затем Сталин вынул из бокового кармана своего френча другую бумажку и сказал: „Теперь о Секретариате ЦК. Можно было бы избрать секретарями ЦК, например, таких товарищей – товарища Сталина, товарища Аристова, товарища Брежнева, товарища Игнатова, товарища Маленкова, товарища Михайлова, товарища Пегова, товарища Пономаренко, товарища Сулова, товарища Хрущева“. Всего в состав Президиума и Секретариата ЦК Сталин предложил 36 человек. При этом он подчеркнул: „В списке находятся все члены Политбюро старого состава, кроме Андреева. Относительно уважаемого товарища Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится“.

Голос с места: Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин: Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Г.М. Маленков на трибуне: Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Выступал в поддержку этого предложения и Л.П. Берия.

Сталин на трибуне: На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

С.К. Тимошенко: Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем Вас своим руководителем – Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел»¹¹³⁶.

Читая эту запись, невольно на память приходят страсти шекспировских героев: так все накалено и ждешь неожиданных развязок. Я не собираюсь комментировать речь, поскольку выше уже была дана ее суммарная оценка. Хочу завершить отрывком из воспоминаний очевидца – а именно К. Симонова, живо и правдиво передавшего атмосферу всего происходившего на Пленуме.

К. Симонов писал:

«В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица. Они не знали так же, как и мы, где и когда, и на чем остановится Сталин, не шагнет ли он после Молотова, Микояна еще на кого-то. Они не знали, что еще предстоит услышать о других, а может быть, и о себе. Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми. Такими же белыми и мертвыми эти лица остались тогда, когда Сталин кончил, вернулся, сел за стол, а они – сначала Молотов, потом Микоян – спустились один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин, и там – Молотов дольше, Микоян короче – пытались объяснить Сталину свои действия и поступки, оправдаться, сказать ему, что это не так, что они никогда не были ни трусами, ни капитулянтами и не убоятся новых столкновений с лагерем капитализма и не капитулируют перед ним.

После той жестокости, с которой говорил о них обоих Сталин, после той ярости, которая звучала во многих местах его речи, оба выступавшие казались произносившими последнее слово подсудимыми, которые, хотя и отрицают все взваленные на них вины, но вряд ли могут надеяться на перемену в своей, уже решенной Сталиным судьбе. Странное чувство, запомнившееся мне тогда: они выступали, а мне казалось, что это не люди, которых я довольно много раз и довольно близко от себя видел, а белые маски, надетые на эти лица, очень похожие на сами лица и в то же время

---

¹¹³⁶ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 584 – 587.

какие-то совершенно не похожие, уже неживые. Не знаю, достаточно ли я точно выразился, но ощущение у меня было такое, и я его не преувеличиваю задним числом...»¹¹³⁷

Полагаю, что на этом можно поставить точку. Описание К. Симонова не нуждается в комментариях – оно вполне адекватно передало атмосферу того, как все это происходило.

5. «Дело врачей»

Дело врачей стало возможным лишь в обстановке постоянно растущей подозрительности Сталина, которая искусственно нагнеталась его соработниками-соперниками, прежде всего Л. Берия. Как рассказывала со слов своего отца дочь начальника охраны вождя Власика, все началось буквально сразу после семидесятилетия Сталина, с 1949 года. Вождь сделался очень мнительным. Но это была работа Берия. Ведь, как говорил Власик, у него здоровье и так было подорвано войной, всеми этими бессонными ночами и переживаниями, а Берия неустанно нагнетал обстановку своими систематическими докладами о раскрытии заговоров. Именно тогда разбил тяжелый паралич Мориса Тореза, потом покушение на его жизнь, еще одно покушение на него, через некоторое время – катастрофа с машиной Пальмиро Тольятти... Обострились серьезные заболевания у Георгия Димитрова, у Долорес Ибаррури. «Все это вызывало сомнения: а правильно ли их у нас лечили? Только сейчас я обнаружила в отцовских записках (раньше об этом даже не догадывалась), что они приезжали к нам лечиться под видом отдыха, чтобы у них на родине не знали, что они на самом деле серьезно больны. Наши профессора их консультировали и назначали лечение. Лечили и вылечивали. Но затем эти профессора были все арестованы. – Надежда Николаевна поднесла к глазам листок из записной книжки отца и прочитала: „Это было вызвано усиливавшейся подозрительностью Сталина. И докладами Берия. Телеграммы поступали из разных стран, в том числе и из социалистических. В них говорилось о серьезных угрозах убийства Сталина и других руководителей правительства. Телеграммы поступали постоянно, особенно часто за год-два до смерти Сталина. Эти сообщения направлялись в ЦК партии и органы госбезопасности. Но докладывал о них уже не Берия, а Маленков. Он также докладывал еще до ареста Абакумова о нарушении государственной границы и заброске диверсантов. Мною были приняты меры усиления охраны, особенно при поездке И.В. на юг. Затем мне стало известно, что все эти угрозы были сфабрикованы для повышения нервной

---

¹¹³⁷ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. «Знамя». 1988 г. № 4. С. 98.

возбудимости Сталина“»¹¹³⁸.

Толчком к раскручиванию дела врачей стало письмо врача Кремлевской больницы Л. Тимашук аж 1948 года. На основе документальных данных изложу развитие событий того периода. Итак, письмо, переданное через сотрудника охраны Жданова Власику.

«29 августа 1948 г.

НАЧ[АЛЬНИКУ] ГЛАВНОГО] УПРАВЛЕНИЯ] ОХР[АНЫ] МГБ СССР Н. С. В[ЛАСИКУ]

28/VIII с/г. я была вызвана нач. ЛСУК профессором Егоровым к тов. Жданову А. А. для снятия ЭКГ.

В этот же день вместе с пр. Егоровым, акад. Виноградовым и пр. Василенко я вылетела из Москвы на самолете к месту назначения. Около 12 ч. дня сделала А. А. ЭКГ; по данным которой мною диагностирован „инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки“, о чем тут же поставила в известность консультанта.

Пр. Егоров и д-р Майоров заявили мне, что это ошибочный диагноз и они с ним не согласны, никакого инфаркта у А. А. нет, а имеется „функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни“ и предложили мне переписать заключение, не указывая на „инфаркт миокарда“, а написать „осторожно“ так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих ЭКГ.

29/VIII у А. А. повторился (после вставания с постели) сердечный приступ и я вторично была вызвана из Москвы, но по распоряжению акад. Виноградова и пр. Егорова ЭКГ 29/VIII в день сердечного приступа не была сделана, а назначена на 30/VIII, а мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чем я поставила в известность т. Белова А. М.

Считаю, что консультанты и лечащий врач Майоров недооценивают безусловно тяжелое состояние А. А., разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу.

Несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней „инфаркт миокарда“, остаюсь при своем мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А. А.

29/VIII-48 г.»¹¹³⁹

Как развивалось дело дальше видно из письма Тимашук секретарю ЦК А. Кузнецову от 7 сентября 1948 г. В нем она сообщала, что «6/IX-48 г. начальник ЛечСанупра Кремля созвал совещание в составе академ.

¹¹³⁸ Владимир Логинов. Тени Сталина. М. 2000. С. 81.

¹¹³⁹ «Источник». 1997 г. № 1. С. 4 – 5.

Виноградова В.Н., проф. Василенко В.Х., д-ра Майорова Г.И., патологоанатома Федорова и меня. На этом совещании Егоров заявил присутствующим о том, что собрал всех для того, чтобы сделать окончательные выводы о причине смерти А.А. Жданова и научить, как надо вести себя в подобных случаях. На этом совещании пр. Егоров еще раз упомянул о моей „жалобе“ на всех здесь присутствующих и открыл дискуссию по поводу расхождения диагнозов, стараясь всячески дискредитировать меня как врача, нанося мне оскорбления, называя меня „чужим опасным человеком“.

В результате вышеизложенного, 7/IX-48 г. меня вызвали в отдел кадров ЛечСанупра Кремля и предупредили о том, что приказом начальника ЛечСанупра с 8/IX с/г я перевожусь на работу в филиал поликлиники.

Выводы:

1) Диагноз болезни А.А. Жданова при жизни был поставлен неправильно, т.к. еще на ЭКГ от 28/VIII-48 г. были указания на инфаркт миокарда.

2) Этот диагноз подтвердился данными патолого-анатомического вскрытия (д-р Федоров).

3) Весьма странно, что начальник ЛечСанупра Кремля пр. Егоров настаивал на том, чтобы я в своем заключении не записала ясный для меня диагноз инфаркта миокарда.

4) Лечение и режим больному А.А. Жданову проводились неправильно, т.к. заболевание инфаркта миокарда требует строгого постельного режима в течение нескольких месяцев (фактически больному разрешалось вставать с постели и проч. физические нагрузки).

5) Грубо, неправильно, без всякого законного основания профессор Егоров 8/IX с/г убрал меня из Кремлевской больницы в филиал поликлиники, якобы, для усиления там работы.

7/IX-48 г.

Зав. кабинетом электрокардиографии

Кремлевской больницы

врач Л. Тимашук»¹¹⁴⁰.

В марте 1956 года она написала письмо в Президиум Верховного Совета СССР. В нем раскрывала дальнейший ход событий. «Летом, примерно в августе 1952 г., меня вдруг вызвали в МГБ и предложили еще раз подробно описать все то, что я знала о лечении и смерти А.А. Жданова. И я снова подтвердила то, что знала и что мною уже было написано в 1948 г. Власику и Кузнецову. После этого меня еще вызывали в МГБ 2 раза по делу Жданова, и каждый раз я подтверждала одно и то же.

Неожиданно 20/I-1953 г. меня вызвали в Кремль к Г.М. Маленкову,

---

¹¹⁴⁰ «Источник». 1997 г. № 1. С. 6.

который сообщил мне о том, что он от имени Совмина СССР и И.В. Сталина передает мне благодарность за то, что я помогла Правительству разоблачить врагов народа – врачей-убийц и за это меня награждают орденом Ленина.

В беседе с Г.М. Маленковым речь шла только о врачах, лечивших А.А. Жданова»¹¹⁴¹.

Как выяснилось впоследствии, Власик доложил письмо и заключение врачей о мнимой несостоятельности жалобы Тимашук Сталину, и тот начертал на нем резолюцию – «В архив». Казалось бы, дело было окончательно похоронено. Однако не тут-то было. Закулисная борьба в верхах принимала все более изощренный характер. По наущению Берии и Маленкова (или их обоих) невзрачный старший следователь МГБ подполковник М. Рюмин написал Сталину письмо, в котором разоблачал действия своего начальства в отношении некоторых арестованных врачей, доказывая, что министр Абакумов делает это сознательно, прикрывая врагов народа. 2 июля 1951 г. старший следователь МГБ подполковник М.Д. Рюмин направил Сталину письмо. В нем он писал:

«В ноябре 1950 года мне было поручено вести следствие по делу арестованного доктора медицинских наук профессора Этингера.

На допросах Этингер признался, что он являлся убежденным еврейским националистом и вследствие этого вынашивал ненависть к ВКП(б) и советскому правительству. Далее, рассказав подробно о проводимой вражеской деятельности, Этингер признался также и в том, что он, воспользовавшись тем, что в 1945 году ему было поручено лечить тов. Щербакова, делал все для того, чтобы сократить последнему жизнь.

Показания Этингера по этому вопросу я доложил заместителю начальника следственной части тов. Лихачеву, и вскоре после этого меня и тов. Лихачева вместе с арестованным Этингером вызвал к себе тов. Абакумов.

Во время „допроса“, вернее беседы с Этингером, тов. Абакумов несколько раз намекал ему о том, чтобы он отказался от своих показаний о злодейском убийстве тов. Щербакова. Затем, когда Этингера увели из кабинета, тов. Абакумов запретил мне допрашивать Этингера в направлении вскрытия его практической деятельности и замыслов по террору, мотивируя тем, что он – Этингер – „заведет нас в дебри“...

Примерно 28 – 29 января 1951 года меня вызвал к себе начальник следственной части по особо важным делам тов. Леонов и, сославшись на указания тов. Абакумова, предложил прекратить работу с арестованным Этингером, а дело по его обвинению, как выразился тов. Леонов, „положить на полку“»¹¹⁴².

---

¹¹⁴¹ «Источник». 1997 г. № 1. С. 8.

¹¹⁴² Государственный антисемитизм в СССР... С. 449.

В заключение Рюмин выдвинул против Абакумова самые серьезные обвинения: он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как Министерство государственной безопасности. Он опасен еще и тем, что внутри министерства на наиболее ключевые места и, в частности, в следственной части по особо важным делам поставил «надежных», с его точки зрения, людей, которые, получив карьеру из его рук, постепенно растеривают свою партийность, превращаются в подхалимов и угодливо выполняют все, что хочет тов. Абакумов¹¹⁴³.

Сталин на письмо отреагировал быстро: уже 11 июля 1951 г. было принято постановление Политбюро о снятии Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, и исключении его из рядов ВКП(б) и передаче его дела в суд.

Одновременно были сняты со своих должностей его ближайшие помощники по следственной части. Указывалось также обязать МГБ возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера¹¹⁴⁴.

Вместо Абакумова министром госбезопасности был назначен 9 августа 1951 г. С.Д. Игнатьев – один из заведующих отделов ЦК. Но он был крайне внушаемым и несамостоятельным человеком, поэтому Рюмин, ставший заместителем министра и начальником следственной части, продолжал раскручивать дело врачей, уже исходя из своих собственных побуждений. Но он заходил все дальше в дебри и – что вызвало особое возмущение Сталина – начал интересоваться и отношениями внутри высшего партийного руководства. Вождь, хотя и с запозданием, но понял, что допустил оплошность, сделав ставку на расследование со стороны Рюмина.

И реакция Сталина последовала весьма суровая. 13 ноября 1952 г. было принято решение о снятии Рюмина, поскольку, мол, при расследовании таких важных, связанных с иностранной разведкой антисоветских дел, как дело о вредительской работе Абакумова – Шварцмана и дело о террористической деятельности врачей из Лечсанупра, – нельзя ограничиваться выяснением частных и формально-юридической стороны дела, а нужно добираться до корней дела, до первоисточников преступлений.

Однако, несмотря на эти указания Правительства, следственная часть по особо важным делам МГБ СССР, ввиду порочной установки ее начальника тов. Рюмина, сводящей дело к выяснению формально-юридической стороны дела, – оказалась неспособной выполнить эти указания Правительства, и оба

---

¹¹⁴³ Государственный антисемитизм в СССР... С. 450.

¹¹⁴⁴ Государственный антисемитизм в СССР... С. 452.

упомянутых выше дела все еще остаются нераскрытыми до конца¹¹⁴⁵.

Снятием Рюмина Сталин стремился не прекратить дело врачей, а лишь ускорить его и направить, так сказать, в эффективное русло. «Раскрутка» продолжалась с удвоенной энергией.

Несколько отклоняясь в сторону, следует отметить, что, начиная с 1951 года, раскручивалось также **мингрельское дело**. Оно было своим острием направлено против Берии, поскольку тот не только сам был мингрелом, но и курировал положение в Грузии. Сталин в 1951 году летом побывал в Грузии, где ему рассказали много неприятных вещей о положении в республике. Кроме того, и в Москве он получал соответствующую информацию о положении дел в Грузии. И тогда он решил нанести удар по вотчине Берии. 9 ноября 1951 г. Политбюро приняло постановление о взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия. В нем указывалось, что в Грузии сильно развито взяточничество, что борьба со взяточничеством ведется там более чем неудовлетворительно. Борьба ЦК Грузии со взяточничеством не дает должного эффекта потому, что внутри ЦК компартии Грузии так же, как внутри аппарата ЦК и правительства имеется группа лиц, которая покровительствует взяточникам и старается выручать их всяческими средствами. Мингрельская националистическая группа Барамия (тогда второй секретарь ЦК грузинской компартии – Н.К.) не ограничивается однако целью покровительства взяточникам из мингрельцев. Она преследует еще другую цель – захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии и выдвинуть на них мингрельцев, при этом она руководствуется не деловыми соображениями, а исключительно соображениями принадлежности мингрельцам. В конечно счете Барамия и ряд других деятелей были сняты и арестованы, а через несколько месяцев был снят с поста первого секретаря ЦК Чарквиани – прямой ставленник Берии. Все это нельзя было не расценить как прямую угрозу и для самого Берии.

Однако возвратимся к делу врачей, которое продолжало набирать все большие обороты. Было опубликовано сообщение ТАСС от 13 января 1953 г. В нем были изложены основные положения обвинения и поименно названы арестованные врачи.

В частности, говорилось, что некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М.С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М.Б., врач-терапевт; профессор Коган Б.Б., врач-

---

¹¹⁴⁵ Государственный антисемитизм в СССР... С. 455.

терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М. врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт; профессор Темкин Я.С., врач-отоларинголог.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием было установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствующие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, говорилось в сообщении, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Они также сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А.М., маршала Говорова Л.А., маршала Конева И.С, генерала армии Штеменко СМ., адмирала Левченко Г.И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы... состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводила под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую деятельность на территории Советского Союза. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача Шимелиовича и еврейского буржуазного националиста Михоэлса.

Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давнишними агентами английской разведки.

Заканчивалось сообщение фразой: следствие будет закончено в

ближайшее время¹¹⁴⁶.

Надо ли говорить о том, какая в то время сложилась обстановка. Тимашук была награждена орденом, и ее имя прославлялось в печати. Все органы пропаганды были заполнены материалами о убийцах в белых халатах. Кампания эта, бесспорно, носила в себе антиеврейскую направленность, что вызвало глубокую и обоснованную тревогу среди еврейского населения страны. Словом, в стране наблюдалось нечто вроде массовой истерии.

Сталин лично отредактировал передовую статью газеты «Правда», специально посвященную делу врачей. В ней содержался не только весь набор обвинений, но и делался зловещий намек на дело врачей Левина и Плетнева, которых осудили еще в 1938 году по процессу Бухарина, Рыкова и других. Намек говорил сам за себя, и это также усиливало тревогу. В статье, в частности, говорилось, что в первую очередь преступники старались подорвать здоровье руководящих советских военных кадров, вывести их из строя и тем самым ослабить оборону страны. Арест преступников расстроил их злодейские планы, помешал им добиться своей чудовищной цели.

«Кому же служили эти изверги? Кто направлял преступную террористическую и вредительскую деятельность этих подлых изменников Родины? Какой цели хотели они добиться в результате убийств активных деятелей Советского государства?»

Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами.

Большинство участников террористической группы – Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие – были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией „Джойнт“. Грязное лицо этой шпионской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено.

Опираясь на группу растленных еврейских буржуазных националистов, профессиональные шпионы и террористы из „Джойнт“, по заданию и под руководством американской разведки, развернули свою подрывную деятельность и на территории Советского Союза. Как показал на следствии арестованный Вовси, он получил директиву „об истреблении руководящих кадров СССР“ из США.

...Разоблачение шайки врачей-отравителей является сокрушительным ударом по американско-английским поджигателям войны. Поймана и обезврежена их агентура. Перед всем миром вновь предстало истинное лицо рабовладельцев-людоедов из США и Англии.

---

¹¹⁴⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 396 – 397.

Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит, как омерзительную гадину. Что касается вдохновителей этих наймитов и убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них, найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово.

Все это верно, конечно. Но верно и то, что кроме этих врагов есть еще у нас один враг – ротозейство наших людей. Можно не сомневаться, что пока есть у нас ротозейство, – будет и вредительство. Следовательно, чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах»¹¹⁴⁷.

Как же должны были реагировать на все это видные деятели советской науки, культуры, вообще представители еврейской общественности нашей страны? Был составлен проект открытого письма их виднейших представителей. Среди подписантов были виднейшие представители еврейской общественности, и среди них Ландау, Дунаевский, Маршак, Л.Каганович, Лавочкин, Гроссман, Алигер, Минц и другие.

В проекте письма говорилось: «В настоящем письме мы считаем своим долгом высказать волнующие нас чувства и мысли в связи со сложившейся международной обстановкой. Мы хотели бы призвать еврейских тружеников в разных странах мира вместе с нами поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев.

Есть люди, которые, выдавая себя за „друзей“ и даже за представителей всего еврейского народа, заявляют, будто у всех евреев существуют единые и общие интересы, будто все евреи связаны между собою общей целью. Эти люди – сионисты, являющиеся пособниками еврейских богачей и злейшими врагами еврейских тружеников...

Враги свободы национальностей и дружбы народов, утвердившейся в Советском Союзе, стремятся подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить евреев в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие еврейского народа к русскому народу, не удастся рассорить нас с великим русским народом»¹¹⁴⁸.

Видя, какой крутой оборот принимают события, писатель И. Эренбург счел своим долгом обратиться в конце января 1953 года к Сталину с личным

---

¹¹⁴⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 392 – 394.

¹¹⁴⁸ Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953... С. 474 – 477.

письмом. В нем он убеждал вождя: «...Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Это срочно необходимо для борьбы против американской и сионистской пропаганды, которая стремится обособить людей еврейского происхождения. Я боюсь, что коллективное выступление ряда деятелей советской культуры, людей, которых объединяет только происхождение, может укрепить в людях колеблющихся и не очень сознательных националистические тенденции. В тексте „Письма“ имеется определение „еврейский народ“, которое может ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет...

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток воскресить или насадить еврейский национализм, который при данном положении неизбежно приводит к измене Родине. Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, подписанных людьми еврейского происхождения, разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и пр...»¹¹⁴⁹

Однако, как мне представляется, остановить истерию уже было практически невозможно. Стали распространяться среди лиц еврейской национальности слухи о предстоящем принудительном выселении их в отдаленные районы страны. Речь шла якобы о каком-то новом холокосте, что не только не соответствовало действительности, но и не являлось целью кампании, несмотря на ее антиссионистскую, а зачастую и просто антиеврейскую направленность. Сама по себе идея выселения евреев из их мест проживания была неосуществима по ряду причин: они не проживали компактно, а были рассредоточены преимущественно по городам, часто носили отнюдь не еврейские фамилии и установить их национальность было не так-то просто. Кроме того, организованное переселение нескольких миллионов людей практически представлялось неосуществимым.

Правда, в подтверждение этих слухов часто потом ссылались на Булганина, который якобы говорил, что уже велась практическая подготовка такого «великого переселения народа». Но лично мне кажется, что все это – позднейшие домыслы, призванные лишь подчеркнуть масштабы антиеврейской кампании. За ними нет реальных фактов. Такого же мнения придерживается и видный тогдашний работник МГБ П. Судоплатов. Он писал: «Сейчас говорят о том, будто накануне смерти Сталина существовал план депортации евреев из Москвы. Сам я никогда о нем не слышал, но если подобный план действительно существовал, то ссылки на него можно было бы легко найти в архивах органов госбезопасности и Московского комитета

---

¹¹⁴⁹ Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953... С. 478 – 479.

партии, потому что по своим масштабам он наверняка требовал большой предварительной подготовки. Операция по высылке – дело довольно трудное, особенно если ее подготовить скрытно. В этом случае должна была существовать какая-то директива, одобренная правительством по крайней мере за месяц до начала проведения такой акции. Поэтому я считаю, что речь идет только о слухе, возможно, основанном на высказываниях Сталина или Маленкова, выяснявших отношение общества к евреям в связи с „делом врачей“»¹¹⁵⁰.

Но каковы бы ни были слухи или домыслы, ситуация была накалена до крайности. Вся страна, а не только еврейское население ее, с тревогой ожидала дальнейшего развития событий. Но их не последовало. И причина был одна – смерть самого вождя. Она положила конец этой кампании, оставившей глубокий рубец в нашей отечественной истории. Рубец настолько глубокий, что сих пор – спустя более полувека – этот вопрос остается в поле зрения не только историков-специалистов, но и многих простых граждан России.

6. Умер или «помогли» умереть?

Удивительное, на первый взгляд, совпадение – не только жизнь Сталина как государственного и политического деятеля, но и сама его смерть представляют для исторической науки определенную загадку. Здесь историки постоянно ломают себе голову, чтобы доискаться до истины, но она остается пока вне поля их полного познания. В заключительном разделе я не ставлю себе задачу разгадать эту загадку – это явно мне не по силам. К тому же для ее разгадки требуются усилия и работа многих специалистов разного профиля – не только историков-аналитиков, но и специалистов-медиков, а также специалистов иных профилей. Видимо, пройдет еще немало времени, прежде чем на этот вопрос можно будет дать положительный ответ. Хотя уже сейчас наметились некоторые подвижки в изучении данной проблемы.

Свою задачу я вижу в несколько упрощенном, но, как мне кажется, наиболее подходящем ключе: я приведу некоторые наиболее важные документы и свидетельства, касающиеся смерти Сталина. Причем не только официальные, гласящие, что вождь скончался собственной смертью, отягощенный целым набором болезней, но и точки зрения тех, кто полагает, что Сталину, как говорится, помогли умереть. Было ли это отравление или какой-либо другой способ умерщвления? А также возможно неоказание необходимой в таких случаях квалифицированной медицинской помощи. Естественно, что в данном разделе львиную долю займут соответствующие

---

¹¹⁵⁰ Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. С. 364.

свидетельства очевидцев, а также официальные медицинские документы.

Может быть, я проявляю излишнюю поспешность, но с самого начала хочу четко обозначить свой личный взгляд на проблему смерти Сталина: умер ли он естественным путем или ему помогли умереть? Не будучи специалистом в медицине, я не беру на себя смелость орудовать медицинскими терминами и понятиями. Мне остается лишь полагаться на здравый смысл и логику, а также на имеющиеся материалы. На мой взгляд, одинаково возможны оба варианта – умерщвление и естественная смерть от болезни. Но все-таки косвенных фактов в пользу того, что ему помогли умереть больше, чем аргументов в пользу естественной кончины.

Меня в этом контексте особенно поразили слова начальника охраны Сталина генерала Н. Власика, которого он в 1952 году на основании обвинений в растрате материальных средств, а также поддержании связей с лицами, которые могли передать сведения о системе охраны Сталина в руки иностранной разведки, отстранил от должности. Власик, по словам его дочери, незадолго до ареста, сказал: «„Если меня заберут, вскоре не будет Хозяина“ (Сталина). Так и случилось»¹¹⁵¹.

Другим важным обстоятельством было устранение из Кремля в конце 1952 года бессменного секретаря Сталина А. Поскребышева¹¹⁵². Оценивая два этих события ретроспективно, невольно склоняешься к мысли, что лично сам Сталин как бы расчищал простор для тех, кто собирался ускорить его смерть. Ведь это были самые верные и надежные его сотрудники, и независимо от мотивов, которыми руководствовался вождь, он сам копал себе могилу. Ссылки на то, что делал он это на основе тенденциозных доносов Берия и других, отнюдь не меняет сути дела.

Но обратимся непосредственно к теме.

Из воспоминаний помощника коменданта дачи в Волынском (Кунцевская) Петра ЛОЗГАЧЕВА.

«С 28 февраля на 1 марта на ближней даче дежурили Хрусталев, Лозгачев, Туков и Бутусова.

Сталин приехал на дачу в Кунцево около 24 часов. Вскоре приехали Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев и Н. Булганин. Мы подали на стол только один виноградный сок. Что касается фруктов, то они всегда находились в вазах на столе. В пятом часу утра гости уехали. Прикрепленный полковник Хрусталев закрыл двери. Хрусталев сказал, что якобы Сталин сказал ему: ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь. Мы действительно легли спать, чем были очень довольны. Проспали до 10 часов утра.

---

¹¹⁵¹ Владимир Логинов. Тени Сталина. С. 72.

¹¹⁵² К.А. Залесский. Империя Сталина. С. 369.

Что делал Хрусталев с 5 часов утра до 10 часов утра, мы не знаем.

В 10 часов утра его сменил другой прикрепленный М. Старостин.

Утром все мы взяли каждый за свое дело. Тем временем произошла суточная смена личной охраны Сталина. Обычно Сталин вставал в 10 – 11 часов. Я смотрю, уже 12 часов, а движения в комнатах Сталина нет.

Постепенно ближайšie к Сталину люди из охраны стали волноваться и теряться в догадках: почему Сталин не встает, никого к себе не вызывает.

В 16 часов Старостин говорит: „Что будете делать?“

Обычно я входил с корреспонденцией к Сталину, когда замечал, что он уже встал. Сидим в служебном кабинете и думаем: что же делать. Подождали до 6 часов вечера, а движения в комнатах Сталина все нет. Я говорю Старостину: „Иди ты, как начальник охраны“. Старостин отвечает: „Я боюсь (Входить в комнаты Сталина без вызова категорически воспрещалось – Н.К.), иди ты с пакетами“ (в мою обязанность входило приносить Сталину полученную корреспонденцию).

Наконец, в 18 ч. 30 минут в комнате у Сталина появилось электроосвещение. Все с облегчением вздохнули. И все же время шло, а Сталин никого не вызывал.

В 22.30 пришла почта на имя Сталина. Тут я использовал момент. Забрал от нарочного почту и решительным, твердым шагом направился к Сталину. Прошел одну комнату, заглянул в ванную комнату, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просвечивалась полоска электроосвещения. Заглянул туда и увидел перед собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стола, как бы облокотившись на руку. Я оцепенел. Покушение, отравление, инсульт?

Быстро побежал к нему: „Что с вами, товарищ Сталин?“ В ответ услышал „дз“ и больше ничего. На полу валялись карманные часы 1-го часового завода, газета „Правда“, на столе бутылка минеральной воды и стакан. Я быстро по домофону вызвал Старостина, Тукова и Бутусову. Они прибежали и спросили: „Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?“

Как показалось, он кивнул головой. Положили, но она мала. Возникла необходимость перенести его на диван в большой зал. Все четверо понесли товарища Сталина в большой зал. Видно было, что он уже озяб в одной нижней солдатской рубашке. Видимо, он лежал в полусознательном состоянии с 19 часов, постепенно теряя сознание.

Сталина положили на диван и укрыли пледом.

Срочно позвонили министру Государственной безопасности С. Игнатьеву. Он был не из храбрых и адресовал Старостина к Берии. Позвонили Г. Маленкову и изложили тяжелое состояние Сталина. В ответ Георгий Максимилианович пробормотал что-то невнятное и положил трубку. Через час позвонил сам Маленков и ответил Старостину: „Берию я не нашел, ищите его сами“.

Старостин бегают и шумит: „Звони, Лозгачев“. А кому звонить, когда уже все знают о болезни Сталина. Еще через час позвонил уже сам Берия: „О болезни товарища Сталина никому не звоните и не говорите“. Также мигом положил трубку.

Я остался один у постели больного. Обида от беспомощности перехватила горло и душили слезы. А врачей все нет и нет. В 3 часа ночи зашуршала машина у дачи. Я полагал, что это врачи приехали, но с появлением Берии и Маленкова надежда на медицинскую помощь лопнула. Берия, задрав голову, поблескивая пенсне, прогромыхал в зал к Сталину, который по-прежнему лежал под пледом вблизи камина. У Маленкова скрипели новые ботинки. Он их снял в коридоре, взял под мышку и зашел к Сталину. Встали поодаль от больного Сталина, который по роду заболеваемости захрипел.

Берия: „Что, Лозгачев, наводишь панику и шум? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Нас не тревожь и товарища Сталина не беспокой“.

Постояли соратники и удалились из зала, хотя я им доказывал, что товарищ Сталин тяжело болен.

Тут я понял, что налицо предательство Берии, Маленкова, мечтающих о скорой смерти товарища Сталина.

Снова я остался один у больного Сталина. Каждая минута тянулась не менее часа. Часы пробили 4, 5, 6, 7 утра, а медпомощи и признаков не видно.

Это было ужасно и непонятно: что же происходит с соратниками товарища Сталина?

В 7.30 приехал Н. Хрущев и сказал: „Скоро приедут врачи“. В 9 часов 2 марта прибыли врачи, среди которых были Лукомский, Мясников, Тареев и др. Начали осматривать Сталина. Руки у них тряслись. Пришлось помочь разрезать рубашку на товарище Сталине.

Осмотрели. Установили кровоизлияние в мозг. Приступили к лечению. Ставили пиявки, подавали больному кислород из подушки.

Так большой Сталин больше полусуток пролежал без медицинской помощи»¹¹⁵³.

Интерес представляют и воспоминания других охранников Сталина. Я их также приведу, поскольку они дополняют картину и уточняют некоторые детали. Все они приведены в брошюре А.Т. Рыбина, на которую я ссылаюсь.

Старший телохранитель Сталина подполковник М. Старостин свидетельствует: «Что делать? Воскресенье – у всех выходной день. В первую очередь я позвонил председателю КГБ С. Игнатьеву и доложил о состоянии Сталина. Игнатьев был не из храбрых руководителей и адресовал меня к Берии. Звоню, звоню Берии – никто не отвечает, как будто он провалился под пол. Звоню Г. Маленкову и информирую о состоянии

---

¹¹⁵³ «Досье Гласности». 2000 г. № 3. С. 11.

Сталина. Маленков, что-то промычал в трубку и положил ее на рычаг. Тут ясно стало, что Маленков находится „в кармане“ у Берии. Минут через 30 позвонил Маленков и сказал: „Ищите Берию сами, я его не нашел“. Представляете наше безвыходное положение около Сталина. Слышу, звонит Берия и говорит: „О болезни товарища Сталина никому не говорите и не звоните“. Положил трубку».

Продолжает П. Лозгачев: «Мне положено по должности находиться при Сталине. Сажу рядом со Сталиным и считаю минуты своего дежурства. Полагал, что придут по указанию Берии, Маленкова врачи. Но их не было. Часы проббили 23 часа 1 марта, но глухая тишина. Смотрю на часы – стрелка показывает час ночи, два, три... Предательство Берии, Маленкова стало очевидным. Я весь испереживался от беспомощности по отношению к больному. Слышу в 3 часа ночи 2 марта около дачи зашуршала машина. Я оживился, полагая, что сейчас я передам больного Сталина медицине.

Но я жестоко ошибся. Появились соратники Сталина Берия и Маленков. Берия нахально прошагал в зал к больному Сталину, у Маленкова скрипели новые ботинки, он их снял и взял под мышку. Зашел к Сталину в одних носках. Стали соратники поодаль от Сталина. Постояли. Берия, поблескивая пенсне, подошел ко мне поближе и произнес: „Лозгачев, что ты панику наводишь?“. В это время по роду заболевания Сталин захрапел. Берия: „Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Его не тревожь и нас не беспокой“. Постояв, соратники повернулись и покинули больного».

В. Туков дополняет: «Берия вышел в коридор и стал бранить Старостина. Он не говорил, а кричал: „Я с вами расправлюсь. Кто вас поставил к товарищу Сталину? Дураки из дураков“. С ревом и вышел с дачи. 2-й секретарь ЦК ВКП(б) Г. Маленков засеменил за Берией, и машина отчалила от дачи».

Из воспоминаний П. Лозгачева: «Снова я остался один около Сталина. Пробило на стенных часах 4 – 5 – 6 – 7 – 8, а предатели не появлялись у Сталина. Утром после приезда врачей я посмотрелся в зеркало и не узнал себя. Волосы на висках подернулись сединой, осунулся и почернел. Это была ужасная ночь в моей жизни. Поэтому я запомнил до малейших тонкостей происходящее в ту роковую ночь. В 8.30 приехал Н. Хрущев и сказал: „Скоро к товарищу Сталину приедут врачи“. Действительно, около 9 часов утра прибыли врачи, среди которых был терапевт Лукомский. Приступили к осмотру больного. Руки у них тряслись, по этой причине они не могли снять рубашку со Сталина. Мне пришлось ее разрезать».

В. Туков: «Около 12 часов 2 марта появилась на даче Светлана Аллилуева. Василий приезжал дважды. Первый раз с топографическими картами Московской области по авиации. Второй раз Василий явился под хмелем и обругал членов Политбюро: „Сволочи! Загубили отца“. Ворошилов стал его успокаивать, обещал принять все меры для спасения товарища Сталина. Тут собралась вся обслуга, в том числе и Валентина Истомина.

Собрались члены Политбюро. Берия всячески старался приблизиться к Сталину и получить согласие на преемственность. Сталин временами открывал глаза, но это было уже в бессознательном состоянии»¹¹⁵⁴.

А вот свидетельство профессора А.Л. Мясникова – действительного члена Академии наук: «Вызвали поздно вечером 2 марта 1953 г. Как выглядел Сталин: коротковатый и толстоватый, лицо перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее (дыхание Чейн-Стокса). Кровяное давление 210 – 110. Мерцательная аритмия, лейкоцитоз до 17000. Была высокая температура – 38° с долями. При прослушивании и выстукивании сердца особых отклонений не отмечалось, в боковых и передних отделах легких ничего патологического не определялось.

Диагноз: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза.

Каждый из нас нес свои часы у постели больного. Постоянно находился при больном кто-нибудь из Политбюро ЦК – чаще всего Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян.

Третьего утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным – смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения...

Необходимо отметить, что до своей болезни – последние, по-видимому, три года – Сталин не обращался к врачам за медпомощью, во всяком случае, так сказал н-к Лечсанупра Кремля.

В Москве он, видимо, избегал медицины. На его большой даче в Кунцево не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами, не было, между прочим, даже нитроглицерина, и если бы у него случился приступ грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства. С каких пор у него гипертония – тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил).

Сталин дышал тяжело, иногда стонал. Только на один короткий миг показалось, что он осмысленным взглядом обвел окружающих его. Тогда Ворошилов склонился над ним и сказал: „Товарищ Сталин, мы все здесь твои верные друзья и соратники. Как ты себя чувствуешь, дорогой?“

Но взгляд уже ничего не выражал. (...) Ночью много раз казалось, что он умирает.

На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли добавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы пришла молоденькая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: „Да, инфаркт“.

Переполох. Уже в деле врачей фигурировало умышленное

---

¹¹⁵⁴ А.Т. Рыбин. Кто отравил Сталина? (Записки телохранителя). С. 12 – 13.

недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства.

Теперь, вероятно, мы... Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру. Жаловаться на боль, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта.

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило – как его объяснить?

Для поддержки падающего давления непрерывно вводили различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках. (...) Дежурил от ЦК Н.А. Булганин... Стоя у дивана, он обратился ко мне: „Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?“ Я ответил: „Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера – в связи с гипертонией и инсультом“. (...) Весь день пятого мы что-то впрыскивали, писали дневники, составляли бюллетени. (...)

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час. (...) Наконец, она наступила в 21 час 50 минут 5 марта...

Шестого марта в 11 – 12 часов дня на Садовой-Триумфальной во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра биохимии 1-го МОЛМИ, состоялось вскрытие тела Сталина. Присутствовали из состава консилиума только я и Луковский. (...) Вскрывал А.Н. Струнов, профессор 1-го МОЛМИ, присутствовал Н.Н. Аничков (президент АМН), биохимик профессор С.Р. Мардашев, который должен был труп бальзамировать, патологоанатомы: проф. Скворцов, Мигунов, Русаков.

По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились – что с сердцем? Откуда кровавая рвота?

Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияний)»¹¹⁵⁵.

А вот наиболее значимые отрывки из воспоминаний дочери вождя С. Аллилуевой, на которые можно положиться с точки зрения объективности и достоверности:

«Это были тогда страшные дни. Ощущение, что что-то привычное, устойчивое и прочное сдвинулось, пошатнулось, началось для меня с того момента, когда 2-го марта меня разыскали на уроке французского языка в Академии общественных наук и передали, что „Маленков просит приехать на

---

¹¹⁵⁵ «Досье Гласности». 2000 г. № 3. С. 11.

Ближнюю“. (Ближней называлась дача отца в Кунцеве, в отличие от других, дальних дач). Это было уже невероятно – чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал приехать к нему на дачу... Я ехала туда со странным чувством смутения.

Когда мы въехали в ворота и на дорожке возле дома машину остановили Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин, я решила, что все кончено... Я вышла, они взяли меня под руки. Лица обоих были заплаканы. „Идем в дом, – сказали они, – там Берия и Маленков тебе все расскажут“.

В доме, – уже в передней, – было все не как обычно; вместо привычной тишины, глубокой тишины, кто-то бегал и суетился. Когда мне сказали, наконец, что у отца был ночью удар и что он без сознания – я почувствовала даже облегчение, потому что мне казалось, что его уже нет.

Мне рассказали, что, по-видимому, удар случился ночью, его нашли часа в три ночи лежащим вот в этой комнате, вот здесь, на ковре, возле дивана, и решили перенести в другую комнату на диван, где он обычно спал. Там он сейчас, там врачи, – ты можешь идти туда.

Я слушала, как в тумане, окаменев. Все подробности уже не имели значения. Я чувствовала только одно – что он умрет. В этом я не сомневалась ни минуты, хотя еще не говорила с врачами, – просто я видела, что все вокруг, весь этот дом, все уже умирает у меня на глазах. И все три дня, проведенные там, я только это одно и видела, и мне было ясно, что иного исхода быть не может.

В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В.Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца, сидел в тюрьме) ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти.

Где-то заседала специальная сессия Академии медицинских наук, решая, что бы еще предпринять. В соседнем небольшом зале беспрерывно совещался какой-то еще медицинский совет, тоже решавший как быть. Привезли установку для искусственного дыхания из какого-то НИИ, и с ней молодых специалистов, – кроме них, должно быть, никто бы не сумел ею воспользоваться. Громоздкий агрегат так и простоял без дела, а молодые врачи ошалело озирались вокруг, совершенно подавленные происходящим. Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, – где я ее видела?.. Мы кивнули друг другу, но не разговаривали. Все старались молчать, как в храме, никто не говорил о посторонних вещах. Здесь, в зале, совершалось что-то значительное, почти великое, – это чувствовали все – и вели себя подобающим образом.

Только один человек вел себя почти неприлично – это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело

искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были – честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить, и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели, и подолгу всматривался в лицо больного, – отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания, или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть „самым верным, самым преданным“ – каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: „Уведите Светлану!“ На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: „Хрусталеv! Машину!“»¹¹⁵⁶

И далее она продолжает:

«Отец умирал страшно и трудно. И это была первая – и единственная пока что – смерть, которую я видела. Бог дает легкую смерть праведникам...

Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент – не знаю, так ли на самом деле, но так казалось – очевидно в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, – это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть – тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент, душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

Я думала, что сама задохнусь, я впилась руками в стоявшую возле молодую знакомую докторшу, – она застонала от боли, мы держались с ней друг за друга.

Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик; через несколько мгновений оно стало невозмутимым,

---

¹¹⁵⁶ Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. С. 8 – 10.

спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут, – не знаю сколько, – кажется, что долго»¹¹⁵⁷.

Кажется, картина смерти нарисована трагически-яркими мазками, и здесь нечего уже добавить.

Теперь об официальных сообщениях.

В «Правительственном сообщении» от имени ЦК КПСС и Совета Министров, опубликованном только 4 марта 1953 г. сказано: «В ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи». Для лечения Сталина создается комиссия из восьми врачей – академиков и профессоров. Во главе комиссии – новый министр здравоохранения СССР Третьяков и новый начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Куперин. В сообщении говорится, что «лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства», то есть «вредительское лечение» исключается. 5 и 6 марта выходит несколько бюллетеней о ходе болезни Сталина. Так, бюллетень, составленный 5 марта, в день смерти, и опубликованный 6 марта, сообщает: «В 11 часов 30 минут вторично наступил тяжелый коллапс, который был с трудом ликвидирован соответствующими лечебными мероприятиями». «В дальнейшем сердечно-сосудистые нарушения несколько уменьшились, хотя общее состояние продолжало оставаться крайне тяжелым», – бюллетени составлялись в такой тональности, чтобы у тех, кто их читал, не оставалось сомнений в летальном исходе болезни вождя.

Наконец последовал медицинский бюллетень о смерти Сталина.

В нем говорилось:

«В ночь на 2-е марта у Иосифа Виссарионовича Сталина произошло кровоизлияние в мозг (в его левое полушарие) на почве гипертонической болезни и атеросклероза. В результате этого наступил паралич правой половины тела и стойкая потеря сознания. В первый же день болезни были обнаружены признаки расстройства дыхания вследствие нарушения функции нервных центров. Эти нарушения изо дня в день нарастали; они имели характер, так называемого, периодического дыхания (дыхание Чейн-Стокса). В ночь на 3-е марта нарушения дыхания стали принимать угрожающий характер. С самого начала болезни были обнаружены также значительные изменения со стороны сердечно-сосудистой системы, а именно высокое кровяное давление, учащение и нарушение ритма (мерцательная аритмия) и расширение сердца. В связи с прогрессирующими расстройствами дыхания и кровообращения уже с 3 марта появились признаки кислородной

---

¹¹⁵⁷ Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. С. 11 – 12.

недостаточности. С первого дня болезни повысилась температура и стал отмечаться высокий лейкоцитоз, что могло указывать на наличие очагов в легких.

В последний день болезни при резком ухудшении общего состояния стали наступать повторные приступы тяжелой острой сердечно-сосудистой недостаточности (коллапс). Электрокардиографическое исследование позволило установить острое нарушение кровообращения в венечных сосудах сердца с образованием очагов сердечной мышцы.

Во вторую половину дня 5 марта состояние больного стало особенно быстро ухудшаться. Дыхание сделалось поверхностным и резко учащенным, частота пульса достигала 140 – 150 ударов в минуту. Наполнение пульса упало. В 21 час 50 минут при явлениях нарастающей сердечно-сосудистой недостаточности Иосиф Виссарионович Сталин скончался»¹¹⁵⁸.

Итак земная жизнь вождя закончилась. Началась политическая жизнь после физической смерти.

Теперь остановимся на версии отравления и приведем наиболее интересные мотивации и доказательства именно такого хода событий.

Первым, кто заговорил об отравлении, когда вождь еще дышал, был его сын Василий. По словам С. Аллилуевой, брата Василия тоже вызвали 2-го марта 1953 года. Он тоже сидел несколько часов в этом большом зале, полном народа, но он был, как обычно в последнее время, пьян, и скоро ушел. В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что «отца убили», «убивают», – пока не уехал наконец к себе.

Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе, он был уверен, что отца «отравили», «убили»; он видел, что рушится мир, без которого ему существовать будет невозможно¹¹⁵⁹.

Сошлемся на такого авторитетного свидетеля, как Молотов. Писатель Ф. Чуев в одной из бесед затронул вопрос о возможном отравлении Сталина.

«По-моему, в последние годы Сталин не вполне владел собой. Не верил кругом. Я по себе сужу. А Хрущева пододвинул. Тут он немножко запутался.

– По этой книжке получается, что он перестал доверять Берии.

– Я думаю, да. Он знал, что Берия пойдет на любое, чтобы себя спасти. Тот же Берия подбирал охрану фактически, а Сталин выбирал из того, что ему давали, думал, что сам все это делает. А Берия подсовывал.

– Могло быть, что они отравили Сталина, когда выпивали с ним в последний день перед болезнью?

– Могло быть. Могло быть».

И далее: «– Не отравили ли Сталина?

---

¹¹⁵⁸ «Правда». 7 марта 1953 г.

¹¹⁵⁹ Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. С. 160 – 161.

– Возможно. Но кто сейчас это докажет?..»

Ф. Чуев не раз возвращался к этой теме. «...Несколько раз я выяснял у Молотова подробности смерти Сталина. Помню, гуляли в лесу, ничего толком не добившись, я задал явно провокационный вопрос:

– Говорят, его убил сам Берия?

– Зачем же Берия? Мог чекист или врач, – ответил Молотов. – Когда он умирал, были моменты, когда он приходил в сознание. Было – корчило его, разные такие моменты были. Казалось, что начинает приходить в себя. Вот тогда Берия держался Сталина! У-у! Готов был...

Не исключаю, что он приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да и я чувствовал... На трибуне мавзолея 1 Мая 1953 года делал такие намеки... Хотел, видимо, сочувствие мое вызвать. Сказал: „Я его убрал“. Вроде подействовал мне. Он, конечно, хотел сделать мое отношение более благоприятным: „Я вас всех спас!“»¹¹⁶⁰

Теперь я приведу мнения историков и специалистов нашего времени по данному вопросу. Так, В. Афиани, заместитель директора Российского государственного архива новейшей истории, и А. Фурсенко, академик РАН, в статье, опубликованной в 2003 году, писали: «Первый медицинский осмотр состоялся в 7 часов утра. По официальным данным, у Сталина произошло нарушение кровообращения, кровоизлияние в мозг (инсульт) с потерей сознания в ночь на 2 марта на почве гипертонической болезни, общего атеросклероза с преимущественным поражением сосудов головного мозга, правосторонней гемиплегии; атеросклеротического кардиосклероза и нефросклероза (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1486. Л. 95 – 96).

Приглашенный профессор А.Л. Мясников вспоминал позднее, что министр здравоохранения рассказал, что охранник еще в 3 часа ночи видел Сталина работающим, а в 7 часов увидел его лежащим на полу. Это очевидная ложь. Когда бы ни случился инсульт, но он произошел 1 марта днем или, скорее всего, вечером. Одно ясно: что вождь оставался без медицинской помощи несколько часов. Дочь Сталина вспоминала, что ее брат Василий и обслуживающий персонал дачи негодовали, считая, что Берия задержал вызов врачей. Не это ли было причиной немедленного увольнения персонала после смерти Сталина?

...С этого момента параллельно происходят два действия: на даче врачи пытаются спасти Сталина, а члены Президиума ЦК КПСС, наблюдая за этими бесплодными усилиями, тут же, на даче, или в сталинском кабинете в Кремле готовят решения о „бесперебойном и правильном руководстве всей жизни страны“.

Получив в свое распоряжение медицинскую документацию, историки стали обращать внимание на отдельные записи, не вписывающиеся в ранее

---

¹¹⁶⁰ *Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 324, 327 – 328.*

известную информацию об исключительно сердечно-сосудистом характере заболевания. Отмечается, что 2 и 3 марта у больного были вздутые живота и рвота, 4 марта печень вышла из-под ребер на 3 см, а 5 марта в 8.00 началась кровавая рвота. В медицинском заключении о болезни и смерти Сталина оставлены лишь сведения о сердечно-сосудистых явлениях. Это дает пищу предположениям об отравлении вождя. Но современные медики не находят в этих явлениях каких-либо отклонений от течения такого рода заболеваний»¹¹⁶¹.

И далее они делают следующие заключения. Только после этого 4 марта была оповещена общественность. В шесть часов тридцать минут утра московское радио прервало свои передачи и диктор Ю. Левитан зачитал «правительственное сообщение» о болезни Сталина. А после 15 часов начали передавать только классическую музыку, прерываемую чтением правительственного сообщения и бюллетеней о состоянии здоровья вождя.

Воспользовавшись болезнью Сталина, «старая гвардия» на время консолидировалась и восстановила свое положение в руководстве страной, оттеснив молодые кадры. Сразу же были нарушены сталинские «заветы»: в «узкое руководство», вопреки ясному желанию Сталина, был включен Молотов. Это придавало большую легитимность в глазах общественности новой конструкции власти. С этой же целью 5 марта был созван беспрецедентный единовременный форум – совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Президиума Совета Министров и Верховного Совета СССР. Оно началось в Кремле в 20.00 и продолжалось сорок минут. Не дождавшись кончины Сталина в 21.50, еще живого вождя «единодушно и единогласно» сняли со всех постов, оставив лишь в составе Президиума ЦК¹¹⁶².

И в качестве итогового материала я приведу основные выводы обширного материала, в котором историк и публицист Н. Добрюха в двух номерах газеты «Аргументы и факты» провел обстоятельное (в том числе и с медицинской точки зрения, опираясь на помощь специалистов-медиков) исследование версии об отравлении Сталина. Эти выводы можно суммировано изложить в форме следующих выводов:

Обнаруженные документы свидетельствуют, что отравление состоялось 28 февраля – 1 марта 1953 года, то есть в ночь с субботы на воскресенье и до понедельника, когда основной медперсонал отдыхает и нужного врача сразу не найдешь. В этом отчетливо просматривается основательная продуманность отравления – на случай, если яд не окажет мгновенного действия, что потом и случилось.

Из воспоминаний сталинских охранников выходит, что, скорее всего,

---

¹¹⁶¹ «Новая газета». 27 февраля 2003 г.

¹¹⁶² «Новая газета». 27 февраля 2003 г.

Сталин отравился сразу, как только выпил минералку. Об этом свидетельствует тот факт, что его нашли лежащим у стола, на котором стояли бутылка минеральной воды и стакан, из которого он пил. А поскольку яд действовал «почти моментально», Сталин тут же упал... по одним данным – замертво, по другим – потеряв сознание, во всяком случае – дар речи потерял точно! Тут его якобы и увидела дачная обслуга, взломав двери в покои Хозяина после длительных согласований в верхах...

Обнаруженные мною документы свидетельствуют о бесспорном наличии яда в организме Сталина. Вместе с тем точный его состав и происхождение эти документы не отражают. Видимо, в те жуткие дни и ночи, когда делались анализы крови страшно умиравшего Хозяина Кремля, разрешения, а тем более указания на это медики не получали.

Итак, первые результаты анализов крови и мочи, потрясшие врачей, поступили в их распоряжение примерно к началу суток 5 марта 1953 года. То есть тогда, когда предпринимать что-то было уже поздно, поскольку ядовитые вещества, попавшие в организм, привели к необратимым нарушениям в сердце и всей системе кровообращения Сталина. Включая головной мозг¹¹⁶³.

Для оценки достоверности своих доказательств и доводов Н. Добрюха попросил прокомментировать свой материал бывшего председателя КГБ В.А. Крючкова, который дал следующую оценку опубликованному материалу (кстати, вызвавшему в стране довольно широкие отклики):

«Впервые документы о последней болезни и смерти Сталина настолько значительны, что теперь от них уже никто не сможет отвернуться. Как человек, проработавший большую часть жизни в компетентных органах, я всегда думал, что в случившемся в ту первую весеннюю ночь 1953 года много загадочного: и врачей долго не было, и поведение тройки „Берия – Маленков – Хрущев“ странное, и многое другое вызывает вопросы...

Впервые мы имеем дело не с набором воспоминаний, слухов и предположений о смерти Сталина, а с исследованием подлинных документов»¹¹⁶⁴.

Таковы в самых общих чертах обстоятельства смерти Сталина и оценка основных двух версий – естественная смерть или умышленный заговор с целью ускорить смерть вождя. Еще одним косвенным доводом в пользу версии заговора служит то, что все это произошло в самый разгар дела врачей. Являлось ли это случайным совпадением или между этими двумя событиями наличествует какая-то связь – все это покрыто завесой неизвестности.

---

¹¹⁶³ «АИФ». Номера от 21 и 28 декабря 2005 г.

¹¹⁶⁴ «АИФ». 28 декабря 2005 г.

В заключение следует сказать, что похороны Сталина превратились во вторую ходынку: погибло (было раздавлено в толпе) огромное число людей, пришедших сказать последнее «прощай» вождю народов. Каково было число жертв – власти не сообщали. Боялись понести ответственность. А виновными в первую очередь были Л. Берия как министр внутренних дел и Н. Хрущев как председатель комиссии по организации похорон Сталина. Еще в первом правительственном сообщении о болезни Сталина власти предостерегали от возможного разброда и шатаний, способных возникнуть в результате обнародования этого сообщения. Но случилось так, что именно сами власти вступили в полосу разброда и шатаний. Более того, в стадию смертельной борьбы за власть, оставшуюся после смерти вождя.

Но это уже выходит за рамки темы, и я ее не касаюсь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед взором читателя прошел весь жизненный и политический путь Сталина. Едва ли я ошибусь, если скажу, что это – путь, который чрезвычайно трудно, если вообще возможно, определить какими-то однозначными понятиями. Да и нужны ли вообще строгие и однолинейные характеристики, ставшие привычными нам? Не все можно разложить по полочкам, не все можно втиснуть в шаблонные рамки. Такой метод подхода неприменим даже для оценки любого, самого заурядного политика, будь то современного, будь то давно покинувшего сей бранный мир. Чтобы поставить Сталина на заслуженное им место в истории нашего отечества и всего мира, необходимо прежде всего проникнуться духом и содержанием эпохи, в которую он жил и на которую наложил печать своей личности. И чем дальше от нас отдалится эта эпоха, тем явственнее выявляется в сознании как ее современников, так и потомков, ее почти уникальная сложность, противоречивость, динамичность, стремительность и крутизна исторических поворотов. Мир всегда находится в движении, и только в этом состоянии его можно верно понять и дать ему надлежащую оценку.

Невольно возникает вопрос: в силу каких причин и обстоятельств судьба вознесла простого грузинского семинариста на самую высокую политическую орбиту, сделала одним из вершителей мирового процесса? Игра случая или проявление какой-то нераскрытой еще закономерности? Не будем гадать, ибо внятного ответа на этот вопрос получить невозможно. Он просто лежит за пределами обычного человеческого понимания. Фактом является то, что Сталин не только вошел в историю, но, фигурально выражаясь, сам открыл дверь, которая вела его в историческое бессмертие. И его почитатели, и его непримиримые и неистовые критики – все они едины по крайней мере в одном: Сталин был фигурой исторического масштаба. Но

признанием этого факта и заканчивается совпадением взглядов и оценок обеих сторон. Я как бы оставляю за скобками мнение тех, кто не определил своего отношения к советскому вождю. Дальше открывается полная и диаметрально противоположная историческим вердиктам, выносимых этой фигуре.

Для одних он – прежде всего создатель великой державы, унаследовавший многие традиции своих предшественников, скрепивший единство Советской России не только грандиозными свершениями во всех областях ее жизни, но и, признаем это без оговорок, кровью и потом многих миллионов своих соотечественников. Сталинская Россия по праву заняла свое достойное место среди всех государств мира. Больше того, она стала одной из вершительниц судеб послевоенного мира. Сталин добился того, что наша страна расширила границы и рамки своего влияния так далеко и так широко, как никогда прежде. Можно сказать, что при Сталине и во многом благодаря его курсу она встала во весь рост и голос ее был слышен повсюду. И к нему не просто прислушивались, с ним считались как одним из решающих голосов.

Для других он – тиран, на совести которого кровь и страдания миллионов невинных жертв, душитель и гонитель всего демократического, всего, что могло бы вывести Советскую Россию на так называемый путь общечеловеческого развития и экономического процветания в соответствии с эталонами западных стран и законами свободного рынка. В глазах этих противников Сталин – гигантский тормоз на пути исторического развития страны.

Читатель может придерживаться одной из этих точек зрения, может отвергать обе как заведомо однолинейные, а потому и не отвечающие исторической истине. И будет по-своему прав. На протяжении многих страниц своей трилогии о Сталине я пытался (порой, очевидно, без особого успеха) найти некий третий вариант оценки этой исторической фигуры. Речь, разумеется, не шла о каком-то чисто механическом выборе так называемой золотой середины, то есть частично признать правильность первой и второй позиций. Это механическое соединение противопоказано историческому подходу, оно лишь упрощает истинную картину и создает внешне как бы объективное, а внутренне несостоятельное представление о данной личности. Поэтому я стремился на базе конкретных фактов и анализа конкретных условий соответствующей эпохи выявить и показать определенную историческую обусловленность действий Сталина. Подчеркиваю – обусловленность, а не заранее заданную предопределенность. Легче всего пользоваться двумя знаками – плюс и минус. Но история – это не математика, и довольствоваться данными категориями в историческом анализе – значит сознательно идти по пути, чреватому заблуждениями и невольно возникающими пристрастными, а то и просто примитивными выводами и умозаключениями.

Истории не знакомо такое понятие, как вакантное место, в ней все подчиняется строгим закономерностям, хотя и случайности играют далеко не последнюю роль. Каждая значимая по масштабам своей эпохи личность входит в историю, но отнюдь не каждая остается в ней надолго или навсегда в качестве бесспорной фигуры поистине исторического формата. Сталин относится к категории государственных и политических деятелей, которые далеко вышли не только за рамки своей страны, но и своей эпохи. И это прежде всего благодаря тому, что целая историческая полоса (в данном случае правомерно применить и понятие эпоха) связана с его именем. Сталинская эпоха – весьма важный и значительный этап в историческом развитии России. Она, будучи по своей природе, принципиально иной, чем предшествовавшие ей, в силу внутренних законов развития, сохранила органическую и неразрывную связь с прошлыми эпохами, подтвердив универсальность закона связи времен в истории как важнейшей качественной черты исторического развития в целом.

Попытки вычеркнуть Сталина из истории – все равно что стереть из исторической памяти народов одни из самых славных и вместе с тем одни из наиболее драматических страниц их бытия. Важнейшей характерной чертой Сталина как исторической фигуры выступает то, что он занял свое законное место не только в истории нашей страны, но и в мировой истории. Его по праву считают одной из наиболее значимых фигур мирового масштаба XX века. И нравится кому-то это или нет – данной реальности не изменить.

Мне не хотелось бы снова и снова возвращаться к моральным и нравственным сторонам сталинского правления в целом. Этому в трилогии уделено достаточное место, хотя оценки и выводы, сделанные мной, едва ли многими будут восприняты в качестве справедливых и обоснованных. Все зависит от угла зрения и идеологической позиции того, кто берется судить об этом. Но все-таки я тешу себя, возможно, ложной надеждой, что мне хотя бы в некоторой степени удалось показать чрезвычайно сложное и порой не поддающееся разумному объяснению сочетание благородных целей, которые всю свою сознательную жизнь преследовал Сталин, и жестокость, а порой и бесчеловечность методов, с помощью которых это достигалось. Банальная аксиома, что цель оправдывает средства, в данном случае едва ли приложима к обобщающей оценке его политической деятельности. С большой натяжкой здесь применима и максима французского моралиста и мыслителя Ларошфуко: «Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута»¹¹⁶⁵.

В историческом процессе морально-этические нормы и правила, сами по себе имеющие основополагающую ценность и самооценку, в реальной жизни вступают в объективно обусловленное противоречие с суровыми

---

¹¹⁶⁵ Библиотека всемирной литературы. Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюер. Т. 42. М. 1974. С. 50.

данностями той или иной эпохи. И общие нравственные принципы прокладывают себе дорогу отнюдь не в каждый данный исторический отрезок времени. Если бы это было не так, то вся человеческая история представляла бы собой сплошную идиллию в вымышленной Аркадии. Но беспристрастный взгляд на историю видит совершенно иную картину. Политика, которую проводил Сталин, конечно, не отрицала мораль, законы нравственности и справедливости, гуманизма и уважения к личности. Но она исходила из принципиально иного их истолкования – мораль и ее законы должны были служить интересам утверждения нового общественного строя. Общечеловеческой морали как бы не существовало, а имела силу лишь классовая мораль, которая была своего рода критерием правильности или ошибочности тех или иных методов достижения цели. Проще говоря, Сталин не только отрицал, но и презирал буржуазную мораль, считая ее орудием реализации классовых интересов эксплуататоров. Его понять, конечно, можно. Но согласиться с ним – значило бы поставить под знак вопроса исходные посылки человеческого прогресса, который не может зиждиться на урезанной морали одного класса. Походя, следует заметить, что господствующие классы всегда свою собственную мораль и свои собственные нравственные нормы возводили в ранг единственно правомерных и законных. Это замечание применимо и к морально-нравственным понятиям современной эпохи, когда в практическом воплощении они превращаются в свою противоположность.

Дать объективную оценку роли и месту Сталина в нашей и мировой истории невозможно, не вписав его в живую ткань эпохи, в которой он жил и творил. Правильные абстрактные критерии здесь не дадут нужных результатов, они способны только исказить картину, примитивизировать, а то и полностью извратить суть того, что имело место в реальной жизни. Именно по той причине я описывал политическую и государственную деятельность Сталина не просто на фоне той эпохи, в которую он жил, но стремился сделать основные черты этой эпохи как бы исходной базой для мотивации его практических действий и поступков. Вне эпохи, в отрыве от нее Сталин будет непонятен или же вся его политическая философия и вся его политическая биография будут истолкованы крайне однобоко и даже тенденциозно.

Мне кажется, что только для примитивно мыслящих людей Сталин не представляет собой своеобразную историческую загадку. В действительности же он весьма многосложен и многолик. Даже при интерпретации тех его действий и шагов, которые на первый взгляд выглядят предельно прозрачными и не допускающими различных мотиваций. Каждый может обнаружить в Сталине и его политике то, что ему или импонирует, или вызывает неприкрытое отторжение. Ведь отнюдь не случайно, что о нем порой достаточно объективно, с позиций здравого смысла, а не господствующей идеологии, пишут и выразители взглядов либерального толка. Так, известный журналист В. Третьяков в связи с 50-летием со дня

смерти вождя опубликовал статью, содержащую здравые и довольно рациональные мысли. Лично мне импонирует постановка вопроса о том, какие исторические уроки наше общество может извлечь из наследия Сталина. Автор статьи перечисляет несколько уроков, замечая, что число их легко можно умножить. Дает он и свою трактовку этих уроков, используя широкое историческое полотно, а не узкую замочную скважину, через которую и увидеть-то можно лишь мелкие фрагменты. Обращает на себя внимание, что явный либерал уловил то, что составляло в деятельности Сталина самую сильную сторону:

«Умение ставить стратегические цели для страны и, соответственно, для своей политики, цели, выходящие за пределы и своей легитимной власти, и даже своей физической жизни.

Сталин ставил пять таких целей и, в общем-то, всех их достиг.

Это: 1) модернизация России, отставшей от Запада в своем индустриальном развитии, как он говорил, на 50 – 100 лет. Черчилль отметил, что Сталин добился этой цели, ибо принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой;

2) победа в неизбежно грядущей войне;

3) сохранение целостности страны и создание блока союзнических государств, дополнительно оберегающих эту целостность;

4) приоритет развития образования и науки;

5) максимальное освоение природного потенциала страны, использование в первую очередь собственных, а не заемных ресурсов»¹¹⁶⁶.

К сожалению, В. Третьяков несколько сузил число задач, которые ставил перед собой Сталин и реализации которых он сумел добиться. Полагаю, что в предпринятой мною работе эти цели и задачи получили более или менее объективное освещение. Нет, видимо, смысла в заключение снова повторять их, так как это явилось бы некоей разновидностью тавтологии. Но об одном аспекте общих итогов государственной и политической деятельности Сталина стоит сказать особо. В среде коммунистов широко известна фраза Ф. Энгельса, сказанная в адрес К. Маркса: «Дело его и имя переживут века!» В приложении к Сталину приходится констатировать, что имя его пережило его дело – так развернулся поток исторических событий в нашей стране и мире. Переживет ли его имя века – на этот вопрос даст ответ только само время. И никто иной!

А вот дело, которому Сталин без остатка посвятил всю свою жизнь, не пережило его и на полвека. В нашей стране произошла реставрация капиталистической системы со всеми вытекающими из этого последствиями. Причем чрезвычайно важно оттенить факт первостепенной значимости: реставрация эта осуществлялась определенной частью верхушки самой

---

¹¹⁶⁶ В. Третьяков. Уроки Сталина. (Электронная версия, декабрь 2003 г.)

коммунистической партии и проходила под лозунгами дальнейшего развития социализма, его демократизации и т.д. Пресловутая перестройка, официальной целью которой прокламировались ликвидация деформаций социализма, прежде всего в сфере обеспечения прав и свобод человека, обеспечение примата общечеловеческих ценностей и укрепление таким путем огромного потенциала, заложенного в социализме как передовом общественном строе. Но это было прежде всего лукавое прикрытие, ибо идеологи реставрации капиталистических порядков прекрасно понимали, что открытый призыв к свержению социализма и замене его капитализмом не встретит поддержки подавляющего большинства населения страны. Налицо был акт контрреволюции под прикрытием революционных и внешне привлекательных лозунгов.

Разумеется, тема – Сталин и современность – глобальная, почти серьезно неисследованная проблема, имеющая множество граней и нюансов. Но она выходит за рамки моей непосредственной задачи, и я касаюсь ее лишь постольку, поскольку вообще обойти ее молчанием было бы неправильно. Фигуру умолчания в данном случае правомерно приравнять к замалчиванию проблемы и к уходу от нее. Поэтому здесь лишь пунктиром обозначены некоторые из аспектов всей этой проблемы. Причем под углом зрения рассмотрения политической биографии Сталина.

Критика Сталина, безудержная клевета и извращение социализма как определенного исторического этапа нашей жизни – эта задача стоит в качестве одной из наиболее приоритетных задач нынешней правящей российской элиты. Если бы социализм был настолько плох и неэффективен, то он не выдержал бы столь тяжелых и невиданных в истории испытаний, как, скажем, Великая Отечественная война. Если бы социализм был настолько чужд интересам всестороннего развития страны, то Советская Россия оказалась бы на обочине прогресса человеческого общества, а не в ряду самых великих и передовых держав мира. И если бы, наконец, новый социальный уклад и режим, стоящий на его страже, не были бы близки широким массам населения, не отвечали бы его насущным интересам, то совершенно излишним было бы денно и нощно вопить о пороках социализма, о кровожадности его создателя, и вообще, тема Сталина и сталинизма не занимала бы столь обширное место в идеологической обработке населения с помощью мыслимых и немыслимых средств и методов. Правда, при всем разнообразии и колоритности того или иного метода, все их роднит одна черта – задача оболгать прошлое и представить его в виде первого круга дантовского ада.

Критики Сталина ставят ему в вину то, что он не гнушался использовать и такие инструменты политики, как разделение сфер влияния. Чаще всего в качестве наиболее типичного примера они оперируют фактом заключения договора о ненападении и секретных протоколов к нему. Далее, указывают и на создание советской сферы влияния в Восточной Европе. Что можно

возразить этим критикам? Вся история международных отношений как раз и являет собой историю раздела сфер влияния и борьбы за достижение такого влияния. Имеется бесчисленное число двусторонних и многосторонних договоров, юридически фиксирующих разделение сфер интересов и влияния. Так что Сталин здесь не внес ничего оригинального и нового, поэтому упреки в его адрес выглядят скорее данью лицемерию, чем данью исторической истине. Если же мы хотя бы на миг обратимся к ситуации в современном мире, то увидим, что практика разделения мира на сферы влияния вот уже на протяжении многих и многих десятилетий проводится в жизнь единственной сверхдержавой – Соединенными Штатами Америки. Причем они это делают без всякой оглядки на международные законы и право как таковое. Вашингтон объявляет сферой своих жизненных интересов страны и целые регионы, расположенные на тысячи и тысячи километров от них. И что самое вопиющее – добиваются «защиты своих жизненных интересов» любыми средствами как военно-политического, так и экономического порядка. Не говоря уже о всеобъемлющей идеологической экспансии под флагом продвижения демократических ценностей. Так что критикам Сталина было бы полезно взглянуть на его действия в международной политике через призму того, как ведут себя в современном мире США. Возможно (но маловероятно), такое сопоставление умерило бы их пыл и идеологическое неистовство. Впрочем, пользуясь словами А.С. Пушкина, им органически присуща «брань, доведенная до иступления», и рассчитывать на проблеск здравого смысла едва ли приходится.

Еще одним крупнейшим достижением Сталина в реализации геополитических задач Советской России явилось заключение военно-политического союза с Китайской Народной Республикой. Трудно, если вообще возможно, переоценить значение данного факта. Этот союз в середине 50-х годов выступал в качестве мощного бастиона против планов установления мировой гегемонии со стороны США. Пути и перепутья международного развития могли бы оказаться иными, если бы не было этого стратегически важного фактора международных отношений той поры. То, что отношения с Китаем после смерти Сталина претерпели кардинальные изменения, отнюдь не умаляет роли, которую этот союз сыграл в свое время. За рамки моей задачи выходит анализ причин ухудшения советско-китайских отношений и превращение их фактически во враждебные на исходе 60-х годов. Следует только указать, что свою негативную роль сыграла здесь недалековидная, отдававшая душком имперских амбиций, политика Хрущева. Свою долю в подрыв этих отношений внесли и китайские лидеры, прежде всего Мао Цзэдун, амбиции которого едва ли уступали хрущевским. Но все это было уже после смерти Сталина. При нем же, несмотря на некоторые разногласия и различия в подходах к отдельным проблемам, советско-китайские отношения выступали в качестве колоссального по своему удельному весу фактора мировой политики. Позволю себе сделать

несколько рискованное предположение: если бы Сталин прожил дольше, то советско-китайский военно-политический союз мог бы не закончить свое существование так быстро. Это, конечно, по меркам истории, ибо для нее десяток-другой лет – не столь уж и большая временная дистанция.

Мне уже приходилось достаточно подробно писать об основных целях и вообще характере политики Сталина в сферах науки, образования, культуры, литературы, киноискусства и т.д. Здесь же мне представляется важным подчеркнуть, что во всех его шагах в данных сферах на первом месте всегда выступали интересы государства и общества. Скажут: нельзя ставить на одну доску государство и общество, ибо это – разновеликие величины как по своей природе, так и по своим функциональным целям и принципиальным особенностям. Но дело в том, что в сталинскую эпоху государство и общество фактически были соединены воедино и между ними не проводилось водораздела: исходили из того, что выгодно и полезно для государства, то выгодно и полезно для общества. Слияние воедино этих двух понятий, конечно, неправомерно в силу принципиальных соображений. Однако следует признать в качестве факта такое именно слияние.

Возвращаясь к предмету нашего изложения, хочется подчеркнуть, что кампания Сталина против космополитизма в своем широком понимании была ориентирована на то, чтобы перекрыть все каналы культурной агрессии против духовного наследия русского и других народов Советской России. И приходится с сожалением констатировать, что такого рода кампании не проводятся сегодня. Конечно, без сталинских перегибов и с учетом реалий современной жизни. Нельзя не сказать о том, что такая отнюдь не «тоталитарная» страна, как Франция, давно ввела суровое законодательство по охране своего культурного наследия и языка с тем, чтобы противостоять экспансии американской попкультуры и подрыву культурного наследия государства, гордящегося своим прошлым, своими духовными ценностями.

Если говорить обобщенно, то без тех колоссальных по масштабам и одновременно исключительно крутых по методам своей реализации мер Советская Россия едва ли оказалась бы способной выдержать невиданные испытания, связанные с войной и противостоянием с западными державами, откровенно враждебно относившимися к ней. Запад пугал не только, а может быть, и не столько большевизм как таковой, хотя об этом трезвонили чуть ли не с каждой политической колокольни все противники России. Запад страшили укрепление могущества нашей страны, ее превращение в один из решающих центров мировой политики. И сдается, что если бы история предоставила такую уникальную (и добавим – абсолютно нереальную) возможность, как возвышение и укрепления России на либерально-демократической основе, то и в этом случае отношение к России со стороны Запада едва ли изменилось бы на 180 градусов. Оно в целом оставалось бы в лучшем случае настороженно-отчужденным, а скорее всего, откровенно или замаскировано враждебным.

Поэтому при глобальной исторической оценке всего комплекса проблем, касающихся отношений Советской России с Западом на всем протяжении сталинской эпохи, чтобы не впасть в непозволительное упрощение, необходимо постоянно держать в уме эту посылку. Кому-то она покажется откровенно антизападной и антидемократической, пронизанной духом русофильства, доведенного до абсурда. Однако в реальной политике мы имеем дело с реальными вещами, а не философскими абстракциями. И враждебность Запада Советской России в сталинскую эпоху (и не только тогда) является чуть ли не исторической аксиомой, не нуждающейся в доказательствах.

Сталин был дитя своей эпохи, и его нельзя понять и объективно оценить вне связи с эпохой, в которую он жил. Для лучшего уяснения проблемы уместно воспользоваться мыслью великого немецкого философа-диалектика Гегеля, который говорил (конечно, в связи с другими историческими обстоятельствами) о широком просторе «для морализирования и высказывания различных тривиальностей вроде того, что цель не оправдывает средства и т.п. Между тем здесь не может быть и речи о выборе средств, гангренозные члены нельзя лечить лавандовой водой. Состояние, при котором яд, убийство из-за угла стали обычным оружием, не может быть устранено мягкими мерами противодействия. Жизнь на грани тления может быть преобразована насильственными действиями»¹¹⁶⁷.

В приведенном высказывании Гегеля мне хочется особое внимание обратить на акцент, сделанный им на преобразовании с опорой на насильственные действия. Фактически сама жизнь, особенности эпохи диктуют выбор средств достижения масштабных государственных целей. И коль эпоха была столь суровой, а порой и жестокой, то едва ли нужно удивляться тому, что и методы были адекватными самой этой эпохе. Эпоха сама создает своих героев, но это не значит, что она во всем оправдывает их. Ссылками на суровость и даже жестокость эпохи, в которую протекала политическая и государственная деятельность Сталина, конечно, нельзя оправдать многие его действия, граничащие с преступлениями. Однако именно реальности той эпохи помогают понять мотивацию его политической философии в целом.

Три тома биографии Сталина посвящены описанию не просто всей жизни Сталина вообще. Можно сказать, что львиную долю, если практически не все место, занимает раскрытие его многогранной и масштабной деятельности как политика и государственного руководителя. Личные черты и особенности характера Сталина как человека не были предметом моего исследования, они остались как бы за рамками. Конечно, в ряде случаев приходилось касаться отдельных качеств Сталина как человека, ибо любой

---

¹¹⁶⁷ Гегель. Политические произведения. М. 1978. С. 152.

политик – это прежде всего человек, и вся совокупность его черт характера неизбежно в той или иной форме находит свое отражение и в его политике. Однако все же личной жизни вождя, его жизненному стилю отведено скромное место. Возможно, это – серьезный пробел работы. Однако, мне думается, что данная тема заслуживает специального исследования, а не поверхностного описания, что имеет место в литературе о Сталине.

Говоря о Сталине как исторической фигуре, прежде всего следует выделить его целеустремленность в достижении поставленных целей. Раз цель поставлена, то он целиком и полностью концентрировался на ее реализации, не довольствуясь промежуточными результатами и всякого рода паллиативными решениями. Данное качество весьма ценно для политика и руководителя государства. Собственно, без этого качества всерьез говорить о политике или государственном деятеле не приходится. У Сталина это качество было развито в весьма высокой степени. Другой отличительной чертой Сталина является то, что он всю свою сознательную жизнь провел в борьбе, именно борьба пронизывает каждую страницу его политической биографии, что едва ли нуждается в дополнительном обосновании. И этот настрой на борьбу, по-видимому, нередко побуждал его к принятию неверных решений. Вплоть до своей смерти (исключая в целом период войны и не исключая даже некоторый отрезок послевоенного времени) Сталин всегда находил врагов, которые, по его мнению, замышляют те или иные заговоры против него или Советской власти вообще. Апология борьбы как средства политического бытия – отличительная черта его как исторической фигуры. Кстати, многие великие личности истории также отличались этим качеством, и в этом смысле он не являл собой некую историческую уникальность.

Разумеется, трудно перечислить все достойные упоминания черты и особенности Сталина как политика. Да и едва ли есть смысл в самом финале нашего повествования делать это. Если эти черты не раскрыты в самой книге, то простым перечислением всего этого в заключительной части мало чего исправишь. Но я позволю себе сослаться на то, как важнейшие особенности сталинского политического мышления и стиля его руководства были охарактеризованы в Краткой биографии вождя, которую он самолично просматривал и вносил в нее некоторые поправки и уточнения. Отсюда можно сделать заключение, что он с общими выводами был согласен. Не стану утомлять внимание цитированием дифирамб в адрес вождя, которыми кишит вся эта небольшая по объему книга. Обращу внимание лишь на те, которые являются существенно важными и которые, на мой взгляд, в определенной (!) мере отвечают требованиям исторической объективности. Хотя, конечно, и здесь не обошлось без преувеличений и суперлативов. В концентрированной форме оценка Сталина как политика и государственного деятеля, а также важнейшие черты его стиля как политического деятеля, выражены следующими словами:

«Непримиримость к врагам социализма, глубочайшая принципиальность, сочетание в своей деятельности ясной революционной перспективы, ясности цели с исключительной твердостью и настойчивостью в достижении цели, мудрость и конкретность руководства, неразрывная связь с массами – таковы характерные черты сталинского стиля в работе. После Ленина ни одному вождю в мире не приходилось еще руководить такими огромными, миллионными массами рабочих и крестьян, как И.В. Сталину. И.В. Сталин умеет как никто обобщать революционный, творческий опыт масс, подхватывать и развивать их инициативу, учиться у масс и учить массы, вести их вперед к победе. Вся деятельность Сталина дает нам образец сочетания огромной теоретической мощи с исключительным по своему объему и размаху практическим опытом революционной борьбы...

Всем известна его скромность, простота, чуткость к людям и беспощадность к врагам народа. Всем известна его нетерпимость к шумихе, к фразерам и болтунам, к нытикам и паникерам. Сталин мудр, нетороплив в решении сложных политических вопросов, там, где требуется всесторонний учет всех плюсов и минусов. И вместе с тем Сталин – величайший мастер смелых революционных решений и крутых поворотов»¹¹⁶⁸.

Здесь я бы акцент поставил прежде всего на том, что Сталин непримирим к врагам. Я сознательно опустил слово социализма, поскольку вождь отличался непримиримостью не только к врагам социализма, но и к своим личным противникам и политическим оппонентам. И эта непримиримость простиралась так далеко, что в его понимании победа над противником увенчивалась не его капитуляцией, а фактически его уничтожением. В этом отношении он не знал полумер и компромиссов. Хотя, как явствует из его политической биографии, он отнюдь не был столь прямолинеен, чтобы отвергать компромиссы, когда они являлись неизбежным следствием сложившейся ситуации. Он шел на такие компромиссы с единственной целью – еще больше укрепить свои позиции, максимально ослабить противника, чтобы в подходящий момент нанести по нему сокрушительный удар. И, бесспорно, справедливо утверждение, что он отличался неторопливостью в решении сложных политических вопросов и вместе с тем был мастером крутых поворотов и не менее крутых решений. Читатель на протяжении всех трех томов имел не раз возможность убедиться в довольно объективной оценке именно последних качеств Сталина как политика и государственного деятеля.

Каждый, кто интересуется советским периодом отечественной истории, и в особенности его ведущими деятелями, неизбежно сопоставляет роль и историческое место Сталина с ролью и историческим местом Ленина. Я далек от мысли выносить какие бы то ни было категорические суждения на этот

---

¹¹⁶⁸ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 237 – 239.

счет. Но свое личное мнение по этому вопросу все же выскажу.

Сталин бесчисленное множество раз (часто к месту, а иногда и не к месту) демонстративно подчеркивал, что он является всего лишь учеником великого Ленина, что он – букашка по сравнению с последним. Вождь явно лукавил, хотя в его лукавстве и содержалась доля истины. В широком политико-философском, теоретическом плане Сталин, конечно, был учеником и последователем Ленина. Основные теоретические и практические положения большевизма сталинского покроя вытекали из учения Ленина. Хотя между ними порой и имелись разногласия и различия в подходах к решению проблем. Однако Сталин не остановился на ленинском этапе большевистской теории и практики. Иначе его ждало бы неизбежное политической фиаско. Поэтому, по-моему, допускают серьезное упрощение те, кто (начиная с Троцкого и кончая Хрущевым и его эпигонами) утверждает, что Сталин изменил ленинизму и свернул с правильного пути, заведя в конечном счете дело построения нового общественного уклада в исторический тупик.

В конечном счете Сталин следовал основополагающим указаниям Ленина, разрабатывая свои политико-стратегические планы революционного преобразования Советской России. Кое в чем, в отдельных деталях их представления, конечно, расходились, но в основном, в главном они шли по одному историческому пути, который открывался перед Советской Россией. Сталин был более настойчив и более решителен в достижении поставленных целей, и его не останавливали трагедии людей, их страдания и жертвы. Он считал, что строительство нового общества не может обойтись без этого. Ленин также не отличался особой сентиментальностью и склонностью жалеть своих политических противников. Однако он едва ли пошел бы на физическое устранение тех в партии, кто противился его линии. В этом состоит существенное различие между ними. Что касается общей стратегии, т.е. так называемой генеральной линии, то, мне представляется, что она выглядела бы в своих основных чертах такой же, будь ее проводником не Ленин, а Сталин. Здесь спор может идти о нюансах и деталях, а не в главном направлении и основном наборе методов. Едва ли мировая и внутренняя обстановка позволила бы Ленину растянуть индустриализацию и кооперирование сельского хозяйства на ряд десятилетий. Под мощным прессом реалий жизни он вынужден был бы пойти и на крутые переломы и крутые повороты в экономической политике и в других сферах. Короче говоря, Сталин в основном шел ленинским путем, хотя и с определенными завихрениями, обусловленными как обстановкой, так и его личными качествами как политика. При таком понимании вопроса знаменитая метафорически-сакраментальная фраза «Сталин – это Ленин сегодня» отнюдь не представляется всего лишь проявлением культа личности и очередным хвалебным панегириком в честь Сталина. Помимо чисто внешнего, так сказать, культового содержания, она несла в себе и глубокий скрытый,

подспудный смысл, отражая (и, на мой взгляд, вполне правдиво) внутреннюю связь политической философии Сталина со взглядами и политикой Ленина. В этой афористической формуле в концентрированном виде находила свое выражение преемственность советской политики от Ленина до Сталина. Кстати сказать, многие исследователи склонны считать внутреннюю взаимосвязь и взаимозависимость концепций Сталина со взглядами и политикой Ленина фактом самоочевидным. Они также полагают, что Ленин, если бы он оказался на месте Сталина, проводил бы генеральный курс, который в своих главных параметрах мало чем отличался бы от сталинского.

Что же касается сферы государственной деятельности, то Сталин здесь, бесспорно, стоит выше Ленина. Прежде всего в силу того, что Ленину пришлось довольно короткий срок стоять во главе Советской России и он не имел возможности в полной мере раскрыть свой потенциал как руководителя государства, как политика мирового уровня. Сталин же в этой сфере проявил себя как одна из самых знаковых фигур минувшего века. Он в невероятно сложных и опасных условиях провел государственный корабль – Советскую Россию – сквозь бури и штормы, мимо подводных скал и рифов, добившись утверждения нашей страны в качестве второй мировой сверхдержавы. Едва ли кто-либо из его современников – политических и государственных деятелей соизмеримого масштаба – может быть поставлен на одну доску с ним, а тем более выше его. Отзывы его партнеров по антигитлеровской коалиции служат тому одним из наиболее объективных и доказательных свидетельств.

Здесь я приведу оценку Черчилля, ставшую своего рода мерилom для всех остальных. Оценка, которую цитируют, пожалуй, чаще других те, кто стремится возвысить Сталина и его достижения. И по манере слога, и по содержанию она соответствует мыслям У. Черчилля. Единственная ахиллесова пята этой оценки в том, что на нее ссылаются, не приводя необходимых для ссылки атрибутов. Но, учитывая ее объективную достоверность и всеобщее распространение, я приведу ее в том виде, как она фигурирует в литературе о Сталине.

Бывший британский премьер, выступая 21 декабря 1959 г. в палате общин в годовщину 80-летия Сталина, произнес следующий панегирик почившему тогда еще недавно советскому лидеру. Надо отметить, что это выступление британского деятеля постоянно цитируется в изданиях левого толка и встречается на многих сайтах интернета. Одна его фраза чуть ли не дословно напоминает оценку Молотова, и такое совпадение, скорее всего, – дело случая. Вот что он сказал:

«Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли,

резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.

Что ж, история, народ таких людей не забывают»¹¹⁶⁹.

А вот оценка Сталина де Голлем:

«Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел „приручать“ своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений. Сталинская Россия – это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено...

...Сталин разговаривал там (в Тегеране. – Н.К.) как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям»¹¹⁷⁰.

Качества Сталина как государственного деятеля крупного исторического формата вынуждены признавать и многие его зарубежные биографы. Так, Р.Такер в одной из бесед с российскими журналистами в начале 90-х годов отметил, что Сталин был «умным, очень хитрым и тонким политиком». Другой автор Макнил писал в книге о нем: «В 1939 году Советский Союз был, возможно, одним из семи государств, которые рассматривались как великие державы. К 1945 году Соединенные Штаты и Россия были единственными из вновь появившейся категории сверхдержав. Эта трансформация не являлась результатом деятельности только одного человека, но она представляла для Сталина реальное достижение как

---

¹¹⁶⁹ У. Черчилль. Речь в палате общин 21 декабря 1959 года в день 80-летия Сталина. (Электронная версия).

¹¹⁷⁰ Де Голль Шарль. Военные мемуары. Книга. II. М. 1960. С. 235 – 236.

архитектора и проводника советской внешней политики»¹¹⁷¹.

Наконец, можно сослаться на такого скупого на похвалы в адрес Советского Союза и советских лидеров деятеля, каким проявил себя бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер. О Сталине он писал немного, но тем интереснее аспект, который Киссинджер выделил в своем суждении о Сталине: «Как ни один из лидеров демократических стран, Сталин был готов в любую минуту заняться скрупулезным изучением соотношения сил. И именно в силу своей убежденности, что он – носитель исторической правды, отражением которой служит его идеология, он твердо и решительно отстаивал советские национальные интересы, не отягощая себя бременем лицемерной, как он считал, морали или личными привязанностями»¹¹⁷².

Конечно, количество хвалебных (равно как и ругательных) отзывов о Сталине как политическом и государственном деятеле первой величины в минувшем столетии не может служить главным аргументом для доказательства того, что он по праву занимает свое место в этом своеобразном ареопаге истории. Он сам открыл дверь в вечность, и навсегда останется на скрижалях истории фигурой выдающейся, далеко выходящей за рамки своего времени. Это не зависит от нашего к нему отношения, не зависит и от наших оценок. История имеет свою шкалу измерений, которая отнюдь не совпадает с общепринятыми воззрениями. Такова уж ее особенность, и с ней приходится считаться как с фактом.

Сталин умер более полувека назад, но его политическое наследие не ушло вместе с ним. Оно составляет часть нашего общего исторического наследия, которое богато как событиями славными, так и событиями, о которых приходится вспоминать с чувством сожаления и горечи. В этом смысле Россия ничем не выделяется из других стран. Исторический процесс – это не сплошное триумфальное шествие, а тернистый и неизведанный путь, где великие свершения соседствуют и совмещаются с великими трагедиями. В таком сложении хода истории как раз и выражается ее неповторимость и порой даже мистическая загадочность. Мне хочется привести слова американского биографа Сталина Р. Макнила, выразившего, как мне кажется, разумную мысль по данному вопросу: «Нет смысла в попытках реабилитировать Сталина. Сложившееся впечатление, что он организовывал кровавые бои, подвергал пыткам, заключал в тюрьмы и вообще подвергал репрессиям в огромных масштабах – это не было ошибкой. С другой стороны, невозможно понять этого исключительно одаренного политического деятеля, приписывая только ему все преступления и страдания

---

¹¹⁷¹ *Robert H. Mc Neal* . Stalin. Man and Ruler. p. 263.

¹¹⁷² *Генри Киссинджер*. Дипломатия. М. 1997. С. 287.

его эпохи, или представлять его просто в качестве некоего монстра и как психическую болезнь. С самой юности до самой смерти он был бойцом того, что, как и многие другие, рассматривали как справедливую войну»¹¹⁷³.

Политическое наследие Сталина противоречиво и многогранно, оно несет в себе не только положительное содержание, которое может быть востребовано современниками и потомками, но и немало деструктивного, особенно в сфере прав и свобод личности, в сфере неограниченного применения насилия как инструмента достижения определенных экономических и политических целей. Конечно, К. Маркс был прав, называя насилие повивальной нянькой истории. Однако функции насилия в историческом процессе имеют свои границы и свои пределы, перешагнув через которые, насилие превращается в орудие не созидания, а разрушения. К тому же, видимо, формулу Маркса не следует абсолютизировать, придавать ей вневременное действие и значение. Очевидно, в современных условиях эта функция насилия становится в силу объективных обстоятельств все более ограниченной рамками общего процесса развития человеческой цивилизации.

Сталин же придавал этой формуле универсальное значение, что наглядно выразилось в одной из его базисных концепций – теории обострения классово-борьбы по мере упрочения позиций социализма как нового общественного уклада. Исторический опыт доказал, что данная теория, особенно при ее расширительном толковании, способна нанести колоссальный вред развитию общества. И давая оценку политическому наследию Сталина, нельзя оставлять вне поля зрения эти отрицательные моменты. Автор на протяжении трех томов не раз подчеркивал мысль о том, что истории, а значит и приверженцам социализма, не нужен лакированный Сталин. Такой Сталин не нужен был и самому Сталину, хотя по ряду причин именно такой его образ господствовал в Советском Союзе при его жизни. Не стоит еще раз распространяться на тему сложности, многомерности и противоречивости самой личности Сталина. Необходимо лишь еще раз особо подчеркнуть, что эти его качества нуждаются в серьезном анализе и глубоком научном обобщении. И объективная критика отдельных периодов его деятельности, в том числе весьма серьезных ошибок, просчетов, а то и провалов, не может умалить историческую значимость этой поистине исполинской фигуры.

О замыслах Сталина мы судим прежде всего и главным образом по его делам. Но никто не способен был заглянуть в глубины его души и прочесть его сокровенные мысли. Это – вне человеческих возможностей. Здесь невольно приходят на память слова А.С. Пушкина:

«Твои слова, деянья судят люди,

---

¹¹⁷³ Robert H. Mc Neal . Stalin. Man and Ruler. p. 312.

Намеренья единый видит бог»¹¹⁷⁴.

Но как бы то ни было, намерения Сталина, его сокровенные желания в той или иной форме отражены в его политическом наследии. Некоторые рьяные защитники Сталина готовы принять все его политическое наследие в целом как своего рода руководство к действию. Они не хотят видеть или сознательно игнорируют многие теневые стороны этого наследия. Сталинизм как политическая система и как совокупность определенных теоретических, политических и идеологических взглядов и установок принадлежит истории и не может возродиться на своей прежней основе. Он был порождением своей эпохи и со сменой эпох сошел с исторической сцены. Искусственно оживить его, вдохнуть в него новую жизнь никому не под силу, ибо исторические условия современности совершенно иные, чем были прежде. Это мое утверждение кое-кто может истолковать как косвенное осуждение тех, кто ныне в России и за ее пределами выступает в защиту Сталина и его идей, кто называет себя сталинистами. Однако такая интерпретация моего утверждения в корне неверна: я нисколько не осуждаю сторонников и поклонников Сталина, уважаю их идейную твердость и верность прежним идеалам. Прекрасно понимаю, какую тяжелую ношу они взяли на себя нести без ропота и сомнений. Они сами выбрали свою долю, свою судьбу и остаются верными ей.

Совершенно очевидно, что можно и не быть рьяным сталинистом, чтобы по достоинству оценивать сталинское политическое наследие, видеть в нем не только плохое, но и хорошее, не только деструктивное, но и созидательное. Полвека, минувших со времени смерти вождя, не только не похоронили это наследие, но даже во многом раскрыли его действительное историческое значение. Оно – не только органическая составная часть нашего прошлого, но и богатый клад бесценного исторического опыта, опыта, который может сослужить свою службу и нашим современникам и потомкам. Подлинно великое, даже окрашенное порой в мрачные краски суровой эпохи, никогда бесследно не исчезает, оно продолжает свое бытие и после ухода из жизни своего создателя. В этом и состоит закономерная логика исторического процесса.

Завершая свой труд, хотел бы сделать одно замечание. Вначале мне казалось, что в итоге своей работы над политической биографией Сталина мне в той или иной степени удастся, так сказать, разгадать эту фигуру, понять ее, как говорится, изнутри. Ведь ореол какой-то загадочности, таинственности, порой даже мистичности, до сих пор витает над этой незаурядной личностью. Общеизвестно, что не только многие важные события, имевшие место в прошлом, но и отдельные государственные и

---

¹¹⁷⁴ А.С. Пушкин. Соч. в 10 томах. М. 1975. Т. 4. С. 219.

политические деятели до сих пор представляют для истории своего рода загадки. К ним, как мне кажется, с полным основанием можно отнести и Сталина.

Должен признаться со всей откровенностью, что и после написания трехтомной биографии Сталина многое в этой незаурядной, а в чем-то даже демонической фигуре осталось для меня загадочным или не до конца понятным. Уж слишком много противоречий, несоразмерностей, несуразностей, чрезмерной жестокости, коварства, бессердечности, порой даже трагичности – словом, удивительного сочетания самых противоположных и часто исключаящих друг друга крайностей, – соединилось в этом с виду ничем не примечательном грузине. Какими несостоятельными и примитивными оказались те, кто с высокомерием называл его «недоучившимся семинаристом». Но этот «недоучившийся семинарист» стал олицетворением целой эпохи в жизни нашей страны и оказал серьезное влияние на ход мирового развития.

Что это? Парадокс истории или проявление какой-то неразгаданной еще закономерности? Ответа на такого рода вопросы я дать не могу. В целом же, должен признать, что некоторые вещи были выше моего понимания, выходили за рамки моего образа мышления, за горизонт событий, доступных ясному осознанию. Так что в чем-то моя работа оказалась невыполненной, поскольку какой-то странный ореол, витающий над этой личностью, не рассеялся. Многие еще не поддаются не только объяснению, но и пониманию. Надеюсь, время поможет прояснить то, что сейчас представляется неясным или загадочным.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документы и материалы

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б). Стенографический отчет. М.1939.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Протоколы. (Электронная версия)

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945 – 1953. М. 2002.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 – 1952. Каталог. Т. 1. М. 2000.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М. 1995.

Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. М. 1999.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М. 1953.

Деятели Союза Советских Социалистических республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. Репринтное издание. Часть I, II, III. М. 1989.

Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002.

Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа. К семидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. М. 1949.

ГУЛАГ. 1918 – 1960. Документы. (Под общей редакцией академика А.Н. Яковлева) М. 2000.

История второй мировой войны. 1939 – 1945 в 12-ти томах. Т. 1. М. 1973.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938.

История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1960.

История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1966.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. М. 1971.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. М. 1970.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга вторая. М. 1980.

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917 – 1968. М. 1968.

50 лет Вооруженных Сил СССР. М. 1968

Встречи с товарищем Сталиным. М. 1939.

Зимняя война 1939 – 1940. И.В. Сталин и финская кампания. Стенограмма Совещания при ЦК ВКП(б). Т. 1, 2. М. 1999 г.

Великая Отечественная война 1941 – 1945. Энциклопедия. М. 1985.

Канун и начало войны. Документы и материалы. Л. 1991.

Германия во второй мировой войне (1939 – 1945). Сборник статей. М. 1971.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1, 2, 3. М. 1944 – 1947 гг.

Дипломатический словарь. Т. 1, 2. М. 1948, 1950.

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Том IV (1935 – 1941 г.) М. 1946.

О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. (Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г.) «Правда». 28 декабря 1989 г.

1941 год. Документы. Книга первая. Книга вторая. М. 1998.

Культура и власть. От Сталина до Горбачева. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М. 1993.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. М.

1960.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март – июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М.1995.

Великая Отечественная война 1941 – 1945. Книга 1. Суровые испытания. М. 1998.

Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов 1917 – 1956. Документы. М. 2005.

Документы внешней политики СССР. Т. X. М. 1966.

Документы внешней политики СССР. Т. XI. М. 1966.

Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М. 1970.

Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М. 1971.

История второй мировой войны. 1939 – 1945 в 12-ти томах. Т. I. М.

1973.

История дипломатии. Т. 3. М. – Л. 1945.

История дипломатии. Т. III. М. 1965.

История дипломатии. Т. IV. М. 1975.

Историография сталинизма. Сборник статей под ред. Н.А. Симония. М.

2007.

Итоги второй мировой войны. М. 1957.

Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М. 1988.

История и сталинизм. Сборник статей. М. 1991.

Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы. Т. 1, 2. М. 1990

Коммунистический Интернационал. В документах. 1919 – 1932. М.

1933.

Резолюции VII конгресса Коммунистического Интернационала. М.

1935.

Информационное совещание представителей некоторых компартий. В Польше в конце сентября 1947 года. М. 1948.

Совещание Информационного Бюро коммунистических партий. В Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М. 1949.

Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М. 1999.

Внешняя политика и международные отношения КНР 1949 – 1963. Т. 1. М. 1974.

Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. (1945 – 1957 годы). Т. 1. М. 1978.

Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. IV. Пекин. 1977.

Zhou Enlai. Selected Works. Vol. II. Beijing. 1989.

СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статистический сборник. М. 1970.

В.И. Ленин. Полное собрание сочинений.

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 – 1922. М. 1999.

Оглашению подлежит: СССР – Германия 1939 – 1941. (Документы и материалы). Составитель-переводчик: Ю.Г. Фельштинский. (Электронная версия).

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М. 1934.

«Литературный фронт». История политической цензуры 1932 – 1946 гг. Сборник документов. М. 1994.

Власть и художественная интеллигенция. Документы 1917 – 1953. М. 1999.

Сталин и космополитизм. 1945 – 1953. Документы. М. 2005.

Государственный антисемитизм в СССР 1938 – 1953. Документы. М. 2005.

Несправедливый суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами ЕАК. М. 1994.

Писатель и вождь. Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным. Сборник документов из личного архива И.В. Сталина. Составитель Юрий Мурин. М. 1997.

Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). Стенограмма. М. 1948.

Вождь. Хозяин. Диктатор. Сборник. М. 1990.

Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941 – 1945 годов. М. 1985

История второй мировой войны 1939 – 1945. М. 1975. Т. 4.

Вторая мировая война. Краткая история. М. 1984.

Итоги второй мировой войны. Минск – Москва. 2002.

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М. 1995.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. (19 – 30 октября 1943 г.) М. 1978.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М. 1978.

Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (4 – 11 февраля 1945 г.) Сборник документов. М. 1979.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (17 июля – 2 августа 1945 г.) Сборник документов. М. 1980.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945. Т. 5. М. 1963.

Советский фактор в Восточной Европе 1944 – 1953. Т. 1. 1944 – 1948. Документы. М. 1999.

Советский фактор в Восточной Европе 1944 – 1953. Т. 2. 1949 – 1953. Документы. М. 2002.

- Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 1. 1946 – 1948. Документы и материалы. М. 2005.
- Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 2. 1949 – февраль 1950. Документы и материалы. М. 2005.
- Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. М. 1990.
- Минувшее. Исторический альманах. Т. 7. М. 1992.
- Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М. 1991.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 1, 2. М. 1976.
- Органы Госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Книга 2. М. 1995.
- Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Документы. М. 2006.
- Наши удары по врагу. Разгром немецких войск под Москвой. Сборник. М. 1942. (Электронная версия).
- Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13. (2 – 2). М. 1997.
- Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. М. 1991.
- Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956. Документы. М. 2000.
- Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М. 2003.
- Реабилитация: как это было. Середина 80-х годов – 1991. М. 2004.
- «Русский архив». Великая Отечественная. Т. 2 (1). М. 1994.
- Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М. 1993.
- Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947.
- Сталин. Сборник статей к шестидесятилетию со дня рождения. М. 1940.
- Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М. 1992.
- И. Сталин.* Соч. Т. 1 – 13. М. 1947 – 1951.
- И. Сталин.* Соч. Т. 14 – 16. М. 1997.
- И. Сталин.* Соч. Т. 17. Тверь. 2004.
- И. Сталин.* Соч. Т. 18. Тверь. 2006.
- И. Сталин.* Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М. 1947.
- И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946.
- И.В. Сталин.* Речь на XIX съезде партии. М. 1952.
- Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М. 1940.
- Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа. К семидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. М. 1949.
- Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. Составитель М. Лобанов. М. 1995.
- Иосиф Сталин. Включает в себя две работы: *Сергей Семанов, Владислав*

Кардашов. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. *Юрий Смирнов.* Сталин и атомная бомба. М. 1997.

Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Документы. М. 2003.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937 – 1938. М. 2004.

Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Документы. М. 2006.

Новейшая история Китая. 1917 – 1927. М. 1983.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. 1941 – 1945 годы. М. 1999.

Неизвестная Россия. XX век. Т. 1, 2, 3, 4. М. 1992 – 1993.

Советская жизнь 1945 – 1953. М. 2003.

Осмыслить культ Сталина. М. 1989.

Письма во власть. 1928 – 1939. М. 2002.

Программные документы коммунистических партий Востока. М. 1934.

Страницы истории Советского общества. Люди. Проблемы. Факты. М. 1989.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. М. 2000.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 – 1927. Т. I. М. 1990. (Редактор-составитель Ю. Фельштинский)

Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах. Редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский. (Электронный вариант).

Трудные вопросы истории. Под ред. В.В. Журавлева. М. 1991.

БСЭ. Третье издание. Т. 4, 14, 15, 17, 21, 24 (II часть), 28, 29.

Сталин. Энциклопедия. Составитель В.В. Суходеев. М. 2006.

Хрестоматия по отечественной истории (1946 – 1995 гг.). М. 1996.

«Британская энциклопедия» (Электронная версия).

Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. 1. Книги первая и вторая. М. 1991.

Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. 2. Книги третья и четвертая. М. 1991.

Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. 3. Книги пятая и шестая. М. 1991.

У. Черчилль. Речь в г. Фултоне 5 марта 1946 г. «Источник». 1998 г. № 1.

Foreign relations of the United States. 1946. Vol. VI. 1969.

Литература на русском языке

Г.М. Адиебеков. Коминформ и послевоенная Европа. М. 1994.

М.В. Александров. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra. 1995.

- А.С. Аллилуева.* Воспоминания. М. 1946.
- Владимир Аллилуев.* Хроника одной семьи. М. 1998.
- Аллилуева Светлана.* Книга для внушек.// «Октябрь». 1991 г. № 6.
- Светлана Аллилуева.* Двадцать писем к другу. М. 1990.
- Светлана Аллилуева.* Только один год. М. 1990.
- Аристотель.* Сочинения. Т. 4. М. 1983.
- Реймон Арон.* Демократия и тоталитаризм. М. 1993.
- Н. Бердяев.* Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1997.
- Библиотека всемирной литературы. *Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюер.* Т. 42. М. 1974.
- Библиотека всемирной литературы. *Джордж Гордон Байрон.* Т. 67. М. 1972.
- Григорий Беседовский.* На путях к термидору. М. 1997.
- Александр Борщаговский.* Записки баловня судьбы. М. 1991.
- Джузеппе Боффа.* История Советского Союза. Т. 1, 2. М. 1994.
- Джонатан Брент, Владимир Наумов.* Последнее дело Сталина. М. 2004.
- Маргарете Бубер-Нейман.* Мировая революция и сталинский режим. М. 1995.
- Алан Буллок.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1, 2. М. 1994.
- Н.И.Бухарин.* Проблемы теории и практики социализма. М. 1989.
- Михаил Вайскопф.* Писатель Сталин. М. 2002.
- Н. Валентинов (Н. Вольский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М. 1991.
- Н.В. Валентинов.* Наследники Ленина. М. 1991.
- Николай Васецкий.* Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. М. 1989.
- Н.А. Васецкий.* Троцкий. Опыт политической биографии. М. 1992.
- Великие мысли великих людей. Т. I – III. М. 1998.
- В.И. Вернадский.* Дневник 1939 года. «Дружба народов» 1992 г. № 11 – 12.
- Н. Верт.* История Советского государства. М. 1995.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М. 1995.
- Дмитрий Волкогонов.* Сталин. Политический портрет. Книги 1, 2. М. 1996.
- Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949 – 1953. Очерки истории. М. 2002.
- Гегель.* Соч. Т. VIII. М. 1935.
- Гегель.* Политические произведения. М. 1978. С. 152.
- Радиообращение рейхсканцлера А. Гитлера к нации 22 июня 1941 г.

(Электронная версия).

Е.Г. Гимпельсон. НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М. 2004.

Ю.С. Гиренко. Сталин – Тито. М. 1991.

Ян Грей. Сталин. Личность в истории. М. 1995.

Де Голль Шарль. Военные мемуары. Книга II. М. 1960

А.М. Григорьев. Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. – сентябрь 1931 г.). М. 1976.

Евгений Громов. Сталин, власть, искусство. М. 1998.

А.А. Громыко. Памятное. Книга первая. Книга вторая. М. 1988.

Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М. 1992.

Сергей Дмитриевский. Сталин. Предтеча национальной революции. М. 2003.

А.П. Дудин. Коллективизация сельского хозяйства и ее исторические последствия. (Электронный вариант).

Ю.В. Емельянов. Сталин. На вершине власти. М. 2002.

Юрий Емельянов. Сталин перед судом пигмеев. М. 2007.

Юрий Емельянов. Трагедия Сталина. 1941 – 1942. Через поражение к победе. М. 2006.

Юрий Емельянов. Маршал Сталин. Творец великой победы. М. 2007.

Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004.

К.А.Залесский. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М. 2000.

Историки спорят. Тринадцать бесед. М. 1988.

Андре Жид. Возвращение из СССР. *Лион Фейхтвангер.* Москва 1937. М. 1990.

Ю.Н. Жуков. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М. 2000.

Юрий Жуков. Иной Сталин. М. 2003.

В. Жухрай. Сталин: правда и ложь. М. 1996.

К.А.Залесский. Биографический энциклопедический словарь. М. 2000.

Александр Зиновьев. Сталин – нашей юности полет. М. 2002.

В.Н. Земсков. Кулацкая ссылка в 30-е годы. «Социологические исследования». 1991 г. № 10. (Электронный вариант).

Э.Х. Карр. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917 – 1929. М. 1990.

О.Е. Кен, А.И. Рубаев. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения с СССР с западными соседними государствами. Часть I. 1928 – 1934. С-Петербург. 2000.

Артур Кёстлер. Слепящая тьма. Трагедия «стальных людей». М. 1989.

Генри Киссинджер. Дипломатия. М. 1997.

Алла Кирилина. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб. – М. 2001.

- Евгений Кодин.* «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск. 1998.
- Вадим Кожин.* Россия. Век XX. (1901 – 1939). М. 2002.
- А. Колпакиди, Е. Прудникова.* Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М. 2000.
- Г. Костырченко.* В плену у красного фараона. М. 1994.
- Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001.
- Роберт Конквест.* Большой террор. Т. 1, 2. М. 1991.
- Стивен Коэн.* Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М. 1988.
- Вальтер Кривицкий.* Я был агентом Сталина. М. 1991.
- В.А. Куманев, И.С. Куликова.* Противостояние: Крупская – Сталин. М. 1994.
- Анна Ларина-Бухарина.* Незабываемое. М. 1989.
- О.Р. Лацис.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М. 1990.
- А.М. Ледовский.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937 – 1952. М. 1999.
- Владимир Логинов.* Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М. 2000.
- Т.Д. Лысенко.* О положении в биологической науке. М. 1948.
- Андрей Маленков.* О моем отце Георгии Маленкове. М. 1992.
- Никколо Макиавелли.* Избранные сочинения. М. 1982.
- Жорес Медведев, Рой Медведев.* Избранные произведения. Т. 1. М. 2002.
- Рой Медведев.* О Сталине и сталинизме. М. 1990
- Жорес Медведев, Рой Медведев.* Неизвестный Сталин. М. 2001.
- Голда Меир.* Моя жизнь. (Электронная версия).
- Д. Мельников, Л. Черная.* Нацистский режим и его фюрер. М. 1991.
- М.М. Мельтюхов.* Упущенный шанс Сталина. М. 2002.
- Анастас Микоян.* Мысли и воспоминания о Ленине. М. 1970.
- Анастас Микоян.* Так было. Размышления о минувшем. М. 1999.
- М.И. Михельсон.* Ходячие и меткие слова. М. 1997.
- Мишель Монтень.* Опыты. М. 1992. Т. 2.
- Ю. Мухин.* Убийство Сталина и Берия. Научно-историческое исследование. М. 2002.
- В.В. Невежин.* Застольные речи Сталина. М. – СПб. 2003.
- Б.И. Николаевский.* Тайные страницы истории. М. 1995.
- Новейшая история Китая. 1928 – 1949. М. 1984.
- Валентин Осипов.* Тайная жизнь Михаила Шолохова. М. 1995.
- Александр Орлов.* Тайная история сталинских преступлений. С.-Петербург. 1991.
- Ричард Пайпс.* Россия при большевиках. М. 1997.

- А.В. Панцов.* Большевики и гоминьдан во время китайской революции 1925 – 1927 гг. (Электронный вариант).
- Н.В. Петров, К.В. Скоркин.* Кто руководил НКВД. Справочник. М. 1999.
- Плутарх.* Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 1, 2.
- Алексей Полянский.* Ежов. История «железного» сталинского наркома. М. 2001.
- Е.М. Поспелов.* Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992). М. 1993.
- Игорь Пыхалов.* Ковался ли в СССР фашистский меч? (Электронный вариант).
- А.Т. Рыбин.* Кто отравил Сталина? (Записки телохранителя) (Без места и года издания)
- Вадим Роговоин.* Была ли альтернатива? Троцкизм: взгляд через годы. М. 1992.
- В.А. Сахаров.* «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. М. 2003.
- М.И. Семиряга.* Тайны сталинской дипломатии 1939 – 1941. М. 1992.
- Луций Аней Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. М. 1977.
- Виктор Серж.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М. 2001.
- К.М. Симонов.* Глазами человека моего поколения. (Размышления о И.В. Сталине.) М. 1988 г.
- Константин Симонов.* Глазами человека моего поколения. (Размышления о И.В.Сталине.) «Знамя». № 3, 4, 5. 1988 г.
- Борис Соколов.* Берия. Судьба всемогущего наркома. М. 2003.
- Питер Соломон.* Советская юстиция при Сталине. М. 1998.
- О.Ф. Сувениров.* Трагедия РККА 1937 – 1938. М. 1998.
- Кирилл Столяров.* Палачи и жертвы. М. 1997.
- Павел Судоплатов.* Разведка и Кремль. М. 1996.
- Роберт Такер.* Сталин. Путь к власти 1879 – 1929. История и личность. Т. 1. М. 1991.
- Роберт Такер.* Сталин у власти. История и личность 1928 – 1941. Т. 2. М. 1997.
- Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Т. I – II. С.Петербург. 1993.
- Виктор Тополянский.* Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М. 1996.
- Лев Троцкий.* Моя жизнь. Иркутск. 1991.
- Лев Троцкий.* Сталин. Т. 1, 2. М. 1990.
- Л. Троцкий.* Сталинская школа фальсификации. М. 1990.
- Лев Троцкий.* Портреты революционеров. М. 1991.
- Л.Д. Троцкий.* Преступления Сталина. М. 1994.
- Лев Троцкий.* Дневники и письма. М. 1994.
- Устинов Д.Ф.* Во имя победы. Записки наркома вооружения. М. 1988.

- Ричард Уэст.* Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск. 1997.
- Панас Феденко.* Новая «История КПСС». Институт по изучению СССР. Мюнхен. 1960 г. (Электронный вариант).
- Т.П. Федотов.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. С.-П. 1991. Т. 1, 2.
- Н.Т. Федоренко.* «Сталин и Мао...слушают меня». (Электронная версия).
- Н.Т. Федоренко.* Ночные беседы. (Переговоры о советско-китайском договоре.) В книге: Открывая новые страницы... М. 1989.
- Лион Фейхтвангер.* Москва 1937. М. 1937.
- Ю.Г. Фельштинский.* Разговоры с Бухариным. М. 1993.
- Ингеборг Фляйшхауэр.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии. 1938 – 1939. М. 1991.
- М. Фрунзе.* Единая военная доктрина и Красная Армия. (Электронный вариант).
- О.В. Хлевнюк.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. 1992.
- О.В. Хлевнюк.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. 1996.
- О.В. Хлевнюк.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М. 1993.
- Джеффри Хоскинг.* История Советского Союза. 1917 – 1991. М. 1994.
- Дэвид Холловэй.* Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939 – 1956. Д. 1997.
- Н.С. Хрущев.* Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1, 2, 3, 4. М. 1999.
- О. Царев. Джон Костелло.* Роковые иллюзии. М. 1995.
- Н. Черушев.* «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918 – 1953. М. 2004.
- Феликс Чуев.* Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991.
- Феликс Чуев.* Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992.
- Т.П. Федотов.* Судьба и грехи России. С.-П. 1991. Т. 1.
- Лернارد Шапиро.* Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуски первый и второй. М. 1961.
- И. Шафаревич.* Социализм как явление мировой истории. (Электронная версия).
- Вальтер Шелленберг.* Лабиринт. М. 1991.
- Дмитрий Шелестов.* Время Алексея Рыкова. М. 1990.
- Ф. Шиллер.* Избранное. М. 1954.
- Филипп Шорт.* Мао Цзэдун. М. 2001.
- М.Е. Щедрин.* История одного города. М. 1984.
- Кристофер Эндрю, Олег Гордиевский.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М. 1990.

Эренжес Хаара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата. 1992.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. 2000.

Литература на иностранных языках

Victor Alexandrow. Das Leben des Nikita Chruschow. München. 1958.

Carr Edward Hallett. The Interregnum 1923 – 1924. L. 1954.

E.H. Carr. A History of Soviet Russia. V. 1. L. 1958.

Robert Conquest. Stalin. Breaker of Nations. Wienfeld – London. 1991.

Robert Conquest. Stalin and the Kirov murder. London. 1989.

Robert Vincent Daniels. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge. 1960.

Daniels R.V. Is Russia reformable?: Change & resistance from Stalin to Gorbachev. 1988.

J. Arch Getty. Origins of the great purges. The Soviet Communist Party reconsidered. 1933 – 1938. Cambridge. 1985.

Ives Delbars. The Real Stalin. L. 1953.

Isaac Deutscher. Stalin. L. 1966.

Ian Grey. Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982.

H. Montgomery Hyde. Stalin. A History of a Dictator. L. 1971.

Ronald Hingley. Joseph Stalin: Man and Legend. N.Y. 1974.

Alex de Jonge. Stalin and the shaping of the Soviet Union. Glasgow. 1987.

George f. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston – Toronto. 1961.

Isaac Don Levine. Stalin. N.Y. 1931.

Robert H. Mc Neal. Stalin. Man and Ruler. L. 1988.

Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. L. 1968.

Albert Seaton. Stalin as Military Commander. N.Y. 1976.

Boris Souvarine. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. Alliance Book Corp. Longman, Green and Co. 1939.

Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. N.Y. 1973.

Yaroslavsky E. Landmarks in the Life of Stalin. M. 1940.

Reswick William. I dream revolution. Chicago. 1952.

Thaddeus Wittlin. Commissar. The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria. N.Y. – L. 1972.

Zhou Enlai. Selected Works. Vol. II. Beijing. 1989.

Периодические издания

«Известия ЦК КПСС»

«Вопросы истории»

«Свободная мысль»
«Вопросы истории КПСС»
«Источник»
«Исторический архив»
«Независимая газета»
«Правда»
«Известия»
«Советская Россия»
«Отечественные записки»
«Бюллетень оппозиции»
«Военно-исторический журнал»
«Новая и новейшая история»
«Независимое военное обозрение»
«Отечественная история». (Приложение к газете «Советская Россия»)
«Красная звезда»
«Комсомольская правда»
«Мир истории». Электронный журнал
«Аргументы и факты»
«Военно-промышленный курьер»
«Большевик» («Коммунист»)
«Коммунистический интернационал»
«Московский комсомолец»
«Дружба народов»
«Родина»
«Новый мир»
«Время новостей»
«Московские новости»
«Диалог»
«Дуэль»
«World Affairs»
«Journal of Contemporary History»
«The New York Times»
«Daily Telegraph»
«Life»
«Time»
«Times» (London)
«Цзефан жибао»